Н. Г. Чернышевский

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/unknown0000vari_n6o0

Н. Г. Чернышевскій.

Съ фотографіи Гофмана въ Иркутскѣ въ 1864 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ X, часть I.

(Съ портретомъ автора 1864 г.).

ПРОИЗВЕДЕНІЯ, НАПИСАННЫЯ ВЪ СИБИРИ.

Беллетристика.—Записка о дѣлѣ старообрядцевъ.—Романъ „Прологъ".

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая ул., 27.
1906.

PRINTED IN RUSSIA

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ I-ой

X ТОМА.

Произведенія, написанныя въ Сибири.

Стран.

Отъ издателя. 1

Гимнъ Дѣвѣ Неба (Рус. Мысль, 1885 г. № 7) 1

Академія Лазурныхъ Горъ. 13

Изъ Видвесты. 26

Письмо къ А. Н. Пыпину. 28

Тихій Голосъ. Исторія одной дѣвушки. 33

Эпизоды изъ книги Эрато:

Другимъ нельзя, драма безъ развязки. 137

Потомокъ Барбаруссы, историческій разсказъ. 197

Кормило Кормчему } изъ чтеній въ Бѣломъ Залѣ 220

Знаменіе на кровлѣ } изъ чтеній въ Бѣломъ Залѣ 232

Великодушный мужъ, комедія. 238

Мастерица варить кашу, пастораль въ 1 дѣйствіи 256

Записка по дѣлу сосланныхъ въ Вилюйскъ старообрядцевъ, Чистоплюевыхъ и Головачевой. 301

Прологъ. Романъ изъ начала 60-хъ годовъ

Часть I—Прологъ Пролога (было напечатано заграницей). . . 1

Часть II—Изъ дневника Левицкаго за 1857 г. 184

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При разборѣ бумагъ покойнаго моего дяди, Александра Николаевича Пыпина, нашлась цѣлая пачка рукописей моего отца, присланныхъ имъ изъ Сибири частнымъ путемъ. Содержаніе этихъ произведеній и обстоятельства, при которыхъ они были написаны, приводились въ воспоминаніяхъ гг. Баллода, Стахевича и Николаева, но сами произведенія считались погибшими, за исключеніемъ первой части романа „Прологъ“ — „Прологъ Пролога“, напечатанной заграницею по списку, сдѣланному кѣмъ-то изъ находившихся въ то время въ Александровскомъ заводѣ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. Въ настоящемъ изданіи этотъ романъ печатается въ исправленномъ видѣ по подлинной рукописи и съ прибавленіемъ уцѣлѣвшей второй части — „Дневникъ Левицкаго“.

Кромѣ того, благодаря любезности П. Я. Дашкова, представилась возможность напечатать съ имѣющейся у него рукописи — „Записку о дѣлѣ сосланныхъ въ Вилюйскъ старообрядцевъ, Чистоплюевыхъ и Головачевой“, написанную моимъ отцомъ въ Вилюйскѣ въ 1879 г.

Такимъ образомъ въ настоящей книгѣ собраны всѣ произведенія моего отца, написанныя имъ въ Сибири. Эти произведенія относятся еще къ тому періоду времени, когда онъ надѣялся, что за окончаніемъ срока ссылки его переведутъ ближе къ Россіи и что тогда онъ получитъ возможность снова заняться литературнымъ трудомъ, хотя бы и подъ другою фамиліею. Надеждѣ его, какъ извѣстно, не суждено было оправдаться: за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія семилѣтняго срока его ссылки, истекавшаго 10 Іюля 1871 г., онъ былъ переведенъ въ еще болѣе отдаленныя мѣста и несравненно худшія условія — въ Вилюйскъ, въ которомъ прожилъ почти 13 лѣтъ, уже не сохраняя то, что писалъ тамъ, за исключеніемъ вышеупомянутой „Записки“.

Печатаемыя нынѣ Сибирскія произведенія моего отца были присланы А. Н. Пыпину при письмѣ къ нему, помѣщаемомъ ниже, и при письмѣ къ М. М. Стасюлевичу. Эти письма служатъ объясненіемъ, почему отецъ считалъ необходимымъ прибѣгать къ такимъ ухищреніямъ, чтобы лучше скрыть свое авторство, какія могутъ, пожалуй, возбуждать недоумѣнія у лицъ, незнакомыхъ съ обстоятельствами дѣла. Письмо къ М. М. Стасюлевичу осталось не переданнымъ по назначенію — вѣроятно потому, что у А. Н. Пыпина, ближе знавшаго М. М. Стасюлевича, могли возникнуть сомнѣнія относительно возможности помѣщенія этихъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“.

Затрудняясь по нѣкоторымъ соображеніямъ [1]) помѣщать это письмо въ на-

[1]) Лично я не видѣлъ бы рѣшительно никакихъ затрудненій.

стоящемъ изданіи полностью, привожу изъ него выписку, безъ которой были бы непонятны приложенные къ этому письму: Гимнъ Дѣвѣ Неба, отрывокъ объ Академіи Лазурныхъ Горъ и стихотвореніе изъ Видвесты:

„Имѣть дѣло съ Чернышевскимъ не можетъ быть пріятностью ни для кого на свѣтѣ. Но Вы и не будете имѣть ровно никакого дѣла съ Чернышевскимъ или до Чернышевскаго. Вы имѣете дѣло съ

мистеромъ Дензилемъ Элліотомъ,

авторомъ Гимна Дѣвѣ Неба.

Это, маленькая поэма. Русской публикѣ извѣстно, что Чернышевскій никогда не напечаталъ ни одного стиха.

Потому Дензиль Элліотъ и дебютируетъ поэмой.—Кто онъ, Дензиль Элліотъ?—Поэтъ.

И, догадки по необходимости идутъ въ направленіи, по которому не можетъ встрѣтиться фамилія Чернышевскаго.

Кто-жь, однако, этотъ Дензиль Элліотъ?

Изъ англійскихъ, еще здравствующихъ писателей, самое популярное у Русской публики имя—

Элліотъ;

Джорджъ? Чарльзъ? Джонъ? — въ такихъ именахъ сбивается память: они чрезмѣрно привычны и потому слабо врѣзываются въ память.

Но—Дензиль,—нѣтъ, тотъ Элліотъ, Джорджъ ли онъ, или Чарльзъ, ни въ какомъ случаѣ не Дензиль.

Итакъ:

Не тотъ, а другой Элліотъ; очевидно тоже англичанинъ.

Кстати: Дензиль—старая, въ среднемъ классѣ англичанъ еще не совсѣмъ неупотребительная англійская форма имени Денисъ, Діонисій. Пишется по англійски это Denzil; такъ ли?—Вы, слыхивалъ я, хорошо знаете англійскій языкъ; я полагаю, лучше, нежели я.

Итакъ, вотъ кто Дензиль Элліотъ. Англичанинъ; однофамилецъ (ужь и не родственникъ ли?) извѣстнаго. милаго, чуждаго всякимъ мудренымъ мыслямъ, но милаго англійскаго романиста.

Можно ожидать, судя по фамиліи, и этотъ стоитъ того, чтобы читать его. Попробуемъ.

Читаютъ. „Гимнъ Дѣвѣ Неба“.—Что такое? Удивительно, что такое. Хорошее; правда; но что-то небывалое на нашей памяти.

Серьезная ораторія въ славу Артемиды! Не въ шутку, а на самомъ дѣлѣ, апотеоза Артемиды!

Ясно: Дензиль Элліотъ до того сжился съ міромъ понятій древней Греціи, что, вѣроятно, мелки и скучны ему мысли даже и Англійской обыденной, газетной жизни.

Да. Это такъ.

Не то, что о Россіи или Германіи, странахъ чужихъ ему, даже объ Англіи онъ забываетъ для преданій старины; для дивной природы юга: для вѣчныхъ интересовъ мысли.

Таковъ онъ. И, какъ человѣкъ неглупый, выбравъ для дебюта „Гимнъ Дѣвѣ

Неба", онъ будетъ продолжать свою дѣятельность въ прозѣ. Онъ пишетъ для денегъ. Только проза даетъ серьезныя суммы денегъ.

Что такое „Гимнъ Дѣвѣ Неба?"—Эпизодъ изъ прозаическаго разсказа „Внука Эмпедокла".

Это гимнъ процессіи идущей по улицамъ Акраганта изъ храма Артемиды и обратно въ храмъ ея.

Мелкія замѣтки о Гимнѣ написаны на поляхъ самой поэмы.

А что такое разсказъ „Внука Эмпедокла?" — Одинъ изъ безчисленныхъ разсказовъ въ

„Академіи Лазурныхъ Горъ". — А что это, Лазурныя Горы? Справьтесь на картѣ Остъ-Индіи.

Neil-Giri, Blue Mountains. Голубыя Горы. Хребетъ, соединяющій близъ южнаго конца полуострова Восточные Гаты съ Западными Гатами.

Для поэзіи, нужно же маленькое преувеличеніе красоты. Потому, изъ Голубыхъ Горъ одинъ кусочекъ возведенъ „Академіею" въ „Лазурныя Горы".

А что эта Академія?

Герцогиня Кентерширъ отправляется съ компаніею свѣтскихъ своихъ друзей на яхтѣ „Геллада" изъ Англіи черезъ Суэзскій каналъ въ Остъ-Индію, посѣтить свое маленькое царство тамъ, у Лазурныхъ Горъ, близъ Голконды; она наслѣдница Мага-раджи Фирдавсъ-Абадскаго (Фирдавсъ, знаете?—по персидски: садъ; Фирдавсъ-абадъ городъ (вѣрнѣе: обиталище; на дѣлѣ оказывается: дворецъ) въ саду.

Плывя къ Суэзскому каналу, яхта герцогини спасаетъ другую яхту другой компаніи англійскихъ великосвѣтскихъ людей; были знакомы и прежде; дружатся; и—кому есть охота, остаются на яхтѣ герцогини, и плывутъ въ ея Голкондское владѣніе, и—

тамъ занимаются тѣмъ, чѣмъ занимаются умные и добрые свѣтскіе люди; между прочимъ, и литературой,—то есть,

тѣмъ, что будетъ въ слѣдующихъ пакетахъ отъ Дензиля Элліота редактору „Вѣстника Европы".

ГИМНЪ ДѢВѢ НЕБА [1]).

Пѣсня битвы съ Газдрубаломъ,
Карѳедонскихъ силъ вождемъ;
Пѣсня гула стоновъ смертныхъ
И молитвы и хвалы.
Въ славу силы Дѣвы Неба
Эмпедоклъ ее сложилъ.
И вложилъ въ нее о старцѣ,
Эмпедоклѣ, Теобулъ.

1.

Всѣ искусные сражаться
Съ утра бьются на стѣнахъ.
Всѣ правители народа
Въ храмѣ Дѣвы собрались.
Мы на площади предъ храмомъ
Съ утра, весь народъ, стоимъ,
Гдѣ эстрада и трибуна,
И предъ нами Дѣвы ликъ
Зорко смотритъ въ даль на западъ,
Опершись рукой на лукъ.

Тихо къ намъ изъ отдаленья
Долетаетъ битвы шумъ;
Долетаетъ отовсюду:
Штурмъ идетъ со всѣхъ сторонъ.

Но на западъ смотритъ Дѣва,
Опершись рукой на лукъ,—
Такъ всегда стоялъ ликъ Дѣвы.
Чуда мы не видимъ въ томъ.

[1]) Напечатано въ „Русской Мысли“, 1885 г. № 7. по второму оригиналу, посланному уже изъ Астрахани. Въ первомъ оригиналѣ заглавіе было: „Гимнъ Дѣвѣ Неба“.
Дензиля Эллиота.

Такъ! Слѣпцы чудесъ не видятъ;
И слѣпцами были мы.

Пробѣгаютъ въ храмъ чрезъ площадь
За гонцами вслѣдъ гонцы;
По толпамъ герольды ходятъ
И разносятъ вѣсти ихъ.

Неотступенъ штурмъ упорный;
Но тверды въ надеждѣ мы:
Обѣщаетъ намъ побѣду
Намъ искусный полемархъ.

Крѣпки стѣны Акраганта;
Храбры воины его;
И хранитъ насъ Дѣва Неба.
Намъ не страшенъ сильный врагъ.

Длится время; близокъ полдень;
Утомляетъ нашихъ бой.
Но всесильна Дѣва Неба
Защитить служащихъ ей.

И бѣжитъ съ лицомъ веселымъ
И кричитъ толпамъ гонецъ:
„Я правителямъ народа
Вѣсть отрадную несу:
Колебаться начинаютъ
Кархедонскіе полки“.

Слава силѣ Дѣвы Неба!
Славенъ будетъ этотъ день!
Вся Сицилія прославитъ
Вмѣстѣ съ нами этотъ день!

2.

Наводнили весь нашъ островъ
Кархедонскіе полки;
На три войска раздѣлилъ ихъ
Вождь верховный Газдрубалъ:
На Панормъ послалъ Ганнона;
Самъ пошелъ на Лилибей;
Съ третьимъ войскомъ Гамилькару
Повелѣлъ идти на насъ.

И пришли къ намъ съ вѣстью этой
Газдрубаловы послы:

„Слышьте, мужи Акраганта,
И да внемлетъ разумъ вашъ.
Слово къ вамъ отъ Газдрубала.
Вѣренъ въ словѣ мудрый вождь.
Много силъ у Гамилькара
И отваженъ духъ его.
Ваши храбры; но ихъ мало;
Оттѣснитъ онъ съ поля ихъ.
Трудолюбіемъ богаты
И искусствомъ славны вы;
Всѣ предмѣстья цѣлымъ кругомъ
Мощныхъ стѣнъ вы обвели;
Но не станетъ силы вашей
На защиту вашихъ стѣнъ:
Поведетъ онъ неотступно
Штурмъ на нихъ со всѣхъ сторонъ;
Вашимъ отдыха не будетъ,
Утомитъ онъ боемъ ихъ,
Утомленныхъ опрокинетъ,
И взойдетъ на стѣны онъ.
И тогда пощады нѣтъ вамъ,
Въ томъ не властенъ Гамилькаръ;
И при всемъ желаньѣ кроткомъ
Самъ не властенъ Газдрубалъ:
Полудикихъ, разъяренныхъ
Кто же въ силѣ воздержать?
Покоритесь Карѳедону,
Добръ къ вамъ будетъ Газдрубалъ,
И по слову Газдрубала
Добръ къ вамъ будетъ Карѳедонъ“.

И правители народа
Подтвердили рѣчь пословъ:

„Мы правители народа,
Но народъ владыка нашъ.
Не должны скрывать мы правду;
И не скроемъ мы ея.
Вѣроломны Карѳедонцы,
Но правдивъ ихъ мудрый вождь.
Много силъ у Гамилькара
И отваженъ духъ его;

Наши храбры, но ихъ мало
И тяжелъ имъ будетъ бой.
Если въ рабствѣ жить хотите,
Пощадитъ васъ Газдрубалъ,
И по просьбѣ Газдрубала
Пощадитъ васъ Карѳедонъ.
Но граждане Акраганта
Акрагантъ не постыдятъ“.

И отвѣтъ посламъ мы дали,
Весь народъ нашъ далъ отвѣтъ:
„Газдрубалу вы скажите:
Грекамъ легче рабства смерть.
Будь что̀ будетъ, не сдадимся;
Будемъ биться до конца“.

Въ ясный полдень, издалека
Мы увидѣли врага.
Смѣло наши вышли въ поле;
Но тяжелъ имъ будетъ бой:
Много силъ у Гамилькара,
Оттѣснитъ онъ съ поля ихъ,
Окружитъ онъ стѣны наши
И пойдетъ на приступъ онъ.

Но вдали между холмами
Войско онъ остановилъ;
Окопалъ онъ холмы рвами,
Утвердилъ валами рвы.

Крѣпки стѣны Акраганта!
Дѣва Неба ихъ хранитъ!
И взглянувъ на стѣны наши,
Оробѣлъ отважный вождь!

И правители народа
Раздѣляютъ нашъ восторгъ.
Но молчитъ, задумчивъ, грустенъ,
Старецъ мудрый, Эмпедоклъ;
И правители народа
Удалились изъ толпы [1]).

---

[1]) Въ первомъ оригиналѣ вся эта строфа была заключена въ скобки и къ ней была сдѣлана слѣдующая выноска:

Очевидно эти стихи принадлежатъ Теобулу. Дальше есть другое такое же мѣсто. Дѣлать подобную отмѣтку относительно рѣчи Эмпедокла и предшествующихъ ей стиховъ о немъ, нѣтъ надобности: Теобулъ самъ ужь сказалъ въ стихахъ заглавія пѣсни, что этотъ отдѣлъ вложилъ въ пѣсню онъ.

Д. Эллiотъ.

Миновалъ часъ увлеченья,
И разуменъ сталъ народъ:
„Оробѣвшимъ притворился,
Обмануть онъ хочетъ насъ“.

И герольды всюду ходятъ
И въ собранье насъ зовутъ.
И правители народа
Говорятъ въ собраньѣ намъ:
„Мы велѣли полемарху
Осторожнымъ въ битвахъ быть“.

Выходили въ поле наши;
Выходилъ къ нимъ Гамилькаръ;
Осторожно бились наши,
Бился слабо Гамилькаръ.
Наступали крѣпко наши,
Уходилъ въ окопы онъ.

Цѣлый мѣсяцъ это длилось:
Бился слабо Гамилькаръ.
И вчера весь день такъ было:
Бился слабо Гамилькаръ.
Но внезапно, передъ ночью,
Началъ крѣпко биться онъ.
Быстро нашихъ оттѣснилъ онъ,
Стѣны наши окружилъ;
Сталъ закапывать рвы наши;
Закопалъ ихъ къ ночи всѣ;
Закопалъ и сталъ недвижно;
Недвижимъ всю ночь стоялъ.

Ждалъ онъ утра; и дождался,
И пошелъ на приступъ онъ;
Въ страшныхъ силахъ, отовсюду,
Ото всѣхъ сторонъ пошелъ.
Дѣва Неба! ты хранишь насъ
И спасешь ты городъ свой!

Долго намъ грозила гибель;
Но побѣды близокъ часъ:
Колебаться начинаютъ
Гамилькаровы полки.
Слава силѣ Дѣвы Неба!
Городъ свой она спасла;

И спасеньемъ Акраганта
Всю Сицилію спасла:
Отдохнутъ отъ битвы наши,
И къ Панорму поспѣшатъ;
Разобьютъ они Ганнона
И Панормъ освободятъ,
И съ гражданами Панорма
Къ Лилибею поспѣшатъ.

3.

Близокъ, близокъ часъ побѣды!
Къ часу полдня побѣдимъ;—
Такъ сказалъ намъ вѣстью новой
Нашъ искусный полемархъ.

И правители народа
Раздѣляютъ нашъ восторгъ.
Но правителей совѣтникъ,
Другъ народа, другъ боговъ—
Онъ закрылъ лицо руками.
„Что ты плачешь, Эмпедоклъ?“
Онъ молчитъ и молча плачетъ;
И ушелъ онъ изъ толпы.
„То отъ радости онъ плачетъ“,
Мы сказали межъ собой.

Быстро мчится мигъ восторга,
Ожиданья дологъ часъ.
Длится время, длится время,
И изъ битвы вѣсти нѣтъ.
И правители народа
Удалились изъ толпы.

Длится время; минулъ полдень,
И изъ битвы вѣсти нѣтъ.
„Минулъ полдень! минулъ полдень,
И изъ битвы вѣсти нѣтъ!
Что жь такъ долго нѣтъ намъ вѣсти?
О побѣдѣ ль будетъ вѣсть?“
Длится время, длится время,
И изъ битвы вѣсти нѣтъ.

Затворились двери храма,
Совѣщанье тамъ идетъ.

Длится время, длится время,
И изъ битвы вѣсти нѣтъ.

„О граждане и гражданки“,
Говорятъ герольды намъ:
„Вѣсть была отъ полемарха;
Тайный это былъ гонецъ.
И правители народа
О вниманьѣ просятъ васъ“.

И правители народа
На эстраду всѣ взошли.

„О гражданки Акраганта,
Красота и честь его,
И граждане Акраганта,
Будьте тверды духомъ вы.

„Вѣсть была отъ полемарха
Совѣщались мы о томъ.

„Отъ утра и до полудня
Гамилькаръ былъ тутъ одинъ.
Колебаться начинали
Гамилькаровы полки.
Но въ часъ полдня отъ полночи
Подошелъ къ нему Ганнонъ.
Плачьте, плачьте о Панормѣ.
Плачемъ вмѣстѣ съ вами мы.

„Полемархъ не падалъ духомъ;
Подкрѣпленій не просилъ.

„И отъ запада надъ лѣсомъ
Поднялась клубами пыль:
То ведетъ отъ Лилибея
Газдрубалъ свои полки.
Тѣхъ двухъ войскъ они сильнѣе
И отвагой и числомъ;
И одинъ страшнѣй трехъ армій
Ихъ умомъ великій вождь,
Отъ Кирены до Тартесса
Въ битвахъ крѣпкихъ безъ числа,
Всѣхъ противныхъ Карѳедону
Сокрушитель, Газдрубалъ.

Полкъ передній ужь подвелъ онъ,
И начальство принялъ самъ.

Плачьте, о! о Лилибеѣ.
Плачемъ съ вами вмѣстѣ мы.
Плачьте, о! объ Акрагантѣ:
Подкрѣпленій наши ждутъ!
Полемархъ сказалъ намъ это:
Подкрѣпленья нужны имъ!

„О граждане и гражданки,
Дѣти предковъ славныхъ вы.
Газдрубалъ начальство принялъ;
Вамъ пощаду предложилъ.
О граждане, вы сказали:
„Будемъ биться до конца“.

„Мы сказали полемарху:
Подкрѣпленій нѣтъ у насъ;
Всѣ искусные сражаться
Съ утра бьются на стѣнахъ;
Полемархъ, ты знаешь это,
Подкрѣпленій ты не ждешь;
Ободрить хотѣлъ ты войско:
Не обманывай его
И скажи всю правду братьямъ;
Духомъ не падутъ они;
Безъ надежды на побѣду
Будутъ биться до конца.
Каждый юноша тамъ нуженъ,
Ты гонцовъ не присылай“.

И замолкли, зарыдали
И съ эстрады къ намъ сошли.

И рыданье долго было.
И молчать не стало силъ.

„Каждый юноша тамъ нуженъ,
И не будетъ намъ вѣстей“.
— „Знаемъ мы, что̀ будетъ съ нами,
И вѣстей не нужно намъ“.
„Но герои наши братья;
Будемъ думать: устоятъ“.
— „Противъ силы, что̀ геройство?
Одолѣетъ Газдрубалъ“.

Громки споры. Слышны стоны.
Длится время. Нѣтъ вѣстей.

Визги плача, взрывы вопля
Прерываютъ споровъ шумъ.
„Что тутъ спорить? Нѣтъ надежды!“.
И ростетъ стенаній гулъ.

Длится время; близокъ вечеръ.
Споровъ нѣтъ; надежды нѣтъ.

Нѣтъ надежды; всѣ согласны:
„Не хотимъ надежды мы!“
Визги плача, взрывы вопля
Заглушаетъ стона гулъ;
И въ гармоніи смертельной
Все въ одинъ слилося стонъ.

„О граждане и гражданки“
Говорятъ герольды намъ:
„Полемархъ пришелъ изъ битвы,
Вѣсть изъ битвы самъ принесъ.
И правители народа
О вниманьѣ просятъ васъ“.
И воскресла въ насъ надежда.
О, безуміе людей!
Всѣ сбѣгаемся къ трибунѣ.
Водворилась тишина.

И тяжелыми шагами
На трибуну поднялся,
Боемъ долгимъ утомленный,
Будто старецъ, крѣпкій мужъ,
Весь покрытый прахомъ битвы,
Черный весь, и весь въ крови,
И собралъ всю силу духа
И воскликнулъ полемархъ:

„Я изъ битвы; вѣстникъ смерти!
Грекамъ легче рабства смерть.

„О граждане Акраганта,
Славенъ будетъ этотъ день;
И зори вечерней пурпуръ
Не погаснетъ въ эту ночь.

„Храбры были предки наши,
Славны были битвы ихъ;
И достойно предковъ славныхъ
Бились мы весь этотъ день.

Просвѣтлѣли очи наши,
Предковъ тѣни видимъ мы:
Свѣтлы вѣютъ предковъ тѣни
На пурпурныхъ облакахъ,
И въ объятья принимаютъ
Тѣни павшихъ въ этотъ день.
Отъ героевъ, братьевъ вашихъ,
Приношу я просьбу вамъ:
Вы готовьте пиръ веселый;
Много розъ у васъ въ садахъ.
Но скорѣй вѣнки свивайте,
Наряжайтеся скорѣй,
Чтобъ въ лучахъ зори вечерней
Засіялъ вашъ свѣтлый пиръ:
Мало насъ въ живыхъ осталось;
А число враговъ ростетъ;
И трудимся мы отъ утра;
Сталъ сверхъ силы трудъ для насъ;
Утомились руки наши,
Притупилися мечи.
Отступаемъ мы къ предмѣстьямъ.
Карѳедонцы на стѣнахъ!
Жгите домы! Рѣжьте женщинъ!
Лучше плѣна смерть для нихъ.
И пока жить будутъ греки,
Будутъ пѣсни пѣть о васъ.
О гражданки Акраганта,
Вы согласны ли на пиръ?“

Ослабѣлъ и на эстраду
Опускаться тихо сталъ.

„Будутъ пѣть о насъ гречанки,
Пока будутъ греки жить.
Мы на пиръ идемъ съ веселъемъ.
Добръ совѣтъ твой, полемархъ.
Рѣжьте насъ, мужья и братья!
Лучше плѣна смерть для насъ.
И въ одеждахъ изъ пурпура,
И въ вѣнкахъ изъ алыхъ розъ,
При лучахъ зори вечерней,
Свѣтелъ будетъ праздникъ нашъ“.

И какъ вихремъ вознесенный
На трибуну надъ толпой,
Станъ согбенный распрямляя,
Бодръ и свѣжъ, какъ въ цвѣтѣ лѣтъ,

Воздѣвая къ небу руки,
Возвышая къ небу взглядъ,
Съ силой грома въ звукахъ слова
Восклицаетъ Эмпедоклъ:
„Власть правителями править
Свыше сходитъ на меня.
Слышу сердцемъ голосъ Дѣвы
И устами возвѣщу.
О граждане и гражданки,
Не погибнетъ Акрагантъ!
Въ людяхъ нѣтъ для насъ спасенья;
Но всесильны небеса.
Не отъ грековъ сила грековъ,
Отъ Олимпа сила ихъ.
Вы служили Артемидѣ;
Вѣрнымъ ей она вѣрна,
И сойдетъ на помощь вашу
Ваша Дѣва отъ небесъ
Неискусны вы сражаться,
И руками слабы вы, —
Не въ рукахъ, и не въ искусствѣ,
Въ сердцѣ грековъ сила ихъ,
И сойдетъ къ вамъ ваша Дѣва
Въ силѣ сердца отъ небесъ,
Вамъ, правители народа,
Повелѣніе даю:
Посылайте за оружьемъ,
Раздавайте всѣмъ его.
И склонятся предъ богиней
Наши дѣвушки въ мольбѣ:
Ихъ услышитъ Дѣва Неба
И сойдетъ на помощь вамъ;
Укрѣпятся руки ваши,
Сердцемъ дрогнетъ сильный врагъ.
Архонтарха санъ верховный [1])
На остатокъ дня беру,
И къ побѣдѣ въ бой за мною
Вы пойдете, весь народъ“.

И склонились предъ богиней
Наши дѣвушки въ мольбѣ:

---

[1]) Въ первомъ оригиналѣ была сдѣлана слѣдующая выноска:
Санъ „архонтарха“ (правитель правителей) неслыханный, разумѣется. Это вдохновеніе Эмпедокла. Начиная свою рѣчь, онъ еще и самъ не имѣлъ этого выраженія въ своихъ мысляхъ. Тѣмъ сильнѣе эффектъ на толпу. И, все здѣсь такъ. Дензиль Элліотъ не дѣлаетъ ошибокъ. Онъ всегда знаетъ, что говоритъ. Потому, что онъ говоритъ только то, что знаетъ.

„Братья наши пали въ битвѣ;
Карѳедонцы на стѣнахъ;
Ты спасешь насъ, Артемида! [1])
Въ этотъ ликъ твой ты сойдешь“.
Заалѣли щеки лика,
Жизнью вспыхнули глаза.

„Въ помощь намъ нисходитъ Дѣва!“
Смѣло ринулись мы въ бой.
„И подыметъ руки Дѣва,
И натянетъ сильный лукъ!“ [2])

Сыплетъ стрѣлы Дѣва Неба,
И бѣжитъ предъ нами врагъ.

Крѣпки стѣны Акраганта,
Храбры воины его;
Если жь войско изнеможетъ
И взойдетъ на стѣны врагъ,
То—
Всесильна Дѣва Неба
И служащимъ ей вѣрна. [3])

---

[1]) Въ первомъ оригиналѣ была сдѣлана слѣдующая выноска, въ видѣ приписки къ письму М. М. Стасюлевичу:

Замѣтка не для печати. Дѣвушки, какъ видите, понимаютъ дѣло простымъ способомъ. Да и съ богиней онѣ запросто. „Дѣва Неба“, „Богиня“—это мудрено для нихъ. „Артемида“ она безъ лишнихъ церемоній.—Прошу замѣтить для курьеза: только въ рѣчи Эмпедокла она тоже „Артемида“: и то, лишь разъ. У другихъ, и въ самомъ разсказѣ, она вездѣ именуется съ торжественностью: „Дѣва“, „Дѣва Неба“, „Богиня“.

Это я замѣчаю для примѣра только. Все остальное въ Гимнѣ Дензиля Элліота точно такъ же:

Каждое слово вѣрно духу жизни древней Греціи. Дензиль Элліотъ знаетъ, что онъ пишетъ.

То, что можетъ показаться ошибкою мнимымъ ученымъ, не ошибка; говорю это, напримѣръ, о томъ, что въ собраніи народа находятся женщины и говорится „о граждане и гражданки“. Умному ученому ясно, что это не формальное собраніе гражданъ; это просто: жители всѣ столпились.—Такъ и все другое.

Поэтому, печатайте, г. редакторъ; и только. На Дензиля Элліота можно полагаться въ дѣлахъ учености.—Вашъ, Д. Элліотъ.

[2]) Въ первомъ оригиналѣ была сдѣлана слѣдующаи выноска:

Прошу не пропустить безъ вниманія: эти два стиха въ „ “ кавычкахъ. Это восклицанія бѣгущихъ на битву; они бѣгутъ на западъ; тамъ Газдрубалъ; да и Дѣва глазами показывала, что судьба битвы рѣшится отбитіемъ штурма съ запада.

[3]) Въ первомъ оригиналѣ была сдѣлана слѣдующая выноска, составляющая продолженіе письма къ М. М. Стасюлевичу:

Подписи переводчика не должно быть; переводчикъ—дѣвушка; она не можетъ подписывать свое имя: она такъ застѣнчива. Притомъ, ея фамилія Джефферсонъ; правиленъ-ли ея русскій языкъ?—она не знаетъ. Притомъ: она милліонерка; ея доходъ—болѣе трехъ сотъ тысячъ фунтовъ; она сестра или дочь (сестра; но выкормленная грудью сестры, все равно, что дочь) герцогини Кентерширъ, принцессы Кастель-Бельпассо, мага-рани одного изъ царствъ Остъ-Индіи.—Довольно на этотъ разъ.

АКАДЕМІЯ ЛАЗУРНЫХЪ ГОРЪ [1]).

Дензиля Эліота.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ТОМЪ. КАКЪ ВОЗНИКЛА АКАДЕМІЯ ЛАЗУРНЫХЪ ГОРЪ.

Многимъ, отъ друга; и немногимъ
отъ друзей.

Нѣсколько словъ, для предисловія.

Some words, for many friends; And, A few words, for some friends. By a friend; And, by a few friends [2]).

Вы помните: Академія, это былъ садъ подлѣ Аѳинъ; и, вѣроятно, вы помните, что такое былъ этотъ садъ въ славныя времена Аѳинъ, и пока были времена людей, мысли которыхъ сформировались въ тѣ времена. Впрочемъ, очень возможно и не помните, что такое былъ онъ тогда: это плохо помнятъ многіе извѣстные ученые, авторы переполненныхъ ученостью книгъ объ исторіи древней Греціи или греческой философіи. Но вы, вѣроятно, помните. А во всякомъ случаѣ, это легко припомнить.

Славныя времена Аѳинъ, вы помните, были: отъ Маратонской битвы до Пелопоннесской войны. Отъ начала этой войны до того года, когда Спартанцы, съ музыкальнымъ торжествомъ, при звукахъ флейтъ, разрушили стѣны Аѳинъ, прошло больше двадцати пяти лѣтъ. Аѳиняне скоро успѣли возстановить свою независимость. Но положеніе дѣлъ оставалось тяжелое для нихъ. Такъ прошло еще лѣтъ пятнадцать,—и начала блистать славой Академія: Платонъ сталъ преподавать въ ней свое ученіе. Это было больше, чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ миновали славныя времена Аѳинъ.

Въ славныя времена Аѳинъ, и пока были времена людей, образъ мыслей которыхъ установился въ славныя времена Аѳинъ, Академія не имѣла и не должна

[1]) Этотъ отрывокъ былъ приложенъ къ письму къ М. М. Стасюлевичу вмѣстѣ съ Гимномъ Дѣвѣ Неба.

[2]) Въ рукописи сдѣлана на поляхъ слѣдующая помѣтка:
„Разстановка знаковъ препинанія англійская, несходная съ русской. Тоже, и о большихъ буквахъ“.

была имѣть блеска. Въ тѣ времена, нельзя было сказать о ней ничего эффектнаго. Послѣ, мало и вспоминали о ней, тогдашней, неэффектной. И теперь, если бы вы хотѣли знать о ней много, это было бы желаніе несбыточное: ваши источники знанія о ней очень скудны. Но, хотя не безъ прибавки предположеній,—впрочемъ, совершенно простыхъ, и благодаря тому, или близкихъ къ истинѣ, или вовсе совпадающихъ съ нею,—вамъ можно имѣть, и, вѣроятно, вы имѣете, достаточно ясное понятіе о характерѣ и значеніи Академіи въ тѣ времена.

Садъ, Академія въ тѣ времена и была просто: садъ. Большой и хорошій, это правда; но обыкновенный тогдашній садъ, съ многочисленными, хорошими, просторными, открытыми свѣжему воздуху, свѣтлыми, это правда, но тоже обыкновенными тогдашними, садовыми постройками; съ обширными, хорошими, это правда, но тоже обыкновенными тогдашними приспособленіями и построекъ и самой мѣстности къ тому, для чего хорошо годятся сады, чему хорошо быть въ саду; и только. Обыкновенный садъ, просто, и, только. Хорошій, это правда. Но, обыкновенный. Не одинъ такой тогда; и, не болѣе хорошій, чѣмъ другіе такіе же. Но, хорошій.—Хорошихъ садовъ нельзя не любить; потому что хорошо, пользоваться ими: пріятно. Конечно, если пользоваться ими хорошо, какъ сообразно съ природою садовъ, какъ должно по здравому смыслу. - И Аѳиняне тѣхъ временъ любили свою Академію, какъ другіе тоже свои такіе сады; за то, что она хорошій садъ. Только. И, пользовались ею, какъ хорошимъ садомъ. Только. Пользовались хорошо, Какъ именно,—вы, по всей вѣроятности, знаете!

Въ тѣни аллей и подъ навѣсомъ колоннадъ, весело готовились тамъ юноши къ трудамъ дѣлъ жизни играми, разумными и благотворными, какъ трудъ. Приходили туда гулять, отдыхать дѣды, отцы, возмужавшіе братья юношей. Они приходили: для прогулки, для отдыха; но—разумѣется: останавливались полюбоваться на игры своихъ милыхъ младшихъ. Останавливаясь, они хотѣли быть только зрителями, эти старшіе. Но изъ этихъ зрителей, солидныхъ людей, старшихъ, бывало, кто помоложе, увлекались, засмотрѣвшись: принимались и сами играть вмѣстѣ съ юношами. Случалось это съ иными и старшими изъ старшихъ. По тогдашнему, это не было предосудительно, какъ не предосудительно это и нынѣ, по мнѣнію огромнаго большинства умныхъ и добрыхъ людей.—Вѣроятно, вы расположены думать:—„Да, изъ тѣхъ старшихъ, которые играли вмѣстѣ съ юношами, многіе начинали играть только засмотрѣвшись. Но безъ сомнѣнія, были и такіе, даже между старшими изъ старшихъ,—которые прямо съ тѣмъ намѣреніемъ и приходили въ Академію, чтобы играть. И, конечно, они не скрывали того: по тогдашнему, въ томъ не было стыдно“. Ваше предположеніе совершенно справедливо.

И, играли, не стыдясь,—и вообще, очень успѣшно, потому что отъ всей полноты усердія душевнаго,—вмѣстѣ съ сыновьями отцы, со внуками дѣды, у кого сохранилась свѣжесть силъ, и была охота.

А другіе старшіе, постоявши, посмотрѣвши, вспоминали, что пришли не затѣмъ, чтобы стоять и смотрѣть; отходили въ другія аллеи, подъ другія колоннады, гдѣ нѣтъ шума и бѣготни. Любители ходить, прогуливались группами, чтобы разговаривать: для того, чтобы пріятнѣе шло время.—А тѣ, кому было довольно и той прогулки, что пришли въ садъ, располагались отдыхать, тоже группами, тоже, чтобы разговаривать: для того, чтобы пріятнѣе шло время. Гулявшіе, на-

гулявшись; игравшіе наигравшись, — присоединялись къ отдыхающимъ. И, все шли, все оживлялись, разговоры въ увеличивающихся группахъ отдыхающихъ. Разговорами, вызывались разсказы; разсказы давали новые матеріалы для разговоровъ.

Такъ отдыхали, и пріятно шло время отдыха.

— „Пріятно шло время отдыха"; и будто бы, въ самомъ дѣлѣ только? Вопросъ важенъ. Говоря серьезно: въ самомъ дѣлѣ, только.

„Серьезно говоря: въ самомъ дѣлѣ, только. Вы сами знаете, что такъ. Напрасно вы и спрашивали. Вы помните: то была Академія славныхъ временъ Аѳинъ и временъ людей, въ которыхъ оставался живъ духъ славныхъ временъ Аѳинъ.

Неглупые люди были Аѳиняне тѣхъ временъ. Но простые люди были они. Саду, слѣдуетъ ли быть садомъ? По своему нехитрому пониманію вещей, они полагали: саду слѣдуетъ быть садомъ. И, садъ, ихъ Академія была въ самомъ дѣлѣ. садъ; мѣсто для развлеченій и для отдыха; не мѣсто ни для чего, мѣшающаго развлеченіямъ и отдыху; потому не мѣсто ни для педантства, ни для ученаго пустословія, ни для ученаго шарлатанства.

Вы знаете это. Вашъ вопросъ былъ напрасенъ.

Правда, во всякомъ многолюдномъ собраніи бываютъ люди, которымъ вовсе не зачѣмъ тутъ быть и которые, безъ особенной потери для пріятнаго общества, могли бы и не дѣлать ему удовольствія своимъ присутствіемъ въ немъ. И очень вѣроятно, что вы предполагаете: быть можетъ, посѣщалъ иногда ту Академію какой-нибудь человѣкъ своеобразнаго характера, для котораго отдыхомъ было то, что для другихъ — утомительное занятіе. Быть можетъ, вы такъ добры къ нему, что думаете: онъ не былъ педантомъ. Если вы такъ думаете, вы, по всей вѣроятности, правы: педантовъ не терпѣла та Академія; а его, какъ вы сами предполагаете, она терпѣла. — Онъ былъ человѣкъ безъ претензій, — думаете вы: — и нельзя порицать Академію за то, что она терпѣла его. Но онъ долженъ былъ бы понимать, что такому человѣку, какъ онъ, не зачѣмъ проводить часы отдыха въ многолюдномъ собраніи. И, если онъ понималъ это, тѣмъ больше надобно порицать его за то, что онъ посѣщалъ Академію. Онъ заслуживалъ названіе мастера наводить скуку на людей.

Вѣроятно, этими вашими соображеніями и будете вы оправдывать вашъ вопросъ. Ваши соображенія справедливы. Но вашъ вопросъ, все-таки напрасенъ.

Пусть и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что посѣщалъ иногда ту Академію какой-нибудь человѣкъ, вполнѣ заслуживавшій названія мастера скуки. Но что-жь изъ того?—Кому было охота разсуждать съ нимъ во вкусѣ, пріятномъ ему? Натурально: никто не желалъ скучать.

Конечно, иной разъ мастеру скуки удавалось собрать около себя группу для ученыхъ разсужденій, захватывая въ плѣнъ неопытныхъ, неосторожныхъ. или слишкомъ добрыхъ къ нему людей. Но—какая же и была эта группа?—Малочисленная; маловажная, сравнительно съ другими, ничего не значащая для нихъ. Да и та, не могла долго удержаться. Кругомъ, шли живые разговоры, интересные разсказы; плѣнники мастера скуки завистливо поглядывали на другія группы; кто изъ нихъ похрабрѣе, дезертировали; мастеръ скуки смущался духомъ: и пользуясь упадкомъ его мужества, остатокъ плѣнныхъ окончательно разбѣгался.

Что жь это было для Академіи?—Смѣхъ, когда это замѣчали, а по большей

части, вѣроятно, и смѣха не было, потому что и не замѣчала того Академія. Ваши чувства относительно мастеровъ скуки похвальны. Но вы видите, что напрасно вы вспоминали объ этомъ почтенномъ классѣ людей. Не стоило того.

Совершенно иное дѣло, поговорить о тѣхъ группахъ, въ которыхъ были наиболѣе оживленные разговоры, наиболѣе занимательные разсказы. Эти группы росли; другія группы къ нимъ примыкали. Ими опредѣлялся характеръ Академіи; онѣ однѣ имѣли значеніе въ ней.—Въ нихъ, что было цѣлью разговоровъ и разсказовъ? Отдыхъ, пріятность отдыха. Какъ въ томъ сомнѣваться? Иначе не могло быть по самой сущности дѣла.

Конечно, участвуя въ этихъ разговорахъ, слушая эти разговоры, можно было, довольно часто довольно многимъ изъ бывшихъ тутъ, а иногда и большинству ихъ, узнать что-нибудь такое, чего не знали они прежде; и, почти всегда, многимъ, а не рѣдко, можетъ быть, и всѣмъ, кромѣ очень немногихъ, научиться яснѣе прежняго понимать вещи, всегда всѣмъ извѣстныя.—Если у васъ есть это предположеніе, то—противъ правды, негодится спорить; надобно признать: дѣйствительно, было такъ.

Не подлежитъ сомнѣнію: было это, потому что никакъ не могло не быть этого. Люди научаются, когда идетъ у нихъ обмѣнъ мыслей. Это неизбѣжно. Это непремѣнная принадлежность, ежедневный и вѣчный результатъ разговоровъ и разсказовъ отдыха. Вездѣ и всегда было такъ. И вездѣ, всегда такъ будетъ, пока будутъ существовать люди. Это законъ человѣческой природы.

Это было въ той Академіи. И, конечно, это составляло не совершенно ничтожную долю той пользы, какую получали отъ своей Академіи Аѳиняне тѣхъ временъ. Но не въ этомъ была главная польза отъ нея; и не было заботы о томъ, чтобы была отъ нея эта польза.

Да. Научились. Это было. И это было не безполезно. Но принесло это пользу лишь потому, что не было никакой заботы о томъ, чтобъ это было и приносило пользу. Забота о томъ, чтобъ это было, убивало бъ это. Забота душитъ отдыхъ. А гибнетъ отдыхъ, то, разумѣется, гибнетъ и всякая польза, какая была бъ отъ него; всякая, то есть, и эта, довольно важная, но не главная польза его. Онъ существуетъ лишь при отсутствіи всякой заботы; всякой, то есть, и заботы, о какой бы то ни было пользѣ отъ него. Забота о пользѣ нужна для труда, оттого что трудъ не самъ по себѣ нуженъ человѣку, а только для своихъ результатовъ. Отдыхъ нуженъ человѣку самъ по себѣ. Результаты его полезны. Но главная его польза—самое его существованіе. Цѣль труда—внѣ труда; цѣль отдыха—въ немъ самомъ.

„Нуженъ трудъ".—неумолкаемо ни на минуту, съ утра до ночи раздается оглушительный крикъ повсюду, повсюду во всѣхъ странахъ людей англійскаго языка. Трудъ нуженъ, но нуженъ ли этотъ крикъ? Развѣ лѣнивы люди англійскаго языка? Не обида ли имъ этотъ крикъ? Не безсмыслица ли онъ? Не вредная ли безсмыслица онъ? Не гораздо ли больше, чѣмъ о необходимости трудиться, склонны забывать люди англійскаго языка о томъ, что чрезмѣрный трудъ и неуспѣшенъ и гибеленъ?

Нуженъ людямъ трудъ. Да. Но и отдыхъ нуженъ людямъ. Много отдыха нужно человѣку, много.

Это помнили Аѳиняне тѣхъ временъ. И, пользовались для отдыха всѣмъ, что можетъ хорошо служить для него. И въ числѣ всего другого, садами; и, въ числѣ

другихъ своихъ садовъ, Академіею. И, полезенъ былъ для нихъ этотъ отдыхъ, собственно тѣмъ, что онъ былъ отдыхъ.

Когда время отдыха идетъ пріятно, люди отдыхаютъ больше, отдыхаютъ лучше, нежели было бы безъ того. Этому служили разговоры и разсказы отдыха Аѳинянъ тѣхъ временъ въ ихъ садахъ, и, какъ въ другихъ садахъ, въ Академіи. Собственно тѣмъ, и были полезны.

Такова была,—отчасти, знаете вы; отчасти, предполагаете вы; отчасти, немножко, и фантазируете вы, быть можетъ:—такова была Академія славныхъ временъ Аѳинъ и временъ людей, въ которыхъ былъ живъ духъ славныхъ временъ Аѳинъ.

Блеска не имѣла она; не должна была имѣть его. Безъ блеска, лучше было ей быть. Безъ блеска, больше веселости въ развлеченіяхъ; и чуждается блеска отдыхъ. Безъ блеска, неэффектная, не была она знаменита. Но достойна любви, и любима она была.

То было очень давно. Обычаи цивилизованныхъ націй теперь во многомъ изъ того, въ чемъ одинаковы у всѣхъ, несходны съ тогдашними греческими. И нѣкоторыя изъ разницъ безспорно, въ честь и въ добро цивилизованнымъ націямъ нашего времени. Объ одной изъ такихъ, надобно сказать здѣсь. О какой вы знаете впередъ... Но вы согласны: надобно же сказать.

Нынѣ, у всѣхъ цивилизованныхъ націй, въ томъ числѣ и у людей всѣхъ странъ англійскаго языка, многолюдныя собранія для развлеченій и отдыха—собраніе не однихъ только мужчинъ, а людей въ цѣльномъ составѣ семействъ и семейныхъ круговъ родства, дружбы и близкаго знакомства.

По мнѣнію вашего собесѣдника, этого было бы и довольно, о нашей Академіи. Но тѣ лица, по желанію которыхъ онъ бесѣдуетъ съ вами, полагаютъ, что онъ долженъ познакомить васъ съ нею нѣсколько больше. Они ошибаются. Но и вы, по всей вѣроятности, думаете, какъ они; уступая имъ и вамъ, онъ удовлетворитъ вашему любопытству, насколько то возможно, по его мнѣнію.

Въ одной изъ тѣхъ странъ, растительность которыхъ роскошна, есть не очень длинный и не очень высокій горный хребетъ, въ которомъ много очаровательныхъ мѣстностей; въ особенности, по южному его склону.

Одна изъ самыхъ лучшихъ мѣстностей этого склона—одна изъ самыхъ обширныхъ долинъ его. Въ верхнихъ, гористыхъ частяхъ ея много всякихъ, такъ называемыхъ, чудесъ природы: тамъ лабиринты скалъ яркаго цвѣта, подобныхъ своими очертаніями, то развалинамъ гигантскихъ зданій, то колоссальнымъ изваяніямъ: тамъ пещеры съ громадными сталактитовыми залами, амфилады которыхъ едва ли кто когда проходилъ до конца; тамъ величественныя ущелья, обрывы, стремнины, высокіе многоводные водопады. И довольно обо всемъ этомъ.

Долина богата водой. И озера ея, луга ея, рощи ея прекраснѣе всего, что можетъ мечтаться человѣку, не бывавшему въ странахъ, подобныхъ той, любимыхъ солнцемъ. Вся обширная долина—огромный натуральный паркъ.

Въ ровной, или почти ровной, лишь слегка холмистой половинѣ парка, часть мѣстности приспособлена къ удобствамъ человѣческой жизни. Это садъ нашей Академіи. Самъ по себѣ, онъ очень великъ: и въ длину, и въ ширину онъ имѣетъ по нѣсколько миль. Но онъ лишь довольно маленькая доля парка.

Въ саду нѣсколько дворцовъ, нѣсколько другихъ громадныхъ. великолѣпныхъ домовъ; нѣсколько домовъ небольшихъ и нероскошныхъ, но все таки очень хорошихъ; множество легкихъ построекъ для развлеченій и отдыха: павильоны, галлереи, открытыя колоннады съ навѣсами. Само собою разумѣется, что садъ украшенъ безчисленнымъ множествомъ статуй и всего тому подобнаго. И, довольно обо всемъ этомъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, паркъ и садъ были уступлены, по отношеніямъ родства и дружбы, во владѣніе людямъ вашего языка. Эти лица пригласили своихъ родныхъ, друзей и близкихъ знакомыхъ погостить у нихъ въ той очаровательной мѣстности того милаго края дивной страны любимой солнцемъ.

Тѣмъ началось дѣло. Скоро оно получило болѣе широкое развитіе и болѣе прочный характеръ, какъ и было то предполагаемо. И, черезъ нѣсколько времени, во дворцахъ и домахъ сада поселилось многочисленное общество людей англійскаго языка; нѣкоторые изъ нихъ, не на долго,—другіе на — долго, или на — всегда.

Такъ возникла наша Академія. И, довольно этого о томъ, какъ она возникла.

Разные семейные круги нашего общества постоянно собирались,—то отдѣльными группами, то многіе, или даже всѣ вмѣстѣ—для развлеченій я отдыха,— то, въ своихъ дворцахъ или домахъ; то въ боскетахъ и на полянкахъ сада, въ павильонахъ и подъ навѣсами колоннадъ или подъ открытымъ небомъ. Развлеченія были веселы, какъ знаетъ это вашъ собесѣдникъ по всеобщимъ отзывамъ. И часы отдыха, въ разговорахъ и разсказахъ безъ претензій проходили пріятно, такъ онъ знаетъ по тѣмъ отзывамъ, да и самъ видѣлъ, когда бывалъ тутъ,— это, было не рѣдко, — болѣе или яснѣе невнимательнымъ и постоянно молчаливымъ слушателемъ.

Хорошо было въ нашемъ прекрасномъ саду. Будетъ ли и продолжаться такъ?

Сказать: „нѣтъ", — не хотѣлъ бы вашъ собесѣдникъ. Сказать: „да", было бы рисковано. думаютъ тѣ лица, по желанію которыхъ онъ бесѣдуетъ съ вами.

Во всякомъ случаѣ, первый періодъ существованія нашей Академіи закончился.

И рѣшено издать сборникъ разсказовъ, которые были импровизированы (и стенографированы) или читаны въ тѣхъ собраніяхъ, на которыя было приглашаемо все общество нашей Академіи.

Тѣ лица, которыя рѣшили издать эту книгу, недовольны этою программою книги. Они правы. Само собою понятно, что разсказы, импровизированные или читанные въ маленькихъ интимныхъ кругахъ, могли имѣть такія достоинства, какихъ странно было бы требовать или ожидать отъ романовъ или повѣстей. чѣмъ отъ необходимости были разсказы въ многолюдныхъ собраніяхъ. Понятно само собой и то, что разговоры по поводу какого нибудь романа, хотя бы и очень занимательнаго, могутъ бывать гораздо болѣе интересны, чѣмъ самый романъ.

Вашъ собесѣдникъ понимаетъ это. И не можетъ не согласиться съ мнѣніемъ лицъ. принявшихъ на себя трудъ составленія сборника, предисловіе къ которому пишетъ онъ: программа сборника очень дурна. По ней, не должно быть взято въ

книгу ни одного слова даже изъ тѣхъ разговоровъ, которые были въ собраніяхъ всего общества нашего сада, не только изъ разговоровъ болѣе интимныхъ. Это очень жаль. И не менѣе жаль, что по программѣ сборника, безусловно устранены отъ помѣщенія въ ней всякіе разсказы, кромѣ слышанныхъ всѣмъ обществомъ нашей Академіи.

Программа узка, тѣсна, она дурна, она очень дурна. Но она—единственная, возможная по мнѣнію лицъ, порицающихъ ее.

Почему она единственная, возможная, это не требуетъ поясненій, полагаетъ ея авторъ.

Книга, которая будетъ составлена по этой программѣ, будетъ несравненно менѣе хороша, нежели могъ быть сборникъ, составленный по программѣ, хоть немножко менѣе стѣснительной. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но все таки, книга будетъ хорошая. И надобно удовольствоваться тѣмъ.

Впрочемъ, дурная программа имѣетъ и хорошую сторону,—эта сторона программы та, которая обращена къ Бесѣдкѣ Скуки, Bore Bower.

Скрывать было бы напрасно, потому что вы не могли не предугадывать: въ саду нашей Академіи существовала Бесѣдка Скуки. Но она была безвредна для Академіи. Если собиралась иногда въ этомъ маленькомъ храмѣ жертвоприношеній въ честь богини Кабинетнаго Сора группа для ученыхъ разсужденій, то была лишь доброй уступкой со стороны нѣсколькихъ ученыхъ своеобразному характеру человѣка, котораго любили они за то, что онъ, познакомившись съ ними въ Академическомъ саду, полюбилъ ихъ.

Программа говоритъ, что въ сборникъ не войдетъ ни одной страницы, ни одной строки изъ достохвальной груды „Трудовъ почтеннаго Общества Бесѣдки Скуки“, основателемъ Президентомъ и Единственнымъ Членомъ котораго былъ вашъ, уважаемый вами, надѣется онъ,—и скучный? — онъ знаетъ это: скучный—собесѣдникъ.

Съ отъѣздомъ его изъ Академическаго сада, Бесѣдка Скуки становилась никому въ Академіи не нужной, и вашъ собесѣдникъ настоялъ на томъ, чтобъ она была сломана.

Авторъ программы Сборника Разсказовъ Академіи —

какой?—онъ предполагаетъ, что удобнѣе всего будетъ называть нашу Академію „Академіею Сада въ Паркѣ“, Parkgarden Academy; и такъ,

Авторъ программы Сборника Разсказовъ Академіи Сада въ Паркѣ.

То было написано вашимъ скучнымъ собесѣдникомъ при отъѣздѣ его изъ Академіи Сада въ Паркѣ. Это было два дня тому назадъ. Теперь онъ прибавитъ къ своему прежнему объясненію съ вами нѣсколько подробностей, которыхъ не слѣдовало бы, по его мнѣнію, сообщать вамъ.

Тотъ не очень высокій хребетъ, въ одной изъ долинъ котораго, по южному склону его, находится садъ нашей Академіи—Лазурныя Горы.

Мы—четыре семейства, отправляемся въ кругосвѣтное плаваніе.

Тѣ лица, которыя рѣшили издать этотъ сборникъ и приняли на себя трудъ составить его, провожали насъ. Пришло время разстаться намъ и съ ними. Еще двѣ, три минуты и они перейдутъ съ этой яхты на свою, чтобы плыть къ берегу и возвратиться на Лазурныя Горы.

Они требуютъ, чтобы я стенографировалъ; исполняю ихъ желаніе.

(Стенографировано).

Академія Лазурныхъ Горъ останется вѣрна своему скромному, доброму предназначенію.

Не сомнѣвайтесь въ томъ. Она останется и безъ насъ такою же чуждой претензій, скромной, доброй, какою была при насъ. И будетъ развиваться. И когда мы навѣстимъ ее,—когда нибудь навѣстимъ же мы ее, мы найдемъ, что она стала лучше, нежели была въ наше время. Это вѣрно.

Это было сказано не мною. Но и я думаю теперь точно такъ же.

Сомнѣніе было напрасно.

Наши друзья хотятъ, чтобы я сообщилъ вамъ названіе яхты, на которой остались мы, и названіе гавани, въ виду которой мы находимся.—Сообщу.—

Мало имъ и этого. Они требуютъ, чтобы я сказалъ вамъ мое имя. Исполняю ихъ требованіе.

Эльджернонъ Голлисъ.

Яхта „Элида".
Въ виду Porto Novo.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы рѣшили: расширить планъ нашего изданія, насколько это необходимо.

Мотивы, по которымъ мистеръ Голлисъ хотѣлъ, чтобы вамъ не было разсказываемо ничего о нашей Академіи, достойны всякаго уваженія. Разгадать ихъ не трудно. Мы и знаемъ ихъ, впрочемъ, только потому, что разгадываемъ. Онъ не высказывалъ намъ ихъ. Говорить о томъ, чего желалъ бы онъ или чего не желалъ бы онъ,—манера говорить, чуждая ему. Совѣтуя намъ строго держаться узкой, стѣснительной программы, которую написалъ онъ сообразно съ нашими мыслями, какія были тогда у насъ, онъ говорилъ намъ лишь о томъ, что держаться въ границахъ ея надобно намъ по сообразности ея съ нашими же собственными мыслями, въ нашихъ интересахъ. Онъ не охотникъ говорить ни о себѣ, ни о своихъ желаніяхъ и, тѣмъ болѣе, не охотникъ говорить о своихъ чувствахъ. А тутъ, дѣло въ чувствахъ.

Мы уважаемъ чувства мистера Голлиса. Но что необходимо для нашего изданія, то необходимо.

Мы считаемъ необходимымъ разсказать вамъ о томъ, какъ возникла наша Академія. Рядъ разсказовъ объ этомъ составитъ первую часть нашего сборника.

Я, по лѣтамъ, старшій въ нашемъ семейномъ кругу родства и дружбы. Потому всѣ наши говорили, что я долженъ подать имъ примѣръ. И первымъ разсказомъ будетъ мой.

Я разскажу о томъ, какъ я познакомился съ тѣми лицами, отъѣздъ которыхъ изъ нашего сада заставляетъ насъ и все общество нашего сада сомнѣваться, уцѣлѣетъ ли наша Академія.

Уильямъ Фуллеръ.

ОБѢДЪ ВЪ КРИСТАЛЬНОМЪ ДВОРЦѢ.

Разсказъ Уильяма Фуллера.

Въ одномъ изъ четверговъ второй половины іюля прошлаго года,—по справкѣ вижу: 23 іюля,—былъ праздникъ въ Кристальномъ Дворцѣ: большой праздникъ; и билеты были дорогіе: помнится, по полу-кронѣ; такъ ли—негдѣ мнѣ справиться: цѣна въ моемъ дневникѣ не отмѣчена. Но то вѣрно, что цѣна была дорогая.

Тѣмъ больше было радости дочери одной изъ моихъ племянницъ, моей любимицѣ—Дженни, когда я объявилъ ей за завтракомъ, что я повезу ее въ Кристальный Дворецъ.

Я, по мнѣнію Дженни, былъ богачъ, но скупъ. Богачъ я и, дѣйствительно, былъ, по сравненію съ ея отцомъ, хозяиномъ крошечной лавочки всякой мелочи, покупаемой на пенсы. И скупъ для Дженни я тоже, дѣйствительно, былъ, по сравненію ничтожности моихъ подарковъ ей съ моей нѣжностью къ ней. Какъ у всякаго истиннаго Англичанина, у меня счета нѣтъ родни. И были семейства или сироты, поддержка которымъ отъ меня была необходимѣе, чѣмъ подарки моей Дженни.—Моя была Дженни потому, что на моихъ глазахъ росла она съ четырехъ лѣтней своей поры. Вотъ уже больше, нежели шестнадцать лѣтъ было, что я, старый холостякъ, сталъ жить вмѣстѣ съ Джозефомъ Гэльзомъ и Анною Гэльзъ. На половину мною была выняньчена моя любимица.

Скупой богачъ оставляетъ любимицу безъ хорошихъ нарядовъ—можно ли было ей любить меня? А она любила меня всей душой.

Добрая была дѣвушка моя Дженни, это ужъ кромѣ шутки. Она сама признавала, что у нея доброе сердце. Но непоколебимо было ея убѣжденіе, что она дѣвушка легкомысленная. Она любила книги, музыку, театръ; а это, разсуждала она, очень дурно для дочери такихъ небогатыхъ людей, какъ ея отецъ и мать. Это трата времени. А бывать въ концертахъ, въ театрѣ — трата и денегъ, не только времени. Да и наряды при этомъ нужны, все таки, хоть какіе нибудь. Нельзя быть тамъ, одѣтой по домашнему. Но книги, хоть онѣ стоятъ только двѣ кроны въ годъ, — мы съ Дженни были абонированы у Мьюди [1]) компаніею, вдвоемъ, платя по-поламъ, хотя и обходятся такъ дешево: книги убыточнѣе всего: столько времени отнимаютъ онѣ. А время — деньги. Умная дѣвушка была моя Дженни.

[1]) Въ рукописи на поляхъ сдѣлана слѣдующая помѣтка:
„Мьюди, Mudie, громаднѣйшая изъ англійскихъ фирмъ, выдающихъ книги для чтенія".

Но, при ея умѣ, какъ же не понимала она, что я не богачъ и не скупецъ?— .Люди, для которыхъ пять фунтовъ—крупная сумма, не могутъ, ни при какомъ умѣ, сосчитать: сколько это денегъ—полторы тысячъ фунтовъ въ годъ? эта сумма безпредѣльно громадная, неистощимая кажется имъ и никто не зналъ, куда уходятъ мои громадныя деньги. Это открылось ужь только послѣ. Я разскажу вамъ, какъ я былъ уличенъ и кѣмъ. Это было дѣло трудное прочесть на моемъ стариковскомъ загрубѣломъ лицѣ, не выдающемъ моихъ чувствъ, если я не хочу,—прочесть на немъ всѣ мои тайны. Я думалъ, что это вещь невозможная.

Скупецъ я былъ для всѣхъ, даже и не знавшихъ, что я живу у Джозефа Гельза, хозяина нищенской лавки, товара, продающагося по пенсамъ, и что жена Джозефа, Анна Гельзъ, моя племянница, и что я плачу имъ за квартиру и столъ почти не больше того, сколько платилъ бы всякій посторонній жилецъ. А кто зналъ это, всѣ осуждали меня.

Но осуждали меня общіе знакомые мои и Гэльзовъ, только за то, впрочемъ, что я не даю побольше денегъ Аннѣ Гэльзъ на наши домашніе расходы. А за то, что я не помогалъ Джозефу Гэльзу обзавестись торговлею пошире, никто не порицалъ меня, кромѣ самого Джозефа Гэльза. Его торговля была въ убытокъ. Будь шире торговля, больше убытка было бы отъ нея. Сама Анна Гэльзъ судила объ этомъ правильно, хотя вступалась за мужа, когда осуждали его посторонніе люди. Онъ давалъ въ кредитъ всѣмъ, кого видѣлъ нуждающимся. Правду сказать, я любилъ Джозефа Гэльза не меньше, нежели мою племянницу. Но и отъ Анны Гэльзъ я утаивалъ, что, въ сущности, я не имѣю ничего противъ ея сострадательности къ людямъ, болѣе бѣднымъ, чѣмъ описано. Не дѣлать ей наставленій о необходимости быть экономной, то она раззорила бы меня. Это серьезно. Оба они были безгранично добрые люди. Сколько денегъ ни давайте такимъ людямъ, пользы имъ никакой не будетъ. Эти люди—бочка Данаидъ.

Вы видите, каковъ старикъ Уильямъ Фуллеръ по части учености? Онъ и бочку Данаидъ знаетъ. Онъ все знаетъ, повѣрьте. Учился онъ мало. Лѣтъ до тридцати оставался почти безграмотнымъ. Но онъ и тогда понималъ, что книги — вещь хорошая. И вотъ, ужь больше нежели сорокъ лѣтъ, онъ усердный читатель.

Дженни отъ меня и получила это свое легкомыслiе, любовь къ чтенію. И горько упрекала меня за то. Но въ другихъ двухъ легкомысленныхъ ея склонностяхъ, я не былъ виноватъ, даже и по ея собственному признанію: „это уже врожденныя мои слабости—музыка и театръ“, говорила она.

Это были слабости, требовавшія нарядовъ. И я не покровительствовалъ имъ, вообще говоря. Но изрѣдка—нельзя же: бывали мы, я и Дженни, въ театрахъ. А въ Кристальномъ Дворцѣ даже часто... Но въ дешевые дни. На праздникахъ, въ немъ и прежде бывали рѣдко, а теперь, передъ тѣмъ, о которомъ началъ я говорить, были пропускаемы нами всѣ праздники, вотъ уже больше полгода. Это было воля Дженни. Ей шелъ двадцать первый годъ. Пора ей было начать исправляться отъ легкомыслiя. Мы съ нею знали, какъ исправилъ себя отъ всѣхъ своимъ пороковъ Бендли Эминъ Франклинъ. Бороться со всѣми вдругъ, не сладить, вздумалъ онъ: буду браться за нихъ поочередно, стану искоренять одинъ какой нибудь; и лишь когда совсѣмъ искореню его, возьмусь за другой. Благодаря этому методу, исправленіе пошло успѣшно, говоритъ онъ.

Я очень уважаю Франклина. Стало быть, привыкла уважать его и Дженни.

Разсудивши, что пора ей исправиться потому, что ей исполнилось двадцать лѣтъ, она почувствовала тоже, какъ Франклинъ, что всѣхъ своихъ дурныхъ склонностей вдругъ не одолѣетъ, и начала исправленіе съ одной изъ нихъ, съ праздниковъ въ Кристальномъ Дворцѣ. Они были вреднѣе всякаго другого ея легкомыслія, кромѣ книгъ: вреднѣе даже театра. Не вечеръ, а день; и свѣтло, какъ подъ открытымъ небомъ. Въ оперу легче идти въ старомъ платьѣ, чѣмъ ѣхать на праздникъ въ Кристальный Дворецъ. И просила меня Дженни не покупать билетовъ на праздники въ немъ.

Полгода слушался я. Но смѣшно стало мнѣ наконецъ и 23 іюля, за завтракомъ, я выложилъ передъ исправляющеюся дѣвушкою два билета.

О удивленіе! О, восторгъ!—Но и печаль. Даже не одна печаль, — двѣ. Исправленіе испорчено, это прискорбно. Но хуже того: нѣтъ новаго платья. Всѣ тѣ полгода не дарилъ я ей ничего на наряды. И была теперь въ душѣ Дженни борьба такая мучительная, какой не испытывалъ ни Франклинъ, ни кто изъ мужчинъ.

Отдать билеты назадъ въ магазинъ, гдѣ я купилъ ихъ? Или ѣхать въ старомъ платьѣ? Горевала Дженни долго надъ этой альтернативой. Наконецъ, положеніе дѣла стало безнадежнымъ: „теперь ужь не возьмутъ у меня билеты назадъ; поздно“,—сказалъ я.

И поѣхала со мною Дженни на праздникъ въ старомъ платьѣ. О покупкѣ новаго не могло быть и рѣчи. Я такой скупецъ.

Жаль мнѣ было. Едва, едва не завелъ я Дженни по дорогѣ къ омнибусу въ магазинъ, гдѣ нарядятъ хоть тысячу дѣвушекъ, а не то, что одну, въ десять минутъ. Но, нѣтъ, хорошо и это платье, хоть и не новое оно. Не думайте, будто меня только считали скупымъ, не зная моихъ секретовъ. Я, и дѣйствительно, былъ скупъ до пятидесяти пяти лѣтъ. Иначе, какъ же нажилъ бы я столько денегъ? И, черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ того, я все еще чувствую отголоски прежнихъ моихъ мыслей: „всякій фарзингъ издержки сверхъ необходимаго—мотовство“. Но и кромѣ того: развѣ не тратилъ я на Дженни гораздо больше денегъ, чѣмъ слѣдовало бы по совѣсти?

Я подумалъ: „нѣтъ, и безъ новаго платья тебѣ много у меня на совѣсти изъ-за моей любви къ тебѣ“,—и будто не замѣтилъ, какъ взглянула она украдкой на окна того магазина.

Черезъ пять минутъ, Дженни забыла о немъ. Умная была дѣвушка.—А пока доѣхали мы до Кристальнаго Дворца, успѣлъ стать веселъ и я, не говоря уже о ней.

О, блескъ, больше полугода не виданный! Не то, что о своемъ нарядѣ, и о себѣ самой забыла Дженни.—А когда началась музыка, забылъ и я.

— Сэръ, позвольте мнѣ отвлечь васъ отъ вашего наслажденія музыкою. Я имѣю надобность нѣсколько познакомить васъ со мною,—и вотъ моя карточка.

Подымаю глаза: стоитъ передо мною широкоплечій гигантъ, только плохъ теперь этотъ гигантъ: много покривился на правый бокъ и лицо изможденное; двадцатью годами онъ моложе меня, вижу я, двадцатью годами онъ дряхлѣе меня.—Взглянулъ я на карточку: „бывшій полковникъ арміи Соединенныхъ Штатовъ, медикъ Джоржъ Гринфильдъ“.

(На этомъ рукопись прерывается. Далѣе былъ приложенъ отдѣльный листокъ, озаглавленный):

Для облегченія правильности набора и корректуры.

Приложеніе къ первымъ листкамъ бѣловой рукописи „Академіи Лазурныхъ Горъ“, въ дополненіе къ мелкимъ замѣткамъ, какія сдѣланы на поляхъ рукописи карандашомъ.

Моя ортографія кое въ чемъ, быть можетъ, отличается отъ принятой „Вѣстникомъ Европы“. Не знаю хорошенько, такъ ли это. Я не обращаю вниманія на такой вздоръ, читая книги. — Но если такъ, то не можетъ же журналъ мѣнять ортографію по статьямъ. Само собою разумѣется, для меня всякая моя ли, чужая ли, ортографія — совершенно все равно.

Важны лишь, въ нѣкоторыхъ конструкціяхъ фразъ, знаки препинанія, потому что ими оттѣняется тотъ или другой колоритъ смысла фразы. Я отмѣчаю на поляхъ рукописи, гдѣ своеобразность моихъ знаковъ препинанія — не недосмотръ мой, или ошибка моя, а дѣйствительное пособіе для правильной колоризаціи произношенія, то есть, характера фразы.

Транскрипція англійскихъ именъ у меня, быть можетъ, тоже, не сходится съ правилами транскрипціи Вѣстника Европы. Да я и не умѣю выговорить правильно ни одного англійскаго слова. Я знаю англ. языкъ насколько лишь существуетъ онъ для зрѣнія, въ видѣ печатныхъ страницъ. Выговора словъ я не знаю, въ большей части словъ. А собственно англійскій способъ выговора звуковъ, и вовсе неизвѣстенъ мнѣ.

Слѣдовательно, моею транскрипціею англійскихъ именъ, невозможно руководиться при чтеніи корректуры. И я помѣщаю здѣсь англійскія формы именъ рядомъ съ моею транскрипціею, чтобъ она могла быть исправлена, если она или несходна съ транскрипціею Вѣстника Европы, или ошибочна.

Денэйль Эліотъ (Эліотъ, одно *л*; не два *л*) Denzil Eliot. Eliot; а не Elliott или Elliot; пишется всячески; но я пишу Eliot. Такъ пишетъ тотъ англійскій романистъ, любимый русскою публикою, фамиліею котораго я пользуюсь.

Эльджернонъ Голлисъ — Algernon Hollis

Уильямъ Фуллеръ — William Fuller

Дженни, Анна, Джозефъ, — всѣ Гэльзъ — Jenny Hales, Anna, Joseph Hales.

Джорджъ Гринфильдъ — George Greenfield.

Замѣтка для тебя, мой милый Сашенька, и для Стасюлевича.

Заглавіе перваго разсказа

„Обѣдъ въ Кристальномъ Дворцѣ“.

Натурально, я не знаю, можно ли вообще обѣдать въ самомъ Кристальномъ Дворцѣ, или тамъ только можно имѣть чашку чаю, рюмку вина, а обѣдать уходятъ въ примыкающія къ нему гостинницы.

Но—я умѣю помнить, въ чемъ состоятъ безчисленные пробѣлы моего знанія по каждому обыденному дѣлу. И, я всегда выставляю впередъ обстоятельства, при которыхъ необходимо правленъ мой разсказъ о ходѣ дѣла. Такъ, напримѣръ, и по этому дѣлу объ обѣдѣ.

Этотъ обѣдъ—желаніе нѣсколькихъ дамъ изъ самой высокой аристократіи. По просьбѣ мужа одной изъ нихъ, отъ имени всѣхъ ихъ,—распорядители Кристальнаго Дворца съ удовольствіемъ устраиваютъ, разумѣется, великолѣпнѣйшій импровизированный обѣденный залъ во Дворцѣ, — залъ исключительно для этого обѣда.

ИЗЪ ВИДВЕСТЫ [1]).

Дензиля Эліота.

Видѣнье Вистара
Въ девятое лѣто
Правленья Джемшира,
На праздникъ весны
Въ столицѣ Ирана,
Ширазѣ прекрасномъ,
Въ саду Дайріары,
Джемшира жены.

Весна наступаетъ; Иранъ, веселися:
Послѣдней твоей это праздникъ весны.
Сплошной отъ Байкала до Инда ордою
На западъ несутся пустыни сыны.

Отъ скудости странъ ихъ, тѣла ихъ скелеты,
И сквозь ихъ лохмотья ихъ ребра видать.
Широки ихъ лица, и плоски черты ихъ;
На плоскихъ чертахъ ихъ бездушья печать.

Какъ гривы ихъ коней, жестки волоса ихъ;
И взглядъ ихъ прижмуренъ, хищенья искать.
Костлявы ихъ руки; какъ когти ихъ пальцы,
И быстры и цѣпки добычу хватать.

Шумитъ ихъ дыханье порывами бури,
И вѣтръ отъ той бури тлетворнѣй чумы:
Траву изсушаетъ, и звѣря онъ бѣситъ,
И ужасомъ, въ людяхъ мертвитъ онъ умы.

[1]) Это стихотвореніе было также приложено къ письму къ М. М. Стасюлевичу.

Отъ вопля томленья ихъ жажды до крови,
И топота коней, и грома литавръ
Волнуются рѣки, и море бушуетъ,
Дрожатъ Гималаи, колеблется Тавръ.

Весна наступаетъ; Иранъ веселися:
Послѣдней твоей это праздникъ весны.
Сплошной отъ Байкала до Инда ордою
На западъ несутся пустыни сыны.

Нелпора Уэнделль [1]).

---

[1]) Въ рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе:
Въ оглавленіи книжки, гдѣ имена печатаются полнѣе, чѣмъ въ подписяхъ подъ статьями, имя переводчицы должно быть
(переводъ) Лэди Нелліоры Уэнделль
(она одна изъ первыхъ аристократокъ Англіи, она внука герцога, наслѣдница, и, фактически, ужь владѣтельница колоссальнаго богатства).

Письмо Н. Г. Чернышевскаго къ А. Н Пыпину [1]).

Милый Сашенька,

Я никогда и не воображалъ быть недоволенъ Тобою. Напротивъ, повѣрь: понималъ и цѣнилъ Твою любовь. Всегда.

Къ осени устроюсь гдѣ нибудь такъ, что буду имѣть возможность наполнять книжки журнала, какой ты выберешь, моими работами [2]).

Нужнѣе и выгоднѣе для журнала, конечно, беллетристическія. Потому я и готовилъ больше всего въ этомъ родѣ.

Кое что можетъ быть окажется пока еще неудобно для печати. Но много есть и такого, что совершенно удобно, даже похвально съ точки зрѣнія благонравности.

Напримѣръ, нѣчто въ родѣ Арабскихъ сказокъ и Декамерона по формѣ: романъ: въ немъ безчисленныя вставныя повѣсти и драматическія пьесы.—каждая годится для печати особо.—тутъ совершенно пригоднаго листовъ полтораста журнальнаго формата.

Дѣйствіе основнаго разсказа въ Сициліи, потомъ въ Соедин. Штатахъ, въ Венесуэлѣ, на островахъ Тихаго Океана. Поэтому, можешь судить: совершенно невинно.

Но не пусто. Этому можешь повѣрить: хоть бы я и увѣрялъ что пусто, не повѣрилъ бы ты.

Это главнымъ образомъ идиліи, эпирная поэзія: всѣ добры, всѣ честны, всѣ счастливы,—и во всемъ, кроткое чувство.

Есть и о Россіи,—есть и о ней такое, что̀ годится.

Много, много у меня наработано.

Талантъ положительно есть. Вѣроятно, сильный.

Вотъ объ этой-то коммерціи, разумѣется, писалъ я въ одномъ изъ недавнихъ писемъ.

Цѣлую Тебя и Твоихъ.

(Вмѣстѣ съ письмомъ были доставлены нѣсколько рукописей съ нижеслѣдующимъ спискомъ:)

[1]) Письмо безъ даты и безъ подписи; на оборотѣ, рукою А. Н. Пыпина сдѣлана помѣтка: *Получено въ іюлѣ 1870 г.*

[2]) Намекъ на возможность перевода послѣ истеченія срока ссылки.

Списокъ бумагамъ и замѣтки о нихъ.

№ 1. Романъ Прологъ Пролога [1]). Продолженіе „Старины“, которая была послана прежде [2]). Начинается самостоятельно; все понятно и не читавшему Старины. Прошу напечатать, сколько возможно по цензурнымъ условіямъ. Если уцѣлѣетъ хоть половина, и то хорошо. Я писалъ съ мыслью издать во французск. или англійск. переводѣ. Въ русскомъ изданіи, надобно выбросить все, что относится до литературныхъ занятій Волгина [3]), и вставить гдѣ понадобится по двѣ-по три фразы, въ которыхъ объяснялось бы, что онъ адвокатъ при коммерческомъ судѣ (эти адвокаты были ужь и въ тѣ времена).

№ 2, съ тою же нумераціею листковъ. Дневникъ Левицкаго. Начало второй части Пролога, брошенное мною. Я передѣлалъ эту часть романа; то, что посылаю, брошено мною. Можетъ быть, годятся для печати эпизоды объ Аннушкѣ и о Настенькѣ, въ видѣ отрывковъ. То, что относится къ Илатонцевой и къ Мери, посылаю только для прочтенія и сбереженія.

№ 3 Исторія одной дѣвушки. Карандашемъ обозначено, что́ должно вычеркнуть. Повѣсть остается будто недописана. Но это лучше для внушенія морали, которая понятна и безъ вычеркнутаго.

№ 4, 5 и 6 Эпизоды изъ книги Эрато.

Книга Эрато — это энциклопедія въ беллетристической формѣ. Я работаю надъ нею ужь больше двухъ лѣтъ. Это будетъ нѣчто колоссальное по размѣру.

Канва главнаго романа: Итальянка, вдова русскаго вельможи, сама еще болѣе знатная, — по дѣду, голландскому банкиру, компаньйонка Лондонской отрасли Ротшильдовъ (доходъ отъ фирмы — 100.000 фунт. стерл.), получаетъ послѣ дѣда фамильную виллу, Кастель-Бельпассо. Поселяется тамъ съ дѣтьми, родными, друзьями (друзья люди небогатые); начинаются спектакли, литературные вечера и проч. и проч.—Это общество — общество, приключенія котораго разсказываются въ основномъ, очень многосложномъ романѣ; а литературные вечера и разговоры по поводу ихъ даютъ рамку для безчисленныхъ эпизодовъ всяческаго содержанія.

Посылаемые мною эпизоды (№ 4, 5 и 6) служатъ образцами, какъ разнородны эти вставки.

№ 4 — Драма изъ русской жизни. Для эффекта, я посылаю только спектакль перваго вечера. Прочитавши, можно понять, какіе споры подымаются въ обществѣ послѣ этого спектакля. На завтра, спорящіе увидятъ, какъ рѣшается дѣло. Рѣшеніе очень странно, и подымаетъ новые споры, съ новыми эпизодами, — и послѣ, оказывается, что эта драма была написана не безъ умысла: отъ рѣшенія подымаемаго ею вопроса зависитъ судьба нѣкоторыхъ изъ родныхъ хозяйки.

№ 5 — Три первыя главы разсказа „Потомокъ Барбаруссы“. Это первый разсказъ изъ семейной исторіи хозяйки. Понятно, что продолженіе этихъ разсказовъ охватитъ исторію французской революціи и т. д. до самыхъ послѣднихъ европейскихъ событій. Эмилія, принцесса Рейнфельденская, о которой говорится въ концѣ третьей главы — это нѣчто въ родѣ экрана, на которомъ отражаются фигуры всѣхъ

---

[1]) Въ виду нѣкоторыхъ техническихъ затрудненій при печатаніи настоящей книжки романъ этотъ помѣщенъ въ концѣ книги и съ отдѣльною нумераціею страницъ.

[2]) Посылка не дошла по назначенію.

[3]) Очевидно для того, чтобы устранить малѣйшій намекъ на то, что подъ фамиліей Волгинъ можетъ скрываться Чернышевскій.

эксцентричныхъ руководителей крайней прогрессивной партіи, отъ Бабёфа до Маццини.

№ 6 Кормило кормчему и Знаменіе на кровлѣ—ученый фарсъ, по поводу котораго подымаются отчасти смѣхотворные, отчасти серьезные споры, знакомящіе публику Бѣлаго Зала (это залъ, въ которомъ литерат. вечера) съ различными системами экзегетики и т. п. наукъ и нелѣпостей.—Подобнымъ образомъ публика знакомится и съ политическою экономіею и всяческими науками.

Драму безъ развязки прошу напечатать. Другіе два эпизода посылаю для прочтенія. А впрочемъ, чѣмъ больше изъ посылаемаго годится для печати, тѣмъ лучше.

Передѣлывайте и перечеркивайте, какъ понадобится: у меня нѣтъ амбиціи; какъ удобнѣе, такъ и лучше [1]).

---

[1]) Подписи нѣтъ.

ИЗЪ КНИГИ СОФЬИ.

ТИХІЙ ГОЛОСЪ.

ПОВѢСТЬ.

Посвящается Викторіи Ивановнѣ П—ой.

Вечеръ первый.

Хозяйка дома принесла изъ кабинета мужа тетрадь, подала ее молодому человѣку въ золотыхъ очкахъ, сидѣвшему на диванѣ, и сѣла подлѣ него. Сестра хозяйки также сѣла на диванъ: господинъ съ черною бородою придвинулъ свое кресло, и молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ началъ читать:

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДѢВУШКИ.

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Невѣста.

Я не могла не быть разсудительною. Я выросла въ такомъ семействѣ, въ такомъ состояніи, въ такомъ кругу.

Мой отецъ поступилъ на службу четырнадцати лѣтъ. Онъ писалъ хорошимъ почеркомъ; тѣмъ и ограничивалось все, чему онъ учился.—Въ 1850 году, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ, онъ давно занималъ должность столоначальника, зналъ, что не подвинется выше, и съ давняго времени былъ доволенъ своимъ положеніемъ.—Моя мать также ничему не училась, но была охотница читать. Когда я стала взрослою дѣвушкою, отецъ ужь имѣлъ привычку слушать, если мы съ маменькою и братомъ читали вслухъ. Иногда онъ даже просилъ насъ читать. Братъ, годомъ старше меня, кончалъ курсъ въ гимназіи и собирался въ слѣдующемъ году ѣхать въ университетъ. У меня была сестра, пятью годами моложе меня.

Мы жили въ своемъ домѣ. Онъ достался въ наслѣдство матери вскорѣ послѣ ея замужества. Онъ былъ деревянный, въ пять оконъ на улицу, въ три на дворъ; съ мезониномъ, балконъ котораго смотрѣлъ на Волгу. Въ другомъ концѣ двора стоялъ флигель, такой же величины, какъ домъ, но безъ мезонина; поэтому онъ и назывался флигелемъ.

Въ немъ уже около двадцати лѣтъ жили Каталонскіе. У нихъ было нѣсколько больше средствъ, чѣмъ у насъ: Каталонскій служилъ въ удѣльной конторѣ, и получалъ до тысячи рублей. Но ихъ семейство было больше нашего, и Анна Ларіоновна должна была принасать четыре приданыхъ, а не два, какъ маменька. Ихъ старшій сынъ, Аркаша, былъ товарищъ моего брата по гимназіи. Ихъ старшая дочь, Машенька, была двумя годами моложе меня. Мы всѣ четверо росли вмѣстѣ и были какъ родные.

Это потому, что и наши старшіе были очень дружны. Маменька и Анна Ларіоновна видѣлись рѣшительно каждый день, иногда по нѣскольку разъ; и почти каждый вечеръ или мы всѣмъ семействомъ проводили у Каталонскихъ, или они у насъ.

Ихъ и наши родные были такіе же небогатые, скромные люди, какъ мы и они. Были у насъ съ ними и знакомые; все такіе же.

Мой отецъ и Каталонскій выпивали передъ обѣдомъ по рюмкѣ домашней горькой настойки. Но никогда не видѣла я ни въ нашемъ домѣ, ни у Каталонскихъ, никого пьянаго, даже изъ гостей: и мой отецъ, и Каталонскій ненавидѣли это.

Я не помню также, чтобъ я слышала когда-нибудь у нихъ, или у насъ разговоры нескромнаго тона, грубыя слова, замѣчала семейныя ссоры. Мой отецъ и мать жили между собою совершенно согласно. Каталонскіе также. Всѣ четверо они были люди деликатные, благородные. Такіе же добрые люди были всѣ тѣ, кого я часто видѣла у насъ или у Каталонскихъ.

Весь этотъ кругъ ограждалъ себя отъ голода, холода, лохмотьевъ только строжайшей экономіей. Всѣ хозяйки нашего общества помогали своимъ кухаркамъ стряпать; всѣ считали рубль очень важной суммой, дорожили каждой копѣйкой, и не только онѣ, а также и мужья ихъ не имѣли никакихъ прихотей.

Поэтому дамы нашего общества имѣли по два, даже и по три шелковыя платья.

Поэтому дочери ихъ были одѣваемы, какъ хорошія барышни, и имѣли приданыя, кромѣ бѣлья и платьевъ, по нѣскольку сотъ, даже по тысячѣ рублей.

Я была одною изъ этихъ немногихъ. У насъ лежалъ въ ломбардѣ билетъ; съ процентами, которые наростали на него много лѣтъ, онъ составлялъ въ 1850 году 950 рублей. Онъ весь назначался за мною. На содержаніе брата, когда онъ поѣдетъ въ университетъ, и потомъ на приданое моей младшей сестры предполагалось заложить домъ; онъ выкупится лѣтъ въ семь: много ли надобно старикамъ, когда обѣ дочери будутъ пристроены, сынъ на службѣ.

Итакъ, я была хорошею невѣстою, по нашему кругу. Я также считалась въ немъ одною изъ образованныхъ барышень.

Матушка учила меня всему, чему могла: ариѳметикѣ, географіи, русской исторіи, катехизису. Старалась научиться сама грамматикѣ, чтобы выучить меня. Для меня было куплено фортепьяно, и я съ годъ брала уроки у старушки, которая въ прежнія времена вѣроятно умѣла играть хорошо. Французскій языкъ былъ

вовсе неупотребителенъ въ нашемъ кругу. Танцовать умѣли мы всѣ. Очень многія изъ насъ, барышень, любили читать.

Никто изъ нашихъ родныхъ не покупалъ книгъ, не выписывалъ журналовъ. Но охотницы и охотники до чтенія между нами считали обязанностью со всѣми дѣлиться книгами, какія успѣвалъ кто достать на прочтеніе. Потому недостатка въ книгахъ не было. Я рано полюбила ихъ.

Но жизнь, въ которую я была погружена, не дозволяла мнѣ сдѣлаться дѣвушкою неблагоразумною.

На моихъ рукахъ лежала половина хозяйства. Я много шила; я выдавала припасы кухаркѣ и каждый день бывала на кухнѣ; я помогала другой нашей служанкѣ убирать комнаты; я смотрѣла за нашими двумя коровами: я не доила ихъ сама, но всегда наблюдала, какъ даютъ имъ кормъ; я не мыла бѣлья, но сама мыла свои наряды и уборы матери; я вышивала платки на продажу. Я учила сестру и переписывала довольно много бумагъ для отца.

Отецъ и мать говорили обо всѣхъ своихъ дѣлахъ при насъ: у нихъ не было ни воспоминаній, ни интересовъ, о которыхъ нельзя было бы говорить при дѣтяхъ. Я знала служебныя отношенія отца. Я знала наши средства, свое приданое. Я знала всѣ принципы нашего скромнаго быта.

Я была проникнута ими, потому что они преподавались мнѣ самою жизнью. Я любила ихъ потому, что они примѣнялись къ нашей семейной жизни честно, деликатно, людьми добрыми, безукоризненными; потому что я безусловно уважала и отъ всей души любила этихъ людей; потому наконецъ, что мнѣ было хорошо въ моемъ тихомъ семействѣ, подъ нѣжнымъ крыломъ умной, кроткой матери, при заботливой деликатности отца. Съ младенчества я была вскормлена разсудительностью и знала, что безъ нея нельзя жить людямъ нашего состоянія.

Поэтому я очень хорошо понимала, какова должна быть моя будущность. Я знала, что я невѣста и что мнѣ надобно думать о замужествѣ.

Я выросла въ честномъ семействѣ, гдѣ не было никакого интриганства, гдѣ гнушались низкими уловками, не раскидывали никакихъ сѣтей, никому, ни по какимъ дѣламъ. Поэтому я не кокетничала, не ловила жениховъ. Но я ждала ихъ, совершенно понимая мою обязанность передъ моимъ семействомъ и собственнымъ разсудкомъ выйти за перваго такого, съ которымъ можно жить безъ непріятностей, безъ обидъ и нужды. Я не имѣла ни тѣни мысли уклониться отъ исполненія этого правила жизни небогатыхъ людей.

Я знала, что я еще очень молода; поэтому, нисколько не заботилась о томъ, скоро ли представится мнѣ случай пристроиться — такъ называютъ въ томъ кругу „выйти замужъ“. Но зная, что у меня есть время ждать этого случая и два, и три года, я находила, что приму безъ огорченія, если онъ представится скоро, хоть завтра же.

Я даже предполагала, что онъ не заставитъ ждать себя долго. Прошлою зимою меня сватали два жениха. Тогда мать и отецъ, вовсе не спрашивая меня, отвѣчали, что я еще слишкомъ молода. Женихи нашли себѣ другихъ невѣстъ, не убиваясь отказомъ. Я еще меньше печалилась, потому что очень мало знала этихъ молодыхъ людей; а главное потому, что привыкла считать священной волю отца и матери, всегда согласную, привыкла находить ихъ рѣшенія самыми благоразум-

ными. Я была послушной дочерью не только на словахъ, не только въ поступкахъ, но и въ сердцѣ.

Если на семнадцатомъ году я имѣла двухъ жениховъ,—думала я,—то вѣроятно скоро посватаетъ меня кто-нибудь теперь, когда мнѣ восемнадцатый годъ, когда папенька и маменька перестали въ своихъ разговорахъ отзываться обо мнѣ, какъ о ребенкѣ, котораго еще рано считать невѣстою.

Поэтому я довольно часто перебирала въ своихъ мысляхъ молодыхъ людей, которыхъ встрѣчала въ знакомыхъ семействахъ, сравнивала ихъ средства къ жизни, характеры, и находила, что нѣкоторые изъ нихъ—очень хорошіе женихи. Мнѣ было пріятно, что всѣ они пользовались такимъ же выгоднымъ мнѣніемъ и у моей матери. Это показывало мнѣ, что я умѣю правильно судить о людяхъ.

Во всемъ этомъ не было ни искры поэзіи, я согласна. Но я очень понимала, что романическія фантазіи не годятся для дѣвушки моего состоянія; да и не было въ моей жизни ничего, возбуждавшаго къ нимъ.

Я была разсудительною невѣстою, ожидавшею жениха.

Женихъ явился осенью 1850 года. Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ съ половиною.

Изрѣдка, встрѣчала я въ нѣсколькихъ знакомыхъ семействахъ столоначальника палаты государственныхъ имуществъ Волкова. Мы танцовали съ нимъ раза два; онъ показался мнѣ человѣкомъ неглупымъ. Ему было 27 лѣтъ. Онъ кончилъ курсъ въ гимназіи: хорошо служилъ, могъ разсчитывать на то, что со временемъ будетъ ассессоромъ, когда-нибудь—почему знать?—даже совѣтникомъ. Онъ былъ человѣкъ честный, трезвый, скромный. Въ его наружности не было ничего отталкивающаго; напротивъ, скорѣе онъ былъ недуренъ собою. Когда я перебирала людей, которые считались у насъ хорошими женихами, я не забывала его, и онъ попадалъ въ число пяти, шести человѣкъ, о которыхъ я думала: „за кого-нибудь изъ нихъ, очень можно идти“.

И что же?—Вотъ отмѣтка изъ моего Дневника:

„14 (октября 1850). Волковъ, который былъ у насъ съ первымъ визитомъ въ прошлое воскресенье, былъ опять. Кажется, онъ хочетъ сватать меня. Какъ я вздумала это, онъ сталъ противенъ мнѣ“.

На другой день поутру, когда отецъ ушелъ въ должность и мы сидѣли однѣ съ маменькой, она положила въ сторону свое шитье и сказала:—„Лиза, я хочу поговорить съ тобой.—Ты невѣста и должна разсуждать благоразумно. Ѳедоръ Васильевичъ Волковъ дѣлалъ вчера намъ съ твоимъ отцомъ намеки, что думаетъ сватать тебя. Ты мало знаешь его; но твоему отцу онъ хорошо извѣстенъ. Онъ прекрасный человѣкъ и выгодный женихъ“.

— Маменька, онъ не нравится мнѣ,—проговорила я, задыхаясь отъ усилія, котораго стоили мнѣ эти слова.

— Чѣмъ же, Лиза?—кротко спросила мать.

— Чѣмъ?—я сама не понимала.

— Не бойся, Лиза: скажи, чѣмъ не нравится онъ тебѣ, чтобы мы съ тобою вмѣстѣ разсудили, важно это или нѣтъ,—говорила матушка своимъ серьезнымъ и добрымъ голосомъ:—не бойся сказать, чѣмъ же.

— Я сама не знаю... Всѣмъ... у него дурныя манеры, маменька, — вдругъ прибавила я, сама не понимая, какъ это сказалось у меня.

— Дурныя манеры?—съ грустнымъ удивленіемъ повторила матушка:—Лиза отъ тебя ли я слышу это, моя умница, моя бѣдненькая?

— Маменька, я сама чувствовала, что я говорю глупость!—Я залилась слезами и убѣжала въ мою комнату.

Я плакала тамъ до самаго обѣда; не о томъ, что меня будутъ принуждать идти за Волкова: я не сомнѣвалась въ добротѣ отца и матери; они простятъ мнѣ, думала я. Я плакала отъ стыда за себя передъ ними, и еще больше передъ самою собой.

„Неужели я такая пустая дѣвушка?“—думала я:—„Развѣ я не понимаю, что хорошія манеры вовсе не нужны для счастія жизни? И у кого въ нашемъ обществѣ манеры лучше, чѣмъ у Волкова? И какія манеры у меня самой? Что я видѣла, гдѣ я была внѣ нашего общества? Что-жь это я вздумала? Господи, зачѣмъ я такая пустая дѣвушка?“

Мнѣ хотѣлось показать отцу и матери, что я умная дѣвушка, послушная дочь; мнѣ хотѣлось избавиться отъ стыда передъ собой. Я старалась переломить себя: доказывала себѣ, что Волковъ хорошій женихъ; говорила себѣ, что обязана,—чувствовала, что обязана идти за него... Нѣтъ, не могу, противенъ.

Матушка сама пришла на мезонинъ ко мнѣ, звать меня къ обѣду. Мнѣ кажется, что если-бъ она пришла раньше, если-бъ не дала мнѣ утомиться упреками самой себѣ наединѣ, у меня не достало бы силы удержаться отъ желанія переломить себя, показать свою разсудительность;—мнѣ кажется, я отвѣчала бъ на ея ласки и успокоенія:—„маменька, я не глупая дѣвушка, я согласна идти за него“. Она хорошо знала меня, не хотѣла принужденія и дала мнѣ выплакать мою досаду на себя.—„Довольно ревѣть, глупенькая. О чемъ? Пойдемъ обѣдать“.—Она взяла меня за руку и повела почти насильно.—„Или ты думаешь, что мы съ твоимъ отцомъ станемъ принуждать тебя? Съ чего ты взяла это, дурочка?“

Прошло два дня; и не было разговора о Волковѣ. Но мнѣ все не вѣрилось, что можно допустить такой капризъ во мнѣ: все казалось, что меня слѣдуетъ бранить; я сама не знала, не рада ли была бы я, если бы строго сказали мнѣ: „Ты сама должна видѣть, что ты глупа, и что нечего смотрѣть на твои капризы. Мы приказываемъ тебѣ идти за Волкова. Мы лучше тебя понимаемъ твою пользу. Слушайся“.—Мнѣ казалось, что я была бы довольна такимъ принужденіемъ; я ждала его съ ожесточеніемъ на себя. Я была, какъ опущенная въ воду.—„Глупая, пустая дѣвочка!“—твердила я себѣ.

— Лиза, пора же ободриться, — сказала наконецъ мать:—Давай говорить, если такъ: Зачѣмъ ты такъ убиваешься? Волковъ не нравится тебѣ, этого довольно для насъ, потому что ты у насъ умная, не капризница...

— Маменька, я капризница, я гадкая дочь! — вскричала я:—Побраните меня, прикажите мнѣ идти за него... Я хочу быть умной, послушной.

— Нѣтъ,—сказала мать, лаская меня:—мы не станемъ принуждать тебя. Твой отецъ ужь далъ понять ему, безо всякой обиды для него. Успокойся же. И зачѣмъ такъ сердиться на себя? Чѣмъ же ты виновата, если онъ не нравится тебѣ.

— Маменька, я сама не знаю, чѣмъ онъ не нравится мнѣ. Это былъ только мой гадкій капризъ...

— Дурочка, когда-жь ты была капризницею? Ты только не умѣешь объяс-

нить себѣ, почему онъ не нравится тебѣ; что-жь такое? Это еще не значитъ, что ты капризничаешь. Очень часто бываетъ, что не умѣешь отдать себѣ отчета, почему одинъ человѣкъ пріятенъ, другой непріятенъ.

— Маменька! какъ я рада, что вы не сердитесь на меня! что вы не принуждали меня!—Я бросилась цѣловать ее.

— Успокоилась ли, Лиза?—сказала матушка, когда я опомнилась отъ радости:—Видишь сама, какая ты смѣшная? Все боялась, что мы будемъ принуждать тебя,—съ чего ты взяла это, глупенькая? Но давай же говорить хорошенько. Волковъ не понравился тебѣ—и Богъ съ нимъ. Но скажи мнѣ, какъ ты думаешь вообще? Ты у меня не такая безразсудная чтобы ждать богатыхъ и знатныхъ жениховъ!

— Не жду, маменька,—сказала я отъ чистаго сердца:—Я знаю, что я не красавица. Если-бъ я была такая слѣпая, чтобы считать себя красавицею, то я знаю, что богатые и знатные ищутъ невѣстъ равныхъ себѣ, а не въ нашемъ кругу. Я сказала, маменька, что мнѣ не нравятся манеры Волкова; я знаю, что это глупо, потому что у меня самой...

— Не брани себя за это, душенька. Ты сказала такъ потому, что не умѣла сказать, что онъ весь не нравится тебѣ, только. Я никогда не замѣчала въ тебѣ желанія выйти изъ нашего простого быта, вертѣться въ свѣтѣ.

— Во мнѣ нѣтъ этого желанія, маменька. Я не могу и думать о свѣтскомъ обществѣ. Въ прошлую зиму я просила васъ съѣздить въ Дворянское Собраніе: вы знаете, оно не понравилось мнѣ. Тамъ такъ дурно... эти свѣтскіе кавалеры такіе дерзкіе, и отъ нихъ пахнетъ виномъ. И что такое была я тамъ?—Смѣшная, жалкая. Да я и не гожусь для свѣтскаго общества. Я не могу думать о немъ даже и по одному тому, что не говорю по-французски. И всѣ мои привычки не свѣтскія, а я не хочу бросить ихъ; я хочу быть такою, какъ вы, маменька, а свѣтскія женщины не такія. Я презираю свѣтское общество, маменька: оно пустое, безнравственное, гадкое. Я создана только для нашего круга, и я люблю его: онъ лучше всякаго другого, въ немъ люди просты и добры, и я не хочу, не могу жить съ другими... Я говорила много въ этомъ духѣ и съ полной искренностью. Впрочемъ, я и никогда не хитрила передъ матерью: никогда не было мнѣ надобности въ этомъ: я не пріучилась обманывать, потому что не видѣла въ нашемъ семействѣ обмана.

— Ты разсуждаешь умно, Лиза, сказала матушка:—Я покойна за тебя. Въ тебѣ нѣтъ ни тщеславія, никакихъ неблагоразумныхъ желаній. Если не понравился тебѣ Волковъ, понравится кто нибудь другой изъ людей, которые пара тебѣ. Твои годы еще впереди. У тебя будутъ другіе женихи, и ты сдѣлаешь основательный выборъ и будешь счастлива.

И мнѣ самой казалось, что она говоритъ правду.

Мое главное сомнѣніе въ себѣ было разсѣяно простыми ея словами, что часто человѣкъ не бываетъ въ состояніи отдать себѣ отчетъ, почему одинъ нравится ему, другой не нравится. „Волковъ не симпатиченъ мнѣ, вотъ и все; а я было такъ боялась, что я пустая дѣвушка, которая смотритъ на манеры, ищетъ ничтожнаго, ненужнаго свѣтскаго блеска, котораго сама не имѣетъ“, думала я, когда ушла въ свою комнату, на мезонинъ.

Мать ободрила меня. Но недолго сохранилось во мнѣ довѣріе къ моей разсу-

дительности. Когда затихла радость о томъ, что мнѣ такъ легко позволили избавиться отъ Волкова, я стала вдумываться въ чувство, которое было вызвано во мнѣ его сватовствомъ. — Пока у меня не было надобности внимательно подумать, могу ли я идти за Волкова, мнѣ воображалось, что я не имѣю ничего противъ него. Не ошибалась ли я точно такъ же, когда думала, что не вижу ничего противнаго въ другихъ молодыхъ людяхъ, которые считаются хорошими женихами въ нашемъ кругу? — Я вновь стала перебирать ихъ одного за другимъ въ своихъ мысляхъ, и съ ужасомъ нашла, что дѣйствительно я ошибалась въ самой себѣ. Прежде я безъ размышленія повторяла себѣ о нихъ то, что слышала отъ всѣхъ въ нашемъ маленькомъ обществѣ. Это было только чужое мнѣніе. А мое, котораго я прежде не спрашивала?—я чувствовала теперь, что кто бъ изъ этихъ хорошихъ женіховъ ни посваталъ меня, мнѣ точно такъ же было бы невозможно согласиться идти за него.

„Будутъ другіе женихи, и ты сдѣлаешь благоразумный выборъ", говорила мнѣ матушка: какъ подѣйствуетъ на нее и на отца, когда они увидятъ, что я не могу рѣшиться на благоразумный выборъ?... мнѣ хотѣлось, чтобы никогда не открылось передъ ними, какъ безразсудна ихъ дочь, которую считаютъ они умною, — чтобы ни у кого не являлась мысль сватать меня... Я видѣла врага себѣ въ каждомъ изъ молодыхъ людей, которые считались у насъ хорошими женихами. Если кто изъ нихъ заговаривалъ со мною, взглядывалъ на меня, я чувствовала тоску; я повторяла въ душѣ: „о, еслибъ я казалась ему такъ же дурна, какъ я боюсь его!" Я жила въ постоянной тревогѣ.

И вотъ опасеніе мое сбылось: явился новый женихъ. Это было черезъ четыре мѣсяца послѣ отказа Волкову.

— Лиза, ты довольно часто видѣла Фролова у Шатиловыхъ и у Симоновыхъ, сказала мнѣ матушка: — онъ просилъ Марью Яковлевну узнать наше мнѣніе о немъ. Если бы мы съ твоимъ отцомъ не находили, что онъ хорошая партія, я не стала бы говорить тебѣ о немъ. Но что скажешь ты сама?

„Уже!" — думала я и у меня билось сердце; „уже!" думала я и молчала.

— Ты молчишь, Лиза?—сказала матушка со вздохомъ: — Я ждала этого. Но, пожалуйста, Лиза, подумай хорошенько.—Она замолчала.

Прошло пять дней. На шестой мы опять сидѣли однѣ и шили. Матушка сказала: — Нынѣ поутру, Лиза, я была у Марьи Яковлевны и сказала, что благодарю Ивана Алексѣевича Фролова за доброе мнѣніе о моей дочери, но что твой отецъ несогласенъ. Я солгала на твоего отца; но онъ не невѣста, и пусть будутъ въ претензіи на него, прибавила она съ принужденной улыбкой. — Она говорила довольно унылымъ голосомъ, но въ немъ было только сожалѣніе, а не упрекъ.

— Какъ вы и папенька добры!—сказала я: — Вы слишкомъ добры! Я капризница, я дура, и вы не браните меня!

— Нѣтъ, Лиза, ты не похожа на капризницу, оказала она: — ты хорошая и умная дѣвушка. Ты послушна и разсудительна во всемъ. Но, мой другъ, я мало понимаю твои мысли. Ты будешь откровенна со мной, не правда ли? Прежде я всегда радовалась на тебя, что ты такая скромная дѣвушка. Но все-таки ты не дичилась никого, была со всѣми хороша, привѣтлива, ласкова. Теперь, вотъ уже съ годъ я стала замѣчать, что ты избѣгаешь молодыхъ людей...

— Съ годъ, маменька?—перервала я, сама удивленная:—До сватовства Волкова я не боялась ихъ.

— Твоя правда; съ этого сватовства ты особенно перемѣнилась, такъ что стали замѣчать многіе. Но и прежде, мой другъ, ты держала себя далеко отъ нихъ. Тогда я думала только, что ты стала серьезнѣе, начала понимать, что взрослой дѣвушкѣ надобно быть скромною; но теперь, мой дружокъ, я вижу, что это и тогда было какое-то отчужденіе; скажи мнѣ, что это такое?

— Маменька, прежде я ничего не замѣчала; только то, что иногда говорила вамъ, что съ одними своими мнѣ веселѣе, чѣмъ въ обществѣ, что въ обществѣ мнѣ иногда очень скучно, все такъ незанимательно... Я не замѣчала сама, что я дичусь не общества, а перестала находить удовольствіе говорить съ молодыми людьми... Теперь я боюсь ихъ.

— Скажи, Лиза: мнѣ стало казаться, какъ будто ты имѣешь мысли остаться въ дѣвушкахъ; такъ, Лиза?

— Я? Остаться въ дѣвушкахъ?—съ испугомъ сказала я:—Нѣтъ, маменька, это никогда не приходило въ голову мнѣ. Я не такая безразсудная, чтобы думать объ этомъ. Только богатыя могутъ думать объ этомъ. Для этого нужно имѣть состояніе, гдѣ оно у насъ? Если бъ я была и одна дочь, это было бы невозможно. Пока папенька на службѣ, мы живемъ. Когда онъ выйдетъ въ отставку, вамъ было бы тяжело кормить и одну меня. А я не одна у васъ, маменька. Я помню, что у меня есть сестра. Нѣтъ, я не такая дурная, не такая эгоистка.

— Если бы ты осталась при насъ, Лиза, ты знаешь, стали ли бы мы обременяться тобою.

— Знаю, маменька. Но какъ вы будете жить тогда и одни, если у Гриши не будетъ средствъ?

— Мы съ твоимъ отцомъ старики; много ли намъ надо? Какъ ни будемъ жить, не станемъ требовать отъ Гриши; и будемъ ли мы, другъ мой, тяготиться тобою?

— Знаю, маменька, но... Я вздохнула, маменька также. —Нѣтъ, маменька, я не такая безразсудная и дурная. Я знаю, я должна идти замужъ.

— Должна, Лиза, съ печальною рѣшительностью сказала матушка:—Должна. Иначе, ждетъ тебя нужда.—Мы замолчали.

— Лиза, начала она колеблющимся голосомъ:—Ты хорошо понимаешь свое положеніе. Но гдѣ же, скажи мнѣ, женихи для тебя? Я не вижу.

Я молчала.—Маменька, не знаю.

— Наши молодые люди не нравятся тебѣ?

Я молчала. Матушка вздохнула.—Никто, Лиза?

— Нѣтъ, маменька, никто.—Моя грудь надрывалась отъ боли, какъ будто я была виноватая...

— Лиза... Я прошу тебя... Ты скажи... не заинтересовалась ли ты кѣмъ-нибудь изъ людей, которые выше нашего состоянія?

— Маменька, гдѣ я видѣла ихъ? — на улицѣ, на бульварѣ, въ церкви. Развѣ я такая глупая дѣвушка, маменька, чтобы влюбиться въ человѣка, съ которымъ не говорила ни слова?

— Твоя правда, другъ мой. Но я говорила тебѣ, что мало понимаю тебя. Какъ же въ твои лѣта не интересоваться никѣмъ.

— Въ мои лѣта, маменька?—Но вспомните, что надняхъ мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ. Мнѣ пора не быть ребенкомъ.

— Такъ, Лиза, ты у меня разсудительная. Но я не знаю, справедливо ли ты полагаешь, что твои лѣта не такія... Правда, впрочемъ, твоя жизнь такая... Маменька замолчала и задумалась.

Она начала, стараясь дать своему голосу тонъ убѣжденія, — и напрасно: въ немъ было только уныніе.

— Лиза, какъ ни грустно и ни тяжело для меня, но я должна сказать тебѣ. Я сомнѣваюсь, скоро ли будетъ у тебя еще женихъ. Ты отказала двумъ, очень хорошимъ. Я боюсь, ты прослывешь гордою дѣвушкою, которая пренебрегаетъ достойными людьми. И согласись, мой дружокъ, что кромѣ отказовъ, которые были въ твоей волѣ, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, и требовать, чтобы дѣвушка шла за человѣка противъ собственнаго расположенія, но согласись, Лиза, что и кромѣ этихъ отказовъ ты подаешь причину другимъ такъ думать о тебѣ: подаешь тѣмъ, какъ держишь себя. Прежде могли ставить это въ достоинство тебѣ, считали скромностью. Но послѣ двухъ отказовъ такимъ людямъ, я боюсь, всѣ будутъ понимать это какъ надменность.

— Маменька, чѣмъ гордиться мнѣ? Красотою или богатствомъ?

— Ты недурна собою, Лиза.

— Маменька, могу ли я не видѣть, что есть много дѣвушекъ, которыя гораздо лучше меня?

— Твоя правда, Лиза, ты у меня не занята своимъ лицомъ до такой глупости. Но я скажу тебѣ, другъ мой, почему ты пренебрегаешь нашими молодыми людьми. Они кажутся тебѣ необразованными.

— Но какое же образованіе у меня самой, маменька? Чему я училась? — Ариѳметикѣ, краткой священной исторіи.

— Нѣтъ, Лиза, это такъ.

— Маменька, пренебрегаю ли я кѣмъ-нибудь? Скажите, маменька, надменная ли я?—отвѣчала я тоскливо. Въ первый разъ я хотѣла быть неискренною съ матушкою: мнѣ было такъ тяжело, правда...

— Ты не о томъ говоришь, Лиза. Не то, что ты имѣешь пренебреженіе къ людямъ. Но ты чувствуешь, что тебѣ нѣтъ пары между нашими молодыми людьми.

— Маменька, простите меня! — Я сама не рада! — Я знаю сама, какъ это дурно!

Матушка сидѣла съ опущенной головою. Она давно не шила; но сидѣла, опустивъ голову. Два раза она поднимала на меня глаза, чтобы начать говорить, и опускала, не начиная. Снова подняла глаза, и сказала съ усиліемъ, но твердо:

— Лиза, не порицай свою мать. Я какъ будто давала тебѣ совѣты, чтобы ты вѣшалась на шею мужчинамъ. Но ты чувствуешь, Лиза, я говорила не то: я должна была не скрыть отъ тебя... должна была выставить передъ тобою всю опасность. Будь снисходительна, Лиза, къ моей обязанности. Впрочемъ, я не осуждаю тебя. Не требую, Лиза. Твоя мать не врагъ тебѣ и не развратительница. Я должна была предупредить тебя; но что же, въ самомъ дѣлѣ, или тебѣ быть притворщицею? При твоемъ характерѣ и нельзя быть счастливою черезъ обманъ. Не намъ съ тобою заманивать жениховъ. Пусть будетъ, что Богу угодно. Будутъ

женихи, то будутъ; не будутъ, то Богъ съ ними. Лучше оставаться въ дѣвушкахъ, чѣмъ идти замужъ противъ собственнаго расположенія.

Матушка не преувеличивала опасность моего положенія. Ужь и послѣ отказа Волкову я стала слышать отъ знакомыхъ дѣвицъ, что молодые люди, а въ особенности ихъ родные, называютъ меня гордою, слишкомъ разборчивою. Теперь я отвергала другого человѣка, также вполнѣ достойнаго лучшей невѣсты нашего круга, и должна была ожидать, что женихи будутъ обходить меня.

Однако же, черезъ нѣсколько времени мнѣ представлялся новый случай исправить мое неблагоразуміе. Я такъ же не воспользовалась имъ, какъ сватовствомъ Фролова, и отвергая третьяго жениха, съ наслажденіемъ думала: это послѣдній.

Это было весною 1851 года, черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ.

Моя надежда сбылась. Всѣми было рѣшено, что я слишкомъ много думаю о себѣ. Прошло лѣто 1851 года, прошла осень, прошла зима, — никто не сваталъ меня.

И я радовалась этому. Спокойно и счастливо провела я мой девятнадцатый годъ, не понимая ничего того, что готовилось во мнѣ, не предчувствуя ничего. Я помнила только, что я еще молода, что я могу долго ждать, пока встрѣтится человѣкъ, который не будетъ противенъ мнѣ; что если и не встрѣтится онъ, отецъ и мать не будутъ тяготиться мною... Я не понимала того, что готовилось во мнѣ.

II.

По дневнику.

Я сказала, что рано полюбила книги. Наша жизнь, тихая и благоразумная, была хороша для меня. Я съ любовью занималась хозяйственными заботами. Но онѣ были мелочны и однообразны, не могли поглощать всѣхъ силъ души. Для дѣвушки моего состоянія книги — главное развлеченіе, почти единственное удовольствіе. Потому-то между нами такъ много страстныхъ охотницъ читать. Можно ли осуждать насъ за это? Намъ нуженъ отдыхъ... у насъ много работы, она утомительна... этотъ отдыхъ такъ невиненъ...

Сначала книги принесли мнѣ пользу, — какъ мнѣ казалось. Онѣ развили, укрѣпили мое благоразуміе.

Когда я была ребенкомъ, я слышала отъ старшихъ подругъ, что онѣ влюбляются, и влюблялась по ихъ примѣру. Но книги скоро научили меня видѣть, что въ молодыхъ людяхъ, съ которыми мы танцовали, играли въ горѣлки, фанты, нѣтъ ничего очаровательнаго. Я стала понимать, какъ неловки ихъ претензіи на свѣтскость, неизящно ихъ франтовство; — они были неразвиты, они стали казаться мнѣ пошлы. На шестнадцатомъ году я перестала влюбляться въ нихъ, на семнадцатомъ перестала находить удовольствіе въ ихъ обществѣ.

Я была разсудительна съ дѣтства. Я считала эти перемѣны въ себѣ признаками того, что становлюсь все благоразумнѣе. Въ моемъ Дневникѣ за 1849 годъ раза три встрѣчается замѣтка: „какъ смѣшно и стыдно мнѣ вспомнить, что я еще недавно влюблялась. Теперь я понимаю, что это была дѣтская глупость“.

Я начала вести Дневникъ съ четырнадцати лѣтъ, и продолжала его до лѣта 1852 года, когда мнѣ было девятнадцать лѣтъ. Онъ очень кратокъ: по двѣ, по три строки за день, рѣдко строкъ восемь, десять. Въ началѣ его, на рѣдкой строкѣ нѣтъ нѣсколькихъ орографическихъ ошибокъ и въ послѣдней тетради едва ли найдется страница безъ цѣлаго десятка ихъ.

Я нахожу, что за два съ половиною мѣсяца до сватовства Волкова у меня записано:

„23 (іюля, 1850). Рожденіе Сашеньки. Ѣздили съ Каталонскими въ Буркинъ садъ. Было очень весело. Когда пріѣхали домой, долго мечтала".

По этой замѣткѣ я вспоминаю, что именно послѣ поѣздки въ садъ Буркина явилась въ моихъ грезахъ небывалая до того времени завлекательность и яркость.

Сашенька запрыгала отъ радости, когда кончились успѣхомъ наши переговоры съ Каталонскими, чтобы отпраздновать ея рожденіе поѣздкою за городъ, въ садъ. И я была въ восторгѣ. Вотъ мы пообѣдали; — и Каталонскіе также; вотъ запряжена въ длинныя дроги наша вороная лошадь - старушка; и лошадь Каталонскихъ также подана; готово, идемъ!—бѣжимъ!—Машенька Каталонская садится къ намъ: на ихъ дрогахъ тѣсно. Ѣдемъ.

Садъ Буркина лежитъ въ горахъ. Онъ не великъ, но къ нему примыкаетъ большая роща. Садъ занимаетъ ложбину; лѣсъ идетъ выше его, почти до вершины горы. Мы располагаемся въ рощѣ. Наши старшіе идутъ прогуливаться по отлогимъ, хорошо расчищеннымъ дорожкамъ нижней части ея, около площадки, гдѣ бы будемъ пить чай. Мы отправляемся взбираться на гору. Но братъ и Аркаша Каталонскій черезъ минуту исчезаютъ; какъ они счастливы, что они въ сапогахъ, которые не боятся каменистыхъ тропинокъ по спускамъ овраговъ! — они стремглавъ бросились по нимъ. Я кричу вслѣдъ: „оборветесь, убьетесь, господа!" — „Нѣтъ!" — едва долетаетъ голосъ Аркаши. Варенька, Анюта, Надя, Володя Каталонскіе, Сашенька хотятъ идти со мной и Машенькой на гору. Но черезъ пять минутъ я вижу, что всѣ они отстали отъ меня; — и Машенька, — пятнадцатилѣтняя! скоро будетъ невѣста! — тоже заигралась съ ними. Всѣ остались внизу. Машенька не позволитъ имъ зашалиться такъ, чтобы они ушиблись; — и я одна иду, все выше и выше; — сначала по узенькимъ тропинкамъ, — вотъ, нѣтъ и маленькихъ тропинокъ, надобно пробираться между вѣтвями, разводить ихъ, нагибаться; я въ самой чащѣ лѣса. Можетъ ли выскочить волкъ?—думаю я: - нѣтъ! — Я поднимаюсь все выше, выхожу изъ рощи на вершину горы, покрытую густымъ кустарникомъ; тутъ надобно быть еще осторожнѣе, чтобъ не изорвать платье! — Я пробираюсь кустарникомъ по гребню горы до другого лѣса, спускаюсь тамъ къ подошвѣ горы, — выхожу на поле.— О, какъ далеко я зашла! я думаю, больше двухъ верстъ отъ нашихъ! Пора возвращаться: тамъ, я думаю, ужь готовъ чай! - Я иду къ нашему бивуаку прямою дорогою, по полю, вдоль подошвы горы. — Что это? Дорожка пропадаетъ въ высокомъ тростникѣ; я иду, отводя его руками; — шумитъ ручей, — можно ли дойти до него? нѣтъ, подъ ногами проступаетъ вода, я испорчу башмаки: надобно опять подняться нѣсколько повыше. Я иду по тростнику, вдоль ручья, къ горѣ, меня совсѣмъ не видно въ тростникѣ! — Я думаю, еще никто не ходилъ тутъ прежде меня. Я иду здѣсь первая! — земля становится суше, тростникъ смѣнился травою, такою огромною, что она тоже выше моей головы; — но вотъ я могу видѣть черезъ нее садъ за ручьемъ; — она все ниже, земля становится совершенно суха: я могу

подойти къ самому ручью,—какъ я перепрыгну черезъ него? берега грязны на цѣлыхъ десять шаговъ!—но вотъ, перекинута черезъ него жердочка,, — съумѣю ли я перебѣжать по ней? —она очень тонка! —нѣтъ, не подломилась, и я не свернулась съ ней!—я бѣгу въ рощу, къ нашимъ; вотъ слышны голоса; маменька кричитъ: „Лиза, куда ты забѣжала? Пора чай пить!“—Машенька бѣжитъ на-встрѣчу мнѣ... Я очень проголодалась отъ прогулки. И съ какимъ жаромъ, восхищеньемъ я разсказываю всѣ приключенія моего путешествія по далекимъ, невѣдомымъ краямъ!—Потомъ, мы играли въ горѣлки; потомъ, когда взошелъ мѣсяцъ, мы съ Машенькой и братьями пошли опять къ ручью, и наши кавалеры хвалили мою смѣлость: я ушла далеко отъ всѣхъ, въ тростникѣ, такомъ густомъ и высокомъ.—Потомъ, мы ужинали: наши старшіе сварили очень вкусную гречневую похлебку съ бараниною; я помогала имъ; она варилась въ котелкѣ на треножникѣ изъ палокъ надъ маленькимъ костромъ, какъ дѣлаютъ пастухи. Когда котелокъ сняли, братъ и Аркаша набросали въ костеръ огромную кучу хвороста, и онъ ярко пылалъ, пока мы ужинали. — Потомъ, мы опять играли въ горѣлки и тутъ ни Аркаша, ни братъ не могли ни разу поймать меня. А когда мы собрались ѣхать домой, наши кавалеры опять набросали въ костеръ ужасно большой ворохъ самаго толстаго хвороста, и онъ удивительно освѣщалъ намъ дорогу до выѣзда изъ сада; и потомъ всю дорогу по спуску равнины до самаго города мы безпрестанно оборачивались смотрѣть, горитъ ли костеръ: горитъ, еще горитъ!

Черезъ полчаса по пріѣздѣ домой, отецъ, мать, братъ, сестра—всѣ крѣпко спали. Лежала и я въ своей лѣтней постелѣ,—перинѣ, положенной на полу балкона моего мезонина, подъ пологомъ, натянутымъ отъ перилъ балкона къ стѣнѣ: лежала, но дремота была далека отъ меня. Грудь моя глубоко дышала мягкимъ воздухомъ теплой ночи, мнѣ было жарко, я сбросила простыню, замѣняющую одѣяло, вѣтерокъ сладко, нѣжно щекоталъ мою шею, онъ освѣжалъ ее... я дала ему ласкать мои ноги, открыла ему грудь... онъ отвѣжалъ меня... Я оперлась на локоть и смотрѣла на свѣтло-синее полотно рѣки, перерѣзанное играющею золотою полосою мѣсяца, на Соколову гору, посеребренную его лучами... Я слушала тихое плесканье струй Волги о крутой берегъ... Вѣтерокъ ласкалъ, щекоталъ мои ноги, плеча, грудь... Я чувствовала себя бодрой, сильной, смѣлой, весело было у меня на душѣ. Мнѣ думалось, какъ легко, привольно, смѣло было мнѣ въ этой прогулкѣ по лѣсамъ, кустарникамъ, полямъ, камышамъ, въ сумракѣ вечера, въ полумракѣ ясной ночи, вдали отъ всѣхъ одной... Я иду, иду, все дальше, дальше... лѣсъ все гуще и гуще, я иду, иду... мнѣ жарко... я слышу журчанье ручья, бѣгу къ нему, зачерпнула воды, плеснула ею на лицо, на шею,—какъ освѣжаетъ она!—я спустила съ плечъ мою блузу, плещу на нихъ водою,—какъ свѣжо, хорошо!—я надвигаю блузу на плеча, надобно освѣжить мои бѣдныя ноги, онѣ устали отъ этой далекой прогулки; я сѣла на большомъ камнѣ у самой воды, отдыхаю,—дотронулась моею босою ногою до воды, опустила въ воду обѣ ноги; она слегка щекочетъ ихъ пальцы, щекочетъ ихъ ступни, струями переплескиваясь черезъ нихъ... я снимаю съ головы вѣнокъ изъ цвѣтовъ, бросаю въ ручей цвѣтокъ за цвѣткомъ, слѣжу глазами какъ они кружатся, ныряютъ, всплываютъ, быстро убѣгая по вьющимся струямъ... и вдругъ, я слышу голосъ, — голосъ мужчины!—„Скажите, прошу васъ, какою тропинкою пройти въ городъ? Я не здѣшній, потерялъ дорогу“, — хорошо, что я давно опять подняла блузу на плечи, засте-

тнула! — но я босая, — ахъ, какой стыдъ! — „Ахъ!“ — я оглядываюсь. — За моимъ плечомъ стоитъ молодой человѣкъ въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ, хорошенькій, незнакомый. — „Я испугалъ васъ?“ — спрашиваетъ онъ, улыбаясь. — „Нѣтъ“, говорю я: — „Вы не страшный. Я укажу вамъ дорогу, только обуюсь“. — Мнѣ такъ стыдно, что я босая! — „Позвольте, я помогу вамъ“, говоритъ онъ, становится на колѣни, — и, о ужасъ! — цѣлуетъ мои ноги! — „Вы дерзкій!“ — говорю я. — Онъ плачетъ, — онъ, бѣдняжка, вовсе не дерзкій, — онъ боится меня! — „Идите прочь,“ говорю я: — „Я сейчасъ обуюсь, и укажу вамъ дорогу“. — Онъ отходитъ, я обулась и кричу: Гдѣ вы? Идемъ, я поведу васъ!“ — Мы идемъ. — „Кто вы? какъ вы зашли сюда? Я думала, что здѣсь нѣтъ никого, зачѣмъ вы такъ подкрались? это нехорошо!“ — Онъ увѣряетъ, что онъ подошелъ, не замѣтивъ меня! — „Вы лжете! Вы хитрый!“ говорю я: — „Не должно такъ подкрадываться, вы испугали меня“, — я дѣлаю ему выговоры, я очень строгая! — Онъ, бѣдный, плачетъ! — Мнѣ жаль его. Онъ говоритъ: „Вы нисколько не любите меня!“ — „Вотъ прекрасно! За что-жь я стала бы любить васъ?“ — я обманываю его: я люблю его, ужасно люблю! — Онъ плачетъ. — „Вотъ дорога въ городъ“, говорю я: — „прощайте! Я не люблю васъ, потому что вы испугали меня“. — „Позвольте мнѣ идти съ вами“, — говоритъ онъ. — „Ни за что! Я терпѣть не могу васъ!“ — Онъ закрываетъ лицо руками и плачетъ, уходя отъ меня... Мнѣ очень жаль его, бѣдняжку, но я не ворочу его! — Нѣтъ, я строгая! Зачѣмъ онъ испугалъ меня?.. Я иду, иду, все дальше; лѣсъ все гуще и гуще, я иду, иду... мнѣ жарко, я ищу прохлады. Я слышу: журчитъ ручей, я иду къ нему. Надъ ручьемъ развѣсились густыя ивы, я плеснула водою на лицо, плечи, застегнула блузу, разулась, опустила ноги въ воду, — и онѣ освѣжились; такъ хорошо! — я обулась и иду прилечь подъ тѣнью ивъ: тамъ холодокъ, трава такъ мягка! — я прилегла, опершись на локоть, и отдыхаю... такъ прохладно, хорошо! — я начинаю дремать, но я не дремлю, я слышу все! — „Кто эта дѣвушка, такая смѣлая, которая одна зашла такъ далеко въ лѣсъ?“ — „Я не знаю ее, такъ же, какъ и вы“. — „Жаль будить ее! А можетъ быть, она указала бы намъ дорогу,“ — „Я не сплю“, говорю я и открываю глаза. — Передо мной стоятъ старикъ и молодой человѣкъ; — старикъ такой добрый, молодой человѣкъ такой хорошенькій. — „Это мой сынъ“, говоритъ старикъ: — „Мы не знаемъ дороги: не укажете ли вы намъ ее, милая дѣвушка?“ — „Съ удовольствіемъ“, говорю я: — „Идемъ!“ — „Зачѣмъ вы не смотрите на моего сына?“ говоритъ старикъ, — я хитрая, я только притворяюсь, что не смотрю на него: я безпрестанно украдкою взглядываю на него: онъ такой хорошенькій! — „Зачѣмъ же я стану смотрѣть на вашего сына? Мы незнакомы“, говорю я. — „Но онъ такъ любитъ васъ!“ — „Вотъ прекрасно!“ — говорю я и смѣюсь: — „почему-жь онъ не говоритъ самъ, если любитъ меня?“ — „Я люблю васъ, я боялся сказать,“ говоритъ молодой человѣкъ. — „Я очень благодарна вамъ за это“, говорю я этому молодому: — „Вотъ дорога въ городъ. Прощайте.“ — „Вы не любите моего сына!“ говоритъ старикъ и плачетъ. — „Вы не любите меня!“ говоритъ молодой человѣкъ и плачетъ. — „Нѣтъ, я не люблю васъ. Прощайте“. — Они идутъ и плачутъ оба. Мнѣ очень жалко ихъ, особенно молодого человѣка: онъ такой милый! — Но я не хочу вернуть ихъ, я не хочу сказать ему, что я люблю его: я кокетка, я люблю мучить всѣхъ, кто влюбляется въ меня... это приключеніе нравится мнѣ гораздо больше перваго: зачѣмъ тогда онъ такъ

испугалъ меня? Зачѣмъ подкрался, когда я была разута, какъ смѣлъ поцѣловать мою босую ногу?—Но онъ не виноватъ, бѣдняжка: я сама была такъ неосторожна! А онъ также былъ очень скромный,—и какъ онъ плакалъ, что я не хотѣла любить его!—Я лежу на своемъ балконѣ и думаю о немъ: мнѣ жаль его, зачѣмъ я заставила его такъ много плакать? Хорошо ли быть кокеткой?.. жарко!—я сбросила простыню... жарко! вѣтерокъ ласкалъ мою шею, я открыла ему грудь, дала ему щекотать мои плеча, ноги... онъ такъ хорошо освѣжаетъ!.. я оперлась на локоть и смотрю на синее полотно рѣки, слушаю тихое плесканье ея струй... Я думаю о немъ, мнѣ жаль его: зачѣмъ я тогда была кокетка? Зачѣмъ я не призналась ему, что и я люблю его?.. Если бъ я увидѣла его опять, я не была бы такой жестокой!.. Я слышу, голосъ поетъ подъ моимъ балкономъ: это его голосъ... Онъ поетъ о томъ, какъ мѣсяцъ золотитъ рѣку, теплый ночной вѣтерокъ струитъ ее, о томъ, какъ онъ любитъ меня... Онъ умоляетъ, чтобы я набросила мою мантилью, и вышла на балконъ,—ему не видно меня, я лежу, притаилась... бѣдный, мнѣ жаль обманывать его, я не хочу быть кокеткою.—Я набрасываю мантилью и подхожу къ балюстрадѣ балкона, оперлась и слушаю его, закутанная въ мантилью: онъ долженъ быть въ восторгѣ,—нѣтъ!—ему мало этого!—онъ недоволенъ моею мантильею! — онъ умоляетъ, чтобъ я сбросила ее и явилась ему, какъ свѣтлый день! — „Вы льстецъ!“ говорю я: — „я вовсе не такая красавица“. - Но онъ продолжаетъ умолять... бѣдный, я не хочу быть кокеткою, мучить его:— „Извольте“. говорю я:— „я такъ люблю васъ“, я откидываю мантилью съ лица: онъ долженъ быть доволенъ!—онъ недоволенъ и этимъ!—Онъ умоляетъ, чтобъ я продвинула мою ножку сквозь балюстраду!— „Какой вы смѣшной!“ говорю я:— „я знаю, вы хотите поцѣловать мою ногу. Но балконъ выше вашей головы! И если бы даже могли вы достать до рѣшетки, какое-жь удовольствіе приложить губы къ пыльной подошвѣ моей туфли?“ — „Вы не любите меня!“ говоритъ онъ и плачетъ... „Умоляю васъ! Вы нисколько не любите меня! Вамъ не жаль меня!“ — „Нѣтъ, мнѣ жаль васъ, я не могу ни въ чемъ отказать вамъ“, — я хочу пококетничать съ нимъ, — и мнѣ, въ самомъ дѣлѣ жаль его.— „Извольте“, говорю я, — и продвигаю носокъ ноги между каменнымъ поломъ балкона и нижнею полосою рѣшетки,—только чтобы посмѣяться, какъ онъ будетъ напрасно тянуться и все-таки не достанетъ:— но, ужасъ! —и какой же онъ хитрый! въ одинъ мигъ, онъ вспрыгиваетъ на скамью,—какъ я забыла, что подъ моимъ балкономъ есть скамья!—онъ вспрыгиваетъ на нее, схватываетъ мою ногу обѣими руками, нагибается, цѣлуетъ босой подъемъ ступни... какой хитрый! Но его поцѣлуй такъ ласково щекочетъ мою ногу: мнѣ смѣшно... онъ цѣлуетъ, цѣлуетъ босой подъемъ ступни:—„какой вы смѣшной!“ —говорю я,—ахъ, простодушная!—я ободрила его: онъ видитъ, что я не сержусь!—онъ сбрасываетъ туфлю съ моей ноги!—это дерзко!—я сержусь:— „Позвольте мнѣ уйти. Вы слишкомъ дерзокъ!“—но онъ и не думаетъ слушаться!— онъ крѣпко держитъ, прижимаетъ къ своей груди мою бѣдную босую ногу, цѣлуетъ всѣ пальцы ея... „Вы слишкомъ дерзокъ! Вы обижаете меня!“—говорю я строго:— „Я не могу любить такого дерзкаго!“ —онъ плачетъ и освобождаетъ мою ногу. Мнѣ очень жаль его. Но зачѣмъ онъ былъ такой дерзкій?—„Я приказываю вамъ уйти и не хочу любить васъ!“ — Онъ закрываетъ лицо руками и уходитъ... Жарко!—жарко! —Я хожу по балкону... Мнѣ очень жаль его, но я должна была наказать его!—Я хожу по балкону, я открываю вѣтерку мои плеча, онъ ласкаетъ,

щекочетъ ихъ. Я смотрю на гору, посеребренную мѣсяцемъ... мнѣ жаль его! мнѣ грустно... Я оперлась на балюстраду, смотрю на вершину далекой горы, она искрится блѣднымъ серебромъ при мѣсяцѣ... мнѣ грустно, грустно! Я никогда больше не увижу его! О, Боже, видѣть его только разъ, и такъ полюбить!—безъ надежды видѣться вновь!.. какъ же не грустить мнѣ?.. Я вспоминаю всѣ подробности нашей первой—и, о Боже!—послѣдней!—нашей встрѣчи съ нимъ на балѣ. О, какъ это ужасно, что наши родные въ ссорѣ! жестокіе! я никогда не увижу его! — о, Боже! это его голосъ! его голосъ подъ моимъ балкономъ!—„Я здѣсь, склони на меня кроткій взоръ твой, милая дѣвушка!“—„Вы здѣсь? какъ я рада! Но какъ могли вы очутиться здѣсь?“—„Я перелѣзъ черезъ стѣну вашего сада!“—„Такую высокую! Не дѣлайте этого въ другой разъ!—Вы можете упасть и ушибиться. Лучше, я дамъ ключъ отъ сада. Вы будете приходить къ этому балкону. я всегда буду ждать васъ на немъ“.—„И я никогда не пожму вашей руки!“—„Никогда!“—Онъ плачетъ, и я плачу... мы плачемъ, плачемъ... Мы плачемъ всю ночь и поутру я грустная, блѣдная. „Ты очень грустна“, говоритъ маменька.—„Маменька, я люблю его, а папенька въ ссорѣ съ его отцомъ!“—„Если это такъ огорчаетъ тебя, мы помиримся съ его родными“, утѣшаетъ меня мать, ведетъ къ отцу; отецъ не можетъ противиться нашимъ просьбамъ, ѣдетъ съ визитомъ къ его отцу и въ тотъ же вечеръ у насъ балъ, и онъ является на немъ уже безъ маски. Этотъ балъ—наше обрученіе. Намъ приказываютъ стать рядомъ, взять за руки другъ друга, благословляютъ насъ, велятъ намъ поцѣловаться,—мнѣ такъ стыдно—„не надобно“, шепчу я ему; —онъ—такой милый! — говоритъ: — „какъ это можно, папенька и маменька?“—„Пойдемъ въ садъ“, шепчетъ онъ мнѣ:—„тамъ никто не будетъ принуждать насъ“,—милый!—„Идемъ!“ говорю я,—и мы въ саду, гуляемъ по густымъ аллеямъ... Тамъ, въ залѣ, танцуютъ, до насъ едва доносятся звуки бальной музыки... жарко! Я сбрасываю простыню, я оперлась на локоть, открываю мою грудь, плечи, ноги, мягкому вѣтерку ночи, онъ ласкаетъ, освѣжаетъ меня. Мы гуляемъ по саду, онъ говоритъ:—„Я люблю васъ“...

Такія фантазіи бывали у меня и прежде: не разъ я клала въ сторону книгу, задумывалась, ставила себя на мѣсто героини, передѣлывала по-своему ея судьбу, ея чувства. Кто не испытывалъ этого? — Но прежде, увлеченія мыслей были у меня мимолетны: полчаса, много часъ,—и я опять погружалась въ чтеніе, если это бывало днемъ; полчаса, или четверть часа, и я засыпала, если это было вечеромъ, въ постелѣ. Теперь я промечтала всю ночь напролетъ, и на другой день побранила себя: „Какъ это можно, не спать до 4 часовъ, когда надобно вставать въ 7, чтобы заниматься дѣломъ? Нынѣ я заставила маменьку саму выдавать припасы и разливать чай: это нехорошо, этого не должно быть впередъ“.

Недѣля шла за недѣлею, этого не повторялось. По прежнему часто случалось мнѣ увлекаться интересною книгою; но по прежнему фантазія моя разыгрывалась на полчаса, на часъ, и послѣ того я опять спокойно продолжала чтеніе. Такою благоразумною, прозаическою читательницею дожила я до половины октября. Съ нею начались тревоги дѣйствительной жизни. Конецъ осени и почти вся зима моего восемнадцатаго года были отравлены для меня сомнѣніями въ своемъ благоразуміи, опасеніями, что отецъ и мать считаютъ меня упрямицею, капризницею за отказы

женихамъ.— Наконецъ я убѣдилась, что страхъ за отношенія къ матери и отцу былъ напрасенъ, и вмѣстѣ съ этою боязнью затихли мои тайные упреки себѣ. Еслибъ я дѣйствительно поступила неблагоразумно, отвергая жениховъ, которые были ненавистны мнѣ, то могли ли отецъ и мать, при своей заботливой любви, предоставить мнѣ такой полный произволъ? Они старались-бы отклонить меня отъ вреднаго упрямства упреками, наставленіями. По крайней мѣрѣ, они показывали бы мнѣ недовольный видъ. Ничего этого нѣтъ.

Послѣ отказа Волкову матушка сама успокаивала меня; послѣ отказа Фролову, сдѣлавши уступку обычаю нѣсколькими слабыми замѣчаніями, она прямо перешла на мою сторону: сама сказала, что нельзя идти за человѣка, если онъ не нравится, что заманивать жениховъ—низость, которая и не привела-бы къ счастью дѣвушку съ моимъ простымъ характеромъ; что если-бы я и осталась въ дѣвушкахъ, отецъ и мать не стали-бы отягощаться мною, попрекать и осуждать. Они оба продолжаютъ считать меня разсудительною дѣвушкою. Зачѣмъ же мнѣ мучить себя?.

Эти мысли утвердились во мнѣ къ концу зимы. Когда я отказала третьему жениху, моя увѣренность за отношенія къ матери и отцу совершенно оправдалась: матушка не сдѣлала мнѣ ни малѣйшаго упрека; сказала только, что и не ждала отъ меня согласія идти за жениха, который нисколько не лучше двухъ первыхъ, и прибавила, что я остаюсь для нея и отца, по прежнему, умною, разсудительною дѣвушкою, доброю, послушною дочерью, которой они всегда были, всегда будутъ довольны.

Чего было опасаться мнѣ теперь, о чемъ тосковать? Я стала беззаботна, весела, какъ въ старину. Это спокойное настроеніе души возвратилось ко мнѣ передъ началомъ весны 1851 года; и черезъ нѣсколько времени въ моемъ Дневникѣ явилась отмѣтка:

„22 (марта 1851). У насъ были гости: Шатиловы, Симоновы, Ершовы. Нашъ дворъ уже совершенно сухъ и мы весь вечеръ играли въ горѣлки: Леночка, Саша, Анюта Шат., Варенька, Надя Сим., Катя Ерш., трое насъ, шестеро Каталонскихъ,—цѣлыхъ 15 человѣкъ! Было очень весело. Гости уѣхали поздно, въ 12-мъ часу. Потомъ я долго мечтала“.

Черезъ пять дней былъ день моего рожденія и я нахожу замѣчаніе, по которому вижу, что совершенно вѣрны мои воспоминанія о впечатлѣніи, которыя оставила во мнѣ моя вторая безсонная ночь.

„27 (марта). День моего рожденія. Мнѣ исполнилось 18 лѣтъ. Маменька купила очень миленькую шляпку и дала Сашенькѣ, чтобъ она подарила мнѣ. Шляпка стоитъ 7 рублей. Премиленькая. Вечеромъ были гости: Шатиловы, Симоновы, Траховскіе, Ершовы, Рѣпинскіе. Танцовали. Когда всѣ разъѣхались мнѣ не спалось и я стала мечтать; но вздумалось пересмотрѣть свой Дневникъ за прошлый годъ. Увидѣла, что въ прошломъ году я была еще кокетка. Теперь я исправилась отъ этого“.

Какъ могла я увидѣть, что „я была кокетка“ въ прошломъ году, когда въ первую половину его я уже очень сухо держала себя съ молодыми людьми, а во вторую половину боялась и убѣгала ихъ?—Такъ я поняла перемѣну, которую замѣтила въ себѣ,—вотъ въ чемъ была перемѣна, и какъ была замѣчена мною:

Пересматривая Дневникъ своего восемнадцатаго года, я дошла до 23 іюля, прочла слова, въ первый разъ явившіяся тогда въ моихъ замѣткахъ „долго меч-

тала“, и остановилась на нихъ. Мнѣ вспомнились всѣ сцены, которыми играла тогда моя фантазія; я сравнивала ихъ съ мечтами, въ которыхъ прошла у меня цѣлая ночь послѣ игры въ горѣлки, шесть дней тому назадъ: какая разница!

Тогда, за восемь мѣсяцевъ до нынѣшняго вечера, я сидѣла у ручья, плескаясь въ водѣ босыми ногами; молодой охотникъ подкрался и смотрѣлъ на эту игру,— вызвался обуть меня,—я я позволила ему обуть меня!—и онъ сталъ цѣловать мои босыя ноги!—я осталась недовольна, прогнала этого дерзкаго и замѣнила его молодымъ человѣкомъ, который шелъ вмѣстѣ съ отцомъ-старичкомъ, и былъ совершенно милъ и скроменъ; я даже не хотѣла признаться, что люблю его, хоть мнѣ было очень жаль видѣть, какъ онъ плачетъ о моей жестокости; но когда я отдыхала на моемъ Севильскомъ балконѣ надъ Гвадалквивиромъ, я опять была такая нескромная дѣвушка!—Правда, я думала только пошутить надъ нимъ, согласившись продвинуть носокъ ноги сквозь чугунныя перила: балконъ былъ высокъ, я только думала посмѣяться, какъ онъ будетъ тянуться и не достанетъ; но продвигать ногу,—босую ногу, только въ низенькой туфлѣ,—продвигать съ позволеніемъ цѣловать ее, хоть-бы только въ шутку!—и какъ я была наказана за нескромную шалость!—онъ сбросилъ туфлю и прижалъ къ своей груди мою босую ногу!—Правда, я разсердилась на дерзкаго и безъ всякой жалости прогнала его, хоть онъ былъ очень хорошенькій и я ужасно любила его;—но все-таки, я была ужасно нескромная: такая шалость!—продвинуть носокъ босой ноги сквозь чугунныя перила! правда, потомъ я уничтожила за это Севилью и Гвадалквивиръ, перенеслась въ Верону, у покрытыхъ снѣгомъ Альпъ,—и на моемъ Веронскомъ балконѣ я держала себя уже очень скромно, и Ромео былъ такъ милъ: ни разу не поцѣловалъ меня, когда мы съ нимъ гуляли по нашему саду. Но потомъ, опять было столько сценъ съ босыми ногами!—однажды, когда я сидѣла въ бѣломъ платьѣ въ моемъ Сандомірскомъ саду у фонтана, на скамьѣ, онъ даже обнималъ мои колѣна, и я не отталкивала его,—правда, онъ былъ очень милый, очень скромный, и все плакалъ. Но, потомъ, когда этотъ гадкій воевода съ жесткими сѣдыми усами былъ убитъ, и на шумъ прибѣжала маменька, прибѣжали всѣ, было опять обрученіе, я даже цѣловалась съ моимъ женихомъ! —Было столько такихъ сценъ! все цѣловали мои ноги,—однажды даже плечо!—о, какъ я разсердилась тогда!—но сколько разъ я цѣловалась съ моимъ женихомъ!—какая вѣтренная была я тогда!—ужасно!

Теперь, какая разница!—Теперь, когда я опять промечтала цѣлую ночь, ни въ одной изъ моихъ фантазій не было дерзкихъ, цѣловавшихъ мои босыя ноги,— не было дерзкаго, поцѣловавшаго мое плечо, не было ничего подобнаго! — и это потому, что я не дѣлала такихъ вѣтренностей,—не мыла ногъ въ ручьѣ, не выходила на балконъ съ туфлями на босую ногу слушать серенаду; теперь я всегда была скромна, какъ тогда Джульетта.

Я не поняла, что я стала въ моихъ фантазіяхъ вмѣсто прежняго шаловливаго ребенка взрослою дѣвушкою; скромность моихъ фантазій этой второй безсонницы была понята мною какъ то, что я перестала быть вѣтренницею, кокеткою... Счастлива была бы я, если-бъ не произошло этой перемѣны, обрадовавшей меня тогда, если-бы я навсегда продолжала мечтать такъ нескромно, какъ въ первую безсонницу, на моемъ восемнадцатомъ году!

Но, начавши возвращаться теперь, на девятнадцатомъ году, мои мечты сохранили свой новый скромный характеръ.—Онѣ стали теперь возобновляться не очень

рѣдко: каждый разъ, когда какой-нибудь особенный случай нарушалъ тихое, усыпляющее однообразіе моего прозаическаго образа жизни. Въ продолженіи семи мѣсяцевъ, съ начала апрѣля до ноября 1851 года, слова „долго мечтала“ повторяются въ моемъ Дневникѣ одиннадцать разъ: пять разъ послѣ поѣздки за городъ, въ садъ; разъ послѣ поѣздки на тотъ берегъ Волги; два раза, когда я была на вечерахъ съ танцами подъ фортепіано и какую-нибудь скрипку родного музыканта, которые назывались въ нашемъ кругу балами; три раза послѣ дней, въ которые была сильная гроза. Во время грозы у меня были мои праздники: я бросала работу, выходила на мой балконъ, любовалась тучами, любовалась молніею; потомъ, когда порывы урагана затихали, я выносила свои цвѣты на крыльцо подъ дождикъ.—Не только въ эти дни нашихъ страшныхъ волжскихъ урагановъ, когда всѣ запираются и закрываютъ ставни, но и въ остальные дни, послѣ которыхъ овладѣвало мною романическое настроеніе, не было совершенно ничего, сколько нибудь похожаго на романическія положенія. Мы катались по Волгѣ и ѣздили въ сады только съ Каталонскими. Это было все равно, что мы одни. На вечерахъ не встрѣчался мнѣ никто изъ молодыхъ людей, кромѣ такихъ, какими были въ свое время Волковъ и Фроловъ (они теперь были женатые люди, потому я и сказала: „были въ свое время“; молодой человѣкъ въ нашемъ кругу только женихъ или кандидатъ стать женихомъ). Эти молодые люди, съ которыми я танцовала, теперь не были даже скучны для меня: я и не допускала ихъ говорить о чемъ нибудь, кромѣ ихъ семейныхъ и служебныхъ дѣлъ; объ этихъ вещахъ можно говорить безъ скуки и съ самыми скучными людьми. Я уже не боялась моихъ кавалеровъ: у нихъ не было и мысли говорить мнѣ любезности, не только что смотрѣть на меня, какъ на невѣсту. И когда я возвращалась домой съ такого бала, мои кавалеры такъ же мало припоминались мнѣ, какъ ихъ отцы, матери, тетки.

Но довольно было того, что я возвращалась домой веселая: я любила танцовать; довольно было того, что перерывался однообразный ежедневный порядокъ моего образа жизни, что мои мысли отрывались на нѣсколько часовъ отъ обыденныхъ семейныхъ заботъ;—довольно было того, что движеніе и веселая музыка танцевъ или свѣжій воздухъ полей, садовъ, нашей Волги пробуждали мой молодой организмъ отъ разсудительной хозяйственной дремоты: неопредѣленная жажда жизни просыпалась во мнѣ; и когда я возвращалась въ свою маленькую комнату на мезонинѣ, мои мысли неслись въ эѳирныя пространства, въ ушахъ звучали мелодіи, передъ моими глазами возникали свѣтлыя видѣнія въ полусвѣтѣ мѣсячной, во мракѣ черной ночи...

Свѣтлыя видѣнія. Въ то первое время моихъ грезъ на яву, всѣ они были свѣтлы. Въ своихъ фантастическихъ воспоминаніяхъ изъ міра поэзіи, чуждаго моей жизни, я забывала, передѣлывала въ радостную идиллію все, о чемъ припоминалось мнѣ изъ книгъ, увлекавшихъ меня. Въ моихъ мечтахъ не возникало ничего трагическаго, ничего драматическаго; въ нихъ не было даже никакого развитія: все, воскресавшее передо мной въ капризныхъ передѣлкахъ читаннаго, принимало характеръ легкой пасторали, беззаботно-нѣжной, безконечно останавливавшейся на первомъ свиданіи; оно было все одно и то же, все первое, хоть повторялось тысячи и тысячи разъ; оно было все одно и то же, съ безмятежно дѣтскимъ спокойствіемъ моимъ и его, двухъ воздушныхъ существъ, наслажденіе которыхъ—ощущать вѣяніе ласковаго вѣтерка, слушать журчанье ручья, очаровы-

ваться нѣжными звуками милыхъ словъ, дышащихъ любовью,—безъ трепетанія сердца, безъ волненія крови; смотрѣть въ глаза другъ другу, пожимать руки, видѣть его, кротко цѣлующаго мою руку, безконечно повторять другъ другу: „я люблю тебя“—вотъ все содержаніе моей пасторали съ неистощимымъ разнообразіемъ сплетавшейся изъ тысячи сценъ одной и той же первой сцены.

Онъ, мой милый, былъ эфирное видѣніе съ чертами, совершенно неопредѣленными. Все, что отчетливо рисовалось мнѣ, были его глаза, смотрѣвшіе на меня кротко и безмятежно. Они не вспыхивали огнемъ, они только сіяли ровною, спокойною, тихою радостью: въ нихъ не было блеска, была только нѣжность. Только это, только выраженіе его глазъ и было ясно, опредѣленно знакомо мнѣ: я не видѣла отчетливо даже цвѣта ихъ. Когда смутное представленіе мое о ихъ цвѣтѣ имѣло оттѣнокъ болѣе темный, мнѣ рисовалось въ туманныхъ чертахъ, что его темные волосы оттѣняютъ матовую блѣдность его лица. Но чаще его глаза должны были быть голубые,—„должны были“, потому что я мало замѣчала цвѣтъ ихъ, я видѣла только ихъ доброе, кроткое сіяніе;—тогда мнѣ видѣлось, что у него вьются каштановые или русые локоны, и что на его щекахъ есть нѣжный румянецъ. Но все это видѣлось мнѣ неясно, какъ будто сквозь туманъ, въ которомъ сливаются оттѣнки цвѣтовъ и черты. Я не знала о его лицѣ даже того, овальное или худощавое оно: я не могла замѣчать этого, потому что была очарована выраженіемъ его глазъ;—только это выраженіе и видѣла я,—и чувствовала теплоту его руки, пожимающей мою руку, чувствовала легкость теплаго прикосновенія его губъ къ моей рукѣ, когда онъ цѣловалъ ее.

И я сама была такимъ-же воздушнымъ существомъ, какъ онъ. Я едва слышала усиленное біеніе сердца, когда я ждала его и когда онъ являлся вдали, идущій на свиданье: я едва могла чувствовать, я почти не замѣчала, что мое сердце расширяется, трепещетъ,—нѣтъ, оно и не трепетало, оно только согрѣвалось при этомъ ожиданіи, при его приближеніи. И я вздрагивала только отъ робкаго испуга неожиданной встрѣчи, когда онъ являлся не на свиданье, а внезапно, когда я, еще не знакомая съ нимъ, думала, что нѣтъ никого вблизи меня, что я въ одинокомъ, пустынномъ мѣстѣ, и вдругъ слышала нѣжный голосъ подлѣ меня, или оглянувшись, видѣла подлѣ себя его, незнакомаго,—я вздрагивала отъ неожиданности, но не отъ волненія сердца. И когда онъ бралъ мою руку, цѣловалъ ее, только рука моя ощущала теплоту прикосновенія, удары моего сердца не учащались, щеки мои не вспыхивали, и его взглядъ только ласкалъ меня, безмятежно радостную.

У насъ было много, много исторій, добрыхъ, тихихъ, радостныхъ. Онѣ всегда были радостны. Часто,—очень часто, мы съ нимъ и плакали, много, много. Мы не знали, какъ сказать нашимъ роднымъ, что мы любимъ другъ друга: у меня былъ ненавистный женихъ, или мой милый былъ слишкомъ бѣденъ, или онъ былъ не изъ нашего города, и мы не надѣялись, чтобы мои родные согласились на разлуку со мною, или я тосковала предчувствіемъ разлуки съ ними: мы часто, много плакали; но мы имѣли слишкомъ твердое предчувствіе, что препятствіе нашему счастью устранится; и оно всегда устранялось: маменька видѣла мою грусть, и отказывала гадкому жениху; — она догадывалась о моей любви, и говорила, что умъ и сердце моего милаго дороже всякаго богатства; мой милый узнавалъ, что исчезло препятствіе для него оставаться въ нашемъ городѣ и мы переставали плакать о томъ, что мнѣ надобно оторваться отъ родныхъ. Мы съ нимъ всегда

предчувствовали счастливую развязку и потому наши слезы были легки, пріятны: обливаясь ими, мы знали, что онѣ только приготовленіе къ радости. Но обыкновенно, и съ самаго начала не было никакихъ препятствій нашей любви: я знакомилась съ моимъ милымъ гдѣ нибудь на прогулкѣ за городомъ; мои родные видѣли нашу любовь; мой милый нравился имъ, они хвалили меня за такой прекрасный выборъ, благословляли насъ,—и мы становились женихомъ и невѣстою; но были еще такъ молоды, что наша свадьба отлагалась надолго, и мы цѣлые мѣсяцы, цѣлые годы, безконечно оставались женихомъ и невѣстою,—все сидѣли вмѣстѣ, все гуляли вмѣстѣ, все говорили о томъ, какъ мы любимъ другъ друга, и мой милый все цѣловалъ мою руку.

И никогда не было однообразія въ этой одной и той же исторіи, повторявшейся сотни разъ въ долгую и быстро пролетѣвшую ночь 21 марта, и въ каждую изъ слѣдующихъ ночей, подобныхъ ей.

Я насчитываю по своему Дневнику одиннадцать такихъ ночей съ начала апрѣля до ноября 1851 г. Пришла зима и однообразный порядокъ моей жизни сталъ нарушаться рѣже. До слѣдующаго дня моего рожденія въ пять мѣсяцевъ только четыре раза встрѣчается отмѣтка „долго мечтала“: два раза это было послѣ того, какъ мы были въ театрѣ; одинъ разъ послѣ вечера съ танцами у нашихъ знакомыхъ Ершовыхъ; разъ послѣ вечера у насъ въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Съ началомъ этой весны отмѣтка „долго мечтала“ встрѣчается все чаще и чаще,—и большею частью, уже безъ всякихъ особенныхъ поводовъ: въ четыре мѣсяца я насчитываю семнадцать этихъ безсонницъ. А между тѣмъ, только три раза была какая нибудь причина размечтаться, въ родѣ прежнихъ: однажды, катанье по Волгѣ, въ другой разъ поѣздка за городъ, въ третій—вечеръ у Каталонскихъ, въ день рожденія Машеньки.—Зато съ половины мая встрѣчаются отмѣтки: „хотѣла мечтать, какъ вчера, но уснула; такъ жаль,— непремѣнно хотѣла долго мечтать, но уснула; такъ жаль!“—5-го іюня, 14 іюня записано:—„Я перестала быть вѣтренницею: это видно даже и изъ того, какъ я мечтаю: вовсе не такъ смѣшно и глупо, какъ въ прошломъ году“.

Вотъ въ чемъ была перемѣна. Она происходила постепенно и была замѣчена мною, когда уже почти окончательно развилась:

Содержаніе моей пасторали оставалось одно и то же, но ея обстановка измѣнялась, какъ я сказала, съ неистощимымъ разнообразіемъ. Шли мѣсяцы и нечувствительно для меня самой одинъ изъ видовъ обстановки, сначала совершенно исчезавшій среди другихъ, болѣе блестящихъ, сталъ являться часто и съ весны 1852 года,—съ начала моего двадцатаго года, сталъ все рѣшительнѣе брать верхъ надъ остальными: вмѣстѣ съ его перевѣсомъ надъ другими, все постояннѣе дѣлалось, кто я и кто мой милый. Наши отношенія, разговоры, чувства сохраняли прежній свѣтлый колоритъ, прежнюю эѳирную безмятежность; но все тѣснѣе становился кругъ поэтическихъ воспоминаній, изъ которыхъ я создавала себя и своего милаго, и въ нашу воздушную жизнь входило все больше похожаго на мою дѣйствительную жизнь, все ближе и роднѣе мнѣ становилась земля, до которой мы едва касались. Все рѣже бывали мы людьми чуждыхъ мнѣ странъ, далекихъ отъ меня состояній. Севилья и Гвадалквивиръ, Верона и Альпы, потомъ и Петербургъ съ его Невою все больше заслонялись моимъ роднымъ городомъ съ его не-

высокими горами и нашею безбрежною Волгою. Аристократки и поселянки испанки и итальянки все больше уступали мѣсто дочери небогатаго русскаго чиновника, и ея милый все чаще являлся простымъ небогатымъ человѣкомъ, сыномъ маленькаго помѣщика или чиновника, пріѣхавшимъ изъ университета служить въ нашемъ городѣ. Шли мѣсяцы, пришла весна моего двадцатаго года, зазеленѣли сады вокругъ моего родного города и мы съ моимъ милымъ совершенно перестали выходить изъ тихаго, скромнаго быта, знакомаго мнѣ по дѣйствительной жизни: театромъ нашихъ неожиданныхъ встрѣчъ, условленныхъ свиданій, безконечныхъ прогулокъ стали всегда бывать окрестности моего родного города, по которымъ любила гулять я дѣйствительная, я, Лиза Свилина; и когда мы съ моимъ милымъ сидѣли въ комнатѣ, эта комната была гостиная нашего дома, была моя маленькая комната на мезонинѣ... Вотъ почему я записала: „я мечтаю гораздо разсудительнѣе прежняго“. Не было ли это справедливо?

Я стала всегда одна и та же, и мой милый сталъ все одинъ и тотъ же,—и вотъ почему я записала тогда: „я перестала быть вѣтреною даже въ моихъ мечтахъ“. Знакомѣе и знакомѣе становился мнѣ мой милый и черты его все яснѣе рисовались въ моемъ воображеніи,—и вотъ я стала видѣть его лицо уже совершенно ясно.

20-го Іюня въ моемъ Дневникѣ записано: „Я прекрасно вижу его лицо“.

22-го іюня у меня записано: „Его лицо знакомо; кто онъ?“

И вотъ я уже не въ забвеніи грезъ, не ночью, а въ раздумьи, днемъ, за пяльцами, за своимъ шитьемъ, не мечтаю, а стараюсь вспомнить, понять: кто-жь онъ? Не фантазія создала его, моя память воспроизвела это лицо, я почти увѣрена въ томъ. Я должна была видѣть этого молодого человѣка съ длинными каштановыми волосами, съ большими карими глазами, съ овальнымъ, нѣсколько загорѣвшимъ лицомъ, съ маленькими темными усами. Напрасно я припоминаю... или я только мелькомъ видѣла его гдѣ нибудь на гуляньѣ, въ церкви?—быть можетъ, на балѣ въ Дворянскомъ Собраніи, гдѣ однажды была я три года тому назадъ?—или въ театрѣ, гдѣ была я два раза въ прошлую зиму, и прежде нѣсколько разъ?.. Гдѣ я видѣла его?—Но я должна была видѣть его: его лицо совершенно живо рисуется передо мною, оно знакомо моимъ глазамъ.

Въ моемъ Дневникѣ отмѣчено: „24 іюня. Братъ и Аркаша пріѣхали изъ Казани. Оба перешли во второй курсъ. Я ужасно обрадовалась имъ“.

Черезъ два дня кончается мой Дневникъ. Потому я знаю, что это было на третій день послѣ пріѣзда брата. Я узнала, кто мой милый. Но это уже не записано въ моемъ Дневникѣ.

Мы сидѣли вечеромъ за чаемъ. Братъ отказался отъ второй чашки, всталъ и сказалъ: „Я иду къ Лачинову“,—я вздрогнула и вспыхнула: „Лачиновъ—это онъ!

III.

Лачиновъ.

„Лачиновъ—это онъ!“ —но непохожій на того Лачинова, къ которому теперь шелъ мой братъ. Моего Лачинова нельзя было узнать въ этомъ; мой милый.—онъ прежній Лачиновъ, сохранился только въ моей вѣрной памяти.

Теперь, лѣтомъ 1852 года, Лачинову было еще только тридцать лѣтъ. Но его крѣпкое здоровье уже разстроилось. Я не видѣла его уже три года, хоть онъ жилъ въ нашемъ городѣ, хоть братъ очень часто бывалъ у него до прошлаго лѣта, когда уѣхалъ въ Казань, хоть и онъ до прошлаго лѣта раза по три, четыре въ годъ бывалъ у насъ. Я не любила видѣть такихъ людей. Когда я видѣла его въ послѣдній разъ, весною 1849 года, ему было двадцать семь лѣтъ; но онъ задохнулся, взошедши на крыльцо нашего дома, имѣвшее пятнадцать ступенекъ; онъ уже и тогда говорилъ про себя, что смотритъ въ могилу. Страшно сказать отъ чего: онъ слишкомъ много пилъ.

Когда онъ, въ 1848 году, возвратился изъ Москвы въ нашъ городъ, увидѣлъ моего брата у Ершовыхъ, вспомнилъ его, пригласилъ къ себѣ, и братъ началъ ходить къ нему, отецъ и мать стали говорить Гришѣ, что имъ непріятно это знакомство, что они боятся такого знакомаго. Братъ не слушался совѣтовъ, продолжалъ бывать у Лачинова. Отецъ и мать сердились на Гришу, положительно приказывали перестать ходить къ Лачинову; братъ не слушался. Началась довольно серьезная ссора; братъ выдержалъ ее. Черезъ полгода отецъ и мать стали успокоиваться: въ самомъ дѣлѣ, Гриша ни разу не приходилъ отъ Лачинова пьяный: они убѣдились наконецъ, что братъ не портится отъ знакомства съ нимъ, перестали спорить.

Но я гораздо дольше отца и матери продолжала бояться за брата. Лачиновъ былъ такой дурной человѣкъ, слышала я.

И то, что я слышала, было вѣрно. Я спрашивала у Гриши, правда ли, что нѣтъ ни одного дня, когда Лачиновъ ложился бы спать не пьяный. Онъ долженъ былъ отвѣчать: правда.—И чѣмъ дольше шло время, тѣмъ хуже становились слухи о Лачиновѣ. И всѣ они были вѣрны. Ихъ пересказывали и у насъ, и у Каталонскихъ. Маменька и Анна Ларіоновна не любили напрасно повторять дурное о людяхъ.

Въ 1847 году, когда былъ еще въ Москвѣ, Лачиновъ получилъ послѣ отца прекрасное имѣніе, въ годъ промоталъ все и пріѣхалъ въ нашъ городъ потому, что нечего было больше проматывать. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ, по его выраженію, тѣмъ, что „вырабатывалъ“: его работа состояла въ томъ, что онъ былъ самый лучшій игрокъ въ цѣлой губерніи. Когда онъ спускалъ всѣ деньги, онъ садился „работать“ въ коммерческія игры, и наигрывалъ себѣ много денегъ, послѣ того „давалъ волю“ себѣ,—это значило, что онъ бросалъ винтъ, преферансъ, никетъ и переходилъ къ банку и ланскне; послѣ разныхъ оборотовъ счастья всегда кончалъ тѣмъ, что проигрывалъ все, наигрывалъ на себя долгъ; тогда опять начиналъ „работать“.—Я спрашивала брата, правда ли это: Гриша отвѣчалъ: все правда. Я не спрашивала брата, правда ли другое дурное, что говорили о Лачиновѣ. Свѣтская дѣвушка должна была бы показывать видъ, что и не слышала этого дурного, когда была молода. Но я не вошла въ свѣтъ, и выросла въ одномъ изъ простыхъ скромныхъ семействъ, гдѣ старшіе родные говорятъ при дѣвочкахъ и взрослыхъ дѣвушкахъ, своихъ дочеряхъ и племянницахъ, обо всемъ, о чемъ говорятъ между собою; не молчатъ при нихъ о дурномъ потому, что говорятъ о немъ такимъ тономъ, который не раздражитъ воображенія: не молчатъ потому, что съ дѣтства надобно пріучать понимать, какъ страшна жизнь дурныхъ людей.

Я слышала, какъ живетъ Лачиновъ: гадко. Года черезъ два по его возвра-

щеніи въ нашъ городъ разсказывали, что мужъ одной чиновницы, которая ушла къ Лачинову, привелъ полицію взять жену; Лачиновъ далъ денегъ полицейскому, а мужа выгналъ въ шею; черезъ нѣсколько дней эта женщина уѣзжала назадъ къ мужу, обокравъ Лачинова. Лачиновъ былъ тогда въ выигрышѣ и она унесла много денегъ, поэтому мужъ принялъ ее очень почтительно. Странно было бы мнѣ сказать, что я не слышала этой исторіи: о ней говорили тогда всѣ въ городѣ, до маленькихъ дѣтей. Послѣ того у Лачинова были еще двѣ такія же гадкія исторіи. Одна изъ его пріятельницъ попалась въ воровствѣ; другая, пьяная, едва не зарѣзала его.

Я слышала все это и мнѣ гадко было думать о Лачиновѣ. Я только слышала объ этомъ гадкомъ Лачиновѣ и почти не знала его. Когда братъ сталъ ходить къ нему, онъ изрѣдка заѣзжалъ къ намъ, чтобы показать, что не тяготится частыми посѣщеніями Гриши, самъ зоветъ его бывать почаще. Я уходила. Въ 1849 году мелькомъ видѣла его однажды, входящаго къ намъ: послѣ я всегда успѣвала уйти къ себѣ на мезонинъ и, какъ сказала, ни разу не видѣла его въ 1850 и 1851 году.—Въ 1849 году, въ началѣ знакомства брата съ нимъ, я старалась убѣдить Гришу бросить этого дурного человѣка, какъ тоже упомянула. Но потомъ перестала говорить о немъ и съ братомъ, потому что Гриша только сердился. Я почти забыла о существованіи Лачинова, когда братъ лѣтомъ 1851 года уѣхалъ въ Казань.

Этотъ Лачиновъ, гадкій человѣкъ, о которомъ я забыла, только совершенно закрылъ отъ меня того молодого человѣка, котораго я видѣла, когда была двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою.

Я видѣла его тогда, въ 1845 году, раза четыре у Ершовыхъ, нашихъ близкихъ знакомыхъ. Татьяна Ѳедоровна Ершова была двоюродная тетка его. Въ то лѣто семейство Лачинова жило, противъ обыкновенія, не въ деревнѣ, а въ губернскомъ городѣ. Онъ пріѣхалъ на каникулы. Онъ уже три года былъ въ университетѣ. Изъ разговоровъ его помню, что онъ хвалилъ маменькѣ Гришу, называлъ его умнымъ мальчикомъ; поддерживалъ маменьку въ мысли, что когда Гриша кончитъ курсъ въ гимназіи, то не слѣдуетъ отдавать его на службу, а непремѣнно должно послать въ университетъ. Помню, маменька была очень рада, слушая, что такой прекрасный и умный молодой человѣкъ хвалитъ Гришу. Еще я помню, что его спрашивали, почему онъ не въ студенческомъ мундирѣ, а носитъ статское платье, и онъ отвѣчалъ, что въ томъ году вышелъ изъ студентовъ и сдѣлался вольнымъ слушателемъ, и объяснялъ Ершовой и маменькѣ разницу между студентомъ и вольнымъ слушателемъ.

Тогда онъ очаровалъ собою всѣхъ людей нашего круга, видѣвшихъ его у Ершовыхъ. Потомъ, на три года онъ совершенно пропадалъ изъ виду у нихъ. Когда, въ 1848 году, онъ возвратился въ нашъ городъ, о немъ тотчасъ же стали говорить: „кажется, онъ испортился. Онъ ничего не дѣлалъ въ Москвѣ, только кутилъ. При такихъ дарованіяхъ, пробывъ шесть лѣтъ въ университетѣ, онъ пріѣхалъ домой ни съ чѣмъ“. Черезъ нѣсколько дней узнали, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы потому, что промоталъ все.—Потомъ начались тѣ слухи, о которыхъ я говорила.—Онъ скоро пересталъ бывать у Ершовыхъ.

А сначала, онъ былъ у нихъ раза два, когда у нихъ собирались гости.

Въ оба раза я не видѣла его. Онъ не входилъ въ залъ, гдѣ мы танцовали. Пробылъ въ гостиной съ пожилыми дамами, пока не устроился преферансъ.

На первомъ вечерѣ онъ сидѣлъ нѣсколько минутъ съ маменькою; разговорившись, вспомнилъ, что у нея есть сынъ, который 3 года тому назадъ понравился ему, показался умнымъ и любознательнымъ мальчикомъ.—На другой день между нашихъ разговоровъ о вечерѣ маменька пересказала всѣмъ намъ, что Лачиновъ помнитъ и хвалитъ Гришу. Когда у Ершовыхъ былъ опять вечеръ, братъ подошелъ къ Лачинову, сталъ разспрашивать его о Московскомъ университетѣ. Лачиновъ былъ очень ласковъ, обѣщалъ давать Гришѣ книгъ, журналы.

Потомъ, какъ я сказала, я видѣла мелькомъ однажды Лачинова, когда онъ входилъ къ намъ. Спорила противъ него съ Гришею. Потомъ перестала говорить о немъ съ братомъ и не видѣла ни разу въ остальные два года ученія Гриши въ гимназіи. Потомъ, когда Гриша уѣхалъ въ Казань, цѣлый годъ ничто и не напоминало мнѣ о Лачиновѣ.

Семь лѣтъ или думать о человѣкѣ очень дурно, избѣгать видѣть его, или большую часть этого времени, вовсе и не помнить о немъ,—и вдругъ замѣтить, что въ моемъ миломъ я люблю его, какимъ видѣла за семь лѣтъ!

И тогда, въ 1845 году, что-жь я была для него, что-жь онъ могъ быть для меня?—Ему было тогда 23 года, мнѣ—двѣнадцать. Я видѣла его, онъ и не замѣтилъ меня.

Какъ же могло быть это, что его тогдашнія, совершенно забытыя мною черты постепенно воскресали въ моей памяти?—Онъ былъ до такой степени забытъ мною, что его тогдашнее лицо, быть можетъ, нѣсколько недѣль рисовалось передъ моими глазами, и я не узнавала, чье это лицо; думала нѣсколько дней и все не могла вспомнить.

Братъ былъ съ нами уже третій день. Вѣроятно, въ эти дни онъ не разъ упоминалъ фамилію своего знакомаго,—вѣроятно, потому что уже былъ у него;—лицо моего милаго, весь характеръ моего милаго были такъ чужды этому знакомому брата, что я слышала о немъ и не вспоминала; быть можетъ, и потому, что старалась пропускить безъ вниманія фамилію этого гадкаго человѣка.

И вдругъ,—это было 25 іюня,—въ моихъ невнимательныхъ ушахъ прозвучали громкія слова брата: „я иду къ Лачинову“, и я вздрогнула, вспыхнула: Лачиновъ—это онъ!

Я поспѣшно допила чай и ушла въ мою комнату. Весь вечеръ я думала: что-жь это, какъ-же это онъ—Лачиновъ? Я не могла понять ничего. Мнѣ было только стыдно за моего милаго, что онъ—Лачиновъ. Какъ я запишу это въ мой Дневникъ?—я писала въ него все; какъ я запишу въ него такой стыдъ: „я влюблена въ Лачинова?“—Я не писала въ этотъ день своего Дневника. Я сказала себѣ: я разлюблю его. День шелъ за днемъ. Теперь каждый день, неотступно весь день, весь вечеръ я думалъ о моемъ миломъ, все хотѣла разлюбить Лачинова, сдѣлать, чтобы мой милый не былъ онъ.

— Ты задумчива, или грустна, Лиза, сказала маменька:—я замѣчаю уже два дня, что ты какая-то унылая.

— У меня болитъ голова, маменька, сказала я.

— Напейся липоваго цвѣта или малины.

— Напьюсь, маменька.—И вечеромъ налила себѣ липоваго цвѣта. Я уже должна была притворяться!—Боже мой, что это со мною? Боже мой, какая гадкая стала и я сама! Вотъ, что значитъ полюбить дурного человѣка!—Какъ я запишу это, что стала притворщицею, обманула маменьку? —И я не вела моего Дневника.

Я не знаю, сколько дней прошло въ этомъ.— Лачиновъ... Лачиновъ... Мнѣ уже хотѣлось слышать о Лачиновѣ. Но какъ я могу слышать о немъ? Того, моего Лачинова, уже давно, давно нѣтъ. Этого, дурного, гадкаго, я ненавижу; объ этомъ стыдно и гадко мнѣ говорить.—И все-таки я заговорила.

Братъ вошелъ въ мою комнату за книгою и, взявъ ее, пошелъ читать на мой балконъ.

— Ты давно не былъ у своего Лачинова, сказала я.

— Лиза, это нехорошо. Зачѣмъ быть такою злою? Къ чему эта насмѣшка, даже хуже, какая-то ненависть? что онъ сдѣлалъ тебѣ? И развѣ я надоѣдаю тебѣ имъ? Кажется, еще ни разу не произносилъ его фамиліи.

— Двадцать разъ. Я не понимаю, какъ можно быть дружну съ такимъ дурнымъ человѣкомъ.

— И не поймешь, потому что...—Лягушки сидятъ въ своемъ болотѣ, и квакаютъ, проворчалъ братъ сквозь зубы.—И думаютъ, что очень пріятно жить въ ихъ болотѣ. Человѣкъ тонетъ въ немъ; это для нихъ скандалъ, безнравственность.

— Кто-жь держитъ его въ нашемъ болотѣ?

— Лиза, я не узнаю тебя. Ты была хороша тѣмъ, что по крайней мѣрѣ не говорила, когда не понимала. Съ чего ты вдругъ вздумала быть злой? — Братъ съ досадой ушелъ.

Неужели этотъ разговоръ перевернулъ всѣ мои мысли, всѣ мои чувства? — По крайней мѣрѣ, я не помню ничего другого. Правда, впрочемъ, я всегда была добра; правда, никогда не любила бранить людей. Я всегда любила только жалѣть о тѣхъ, которыхъ осуждала. Я думаю, что и до этого разговора я плакала, зачѣмъ мой Лачиновъ сталъ такимъ, о которомъ стыдно, гадко мнѣ думать. Не помню, когда я начала плакать объ этомъ. Помню только, что сначала я улыбалась за себя, когда узнала моего милаго въ немъ, потомъ стала плакать о немъ.

Неужели нельзя спасти его?—думала я.—Я должна спасти его...

Я не знаю, въ какой день я написала; я знаю только въ какой день онъ прочелъ мое письмо.

„Я люблю васъ. Я должна спасти васъ. Вы должны быть добрый: вы такъ любите брата; онъ всегда защищалъ васъ. Вы были противенъ мнѣ,—какъ же я полюбила васъ? Вы не такой, какой вы теперь. Я видѣла васъ въ 1845 году. Тогда, вы были прекрасный; всѣ хвалили васъ. Пріѣзжайте къ намъ. Я люблю и спасу васъ. Л. Свилина.“

Это письмо хранится у меня. На немъ рукою Лачинова написаны цифры 11. Это значитъ „11 іюля“. Цифры эти написаны много разъ,—вверху, внизу, на строкахъ;— будто онъ сидѣлъ, задумавшись, и машинально чертилъ, чертилъ...

Я положила это письмо въ одну изъ книгъ Лачинова, собрала нѣсколько книгъ, связала ихъ шнуркомъ и ждала, когда братъ пошелъ къ Лачинову.— „Гриша!“—скричала я съ балкона, когда онъ сталъ сходить съ крыльца:— „Я забыла: возьми, отнеси эти книги“.—„Бросай, я ловлю“, сказалъ онъ.— Я бросила.

Что, если онъ развяжетъ? или Лачиновъ развяжетъ при немъ?—„Гриша!“ —кричала я, выбѣгая на крыльцо:—„Гриша, вернись! Я забыла!“ - Но онъ былъ уже за воротами. Я подбѣжала къ окну на улицу; братъ шелъ уже дальше губернаторскаго дома.

Гриша принесъ нѣсколько книгъ въ замѣнъ отданныхъ. Не сказалъ мнѣ ничего особеннаго.

Прошло нѣсколько дней;—сколько, не знаю. Но по числу, выставленному Лачиновымъ на письмѣ, я знаю, что это было 12 іюля, когда братъ, вернувшись поутру отъ Лачинова, пришелъ въ мою комнату и началъ говорить со мною такимъ тономъ, какъ никогда.

— Лиза, я не обращалъ на тебя вниманія, потому что думалъ, что ты такая же, какъ всѣ эти ваши Машеньки, Пашеньки, Ташеньки. А ты изъ нашихъ! Сестра души моей! Скромница!

Братъ стиснулъ меня такъ, что я задохнулась, и поцѣловалъ.—Онъ все знаетъ! Лачиновъ все разсказалъ ему!

— Скромница! Ты все молчала, но теперь я понялъ тебя! Я не умѣлъ прежде оцѣнить тебя, но теперь ты другъ мой на всю жизнь! У насъ съ тобою одна дорога!.. Онъ началъ и началъ о томъ, что родство по крови ничего не значитъ безъ духовнаго родства, что мы родня по духу;—о положеніи женщинъ, о правахъ женщины,—о прогрессѣ...

Я лишь наполовину понимала его, потому что онъ употреблялъ много мудреныхъ словъ, а я тогда еще не читала почти ничего, кромѣ романовъ, повѣстей, стиховъ;—я не могла и слѣдить со вниманіемъ за его словами;—что будетъ со мною?

— Я услышалъ все это о тебѣ отъ Лачинова, продолжалъ братъ, нагорячившись о прогрессѣ и свободѣ: — гдѣ ты видѣла его? Онъ говоритъ, что ты необыкновенная дѣвушка: ужасно хвалилъ тебя.—Не стыдно ли тебѣ, что ты такъ зло нападала на него? Онъ разспрашивалъ о тебѣ; безъ него, я долго не понялъ бы тебя, потому что ты все молчишь. Гдѣ ты видѣла его?—Я забылъ спросить у него.

— Я нигдѣ не видѣла его, сказала я.—Слава Богу, онъ ничего не сказалъ ему!

— Отчего-жь онъ такъ заинтересовался тобою? Онѣ хочетъ пріѣхать къ намъ.

— Гриша!—Боже мой, пріѣхать къ намъ!—Проси его не дѣлать этого!

— Что это значитъ, Лиза? Неужели мы, онъ и я, ошиблись въ тебѣ?

— Ради Бога, Гриша! Я боюсь его! Я не выйду къ нему!

— Странно! сказалъ братъ, размашисто пожавъ плечами, и началъ ходить по комнатѣ.—Понимаю, сказалъ онъ, остановившись передо мной и обративъ на меня увѣренный взглядъ:—Застѣнчивость. Онъ не съѣстъ тебя, прибавилъ онъ, разразившись хохотомъ. — Это ваша провинціальная дикость, пояснилъ онъ одобрительно.

— Все равно, Гриша: застѣнчивость, дикость; но умоляю тебя, проси его не быть у насъ. Ты долженъ сдѣлать это.

— Хорошо, я скажу; но прибавлю отъ себя, что я прошу его пріѣхать, покровительственно сказалъ братъ:—это смѣшно, Лиза, и никто не простилъ бы тебѣ такой провинціальной наивности. Но я понимаю, что нельзя же вдругъ бросить предразсудки.

— Ради Бога, Гриша, исполни мою просьбу, сказала я ему на другой день поутру, видя, что онъ идетъ къ Лачинову.

— Я сказалъ, что передамъ ему твое желаніе; но прибавлю, что смотрю на это, какъ на ребячество.

— Онъ ушелъ. Въ двѣнадцатомъ часу я услышала шумъ экипажа, быстро въѣзжавшаго на нашъ дворъ. Это онъ, подумала я, и убѣжала въ свою комнату. Это былъ онъ вмѣстѣ съ братомъ. Я слышала голоса ихъ и маменьки въ гостиной.

Черезъ полчаса братъ вошелъ въ мою комнату.—что-жь, Лиза, такъ и не выйдешь?

— Нѣтъ, сказала я.

— Пойми, что это глупо.—Братъ прошелся по комнатѣ и остановился передо мною:—Пойдемъ.—Я сдѣлала отрицательный знакъ.—Нѣтъ? Ну, какъ хочешь.—Онъ опять походилъ по комнатѣ и остановился:—Пойдемъ же, говорю тебѣ.—Нейдешь?—Ну, хорошо же.—Онъ еще сердитѣе нахмурился и ушелъ.

Чѣмъ онъ грозитъ мнѣ?—Неужели онъ приведетъ его сюда? — Я сошла до площадки на поворотѣ лѣстницы съ моего мезонина и стала прислушиваться къ разговору въ гостиной. Маменька и Лачиновъ говорили о городскихъ новостяхъ. Братъ молча ходилъ по комнатѣ; остановился.—вѣроятно, передъ Лачиновымъ, и сказалъ своимъ густымъ басомъ:

— Вы говорили вчера, Петръ Николаевичъ, что любите хорошіе виды: не хотите ли взглянуть, какой славный видъ на Волгу съ нашего балкона? Пойдемъ.

Я сбѣжала до послѣдней ступеньки лѣстницы.—„Уйду къ Машенькѣ“.

— Нѣтъ, Гриша. Мнѣ трудно входить на лѣстницы, вы знаете.

Слава Богу!—Я вернулась на свой мезонинъ.

Скоро Лачиновъ уѣхалъ. Братъ весь день хмурился на меня.

Черезъ два дня братъ и Машенька вздумали, что можно бы ѣхать за городъ. Я всегда была рада этому. Наши старшіе всегда соглашались, если лошади не были утомлены утреннею ѣздою по хозяйству. Рѣшено было: поскорѣе обѣдать и ѣхать въ садъ Громова.

Такъ же, какъ садъ Буркина, садъ Громова хорошъ тѣмъ, что при немъ есть большая роща. Дорожки по отлогой части ея усыпаны пескомъ, и въ главной аллеѣ сдѣланы дерновыя скамьи. Въ серединѣ сада устроена китайская бесѣдка.

Въ половинѣ іюля съемщики садовъ еще не боятся за яблоки, когда пріѣзжаютъ посѣтители съ дѣтьми. Намъ предложили бесѣдку. Наши старшіе, погулявши по саду, расположились въ ней. Дѣти остались около качель, которыя сдѣлали на двухъ вѣтлахъ братъ и Аркаша. Аркаша остался присматривать за дѣтьми. Мы съ Машенькою и братомъ пошли гулять по рощѣ.

Мы прошли нѣсколько дорожекъ, вышли въ главную аллею. Впереди насъ на дерновой скамьѣ, сидѣлъ мужчина въ сѣромъ пальто и чертилъ палкою по песку. Широкія полы соломенной шляпы закрывали верхнюю половину его лица, наклоненнаго къ землѣ. Сердце тоскливо забилось во мнѣ. Вотъ за чѣмъ братъ устроилъ эту поѣздку! Что будетъ со мной?

При нашемъ приближеніи мужчина всталъ. Я поблѣднѣла, хоть предчувствовала, кто онъ.

Лачиновъ поклонился мнѣ и Машенькѣ.—„Я былъ въ бесѣдкѣ, и мнѣ ска-

зали, что вы здѣсь"-—Онъ пошелъ подлѣ меня. Братъ взялъ Машеньку подъ руку и они замедлили шагъ. Я осталась впереди, одна съ Лачиновымъ.

Мы шли молча. Я не смѣла поднять глазъ отъ земли. Я слышала, что шаги Машеньки удаляются; удалились.

— Безотрадна ваша жизнь, Лизавета Арсеньевна, сказалъ онъ и замолчалъ.

Я шла, потупивъ глаза въ землю.

— Темна, безотрадна ваша жизнь, Лизавета Арсеньевна. Бѣдная вы!— опять сказалъ онъ тихо и замолчалъ.

Грудь моя надрывалась.

— Будьте добры, сядемъ. Я очень устаю ходить.

Онъ взялъ меня за руку и сдѣлалъ шагъ въ сторону аллеи, къ дерновой скамьѣ. Я уступала движенію, подводившему меня къ скамьѣ, и сѣла подлѣ него, не поднимая глазъ отъ земли.

Онъ сидѣлъ, нагнувшись, и чертилъ палкою по песку.

„Для кого расцвѣла? Для чего развилась?

тихо проговорилъ онъ:—Бѣдная вы, Лизавета Арсеньевна.—И опять замолчалъ—вы очень добрая, Лизавета Арсеньевна. Жаль васъ.

Я давно плакала.

— Зачѣмъ родятся такія дѣвушки, какъ вы?—Имъ некого полюбить. Я не стою того, чтобы любить меня.

— Я такъ давно полюбила васъ!—Я стерла слезы и подняла глаза на него;—онъ, онъ, мой милый! Унылый, блѣдный, больной, но онъ! Его добрый взглядъ!—Я такъ давно полюбила васъ!—Я бросилась на шею ему.

Онъ тихо удержалъ мои руки, не допустилъ меня обнять его.—Нѣтъ, я не стою того, чтобы любить меня. Вы раскаялись бы.—Онъ тихо заставилъ меня сѣсть.

— Нѣтъ, я знаю, вы такой же, какъ были тогда... Любите меня. Кого же мнѣ любить?.. Я такъ давно полюбила васъ...

— Вы позволите мнѣ бывать у васъ, Лизавета Арсеньевна? Вы сохраните доброе расположеніе ко мнѣ. Но вамъ нельзя любить меня.

Онъ всталъ, подалъ мнѣ руку, и мы медленно пошли къ нашимъ, къ бесѣдкѣ.

Онъ просидѣлъ съ нашими до поздняго вечера.—Я не могла оставаться съ ними въ бесѣдкѣ. Я опять ушла на ту скамью.—Я боялась, что братъ прійдетъ ко мнѣ и станетъ говорить. Нѣтъ, онъ не пришелъ; никто не приходилъ, ни Машенька, ни Аркаша. Никто не помѣшалъ мнѣ... Потомъ, пришелъ Аркаша и сталъ разсказывать мнѣ о Казани. Всегда всѣ были добры ко мнѣ. И потомъ, Аркаша никогда ничего не говорилъ мнѣ.

Лачиновъ уѣхалъ нѣсколько раньше насъ и взялъ съ собою брата.

Послѣ этой прогулки обращеніе брата со мною совершенно перемѣнилось. Онъ сдѣлался очень внимателенъ ко мнѣ; сталъ учить меня по-французски; и Аркаша иногда занимался со мною французскимъ языкомъ. Когда они уѣхали въ Казань, я ужь могла одна продолжать свои занятія.

Братъ измѣнился ко мнѣ и въ другомъ. Онъ пересталъ вмѣшиваться въ мои отношенія къ Лачинову.

Лачиновъ былъ у насъ разъ десять въ эти два мѣсяца до отъѣзда брата. Иногда

мы сидѣли всѣ вмѣстѣ,—то есть, и мы, и Каталонскіе; иногда, мы втроемъ: онъ я и маменька, или онъ, я и братъ. Но больше, мы съ нимъ вдвоемъ, въ моей комнатѣ.

Маменька очень полюбила его.

— Я не понимаю васъ, Петръ Николаичъ, говорила она: —какъ же это можно, не имѣть силы воли? развѣ человѣкъ не долженъ имѣть власть надъ собой?

— Я не понимаю васъ, Петръ Николаичъ, говорилъ братъ: — почему же не кутить, когда нечего дѣлать? но если видишь надобность бросить это, какъ же не бросить при нашихъ стремленіяхъ? И кромѣ того, это скоро надоѣдаетъ.

Можетъ быть, я не умѣла бы даже и теперь объяснить, какъ могъ Лачиновъ упасть до такой степени. „Дурная привычка при слабости характера“, говорила маменька и братъ, говорилъ обыкновенно и самъ онъ. — Во время его первой молодости пьянство было модою въ кругахъ передовой молодежи. Потомъ, онъ попалъ въ дурное общество. Такъ погибали многіе по слабости характера. Но полагается ли кто нибудь на безхарактернаго человѣка?— На Лачинова полагались всѣ. Если онъ скажетъ: „это будетъ сдѣлано“, всѣ знали, что будетъ сдѣлано. Не было примѣра, чтобъ онъ отступался отъ дѣла, за которое брался. Не онъ поддавался вліянію другихъ въ безобразной жизни: онъ господствовалъ надъ компаньонами своего грязнаго кутежа, сѣдыми псовыми охотниками, покровителями цыганокъ. Они спрашивали его совѣта, дѣлали его рѣшителемъ своихъ гадкихъ ссоръ.—Сначала, онъ числился къ канцеляріи губернатора; онъ имѣлъ вліяніе не только на него, и на канцелярію. Сохранялъ силу надъ губернаторомъ и теперь, когда былъ засѣдателемъ уголовной палаты, а въ палатѣ господствовалъ: смѣнилъ секретаря, заставилъ молчать предводителя, и велъ всѣ дѣла. Это ли называется безхарактернымъ человѣкомъ? —И когда онъ говорилъ про свою жизнь: „это отъ безхарактерности“, надобно было только видѣть и слышать, какъ спокойно, холодно, небрежно произноситъ онъ эти слова, и вы убѣждались, что они— пустая отговорка: люди слабаго характера не говорятъ о своей безхарактерности съ такимъ равнодушіемъ.

Поэтому, мнѣ больше нравятся тѣ слова, которыя онъ говорилъ, когда хотѣлъ говорить.

IV.

Я и Лачиновъ.

На другой день послѣ нашего свиданія въ аллеѣ братъ обѣдалъ у него. Вечеромъ они пріѣхали вмѣстѣ. Я не пошла внизъ: что стали-бы мы говорить при другихъ? Я ждала: онъ взойдетъ ко мнѣ: мы будемъ одни.

Онъ взошелъ вмѣстѣ съ братомъ. Теперь братъ не выдалъ меня ему: братъ понялъ мой умоляющій взглядъ и оставилъ насъ.

— Вы очень много перемѣнились въ эти три года, сказалъ онъ, когда мы остались одни: —Я не узналъ бы васъ.

— Что пользы, Петръ Николаичъ? сказала я.

— Я хотѣлъ видѣть васъ, чтобы отдать ваше письмо, сказалъ онъ: —Я не

хотѣлъ довѣрять его Гришѣ, я не могъ подвергать васъ опасности, возвращая его въ книгѣ. Я не отдалъ его. Это потому, что я не видалъ васъ три года. Вы много перемѣнились. Я не отдамъ его. Вы много перемѣнились.

— Что пользы, Петръ Николаичъ?—сказала я:—Я понимаю свое безразсудство.

— Нѣтъ, Лизавета Арсеньевна: оно не въ томъ, о чемъ вы думаете, сказалъ онъ.

Ему не трудно было угадать мысль, которая возвратила меня къ унылому благоразумію. Все говорило о ней: березовая мебель нашей гостиной, ситцевое платье матушки, бѣлыя стѣны моей комнаты безъ обоевъ, бѣлыя полосы ея крашенаго пола, простые крашеные стулья, кровать, столикъ въ ней, мое кисейное платье, мытое два раза.

— Ваше безразсудство не въ томъ, о чемъ вы думаете, Лизавета Арсеньевна, сказалъ онъ:—Если-бъ я могъ перемѣниться... Но это невозможно. Выслушайте меня: я буду говорить съ вами откровенно.

Мнѣ странны были слова, которыя я услышала отъ него. Тогда я мало понимала ихъ; не совсѣмъ понимаю и теперь. Но помню. Мы часто возвращались къ этому, когда я говорила, что не вѣрю въ его безхарактерность, и доказывала, что онъ долженъ перемѣниться, и можетъ, если захочетъ.

— Правда ваша,—отвѣчалъ онъ на это:—у меня нѣтъ недостатка въ силѣ воли; но моя воля не имѣетъ причины измѣняться. Я давно потерялъ охоту дорожить собою; потому что потерялъ всякое уваженіе къ себѣ. Не подумайте, что моя пошлая жизнь отняла его у меня. Нѣтъ: пьянство, игра, кутежъ, эти вещи не важны; я стыдился-бъ ихъ лишь тогда, если бы думалъ, что онѣ въ самомъ дѣлѣ занимаютъ меня. Я знаю, что если бы захотѣлъ, безъ усилія бросилъ бы эти пустяки. Я выше ихъ; они не марaютъ меня передо мною самимъ. Но есть другая вещь, надъ которою я не властенъ: она настоящая причина моего неуваженія къ себѣ.

„Вашъ братъ не можетъ согласиться со мною; не согласитесь и вы; но по крайней мѣрѣ вы видите, что я говорю искренно. Я пренебрегаю собой за то, что ни къ чему не гожусь. Когда явилось во мнѣ это сознаніе, я безусловно отдался всякимъ пошлостямъ, потому что не для чего стало беречь себя. Въ этомъ чувствѣ разница между мною и другими.

„Вашъ отецъ служитъ, и думаетъ, что его служба полезна обществу. Какъ онъ понимаетъ надобности и пользы общества, это все равно. Другіе могутъ понимать ихъ лучше, нежели онъ; но точно такъ же думаютъ, что служатъ имъ. Они уважаютъ свой трудъ. Я много работалъ, когда былъ чиновникомъ особыхъ порученій; теперь работаю еще больше: я веду всѣ дѣла въ палатѣ. У меня остается гораздо больше свободнаго времени, чѣмъ у вашего батюшки и у другихъ, о которыхъ говорятъ, что они служатъ усердно. Но это лишь потому, что я работаю гораздо быстрѣе ихъ: я въ пять минутъ разбираю дѣло, надъ которымъ они сидятъ по суткамъ; пишу на одной страницѣ то, что они растягиваютъ на десять листовъ. Я дѣлаю гораздо больше, чѣмъ они. Но вся эта работа—пересыпанье изъ пустого въ порожнее. Нельзя ничего дѣлать такъ, чтобъ изъ этого дѣйствительно выходила польза обществу. Да и нѣтъ въ дѣлахъ, надъ которыми

всѣ мы работаемъ, ничего такого, что относилось бы къ надобностямъ общества. Всѣ эти дѣла—безсмыслица. Я толку воду.

„Вы шьете платье вашей сестрѣ. Вы чувствуете, что эта работа и нужна, и полезна. Но представьте себѣ, что въ вашей иголкѣ не вдѣта нитка. Вы только вкалываете и вынимаете иголку. Вы заняты. Но ваше занятіе не производитъ никакого дѣйствія: куски остаются несшитыми; вы только прокалываете ихъ, только портите. Можно ли уважать свою работу, когда вы знаете, что нѣтъ,—и не только нѣтъ, не будетъ, не можетъ быть никогда нитки въ вашей иголкѣ? можно ли уважать себя?—становишься отвратителенъ самому себѣ и думаешь: пропадай я, того я и стою, туда мнѣ и дорога, въ пошлость и безсмысліе.

„Вотъ разница между мною и солидными людьми. Я работаю такъ же, какъ они, больше, лучше, чѣмъ они. Но я вижу, что въ нашихъ иглахъ нѣтъ нитокъ. Они этого не видятъ и чувствуютъ себя людьми почтенными, полезными. Я пренебрегаю собою, а ихъ даже и не презираю: я не считаю ихъ людьми. — Они жалуются на мою гордость; мнѣ, выказывать свою гордость передъ ними?—Я не удостоиваю ихъ этого. Я любезенъ и снисходителенъ съ этими кретинами. Но ихъ стыдитъ то, что у меня нѣтъ зоба.

„Есть другіе люди;—больше юноши; но иные остаются такими и до моихъ лѣтъ, и до старости. Здѣсь ихъ мало; вы, я полагаю, видѣли только одинъ образчикъ ихъ—это вашъ братъ; немножко таковъ же и его товарищъ. Они имѣютъ убѣжденія,—тѣ же самыя, какія имѣю я. Но они думаютъ, что когда нибудь могутъ сдѣлать что нибудь для ихъ осуществленія; что ужь и теперь могутъ сдѣлать что нибудь. Поэтому они уважаютъ себя въ настоящемъ, дорожатъ собою для будущаго. Я не могу раздѣлять ихъ самообольщенія. Передѣлать общественную жизнь!—объ этомъ хорошо было мечтать дѣдамъ нынѣшнихъ французовъ: они не имѣли никакого историческаго опыта. Я вижу, что во Франціи, слава Богу, все остается по прежнему, несмотря на шестидесятилѣтнія хлопоты фаланстероповъ и революціонеровъ. По прежнему, господствуютъ предразсудки, голодаетъ народъ, наживаются плуты, самовластвуютъ администраторы, раболѣпствуетъ толпа. Но то, еще Франція. А мы живемъ въ Россіи. Передѣлать по нашимъ убѣжденіямъ жизнь русскаго общества!—Въ молодости натурально думать о всяческихъ химерахъ. Поэтому я снисходителенъ къ тѣмъ фантазерамъ, которые не старше вашего брата. Но въ мои лѣта было бы стыдно сохранять наивность. Человѣкъ неглупый долженъ рано отстать отъ нея. Они такіе же слѣпцы: они тоже не видятъ, что въ иглѣ нѣтъ нитки. Я уважаю ихъ превосходныя желанія,—смѣюсь надъ ними съ горемъ пополамъ. Я даже не могу завидовать имъ, хоть ихъ самообольщеніе и даетъ имъ возможность дорожить собою. Оно слишкомъ нелѣпо. Дорожить собою—это пріятно; но быть глупымъ—я не могу жалѣть о томъ, что я не мальчишка. Я давно сталъ совершеннолѣтнимъ, давно увидѣлъ, въ какомъ обществѣ я живу, какой страны, какой націи сынъ я. Хлопотать надъ примѣненіемъ моихъ убѣжденій къ ея жизни, значило бы трудиться надъ внушеніемъ волу моихъ понятій о ярмѣ. Къ чему же пригодны мои убѣжденія?—ни къ чему. Они безплодны, я презираю ихъ. А они—самое лучшее, что есть во мнѣ. Какъ же, презирая ихъ, не презирать мнѣ всего остальнаго въ себѣ, не презирать всего себя?

„Зачѣмъ же я сталъ бы дорожить собою?—человѣкъ, ни на что ненужный, убивай какъ нибудь свое время и самого себя.

— „Измѣниться?—Зачѣмъ?

„Для такой націи, какъ моя, хорошъ я и такой, какимъ вы видите меня. Лучшаго не нужно ей. Я не дуракъ, чтобы предлагать то, чего не нужно никому".

Онъ не скрывалъ отъ меня, что онъ жалокъ; потому что я искренно плакала о немъ.

Но гораздо больше, нежели о себѣ, онъ говорилъ со мною обо мнѣ.

— Вы видѣли меня, когда были двѣнадцатилѣтней дѣвочкой; потомъ слышали обо мнѣ дурное и, если думали иногда, то лишь съ отвращеніемъ; потомъ совершенно забыли о моемъ существованіи; какъ же вспомнился вамъ юноша, котораго видѣли вы только въ вашемъ дѣтствѣ и который тогда исчезъ изъ вашихъ воспоминаній, лишь только исчезъ изъ глазъ?

„Двѣнадцатилѣтній ребенокъ, вы забыли меня; но прошли долгіе годы и въ васъ начала пробуждаться потребность любви. Вы стали осматриваться около себя, кого бы полюбить. Некого. Старались хоть припомнить себѣ, кого бы могли вы полюбить: нѣтъ; не только между людьми, окружавшими васъ, даже между тѣми, которые вспоминались вамъ, не было человѣка, о которомъ пріятно было бы вамъ подумать. Вамъ надобно было дойти въ этомъ обзорѣ назадъ до лѣтъ вашего дѣтства, до его мимолетныхъ впечатлѣній, ничтожныхъ, ускользающихъ отъ васъ, чтобы вамъ представилось хоть одно лицо, отъ котораго вы не отвернулись бы.

„Почему-жь не могли вы не отвращаться отъ людей, которые были подлѣ васъ, или хоть когда-нибудь были болѣе близки къ вамъ, чѣмъ этотъ едва замѣтный для васъ юноша?—Вы говорите „я горда, я мечтательница". Нѣтъ, Лизавета Арсеньевна, это напрасно. Дѣло просто и никакъ нельзя приписывать его вашей винѣ.

„Въ вашъ кругъ проникаютъ средства развиваться, становиться въ уровень съ передовыми людьми общества и по образованію, и по нравственнымъ потребностямъ чрезъ это пріобрѣтать и внѣшнія формы развитыхъ людей, то, что называется хорошимъ тономъ. Юноши вашего круга, которымъ удается получить такое развитіе, выигрываютъ. Съ восемнадцати, съ двадцати лѣтъ они видятъ передъ собою карьеру, недоступную тѣмъ ихъ товарищамъ, которые остались на степени развитія ихъ отцовъ, пожилыхъ столоначальниковъ и тому подобныхъ маленькихъ людей. И общество видитъ, что этимъ юношамъ предстоитъ хорошая карьера. Потому для нихъ открываются двери круговъ, которые гораздо выше ихъ роднаго, темнаго и скуднаго. Въ тридцать лѣтъ вашъ братъ будетъ занимать положеніе, равное людямъ, которые родились въ семействахъ нашей провинціальной аристократіи,— быть можетъ поднимется уже выше ихъ. Это всѣ знаютъ. Какъ же эти семейства не стали бы принимать его и теперь, какъ равнаго ихъ дѣтямъ?

„Могутъ ли ваши развитые молодые люди отказываться переходить въ эти высшіе круги? Могутъ ли оставаться въ своемъ родномъ? Это было бы нелѣпостью. Кто не предпочтетъ хорошую обстановку дурной? И вотъ, всѣ молодые люди вашего круга, въ которыхъ есть умъ, энергія, образованность, выходятъ изъ него въ общество, которое выше, богаче, изящнѣе вашего. У васъ остаются только тѣ, которые во всемъ далеко отстали отъ своихъ товарищей, только тѣ, которые забракованы обществомъ.

„И если-бъ эти забракованные оставались людьми безъ претензій!—но и того нѣтъ. Они не успѣли сдѣлаться людьми образованными, потому что у нихъ нѣтъ

любви къ просвѣщенію или они слишкомъ обдѣлены умомъ. Но они слышали кое-что, и хотятъ играть изъ себя просвѣщенныхъ людей. Они разсуждаютъ о литературѣ, объ искусствѣ, обо всемъ на свѣтѣ.—и каждое слово ихъ деретъ вамъ уши. Они не могли войти въ свѣтъ, потому что онъ не нашелъ въ нихъ свѣтскихъ качествъ; но они видѣли кое-что, и воображаютъ, что умѣютъ держать себя свѣтскими людьми: танцуютъ, любезничаютъ; —и въ каждомъ ихъ движеніи — граціозность обезьяны.

— Не всѣ наши молодые люди имѣютъ претензіи, не всѣ смѣшны, возражала я.

— Не всѣ, отвѣчалъ онъ: — но эти скромные, несмѣшные молодые люди вашего круга еще ступенью ниже смѣшныхъ. Они тихи, смирны, потому что другіе молодые люди безпрестанно напоминаютъ имъ о ихъ ничтожествѣ, а ваши подруги не скрываютъ презрѣнія къ нимъ. Они—забракованные даже вашимъ кругомъ. Это идіоты. Вы можете жалѣть ихъ, быть ласкова съ ними,—но только потому, что чувствуете себя безопасною отъ нихъ.—А попробуйте представить себѣ, что кто-нибудь изъ нихъ женится на порядочной дѣвушкѣ — вы содрогнетесь. И невозможно не содрогаться, когда животное, — хоть бы и самое кроткое, — получаетъ власть надъ человѣкомъ.

„Жалка судьба дѣвушки нашего круга, когда она становится развитымъ человѣкомъ. Она лишается всякой вѣроятности счастья. Ей нѣтъ хода впередъ. Она остается привязана къ той мелкой, скудной, неподвижной жизни, въ которой прозябаютъ люди, обракованные обществомъ. Можетъ ли она подняться, какъ ея братъ, можетъ ли свѣтъ принять ее? Бѣдность молодого человѣка не мѣшаетъ ему ничѣмъ не отличаться отъ другихъ людей, съ которыми онъ равенъ по развитію: его костюмъ не кладетъ на него клейма униженія. На немъ то же черное сукно, та же шляпа, тѣ же сапоги, какъ у самыхъ богатыхъ свѣтскихъ людей. Кто одѣтъ богаче его, тотъ франтъ, глупый человѣкъ дурного тона, общее посмѣшище. Роскошь женскаго туалета не имѣетъ никакой границы, кромѣ денежныхъ средствъ. Небогатая дѣвушка прикована къ своему кругу уже платьемъ своимъ. Она была бы парія, если бы показалась въ общество, которое выше ея состоянія. И какъ явится она въ него? Куда можетъ она показаться безъ матери, тетки, старшей сестры. Какъ бы ни была она развита, передъ нею заперты двери общества, въ которое уходятъ изъ ея круга всѣ порядочные молодые люди.

— Ни одна умная дѣвушка нашего круга не жалѣетъ, что большой свѣтъ недоступенъ для нея, говорила я: — мы понимаемъ, что насъ тамъ ждали бы только ежеминутныя униженія, огорченія. Нѣкоторыя изъ насъ попадаютъ въ него: гувернантки выходятъ изъ нашего состоянія; можемъ ли мы завидовать ихъ судьбѣ? Это самыя несчастнѣйшія изъ насъ.

— Я вовсе и не говорю, Лизавета Арсеньевна, что жизнь дѣвушекъ безъ состоянія была бы лучше, если бы свѣтское общество открывалось для нихъ: постоянно видѣть пренебреженіе, испытывать униженіе, быть ежеминутно отталкиваемыми назадъ — тутъ нѣтъ ничего завиднаго. Но это плохое утѣшеніе.

„Развитіе, которое такъ выгодно для братьевъ, убійственно сестрамъ. Дѣвушки вашего круга губятъ свое счастіе, стремясь къ образованію. Впрочемъ, какъ винить ихъ за безразсудное влеченіе къ нему. Въ чемъ могутъ онѣ находить отдыхъ, развлеченіе отъ обременительныхъ мелкихъ заботъ, скучныхъ трудовъ,

утомительнаго однообразія своей жизни?—Только въ книгахъ. Поэтому не осуждайте себя, Лизавета Арсеньевна. Какъ было вамъ не полюбить эту единственную отраду, чтеніе?

„Но легко ли вамъ отъ того, что васъ нельзя порицать?—Вы стали гражданкою міра, недоступнаго вамъ въ жизни; его прелесть отняла у васъ возможность находить удовлетвореніе себѣ въ состояніи, изъ котораго нельзя вамъ выйти. Гдѣ въ вашемъ кругу мужчины, которые сколько нибудь соотвѣтствовали бы вашимъ требованіямъ?—Чтобы нравиться вамъ, человѣкъ долженъ быть неглупъ, образованъ. Всѣ такіе люди ушли изъ вашего общества. Они не женихи вамъ, они даже не кавалеры вамъ въ танцахъ. Они танцуютъ не въ вашихъ тѣсныхъ комнатахъ, а въ большихъ залахъ, гдѣ нѣтъ васъ, они шепчутъ слова любви не вамъ, а дѣвушкамъ, туалетъ которыхъ для одного бала стоитъ больше, чѣмъ всѣ расходы для вашего туалета за цѣлый годъ, больше, чѣмъ все ваше приданое. Между ними они находятъ и невѣстъ себѣ.

„А вы?—вамъ остается выбирать между людьми, которые негодились для незнакомыхъ вамъ, болѣе счастливыхъ соперницъ;—между людьми, которыхъ не пускаютъ въ залы, гдѣ можно встрѣтить вашихъ болѣе счастливыхъ соперницъ.

„Вамъ остаются только забракованные. Что-жь удивительнаго, что вамъ некого любить? какъ назову я васъ слишкомъ разборчивою за то, что вы не находите кого полюбить?—Нѣтъ, вы правы.

— Но легче ли вамъ отъ того, что вы права? — Бѣдная вы, Лизавета Арсеньевна.

— Что говорить обо мнѣ?—Бросимъ это, печально говорила я.

— А еще напраснѣе было бы говорить обо мнѣ. Говорить ли?—Теперь вы нѣсколько познакомились со мною. Кажется ли вамъ и теперь, что вы любите меня?—„Нѣтъ“, отвѣчаю я вамъ за васъ. Вы видите, что я человѣкъ благородный;—я надѣюсь, вы уважаете меня. Но вы чувствуете непобѣдимое отвращеніе ко мнѣ. Вы знаете, что я дѣлаю принужденіе надъ собою, когда являюсь къ вамъ такимъ, что вы можете выносить мое присутствіе. Это для меня парадные выѣзды. Вы знаете, что дома я не таковъ. Вы не можете безъ омерзѣнія думать о томъ, какъ идетъ моя жизнь.

„Ваши мечты требовали, чтобы передъ вами рисовалось какое-нибудь лицо. Между мужчинами, которыхъ видѣли вы около себя, не было ни одного, который не отталкивалъ бы отъ себя вашу мысль. Если бы случалось вамъ бывать въ галлереяхъ, вы не вспомнили бы меня: на какой-нибудь картинѣ вы нашли бы все, что было надобно вамъ. Если-бъ одарены были вы сильной фантазіей, вамъ не было бы надобности и въ картинѣ: ваше воображеніе создало бы лицо съ живыми чертами. Изъ того, что вамъ вспомнилось мое лицо, вы должны убѣдиться, что вы напрасно считаете себя мечтательницею: ваша фантазія очень слаба; она не могла создать ничего.

„Что-жь такое для васъ тотъ я, о которомъ любили вы думать? — только портретъ. Не человѣкъ, нѣтъ, — лишь мечта, которая присвоила себѣ черты одного изъ людей совершенно чуждыхъ вамъ. Она не имѣетъ ничего родного съ человѣкомъ, который теперь сдѣлался вашимъ знакомымъ. Я совершенно чуждъ вашей душѣ.

— Нѣтъ,—говорила я.

— Согласенъ. Вы видите во мнѣ человѣка, который расположенъ къ вамъ и вы награждаете его расположеніемъ за расположеніе. Мы оба очень искренно желаемъ всего хорошаго другъ другу. Но вы ужаснулись бы мысли раздѣлить мою жизнь.

— Вы должны измѣниться, говорила и говорила я ему.

— Вы желаете мнѣ добра, но съ такою же надеждой, какъ я желаю вамъ встрѣтить человѣка, который былъ бы достойнымъ, хорошимъ мужемъ для васъ,— говорилъ онъ въ отвѣтъ.

Онъ былъ совершенно правъ. Очень скоро я убѣдилась, что онъ не въ силахъ измѣнить свой образъ жизни; и все отвращеніе, какое внушала мнѣ его дурная жизнь прежде, когда я знала ее только по скромнымъ, неяснымъ порицаніямъ родныхъ, было ничтожно передъ негодованіемъ и ужасомъ, какой чувствовала я теперь, когда разговоры брата съ Лачиновымъ яснѣе обрисовали для меня, какъ живетъ Лачиновъ, какъ погрязъ въ свою пошлую жизнь, съ какими людьми проводитъ онъ время. Лачиновъ щадилъ меня, избѣгалъ споровъ съ Гришею: но братъ преслѣдовалъ его неотступно, и онъ иногда не выдерживалъ, отвѣчалъ. Онъ не употреблялъ грубыхъ словъ, на которыя былъ щедръ мой братъ въ своихъ нападеніяхъ; но его мысль, всегда одѣтая въ скромную форму, леденила меня своимъ характеромъ: онъ безвозвратно опустился въ пошлость, гадость.

— Ты должна знать, Лиза, говорилъ братъ, —что ты обязана быть необыкновенно благодарна Петру Николаичу за самопожертвованіе, которое онъ дѣлаетъ для тебя.

— Гриша, къ чему это?—говорилъ Лачиновъ.

— Нѣтъ, позвольте, Петръ Николаичъ, я не могу утаить такихъ милыхъ признаній. — Послушай, Лиза. — „Ваша сестра, Гриша, славная дѣвушка; я очень люблю ее: и лицо ея нравится мнѣ. Но я долженъ принуждать себя, чтобы ѣхать къ ней, и когда возвращаюсь къ себѣ домой, говорю: Уфъ! слава Богу, теперь вздохну свободнѣе!—повѣрите ли, Гриша? мнѣ непріятно быть не только съ нею, даже съ вашею матерью. Я долженъ стѣсняться: хотѣлось бы выпить водки или позабавиться пуншемъ; а при нихъ нельзя. Но главная непріятность въ томъ, что я уважаю ихъ. Какая компанія женщина, которую уважаешь?—то ли дѣло, Степанида Михайловна?—съ нею и выпьешь, и поругаешься, и если есть охота, хоть подерись“.—Не постигаю, какъ можете вы, Петръ Николаичъ, выносить близость этой Степаниды Михайловны, или, по вашему, Стеньки: отъ нея разитъ, какъ изъ бочки.

— Вы преувеличиваете, Гриша: она вовсе не пьяница.

— Она не пьяница? Когда она и не пьяна, у нея пьяное лицо. Она стала безобразна отъ водки. И всегда растрепанная, грязная.

— Вы не понимаете, о чемъ вы говорите, Гриша.

Я не знаю, если бъ я услышала говорящимъ такія вещи человѣка, въ котораго дѣйствительно была бы влюблена, то, мнѣ кажется, я охладѣла бы къ нему. А я не любила Лачинова. Онъ говорилъ правду: его лицо было взято для моихъ грезъ моею памятью только по недостатку всякихъ другихъ воспоминаній и только потому, что я не видѣла хорошихъ картинъ, а воображеніе мое не имѣло столько пылкости, чтобы я могла представить себѣ съ красками жизни лицо съ какой-нибудь гравюры.

Послѣ того, какъ Лачиновъ былъ у насъ во второй разъ, маменька сказала мнѣ:—Лиза, мнѣ кажется, что ты нравишься Петру Николаичу. Не дай Богъ, чтобъ онъ нравился тебѣ.

— Не тревожьтесь этимъ, маменька: онъ не можетъ полюбить меня.

— Не знаю: но я должна сказать тебѣ, Лиза, что мы съ твоимъ отцомъ никогда не согласились бы. Идти за него, значило бы тебѣ губить себя.

Я не знала, что отвѣчать ей. Но если бъ этотъ разговоръ происходилъ черезъ двѣ, три недѣли, я сказала бы: „не тревожьтесь за меня“.—Мать не дала мнѣ случая сказать это: она не возобновляла своего предостереженія; вѣроятно, потому, что ея опасеніе разсѣялось.

Только въ первыя два, три свиданія съ Лачиновымъ, когда мысль о немъ дѣйствительномъ еще не пересилила во мнѣ мечты о немъ, какъ о воздушномъ воспоминаніи, я не чувствовала непріятнаго содроганія при пожатіи его руки. Потомъ, ея прикосновеніе было гадко для меня, какъ прикосновеніе прокаженнаго. Это непріятное ощущеніе доходило до того, что у меня выступалъ холодный потъ, я чувствовала тошноту.

Онъ замѣтилъ это и не оскорбился. Онъ былъ добръ. Онъ продолжалъ подавать мнѣ руку, когда входилъ, когда уходилъ, и спѣшилъ отнять ее, чтобъ не мучить меня. Наконецъ, я захотѣла одолѣть себя и крѣпко пожала его руку. Онъ улыбнулся и когда уходилъ въ тотъ разъ сказалъ: „До свиданья, Лизавета Арсеньевна; мы съ вами такъ дружны, что намъ нѣтъ надобности подавать руки при встрѣчѣ и прощаньѣ; это церемонія, которой я не люблю“.—Я покраснѣла и заплакала. Онъ засмѣялся и послѣ того сталъ крѣпко жать мою руку, какъ въ первый разъ. Я пріучилась одолѣвать свои нервы, но не могла пріучить себя къ тому, чтобы не чувствовать отвращенія.

По отъѣздѣ брата Лачиновъ пересталъ бывать у насъ. Прошло два, три мѣсяца. Я провела ихъ въ напрасной борьбѣ за сохраненіе моего милаго. Его свѣтлая поэзія потускла. Вмѣстѣ съ его чистыми чертами вспоминалась мнѣ грязная жизнь циника, который валялся въ отвратительной пошлости. Дѣйствительность отнимала у меня мечту, я теряла моего милаго. Рѣже и рѣже онъ являлся мнѣ, и тотчасъ исчезалъ, едва явившись: сцены фантастическихъ свиданій съ нимъ смѣнялись воспоминаніями о дѣйствительныхъ разговорахъ съ Лачиновымъ и эфирная радость небывалой любви переходила въ грусть о томъ, что мнѣ некого любить, что я не люблю никого, что у меня нѣтъ и надежды встрѣтить человѣка, котораго можно было бы полюбить.

Прошло три мѣсяца и мой милый исчезъ. Остался только Лачиновъ, котораго я жалѣла, уважала, но отъ котораго убѣгала моя мысль. Я уже не мечтала. Я не думала ни о чемъ, кромѣ тихихъ, скромныхъ заботъ, ежедневныхъ семейныхъ дѣлъ; я стала спокойна и благоразумна, но печальна. Безтревожно-скучны, разсудительно-унылы тянулись мои дни, и я внимательно читала книгу, когда ложилась спать, и скоро засыпала.

Мы не видѣлись съ Лачиновымъ, и до меня не доходило никакихъ слуховъ о немъ. Изрѣдка, отецъ и мать вспоминали, какъ жаль, что такой умный, пре-

красный, добрый, благородный человѣкъ губитъ себя, погубилъ себя... Въ этомъ не было ничего новаго.

Было 4 декабря,—именины Вареньки Каталонской, второй сестры Машеньки. Мы были вечеромъ у нихъ. Съѣзжались или сходились гости. Пріѣхали Ершовы. Ершовъ сказалъ намъ:

— А что, вы слышали, или нѣтъ: Лачиновъ умеръ.

— Умеръ? — Отчего? — спросила маменька, опечаленная: она очень любила Лачинова.

— Отъ того, отъ чего слѣдовало ожидать: отъ водки, сказалъ Ершовъ.

Всѣ стали жалѣть и потомъ говорить, что это надобно было предвидѣть.

Теперь жалость заглушила во мнѣ все непріятное чувство къ нему. Я много и долго плакала о человѣкѣ, котораго не могла видѣть безъ отвращенія, который медленно убивалъ и убилъ себя недостойнымъ, гадкимъ образомъ жизни, но и въ своемъ паденіи оставался добръ, благороденъ... который выказывалъ искреннюю, теплую дружбу ко мнѣ...

Сказать ли? — я нѣсколько разъ плакала о томъ, что я не красавица. Никогда, ни прежде, ни послѣ я не огорчалась этимъ. Но тогда я плакала. — „Еслибъ я была красавица, онъ полюбилъ бы меня, и я спасла бы его", думала я. — Ребяческая мысль. Но я не стыжусь ея: я ошибалась, но оттого, что мнѣ было горько, что онъ погибъ.

V.

Богатое приданое.

На Рождество мы получили отъ брата письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что переходитъ изъ Казанскаго университета въ Петербургскій; потомъ онъ сталъ писать изъ Петербурга, что его денежныя дѣла очень хороши; — что онъ откладываетъ деньги; — что онъ не думаетъ никогда имѣть надобности въ отложенныхъ небольшихъ деньгахъ; что поэтому онъ думаетъ употребить ихъ на пользу родныхъ. Какія дѣла у него? откуда деньги? — онъ не писалъ; но маменька и я безъ труда отгадывали: онъ ужь и въ Казани имѣлъ уроки; въ Петербургѣ это легче, и уроки бываютъ лучше. Мы догадывались и о другомъ: онъ очень серьезный человѣкъ; можетъ быть, онъ получилъ работу въ какомъ-нибудь журналѣ. Мнѣ показалось даже, что я вижу слогъ и мысли брата въ нѣкоторыхъ статьяхъ одного изъ хорошихъ журналовъ. Я спрашивала его. Онъ отвѣчалъ: „это статьи не мои, но дѣйствительно, я работаю въ журналѣ, который ты назвала".

22 или 23 марта намъ принесли повѣстку, что получено письмо съ 1.500 рублей, на имя отца. Мы были удивлены. Неужели это прислалъ братъ? Невозможно. Гдѣ онъ возьметъ столько денегъ? — Отецъ пошелъ за непонятною посылкою, сказавъ, что зайдетъ домой съ почты, — и не возвратился; пришелъ уже только къ обѣду, изъ своей палаты. — „Что это за письмо? Какія это деньги?" спросила матушка за обѣдомъ. Отецъ сказалъ, что въ повѣсткѣ была ошибка: прислано 150, а не 1.500 рублей, — и что это прислалъ Дроздовъ, — нашъ знакомый, Аткарскій уѣздный засѣдатель, — проситъ отца заплатить его долгъ въ лавку

Новожилкина, и пожалуйста не забыть прислать росписку; этою прибавкою о росписке отецъ даже обижался. И правда: она была очень неделикатна.

Пришло 27 марта, день моего рожденія. По обыкновенію, Саша прибѣжала поздравить меня, когда я была еще въ постелѣ, и принесла подарокъ, приготовленный маменькою: кусокъ барежа на платье. Я пошла внизъ, разливать чай. Мы кончили его. Я встала уйти къ себѣ, одѣться для пріема подругъ и ихъ братьевъ, которые начнутъ пріѣзжать съ поздравленіями. „Постой, Лиза", сказалъ отецъ, подавая мнѣ распечатанное письмо: — „Прочти это". — Я взглянула: рука брата; я вскрикнула отъ удивленія, прочитавъ первую строку. — „Лиза", писалъ братъ: — „Прошу тебя принять отъ меня въ подарокъ 1.500 рублей; эти деньги совершенно ненужны мнѣ". — „Милые папенька и маменька", продолжалъ онъ: — „Я увѣренъ, что вы одобрите мою мысль. Лизѣ нужно приданое. Когда подростетъ Саша, у меня вѣроятно будутъ какія-нибудь средства. А теперь Сашѣ еще только пятнадцать лѣтъ: о ней можно подумать послѣ; пока, слѣдуетъ думать только о Лизѣ". Потомъ онъ прибавилъ, уже для всѣхъ насъ, что получилъ эти деньги за романъ, который напечатали въ журналѣ; называлъ этотъ романъ; мы уже читали его. Онъ былъ не очень хорошъ, но длиненъ. Братъ жалѣлъ только о томъ, что уже не можетъ скоро написать другого романа: истощилъ на первый всю кладовую своихъ наблюденій и впечатлѣній.

Только черезъ восемь лѣтъ послѣ того, въ 1861 году, черезъ три года послѣ моего переселенія въ Петербургъ, я узнала, что и романъ брата былъ такою же выдумкою, какъ присылка долга купцу Новожилкину отъ Дроздова: братъ лишь читалъ корректуры этого романа: чтеніемъ корректуръ ограничивалась и вся его работа для журнала. Только въ 1861 году Гриша сказалъ мнѣ истину: о деньгахъ то, чего не могла я подумать, о смерти Лачинова то, чего никто не подозрѣвалъ въ нашемъ городѣ. Лачиновъ умеръ не отъ вина: онъ ускорилъ свою смерть, принявъ ядъ. Онъ отравилъ себя 4-го декабря (1852), а 2-го отправилъ къ брату письмо, которое черезъ восемь лѣтъ Гриша отдалъ мнѣ.

Я не буду приводить здѣсь его начала: оно написано Лачиновымъ въ тонѣ грубой насмѣшки надъ самимъ собою. Онъ совѣтуетъ брату „помалчивать до поры, до времени о томъ, что говорится ему, какъ умному человѣку; говоритъ, что его здоровье, давно ставшее дурнымъ, сдѣлалось теперь совершенно несносно; что онъ вздумалъ наконецъ полечиться; что медики сказали ему: если вы будете строго соблюдать гигіеническія правила, не будете брать въ ротъ капли вина, уѣдете въ Алжирію, то ваша жизнь можетъ продлиться на три, четыре года, и ваши страданія облегчатся. Но вы не можете вполнѣ избавиться отъ нихъ и на это время; а во всякомъ случаѣ ваша смерть не за горами. „Вы всегда отдавали справедливость моей логикѣ, Гриша", продолжалъ Лачиновъ: — „Я разсудилъ, что не стоитъ тянуть такого мерзкаго существованія; если вы обдумаете мой выводъ съ общею намъ основательностью, вы согласитесь, что онъ очень раціоналенъ. Поэтому, государь мой, я рѣшилъ хватить нѣкоего зелья для сокращенія пути до Леты, или такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, рѣки забвенія".

„Но вы, мой другъ, не забудете меня. Я любилъ васъ. И когда-нибудь, вы, люди другого поколѣнія, станете снисходительнѣе къ тѣмъ, которые загубили свою жизнь въ эпоху безнадежной летаргіи общества.

„Родныхъ у меня нѣтъ, и нѣтъ человѣка, ближе васъ. Въ послѣднее время

я старательно работалъ, потому что не хотѣлъ умереть съ долгами, и когда перевелъ къ себѣ всѣ деньги, бывшія въ оборотѣ, оказалось, что за уплатою долговъ остается 2.000 рублей лишнихъ. Посылаю ихъ вамъ. Вы исполните мою послѣднюю просьбу. Вы употребите часть денегъ на то, чтобы перейти въ Петербургъ, чего давно хотѣлось вамъ, и устроиться въ немъ. Остальныя перешлите въ подарокъ Лизаветѣ Арсеньевнѣ. Жаль, что мало. Но такъ тошно жить, что не хочется ждать, пока наша играющая братія будетъ опять при деньгахъ.

„Кстати, о Лизаветѣ Арсеньевнѣ. Пусть она узнаетъ,—послѣ, когда это не возмутитъ ея жизнь,—что я имѣлъ искреннюю привязанность къ ней. Желаю ей встрѣтить человѣка, который былъ бы достойнѣе ея, чѣмъ я. Когда мы встрѣтились, я былъ утомленъ жизнью, и сердце у меня было изношено. Вашъ П. Л—ъ.

„PS. Въ началѣ осени я пробовалъ отстать отъ своего безобразія. Не могъ: привыкъ. Да и что было бы пользы? Здоровье ужъ никуда не годилось“.

Слухъ о подаркѣ, присланномъ отъ брата, надѣлалъ большого шуму въ нашемъ кругу. Теперь я имѣла 2.500 рублей приданаго. Между дѣвицами нашего круга очень рѣдки такія богатыя невѣсты.

Въ началѣ мая или концѣ апрѣля маменька пришла вечеромъ въ мою комнату. Это бывало не часто, лишь когда встрѣчалось какое-нибудь особенное дѣло: ноги маменьки были уже не молодыя, а лѣстница на мезонинъ крутая.

— Лиза, я очень давно не говорила съ тобою о твоихъ мысляхъ, сказала она:—не представлялось надобности; не хотѣла разстраивать тебя, когда не имѣлось въ виду случая для тебя исправить ошибку;—если ты считаешь это ошибкой и раскаиваешься. Скажи, мой другъ: ты намѣрена оставаться въ дѣвушкахъ?

— Не знаю, какъ отвѣчать вамъ на это, маменька. Я не имѣю никакого рѣшенія. Но мнѣ кажется, что у меня едва ли будутъ женихи.

— Я тоже думаю, Лиза, что не можетъ быть такихъ, которые понравились бы тебѣ больше прежнихъ. Но не раскаиваешься ли ты въ своихъ тогдашнихъ мысляхъ? Тогда ты была еще очень молода и не могла понимать, что оставаться въ дѣвушкахъ тяжело. Теперь тебѣ двадцать лѣтъ.

— Что-жъ такое, маменька? Не все ли равно, восемнадцать или двадцать?

— Ты, должно быть, не понимаешь меня, мой другъ. По твоему лицу я всегда такъ и предполагала, что чувства твои не измѣнились: ты у меня, слава Богу, такая полненькая, румяная. Но не огорчись, Лиза, моими словами: у тебя есть подруги, которыя вышли замужъ; ты не завидуешь имъ?

— Въ чемъ же, маменька? у меня были такіе женихи, какъ ихъ мужья.

— Какъ мнѣ говорить съ тобою, Лиза, я не знаю. Ты, въ самомъ дѣлѣ, такая, что дай Богъ всякой матери имѣть дочерей, подобныхъ тебѣ. Но скажи мнѣ, мой другъ: какъ же говорятъ тебѣ твои замужнія подруги о своей жизни?

— Тѣ, у которыхъ мужья добрые люди, хвалятъ ихъ: у которыхъ дурные, плачутъ.—Я все еще не понимала, о чемъ говоритъ матушка.

— Если дѣвушка выходитъ за человѣка, съ которымъ будетъ несчастна, виновата сама она, или не она, а лучше сказать, ея отецъ, и особенно мать: если-бъ они обратили должное вниманіе на характеръ человѣка, то не было бы ошибки. Но есть многія, которыя вышли замужъ хорошо, и находятъ большое счастье въ супружеской жизни. Онѣ должны разсказывать о ней.

Только теперь я поняла, о чемъ говоритъ матушка.

— Маменька, серьезныя молодыя женщины не говорятъ о вѣтренностяхъ. Но онѣ говорятъ, что въ замужней жизни есть гораздо больше непріятнаго для нихъ, нежели пріятнаго; что только при очень сильномъ расположеніи къ мужу супружеская жизнь бываетъ сносна.

— И это правда, Лиза, сказала маменька.

Дѣйствительно, это правда. Большая часть дѣвушекъ въ нашемъ кругу выходятъ замужъ такъ молоды, что ихъ мысли имѣютъ характеръ вовсе не страстный.

— Зачѣмъ выходитъ замужъ разсудительная дѣвушка?—продолжала я:— Неужели по вѣтреннымъ мыслямъ?—Нѣтъ, чтобъ имѣть пріютъ, имѣть кусокъ хлѣба, не быть обремененіемъ для отца и матери. Безъ этой необходимости ни одна умная дѣвушка не рѣшилась бы на замужество. Вѣроятно, маменька, вы заговорили потому, что кто-нибудь вздумалъ сватать меня. Скажите, что я обязана идти замужъ; я пойду, кто бы ни былъ этотъ женихъ.

Теперь я могла смѣло ставить вопросъ.

— Богъ съ тобою, Лиза, какая жъ теперь надобность?—съ деньгами, которыя прислалъ Гриша, у тебя 2.500 рублей. Если бы ты осталась въ дѣвушкахъ, мы купили бы на эти деньги домъ; если дождаться выгоднаго случая, на 2.500 руб. можно купить такой домъ, который будетъ давать 200 рублей дохода, или даже больше. На 200 рублей ты всегда можешь жить, не будучи въ тягость никому.

Я знала, что маменька скажетъ это. Я знала денежные разсчеты; слышала, какъ выгоднѣе всего употреблять деньги,—такія, какія бываютъ въ нашемъ состояніи: лучше всего на покупку дома. У меня самой былъ тотъ простой планъ, который высказала матушка.

— А это твоя правда, продолжала она: —конечно, я не заговорила бы о замужествѣ, если бы не было жениха. Но женихъ такой, что я сама, безъ тебя, отказала бы ему, если бы ты не имѣла теперь такихъ лѣтъ что мнѣ уже нехорошо говорить что нибудь за тебя, не спросивши. Какой то Жуковъ, ротный командиръ. Не знаю его, никогда не видывала, даже не слышала до нынѣшняго дня, что онъ и существуетъ. Услышалъ о тебѣ, — то есть объ этихъ деньгахъ, присланныхъ тебѣ Гришей, и приходилъ въ воскресенье въ нашу церковь, посмотрѣть... Теперь, черезъ Марью Ивановну Волкову, проситъ позволенія быть у насъ, чтобы и мы посмотрѣли на него, понравится ли намъ. Ужь по той манерѣ, какъ онъ ищетъ жену, видно, пара ли онъ тебѣ. О немъ нечего бъ и говорить, Лиза. Но это показываетъ, мой другъ, что теперь у тебя могутъ быть другіе женихи. Поэтому повременимъ покупать домъ: приданое гораздо лучше, когда состоитъ въ наличныхъ деньгахъ.

— Купимъ домъ, маменька,—весело сказала я:—Я была бы глупа, если бы желала идти замужъ. Какой мужъ могъ бы обращаться со мною такъ хорошо, какъ вы? Когда я слышу отъ васъ и отъ папеньки непріятное слово? Въ чемъ стѣснена я у васъ? Зачѣмъ мнѣ идти замужъ?

— Какъ равнодушно ты желаешь остаться въ дѣвушкахъ, Лиза, сказала она.

— Полноте, маменька, какъ вамъ не стыдно! — весело сказала я, обнявъ ее:—Какая же неглупая дѣвушка на моемъ мѣстѣ захотѣла бъ идти замужъ?

— И то правда, Лиза, сказала она, поцѣловавши меня:—ты у меня благоразумная дѣвушка. Если говорить по совѣсти, это и гораздо лучше.

Она задумалась.

— Въ самомъ дѣлѣ, что хорошаго въ замужествѣ? — начала она, будто больше размышляя сама, нежели говоря со мною: — Надобно угождать, ухаживать. Какая пріятность быть прислужницею? Это правда: если дѣвушка не притѣснена въ своемъ семействѣ, то разсудокъ велитъ ей оставаться въ дѣвушкахъ. Тутъ она, по крайней мѣрѣ, вольный человѣкъ. Отецъ, мать — какую власть присвоиваютъ они себѣ надъ взрослою дочерью, если они добрые и разсудительные люди? Они приказываютъ дочери, пока она мала, не имѣетъ своего ума. Выросла она, пріобрѣла его, они видятъ, что нечего командовать ею. А потомъ она становится даже главнымъ лицомъ въ семействѣ: они видятъ, что состарѣлись ослабѣли; чувствуютъ, что она лучше ихъ можетъ разсудить, распорядиться; они уступаютъ ей всю власть въ домѣ. — А мужъ? — онъ всегда опекунъ надъ женою: изъ-подъ его власти не выростешь. Вѣчно будь младшая передъ нимъ, весь вѣкъ смотри ему въ глаза. Пріятно ли это, когда есть свой разсудокъ?

„Конечно, бываютъ и такіе мужья, которые сами слушаются во всемъ жены. Примѣръ у тебя передъ глазами: Анна Ларіоновна съ Васильемъ Ильичемъ. Но за то опять, какъ же и трудно жить Аннѣ Ларіоновнѣ! Она женщина умная; но что можетъ она сдѣлать въ пользу своихъ дѣтей? — Ничего. — Присматривай за всѣми дѣлами мужа, потому самъ онъ ничего не видитъ. А какъ же замѣнить его умъ своимъ въ дѣлахъ, до которыхъ женщина не имѣетъ доступа? — Будешь ли за него ходить въ должность, соблюдать отношенія къ людямъ, отъ которыхъ зависитъ его служба? — Такимъ образомъ жена и должна видѣть, что мужа затираютъ въ грязь; — затерли. Онъ такъ и умретъ столоначальникомъ. За него обидно, и за дѣтей болитъ сердце. Не много завиднаго тоже и въ ея жизни.

„Но она еще изъ самыхъ счастливыхъ въ замужествѣ. По крайней мѣрѣ мужъ уважаетъ ее и человѣкъ прекраснаго характера. Такихъ мужчинъ не много. Рѣдкость такіе мужья, отъ которыхъ жены не страдали бы столько, сколько не могли бы, кажется, пострадать отъ злѣйшихъ враговъ. У рѣдкаго мужчины нѣтъ самовластья въ характерѣ; они ломаются надъ женами, какъ надъ рабынями. Рѣдкій мужчина разсудителенъ; конечно, оттого, что домашняя нужда гораздо меньше касается ихъ. Не говорю о такихъ, которые тащатъ деньги отъ семейства какой-нибудь плутовкѣ; а мало ли такихъ? Но если и нѣтъ этого, то много ли мужей, которые не сорили бы денегъ, съ друзьями и пріятелями, на вино и карты? — А жена съ дѣтьми сидитъ, можетъ быть, безъ чаю, безъ сахару.

„Въ своемъ семействѣ и у Анны Ларіоновны съ Васильемъ Ильичемъ ты не видѣла этого; но многія ли жены такъ счастливы съ мужьями, какъ мы съ нею?

„Говорятъ: выбирай человѣка; всматривайся въ него. Легко это говорить: а какъ узнаешь его до женитьбы? — Съ виду прекрасный и всѣ знаютъ за прекраснаго человѣка; а женится — видятъ, что онъ тиранъ, злодѣй женѣ. Мало ли мы видимъ такихъ ошибокъ при самомъ, кажется, основательномъ выборѣ?

„Трудно дѣло, страшная лотерея! И если Богъ далъ дѣвушкѣ такую силу разсудка, чтобы не завидовать замужней жизни, то я всегда скажу: не слѣдуетъ идти замужъ“.

Когда пожилыя женщины говорятъ между собою, неразсудительность мужчинъ, страданія женъ отъ капризовъ и расточительности мужей — одинъ изъ обыкновенныхъ предметовъ ихъ разсужденій. Но отъ порицанія дурныхъ мужей, отъ

сожалѣнія о несчастныхъ женахъ далеко до взгляда на замужество вообще, какъ на горькую долю; еще дальше до признанія, что слѣдуетъ отказываться отъ замужества. Напротивъ, — браня мужей и жалѣя о женахъ, женщины нашего круга выставляютъ несчастные браки, какъ исключеніе изъ правила; по ихъ принципу, замужество — единственная возможность спокойной и счастливой жизни для женщины. Въ первый разъ я слышала теперь отъ простой практической женщины нашего патріархальнаго общества слова, которыя равнялись отрицанію брака; — и отъ кого же? — отъ моей матери, которая жила съ мужемъ такъ согласно, такъ любила и лелѣяла его!

— Ты глядишь на меня будто съ удивленіемъ, Лиза, сказала она: — Правда, мой другъ, мы старые люди и живемъ по старому. Не смотри на это. Мало ли чего думаешь? — Но что пользы говорить о томъ, чего нельзя исполнить? — Теперь я могла быть откровенна передъ тобою, потому что это возможно для тебя, и я вижу, что ты сама уже твердо рѣшилась.

Рѣшилась ли я? — нѣтъ, я только покорялась ей безъ ропота; — напротивъ, съ полнымъ спокойствіемъ, — даже съ признательностью: моя судьба была хороша.

Два года у меня не было жениховъ. Богатое приданое заставило ихъ забыть о томъ, что я уже была выключена изъ числа невѣстъ. Нѣкоторые женихи были только такіе же, какъ тѣ, которымъ я отказывала тогда, прежде. Теперь я имѣла еще меньше колебанія отказывать этимъ молодымъ людямъ нашего круга. Но моя цѣнность поднялась. Были другіе женихи, болѣе почетные: пожилые люди нашего состоянія, въ родѣ ротнаго командира Жукова, предлагавшіе не надежду на свое будущее повышеніе по службѣ, а уже занятую хорошую должность. Эти женихи, конечно, были еще менѣе привлекательны. Отказывая тѣмъ и другимъ, я не обольщалась пустыми надеждами. Я понимала свое положеніе.

Мое приданое, хоть и стало богатымъ по размѣру приданыхъ нашего круга, было ничтожно. Если-бъ оно было вдвое больше, оно все еще не имѣло бы такой величины, чтобы для него спустились на меня глаза людей, между которыми я могла бы сдѣлать выборъ.

Будь я дѣвушка изъ семейства, которое принадлежало бы къ свѣтскому губернскому обществу или хоть было бы связано съ нимъ, тогда другое дѣло. Я встрѣчалась бы съ людьми, имѣющими качества, безъ которыхъ человѣкъ не могъ понравится мнѣ. И если бы явилось расположеніе между мною и такимъ человѣкомъ, вопросъ о приданомъ могъ бы не имѣть особенной важности. Я знала, что дѣвушки, у которыхъ было не больше или меньше денегъ, чѣмъ у меня, выходили за порядочныхъ, просвѣщенныхъ людей. Но это потому, что онѣ бывали въ свѣтѣ. А я? — Человѣкъ порядочнаго общества не могъ встрѣчать меня между своими знакомыми. — Поэтому, я не могла разсчитывать на женихов лучше тѣхъ, за которыхъ не могла идти. Я говорю: я не обольщалась.

Черезъ нѣсколько времени я увидѣла себя во второй разъ вычеркнутою изъ числа невѣстъ: но увидѣла это не съ тѣми чувствами, какъ въ первый разъ, слишкомъ два года тому назадъ.

Тогда я считала себя обязанною выйти замужъ и успокоивала себя надеждою на счастливую случайность: можетъ быть, какъ нибудь, мнѣ встрѣтится кто-нибудь изъ людей, которые могли бы нравиться мнѣ. Теперь я улыбалась надъ этимъ легкомысліемъ и очень хладнокровно разсуждала, что подобный случай невѣроятенъ.

Перемѣна моего положенія очень много помогла мнѣ бросить пустую мысль, въ которую я, впрочемъ, не вѣрила и прежде: я не имѣла теперь нужды заглушать голосъ совѣсти; совѣсть не требовала теперь, чтобъ я не оставалась съ дѣвушкахъ. Я не буду обременять родныхъ, не измѣню своему долгу передъ ними, оставаясь жить съ ними. Но была и другая причина тому, что я бросила несбыточныя ожиданія: мнѣ было двадцать лѣтъ; я сдѣлалась гораздо основательнѣе, чѣмъ была два, три года назадъ.

Я видѣла это во всемъ. Я перестала восхищаться пустяками, которыя прежде приводили меня въ восторгъ. Бывало я должна была принуждать себя, чтобъ не высказать желанія купить лишній нарядъ. Теперь я по-прежнему любила быть одѣта хорошо, но новая шляпка, новое платье не заставляли меня прыгать отъ радости. Не было мнѣ надобности удерживаться отъ прыжковъ и тогда, если мы рѣшали ѣхать въ садъ или даже кататься по Волгѣ—наслажденіе болѣе рѣдкое, отъ котораго я, бывало, сходила съ ума. Я оставалась страстною читательницею: но рѣже и меньше прежняго задумывалась надъ книгою; а мечтать — я давно смѣялась, когда мнѣ случалось вспоминать, что я когда-то мечтала: какъ это глупо, какая дѣвочка была я тогда!

Теперь я давно могла бы возобновить мой Дневникъ; у меня не бывало ни одной мысли, которую нельзя было не только записать въ него, а разсказать и матушкѣ, и Аннѣ Ларіоновнѣ, и всѣмъ. Но, Боже мой, кто-жь, кромѣ дѣвочекъ, ведетъ дневники? Что мнѣ записывать въ дневникъ?

Но я могла бы записать въ него довольно много, если бы мнѣ пришла охота записывать ощущенія, которыми отразилась на мнѣ перемѣна въ жизни ближайшей изъ моихъ подругъ, Машеньки Каталонской.

Когда я прошлымъ лѣтомъ съ трепетомъ увидѣла бѣднаго Лачинова въ аллеѣ сада Громова, Машенька, беззаботная, ничего не понимающая шалунья, воображала, что она и Гриша очень остроумно мистифицировали меня. Меньше, нежели черезъ полгода, Машенька стала молчать передъ всѣми безчисленными хранительницами прежнихъ ея удивительныхъ тайнъ и совѣтоваться только со мною.

VI.

Машенька.

У Василья Ильича, отца Машеньки, была сестра, Дарья Ильинична, вдова офицера. Она получала 57 или 58 рублей пенсіи за службу мужа. Этихъ денегъ было бы мало на жизнь даже и въ нашемъ городѣ, тогда еще очень дешевомъ. Но важнѣе пенсіи было покровительство богатой помѣщицы. Чекмаревой. Дарья Ильинична не за-даромъ пользовалась пособіями отъ нея. Когда Чекмарева лѣтомъ уѣзжала на богомолье въ Кіевъ или Воронежъ, или отправлялась погостить у сына въ Чекмаревкѣ, тетка Машеньки поселялась въ пустѣвшемъ домѣ, охранять его расхищенія, а главное, отъ пожарнаго случая: нашъ городъ былъ въ постоянномъ страхѣ пожарныхъ случаевъ. Осень, зиму, весну, когда Чекмарева жила въ городѣ, Дарья Ильинична занимала крошечный флигель изъ двухъ миньятюрныхъ комнатъ, стоявшій въ дальнемъ углу двора. Аристократическая старуха считала дурнымъ тономъ имѣть приживалокъ, и находила ниже барскаго

достоинства имѣть не своихъ крѣпостныхъ экономку и дворецкаго. Поэтому Дарья Ильинична не занимала при ней никакой должности, не могла приходить къ ней безъ призыву и часто не видѣла ее по цѣлымъ недѣлямъ. Но когда встрѣчалась надобность дѣлать большія закупки по хозяйству, не на рубли, а на десятки рублей, Чекмарева присылала за вдовою офицершею и просила ее съѣздить на рынокъ или въ гостиный дворъ: Дарья Ильинична умѣла купить и была честна. При поправкахъ въ домѣ, Дарья Ильинична цѣлый день бродила по двору, присматривая за плотниками, чтобы они работали не какъ нибудь и не уносили кусковъ лѣса слишкомъ большихъ (у насъ былъ обычай, что плотникъ имѣетъ право брать каждый вечеръ по отрубку изъ мелкихъ кусковъ, которые не годятся для постройки). За эти услуги Дарья Ильинична получала, кромѣ квартиры въ уютномъ флигелькѣ, провизію, изъ которой сама готовила себѣ кушанье въ крохотной кухнѣ своего пріюта, получала чай, сахаръ, по временамъ подарки деньгами, или, чаще, полотномъ, ситцемъ.

Василій Ильичъ и Анна Ларіоновна были не очень дружны со вдовою. Дарья Ильинична, считавшаяся очень умною женщиною, слишкомъ любила давать совѣты. Они видѣлись разъ, два въ мѣсяцъ. Племянницы бывали у тетки чаще: бездѣтная пожилая женщина, она и скучала одиночествомъ, и любила дѣтей; у нея всегда были въ запасѣ для нихъ изюмъ, черносливъ, орѣхи, леденцовыя конфекты. Это еще привлекало Машеньку.

Однажды,—я полагаю, что это было въ половинѣ октября: помню, что земля была уже замерзлая, но еще не начинались большіе холода,—Машенька, пробывъ утро у тетки, вечеромъ пришла ко мнѣ сказать, что она влюблена,—„и не думай, душенька Лиза, что я влюбилась такъ только, какъ прежде“: нѣтъ, она лишь теперь поняла, что такое страсть, и почувствовала, что все прежнее были пустяки, глупость; а теперь она полюбила „глубокою страстью, пламенною страстью,—ей Богу, душенька“, упрашивала она меня повѣрить и слезы готовы были брызнуть, еслибъ я усомнилась.— „Хорошо, хорошо, вижу“, сказала я. Тогда она съ безчисленными подробностями стала описывать мнѣ, какой удивительный, очаровательный красавецъ внукъ Чекмаревой. Онъ пріѣхалъ третьяго дня и проживетъ всю зиму въ нашемъ городѣ: какое счастье! къ нему нынѣ приводили лошадей; онъ смотрѣлъ ихъ, объѣзжалъ, и одну—ахъ! самую прекрасную!—купилъ. Машенька сидѣла у окна и, какъ слѣдуетъ, не могла до-сыта налюбоваться на такого красавца. Чуть не три часа она разсказывала мнѣ, какъ ловко, смѣло и легко вспрыгивалъ онъ въ сѣдло бѣшеной лошади, которую,—правда душенька!—едва удерживали за повода два кучера, и скакалъ на ней по огромному двору, и спрыгивалъ, и она стояла уже смирная, и онъ ласкалъ ее, и вовсе не боялся: и какъ „восхитительны“ его маленькіе русые усы, и какъ „обаятельны“ его большіе голубые глаза, и какъ „упоительно“ -- это „упоительно“ нравилось ей тогда еще больше, нежели очаровательно и обаятельно, — какъ упоительно рисуется въ „бурной“ скачкѣ его высокій, тонкій, стройный станъ, „какъ будто прикованный къ сѣдлу, душенька, ты не повѣришь“; но я вѣрила всему: и даже тому, что „ты не повѣришь, душенька, какъ мило“ идетъ ко внуку Чекмаревой сѣрый сюртукъ фантастическаго покроя, съ опушкою изъ бѣлыхъ молодыхъ барашковъ. Машенька упрашивала меня вообразить все это, и я каждую минуту должна была успокоивать ее увѣреніями, что не сомнѣваюсь и воображаю.

Я тогда вовсе не была расположена одобрять подобныя фантазіи. Разочарованная въ своихъ недавнихъ грезахъ о невозможной поэзіи, встрѣтившая вмѣсто моего эоирнаго милаго больное и печальное лицо добраго, но остывшаго ко всему, кромѣ вина, человѣка, потерявшая моего милаго, я горько смѣялась надъ собою за глупость ребяческаго романтизма. Я слушала мою молодую подругу съ грустною улыбкою; она не замѣчала въ своемъ восторгѣ; а у меня недоставало духа перервать ее. По себѣ я знала, какъ сильна потребность высказываться. Я слишкомъ хорошо помнила, какъ тосковала, что у меня нѣтъ подруги, съ которой могла бы я дѣлиться своими воображаемыми чувствами. „Пусть бѣдный ребенокъ имѣетъ во мнѣ подругу, которой не было у меня", думалось мнѣ: — „не отвѣчаю ее холоднымъ словомъ; буду внимательна, терпѣлива, симпатична". Это было легко мнѣ, потому что я любила Машеньку, какъ сестру. Но совѣсть говорила мнѣ также, что я обязана противодѣйствовать увлеченію, пустоту и горечь котораго пришлось мнѣ узнать. — „Дружокъ мой", сказала я, обнимая Машеньку при прощаньѣ: — „Завидую твоимъ легкимъ грезамъ; но помни, что онѣ только мечты и должны разсѣяться. Веселись ими, но не вѣрь имъ. Знай, что онѣ только игра, и не войдутъ въ твою жизнь". — Машенька со слезами стала спорить, и я должна была сказать, что лишь хотѣла пощеголять передъ нею зрѣлостью своихъ лѣтъ: но что на самомъ дѣлѣ, я вполнѣ сочувствую ея пламенной страсти: такъ жаль было огорчать ребенка.

Впрочемъ, я и не тревожилась за Машеньку. Не въ первый разъ она бросалась на шею ко мнѣ съ извѣстіемъ, что она страстно влюблена. Я слушала ея восторги нѣсколько дней; потомъ она забывала о своей страсти; потомъ сообщала мнѣ, что эта прежняя любовь ея была вовсе не любовь, а только глупость, и что вотъ лишь теперь, — нынѣ поутру или вчера вечеромъ, она узнала, что такое истинная, глубокая страсть. Моя хорошенькая Машенька, съ бойкими сѣрыми глазками, съ бойко вздернутымъ носикомъ, не отличалась постоянствомъ. Ея круглыя плечики и румяныя щечки показывали, что она безъ большого труда переноситъ мученія своихъ глубокихъ и пламенныхъ страстей, которыя вспыхивали едва ли не каждое воскресенье, потому что въ церкви непремѣнно видѣла она какого нибудь удивительнаго красавца, для котораго забывала всѣхъ прежнихъ.

Но прошло три, четыре недѣли, и она, противъ своего обыкновенія, не измѣняла Чекмареву. Она въ этотъ мѣсяцъ чуть не черезъ день бывала у тетки, чтобы видѣть его въ окно; видѣла разъ пять. Четырьмя она была недовольна: она видѣла его только проѣзжавшаго отъ крыльца, — крыльцо, по старинному, было обращено на дворъ; ворота, къ счастью, были не близко отъ крыльца: но все таки, — о, какъ мало секундъ! — одинъ мигъ! — продолжалось блаженство Машеньки, потому что, къ несчастью, лошади у Чекмарева не были похожи характеромъ на почтенныхъ, солидныхъ лошадь Каталонскихъ и нашу. И дворъ былъ такъ широкъ! — видѣть его только мигъ, и то черезъ весь этотъ широкій дворъ! — довольно ли этого для пламеннаго сердца? — Но одинъ разъ она была такъ же счастлива, какъ въ то утро, когда воспылала ея страсть: Чекмаревъ опять цѣлое утро ходилъ и скакалъ по двору, осматривая и объѣзжая лошадей: опять онъ много разъ проѣзжалъ мимо самаго, самаго окна! — жаль было только, что онъ скакалъ очень быстро и былъ слишкомъ занятъ своею лошадью: иначе, онъ взгля-

нулъ бы въ окно!—и увидѣлъ бы Машеньку, „право, душенька, увидѣлъ бы!“ — Она очень печалилась, что этого не случилось. Но за то, она сколько разъ такъ близко могла видѣть его. Теперь онъ показался ей еще лучше, красивѣе, изящнѣе, нежели въ первый разъ.

Прошла недѣля и Машенька вбѣжала ко мнѣ вся сіяющая, обняла меня, вся трепещущая: она видѣла Чекмарева!—не такъ, душенька, не въ окно, а онъ вошелъ, они сидѣли, она на стулѣ, онъ на другомъ,—подлѣ, душенька!—и она цѣлый часъ говорила съ нимъ, и онъ влюбленъ въ нее! — онъ самъ говорилъ ей, что влюбленъ въ нее!—конечно, душенька, онъ не говорилъ этого такъ, этими самыми словами, что „я люблю тебя, Маш“, потому что какъ же можно?—особенно при тетенькѣ.—Но онъ до безумія влюбленъ въ нее, она убѣждена въ томъ, и онъ даже говорилъ это, и говорилъ, душенька, такъ хорошо!—и она по десяти разъ пересказывала мнѣ каждое его слово,—и даже написалъ стихи ей: она попросила, онъ подумалъ всего только пять минутъ, душенька, и написалъ;—какъ жаль, что у тетеньки не было почтовой бумаги, потому что эти стихи надобно было написать на самой хорошей бумагѣ!—а эта сѣрая! — Четыре стиха, которые она показала мнѣ, дѣйствительно были написаны на сѣрой бумагѣ, какъ она и говорила. Въ нихъ ея очи сравнивались съ яркими свѣтилами ночи, щеки съ розами, а сама она была въ нихъ названа Мери и сравнена съ Пери. Какъ слѣдуетъ, Машенька цѣловала этотъ листокъ.—Ей непремѣнно было надобно, чтобы стихи очень понравились и мнѣ, и чтобы я увѣрилась, что онъ очень милый,—„такой милый, душенька, что ты не можешь вообразить! И если бы ты видѣла, душенька, какъ ловко поклонился онъ, когда вошелъ! Я никогда не видѣла такого ловкаго!“

— Машенька, все это прекрасно, сказала я:—Вѣрю, что онъ и красавецъ, и ловокъ, и говоритъ умно, и милъ. Но не забывай, другъ мой, что онъ богатъ, а мы съ тобою не очень богаты.

— Ну, Лиза, ты вѣчно такая! несносная, резонерка!—сказала Машенька, готовясь заплакать:—А ты сама только двумя годами старше меня. А тетенькѣ пятьдесятъ лѣтъ; она старше тебя.

— Твоя тетенька дурно дѣлаетъ, Машенька.

Мы долго спорили съ Машенькою. Разумѣется, она не вѣрила мнѣ, сердилась, плакала; и разумѣется, измучила меня поцѣлуями, когда я, чтобъ утѣшить ее, сказала, что отрекаюсь отъ своихъ словъ. Такъ жаль было огорчать ее.

Я не могла придумать, что мнѣ дѣлать, чтобы защитить мою милую Машеньку. Теперь я была встревожена не на шутку. Чакмаревъ будетъ говорить ей любезности, писать стихи; она будетъ принимать этотъ вздоръ серьезно и въ самомъ дѣлѣ привяжется къ Чекмареву. Я возмущалась безразсудствомъ Дарьи Ильиничны. Поговорить съ нею?—она только посовѣтуетъ Машенькѣ скрывать отъ меня все; это будетъ еще хуже для Машеньки. Гораздо вѣрнѣе было бы сказать Аннѣ Ларіоновнѣ. Я совѣтовала Машенькѣ сдѣлать это. Она не согласилась, умоляла и меня молчать: „маменька скажетъ мнѣ, чтобъ я не бывала у тетеньки, и поссорится съ нею“. Бѣдная Машенька! Могу ли я молчать?—Я не дала ей слова, что не буду говорить съ Анной Ларіоновною.—Но неужели я буду измѣнницею Машенькѣ?

На другой или третій день Машенька опять была у тетки и прямо отъ нея вбѣжала ко мнѣ радостная.

— Милочка моя, Лиза! — я все сказала тетенькѣ, какъ ты бранишь и ее, и меня. Она вовсе не разсердилась на тебя, а сказала, что ты ничего не понимаешь; ты не сердись на нее, душенька Лиза: это она сказала правду, я увѣрена. Она говоритъ, что если бы тебѣ увидѣться съ нею, она все растолковала бы тебѣ. Она зоветъ тебя къ себѣ. Поѣдемъ, пожалуйста. Тогда ты и не будешь огорчаться за меня.

Дарья Ильинична и прежде не нравилась мнѣ. Въ послѣдніе два, три года я почти вовсе не бывала у нея. Но теперь я была рада. Она не была злая, и ее называли очень умною. — „Хорошо, поѣду къ ней. Можетъ быть, и успѣю уговорить ее, чтобъ она пожалѣла тебя“.

— Поѣдемъ завтра-же, душенька Лиза: ты увидишь, какъ ты ошибалась.

— Поѣду завтра же; но одна, безъ тебя. Я буду спорить съ нею. Тебѣ не зачѣмъ видѣть какая я сердитая.

Но мнѣ не удалось быть сердитою. Дарья Ильинична встрѣтила меня очень привѣтливо, дала высказать всѣ мои опасенія и въ самыхъ мягкихъ, спокойныхъ словахъ отъѣчала, что я совершенно ошибаюсь.

— Ваша правда, Лизавета Арсеньевна, если бы говорить вообще. Какъ можно, чтобъ я стала оспаривать такія справедливыя мысли? Богатый молодой человѣкъ говоритъ пустые комплименты дѣвушкѣ; она вѣритъ; а у него и въ мысляхъ нѣтъ никакихъ основательныхъ намѣреній; и изъ этого не выходитъ для нея ничего, кромѣ огорченій, или даже, чего Боже сохрани, бываетъ вѣчное несчастіе. Но здѣсь, я надѣюсь, будетъ совершенно другое. Позвольте мнѣ быть откровенной съ вами, Лизавета Арсеньевна. У моего брата, у Анны Ларіоновны, а черезъ нее и у вашей маменьки, нѣтъ довѣрія ко мнѣ. Поэтому и вы, естественнымъ образомъ, предубѣждены противъ меня. Но спрошу саму васъ: можете ли вы сказать, что я дурная женщина? Говоритъ ли это про меня Анна Ларіоновна?

Каталонская и маменька находили только, что она имѣетъ слишкомъ предпріимчивый характеръ и требуетъ отъ нихъ оборотливости, на какую онѣ не способны. Не онѣ порицали ее: она постоянно бранила ихъ за то, что онѣ не вступаются въ служебныя отношенія своихъ мужей.

— Дарья Ильинична, никто не можетъ сказать о васъ ничего дурного. Анна Ларіоновна и маменька понимаютъ, что вы желаете добра имъ. Онѣ говорятъ только, что у нихъ нѣтъ вашей предпріимчивости, и отдаютъ справедливость вашему уму.

— Уму! — со вздохомъ сказала она: — Поневолѣ станешь умна при моей судьбѣ. У нихъ нѣтъ моей предпріимчивости! — Хорошо имъ не думать ни о чемъ, имѣя кусокъ хлѣба отъ мужей. А вы знаете, каковъ соколъ былъ мой.

Она стала разсказывать мнѣ о своемъ мужѣ, пьяницѣ, какъ онъ пропадалъ по трактирамъ, какъ привозили его избитаго, обобраннаго: какъ онъ билъ ее; какъ отнималъ у нея все, до послѣдняго салопа, до башмаковъ, чтобы все пропивать; какъ сама его мать одобрила ее бросить его и идти въ экономки къ вице-губернаторшѣ; какъ она двадцать лѣтъ скиталась экономкою по разнымъ богатымъ барынямъ, сколько непріятности терпѣла отъ ихъ надменности, капризности, глупости, сколько обидъ отъ ихъ прислуги, которой мѣшала воровать. Въ самомъ дѣлѣ, какой умъ, какая сила характера нужны были ей, чтобы лави-

ровать въ этихъ мудреныхъ отношеніяхъ! Со сколькими людьми имѣла она дѣло, какъ научилась понимать людей! — Въ общихъ чертахъ я давно знала ея исторію. Но она разсказывала съ живыми подробностями, съ одушевленіемъ; я заслушалась, увлеклась. — Потомъ она стала говорить, что Анна Ларіоновна и моя мать не имѣютъ ея опытности, ея умѣнья обращаться съ людьми; могла ли я спорить противъ этого? — что если бъ онѣ умѣли слушаться ея, ихъ мужья не сидѣли бы столоначальниками: — „Они добрые люди, вашъ папенька и мой братъ“, говорила она: — „но они не могутъ ничего сдѣлать для себя“. — Я чувствовала, что она говоритъ правду.

— Не почтите за обиду имъ и вашей маменькѣ съ Анной Ларіоновною, что я высказываю это, говорила она: — Вы, Лизавета Арсеньевна, можете чувствовать сама, что я говорю это отъ расположенія къ нимъ; а больше всего, отъ жалости за племянницъ; и — вы извините мои откровенныя слова — также и за васъ, Лизавета Арсеньевна. Скажите сама: не прискорбно ли смотрѣть на племянницъ? — некому-то позаботиться о ихъ будущности! Скажите сама, не злодѣйка ли была бы я, если бы не старалась сдѣлать въ пользу Машеньки то, что могу? — Конечно, это была бы обязанность матери; но что-жь дѣлать, когда Анна Ларіоновна не умѣетъ позаботиться и о мужѣ, что гораздо легче? — Разсудите также сама, Лизавета Арсеньевна, способна ли я къ чему нибудь дурному: двадцать лѣтъ я жила экономкою, пока нашла себѣ покойный уголокъ здѣсь. Всегда жила въ богатыхъ домахъ. Нажила ли я что нибудь въ эти двадцать лѣтъ? — Это должно быть извѣстно вашей маменькѣ и Аннѣ Ларіоновнѣ, могла ли бъ я пріобрѣсти деньги, если бы захотѣла пользоваться чужою копѣйкою. Имъ должно быть извѣстно, сколько я накопила денегъ въ двадцать лѣтъ.

Все это была правда: она могла нажить тысячи; у нея не было ничего, кромѣ двухсотъ рублей, да и тѣ она отложила понемножку въ послѣдніе восемь или девять лѣтъ, когда жила у Чекмаревой и получала пенсію.

— Стало быть, я не такая жадная къ деньгамъ, чтобы забывать для нихъ честь и совѣсть, говорила она: — но знаю цѣну имъ, какъ должны знать и вы, Лизавета Арсеньевна, хоть вы еще молоды. Не скрою отъ васъ: желаю богатства Машенькѣ. Не скрою и того, почему была такъ откровенна съ вами: я опасаюсь, что вы откроете все Аннѣ Ларіоновнѣ. При вашей недовѣрчивости ко мнѣ...

При моей недовѣрчивости къ ней! — она такъ прямо и полно говорила правду, — правду, въ которой я сама боялась признаваться себѣ, но которую давно понимала. — „Ваша маменька и Анна Ларіоновна — прекрасныя женщины“, говорила она: — „но онѣ робки и просты, какъ малыя дѣти“... Мнѣ самой давно думалось это. Мнѣ казалось, что она одна изъ всѣхъ насъ знаетъ жизнь: наши старшіе, какъ и я, знаютъ только свой семейный уголокъ.

— При вашей недовѣрчивости ко мнѣ, говорила она, — могу ли требовать, чтобы вы молчали по моимъ только словамъ? Не могу, Лизавета Арсеньевна. Но вотъ о чемъ я прошу васъ: чтобы вы посмотрѣли сама и убѣдились. Пріѣзжайте ко мнѣ вмѣстѣ съ Машенькою послѣ-завтра поутру, когда у меня будетъ Николай Евграфовичъ. Посмотрите на него сама, правду ли я говорю, что надѣюсь выдать Машеньку за этого человѣка: взгляните, тогда судите сама и поступайте, какъ вамъ будетъ угодно.

Просьба была умѣренна, разумна. Какъ буду я вступаться въ отношенія, если не хочу ближе узнать ихъ? — Она требуетъ только того, чтобы я сама посмотрѣла, какъ слѣдуетъ поступить. Она лучше всѣхъ насъ понимаетъ жизнь; что, если я хочу разстраивать стастье Машеньки? — Старуха заговорила меня, подорвала всѣ причины моего прежняго недовѣрія къ ней; я поддалась ея изворотливому уму. — „Извольте, Дарья Ильинична, я пріѣду", сказала я.

Но едва произнесла это, одумалась. Нѣтъ, не можетъ быть права женщина, которая хочетъ вести сватовство дочери тайкомъ отъ матери! — Я покраснѣла. Мнѣ было совѣстно отступиться отъ вырвавшагося слова. Но я превозмогла ложный стыдъ.

— Нѣтъ, я не имѣла права соглашаться, Дарья Ильинична, сказала я: — простите меня: я не пріѣду. Умоляю васъ, выведите меня изъ затрудненія. Какъ же устранить Анну Ларіоновну? Какъ становиться между матерью и дочерью?

Вспоминая этотъ случай, вспоминая всю мою жизнь, я спрашиваю себя: когда же, въ чемъ же хотѣла я быть отступницею отъ патріархальныхъ правилъ моего воспитанія? Положа руку на сердце, говорю: я всегда хотѣла быть вѣрна имъ...

— Развѣ я думаю устранить Анну Ларіоновну? — сказала Дарья Ильинична: — Но было бы напрасно говорить съ нею, пока еще нечего говорить. Вмѣшать ее теперь, значить разстроить все. Судите сама: онъ видѣлся съ Машенькою только два раза: когда же было утвердиться въ немъ расположенію къ ней? Надобно дать окрѣпнуть этому. А то, вдругъ приступать съ ножемъ къ горлу: „сватай"; — что же другое значило бы вмѣшивать мать?

Еще такъ недавно, я сама думала о томъ, что лучше-бъ, если бы молодые люди не нашего круга могли видѣть меня просто какъ родственницу своихъ знакомыхъ, когда вовсе не думаютъ о невѣстахъ и сватовствѣ: быть можетъ я понравилась бы кому нибудь изъ нихъ, и онъ понравился бы мнѣ. Теперь, это счастье достается Машенькѣ, — и я буду разстраивать его! — Еще такъ недавно, я думала о томъ, что дуренъ, вреденъ обычай нашего круга смотрѣть на молодого человѣка, какъ на жениха, едва онъ заговоритъ съ дѣвушкою; — неужели я сдѣлаю, чтобы тотчасъ же явилась мать и чтобъ ея впдъ говорилъ: „милостивый государь, извольте-ко сватать мою дочь, которую видѣли два раза; по нашему знакомиться нечего, а прямо объявляй себя женихомъ". Во мнѣ происходила сильная борьба. Но привязанность къ принципамъ нашей доброй, скромной жизни побѣдила. Дарья Ильинична хотѣла хитрить: я была пріучена отвращаться хитрости. Старуха хотѣла заманивать жениха: мнѣ внушено было считать это дѣломъ дурнымъ, изъ котораго не можетъ выйти счастливаго супружества для дѣвушки съ хорошимъ сердцемъ. „Не намъ и не нашимъ дочерямъ поступать безчестно", говорили матушка и Анна Ларіоновна о закидываніи сѣтей женихамъ. Пусть матушка и Анна Ларіоновна слишкомъ просты: пусть онѣ похожи на малыхъ дѣтей, какъ говоритъ Дарья Ильинична. Но Машенька воспитана такою же. Она не будетъ счастлива въ замужествѣ, если женихъ поймана хитростью. Она простодушна и честна. Не ей жить обманомъ. — Я твердо повторила, что я не пріѣду.

— Подумайте, Лизавета Арсеньевна, убѣждала и умоляла старуха: — Вы ставите большое затрудненіе счастью Машеньки. Ваша Анна Ларіоновна — охъ! —

ей ли обращаться съ людьми, которые живутъ въ свѣтѣ? Она все погубитъ, посмотрите на него сама, прошу васъ ради счастья Машеньки, ради счастья всего ихъ семейства.

Но я осталась тверда: „не пріѣду и не пріѣду". Дарья Ильинична заплакала.—У меня было одно: „не пріѣду и не пріѣду".

— Нечего дѣлать съ вами, Лизавета Арсеньевна, сказала она наконецъ:—Но Богу извѣстно, какой вредъ можетъ произойти отъ вашего упрямства. Когда пріѣдете домой, скажите Машенькѣ, чтобъ она разсказала матери. Богъ вамъ судья, Лизавета Арсеньевна: отнимаете вы счастье у Машеньки.

— Благодарю васъ, Дарья Ильинична; вы избавили меня отъ ужаснаго колебанія. Я не знала, на что мнѣ рѣшиться.

— Какое не знали!—отвѣчала она, утирая слезы: Я вижу, вы сказали бы Аннѣ Ларіоновнѣ.—Богъ вамъ судья.

Не только тогда, и теперь я не умѣю опредѣлить, сказала бы я сама Аннѣ Ларіоновнѣ, если бы не добилась того, чтобы Дарья Ильинична перестала удерживать Машеньку отъ откровенности передъ матерью. Сдѣлаться доносчицею матери на дочь, рисковать лишить дочь довѣрія матери—я понимала, какъ это страшно. Но вѣроятно, Дарья Ильинична не ошибалась. Во мнѣ была сильна привязанность къ принципамъ нашей скромной жизни.

Машенька предсказывала, какъ поступитъ ея мать. Анна Ларіоновна рѣшила, что Машенькѣ не слѣдуетъ бывать у тетки, пока Чекмаревъ остается въ нашемъ городѣ.

Съ кроткою печалью Машенька жаловалась мнѣ на меня саму. Она похудѣла и поблѣднѣла. При всей моей твердости въ нашихъ старосвѣтскихъ правилахъ, я почти раскаявалась въ моемъ упрямствѣ и плакала вмѣстѣ съ Машенькой.

И вотъ, я увидѣла, что не только почти, совершенно должна раскаяваться, что не послушалась Дарьи Ильиничны, напрасно сдѣлала столько горя моей милой Машенькѣ: Чекмаревъ пріѣхалъ въ Каталонскимъ. Онъ любитъ Машеньку! Зачѣмъ я внесла столько дней печали въ ея любовь?—Эти мои слезы были очень горьки. Еще горьче стали онѣ, когда Чекмаревъ уѣхалъ отъ Каталонскихъ, и бѣдная Машенька пришла разсказать мнѣ, что сдѣлала Анна Ларіоновна и какъ приняла Чекмарева.

Анна Ларіоновна, увидѣвъ богатый экипажъ, догадалась, что это Чекмаревъ. Она велѣла Машенькѣ уйти изъ гостиной. Онъ уѣхалъ, не видѣвъ Машеньку. Анна Ларіоновна была холодна, суха съ нимъ. Это было слишкомъ. Я не удержалась, пошла къ Аннѣ Ларіоновнѣ; стала упрекать ее.

— Вы напрасно недовольны мною, Лиза, сказала она:—Не разсыпаться же мнѣ было передъ человѣкомъ, котораго я вижу въ первый разъ. Посмотримъ; если онъ будетъ нравиться мнѣ, тогда я и буду любезна съ нимъ. Почему-жь онъ такъ долго не собрался пріѣхать къ намъ, если это знакомство пріятно ему?—онъ долго раздумывалъ; и мы подумаемъ.

Мнѣ было страшно досадно на себя. Мнѣ было ужасно жаль Машеньку. Мучительно прошелъ для меня этотъ день.—и слѣдующій, почти до самаго вечера. Но къ вечеру, Чекмаревъ самъ потрудился утѣшить меня.

Машенька пришла ко мнѣ, взволнованная еще больше, нежели была вчера. Чекмаревъ прислалъ ей письмо. Теперь она уже не могла бояться, что я стану гро-

зить ей выдать ея тайну Аннѣ Ларіоновнѣ, если не скажетъ она сама: я такъ много и долго горевала о томъ, что принудила ее тогда. Она показала мнѣ письмо. Чекмаревъ жаловался на то, что Анна Ларіоновна вчера была холодна съ нимъ, описывалъ свою любовь, свои страданія. Письмо было облито слезами бѣдной Машеньки. На меня оно произвело противоположное впечатлѣніе: я перестала плакать. Если онъ сколько нибудь любитъ Машеньку, то развѣ онъ не понимаетъ, что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, Аннѣ Ларіоновнѣ вѣшаться ему на шею, пока она не увидитъ, хорошій ли онъ человѣкъ. — Мнѣ стало стыдно за мои сомнѣнія въ благоразуміи нашихъ скромныхъ, простыхъ правилъ жизни: только они пригодны для насъ, только они ограждаютъ насъ отъ горькихъ ошибокъ, вѣрнѣе всякой ловкости, всякой проницательности. Теперь ясно было, что Дарья Ильинична ошибалась, и ввела бы племянницу въ стыдъ и горе поважнѣе полу-ребяческихъ слезъ.

Я стала доказывать Машенькѣ, что Чекмаревъ нисколько не любитъ ее, хотѣлъ только насмѣяться надъ нею. Она плакала, не могла оспорить, не могла и согласиться. Я умоляла ее не отвѣчать ему по крайней мѣрѣ до завтра. На завтра она была почти больна, бѣдная. Но она была умная дѣвушка. Она уже соглашалась, что унизилась бы, если-бъ отвѣчала ему. — Потомъ онъ прислалъ ей еще письмо. Она не взяла его отъ своей кухарки и погрозила, что скажетъ матери, если кухарка будетъ принимать на себя такія порученія.

Наконецъ Чекмаревъ сдѣлалъ то, что сама Дарья Ильинична перемѣнила тонъ. Онъ предложилъ ей деньги, чтобъ она, какъ нибудь обманувъ Анну Ларіоновну, устроила ему свиданье съ Машенькою. Старуха пустила въ него чашкою съ горячимъ чаемъ.

Это совершенно излечило Машеньку. Она поплакала еще нѣсколько времени, но уже только отъ досады на себя за то, что увлеклась такимъ жалкимъ человѣкомъ; скоро вовсе перестала думать о немъ и сдѣлалась весела по-прежнему. Но пріобрѣла больше серьезности. — „Прежде я удивлялась тебѣ, Лиза“, говорила она: — „А теперь вижу, что влюбляться — очень глупая вѣтренность, которая вовсе нейдетъ къ нашей жизни. Небогатыя дѣвушки, какъ мы, должны быть разсудительны“. — И въ самомъ дѣлѣ, она перестала быть ребенкомъ.

Мой добрый, несчастный другъ Лачиновъ говорилъ правду: порядочные молодые люди изъ нашего состоянія уходятъ отъ насъ въ другое общество, гдѣ нѣтъ насъ... но бываютъ исключенія. Одной изъ сотни такихъ дѣвушекъ, какъ я, встрѣчается порядочный молодой человѣкъ, случайно являющійся въ нашемъ кругу.

Вскорѣ послѣ того, какъ Машенька разочаровалась въ Чекмаревѣ, племянникъ мужа Устиньи Максимовны Симоновой получилъ должность помощника управляющаго удѣльною конторою въ нашемъ городѣ. Его кузины, мои пріятельницы, обѣ уже были замужемъ. Поэтому для него нашлась комната въ домѣ дяди. На первый разъ онъ былъ очень радъ готовому пріюту. Иванъ Николаичъ былъ женихъ не по размѣру нашихъ приданыхъ. Но Машенька понравилась ему. Не нужно было особенной проницательности, чтобы видѣть это. Но я молчала Машенькѣ; молчали ей и кузины Ивана Николаича: кто же знаетъ, захочетъ ли онъ забыть, что можетъ найти себѣ невѣсту и съ большимъ приданымъ, и съ важными связями? — мы не знали и того, вообще расположенъ ли онъ жениться: люди, которые могутъ сдѣлать хорошую карьеру, считаютъ невыгоднымъ жениться въ молодыхъ лѣтахъ. Однако же, надежда, которой не смѣли мы вѣрить, исполнилась. Прошло, я думаю,

не больше мѣсяца послѣ пріѣзда Ивана Николаича въ нашъ городъ, какъ Машенька сказала мнѣ:

— Лиза, я почти дала слово Симонову, и боюсь, что ты осудишь меня. Пожалуйста, не осуждай, душенька.

— Осуждать за то, что ты дала слово Симонову! Богъ съ тобою, Машенька! Съ перваго раза, какъ я увидѣла его, я пожелала тебѣ этого счастья, моя милая Машенька!

Дѣйствительно, я была въ восторгѣ за нее.

— Я въ самомъ дѣлѣ вижу, что ты довольна, — сказала она, когда я перестала душить ее: А я право боялась, что ты осудишь меня. Знаешь, за что? — Вотъ за что: я не влюблена въ него, а иду. И онъ такой прозаическій, Лиза; въ него нельзя влюбиться.

Я расхохоталась. — Когда ты проживешь еще годъ, Машенька, слово „влюбляться“ будетъ смѣшно для тебя. Вспомни, какъ умно разсуждала ты сама, что эти глупости нейдутъ къ нашей жизни.

Я принялась не на шутку бранить ее и бранила больше, чѣмъ она стоила. Забавная выходка о влюбленности была послѣднею ея данью ребяческой вѣтренности.

На другое утро Симоновъ пріѣхалъ къ Аннѣ Ларіоновнѣ просить руки Машеньки. Невозможно описать радость Анны Ларіоновны, Василія Ильича, даже моихъ старшихъ.

Все было прозаично въ этомъ сватовствѣ; даже и та причина, по которой свадьба была отложена довольно надолго. Симонову хотѣлось, чтобы квартира, которую нанялъ онъ, была хорошо отдѣлана и меблирована. Оклеить стѣны порядочными обоями, — тогда еще довольно большая рѣдкость въ нашемъ городѣ, — сдѣлать драпри, хорошія ручки въ дверяхъ — это можно было бы кончить въ одну минуту. Но меблировка — это была длинная исторія. Въ нашемъ городѣ, хоть и очень большомъ, не было тогда магазиновъ готовой мебели, и если вы хотѣли имѣть порядочную, надобно было заказывать ее и ждать много времени.

У меня радовалось сердце на Машеньку и ея жениха. Симоновъ былъ совершенно порядочный человѣкъ, добрый, разсудительный. Онъ занималъ прекрасную должность. Все обѣщало моей милой Машенькѣ беззаботную, счастливую жизнь въ довольствѣ, даже изобиліи, безъ всякихъ непріятностей. У Симонова была тихая, но глубокая любовь къ ней. Машенька, добрая и умная, привязалась къ нему самою нѣжною дружбою. Когда я стыдила ее наканунѣ помолвки за ея соображеніе о важномъ недостаткѣ, что она не влюблена, она совершенно справедливо говорила, что я слишкомъ придираюсь къ необдуманному слову. Если тогда она еще не понимала, то очень скоро поняла пустоту его, когда увидѣла заботливость жениха о ея счастьѣ и когда признательность за ея любовь пробудила въ ней самой чувство, посерьезнѣе романической экзальтаціи. Нельзя было не полюбить этого истинно добраго человѣка. Въ его и ея симпатіи не было одурѣнія, которое очень поэтично, и столько же глупо, но было то, что гораздо лучше: спокойное, разсудительное и сильное расположеніе другъ къ другу.

Отдѣлка квартиры была давно кончена, заказанная мебель почти готова. Можно было назначить день свадьбы. Назначили его. Онъ пришелъ. Въ восемь часовъ вечера мы должны были отправиться въ церковь.

Утро маменька, я, сестра провели у Каталонскихъ, помогая хлопотамъ о нарядахъ невѣсты. Потомъ надобно было намъ позаботиться и о своемъ туалетѣ,— моемъ и Сашиномъ: Саша была ужь не маленькая: ей почти исполнилось пятнадцать лѣтъ, она тоже должна была провожать невѣсту. Послѣ обѣда я осталась дома докончить свои занятія собою и сестрою; часовъ въ шесть я обѣщалась прійти опять къ Каталонскимъ, помогать одѣвать невѣсту къ вѣнцу.

Я причесывала голову Сашѣ. Маменька смотрѣла и дѣлала свои замѣчанія о нашихъ уборахъ; —я думаю, что это было въ концѣ пятаго часа;—вбѣжала служанка Каталонскихъ и торопливо, тревожно сказала: „Марьи Васильевны нѣтъ у васъ? Господи, я такъ того и ждала, что нѣтъ!“ —Она всплеснула руками.— „Что такое?“ спросили мы, перепуганныя ея отчаянной жестикуляціею, да и странными словами.—„Господи! У насъ Богъ знаетъ что дѣлается! Марьи Васильевны нѣтъ! Татьяна Ивановна, пожалуйте!—Лизавета Арсеньевна, матушка, барышня бѣгите къ намъ!“ —она опять всплеснула руками и убѣжала.

Я побѣжала вслѣдъ за нею.—У Каталонскихъ было невообразимое смятеніе. Василій Ильичъ, самъ на половину потерявъ разсудокъ, уговаривалъ дѣтей молчать, совалъ имъ пряники и варенье, рвалъ на себѣ волосы, то пускался въ перебранку съ Дарьей Ильиничною. Анна Ларіоновна лежала въ истерическомъ припадкѣ и кричала: „Машенька, гдѣ ты? Отдайте мнѣ мою дочь!“

Такъ отозвалась забытая-было всѣми нами влюбленность Машеньки въ Чекмарева. Вотъ какъ произошло это.

Въ нашемъ городѣ не было тогда и наемныхъ каретъ, какъ не было мебельныхъ магазиновъ. Для свадебныхъ поѣздовъ небогатые люди брали экипажи у губернскихъ аристократовъ.

Жена камердинера управляющаго удѣльною конторою пришла въ гости къ экономкѣ старухи Чекмаревой и въ числѣ другихъ новостей выразила ожиданіе, что нынѣ ихъ лакеи и кучеръ навѣрное будутъ пьяны, потому что баринъ далъ карету на нынѣшній вечеръ своему помощнику Симонову, который женится. — „Надо идти смотрѣть свадьбу“, сказала экономка: — „когда, гдѣ будетъ?“ — „У Сергія, въ восьмомъ часу“, сказала гостья.—„А на комъ женится, не знаете?— „На дочери тоже нашего чиновника Каталонскаго.“ — „Каталонскаго! значитъ на племянницѣ этой нашей вѣдьмы, на которую я столько разъ жаловалась вамъ! А невѣста-то водила куры-муры съ нашимъ молодымъ бариномъ!—Вотъ одолжили, что сказали! Можно удружить этой вѣдьмѣ Дарьѣ!“ — „И удружите“,—одобрила гостья: —„Вы хотите сказать жениху?“ — „Да какъ же? Пойду, скажу“.—„Такъ и сдѣлайте, непремѣнно подите, скажите“, одобрила гостья.

Пелагея Ивановна, служанка Симоновой, сидѣла на крыльцѣ, присматривая за игравшими по двору маленькими братьями и сестрою моихъ подругъ. Пришла незнакомая ей женщина, спросила тутъ ли живетъ Иванъ Николаичъ Симоновъ, помощникъ управляющаго удѣльною конторою, и у себя ли онъ, прошла въ домъ, пробыла тамъ довольно долго, вышла съ довольнымъ лицомъ, остановилась на крыльцѣ и разсказала Пелагеѣ Ивановнѣ кто она и зачѣмъ приходила. — „Вотъ какъ отплатила я проклятой Дарьѣ, которая суетъ носъ не въ свои дѣла“. прибавила она:—„Теперь свадьба разстроится: твоя барыня сейчасъ же поѣдетъ къ невѣстѣ, прочитаетъ ей, кто она такая“.—Пелагея Ивановна была добрая женщина, любила Машеньку и тотчасъ же побѣжала предупредить ее. — „Что тебѣ, Пелагея Ива-

новна?“ спросила Анна Ларіоновна.—„Я прислана отъ Устиньи Максимовны къ Марьѣ Васильевнѣ“, сказала Пелагея Ивановна,—„Что же такое?“ спросила Машенька.—„Просьба, которую надо сказать только вамъ однѣмъ, барышня“, сказала Пелагея Ивановна и улыбнулась, чтобъ отвести всякое подозрѣніе.—„Пойдемъ въ мою комнату“, сказала Машенька.

Оставшись наединѣ съ нею, Пелагея Ивановна разсказала что слышала отъ экономки Чекмаревой.—„Не огорчайтесь, Марья Васильевна, и не разгнѣвайтесь на меня, будто бы я вѣрю этому: и какъ это можно, чтобъ это была правда! Она имъ наплела, будто у васъ была любовь со внукомъ ея барыни, и будто вы ѣздили на свиданья съ нимъ, и будто его камердинеръ, Егоръ, носилъ вамъ записочки отъ него и отдавалъ вашей кухаркѣ Лукерьѣ, и если не вѣрятъ ей, то пусть спросятъ всю ихъ дворню: вся знаетъ это. И можно ли вѣрить этому? Но если-бъ у васъ и было съ нимъ что нибудь такое, вы, барышня, прямо скажите Устиньѣ Максимовнѣ, что знать не знаю; что вамъ бояться?—Егоръ-то уѣхалъ со своимъ бариномъ, а ваша-то Лукерья не выдастъ васъ; какія улики?—знать не знаю, да и все тутъ. Не бойтесь, барышня, ничего“.

— Пелагея Ивановна, я, можетъ быть, не разслышала: Иванъ Николаичъ былъ дома?—спросила Машенька.

— Все время дома: когда она пришла, дома; и остался дома, когда я побѣжала къ вамъ.

— Хорошо, благодарю тебя, Пелагея Ивановна, сказала Машенька.

— Какъ-же вы скажете-то ей?—Какъ я говорила вамъ: знать не знаю, да и все тутъ?—А про меня не сказывайте ей, что я предупредила васъ.

— Зачѣмъ же?—я не скажу про тебя, будь спокойна.

— Зачѣмъ Устинья Максимовна присылала къ тебѣ Пелагею Ивановну?—спросила Анна Ларіоновна.

Машенька отвѣчала, что Устинья Максимовна присылала сказать ей, что пріѣдетъ поговорить о чемъ-то.

— Вѣроятно, взглянуть на платье, и на все, какъ ты будешь одѣта, хорошо ли.—замѣтила Анна Ларіоновна:—Давайте-ка поскорѣе дошивать оборку,—обратилась она къ младшимъ дочерямъ.

Машенька безпрестанно подходила къ окнамъ на улицу. Некому было замѣтить, что она слишкомъ встревожена: всѣ были заняты ея подвѣнечными нарядами. Да и когда-жь невѣста бываетъ спокойна въ день свадьбы?

А между тѣмъ женихъ еще и не зналъ ничего. Экономка Чекмаревой, разумѣется, не нашла въ передней никого, чтобы доложить о ней, и пошла заглядывать изъ комнаты въ комнату. Прошла дѣтскую—никого; отворила слѣдующую дверь;—это была спальная. Устинья Максимовна сидѣла передъ зеркаломъ, примѣривая чепецъ.—„Кого надобно вамъ“, спросила она, увидѣвъ незнакомую женщину.—„Ивана Николаича Симонова, жениха“,—сказала экономка:—„А вы, сударыня, не будете ли его тетушка, хозяйка дома? Я могу переговорить и съ вами о дѣлѣ, по которому пришла“.—Она рада была случаю: родственницы женихова лучше самихъ женихова, чтобы надѣлать шума.

Но Устинья Максимовна увѣряла потомъ, что не хотѣла подымать скандалъ, и что не очень повѣрила разсказу экономки: „мнѣ тотчасъ же подумалось тогда, не чернитъ ли эта женщина Машеньку по злому разсчету“, говорила она впо-

слѣдствіи нашимъ и мнѣ. Она прекрасно доказывала, что и не могла не подумать этого. „Какъ же?“ — говорила она: — „Развѣ я не знаю, какъ нерѣдко бываетъ, что недоброжелательные люди стараются разстроить свадьбу сплетнями родственникамъ на жениха или на невѣсту? А въ этомъ случаѣ не должна ли я была тѣмъ больше предположить, что все это говорится по злобѣ, когда экономка сама проговорилась, что мститъ Дарьѣ Ильиничнѣ. Потому я и не сказала ничего племяннику, прежде хотѣла удостовѣриться сама, что это неправда“. — Можетъ быть и совершенно такъ. Но Пелагея Ивановна говорила, что экономка Чекмаревой, вышедши отъ ея барыни, была совершенно увѣрена, что свадьба разстроится, и по всѣмъ словамъ экономки, Пелагея Ивановна видѣла, что Устинья Максимовна совершенно повѣрила всему. Это слишкомъ похоже на то, что чаще всего случается съ людьми нашего круга въ затруднительныхъ обстоятельствахъ: привыкнувъ къ тихому, разсудительному образу жизни, они теряютъ голову, когда случится что нибудь особенное.

Какъ бы то ни было, но видъ Устиньи Максимовны поразилъ Анну Ларіоновну: тетка жениха вошла съ волненіемъ, съ разстроеннымъ лицомъ. Аннѣ Ларіоновнѣ показалось, съ лицомъ раздраженнымъ, и горячо спросила, даже забывъ поздороваться: — „Гдѣ ваша дочь?“ — Анна Ларіоновна удивилась, перепугалась, не зная сама, чего перепугалась. — Гдѣ Машенька? Машеньки уже не было въ гостиной, она сейчасъ стояла у окна, должно быть ушла. — „Да что вы такая разстроенная и страшная, Устинья Максимовна? Или что случилось?“ — спрашивала она, торопливо идя за Симоновой, которая шла черезъ гостиную въ комнату Машеньки, не остановившись съ нею: — „Что такое? Машенька сейчасъ была здѣсь; что такое?“ — „А! вѣрно догадалась, зачѣмъ я ѣду! увидала, что ѣду, и догадалась!“ — говорила Устинья Максимовна, внѣ себя отъ волненія. — Она отворила дверь комнаты Машеньки: Машеньки не было и тутъ. — „Спряталась! Я найду ее, не спрячется!“ — кричала Устинья Максимовна: теперь она уже не сомнѣвалась въ истинѣ всего разсказаннаго экономкою.

Прибѣжала Дарья Ильинична, началась шумная сцена. — „Какъ вы смѣли раскричаться въ чужомъ домѣ?“ — кричала Дарья Ильинична. — „Хороши вы съ вашей племянницей!“ — кричала Устинья Максимовна.

Когда я прибѣжала, Устинья Максимовна уже уѣхала, и все семейство, какъ я сказала, было въ смятеніи. Машенька исчезла. Свадьба разстроилась. Но гдѣ Машенька, гдѣ Машенька?

— Гдѣ моя дочь? — отдайте мнѣ мою дочь! — стонала Анна Ларіоновна.

Что могли мы съ матушкою сказать въ ея успокоеніе? — Мы могли только послать моего отца, послать Василья Ильича, послать всю прислугу искать Машеньку. — Я черезъ нѣсколько времени опомнилась настолько, что вздумала пойти говорить съ женихомъ. Обѣихъ лошадей не было: отецъ и Василій Ильичъ уѣхали на нихъ. Я думаю, что народъ смотрѣлъ на меня: я бѣжала по улицамъ.

Какъ я говорила съ Устиньею Максимовною, я почти не помню; почти не помню и того, что говорилъ мнѣ Иванъ Николаичъ. Но онъ былъ истинно порядочный человѣкъ; потомъ, я помню, онъ сталъ упрекать Устинью Максимовну, она разсердилась и на него. Мы съ нимъ поѣхали къ намъ.

Машеньки все еще не было. Иванъ Николаичъ тоже поѣхалъ искать ее.

Весь вечеръ мы провели въ невыразимой тревогѣ. Машеньки не было ниглѣ.

У всѣхъ была мысль: не бросилась ли она въ Волгу? Ее видѣли торопливо идущую внизъ по нашему проулку къ берегу. Потомъ нашли людей, которые видѣли ее идущею по берегу. Половину ночи мы провели въ отчаяніи.

Былъ уже второй или третій часъ ночи, когда мы получили извѣстіе о ней. Мнѣ принесъ письмо нѣмецъ изъ Баронскаго,—это пристань, въ 60 верстахъ вверхъ по Волгѣ отъ нашего города. Добрый колонистъ исполнилъ просьбу Машеньки тотчасъ же идти ко мнѣ, хоть будетъ глубокая ночь, когда пароходъ привезетъ его въ нашъ городъ.

Машенька вышла изъ дома, не помня куда идетъ. Когда опомнилась, увидѣла себя на берегу Волги. Затѣмъ ли шла она къ рѣкѣ, чтобы броситься въ воду, она сама не знаетъ. Но теперь ей пришло въ голову, что надобно искать убѣжища въ женскомъ монастырѣ, который стоитъ на берегу. Она пошла по направленію къ нему. Вдругъ раздался свистокъ парохода, она побѣжала на него и вошла въ каюту. У ней была одна мысль: скрыться отъ родныхъ. Когда пароходъ отплылъ далеко отъ берега, она сказала капитану, что у нея нѣтъ билета, нѣтъ денегъ, нѣтъ ничего: она сѣла на пароходъ какъ была въ комнатѣ.—„Куда-жь вы ѣдете?“—„Я сама не знаю куда“.—„Зачѣмъ?“—„Сама не знаю, зачѣмъ; но я продамъ свою мантилью и отдамъ вамъ деньги, только дайте мнѣ уѣхать подальше“.—И капитанъ, и пассажиры стали съ участіемъ распрашивать ее. Она должна была сказать свое имя. Нашлись люди, слышавшіе, что дочь чиновника Каталонскаго выходитъ за Симонова, помощника управляющаго удѣльною конторою. Она должна была признаться, что она ушла отъ родныхъ, жениха. Тогда пассажиры и капитанъ стали совѣтоваться, что можно сдѣлать для нея. Куда она уѣдетъ отъ родныхъ, гдѣ найдетъ пріютъ? Есть у нея знакомые въ Вольскѣ, Хвалынскѣ, Самарѣ, Казани?—Только теперь она услышала, что пароходъ идетъ вверхъ по Волгѣ.—Въ Казани у нея есть братъ, студентъ.—Пассажиры заставили ее написать это письмо, чтобъ отправить его для успокоенія ея родныхъ, съ первой пристани, съ первымъ пароходомъ, который пойдетъ внизъ.—„Они всѣ уговаривали меня возвратиться; но убѣдились, что я не послушаюсь“, писала она:—„и какъ я возвратилась бы къ нимъ? Зачѣмъ? Я знаю, мнѣ были бы невыносимы ихъ подозрѣнія, упреки; пусть они и не стали бы упрекать вслухъ, все равно, я знаю, какъ унижена я въ ихъ глазахъ. Передъ ними не оправдаешься. И какой стыдъ передъ всѣмъ городомъ. Какъ могла бы я оставаться въ нашемъ обществѣ?—Братъ не будетъ вздыхать и коситься. Онъ не такой, какъ отецъ и маменька“.

Я не могла показать Аннѣ Ларіоновнѣ и отцу Машеньки письма съ такими словами противъ нихъ... Эти жестокія мысли были и несправедливы: Анна Ларіоновна не стала бы мучить дочь; Машенька сама должна почувствовать это, когда первое волненіе ея пройдетъ... Но въ сущности, ея рѣшеніе не было неправильно при той увѣренности, какую она имѣла, что тетка жениха пріѣхала распрашивать и упрекать по порученію жениха, что свадьба разстроилась. Ея жизнь въ семействѣ надолго стала бы слишкомъ горька. Нашъ кругъ добръ и хорошъ; но...

Я не могла показать письма Аннѣ Ларіоновнѣ; успокоила ее хоть тѣмъ, что Машенька жива и поѣхала къ брату; между тѣмъ, велѣла заложить нашу лошадь тотчасъ же ѣхать къ Симонову.—„Какъ можно, Лиза? Въ третьемъ часу!—

Пусть ѣдетъ твой отецъ; если ужь не хочешь отложить до утра", останавливали меня.—„Нѣтъ", сказала я: — „онъ встревоженъ не меньше васъ и не сердится только на одну меня".

Дѣйствительно, онъ не спалъ, хоть былъ утомленъ разъѣздами по всему городу до поздней ночи. Трудно представить себѣ, какъ онъ обрадовался.— „Завтра же беру отпускъ и ѣду въ Казань",—сказалъ онъ.

Когда мы съ нимъ стали говорить болѣе спокойно, я высказала ему то, что особенно мучило меня теперь: я считала себя виноватою въ этомъ шумѣ. Зачѣмъ я не посовѣтовала Машенькѣ, чтобъ она показала матери письма Чекмарева въ то же время, какъ получала ихъ? Если-бъ это было сдѣлано, Анна Ларіоновна не была бы поражена пріѣздомъ и словами Устиньи Максимовны, не дала бы ей кричать, не отвѣчала бы ей только стонами: „Ахъ, что надѣлала моя дочь! Ахъ, какой стыдъ!"—Машенька увидѣла бы, что мать защищаетъ ее и не убѣжала бы...

— Понятно, Лизавета Арсеньевна,—съ раздраженіемъ сказалъ Симоновъ: — Вы сами понимаете, что съ этими людьми невозможно говорить, невозможно имѣть дѣла. Вы думаете, ваша Анна Ларіоновна не подняла бы шума, если бы Машенька показала ей письмо Чекмарева. Поняла бы, что нельзя ахать и плакать. Она сдѣлала бы скандалъ, Машенька была бы тогда же обезславлена на весь городъ материнскимъ усердіемъ къ защитѣ ея репутаціи. Съ этими людьми нельзя имѣть никакого дѣла, кромѣ какъ по хозяйству: въ этомъ они хороши.

Онъ былъ раздраженъ; онъ былъ несправедливъ; но въ его словахъ была та часть правды, что мнѣ самой казалось такъ тогда, во время полученія писемъ отъ Чекмарева; потому я и требовала, чтобы Машенька не говорила съ Анною Ларіоновною объ этихъ письмахъ.

На другой день Симоновъ уѣхалъ въ Казань. Черезъ двѣ недѣли, Каталонскіе получили короткое письмо отъ дочери, и длинное письмо отъ Симонова и еще болѣе длинную приписку отъ Машеньки. Они повѣнчались, но рѣшили не возвращаться въ нашъ городъ.—Симоновъ писалъ мнѣ, что Машенька никакъ не согласилась бы возвратиться и если-бъ даже она была готова на это, онъ самъ отговорилъ бы ее.—„Ваше прекрасное общество слишкомъ глупо",— писалъ онъ. Это были слова раздраженія, слова не вполнѣ справедливыя. Но я должна была признаться, что мысль Машеньки и его—не жить въ нашемъ городѣ совершенно основательна.— Онъ писалъ, что они ѣдутъ въ Петербургъ; онъ будетъ искать себѣ должности гдѣ-нибудь въ другой провинціи.

Потомъ Машенька писала мнѣ изъ Петербурга сначала довольно часто. Она хвалила мужа; говорила, что она счастлива;—въ этомъ я была бы увѣрена и безъ ея словъ. Но она жаловалась на петербургскую жизнь, скучную, пасмурную, какъ петербургскій климатъ. Я предполагала, что Машенька нуждается. Разумѣется это было такъ. Черезъ нѣсколько времени братъ написалъ мнѣ, что иногда бываетъ у Симоновыхъ, что Машенька дѣйствительно очень счастлива своимъ мужемъ, но что они терпятъ нужду и что это очень мучитъ Симонова.— „Кто привыкъ пользоваться удобствами и привольемъ провинціальнаго города",—прибавлялъ братъ,—„тому невыносима петербургская жизнь, скучная, однообразная для людей, которые не имѣютъ огромныхъ средствъ. То, что составляетъ преимущество Петербурга надъ провинціею, напримѣръ, для меня, не существуетъ для Машеньки и ея мужа. Машенька старается быть веселою и бодрою; но вянетъ въ

Петербургѣ".—Братъ говорилъ, что Симоновъ постоянно хлопочетъ получить мѣсто въ провинціи; но порядочныя должности достаются не легко и не скоро.—Когда я сама стала жить въ Петербургѣ, я увидѣла, что онъ можетъ нравиться только тѣмъ изъ провинціаловъ, которые честолюбивы, или такимъ, которые лишь въ немъ могутъ имѣть дѣятельность по своему природному влеченію, какъ напримѣръ, мой братъ, или такимъ, которые по своему исключительному отношенію къ обществу лишь въ Петербургѣ могутъ имѣть спокойствіе и свободу... Всѣмъ другимъ Петербургъ душенъ и тѣсенъ.

Года черезъ три Симоновъ добился должности совѣтника въ Курскѣ. Онъ и Машенька были въ восторгѣ; и дѣйствительно, они ожили, переѣхавъ туда. Машенька призналась мнѣ въ письмахъ изъ Курска, что тосковала въ Петербургѣ, какъ въ тюрьмѣ, и что даже здоровье ея было разстроено лишеніями и скукою.

Я знала это и прежде, какъ я сказала, черезъ моего брата.—За что пропадаютъ въ бѣдности и скукѣ лучшіе годы ея?—думалось мнѣ, пока она жила въ своемъ долгомъ петербургскомъ изгнаніи:—какъ тяжелы послѣдствія минутнаго, ничтожнаго забвенія о томъ, что для дѣвушекъ, подобныхъ намъ, только прозаическая разсудительность обезпечиваетъ спокойствіе и довольство жизни! Всякое уклоненіе отъ старосвѣтскихъ понятій и нравовъ гибельно для насъ.

VII.

Счастливые годы.

— Новая глава! сказала хозяйка:—Довольно. Отложимъ до завтра. Пріѣзжайте опять и вы, Онуфріевъ.—Ужь двѣнадцать часовъ: пора закусывать и потомъ, господа, по домамъ.

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ сложилъ рукопись, которую читалъ.

— Характеръ разсказчицы обрисовался слишкомъ прозаическимъ, сказалъ нестарый господинъ съ черною бородою:—слабыя движенія чего-то похожаго на поэтическія и живыя стремленія заглушились въ ней полнымъ примиреніемъ съ узкою, пошлою моралью маменекъ и тетушекъ. Тенденція ея очень реакціонна: всякій порывъ въ жизни—безразсудство и гибель для женщины; надобно хозяйничать, спать, слушаться маменьки, выходить замужъ по указанію маменьки; любовь даже къ мужу позволительна только какъ привычка, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни съ нимъ и пріобрѣтенія по крайней мѣрѣ пары дѣтей отъ него.

— Да, разсказчица очевидно думаетъ, что самая безопасная дорога: идти по правиламъ старосвѣтской нравственности и разсудительности. Ошибается ли разсказчица—сомнительно, сказалъ молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ:—Я полагаю, что разсудительность—прекрасная вещь для женщины, какъ для мужчины.

— Пошлость, называемая разсудительностью, горячо сказалъ господинъ съ черною бородою: — эта повѣсть панегирикъ всему отсталому, неподвиж...

— Пойдемте-ка лучше закусывать, Онуфріевъ, сказала хозяйка: — Другъ мой, иди закусывать, прибавила она громко, подошедши къ двери кабинета.

— Иду, отозвался мужъ.

Вечеръ второй.

Когда Онуфріевъ пріѣхалъ на слѣдующій вечеръ, его встрѣтилъ одинъ хозяинъ.

— А! Дослушивать повѣсть!—Ну, жены и сестеръ еще нѣтъ дома: съ обѣда уѣхали съ Благодатскимъ кататься по островамъ и вотъ запропали до сихъ поръ.

— Софья Васильевна, кажется, очень жалуетъ Благодатскаго, сказалъ Онуфріевъ.

— Ужасно любитъ его, отвѣчалъ хозяинъ.—Да онъ и стоитъ. Самый полезнѣйшій для насъ человѣкъ. Я чрезвычайно радъ, что она познакомила насъ съ нимъ.

— Что это вдругъ напала на Софью Васильевну любовь къ литературѣ? Кажется, до сихъ поръ она никогда не дотрогивалась до вашихъ рукописей.

— А видите, третьяго дня, госпожа, которая дала намъ эту рукопись, была у меня. Жена сидѣла тутъ; эта госпожа понравилась ей.

— Что-жь это за госпожа?

— Какъ вамъ сказать? Ничего особеннаго, кажется; а впрочемъ, не замѣтилъ. Хороша, впрочемъ, тѣмъ, что нѣтъ, повидимому, никакихъ претензій; скромная,—то есть, на счетъ своего разсказа. Говоритъ только: „Пожалуйста, напечатайте“; ну, это желаніе натуральное.

— Да, я не о томъ. Какова лицомъ, молода?

— А! Ну, этого, признаться, не замѣтилъ. А впрочемъ, позвольте, припомню... Кажется, не очень стара.

Онуфріевъ убѣдился въ десятый разъ, что совершенно напрасно спрашивать хозяина о чемъ нибудь подобномъ наружности человѣка, а въ особенности женщины, и сталъ говорить о послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Хозяинъ слушалъ.

Хозяйка, ея сестра, сестра хозяина пріѣхали. Съ ними молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ.

— А, вы ужь здѣсь, Онуфріевъ! — Итакъ, дочитываемъ. Благодатскій, за дѣло.

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ пошелъ одинъ въ кабинетъ, принесъ оттуда рукопись, сѣлъ и сталъ протирать очки.

Хозяинъ, видя, что тотчасъ начнется чтеніе, ушелъ въ кабинетъ.

Благодатскій началъ.

(Повѣсть. Продолженіе).

VII.

Счастливые годы.

Сравнивая мою довольную жизнь съ лишеніями, которымъ подвергалась Машенька, я не могла не благодарить природу, которая оградила меня отъ всякихъ бѣдъ холоднымъ благоразуміемъ.

Я была права, считая себя счастливою. Послѣ свадьбы Машеньки мои годы шли безъ тревогъ за любимыхъ мною. Старшая изъ оставшихся сестеръ Машеньки была годомъ моложе моей сестры, а Сашѣ было только пятнадцать лѣтъ, когда Машенька покинула насъ. Я очень любила обѣихъ этихъ дѣвушекъ, мою Сашу и Вареньку, почти также мою. Но отъ нихъ не могло быть никакихъ огорченій для меня: онѣ еще играли въ куклы,—тайкомъ отъ подругъ, разумѣется.

Я была спокойна не только за настоящее,—также и за будущность моей сестры. Съ дѣтства она и Аркаша Каталонскій назывались невѣстою и женихомъ. Шутка дѣлалась похожа на правду. Пріѣхавши на каникулы вскорѣ послѣ отъѣзда старшей своей сестры, Аркаша сталъ говорить мнѣ, что Саша красавица и умница, что онъ серьезно смотритъ на нее, какъ на свою невѣсту. — „Отъ всей души желаю, чтобъ это было такъ, Аркаша“, отвѣчала я:—„Она очень любитъ васъ“. Передъ отъѣздомъ въ Казань, онъ заговорилъ, что хочетъ просить нашихъ, чтобъ ихъ обручили.—„Къ чему это, Аркаша?“ возражала я:— „кто думаетъ мѣшать вашей свадьбѣ, если у васъ сохранятся тѣ же мысли черезъ два года?“—Ему оставалось два года до окончанія курса. Онъ поспорилъ, но согласился не требовать этой формальности. Уѣзжая, взялъ съ меня обѣщаніе писать ему о Сашѣ и заставлять писать ее.—„Аркаша, вы самъ первый станете неисправнымъ корреспондентомъ“, говорила я.—„Нѣтъ, Лизавета Арсеньевна, клянусь вамъ“.—Я звала его Аркашею, а онъ меня—Лизаветою Арсеньевною, хоть я была годомъ моложе его. Но всѣ обращались со мною такъ, будто я была пятнадцатью годами старше своихъ лѣтъ.

Мое сомнѣніе осталось напрасно. Аркаша писалъ ко мнѣ и къ Сашѣ очень часто. Я, всегда и во всемъ аккуратная, отвѣчала ему охотно и безжалостно усаживала писать Сашу.—„Пустяки, сударыня; всѣ твои отговорки вздоръ. Если не умѣешь правильно написать какое нибудь слово, спроси у меня. Наконецъ, развѣ мнѣ тяжело будетъ прочесть твое письмо? Я скажу тебѣ твои ошибки, ты перепишешь, и ему не надъ чѣмъ будетъ смѣяться.—И это пустая отговорка твоей лѣни, что не о чемъ писать; скажи, что ты здорова—онъ и этимъ будетъ доволенъ“.

Черезъ годъ Аркаша пріѣхалъ и сталъ обращаться съ моею Сашею совершенно какъ съ невѣстой: ужь не позволялъ себѣ хватать ее за руки, а цѣловалъ ихъ, и разсуждалъ со мною о своей свадьбѣ, будто о дѣлѣ рѣшенномъ.

— Какъ я доволенъ, Лизавета Арсеньевна, что пошелъ по филологическому факультету! Учительская должность даетъ средства жениться тотчасъ по окончаніи курса. Не можетъ быть, чтобы не удалось мнѣ поступить въ здѣшнюю гимназію: кандидату нашего факультета открыты цѣлыя пять мѣстъ: по исторіи, по географіи, по латинскому языку, два по словесности. Правда, двѣ изъ этихъ должностей—младшихъ учителей; но я соглашусь и на младшаго учителя.

— Этого я не совѣтую, Аркаша. Лучше подождать, если не будетъ вакансіи старшаго учителя. Вы знаете, обѣщаютъ—а потомъ и забудутъ, если вы возьмете младшаго учителя.

— Нѣтъ, возьму и младшаго учителя, Лизавета Арсеньевна. Неужели-жь изъ пяти мѣстъ не будетъ въ слѣдующемъ году ни одного вакантнаго? Будетъ, хочу, чтобы было,—будетъ! И тотчасъ повѣнчаемся!

— Все это прекрасно, Аркаша, говорила я:—Только смотрите-же. Все за-

виситъ отъ кандидатства. Постарайтесь получить его. По вашимъ разсказамъ я вижу, что вы мало занимались въ эти три года.

— Ручаюсь вамъ, Лизавета Арсеньевна: кончу кандидатомъ. Примусь за эти глупыя университетскія занятія. Полно бездѣльничать.

— Вы не совсѣмъ бездѣльничали, Аркаша: я вижу, что вы стали образованнымъ человѣкомъ. Я не упрекну васъ въ лѣности. Но дѣйствительно, пора вамъ приняться за факультетскія занятія, которыми вы неглижировали.

— Даю вамъ честное слово, что кончу кандидатомъ.

— Беру съ васъ его, и увѣрена, что вы сдержите его.

Передъ отъѣздомъ онъ опять заговорилъ со мною объ обрученіи и на этотъ разъ не уступилъ.

— Все-таки, лучше, Лизавета Арсеньевна. Ей теперь шестнадцать лѣтъ; по понятіямъ нашихъ стариковъ, это ужъ невѣста. Надобно дать ихъ мыслямъ прочный фундаментъ. А то, пожалуй, станутъ надоѣдать Сашенькѣ какимъ нибудь женихомъ.

— Напрасно, Аркаша, вы такъ мало полагаетесь на нашихъ стариковъ.

— Полагаюсь, Лизавета Арсеньевна; но все-таки, лучше.

— А самъ-то вы, Аркаша? Не рано ли вамъ связывать себя? Вамъ еще только 22 года; и это бы ничего, но я думаю, что у васъ въ головѣ иногда ходитъ вѣтеръ.

Лизавета Арсеньевна, вы судите по-прежнему, что разсказывалось обо мнѣ Гришею. Я былъ повѣсою. Но перемѣнился, повѣрьте; и, клянусь вамъ, не опасайтесь перемѣны во мнѣ. Пожалуйста, не противьтесь этому, Лизавета Арсеньевна.

— Что спорить съ вами, Аркаша. Вижу, что не послушаетесь.

— Итакъ, вы будете поддерживать?

— Буду.

При моемъ ручательствѣ они устроили обрученіе.

Въ этомъ году мнѣ уже не было надобности принуждать Сашу писать къ нему. Она заставляла меня читать его письма къ ней. — „Хорошо, Саша, прочту; но прошу тебя помнить нашъ уговоръ, что этимъ я избавляюсь отъ скуки читать твои отвѣты“. Она все порывалась убѣждать меня своими письмами въ своей любви къ нему, какъ убѣждала его письмами въ его любви къ ней.

Разсчеты Аркаши были умѣренны, поэтому должны были оправдаться. Когда онъ кончалъ курсъ, ему было дано увѣреніе, что они исполнятся. Но, какъ и обыкновеннѣе всего, не обошлось безъ нѣкоторыхъ отсрочекъ и задержекъ. Впрочемъ, я находила, что это тѣмъ лучше: оба они были еще такъ молоды.

Аркаша кончилъ курсъ кандидатомъ, какъ обѣщался мнѣ и себѣ. На просьбу о мѣстѣ въ нашей гимназіи, ему отвѣчали: „Теперь вакансіи тамъ нѣтъ, вы знаете. Но скоро должна быть: учитель исторіи этой гимназіи получитъ первое мѣсто инспектора, какое откроется въ нашемъ округѣ. На его вакансію будете назначены вы“. — Онъ могъ быть увѣренъ, что слово будетъ сдержано. Потому, хорошо было и это. Но когда откроется вакансія инспектора гдѣ нибудь и освободитъ для Аркаши мѣсто учителя исторіи въ нашей гимназіи? — Какъ разсчитать? — можетъ быть, черезъ недѣлю; — можетъ быть, только черезъ годъ.

Аркаша пріѣхалъ къ намъ; совѣтовался со мною, съ нашими. Онъ говорилъ,

что неблагоразумно было бы ждать, сложа руки. Онъ отгадалъ этимъ и наши мысли. Онъ сталъ совершенно основательнымъ человѣкомъ. Я радовалась на него. Онъ поѣхалъ къ богатому помѣщику, готовить его сына въ университетъ. Денежныя условія были очень хороши. Помѣщикъ былъ такъ милъ и деликатенъ, что пріѣзжалъ знакомиться съ нами. Онъ понравился мнѣ: добрый человѣкъ, съ которымъ не будетъ кляузъ. Было переговорено и о томъ случаѣ, если бы мѣсто учителя открылось раньше слѣдующаго лѣта: если такъ, воспитанникъ переѣхалъ бы жить къ Аркашѣ, то есть въ нашъ домъ. Деревня была только въ 60 верстахъ отъ нашего города. Аркаша могъ пріѣзжать къ намъ почти каждую недѣлю. Наши воскресенья и праздники оживлялись его веселостью.

Все это было такъ хорошо...

Въ этомъ спокойствіи, довольствѣ, счастьи шла моя жизнь съ весны 1853 г., весь 1854 годъ,—продолжала идти въ 1855 году.

„Моя жизнь“—а я еще ничего не говорила о ней; я все разсказывала только о другихъ: о Машенькѣ, объ Аркашѣ, о моей сестрѣ. Что стала бы я разсказывать о моей жизни? Въ ней уже давно не было ничего, о чемъ могло бы вспоминаться и мнѣ самой.—Но она не была скучна. Меня занимало хозяйство. Я читала. Я училась по-французски;—зачѣмъ?—чтобы дѣлать что нибудь; я не предвидѣла, что это современемъ пригодится мнѣ.—Я видѣлась съ моими знакомыми; видѣться съ нѣкоторыми изъ нихъ было пріятно мнѣ: не всѣ подруги мои были скучныя, а двѣ-три и дѣйствительно нравились мнѣ.—Я не чуждалась и развлеченій, какія представлялись въ нашемъ небогатомъ обществѣ: рѣдкій мѣсяцъ я не танцовала; иной и не одинъ разъ. Я не бывала бы на этихъ вечерахъ, еслибъ не находила удовольствія на нихъ. Для выѣздовъ мнѣ надобно было много хлопотать съ моими нарядами; я любила быть хорошо одѣта и дома. Я любила наряжать сестру. Поэтому, кромѣ шитья, мнѣ приходилось очень много гладить, довольно много мыть: служанки въ нашемъ кругу не мастерицы обращаться съ кисеею, газомъ, тюлемъ.—Нѣсколько разъ въ году мы бывали въ театрѣ; нашъ театръ начиналъ казаться мнѣ очень плохъ, но все-таки я любила его. Въ одну изъ этихъ зимъ пріѣзжала въ нашъ городъ Нильсенъ-Саломанъ; услышавъ ея пѣніе, я больше прежняго полюбила музыку. Братъ имѣлъ любезность показать мнѣ нѣсколько оперъ.—Зимою мы часто катались по широкому полю льда моей милой Волги. Это было очень весело: благодаря холоду и гладкому пути, наша лошадь вспоминала свои давніе годы и бѣжала прекрасною рысью. Лѣтомъ иногда мы ѣздили на острова или на тотъ берегъ Волги. Съ весны до осени я неутомимо зазывала своихъ на прогулки по садамъ въ горахъ, съ рощами: пристрастіе къ нимъ сохранилось у меня. Все было такъ хорошо.

Вотъ искренній, полный отчетъ о моей жизни до осени 1855 года. Я не скрыла моихъ заблужденій, которыхъ не зналъ никто, кромѣ одной меня. Всѣ близкіе считали меня менѣе слабою, нежели какою знаете меня вы, прочитавшіе эти страницы. Кому было извѣстно, что и я когда-то мечтала? Кому было извѣстно, что и я когда-то имѣла безразсудство написать къ молодому человѣку, признаться ему въ любви. Никто не предполагалъ въ моемъ прошедшемъ такихъ увлеченій. Моя мать, мои подруги не скоро увѣрились бы, что я не шучу,

если-бъ я вздумала разсказать имъ объ этихъ моихъ воспоминаніяхъ. Онѣ не нашли бы въ моихъ прежнихъ годахъ времени, когда я казалась бы способна къ этому. Много лѣтъ тому назадъ онѣ видѣли меня дѣвочкою веселою, смѣлою, но серьезною во всемъ серьезномъ. А съ тѣхъ поръ какъ, я перестала быть ребенкомъ, онѣ знали во мнѣ дѣвушку строгую, холодную, говорившую только о вещахъ, которыми заняты пожилыя женщины.

Я не была дурна собою, и съ той поры, когда увидѣла себя безопасною отъ нашихъ молодыхъ людей, не была лишнею въ обществѣ молодежи: мои подруги находили, что со мною оно веселѣе. Я не дичилась и тѣхъ кавалеровъ, которые любезничали съ ними; съ тѣми, которые были женихами или поклонниками подругъ, нравившихся мнѣ, я была даже хороша. Но вся молодежь въ шутку называла меня „наша молодая тетушка“.

Я помнила, что если всегда казалась, то не всегда была такою благоразумно-холодною. Но это было такъ давно, и мои увлеченія были такъ ничтожны, я такъ легко, — мнѣ казалось, такъ легко я побѣдила ихъ, стала такъ чужда имъ... Я вспоминала о нихъ лишь для того, чтобы сохранять снисходительность къ увлеченіямъ другихъ. Я думала, что отжила мою молодость. Правда, на моихъ щекахъ былъ ея свѣжій румянецъ, но въ груди у меня царствовала безмятежная разсудительность; я радовалась ей, вѣрила въ непоколебимость моего спокойнаго счастія и не жалѣла о томъ, что отжила мою молодость.

Въ этомъ безтревожномъ довольствѣ дожила я до осени 1855 года. Мнѣ былъ тогда двадцать третій годъ.

VIII.

Молодость.

Еслибъ я понимала пароксизмы, по временамъ овладѣвавшіе моимъ организмомъ, спокойствіе за будущность исчезло бъ у меня гораздо раньше. Предвѣстія приближающихся страданій состояли въ томъ, что иногда, проснувшись поутру, я чувствовала утомленіе во всемъ тѣлѣ, тяжесть въ головѣ, стѣсненіе въ груди. Больше я ничего не замѣчала, потому что спала крѣпко, ложилась и пробуждалась благоразумной, здоровой дѣвушкой, занятой хозяйствомъ, интересами родныхъ, прозаическими заботами дня. Свои ничтожныя болѣзненныя ощущенія я объясняла легкою простудою, угаромъ или просто тѣмъ, что приняла во снѣ неловкое положеніе и отъ этого сдѣлался маленькій приливъ крови къ сердцу или головѣ.

Я нисколько не занималась этими случаями: они были нечасты, не были тяжелы, и всякій слѣдъ ихъ пропадалъ, едва я поднималась съ кровати. Я имѣла отъ природы хорошее здоровье, не была мнительна; поэтому забывала о такихъ пустякахъ.

Я могу разсказать всѣ подробности случая, заставившаго меня обратить вниманіе на симптомы, которыми я пренебрегала.

Я легла спать спокойная, какъ всегда. Да какой степени холодно и прозаично было настроеніе моихъ мыслей и всего моего существа, можно видѣть изъ того, о чемъ я думала, положивъ книгу, и приготовляясь заснуть: мнѣ вспомнилось,

что надобно сказать маменькѣ, что крупчатая мука у насъ вся вышла, и завтраже надобно послать взять новый куль: — „какъ дорого стало все! Давно ли куль крупчатой муки стоилъ только пять рублей? — даже я помню это. А теперь надобно платить за него...“ На этомъ я заснула.

Я вскрикнула и полупробудилась. — „Что это со мною? какая глупость!“ прошептала я впросонкахъ; но глаза мои не открывались, и я опять спала. — Снова, вскрикиваю во снѣ. вздрагиваю и совершенно пробуждаюсь. — Уже свѣтаетъ. — „Какіе гадкіе сны!“ — Но глаза мои тяжелы, дремота одолѣваетъ меня, и я думаю, засыпая: — „мнѣ хотѣлось бы опять увидѣть такой сонъ“. Я сплю; опять такой же сонъ; вскрикиваю и пробуждаюсь.

Было уже утро. Я встала и задумалась. Сны испугали меня и я не знала, какъ понять ихъ.

Только такая дѣвушка, какою была я, могла видѣть такіе сны на двадцать третьемъ году своей жизни, затрудниться тѣмъ, какъ объяснить себѣ ихъ появленіе, ихъ упорное возвращеніе и потомъ долго ошибаться въ ихъ значеніи. Я уже говорила, что могу разсказать здѣсь всѣ три сна.

Въ первомъ я видѣла себя на вечерѣ у Шатиловыхъ. Мы танцуемъ кадриль. Мой кавалеръ — кто-то незнакомый, но такой же, какъ всѣ наши молодые люди, даже хуже многихъ. Онъ танцуетъ довольно дурно. Лицо его некрасиво и вообще онъ не нравится мнѣ. Мы кончили фигуру и садимся, пока танцуютъ другія пары. Мой кавалеръ, садясь, не выпускаетъ мою руку изъ своей и смотритъ на меня. Я чувствую, что кровь приливаетъ къ моему лицу, въ глазахъ у меня темнѣетъ: я падаю въ обморокъ и сонъ исчезаетъ въ полупробужденіи отъ стѣсненія въ груди.

Опять я вижу, мы сидимъ въ нашей гостиной: мать я и какой-то гость, молодой человѣкъ. Онъ смотритъ на меня; мать улыбается. Лицо его не нравится мнѣ. Но онъ смотритъ на меня такъ пристально, что я не могу оторвать взгляда отъ его глазъ. Я опять чувствую, что кровь приливаетъ къ моему лицу, голова моя тяжелѣетъ; я чувствую стѣсненіе въ груди, мнѣ трудно дышать; я дѣлаю усиліе вздохнуть, у меня вырывается стонъ и я пробуждаюсь.

Въ первый разъ я полу-очнулась отъ испуга и отъ стѣсненія въ груди. Во второй разъ меня пробудила невыносимая боль въ груди. Но это мученіе было соединено съ такою нѣгою, что когда мои мысли начали путаться въ новой дремотѣ, мнѣ хотѣлось вновь испытать это чувство; и сонъ, окончательно пробудившій меня, былъ также мучительно сладокъ. Я видѣла, что мы съ Анною Ларіоновною сидимъ на бульварѣ. Солнце заходитъ. Липы бульвара цвѣтутъ; теплый воздухъ благоухаетъ. По моимъ жиламъ разливается теплота, щеки мои горятъ, грудь стѣсняется томною нѣгою. Анна Ларіоновна говоритъ; „не правда-ли, прекрасный вечеръ? — Что съ вами, Лиза? Вамъ дурно?“ — „Да“, хочу сказать я, и вмѣсто отвѣта у меня вырывается стонъ, и я пробуждаюсь.

Я встала недовольная собою и нѣсколько испуганная. Что такое со мною? Здорова ли я? — и мнѣ вспомнился цѣлый рядъ болѣзненныхъ пароксизмовъ, которые до сихъ поръ казались мнѣ не стоющими вниманія. Въ нихъ было то же, что въ этомъ; но въ этомъ ясны были черты, которыхъ я не замѣчала въ своихъ прежнихъ болѣзненныхъ пробужденіяхъ; теперь я увидѣла, что эти черты были и въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ пробужденій съ тяжестью въ груди и въ головѣ, — быть можетъ, во многихъ изъ нихъ, — быть можетъ во всѣхъ — почему я знала? —

я не понимала ихъ хорошенько, я не занималась ими. Теперь не могла не заняться: черты, выступившія въ моемъ тройномъ сновидѣніи, были слишкомъ дурны и страшны.

Вотъ эти страшныя черты, обнаружившіяся теперь для меня: страданіе, отъ котораго три раза пробуждалась я въ то утро, было тѣсно связано съ грезами сновидѣній. Мнѣ вспомнилось, что и прежде, когда я, проснувшись, имѣла болѣзненное ощущеніе, мнѣ видѣлись сны. Я не замѣчала этихъ сновидѣній, не думала о нихъ, потому что они были ничтожны, не представляли никакой разницы отъ обыкновенныхъ сновъ, которыми не стоитъ заниматься. Это были мелочныя сцены въ обыденной обстановкѣ; чаще всего какіе-нибудь неважные разговоры съ моею матерью, съ Анною Ларіоновною, съ подругами, въ родѣ послѣдняго сна этого утра. Какъ могла я прежде придавать имъ хоть малѣйшее значеніе?—Но теперь два первые сна не были похожи на мои обыкновенныя сновидѣнія: въ нихъ участвовалъ молодой человѣкъ и его взглядъ приводилъ меня въ болѣзненное волненіе. Мнѣ помнилось тогда, молодые люди никогда не снились мнѣ съ той давней поры, какъ я перестала влюбляться.

Что-жъ такое эти прежніе сны, которыми я пренебрегала? Неужели и прежде были у меня такіе дурные сны, какъ первые два нынѣшняго утра?.. Неужели я осталась въ снахъ тѣмъ, чѣмъ перестала быть наяву съ тѣхъ поръ, какъ бросила мечтать,—фантазеркою?

Въ первомъ снѣ я чувствовала только страданіе; во-второмъ оно было соединено съ невыразимою нѣгою, и въ третьемъ также.—Я вспомнила, что и прежде чувствовала иногда сладкую томность, пробуждаясь съ болѣзненнымъ ощущеніемъ. Прежде я не обращала вниманія на нее, потому что она не была сильна, и я принимала ее за обыкновенное пріятное чувство теплоты, которое часто удерживало меня въ постелѣ, и знакомо всѣмъ съ дѣтства. Теперь я не могла не видѣть: эта нѣга происходила отъ волненія крови, которое возбуждалось во мнѣ взглядомъ мужчины. Я сознавала это во второмъ снѣ нынѣшняго утра, и мнѣ припомнилось нѣсколько подобныхъ сценъ въ моихъ прежнихъ снахъ.—„Не это ли называется страстью?“—подумала я и похолодѣла отъ ужаса.

Я не могла не испугаться. Дремота послѣ второго сна и перваго полнаго пробужденія представляла симптомъ, который получалъ роковое значеніе для моей будущности, если то, что я испытывала, дѣйствительно была страсть: задремавъ, я желала, чтобы повторилась нѣга, бывшая въ мученіи моего второго сна.—„Неужели я подпадаю подъ господство страсти?“—думала я, и мнѣ вспомнилось все, что я читала о непреодолимой силѣ страсти.

До сихъ поръ я думала, что патетическія страницы романовъ о могуществѣ страсти—выдумка, игра въ краснорѣчіе, щегольство автора талантомъ описывать и прикрашивать. Я была увѣрена, что страданія и приключенія героинь романовъ происходятъ лишь отъ недостатка серьезности въ ихъ мысляхъ: что если-бъ эти барышни и дамы побольше занимались прозаическими заботами обыденной жизни, если бы понимали пустоту и вредъ мечтательности, онѣ легко подавили бы порывы празднаго воображенія; когда-то я сама успѣла сдѣлать это;—а всѣ ихъ увлеченія основываются лишь на мечтательности, казалось мнѣ.—Теперь мнѣ открывалось совершенно иное: во мнѣ проявлялась какая-то сила, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго оттѣнка фантастичности, и овладѣвала не воображеніемъ, а всѣмъ организ-

момъ моимъ. Мои первые два сна нынѣшняго утра были такъ будничны, просты, что фантазія, очевидно, не имѣла никакого интереса въ этихъ сценахъ, не дѣйствовала въ нихъ; въ моемъ третьемъ снѣ, вовсе и не было никакой воображаемой сцены; не было и мужчины, не было ничего похожаго на мечтательность: я сидѣла на бульварѣ и не думала ни о чемъ: я только дышала теплымъ, благоухающимъ воздухомъ;—и мною овладѣло такое-же волненіе. Тутъ ужь не могло нисколько участвовать воображеніе: это просто было чувство всего моего организма, главнымъ образомъ груди, отъ волненія крови.

Теперь я поняла, что такое значатъ слова „волненіе страсти“,—или вообразила, что поняла ихъ. Прежде мнѣ казалось, что ими выражаются тѣ ребяческія шаловливыя вспыхиванія щекъ отъ глупенькой застѣнчивости, которыми забавлялась моя дѣтская живость въ тѣ давніе годы, когда я влюблялась и болтала съ подругами о восторгахъ и мученіяхъ своей любви. Нѣтъ, тогда мое сердце билось только отъ страха, что меня побранитъ маменька, если услышитъ, что я влюблена, — посмѣются надо мною всѣ старшіе, если замѣтятъ, что я обожаю; я краснѣла только отъ робости, что скажутъ: „ахъ, какъ стыдно!—какая глупая, вѣтреная дѣвочка!“—Теперь, въ этихъ снахъ не было мысли ни о комъ и ни о чемъ: никому нечего видѣть, нечего осудить; я чувствовала то, чего никогда не знала: я чувствовала, что кровь согрѣвается, согрѣвается въ моихъ жилахъ, кипитъ и душитъ меня.

Что это со мною? что будетъ со мною? Я трепетала отъ страха, я плакала отъ досады на себя.

Внизу послышались шаги матери. Я взглянула въ зеркало: я не могу такъ показаться ей. Мои глаза красны.—Мнѣ надобно было долго ходить по комнатѣ, чтобы мое лицо приняло спокойное выраженіе.

Заботы дня развлекали меня. Я довольно часто задумывалась о тревогѣ, которая смутила мое утро: но съ каждымъ разомъ яснѣе казалось мнѣ, что я преувеличила тогда важность дѣла. Послѣ обѣда я совершенно ободрилась мыслью, что мой пароксизмъ былъ просто слѣдствіемъ какого нибудь случайнаго раздраженія нервъ. Ушедши вечеромъ въ мою комнату, я стала искать причины раздраженія.—Что могло бы разстроить мои нервы вчера?—Я припоминала весь день. Онъ прошелъ тихо, вяло. Такъ же прошелъ и день наканунѣ, среда; также и вторникъ и понедѣльникъ; въ воскресенье пріѣзжалъ Аркаша; но и воскресенье было очень вяло: дождь разрушилъ всѣ наши планы и мы провели день въ тихихъ, обыкновенныхъ дѣлахъ и разговорахъ. Не была ли я одушевлена въ субботу?—Но и суббота, и пятница уже сливались въ безразличное однообразіе со всѣми предыдущими днями. Да и слишкомъ далеко было искать причины раздраженія нервъ за четыре, за пять дней. Нѣтъ; не было ничего такого, чѣмъ бы могло быть возбуждено волненіе.—Безуспѣшность поиска возобновила мою тревогу: этотъ пароксизмъ—разстройство нервъ, но безъ всякой особенной причины. Это что-то хроническое, какая-то органическая болѣзнь!—Можетъ быть, опасная!—Что, если здоровье начинаетъ измѣнять мнѣ?—Но я съ упорствомъ схватилась за мнѣніе: „это болѣзнь“: при всей своей непріятности, оно было отраднѣе, нежели страшная мысль, что я подпадаю подъ господство страсти.—Какая-же болѣзнь со мною?—Симптомы ея: тяжесть въ головѣ, волненіе крови. Не лихорадка ли это?—Но въ лихорадкѣ чувствуется утомленіе всего организма, ломота въ ногахъ, особенно

въ колѣнахъ, ломота въ плечахъ; этихъ признаковъ не было; какъ не было? — я только не думала о нихъ, они были. Такъ, я имѣла нынѣ поутру утомленіе всего организма и особенно сильно отзывалось оно въ ногахъ. Такъ, слава Богу! Это лихорадка. Слава Богу, это только лихорадка!—И мои сны только легкій бредъ лихорадочнаго жара, и мое желаніе въ дремотѣ вновь испытать томную нѣгу—только слѣдствіе лихорадочнаго бреда!

Какъ я была рада этому объясненію!—мнѣ и не вѣрилось въ него, и непремѣнно было надобно держаться за одну надежду. Я убѣдила себя, что оно вѣрно, и стала принимать хининъ.

Теперь я удивляюсь только тому, что я дожила до двадцатьтретьяго года въ такой младенческой наивности, столь чуждая страстямъ.

Но мое воспитаніе было чисто, нравы моего семейства скромны. Я не приписываю себѣ того, что сохраняла непорочность мысли: я благодарю за нее мою судьбу.

Я не буду скрывать того, что было потомъ со мною: я не могу считать себя виновною въ дальнѣйшемъ ходѣ моей внутренней жизни. Было время, когда я презирала и проклинала себя. Но любовь моихъ добрыхъ родныхъ поддержала меня, и теперь, опять спокойная, я пишу свою исторію въ защиту тѣхъ моихъ подругъ по страданіямъ, которыя менѣе счастливы, нежели я.

Не навсегда мои сны остались непорочны. Черезъ нѣсколько времени и днемъ стали представляться мнѣ мечты, за которыя стыдилась я сама и передъ собою. Я не буду разсказывать этихъ видѣній: я пишу не для возбужденія страстей. Но я не умолчу ничего изъ исторіи моей болѣзни.

Да, это была болѣзнь.

Недолго я могла ошибаться въ ея характерѣ. Нѣсколько дней я утѣшала себя надеждою, что хининъ помогаетъ мнѣ и что со мною дѣйствительно была лихорадка. Но пароксизмы возобновились, дѣлались чаще, дѣлались сильнѣе; и постепенно мои сны такъ опредѣлительно приняли эротическій характеръ, что сомнѣніе стало невозможно. Я могла бы разсказать и сны этого періода: они были скромны; они не могли быть нескромны, потому что я не умѣла и во снѣ отгадать ничего нескромнаго: но они были страстны. Поцѣлуи жгли меня и даже внѣ объятій я задыхалась.

Но мои мысли еще оставались чисты, мой разсудокъ былъ силенъ, воля моя тверда. Я увидѣла, что напрасно было бы продолжать принимать хининъ. Но я хотѣла найти другія лекарства: искала ихъ, нашла, стала употреблять.

Сколькихъ трудовъ стоило мнѣ достать лечебникъ такъ, чтобы не встревожить родныхъ! Я достала его. Какимъ стыдомъ горѣли мои щеки, когда я читала его!—Тамъ говорилось о столькихъ вещахъ, непонятныхъ мнѣ до той поры,—какое отвращеніе возбуждали онѣ во мнѣ, и какъ дрожала я отъ горькихъ слезъ, убѣждаясь, что мои опасенія не обманули меня, что въ самомъ дѣлѣ во мнѣ кипитъ страсть! — и что такое эта страсть!—не то, что я воображала... Вотъ, что значили разсказы замужнихъ подругъ!—не напрасно я чувствовала отвращеніе при мысли о ихъ жизни: какъ гадко, о чемъ говорили онѣ, какъ о наслажденіи... меня тошнило, когда я поняла то, чѣмъ инстинктивно гнушалась, когда еще и не представляла себѣ ничего опредѣленнаго.

Очень многое въ лечебникѣ и въ воспоминаніяхъ о восторгахъ замужнихъ подругъ поняла я совершенно ошибочно. Многое въ лечебникѣ осталось и совершенно непонятно. Но слова, въ которыхъ излагались гигіеническія правила, были ясны для меня.

Разумѣется, я не могла сдѣлать правильную діагностику, спутывала все, что говорится о разныхъ видахъ разстройства въ организмѣ дѣвушекъ, подобныхъ мнѣ по чистому образу жизни, примѣнила къ себѣ и такіе совѣты, которые относились къ совершенно инымъ состояніямъ организма, лишь бы замѣчала въ ихъ симптомахъ удушье, волненіе крови, страстныя мечты. Но моя воля была тверда: какъ ни тяжела была теорія леченія, которую вообразила я полезною себѣ, я не имѣла недостатка въ рѣшимости и настойчивости.

Я стала строго соблюдать всѣ предосторожности, какія вычитала изъ лечебника.—Съ дѣтства, я привыкла спать на пуховой перинѣ. Надобно было замѣнить ее матрацомъ. Но у насъ въ домѣ не было ни одного матраца. Купить?—Какой предлогъ нашла бы я купить его?—Мнѣ казалось, что изъ одного слова о немъ мать пойметъ все. Я и безъ того жила въ постоянномъ опасеніи, чтобъ она не догадалась. Когда мать взглядывала на меня, я боялась не увидитъ ли она какой нибудь перемѣны на моемъ лицѣ: не осталось ли блеска или томности въ моихъ глазахъ, не блѣдны ли мои щеки, не кажусь ли я унылою, измученною. Мой страхъ за свое лицо и его выраженіе былъ еще напрасенъ: мое здоровье было крѣпко, и я хорошо владѣла собою. Я радовалась, что мать продолжаетъ быть увѣрена въ моемъ прозаическомъ, холодномъ благоразуміи, и не хотѣла возбуждать вниманія къ себѣ никакою новостью.—Въ моей комнатѣ лежалъ небольшой дешевый коверъ. Я вздумала, что онъ еще лучше матраца будетъ служить для моей цѣли. Каждый вечеръ я выжидала поздняго времени, когда уже нельзя было опасаться, что сестра взойдетъ ко мнѣ, запирала дверь моей комнаты на крючекъ, снимала съ моей кровати пуховикъ, покрывала ее ковромъ. Я не могла привыкнуть къ такой жесткой постели. Мои кости болѣли отъ нея, но что это значитъ! Лишь бы вылечиться!

Лечебникъ говорилъ, что не должно одѣваться на сонъ слишкомъ тепло. Я была изнѣжена и въ этомъ. Но я отказалась отъ моего стеганаго одѣяла и стала покрываться лѣтнимъ. Часто я дрожала и не могла заснуть; еще чаще холодъ будилъ меня слишкомъ рано и не давалъ заснуть вновь. Но я терпѣливо переносила и недостатокъ сна, хоть онъ былъ очень тяжелъ для меня.

Я никогда не была обжорою. Но я была молода и здорова, и пользовалась хорошимъ аппетитомъ. Поэтому, каждый обѣдъ, каждый ужинъ мнѣ была нужна довольно сильная борьба съ нимъ. Сама по себѣ и она не была бы важна для меня. Но она очень затруднялась родственною заботливостью отца и особенно матери: хочется ѣсть и уговариваютъ скушать еще кусочекъ—въ двадцать два года, это соблазнительно. Кромѣ борьбы была и опасность: часто меня спрашивали, не больна ли я, что у меня такъ мало аппетита. Иногда я выдумывала головную боль. Но иногда считала надобностью нарушить мою діэту, чтобы не навлечь подозрѣній или не возбудить серьезнаго безпокойства за мое здоровье.

Я работала до упада и съ тѣмъ вмѣстѣ избѣгала всякаго живого движенія, чтобы не разгорячить крови. А я имѣла прежде веселый характеръ и молодое здоровье требовало не морить себя отреченіемъ отъ живости.

Мало ли чего другого дѣлала я надъ собою?—Все, чѣмъ изнуряли себя аскеты. Я не жалѣла мучить себя.

Не долго я обольщалась надеждою, что суровыя предосторожности излечатъ меня. Сны мои возобновились, пароксизмы ихъ дѣлались все сильнѣе. Но по теоріи, вычитанной изъ лечебника, я думала, что если мое самоизнуреніе не побѣждаетъ болѣзнь, даже не останавливаетъ ея усиленія, то она стала бы развиваться еще быстрѣе, сдѣлалась бы еще тяжелѣе, когда бы я отказалась отъ гигіеническихъ пособій противъ нея: они по крайней мѣрѣ смягчаютъ мои пароксизмы, думала я и продолжала свой аскетизмъ.—Скоро я принуждена была отказаться отъ одного изъ правилъ, которыми истязала себя.

— Лиза, ты, должно быть, только не говоришь, а несовсѣмъ здорова, сказала однажды матушка:—Не пренебрегай этимъ, другъ мой.

— Нѣтъ, я здорова, маменька, отвѣчала я хладнокровно и смѣло. Я уже привыкла къ этимъ вопросамъ, и до сихъ поръ мнѣ удавалось хорошо отдѣлываться отъ нихъ. Но теперь матушка не отступалась:

— Отчего ты такъ худѣешь, Лиза? Я уже давно смотрю на тебя: ты съ каждымъ днемъ худѣешь. И очень часто, у тебя слишкомъ мало аппетита. А за ужиномъ ты вовсе ничего не ѣшь.

— Не знаю, маменька; мнѣ кажется, я ѣмъ довольно.

— Какой же это аппетитъ, Лиза? развѣ прежде ты ѣла меньше сестры или меня?—А теперь! — она стала перечислять, сколько съѣла я въ этотъ день; вчера:—какая это ѣда? А главное, ты худѣешь.

Я едва могла прекратить ея заботливыя сомнѣнія.

Дня черезъ два, три мы поѣхали на вечеръ къ Ершовымъ. Тамъ было много людей, съ которыми я видѣлась нечасто. Отъ нихъ я услышала замѣчанія, что я очень похудѣла.

На другой день матушка съ новою настойчивостью стала говорить, что, вѣроятно, я нездорова; иначе, отчего же мнѣ худѣть?—„Вчера даже всѣ посторонніе люди говорили мнѣ, что ты очень худа". — Еще труднѣе, нежели въ прошлый разъ было отстоять, что я не простудилась, что грудь моя не слаба, что я не стала бы пренебрегать болѣзнью, если бы чувствовала себя нездоровою. Я едва могла отклонить матушку отъ намѣренія попросить медика; медика! — который, какъ взглянетъ на меня, пойметъ все! —Но я отбилась отъ этого ужаснаго желанія матушки.

— Что-жь это такое съ тобою, Лиза, если ты не можешь пожаловаться ни на какую болѣзнь?—продолжала матушка:—Если ты здорова, а такъ худѣешь, то нѣтъ ли у тебя какого душевнаго огорченія? Не разстроена ли ты какою непріятностью? Нѣтъ ли у тебя какой-нибудь тайной печали?

Эти вопросы встревожили меня еще больше предположеній о болѣзни. Я увидѣла необходимость прекратить мою діэту: иначе, казалось мнѣ, мать отгадаетъ мое душевное состояніе. Я перестала изнурять себя голодомъ и начала поправляться, полнѣть, стала опять румяною. Мать успокоилась. И я сама почувствовала надежду: когда я начала ѣсть попрежнему, пароксизмы ослабѣли.

Но не надолго. Скоро опять достигли прежней силы; а потомъ становились все сильнѣе.

Пришла весна 1856 года и я начала худѣть и блѣднѣть уже не отъ того,

что нарочно изнуряла себя голодомъ. Теперь я дѣйствительно была больна, въ строгомъ смыслѣ слова. Первый припадокъ физическаго страданія, пересилившій меня, былъ принятъ мною за падучую болѣзнь; и я не знаю, меньше или больше испугалась я, когда, справившись въ своемъ лечебникѣ, увидѣла, что это не падучая болѣзнь, а истерика.

Но я молчала. Никто, ни мать, ни сестра не знали объ этихъ припадкахъ, пока пароксизмы не достигли такой силы, что однажды я совершенно потеряла сознаніе, когда они еще не спали. Прежде мнѣ удавалось днемъ сохранять память. На этотъ разъ не спасла меня предосторожность уходить къ себѣ на мезонинъ, когда почувствовала приступъ болѣзни: мои крики призвали всѣхъ.

Когда я опомнилась, наши ухаживали за мною въ испугѣ;—и Анна Ларіоновна, и ея Варенька.

— Лиза, такъ нельзя дѣлать, мой другъ, съ нѣжнымъ упрекомъ сказала мнѣ матушка, когда мои силы возстановились:—Я полагаю, что это не первый припадокъ съ тобою. Онъ былъ слишкомъ силенъ: видишь, Анна Ларіоновна и Варенька услышали черезъ дворъ, какъ ты стонала. Это не могло быть съ перваго раза. Непремѣнно, ты чувствовала и прежде. Зачѣмъ же ты молчала, пренебрегала этимъ? Нехорошо.

Теперь невозможно было сдѣлать, чтобы не пригласили медика. Я стала лечиться. Пользы не было.

Тотъ медикъ, котораго пригласилъ отецъ, не былъ отличнымъ врачемъ. Но былъ человѣкъ честный, не самолюбивый. Увидѣвши, что моя болѣзнь не уступаетъ ему, онъ сказалъ, что пригласитъ на помощь себѣ другого медика, который недавно пріѣхалъ въ нашъ городъ.

Мнѣ было очень страшно видѣть Левандовскаго: онъ лучше моего прежняго медика; что, если онъ пойметъ? — Но страданія были слишкомъ сильны; да матушка съ отцомъ и не послушали бы.

На другое утро мой прежній медикъ привезъ Левандовскаго,

Я увидѣла молодого человѣка, красиваго, съ изящными манерами, — свѣтскаго человѣка, а не медика.

Онъ сдѣлалъ мнѣ два-три пустые вопроса, даже и не пощупалъ пульсъ, и сталъ разговаривать о постороннихъ вещахъ. Потомъ онъ сказалъ прежнему медику, что совершенно одобряетъ его методъ леченія и не можетъ предложить никакихъ другихъ лекарствъ, кромѣ тѣхъ, которыя я употребляю. Прибавивши ему что-то по-латынѣ, онъ продолжалъ разговоръ со мною.—Прежній медикъ, проводивъ его, просидѣлъ нѣсколько минутъ съ моею матерью.

— Давно я не бывала у тебя въ гостяхъ, Лиза, сказала матушка вечеромъ:—Сходить, посмотрѣть какъ ты поживаешь.

Мы пошли въ мою комнату. Я предчувствовала, что матушка хочетъ имѣть разговоръ со мною: еще съ обѣда она часто, украдкою, посматривала на меня. Сестры моей не было за чаемъ: матушка дала ей какое-то порученіе къ Аннѣ Ларіоновнѣ. Тогда-же я увидѣла, что матушка только хочетъ удалить Сашу, чтобъ она не вбѣгала, не помѣшала нашему разговору. Трудно сказать, что я вынесла въ эти долгіе часы съ визита новаго медика до разговора, котораго ждала: „Онъ понялъ причину моей истерики, онъ сказалъ ее по-латынѣ моему прежнему

медику: теперь маменька знаетъ все; что я буду отвѣчать ей?“ —Я умирала отъ стыда.

— Садись подлѣ меня, другъ мой, начала матушка: — Я должна поговорить съ тобою. Понимаешь ли ты причину своей болѣзни?

Я готова была броситься на колѣни и вскричать: „Простите меня! Я сама презираю себя!“ Но матушка не дала мнѣ времени отвѣчать: она видѣла, какое дѣйствіе произвелъ на меня ея вопросъ, и спѣшила ободрить меня; торопливо она положила руку на плечо мнѣ; нѣжно наклонила къ себѣ голову и стала гладить мои волоса: — „Я не умѣла начать, какъ должно, Лиза“, говорила она: — „Не огорчайся на меня; я не хотѣла опечаливать тебя еще больше, когда ты и безъ того уже разстроена“. — Разумѣется, я могла только плакать. Но я знала, что это вредно мнѣ, и успѣла успокоиться. Теперь я очень сильно умѣла владѣть собою; пароксизмы бывали такъ мучительны, что мнѣ нельзя было не выучиться самообладанію.

— Я всегда удивлялась тебѣ, Лиза, опять начала она: — ты не похожа на молодую дѣвушку. Но твои лѣта еще не ушли, мой другъ. Правда, тебѣ уже двадцать три года; но только наша глупая старина считаетъ это слишкомъ большими годами. Посмотри на людей образованнаго, богатаго общества; они гораздо умнѣе насъ въ этомъ отношеніи. У нихъ и въ восемнадцать, и даже въ девятнадцать лѣтъ дѣвушка считается еще слишкомъ молодою, и нерѣдко невѣстѣ бываетъ двадцать пять лѣтъ. Что-жь такое? — Лишь была бы соотвѣтственность по лѣтамъ между молодыми.

Она помолчала, думая, не скажу ли я чего нибудь; можетъ быть, ей и думалось, что я могу сколько нибудь повѣрить ея словамъ. Но если я была больна, то не была же безразсудна. — Лѣта, лѣта! — не лѣта, но гдѣ же мои женихи?

— Не думай также о томъ, начала опять матушка, видя, что я молчу: — Не думай также о томъ, Лиза, что вотъ уже года три никто не сваталь тебя, начала она: — это происходило только оттого, мой другъ, что ты такъ держишь себя.

— Маменька, какъ же я держу себя? — Ужь нѣсколько лѣтъ я весела и разговорчива въ обществѣ.

— Теперь, Лиза, ты чувствуешь свою ошибку, или, лучше сказать, мою. Быть можетъ, ты обвиняешь меня. Точно; я не могу оправдать себя, мой другъ. Я должна была объяснить тебѣ. Но какъ же говорить объ этомъ? Это очень затруднительно. Думаешь бывало: какъ я стану давать мыслямъ дочери такое направленіе? — Казалось, нехорошо. То-то наша глупость, наши предразсудки! — И притомъ я была также обманута въ тебѣ, какъ и ты сама. До нынѣшняго утра, клянусь тебѣ Богомъ, другъ мой, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы ты могла чувствовать свою ошибку! Какъ могла я быть такая слѣпая? Будто я не знаю, что такое значитъ истерика! — Но и не предполагала! — Твоя наружность, твое обращеніе, твой характеръ не допускали такой мысли. Думаю: она бываетъ и отъ другихъ причинъ. Слѣпая мать, губила дочь!

— Маменька, вамъ не за что винить себя. Вы говорили мнѣ тогда, что я могу раскаяться; вы говорили, что я принимаю трудное рѣшеніе. Маменька, я не жалуюсь на васъ. Вы говорили.

— Говорила! — но какъ? могла ли ты понимать это, Лиза? — предразсудки наши, предразсудки! Губимъ мы съ ними людей.

Что мы говоримъ? Что я слышу отъ нея? Она знаетъ все и не презираетъ меня! Какъ можетъ она не говорить мнѣ, что я сдѣлалась дурною, гадкою; что всѣ будутъ презирать меня, если я не выздоровлю? Неужели и она думаетъ, что это не зависитъ отъ меня?—Ея слова ободрили меня и я путалась въ нихъ, и не знала, что я чувствую: любовь ли къ матери, признательность за ея доброту, за то, что она притворяется, будто я не виновата,—будто можетъ думать, что я невиновата,—или я негодую на нее?—Да, я возмущалась ея словами. Мои понятія были строги. „Испорченная женщина“ — „безнравственная женщина“ —безпрестанно возвращалось въ моихъ мысляхъ о матери: — „Она считаетъ мою испорченность не преступленіемъ! Я не стала дурна! Но развѣ я не чувствую сама, что я стала дурна?—Я была такъ тверда въ нашихъ правилахъ нравственности, что за отрицаніе ихъ теряла уваженіе къ матери: она называетъ ихъ предразсудками! — Но это возмущеніе противъ ея доброты слишкомъ противорѣчило и моей любви къ ней, и моему знанію о томъ, какъ безукоризненна моя мать; слишкомъ противорѣчило и глубокой потребности всего моего страдавшаго существа: я мучусь противъ моей воли, какъ же я преступна? — Она права, я невиновата; она отвергаетъ эту нравственность, — но эта нравственность разрушаетъ меня,—она права, эта нравственность предразсудокъ...

Мои мысли были мысли существа страдающаго, неспособнаго понимать утѣшеніе, успокоеніе въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, какой подсказывается мученіемъ. Могла ли я понимать умѣренныя слова матушки? Я хотѣла видѣть въ нихъ отрицаніе всего, что мучило меня, и въ томъ, что называла она предразсудкомъ, я хотѣла видѣть всѣ мои привычныя понятія о нравственности... Я не знала, что думать мнѣ, моя голова шла кругомъ... Не въ первый разъ отрицаніе законности всего, что терзало меня, поднималось въ моей измученной груди...

Я не могла понимать матушку. Мои мысли шли, шли, низвергая все.

— Въ чемъ тебѣ винить себя, мой другъ?—говорила и говорила она:—Кто-жь можетъ считать болѣзнь за вину? Дѣлала ли ты что нибудь противъ разсудка, противъ осторожности? — развѣ ты не заботилась о своемъ здоровьѣ? — Когда простудишься, бывало, всегда принимаешь всѣ средства; если устаешь, отдыхаешь; давно ужь ты стала такая заботливая о себѣ, что и не сидишь долго по ночамъ за книгою; и не дѣлаешь, какъ многія, чтобы въ сырую погоду идти въ кухню въ башмакахъ: всегда остерегаешься, чтобы не промочить ногъ; бережешь всегда и грудь, и голову: чѣмъ же ты можешь быть виновата въ томъ, что твое здоровье разстроилось?—Это не твоя вина, мой другъ: Богу такъ было угодно, это природа, мой другъ... Поэтому я не вижу, чего тебѣ краснѣть передо мной: это пустой, глупый предразсудокъ, мой дружокъ. Въ одномъ только ты должна перемѣниться, когда чувствуешь, что это вредно для твоего здоровья: въ томъ, какъ держишь себя.—Ты сказала: „какъ же я держу себя?“ —На это, мой другъ, я замѣчу тебѣ одно: вспомни, какъ ты обращаешься со всѣми? — Такъ, будто ты моихъ лѣтъ. И я также, мой дружокъ, не держу себя пугаломъ и разговариваю, и шучу; тогда, у Ершовыхъ, мы всѣ, старики и старухи, даже играли въ веревочку, а Устинья Максимовна даже взяла жениха Наденьки вальсировать. Но кто же скажетъ, что она держитъ себя моложе нашихъ съ нею сорока пяти лѣтъ?— Такъ и ты: танцуешь, говоришь, это правда; но все это такъ, какъ будто ты нашихъ съ нею лѣтъ. Будто ты сама не замѣчаешь, какъ обращаются съ тобою? отчего это? Вспомни, что ты и кстати, и некстати обнаруживаешь, какъ мало за-

нимаетъ тебя все, чѣмъ интересуется дѣвушка, которая еще не отказалась отъ желанія нравиться. Ты даже прямо говоришь, что не имѣешь намѣренія выходить замужъ.

— Маменька, и другія говорятъ это.

— Не спорю; но какимъ голосомъ, Лиза. И притомъ у другихъ обращеніе противорѣчитъ ихъ словамъ. Что я посовѣтую тебѣ?—Ты держишь себя солидно; это прилично твоимъ лѣтамъ. Но перестань говорить, что ты рѣшилась оставаться въ дѣвушкахъ. Тѣмъ больше я совѣтую тебѣ это, что теперь ты не можешь думать и сама, какъ тогда. Зачѣмъ говорить противъ своихъ мыслей.

— Не поздно ли, маменька?

Я видѣла, что напрасно возмущалась словами матушки: я оклеветала ее въ своихъ мысляхъ, придавая выраженіямъ ея свой смыслъ. Она говорила о замужествѣ. И я сама, теперь уже спокойная, разсудительная, понимала, какъ всегда, кромѣ минутъ безпорядка въ моей бѣдной головѣ, что я бываю гадкою, безнравственною дѣвушкою въ эти хаотическія минуты.—Я давно видѣла, что мы говоримъ о замужествѣ, и сама давно думала только о томъ, возможно ли для меня замужество. Поэтому на всѣ ея слова я только сказала съ печалью:— „Не поздно ли, маменька?“—Я уже давно образумилась и эти слова выражали всѣ мысли, какія имѣла я съ той минуты, какъ образумилась.

— Не поздно ли, маменька?—Въ этомъ была такая правда, что она замолчала.

Дѣйствительно, было поздно. Уже слишкомъ долго всѣ знали о моемъ намѣреніи оставаться въ дѣвушкахъ. Никто не могъ обратить вниманія на то, что я перестала говорить объ этомъ своемъ рѣшеніи. А что же больше могла я сдѣлать? Неужели предлагать себя въ невѣсты? Но кому, еслибъ я и была способна къ такой наглости?

И матушка не могла же разсказывать: „У старшей моей дочери такая болѣзнь, что ей надобно выйти замужъ для поправленія здоровья; посватайте ей кого-нибудь, хоть вашего сынка“, или „вотъ бы вы и женились на ней“.

Но я не знаю, повело ли бы къ успѣху даже и то, если бы моя мать стала подыскивать мнѣ жениховъ, или я кокетничать.

Природа и разумная скромная жизнь отца и матери дали мнѣ лицо, черты котораго не были неправильны. Воспитаніе придало ему простое, — позволю себѣ сказать: честное, симпатическое выраженіе. Пока я была здорова, я могла нравиться.

Прежде я радовалась тому, что я не безобразна. Но я не была такъ ослѣплена, чтобы не замѣчать того, что стала видѣть въ зеркалѣ.

Въ началѣ моей болѣзни, правда, я видѣла въ немъ не то: часто я казалась и самой себѣ почти красавицею, какъ подруги говорили мнѣ, что я похорошѣла. Черты мои еще оставались молоды. Цвѣтъ кожи сталъ чрезвычайно нѣженъ; румянецъ или возвышался до живости, или, слегка ослабѣвая, давалъ мнѣ интересную томность, а выраженіе моего лица было, противъ моей воли, завлекательно, глаза мои сверкали или манили задумчивой нѣгой....

Но недолго давала мнѣ прелесть болѣзнь, о которой тогда еще не знали мои родные. Когда мои страданія были замѣчены ими, я уже дурнѣла, и дурнѣла съ

каждымъ днемъ. Я видѣла это. Не скрою: мое сердце еще больше ныло отъ этого: я не любила безобразія.

Лицо мое осунулось. Я сдѣлалась старообразна. Кожа потеряла мягкость, стала шероховата; цвѣтъ ея попортился. Иногда я видѣла себя почернѣвшею; иногда на моемъ лицѣ проступали желтыя, иногда грубыя красныя пятна... Нѣтъ, не стану описывать: мнѣ непріятно вспоминать свое тогдашнее лицо, какъ непріятно было тогда взглядывать въ зеркало. Довольно того, что я очень подурнѣла.

Кого могла бы я завлечь, еслибъ и захотѣла?—Я понимала, что теперь никто не женился бы на мнѣ иначе, какъ по разсчету. А мое приданое не прельстило бы ни одного не только изъ тѣхъ, которые считались хорошими,—даже ни одного изъ посредственныхъ жениховъ нашего круга. Оно могло доставить мнѣ преимущество надъ большею частью моихъ подругъ, пока я была соперницею имъ по красивости и свѣжести. Подурнѣвшую, постарѣвшую, меня согласился бы взять развѣ человѣкъ, котораго отвергла бы каждая изъ дѣвицъ нашего общества.

А я, безразсудная, попрежнему чувствовала, что не могла бы пойти за человѣка, который былъ бы ниже меня по развитію; если я мечтала теперь о мужѣ, то я хотѣла, чтобъ я могла уважать и любить его.

Но я мечтала о замужествѣ только въ безразсудныя минуты; или, нѣтъ, и въ минуты безумной жажды я не мечтала выйти замужъ. Поэтому я не унижалась въ обществѣ. Моя болѣзнь заставляла меня испытывать безумныя желанія, но я сохраняла власть надъ своими поступками и не искала себѣ жениха.

Мы были приглашены на именинный вечеръ въ семействѣ пожилого господина, который пріѣхалъ на мѣсто Симонова помощникомъ управляющаго удѣльною конторою. Это было доброе, деликатное семейство. Они были очень милы съ чиновниками удѣльной конторы; держали себя съ Каталонскими какъ будто съ знакомыми. Черезъ нихъ знали и насъ. Всѣ чиновники удѣльной конторы и ихъ семейства были позваны на этотъ вечеръ. По нашей связи съ Каталонскими, хозяева имѣли любезность не забыть и насъ.

Но люди нашего круга составляли тутъ лишь меньшинство. Вечеръ былъ большой, хорошій. Не говоря объ управляющемъ удѣльною конторою и его семействѣ, были тутъ и нѣсколько постороннихъ хозяину аристократовъ губернской службы; была половина, я думаю, средняго свѣтскаго общества.

Изъ множества незнакомыхъ лицъ, мое вниманіе привлечено было въ особенности однимъ: молоденькою, чрезвычайно молоденькою дамою. Она такъ понравилась мнѣ, что я даже спросила, кто она. Мнѣ сказали, что это — madame Левандовская.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось танцовать визави съ нею. — Мужъ много разъ въ вечеръ подходилъ къ ней. Подошелъ и въ эту кадриль и стоялъ за стуломъ жены, говоря ей шутки, отъ которыхъ смѣялся и ея кавалеръ —Когда я переходила на ту сторону, онъ не смотрѣлъ на меня: нѣтъ ничего обиднаго, нельзя же медику имѣть охоту держать себя, какъ со знакомыми, со всѣми, у кого ему приходится побывать разъ, думала я.

Кадриль кончился. Я пошла въ гостиную; но еще не дошла до двери зала, евандовскій подошелъ ко мнѣ.

— M-elle Свилина, позвольте мнѣ напомнить вамъ себя: врачъ Левандовскій; однажды я имѣлъ честь быть у васъ.

— Я очень хорошо помню васъ, m-r Левандовскій, отвѣчала я, подавая ему руку.

Какъ я должна была перемѣниться въ это время, съ его визита! Я думала, что онъ не хочетъ возобновлять знакомства, а онъ только не узналъ меня! А уже и во время его визита какая дурная и старая была я!

Вѣроятно онъ прочелъ эту мысль на моемъ лицѣ, потому что поспѣшилъ сказать:

— Вы извините, что я не осмѣлился заговорить съ вами во время кадрили: въ нашей профессіи приходится видѣть столько людей, и я хотѣлъ прежде удостовѣриться, что не ошибался: у меня память слабо удерживаетъ черты лицъ.

— Вы очень любезны, докторъ, сказала я, засмѣявшись. Мы съ нимъ шли вдвоемъ:—Вы просто не узнали меня.

— Да, сказалъ онъ серьезно: — Я не узналъ васъ. — Вы продолжаете лечиться?

— Да, сказала я,

— Медикъ имѣетъ особенныя права, m-elle Свилина. Я смѣю предложить вамъ одинъ вопросъ: послѣ моего визита къ вамъ не было никакого разговора между вами и вашею матушкою?

И прежде онъ понравился мнѣ. А теперь я видѣла, какая милая, хорошенькая его жена. Еще ни къ кому никогда я не чувствовала себя въ такомъ свободномъ отношеніи.

— Она говорила.

— И что же? Развѣ такъ слушаются медика? Его голосъ былъ такъ серьезенъ,—строгъ.

— Предлагать совѣты иногда бываетъ гораздо легче, нежели исполнять ихъ, m-r Левандовскій.

— Я не вполнѣ понимаю васъ. Я слышалъ, что вы дѣвушка образованная; вы не должны были бы ставить предразсудки выше здоровья.

— Вы называете предразсудкомъ то мнѣніе, что для брака нужно взаимное уваженіе и нѣкоторая, хоть небольшая симпатія?

— Для брака?—сказалъ онъ и замолчалъ.

Что хотѣлъ сказать онъ?

— Когда вы женились, m-r Левандовскій, неужели у васъ и вашей невѣсты не было расположенія другъ къ другу?

— Было, вы правы: для брака необходимо уваженіе и сочувствіе. Но прежде всего надобно слушаться медиковъ.

Зачѣмъ онъ далъ такое удареніе этимъ словамъ: „для брака“?

— Можетъ быть, m-r Левандовскій, мое здоровье возстановилось бы, по крайней мѣрѣ, не было бы такъ дурно, если-бъ я могла вести тотъ образъ жизни, котораго оно требуетъ. Но я не могла исполнять всего, что считала нужнымъ. Это потому, что прежде я старалась скрывать свою болѣзнь. Но теперь, когда родные знаютъ ее, то все равно. Я сплю на жесткомъ; но быть можетъ, сплю слишкомъ долго. Я очень умѣренна въ пищѣ, но ѣмъ то же, что другіе. Я могу ѣсть гораздо

меньше, ограничиваться какою бы то ни было самою невкусною діэтою: я могу спать только четыре часа въ сутки. У меня достанетъ характера.

— Все это значило бы напрасно изнурять себя. Напротивъ, всякій аскетизмъ усиливаетъ вашу болѣзнь;—даже и тотъ, который относится къ пищѣ; и всякій другой.

Я поблагодарила его за совѣтъ и спросила, какъ нравится ему нашъ городъ, и не жалѣетъ ли онъ и его жена о Москвѣ.

Этотъ разговоръ имѣлъ большое вліяніе на развитіе моихъ мыслей, но уже гораздо позже.—Теперь, и еще долго потомъ, у меня бывали минуты такого страданія, когда я готова была на все въ мірѣ, чтобъ избавиться отъ нестерпимой боли; бывали и минуты дерзкой смутности въ мысляхъ; но это были только минуты, какъ въ срединѣ того разговора съ матушкою. Вообще, я была тверда въ томъ, что называла тогда всѣми добрыми именами. Я не хотѣла быть дурною. Я боялась понимать смыслъ словъ Левандовскаго, отталкивала отъ себя размышленіе о нихъ, твердила себѣ: „онъ не хотѣлъ сказать ничего, кромѣ того, что я слышала отъ матушки. Мое испорченное сердце дастъ ложное толкованіе его незначительнымъ выраженіямъ. О, какъ дурна стала я! Я готова самыя невинныя слова превращать въ безнравственныя внушенія“.

Во мнѣ еще не было смѣлости отвергать принципы моего воспитанія. Но у меня не было и силы безропотно переносить мои страданія. Этотъ долгій періодъ болѣзни до пріѣзда брата былъ временемъ отчаянія и горечь, которая переполняла мою измученную душу, тайно изливалась на все, въ чемъ я видѣла тогда причины моихъ страданій.

„Тайно“, сказала я. Нѣтъ. Однажды у меня не достало твердости сохранить молчаніе. Вѣчно будетъ прискорбна мнѣ память объ одной—къ счастью, только одной, но жестокой ранѣ, которую нанесла я сердцу матушки. Я не хотѣла бы, чтобы меня назвали чудовищемъ. Я сама не могу простить себѣ того, что оскорбила мою мать... Но клянусь, это было потому, что мой разсудокъ затмѣвался.

Моя память не могла смѣшать съ другимъ этотъ вечеръ, вечеръ, когда я оскорбила мою мать!.. 3 сентября — черный день 1856 года, — черный день моей жизни.

Вакансія инспектора въ Казанскомъ округѣ не открывалась больше года послѣ того, какъ Аркаша кончилъ курсъ, и до слѣдующаго лѣта Аркаша прожилъ въ деревнѣ, ожидая, пока освободится для него должность учителя въ нашей гимназіи. Онъ кончилъ приготовленіе своего воспитанника къ университету, поѣхалъ съ нимъ въ Казань, помогать ему заниматься во время экзаменовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, поближе узнать о положеніи дѣла по своему опредѣленію на должность. 2-го сентября мы получили отъ него письмо, что, наконецъ, на дняхъ произойдетъ перемѣщеніе, котораго онъ такъ долго ждалъ. Онъ рѣшилъ не уѣзжать изъ Казани, пока не получитъ бумаги о своемъ назначеніи въ нашу гимназію.— „Ура! готовьте свадьбу!“—весело прибавлялъ онъ.

На другой день сестра обѣдала у своихъ будущихъ родныхъ и осталась тамъ на вечеръ. Послѣ обѣда и отецъ ушелъ туда; матушка легла уснуть. Я ушла къ себѣ на мезонинъ, стала читать; но была еще слишкомъ взволнована вчерашнимъ письмомъ. Хотѣла одолѣть свои мысли, занявшись французскимъ языкомъ, но раздраженіе нервъ, мучившее меня и наканунѣ и въ это утро, разразилось жестокимъ

припадкомъ истерики. Чтобы не разбудить матушку, я сдерживала стоны. Это увеличивало силу страданія, и оно дошло до того, что я лишилась памяти. Очнувшись, я чувствовала себя совершенно изнуренною; матушка сказала, что больше часу хлопотала со мною. Она продолжала ухаживать, не смотря на то, что сама была очень утомлена. Я стала просить ее уйти, потому что теперь мнѣ легко. Она отвѣчала, что еще боится оставить меня одну, и продолжала ухаживать: то поправляла подушку, то предлагала выпить холодной воды, то подавала нюхать спиртъ. Мои нервы начали опять раздражаться.

— Маменька, вы устали; идите, отдохните,—сказала я голосомъ, уже дрожащимъ.

— Нѣтъ, Лиза, побуду еще съ тобою. Ты видишь сама, какъ ты слаба: и голосъ у тебя еще больной.

— Идите, маменька, прошу васъ,—сказала я сквозь слезы.

— Видишь, съ тобой опять нехорошо,—отвѣчала она:—Вотъ выпей водицы.

— Отстаньте отъ меня, умоляю васъ!—проговорила я съ ожесточеніемъ:—Теперь поздно ухаживать. Надобно было больше заботиться обо мнѣ прежде.

— Лиза, ангелъ мой!—печально произнесла матушка.

— Да, маменька, теперь поздно. Вы должны были знать это прежде. Вы могли предотвратить это. Я была глупа, не понимала. Вы должны были имѣть разсудокъ за меня. Если бы вы были хорошая мать, вы побранили бы меня, заставили бы меня идти замужъ, и этого не было бы. Вы погубили меня.

— Принуждать, Лиза! Подумай, что ты говоришь! Можно ли принуждать?

— Это была ваша обязанность. Вы причина всѣхъ моихъ страданій. Вы виноваты и въ томъ, что я отказывала женихамъ. Зачѣмъ вы пріучили меня читать книги? Вы должны были знать, что это лишнее для меня, что это повредитъ мнѣ. Вы виноваты, что мнѣ стали не нравиться люди, между которыми я должна была выбрать мужа. Черезъ васъ моя молодость была лишена всякой радости, мое здоровье погибло, ни одинъ день не проходитъ для меня безъ мученій.

Мой голосъ перерывался криками и хохотомъ. Припадокъ возобновился.

Когда я опять пришла въ себя, у меня не было силы броситься къ ногамъ матушки. Я могла только говорить „простите меня, бѣдная маменька“ — „я обидѣла васъ“.—Она сказала, что не думала обижаться, и запретила мнѣ говорить.—„Молчи, тебѣ вредно.—Пожалуй, я уйду. Надобно бы уйти тогда, какъ ты и просила“.—Я сказала, что теперь все прошло, и просила ее остаться.—„Ужасно мудрено, какъ поступать въ такой болѣзни“,—сказала она, опять въ защиту себѣ:—„и не слушаться нельзя, и оставить одну—тоже боишься“.

Такъ. Она не сердилась на меня. Между нами не могло быть неудовольствій. Но она понимала, что слово, которое высказывается въ самозабвеніи, открываетъ самую глубокую тайну души. Узнать, что человѣкъ, любимый вами, искренно любящій васъ, считаетъ васъ причиною своихъ страданій — это очень горько. Пусть онъ несправедливъ; пусть онъ самъ понимаетъ, что несправедливъ противъ васъ. Но вы любите его, и поэтому ваше сердце раздѣляетъ всѣ его чувства, даже тѣ, о которыхъ вы оба знаете, что они ошибочны. Послѣ моихъ упрековъ, матушка очень долго винила себя въ моихъ страданіяхъ. — „Сижу, бывало“, говорила она мнѣ потомъ: „и думаю: какъ же я не виновата? Я ей мать. Если бы не было въ чемъ нибудь моей ошибки, какъ же она стала бы несчастна?“

Это былъ единственный случай, когда я потеряла власть надъ своими словами. Вообще, замѣчали во мнѣ только одно: часто бывало, что я вдругъ вставала и уходила въ мою комнату. Они приписывали слабости, думали, что я ухожу лежать, отдохнуть. Они не знали, что характеръ мой измѣнился. Я умѣла скрыть отъ нихъ эту порчу. Но я не узнавала себя.

Прежде, я была ровнаго, кроткаго характера. Я родилась бы слишкомъ дурною, если бы не выросла доброю и мягкою. Никто никогда не притѣснялъ и не обижалъ меня. Наше семейство жило дружно.

Но теперь, часто кипѣла во мнѣ жолчь, я ненавидѣла, меня терзала зависть.

Сестра не подозрѣвала, какую злобу я часто чувствую къ ней. Она видѣла только, что я по прежнему радуюсь ея счастью. Я и радовалась ему, когда владѣла собою. Но когда болѣзнь пересиливала мой разсудокъ, я мучилась завистью къ ней. Какой борьбы стоило иногда мнѣ слушать ея разсказы объ Аркашѣ, о ея и его любви ко мнѣ, о томъ, какъ счастливо мы будемъ жить. Я собирала всѣ добрыя силы моей души, чтобы сочувствовать ей, и обыкновенно это удавалось мнѣ, пока я видѣла передъ собою ея невинное лицо. Но какими злыми слезами плакала я потомъ въ моей комнатѣ, когда никто не могъ подсмотрѣть, какъ дурно стало мое сердце.

Я не могла безъ ужаса думать о приближеніи того, чему и я радовалась, по мнѣнію всѣхъ нашихъ. Сколько часовъ провела я, поддаваясь тайному злому желанію: „о, если бы разстроилась эта свадьба! если бы, по крайней мѣрѣ, эти счастливцы не остались въ нашемъ городѣ! если-бъ Аркашку перевели куда-нибудь! если-бъ устроилось хоть то, чтобъ они жили не вмѣстѣ съ нами!“ Но я знала, что я не буду спасена отъ мученія ежеминутно видѣть ихъ счастье. Давно, — съ самаго ихъ обрученія, — было рѣшено, что они будутъ жить въ нашемъ домѣ. Невозможно было, чтобъ они не жили въ немъ. Отецъ уступалъ Аркашѣ свой кабинетъ. Сестра уже много лѣтъ имѣла свою отдѣльную комнату. Всѣмъ будетъ просторно: насъ будетъ только пять человѣкъ въ семи комнатахъ.

У меня было одно утѣшеніе: говорить себѣ: „можетъ быть, это придетъ еще не скоро“. Письмо Аркаши изъ Казани отняло у меня эту надежду. Съ каждымъ днемъ, надобно ждать пріѣзда Аркаши. Страшный ударъ! Отчаяніе, въ которое онъ повергъ меня, объясняетъ мою жестокость съ матерью, когда я уязвила ее напрасными словами.

Быть можетъ, было даже къ лучшему, что произошла эта ненавистная сцена: власть моей злобы надо-мною ослабѣла: стыдъ и раскаяніе увеличили мою силу бороться съ моимъ сердцемъ, подурнѣвшимъ, какъ мое лицо, и у меня достало твердости казаться доброю сестрою во все страшное время приготовленій къ свадьбѣ, первыхъ дней послѣ свадьбы. Быть можетъ, если-бъ я не опечалила мать упреками за мои страданія, я еще жесточе огорчила бы ее потомъ, въ это ужасное время послѣ пріѣзда Аркаши, дала бы ей еще глубже увидѣть черныя тайны моего раздраженнаго сердца: дала бы ей увидѣть въ немъ не только порицаніе противъ нея за мои мученія, но и вражду къ сестрѣ; теперь, я успѣла скрыть хоть это.

Осуждая себя, я не осуждаю безусловно. Какъ велико человѣческое тщеславіе! — Мнѣ льститъ воспоминаніе, что послѣ этой гадкой сцены я держала себя, какъ была обязана моею любовью къ любившимъ меня. Я не была чудовищемъ хоть невидимому, хоть въ ихъ глазахъ, если не въ моемъ черномъ самосо-

знаніи; и я горжусь этимъ!—Но, дѣйствительно, я не знаю, какъ могла бы я перенести это время, если-бъ не любила сестру очень горячо.

IX.

Свадьба и молодые.

Вспоминая то время, я удивляюсь силѣ человѣческаго организма. Или я была одарена отъ природы слишкомъ большимъ запасомъ крѣпкаго здоровья, что, и ослабленная болѣзнью, пережила эти пытки.

Напримѣръ, эта встрѣча Аркаши!

Сестра проводила цѣлые дни на моемъ балконѣ, все смотрѣла на Волгу, не покажется ли пароходъ, все смотрѣла вдоль по улицѣ къ Волгѣ: она хотѣла первая увидѣть Аркашу, когда онъ будетъ идти къ нашему дому отъ пристани, бывшей близко подъ нашимъ домомъ.—„Я первая, одна побѣгу навстрѣчу къ нему!“ говорила она:—„я одна хочу встрѣтить его!“

Это было поутру. „Слышишь, Лиза? идетъ пароходъ сверху; не на немъ ли онъ?“—и она потащила меня на балконъ. „Скажи, Лиза, пріѣдетъ онъ на этомъ пароходѣ?“—И я должна была шутить, быть веселой: могла ли я огорчить ее, не показывая ей симпатіи?—„Онъ, онъ, Лиза! Какой онъ догадливый! Онъ зналъ, что я буду смотрѣть, ждать! Перешелъ на ту сторону улицы, чтобы я могла увидѣть! Лиза, скажи, что это онъ“.—Я должна была сказать, что это онъ. Но еще нельзя было разсмотрѣть.—„Ты опять обманываешь, Лиза, какъ вчера! Ты тоже еще не видишь, онъ ли. Что, если это опять не онъ, какъ вчера?“—Я должна была шутливо отвѣчать, что опять буду утѣшать ее, какъ вчера.—„Лиза, снялъ шляпу, поклонился!—идемъ, бѣжимъ къ нему“,—она тащила меня.—„Саша, да вспомни, что ты хотѣла одна встрѣтить его, не хотѣла никого допустить раздѣлить съ тобою эту честь“. — „Иди, душенька Лиза, скорѣе!“—„По крайней мѣрѣ надѣнь шляпку и позволь надѣть мнѣ“. — Мы надѣли шляпки и пошли встрѣчать Аркашу. На долю мнѣ досталось вдвое больше объятій и поцѣлуевъ, чѣмъ каждому изъ нихъ: обнявъ ее, онъ непремѣнно обнималъ и меня; поцѣловавъ его, она бросалась цѣловать и меня.

Но это началось безконечно, когда мы уже вошли за ворота; на улицѣ—мы обнялись только нѣсколько разъ;—на улицѣ они все повторяли, что мнѣ, собственно мнѣ они обязаны своимъ счастьемъ... и потомъ, каждый день, каждый часъ были тѣ же увѣренія и отъ него, и отъ нея. Могла ли я не платить имъ любовью за такую привязанность?

Правда, я не измѣняла своей обязанности быть полезною для Саши. Правда, я понимала, что сестрѣ легче говорить съ сестрою, нежели съ матерью, какъ бы ни была добра и ласкова мать. Правда, я понимала, что ей легче принимать совѣты отъ меня, нежели отъ матушки. Но и безъ моего примѣра, и безъ моихъ разговоровъ, Саша выросла бы хорошею дѣвушкою. Они преувеличивали пользу, которую принесла ей я. Она была воспитана жизнью нашего семейства; эта добрая жизнь сложилась не подъ моимъ вліяніемъ. Сестра, какъ и я, всѣмъ обязана матушкѣ.

Скорѣе, могу я согласиться, что не была безполезна для Аркаши. При живости своего характера, онъ могъ бы потерять время въ университетѣ, какъ терялъ до послѣдняго года въ гимназіи. Можетъ быть, онъ и не поѣхалъ бы въ университетъ, если бы я не стыдила его. Впрочемъ, и въ этомъ онъ преувеличивалъ мое вліяніе на него. Тутъ много значилъ примѣръ моего брата.

Но если я спорила противъ ихъ преувеличенной признательности, то не могла не цѣнить ихъ любовь, которою одною объясняется эта ошибка и Аркаши, и сестры. Но ихъ любовь ко мнѣ, бывшая прежде самою сладкою моею радостью, отравляла теперь мою жизнь.

Я старалась развлечь себя заботами о свадебныхъ приготовленіяхъ. Напрасно. Онъ и она терзали мое завистливое сердце своими ласками при встрѣчѣ; какъ прежде, сестра дѣлилась со мною всѣми своими мыслями объ Аркашѣ, какъ прежде онъ описывалъ мнѣ свою любовь къ ней, такъ и теперь; я не могла сдѣлать, чтобы не быть безпрестанно третьею при ихъ разговорахъ: было бы слишкомъ грубо отталкивать ихъ довѣрчивую симпатію, и они воображали, что я радуюсь на ихъ нѣжныя ласки другъ другу...

Я и не отталкивала, я и радовалась: у меня недоставало силы отказать себѣ въ тоскливомъ наслажденіи, какое давали мнѣ ихъ жаркіе разговоры, и я не могла отводить глазъ отъ ихъ ласкъ; каждый поцѣлуй ихъ разливался огнемъ и по моимъ жиламъ, и отъ ихъ нѣжныхъ словъ другъ другу трепетало, замирало и мое сердце... Нѣтъ, это не было мученіе—это было упоеніе, и въ этой чашѣ смертельной горечи я пила восторги.

Да, и я была невѣстою, страстною невѣстою, и я была новобрачною, робкой и нѣжной, пламенной и стыдливой новобрачною, — невѣстой безъ жениха, новобрачною безъ мужа, невѣстой и новобрачной вдовой, вдовой.

О, это время, время блаженства!

Я твердо хотѣла не нарушать счастья ихъ, радости всѣхъ нашихъ. И какъ велика можетъ бывать власть воли надъ нервами!—я все это время выдерживала мои волненія: со мною не бывало припадковъ днемъ и я успѣвала скрывать, что бывало со мною по ночамъ.

Но черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы сестры, я изнемогла и долго не могла вставать съ постели.

Какъ нѣжно ухаживали за мною матушка, сестра, Аркаша, его мать!—Мнѣ кажется, я не знала до той поры всей силы ихъ любви ко мнѣ.

Опасность миновалась довольно скоро: не больше мѣсяца они опасались за мою жизнь. Но я поправлялась потомъ очень медленно. Они не скучали ухаживать за мною въ эту долгую зиму. Къ веснѣ, я уже могла ходить.

X.

Братъ.

Я такъ привыкла къ своему состоянію, что считала себя совершенно выздоровѣвшею, когда могла выходить и выѣзжать. Поэтому, постепенно и всѣ наши, даже матушка, перестали безпокоиться обо мнѣ.

Братъ съ весны, слѣдовавшей за свадьбою сестры, писалъ, что надѣется въ это лѣто—1858 года—побывать у насъ.

Мы не видѣлись уже пять лѣтъ. Съ того времени, какъ онъ прислалъ мнѣ 1500 рублей, его письма къ намъ почти ничего не сообщали о его дѣлахъ, отношеніяхъ, жизни. Мы знали, что онъ служитъ, что онъ пишетъ что-то въ одномъ изъ хорошихъ журналовъ, но не знали даже, какія статьи принадлежатъ ему. На мои вопросы объ этомъ онъ отвѣчалъ: „Я занимаюсь черновою журнальною работою, о которой не стоитъ говорить“. На вопросы матушки о его дѣлахъ онъ отвѣчалъ также коротко, что живетъ безъ нужды. По временамъ,—въ послѣдніе полтора года,—онъ присылалъ намъ подарки, которые показывали, что иногда у него бываетъ пятьдесятъ, сто рублей свободныхъ. Къ свадьбѣ сестры онъ выслалъ ей подарковъ рублей въ триста, или больше.

И прежде, еще юношею, онъ имѣлъ характеръ суровый и сухой. По его замкнутости въ перепискѣ съ нами я полагала, что эти черты развились въ немъ. Я не могла сомнѣваться, что онъ человѣкъ благородный, готовый помогать роднымъ. Но мнѣ казалось, что четыре года жизни въ эгоистическомъ Петербургѣ пріучили его смотрѣть на насъ, какъ смотрятъ на дальнихъ родственниковъ: ихъ не оставляютъ безъ помощи, когда они нуждаются; но ихъ интересы и мысли—не наши, и жизнь ихъ не имѣетъ ничего общаго съ нашею.

Впрочемъ, его обѣщаніе навѣстить насъ очень обрадовало все наше семейство; особенно отца и мать: братъ составлялъ гордость ихъ. Сестра была еще ребенкомъ, когда видѣла его въ послѣдній разъ, а теперь у нея была своя полная жизнь. Аркаша—когда-то большой пріятель брату—думалъ, что Петербургскій литераторъ не станетъ на равную ногу съ провинціаломъ, всѣ мечты котораго ограничиваются тѣмъ, чтобы лѣтъ хоть черезъ пятнадцать дослужиться до директора гимназіи.

Я, не имѣвшая своей личной жизни, кромѣ страданій,—теперь, послѣ болѣзни, уже не жгучихъ, а только скучныхъ страданій,—не могла быть такъ холодна къ свиданію съ братомъ, какъ сестра и Аркаша; но понимала, что я почти чужая его сердцу.

Мы дождались гостя. Его наружность, манеры, обращеніе съ нами въ первое время,—все подтверждало мысли, которыми обмѣнивались о немъ мы съ Аркашею и сестрою, которыхъ не могла оспаривать и матушка. Мы даже не думали, что Петербургъ положилъ на него такой рѣзкій отпечатокъ.

Мы увидѣли брата мужчиною худощавымъ, но очень крѣпкимъ. Мы удивились, когда онъ на третій день послѣ пріѣзда, ушедши „погулять“, сталъ разсказывать за обѣдомъ, какъ понравился ему видъ съ Монастырской горы, Соколовой горы—гораздо больше прежняго.

— Гриша, неужели ты ходилъ туда? спросила маменька.

— Да; что жъ, развѣ это далеко?

— Да это значитъ, ты прошелъ верстъ десять.

— Не знаю, мнѣ не показалось далеко, сказалъ онъ, и сталъ разсказывать, что въ Петербургѣ такой моціонъ не считается утомительнымъ.—Въ Петербургѣ все далеко и нельзя баловать себя, какъ въ провинціи, по его словамъ. По его словамъ, въ провинціи люди избалованы.

Въ платьѣ, которое привезъ онъ, не было ничего щегольскаго. Онъ и говорилъ, что не любитъ тратить деньги на платье, и, по его словамъ, вообще въ Петербургѣ нельзя сорить деньгами, какъ дѣлаютъ въ провинціи. Но до сихъ

поръ мы не видѣли вблизи мужчинъ, одѣтыхъ какъ онъ. Костюмъ Лачинова былъ жалокъ передъ его сюртукомъ и пальто, а Лачиновъ одѣвался очень хорошо. По его словамъ, въ Петербургѣ всѣ, у кого нѣтъ богатыхъ родовыхъ имѣній, живутъ бѣдно, а онъ сказалъ, что имѣетъ тысячи двѣ дохода, нѣкоторые его знакомые больше: это мало въ Петербургѣ для одинокаго человѣка.

По его словамъ, надобно было думать, что онъ человѣкъ очень неважный, что свѣтское петербургское общество и недоступно ему, и служитъ для него предметомъ презрѣнія. А между тѣмъ, когда отецъ спрашивалъ его о чинѣ и оффиціальномъ положеніи людей, о которыхъ упоминалъ онъ, оказывалось, что одинъ его пріятель—статскій совѣтникъ, другой—полковникъ гвардіи. Въ то же время видно было, что всѣ они живутъ очень скромно, едва ли не скромнѣе нашего: квартира брата состояла только изъ двухъ комнатъ; ни у кого изъ его пріятелей не было своей лошади.

Все это было слишкомъ непохоже на привычки и отношенія нашего города. Братъ сталъ чуждъ по жизни не только намъ,—всему, кромѣ своего страннаго Петербурга.

Такъ онъ и держалъ себя съ нами: былъ разговорчивъ, ласковъ; съ матерью даже нѣженъ. Но охотно слушая насъ, охотно разсказывая намъ о Петербургѣ, онъ ничего не говорилъ о себѣ. Не то, чтобъ онъ избѣгалъ отвѣтовъ на распросы отца и матери о его дѣлахъ и образѣ жизни: онъ описалъ и свою квартиру, и то, какъ онъ проводитъ день. Но все это были только подробности о его обстановкѣ, о внѣшней сторонѣ его привычекъ и занятій, то, что могъ бы разсказать его слуга (если бъ у него былъ слуга: но онъ жилъ безъ слуги!). О своихъ радостяхъ и заботахъ онъ ничего не говорилъ, будто чувствуя, что онѣ были бы неинтересны намъ. И правда: даже матушка не замѣчала, что онъ не разсказываетъ ничего изъ того, о чемъ идутъ у него разговоры съ близкими ему людьми—если у него есть близкіе люди.

Это замѣчала только я; потому что у меня одной было на душѣ много невысказаннаго и я желала бы найти человѣка, которому могло бы раскрыться мое бѣдное сердце;—зачѣмъ?—не изъ надежды найти опору себѣ, избавленіе: мнѣ не могло быть избавленія;—только потому, что страдающему хочется высказать передъ кѣмъ нибудь свое горе.

Я впередъ знала, что у брата не будетъ охоты дѣлаться слушателемъ моихъ жалобъ на судьбу; и все таки, хоть я и не надѣялась, я была опечалена, увидѣвъ, что не ошибалась, не надѣясь.

Онъ былъ ласковъ и ко мнѣ, но совершенно холоденъ. При встрѣчѣ нашей онъ замѣтилъ: „хоть я и зналъ, что Лиза была больна всю зиму, но не думалъ найти ее такою исхудалою. А это ты налгала на себя, Лиза, что стала ужасно нехороша лицомъ: напротивъ, даже интересна. Не для того ли и вздумала худѣть, что у васъ, вѣроятно, въ модѣ такія интересныя барышни, — неземныя“, прибавилъ онъ шутя. (Въ самомъ дѣлѣ, послѣ болѣзни я была такъ слаба, что страсти уже замолкли во мнѣ; желтыя и красныя пятна не являлись на лицѣ и кожа стала очень нѣжная).—„Надобно больше ѣсть, Лиза“, продолжалъ онъ, шутя:— „Вы, маменька, мало кормите ее“.—Послѣ этого, мы стали говорить о другихъ.—Потомъ, дня черезъ два, онъ опять сказалъ, что ему непріятно видѣть, что мое здоровье такъ мало поправилось. Маменька сказала, что я давно

такая, и стала разсказывать свои сожалѣнія о моемъ здоровьѣ: я сказала, что я теперь совершенно здорова и что не каждый, кто не толстъ и не румянъ, долженъ непремѣнно считаться больнымъ; вотъ, напримѣръ, хоть онъ: очень худощавъ, а мы видимъ, что у него хорошее здоровье.—„Я—другое дѣло, Лиза: я живу въ Петербургѣ“, отвѣчалъ онъ.—„А у васъ всѣ здоровые—толстые, по вашему нельзя не жирѣть“.—Послѣ этого братъ не говорилъ ничего особеннаго ни со мною, ни обо мнѣ. Я и знала впередъ, что будетъ актъ.

Но тогда же, на третій или четвертый день послѣ его пріѣзда, былъ разговоръ о немъ самомъ, и слова, которыми онъ покончилъ его, были для меня слишкомъ важны. Я впередъ знала, что мои эгоистическія надежды и дурны, и несбыточны; я и не могла имѣть ихъ; мнѣ казалось, и не имѣла, а послѣ этихъ его словъ, вовсе выкинула ихъ изъ головы.

— А что, Гриша, изъ твоихъ разговоръ какъ будто видно, что едва ли ты знакомъ съ кѣмъ нибудь изъ семейныхъ людей, сказала матушка.

Что дѣлать—материнское сердце!—ей хотѣлось стороною подойти къ тому, не дастъ ли онъ ей надежду имѣть невѣстку.

— Изъ женатыхъ?—мало; впрочемъ, есть и женатые, сказалъ онъ. Даже знакомъ съ женами двоихъ,—нѣтъ, ошибся, даже троихъ.—Да вы къ чему, маменька?—Онъ засмѣялся.—Не обзавелся ли невѣстою, не скрываю ли отъ васъ такой радости?—Нѣтъ, Богъ миловалъ. Э, маменька, продолжалъ онъ серьезно:—въ Петербургѣ нельзя баловать себя такою роскошью. Я и одинъ-то едва могу жить. Право, и одному-то не очень сытно.

Что жь было мнѣ мечтать послѣ этого?—Да и прежде я знала, что это невозможно.

Братъ пріѣхалъ къ намъ на полтора мѣсяца. Прошло уже съ мѣсяцъ послѣ его пріѣзда.

Однажды, мы пили чай на моемъ балконѣ, вечеромъ. Это было для брата: это напоминало ему Петербургскія дачи. Постепенно, всѣ ушли. Братъ остался со мною одинъ. Онъ читалъ какую-то нѣмецкую книгу. Я вышивала. Стало темнѣть. Братъ оглянулся.

— Испортишь ты глаза съ этими пустяками, Лиза. По крайней мѣрѣ зажги свѣчу. А лучше бросила бы ты свои вышиванья. Больше бы гуляла,—садикъ есть, сидѣла бы да ходила бы тамъ весь день: это было бы полезнѣе для твоего здоровья. А, кстати, объ немъ. Я давно собирался спросить у тебя: отчего ты стала такая хилая? Что за истерики? Откуда ты набралась ихъ?

— Какъ тебѣ сказать, Гриша. Прежде у меня было хорошее здоровье, теперь—плохое.

— Ты меня извинишь: у тебя младшая сестра скоро родитъ, можно говорить съ тобою просто. Въ Петербургѣ я полагалъ: обыкновенная причина, дѣвичество. Пріѣхалъ, смотрю на тебя: нѣтъ: какъ всегда была безполое существо, такъ и осталась. Сестра съ мужемъ обнимаются при ней, ей и горя мало. Эта истерика у тебя не отъ дѣвичества: тебѣ, кажется, все равно. Отчего жь?

Что мнѣ было сказать ему?—„Наружность, въ которую всѣ вѣрятъ, обманчива; я тоже человѣкъ“.—Я и была, и осталась застѣнчива.

— Не шутя спрашиваю тебя, Лиза. Я пробовалъ говорить съ матерью. Она увѣряетъ, что всѣ они любятъ тебя—удивительная новость: что ей тоже жаль тебя и что она плачетъ—удовлетворительное объясненіе. Я вздумалъ спро-

сить, не ошибаются ли, считая тебя женщиною совершенно холоднаго темперамента; она даже обидѣлась. Можетъ быть, обижаешься и ты: вы здѣсь такія нравственныя. Что ты скажешь?

— Я не обижаюсь, Гриша.

— Не отвертывайся. Я спрашиваю, что ты скажешь о причинахъ твоей болѣзни?

— Не все ли равно, Гриша, отчего бы ни происходила она?

— Не все равно. Поживши съ вами, я сталъ думать: не отъ скуки ли это?— У васъ здѣсь порядочному человѣку можно умереть отъ скуки. Такъ, что-ли? Если „да“, поѣдемъ ко мнѣ въ Петербургъ.

Я была ошеломлена этимъ, особенно послѣ тѣхъ его словъ маменькѣ, что ему было бы нечемъ содержать жену.

— Благодарю тебя, Гриша; но тебѣ и одному трудно жить.

— Это правда, что денегъ—въ обрѣзъ; да для тебя-то достанетъ. Да ты почему вздумала о деньгахъ? — потому, что-ли, что я сказалъ тогда, что мнѣ нельзя и думать о женитьбѣ?—Это совсѣмъ другой расчетъ. Берешь жену, то имѣй и средства жить не хуже другихъ: совершенно иныя требованія. Если женатый не живетъ довольно открыто, сейчасъ же начинаютъ третировать его иначе: бѣденъ, нуждается. А при тебѣ я не обязанъ перемѣнять образа жизни: холостой, и живу по холостому. Что для тебя нужно? — Лишняя комната, только. Вмѣсто того, чтобы жить въ chambres garnies, обзаведусь при тебѣ своимъ хозяйствомъ и расходы даже сократятся.

— Нѣтъ, Гриша, сказала я и захохотала.

Онъ еще не видывалъ, что такое истерика. Или его не бывало дома, или я успѣвала скрыть, уйти въ садъ; а по ночамъ онъ спалъ, какъ убитый.—Послѣ этого онъ и не сталъ разсуждать со мною, а просто сказалъ матушкѣ, что увезетъ меня съ собою въ Петербургъ. Она была удивлена не меньше, чѣмъ я.

— Теперь я вижу, Гриша, что Петербургъ не такой дурной городъ, не такъ портитъ людей, какъ думаемъ мы, провинціалы, говорила она; а это твоя правда, что здѣсь у насъ ей скучно и что какое же здѣсь общество для нея.

Я хилѣла такъ быстро, что видѣла приближеніе смерти; я уже и была примирена съ мыслью о ней; она казалась неотразима; да и жизнь перестаетъ быть мила, когда страданія слишкомъ тяжелы и неотступны. Я не имѣла отдыха отъ нихъ. Я готовилась умереть и наполовину уже умерла. Все потеряло для меня интересъ.

Мысль о переселеніи въ Петербургъ оживила меня. Я избавлялась отъ адскаго мученія видѣть счастье сестры. Я войду въ общество, совершенно непохожее на то, которое воспитало и погубило меня...

Мнѣ начало казаться, что я становлюсь менѣе хила.

Прощанье съ сестрою, отцомъ, матерью разстроило было меня такъ, что если я и поправлялась послѣ рѣшенія брата, я въ началѣ пути чувствовала себя хуже прежняго. Два дня я пролежала на пароходѣ въ совершенномъ изнуреніи.

На третій день я могла встать и выйти на палубу. Я въ первый разъ увидѣла мѣстность дальше той, которая видна съ моего балкона и сосѣдней площади

Новаго Собора. Мнѣ и странно, и радостно было смотрѣть на пространство, на которомъ нѣтъ ни нашего города, никакого города, ни даже села: широкая рѣка, горы на западъ, степь на востокъ... Свободная природа и я, свободная среди нея...

Это чувство было ново для меня: свобода, свобода...

Когда мы сошли на Тверской пристани, я была уже такая сильная, что, почти не опираясь на руку брата, прошла сотню шаговъ въ гору, до дрожекъ, которыя повезли насъ на желѣзную дорогу.

XI.

Петербургъ.

Не знаю, хорошо ли я сдѣлала, что не описала жгучихъ восторговъ, которыми мучилась въ первые два года моей болѣзни, отъ осени 1855 года до того времени, когда изнемогла послѣ свадьбы сестры. Очень можетъ быть, что я сдѣлала дурно, рѣшившись молчать о нихъ. Они послужили бы апологіею для страдалицъ столь же мало, какъ я, виноватыхъ въ болѣзни, которую я разсказываю. Женщины, жизнь которыхъ сложилась лучше или хуже моей тогдашней, и почти всѣ мужчины воображаютъ себѣ эти грезы вовсе не такими, какими бываютъ онѣ у дѣвушекъ, подобныхъ мнѣ. Матеріальная сторона любви была совершенно темна для меня; и все, что могла создавать моя фантазія подъ властью сладострастнаго томленія, состояло въ поцѣлуяхъ и крѣпкомъ прижатіи груди къ груди. Если бъ я изобразила видѣнія, при которыхъ горѣла огнемъ, они вынудили бы изумленіе своею невинностью. Одно только было нескромно въ моихъ тогдашнихъ пароксизмахъ: жгучее ощущеніе, которымъ сопровождались скромныя ласки. Но чувство это было упоительно страстно и оно давало бы очаровательность, соблазнительность картинамъ, въ которыхъ не было ничего грубаго. Я не буду щадить себя. Но я не хочу возбуждать страстей.

Впрочемъ, ни эти видѣнія, ни сладко-мучительное томленіе, которое вызывало ихъ, не были главнымъ элементомъ болѣзни, разрушавшей меня, и не остались всегдашнею принадлежностью ея пароксизмовъ. Нѣтъ. Сладострастныя грезы, постоянно усиливавшіяся до той поры, когда я изнемогла послѣ свадьбы сестры, покинули постель полумертвой, и не возвратились, когда я опять поднялась на ноги весною 1858 года.

Мой организмъ былъ совершенно изнуренъ. Я опять сдѣлалась безстрастнымъ существомъ, какимъ была въ мои пражніе, счастливые годы, до начала болѣзни. Разница была одна: въ двѣнадцать лѣтъ я не имѣла страстныхъ волненій потому, что мое воображеніе не знало, мое тѣло не требовало физической любви; на двадцать пятомъ году моя фантазія, пресыщенная эротическими картинами, перестала воспроизводить ихъ, потому что уже не получала возбужденія отъ ослабѣвшаго тѣла.

Было время, когда она съ пламенною яркостью рисовала ихъ, потому что кровь горѣла во мнѣ; но никогда она не была виновна въ нихъ: никогда она не предупреждала, не вызывала страстныхъ пароксизмовъ: ея раздраженіе было

только слѣдствіемъ волненія, которое огнемъ охватывало мое тѣло безъ моей воли, безъ участія моей мысли.

Мое бѣдное тѣло было теперь истощено, и сладострастіе исчесло изъ моей фантазіи съ разрушеніемъ здоровья. Но если физическая потребность любви затихла, тѣмъ слышнѣе стало томленіе другой стороны того же чувства. Кровь моя была спокойна, сердце изнывало тоской одиночества.

Я горячо любила моихъ родныхъ; и они любили меня. Но я не была нужна никому изъ нихъ. Для матери я была только одною изъ двухъ дочерей; сынъ, хоть и жившій далеко, былъ ей важнѣе обѣихъ насъ; товарищъ всей ея жизни, старикъ мужъ, былъ товарищемъ всѣхъ ея мыслей. А сестра—что же значила я для нея, счастливой, любящей, молодой жены? — Она и Аркаша любили меня: отецъ и мать больше, чѣмъ любили: я была мила ихъ сердцу; но я не была нужна никому изъ нихъ.

Безразсудныя мысли! — но развѣ я сама не знала, что онѣ безразсудны? — Я не хотѣла имѣть ихъ, и никогда не вѣрила имъ.

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я, тайкомъ отъ нашихъ, была у Левандовскаго.—„Я думаю, докторъ, что и вы, какъ я, ошибались. Братъ угадалъ истинную причину моей болѣзни; это—скука. Я чувствую, что стала поправляться, какъ только онъ сказалъ, что беретъ меня съ собою въ Петербургъ. Я очень скучала здѣсь. Наше общество совершенно незанимательно для меня. Другою причиною было, что мои нервы ужасно раздражались тѣмъ, что живу съ сестрою. Въ Петербургѣ я не буду имѣть передъ глазами ничего, возбуждающаго зависть, и братъ живетъ въ обществѣ, которое состоитъ изъ такихъ людей, какъ вы и онъ,—съ которыми нескучно говорить. Я выздоровлю“.

— Я надѣюсь, что въ Петербургѣ ваши силы нѣсколько возстановятся, сказалъ онъ.—Но не думайте, что вы можете выздоровѣть. Вы могли бы выздоровѣть въ сорокъ пять лѣтъ. Но вы не достигнете этого возраста, если не измѣните вашъ образъ жизни. Новизна обстановки, занимательность общества нѣсколько развлекутъ васъ, уменьшатъ ваше изнуреніе; но это поведетъ лишь къ тому, что ваши страданія опять получатъ прежній характеръ, который отнятъ у нихъ только совершеннымъ упадкомъ силъ. Это и будетъ идти такими кругами: только мученіе, пока вы изнурена; едва силы сколько нибудь возстановляются, страданія принимаютъ горячій характеръ; онъ усиливается, пока вы опять совершенно изнемогаете. А между тѣмъ, разстройство все увеличивается и эта исторія не можетъ тянуться очень долго. Я не мать вамъ, и не имѣю власти надъ вами; но я предупреждаю васъ: мученія до самой смерти можетъ быть, къ вашему несчастью и не близкой, но неизбѣжно въ молодыхъ лѣтахъ—или слушайтесь медика.

Я заплакала.

— Докторъ, ваши слова ужасны. Семейство отречется отъ меня, общество будетъ презирать.

— Къ сожалѣнію, я не могу оспаривать ваше мнѣніе объ отношеніяхъ къ обществу и, за одною оговоркою, долженъ сказать, что раздѣляю ваши ожиданія относительно семейства. Но я не имѣю удовольствія знать вашего брата; очень возможно, что онъ не похожъ на вашу матушку. Вы позволите мнѣ видѣться съ нимъ?

— Ни за что! сказала я съ ужасомъ. Лучше умереть.

Я умоляла его, чтобъ онъ не видѣлся съ моимъ братомъ; онъ долженъ былъ дать мнѣ честное слово, потому что пожалѣлъ подвергать меня пароксизму.

Я думаю, что онъ далъ мнѣ слово только, чтобы обмануть меня. Но братъ никогда не говорилъ мнѣ ничего. Братъ не обращалъ вниманія на меня. Онъ не обратилъ вниманія ни на что, никогда... Я думаю, что братъ обманывалъ меня и въ томъ разговорѣ, когда предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Петербургъ... Братъ былъ добрѣе всѣхъ ко мнѣ: онъ одинъ спасъ меня и тогда, и послѣ.

Никакой надежды. Смерть или позоръ...

Смерть лучше...

Можетъ быть, я и осталась бы при этой мысли, если бы силы мои не начали возстановляться...

Я сказала, что путешествіе по Волгѣ укрѣпило меня до такой степени, что я могла, почти не опираясь на брата, взойти на подъемъ Тверской пристани.

Братъ былъ такъ добръ, что взялъ для меня два мѣста въ вагонѣ; поэтому я не была сильно утомлена желѣзною дорогою, и когда мы пріѣхали въ Петербургъ, я сама поднялась по лѣстницѣ цѣлые два этажа: я могла бы взойти и остальную половину, мнѣ только надобно было отдохнуть: но онъ взялъ меня на руки и понесъ, какъ ребенка: онъ очень силенъ; да и я такая худая.

Странное впечатлѣніе произвело на меня общество, съ которымъ я начала знакомиться. Я видѣла почти исключительно мужчинъ. Три молодыя дамы, которыя познакомились со мною черезъ своихъ мужей, знакомыхъ брата, навѣщали меня довольно часто, пока я почти безвыходно сидѣла дома; потомъ и я стала часто бывать у нихъ. Онѣ были очень добрыя и простыя, гораздо проще нашихъ, хотя стояли неизмѣримо выше ихъ по всему. Но ежедневное мое общество составляли пріятели брата, почти всѣ еще молодые люди, и одинокіе люди, какъ мой братъ. Меня удивляли въ нихъ двѣ вещи.

Можно было, кажется, быть знакомой съ ними цѣлые годы и не знать, какого званія кто изъ нихъ, дворянинъ или мѣщанинъ, имѣетъ ли довольно богатое помѣстье или учился на мѣдныя деньги. Всѣ были какъ будто равны по происхожденію и состоянію. Конечно, разницы по богатству и родству не могутъ быть забываемы въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣютъ важность. Но въ простомъ знакомствѣ онѣ вещь совершенно посторонняя, а отсутствіе празднаго любопытства дастъ обществу простоту и свободу. Еще удивительнѣе для меня было видѣть, что братъ и его близкіе знакомые имѣютъ искреннее расположеніе другъ къ другу; въ ихъ кругу не было ни злословія, ни зависти. Я увидѣла, что въ Петербургѣ люди менѣе мелочны и хитры, нежели въ провинціи. Правда и то, что это былъ избранный кругъ.

Благодаря тому, что я избавилась отъ всякихъ раздражающихъ впечатлѣній и стала имѣть пріятный отдыхъ, силы мои возстановлялись. Къ зимѣ я чувствовала себя уже довольно хорошо. Кромѣ часовъ жестокаго страданія, я уже была только слаба, но могла говорить, думать, интересоваться жизнью, какъ другіе люди.

Сначала вспомнивая предсказанія Левандовскаго, я почти пугалась того, что быстро поправляюсь. Но я была не расположена хандрить и постоянно занята.—

Мы перешли жить изъ комнатъ со столомъ и мебелью на отдѣльную квартиру, обзавелись своимъ хозяйствомъ. Оно поглощало у меня очень много времени, потому что я всегда любила заботы о порядкѣ и экономіи. Хорошей хозяйкѣ въ Петербургѣ два ли еще не больше хлопотъ, нежели въ провинціи. — Я много читала, но большей части серьезныя книги. Прежде онѣ почти не доходили до меня. У брата было много ихъ; и очень легко было получать всякія, какія только вздумаешь; а разговоры нашего дружескаго общества возбуждали желаніе узнать что-нибудь.— Почти всякій вечеръ у насъ бывалъ кто нибудь: каждый изъ хорошихъ знакомыхъ, если хотѣлось ему отдохнуть, шелъ поболтать со мною. Я полюбила этихъ простыхъ и честныхъ людей, они меня.—Я не скучала; а настроеніе моихъ мыслей было такое холодное, что я все рѣже и рѣже смущалась предсказаніемъ Левандовскаго и постепенно увѣрилась въ спокойствіи моего будущаго. Зимою я была ужь очень довольна своимъ здоровьемъ. Сравнительно съ другими, я, конечно, была очень плоха; а припадки истерики продолжали часто терзать мои бѣдные нервы. Но послѣ прежняго постояннаго страданія, что значило для меня помучиться нѣсколько часовъ разъ или два въ недѣлю?—а все остальное время я была очень удовлетворительна для самой себя и дѣлалась все удовлетворительнѣе. А между тѣмъ въ моихъ пароксизмахъ не было ничего, кромѣ простой боли; и кровь, и мысли оставались совершенно холодны. Медики напрасно приписываютъ себѣ всезнаніе, стала думать я:—остаюсь и останусь чужда прежнимъ волненіямъ.

Пришло лѣто 1859 года...

— Позвольте, я ошибся: это зачеркнуто. сказалъ Благодатскій, перевертывая страницу: что такое? Дальше бѣлые листы: повѣсть не кончена.

— Не кончена, сказала хозяйка.

— А скоро обѣщанъ конецъ? спросилъ опять Благодатскій.

— Она не хочетъ дописывать, сказала хозяйка.

— Гдѣ она живетъ?—Я съѣзжу къ ней, попрошу дописать: эта повѣсть годится для наполненія книжки за недостаткомъ лучшаго.

— Да мужъ говорилъ ей, что нельзя напечатать безъ конца. Она не согласилась дописать.

— Теперь вѣрю, что авторъ женщина, сказалъ Онуфріевъ: начало безъ конца, и хочетъ, чтобы напечатали.

— Не ей, а мнѣ хочется, чтобъ это напечатали: она очень понравилась мнѣ. Она и за это боится, что назовутъ безнравственнымъ, а дальше писать— никакъ не рѣшается.—Послушайте, Онуфріевъ, будьте милый: прибавьте окончаніе. Вы написали романы, которые всѣ хвалятъ.

Онуфріевъ засмѣялся.—Я не умѣю писать чужихъ повѣстей. Софья Васильевна.

— Ну, вотъ. Пожалуйста. Когда я прошу васъ.

— Не могу, Софья Васильевна; потому что не умѣлъ бы продолжать такъ разсудительно и хозяйственно. Любовь, увлеченіе, поэзія—этимъ извиняются ошибки женщины; но тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Болѣзнь и предписаніе медика не даютъ нравственнаго оправданія развязкѣ, которую легко предвидѣть.

— Я не думала, что вы такой моралистъ, Онуфріевъ. Если вы такъ строгъ, зачѣмъ же вы пишете романы? Пишите проповѣди.

— Нравственность можетъ быть забываема для поэзіи. Но я сказалъ: здѣсь нѣтъ поэзіи, потому нѣтъ извиненія.

Хозяйка перемѣнила разговоръ. Она была, очевидно, въ неудовольствіи на Онуфріева и сдѣлалась очень суха съ нимъ. Потомъ стала говорить исключительно съ кузиною и сестрою. Благодатскій всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько времени Онуфріевъ послѣдовалъ его примѣру.—Тогда Благодатскій возвратился.

— Благодатскій, зачѣмъ вы расхваливали его послѣдній романъ?—Я читала: скучно. Я думала: вѣрно, не понимаю. Но вотъ я поговорила съ нимъ и вижу: онъ глупъ. Вы виноваты, Благодатскій: зачѣмъ хвалили его, и ввели меня въ такую ошибку. Начать читать при немъ, и просить, чтобъ онъ дописалъ. — За это вы должны самъ дописать.

— Извините, Софья Васильевна. Только я не умѣю придумывать ни происшествій, ни лицъ. Вы скажите мнѣ, что написать, я и напишу.

— Хорошо. Я все знаю, что дальше.

— Но прежде дочитаемъ, что тутъ зачеркнуто: еще довольно много.

— Тутъ о дуэтѣ; я сказала бы это въ двухъ словахъ, а у ней длинно. Но все равно, пожалуй, читайте.

Благодатскій опять раскрылъ тетрадь и сталъ читать:

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пришло лѣто 1859 года. Мы жили на дачѣ. Я была уже такъ сильна, что могла полчаса гулять по парку, не очень уставая.

Мы составляли маленькую колонію: черезъ нѣсколько дачъ отъ насъ поселился Озерецкій; еще одною дачею дальше Аносовъ. Это были товарищи брата по занятіямъ, самые короткіе наши пріятели; я очень любила ихъ обоихъ.—Теперь, на половину дней, они обѣдали у насъ.

Рядомъ съ нами была богатая дача. Въ семействѣ, занимавшемъ ее, было три дѣвушки, всѣ три хорошія музыкантши. Онѣ очень много пѣли и играли, даже и въ то время, когда бывали однѣ. Но рѣшительно каждый вечеръ у нихъ собирались гости и по вечерамъ уже непремѣнно бывала музыка. Это было очень пріятное для меня сосѣдство. Но случалось, они и надоѣдали мнѣ своею музыкою. Не всегда же бываетъ охота слушать ее, какъ бы ни любилъ.

Однажды я читала послѣ обѣда. На сосѣдней дачѣ началась музыка. Старшая изъ сестеръ пѣла дуэтъ съ однимъ изъ постоянныхъ своихъ гостей, котораго называли ея женихомъ. Мнѣ хотѣлось читать, они развлекали меня. Я немножко посердилась на нихъ, и вздумала, что все къ лучшему: безъ нихъ я потеряла бы въ комнатѣ прекрасный вечеръ: пойду въ паркъ.

Я прошла съ версту, устала и сѣла на скамью отдохнуть. Сидѣла, думала, задумывалась и загрустила... Не въ первый и не въ десятый разъ я слышала съ сосѣдней дачи дуэты, тріо, и никогда мои молодыя сосѣдки и ихъ женихи или поклонники не заставляли меня вспоминать, что и я женщина...

И теперь, когда я шла по парку, когда садилась на скамью, я думала о вещахъ, вовсе не романическихъ. Братъ съ утра отправился въ городъ, смо-

трѣть квартиры. Завтра мы съ нимъ поѣдемъ взглянуть, понравится ли и мнѣ та, которую онъ выберетъ. Кстати, я заѣду въ Гостиный Дворъ сдѣлать маленькія покупки. Только ли маленькія? — Есть одна очень мудреная. Аносовъ, обѣдавшій нынѣ со мною, просилъ, когда поѣду въ городъ, купить чего нибудь рублей на тридцать: онъ хочетъ послать небольшой подарокъ своей матери. — „Чего же купить?" — „Сама вздумайте, Лизавета Арсеньевна: чѣмъ ей лучше угодишь". — „Чѣмъ же? — Вы скажите". — „Вы знаете ее по моимъ разсказамъ, вы лучше придумаете". — „Вотъ люди. Всегда хотятъ сваливать отвѣтъ на чужія плечи. Не понравится ей, тогда я виновата". — „А какъ же иначе жить на свѣтѣ, Лизавета Арсеньевна?" — „Чтожь купить ей? Разумѣется на платье". — „Купите на платье, если вамъ такъ угодно: я не отвѣчаю". — „На платье. Но чего же?" — „Чего хотите" и отказался говорить. — Что я выберу ей? Купить ли шелковой матеріи на одно платье или, лучше, два шерстяныя? — Съ этими мыслями я сѣла на скамью и продолжала думать. Я вспоминала, что слышала отъ Аносова о вкусахъ его матери: — ничего: о ея привычкахъ, ея характерѣ? — очень много: — вспоминая, вспоминая, я нашла черту, которая рѣшила мой выборъ. Ей пятьдесятъ пять лѣтъ, но она еще свѣжая, моложавая женщина и не потеряла охоты наряжаться. Поэтому, безъ малѣйшаго сомнѣнія, лучше послать ей шелковую матерію и даже не темнаго цвѣта: сѣренькій или голубой больше понравится ей... Пятьдесятъ пять лѣтъ и еще свѣжая, почти молодая женщина... А я? — прошла версту и сажусь отдыхать... Здоровье, здоровье! Гдѣ мое здоровье?...

— Продолжайте теперь, Софья Васильевна, что она говорила вамъ дальше, сказалъ Благодатскій, положивъ тетрадь.

— Она стала грустить о своемъ потерянномъ здоровьѣ, вспоминать, какъ проходила ея бѣдная жизнь: ни одной своей радости. Такъ ли живутъ другія? Ей стало думаться, какъ весело идетъ жизнь ея сосѣдокъ: видно, что всѣ три заинтересованы кѣмъ нибудь, любятъ, любимы. А она, бѣдная? — Ей сдѣлалось такъ грустно, что она стала плакать. Очень много плакала: почувствовала, что съ нею начинается истерика. Пошла поскорѣе домой. И возобновилось то, что предсказывалъ ей Левандовскій.

Но — продолжала хозяйка пересказывать слова новой знакомой, которая понравилась ей: — но, говоритъ она, эти грезы ея очень разнились отъ прежнихъ, какія были во время свадьбы ея сестры. Тогда ей было некого представлять себѣ въ своихъ больныхъ мечтахъ: ей грезилось не то, что знакомые люди, а какъ это называется, Благодатскій? — фантомы? — Богъ знаетъ какое лицо и довольно неопредѣленныя черты. Разумѣется, кого жъ бы она тогда стала представлять себѣ? Этотъ Аркаша, какъ она зоветъ его, былъ ей все равно, что братъ и, кромѣ того, женихъ ея сестры, а изъ остальныхъ никто не нравился ей: все пошлые, съ дурными манерами, необразованные, глупые, противные. А теперь, ей сталъ грезиться Озерецкій.

Если бы вы знали, какъ мнѣ было стыдно, что я думаю объ Озерецкомъ, говоритъ она. Лучше бы думать обо всякомъ другомъ. Какъ же, Благодатскій, не такъ? — Должно быть, правда. Какія же были между ними отношенія? Самыя дружескія, безцеремонныя: все равно, какъ будто они родные. Мнѣ было ужасно

совѣстно передъ собою, что и дружба къ нему не отгоняетъ у меня такихъ мыслей о немъ, говоритъ она: и хоть бы когда-нибудь прежде онъ сказалъ мнѣ какую-нибудь любезность!—О ней самой, разумѣется, нечего и говорить, Благодатскій. А тутъ, вотъ что!—Мнѣ, говоритъ, казалось, будто я измѣняю ему, предательница: онъ думаетъ о ней такъ хорошо, а она видитъ его въ своихъ мечтахъ.

Но, говоритъ она, я долго скрывала; а онъ ничего и не предполагалъ. Еще бы, Благодатскій!—когда она была такая солидная и они были между собою хороши, вотъ какъ мы съ вами! Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что я стала бы мечтать о васъ, или вы обо мнѣ —хорошо бы это было? Да и могло бы, напримѣръ, прійти вамъ въ голову, если бы я... да нѣтъ, нѣтъ, я не гожусь въ примѣръ: я не такая,—а вотъ, Леночка вдругъ стала бы мечтать о васъ,—каково бъ это было? — и могло ли бы это прійти вамъ въ голову?

А между тѣмъ, это продолжалось и все усиливалось. Наконецъ, ей стало думаться: не выдержу я этого; скоро опять свалюсь, какъ въ тотъ разъ. А тогда она передъ тѣмъ, какъ слегла, была очень сильная, крѣпкая; теперь какая жь сила была у нея, когда она должна была садиться отдыхать, прошедши версту?— Она стала думать: въ этотъ разъ я не перенесу. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ жь бы перенести, когда едва перенесла и тогда? Она стала думать: за что жь я умру?— Разумѣется, не хотѣлось умирать. Все плакала, а это еще больше разстраивало ее, припадки дѣлались чаще, сильнѣе. По цѣлымъ днямъ терпѣла адское мученье.

Но, говоритъ, все таки у меня было твердое рѣшеніе: лучше умру.

Знаете, Благодатскій, она, точно, вовсе не красавица, но лицо очень милое. Я спрашивала ее: а въ этотъ разъ вы не подурнѣли, какъ тогда?—Она ничего не говоритъ. Но, конечно, отчего жь ей было подурнѣть въ этотъ разъ? Тогда у нея была сила; поэтому были и красныя пятна на лицѣ. А тутъ, какія ужь пятна!— Я думаю, была блѣдная и очень интересная.

Такъ она все и думала: лучше умру. А братъ и всѣ ничего не предполагали. Только видѣли, что она стала очень больная и хилая. Знаете, когда братъ пожилъ съ нею годъ и увидѣлъ, какая она всегда солидная и холодная, то совершенно повѣрилъ словамъ матери, что она больна вовсе не отъ той причины, которую онъ полагалъ сначала, когда не видѣлъ ея. Онъ совершенно не догадывался и говорилъ ей: „удивительно, какъ любишь ты своихъ. Ты хилѣешь оттого, что соскучилась о матери, сестрѣ. Надолго я не отпущу тебя къ нимъ, потому что у нихъ опять одолѣетъ тебя тоска. Но съѣзди на мѣсяцъ, когда установится зимняя дорога“. Онъ говорилъ о зимней дорогѣ потому, что была уже осень, когда стали замѣчать, что мое здоровье опять становится хуже.—Видите, если онъ прежде и думалъ что нибудь, то, поживши съ нею, бросилъ и воображать, что у нея могутъ быть другія чувства, кромѣ привязанности къ роднымъ. Такая солидная и прекрасная была она, или прозаическая, по выраженію вашего Онуфріева. Я не прощу вамъ, Благодатскій, что вы такъ расхвалили его романъ и навели этимъ меня на мысль начать читать, когда онъ пріѣхалъ: будто онъ съумѣлъ бы, еслибъ и согласился, досказать какъ слѣдуетъ, когда такъ глупъ?

— Но его романъ хорошъ, сказалъ Благодатскій.

— Никогда не стану вѣрить вамъ. Я читала: страшная скука. Думала: не понимаю.

— Чѣмъ бранить Благодатскаго, лучше досказывай, сказала сестра хозяйки.

— Нельзя не бранить его, Леночка.—Я сказала, какъ разсуждалъ ея братъ. А она—чтожь оставалось ей?—она думала, придетъ зима, поѣду къ роднымъ; только не за тѣмъ, чтобы вернуться въ Петербургъ. Мнѣ ужь недолго жить. Тамъ, по крайней мѣрѣ, нельзя мнѣ будетъ мучиться тою мыслью, что могу спастись, если захочу. Это все же легче, когда нѣтъ и возможности имѣть другія мысли, кромѣ тѣхъ, какія должно имѣть, и когда чувствуешь, что погибаешь не отъ своей воли.—И правда: тамъ ей было бы не о комъ думать и легче было бъ умирать. А она видѣла, что ей надо ждать смерти. Въ тотъ разъ, когда она лежала зиму послѣ свадьбы сестры, съ нею не бывало, чтобы разстройство доходило до этихъ припадковъ, которые похожи на летаргію,—знаете, когда больная лежитъ какъ будто уснувши отъ хлороформа и не чувствуетъ боли, хоть рѣжьте, хоть жгите; какъ это называется, Благодатскій?—она сказывала, да я забыла.

— Каталепсія.

— Такъ. Прежде, даже и въ самое время кризиса, у ней не бывало каталепсіи, а теперь она еще ходила, не слегла, а ужь бывала каталепсія. Что жь будетъ, когда въ этотъ разъ болѣзнь дойдетъ до полной силы? Понятно, тутъ нечего было ей надѣяться, что перенесетъ. А пока припадокъ истерики доходитъ до этой каталепсіи, сколько надобно выстрадать!—Какова должна быть боль, чтобы довести до такого онѣмѣнія.

Разумѣется, грезы, какъ она ихъ называетъ, не могли быть очень горячи при такомъ страданіи. Онѣ стали бывать у нея съ лѣта, какъ она и сказала тамъ, въ концѣ; но, говоритъ она, онѣ были слабы, если сравнить ихъ съ прежними, какія бывали передъ свадьбой сестры; и сначала, съ лѣта, до половины осени, усиливались понемножку, а потомъ стали ослабѣвать, между тѣмъ, какъ припадки дѣлались все жесточе. Видно, что у нея, бѣдняжки, силы было ужь очень мало. Куда тутъ горѣть да пылать!—не съ чего.

Но, говоритъ она, чѣмъ меньше я становилась подвержена страстному чувству, тѣмъ больше думала о своемъ образѣ жизни; и уже совершенно хладнокровно, разсудительно. Не хотѣлось умирать. Но, говоритъ, все стыдилась того, что противъ воли жалѣю о жизни, что противъ воли мнѣ хочется быть здоровою. Такая бѣдная она, все осуждала себя. Поэтому-то, главнымъ образомъ, она и не хочетъ продолжать то, что начала писать; говоритъ: „пришлось бы писать эти мысли, а я боюсь, что онѣ нехороши“. Если бы вы посмотрѣли на нее, Благодатскій, она понравилась бы и вамъ. Вы знаете, я терпѣть не могу ученыхъ дамъ или барышень. А она мнѣ понравилась: простая.

— Но вы будете знакомы съ нею; познакомлюсь и я.

— Должно быть, что буду. А, впрочемъ, не знаю: что мнѣ съ нею дѣлать?—слишкомъ смирна. Положимъ, она мнѣ нравится; но она не пара мнѣ. Познакомьтесь вы самъ: будете разсуждать о своихъ разныхъ „вопросахъ“, какъ вы ихъ называете. Вотъ, когда допишете, повезите ей корректуры.

— Хорошо. Досказывайте же.

Хозяйка продолжала.

Когда она, бѣдная, думала о томъ, что не хочется ей умирать, она тоже, какъ и въ грезахъ, которыхъ у нея почти ужь и не было, думала объ Озерец-

комъ. Но это вовсе не было похоже на то, чтобъ она была хоть сколько нибудь влюблена въ него: помилуйте, у нея вовсе не такой характеръ, чтобы сходить съ ума. А онъ нехорошъ собою и не нравился ей лицомъ. А главное, у нихъ ужь давно были такія отношенія, что и очень глупы были бы какіе нибудь романтизмы: свой человѣкъ, она держитъ себя съ нимъ запросто: какія тутъ влюбленности? — все равно, вотъ какъ мы съ вами.—Почему-жь, я говорю, вы думали о немъ, когда онъ не нравился вамъ лицомъ?—„Не знаю“, говоритъ, „почему; развѣ только потому, что онъ былъ очень добрый и скромный, очень тихій“.—Я думаю, Благодатскій, что именно поэтому: очень смирный. Да еще бъ онъ не былъ скромный, когда она всегда держала себя строго и холодно, а онъ былъ совсѣмъ юноша: двадцать три года, тремя годами моложе ея. Не то, что сказать ей какой нибудь комплиментъ, онъ даже побаивался ея. Впрочемъ, Благодатскій, хоть онъ и былъ очень смирный, но вовсе не глупый: напротивъ. И занимался. Былъ учитель не знаю гдѣ-то и ему хотѣлось получить мѣсто въ какомъ нибудь университетѣ. Выдержалъ экзаменъ; какой это? магистерскій?—да, такъ. Узналъ въ ту осень, что есть вакансія въ Кіевѣ или тамъ гдѣ-то, не помню, и подалъ просьбу.

Такъ вотъ, Благодатскій, она все и думала: лучше умру. А братъ ничего не замѣчалъ, а Озерецкій тѣмъ меньше.

Только однажды,—это было ужь поздно осенью—сидитъ она и думаетъ: зачѣмъ я страдаю? зачѣмъ я умру? Не отъ меня ли зависитъ? Кому будетъ вредъ?—Нѣтъ, лучше умру. Ей думалось это особенно сильно, потому что ночью былъ съ нею ужасный припадокъ и безъ всякихъ грезъ—куда ужь!—и къ утру сдѣлалась—какъ вы назвали?—каталепсія?—да, такъ. Разумѣется, братъ возился съ нею: къ обѣду прошло. Вотъ, послѣ обѣда, она сидитъ и думаетъ. Въ это время входитъ Озерецкій.—„А что, Лизавета Арсеньевна, не сказывалъ вамъ Григорій Арсеньичъ“ — это ея братъ, вы помните—„не сказывалъ вамъ Григорій Арсеньичъ, скоро онъ пріѣдетъ домой?“.—Кухарка, когда отворяла ему, сказала, что Григорія Арсеньича нѣтъ дома.—Она отвѣчаетъ, что братъ сказалъ: „если не вернусь въ восемь часовъ, значитъ, проѣхалъ къ Иванову“, или Федорову какому нибудь, къ какому-то ихъ знакомому,—„и оттуда проѣду ужь прямо къ Аносову, не заѣзжая домой“.—Вы помните, Аносовъ—это другой самый близкій ихъ пріятель. У Аносова въ тотъ вечеръ должны были собраться знакомые.—Озерецкій посмотрѣлъ на часы и говоритъ: „Ужь семь. Я подожду его, Лизавета Арсеньевна, потому что мнѣ надобно видѣть его. А къ Аносову не поѣду: у него засидишься до трехъ часовъ, а у меня завтра урокъ въ девять, надо встать въ седьмомъ, пересмотрѣть ученическія тетради, самому немножко приготовиться. Если не дождусь теперь, то ужь нечего дѣлать, зайду завтра. А надобно бы видѣть нынѣ. Подожду“.—Она почувствовала какъ будто испугъ и въ то время, какъ только услышала его голосъ въ передней, а при этихъ словахъ: „я подожду здѣсь“ она затосковала. Но что жь отвѣчать? Не показать же, что ей страшно. Да она и была увѣрена въ себѣ. Онъ, разумѣется, ничего не замѣчаетъ: чего замѣчать? Сколько вечеровъ онъ сидѣлъ съ нею. Начинаютъ говорить: ея страхъ сталъ вовсе проходить. Думаетъ: какъ не стыдно было испугаться за себя? Будто въ самомъ дѣлѣ я безразсудная и не могу владѣть собою?—Вдругъ, входитъ кухарка,—а у нихъ вся прислуга была одна кухарка: ихъ

только двое съ братомъ; и притомъ же, она сама и пыль смететъ вездѣ, и окна вытретъ; она даже находила удовольствіе въ этомъ: привыкла, да и отъ природы заботливая о порядкѣ, хлопотунья. — Вотъ, я говорю, они сидятъ себѣ, и она было успокоилась, но входитъ кухарка: „Лизавета Арсеньевна, я поставила самоваръ; прикажите подать, хоть немножко и рано, и отпустили бы меня, я попросилась бы у васъ: кума именинница, звала“. — Тутъ она опять встревожилась. Но какъ и отказать? — Всегда отпускала по вечерамъ безъ огговорокъ: почему же не хочетъ теперь? Что подумаютъ?— „Боится“. Но все таки чувствуетъ, что лучше не отпускать: слишкомъ страшно ей за себя. Сказала: „нѣтъ, подождемъ брата пить чай, и не уходи“. Кухарка пріучена не къ тому, пристаетъ: милая барышня, добрая барышня, отпустите!—И Озерецкій тоже: „Что это, какая немилостивая вы, Лизавета Арсенье вна?—Если пріѣдетъ Григорій Арсеньичъ, то не въ первый разъ ему будетъ самому принести самоваръ на столъ, а не пріѣдетъ, я принесу. Отпустите ее“.—Она и побоялась не согласиться: знаете, когда мысли смущены, то человѣкъ все опасается, какъ бы не подать повода къ подозрѣнію. И опять ей стало стыдно за себя: что это будто у нея нѣтъ характера? Чего она тревожится? — „Хорошо, иди“, и встала, чтобы запереть кухонную дверь за нею. — Озерецкій говоритъ: „Позвольте, Лизавета Арсеньевна, чтожь вамъ безпокоиться? Я могу пойти, запереть; слава Богу, не гость“ и пошелъ выпустить кухарку. Когда щелкнулъ ключъ, въ груди у бѣдненькой стукнуло и будто охватило ее огнемъ, но тотчасъ же она подумала: „что это, даже смѣшно такъ опасаться за себя“.—Онъ вернулся, проводивши кухарку; разумѣется, ничего не замѣчаетъ: помилуйте, съ чего жь бы ему вообразилось?—разговариваютъ; она стала опять ободряться, думать: какъ не стыдно мнѣ быть неувѣренной въ себѣ?—но вотъ: разъ, два, три... бьютъ часы; какъ зазвенѣло это: разъ!.. ее бросило въ тоску, въ ужасъ: она знаетъ, это восемь часовъ! — братъ не пріѣдетъ!—А Озерецкій: „Григорій Арсеньичъ, должно быть, не пріѣдетъ.—Да что это, Лизавета Арсеньевна, какъ вы стали хила? Вздрогнули и поблѣднѣли оттого, что бьютъ часы! Когда жь это бывало съ вами?“ — и начинаетъ жалѣть о ней, распрашивать не имѣетъ ли она какихъ нибудь огорченій, что опять разстраивается ея здоровье, которое начинало поправляться; упрекаетъ ея брата, зачѣмъ онъ не убѣждаетъ ее посовѣтоваться съ медиками; все говоритъ о ея болѣзни, и не воображая, въ чемъ ея болѣзнь, и отчего: помилуйте, кто же не видѣлъ, какая она холодная, какъ она благоразумна?—Она слушаетъ, старается отклонить его отъ этихъ распросовъ и сожалѣній, — онъ, конечно, не понимаетъ ничего и все толкуетъ свое: говоритъ съ искреннимъ участіемъ; а у нея, бѣдняжки, тоскуетъ сердце, онъ не даетъ ей отвлечься отъ мысли: „умру; зачѣмъ? кому былъ бы вредъ?“ — и его участіе трогаетъ ее... готова расплакаться; но знаетъ, что это не годится для нея: доведетъ до истерики, тогда разсудокъ можетъ измѣнить. Остается совершенно тверда: „лучше умру!“ — „Взгляните, пожалуйста, Павелъ Иванычъ, что съ нашимъ самоваромъ? — если не погасъ, несите: будемъ пить чай; я чувствую себя нѣсколько усталою, и хочу поскорѣе уснуть“.—Онъ говоритъ, что если она утомлена, то и надобно пораньше лечь спать. Ушелъ въ кухню; возится съ самоваромъ, — вошелъ, смѣется: „не браните меня, что я буду хлопотать съ нимъ долго: онъ совсѣмъ погасъ, а я давно не ставилъ, раз-

учился". Опять ушелъ въ кухню, возится тамъ, и довольно долго: разумѣется, не умѣетъ. Она сидитъ одна; сначала еще довольно умна, но чѣмъ дольше остается одна, тѣмъ печальнѣе становится, бѣдная: не хочется умирать; навертываются слезы. — Слышитъ: онъ несетъ самоваръ на столъ въ залъ, отпираетъ буфетъ, вынимаетъ чашки, чайницу, все это; разумѣется, свой. А она сидитъ въ комнатѣ у себя, думаетъ: „онъ уйдетъ, я должна буду умереть", и заплакала. — Но отерла слезы, пошла въ залъ къ нему. — Пьютъ чай и говорятъ. Онъ выпилъ одинъ стаканъ, всталъ: „Прощайте, Лизавета Арсеньевна". — Она рада, что онъ уходитъ; подала ему руку: „прощайте, Павелъ Иванычъ", но зарыдала и бросилась въ свою комнату. Онъ пошелъ за нею: „Что такое съ вами, Лизавета Арсеньевна? Вамъ дурно?" — „Нѣтъ, это ничего", говоритъ она: — „Не тревожьтесь, Павелъ Иванычъ; идите; я лягу и засну". — „Помилуйте, Лизавета Арсеньевна, какъ же я брошу васъ одну? Вы ужь и прежде говорили, что чувствуете себя нехорошо". — Она и хочетъ перестать плакать, но не можетъ; а все только говоритъ: „Не тревожьтесь, это ничего; пожалуйста, уйдите, оставьте меня одну: не бойтесь". — „Вы говорите, Лизавета Арсеньевна, что хотите прилечь, чтобы заснуть; это дѣйствительно лучше всего. Но бросить васъ одну я боюсь. И опять же, прійдетъ кухарка, вамъ надобно будетъ проснуться, впустить ее. Зачѣмъ же такъ? Я уйду въ кабинетъ Григорія Арсеньича, подожду, пока онъ придетъ, буду читать. А вы почивайте. Совсѣмъ уйти не могу: нельзя бросить васъ одну". — Конечно, онъ не могъ послушаться: какъ бросить ее? — Ушелъ въ кабинетъ брата. — Чѣмъ дольше, тѣмъ тосклившѣе мучитъ ее жалость о жизни. Но все тверда. Думаетъ: „умру; умру; за что, зачѣмъ умирать? кому же будетъ вредъ? — Нѣтъ, лучше умру! — Бьетъ десять часовъ, она все плачетъ, плачетъ: лучше умру! Если бы поскорѣе вернулась кухарка! лучше умру! — Грудь у нея начинаетъ надрываться; она прижимаетъ къ губамъ платокъ, чтобы не было слышно Озерецкому, но иногда уже не можетъ она удержать грудь, чтобы не всхлипывать, — Видитъ, что съ нею начинаетъ дѣлаться дурно, что скоро начнетъ стонать. — „Если бы скорѣе вернулась кухарка! Лучше умру! — успокоюсь и пойду скажу ему, что прошло, пусть уйдетъ". — Но посмотрѣла въ зеркало, нельзя идти къ нему: щеки, всегда блѣдныя, стали румяныя, оттого, что много плакала: и не можетъ отнять платокъ отъ губъ: какъ переводить духъ, такъ и слышно стонъ, потому что грудь сильно ломитъ. — „Лучше буду ждать, пока придетъ кухарка; теперь ужь скоро она должна прійти". — А сама зажимаетъ губы платкомъ, чтобы не слышно было какъ стонетъ: „она придетъ, а я должна умереть!" — „Она скоро придетъ, и я должна умереть!" — и недостало у нея силы, вырвался стонъ. Она страшно испугалась: „онъ услышалъ, онъ идетъ!" — бросилась къ своей двери запереться, а онъ въ эту минуту уже входитъ, и она упала ему на шею: „умру! умру! лучше умереть!" а сама обняла его и цѣлуетъ, и все плачетъ: „уйдите, оставьте меня! Лучше умереть! — стонетъ, обнимаетъ, душитъ его: „умру! умру!"

Знаете, Благодатскій, онъ былъ юноша; а она интересная, миленькая. Сама не помнитъ, что дѣлаетъ, рыдаетъ и жмется къ его груди, цѣлуетъ, вся горитъ. И у него мысли спутались.

И она, и онъ опомнились уже отъ страшнаго стука въ дверь. Оба совершенно растерялись. Онъ побѣжалъ въ кухню, отворить. Кухарка входитъ встревоженная: „Что такое, батюшка Павелъ Иванычъ? Не дурно ли съ Лизаветою

Арсеньевною? Я звонила, звонила, не дозвонилась, оборвала звонокъ.“ — „Да, съ Лизаветою Арсеньевною дурно; иди скорѣе къ ней, ухаживать за нею;“ — совсѣмъ потерялъ соображеніе: прибѣжалъ изъ кухни въ залъ, схватилъ свою шляпу и ушелъ.—Кухарка входитъ къ ней, спрашиваетъ, что такое было съ нею, не такъ ли же дурно, какъ вчера, бранитъ себя за то, что уходила.—Она сказала, что теперь ничего, и отослала, кухарку спать.

Оставшись одна, она все плакала, но тихо, спокойно; и заснула со слезами. Во снѣ ей представлялись ея родные: сестра, отецъ, особенно мать. Сестра и отецъ говорили: „мы никакъ не ожидали, чтобъ она стала такая дурная“: когда она входила, они отвертывались отъ нея. Мать говорила: „Ты не дочь мнѣ. Мы всѣ отрекаемся отъ тебя“. Она бросилась на колѣна, умоляла простить. Мать прогоняла ее.

Но поутру она умѣла казаться совершенно спокойною передъ братомъ. Онъ, разумѣется, и не воображалъ ничего. Пили чай, говорили какъ обыкновенно. Въ это время звонокъ. Входитъ кухарка, подаетъ брату письмо. Онъ взглянулъ на адресъ: „Отъ Озерецкаго.“ — Пробѣжавши письмо, подалъ ей. Озерецкій просилъ его сказать ей, что проситъ ея руки. Она отдала мнѣ это письмо. Когда будете печатать, возьмете его у меня,—прибавила хозяйка Благодатскому.

Вотъ письмо Озерецкаго:

„Вы должны были давно видѣть, какъ сильно расположенъ я къ Лизаветѣ Арсеньевнѣ. Вчера я пріѣзжалъ за тѣмъ, чтобы сказать ей это,—и не сказалъ. И теперь не рѣшаюсь, не умѣю писать прямо къ ней. Будьте вы, Григорій Арсеньевичъ, моимъ адвокатомъ передъ нею. П. Озерецкій.

— Я думаю, что очень мало такихъ благородныхъ людей, какъ Озерецкій, замѣтила сестра хозяйки.

Когда она прочла письмо, —продолжала хозяйка свой разсказъ,—братъ говоритъ ей: „Это правда; онъ всегда былъ расположенъ къ тебѣ; такъ что я, хоть вовсе и не ждалъ этого, но нисколько не удивленъ.“ — „И я тоже не удивлена“, говоритъ она брату: — „Я напишу ему, что онъ дѣлаетъ совершенно юношескую глупость. Напиши и ты, что я нисколько не сержусь, и чтобъ онъ не вздумалъ огорчаться“.—Она отдала мнѣ и свое письмо къ нему, — прибавила хозяйка Благодатскому:—Вы возьмете, когда будете печатать.

Вотъ ея отвѣтъ Озерецкому:

„Благодарю васъ, добрый Павелъ Ивановичъ. Но мнѣ двадцать седьмой годъ, вамъ—двадцать четвертый. И была ли у васъ когда нибудь мысль жениться на мнѣ?—Я не такая злая, чтобы согласилась губить васъ.

„Я очень страдала, добрый Павелъ Иванычъ, и должна была ждать смерти. Поэтому вы не осудите меня за то, что мнѣ часто приходили мысли, которыхъ я сама стыдилась. Я думала: зачѣмъ терпѣть такія мученія? и за что я умру? Не должна ли я перемѣнить образъ жизни?—Но я никогда не хотѣла. Лучше я хотѣла умереть. И сама не знаю, рада ли я, или опечалена, что измѣнила своему рѣшенію.

„Вы никогда не нравились мнѣ. Да и давно прошла для меня пора влюбляться. Но вы были самымъ близкимъ другомъ моего брата: и вы знаете, что я имѣла очень большое расположеніе къ вамъ. Поэтому, когда овладѣвали мною больныя мысли, я думала о васъ. О васъ я думала и тогда, когда спокойно раз-

суждала, что перемѣна образа жизни избавитъ меня отъ мученій и отвратитъ смерть. Но я никогда не думала о замужествѣ: у меня не такое дурное сердце, чтобъ я могла хотѣть портить чужую жизнь для спасенія своей.

„Я понимала, что, при невозможности замужества, перемѣна образа жизни ведетъ за собою много горькаго, обиднаго. Но на это была моя воля. Или, если не моя воля, то все же я сама подвергла себя судьбѣ, которой боялась. Вы тутъ не виноватъ, и я не могу допустить, чтобы совѣсть упрекала меня въ эгоизмѣ. Всякія другія непріятности гораздо легче для меня, нежели дурное мнѣніе о собственномъ сердцѣ“.

— Она и благородная, и умная дѣвушка, — сказала сестра хозяйки: — онъ сталъ бы раскаяваться. Нѣтъ ничего хуже неблагоразумнаго замужества.

Она взяла письмо брата, вложила въ свое, послала, — продолжала хозяйка свой разсказъ. — Само собою, и братъ разсудилъ, что она поступила умно, отказавши Озерецкому; это было тѣмъ легче для брата, что онъ все еще и не воображалъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, чему тутъ было удивляться, что юноша имѣлъ глупость влюбиться въ дѣвушку, съ которою очень друженъ? Брату казалось даже, что если-бъ онъ вздумалъ замѣчать прежде, то давно видѣлъ бы, что Озерецкій влюбленъ въ его сестру. — Братъ уѣхалъ по дѣламъ: потомъ они обѣдали: попрежнему ничего особеннаго въ мысляхъ брата. Послѣ обѣда она ушла въ свою комнату: братъ, какъ обыкновенно, сталъ работать. Черезъ часъ она слышитъ, братъ идетъ къ ней: „Лиза, я ухожу; къ чаю ворочусь“. — Хорошо. Пріѣхалъ: пили чай; ничего со стороны брата. Рано поутру на другой день кухарка будитъ ее: „Лизавета Арсеньевна, братецъ просятъ васъ встать“. — Что такое? Тутъ она встревожилась. Идетъ къ брату: „Что ты, Гриша, велѣлъ разбудить меня?“ — Онъ, противъ обыкновенія, поцѣловалъ ее, и говоритъ: „Я вздумалъ перемѣнить квартиру, Лиза; и ужь нанялъ. Сейчасъ пріѣдутъ извозчики. Укладывайся къ перевозкѣ“. — Тутъ она поняла, что онъ знаетъ; заплакала, бѣдняжка. Но онъ принялъ недовольный видъ и сухо говоритъ: „Тамъ у насъ будетъ другая кухарка: эту я отпущу. Пока еще ничего не говорилъ ей, а тебѣ тѣмъ меньше надобности говорить съ нею. Я скажу ей, когда поѣдемъ на ту квартиру“. — Она опять заплакала, но не можетъ ничего сказать ему. — „Лучше укладывай-ка вещи, Лиза“, тоже сухо сказалъ братъ. Послѣ этого у нихъ не было никакого разговора. — Разумѣется, кухарка догадалась тогда, увидѣвши Озерецкаго такимъ растерявшимся, и донесла брату, когда онъ послѣ обѣда оставался одинъ.

— Я думаю, что не очень много на свѣтѣ такихъ благородныхъ братьевъ, замѣтила сестра хозяйки.

— Вотъ вамъ и вся исторія, Благодатскій, — сказала хозяйка. — Теперь можно будетъ напечатать, если вы припишете къ ея повѣсти то, что я разсказала?

— Можно.

— Ну, я очень рада. А взгляните, сколько часовъ: нельзя ли подать закуску; этотъ вашъ Онуфріевъ, — ахъ, какой болванъ! — Я думаю, надоѣлъ мужу. Да и некогда мужу говорить съ дураками.

— Одиннадцать, сказалъ Благодатскій.

— Рано; но все равно, чтобъ избавить мужа отъ него. Идемъ.

Всѣ трое пошли въ столовую готовить, или помогать готовить закуску.

— Да, мы совсѣмъ и забыли, Благодатскій: у ея повѣсти нѣтъ заглавія; надо придумать.

— Ты говоришь, она скромная, смирная,—сказала сестра хозяйки: поэтому не назвать ли повѣсть: „Тихій голосъ?“

— Назовемъ, сказала хозяйка.—Нравится вамъ, Благодатскій?

— Ничего, годится.

— Я могу полюбопытствовать и спросить: чѣмъ будетъ кончаться разсказъ, который остался не дописанъ авторомъ?—обратился Онуфріевъ къ хозяйкѣ, когда они закусывали.

— Я не умѣю говорить поэтически, сказала хозяйка.

— Развязка—та самая, какую вы предвидѣли, сказалъ Благодатскій: Эта бѣдная дѣвушка наконецъ утомилась мученіемъ и, подъ вліяніемъ страха приближавшейся смерти, перемѣнила образъ жизни.

— Она выдержала характеръ? бросилась въ объятія мужчины не по увлеченію, а отъ физическаго страданія и страха смерти?—сказалъ Онуфріевъ:—прекрасный мотивъ! онъ совершенно оправдываетъ ее.

— Я не знаю, передъ кѣмъ ей оправдываться,—сказалъ Благодатскій:—передъ вами? Но если не ошибаюсь, она не имѣла счастія имѣть васъ ни отцомъ, ни мужемъ.

— Это софизмъ. Если я высказываю мнѣніе, то не какъ отдѣльное лицо, а какъ представитель общественной нравственности. Но далѣе?—Вѣроятно моральная идиллія: медицинское требованіе узаконено свадьбою? Или плачъ о томъ, что общество имѣетъ слишкомъ мало снисходительности, а мужчины слишкомъ мало расположенія жениться?

— Если-бъ я и вы не были здѣсь гостями, я сказалъ бы то, что печаталъ много разъ; но не желаю дѣлать неудовольствія хозяевамъ, прошу васъ перечитать страницы мои о морали, которая господствуетъ у писателей съ ретроградными тенденціями.

— Вы причисляете меня къ нимъ?—Но кто же хвалилъ мой романъ?

— Не въ первый и не въ послѣдній разъ я выставляю въ произведеніяхъ нашей литературы мысли, которыхъ не было въ головахъ авторовъ. Что-же дѣлать?—обязанность критики—объяснять произведеніе людямъ, которые не понимаютъ его, и не вина критика, если въ число этихъ людей попадаетъ иногда и авторъ. Не каждый умѣетъ написать то, что хочетъ; иной, напримѣръ, восхищается лежаніемъ на боку; разберешь его панегирикъ заспанному лѣнивцу, и публика, и самъ онъ увидятъ, что тунеядство и сонъ не особенная добродѣтель; довольно этого; критикъ не обязанъ угощать публику своими соображеніями о лицѣ автора и домашними дрязгами о томъ, что авторъ не понималъ смысла картинъ, которыя изображалъ [1]).

— Вы напрасно свели вопросъ на личныя отношенія. Я всегда скажу, что мой романъ обязанъ вашему разбору частью своего успѣха. Я вовсе не хотѣлъ

---

[1]) Въ рукописи авторомъ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе:
«Само собою, это мѣсто, относящееся къ Обломову и статьѣ Добролюбова о немъ, должно выбросить, если авторъ Обломова ведетъ себя честно».

входить въ отвлеченные вопросы, я хотѣлъ только узнать, чѣмъ же кончается разсказъ, начало котораго вы читали при мнѣ?

— Если такъ, то можно было спросить иначе.

— Увѣряю васъ, вы напрасно увидѣли въ моихъ словахъ насмѣшку.—Итакъ, эта дѣвушка перемѣнила образъ жизни, по вашему выраженію; что было дальше?

— Дѣвушка разсудительная, она не могла ввѣрить свою репутацію человѣку нечестному. Онъ и поступилъ, какъ честный человѣкъ. Совершенно неожиданно для себя ставши ея любовникомъ, онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Они и прежде уважали другъ друга, были короткими знакомыми. Но все-таки она имѣла благородство и благоразуміе отвѣчать ему, что не можетъ связывать его: онъ былъ моложе ея.

— Далѣе?

— Что было дальше, я не знаю. Безъ сомнѣнія, продолжались отношенія, въ которыя неожиданно сталъ онъ къ ней. Такъ?—прибавилъ Благодатскій, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Да, сказала она.

— Этотъ молодой человѣкъ искалъ мѣста въ провинціи, продолжалъ Благодатскій:—вѣроятно, получилъ и уѣхалъ,—и не ѣхать же было ей съ нимъ; или если онъ и остался въ Петербургѣ, вѣроятно, черезъ нѣсколько времени влюбился въ дѣвушку, которая болѣе пара ему по лѣтамъ: въ томъ и другомъ случаѣ лицо, жизнь котораго разсказывается авторомъ повѣсти, должно было разстаться съ этимъ молодымъ человѣкомъ: какъ это было на самомъ дѣлѣ?—опять обратился Благодатскій къ хозяйкѣ:—Озерецкій уѣхалъ или женился?

— Черезъ полгода онъ уѣхалъ, сказала хозяйка.

— Надобно думать, что они были уже довольно сильно привязаны другъ къ другу,—продолжалъ Благодатскій предположенія, выходящія изъ характеровъ лицъ, о которыхъ пришлось ему писать:—вѣроятно, Озерецкій снова упрашивалъ ее согласиться на замужество; если такъ, она опять не согласилась.

— Такъ; онъ возобновлялъ свое предложеніе, сказала хозяйка:—она по-прежнему отвѣчала: я не хочу разстраивать вашу жизнь; вы скоро раскаялись бы; мы не пара по лѣтамъ.

— Вѣроятно, эта твердость была довольно мучительна для нея, сказалъ Благодатскій.

— Да; ей было очень грустно разставаться съ нимъ, отвѣчала хозяйка.

— Я думаю, что было бы странно съ ея стороны возвращаться навсегда къ прежнему, гибельному для нея образу жизни,—продолжалъ Благодатскій:—Вѣроятно, она возвращалась къ нему, держалась его, пока не почувствовала опять, что ея здоровье разстраивается; увидѣвъ это, она, послѣ нѣкотораго колебанія, вѣроятно, вступила въ новыя отношенія.—Такъ?

— Такъ; въ это время ужь самъ братъ говорилъ ей: „да что, Лиза, нечего тебѣ беречь свою репутацію; а на меня ты всегда можешь надѣяться, что я не дамъ роднымъ приставать къ тебѣ съ увѣщаніями, если-бы слухи дошли до нашего гнѣзда“.—Разумѣется, и нельзя стало скрывать отъ нихъ, потому что у нея родился ребенокъ. Братъ, когда писалъ имъ объ этомъ, прибавилъ рѣшительнымъ тономъ, что хоть это и несогласно съ ихъ правами, но онъ проситъ ихъ не выражать ей своихъ мнѣній, а только продолжать любить ее по-прежнему.—

Отецъ, и, я думаю, особенно мать, были, вѣроятно, возмущены; но ссориться съ сыномъ не захотѣли.—Потомъ братъ ея вздумалъ жениться. Дѣвушка, на которой онъ женился, была хорошая. Но родные невѣсты—дрянь, хоть и важные, и воображаютъ себя умными: я знаю ихъ, порядочная гадость. Лизавета Арсеньевна замѣтила, что они косятся на нее...

— Они все равно косились бы на сестру жениха, если были пошлы, хотя бы она имѣла самую святую репутацію, замѣтилъ Благодатскій.

— Разумѣется, сказала сестра хозяйки:—Когда же дрянные родные невѣсты не смотрятъ косо на всѣхъ родныхъ жениха?—Но вы, m-r Онуфріевъ, совершенно напрасно смотрите на меня, если не косо, то подозрительно: повѣсть не мною написана; есть очень простая причина, по которой она не можетъ и относиться ко мнѣ: я вышла замужъ семнадцати лѣтъ.

— Когда Лизавета Арсеньевна замѣтила, что родные невѣсты брата дурно расположены къ ней, продолжала хозяйка:—она сказала брату, что будетъ жить отдѣльно, и прожила одна больше года. Братъ помогалъ; кромѣ того, нашелъ ей работу: перевесть какую-то книгу съ французскаго. Поэтому, она жила безъ большой нужды; конечно, очень бѣдно, потому что у брата не было много денегъ. Потомъ, когда братъ хорошо обжился съ женою, и молодая женщина стала совершенно порядочною и неглупою, то стала сама звать Лизавету Арсеньевну жить у нихъ.—Черезъ нѣсколько времени Лизавета Арсеньевна вмѣстѣ съ ними ѣздила къ своимъ роднымъ. Отецъ и сестра, особенно мать, сначала нѣсколько дичились ея; скоро это прошло, потому что они видѣли, какъ дружна съ нею молодая жена ея брата.

— Потомъ?—спросилъ Онуфріевъ.

Хозяйка не отвѣчала.

— Потомъ ничего особеннаго не было, разумѣется, сказалъ Благодатскій:—Развѣ то, что, можетъ быть, у нея родился еще ребенокъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, вы не выставите ея исторію за примѣръ для подражанія? сказалъ Онуфріевъ.

— Также мало, какъ и вашу жизнь, m-r Онуфріевъ, сказала сестра хозяйки:—если не ошибаюсь, вы не женатъ?

— Мужчина—другое дѣло, сказалъ Онуфріевъ.

— Я не сомнѣваюсь, сказала сестра хозяйки.

— Не смѣйтесь надъ моими словами: то, что прощается обществомъ мужчинѣ, не прощается дѣвушкѣ.

— Я именно съ этимъ и согласилась, сказала сестра хозяйки:—Поэтому, вмѣстѣ съ вами, я готова задушить всякую дѣвушку, которая позволяетъ себѣ имѣть отношенія, хотя бы въ тысячу разъ болѣе скромныя и благородныя, чѣмъ ваши.

— Но не сами ли женщины первыя осуждаютъ это въ дѣвушкахъ?

— Если есть на свѣтѣ сплетницы, это плохое извиненіе для сплетниковъ. Мы, женщины, учимся по вашимъ книгамъ: вы законодатели нравственности. Но знаете ли, что скажу я вамъ по секрету?—Кто сочиняетъ нравственность для другихъ, а не для себя, тотъ сочиняетъ плохую нравственность.

— Вы приписываете мнѣ такое мнѣніе, котораго я не высказывалъ. Я не

осуждаю эту дѣвушку. Я хотѣлъ только замѣтить, что не слѣдуетъ выставлять ея судьбу, какъ нѣчто заманчивое.

— Не встрѣтить жениха, за котораго можно бы выйти—это ли очень завидно?—пострадать лучшіе годы молодости—это ли завидно? Съ чего же вы могли взять, что кто нибудь станетъ думать: вотъ какъ надобно жить всѣмъ?

— Вы опять не такъ поняли мою мысль...

— Мы съ тобою, душенька, такъ глупы, что не можемъ понимать, сказала хозяйка, обращаясь къ сестрѣ:—Поэтому намъ слѣдуетъ молчать, какъ я и сдѣлала. И ты напрасно говорила.

— Обращаюсь къ вамъ,—сказалъ Онуфріевъ Благодатскому: — Вы можете проповѣдывать какія угодно теоріи; но женились ли бы вы на дѣвушкѣ, у которой двое дѣтей?

— Если не ошибаюсь, то вы могли бы не забыть, что первый ребенокъ родился у нея много лѣтъ послѣ того, какъ она отказалась отъ всякой мысли о замужествѣ, сказалъ Благодатскій:—Тутъ вопросъ не въ замужествѣ и не въ мнѣніи нравственныхъ людей, каковы мы съ вами, тутъ вопросъ гораздо поважнѣе всякой морализаціи: какъ прокормить дѣтей?—Вотъ почему жизнь, которую приняла Лизавета Арсеньевна, не можетъ служить примѣромъ для большинства несчастныхъ, какою была она: у нея была твердая поддержка въ братѣ.

— Я согласенъ съ этимъ, сказалъ Онуфріевъ:—Я именно это и желалъ замѣтить, когда Софья Васильевна перервала меня. Поэтому Лизавета Арсеньевна—исключеніе, которое не должно быть выставляемо въ видѣ примѣра для другихъ.

— Женщина, у которой нѣтъ независимаго состоянія и нѣтъ ни одного умнаго человѣка въ числѣ близкихъ родныхъ, конечно можетъ только жалѣть о томъ, что у нея нѣтъ опоры въ жизни, сказалъ Благодатскій:—Но разсудительность и твердость характера—условія еще болѣе важныя для счастія жизни женщины ли, мужчины ли, дѣвушки ли, вдовы ли. Кто имѣетъ твердый характеръ, не пропадетъ.

Я совершенно согласенъ съ вами; я хотѣлъ сказать и это, когда Софья Васильевна перервала меня, сказалъ Онуфріевъ:—Я не такой ретроградъ, какимъ почли меня вы, Софья Васильевна.

— Очень рада, сказала хозяйка.—Другъ мой, тебѣ еще много работы къ завтра?—продолжала она, обращаясь къ мужу.

Онуфріевъ взялся за шляпу. Хозяинъ проводилъ его и пошелъ опять въ свой кабинетъ.

Благодатскій, простившись съ хозяйкою и ея сестрою, пошелъ къ нему.—Вотъ у насъ и есть повѣсть на слѣдующую книжку.

— Прекрасно, сказалъ хозяинъ.

Н. Маврикіевъ [1]).

---

[1]) Этимъ псевдонимомъ подписана рукопись.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ КНИГИ ЭРАТО.

ДРУГИМЪ НЕЛЬЗЯ.

Драма безъ развязки, игранная на домашнемъ театрѣ М. А. Б—ой.

Л и ц а:

Михаилъ Петровичъ Зиновьевъ, засѣдатель уѣзднаго суда; 42 лѣтъ. Судья и секретарь не даютъ участія во взяткахъ; что жъ ты будешь дѣлать?—Словомъ, честный человѣкъ. И добрый отецъ, тоже.

Елена Михайловна, его дочь: 18 лѣтъ. Держитъ себя безъ кривлянья.

Леонидъ Александрычъ Хоненевъ, вельможа на цѣлыя двѣ губерніи; 35 лѣтъ. Важенъ. Умѣетъ быть и милъ.

Максимъ Кириллычъ Горбылевъ, писецъ уѣзднаго суда; 21 года. Идіотъ съ ангельскимъ сердцемъ и волчьимъ желудкомъ,

Иліодоръ Николаичъ Свиридовъ, человѣкъ порядочнаго общества; 24 лѣтъ. Держитъ себя смирно.

Семенъ Клементьичъ Парадизовъ, бывшій сослуживецъ Зиновьева; 53 лѣтъ. Страдалецъ за правду, съ незапамятныхъ временъ выгнанный изъ службы, какъ выжига, нестерпимый никакому начальству, ни добрѣйшему, ни подлѣйшему.

Сергѣй Васильевичъ Короваевъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Гостиная Зиновьевыхъ,—сдѣланная 20 лѣтъ тому назадъ по новой модѣ, такимъ образомъ, что она же и залъ. То есть, по срединѣ длины двѣ тощія деревянныя колонны.—Дверь прямо, изъ передней; дверь направо—во внутреннія комнаты; дверь налѣво—въ кабинетъ Зиновьева.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Зиновьевъ сидитъ и куритъ трубку; **Елена Михайловна** входитъ снимая шляпу.

Зинов. —Леночка! (*протягиваетъ руки, обнять*).

Ел. Мих. —Погодите, папаша! (*Идетъ къ окну, смотритъ въ него издали и закрываясь шляпкою*) Такъ! Онъ ѣхалъ за мною! (*Торопливо уходя, направо*) Папаша, если онъ спроситъ, кто я, скажите: „гостья“;—гдѣ я?—скажите: „ушла“. (*Договариваетъ это уже изъ-за двери*).

Зинов. —(*вставая идти за нею*) Что жъ это зна... (*видитъ входящаго Хоненева; останавливается и кланяется*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Зиновьевъ. Хоненевъ.

Хонен. —Ба! Кого вижу! Лицо что-то знакомое.

Зинов. —(*снова кланяясь*) Точно такъ, Леонидъ Александрычъ: имѣлъ честь являться къ вамъ. Михаилъ Петровъ сынъ, Зиновьевъ, засѣдатель здѣшняго уѣзднаго суда, вашею милостью. Покорнѣйше прошу.

Хонен. —А! Точно, помню (*садится*). А вы здѣсь, какъ я вижу, хозяинъ.

Зинов. —Точно такъ, Леонидъ Александрычъ: домишко мой собственный.

Хонен. —Прекрасно. Очень достаточный домъ. А кто эта дѣвушка, сейчасъ вошла сюда? Значитъ ваша дочь? Да что же вы самъ-то не садитесь?

Зинов. —(*садится*) Такъ точно, Леонидъ Александрычъ: моя дочь.

Хонен. —Очень милое лицо, очень милое. Можно сказать, красавица.

Зинов. —(*кланяется, прикладывая руку къ сердцу*).

Хонен. —Я очень заинтересовался. Прошу васъ познакомить меня съ нею.

Зинов. —(*подбѣгаетъ къ двери направо*) Леночка! Иди сюда! Леонидъ Александрычъ желаютъ съ тобою познакомиться! —А, Леночка! слышишь? (*Отворяетъ дверь, просовывается*) А, Леночка! Слышишь? (*Успокоивается, идетъ назадъ*) Идетъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Леночка, говорите вы; —Елена, —по отчеству?...

Зинов. —Михайловна, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Да, такъ. Васъ зовутъ Михаилъ. Помню. (*Встаетъ, идетъ на встрѣчу Еленѣ Михайловнѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже. Елена Михайловна.

Хонен. —(*подходя къ входящей*) Честь имѣю рекомендоваться, Елена Михайловна: здѣшній помѣщикъ, Хоненевъ.

Ел. Мих. —(*протягивая руку*) Васъ знаютъ здѣсь всѣ (*садятся*).

Хонен. —Маленькій городъ; общества нѣтъ; я думаю, довольно скучная жизнь, Елена Михайловна?

Ел. Мих. —Я привыкла.

Хонен. —Но все-таки, это должно быть скучно. Есть ли, по крайней мѣрѣ, какія нибудь развлеченія? Ѣздите въ гости, по сосѣдству? Есть знакомыя помѣщичьи семейства?

Ел. Мих. —Есть.

Хонен. —Я просилъ бы васъ (*къ Зиновьеву*) навѣстить меня, Михайло Ммм—ычъ (*мычитъ, не помня отчества*) вмѣстѣ съ Еленой Михайловною. (*Къ ней*) Я почелъ бы это за большую честь себѣ, и надѣюсь, это было бы пріятнымъ развлеченіемъ для васъ.

Зинов. —Покорно благодаримъ, Леонидъ Александрычъ; съ нашимъ величайшимъ удовольствіемъ.

Хонен. —(*По прежнему, къ Еленѣ Михайловнѣ*) Могу похвалиться моимъ

садомъ: великолѣпенъ. Въ оранжереяхъ, всегда найдете, все, чего хотите.

Зинов. —Съ величайшимъ нашимъ удовольствіемъ воспользуемся вашимъ приглашеніемъ, Леонидъ Александрычъ (*съ безпокойствомъ смотритъ на дочь*).

Хонен. —Что касается до моей картинной галлереи, я нахожу, что она бѣдна сравнительно съ извѣстнѣйшими въ Европѣ. Но для провинціальной, недурна, и вамъ, ничего еще не видѣвшей, будетъ интересна.

Ел. Мих.—О, конечно. (*Отецъ успокоивается и просвѣтляется. Она къ нему*) Папаша, васъ тамъ дожидаются какіе-то просители. Кстати вы скажете, чтобы приготовили закуску (*Зиновьевъ шевелится, не зная, какъ тутъ быть*).

Хонен. —О, будьте такъ добръ, Михайло Ммм—ычъ! (*Зиновьевъ встаетъ*) Проголодался съ дороги. Чувствительно благодарю васъ, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—Вы не взыщите, Леонидъ Александрычъ: у насъ не то, что у васъ; чѣмъ Богъ послалъ.

Хонен. —На бивуакахъ не годится быть слишкомъ разборчиву. Старый гусаръ.

Ел. Мих.—(*говоритъ въ-слѣдъ уходящему отцу, пока онъ совсѣмъ скроется, такъ чтобы ей безъ перерыва обратиться къ Хоненеву, когда отцу не будетъ слышно*) Папаша, тамъ жарятся цыплята,—поторопите, присмотрите самъ, какъ будутъ они дожариваться (*Зиновьевъ между тѣмъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Елена Михайловна. Хоненевъ.

Ел. Мих.—(*продолжая безъ перерыва, вдругъ давая волю своему страданію; съ усиліемъ*) Я слышала, вы добрый и благородный человѣкъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Хоненевы никогда не дѣлали ничего безчестнаго. Что же касается доброты, въ чемъ ваша просьба? За кого? За вашего батюшку? Или какого родственника?

Ел. Мих.—Вы добрый и благородный человѣкъ, Леонидъ Александрычъ. Вы не будете преслѣдовать бѣдную дѣвушку. (*Надрывающимся голосомъ*) У меня есть женихъ. Я люблю его!

Хонен. —(*вскакиваетъ*) Этого я никакъ не ожидалъ! (*Ходитъ. Останавливается*). Именно, этого я никакъ не ожидалъ! (*Ходитъ*).

Ел. Мих.—Вы благородный человѣкъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —(*останавливается*) Это правда.

Ел. Мих.—Будьте же великодушенъ! Забудьте обо мнѣ!

Хонен. —Признаюсь вамъ, вы ставите меня въ большое затрудненіе, потому я никакъ не ожидалъ. (*Ходитъ: останавливаясь говоритъ*) Совершенно не знаю, какъ долженъ поступить, потому что никогда не бывало подобнаго случая (*ходитъ: окончательно останавливается*) рѣшительно не знаю, чѣмъ мнѣ руководиться, и даже въ какомъ смыслѣ я долженъ

понимать это. Можетъ быть, даже въ смыслѣ обиды (*назидательно и снисходительно*) или, скорѣе въ смыслѣ вашей молодости, и можно сказать, неопытности, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Понимайте это, какъ довѣріе къ вашему благородству, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. Но это, дѣйствительно, не въ смыслѣ обиды. Однако же повторяю: я вижу себя въ совершенномъ затрудненіи, по новости случая.

Ел. Мих. — Будьте великодушенъ! Забудьте меня! Вы найдете другую, лучше меня.

Хонен. — (*садится раздумывая*) Съ этой стороны, ваши слова совершенно вѣрны. За этимъ, конечно, не будетъ остановки (*Думаетъ*). Такъ. Найдется и другая, и третья.

Ел. Мих. — Идетъ отецъ. О, скажите же, что вы соглашаетесь на мою просьбу!

Хонен. — Отчасти, затрудняюсь; но извольте, съ удовольствіемъ.

Ел. Мих. — Благодарю васъ, благородный человѣкъ! (*Жметъ ему руку; между тѣмъ, входитъ отецъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же. Зиновьевъ.

Хонен. — (*ей, безъ вниманія къ Зиновьеву*) Я Хоненевъ. Никто изъ Хоненевыхъ не дѣлалъ никогда ничего, кромѣ самаго благороднаго.

Ел. Мих. — Папаша, а закуски?

Зинов. — Сейчасъ подадутъ, Леночка. Знаешь, Мавра совсѣмъ захлопоталась (*садится*).

Ел. Мих. — Мавра ничего не умѣетъ сдѣлать. Я пойду сама (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Хоненевъ. Зиновьевъ.

Хонен. — Откровенно скажу вамъ: ваша дочь очень умная дѣвушка. Умѣетъ подѣйствовать на самыя благородныя струны сердца. Одно скажу противъ нея: молода; потому неразсудительна.

Зинов. — Это хорошій порокъ въ дѣвушкѣ, Леонидъ Александрычъ, — молодость.

Хонен. — Совершенно согласенъ; тѣмъ не менѣе, скажу: не всегда. При всемъ томъ, повторяю: умѣла понять меня. Имѣете въ виду жениха?

Зинов. — Есть въ виду одинъ. Впрочемъ, еще не знаю, посватаетъ ли. Такихъ разговоровъ не было. Да и не замѣтно, чтобы онъ особенно нравился ей, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Кто такой?

Зинов. — Чиновникъ изъ Петербурга, Свиридовъ.

Хонен. — Хорошій человѣкъ?

Зинов. — Не знаю, какъ вамъ сказать, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. — Итакъ ваша обязанность, какъ отца, разсмотрѣть, дѣйствительно ли хорошій человѣкъ. Хорошій — прекрасно. Не заслуживаетъ, тогда

можно подумать. Потому что, хотя она очень умная дѣвушка, но я также прибавилъ: молода, потому неразсудительна.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣже. Елена Михайловна.

Ел. Мих.—(*входитъ, неся поднос съ закускою*) Это еще не все; сейчасъ другой подносъ, и тогда буду угощать васъ (*ставитъ поднос, хочетъ уйти*).

Хонен. —Какъ, сама? Сама подаете, Елена Михайловна?

Ел. Мих.—Что жь такое? Сама (*уходитъ*).

Хонен. —(*Зиновьеву*) Чрезвычайно хорошо понимаетъ вещи.

Ел. Мих.—(*входитъ съ другимъ подносомъ; ставитъ: кладетъ на тарелку для Хоненева*) Циплята зажарены прекрасно. Наши вина изъ здѣшнихъ лавокъ; пробуйте или не пробуйте: не хочу рекомендовать. Но вотъ наливки я дѣлала сама, и эта вишневка очень удалась мнѣ (*наливаетъ*).

Хонен. —(*отвѣдывая*) Превосходно! Нектаръ! (*пьетъ, какъ знатокъ*).

Ел. Мих.—Я очень рада, Леонидъ Александрычъ; мнѣ такъ хотѣлось, чтобы вы остались довольны! Папаша, угощайте добраго Леонида Александрыча! (*Протягиваетъ руку Хоненеву*).

Хонен. —Теперь вы совсѣмъ уходите, Елена Михайловна? Очень, очень благодарю за ваши хлопоты (*Елена Михайловна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Хоненевъ. Зиновьевъ.

Хонен. —Я чрезвычайно доволенъ вашею дочерью. Прекрасно понимаетъ вещи, людей и все. Возьмите вы то: какъ бы то ни было, она дворянка; можетъ быть, даже столбовая?

Зинов. —Такъ точно, Леонидъ Александрычъ: мы столбовые. Мой прадѣдъ былъ даже Чембарскимъ воеводою.

Хонен. —Вашъ прадѣдъ былъ Чембарскимъ воеводою? Чего же вамъ еще! — Очень, очень достаточно! Вы столбовые!—И дѣвушка изъ такой, можно сказать, порядочной фамиліи, сама подаетъ мнѣ закуску, — сама! — по собственному понятію,— не по отцовскому приказанію, но по чувству собственнаго ума — что вы скажете на это?

Зинов. —Точно такъ, Леонидъ Аликсандрычъ: не по отцовскому приказанію, а по чувству собственнаго ума.

Хонен. —Это очень нравится мнѣ.— „Я столбовая дворянка“, думаетъ она: — „и мой прадѣдъ...“

Зинов. —(*не безъ робости*) Для нея онъ будетъ уже прапрадѣдъ, Леонидъ Александрычъ. Это мнѣ онъ прадѣдъ, а ей прапрадѣдъ.

Хонен. —(*милостиво*) Такъ, согласенъ. Ей, онъ дѣйствительно прапрадѣдъ. Когда вашъ прадѣдъ, то ей прапрадѣдъ. Согласенъ, и продолжаю:—

„Я столбовая дворянка“, думаетъ она:—„и мой прапрадѣдъ былъ Чембарскій воевода, и у меня есть прислуга...“

Зинов. —Кучеръ, и лакей, и козачекъ, и кухарка, и прачка, и горничная.

Хонен. —Кучеръ и прачка нейдутъ къ этому разсужденію. И кухарка можетъ не годиться. Но лакей, и козачекъ, и горничная—чего жь вамъ еще? Это довольно и предовольно. — „Я столбовая дворянка“, думаетъ она:—„и мой прапрадѣдъ былъ Чембарскій воевода; и у меня есть довольно прислуги, чтобы подать закуску: лакей, и козачекъ, и горничная. Но онъ—Хоненевъ, и для меня не должно составлять никакой непріятности то удовольствіе, которое я хочу доставить себѣ именно тѣмъ, чтобы показать ему, какъ я понимаю, что̀ такое—Хоненевъ! И я сама подамъ ему закуску, и не найду себѣ въ этомъ никакой непріятности, а напротивъ большую пріятность!“—Противъ такой дѣвушки, не могу имѣть никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ похвалы! Одинъ порокъ въ ней, повторяю: молодость.

Зинов. —(*съ сожалѣніемъ*) Такъ точно: молодость, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Она молода, я согласенъ, но тѣмъ не менѣе повторяю: не могу имѣть противъ нея никакого другого понятія, кромѣ одобренія. У нея, вы говорите, есть женихъ - прекрасно!—хорошій человѣкъ—душевно радъ!—съ Богомъ, отдавайте!—Благословляю! И не забуду, ни ихъ, ни васъ! На слѣдующіе выборы, васъ въ исправники! Они же мои дѣти! Зовите въ посаженные отцы—готовъ!—И затѣмъ (*встаетъ*) прощайте (*подаетъ руку Зиновьеву*).—Да, кстати (*останавливаясь въ дверяхъ*), у васъ довольно прислуги, какъ я видѣлъ по вашимъ словамъ; пошлите кого нибудь къ судьѣ, сказать, что я пробуду еще съ полчаса въ городѣ, и онъ можетъ явиться.

Зинов. —Я побѣгу самъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Прекрасно. Но у васъ, когда есть кучеръ, должны быть и лошади?

Зинов. —Пара гнѣдыхъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Такъ вы поѣзжайте; зачѣмъ же бѣжать?

Зинов. —Скорѣе. Запрягать долго, Леонидъ Александрычъ. А это недалеко.

Хонен. —Тѣмъ лучше. Прощайте. (*Уходитъ. Зиновьевъ, проводивъ его, возвращается захватитъ шапку и стремилавъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Горбылевъ, одинъ. Потомъ Елена Михайловна.

Горбыл. —(*Просовывается въ дверь изъ передней, обнюхиваясь; рычитъ отъ удовольствія*) Ы-ы-ы-ы (*приближается къ закускѣ, обнюхиваетъ, потрагиваетъ вилкою*) ы-ы-ы (*облизывается. Колеблется. Но побѣждаетъ себя, отходитъ, облизываясь, не спуская глазъ*) ы-ы-ы...

Ел. Мих.—(*Входитъ съ права*) А! Максимъ Кириллычъ!

Горбыл. —Да-съ, Елена Михайловна (*поглядываетъ на нее и на закуску*).

Ел. Мих.—Что жь вы такъ стоите, Максимъ Кириллычъ? Кушайте.

Горбыл. —Покорно благодарю, Елена Михайловна. (*Накидывается на закуску,*

и въ перемежку съ ѣдою говоритъ) А какой сонъ я видѣлъ-съ, Елена Михайловна! — Будто судейская кошка, — только съ бѣлымъ хвостомъ вмѣсто чернаго...

Ел. Мих. — Это, я думаю, все равно, Максимъ Кириллычъ.

Горбыл. — Нѣтъ-съ, Елена Михайловна: во снѣ всякая вещь непремѣнно что нибудь значитъ. Бѣлый хвостъ вмѣсто чернаго, это, я думаю, перемѣна къ лучшему-съ.

Ел. Мих. — И то можетъ быть.

Горбыл. — И что же-съ? — Идетъ эта судейская кошка ко мнѣ-съ, и несетъ въ зубахъ крысу-съ и говоритъ...

Ел. Мих. — Какъ же она говоритъ, когда въ зубахъ у нея крыса? Этого не можетъ быть.

Горбыл. — Я забылъ сказать-съ, Елена Михайловна: она вынула крысу изо-рту-съ, взяла въ лапки-съ, и говоритъ-съ...

Ел. Мих. — А, это другое дѣло. Такъ, она можетъ говорить.

Горбыл. — Взяла она эту крысу-съ въ лапки, и подаетъ мнѣ, и говоритъ-съ: „кушайте на здоровье, Максимъ Кириллычъ-съ!“ — И я взялъ эту крысу-съ, и сталъ ѣсть, и она такая вкусная-съ! Это хорошій сонъ-съ, Елена Михайловна.

Ел. Мих. — Должно быть, хорошій.

Горбыл. — Я думаю-съ, это значитъ, что судья прибавитъ мнѣ цѣлковый жалованья-съ.

Ел. Мих. — Дай Богъ.

Горбыл. — И тогда-съ, хозяйка будетъ мнѣ давать къ обѣду каждый день пирожное!

Ел. Мих. — Конечно. (*Видя Свиридова*) Вы? Зачѣмъ?

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣже. Свиридовъ.

Свирид. — Да я вовсе не къ вамъ, Елена Михайловна. Я къ Михайлу Петровичу.

Ел. Мих. — Михайла Петровича Зиновьева нѣтъ дома.

Свирид. — Тѣмъ лучше. Я подожду.

Ел. Мих. — И я не знаю, скоро ли онъ воротится. Быть можетъ не воротится до вечера.

Свирид. — Тѣмъ лучше. Надобно будетъ ждать до вечера.

Ел. Мих. — Я не хочу говорить съ вами.

Свирид. — (*садится*) Я буду говорить съ Максимомъ Кириллычемъ. Что новаго, Максимъ Кириллычъ?

Горбыл. — Судья прибавляетъ мнѣ жалованья-съ, Иліодоръ Николаичъ.

Свирид. — Обѣщалъ?

Горбыл. — Нѣтъ-съ, не обѣщалъ; а долженъ. Такъ выходитъ-съ.

Свирид. — Почему же такъ выходитъ?

Горбыл. — По сну выходитъ-съ, Иліодоръ Николаичъ. Подходитъ ко мнѣ судейская кошка-съ, только съ бѣлымъ хвостомъ-съ вмѣсто чернаго, и подаетъ

мнѣ крысу-съ и говоритъ: „кушайте на здоровье, Максимъ Кириллычъ", и я сталъ ѣсть-съ эту крысу, и она такая вкусная-съ!—Я думаю-съ, Иліодоръ Николаичъ: кошка — это значитъ судья-съ; а подаетъ крысу-съ—будетъ прибавка жалованья-съ.

Свирид. —(*вынимая портъ-моне*) Это совсѣмъ другое, Максимъ Кириллычъ. Кошка поймала крысу—это значитъ, я получилъ деньги. Она подарила вамъ крысу — значитъ я дарю вамъ эту бумажку, — вотъ (*подаетъ*).

Горбыл. —(*беретъ*) Господи! 25 рублей! Да это будетъ, и на пирожное на цѣлый годъ, и жилетъ куплю съ букетами! (*Впадаетъ въ колебаніе*) Да какъ же это, Иліодоръ Николаичъ: я дворянинъ, и чиновникъ; а вы и чужой, и не проситель: прилично ли мнѣ взять? (*Держитъ бумажку въ сомнѣніи*).

Свирид. —Отчего же не прилично, когда сонъ былъ къ этому?

Горбыл. —Да къ этому ли-съ, Иліодоръ Николаичъ?—То была судейская кошка, значитъ, судья-съ.

Свирид. —У судейской кошки черный хвостъ, вы говорите?

Горбыл. —Черный-съ.

Свирид. —А у этой бѣлый. Значитъ, это не судья. Вотъ видите, у меня въ карманѣ бѣлый платокъ (*вынимаетъ и показываетъ*). Вотъ вамъ и бѣлый хвостъ у кошки. Значитъ, это я.

Горбыл. —Это точно-съ... А все таки, вы чужой, и не проситель, — какъ же это? Елена Михайловна, можно взять отъ Иліодора Николаича?

Ел. Мих. —Можно. Какой же онъ чужой? Онъ, я—это все равно. Берите, Максимъ Кириллычъ (*Горбылевъ прячетъ бумажку*).

Свирид. —Вотъ вы стали говорить, Елена Михайловна.

Ел. Мих. —Нѣтъ.

Свирид. —Такъ я буду опять говорить съ Максимомъ Кириллычемъ. Не видѣли ль еще чего нибудь во снѣ, Максимъ Кириллычъ?

Горбыл. —Видѣлъ-съ. Будто пріѣхалъ Сергѣй Васильичъ.

Ел. Мих. —Ахъ,какъ я была бы рада!

Свирид. —А я былъ бы радъ еще больше вашего.

Ел. Мих. —Нѣтъ, я больше вашего!

Свирид. —Нѣтъ, я больше вашего.

Ел. Мих. —Не смѣйте спорить. Вы съ нимъ были только въ университетѣ; а я и не помню, когда я не любила его!

Свирид. —А теперь, не видѣли два года, и забыли.

Ел. Мих. —Какъ вы смѣете говорить, что забыла, когда я каждый день говорила о немъ?

Свирид. —Вовсе не вы говорили; а я говорилъ.

Ел. Мих. —Нѣтъ, я больше!

Свирид. —Ну, давайте спорить.

Ел. Мих. —Ну, давайте. Я ни за что не уступлю!

Свирид. —Хорошо. Я уступлю. Только будемъ говорить.

Ел. Мих. —Хорошо. Пожалуй, говорите,—но только вы одинъ: мнѣ нельзя го-

ворить при Максимѣ Кириллычѣ. Я хочу сказать то, чего никакъ нельзя сказать ни при комъ!

Свирид. —Такъ велите Максиму Кириллычу уйти, или сами уйдемъ, потому что и мнѣ нельзя сказать при немъ того, о чемъ я хочу говорить.

Ел. Мих.—Вамъ, нельзя говорить при немъ! Вотъ новости!

Свирид. —Нельзя, Елена Михайловна; потому что я хочу говорить серьезно.

Ел. Мих.—Вотъ что! Опять серьезно! Когда я не велѣла вамъ!

Свирид. —Елена Михайловна, надобно же, чтобы вы позволили мнѣ сказать Михайлу Петровичу.

Ел. Мих.—Зачѣмъ это надобно? (*Переходя въ элегическій тонъ*) Зачѣмъ, Иліодоръ Николаичъ? Теперь, никто не мѣшаетъ намъ. А тогда церемоніи, гости!—Такая скука! Когда вѣнчаться, тогда и успѣете сдѣлать предложеніе. (*Опять, съ бойкостью, хотя все тономъ жалобы*) Я сказала вамъ;—не стыдно ли вамъ не слушаться, надоѣдать?

Свирид. —Я и послушался, Елена Михайловна. Развѣ я надоѣлъ?

Ел. Мих.—Такъ и теперь не надоѣдайте.

Свирид. —Я и не надоѣдаю, Елена Михайловна. Я заговорилъ объ этомъ потому, что теперь можно сдѣлать, какъ мы говорили.

Ел. Мих.—Потому что вы получили деньги?

Свирид. —Да, Елена Михайловна. Скажемъ, повѣнчаемся, и уѣдемъ.

Ел. Мих.—Ахъ, нѣтъ, Иліодоръ Николаичъ. Вамъ можно прожить здѣсь еще мѣсяца два, такъ зачѣмъ же раньше? Все таки, жаль разставаться съ отцомъ. Поживемъ здѣсь, пока вамъ можно.

Свирид. —Но можно пожить здѣсь и повѣнчавшись. Значитъ, для васъ все равно, повѣнчаться и теперь.

Ел. Мих.—Нѣтъ, не все равно!

Свирид. —Почему же не все равно?

Ел. Мих.—Ахъ, какой вы! Когда мы уговорились, что какъ повѣнчаемся, такъ и уѣдемъ.

Свирид. —Уговорились, правда. Но можно и перемѣнить это. Повѣнчаемся, и будемъ оставаться здѣсь, пока кончится мой отпускъ.

Ел. Мих.—Боже мой, да когда я не хочу этого!

Свирид. —И вовсе не вы не хотите этого. Я не хотѣлъ этого. Я такъ сказалъ: „не будемъ оставаться здѣсь, а сейчасъ же уѣдемъ,—я такъ сказалъ, а вы только согласились.

Ел. Мих.—Я только сказала, что соглашаюсь, а я и сама такъ хотѣла, и хочу такъ.

Свирид. —Почему же вы такъ хотите?

Ел. Мих.—Почему?—Почему?—Да не хочу я говорить, почему. Вотъ вамъ и все. (*Оба молчатъ*).

Горбыл. —Я доѣлъ, Елена Михайловна. Вотъ (*повертываетъ тарелку на ребро*). Унести на кухню, отдать Маврѣ, Елена Михайловна?

Ел. Мих.—Отнесите, отдайте.

Горбыл. —Я тамъ посмотрю, Елена Михайловна, какъ она готовитъ.

Ел. Мих.—Отчего же не посмотрѣть, когда это вамъ нравится? (*Горбылевъ уходитъ съ подносами въ дверь на право*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Елена Михайловна и Свиридовъ одни.

Свирид. —Почему жь вы не хотите оставаться здѣсь, повѣнчавшись, Елена Михайловна?

Ел. Мих.—Когда я сказала, что не хочу!

Свирид. —Да почему же?

Ел. Мих.—Ахъ, какой вы, право, Иліодоръ Николаичъ! Остаться тутъ и обниматься съ вами, и чтобъ они всѣ смотрѣли! Это стыдъ! А въ Петербургѣ, это ничего, потому что тамъ никто и не будетъ знать, что прежде я не была замужемъ. (*Докторально*) Вотъ до чего довели вы меня съ вашимъ приставаньемъ. Стстаньте же.

Свирид. —Хорошо, я отстану.

Ел. Мих.—(*весело*) Конченъ вашъ разговоръ?

Свирид. —Конченъ.

Ел. Мих.—Теперь начинается мой. Ахъ, что я хочу сказать вамъ! Боже мой, какъ это хорошо! (*Молчитъ*).

Свирид. —Что же такое?

Ел. Мих.—Ахъ, я не знаю, какъ и сказать это! Стыдно, ужасно стыдно! (*Молчитъ; вскакиваетъ*) Знаете ли что?—Должно быть, я въ самомъ дѣлѣ красавица!—Сказала, слава Богу!

Свирид. —И я скажу: слава Богу! Наконецъ-то, повѣрили!

Ел. Мих.—Все таки, не вашимъ же словамъ, разумѣется. Развѣ вы можете судить, когда такъ любите меня? Но сейчасъ былъ такой случай, что я сама увидѣла: должно быть, это правда! Вообразите,—но, ахъ, если бы вы знали, какъ я встревожилась! Думала, будетъ ссора съ отцомъ!—и все изъ-за васъ же! Такъ рада, что онъ долженъ былъ выбросить это изъ головы! — Представте себѣ: я иду по улицѣ, — ѣдетъ Хоненевъ, видитъ меня,—и за мною, къ намъ!—Отецъ вызвалъ меня къ нему! Что дѣлать? Я сказала ему, что у меня есть женихъ,—что ужь тутъ разбирать! — Лишь бы отговорить его! — И отговорила. И ахъ, какой онъ смѣшной! Разумѣется, не найдешь никого, подать закуску,—всѣ распропали Богъ знаетъ куда, по обыкновенію,—и я подала сама,—думала, что жь такое?—долженъ знать, что у небогатыхъ людей часто бываетъ такъ, — а онъ воображаетъ, это изъ уваженія къ нему!—а это, чтобы какъ нибудь поскорѣе спровадить его! Такой глупый! Но видите, значитъ я въ самомъ дѣлѣ красавица. Ахъ, какъ я рада! Быть красавицею, это прелесть какъ мило! И особенно, я рада за васъ, что у васъ жена будетъ въ самомъ дѣлѣ красавица! И еще больше, за себя, потому что когда я въ самомъ дѣлѣ такая, вы не можете разлюбить меня!

Свирид. —(*спокойно*) Но я думаю, вы были смертельно обижена такою наглостью Хоненева?

Ел. Мих.—Еще бы нѣтъ! Ахъ, сердце закипѣло, закипѣло.

Свирид. —(*протягиетъ ей руку*) Онъ будетъ наказанъ (*уходитъ, ровнымъ шагомъ*).

Ел. Мих.—(*мигъ остававшаяся въ изумленіи, бросается къ окну*) Иліодоръ Николаичъ! Иліодоръ Николаичъ! Не слышитъ! (*Бѣжитъ къ двери на право*) Максимъ Кириллычъ! Догоните Иліодора Николаича! Скорѣе, бѣгомъ! Воротите его! (*За сценою топотъ Горбылева, ринувшагося въ погоню. Елена Михайловна опять бѣжитъ къ окну*) Слава Богу, догонитъ его! Слава Богу, догоняетъ! Онъ не слушается, уходитъ! Боже мой, что будетъ съ нимъ? Онъ будетъ убитъ! Иліодоръ! (*Съ этимъ воплемъ, падаетъ на стулъ. Черезъ мигъ берется за голову*) О-о-о... (*собираясь съ мыслями*) О-о-о... Что жъ это? Что жъ я должна сдѣлать? Что такое? О-о-о... За нимъ, за нимъ! Я еще удержу его! (*бросается къ двери прямо, на встрѣчу вбѣгаетъ Горбылевъ, начиная кричать еще за сценою*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Елена Михайловна, Горбылевъ.

Горбыл. —(*вбѣгая*) Воротился, Елена Михайловна! Не слушался, —услышалъ, какъ вы закричали его,—воротился!

Ел. Мих.—(*опускается на стулъ. Отдыхая*) О-о-охъ.

Горбыл. —Да; ему было не слышно; а какъ вы закричали погромче „Иліодоръ“,— онъ и услышалъ, и воротился.

Ел. Мих.—Да гдѣ жъ онъ?

Горбыл. —Идетъ. Только сердится. Самъ идетъ, а самъ нейдетъ: точно его ведутъ на веревкѣ, ей Богу!

ЯВЛЕНІЕ 13.

Тѣже. Свиридовъ.

Свирид. —(*входитъ неохотно; покорнымъ, но недовольнымъ голосомъ*) Я воротился, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—(*довольно слабымъ голосомъ*) Я приказываю вамъ не смѣть видѣть его!

Свирид. —Конечно, Елена Михайловна, если я воротился, то уже рѣшился не дѣлать того, что вамъ неугодно.

Ел. Мих.—Благодарю васъ, Иліодоръ Николаичъ (*жметъ руку*), я такъ испугалась за васъ!

Горбыл. —Я не нуженъ вамъ больше, Елена Михайловна? Такъ я пойду туда, къ Маврѣ; тамъ у меня остался славный кусочекъ. Можно, Елена Михайловна?

Ел. Мих.—(*даетъ знакъ головою, что можно. Горбылевъ уходитъ на право*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Елена Михайловна и Свиридовъ.

Ел. Мих.—(*начинаетъ кротко, потому что еще слаба*) Какъ вамъ не стыдно, Иліодоръ Николаичъ?

Свирид. —Я не зналъ, что это вамъ не понравится.

Ел. Мих.—(*оживляясь, потомъ горячась*) Вотъ это умно! Вы не знали! Онъ убилъ бы васъ, — хорошо бы это было? Ахъ, вы, безсовѣстный человѣкъ! Не смѣйте и глядѣть на меня! Какъ вы смѣли вздумать это, чтобъ онъ убилъ васъ? Садитесь, и ждите, и не смѣйте глядѣть на меня! (*Онъ стоитъ растерявшись*) Ахъ, вы, сумасшедшій! Я давно знаю васъ, какой вы! Только притворяетесь умнымъ, а въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій! И прекрасно сказалъ Максимъ Кириллычъ! Такъ и надобно съ вами! Только попробуйте повѣнчаться! Увидите, что я съ вами сдѣлаю! Привяжу васъ на веревку, такъ и буду держать! Что жь вы молчите? Видите, вамъ самому стыдно, что вы такой сумасшедшій! Что жь вы стоите? Садитесь и сидите, говорятъ вамъ, и не смѣйте глядѣть на меня! (*Онъ садится*) И зачѣмъ вамъ было нужно, чтобъ онъ убилъ васъ?

Свирид. —Ни за чѣмъ. Но только я самъ хотѣлъ убить его.

Ел. Мих.—А это зачѣмъ вамъ было нужно? Мѣшаетъ онъ намъ съ вами?

Свирид. —Нѣтъ, не мѣшаетъ. Вы сказали, что Михаилъ Петровичъ долженъ былъ выбросить это изъ головы.

Ел. Мих.—Такъ что жь вамъ было нужно?

Свирид. —Какъ же онъ смѣлъ такъ подумать о васъ, Елена Михайловна? Это такое оскорбленіе вамъ.

Ел. Мих.—Онъ обидѣлъ меня? Вы въ тысячу разъ больше обидѣли меня. Какъ вы смѣли забыть обо мнѣ.

Свирид. —Какъ же я забылъ о васъ, Елена Михайловна?

Ел. Мих.—Вы еще спорить? Какъ же вы не забыли обо мнѣ, когда пошли, чтобъ онъ убилъ васъ? Молчите и не смѣйте ничего говорить, безсовѣстный человѣкъ.

Свирид. —Елена Михайловна...

Ел. Мих.—Молчите!

Свирид. —Я совсѣмъ о другомъ, Елена Михайловна; я не объ этомъ.

Ел. Мих.—Да вы понимаете, что это безсовѣстно?

Свирид. —Это я понимаю, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—И раскаяваетесь?

Свирид. —И раскаяваюсь.

Ел. Мих.—И впередъ никогда не будетъ этого?

Свирид. —Никогда, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—Ну, хорошо. Говорите, что вы хотѣли сказать.

Свирид. —Если бы Михаилъ Петровичъ зналъ, что у васъ есть женихъ, вамъ не было бы этого безпокойства.

Ел. Мих.—Это правда.

Свирид. —Такъ вы позвольте, я поговорю съ Михаиломъ Петровичемъ.

Ел. Мих.—Хорошо. Я вижу, что я сама виновата. Не слѣдовало откладывать этого.

Свирид. —Конечно не слѣдовало, Елена Михайловна. А это можно сдѣлать завтра же,—повѣнчаться,—чтобы не было гостей и церемоній и всей этой скуки.

Ел. Мих. —Конечно, можно. Такъ и надобно. Если бы только скука, это еще ничего бы. Но я призналась вамъ: это стыдъ.

Свирид. —Значитъ, вы приказываете...

Ел. Мих. —Ахъ, не спрашивайте меня, Иліодоръ Николаичъ. Мало ли что я говорю, а сама ничего не знаю, что лучше для меня. Какъ лучше по вашему для меня, такъ и сдѣлайте,—все, какъ вы хотите. Завтра ли вѣнчаться, быть ли женихомъ и невѣстой; ѣхать ли въ Петербургъ прямо изъ церкви, пожить ли здѣсь—ничего не знаю. И здѣсь оставаться, я думаю, будетъ стыдно,—и съ отцомъ не хотѣлось бы разставаться раньше, нежели необходимо для васъ... Ничего не умѣю рѣшить... Дѣлайте, какъ лучше для меня...

Свирид. —Если такъ, Елена Михайловна, то.

(*За сценою шаги и голоса*).

Ел. Мих. —Да, да. Отецъ и кто это съ нимъ? Будто видѣла, но не помню. Господи, какое гадкое лицо! (*Это уже при входѣ Парадизова, въ полъ-голоса Свиридову*).

(*За сценою, между тѣмъ, голосъ Зиновьева, который договариваетъ уже на сценѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Тѣже. Зиновьевъ, Парадизовъ.

Зинов. —(*начинаетъ за сценою*)... Значатъ, обчистили и отпустили. Видно, и въ Москвѣ тѣ же люди. И хоть бы такъ отпустили! А то съ жандармомъ, на мѣсто жительства, подъ надзоръ полиціи! Иліодоръ Николаичъ! Добраго здоровья! (*Жметъ руку. Къ Парадизову*). Дочка моя; чать помнишь, Семенъ Клементьичъ, вотъ этакую (*показываетъ рукою ростъ маленькаго ребенка*). А ты, Леночка, помнишь Семена Клементьича?

Ел. Мих. —Теперь вспомнила.

Парад. —Ручку, барышня (*цѣлуетъ ея руку, повертываетъ ладонью вверхъ*). Ворожить умѣю, барышня. Женихъ генералъ, тысяча душъ. По линіямъ такъ выходитъ.

Ел. Мих. —У меня ужь есть женихъ, именно такой (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Зиновьевъ, Парадизовъ, Свиридовъ.

Парад. —Съ гостемъ познакомь, братецъ.

Зинов. —Иліодоръ Николаичъ, прошу любить и жаловать: мой бывшій сослуживецъ, отставной коллежскій секретарь Семенъ Клементьичъ Парадизовъ. (*Свиридовъ кланяется, сторонясь*).

Парад. —(*лѣзетъ за рукою Свиридова*). Позвольте быть знакомъ (*Свиридовъ принужденъ подать руку. Садятся*). Петербургскій, смѣю спросить?

Свирид. —А вы изъ Москвы? Пострадали за правду, кажется?

Парад. —По зависти.

Зинов. —Уѣхалъ быть ходатаемъ по дѣламъ при Московскомъ Сенатѣ. Враги искали случая погубить, обвинили въ составленіи фальшивыхъ документовъ...

Парад. —Уличить не могли.

Зинов. —Раззорили человѣка и вотъ выслали сюда на мѣсто жительства.

Парад. —По зависти къ уму.

Свирид. —Когда вы будете свободенъ, Михаилъ Петровичъ? Мнѣ надобно поговорить съ вами.

Зинов. —Я всегда готовъ переговорить съ вами, Иліодоръ Николаичъ. Семенъ Клементьичъ, ты, братецъ, извинишь? У насъ дѣло. Ступай, посиди съ Леночкою.

Парад. —(*вытаскивая изъ кармана бумаги*). Лучше просмотрю.

Зинов. —Уже обзавелся новыми дѣлами?

Парад. —Маленькими.

Зинов. —Такъ ты иди въ кабинетъ.

Парад. —Туда (*уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 17.

Зиновьевъ, Свиридовъ.

Свирид. —Конечно, вы давно замѣчали мое расположеніе къ Еленѣ Михайловнѣ, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. —Замѣчалъ, Иліодоръ Николаичъ.

Свирид. —И, надѣюсь, одобряете наши чувства.

Зинов. —Одобряю, Иліодоръ Николаичъ.

Свирид. —Пойдемъ же къ ней.

Зинов. —Нѣтъ, позвольте, Иліодоръ Николаичъ. Такъ не дѣлается. Прежде всего, я долженъ формально слышать отъ васъ. Потомъ поговорить съ нею. Такъ принято. Конечно, въ настоящемъ случаѣ это только форма. Но такъ принято. Итакъ, вы просите руки Леночки, Иліодоръ Николаичъ.

Свирид. —Прошу.

Зинов. —Съ моей стороны я очень радъ и передамъ ей ваше предложеніе. Но прежде мы должны говорить объ условіяхъ, какихъ вы требуете, и какія будутъ соразмѣрны съ моими возможностями, въ случаѣ ея согласія.

Свирид. —Мои условія тѣ, что вы благословите ее подъ вѣнецъ, мы повѣнчаемся и поѣдемъ въ Петербургъ.

Зинов. —Въ Петербургъ, конечно, потому что тамъ у васъ и служба и фабрика. Хоть мнѣ и тяжела разлука съ моею единственною дочерью, но я понимаю, что это должно быть такъ. Не скрою, предвидѣлъ это и приготовился. Но вы знаете, я человѣкъ небогатый. Я желалъ переговорить съ вами въ точности именно на счетъ этого.

Свирид. —Въ этомъ нѣтъ надобности. Я тоже человѣкъ небогатый. Но жалованье по службѣ, моя доля въ фабрикѣ Ильиныхъ, жалованье за уп-

равленіе фабрикой—вы знаете, все это составляетъ тысячи три дохода; этого довольно, Елена Михайловна не испытаетъ нужды.

Зинов. —Знаю, Иліодоръ Николаичъ, и ожидалъ отъ васъ именно такихъ словъ, какъ отъ человѣка, которому дорога Леночка, а не ея приданое. Но она моя единственная дочь и тѣмъ больше обязанъ я не отпустить ее изъ дому въ одномъ платьѣ. Могу дать за нею двѣ тысячи деньгами. Что касается вещей, надобно будетъ составить реестрецъ.

Свирид. —Пожалуй, составляйте.

Зинов. —Знаю, Иліодоръ Николаичъ, въ настоящемъ случаѣ это одна форма, не больше. Но нельзя безъ этого: такъ принято. Кромѣ того, расходы по свадьбѣ, сколько они, какъ принято, касаются невѣстиной стороны, конечно, на мой счетъ.

Свирид. —Этихъ расходовъ не будетъ, Михаилъ Петровичъ. Я попрошу священника молчать, чтобъ и въ церкви никого не было.

Зинов. —По нынѣшней модѣ, Иліодоръ Николаичъ?—Я человѣкъ не нынѣшнихъ модъ; но понимаю, что это самое лучшее во всѣхъ отношеніяхъ. Только одно, Иліодоръ Николаичъ: Леонидъ Александрычъ Хоневъ — Леночка сказывала вамъ?— вызвался быть посаженнымъ отцомъ.

Свирид. —Нѣтъ, Елена Михайловна не говорила мнѣ. Должно быть, онъ, какъ ни глупъ, не рѣшился сказать ей этого.

Зинов. —Значитъ, такъ. Иліодоръ Николаичъ, нельзя же отказать такому человѣку въ такомъ его добромъ расположеніи. А при такомъ человѣкѣ нельзя не сдѣлать парада, хоть маленькаго.

Свирид. —Это было бы непріятно Еленѣ Михайловнѣ. Потому этого не будетъ, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. —Иліодоръ Николаичъ, она молода; можетъ ли она понимать, Иліодоръ Николаичъ.

Свирид. —Прошу васъ, Михаилъ Петровичъ, не говорить о ней такъ.

Зинов. —(*вздыхаетъ*). Рѣшительно отказываете, Иліодоръ Николаичъ?

Свирид. —(*Не отвѣчаетъ*).

Зинов. —(*вздыхаетъ*). Ну, что дѣлать.

Свирид. —Вы желали переговорить со мною обо всемъ въ точности, Михаилъ Петровичъ; и переговорили (*встаетъ*).

Зинов. —(*удерживая его*) Иліодоръ Николаичъ, вы куда жь это? къ Леночкѣ? Нѣтъ, пожалуйста! Такъ не принято. Вы знаете: обычай требуетъ: сдѣлавши предложеніе отцу, или кому, тамъ, — сдѣлавшій предложеніе уходитъ и въ назначенное время приходитъ и получаетъ отвѣтъ. Сдѣлаемъ и мы такъ.

Свирид. —Да зачѣмъ же намъ такъ дѣлать? Я знаю, да и вы увѣренъ: Елена Михайловна согласна. Что же мнѣ приходить, да уходить?

Зинов. —Конечно, пустая форма. Но прошу васъ. Потѣшьте старика хоть въ этомъ. И какъ это въ настоящемъ случаѣ только форма, то и отсрочку возьмемъ самую маленькую,—вотъ, часа черезъ два пора обѣдать,—мы и будемъ ждать васъ къ обѣду,—два часа, ну много ли это?—

Ну, и раньше, пожалуй, —ну, приходите черезъ часъ, ну, черезъ полчаса; полчаса, какая тутъ важность, полчаса?

Свирид. —Да зачѣмъ же вамъ такъ нужна эта отсрочка?

Зинов. —Иліодоръ Николаичъ, скажу вамъ откровенно: хочу обстоятельно сообразить свои возможности на счетъ приданаго вещами.

Свирид. —Да не нужно оно, ни ей, ни мнѣ.

Зинов. —Ну, пожалуйста, Иліодоръ Николаичъ. Позвольте составить реестрецъ, какъ принято, съ точностью.

Свирид. —Да, если бы я былъ вспыльчивый человѣкъ, я могъ бы обидѣться этимъ и за себя и за Елену Михайловну: или вы мало увѣрены въ насъ.

Зинов. —Иліодоръ Николаичъ, ну, пожалуйста, форма того требуетъ. Ну, прошу васъ.

Свирид. —(*пожимаетъ плечами*).

Зинов. —Ну, потѣшьте старика!

Свирид. —Хоть вы и не старикъ, но извольте, потѣшу (*беретъ фуражку*).

Зинов. —Вотъ и прекрасно. Больше мнѣ ничего и не нужно, какъ только составить реестрецъ и чтобы соблюсти форму. Вотъ и прекрасно! (*Провожаетъ Свиридова въ переднюю. Изъ кабинета высовывается Парадизовъ, смотритъ въ слѣдъ имъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18.

Зиновьевъ, Парадизовъ.

Парад. —(*выходя къ возвращающемуся изъ передней Зиновьеву*) Обдѣлалъ дѣльце, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. —Не совсѣмъ еще, Семенъ Клементьичъ. (*Кричитъ*). Леночка! Другъ мой, Леночка! (*Парадизову*). Ты, Семенъ Клементьичъ, оставь насъ однихъ.

Парад. —Другъ ты мой, ты прежде посовѣтовался бы со мною.

Зинов. —Не о чемъ совѣтоваться-то, Семенъ Клементьичъ.

(*Входитъ Елена Михайловна. Парадизовъ уходитъ опять въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19.

Зиновьевъ, Елена Михайловна.

Зинов. —(*обнимая дочь*) Вотъ, Леночка, счастье твое и устраивается.

Ел. Мих. —(*обнимая его*) Да, папаша! Только все таки мнѣ жаль бросить васъ.

Зинов. —(*садясь, сажая ее подлѣ себя и лаская*) Ну, что дѣлать, Леночка. Ты не плачь. Человѣкъ онъ такой, что мое сердце спокойно за твое счастье съ нимъ.

Ел. Мих. —Да, папаша.

Зинов. —У меня къ тебѣ только одна просьба, Леночка. Леонидъ Александрычъ Хоненевъ былъ такъ добръ, что вызвался быть твоимъ посаженнымъ отцомъ.

Ел. Мих.—(*живо*) Нѣтъ, Папаша.

Зинов. —Леночка, дружокъ мой, не откажи. Онъ можетъ все сдѣлать для моего счастья. А отказать ему—обидится. Вы уѣдете, а я тутъ остаюсь, весь въ его власти.

Ел. Мих.—(*ласково*) Хорошо, папаша.

Зинов. —Благодарю тебя, Леночка. (*Обнимаетъ ее*). Ты уговоришь и Иліодора Николаича, Леночка, чтобъ онъ согласился?

Ел. Мих.—Онъ согласится, папаша (*спокойно, съ увѣренностью*).

Зинов. —Безпокоюсь я за это, Леночка, согласится ли онъ: онъ былъ такъ противъ этого.

Ел. Мих.—Согласится, папаша.

Зинов. —Ну, слава Богу, когда ты такъ обѣщаешь! (*Обнимаетъ ее*). Милая моя дочка, единственное ты мое сокровище! Разставаться намъ съ тобою. (*Плачетъ*). Ну, да что дѣлать! Ты не плачь, мой другъ...

Ел. Мих.—(*смѣется*). А самъ то вы, папаша?

Зинов. —(*утираетъ глаза*). И я не буду, Леночка, что же плакать. Не такъ разстаемся, чтобы не видѣться. Будете пріѣзжать навѣщать меня; дороги нынѣ хорошія.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Тѣ-же Парадизовъ.

Парад. —(*входя*) Не помѣшалъ ли?

Ел. Мих.—(*утираетъ слезы и встаетъ*).

Парад. —Уходите отъ старика, барышня? А старикъ васъ любитъ.

Ел. Мих.—У меня теперь много дѣла. Сборы (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 21.

Парадизовъ, Зиновьевъ.

Парад. —(*указывая на уходящую Елену Михайловну*) Капиталъ!

Зинов. —Какъ ты говоришь?

Парад. —(*садясь*) Говорю: капиталъ. А ты умѣлъ воспользоваться.

Зинов. —Какъ воспользоваться?

Парад. —Умно устроилъ дочку.

Зинов. —А ты подслушивалъ?

Парад. —Неподслушивалъ; слышалъ (*сострадательно качаетъ головою*). Жаль.

Зинов. —Какъ жаль? Ты про кого говоришь? Про нее, что ли?

Парад. —Про тебя. А хоть и про нее тоже самое, пожалуй.

Зинов. —Чего жь ее жалѣть? Прекрасный человѣкъ. Любитъ ее. Есть и состояніе.

Парад. —Я и говорю: хорошо.

Зинов. —Нѣтъ, братецъ ты мой, ее жалѣть нечего.

Парад. —Я и говорю: ее жалѣть нечего. (*Качаетъ головою*). И тебя тоже. Умѣлъ воспользоваться.

Зинов. —Что же? Сколько было можно, я воспользовался тѣмъ, что онъ беретъ ее безъ расчета. Всѣмъ было извѣстно, что за нею было назначено четыре тысячи. Я даю ему двѣ. Вовсе ничего не дать неприлично. Да я и люблю ее. Какой же еще выгоды? Опять приданаго вещами не нужно дѣлать. Что есть, то и есть. Ни салопа новаго, ни чего. Это тоже надобно считать по крайней мѣрѣ въ тысячу. Нѣтъ, Семенъ Клементьичъ, ты что хочешь говори, а я очень доволенъ.

Парад. —Я и говорю: хорошо.

Зинов. —Да ты къ чему жь это говоришь?

Парад. —Я къ тому говорю, что лучше и нельзя было.

Зинов. —И нельзя было.

Парад. —(*качаетъ головою*) Отсрочки проситъ—я думаю: видитъ, что можно лучше устроить счастье дочери,—а онъ за тѣмъ, чтобы дочь упросить Хоненева взять въ посаженные отцы.

Зинов. —Что же кромѣ-то? Больше ничего нельзя.

Парад. —Говорилъ я тебѣ или нѣтъ: посовѣтуйся со мною?

Зинов. —Да не о чемъ тутъ совѣтоваться-то. Понимаешь ты или нѣтъ: значитъ, наотрѣзъ отступился, когда въ посаженные отцы назвался. Что же тутъ сдѣлаешь? И покорствуй, благословляй. Больше дѣлать нечего.

Парад. —И я говорю: больше дѣлать нечего.

Зинов. —Да ты что же такъ говоришь?

Парад. —А я вотъ что говорю: ты мнѣ какую долю можешь дать?

Зинов. —(*съ горячностью*). Да что это, братецъ ты мой, ты про что жь это такое говоришь?

Парад. —Я про то: доставлю я тебѣ отъ Хоненева, примѣрно, сто тысячъ,—меньше брать—дуракъ будешь: дѣвушка, одно слово, капиталъ. Ну, я доставлю тебѣ сто тысячъ, ты мнѣ какую долю даешь?

Зинов. —Да что же ты въ самомъ дѣлѣ? Какъ же ты меня понимаешь? За подлеца?

Парад. —Никакъ я тебя не понимаю. Нѣтъ надобности мнѣ тебя никакъ понимать. Я говорю о дѣлѣ, а ты рацею заводишь. Одно къ другому нейдетъ.

Зинов. —Нѣтъ, братецъ ты мой, я никакой подлости никогда не дѣлалъ, и не сдѣлаю.

Парад. —Да я вовсе не про подлость и говорю, а про твои собственныя мысли.

Зинов. —Нѣтъ, я этого не хотѣлъ.

Парад. —Чего ты не хотѣлъ, того я и не велю тебѣ хотѣть.

Зинов. —Нѣтъ, братецъ ты мой, я на это не согласенъ!

Парад. —На что ты несогласенъ? Я ни о чемъ и не говорю. Я говорю только: какую долю ты можешь дать?

Зинов. —Какъ же ты ни о чемъ не говоришь? Ты говоришь, чтобъ онъ взялъ ее въ любовницы. Я этого не хотѣлъ.

Парад. —Да ты не говори со мною, какъ съ малымъ ребенкомъ.

Зинов. —(*все больше горячится*) Нѣтъ, братецъ ты мой, я на это несогласенъ.

Парад. —Чудны мнѣ эти люди, такіе, какъ вотъ ты, Михаилъ Петровичъ. Самъ хочетъ; а скажи ему, чего онъ хочетъ—отрекается.

Зинов. —Нѣтъ, я этого не хотѣлъ.

Парад. —(*качаетъ головою и молчитъ*) Эхъ, люди, люди! (*Молчитъ*). Эхъ, люди, люди! (*Молчитъ. Оживляется*). Ну, хорошо. Будь по твоему. Ты чего хотѣлъ?

Зинов. —Чтобъ онъ женился на ней.

Парад. —Хорошо. Сколько даешь за труды?

Зинов. —Да неужто ты берешься за это? Да это невозможно, братецъ ты мой.

Парад. —Сколько даешь?

Зинов. —Да ты скажи свои условія.

Парад. —Прежде всего эту свадьбу разстроить. Четыре тысячи, какъ ты обѣщалъ за ней, то и давай. Тогда приданаго не нужно. Видишь, я ни копѣйки не обижаю тебя. А тамъ, послѣ, условимся объ остальномъ.

Зинов. —Да ты, взявши деньги, отступишься.

Парад. —Какъ тебѣ не грѣшно такъ обижать меня, Михаилъ Петровичъ; кого другого, а тебя стану ли я обманывать? (*Встаетъ: съ пафосомъ*). Вотъ, знай же ты меня, каковъ я человѣкъ. Ни копѣйки твоей мнѣ не надо. Даромъ сдѣлаю! Вотъ тогда совѣсть-то и упрекнетъ тебя, что ты понапрасну меня обидѣлъ! Захочешь отблагодарить—твоя воля; не захочешь—Богъ тебѣ судья!

Зинов. —(*выпучивъ глаза*) Да ты не въ шутку, Семенъ Клементьичъ?

Парад. —Какія тутъ шутки, когда ты меня въ самое сердце укололъ!

Зинов. —Да какъ же это сдѣлать-то? Отказать въ приданомъ, что ли?

Парад. —Попробуй. Только хуже сдѣлаешь.

Зинов. —Такъ какъ же, по твоему. (*Встаетъ*).

Парад. —Просто, другъ ты мой. Плакала она тутъ, или нѣтъ?

Зинов. —Плакала.

Парад. —О чемъ?

Зинов. —Жаль со мною разставаться.

Парад. —Чего жь тебѣ еще?

Зинов. —Да что же, я все не пойму.

Парад. —Видно, надобно долго тебѣ толковать. Не захватилъ бы онъ насъ тутъ, не давши договорить. Пойдемъ-ка въ кабинетъ. А сюда позови дочь, чтобы занимались тутъ про между собою, чтобы не нагрянулъ онъ и туда къ тебѣ.

Зинов. —(*кричитъ*). Леночка! (*Парадизову*). Что же я ей скажу-то?

Парад. —Скажи: все пусть, какъ они хотятъ. Не смущать же ихъ.

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣже, Елена Михайловна.

Зинов. —Ты посиди тутъ, Леночка. Скоро придетъ Иліодоръ Николаичъ за отвѣтомъ. Ты согласна, что ли? (*Смѣется*). Я тебя еще не спрашивалъ.

Ел. Мих. —(*грустно*) Папаша, онъ говорилъ: прямо изъ церкви въ Петербургъ.

Зинов. —Поговорите обо всемъ и рѣшите, какъ разсудите. (*Зиновьевъ и Парадизовъ уходятъ въ кабинетъ, Елена Михайловна садится, постепенно задумывается и начинаетъ плакать*).

ЯВЛЕНІЕ 23.

Елена Михайловна сидитъ, задумавшись, и по временамъ утираетъ глаза. Черезъ нѣсколько времени входитъ **Свиридовъ**.

Ел. Мих. —(*не вставая; съ улыбкою, но сквозь слезы*). Иліодоръ Николаичъ, если бы вы знали, какъ мнѣ грустно.

Свирид. —(*садится подлѣ нея*). Я понимаю, Елена Михайловна.

Ел. Мих. —Иліодоръ Николаичъ, неужели вы сдѣлаете все такъ, какъ говорили?

Свирид. —Да, Елена Михайловна, я ходилъ къ священнику. Завтра поутру онъ повѣнчаетъ насъ. Прямо изъ церкви сядемъ въ коляску и уѣдемъ!

Ел. Мих. —(*со слезами*) Иліодоръ Николаичъ, я не хочу такъ!

Свирид. —Елена Михайловна, то, что вы говорили объ этомъ, совершенная правда. Быть невѣстою—оставаться послѣ свадьбы въ обществѣ прежнихъ знакомыхъ, это очень тяжело для дѣвушки, которая не любитъ вѣтриничать.

Ел. Мих. —Нѣтъ, Иліодоръ Николаичъ, лучше я буду невѣстою.

Свирид. —Вы хотите быть невѣстою? Въ такомъ случаѣ, я долженъ быть женихомъ (*тихо обнимаетъ ее одною рукою и хочетъ поцѣловать*).

Ел. Мих. —(*хочетъ принять поцѣлуй, но вдругъ откачнувшись*) Нѣтъ, нѣтъ! Лучше когда нибудь послѣ.

Свирид. —Видите, какъ вамъ стыдно? Какъ же вы будете невѣстою?

Ел. Мих. —Правда. Пусть будетъ по вашему. (*Беретъ его руку, снимаетъ ее съ своей таліи*). Иліодоръ Николаичъ, пожалуйста! Не надобно обнимать.

Свирид. —Вы милая дѣвушка, Елена Михайловна.

Ел. Мих. —Для васъ должна быть милою, Иліодоръ Николаичъ; потому что очень люблю васъ. Я сама не рада, что не могу приласкать васъ.

Свирид. —Это именно оттого, что вы любите меня.

Ел. Мих. —(*смѣется*) Ахъ, разумѣется. Если бы вы видѣли, какъ я обнималась съ Сережею.

Свирид. —Значитъ, его вы не любили?

Ел. Мих. —Не смѣйте такъ говорить! (*Смѣется*). Съ вами нельзя говорить. И вотъ вамъ за это новость: я беру Хоненева въ посаженные отцы.

Свирид. —Елена Михайловна, но это непріятно вамъ.

Ел. Мих. —Иліодоръ Николаичъ: отецъ просилъ.

Свирид. —Нѣтъ, Елена Михайловна, мы не согласимся.

Ел. Мих. —Нѣтъ, я согласилась, Иліодоръ Николаичъ. Да онъ и не до такой степени непріятенъ мнѣ: онъ глупый, но дѣйствительно добрый.

Свирид. —Что жъ, Елена Михайловна, мнѣ самому съѣздить за нимъ?

Ел. Мих. —Нѣтъ, пусть ѣдетъ отецъ. Это тридцать верстъ. Чтобы я отпустила васъ на столько времени!

ЯВЛЕНІЕ 24.

Тѣ-же, Парадизовъ, Зиновьевъ.

Парад. —(*идетъ впереди, совершенно убитый. Зиновьевъ сзади, насмѣшливо показываетъ глазами на него Свиридову и дочери. Проходятъ въ переднюю молча*).

Парад. —(*за сценою сердито*) Прощайте, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. — (*сухо*). Прощайте, Семенъ Клементьичъ.

Свир. —Ссора. Я очень радъ. Этотъ человѣкъ не нравился мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ 25.

Елена Михайловна, Свиридовъ, Зиновьевъ.

Зинов. —(*возвращаясь*) Нацѣловались, женихъ съ невѣстою?

Ел. Мих. —Нацѣловались, папаша. (*Свиридову*) Ахъ, какую правду вы говорите. Даже и онъ!

Зинов. —Ну, и при мнѣ поцѣлуйтесь. Утѣшьте отца.

Ел. Мих. —Ахъ, папаша, некогда. Мнѣ надобно собираться въ дорогу, вы знаете.

Зинов. —Мало любишь Иліодора Николаича, Леночка; а то было бы время. Иліодоръ Николаичъ, да вы чего же глядите?

Свир. —Я гляжу того, какъ вы дадите мнѣ реестръ приданаго.

Зинов. —А! Смѣется надъ старикомъ! Хорошъ женихъ! Невѣсту не цѣлуетъ, надъ нареченнымъ тестемъ смѣется.—А каковъ гусь, мой другъ-то, Семенъ-то Клементьичъ? Дай ему четыре тысячи взаймы подъ росписку! Вишь ты, съ чѣмъ подъѣхалъ! —Да, а реестрецъ-то приданаго. (*Серьезно*) Передумалъ я, Иліодоръ Николаичъ: никакого приданаго у Леночки не будетъ.

Ел. Мих. —И тѣмъ лучше, папаша. Я такъ и хотѣла просить васъ.

Свир. —(*обнимаетъ*) Благодарю тебя, Леночка, за то, что ты такъ думала обо мнѣ.

Ел. Мих. —Я знаю тебя, Иліодоръ. (*Сама цѣлуетъ его*).

Зинов. —Ахъ, вы дѣти, дѣти! Съ ними шути, они и вѣрятъ. Передумалъ я, Иліодоръ Николаичъ; передумалъ, только не совсѣмъ такъ сказалъ. И радъ бы душою дать что нибудь за Леночкою, да не могу. Самъ ничего не имѣю, такое дѣло вышло. Вотъ. (*Подаетъ Свиридову бумагу. Свиридовъ, взглянувши, начинаетъ спокойно раздирать*).

Ел. Мих. —Что это такое? Постой, не рви! И я хочу прочесть. (*Наклоняется къ бумагѣ; взглянувъ*) Ахъ, папаша! Неужели вы такой гадкій! (*Читаетъ*).

„Краткая опись имущества, принадлежащаго дочери моей, Еленѣ:

„1. Деревня Иваново Подворье;

„2. Домъ въ городѣ, со всѣмъ находящимся въ немъ;

„3. Наличныхъ денегъ 8050 рублей.

„На что и совершаю дарственную запись“.

Да у васъ ничего не остается, папаша!

Зинов. —А жалованье-то, Леночка? Да и наличными оставилъ себѣ на расходы

рублей съ сотню. (*Свиридовъ между тѣмъ раздираетъ бумагу*). Рвите! Не въ этой бумагѣ сила, въ документѣ. Моя воля его совершить. Помѣшать не можете.

Ел. Мих.—Папаша, да что жь это вы съ ума сошли? Что за несчастная судьба моя! Женихъ—сумасшедшій, отецъ—сумасшедшій. (*Смѣется*).

Зин. —Нѣтъ, Леночка. На отца ты напрасно говоришь: никакого сумасшествія тутъ нѣтъ. Пошли у меня мысли, мысли... не могу я вынести этой мысли, что не буду видѣть тебя. Когда все тутъ ваше, то можетъ хоть почаще будете навѣщать здѣшнія мѣста.

Ел. Мих.—Папаша, этого не нужно. Иліодоръ выйдетъ въ отставку и будетъ жить съ нами здѣсь. Мы съ вами не разстанемся (*обнимаетъ отца*).

Свирид. —Я такъ сдѣлаю, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. —Оживили вы мое сердце, Иліодоръ Николаичъ (*обнимаетъ Свиридова*). Ни просить не смѣлъ, ни надѣяться. Тѣмъ меньше могъ ожидать, что фабрику за глазами нельзя оставить.

Свирид. —Конечно, нельзя. Я поѣду, сведу счеты съ компаньонами, возьму свои деньги, куплю здѣсь землю.

Ел. Мих.—Иліодоръ, ты уѣзжаешь?

Свирид. —На полтора мѣсяца, не больше, Леночка; надѣюсь, и того меньше.

Ел. Мих.—Такъ поѣзжай скорѣе, чтобы скорѣе вернуться.

Занавѣсъ падаетъ.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лица:

Михаилъ Петровичъ Зиновьевъ.
Елена Михайловна, его дочь.
Леонидъ Александрычъ Хоненевъ.
Максимъ Кириллычъ Горбылевъ.
Семенъ Клементьичъ Парадизовъ.
Сергѣй Васильичъ Короваевъ; 25 лѣтъ. Бойкій.

Сцена первая.

(Черезъ пять дней).

Та-же комната.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Парадизовъ бѣжитъ изъ кабинета; за нимъ торопливо идетъ **Зиновьевъ**, наталкивается на входящаго **Короваева**; съ жестомъ удивленія обнимаетъ его.

Зинов. —(*обнимая Коров.*) Сергѣй Васильичъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Я ворочусь черезъ минуту; а Леночка дома. (*Кричитъ*) Леночка! Иди сюда! Посмотри кто. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Короваевъ. Елена Михайловна.

Ел. Мих. —(*входитъ; какъ видитъ Короваева, бѣжитъ къ нему съ крикомъ*) Сережа! (*Кидается ему на шею и виситъ*).

Коров. —(*цѣлуя ее*) Такъ вотъ какъ встрѣчаешь меня, Леночка. Я признаюсь, ожидалъ не такого пріема. Думалъ: покраснѣетъ, будетъ держать себя застѣнчиво, какъ слѣдуетъ дѣвицѣ—съ молодымъ человѣкомъ. А она, два года не видавшись, дожившн до восемнадцати лѣтъ, облапила меня по прежнему. Когда такъ, извините, скажу, сударыня: таскать васъ на шеѣ, шея заболитъ; вы росту не маленькаго, милая дѣвица (*снимаетъ ее у себя съ шеи, ведетъ въ охапкѣ, сажаетъ, садится самъ вплотъ, держитъ руки въ рукахъ, все безъ умолку, говоря*). И отъ шестнадцатилѣтней отъ васъ было мнѣ отчасти огорченіе, по такому вашему нраву со мною; а теперь я не могу принять этого иначе, какъ за афронтъ молодому человѣку! (*Встряхиваетъ руки и серьезно*). Ну, какъ же ты поживаешь, Леночка, голубушка моя?

Ел. Мих. —Ахъ, Сережа, порадуйся за меня, мой милый: я выхожу замужъ: и знаешь ли...

Коров. —(*не давая договорить, свищетъ*) Ф-ф-ть. Такъ и есть! Афронтъ молодому человѣку, какъ нельзя того хуже. (*Передразнивая*) Порадуйся, выхожу замужъ! (*Съ комедіальнымъ азартомъ*). Да, что жь, милостивая государыня, сестрица, что-ли, я дался вамъ, что вы угощаете меня такими радостями?

Ел. Мих. —Лучше сестры, Сережа; да ты слушай, мой милый, кто мой женихъ; ну, угадай.

Коров. —Съ удовольствіемъ угадаю и безъ ошибки: я.

Ел. Мих. —Ахъ, Сережа, да ты не смѣйся. Ты порадуйся за меня; ты слушай, кто мой женихъ: твой пріятель Иліодоръ Никола...

Коров. —Свидовъ?! (*Обнимаетъ ее*) Отъ души поздравляю, Леночка. (*Цѣлуются*). Милая ты моя, радъ, радъ за тебя. Да стой! Какъ онъ попалъ сюда? Какъ проѣхалъ черезъ Москву, не справившись обо мнѣ? Вотъ, я задамъ ему звону! Не желай и злому татарину, Леночка, попасть въ такую расправу, какъ я ругать буду. Ты тогда лучше уходи, а то жаль будетъ тебѣ его.

Ел. Мих. —Да онъ справлялся о тебѣ, когда проѣзжалъ черезъ...

Коров. —(*махнувъ рукою*) Оно точно. Искали и такіе, которымъ понужнѣе было найти, да не отыкивали. Подлецы эти кредиторы, Леночка, самый отвратительный народъ. Никогда не шей себѣ, Леночка, ни сапоговъ, ни какого мужского платья въ кредитъ,—вотъ тебѣ совѣтъ мой (*Елена Михайловна вскакиваетъ и бѣжитъ*) опытности. Да куда ты?

Ел. Мих. —Сейчасъ, Сережа! (*Убѣгаетъ; возвращается; подаетъ портъ-моне*). Вотъ, Сережа, это мои.

Коров. —Что ты, мать моя? Ты прежде спросила бы. Ну, да хорошо; давай. (*Беретъ портъ-моне; раскрывая*) Сколько тутъ?

Ел. Мих.—Сто семь рублей, Сережа.

Коров. —Семь рублей оставляю, сто беру (*вынувъ деньги, кладетъ семь рублей назадъ*). Спасибо тебѣ (*вынимаетъ свой бумажникъ, кладетъ ея деньги туда, вынимаетъ оттуда сторублевую бумажку, кладетъ въ ея портъ-моне*). А вотъ на ихъ мѣсто. Видишь, не отказался (*отдаетъ ей портъ-моне*).

Ел. Мих.—Да какъ же, Сережа, когда ты говорилъ, что прожилъ всѣ деньги, а у тебя ихъ много.

Коров. —А, длинная исторія, Леночка. Краткій же смыслъ ея: когда не осталось никакихъ ресурсовъ бездѣльничать, разсудилъ, что пора сдѣлаться почтеннымъ человѣкомъ, какимъ ты и имѣешь удовольствіе видѣть меня (*кланяется важно*).

Ел. Мих.—Тебя вижу, Сережа, а почтеннаго человѣка не вижу.

Коров. —Твое зрѣніе обманываетъ тебя, душа моя. Да гдѣ же твой Свиридовъ? Посылай за нимъ; подавай его мнѣ сюда, удушить.

Ел. Мих.—(*впадая въ элегическій тонъ*) Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, Сере...

Коров. —Устроить свои дала передъ свадьбой? У него тамъ доля въ чьей-то фабрикѣ, кажется? Чтожь это значитъ,—сюда, что-ли, переселяется?

Ел. Мих.—Да, Сережа; и уже шестой день...

Коров. —Какъ уѣхалъ. И до сихъ поръ нѣтъ. Долго! По нашему въ Петербургъ съѣздить въ пять минутъ?

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа, не смѣйся; но если бы ты зналъ...

Коров. —Въ какомъ ты горѣ? Вижу. Да что-жь ты не плачешь? Ты плачь.

Ел. Мих.—Ахъ, Сережа! какъ тебѣ не стыдно смѣяться!

Коров. —Какой тутъ смѣхъ, мать моя! Самъ вмѣстѣ съ тобой ударился бы въ слезы, да только вотъ некогда чемоданъ развязывать; а то вынулъ бы (*Елена Михайловна начинаетъ толкать его, чтобы остановился и далъ ей договорить*) дюжину платковъ, усѣлись бы мы съ тобою и какой отличный ревъ могли бы поднять: ы-ы-ы (*прикладываетъ платокъ къ глазамъ и хнычетъ*).

Ел. Мих.—(*толкая сильнѣе*) Сережа, да ты постой дурачиться. (*Онъ все воетъ*) Сережа, ты видишь, я хочу спросить тебя. (*Онъ останавливается*). Ты сказалъ: не будешь развязывать чемодана,—что жь это? Уѣзжаешь? Только что показался и уѣзжаешь? А я думала, ты къ намъ надолго.

Коров. —Вовсе поселюсь у васъ. Но теперь только на три, четыре часа, только заѣхалъ повидаться съ тобою; считай, во сколько верстъ сдѣлалъ крюкъ: ѣду въ Волчекъ. Недѣли черезъ три вернусь и тогда примусь утѣшать тебя, если этого нехристя еще не будетъ. Видишь ли, другъ мой Леночка, разсудивши, какъ я тебѣ сказалъ, сдѣлаться почтеннымъ человѣ...

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ-же, Хоненевъ, Зиновьевъ.

Хонен. —Елена Михайловна, добраго здоровья. На перепутьѣ—только взглянуть на васъ...

Ел. Мих. —(*жметъ ему руку*) И выпить моей вишневки, не правда-ли? Не отъ пущу васъ безъ того. Сію минуту (*хочетъ уйти*).

Хонен. —(*удерживая*) Погодите. Прежде скажите, что женихъ?

Ел. Мих. —Женихъ измѣнилъ. До сихъ поръ ни одной строчки. Когда вернется, я выцарапаю ему глаза.

Хонен. —Вы умѣете царапаться?

Ел. Мих. —О, страшно! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Хоненевъ, Зиновьевъ, Короваевъ.

Хонен. —Что это за милая дѣвушка ваша дочь, Михаилъ—Эмм...

Зинов. —Михаилъ, сынъ Петровъ.

Хонен. —Петровичъ!—очень милая; и до такой степени, какъ будто бы даже воспитывалась въ хорошемъ обществѣ. А это? (*указывая на Короваева*) вашъ родственникъ, или знакомый?

Зинов. —Это, Леонидъ Асександ...

Коров. —Позвольте, Михаилъ Петровичъ, я самъ отрекомендую себя, если это необходимо. — Коммисіонеръ по здѣшнему торговому району отъ фирмы Скараманга и К°, Короваевъ.

Хонен. —(*протягивая руку*) Очень пріятно познакомиться.

Коров. —Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Хонен. —Здѣшній помѣщикъ, Хоненевъ.

Коров. —Очень пріятно познакомиться (*беретъ и жметъ руку*).

Хонен. —А вы, какъ вижу, не здѣшній?

Коров. —Нѣтъ, я выросъ здѣсь.

Хонен. —(*хлопаетъ глазами*) Аммм... (*мнется, чтобы сказать*) Амммм...

Коров. —Вы, можетъ быть, удивляетесь, какъ же я не зналъ васъ? Нѣтъ, я зналъ. Но въ Петербургѣ, въ Москвѣ такъ принято.

Хонен. —Гггда, гггда... Надѣюсь... надѣюсь, мы будемъ съ вами дѣла...

Коров. —Дѣла? Пожалуй. Теперь я ѣду побывать на пристаняхъ, поговорить съ купцами, въ особенности, съ братьями Сапожниковыми.

Хонен. —Да, братья Сапожниковы, — да, братья Сапожниковы, — какъ же, какъ же.

Коров. —Съ такими милліонами и фирма Скараманга и К° не должна быть въ контрѣ, вы понимаете.

Хонен. —Да, да!

Коров. —А когда вернусь, то уже отъ васъ будетъ зависѣть, будемъ ли мы съ вами имѣть дѣла! Я всегда готовъ. Но закупка у меня въ нынѣшнемъ году маленькая: здѣсь не можетъ быть большихъ закупокъ. Отъ пристаней далеко. Можно покупать лишь на столько, чтобы не подымать цѣны, —не искать, а пока упрашиваютъ: „сдѣлай милость, возьми“. Но если вамъ угодно начать со мною дѣло, я очень радъ. Купить все изъ однѣхъ рукъ,—тѣмъ меньше хлопотъ.

Хонен. —Да... Итакъ вы, пожалуйста, ко мнѣ первому (*протягиваетъ руку*).

Коров. —(*беретъ*). Извольте.

Хонен. —Я такъ и буду ждать. — А вы, какъ видно, занимались изученіемъ торговаго положенія здѣшняго края?

Коров. —Благодаря начальству, прожилъ здѣсь много лѣтъ.

Хонен. —Были присылаемы на казенный счетъ для изученія здѣшняго края?

Коров. —Нѣтъ. Въ пятомъ классѣ гимназіи побилъ инспектора. Выгнали. Вернулся на родину. Прожилъ четыре года, поѣхалъ въ Москву, въ университетъ. Пробылъ тамъ годъ, случилась студенческая исторія. Выгнали. Вернулся на родину, прожилъ два года. Думалъ, забыли; поѣхалъ въ Москву. Не забыли; не приняли. Не допустили бъ и до экзаменовъ, если бъ явился. Предвидя это, я и не являлся. Прожилъ два года, прожился. Тогда растолковалъ одному пріятелю, пріятель написалъ Скараманге, что я хорошо знаю этотъ край, благодаря начальству...

Хонен. —(*хохочетъ*). Благодаря начальству—ха, ха, ха!.. Благодаря начальству,—ха, ха, ха!..

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ-же, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—Идите туда закусывать: у меня довольно прислуги; и козачекъ и лакей, и горничная, но, по обыкновенію, некому подать закуску: горничная пропала, лакей на ногахъ не стоитъ, козачекъ измарался такъ, что въ два часа не отмоется. А сама столбовая дворянка не можетъ подать. Идемъ же (*беретъ Короваева подъ руку*).

Хонен. —(*встаетъ*). Елена Михайловна, вы знаете: благодаря начальству!

Ел. Мих.—Что такое?

Хонен. —Ха, ха, ха! это очень мило: благодаря начальству, Елена Михайловна!..

(*Идутъ направо: Коровавъ и Елена Михайловна подъ руку, впереди; Хоненевъ за ними; сзади Зиновьевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Зиновьевъ, Парадизовъ.

Парад. —(*просовывается въ дверь изъ передней, когда Елена Михайловна и Короваевъ ушли, а Хоненевъ уходитъ*) Кхе, кхе (*слышка кашляетъ*).

Зинов. —(*оглядывается, останавливается*).

Парад. —(*входя*) Что, братецъ ты мой, каково?

Зинов. —Хорошо, Семенъ Клементьичъ.

Парад. —То то же!

За сценою ревъ и хохотъ Хоненева: „Благодаря начальству, ха, ха, ха“).

Парад. —А гдѣ Горбылевъ?

Зинов. —Чать тутъ гдѣ нибудь. Ужь и Богъ его знаетъ, какъ это онъ видитъ:

чуть экипажъ чей нибудь къ воротамъ, онъ ужъ и тутъ, — глупъ, глупъ, а понимаетъ, что послѣ гостей останется ему доѣдать что нибудь хорошее.—Ну, ты извини, Семенъ Клементьичъ: мнѣ надо туда.

Парад. —Не держу. Мнѣ только про Горбылева-то. (*Зиновьевъ идетъ направо*). Дверь-то за собою притвори, да не совсѣмъ.

(*Зиновьевъ дѣлаетъ такъ. Парадизовъ подкрадывается къ щелкѣ, заглядываетъ и прислушивается*).

(*За сценою ревъ и хохотъ Хоненева*) Благодаря начальству, ха,-ха,-ха!

(*Парадизовъ при этомъ ревѣ сострадательно качаетъ головою и сладко улыбается. Опять прислушивается. Вдругъ отбѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Парадизовъ, Короваевъ.

Коров. —(*быстро входя*) Чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?

Парад. —Дожидаюсь хозяина. Больше ничемъ не занимаюсь.

Коров. —Кто вы такой?

Парад. —Неужели не вспомните Парадизова, Семена Климентьича, Сергѣй Васильичъ?—Давно, а видывались частенько.

Коров. —(*перемѣняя тонъ*) А! И узналъ бы васъ, если бъ ожидалъ, что могу увидѣть васъ опять здѣсь. Но я слыхивалъ въ Москвѣ, какъ прекрасно вели вы свои дѣла. Какъ же вы смогли разстаться съ первопрестольною, Семенъ Клементьичъ?

Парад. —(*вздыхая*) Зависть злыхъ людей.

Коров. —(*трепетъ по плечу*) Понимаю, Семенъ Клементьичъ, злобу человѣческую. Самъ страдалъ за правду. Что-же, значитъ: какъ въ Пензѣ, въ Симбирскѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, такъ и въ Москвѣ: злые люди выхлопотали запрещеніе быть ходатаемъ?

Парад. —(*возводя глаза къ небу*) Хуже! въ Москвѣ люди еще злѣе. Суди между ними и мною Царь небесный! Я прощаю: но Онъ, правосудный, не проститъ! Въ тѣ разы хотя частицу спасалъ отъ алчныхъ! Въ Москвѣ, Сергѣй Васильичъ, до послѣдней нитки обобрали, до послѣдней! Вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами говорю: пріѣхалъ сюда, рубль восемьдесятъ одна копѣйка оставалась! И не взирая на всѣ эти пожертвованія, пасквиль такой наложили, какого никогда на себѣ не имѣлъ и не перенесъ-бы, если бы не подкрѣпилъ самъ Господь силу моего духа!

Коров. —Сердечно сожалѣю, Семенъ Клементьичъ. Что же вы теперь думаете?

Парад. —Вотъ, желаю быть отрекомендованъ отъ Михаила Петровича Леониду Александрычу, не поручитъ ли мнѣ какихъ дѣлишковъ. Да вы ему нужный человѣкъ, Сергѣй Васильичъ? Порекомендуйте, сдѣлайте Божескую милость.

Коров. —Съ удовольствіемъ, Семенъ Клементьичъ. Все, что могу; потому что самъ страдалъ, знаю. Не могу ли быть полезенъ еще чѣмъ нибудь?

Парад. —Объ этомъ покорнѣйше прошу васъ, Сергѣй Васильичъ: отрекомендуйте Леониду Александрычу.

Коров. —Только объ этомъ?

Парад. —Больше ничего не желаю, Сергѣй Васильичъ. Другого ничего не имѣю въ виду, какъ передъ Богомъ.

Коров. —А что, если я скажу вамъ, Семенъ Клементьичъ: услуга за услугу?— Я васъ рекомендую Хоненеву, а вы мнѣ помогите у Михаила Петровича: деньги-то у него лежатъ даромъ, хоть и небольшія, но все же лучше бы пустить въ оборотъ; не правда ли? Какъ вы объ этомъ думаете?

Парад. —(*складывая руки*) Сергѣй Васильичъ, помилуйте, какъ передъ Богомъ, чиста моя душа отъ такой мысли!

Коров. —Когда съ вашей стороны нѣтъ дружеской откровенности, Семенъ Клементьичъ, то извините. До пріятнаго разговора. (*Уходитъ*).

Парад. —(*вслѣдъ ему*) У, бестія! Въ душу хотѣлъ влѣзть, аспидъ! (*Опять начинаетъ заглядывать и прислушиваться, но осторожнѣе*).

(*За сценою опять ревъ и хохотъ Хоненева*) Благодаря начальству, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Парадизовъ, Горбылевъ.

Горбыл. —(*крадется изъ передней, нюхая и облизываясь, и потихоньку рычитъ*) м-э-э-м...

Парад. —(*оглядывается; отходитъ къ нему*) А, это ты, Максимушка! А мнѣ тебя-то и надо. Сладко пахнетъ?

Горбыл. —(*ухмыляется*) Сладко-съ.

Парад. —А о пензенскихъ трактирахъ-то слыхивалъ, Максимушко?

Горбыл. —Какъ же-съ; всегда слушаю, когда про нихъ разсказываютъ. (*Осклабляется еще шире*).

Парад. —Какъ же въ нихъ пахнетъ? Поди, чать еще слаще?

Горбыл. —Еще слаще-съ! (*Переминается отъ живости воображенія*).

Парад. —А не хочешь ли ты, Максимушко, пожить въ Пензѣ мѣсяцъ, другой, въ тамошнихъ трактирахъ и завтракать, и полдничать, и обѣдать, и ужинать, сколько въ брюхо влѣзетъ?

Горбыл. —Какъ бы не хотѣть-съ.

Парад. —Это можно. Ты человѣкъ не глупый, такъ ли?

Горбыл. —Такъ-съ.

Парад. —Мнѣ такіе люди надобны. Пошлю тебя въ Пензу, по моимъ дѣламъ. Дамъ тебѣ, кромѣ прогоновъ, семьдесятъ пять рублей впередъ.

Горбыл. —Давайте-съ. А дѣла-то какія же? Я здѣсь никакими дѣлами не утружденъ-съ: только жалованье беру-съ. А впрочемъ, я всякія могу дѣлать-съ, лишь бы не много-съ. Потому что у меня здоровье слабое-съ. Всѣ говорятъ: „Нѣжная комплекція“,—даже смѣются-съ. А мнѣ-то и на руку-съ, дѣловъ-то не дѣлать-съ.

Парад. —Это дѣло будетъ не во вредъ комплекціи, Максимушко. Только ходить по трактирамъ, покуда я самъ пріѣду. Да и послѣ то же.

Горбыл. —На это я согласенъ-съ.

Парад. —Ладно. Такъ ступай теперь на кухню, пока понадобишься. А теперь мнѣ тутъ надо побыть одному. У меня дѣло.

Горбыл. —Хорошо-съ (*Уходитъ*).

(*Парадизовъ занимается прежнимъ. Отскакиваетъ и торопливо, на цыпочкахъ, скрывается въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Хоненевъ, Зиновьевъ, Елена Михайловна, Короваевъ.

Хонен. —Итакъ, до свиданья, Елена Михайловна. Денька черезъ четыре поѣду въ Симбирскъ; хоть и не по пути, нарочно заѣду и тогда посижу.

Ел. Мих. —(*весело, дружески*) Заѣзжайте, Леонидъ Александрычъ.

(*Хоненевъ уходитъ, Зиновьевъ провожаетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Елена Михайловна, Короваевъ.

Коров. —А дѣйствительно, добрый малый этотъ индюкъ.

Ел. Мих. —Сережа ,какъ тебѣ не стыдно было насмѣхаться надъ нимъ?

Коров. —Что жь за грѣхъ, душа моя, когда онъ и не воображаетъ, что надъ нимъ смѣются?

Ел. Мих. —Нѣтъ, Сережа, мнѣ было жаль его. Правда, онъ не очень уменъ, но онъ благородный человѣкъ. Вотъ я разскажу тебѣ, какъ мы познакомились...

Коров. —(*перебивая*). А знаешь ли что, Леночка, пойдемъ-ко мы съ тобою прокатиться, а? — Часа два еще ждать обѣда; успѣемъ прокатиться до Липовой Горы.

Ел. Мих. —Счастливая мысль, Сережа!

Коров. —На дорогѣ ты мнѣ все и разскажешь.

Ел. Мих. —Прекрасно, Сережа. Бѣгу, велю запрягать (*убѣгаетъ направо*).

Коров. —(*запускаетъ руки въ карманъ и ходитъ, посвистывая*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Короваевъ, Зиновьевъ.

Зинов. —(*возвращаясь*) А, такъ вотъ какъ вы устроились, Сергѣй Васильичъ! Слава Богу!

Коров. —Покуда особенно благодарить Его еще не за что. Агентство неважное. Развѣ завести здѣсь крупчатку, на крупчатой мукѣ дальность провоза можетъ наверстаться. Но то, когда еще будетъ. А теперь — съ процентными и со всѣмъ тысячи полторы рублей, не больше. Столько-

то можно бы получить и въ Москвѣ. Я сюда больше по старой памяти. А очень радъ я за Леночку, Михаилъ Петровичъ. Что, нѣтъ у васъ тутъ другихъ такихъ дѣвушекъ? Ей Богу, женился бы, какъ бы нашлась такая милая. Да найдется! Были бы глаза, порядочную дѣвушку можно найти. Пока не испорчены старшими, многія очень милы. А кстати, о старшихъ! (*Нарочно громче*) — какъ вы пускаете къ себѣ этого мерзавца Парадизова? Берегитесь, пока меня нѣтъ: не обчистилъ бы онъ вамъ карманы! Когда вернусь...

ЯВЛЕНІЕ 12.

Тѣ-же, Парадизовъ.

Парад. —(*кашляетъ и входитъ съ очаровательной улыбкой*).

Коров. —Вотъ, кстати. Мы именно о васъ и говорили, Семенъ Клементьичъ,— вы не слышали?

Парад. —Нѣтъ, не слышалъ.

Коров. —Ну, я очень радъ: потому что мало ли что говорится о человѣкѣ за глаза? Въ глаза довольно будетъ сказать одно: если я, возвратившись изъ поѣздки, о которой вы слышали?

Парад. —Слышалъ-съ

Коров. —Какъ же вы слышали? отъ кого? когда?—Ну-съ, хорошо; я говорю: если я, вернувшись, узнаю, что вы запускали ручку въ карманъ Михаилу Петровичу, то согну васъ въ бараній рогъ, будьте на этотъ счетъ спокоенъ. Вы слышали, я здѣсь по дѣламъ отъ милліоперовъ; вы человѣкъ опытный, должны понимать, что полиція будетъ на моей сторонѣ, а не на вашей.

Парад. —(*подымая руки къ небу*) Помилуйте, Сергѣй Васильичъ! Истиннымъ Богомъ моимъ свидѣтельствуюсь, что напрасно вы вооружились противъ меня. Какъ младенецъ въ утробѣ матери, такъ я чистъ передъ Михаиломъ Петровичемъ! Божьбѣ моей не вѣрите, спросите у самого Михаила Петровича. Михаилъ Петровичъ, скажи!

Зинов. —(*мнется*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Тѣ-же, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—Лошади готовы; ѣдемъ, Сережа. (*Уходитъ съ Короваевымъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Парадизовъ, Зиновьевъ.

Парад. —(*складывая руки ладонями*). Изобидѣлъ! Изобидѣлъ! Азъ же, яко глухъ, не слышахъ, и яко нѣмъ, не отверзохъ устъ моихъ во прекаяніе! Помяни, Господи, кротость мою, егда пріидеши во царствіи своемъ! (*Жалобно*) И тебѣ не грѣхъ, Михаилъ Петровичъ, не заступился.

Зинов. —(*мнется*).

Парад. —Я противъ тебя имѣю виды! Прошу ли я у тебя хоть копѣйку? При всей недостаточности моей, не я ли вхожу въ расходы для твоей пользы? На однихъ почталіоновъ уже восемнадцать рублей вышло. Самъ знаешь, не прихвастываю: три письма отъ него своими глазами ты видѣлъ. Горбылева теперь посылаю, въ Пензу—семьдесятъ пять ему въ руки, кромѣ прогоновъ. Это что? — уже за сотню! А впереди-то сколько можетъ быть еще? Ничего не требую. Будешь благодаренъ— твоя воля. Не будешь — помянется мнѣ на томъ свѣтѣ доброе дѣло. Кликни Горбылева-то.

Зинов. —(*вздыхаетъ и молчитъ*).

Парад. —Что?

Зинов. —Семенъ Клементьичъ, совѣстно какъ-то.

Парад. —Чего совѣстно?

Зинов. —Передъ Леночкою.

Парад. —Да ты о чьей пользѣ заботишься? о своей или для нея? Кого хочешь замужъ-то выдать, себя или ее? Ей милліоны предоставляешь; а тебѣ самому какая прибыль?

Зинов. —Это такъ; для нея , не для меня.

Парад. —Ну такъ что-же?

Зинов. —(*молчитъ*).

Парад. —Сколько ей лѣтъ-то?

Зинов. —Восемнадцать.

Парад. —Что она можетъ понимать?

Зинов. —Это-то оно такъ.

Парад. —Отецъ ты ей, или нѣтъ?

Зинов. —Это конечно; долженъ заботиться.

Парад. —Войдетъ въ разсудокъ, проклинать тебя будетъ, что не сдѣлалъ ты этого!—Зови Горбылева-то.

Зинов. —Покажи.

Парад. —Читай (*подаетъ четвертушку сѣрой бумаги*).

Зинов. —(*читаетъ отдѣльными фразами, съ перерывами*)... „Леонидъ Александрычъ сдѣлалъ предложеніе“... „Она своему слову измѣнить не хочетъ“... „Михаилъ Петровичъ утѣшаетъ ее, говоритъ, съ вами будетъ счастливѣе, пусть не плачетъ“... „Она со дня на день все больше плачетъ“... „Пріѣзжайте поскорѣе, а то она дастъ слово Леониду Александрычу“...

Парад. —Ну, чѣмъ не хорошо?

Зинов. —Оно точно; такъ хорошо, какъ я и не думалъ.

Парад. —Ну, зови Горбылева-то.

Зинов. —(*молчитъ и мнется*).

Парад. —Ну, что же?

Зинов. —А какъ обнаружится?

Парад. —Затѣмъ и отсылаю его въ Пензу, чтобы не могло обнаружиться. Ну, какъ оно обнаружится? Я сказалъ тебѣ: никакъ не можетъ.

Зинов. —Оно точно не можетъ. Ну, а все таки, если обнаружится?

Парад. —Экій ты человѣкъ, Михаилъ Петровичъ!

Зинов. —(*вздыхаетъ и молчитъ*).

Парад. —Ну, пускай и обнаружится, хоть не можетъ. Пускай! А тебѣ-то что? Не ты писалъ, Горбылевъ. Твое дѣло тутъ сторона. Ты и знать-то не зналъ.

Зинов. —Да онъ знаетъ, что Горбылевъ дуракъ.

Парад. —И тѣмъ лучше. Божій человѣкъ, безъ хитрости; да и къ дочери-то твоей привязанъ; да и къ Свиридову-то. Какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе у Свиридова. Такъ-ли? Какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе у Свиридова. А къ тому же времени и депеша отъ тебя придетъ, то и вовсе не можетъ оставаться никакого сомнѣнія. Ну, и пришлетъ отказъ: „не стѣсняю“.

Зинов. —Ну, вотъ видишь: депеша отъ меня будетъ,—какъ же я-то въ сторонѣ?

Парад. —Да было ли тебѣ говорено или нѣтъ? Мною, не тобою будетъ послана депеша. Я злоупотребилъ твоимъ именемъ, только и всего. Ты знать не зналъ.

Зинов. —Такъ-то оно такъ.

Парад. —Ну, зови же.

Зинов. —(*молчитъ и вздыхаетъ*).

Парад. —Ну что же?

Зинов. —А какъ обнаружится?

Парад. —Не человѣкомъ быть надо, ангеломъ, чтобы съ тобою говорить, Михаилъ Петровичъ!

Зинов. — Да оно такъ; а ежели выйдетъ не такъ?

Парад. —Какъ оно выйдетъ не такъ, что?

Зинов. —А какъ онъ не пришлетъ отказа, а поѣдетъ сюда, по твоему зову.

Парад. —Михаилъ Петровичъ, образумься. Было говорено объ этомъ. Понимаешь самъ, пустое говоришь.

Зинов. —А какъ пріѣдетъ?

Парад. —Какъ онъ можетъ пріѣхать? Не понимаешь ты его, что-ли? Даже лучше напишетъ, нежели я тебѣ предрекаю. Потому это такой народъ: какъ ты ни понимай его, а онъ еще дальше твоихъ мыслей хватаетъ. Потому, понятія о благородствѣ у него совсѣмъ не тѣ.

Зинов. —Хорошо, когда бы такъ вышло, какъ ты говоришь.

Парад. —А какъ же не выйдетъ-то? Семенъ Клементьичъ, что обѣщаетъ, значитъ вѣрно. А какъ же не выйдетъ-то? Всегда мои слова оправдываются. Ты вспомни: ты вздумалъ попробовать не разстроишь ли ихъ, отказавши въ приданомъ. Я тебѣ говорилъ: „не подѣйствуетъ“. Ну что же? Подѣйствовало? Только обнялись крѣпче, какъ, можетъ, и не обнимались. Видишь, ты своими мыслями только вредилъ самому себѣ. А я тебѣ сказалъ: „отдавай все свое состояніе, не бойся, не возьмутъ, а подѣйствуетъ въ твою пользу“,—и подѣйствовало.

Зинов. —Это точно.

Парад. —То-то же. Семенъ Клементьичъ знаетъ, гдѣ съ какой стороны пріі-

ударить, какъ съ какимъ человѣкомъ поступить. Потому у него всегда, что обѣщано, то и выходитъ; даже лучше обѣщаннаго.

Зинов. —Хорошо, какъ бы такъ.

Парад. —Какъ-же не такъ-то? Сейчасъ-то что было? Я тебѣ обѣщалъ только: зови Хоненева, не откажется, а онъ, вишь ты, хочетъ каждый разъ заѣзжать, и нарочно крюкъ дѣлать; такъ или нѣтъ? Не тебѣ его ловить, самъ липнетъ и уже прилипъ. Такъ ли?

Зинов. —Это такъ.

Парад. —То-то же! Опять я тебѣ говорилъ: она фыркать не будетъ, приметъ его учтиво, а она къ нему даже съ ласкою, такъ-ли?

Зинов. —Это точно.

Парад. —То-то же! У Семена Клементьича всегда лучше того выходитъ, что онъ обѣщаетъ, потому что его слова всегда самыя осторожныя. Зови Горбылева-то.

Зинов. —(*молчитъ*).

Парад. —Эхъ, человѣкъ! Чего ты боишься-то?

Зинов. —(*вздыхаетъ и молчитъ*).

Парад. —Эхъ, люди, люди! (*Вздыхаетъ, идетъ къ двери въ переднюю и кричитъ*) Максимушко! Тутъ что-ли?

(*За сценою голосъ Горбылева „тутъ“ и топотъ его, бѣгущаго*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Тѣже, Горбылевъ.

Парад. —(*вынимая бумагу, въ листъ*) Вотъ и просьба о твоемъ отпускѣ. Максимушко, ѣхать въ Пензу, подписывай.

Горбыл. —(*садится, подписываетъ... Встаетъ*).

Парад. —(*вздыхаетъ*) Максимушко, ты видишь, что тутъ дѣлается?

Горбыл. —Вижу-съ.

Парад. —Хоненевъ повадился сюда ѣздить, отобьетъ Елену Михайловну у Иліодора Николаича.

Горбыл. —Отобьетъ-съ.

Парад. —Хорошо ли это будетъ? Видишь, Михаилъ Петровичъ точно убитый отъ этого? Жаль ему Иліодора-то Николаича.

Горбыл. —Жаль-съ.

Парад. —И тебѣ жаль, Максимушко?

Горбыл. —И мнѣ-съ; потому что онъ хорошій человѣкъ и подарилъ мнѣ 25 рублей-съ.

Парад. —Надо предупредить его, чтобъ онъ поскорѣе пріѣхалъ.

Горбыл. —Надо-съ.

Парад. —Такъ ты напиши ему.

Горбыл. —Что-же-съ?

Парад. —Да вотъ, садись-ко, пиши (*подкладываетъ четвертушку и почтовую бумагу*). Видишь, и Михаилъ Петровичъ желаетъ.

Горбыл. —(*садится*).

Занавѣсъ падаетъ.

Сцена вторая.

Черезъ двѣ недѣли.

Та-же комната.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Зиновьевъ (сидитъ, куритъ трубку, озабоченный. Входитъ **Парадизовъ**).

Парад. —Ну, что дочь?

Зинов. —Слава Богу. Вчера вечеромъ даже книжку читала.

Парад. —То-то же. Я тебѣ говорилъ: какъ рукой сниметъ. Значитъ, она и выѣхать кататься можетъ.

Зинов. —Можетъ.

Парад. —Тѣмъ и лучше. Такъ вели-ко своихъ гнѣдыхъ-то запрягать поскорѣе, да увози ее, чтобы мнѣ свободнѣе поговорить съ нимъ. Онъ съ минуты на минуту здѣсь будетъ, Хоненевъ-то.

Зинов. —Да зачѣмъ увозить-то ее?

Парад —Сказалъ я тебѣ: чтобы мнѣ съ нимъ свободнѣе переговорить. Да ступай ты, Христа ради, вели лошадей-то запрягать. Послѣ распросишь; и самъ разскажу.

Зинов. —(*уходитъ; возвращается*). Какъ же ты будешь говорить съ нимъ?

Парад. —А вотъ какъ, Михаилъ Петровичъ: при его гордости, скоро ли можно это сдѣлать, чтобъ онъ сказалъ тебѣ, чего ты желаешь?

Зинов. —Это я понимаю, Семенъ Клементьичъ. При его гордости надобно время. Хоть бы въ мѣсяцъ, какъ ты обѣщалъ, и то хорошо.

Парад. —Такъ?

Зинов. —Такъ.

Парад. —(*торжественно*) Слушай же мои слова, Михаилъ Петровичъ: уѣдешь ты съ нею прокатиться, вернешься черезъ часикъ времени и услышишь ты отъ него,чего желаешь.

Зинов. —(*въ восторгѣ и невѣріи*) Ну, будто такъ?

Парад. —(*протягиваетъ ему руку*). Вотъ тебѣ моя рука: такъ?

Зинов. —Да неужто можешь такъ скоро?

Парад. —Мое слово вѣрно. И больше того сдѣлаю, что обѣщаю. Но то пусть будетъ тебѣ въ пріятную неожиданность. Впередъ говорю только: вернешься ты черезъ часикъ времени и услышишь отъ него, чего желаешь.

Зинов. —Будетъ онъ у меня руки Леночкиной просить? Формальное предложеніе сдѣлаетъ?

Парад. —Такъ. Да лошади-то не готовы ли? (*Уходитъ; возвращается; садится*). Ну, другъ, сейчасъ будутъ готовы. Самъ ты человѣкъ умный, учить тебя нечего, какъ тебѣ съ нимъ держать себя: самъ понимаешь, отказомъ ты огорченъ: отъ него и не ждешь предложенія.

Зинов. —Конечно, такъ. И виду ему не покажу.

Парад. —Такъ. (*Погружается въ грустное размышленіе*). Эхъ, молодость

молодость! Судить по наружности! По наружности человѣкъ не понравился и ненависть къ нему, и прячься отъ нея, когда для нея же стараешься. (*Вздыхаетъ*). Ну, да пойметъ со временемъ, кому больше всѣхъ, послѣ отца, обязана своимъ счастьемъ. Будетъ благодарна. (*Встаетъ*). Зови ее, чать лошади-то уже готовы. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

Зинов. —(*кричитъ*) Леночка!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Зиновьевъ, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—(*убита горемъ. Движенія медленныя. Голосъ безжизненный*) Вы звали меня, папаша? Или мнѣ такъ показалось?

Зинов. —Звалъ, душа моя Леночка. А у тебя въ головкѣ-то еще шумъ, видно? Болитъ головка?

Ел. Мих.—Немножко, папаша.

Зинов. —Тебѣ надо развлечь себя, душа моя Леночка.

Ел. Мих.—Хорошо, папаша.

Зинов. —Не хочешь ли прокатиться? Я и лошадей велѣлъ запречь.

Ел. Мих.—Хорошо, папаша.

Зинов. —Такъ бери шляпку. (*Елена Михайловна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Зиновьевъ, Парадизовъ.

Парад. —(*просовывается. Шопотомъ*) Видишь? Что ты, то и она. На все согласна.

Зинов. —Это точно.

Парад. —Безъ упрямства.

Зинов. —Это такъ.

Парад. —То-то же. Я тебѣ говорилъ. Отъ нея сопротивленія не будетъ. (*Прячется*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Зиновьевъ. Елена Михайловна (въ шляпѣ и верхнемъ платьѣ).

Зинов. —Готова, душа моя Леночка? И прекрасно. Пойдемъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Парадизовъ (одинъ садится, вынимаетъ бумаги, пересматриваетъ, но разсѣянно, безпрестанно прислушивается, склоняясь къ сторонѣ оконъ. Прячетъ бумаги и становится).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Парадизовъ, Хоненевъ.

Хонен. —(*входитъ*). А, это вы? Гдѣ же наши добрые хозяева?

Парад. —Сейчасъ будутъ, Леонидъ Александрычъ. Вы изволили слышать? Женихъ отказался.

Хонен. —Не можетъ быть! (*Садится*). Неужели отказался?

Парад. —Такъ точно, Леонидъ Александрычъ. Четвертаго дня Михаилъ Петровичъ и Елена Михайловна получили отъ него по письму. Чистый отказъ, Леонидъ Александрычъ. Наотрѣзъ.

Хонен. —Я душевно огорченъ. Впрочемъ, этого и слѣдовало ожидать.

Парад. —Такъ точно, Леонидъ Александрычъ. Слѣдовало ожидать, если вы такъ изволите говорить.

Хонен. —Я только молчалъ, чтобы не тревожить дурными предвѣщаніями, можетъ быть напрасными; потому что и умнѣйшій изъ насъ можетъ ошибаться, не правда ли?

Парад. —Такъ точно, Леонидъ Александрычъ; но умные люди рѣдко ошибаются.

Хонен. —Совершенно согласенъ. Тѣмъ не менѣе, скажу: душевно огорченъ. Да что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста.

Парад. —Покорнѣйше благодарю, Леонидъ Александрычъ. (*Садится*).

Хонен. —Какъ же, столько времени не писалъ; обратили ль вы вниманіе на это обстоятельство?

Парад. —Не пришло въ голову, Леонидъ Александрычъ. А теперь, по вашимъ словамъ, вижу.

Хонен. —Обращу ваше вниманіе на другое обстоятельство: сколько мнѣ извѣстно, человѣкъ низкаго происхожденія всегда носитъ печать неблагородства въ чувствѣ своего ума, или, можно сказать, въ понятіяхъ своего чувства.—Онъ, я полагаю, или изъ мелкихъ дворянъ, или изъ чиновничьихъ или купеческихъ дѣтей; чего жъ вамъ еще?—Этого довольно, и предовольно. Отъ людей подобнаго происхожденія странно было бы ждать благородныхъ поступковъ.

Парад. —Точно такъ, Леонидъ Александрычъ. Потому я, какъ имѣю уваженіе къ Еленѣ Михайловнѣ, душевно сожалѣлъ о такомъ выборѣ.

Хонен. —Да. Но она, я полагаю, совершенно убита?

Парад. —Разстроена, Леонидъ Александрычъ. Но, впрочемъ, гораздо меньше, нежели можно бы полагать, не зная истинной причины.

Хонен. —А истинная причина, по вашему мнѣнію, состоитъ въ чемъ же?

Парад. —Какъ я человѣкъ мало извѣстный вамъ, Леонидъ Александрычъ, и потому...

Хонео. —Совершенно согласенъ. Теперь помню даже, что не знаю, кто вы такой.

Парад. —(*вставая*) Отставной коллежскій секретарь Парадизовъ.

Хонен. —А! Прекрасно. Да садитесь. Что стоять-то?

Парад. —Покорнѣйше благодарю, Леонидъ Александрычъ. (*Садится*). При такой малой извѣстности моей, и потому не могши удостоенъ быть вашего довѣрія, долженъ я заслужить его...

Хонен. —Совершенно согласенъ.

Парад. —(*продолжая*)... полною съ моей стороны откровенностью. Какъ не можетъ быть, чтобы вы не видѣли этого, Леонидъ Александрычъ, именно истинныхъ чувствъ ея, то есть, Елены Михайловны (*поглядываетъ ему въ глаза, выжидая*).

Хонен. —Мм-да.

Парад. —(*продолжая*)... относительно васъ, Леонидъ Александрычъ, именно,

что ея мысли послѣ знакомства съ вами перемѣнились и онъ, то есть, женихъ, это видѣлъ, и потому, что жь ему оставалось?—то есть, какъ на счетъ его отъѣзда, такъ и самаго отказа?

Хонен. —Мм-да!.. (*вынимаетъ сигару, вертитъ, зажигаетъ, куритъ и вертитъ*). Мм-да!

Парад. —И какъ вы не могли не видѣть этого, Леонидъ Александрычъ...

Хонен. —Совершенно согласенъ.

Парад. —Но какъ я человѣкъ мало извѣстный вамъ, то и не могъ я пользоваться вашимъ довѣріемъ въ разговорѣ.

Хонен. —Такъ. Согласитесь, могъ ли я говорить?

Парад. —То и желаю заслужить ваше довѣріе, какъ показавши вамъ, что мнѣ все это извѣстно, именно, что причина самаго отъѣзда была въ этомъ, и что отецъ говорилъ ей: „Ты дала слово Иліодору Николаичу Свиридову, и должна соблюсти“, и она, какъ дѣвушка благородная...

Хонен. —Совершенно согласенъ.

Парад. —... отвѣчала отцу, что я, милый батюшка, должна свое слово соблюсти, хотя бъ и была оттого несчастна. И хотя бы она соблюла свое слово, чѣмъ же могло это кончиться, Леонидъ Александрычъ, если молодая женщина, вышедши замужъ, видитъ человѣка, болѣе заслуживающаго?—то есть, относительно мужа. И какое же будетъ его положеніе?

Хонен. —Мм-да.

Парад. —И онъ, какъ человѣкъ съ понятіемъ, видитъ: гдѣ же ему противъ васъ?—не можетъ. И потому не могу ничего другого, какъ возвратить ей свободу. И какъ вы теперь видите, Леонидъ Александрычъ, что мнѣ все это извѣстно, то позвольте мнѣ быть откровенну съ вами, потому что имѣю къ ней полное мое уваженіе за ея понятіе о васъ, именно, какъ вы сами изволили сказать, что это самая благородная дѣвушка. (*Ждетъ, глядя въ глаза*).

Хонен. —Совершенно согласенъ. (*Вертитъ сигару*). Совершенно согласенъ. (*Молчитъ. Мычитъ, начиная понимать, и потомъ, важно*) Мм-да. Совершенно согласенъ. Тѣмъ не менѣе прибавлю: неужели она разсчитываетъ, что ей удастся, чтобы я женился на ней?

Парад. —Я даже не могу правильно понять этого, Леонидъ Александрычъ, то есть, въ какомъ смыслѣ вы изволили сказать; какъ человѣкъ небойкаго ума не всегда можетъ понимать. Потому, имѣю смѣлость просить вашей помощи.

Хонен. —Извольте. Прежде всего, я спрошу васъ: кто я и кто она?

Парад. —Это точно, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —И потому, спрошу васъ: могу ли я жениться на ней? Это было бы, какъ бы смѣшать золото съ грязью, не правда ли?

Парад. —Истинно изволили сказать, Леонидъ Александрычъ. Но какъ вы сами изволили выразиться, что она дѣвушка съ самыми благородными чувствами, то она и не могла думать объ этомъ, Леонидъ Александрычъ; такъ я вижу. Только отецъ могъ не понимать, что ея мысли о васъ самыя бдагородныя, какъ онъ дуракъ, потому и противился влеченію ея души. А она, Леонидъ Александрычъ, очень правильно чувствуетъ,

кто вы и кто она, и какая это честь пользоваться вашею любовью. И я не могу, Леонидъ Александрычъ, осуждать, что у нея такое чувство къ вамъ.

Хонен. —Вы понимаете правильно. Этого нельзя осуждать.

Парад. —И какъ вы могли полагать, что я говорю съ вами какъ бы со стороны ея отца, потому и должны были такъ со мною говорить; но когда вы позволили мнѣ объяснить, что я собственно по моей жалости къ чувству благородной дѣвушки, какъ при нынѣшнемъ ея душевномъ состояніи, которое вамъ извѣстно лучше, нежели кому нибудь, именно, что она сначала испугалась по своей неопытности, да и привыкла любить жениха, а потомъ стала понимать, и хотя теперь огорчена его отказомъ, но какъ это лишь отъ привычки и должна она скоро успокоиться и быть этому рада, и какъ вамъ это извѣстнѣе...

Хонен. —Позвольте, я объясню вамъ. Въ ея сердцѣ или, можно сказать, душѣ, была любовь. Потомъ, она пристрастилась ко мнѣ. Но къ прежнему была привычка и, сверхъ того, прошу васъ обратить вниманіе на одно обстоятельство: она молода и неопытна; потому, въ ея душѣ борятся два чувства: одно, которое съ каждымъ днемъ уменьшается, а другое, которое съ каждымъ часомъ ростетъ, и потому, хоть она не могла не огорчиться, но это скоро пройдетъ.

Парад. —И ея отецъ хочетъ мѣшать ея счастью только потому, что вы не можете жениться на ней. Другъ онъ мнѣ; но скажу—дуракъ.

Хонен. —Поэтому и мѣшалъ счастью дочери. Человѣкъ не дальняго ума; этимъ все сказано.

Парад. —И какъ вы теперь видите, Леонидъ Александрычъ, что я по жалости къ благороднѣйшей дѣвушкѣ, то неужели это можно допустить, Леонидъ Александрычъ, что вы позволите ему губить ее,—именно, что отъ глупой жестокости родителей эти примѣры не рѣдки, что дѣвушка можетъ даже умереть? Не могу я такъ судить о вашей душѣ, Леонидъ Александрычъ. Чтобы когда нибудь вы могли поступать съ подобными ему дураками иначе, нежели какъ они того заслуживаютъ, именно, что съ глупымъ человѣкомъ не спорить, а говорить ему, какъ того требуетъ его глупость, лишь бы не мѣшалъ счастью дѣвушки, какъ у васъ и должны были быть подобные случаи, когда вы изволили служить въ лейбъ-гусарахъ, именно, что съ дураками поступать какъ съ дураками.

Хонен. —Съ дураками и нельзя поступать иначе, какъ съ дураками.

Парад. —Отвести ему глаза, Леонидъ Александрычъ? Такъ ли я понимаю?

Хонен. —Такъ.

Парад. —Это значитъ, я правильно понялъ вашу мысль, Леонидъ Александрычъ: дать ему денегъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, хоть бы на заводъ какой, что ли, сказавши ему, какъ онъ желаетъ по своей глупости.—Такъ ли я понялъ вашъ намекъ, Леонидъ Александрычъ: отвести ему глаза?

Хонен. —Вы поняли правильно.

Парад. —И вы полагаете, Леонидъ Александрычъ, какъ я сужу по вашимъ словамъ, что съ нимъ все это можно сдѣлать теперь же, а съ нею объясниться, когда ея разстройство пройдетъ, значитъ, черезъ денекъ или

два; осмѣливаюсь спросить: не рано ли это будетъ, черезъ денекъ или два, Леонидъ Александрычъ?

Хонен. —Это мы посмотримъ. Но я думаю, денька черезъ два не будетъ рано. Согласитесь, это огорченіе должно скоро пройти. Такъ я сужу по моей опытности. Когда я служилъ въ лейбъ-гусарахъ, были подобные случаи. И въ особенности, одно происшествіе совершенно такое же. Тоже дѣвушка съ самыми правильными понятіями ума и можно сказать сердца... (*Парадизовъ вскакиваетъ*). Что такое?

Парад. —Возвращаются, Леонидъ Александрычъ. Чтобы онъ не замѣтилъ, Леонидъ Александрычъ, меня въ разговорѣ съ вами. (*Идетъ въ кабинетъ*).

Хонен. —Какъ же вы спрячетесь то? Тамъ есть дверь?

Парад. —Черезъ окно придется, Леонидъ Александрычъ (*скрывается*).

Хонен. —Остроумно. (*Вслѣдъ ему*) Вотъ какъ, по гусарски, черезъ окно!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Хоненевъ, Елена Михайловна, Зиновьевъ.

Хонен. — Елена Михайловна, какъ ваше здоровье?

Ел. Мих. —(*жметъ ему руку*) Благодарю васъ, добрый Леонидъ Александрычъ. Я совершенно здорова. Какъ вы поживаете? Проголодались? Сейчасъ будетъ готова закуска (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Хоненевъ, Зиновьевъ.

Хонен. —(*пожимая руку Зиновьеву и садясь*) Скажите, Михаилъ Петровичъ: мнѣ кажется, Елена Михайловна нѣсколько опечалена;—чѣмъ?

Зинов. —(*садясь*) Отказался женихъ. (*Вздыхаетъ*). Такой прекрасный человѣкъ, казалось! Ужь какъ я былъ радъ за Леночку! Вы самъ видѣли мою радость, Леонидъ Александрычъ. И вдругъ такое происшествіе! Совсѣмъ убило меня! (*Вздыхаетъ и опускаетъ голову*).

Хонен. —Что же, развѣ для Елены Михайловны не можетъ найтись женихъ и гораздо получше?

Зинов. —Гдѣ же, помилуйте, Леонидъ Александрычъ?

Хонен. —Что вы скажете, напримѣръ, обо мнѣ?

Зинов. —(*въ видѣ крайняго изумленія выпяливаетъ глаза и молчитъ*).

Хонен. —(*добродушно*) Я спрашиваю, Михаилъ Петровичъ: что вы скажете, напримѣръ, обо мнѣ, если бы я представился вамъ въ качествѣ жениха?

Зинов. —(*будто не вѣря своимъ ушамъ*) Какъ вы изволили сказать, Леонидъ Александрычъ? Я, должно быть, ослышался?

Хонен. —Нисколько.

Зинов. —Господи, Творецъ Небесный! (*Всплескиваетъ руками, забывая внушенную роль*). Благодарю Тебя, Создатель Милосердый. (*Кричитъ*) Леночка! (*Бросается обнимать Хоненева*).

Хонен. —(*обнимая и потомъ усаживая*) Говорить съ нею я самъ выберу

время, когда состояніе ея мыслей позволитъ это. Какъ благородный человѣкъ, я не хотѣлъ оставлять васъ ни на минуту въ неизвѣстности.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣ-же, (входитъ) **Елена Михайловна.**

Хонен. —Михаилъ Петровичъ напрасно потревожилъ васъ, Елена Михайловна. Онъ только безпокоился относительно закуски, такъ какъ вы сама, конечно, не можете заглянуть въ кухню...

Зинов. —Пожалуйста, загляни сама, Леночка.

Хонен. —Никакъ! Вы еще не совсѣмъ здорова. Кухонный воздухъ можетъ повредить вамъ.

Зинов. —Ты не ходи на кухню, Леночка. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ повредить.

Ел. Мих.—Хорошо, папаша (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Хоненевъ, Зиновьевъ.

Хонен. —Вы видите, она еще разстроена. Говорить съ нею теперь было бы неделикатно. Я самъ выберу время и для этого поживу здѣсь въ городѣ денекъ, два,—какъ тамъ будетъ надобно. Теперь я хотѣлъ только не оставлять васъ ни на минуту въ неизвѣстности о моихъ намѣреніяхъ. И какъ будущему родственнику, мнѣ должно быть съ вами безъ церемоній. Вы позволите?

Зинов. —Помилуйте, Леонидъ Александрычъ. Какія же церемоніи.

Хонен. —Я ѣхалъ на именины князя Ивана. Тамъ будетъ игра. Я хотѣлъ держать банкъ, по ихъ просьбѣ, какъ у нихъ меньше средствъ, и взялъ съ собою 25.000. Но какъ теперь остаюсь, не ѣду, то деньги оказываются лишнимъ бременемъ для меня. Согласитесь, я не могу допустить, чтобы мой тесть продолжалъ жить не соотвѣтственно будущему имени своей дочери. Прошу васъ (*подаетъ ему пачку*). Эта незначительная сумма...

Зинов. —(*пряча руки*) Помилуйте, Леонидъ Александрычъ!

Хонен. —Между нами не можетъ быть церемоній или мы поссоримся. (*Беретъ его руки и насильно отдаетъ деньги*).

Зинов. —Леонидъ Александрычъ! Право, я не знаю, какъ и благодарить васъ.

Хонен. —Никакъ. Эта незначительная сумма—началъ я— недостаточна для цѣли, которую я указалъ. Но къ сожалѣнію, это все, чѣмъ я могу располагать въ настоящую минуту. Черезъ нѣсколько дней, дамъ вамъ средства болѣе соотвѣтственныя. Когда вы ждете сестрицу съ бородой? (*Хохочетъ. Зиновьевъ вторитъ*).

Зинов. —По времени, какъ онъ говорилъ, ему слѣдуетъ быть дня черезъ три, черезъ четыре, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Сестрица съ бородою! (*Хохочетъ; Зиновьевъ вторитъ*). Хотѣла быть у меня у перваго для покупокъ. Она облегчитъ у меня свои карманы

и тогда вы не откажетесь принять отъ меня еще пятьдесятъ тысячъ. Будемъ молиться Богу, чтобы скорѣе пріѣхала сестрица...

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣ-же, Елена Михайловна (въ дверяхъ)

Ел. Мих. —По обыкновенію, некому подать закуску, добрый Леонидъ Александрычъ. Идите самъ сюда (*Идетъ обратно. Хоненевъ за нею. Зиновьевъ хочетъ идти за нимъ. Но изъ кабинета выходитъ Парадизовъ, на цыпочкахъ бѣжитъ, кашляетъ, чтобы остановить Зиновьева*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Парадизовъ, Зиновьевъ.

Парад. —(*тихо*) Кхе, кхе! (*Зиновьевъ останавливается*). Получилъ?

Зинов. —Да, Семенъ Клементьичъ. Буду благодаренъ тебѣ.

Парад. —Когда?

Зинов. —Вотъ, кончивъ все это дѣло.

Парад. —Такъ-то, другъ?

Зинов. —Такъ.

Парад. —Нѣтъ, милый другъ, не такъ. Давай-ко сюда, что получилъ. Тебѣ обѣщано еще вдвое. Я тебя не обижаю.

Зинов. —Двадцать пять тысячъ дать тебѣ? Въ своемъ ли ты умѣ, братецъ?

Парад. —Въ своемъ, другъ ты мой. Я свелъ, я могу и развести. Словечкомъ однимъ, въ моментъ. Войду къ нимъ туда, скажу ей, какъ дѣло было— удержишь ты ее? Злодѣемъ своимъ назоветъ тебя, уйдетъ изъ дому, пошлетъ по телеграфу Свиридову,—такъ ли?

Зинов. —(*дрожитъ*). Семенъ Клементьичъ... Семенъ Клементьичъ...

Парад. —Я съ тобою по дружески, а ты со мною вотъ какъ! Нѣтъ, братецъ ты мой! Я многаго не требую. Подавай эти, да тѣ восемь тысячъ, которыя у тебя въ шкатулкѣ, я и доволенъ. Остальными пользуйся безъ раздѣла.

Зинов. —Семенъ Клементьичъ, помилуй. Какъ, и тѣ восемь тысячъ? Я-то съ чѣмъ же останусь?

Парад. —А зять-то? На дняхъ пятьдесятъ тысячъ получишь. И потомъ сколько ты будешь получать отъ него? Кого ты хныканьемъ-то хочешь обмануть? Не своими ушами я слышалъ, онъ тебѣ что говорилъ? Чтобы жить тебѣ соотвѣтственно такому зятю? Это что? Мало, мало тысячъ по двадцати въ годъ будетъ давать.

Зинов. —Семенъ Клементьичъ, помилуй!

Парад. —Нечего мнѣ миловать-то тебя. Я тебя не обижаю. Больше бы могъ требовать; но доброе сердце мое—врагъ мой.

Зинов. —Семенъ Клементьичъ...

Парад. —(*идетъ къ двери во внутреннія комнаты*). Даешь, или нѣтъ? (*Берется за ручку*).

Зинов. —Стой, Семенъ Клементьичъ! Иди сюда!

Парад. —Даешь или нѣтъ?

Зинов. —Даю, Семенъ Клементьичъ. (*Вынимаетъ пачку*).

Парад. —(*не спѣша, отпускаетъ ручку двери, отходитъ ближе къ Зиновьеву*). Иди, неси и тѣ. (*Не спѣша беретъ пачку, разстегиваетъ сюртукъ, кладетъ пачку въ карманъ, оставляетъ сюртукъ разстегнутымъ*). Иди же, неси.

Зинов. —Семенъ Клементьичъ, тѣ мои кровныя.

Парад. —Ну, такъ что? Двадцати пяти тысячъ не жаль, восьми тысячъ жаль! Дуракъ!

Зинов. —Семенъ Клементьичъ, тѣ мои кровныя.

Парад. —Дуракъ! (*Беретъ его за руку, ведетъ къ кабинету*). Мало будешь получать отъ зятя?

Зинов. —(*упираясь*) Да ты и послѣ будешь все такъ же вытягивать изъ меня?

Парад. —Дуракъ! Что я могу противъ тебя, когда они будутъ повѣнчаны?

Зинов. —Да ты только такъ говоришь!

Парад. —Дуракъ, ты пойми!

Зинов. —Ну, такъ по крайней мѣрѣ все отнимешь, что я до свадьбы-то отъ него получу.

Парад. —(*вынимаетъ бумагу, развертываетъ, показываетъ*). Это что? — Гляди. Подорожная въ Петербургъ. Стану я тутъ жить съ вами дураками. Мало поприще для моего ума; въ столицу духъ мой стремится. Изъ одной изгнали, въ лучшую спѣшу. Когда въ Москвѣ нажилъ полтораста тысячъ, что же въ Петербургѣ? Тамъ поприще шире! Туда стремлюсь. Съ этими деньгами и погоню всякую остановлю, и насквиль съ себя сниму. (*Кладетъ подорожную въ карманъ*). Иди же, неси.

Зинов. —Да ты обманываешь.

Парад. —(*качаетъ головою. Сострадательно*) Эхъ, человѣкъ! (*Беретъ за руку, ведетъ къ окну. Отворяетъ окно*). Михеичъ! (*Къ Зиновьеву*) Видишь?

Зинов. —Это точно... лошади...

Парад. —(*качаетъ головою*). Дуракъ ты, дуракъ!

Зинов. —Такъ и-въ-правду уѣзжаешь?

Парад. —(*качаетъ головою и молчитъ. Въ окно*) Сиди на облучкѣ, не слѣзай. (*Затворяетъ окно. Зинов.*) Ну, иди же, подавай. (*Беретъ его за руку*)

Зинов. —Семенъ Клементьичъ, тѣ мои кровныя.

Парад. —(*качаетъ головою*) Иди! (*Ведетъ въ кабинетъ. Зиновьевъ подвигается, упираясь*).

Зинов. —(*упираясь*) Семенъ Клементьичъ... кровныя...

Парад. —(*успѣвая нѣсколько подвигать его*) Мямля ты, мямля, другъ ты мой. (*Подвигаются къ дверямъ кабинета. Два удара въ окно. Мгновенно Парадизовъ на цыпочкахъ отбѣгаетъ отъ Зиновьева, застегивая сюртукъ*). Ну, чортъ съ тобою, мямля! (*Убѣгаетъ въ переднюю, но въ ту же секунду опять входитъ и стоя въ двери*) Ну, поди сюда. Сердце-то у меня доброе, старая дружба заговорила

Зинов. —(*глядитъ со страхомъ*).

Парад. —Подходи скорѣе, некогда мнѣ. Стукомъ-то этимъ время у меня отнято. Иди сюда, не бойся.

Зинов. —(*подходитъ*).

Парад. —Не выпустилъ бы я тебя изъ рукъ, Михаилъ Петровичъ, это ты правильно понималъ. Да и зятька бы твоего нареченнаго прибралъ къ рукамъ. Но при этомъ аспидѣ, дочери-то твоей другѣ, нѣту мнѣ расчета оставаться здѣсь, — этого ты не понялъ, другъ мой, потому и обижалъ меня несправедливымъ сомнѣніемъ. Уѣзжаю, другъ. (*Вздыхаетъ*). Слушай же. Хочу соблюсти твою пользу. Онъ съ минуты на минуту здѣсь будетъ, аспидъ-то. Стукомъ-то этимъ дано мнѣ знать, въ Канадеи пріѣхалъ. Ну, тамъ люди вѣрные; постромки будутъ рваться по дорогѣ, время у тебя еще можетъ достать. Воспользуйся. Съ Хоненевымъ сторгуйся хорошенько. Сторговавшись и выпроводьте этого аспида поскорѣе въ Хоненевскія помѣстья, хлѣбъ смотрѣть. Тамъ пусть его попридержатъ. Понимаешь?

Зинов. —(*хлопаетъ глазами. Похлопавъ*) Какъ же ты это говоришь? Это что же?

Парад. —Такъ. Зятья развѣ даютъ выкупъ за невѣстъ? Мы не татаре, другъ. У насъ отцамъ деньги даютъ только, когда дачерей въ любовницы берутъ.

Зинов. —(*хватается за голову, опускаясь и раскрывая ротъ. Парадизовъ закрываетъ ему ротъ рукою*).

Парад. —(*заботливо закрывая ему ротъ*) Не кричи. Она услышитъ. Можетъ догадаться. Тогда ты пропащій человѣкъ.

Зинов. —(*опускается на стулъ*).

Парад. —Другъ ты мой, я и на то билъ, чтобъ онъ женился. Рыло воротитъ, оселъ. Значитъ, одна тебѣ дорога, эта самая. И если разсудишь, можешь понять: это даже и лучше для тебя. Отъ зятьевъ какой доходъ? Отъ дочериныхъ любовниковъ какіе доходы бываютъ, — видишь.

Зинов. —Господи, Господи!

Парад. —И честь со временемъ возстановится. Такіе люди сразу не женятся на такихъ дѣвушкамъ; а, подержавши въ любовницахъ, могутъ.

Зинов. —(*стараясь не возвышать голоса*) Безбожникъ ты этакій, подлецъ!

Парад. —(*спокойно*) Что? Хочешь, крикну дочь то? — Мнѣ теперь все равно: больше не получитъ. Лошади-то тутъ. Крикну, да и уѣхалъ.

Зинов. —(*опускаетъ голову еще ниже*).

Парад. —То-то же. —Такъ слушай же, я по дружбѣ тебѣ говорю. Ты противъ меня со злобой, а я противъ тебя съ добромъ. Мое-то чувство лучше, другъ. — Выпроводивши этого аспида, ты ее понринудь, или штуку подведи какую, — питья соннаго дай, или какъ тамъ этакъ. Безъ этого, другъ мой, нельзя; потому что она еще глупа.

Зинов. —(*не подымая головы*) Какъ же я противъ совѣсти...

Парад. —Это, другъ мой, вовсе нейдетъ къ дѣлу. Ты не во вредъ ей, а въ пользу. Войдетъ въ разсудокъ, благодарна тебѣ будетъ. — Ну, другъ: самъ ты счастливъ будешь; дочь твоя и того больше; современемъ и женою его сдѣлается, если умна будетъ. Оба счастливы будете;

помните: черезъ мой умъ счастье получили. Можетъ, еще и свидимся когда. А теперь,— ну, прощай, другъ. (*Съ чувствомъ жметъ руку неподвижно сидящему Зиновьеву и уходитъ*).

Зинов. —(*сидитъ, какъ пришибленный*) Господи, Господи! (*Кладетъ голову на руки*) Господи, Господи! (*Сидитъ такъ. Слышитъ шаги Хоненева, встаетъ и устраиваетъ улыбку*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Зиновьевъ. Хоненевъ. Елена Михайловна.

Зинов. —Какова была закуска, Леонидъ Александрычъ?

Ел. Мих.—(*оживляющаяся тревогою за отца*). Что съ вами, папаша?

Хонен. —Да, что съ вами, Михаилъ Петровичъ? На васъ лица нѣтъ.

Зинов. —Такъ, немножко стукнуло въ голову, будто небольшой приливъ крови. А впрочемъ, ничего: теперь полегче.

Хонен. —Такъ я позабочусь о пикникѣ, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—Благодарю васъ, добрый Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —(*Зиновьеву*) Мы собираемся устроить послѣ обѣда пикникъ, Михаилъ Петровичъ. Пригласимъ судью съ семействомъ, еще кто тутъ есть у васъ болѣе или менѣе изъ порядочнаго общества. (*Жметъ руки*). До свиданья, Елена Михайловна.

Ел. Мих.—До свиданья, добрый Леонидъ Александрычъ. Благодарю васъ. (*Хоненевъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Елена Михайловна. Зиновьевъ.

Ел. Мих.—Что съ вами, папаша?

Зинов. —Такъ. Немножко будто дурно сдѣлалось, Леночка. Пойду, отдохну, и совсѣмъ пройдетъ. (*Дѣлаетъ шагъ, останавливается, обнимаетъ ее*). Леночка ты моя милая! Жалко мнѣ тебя; а чѣмъ пособить? — Охъ! (*Вздыхаетъ. Стоитъ*). Ну, я пойду, отдохну, Леночка. (*Идетъ въ кабинетъ. Елена Михайловна за нимъ*). Ты куда же, Леночка?

Ел. Мих.—Я боюсь, не боленъ-ли вы. Вы ляжете; я посижу подлѣ васъ.

Зинов. —(*махая рукою*). Нѣтъ, не надо, Леночка. Я вздремну; не мѣшай мнѣ. Лучше позаботься о себѣ. Ты отворила бы окно, сѣла бы къ окну;— здѣсь—(*тверже прежняго, спокойнѣе*) здѣсь воздухъ-то свѣжѣе.

Ел. Мих.—Добрый папаша. (*Успокоиваясь за отца, впадаетъ въ прежнюю апатію*).

Зинов. —Да, да, тутъ воздухъ-то свѣжѣе, Леночка. Сядь тутъ къ окну.

Ел. Мих.—Хорошо, папаша. (*Идетъ къ окну. Зиновьевъ уходитъ. Она отворяетъ окно, садится. Сидитъ, положивъ локоть на окно, положивъ голову на руку. Вдругъ оживляется, встаетъ, идетъ къ двери передней*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Елена Михайловна. Короваевъ.

Ел. Мих. —(*падаетъ на шею Короваеву*) Милый мой Сережа, какъ я рада тебѣ!

Коров. —(*цѣлуетъ ее*). Еще бы не была рада! Тогда я и не знаю, какъ разбуянился бы съ тобою. (*Ведетъ ее сѣсть съ нею; ея голова на плечѣ у него*). Отъ скольких объѣдовъ отказался, душа моя, да отъ какихъ отличнѣйшихъ, торопившись къ тебѣ. (*Сажаетъ ее и тутъ видитъ, какое убитое лицо у нея*). Да что это ты, душа моя? Исторія, что ли, какая? Или ты больна? Да нѣтъ, какое нибудь огорченіе. Что такое? Не случилось ли чего съ твоимъ отцомъ?

Ел. Мих. —(*закрывая лицо руками*). Сережа, Сережа! (*Голосъ перерывается отъ стона*). О-о-о... Сережа, Сережа! Пожалѣй обо мнѣ... (*Рыдаетъ*).

Коров. —(*гладитъ ея волоса*). Душенька моя, Леночка, что это съ тобою?.. (*Елена Михайловна перерываетъ его слова стонами*). Ну, полно же, душа моя; стыдно плакать.

Ел. Мих. —Нѣтъ, Сережа; вотъ (*выдергиваетъ изъ-за корсета письмо, быстро кладетъ на стулъ и опять закрывается руками*). Боже мой, Боже мой! Сережа, Сережа...

Коров. —(*беретъ письмо*). Отъ Свиридова; что съ нимъ? (*Вынимая изъ конверта и развертывая письмо*). Боленъ, что-ли? Опрокинулся въ дорогѣ? (*Какъ взглядываетъ на строки*) Что за чортъ! (*Кладетъ письмо на столъ, встаетъ и ходитъ. Останавливается, беретъ письмо, читаетъ фразу за фразою, вдумываясь*). „Елена Михайловна, я искренно любилъ васъ“ —гм!— „но обстоятельства, независящія отъ моей воли“ – гм! — „принуждаютъ меня возвратить вамъ ваше слово“ —гм!— „и просить васъ освободить меня отъ слова, даннаго мною вамъ. И. Свиридовъ“. —Какъ ни читай, ничего не вычитаешь, кромѣ одного: это чортъ знаетъ что! —Раззорился? Это не важность. И не такимъ тономъ написалъ бы. Попалъ въ кашу? —Тоже не тотъ тонъ. Непонятная вещь, Леночка!

Ел. Мих. —(*тихо*) Нѣтъ, Сережа, это именно такъ, какъ ты и самъ думаешь.

Коров. —Просто-на-просто раздумалъ жениться? Бываетъ и это, Леночка; мерзавцы на свѣтѣ не въ дикови...

Ел. Мих. —(*вскрикиваетъ, все съ лицомъ, закрытымъ руками*) Сережа, не брани его. (*Рыдаетъ*).

Коров. —Не буду, Леночка. (*Цѣлуетъ ея волоса*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Тѣ-же. Зиновьевъ.

Зинов. —Сергѣй Васильичъ! (*Елена Михайловна при голосъ отца отираетъ слезы и, поцѣловавъ Короваева, старается держать себя бодрѣе*). А ужь какъ мы заждались-то васъ! Думаю: когда-то пріѣдетъ Сергѣй Васильичъ? Выхожу, анъ Сергѣй Васильичъ ужь тутъ!

Ну, слава Богу, слава Богу!—А съ Леночкою-то какое огорченіе! Говорила она вамъ, бѣдная?

Коров. —Да.

Зинов. —(*беретъ шапку со стола*). Вы у насъ посидите, Сергѣй Васильичъ? Я схожу на часочекъ.

Ел. Мих.—Папаша, вы идете? Какъ же можно! Съ вами было такъ нехорошо. Нѣтъ, я не пущу васъ.

Зинов. —Нельзя, Леночка. Надобность.

Ел. Мих.—Да къ кому же вы? Что за надобность?

Зинов. —Съ судьею надобно повидаться. Необходимо. По службѣ.

Ел. Мих.—Судью можно попросить къ намъ.

Зинов. —Нѣтъ... Мнѣ надо пройти отъ него къ Леониду Александрычу.

Коров. —Индюкъ здѣсь? Прекрасно!

Ел. Мих.—Сережа, не называй его такъ.

Коров. —А ты все съ прежними чувствами къ нему, душа моя? Очень радъ; и въ такомъ случаѣ пусть онъ не будетъ индюкъ.

Ел. Мих.—Сережа, не надобно смѣяться надъ нимъ. Онъ очень добрый. Если бы ты слышалъ, какъ мило онъ... (*Зиновьевъ садится*).

Коров. —Чтобъ очень мило, этого не полагаю, душа моя.

Ел. Мих.—Какъ умѣлъ, Сережа, выражалъ участіе; все говорилъ о томъ, что мнѣ нужно развлеченіе. Послѣ обѣда устраиваетъ пикникъ. Будетъ весело (*а сама опять уныло опускаетъ голову*).

Коров. —Вечеромъ у васъ пикникъ? Превосходно! Будете кутить до ночи? Да ты хвати при случаѣ стаканчикъ шампанскаго, душа моя: ей Богу, это полез...

Ел. Мих.—Сережа...

Коров. —Ну, хорошо, душа моя. Но все таки, ты будешь между людьми. До ночи, я думаю? — Отлично! — А я воспользуюсь тѣмъ временемъ, съѣзжу, сторгуюсь съ управляющимъ индю... Ну, хорошо, душа моя, не индюка. Теперь заѣду къ нему—нельзя же, для вида, будто и онъ что-нибудь значитъ,—пообѣдаю съ вами; снаряжу тебя на пикникъ и маршъ въ деревню, къ его управляющему! Къ утру и вернусь. По справкамъ, думаю, куплю у индю... а, все подвертывается! Извини, душа моя, — куплю у него все, что заказано, — и свободенъ, пока придется принимать хлѣбъ на пристаняхъ; не буду отходить отъ тебя, душа моя. И на пристани поѣдемъ вмѣстѣ, и Михаила Петровича возьмемъ съ собою, — служба-то и безъ васъ обойдется, Михаилъ Петровичъ, я полагаю,—беремъ его съ собою, Леночка? Такъ?

Ел. Мих.—Да, Сережа... При тебѣ я не буду плакать...

Коров. —Это и видно. Даже сама будешь развлекать меня?

Ел. Мих.—Да, Сережа (*старается улыбнуться*). Но это пройдетъ, Сережа.

Коров. —А ты думаешь, не пройдетъ, душа моя? Да еще какъ пройдетъ-то! Такой плясъ подымемъ, что...

Ел. Мих.—Сережа...

Коров. —Ну, хорошо, душа моя, успокойся: никогда не пройдетъ, вѣкъ будешь горевать.

Зинов. —(*встаетъ*). Леночка, ты говоришь, Леонидъ Александрычъ пикникъ дѣлаетъ? Ну, такъ я и тогда успѣю увидѣть его. Не пойду.

Ел. Мих.—Да, лучше отдохните, папаша.

Зинов. —А вы для пикника-то не останетесь, Сергѣй Васильичъ?

Коров. —Нѣтъ; Леночка будетъ между людей,—лучше же мнѣ воспользоваться этимъ временемъ.

Ел. Мих.—Да, Сережа. Я буду много ходить и устану, и усну.

Коров. —Такъ, и будешь умна, душа моя. (*Зиновьевъ уходитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17.

Елена Михайловна, Короваевъ.

Ел. Мих.—(*кладетъ голову на плечо Короваеву*). Сережа, какъ я рада тебѣ. Только не брани его, мой милый.

Коров. —И не подумалъ бы огорчаться за тебя, Леночка, будь онъ человѣкъ, отъ котораго можно бы ждать такой... такой... такого поступка... Но отъ него... Это непонятная вещь, душа моя.

Ел. Мих.—Очень понятная, Сережа. Развѣ я лучше всѣхъ? Онъ увидѣлъ, что ошибся во мнѣ. Мнѣ больно, Сережа; это правда. Но чѣмъ же онъ виноватъ?

Коров. —(*качаетъ головою*). Леночка, моя милая, — ты не хорошо говоришь.

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа, онъ не виноватъ.

Коров. —Нѣтъ, Леночка, быть такимъ легкомыслен...

Ел. Мих.—Не говори, Сережа.

Коров. —(*молчитъ*). Одно объясненіе, Леночка: онъ юноша. Хоть почти ровесникъ мнѣ, но велъ не такую жизнь. А право, какъ посмотришь: оно и лучше надурачиться молодому человѣку въ первую молодость, чтобы въ серьезные годы не дѣлать такихъ поэзій.

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа, не лучше. Ахъ, Сережа, какой онъ милый, если бы ты зналъ...

Коров. —Жили вмѣстѣ съ годъ; знаю, Леночка. Разумѣется, почти такой же милый, какъ вотъ ты, напримѣръ. Чистота сердца, — нѣтъ пошлыхъ воспоминаній, — все это прекрасно, не спорю. Оттого и впечатлѣніе совсѣмъ не то. Хоть и не понимаетъ отчего, но чувствуетъ скромная дѣвушка, что въ такомъ человѣкѣ есть что-то родное ей самой. Все такъ, и все мило. Но видишь, какія вещи могутъ выходить изъ этого. Не выучился владѣть своимъ сердцемъ.

Ел. Мих.—Да, Сережа; только это. И это хорошо, Сережа. Ты видишь, онъ не виноватъ. Не осуждай его, мой милый.

Коров. —А если осуждать, то осуждать мнѣ только развѣ самого себя, Леночка. Можно бы и не уѣзжать въ Москву. Или можно бы вернуться пораньше—ну, хоть полгодомъ,— и ничего этого не было бы. Ей Богу, повѣнчались бы мы съ тобою и не думала бы ты теперь ни о чемъ; да и мнѣ тебя не было бы жаль.

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа, мы не повѣнчались бы. Ты и не думалъ объ этомъ, Сережа.

Коров. —Разумѣется, не думалъ, если уѣхалъ отъ тебя въ Москву жить, чортъ знаетъ какъ, и жилъ такъ, пока не пришло до зарѣза. Думать-то я не думалъ. А все-таки, если бы пріѣхалъ пораньше, повѣнчались бы мы съ тобой.

Ел. Мих. —Нѣтъ, Сережа, не повѣнчались бы, мой милый. Если бы ты пріѣхалъ раньше, было бы одно: я раньше вышла бы за кого-нибудь. Подлѣ тебя были бы хорошіе молодые люди; мнѣ понравился-бы кто-нибудь. (*Живо*) Нѣтъ, Сережа, никто не понравился бы. (*Опять смирно*) И при тебѣ было бы то же. Дождалась бы его. А не дождалась бы, только было бы то, что позже пошла бы въ монастырь.

Коров. —То все прекрасно, Леночка: родство душъ; пока не встрѣтится, кого должно полюбить, нельзя никого полюбить — пусть это экзальтація; все-таки, тутъ есть смыслъ. Но послѣднія твои слова, Леночка, глупость. Что за монастырь? Глупо, глупо, душа моя.

Ел. Мих. —Разумѣется, это лишнее. Такъ сказалось какъ-то. И не думала объ этомъ ни минуты, Сережа. (*Приподнимается отъ его плеча*).

Коров. —Ну, что жь ты встаешь? Лежи такъ.

Ел. Мих. —Плечо, я думаю, устало держать, Сережа.

Коров. —Вздумала жалѣть мое плечо, потому что стала спокойнѣе, кажется?

Ел. Мих. —(*вздыхаетъ*). Да, Сережа. Легче на душѣ. Не съ кѣмъ было поговорить, мой милый... Знаешь ли, Сережа. Не нанимай себѣ квартиры; живи у насъ. Пожалуйста, мой милый.

Коров. —Хорошо, душа моя, хоть и не долюбливаю твоего отца. Кстати, о немъ. Хорошъ онъ съ тобою?

Ел. Мих. —Когда жь онъ былъ дуренъ для меня, Сережа?

Коров. —Ну, и прекрасно, что онъ хоть отецъ-то хорошій,—какимъ былъ и всегда, впрочемъ.

Ел. Мих. —Ахъ; Сережа, какъ выходитъ и похвала у тебя...

Коров. —Ну, извини, душа моя. Не долюбливаемъ мы съ нимъ другъ друга, а приходится жить вмѣстѣ. Прежде, думалъ иначе: съ тобою вдвоемъ, можетъ быть, и придется жить, думалъ, когда ѣхалъ сюда, но опоздалъ, стало быть, это было пропащее.

Ел. Мих. —Не оттого, Сережа, опоздалъ, а оттого, что мы съ тобою слишкомъ привыкли смотрѣть другъ на друга, будто на родныхъ.

Коров. —Съ моей стороны этой задержки, пожалуй, и не было бы, душа моя, потому что я отчасти и отвыкъ.

Ел. Мих. —Нѣтъ, Сережа.

Коров. —Ей Богу, совсѣмъ отвыкъ, Леночка.

Ел. Мих. —Ахъ, ты мой милый, какъ ты врешь на себя (*обнимаетъ его*).

Коров. —Ей Богу, отвыкъ, душа моя (*цѣлуетъ*).

Ел. Мих. —(*смѣется*). Я нарочно затѣмъ и обнялась, чтобъ уличить тебя. Развѣ такъ поцѣловался бы ты съ чужою? Ахъ, Сережа (*голосъ прерывается*). Не такъ легко было... цѣловаться намъ съ Иліодоромъ Ни... (*не можетъ договорить отъ слезъ*).

Коров. —Правда-то оно правда, душа моя. А главное, не время говорить съ

тобою объ этомъ теперь... (*Молчатъ оба. Короваевъ, взглядывая въ сторону окна*). А кто это къ вамъ? Судейша съ дочерьми. Да.

Ел. Мих. — Ахъ, это онѣ идутъ условливаться о пикникѣ.

Коров. — И толкуйте, душа моя (*беретъ фуражку*). А я тѣмъ временемъ къ индю... ну, хорошо, пусть онъ не будетъ индюкъ, — потомъ пообѣдаемъ съ тобою, и ты на пикникъ, а я — въ деревню къ его управляющему, — и утромъ опять съ тобою.

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Сцена третья.

Черезъ недѣлю.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Зиновьевъ. Хоненевъ.

Хонен. — (*входя впопыхахъ*) Убѣжалъ! (*Бросается на стулъ*).

Зинов. — Убѣжалъ?

Хонен. — Убѣжалъ!

Зинов. — (*опускается на стулъ и остается убитымъ. Немножко опомнившись*) Да какъ же онъ убѣжалъ?

Хонен. — Выскочилъ въ окно.

Зинов. — (*постепе́нно оживляясь негодованіемъ*) Да какъ же могли упустить?

Хонен. — Ночь-то какая была? На аршинъ не видно. Какъ тутъ поймаешь? Искали, искали, такъ и ушелъ!

Зинов. — Да какъ же онъ могъ выскочить? Было или нѣтъ сказано управляющему въ верхнемъ этажѣ держать? А? Что же это?

Хонен. — Такъ и держали. Выпрыгнулъ.

Зинов. — Да какъ же дали ему выпрыгнуть? Плохо стерегли. Вашъ управляющій виноватъ. Взыскать съ него.

Хонен. — (*мрачно*) Взыскивай, не взыскивай, не воротишь.

Зинов. — Что же теперь намъ дѣлать? (*Суетится*). Господи, что намъ теперь дѣлать? (*Впадаетъ въ отчаяніе*). Господи, что теперь дѣлать? Парадизова-то нѣтъ! Онъ придумалъ бы... Господи, что мы теперь будемъ дѣлать?

Хонен. — (*медленно встаетъ*). Горе, Михаилъ Петровичъ... Чувствую теперь, привязался... Чувствую теперь... (*Опускается*). Горе...

Зинов. — Парадизовъ говорилъ: „попринудь“. — Господи! Не могу.

Хонен. — (*выпрямляясь*) Что вы сказали?

Зинов. — Парадизовъ совѣтовалъ: принужденіемъ — не могу, Леонидъ Александрычъ, не могу.

Хонен. — Насиліемъ? Нѣтъ! Подлость! Хоненевы никогда не дѣлали подлостей! (*Гордо встаетъ*). Взять въ любовницы насильно — подлость, не могу. (*Ходитъ*). Да, другого средства нѣтъ. Какъ я откажусь отъ нея?

(*Ходитъ*). Нѣтъ! А все равно, когда такъ! Это съ Хоненевыми бывало. (*Махнувъ рукою*) Зовите ее, Михаилъ Петровичъ.

Зинов. —(*хлопая глазами, вскакиваетъ*) Приказываете звать, Леонидъ Александрычъ. Ее-то? Это Леночку-то?

Хонен. —(*спокойнѣе и твердо*) Зовите.

Зинов. —(*усиливаясь быть благороденъ*) Нѣтъ, на это я не согласенъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —(*презрительно*) На что? Дуракъ! (*Спокойнѣе*) Зовите же ее, говорю вамъ.

Зинов. —(*крестясь и подпрыгивая однимъ махомъ на шею къ Хоненеву*) Слава Тебѣ, Господи. Я такъ того и ждалъ. Леонидъ Александрычъ, Леонидъ Александрычъ! Господи, Господи! (*Кричитъ*) Леночка!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же, Елена Михаиловна.

Ел. Мих.—(*входитъ твердою поступью. Рука опущена въ карманъ платья. Дѣлаетъ два шага, останавливается и ждетъ, что будетъ*).

Хонен. —(*идетъ на встрѣчу, но не подходитъ близко*). Елена Михайловна, я прошу вашей руки.

Ел. Мих.—Это все равно равно, Леонидъ Александрычъ.

Зинов. —(*кидается къ ней*) Леночка...

Ел. Мих.—(*приподнимая руку изъ кармана*) Не подходите.

Хонен. —(*перехватывая и отводя рукою назадъ Зиновьева*) У нея кинжалъ.—Елена Михайловна... Я оскорбилъ васъ... простите... я прошу вашей руки.

Ел. Мих.—Это все равно, Леонидъ Александрычъ. Я вижу теперь, что вы дѣйствительно не злой человѣкъ. Но это все равно.

Хонен. —Елена Михайловна, позвольте мнѣ подойти къ вамъ. Я хочу поцѣловать вашу руку—клянусь, не бойтесь.

Ел. Мих.—Послѣ когда нибудь. Теперь я слишкомъ ненавижу васъ. Послѣ; когда забуду. (*Отцу*) Я могу уйти?

Зинов. —(*Издали*) Леночка...

Хонен. —Послѣ. Она сказала: послѣ. (*Елена Михайловна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Зинвьевъ, Хоненевъ.

Зинов. —Что это, Господи! Съ кинжаломъ! Да зачѣмъ же онъ ей?

Хонен. —Былъ нуженъ. (*Садится*).

Зинов. —За зачѣмъ же? Хотѣла убить васъ? (*Садится*).

Хонен. —Заколоться.

Зинов. —(*всплескивая руками*) Господи! Да когда-жь это?

Хонен. —(*съ презрѣніемъ*) То-то; вы хотѣли перехитрить.

(*Оба молчатъ*).

Зинов. —Какъ же намъ теперь-то быть?

Хонен. —Это пройдетъ. Вы слышали: она сказала „послѣ“;—это пройдетъ. Еще не успѣла нагореваться о женихѣ. Да и были неделикатности съ моей стороны, — черезъ васъ, вы меня ввели въ ошибку, будто она только такъ, дѣлаетъ видъ для приличія, будто жалѣетъ. Вы это виноватъ.

Зинов. —Леонидъ Александрычъ, помилуйте! Я-то чѣмъ же?

Хонен. —Молчите! (*Молчитъ и самъ*). Вдругъ нельзя простить. Но это пройдетъ. И она сказала: „когда забуду“.

Зинов. —Да, а Короваевъ-то?—станетъ разстраивать ее.

Хонен. —(*берется за лобъ*) Это правда.

Зинов. —Время не терпитъ, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —(*помолчавъ*) Это правда...

Зинов. —Взять и везти вѣнчать, Леонидъ Александрычъ.

Хонен. —Вѣнчать насильно? Не согласенъ. Это подло.

Зинов. —Какъ же быть-то, Леонидъ Александрычъ? Если ее увезти, да такъ держать, этотъ разбойникъ...

Хонен. —Да, да.

Зинов. —Вы говорите, Леонидъ Александрычъ: повѣнчать безъ согласія нехорошо. Нѣтъ, Леонидъ Александрычъ. Взять въ любовницы дѣвушку противъ ея желанія—это нехорошо; а повѣнчаться—это дѣло честное. Это значитъ только оградить ее отъ злодѣя.

Хонен. —А кинжалъ-то? Пусть и не успѣетъ заколоться. Но все же поранитъ себя. Я и того не могу допустить.

Зинов. —Двѣ ночи не спала! Уснетъ. Тогда взять кинжалъ и везти вѣнчать.

Хонен. —Увезти отсюда—надобно. Вѣнчать насильно—не соглашаюсь.

Зинов. —Помилуйте, Леонидъ Александрычъ. Какъ же оградить, не повѣнчавши? Тогда ограждена; безъ того...

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ-же, Короваевъ.

Коров. —(*видя Хоненева*) А, и вы здѣсь, милостивый государь. (*Къ Зиновьеву*) Гдѣ Леночка?

Зинов. —Леночка больна.

Хонен. —Елена Михайловна здорова, но вы не можете видѣть ее.

Коров. —Почему жь бы это?

Хонен. —Потому что я женихъ ея и нахожу излишнимъ, чтобы ваша короткость съ нею продолжалась.

Коров. —А, это резонъ. (*Идетъ къ двери во внутреннія комнаты*).

Хонен. —(*беретъ его за плечо*).

Коров. —Какъ вы больше любите стрѣляться: получивши оплеуху или безъ нея? Это зависитъ отъ вашего выбора. Во всякомъ случаѣ, вы будете такъ милъ, что пропустите меня (*стряхиваетъ руку Хоненева и идетъ*).

Зинов. —Разбой! Полиція! Караулъ! (*Хочетъ бѣжать*).

Коров. —(*быстро идетъ назадъ*). Не безпокойтесь, Михаилъ Петровичъ, я ухожу (*отталкиваетъ Зиновьева отъ двери передней назадъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Зиновьевъ, Хоненевъ.

Зинов. —(*стоитъ мигъ. Хлопаетъ себя по лбу*) Именно такъ. Черезъ полицію. Задержать его черезъ полицію. Полиція задержитъ покрѣпче вашего управляющаго. (*Хватаетъ шапку*)Я за нимъ. Куда онъ? Вы пошлите за полиціймейстеромъ! (*Бѣжитъ*).

Занавѣсъ падаетъ.

Сцена четвертая.

Та же комната.

Ночь.

На столѣ свѣча, совсѣмъ нагорѣвшая. На диванѣ спитъ Зиновьевъ, совершенно одѣтый, какъ повалился, напившись чай. Подлѣ, на полу, валяется выпавшій у него стаканъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Короваевъ.

Коров. —(*входитъ, идетъ къ Зиновьеву, шаритъ въ карманахъ его, вынимаетъ дверной ключъ, уходитъ во внутреннія комнаты. Щелкаетъ дверной замокъ*). Спишь, Леночка? (*Послѣ паузы*) Успѣешь послѣ нараспрашиваться, какъ убѣжалъ. Да ботинки-то теплыя надѣнь. (*Возвращается на сцену, идетъ къ окну. Всматривается въ темноту*). Алексѣичъ, да гдѣ же ты? что слѣзъ съ облучка? Гужъ лопнулъ? Не свяжешь, надо распрягать. Такъ уже все одно распрягать ли, новыхъ ли запрягать. Введи во дворъ. Тамъ оставишь. Въ кухнѣ найди козачка, разбуди; онъ тебѣ все покажетъ. Тѣхъ никого не опасайся: всѣ мертвецки пьяны. Бери Михайло-Петровичевыхъ лошадей — твоихъ-то мы совсѣмъ измучили — запрягай въ Михайло-Петровичевъ тарантасъ, — это спокойнѣе телѣги. Твое не пропадетъ. Я отвѣчаю. Завтра мнѣ нечего отъ нихъ прятаться, — Живо будетъ, говоришь? Знаю молодца, что будетъ живо. (*Отходитъ отъ окна и ходитъ, заложивъ руки въ карманы и посвистывая*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Короваевъ, Елена Михайловна (въ шляпѣ и мантильѣ).

Ел. Мих. —(*входитъ; какъ видитъ лежащаго отца, бросается къ нему*).

Коров. —Не пугайся, душа моя: проснется живъ и здоровъ. А будить — лишнее. Да и не разбудишь.

Ел. Мих. —(*между тѣмъ пощупавшая лобъ и пульсъ отца*) Да что жь это съ нимъ, Сережа?

Коров. —Опіумъ, душа моя, разумѣется.

Ел. Мих.—Да кто жь это, Сережа?

Коров. —У васъ прислуги довольно, душа моя: кучеръ, и лакей, и кухарка, и прачка,—но не они прислужили, а они сами угощены, и даже горничная, не смотря на свое дѣвичество, не побрезговала,—вотъ это дѣвица, душа моя, не чета тебѣ. Козачекъ одинъ прислужилъ всѣмъ: имъ поставилъ полъ-ведра водки, а твоему папашѣ—деликатнѣе. Въ мальчишкѣ будетъ прокъ. Да садись, душа моя, успокойся (*отводитъ ее отъ Зиновьева*). Тамъ лошадей перепрягаютъ, надо подождать минутку. (*Елена Михайловна садится*). Да ботинки-то на тебѣ теплыя? Ѣхать-то далеко, за Канадеи пять верстъ.

Ел. Мих.—Куда жь это, Сережа?

Коров. —Въ Срѣтенское, Леночка.

Ел. Мих.—Въ Срѣтенское, Сережа? Что жь это? Вѣнчаться? Тамъ вѣнчаютъ. А я и не думала...

Коров. —Думай, душа моя: время есть. Теперь часъ, а Хоненевъ пріѣдетъ за тобою въ три часа. Глупы, а разсчитали, что передъ разсвѣтомъ всего вѣрнѣе: одолѣетъ сонъ.

Ел. Мих.—Вѣнчаться, Сережа?.. какъ же это?

Коров. —Такъ, что невозможно иначе, душа моя. Они подняли полицію, ловить меня. Я прятался въ кабакѣ. Посылалъ къ тѣмъ, кто почестнѣе изъ этой сволочи, спрашивать, не дадутъ ли тебѣ пріютъ. Всѣ жалѣютъ, разумѣется; а никто не смѣетъ. Куда жь я тебя дѣну? Въ кабакъ прятать? И то не укроешься надолго. Вытащатъ.

Ел. Мих.—Что жь они хотятъ дѣлать со мною, Сережа?

Коров. —Повезли бы въ Хоненевку—тоже вѣнчаться.

Ел. Мих. —У меня есть кинжалъ, Сережа.

Коров. —А я не зналъ. А то могъ бы взять его, или нѣтъ? Спала ты, или нѣтъ, когда я вошелъ? (*Оба молчатъ. Короваевъ идетъ къ окну и смотритъ. Подъѣзжаютъ лошади*). Ну, иди, душа моя.

Ел. Мих.—(*встаетъ и опять садится*). Сережа, какъ же это вѣнчаться съ тобою?

Коров. —Ну, скажи, умная голова, куда мнѣ дѣвать тебя—тогда и не вѣнчайся.

Ел. Мих.—Сережа, ты женишься на мнѣ только для того, чтобы спасти меня.

Коров. —Что ты, мать моя? Съ ума спятила?

Ел. Мих.—До нынѣшняго вечера ты и не думалъ объ этомъ, Сережа.

Коров. —Да развѣ безъ этой мысли я поѣхалъ бы сюда?

Ел. Мих.—Сережа, ты смотрѣлъ на меня, какъ на сестру.

Коров. —Душа моя, это правда, пожалуй. Но войди ты въ мое положеніе. Вѣшаешься на шею—поневолѣ долженъ забывать, что не сестра. Не я къ тебѣ равнодушенъ, а ты ко мнѣ. Но это пройдетъ. Забудешь всѣ эти поэзіи и станешь любить меня такъ же горячо, какъ я тебя.

Ел. Мих.—Да, Сережа... Это пройдетъ... Но только я не знаю, какъ мнѣ идти за тебя.

Коров. —Разсуждай послѣ, какъ идти за меня; а прежде повѣнчайся. Ты только повѣнчайся—и тогда отправляйся на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ: никто не можетъ привязываться.

Ел. Мих.—(*смѣется*). Ну хорошо. (*Встаетъ*).

Коров. —А ты повѣрила? Такъ вотъ и отпущу тебя. Жди!

Ел. Мих.—Я и сама не отойду отъ тебя, Сережа; такъ и буду сидѣть обнявшись, ей Богу, Сережа (*обнимаетъ его; идетъ къ отцу*).

Коров. —Лишнее, Леночка. Онъ не стоитъ того.

Ел. Мих.—(*молча цѣлуетъ спящаго отца*). Иди, Сережа (*подаетъ руку ему*). Ей Богу, я рада, Сережа.

Коров. —Ну, иди впередъ, Леночка (*подвигаетъ ее рукою впередъ, самъ отстаетъ*). Садись въ тарантасъ, я сію минуту. Мнѣ пришло въ голову—пришло въ голову: надо же запереть двери.

Ел. Мих.—Ахъ, да, Сережа: надобно. Ей Богу, Сережа, я рада, и это пройдетъ и я буду любить тебя, Сережа (*цѣлуетъ его и уходитъ*).

Коров. —(*пока цѣлуетъ и провожаетъ*) Благодарю тебя, моя милая Леночка, благодарю тебя. (*Проводивъ за дверь, идетъ къ столу, снимаетъ пальцами нагаръ со свѣчи и мажетъ носъ Зиновьеву*) Эхъ, ты сволочь, Сволочь.

Зинов. —(*шевелясь во снѣ, мычитъ*) Мммм...

Коров. —Ладно, пріятель; не проснешься, не пугай. (*Вымазавъ носъ ему, смотритъ, хорошо ли? Домазываетъ*). Теперь хорошо. (*Уходитъ*).

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Черезъ четыре года.

Лица:

Сергѣй Васильичъ Короваевъ.
Елена Михайловна, его жена.
Максимъ Кириллычъ Горбылевъ.
Леонидъ Александрычъ Хоненевъ.
Иліодоръ Николаичъ Свиридовъ.

Сцена первая.

Таже комната, но меблированная заново и получше.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Елена Михайловна ведетъ **Короваева** къ дивану; у **Короваева** большая кипа бумагъ; онъ кладетъ ее на столъ; жена усаживаетъ его, садится сама и склоняется головою къ нему на грудь, обнявъ его шею одною рукой; между тѣмъ говоритъ:

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа, я не соскучилась о тебѣ. Вечеръ играла съ Сашею. До десяти часовъ не хотѣлъ спать, гадкій мальчишка. Я даже устала съ нимъ. Потомъ стала читать и нарочно читала до трехъ часовъ, чтобы встать попозднѣе, когда ты уже пріѣдешь. Проснулась въ одиннадцать

часовъ, а тебя еще нѣтъ. Я сѣла къ окну ждать тебя; а сама читала. Видишь, вовсе не скучала. Но что же ты, Сережа, воротился такъ поздно?

Коров. —Всю ночь просидѣлъ за работою. Ты знаешь мою слабость къ индюку? Пріѣзжаю, онъ прѣетъ вотъ надъ этими бумагами; весь въ поту, бѣдняга. Видишь ли, рѣшился наконецъ прогнать управляющаго и повѣряетъ его отчеты. Разумѣется, гдѣ же дураку? Проситъ: „помогите“. Я возьми, да и согласись. Думалъ, кончу къ разсвѣту. Куда! Бросилъ, когда уже былъ давно бѣлый день, вспомнилъ, что ты будешь, пожалуй, безпокоиться. Взялъ бумаги съ собою, кончить здѣсь. Вотъ тебѣ какая исторія. Угадай, что изъ нея слѣдуетъ.

Ел. Мих.—Онъ просилъ тебя быть управляющимъ у него—да?—Но ты понималъ, что это было бы непріятно мнѣ, и отказался. Такъ?

Коров. —Такъ, душа моя; но не въ этомъ исторія. Что дальше?

Ел. Мих.—Тогда онъ просилъ тебя, чтобы ты рекомендовалъ ему честнаго человѣка, да?

Коров. —Само собою; но не въ томъ дѣло.

Ел. Мих.—А въ томъ, кого ты рекомендовалъ? Кого же?

Коров. —Никого, душа моя. За кого поручишься изъ всѣхъ здѣшнихъ? Не въ этомъ загадка. Вижу, ты и вообразить не можешь. Ну, приготовься.—Индюкъ расчувствовался, душа моя, и давай приставать, чтобы я сказалъ, сердишься ли ты на него: чтобъ я выпросилъ у тебя позволеніе бывать у насъ, и брани меня, душа моя! Мое нѣжное къ нему сердце не выдержало. Шутки въ сторону: онъ милый мнѣ человѣкъ. Безъ его глупостей, не устроилась бы такъ скоро наша свадьба. Пожалуйста, Леночка, скажи ему ласковое слово, когда онъ пріѣдетъ за этими бумагами.

Ел. Мих.—Изволь, Сережа: я всегда буду ласкова съ нимъ.

Коров. —Но тебѣ непріятно это?

Ел. Мих.—Не особенно, Сережа! Я давно понимаю, мнѣ и не за что было считать его дурнымъ человѣкомъ. Онъ воображалъ, что дѣвушка расположена къ нему, хотѣлъ поцѣловать ее; у него не могло быть дурныхъ мыслей: окна были отворены, въ сосѣдней комнатѣ сидѣли гости. А увезти меня это не его мысль, Сережа. Я говорила тебѣ. Онъ только поддался чужому совѣту.

Коров. —Такъ ты даже и не сердишься на него? (*Смѣется*).

Ел. Мих.—(*смѣется*). Если онъ милъ тебѣ, Сережа, то во сколько же разъ больше благодарна ему должна быть я? (*Серьезно*) Ахъ, Сережа, ты любишь меня горячѣе, это правда; но я больше люблю тебя, Сережа, нежели ты меня (*обнимаетъ его и другою рукою*). Ты можешь не думать обо мнѣ и по цѣлымъ днямъ, а я, Сережа... я и не знаю...

Коров. —(*цѣлуетъ ее въ голову*). Вижу, что ты женщина, душа моя, то есть, существо коварное и все только обманываешь меня. Какъ же это я повѣрю, будто ты такая хорошая жена, когда ты сама сейчасъ говорила, что вовсе не соскучилась обо мнѣ?

Ел. Мих.—Это правда, Сережа; я сидѣла и читала и вовсе не думала о тебѣ.

Коров. —Обманываешь, душа моя. Проѣзжая мимо окна, я видѣлъ: ты сидишь задумавшись, а не читаешь. Мнѣ показалось даже, что лицо у тебя грустное.

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа: я не грустила; я только такъ задумалась. И вотъ видишь, Сережа, я опять весела. Когда я подлѣ тебя, я всегда весела, Сережа.

Коров. —Если „теперь опять весела", значитъ, была невесела. Ты не мастерица лгать, душа моя.

Ел. Мих.—Не мастерица, Сережа (*улыбается*). Но ты не спалъ всю ночь, тебѣ надобно уснуть.

Коров. —Выспался дорогою, Леночка. О чемъ же ты грустила? Ты часто грустишь?

Ел. Мих.—Очень рѣдко, Сережа.

Коров. —Да въ этотъ мѣсяцъ я видѣлъ раза три.

Ел. Мих.—Ну, три раза, Сережа, развѣ это много.

Коров. —Да, это немного; потому что, кромѣ того, когда мнѣ удавалось подмѣтить, этого никогда и не бывало. Я не думалъ, что ты будешь такъ долго грустить по отцѣ — больше двухъ лѣтъ, и все таки плачешь, должно быть, каждый день. Подними глазки, посмотри на меня, Леночка: ты грустила по отцѣ? (*Елена Михайловна крѣпче и ниже опускаетъ голову на его грудь, чтобы ему нельзя было заглянуть ей въ лицо*). Мы давно не говорили объ этомъ, Леночка. Я все думалъ, это пройдетъ. Но — четыре года и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать съ тобой?

Ел. Мих.—Не говори, Сережа.

Коров. —(*начиная шутить*) Какъ же не говорить тебѣ, что ты дурная жена?

Ел. Мих.—(*прижимаясь крѣпче къ нему и сквозь слезы*) Я дурная жена, Сережа.

Коров. —Ты плачь больше, душа моя: это очень умно.

Ел. Мих.—Нѣтъ, это глупо, Сережа.

Коров. —(*серьезно*) И стыдно.

Ел. Мих.—Да, Сережа.

Коров. —(*опять шутя*) Неужели стыдно?

Ел. Мих.—Да, Сережа, я помню твои слова: это значитъ, не уважать себя; за пренебреженіе надобно платить пренебреженіемъ.

Коров. —Ты соглашалась тогда со мною, что это правда. А теперь, это перестало быть правдою?

Ел. Мих.—(*опять крѣпче прижимаясь къ нему*) Сережа, не мучь меня.

Коров. —Нельзя не мучить тебя, душа моя, когда ты дурная жена. Скажи ты мнѣ, сдѣлай одолженіе, отчего ты такая дурная жена: должно быть, ты не любишь меня, что ли?

Ел. Мих.—(*все прижавшись и сквозь слезы*) Не люблю, Сережа.

Коров. —Вотъ и видно, что ты коварная женщина: хорошо ли обманывать мужа? Зачѣмъ ты лжешь? Говори: лжешь или нѣтъ?

Ел. Мих.—Лгу, Сережа.

Коров. —Такъ будто любишь меня?

Ел. Мих.—Люблю, Сережа.

Коров. —Трудно вѣрить, душа моя. Побожись. Ей Богу, любишь?

Ел. Мих.—(*начиная смѣяться сквозь слезы*) Ей Богу люблю, Сережа, только перестань смѣяться надо мною.

Коров. —Хорошо. Я не понимаю тебя, душа моя. Повѣнчались мы съ тобою; года полтора ты держала себя очень хорошо. Сначала грустила о своей поэзіи, но не больше, чѣмъ слѣдуетъ женщинѣ, которая уважаетъ себя. Потомъ стала и вовсе весела. И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Умеръ твой отецъ — все перемѣнилось. Плачешь и плачешь. „По отцѣ". Я долго тому и вѣрилъ. Хоть и поняла ты, что онъ не стоилъ любви, но все же отецъ. Думаю: пусть ее плачетъ, сколько хочетъ, это хорошая грусть. Но полгода и годъ и все тоже и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Слишкомъ долго; а, главное, наоборотъ противъ естественнаго хода такого чувства, какъ печаль по отцѣ: не ослабѣваетъ, а ростетъ. Дѣло ясное: изъ умной женщины стала моя жена глупой. Знала—за презрѣніе плата презрѣніе и забвеніе, знала — и забыла. Я не понимаю этой перемѣны. Скажи, душа моя, что это такое? (*Елена Михайловна молчитъ, прижавшись къ нему. Долгая пауза*). Говори, душа моя.

Ел. Мих.—Мнѣ нечего сказать тебѣ, Сережа. (*Долгая пауза*).

Коров. —У тебя есть какая-то тайна отъ меня.

Ел. Мих.—(*задыхающимся голосомъ и прячась лицомъ ниже и крѣпче на грудь ему*) Нѣтъ, Сережа. (*Долгая пауза*).

Коров. —Ну, душа моя, дѣйствительно, ты дурная жена. Но такъ ты не отдѣлаешься отъ меня. Изволь-ко, душа моя, смотрѣть мнѣ прямо въ глаза (*приподнимаетъ ее со своей груди*)—тогда тебѣ не такъ легко будетъ лгать. (*Она не сопротивляется тому, что онъ поднимаетъ ее и смотритъ ему прямо въ глаза*). Говори же, душа моя.

Ел. Мих.—(*твердо*) Мнѣ нечего говорить, Сережа.

Коров. —Прошу тебя, скажи мнѣ, какая тайна у тебя на душѣ?

Ел. Мих.—Никакой, Сережа.

Коров. —Лжешь, душа моя.

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа. (*Долгая пауза*).

Коров. —Однако же, упряма ты, душа моя.

Ел. Мих.—Нѣтъ, Сережа, не упряма, а люблю тебя (*при послѣднихъ словахъ съ рыданіемъ бросается ему на шею*).

Коров. —Ты измучена этимъ разговоромъ, бѣдная моя Леночка. Продолжать его значило бы слишкомъ разстраивать тебя. Мы поговоримъ въ другой разъ.

Ел. Мих.—Никогда, Сережа, если ты любишь меня. Ты знаешь, у меня есть характеръ. Пока я думала, что ты не видишь и не понимаешь, я не дѣлала усилій подавить свою грусть: но я знаю, я потеряла бы твое уваженіе, если бы это продолжалось. Я должна презирать его и буду, и презираю. Кто не умѣлъ цѣнить мою любовь, тотъ не достоинъ, чтобы я помнила о немъ. Ты увидишь, какъ тверда, какъ всегда весела буду я. Ты снова будешь видѣть во мнѣ и умъ и гордость. Я не такъ слаба, чтобы понадобилось возобновлять разговоръ со мною объ этомъ. Если

ты возобновишь его, это будетъ значить, что не уважаешь меня, считаешь меня за безхарактерную женщину,—нѣтъ!—я не подамъ тебѣ повода такъ унизить меня. Я сдѣлаюсь госпожею надъ своими глупыми воспоминаніями и подавлю, сглажу ихъ. Буду желать одного: чтобы его жена, если она честная женщина, какъ я слышала, никогда не узнала, какъ ненадежна его любовь. Сережа, дай мнѣ слово не возобновлять этого разговора.

Коров. —Разумѣется, не возобновлю, если ты не подашь повода.

Ел. Мих.—Не сомнѣвайся, мой ми... Ахъ! (*остается на мигъ неподвижною отъ ужаса, увидѣвъ Горбылева; вскакиваетъ и бѣжитъ къ нему*) Максимъ Кириллычъ!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ-же, Горбылевъ (въ лохмотьяхъ).

Горбыл. —(*осклабившись*) Да-съ, это я. А вы и не узнали, Елена Михайловна, испугались?

Ел. Мих.—(*между тѣмъ, взявшая его за руку, тянетъ его къ двери во внутреннія комнаты*) Вы проголодались, я думаю; пойдемъ въ кухню, къ Маврѣ Кондратьевнѣ.

Горбыл. —(*упираясь*) Я ужь былъ тамъ-съ. Она увидала меня, думала: нищій-съ; а я говорю: это я, и пошелъ къ ней, и она меня покормила немного-съ, поскорѣе-съ, и велѣла Степану Иванычу съ поваромъ — а у васъ и поваръ-съ, вонъ какъ отлично-съ,—посадить меня въ корыто, вымыть и потомъ опять покормила-съ; отлично-съ. А обѣдъ черезъ полчаса-съ, я могу подождать-съ, потому что я совсѣмъ наѣлся-съ. А лучше, посижу съ вами-съ. А я какъ удивился-съ, что вы не за Леонидомъ Александрычемъ. Какъ же-съ? Тогда вы хотѣли идти за Леонида Алек...

Ел. Мих.—(*все стараясь поскорѣе увести его*) Да идите же, Максимъ Кириллычъ.

Коров. —(*потиравшій себѣ лобъ*) Леночка, не тревожься, душа моя. Максимъ Кириллычъ, садитесь-ко, да, поговоримъ. (*Елена Михайловна колеблется; видитъ, что нечего дѣлать; пускаетъ руку Горбылева. Онъ идетъ, садится. И она. Кораваевъ, между тѣмъ говоритъ*) Поразскажите намъ, гдѣ вы пропадали. Тогда, какъ вы просрочили отпускъ, а мнѣ случилось ѣхать въ Пензу, судья просилъ меня справиться о васъ. Мнѣ сказали, вы были въ богадѣльнѣ, да куда-то уѣхали, какая-то помѣщица взяла васъ.

Горбыл. —Какъ же-съ, увезла помѣщица Пырятина-съ. Я недолго и пробылъ въ богадѣльнѣ-то-съ, всего недѣли двѣ-съ; потому что я получилъ тамъ извѣстность-съ. Какъ же-съ, многіе пріѣзжали ко мнѣ. За это за самое она и увезла меня-съ, потому что ей это очень нужно.

Коров. —Что же такое ей очень нужно? То, чтобы многіе пріѣзжали къ ней для васъ?

Горбыл. —Нѣтъ-съ, она увезла меня не для другихъ-съ, а для самой себя.

Коров. —Что жь такое въ васъ нужно ей для самой себя? Ужь не влюбилась ли она въ васъ?

Горбыл. —Нѣтъ-съ, а чтобы толковать сны, потому что она всегда ихъ видитъ.

Коров. —А, такъ вы пріобрѣли извѣстность въ Пензѣ этимъ.

Горбыл. —А то чѣмъ же-съ? Этимъ самымъ-съ. И кормила меня эта Пырятина хорошо-съ; не въ примѣръ лучше богадѣльни-съ. Но только все же противъ трактирнаго не сравняется-съ. Оттого меня и переманили у нея-съ.

Коров. —Опять въ трактиръ? Но зачѣмъ же вы тамъ нужены? Пріохочивать другихъ къ ѣдѣ, что ли?

Горбыл. —Нѣтъ-съ; тамъ еще нѣтъ этой догадки-съ, въ трактирахъ-то; видно тамъ народъ-то глупый-съ. Не въ трактиръ переманили, а въ монастырь-съ, въ Богодуховскій-съ. Пырятина-то поѣзжай туда, да и меня возьми-съ. А тамъ увидали, что у меня губа-то не дура-съ, и говорятъ: мы станемъ тебя чѣмъ хочешь кормить-съ, только оставайся у насъ, будто въ родѣ святого-съ.

Коров. —Вотъ какъ. Такъ вы святымъ стали?

Горбыл. —Какъ же-съ. Прозорливцемъ-съ. Я и самъ не думалъ, что можно-съ. А какъ помазали меня масломъ-съ, освященнымъ-съ, такъ и вышло-съ: сталъ я будущее предвидѣть и тайны всякія постигать—ей Богу-съ. О чемъ кто меня спроситъ, все могу отвѣчать-съ; и все точно такъ и выходитъ, какъ есть все вѣрно-съ. И кормили-съ. Отлично-съ. Даже лучше трактирнаго-съ.

Коров. —Какъ же это вы покинули такой рай?

Горбыл. —Самъ-то и не вышелъ бы-съ, у меня губа-то не дура-съ. Да возьми, поссорься игуменъ съ полиціей-съ; она пріѣхала-съ, да и взяла меня; будто безпаспортнаго-съ, да и говорятъ: бродяга-съ. Отправить по этапу-съ! И отправили-съ! Вотъ потерпѣлъ-то-съ!

Коров. —Я думаю. Но вы предвидѣли будущее; вы бы и предсказали игумену, что пріѣдетъ полиція, онъ бы васъ и спряталъ. Вотъ и выходите вы самъ виноватъ, Максимъ Кириллычъ. Слѣдовало предсказать.

Горбыл. —*(пораженъ недоумѣніемъ. Потомъ видитъ, что правда)* Точно-съ. Слѣдовало предсказать.

Коров. —Впрочемъ, особенно жалѣть не о чемъ. Когда вы предвидите будущее и можете постигать всякія тайны, то и здѣсь многіе будутъ кормить васъ не хуже монастырскаго, — не знаю только, вотъ Леночка позволитъ ли вамъ.

Горбыл. —Нѣтъ-съ, если и Елена Михайловна позволятъ, я теперь этого не могу-съ.

Коров. —Помилуйте, отчего же не мочь?

Горбыл. —Не могу-съ.

Коров. —Полноте, не повѣрю.

Горбыл. —Ей Богу, не могу-съ.

Коров. —Отчего же?

Горбыл. —Оттого-съ, что этого дара лишился-съ.

Коров. —Что вы говорите? Потеряли снятость?

Горбыл. —Потерялъ-съ.

Коров. —Да какъ же это? Грѣхъ, что ли, какой большой сдѣлали?

Горбыл. —Нѣтъ-съ. А потому что это было отъ масла-съ, а теперь оно съ меня смыто-съ.

Коров. —А, ну это такъ. А жаль.

Горбыл. —Жаль-съ.

Коров. —Но какъ же вы допустили это, чтобы святость смылась?

Горбыл. —Я и не допускалъ-съ. Они насильно-съ, арестанты-то-съ. Они насмѣшники-съ. Взяли, на одномъ этапѣ, насильно повели въ баню, да и смыли-съ.

Коров. —Это они дурно сдѣлали. Но только не напрасно ли мы съ вами винимъ ихъ? Можетъ быть они повели васъ въ баню и не для одной насмѣшки, Максимъ Кириллычъ. Когда вы столько времени не мылись, то, вѣроятно, вы были такой, что страшно было смотрѣть на васъ.

Ел Мих.—(*встаетъ*) Какой ты добрый, Сережа.

Коров. —Помилуй, душа моя, какая же тутъ доброта. А только ты смѣшна, что перепугалась.

Ел. Мих.—(*обнимаетъ его*) Милый мой, какъ ты умѣлъ успокоить меня; такъ беззаботенъ, будто бы говоришь пустяки; будто и то все пустяки.

Коров. —Да пустяки и есть, Леночка.

Ел. Мих. —(*вздыхаетъ*) Дай мнѣ еще немножко оправиться отъ этого удара,— я приду къ тебѣ сама и все скажу тебѣ.

Коров. —Пожалуй и разскажи, если есть охота. А то хоть и не разсказывай,— потому что не очень любопытно. Я могъ думать прежде: можетъ быть, что нибудь и важное. А теперь ясно, что пустяки.

Ел. Мих.—Сережа, какъ я люблю тебя. (*Обнимаетъ его*).

Коров. —Это новость для меня, душа моя (*цѣлуетъ ее*). Ну, теперь отвяжись отъ меня, милая дѣвица. Ступай и отдохни и перестань быть смѣшна.

Ел. Мих.—Добрый мой. Я скоро вернусь и скажу тебѣ все. Пойдемъ же, Максимъ Кириллычъ. (*Идетъ. За нею Горбылевъ*).

Хозяйка театра встаетъ въ своей ложѣ и говоритъ: Messieurs et mesdames, идемъ пить чай. Вторую половину драмы мы увидимъ завтра.

Занавѣсъ падаетъ.

ПОТОМОКЪ БАРБАРУССЫ.

Историческій разсказъ.

Предисловіе.

(Написанное для Бѣлаго Зала).

Добрыя мои слушательницы и слушатели.

Въ часы отдыха отъ ученой работы, я люблю доставлять себѣ развлеченіе. Пишу популярныя статьи объ истинахъ, уже достаточно разъясненныхъ великими мыслителями, у которыхъ научился я понимать, что разности расъ, національностей и сословій—факты незначительные по сравненію съ колоссальною силою общаго человѣческаго элемента, дѣйствующаго совершенно одинаково въ матеріальной и идеальной жизни каждаго человѣка; научился поэтому равно желать добра— и въ сущности совершенно одинаковаго добра—всѣмъ людямъ всѣхъ племенъ и всѣхъ общественныхъ положеній; научился знать, что человѣчеству предстоитъ будущее прекрасное; что ужь и теперь очень многое изъ этого прекраснаго удободостижимо для передовыхъ націй Америки и Европы и очень скоро войдетъ въ ихъ жизнь; а отъ нихъ будетъ очень быстро переходить и въ бытъ другихъ народовъ. Это главное развлеченіе моего отдыха. Но не единственное, относящееся къ такому же способу проводить время. О томъ, какія иныя занятія подобнаго характера даютъ разнообразіе моему отдыху, скажу послѣ; а теперь надобно объяснить вамъ, какимъ же образомъ я могу и долженъ называть отдыхомъ занятія, которыя кажутся работою многимъ изъ васъ. Вотъ какъ это.

Всѣ мы здѣсь— привилегированные. Въ томъ числѣ и я самъ. Но существуемъ на свѣтѣ не одни мы съ подобными намъ привилегированными. Существуютъ на свѣтѣ также простолюдины. Когда мы, съ привычными понятіями нашего привилегированнаго образа жизни, смотримъ на то, какъ идетъ день у простолюдиновъ, намъ кажутся довольно тяжелыми трудами тѣ занятія, на которыя употребляютъ они только время своего отдыха. Мастеровой, окончивъ работу по своему ремеслу, копается въ огородѣ; его жена, прачка, кончивъ стирку бѣлья, моетъ и убираетъ комнату, шьетъ. Мужикъ, возвратившись съ пашни, чинитъ плугъ, телѣгу, хомутъ; мужичка, возвратившись со жнитва чинитъ одежу мужу, себѣ, семьѣ.— „Работаете?“ — „Отдыхаемъ отъ работы“, отвѣчаютъ они.

Я слышу, нѣкоторые изъ васъ удивляются моему трудолюбію. Это естественная привилегированнымъ забывчивость о простолюдинахъ. Я не болѣе трудолю-

бивъ, нежели трпста пятьдесятъ милліоновъ изъ четырехъсотъ, составляющихъ населеніе земель нашей Европейско-Американской цивилизаціи. То, что я называю своею работою,—дѣло не тяжеле занятій ихъ отдыха. Что жь занятія моего отдыха? Это ужь даже не просто отдыхъ; это дѣла пріятности, прихоти: это развлеченіе.

Въ развлеченіяхъ нравится разнообразіе. Законъ тутъ одинъ—„такъ вздумалось": —прихоть. У каждаго и у каждой есть какой-нибудь любимый способъ развлеченія. Напримѣръ, прогулка; или, у другихъ, музыка; или у третьихъ чтеніе. Не вѣчно развлекаться только однимъ этимъ любимымъ. Кому особенно нравится музыка, тѣ однако жь и читаютъ, и прогуливаются.—Такъ и у меня. Любимое мое развлеченіе въ часы отдыха за письменнымъ столомъ — писать популярныя статьи для распространенія въ публикѣ знакомства съ идеями великихъ мыслителей, научившихъ меня правильно понимать вещи. Но вздумается — я пишу что-нибудь другое: историческія статьи, повѣсти; записываю любопытное изъ того, что разсказываютъ мнѣ другіе.

Всѣ эти маленькія работы моего отдыха предназначаются для печати. Но не каждая, какъ разъ начата, продолжается безъ перерыва до такой законченности, чтобы годилась для печати. Это занятія по прихоти — „какъ вздумается".—Какъ вздумается, отлагаю одно, берусь за другое, за третье. И много у меня такихъ письменныхъ забавъ, начатыхъ и не конченныхъ. Когда возвращусь къ той или другой изъ нихъ, чтобы докончить?—Это, какъ случится. Иная лежитъ такъ мѣсяцы; иная годы.

Одна изъ такихъ—начатыхъ и отложенныхъ въ сторону—забавъ моего отдыха—„Разсказы, относящіеся до исторіи южной Италіи и Сициліи съ конца прошлаго вѣка."—Въ числѣ немногихъ законченныхъ эпизодовъ этого сборника есть маленькій біографическій эскизъ, который хочу прочесть вамъ теперь. Составился онъ у меня вотъ какимъ образомъ.

Одинъ изъ моихъ друзей пересказывалъ мнѣ разсказы синьоры Габріэллы Росселль, вдовствующей княгини Кастель-Бельпассо,—такъ скажу я, когда буду печатать; для васъ, по первымъ же строкамъ разсказовъ этого моего друга будетъ ясно, что это моя жена. Я стенографировалъ. Написалъ вступительныя замѣтки, прибавилъ кое гдѣ объясненія, какія нужны, чтобы все было всѣмъ понятно въ стенографированныхъ разсказахъ.

Самъ по себѣ, этотъ маленькій эскизъ не представляетъ ничего такого важнаго, чтобы стоило напечатать его особою статьею или брошюрою. Онъ будетъ заслуживать напечатанія лишь тогда, когда наберется у меня цѣлая большая масса подобныхъ матеріаловъ для нѣсколькихъ полновѣсныхъ томовъ сборника.

Но для васъ эскизъ будетъ достаточно интересенъ, потому что представляетъ біографическія свѣдѣнія о старшихъ родныхъ нашей доброй хозяйки.

Прошу васъ помнить, что маленькая статья, которую хочу прочесть вамъ, предназначена для печати. Этимъ объясняется, что первыя десять, пятнадцать строкъ составлены изъ подробностей, лишнихъ для васъ, живущихъ въ Кастель-Бельпассо. Лишняго не такъ много, вы согласитесь, чтобы стоило лишать статью начала или дѣлать непріятныя слуху запинки, ломая конструкцію рѣчи, для сокращенія того, что и безъ выпусковъ не займетъ въ чтеніи больше одной минуты.—Итакъ, читаю: „Потомокъ Барбаруссы".

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Резиденція и фамилія.

князя Эцелино Кастель-Бельпассо.

На южномъ берегу Гуаралонги, на окраинѣ Катанской равнины, надъ тѣсниною, по которой Дорога Восточнаго Края переходитъ волнистую гряду возвышеній, сопровождающихъ правую сторону рѣки, — на холмѣ, господствующемъ надо всей той окрестностью, сіяетъ бѣлизною среди густой зелени сада колоссальный дворецъ, резиденція благороднѣйшей, свѣтлѣйшей княжеской фамиліи Кастель-Бельпассо, происходящей отъ Манфреда, короля Апулійскаго (то есть, Неаполитанскаго) и Сицилійскаго, который, какъ теперь извѣстно, былъ не побочнымъ, а законнымъ сыномъ Фридриха II, императора Гоэнштауфена, отъ законной супруги его Біанки, дочери Бонифація, графа Ланціанскаго.

Такъ начинаетъ свою „Исторію Кастель-Бельпассо“ Таддео Прочида, писатель мало извѣстный и не написавшій ничего важнаго, но довольно ученый и очень даровитый,—библіотекарь, хранитель фамильнаго архива, смотритель музеевъ резиденціи, исторію которой напечаталъ въ 1772 году. Онъ былъ потомокъ знаменитаго Прочиды, такъ усердно хлопотавшаго о мщеніи убійцѣ Манфреда и Конрадина,—потомокъ другого, также какъ онъ, мало извѣстнаго и очень даровитаго Прочиды, поэта, жившаго въ началѣ XV столѣтія, стихи котораго Таддео приводитъ съ гордымъ замѣчаніемъ: „поэтъ, мой предокъ, подобно всѣмъ своимъ предкамъ и потомкамъ, служилъ потомкамъ Гоэнштауфеновъ безъ измѣны въ несчастіи, безъ лести въ счастіи, какъ стараюсь служить и я“.—Мы увидимъ, что „Исторія Кастель-Бельпассо“, которою пользуюсь я на этихъ страницахъ, посвящена господину и другу автора, тогдашнему князю Кастель-Бельпассо, Альфонсо, отцу князя Эцелино.

Я буду только сокращать брошюру Прочиды, постоянно сохраняя подлинныя слова честнаго, умнаго и даровитаго ученаго.

Благороднѣйшая, свѣтлѣйшая княжеская фамилія носитъ названіе отъ имени своей резиденціи. Резиденція получила вторую, существенную, половину своего имени отъ красоты мѣстоположенія, а придаточную первую имѣла до перестройки отъ своего собственнаго характера; послѣ перестройки, сохранила по преданію.

Въ средніе вѣка на этомъ холмѣ хмурился насупленными парапетами казематныхъ стѣнъ и неуклюжихъ башень-тюремъ темно-цвѣтный феодальный замокъ, дикій, изъ дикаго, едва отесаннаго, шероховатаго камня: мрачный, безъ оконъ, точно слѣпой, только разинувшій пасти амбразуръ,—грозное чудовище, жадное и грозное. „Когда смотришь на этотъ мрачный замокъ изъ долины съ юга или съ сѣвера, съ равнины“, приводитъ историкъ слова своего предка, поэта, „думаешь: это не сооруженіе рукъ человѣческихъ, это созданіе гнѣвныхъ небесъ, увѣковѣченное силою царя воздушнаго, діавола; это туча грозы, ниспавшая и приросшая къ безплодной скалистой вершинѣ холма на вѣчный страхъ и частое разстройство всему, что внизу, что ростетъ и что живо“.—Это говорится потомъ въ началѣ XV вѣка. Но замокъ просуществовалъ до той поры ужъ болѣе четырехъ столѣтій.—Каковъ

былъ онъ сначала? спрашиваетъ ученый историкъ послѣ цитаты, приведенной изъ поэта. Разумѣется, чудовищный уродъ былъ и удобенъ и хорошъ на волчій взглядъ своихъ звѣроподобныхъ основателей, Норманскихъ разбойниковъ. Но пріятенъ ли глазамъ другихъ тогдашнихъ людей, кромѣ этихъ звѣроподобныхъ чужеземцевъ, поселившихся въ немъ грабить нашъ островъ? Нравился ли этотъ ихъ вертепъ кому изъ истиннаго, кореннаго Сицильянскаго населенія? —Въ нашей волѣ воображать: Сицильянцы восхищались вмѣстѣ съ Норманнами, грабившими ихъ. Это мы можемъ думать, если намъ такъ угодно; потому что не дошло до насъ никакихъ извѣстій о томъ.

Но начиная съ эпохи, когда царствовалъ надъ Сициліей Фридрихъ II, императоръ, отецъ Манфреда, человѣкъ очень просвѣщенный, мы ужь имѣемъ о наружности Кастель-Бельнассо свидѣтельства людей, смотрѣвшихъ на феодальную резиденцію не разбойничьими, обыкновенными человѣческими глазами: отзывы расчетливыхъ экономовъ, писавшихъ инвентари, съ отмѣтками, что въ какомъ состояніи находится, какихъ требуетъ поправокъ; отзывы чуждыхъ денежнымъ расчетамъ вдохновенныхъ пѣвцовъ. При этомъ досадномъ для идеализаторовъ старины стараго варварства изобиліи фактовъ мало разгула воображенію; пріятности еще меньше. И поэты и экономы одинаково негодуютъ на феодальное чудовище, каждый со своей точки зрѣнія. Экономы въ отчаяніи, что много денегъ ушло на починку и еще больше надобно употребить, и все таки не поправишь такъ, чтобы вышло сколько-нибудь сносно для взгляда. Поэтъ (предокъ историка) обращается къ владѣльцу замка съ такими воззваніями: „Благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь! благосклонно услышьте звуки восторга, льющіеся изъ сердца скромнаго пѣвца прекрасной наружности вашей резиденціи. Видъ ея приводитъ въ самое поэтическое настроеніе душу мою, потому что напоминаетъ величественное явленіе природы, тучу грозы. Сходство вашего замка съ тучею грозы, дѣйствительно, совершеннѣйшее. Какъ она, весь онъ рыжевато-грязно-сѣрый, съ черными прожилками трещинъ, съ грязновато-багровыми прожилками, слѣдами ручьевъ крови, струившейся по этимъ стѣнамъ обильными потоками. Это всегда была тюрьма, въ которой мучились добродѣтельные,—въ которой хорошо было только злодѣямъ свирѣпствовать надъ несчастными подданными, въ которой страдали, изнывали всѣ добрые люди вашей фамиліи, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Пропитались эти стѣны кровью и разъѣдены ею; расшатались онѣ отъ тяжкихъ стоновъ столькихъ поколѣній. Совѣтую вамъ, могущественный сиьоръ, покинуть этотъ вертепъ разбойниковъ, потому что съ часу на часъ, того и жди: онъ развалится и раздавитъ васъ“.

Сдѣлавши эту выписку, историкъ замѣчаетъ: „мой предокъ только выражалъ въ яркомъ поэтическомъ преувеличеніи то самое чувство, которое имѣлъ самъ владѣлецъ замка. Совѣтъ поэта былъ голосомъ друга, грудь котораго служитъ резонансомъ, съ удвоенною силою повторяющимъ звуки тихой жалобы господина, потрясающей преданнаго нельстиваго слугу“.

Эти слова историка—не пустая фраза. Они совершенно подтверждаются документами, приводимыми у него. Тогдашній князь былъ человѣкъ очень добрый и съ хорошимъ вкусомъ. Кровавыя воспоминанія, отпечатавшіяся багровыми струями на стѣнахъ его резиденціи, были возмутительны ему. Уродливость вертепа производила отвратительное впечатлѣніе на его тонкое чувство изящнаго. Онъ

искренно гнушался своею чудовищною резиденціею. И не онъ первый. Почти всѣ его прежніе владѣтели.

Потомки Фридриха II имнератора, поэта и любителя учености, человѣка очень граціозныхъ манеръ, потомки Манфреда, не уступавшаго отцу ни даровитостью, ни образованностью, ни изяществомъ вкуса,—князья Кастель-Бельпассо были людьми цивилизованными, любившими комфортъ, разборчивыми въ дѣлахъ изящества. Облупившіяся стѣны со щелями, грязь, мракъ и духота нравились имъ ровно столько же, сколько и людямъ изящнаго воспитанія въ наше время.—Съ перваго изъ благороднѣйшихъ свѣтлѣйшихъ князей почти всѣ желали бы перестроить свою уродливую резиденцію. Но очень долго тянулись такія смутныя времена, что неизбѣжно было оставаться жить за этими казематными стѣнами и невозможно было не то, что перестроить ихъ, даже хоть придать имъ ту степень благовидности, какую могли бы получить онѣ безъ совершенной перестройки съ самаго фундамента. На это было надобно страшно много свободныхъ средствъ и спокойнаго времени. Или средствъ не доставало, или спокойствія не было. Внутреннія смуты подымались безпрестанно. И хуже того, чуть ли не такъ же безпрерывно приходилось отбиваться отъ иностранцевъ, у которыхъ лапы были потяжеле, чѣмъ у домашнихъ враговъ, и умѣли пошире и почище сгребать съ земли всякое добро. О, если бы только междуусобицы!—партіи подрались бы и помирились бы, если бы раздоры между своими не разжигались подстрекательствомъ чужихъ, искавшихъ случая пограбить. Едва отразили патріоты одно чужое войско, идетъ другой чужой съ арміею, еще болѣе многочисленною, и успѣлъ разбить патріотовъ, и раздавилъ глупцовъ, приглашавшихъ его, и привольно съ конца до конца острова грабитъ и жжетъ, насилуетъ и рѣжетъ. Завладѣлъ, и продолжаетъ грабить ужь по законному праву. Но вотъ, будетъ, наконецъ, полегче: его потомки обжились въ странѣ, чувствуютъ себя уже туземцами, начинаютъ имѣть жалость, отчасти даже расположеніе къ своимъ подданнымъ. Подданные понемножку оправляются послѣ долгаго грабежа. Иностранцы замѣчаютъ: „А! ужь накопилась добыча намъ; пора идти грабить“. И идетъ орда, отнимать все и у правителей и у народа,— и возобновилась прежняя исторія грабежа, насилованія, рѣзни.

Были ли князья Кастель-Бельпассо совершенно чисты отъ заблужденій своего времени—заблужденій, состоявшихъ въ томъ, что позволительно самоуправство, что позволительно призывать чужихъ на помощь противъ своихъ?—Они были люди своего времени. И нечего спрашивать, всегда ли могли они избѣгать ошибокъ своего времени. Нѣтъ. Но народъ считалъ ихъ своими защитниками и любилъ ихъ. Подобно своему предку Манфреду, не были они людьми безгрѣшными. Но, вообще говоря, они были достойными потомками Манфреда и Гогенштауфеновъ. И какъ Манфредъ омытъ передъ судомъ исторіи отъ всѣхъ грѣховъ своихъ слезами народа о его смерти, такъ очищена и добрая слава его потомковъ отъ всѣхъ пятенъ слезами, съ которыми провожали каждаго изъ нихъ въ могилу его подданные.

Почти всѣ князья Кастель-Бельпассо были люди добрые. Всѣ, безъ исключенія, люди храбрые, мужественно защищавшіе своихъ подданныхъ. Всѣ люди образованные. И если очень долго не могли они перестроить уродливую твердыню, если не могли разрушить казематныхъ наружныхъ стѣнъ, то внутри своей страшной тюрьмы они понемножку устраивали жизнь, приличную цивилизованнымъ людямъ. А когда—

въ началѣ XV вѣка—явилась надежда на спокойныя времена, тогдашній князь, Лоренцо II, сталъ подумывать о разрушеніи своей тюремной резиденціи, о замѣнѣ ея хорошимъ дворцомъ. Поэтъ, предокъ библіотекаря, ободрилъ своего господина и друга. Лоренцо обратился къ знаменитому архитектору того времени Брунеллески. Геніальный художникъ начертилъ превосходный планъ, прислалъ своего ученика Микалоцци, тоже знаменитаго архитектора, управлять работою. Постройка была колоссальная; происходили задержки отъ военныхъ смутъ, отъ истощенія финансовъ. Дѣло тянулось лѣтъ семьдесятъ. Но князь Лоренцо, его сынъ, его внукъ были тверды въ своемъ великомъ желаніи; Микалоцци и его сынъ, внукъ,—также вѣрно преданы великому дѣлу. И при внукѣ Лоренцо II, князѣ Манфредѣ VI, третьемъ строителѣ, внукѣ перваго, постройка была довершена.

И заслуживалъ дворецъ того, чтобы его возведенію были посвящены всѣ мысли, всѣ средства трехъ поколѣній. Онъ одно изъ самыхъ геніальныхъ созданій мысли Брунеллески. Это дивное совершенство величія и красоты.

Ученый библіотекарь посвящаетъ много страницъ описанію палаццо, построеннаго по плану Брунеллески. Сужденія почтеннаго ученаго чрезвычайно дѣльны; и совершенно справедливъ энтузіазмъ, которымъ одушевлены они. Я приведу лишь тѣ подробности, которыя необходимы для ясности дальнѣйшей исторіи резиденціи князей Кастель-Бельпассо.

Верхняя терраса холма очень обширна; имѣетъ видъ четырехъ-угольника; длина его—поперекъ гряды, перпендикулярно рѣкѣ. Соотвѣтственно гребню гряды есть и на террасѣ верхняя линія; она идетъ параллельно рѣкѣ, черезъ ширину террасы, недалеко отъ юго-западнаго края террасы, почти параллельно этому краю. На обѣ стороны отъ этой верхней линіи покатость, едва замѣтная для простого глаза, но въ перспективѣ, на большомъ разстояніи, дающая значительную разницу между этимъ верхнимъ уровнемъ и нижнимъ краемъ террасы, сѣверо-восточнымъ.

Потому, дѣлать квадратное или загнутое зданіе значило бы портить впечатлѣніе неодинаковостью высоты фундамента.

Другое важное для архитектора соображеніе—видъ на зданіе и видъ изъ оконъ зданія. Холмъ лишь немногими футами выше сосѣднихъ вершинъ гряды по обѣ стороны. И вся гряда была тогда (какъ остается и теперь) покрыта высокимъ вѣковымъ лѣсомъ. На обѣ эти стороны фасады были бы сами не видны и лишены обширныхъ видовъ изъ оконъ. Но и обширны и превосходны перспективы по направленіямъ въ перерѣзъ грядѣ: на сѣверо-востокъ, черезъ рѣку, на Катанійскую равнину и дальше, до самой Этны; и на юго-западъ, на широкую долину со множествомъ низенькихъ волнистыхъ изгибовъ, маленькихъ озеръ, ручьевъ, деревушекъ, до хребта, въ которомъ возвышается гора Лауры.

По этимъ топографическимъ даннымъ, Брунеллески и опредѣлилъ положеніе направленіе, общее очертаніе дворца. Это постройка по верхней линіи террасы,—центральный павильонъ съ крыльями, развернутыми въ прямую линію. Зданіе трехъ-этажное. Стиль его—коринфскій орденъ. Длина—около тысячи пальмъ (болѣе еще нашихъ русскихъ сажень).

Существуютъ ли въ Европѣ дворцы, болѣе обширные?—дѣлаетъ себѣ вопросъ ученый авторъ, подробно описавъ красоту всего зданія, красоту центральнаго павильона, павильоновъ на оконечностяхъ, частей, соединяющихъ боковые павильоны съ центральнымъ,—не забывши ни одного портика, ни одной колоннады.—

Болѣе обширные дворцы существуютъ; болѣе прекраснаго — нѣтъ въ цѣлой Европѣ. — Эскуріалъ — это дикое безобразіе. Ватиканъ, Латеранъ, Лувръ, Тюльери — это груды построекъ разныхъ эпохъ, разныхъ плановъ; нѣкоторыя части въ нихъ — довольно хороши; въ цѣломъ каждое изъ этихъ сооруженій — безвкусица. Такъ, ученый авторъ перебираетъ всѣ зданія, о которыхъ можетъ быть рѣчь, когда вопросъ идетъ о колоссальномъ дворцѣ. Результатъ обзора — совершенно справедливый выводъ: изъ дворцовъ, превосходящихъ резиденцію князей Кастель-Бельпассо обширностью размѣровъ, нѣтъ ни одного, который годился бы хоть быть упомянутъ вмѣстѣ съ нею по архитектурному достоинству. Есть нѣсколько дворцовъ, имѣющихъ равное ей архитектурное достоинство; но всѣ они несравненно меньше ея размѣрами.

Одинъ только дворецъ во всей Европѣ — соперникъ этой резиденціи: палаццо Питти во Флоренціи, другое созданіе того же генія.

Но если палаццо Питти равняется резиденціи князей Кастель-Бельпассо колоссальною красотою своего плана, то какое же сравненіе между этими двумя дворцами по выгодности мѣста, занимаемаго ими? Палаццо Питти стоитъ въ городѣ, стѣсненный отовсюду; нѣтъ перспективы, чтобы видѣть красоту его во всемъ ея величіи. Она видна только на чертежахъ. Кастель-Бельпассо занимаетъ положеніе, какого требуетъ архитектурная величественная красота. Это единственный въ Европѣ дворецъ громаднаго и безукоризненнаго совершенства, вполнѣ проявляющій свою красоту очарованному взгляду знатока, любителя не плановъ зданій, а самихъ зданій.

И этотъ пейзажъ, дающій видѣть несравненную красоту величественнаго дворца, такъ прекраснъ, что придаетъ резиденціи еще завиднѣйшую превлекательность. — О, какъ восхитительна эта мѣстность! — милая долина на югѣ, прелестная Катанійская равнина по другую сторону; между ними, широкая, могучая и спокойная рѣка; по грядѣ возвышеній дивные вѣковые лѣса; подлѣ дворца, съ востока, перерывъ этой могущественной лѣсной полосы, живописно-дикое ущелье; къ западу эти холмы лѣсовъ тянутся безъ перерыва до края горизонта. По сосѣдству палаццо могучіе лѣса превращены въ дивный паркъ; искусство воспользовалось всѣми силами природы, чтобы дать ей роскошь разнообразія, и обогатило ея дѣла дѣлами мысли человѣческой: повсюду гроты, бассейны, цвѣтники, кіоски, статуи. А склоны холма покрыты лавровыми рощами, богатыми фруктовыми садами, — и вся верхняя терраса, прежде безплодная скала, теперь великолѣпнѣйшій цвѣтникъ.

Палаццо, какимъ гордился бы Парижъ, какъ лучшимъ своимъ украшеніемъ, стоитъ въ живописной роскоши пейзажа, какого нѣтъ за Альпами нигдѣ, какихъ мало въ самой Италіи. Въ раю — дворецъ, достойный рая.

Три поколѣнія строили этотъ несравненный дворецъ. И всѣ слѣдующія поколѣнія владѣльцевъ — четырнадцать князей Кастель-Бельпассо, бывшіе владѣтелями этого дворца въ теченіе трехъ столѣтій, — всѣ чувствовали сами и слышали ото всѣхъ, что и нѣтъ лучшаго дворца, и нельзя желать, и что все, о чемъ можно заботиться — это объ усовершенствованіи пейзажа, окружающаго это совершенство красоты, о внутреннемъ обогащеніи этого дивнаго зданія, неприкосновеннаго въ идеальномъ совершенствѣ своей граціозно-величественной формы.

Всѣ князья Кастель-Бельпассо знали это и свято исполняли свою обязанность

хранить неприкосновеннымъ это дивное созданіе Брунеллески, заботясь только объ усовершенствованіи пейзажа кругомъ дворца и приданіи дворцу блистательнѣйшей славы внутренними обогащеніями. Эти двѣ заботы достаточно возвышенны, и многообразны, и безграничны для желаній, чтобы поглощать всѣ мысли самыхъ могущественныхъ умовъ. И многіе изъ князей Кастель-Бельпассо обезсмертили себя на вѣки, предаваясь этимъ великимъ заботамъ съ геніальною силой ума и геройскою твердостью характера.

Лучезарны ореолы князей, трудившихся надъ исполненіемъ этихъ двухъ обязанностей всѣми способностями и средствами своихъ могущественныхъ душъ. Кто затруднится отвѣтомъ, если спросить:

Знаешь ли ты, что сдѣлали князья Кастель-Бельпассо Эццелино, Манфреды III и V, Фридрихи VI, X, XV, и какъ ты думаешь о нихъ?

Каждый любитель искусствъ за Альпами и каждый грамотный человѣкъ въ Италіи скажетъ:

Я хорошо знаю дѣла этихъ князей; и разскажетъ подробно о каждомъ изъ нихъ безъ ошибки, которые изъ нихъ что сдѣлали для украшенія парка, которые что для внутренней отдѣлки комнатъ, которые обогащали картинную галлерею или скульптурный музей, или библіотеку дворца.—И прибавитъ: я думаю, что слава каждаго изъ нихъ равна славѣ перваго строителя ихъ палаццо, Лоренцо, потому что каждый изъ нихъ придавалъ этому дворцу высшую славу своими заботами объ окружающемъ дворецъ паркѣ или внутреннемъ обогащеніи дворца.

И нынѣшній князь Альфонсо I, хоть еще только десять лѣтъ занимаетъ санъ главы фамиліи, ужь пріобрѣлъ своему имени славу, равную той хвалѣ, какую заслужилъ знаменитѣйшій князь Лоренцо.—заключаетъ свою брошюру почтенный ученый.—Вся Европа превозноситъ имя великаго покровителя искусствъ и наукъ, основавшаго въ Кастель-Бельпассо новый музей античныхъ статуй и барельефовъ, открываемыхъ его заботливостью въ развалинахъ Джирдженти, и новую картинную галлерею, составляемую исключительно изъ произведеній Сицилiанскихъ живописцевъ; великаго покровителя искусствъ и наукъ, неослабно и великодушно ободряющаго также и художниковъ всѣхъ націй пріобрѣтеніемъ лучшихъ работъ ихъ по всѣмъ отраслямъ рисовальнаго и скульптурнаго искусствъ; мецената, назначившаго значительныя ежегодныя пособія ученымъ обществамъ Катаніи, Палермо и всѣмъ знаменитѣйшимъ ученымъ обществамъ Италіи, и главнымъ ученымъ обществамъ за-альпійскихъ странъ; щедраго помощника всѣмъ достойнымъ труженикамъ наукъ, выдающаго въ настоящее время болѣе тридцати пенсій знаменитымъ, но бѣднымъ писателямъ. Съ каждымъ годомъ возрастаютъ его щедроты въ пользу искусствъ и наукъ и возрастаетъ блескъ славы его въ Европѣ. Кто изъ насъ проживетъ еще полъ-вѣка, тѣ будутъ слышать, что вмѣсто названія „меценатъ“, общимъ именемъ покровителя музъ будетъ служить слово „альфонсо“.

Почтенный авторъ этого панегирика напечаталъ свою брошюру по секрету отъ князя, которому предрекалъ, что его имя войдетъ во всеобщее употребленіе на мѣсто имени друга Виргилія и Горація. Брошюра была оттиснута только въ 25 экземплярахъ; всѣ экземпляры были великолѣпно переплетены и одинъ изъ нихъ, напечатанный на пергаментѣ, и особенно богато переплетенный,—въ серебряныхъ дощечкахъ съ рѣзьбою и съ золотымъ рельефнымъ гербомъ и вензелемъ князя

Альфонсо. И всѣ 25 экземпляровъ были присланы ученому автору. Все это, секретно.

Полтора мѣсяца тюкъ съ этими книжками лежалъ въ комнатѣ автора нераспечатанный. Поднести князю назначенный для него экземпляръ—раздумывалъ библіотекарь: или сжечь тюкъ? Много листовъ исписалъ Таддео Прочида въ эти полтора мѣсяца. Грустные листы. У меня тосковало сердце, когда я читалъ эту тетрадь его рукописныхъ мемуаровъ.

Старикъ, ни къ чему не пригодный, кромѣ должности библіотекаря и музейнаго хранителя. Жена старуха; его сестры, ея сестры, старыя дѣвушки. И всѣ привыкли жить въ изобиліи. Привыкли жить безо всякаго запаса на будущее: для чего сберегать Прочидамъ? Пять вѣковъ Прочиды неизмѣнно служили потомкамъ Гоэнштауфеновъ и пять вѣковъ князья Кастель-Бельпассо неоскудно вознаграждали службу неизмѣннаго рода Прочидъ...

Замѣчаете вы, люди нынѣшняго поколѣнія, мало привычные понимать придворный тонъ въ печати,—замѣчаете ли вы теперь, что нѣсколько ошибались, воображая, будто бы авторъ брошюры написалъ ее съ мыслью польстить?—Онъ написалъ панегирикъ; это правда. Но все, что онъ написалъ, онъ искренно чувствовалъ. И кромѣ той разницы, которая существуетъ между энтузіазмомъ и равнодушнымъ судомъ, нѣтъ никакого другого различія между его панегирикомъ и оцѣнкою тѣхъ же фактовъ историками, современными намъ. Онъ писалъ съ горячимъ чувствомъ. Но оно не затемняло его разсудокъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Князь Альфонсо,

отецъ князя Эццелино.

Ужъ много разъ спрашивала синьора Барп: „Получили вы вашу книжку, синьоръ Прочида?“—Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ еще, синьора“. Бари,—или „эта Бари“, la Barri, какъ звали ее за глаза, была сдобная женщина съ цѣлымъ возомъ пепельныхъ волосъ, съ безстыжими сѣрыми глазами,—нѣмка изъ Баварской столицы, нарочно доставленная оттуда князю Альфонсо черезъ Альпы, Апеннины и море. Въ Сициліи все черномазыя. А потомкамъ Гоэнштауфеновъ, какъ въ жены годились только блондинки, для поддержанія въ родѣ признаковъ своего происхожденія отъ Гоэнштауфеновъ, такъ и въ любовницы гораздо приличнѣе были блондинки. Это распространеніе принципа на выборъ любовницъ было, разумѣется, исключительною принадлежностью тѣхъ изъ князей Кастель-Бельпассо, которые особенно дорожили славою своего имени. Князь Альфонсо былъ первымъ почувствовавшимъ такую необходимость приличія, послѣ многихъ предмѣстниковъ, не имѣвшихъ столько ума и характера, чтобы даже и въ выборѣ любовницъ руководиться идеею своего происхожденія отъ нѣмецкихъ императоровъ, блондиновъ.

Марія Годартъ вела въ Мюнхенѣ жизнь такую безчестную, по мнѣнію камердинера, котораго обязанностью было повѣнчаться съ нею, что онъ даже запнулся высказать готовность,— случай безпримѣрный въ теченіе двухъ или болѣе вѣковъ

при дворѣ князей Кастель-Бельпассо. Пораздумавши, согласился, однако, и „эта Годартъ“ стала „этою Бари“. Такой дерзкой, безстыдной, пошлой, алчной фаворитки никогда еще не бывало ни у одного изъ князей Кастель-Бельпассо по единодушному свидѣтельству всѣхъ ученыхъ, занимавшихся исторіею потомковъ Гоэнштауфеновъ. Сдѣлалось стереотипнымъ выраженіе: „Появленіе Маріи Бари въ Кастель-Бельпассо было такимъ осквернѣніемъ дворца, какому еще не подвергалась эта резиденція“. Разверните какую хотите книгу, упоминающую о Маріи Бари, вы найдете эту фразу.

Но такой мастерицы прислуживаться сладострастію не знавалъ князь Альфонсо при всей обширности своихъ знакомствъ по этому вопросу. И „эта“ Бари— по русски говорилось бы съ такимъ оттѣнкомъ смысла: „Машка“,—нераздѣльно владычествовала надъ сердцемъ князя Альфонсо.

„Она сильна, она очень сильна; она всемогущая“, раздумывалъ библіотекарь: „Но... все таки, не лучше ли сжечь брошюру?—И князь Альфонсо очень милостивый господинъ; чрезвычайно милостивый; олицетвореніе добродушія; но... все таки лучше: пораздумаю еще“.—И онъ думалъ полтора мѣсяца.

Княгиня Вильгельмина прислала за библіотекаремъ. Супруга князя Альфонсо была тоже нѣмка (и тоже блондинка, это уже разумѣется само собою: для выбора въ супруги своему наслѣднику это было необходимое условіе, по принципу всѣхъ князей Кастель-Бельпассо). Но воспитана была по тогдашнимъ правиламъ благонравія. Выходила замужъ существомъ, уже совершенно забитымъ, замуштрованнымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше дѣлалась идіоткою. И теперь, года черезъ три четыре послѣ свадьбы, она имѣла лицо до такой степени оробѣлое и обезсмыслившееся, что мудрено было даже разобрать, были ль черты ея лица красивы. Нѣчто кругловатое, желтоватое, съ мутными бѣлками, на которыхъ на каждомъ по голубому круглому пятну,—глазами этого нельзя назвать; остальное, какъ слѣдуетъ: носъ, и уши, и ротъ; можно ли все это назвать человѣческимъ лицомъ? Должно. Кромѣ прислуги ея,—въ томъ числѣ духовника,—рѣдко кто видывалъ княгиню. Но всѣ подданные обожали ее за доброту, уважали и за то, что она умѣла быть всегда важна.

Эта идіотка, на тотъ разъ не стоящая на колѣнахъ въ молитвѣ, а просто сидящая въ темномъ платьѣ полумонашескаго покроя, съ десяткомъ бриллiантовыхъ бляхъ, нацѣпленныхъ отъ маковки до пояса повсюду, гдѣ только возможно пришпилить, и съ двумя, тремя десятками перстней всяческихъ цвѣтовъ на пальцахъ, пошевелила несгибающимися отъ перстней пальцами руки въ знакъ того, что видитъ и привѣтствуетъ библіотекаря.

— Я слышала, синьоръ написалъ о палаццо. По такому ли случаю написалъ синьоръ, какъ мнѣ говорили? По разговору съ этою Бари.

— Да, синьора.

— Скажите этой Бари, синьоръ Прочида: я прощаю ей все за это. Желаю вамъ успѣха, синьоръ Прочида.

Въ голосѣ ея было что-то, подобное чувству. На лицѣ промелькнуло нѣчто подобное смыслу. Она слегка наклонила голову въ знакъ, что аудіенція кончена. Библіотекарь молча вышелъ, пятясь по этикету.

Тощее лицо ученаго старика, будто обтянутое потускнѣлымъ желтоватымъ сафьяномъ прямо по костямъ, всегда будто мертвое, теперь, вѣроятно, подергива-

лось: онъ выражается въ своемъ дневникѣ, что былъ взволнованъ. Постоялъ нѣсколько времени въ аванзалѣ, махнулъ рукою и быстрыми шагами пошелъ къ себѣ, разорвалъ тюкъ, взялъ экземпляръ съ серебряными дощечками и золотымъ гербомъ, и отнесъ къ синьорѣ Бари.—Это было поутру. Весь день библіотекарь чувствовалъ тяжесть въ головѣ и легкую ломоту во всемъ тѣлѣ. Мучительность ожиданія доводила его до лихорадки. Но онъ говоритъ, что теперь ужъ не имѣлъ робости: какъ рѣшился отдать экземпляръ для поднесенія князю, почувствовалъ радость на душѣ: „Исполняю долгъ вѣрнаго слуги, и будь, что будетъ. Поступаю какъ честный человѣкъ, и будь, что будетъ". И съ этой минуты онъ пересталъ робѣть, говоритъ онъ; и надобно вѣрить: онъ былъ честный человѣкъ и не любилъ хвалиться ничѣмъ, кромѣ того, что сдѣлалъ много важныхъ находокъ на покрытыхъ пылью полкахъ библіотеки. И ночь онъ проспалъ спокойно, говоритъ онъ.

Утромъ его позвали къ его господину и другу милостивому и доброму.

Князь Альфонсо сидѣлъ въ шлафрокѣ, ужь напудренный. Князь Альфонсо дѣйствительно былъ добрый господинъ; и величественный и красивый: полный блондинъ, высокаго роста, съ большимъ лбомъ, съ орлинымъ носомъ, съ толстыми губами, съ розовыми щеками. Теперь красивое лицо ласково улыбалось,—лишь немножко съ ироніею; въ сѣрыхъ глазахъ была веселость, отчасти насмѣшливая.

— Благодарю за подарокъ; я прочелъ вашу книжку съ большимъ удовольствіемъ. Прошу садиться, синьоръ Таддео.

— Я писалъ нельстивымъ перомъ, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Все, что я писалъ, я чувствую.

— Но вы не все написали, что чувствуете.

— Не все, свѣтлѣйшій благороднѣйшій...

— Оставимъ церемоніальную титуляцію, синьоръ Таддео; проще „князь".

— Такъ, я написалъ не все, что чувствую; потому что чувства, не дерзкія въ преданномъ сердцѣ, не дерзкія, можетъ быть, и въ изустномъ выраженіи, въ которомъ исходятъ изъ души съ тономъ голоса, свидѣтельствующимъ о настроеніи духа,—превращались бы иногда въ дерзкія мысли при выраженіи ихъ бездушными литерами подъ безпощаднымъ давленіемъ типографскаго станка. Но я надѣялся, что умолчаніе не будетъ утайкою: что для васъ, которому одному должна быть понятна цѣль моей книги, будетъ ясно недосказанное, скрытое отъ постороннихъ мое мнѣніе.

— Ваше мнѣніе? —не будетъ ли точнѣе сказать: ваше порицаніе.—Въ голосѣ князя начинало слышаться рокотаніе гнѣва, но пока еще сдерживаемое, едва замѣтное:—скрытое отъ постороннихъ? вы ошибаетесь, синьоръ Таддео. Вы доказываете, что палаццо— идеалъ совершенства; что всякая пристройка къ нему была бы варварствомъ. Кто жь могъ бы не понять, съ какимъ намѣреніемъ написана ваша книжка. Вы доказываете, что владѣтелямъ дворца остаются только два способа пріобрѣсти славу—украшать окрестности его и обогащать его внутри; слишкомъ ясно изъ этого, вы запрещаете думать о томъ, чтобы увеличивать самый дворецъ. Вы доказываете, что я пріобрѣлъ достаточную славу обогащеніемъ картинной галлереи и тому подобными прекрасными заслугами: не ясно ли, что я не довольствуюсь этою славою, что я безумный мечтатель и вы образумливаете меня?—„Довольствуйся достижимымъ, не стремись показать Европѣ, что ты ли-

шенъ вкуса, лишенъ смысла, что ты варваръ, вандалъ", правильный ли это комментарій на вашу брошюру, синьоръ Таддео?—и у кого не достанетъ соображенія прочесть это между строками вашего панегирика.

Грохотаніе замолкло. Склонивши голову, сидѣлъ библіотекарь съ опущенными глазами. Была мертвая тишина. И не билось сердце библіотекаря; замерло подъ раскатами грозы, въ ожиданіи удара, который тяжеле смертельнаго. Умереть въ милости—это бы не страшно: жена и тѣ старушки продолжали бы пользоваться всѣмъ изобиліемъ... „Но я исполнилъ обязанность вѣрнаго слуги, и будь, что будетъ",—библіотекарь говоритъ въ своемъ дневникѣ, что сохранялъ это сознаніе и въ ту роковую минуту, и не раскаявался.

— Вы очень ученый человѣкъ, синьоръ Таддео, вы...

Неужели смягчился гнѣвъ? Кажется, это ласково. Библіотекарь поднялъ глаза. Такъ. Лицо князя еще горитъ горячкою гнѣва, но ужь просвѣтлѣло улыбкою милости. Библіотекарь опять потупилъ глаза; но теперь на сердцѣ у него было ужь легко.

— Вы очень ученый человѣкъ и при этомъ очень умный человѣкъ, синьоръ Таддео. Но вы кабинетный человѣкъ. Вы не дипломатъ.—Князь опять замолчалъ. Библіотекарь видѣлъ его колѣна, руку, лежащую на колѣняхъ; въ рукѣ золотую табакерку съ портретомъ княгини, осыпаннымъ брилліантами. Рука, прежде неподвижно сжимавшая въ ладони табакерку, теперь пошевелилась, табакерка передвинулась держась между пальцевъ; опустилась другая рука и стала вертѣть табакерку.—Князь повернулъ руку съ табакеркою ладонью кверху и началъ пальцами другой руки пощелкивать по табакеркѣ.

— Я вспылилъ, Прочида, и былъ не совсѣмъ правъ передъ вами. Вы честный, преданный, неизмѣнный другъ. Вмѣсто досады, я долженъ чувствовать признательность къ вамъ и благодарить судьбу за то, что имѣю такого друга.—Князь медленно понюхалъ табакъ.—Прочида, дайте мнѣ видѣть вашъ взглядъ. Это взглядъ преданности и чести. Онъ не долженъ быть потупляемъ.—Библіотекарь сидѣлъ не въ огорченіи теперь, а отъ стыда, все опустивши глаза; и, вѣроятно, на сухихъ желтыхъ щекахъ старика игралъ теперь румянецъ, какъ у дѣвушки отъ застѣнчивой радости.

— Прочида, сказалъ князь: не хотите ли вы понюхать?—Князь протянулъ къ нему раскрытую табакерку.

Въ самомъ дѣлѣ, князь Альфонсо былъ человѣкъ высокой души. Честный слуга имѣлъ право говорить въ своемъ дневникѣ, что его господинъ и другъ, свѣтлѣйшій князь, не по титулу только, но и по сердцу „благороднѣйшій" между свѣтлѣйшими князьями.

— Синьоръ Прочида, началъ князь: прошу васъ принять отъ меня эту мою любимую табакерку въ память о настоящей минутѣ, въ память о вашемъ благородномъ... и вдругъ не договоривши размѣренной фразы, горячо сказалъ: Таддео, я не князь, я только твой другъ, и благодарю тебя, — и обнялъ Прочиду.

— Мы, на которыхъ обращены глаза милліоновъ, не можемъ держать себя со свободою людей, живущихъ въ болѣе скромной долѣ,—началъ князь, послѣ этого порыва чувства;—мы должны быть всегда сдержанны въ своихъ чувствахъ. Этикетъ—это цѣпи, сбросить которыхъ съ себя мы не имѣемъ права, потому что нѣтъ

на насъ никакихъ другихъ цѣпей. Наше счастье было бы счастьемъ болѣе, нежели человѣческимъ, если бы мы освободили себя и отъ этого единственнаго стѣсненія, напоминающаго намъ, что мы люди. До свиданія, Прочида: я не могу продолжать разговора въ стѣснительныхъ формахъ, налагаемыхъ на меня обязанностями моего общественнаго положенія.

Черезъ полтора или два часа библіотекарь былъ опять позванъ къ своему господину и другу. Князь былъ теперь въ своемъ золотомъ и кружевномъ полномъ туалетѣ и въ орденѣ Подвязки, который одинъ пользовался его уваженіемъ и одинъ былъ всегда на немъ, кромѣ случаевъ необходимости надѣвать другіе ордена.

Теперь князь былъ и во весь разговоръ остался спокоенъ; но и милостивъ, и ласковъ, сколько позволяли формы этикета.

— Прошу садиться, синьоръ Прочида, и поговоримъ какъ должны говорить люди вашихъ лѣтъ и моихъ лѣтъ, также лѣтъ зрѣлаго разсудка, и если еще не преклонныхъ, то ужь и далекихъ отъ поры юности, счастливой поры, въ которой и позволительны и даже прекрасны увлеченія. Мы должны быть разсудительны, хладнокровны. Поговоримъ, какъ прилично людямъ серьезнымъ и дѣльнымъ. Вы неправъ, синьоръ Прочида. Ваше чувство прекрасно, но оно не выдерживаетъ хладнокровнаго разбора. И я даже полагаю, что вы были въ этомъ случаѣ орудіемъ интриги. Такова часто бываетъ роль людей, подобныхъ вамъ чистотою души. Кто внушилъ вамъ эту мысль?

— Никто, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Эта мысль давно глодала мое сердце.

— Мы здѣсь одни и отношенія наши интимныя, дружескія. Повторяю просьбу называть меня просто „князь“, безъ лишней длинной титуляціи. Я вѣрю, синьоръ Прочида, что эта мысль мучила ваше сердце. Вѣрю и тому, что давно она стала вашимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Но я полагаю, первый зародышъ этого чувства, самобытно развившагося въ васъ, былъ заброшенъ въ ваши мысли какими-нибудь, будто бы, искренними и благородными сожалѣніями этой женщины, уваженія къ которой я требую, потому что все, близкое ко мнѣ, должно быть уважаемо, но которую самъ я не могу уважать.

— Вы ошибаетесь, князь. Синьора Бари тутъ не при чемъ. Она только исполнила мою просьбу передать вамъ эту книгу,—просьба была потому, что я былъ взволнованъ, боялся, томился, хотѣлъ, чтобы это скорѣе разрѣшилось тѣмъ или другимъ для меня, человѣка семейнаго. Я не могъ длить свою тоску еще тою проволочкою, чтобы просить у васъ аудіенціи и ждать пока вы будете имѣть время принять меня.

— Вы отвѣчаете, какъ обязанъ благородный человѣкъ. Но я знаю все отъ самой этой Бари.

— Когда синьора Бари разсказала все вамъ, князь, то мой языкъ свободенъ отдать громко передъ вами справедливость благородному чувству, высказанному ею въ этомъ дѣлѣ. Синьора Бари не могла судить правильны ли мои расчеты. Если я ошибаюсь, вина лежитъ на мнѣ одномъ. За синьорою Бари остается заслуга преданности интересамъ вашимъ и вашего рода, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь.

Князь расхохотался.—Преданность этой Бари? Даже благородство. Надобно

лучше понимать жизнь, вѣрнѣе судить о людяхъ. Постройка будетъ поглощать лишнія деньги. Бари будетъ получать меньше подарковъ. Вотъ какъ надобно понимать дѣло. Алчная женщина воспользовалась простодушіемъ Прочиды, чтобы отклонить князя отъ предпріятія, невыгоднаго ей.

Библіотекарь былъ ошеломленъ. Это не приходило ему въ голову. Князь торжествовалъ, подшучивая надъ его незнаніемъ жизни. Старикъ сидѣлъ, понуривши. Но черезъ двѣ, три минуты поднялъ глаза и твердо сказалъ:

— Я былъ смущенъ догадкою, неожиданною для меня. Я человѣкъ кабинетный, и легко смущаюсь, наталкиваясь на возраженія, дѣлаемыя мнѣ съ точки зрѣнія, на которую трудно мнѣ становиться по моей житейской неопытности. Но я привыкъ разбирать ученые вопросы, которые гораздо запутаннѣе житейскихъ интригъ. И при маленькомъ размышленіи я легко могу разсмотрѣть и по житейскимъ дѣламъ, въ чемъ правда. Ваша догадка несправедлива, благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь. Синьора Бари алчная женщина. Но въ этомъ дѣлѣ ея корыстолюбіе не при чемъ. Или нашептываетъ ей даже въ пользу вашего проекта. У васъ не будетъ свободныхъ денегъ, вы будете дарить ей меньше прежняго. Но подрядчики будутъ давать ей взятки. И ростовщики, къ которымъ будете вы обращаться, тоже. Ваша постройка дастъ ей въ десять, въ двадцать разъ больше, нежели могла бъ она когда-нибудь получить отъ вашихъ милостей. Она жертвуетъ своими расчетами для пользы вашей и вашихъ дѣтей. Вы говорите: она подлая женщина. Не мнѣ быть защитникомъ ея образа жизни. Но въ этомъ дѣлѣ она поступила, какъ благородный человѣкъ.

Въ свою очередь, князь призадумался. Но опять разсмѣялся: Вы неисправимый юноша съ сѣдыми волосами, синьоръ Прочида. Я презираю эту женщину. Мое семейство ненавидитъ и оскорбляетъ. Душа у нея подлая. Она живетъ со мною только для того, чтобы обирать меня. И больше говорить нечего о ея участіи въ вопросѣ объ этомъ ли, о какомъ ли другомъ дѣлѣ. Займемся лучше разборомъ брошюры, написанной вами. Все въ ней — или преувеличеніе, внушенное вамъ энтузіазмомъ, или совершенное незнаніе жизни.

Простодушный библіотекарь говоритъ въ своемъ дневникѣ, что князь очень расшутился, разбирая его брошюру, и говорилъ многое, конечно, только для шутки, или увлекаясь живостью своего скептическаго остроумія. Князь осмѣивалъ своихъ предковъ, не щадя даже и самихъ Гоэнштауфеновъ. Осмѣивалъ пустоту генеалогическихъ чувствъ. Шутки его были блистательны. Но не основательны, по мнѣнію библіотекаря, который гораздо серьезнѣе самого князя изучалъ исторію Гоэнштауфеновъ и ихъ потомковъ. Словомъ, эти остроумныя тирады были такъ же цинничны и занимательны для любителей цинизма, какъ легкомысленныя произведенія Вольтера, и такъ же поверхностны, такъ же недостойны того, чтобы серьезный ученый обращалъ на нихъ вниманіе. Онъ стыдился бы осквернять листы своего дневника этими скандальными анекдотами, или недостовѣрными, или совершенно опровергнутыми основательною историческою критикою. Для сущности вопроса, о которомъ шелъ споръ, эти остроумныя клеветы на великихъ людей и не имѣютъ никакого значенія. Библіотекарь записалъ только то, что относилось прямо къ спорному дѣлу, — и по своей скромности и безусловной искренности, откровенно признается, что на всѣхъ существенно важныхъ пунктахъ онъ былъ совершенно разбитъ княземъ.

Дворецъ, какого другого нѣтъ въ Европѣ. Это слишкомъ. Очень хорошій, это правда. Одинъ изъ самыхъ хорошихъ въ цѣлой Европѣ — и это, пожалуй, можно сказать по справедливости. Но не говоря о за-альпійскихъ странахъ, въ одной Италіи насчитывается пять или шесть такихъ, которые не хуже или даже лучше.

Внутренними обогащеніями можно пріобрѣсти славу, равную знаменитости строителя дворца, князя Лоренцо. — Нѣтъ. Въ старину говорили: „толпа хочетъ быть обманываема, и надобно обманывать ее". Это устарѣло. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ толпа не хочетъ быть обманываема; и если стараться, не успѣешь обмануть ее. И благородные люди нашего просвѣщеннаго вѣка не могутъ унижаться до желанія обманывать. Обманъ—это подлость. Но толпа — все таки толпа и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ. Она не умѣетъ цѣнить тихой и скромной дѣятельности. Ей нужны эффекты. Людовикъ XIV любилъ производить эффекты, онъ великій человѣкъ. Людовикъ XV живетъ смирно—его презираютъ всѣ. А при немъ благосостояніе Франціи возрастаетъ: это не хотятъ знать и сами французы. Они презираютъ своего короля, который и умнѣе и добрѣе великаго Людовика, и превозносятъ великаго Людовика, который во сто разъ ничтожнѣе нынѣшняго презираемаго короля. Люди, которые хотятъ быть знамениты, должны дивить, чѣмъ бы то ни было, лишь бы дивить „Vulgus vult stupere, ergo stupeat". — „Толпа хочетъ быть ослѣпляема, надобно ослѣплять ее".

Князья Кастель-Бельпассо не могутъ имѣть своихъ арміи. Потомки Гогенштауфеновъ не могутъ служить династіямъ. „Я не могу прославиться какъ правитель или полководецъ. Я могу соперничать съ Людовикомъ XIV только постройками. И я создамъ нѣчто побольше и получше его Версаля. У меня во сто разъ меньше средствъ, нежели у него, но я превзойду его на той аренѣ соперничества, которая одна доступна мнѣ для состязанія съ нимъ. И тѣмъ яснѣе будетъ для всѣхъ, какъ неизмѣримо выше его я по уму и силѣ характера.

Бѣдный простякъ, проникнутый благоговѣйнымъ усердіемъ къ славѣ князей Кастель-Бельпассо былъ ослѣпленъ. Надъ нимъ первымъ совершилось дѣйствіе правила, принятаго княземъ Альфонсо Vulgus vult stupere, ergo stupeat. Въ тотъ и въ слѣдующій день онъ исписалъ цѣлый десятокъ листовъ своего дневника восторженными тирадами о величіи души князя Альфонсо.

Но хоть и простякъ съ узкими понятіями вѣрнаго слуги, библіотекарь былъ человѣкъ съ твердымъ здравымъ смысломъ. На день, на два его разсудокъ затмился очаровательнымъ блескомъ идеи, что его господинъ и другъ затмитъ славу Людовика XIV. Но на третій день Прочида ужъ началъ образумливаться и думать о дѣлѣ по прежнему.

Семьдесятъ лѣтъ строился дворецъ, занимающій одну сторону террасы. Сколько же лѣтъ заняла бы постройка, охватывающая три другія стороны, изъ которыхъ двѣ, перпендикулярныя нынѣшнему дворцу, чуть не вдвое длиннѣе этой линіи дворца.—Если строить, какъ шло дѣло тогда,—на излишекъ доходовъ,—это потребуетъ цѣлыхъ трехъ столѣтій. А все должно быть создано однимъ княземъ Альфонсо. Что жъ это значитъ?—На постройку пойдутъ не излишки только. Пойдутъ всѣ доходы. Князь обрекаетъ себя жить нищимъ. И той жертвы мало. Надобно будетъ заложить всѣ владѣнія. Нищета на три, на четыре поколѣнія князей Кастель-Бельпассо.

И безо всякой надобности. И Версаля все таки не построитъ князь Альфонсо, хоть бы отдалъ и дѣтей, и жену, и самого себя въ закладъ подъ векселя. Стало быть, не только безполезное дѣло, но и такое, которое не можетъ принести удовольствія даже и тщеславію. Принесетъ только стыдъ. Обнаружитъ недостаточность средствъ.

И безвкусіе. Пусть правда, что нынѣшній дворецъ не самый первый дворецъ въ цѣломъ свѣтѣ по красотѣ. Но одинъ изъ лучшихъ, въ этомъ сознался самъ князь Альфонсо. Одно изъ тѣхъ зданій, какія производятся только геніями первой величины. Брунеллески, Рафаель, Браманте,—и кто еще послѣ нихъ?—кажется четвертаго такого архитектора еще не было. И теперь—это несомнѣнно—нѣтъ такого. Что жъ будетъ новая постройка?—Громадный аргументъ: „Этотъ князь хотѣлъ быть соперникомъ Брунеллески". О, стыдъ! подвергать себя такому подавляющему сравненію.

Страшно наталкиваться на его гнѣвъ во второй разъ. Но такъ велитъ обязанность.

И княгиня звала опять къ себѣ и просила продолжать. И синьора Бари ободряетъ.—Подумалъ, подумалъ Прочида, и при первомъ удобномъ случаѣ возобновилъ разговоръ.

Князь Альфонсо былъ и добръ и уменъ. Выслушалъ съ улыбкою, не раздражаясь. И отвѣчалъ, смѣясь:

Лучше, нежели Брунеллески, я не умѣю строить. Но хорошіе архитекторы есть и теперь. И самъ я человѣкъ со вкусомъ.—Надобности нѣтъ?—Вы самъ прославляете князя Лоренцо за нынѣшній дворецъ; это зданіе въ десять разъ громаднѣе, нежели требуетъ надобность. Размѣры того, что нужно для удобства, простора, роскоши—размѣры обыкновеннаго большого дома. Князь Лоренцо построилъ не то. И какъ теперь дивитесь величію его души вы, такъ будетъ потомство дивиться величію моей души. Голосъ современниковъ—это отголосокъ мелочныхъ отношеній, грошевыхъ расчетовъ, обыденныхъ неудобствъ. Кто хочетъ жить въ вѣкахъ, долженъ быть глухимъ къ мимолетному ропоту. Нищенство?—Это фантазія. Князья Кастель-Бельпассо не могутъ быть нищими, пока длится настоящій порядокъ вещей. Пусть мой наслѣдникъ наслѣдуетъ отъ меня только долги: въ Германіи, въ Англіи много невѣстъ съ колоссальными придаными,—выбирай изъ нихъ такую, которая самаго знатнаго рода.—Но проченъ ли такой порядокъ, при которомъ невѣсты самыхъ знатныхъ фамилій считаютъ за честь вступить въ мою фамилію? Руссо говоритъ: непроченъ этотъ порядокъ. Совѣтуетъ знатнымъ учить дѣтей какому нибудь ремеслу, потому что можетъ настать время, когда бывшимъ знатнымъ понадобится пріобрѣтать хлѣбъ столярствомъ или плотничествомъ. Но если такъ, то не все ли равно: богатыми или задолжавшими застанетъ ихъ эта конфискація?

И ученый библіотекарь опять видѣлъ себя сбитымъ со всѣхъ позицій.

— Меня ожидалъ санъ кардинала: я разсчитывалъ сдѣлаться папою. Смерть старшихъ братьевъ дала мнѣ другое положеніе въ обществѣ. Не жалѣю. Мнѣ привольнѣе жить въ свое удовольствіе. Но мнѣ дали образованіе, котораго не имѣли мои старшіе братья, предназначавшіеся быть—одинъ празднымъ вельможею, другой—солдатомъ. Я не невѣжда, какъ были они, какъ были почти всѣ люди, прежде меня занимавшіе санъ главы семейства. Мои понятія шире; и мое честолюбіе не можетъ довольствоваться пошлыми обыденностями. Я все сказалъ, синьоръ

Прочида, и прошу васъ не возобновлять этого разговора. Благодарю васъ за преданность мнѣ, но прошу васъ не возобновлять этого разговора. Вы знаете, какъ поступилъ Людовикъ XIV съ Фенелономъ, Вобаномъ, Расиномъ? Онъ былъ глупецъ съ пошлымъ характеромъ. Я считаю себя не такимъ. Но и я человѣкъ. И я могу потерять терпѣніе. Не вводите меня въ грѣхъ быть неблагодарнымъ за вашу вѣрную службу.

— Исполню вашу волю, сказалъ честный добрякъ. Но прошу васъ объ одномъ: не подвергайте отвѣту за меня синьору Бари. Это только моя дерзость. Синьора Бари не виновата.

— Вы не на шутку стали уважать эту подлую женщину. Князь Альфонсо засмѣялся.—Успокойтесь. Она для меня совершенно незамѣнимая прислужница.

— Но она въ немилости у васъ.

— Да. Но не тревожьтесь. Она заслужитъ свою вину.

Добрякъ помолчалъ. Потекли слезы у него изъ глазъ.

— Благороднѣйшій свѣтлѣйшій князь, вы человѣкъ великаго ума и сильной души. Вы могли бы заслужить славу не менѣе блистательную, чѣмъ ваши предки Фридрихъ II и Барбаруса. И вы растрачиваете вашу жизнь... Прочида не могъ продолжать, помѣшали слезы.

— Растрачиваю мою жизнь на грязный развратъ и хочу тратить на пустую, хоть колоссальную, затѣю?—Такъ пришлось, любезный другъ. Нѣтъ дѣятельности достойной меня. О, если бы нашлась! О, если бъ оправдались предсказанія этого сумасброда, но умнѣйшаго и даже разсудительнѣйшаго изо всѣхъ нашихъ современниковъ, этого республиканскаго дикаря Руссо! О, если бы демагоги успѣли взбунтовать чернь при моей жизни! Тогда мы всѣ—Гоэнштауфены, Бурбоны, Габсбурги,—могли бы забыть наши семейные раздоры; на защиту порядка противъ буйства, мы должны были дружно дѣйствовать всѣ, покинувши наши мелкіе счеты о старшинствѣ и старыхъ взаимныхъ обидахъ. Я рѣшился бы командовать арміями Бурбуновъ и Габсбурговъ, и нашелъ бы дорогу къ славѣ, достойной моихъ душевныхъ силъ...

Простякъ благоговѣйно слушалъ и подробно записалъ, какіе великіе подвиги совершилъ бы его господинъ и другъ, если бы открылась для этого геніальнаго человѣка дорога къ славѣ, достойной его душевныхъ силъ.

И не напрасно считалъ вѣрный слуга своего господина и друга геніемъ. Хоть и честный человѣкъ, добрякъ привыкъ имѣть образъ мыслей вѣрнаго слуги. А идеи вѣрнаго слуги всегда бываютъ узки, низки. И господину, если онъ не набитый дуракъ, легко изумлять слугу, хоть бы отъ природы и умнаго человѣка, широтою и возвышенностью своихъ воззрѣній.

Но хоть и одурѣвшій отъ привычки быть вѣрнымъ слугою. Прочида былъ человѣкъ отъ природы неглупый, даже очень даровитый. И опять оправился въ разсудкѣ и скоро сталъ исписывать листы своего дневника сожалѣніями о томъ, что его господинъ и другъ разоряется самъ и готовитъ нищенство дѣтямъ чрезмѣрными расходами на постройку, ни къ чему не нужную.

Впрочемъ, какъ человѣкъ правдивый, Прочида признавалъ, что напрасная пристройка, которую порицалъ онъ, какъ разорительную, не обезобразитъ прежняго палаццо: князь Альфонсо призвалъ Панини, очень хорошаго архитектора, и, самъ человѣкъ со вкусомъ, руководилъ Панини при составленіи плана превосход-

ными соображеніями: „Лучше Брунеллески намъ съв ами, синьоръ Панини, не придумать; притомъ же зданіе должно казаться построеннымъ все по одному плану; намъ надобно только увеличить созданіе Брунеллески, примѣняясь къ обстоятельствамъ мѣстности. Прошу васъ начертить планъ трехъ новыхъ сторонъ четырехъ-угольника въ стилѣ готовой стороны".

И планы вышли хоть не имѣющіе никакой самобытности, но прекрасно гармонирующіе съ произведеніемъ геніальнаго Брунеллески,—то есть, и сами прекрасные.

Прочида добросовѣстно записалъ въ своемъ дневникѣ, что съ художественной точки зрѣнія онъ опасался по напрасну. Палаццо не искажается; выигрываетъ въ отношеніи величія, ни мало не утрачивая красоты. — Но денежный вопросъ — увы!—съ каждымъ годомъ оказывается имѣющимъ размѣры все ужаснѣе всѣхъ прежнихъ ужасныхъ соображеній.

Цѣны матеріаловъ и работы все растутъ; и воровство все развивается. Синьора Вальберни, потершѣвши немилость и купивши себѣ прощеніе усиленными усердіями по службѣ собственнымъ тѣломъ и менѣе опытными, но болѣе свѣжими тѣлами мимолетныхъ жительницъ гарема, очень скоро примирилась съ необходимостью отбросить всякую честную мысль о будущности, которую желаетъ приготовить себѣ и своимъ дѣтямъ ея господинъ и другъ. Нельзя удержать его отъ раззоренія,—надобно перехватывать, сколько можно, изъ денегъ, которыми соритъ онъ по тремъ окраинамъ террасы. И съ каждымъ мѣсяцемъ совершенствовалась она въ искусствѣ выжимать деньги изъ подрядчиковъ. И за каждые новые два, три процента уступки ей, подрядчики умѣли обманывать ее на двадцать, на тридцать новыхъ процентовъ грабежа въ свою пользу... И кто отважился бъ уличать, идя противъ нея, когда и объ руку съ нею была погибель за первое слово правды. И какъ было бъ уличать? Князь Альфонсо строитъ съ энергіею горячки: быстрѣе быстрѣе!—только и слышно отъ него. Недостатокъ въ рабочихъ—надобно привлекать, повышая плату; несоразмѣрный съ производствомъ запросъ на матеріалы—не могутъ же дорожать они! Всѣ счеты сообразны съ естественными условіями дѣла, и правильно сводятся всѣ балансы... И со втораго же года пошли займы; одно помѣстье за другимъ отдается въ залогъ; доходы уменьшаются, а расходъ на безполезное дѣло растетъ...

Пять, шесть лѣтъ еще такъ,—и все будетъ продано съ аукціона. Или даже скорѣе... Погибель, близкая погибель потомкамъ Гоэнштауфеновъ...

Этими размышленіями наполнены три послѣдніе годы дневника вѣрнаго слуги. Таддео Прочида тремя годами пережилъ свою брошюру и начало постройки.— „Скорбитъ мое сердце... Изнемогаетъ душа и ветшаетъ тѣло"... Замѣтки этого характера все чаще и чаще попадаются на печальныхъ страницахъ.—„Это гибельное предпріятіе сводитъ меня въ гробъ раньше времени", замѣчаетъ вѣрный слуга на одной изъ послѣднихъ строкъ дневника.

Но если бъ простодушный простякъ прожилъ еще съ годъ или съ полтора, онъ увидѣлъ бы, что могъ бы и не принимать дѣло такъ близко къ сердцу. Печаль, которая свела его въ гробъ, скоро послѣ его смерти оказалась близорукимъ страхомъ, мелкимъ и низкимъ понятіемъ раба о душевной жизни человѣка свободнаго.

Года четыре князь Альфонсо горячился строить и строить памятникъ своего умственнаго и нравственнаго величія на славу въ вѣкахъ. Выведенъ былъ фундаментъ по всѣмъ тремъ новымъ сторонамъ будущаго четырехъ-угольника. Начина-

лась мѣстами кладка гдѣ кирпича, гдѣ тесанаго камня, первыхъ рядовъ нижняго этажа. Князю Альфонсо стали прискучивать хлопоты о славномъ имени въ потомствѣ. И сталъ онъ соображать хладнокровно. Невозможно продолжать постройку такимъ горячимъ манеромъ: гораздо раньше, нежели кончишь, займы съ процентами разростутся такъ, что все пойдетъ на аукціонъ. Еще нѣсколько времени пораздумалъ такъ и рѣшилъ вести дѣло, какъ требуетъ разсудокъ. Разсориться не для чего. Какія будутъ оставаться лишнія деньги отъ обыкновеннаго образа жизни, тѣ пусть обращаются на постройку.

— Недостаетъ денегъ, надобно заключить новый заемъ, сказалъ ему главный кассиръ постройки.

Не нужно займа. Разложить работы на сроки подольше.

Синьора Бари была тутъ, какъ всегда при всякихъ важныхъ случаяхъ. Что жъ это будетъ? Князь Альфонсо сказалъ ей, какъ рѣшилъ. Она стала доказывать, что по такому порядку дѣло пойдетъ слишкомъ медленно.

— Молчи, дура, остановилъ господинъ и другъ ревностную помощницу свою въ пріобрѣтеніи вѣчной славы. Прежде—помнишь?—ты сама хотѣла бы отклонить меня отъ этого. А теперь воровать по архитектурной части вошло тебѣ такъ во вкусъ, что когда я образумился, тебѣ не нравится. Въ этомъ отношеніи, ты не глупа; и за это я тебя хвалю. Но въ томъ ты дура, что проживши со мною столько лѣтъ, все еще воображаешь, будто можешь управлять мною. Говори это другимъ,—не запрещаю. Даже самъ подаю видъ другимъ, будто слушаюсь тебя. Пусть даютъ тебѣ взятки. Но сама ты должна помнить: не прошу тебя управлять мною. Дура, не забывайся. Понимаю, милѣйшая: горько тебѣ, что изсохнетъ самый богатый источникъ твоихъ доходовъ. Но—умѣй покоряться жестокости судьбы.

И постройка пошла очень тихо. Все тише и тише. Черезъ два, три года оставалось на работѣ лишь три, четыре десятка людей, вмѣсто прежнихъ безчисленныхъ работниковъ. Много ли могло оставаться лишнихъ денегъ изъ обыкновенныхъ доходовъ?

Вовсе бросить бы эту постройку. Слѣдовало бы. Было только стыдно показать, что не достало твердости характера. Князь Альфонсо говорилъ, что израсходовался, что времена нынѣ тяжелыя, что какъ только придутъ времена благопріятнѣе, онъ возобновитъ дѣло съ прежнею энергіею. А по довѣрію говорилъ синьорѣ Бари: „найди ты мнѣ благовидный предлогъ вовсе бросить эту постройку и тогда скажу: умная женщина.“

Но какой же можно было найти благовидный предлогъ отказаться отъ славы въ грядущихъ вѣкахъ? — Сколько ни предлагала предлоговъ синьора Бари, ни одинъ не годился.

И тянулось дѣло со всевозможною вялостью, а все таки тянулось... Лѣтъ десять, и больше. И дотягивалось до того, что еще бы лѣтъ десятокъ такой работы и была бы возведена постройка до верху оконъ перваго этажа.

Но—вдругъ однажды—это было въ 1794 году—князь Альфонсо съ улыбкою медленно понюхалъ табаку, потеръ руки и сказалъ синьорѣ Бари: выходитъ тебѣ случай немножко поживиться опять на счетъ подрядчиковъ. Не въ прежнемъ размѣрѣ, но порядочно таки. Мнѣ пришла въ голову хорошая мысль. Нынѣшнія обстоятельства годятся для того, чтобы съ честью покончить вопросъ о постройкѣ.

И кончить можно скоро, и расходовъ не такъ много, и отъ одного этажа въ неотдѣланномъ видѣ, съ голыми стѣнами и даже безъ дверей, пожалуй, для сокращенія издержекъ, пріобрѣтется такая слава, какой не заслужило бы доконченное зданіе во всѣ три этажа съ великолѣпнѣйшею отдѣлкой.

Князь Альфонсо былъ умный человѣкъ. Едва ли кто другой подумалъ бы извлечь изъ тогдашнихъ обстоятельствъ еще и эту славу, въ добавленіе къ славѣ, ужь извлекавшейся изъ нихъ княземъ Альфонсо.

О какихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ говорилъ, понятно по цифрѣ года, въ которомъ онъ придумалъ извлечь изъ нихъ, кромѣ всѣхъ прежнихъ славъ, еще новую.

Вспыхнула французская революція. Принцы королевской фамиліи, большинство аристократовъ эмигрировали. Возбуждали всю Европу усмирить буйство. Сами собирали войска на Рейнѣ. И пошли коалиціонныя арміи усмирять буйство. Начались войны, сравнительно съ которыми походы Фридриха II, маршала Саксонскаго, Карла XII Шведскаго, всѣ войны сплошь до тридцатилѣтней, были маневрами мелкой забавы.

Князь Альфонсо дождался того, что открывалась ему дорога къ совершенію геройскихъ подвиговъ, собственными своими предреченіями о которыхъ приводилъ онъ когда-то въ благоговѣніе добряка библіотекаря.

Но мало ли что говорится. Не все то дѣлаетъ умный человѣкъ, о чемъ говоритъ. Кто могъ бы уличить: „хвалились, когда ничего не было; что жь теперь не геройствуете?“—Старикъ давно былъ похороненъ. А если были говорены такія предрѣченія и въ уши другимъ, легко было отговориться: „Если бы я былъ моложе, пошелъ бы самъ усмирять буйство. Тогда, я моложе: и если бы тогда, то дѣйствительно пошелъ бы“.

И кто изъ разсудительныхъ людей могъ упрекнуть пятидесятилѣтняго человѣка, что онъ не идетъ сражаться самъ? Никто не требовалъ этого. Всѣ только восхваляли усердіе, дивное усердіе князя Альфонсо къ защитѣ порядка, усмиренію буйства.

Кто раньше его началъ приносить жертвы на пользу общаго дѣла? Кто приносилъ больше жертвъ? Кто приносилъ ихъ болѣе постоянно?—Никто.

Въ Кобленцъ отправлялись груды денегъ; тянулись обозы съ оружіемъ, купленнымъ по распоряженію князя Альфонсо на нѣмецкихъ, на бельгійскихъ фабрикахъ. Марія-Антуанетта писала, и всѣ Бурбоны, и Габсбурги, и Вельфы, и Виттельсбахи писали князю Альфонсо, что онъ достойный преемникъ Гоэнштауфеновъ...

Не только для славы, но и въ коммерческомъ отношеніи это было умное дѣло, хлопотать о томъ, чтобы поскорѣе и пожарче разгоралась война.—На войнѣ стрѣляютъ: на стрѣльбу нуженъ порохъ: на порохъ нужна сѣра. Сѣру на всю Европу доставляютъ окрестности Этны. Очень большіе куски окрестностей Этны—во владѣніяхъ князя Альфонсо.

Лишь только успѣвай добывать сѣру — сколько хочешь подавай, всю покупаютъ на расхватъ; по двойной, по тройной цѣнѣ противъ прежняго.

Князь Альфонсо пощелкивалъ по крышкѣ табакерки, понюхивалъ, улыбаясь, и говорилъ синьорѣ Бари: — „Хорошія подошли времена; лишь бы эти санкюлоты дрались хорошенько, подольше бы держались противъ моихъ милыхъ союзниковъ. Одна только и можетъ быть бѣда: скоро побьютъ злодѣевъ. Ты все еще вѣришь

въ Бога, мой ангелъ; такъ молись же, милѣйшая, чтобъ онъ помогалъ этимъ безбожникамъ подольше отбиваться отъ нашихъ друзей. Тутъ и на твою долю кое что перепадаетъ".

Синьора Бари молилась. И скоро князь Альфонсо убѣдился, что молитвы ея услышаны. А въ 1794 году было ужь очевидно, что много, много лѣтъ и запросъ на сѣру и цѣна ея будетъ все только рости.

Дѣло выходило такое солидное, что оказывалась надобность не на шутку пріобрѣтать славу въ вѣкахъ. Куда дѣвать столько лишнихъ денегъ?—Некуда, кромѣ какъ пріобрѣтать славу. А когда такъ, то слѣдуетъ позаботиться, чтобы современникамъ и потомству легко было вполнѣ цѣнить жертвы, которыя приноситъ князь Альфонсо на пользу праваго дѣла.

Во-первыхъ, всѣ должны слышать и видѣть, что постройка—это пламенная страсть князя Альфонсо; если работа ужь много лѣтъ шла очень вяло, это не потому, что князь Альфонсо охладѣвалъ къ своему дѣлу—нѣтъ, только потому, что не было денегъ. Онъ страдалъ отъ этой проволочки. И вотъ, какъ только явились средства, онъ возгорѣлся прежнимъ пыломъ.

И работа закипѣла. Быстро поднялись стѣны перваго этажа. И вдругъ, Панини слышитъ приказаніе: „бросить все". Какъ бросить? Что это значитъ?—Князь Альфонсо мучится совѣстью; совѣсть восторжествовала. Все должно идти на помощь правому дѣлу. Это рѣшено. Возраженія напрасны.

— Но если бросить такъ, размоютъ дожди. Надобно хоть покрыть, вставить двери, окна.

— Правда. Что ужь выстроено, то надобно сберечь. Только, чтобы это обошлось какъ можно дешевле. Все должно быть самое простое, самое дешевое. Каждый лишній дукатъ, истраченный на это, будетъ жечь мою душу адскимъ пламенемъ. Какъ можно дешевле; все самое простое.

Такъ и было исполнено. И былъ это эффектъ. И останется эффектомъ для потомства. Пламенная страсть—и подавлена для общей пользы. Должно было выстроить въ три этажа — а вотъ, видите, только одинъ этажъ. О, великая душа!

— Очень ловкій фокусъ, говорилъ Панини синьорѣ Бари, при прощаньѣ. И какъ жаль, что такой умъ занимается только пошлостями.

— Какъ же вы хотите, чтобъ въ головѣ у этого человѣка было что-нибудь, кромѣ пошлости? отвѣчала синьора Бари. Все сердце у него сплошь каменное. Всѣ мы сколько-нибудь честно чувствуемъ хоть что-нибудь, хоть когда-нибудь. Онъ—совершенно не знаетъ ничего похожаго на привязанность или хоть на состраданіе.

Я заимствовалъ всѣ эти подробности изъ мемуаровъ Панини, книги, хорошо извѣстной всѣмъ, занимающимся исторіею Италіи того времени (Storie. Palermo. 1811).

На свои обыкновенные доходы князь Альфонсо жилъ съ такою пышностью, больше какой не нужно умному человѣку. Когда всѣ кричатъ: „у него самый лучшій гаремъ; у него самые роскошные пиры" — этого довольно умному человѣку. Бросать еще больше денегъ на это, значило бы терять деньги безъ пользы. Потому и приходилось князю Альфонсо приносить изумительныя жертвы на пользу праваго дѣла, пока шли ему совершенно лишніе милліоны экстренныхъ доходовъ.

Самъ онъ не пошелъ предводительствовать усмирителями злодѣевъ не потому, что не хватило бъ у него храбрости. Полководецъ остается далеко позади боевой

линіи; опасности отъ пуль нѣтъ ему никакой; и ядра рѣдко могутъ долетать. Князь Альфонсо не пошелъ воевать просто потому, что излѣнился. Въ недостаткѣ мужества никто и не подозрѣвалъ его. И по всей вѣроятности, онъ не имѣлъ недостатка въ этомъ славномъ качествѣ. Оно было фамильнымъ въ потомствѣ Гоэнштауфеновъ.

И сыновья князя Альфонсо не были трусы. По мѣрѣ того, какъ подростали, они рвались биться за правое дѣло. Отецъ не особенно поощрялъ ихъ; но и не удерживалъ.

Сыновей у него было четверо. Ставшій подросъ для войны въ 1793 году; младшій—Эцелино—въ 1798.

Когда Эцелино сталъ проситься у отца на войну, одинъ изъ тѣхъ старшихъ былъ ужь убитъ. Но все еще остается трое сыновей. А необходимъ только одинъ. Владѣнія князей Кастель-Бельпассо не раздроблялись. Одному наслѣднику необходимо существовать на свѣтѣ; а если есть у него братья, это уже сверхъ-штатные люди. Эти сверхъ-штатные сыновья предназначались, по общему правилу тогдашней аристократіи, на карьеры холостой жизни: быть духовными, быть военными. Самъ князь Альфонсо—бывшій третьимъ братомъ—воспитывался для духовнаго званія. И чуть не пожалѣлъ, когда смерть старшихъ двухъ братьевъ въ первой молодости передвинула на него наслѣдство. Кардиналомъ было бы ему привольнѣе жить. Женитьба—это непріятное стѣсненіе. Но какъ быть, когда велитъ судьба?—Князь Альфонсо не только женился, но даже былъ добросовѣстнымъ мужемъ, какъ это ясно ужь и изъ того, что жена родила четырехъ сыновей; а были, кромѣ того, еще и дочери.

Одинъ изъ четырехъ былъ ужь убитъ; но оставалось еще двое сверхштатныхъ. Поэтому отецъ не удерживалъ младшаго, желавшаго показать, что онъ не уступаетъ храбростью старшимъ.

Они въ это время командовали партизанскими отрядами въ южно-итальянскихъ горахъ. Эцелино предназначался къ военной карьерѣ; умѣлъ маршировать, былъ знатокъ всѣхъ тонкостей тогдашняго многосложнаго плацъ-параднаго ремесла. Поэтому съ перваго же дня годился быть офицеромъ въ отрядѣ одного изъ братьевъ. Очень скоро годился самъ командовать особымъ отрядомъ. Геройскіе подвиги его были такіе же ежедневные, иной день ежечасные, какъ и старшихъ братьевъ. Да всѣ молодые князья были достойными потомками героевъ, своихъ предковъ, короля Манфреда и двухъ Фридриховъ императоровъ.

Пока Макдональдъ оставался въ Неаполѣ, геройскія дѣла доставляли только славу храбрымъ партизанамъ. Французы били ихъ при каждой серьезной встрѣчѣ.—Но Макдональдъ съ большею частью войска долженъ былъ идти на подкрѣпленіе малочисленной французской арміи въ сѣверной Италіи; въ Неаполѣ остался только слабый отрядъ. Французы ужь могли ходить летучими колоннами въ горы; должны были держаться всѣ вмѣстѣ; думать только о защитѣ столицы противъ русско-турецкаго войска, высадившагося въ окрестностяхъ Неаполя. Кардиналъ Руффо—главнокомандующій партизановъ, собралъ свои отряды и пошелъ помогать русскимъ и туркамъ штурмовать городъ. Французы и Неаполитанскіе приверженцы новаго порядка дѣлъ были подавлены числомъ. Рѣзня продолжалась нѣсколько дней. Изъ трехъ сыновей князя Альфонсо, участвовавшимъ въ этомъ подвигѣ, пережилъ рѣзню только одинъ—младшій.

И долженъ былъ перестать сражаться. Отецъ — вдовый старикъ. Эцелино

остался одинъ сынъ у него. Эццелино долженъ жить, жениться, быть наслѣдникомъ и продолжать фамилію.

То, что право наслѣдованія передвинулось на него, это не могло быть непріятно бывшему младшему брату, которому предстояло быть не болѣе, какъ военнымъ авантюристомъ,—дослужиться, пожалуй, и до очень важныхъ чиновъ,—но когда-то еще. Да хоть сдѣлаться когда и самымъ важнымъ генераломъ какой-нибудь иностранной службы,—что это значитъ сравнительно съ саномъ главы фамиліи Кастель-Бельпассо. Подобно отцу, примирившемуся съ тѣмъ, что судьба отняла у его душевныхъ силъ дѣятельность въ званіи кардинала и мечту быть папою, Эццелино легко примирился съ необходимостью прекратить свои военные подвиги.

Но какъ отцу, такъ и ему, одно обстоятельство представлялось непріятнымъ въ новой его судьбѣ — надобность жениться. Это стѣсненіе. Стѣсненіе не можетъ нравиться никому. Но что необходимо, то необходимо.

Князь Эццелино ѣхалъ жить съ отцомъ не совсѣмъ довольный только тѣмъ, что надобно будетъ жениться. Если бы не жениться, эта дѣвушка не была бы непріятностью. Нисколько. Даже было бы очень мило быть близкимъ къ ней. Какъ дѣвушка, она прекрасна. А впрочемъ, не надобно же забывать: жениться, это необходимость. А когда надобно имѣть жену, то имѣть женой Эмилію Роанъ—это самое лучшее. Вообще, это непріятность быть женатымъ, но быть женатымъ на Эмиліи Роанъ—это очень пріятно. И хоть сейчасъ же по пріѣздѣ онъ готовъ вѣнчаться. И даже, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Очень радъ, очень радъ.

(На этомъ рукопись прерывается).

КОРМИЛО КОРМЧЕМУ.

(Переводъ съ татарскаго).

ГЛАВА 1.

1. Во дни Абдъ-Эль-Кадера и маршала Бюжо, былъ въ Алжиріи, въ горахъ Джурджурскихъ, человѣкъ угодный Богу. И имя ему было Махмудъ-Абу-Джафаръ-Ибнъ-Мустафа. 2) И жилъ онъ въ горахъ Джурджурскихъ съ отцомъ своимъ Мустафою и сыномъ своимъ Джафаромъ. 3) И былъ отецъ его Мустафа старецъ, исполненный долготою дней: и занимался богомысліемъ, земныя же дѣла оставилъ. 4) И занимался ими сынъ его Махмудъ-Абу-Джафаръ. И продавалъ Абу-Джафаръ втайнѣ водку правовѣрнымъ; въявѣ же, дѣвушекъ Джурджурскихъ французскимъ офицерамъ. 5) И ѣздилъ онъ въ Алжиръ; и былъ угоденъ маршалу Бюжо. И ѣздилъ въ смалу Абдъ-Эль-Кадера; и былъ угоденъ Абдъ-Эль-Кадеру. 6) И былъ онъ по званію марабутъ: и потому прозвали его марабутъ-Абу-Джафаръ Продажная Душа. 7) И благо ему было съ отцомъ его Мустафою и сыномъ его Джафаромъ, и всѣмъ домомъ его. 8) Потому что былъ онъ угоденъ Абдъ-Эль-Кадеру, и угоденъ маршалу Бюжо. И творилъ добро и былъ угоденъ Богу.

9. И по дняхъ маршала Бюжо настали дни герцога Омальскаго. И генералъ Ламорисьеръ взялъ въ плѣнъ Абдъ-Эль-Кадера. 10) И не стало въ Алжиріи вождя правовѣрныхъ, чтобы быть Абу-Джафару угоднымъ вождю правовѣрныхъ. А гяурамъ стало не нужно, чтобъ Абу-Джафаръ былъ угоденъ имъ. 11) И восплакалъ Абу-Джафаръ плачемъ великимъ, съ отцомъ своимъ Мустафою и сыномъ своимъ Джафаромъ, и всѣмъ домомъ своимъ.

12. И исполнились дни отца его Мустафы въ плачѣ томъ, отъ печали великой: и умеръ Мустафа. 13) И оплакалъ Абу-Джафаръ смерть отца своего, и предалъ землѣ тѣло его, и пересталъ плакать объ отцѣ своемъ. 14) И продолжалъ плакать съ сыномъ своимъ Джафаромъ и всѣмъ домомъ своимъ о печали своей великой, что нѣтъ въ Алжиріи вождя правовѣрныхъ, чтобы быть угоднымъ вождю правовѣрныхъ; а гяуры говорятъ: „нѣтъ намъ надобности, чтобы ты былъ угоденъ намъ“.

15. И по немногихъ дняхъ явился ему ночью въ видѣніи сна отецъ его Мустафа и сказалъ: 16) „Возстань отъ горъ Джурджурскихъ, и иди въ страну Восточную, въ горы Кавказскія. 17) Есть тамъ вождь правовѣрныхъ и воюетъ съ гяурами. И благо тебѣ будетъ въ горахъ Кавказскихъ, и сыну твоему Джафару“. 18) И

возбудившись отъ сна, повѣдалъ то Абу-Джафаръ сыну своему Джафару, и возрадовались оба радостью великою.

19. И продалъ Абу-Джафаръ французскимъ офицерамъ женъ своихъ и женъ сына своего Джафара, и другихъ домочадицъ молодыхъ своихъ: 20) а старымъ домочадицамъ своимъ и всѣмъ домочадцамъ своимъ далъ по гяурской монетѣ въ пять франковъ, каждой старой домочадицѣ и каждому домочадцу далъ монету въ пять франковъ: и отпустилъ ихъ съ миромъ. 21) Потому что былъ Абу-Джафаръ человѣкъ угодный Богу, и творилъ добро.

22. И возставши съ сыномъ своимъ Джафаромъ отъ горъ Джурджурскихъ, пошелъ въ страну Восточную, на Кавказъ. 23) И пришелъ съ сыномъ своимъ Джафаромъ въ горы Кавказскія и поселился тамъ.

24. И были на Кавказѣ дни Шамиля, и дни князя Воронцова. 25) И сталъ Абу-Джафаръ втайнѣ продавать водку правовѣрнымъ: въявѣ же дѣвушекъ Кавказскихъ русскимъ офицерамъ. 26) И ѣздилъ онъ въ Тифлисъ и былъ угоденъ князю Воронцову: и ѣздилъ въ Гунибъ къ Шамилю, и былъ угоденъ Шамилю. 27) И благо ему было въ горахъ Кавказскихъ, лучше прежняго въ горахъ Джурджурскихъ, и сыну его Джафару. И купилъ себѣ новыхъ женъ, лучше прежнихъ; и домочадицъ молодыхъ новыхъ, лучше прежнихъ, и больше числомъ. И сыну своему Джафару. 28) Потому что былъ онъ угоденъ Шамилю и угоденъ князю Воронцову. 29) И творилъ добро, и былъ угоденъ Богу.

ГЛАВА 2.

1. И въ двадцатое лѣто дней Шамиля, и въ десятое лѣто дней князя Воронцова, въ мѣсяцѣ Шеввалѣ, въ первый день мѣсяца, въ праздникъ Великаго Байрама, въ первый день праздника, въ седьмой часъ дня, пришелъ Абу-Джафаръ въ Гунибъ во дворъ Шамилевъ, и сынъ его Джафаръ съ нимъ; и рукописаніе въ рукѣ сына его Джафара. 2) И сталъ Абу-Джафаръ во дворѣ Шамилевомъ, посреди двора; и возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ:

3. Услышь, о Шамиль Гимрійскій, и услышьте, наибы Шамилевы и мюриды его, и весь народъ.

4. Я, марабутъ Махмудъ Абу-Джафаръ Ибнъ-Мустафа Джурджурскій, человѣкъ угодный Богу. 5) И жилъ я въ странѣ Западной, въ горахъ Джурджурскихъ, и былъ я угоденъ Абдъ-Эль-Кадеру. 6) И по слову отца моего Мустафы, бывшему ко мнѣ ночью въ видѣніи сна, возсталъ я отъ горъ Джурджурскихъ, отъ страны Западной, и пошелъ въ страну Восточную, на Кавказъ. 7) И живу въ горахъ Кавказскихъ, и угоденъ я Шамилю. 8) И вотъ, пришелъ я во дворъ Шамилевъ въ Гунибъ, и сталъ во дворѣ Шамилевомъ, посреди двора; и сынъ мой Джафаръ со мною. 9) И стою я посреди двора Шамилева и сынъ мой Джафаръ стоитъ при мнѣ, и рукописаніе въ рукѣ Джафара. 10) И истинно слово мое.

11. И вышелъ Шамиль и вышли наибы Шамилевы и мюриды его, изъ дому его, на средину двора его. И сошелся весь народъ: 12) Кумыки, и Казы-Кумыки, и Авары, и Мизджехи, называемые Чеченцы, собравшіеся на праздникъ Великаго Байрама въ Гунибъ, многое множество народа. 13) И сталъ народъ окрестъ мюридовъ, и мюриды окрестъ наибовъ, и наибы окрестъ Шамиля, и Абу-Джафара,

и сына его Джафара. 14) И сталъ Абу-Джафаръ передъ Шамилемъ, и сынъ его Джафаръ, и рукописаніе въ рукѣ Джафара. 15) И возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ:

16. Я, марабутъ Абу-Джафаръ Джурджурскій, человѣкъ угодный Богу. Истинно слово мое. 17) И сынъ мой Джафаръ стоитъ при мнѣ, свидѣтель мой, и рукописаніе въ рукѣ Джафара.

18. Было мнѣ, Абу-Джафару, видѣніе сна. Явился мнѣ ночью въ видѣніи сна Казы-Мулла и сказалъ: 19) Абу-Джафаръ, человѣкъ угодный Богу, выслушай слово мое. И да напишетъ сынъ твой Джафаръ слово мое къ тебѣ, по слову твоему, и будетъ свидѣтель твой. 20) И иди въ Гунибъ во дворъ Шамилевъ, и сынъ твой Джафаръ съ тобою, свидѣтель твой, и рукописаніе въ рукѣ его. 21) И стань во дворѣ Шамилевѣ на праздникъ Великаго Байрама, въ первый день праздника, и повѣдай Шамилю и наибамъ Шамилевымъ, и мюридамъ его, и всему народу слово Казы-Муллы, что прочелъ Казы-Мулла въ книгѣ судебъ.

22. И возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ:

23. Слово Казы-Муллы къ Абу-Джафару и слово Абу-Джафара къ Шамилю, и наибамъ Шамилевымъ, и мюридамъ его, и всему народу по слову Казы-Муллы ко мнѣ.

ГЛАВА 3.

1. И возопивши, возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ, великимъ: Слово Казы-Муллы о судьбѣ Кавказа, какъ написано о судьбѣ Кавказа въ книгѣ судебъ.

2. Будутъ дни Шамиля: и во дни Шамиля сокрушится Кавказъ. Будутъ дни князя Воронцова и во дни князя Воронцова сокрушится Кавказъ.

3. Не отъ князя Воронцова сокрушится Кавказъ. Но будетъ во дни князя Воронцова Пожиратель Книгъ; и не отъ Пожирателя Книгъ сокрушится Кавказъ. 4) Но будетъ во дни князя Воронцова Сейсмотъ Хадергетъ; и отъ Сейсмота Хадергета сокрушится Кавказъ.

5. И написано о томъ въ книгѣ судебъ такъ:

6. Во дни Махмуда Стамбульскаго и Мегеметъ-Али Каирскаго родится въ самомъ большомъ городѣ на самой большой изъ гяурскихъ рѣкъ дитя мужскаго пола, не умѣющее читать. И назовутъ имя ему: Пожиратель Книгъ.

7. И прежде, нежели выучится дитя ходить, выучится оно читать. Трудно для вѣры людей слово то. Но истинно.

8. И выучившись читать, будетъ читать. 9) И по мѣрѣ возрастанія своего, будетъ все больше заслуживать данное ему имя: Пожиратель Книгъ.

10. И изучитъ семьдесятъ семь глупыхъ наукъ, и семьдесятъ семь пустыхъ наукъ. А для отдыха, будетъ читать. 11) Потому что такова воля Божія, чтобъ у гяуровъ было 77 глупыхъ наукъ и 77 пустыхъ наукъ: и чтобъ это дитя по мѣрѣ возрастанія изучило ихъ всѣ. 12) Потому что велика немилость Божія къ гяурамъ, и великъ его гнѣвъ на Пожирателя Книгъ. 13) Потому что отъ этого гяура будетъ много вреда правовѣрнымъ.

14. И когда онъ изучитъ 77 глупыхъ наукъ и 77 пустыхъ наукъ, начнетъ

онъ изучать 77 хорошихъ наукъ. И въ это время начнутъ пробиваться у него усы. 15) Потому что такова воля Божія, чтобы нельзя было гяурамъ изучать никакой хорошей науки прежде, чѣмъ начнутъ пробиваться усы; и то рѣдко бываетъ, чтобы добивались гяуры до такихъ наукъ такъ рано. 16) И изучивши 77 хорошихъ наукъ, выберетъ онъ изъ нихъ семь, чтобы заниматься дальнѣйшею разработкою ихъ. 17) И выбравши, станетъ разрабатывать ихъ; а для отдыха будетъ читать всякія книги по прежнему.

18. И когда кончитъ писать семь томовъ сочиненія по одной изъ семи наукъ, начнетъ писать сочиненіе въ семь томовъ по другой. И въ это время будетъ читать для отдыха 23-й томъ первой серіи Энциклопедіи Эрта и Грубера. 19) Потому что такова воля Божія, чтобъ былъ на свѣтѣ человѣкъ, который читалъ бы для отдыха Энциклопедію Эрта и Грубера отъ доски до доски. 20) И что такое Эртъ и Груберъ, не толкуется то въ книгѣ судебъ, и неизвѣстно никому на небесахъ; 21) Потому что такова воля Божія, чтобы не было то извѣстно никому на небесахъ.

22. И когда онъ прочтетъ для отдыха 123 тома Эрта и Грубера, близка будетъ погибель правовѣрныхъ на Кавказѣ. Потому что по прочтеніи ста двадцати трехъ томовъ Эрта и Грубера мало ужъ останется вышедшихъ томовъ той Энциклопедіи для прочтенія въ отдыхъ Пожирателю Книгъ. 23) И будетъ то около времени праздника Великаго Байрама въ двадцатое лѣто дней Шамиля. 24) И пришло время то. И близка погибель Кавказа.

25. Потому что ужь немного остается вышедшихъ томовъ Эрта и Грубера для прочтенія въ отдыхъ Пожирателю Книгъ. 26) И прочитавши всѣ, которые вышли, онъ вздумаетъ, въ ожиданіи слѣдующихъ читать для отдыха интегралы. 27) И что такое интегралы, не истолковано въ книгѣ судебъ и неизвѣстно никому на небесахъ, потому что такова воля Божія.

28. И когда прочтетъ для отдыха интегралы, станетъ онъ больше прежняго думать о механикѣ. И механика толкуется въ книгѣ судебъ: столпотвореніе Вавилонское.

29. И будетъ онъ думать такъ: мало у людей силы, чтобы дѣлать столько работы, сколько нужно. 30) И у скота ихъ мало силы; и дорого стоитъ содержать скотъ. 31) И выдумали люди паръ, чтобы работать; и мало силы у пара, и дорого стоитъ топливо, чтобы дѣлать паръ. 32) И потому не могутъ люди наработать себѣ ничего столько, сколько нужно. И потому живутъ скудно.

32. И напрасно мысль эта написана въ книгѣ судебъ. Потому что написано въ книгѣ судебъ:

33. Не потому бѣдность между людьми, что мало у нихъ силы на работу, а потому, что нѣтъ правды между людьми. 34) И пока не будетъ правды между людьми, не поможетъ людямъ ничто.

ГЛАВА 4.

1. Нѣтъ правды въ странѣ гяуровъ. 2) И пока не будетъ правды въ странѣ, бѣдно будутъ жить люди страны той. Такъ написано въ книгѣ судебъ.

3. Но не читалъ Пожиратель Книгъ книгу судебъ и не знаетъ онъ, что написано въ книгѣ судебъ. И напрасны мысли его:

4. И мысли его: мало у людей силы работать; и у скота ихъ, и у паровыхъ машинъ ихъ. И дорого стоитъ работа. И оттого бѣдность между людьми. И много силы у рѣкъ, и у моря, и у солнца. И сила та даромъ. И если брать силу отъ нихъ на работу, будетъ работы сколько нужно; потому что у нихъ много силы. И работа ихъ даромъ. И можно будетъ людямъ дѣлать все, что нужно.

5. И надобно, чтобы была такая машина, которая брала бы всякую силу на землѣ и въ водѣ, и въ воздухѣ, и въ небѣ, всякую большую силу, которая даромъ. Таковы мысли Пожирателя Книгъ. И прочитавши интегралы, будетъ онъ думать о той машинѣ, больше прежняго, и будетъ думать о ней правильно. Потому что правило тому въ интегралахъ.

6. И выдумаетъ онъ такую машину. И можно будетъ дѣлать ее такой силы, какой угодно. И работа ея даромъ.

7. И годится она для всякой работы, и большой и малой. И малая работа ей: варить, и печь, и прясть, и ткать, и шить; и строить дома и топить; и возить людей; и возить товары; и пахать землю; и сѣять, и жать, и собирать хлѣбъ.

8. И побольше малой, но не большая работа ей: строить дороги, и проводить каналы; и поправлять рѣки; и проводить канавами и ручьями и рѣками воду для поливанія полей; и отводить воду канавами и рѣками, чтобъ не было болотъ, и не было болѣзни отъ болотъ; потому что всякая болѣзнь отъ болотъ; и чтобы не было болѣзни—и то побольше малой, но не большая работа машинѣ той.

9. И большая работа ей: чтобы не было ни песчаныхъ степей, ни соленыхъ пустынь, никакой безплодной земли на лицѣ земли; покрывать лицо земли плодородной землей; и дѣлать равнины и долины, какъ нужно, и холмы и горы, какъ нужно; и бросать воду подъ облака дождемъ, и орошать землю дождемъ; и сосать воду изъ облаковъ, чтобы не было липняго дождя; и дуть вѣтромъ, какъ нужно, и ставить до облаковъ загородки отъ вѣтра; и дѣлать вѣтеръ, и тихую погоду, какъ нужно; и наводить облака; и разгонять облака, чтобъ былъ видъ земли, какой нужно, и почва земли, какую нужно, и дождь и ясная погода, какъ нужно.

10. И подумаетъ Пожиратель Книгъ: вотъ и будетъ все, какъ нужно людямъ, и будетъ всего у людей сколько нужно; и будутъ люди жить хорошо, отъ работы этой машины; и будетъ имя этой машинѣ Эвергетъ.—И толкуется Эвергетъ по разумѣнію гяуровъ: благодѣтель; и толкуется по книгѣ судебъ: добрая работа.

11. И сдѣлаетъ Пожиратель Книгъ чертежъ Эвергета; и отдастъ чертежъ.

12. И возьмутъ чертежъ Эвергета, и спрячутъ ото всѣхъ. И начнутъ дѣлать три бомбы: каждую бомбу вѣсомъ въ сто милліоновъ пудовъ. И толкуется то: вѣсъ Сіона. И будутъ дѣлать ихъ втайнѣ.

13. И видъ той бомбы: огромность горы; и крѣпки стѣны ея, какъ врата ада; и сила воспламененія ея, какъ сила пламени геенны.

14. И сдѣлаютъ три бомбы. И тогда по чертежу Эвергета сдѣлаютъ машину такой мѣры, чтобъ она бросала ту бомбу на тысячу верстъ въ высоту; и толкуется то: сто высотъ облаковъ и выше того. И будутъ дѣлать машину ту съ катапультою; и толкуется то: рукоять, и на рукояти ложка, и ложка та для бомбы, и рукоять та вертится. И будетъ то машина не для работы; будетъ то машина для бросанія бомбы. И будутъ дѣлать ее втайнѣ.

15. И сдѣлавши машину откроютъ; и скажутъ: имя этой машинѣ Сейсмотъ; и толкуется то по разумѣнію гяуровъ: Потрясатель земли; и толкуется то по книгѣ судебъ: магеръ-шалалъ; и толкуется то: сильное оружіе.—И откроютъ бомбы и пустятъ машину заводить пружины, и охватятъ пружины одну бомбу, и будутъ подымать бомбу на катапульту.

16. И увидѣвъ то, и услышавъ то, вострепещутъ народы и скажутъ въ сердцахъ своихъ: На кого та бомба? Горе странѣ той, на которую та бомба!

17. И посыплетъ пепломъ главу свою Пожиратель Книгъ и возрыдаетъ, и скажетъ: не сдѣланъ Эвергетъ, вмѣсто Эвергета сдѣланъ Сейсмотъ, и да будетъ проклятъ Сейсмотъ и да будетъ имя ему Хадергетъ. И толкуется то по разумѣнію гяуровъ: Дѣлатель геенны; и толкуется то по книгѣ судебъ: Хазъ-Базо. И толкуется то: Сейсмотъ Хадергетъ потрясатель земли силою геенны, и толкуется то Магеръ-Шалалъ-Хазъ-Базо, сильный оружіемъ вскорѣ раззорится.

18. Такъ написано въ книгѣ судебъ: Магеръ-Шалалъ-Хазъ-Базо, Сильный оружіемъ вскорѣ раззорится.

ГЛАВА 5.

1. И возопивши возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ великимъ: Потрясатель земли силою геенны, сильный оружіемъ вскорѣ раззорится; такъ написано въ книгѣ судебъ.

2. И откроется народамъ Сейсмотъ и будетъ подымать на себя бомбу, и положитъ на себя, на катапульту. И начнетъ Сейсмотъ заводить пружину катапульту. И будутъ трепетать народы.

3. И заведется пружина катапульты, и спустится; и взмахнется катапульта, и полетитъ бомба. И будутъ смотрѣть народы, куда полетитъ бомба. Горе странѣ той.

4. И поднимется бомба на тысячу верстъ въ высоту и полетитъ на Кавказъ. Горе Кавказу, горе!

5. И возопилъ Абу-Джафаръ и возопивши возопилъ голосомъ великимъ: Горе Кавказу, горе!

6. Потому что съ тысячи верстъ высоты упадетъ бомба на Эльбрусъ. И пробьетъ Эльбрусъ до основанія. И великое землетрясеніе будетъ по всему Кавказу. И десятая часть людей на Кавказѣ погибнетъ въ расщелинахъ и подъ обрывами скалъ.

7. Велико горе Кавказу отъ паденія бомбы. И отъ взрыва ея погибель.

8. Взорвется бомба подъ Эльбрусомъ, подъ основаніемъ Кавказа, и разнесетъ Кавказъ: отъ моря до моря весь разнесетъ его на всѣ четыре вѣтра небесъ—въ море и въ море, и на сѣверъ и югъ разнесетъ она Кавказъ обломками скалъ. И въ этомъ взрывѣ и паденіи раздроблено будетъ въ щепки всякое дерево, бывшее на Кавказѣ, и стерто будетъ съ пылью въ грязь всякое живое тѣло, бывшее на Кавказѣ, отъ человѣка до мухи и до блохи.

9. Такъ написано въ книгѣ судебъ. Горе Кавказу, горе!—И возопивши возопилъ Абу-Джафаръ голосомъ вопля великимъ, великимъ: Горе Кавказу, горе! Такъ написано въ книгѣ судебъ.

10. И стояли наибы и мюриды, и плакали. И весь народъ.

ГЛАВА 6.

1. И возопилъ Абу-Джафаръ: Горе Кавказу, горе! Такъ написано въ книгѣ судебъ. 2) Но милосердъ Богъ и милостивъ. И пошлетъ Богъ спасеніе Кавказу. И спасеніе то будетъ баранъ.

3. Войдетъ баранъ во дворъ Шамилевъ въ Гунибѣ и влѣзетъ на кровлю дома Шамилева, 4) и заблеетъ баранъ по козлиному, и спасетъ Кавказъ.

5. Потому что будетъ то вѣсть отъ Бога Кавказу: сталъ Пожиратель Книгъ читать для отдыха интегралы и скоро выдумаетъ Эвергета. 6) И не сдѣлаютъ гяуры Эвергета, сдѣланъ будетъ гяурами Хадергетъ. 7) Потому что такъ написано въ книгѣ судебъ: заблеетъ баранъ по козлиному и будетъ то знаменіе Кавказу о Пожирателѣ Книгъ. 8) Потому что баранъ символъ качествъ души Пожирателя Книгъ, голосъ же у этого гяура козлиный. Такъ написано въ книгѣ судебъ.

9. И явится на кровлѣ дома Шамилева знаменіе того гяура и услышитъ народъ козлогласованіе его и пойметъ Кавказъ: близка погибель Кавказу отъ Пожирателя земли. 10) И смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ. Такъ написано въ книгѣ судебъ. 11) И возопилъ Абу-Джафаръ: Такъ написано въ книгѣ судебъ! 12) И возопивши возопилъ голосомъ великимъ: Смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ!

13. И плакали наибы и мюриды, и говорили: „Увы, если не смирится, сокрушится Кавказъ. Увы намъ, ахъ!“—И плакали плачемъ великимъ. И весь народъ. 14) И возопилъ народъ, и мюриды, и наибы возопили: Такъ написано въ книгѣ судебъ: смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ.

15. И возопили воплемъ великимъ, какъ ревъ моря въ плескѣ бури волнами о скалы Кавказа: смирится Кавказъ, и спасется Кавказъ! Такъ написано въ книгѣ судебъ. И смиримся, и спасемся!

ГЛАВА 7.

1. И сказалъ Шамиль наибамъ своимъ, и мюридамъ своимъ, и всему народу:—Кто вамъ сказалъ это?

2. И сказали всѣ:—это сказалъ марабутъ Махмудъ Абу-Джафаръ Ибнъ-Мустафа Джурджурскій, человѣкъ угодный Богу. 3) И свидѣтель Абу-Джафару сынъ его Джафаръ; и рукописаніе въ рукѣ Джафара.

4. И сказалъ Шамиль:—Какъ же по прозванію этотъ марабутъ Махмудъ?

5. И сказали всѣ:—По прозванію онъ марабутъ Абу-Джафаръ Продажная Душа.

6. И сказалъ Шамиль:—Онъ человѣкъ угодный Богу; Богу-ли только? Можетъ быть, еще кому нибудь?

7. И сказали всѣ:—Онъ также угоденъ тебѣ, Шамиль.

8. И сказалъ Шамиль:—мнѣ онъ угоденъ, это точно. Но мнѣ ли только?

9. И сказали всѣ:—Нѣтъ, не тебѣ только; и князю Воронцову также.

10. И сказалъ Шамиль:—Хорошо. Онъ угоденъ и мнѣ, и князю Воронцову. Одному бы кому изъ насъ, еще годилось бы куда нибудь. А то, угоденъ обоимъ намъ. Какъ же можетъ онъ быть угоденъ Богу?—И сами вы говорите: по прозванію онъ Продажная Душа.—Понимаете, какъ вышло дѣло?

11. И сказали всѣ:—Чего тутъ не понимать! Князь Воронцовъ подкупилъ его сказать такъ. И слово его лживое. 12) И выхватили шашки наибы, и мюриды, и весь народъ изрубить Абу-Джафара и сына его Джафара въ мелкіе куски.

13. И сказалъ Шамиль:—Младшему обманщику хорошо будетъ такъ: этого наказанія довольно съ него, потому что онъ лишь подговоренъ отцомъ. А старшему обманщику мало такого наказанія. Сдѣлайте такъ: возьмите большое бревно, толстое; и расколите вдоль и выдолбьте, и вложите лживаго пророка въ это дерево и возьмите пилу и распилите его.

14. И сказалъ Абу-Джафару:—А пока готово будетъ дерево, въ которомъ пилить тебя, иди за мной.

15. И повелъ Шамиль Абу-Джафара въ домъ свой. 16) А Джафара изрубили мюриды въ мелкіе куски; и рукописаніе съ нимъ.

ГЛАВА 8.

1. А Абу-Джафара Шамиль ввелъ въ домъ свой, въ особый покой дома своего. 2) И дрожалъ Абу-Джафаръ, какъ дрожитъ листъ осины въ лѣсахъ гяуровъ; и былъ синій, какъ ледъ въ ледникахъ Эльбруса. 3) И затворилъ Шамиль дверь покоя особаго своего за собой и Абу-Джафаромъ; и поставилъ у двери Арсланъ-бея.

4. И былъ наибъ Арсланъ-бей мюридъ изъ мюридовъ; и одинъ изъ наибовъ и мюридовъ не восплакалъ и не сказалъ: „смиримся и спасемся“, когда восплакали всѣ и сказали то. 5) И былъ Арсланъ-бей головой выше всѣхъ мюридовъ; и воинъ сильный передъ Богомъ. 6) И была праведна душа его, и не было коварства въ сердцѣ его, и не было обмана на языкѣ его. 7) И добрый былъ человѣкъ Арсланъ-бей; и видна была доброта его на безстрашномъ лицѣ его.

8. И поставилъ Шамиль наиба Арсланъ-бея на стражѣ у двери покоя особаго своего, а самъ затворился съ Абу-Джафаромъ, и сказалъ Абу-Джафару:

9. Марабутъ Абу-Джафаръ, ты мерзавецъ; ты хуже пса; и душа твоя грязнѣе нечистаго тѣла свиньи. Но ты марабутъ. Какъ допускаетъ Богъ такихъ людей быть марабутами, я не знаю. Но такова воля Божія.—Знаю я, недорого купить тебя на всякое подлое дѣло. Но не подкупленъ ты княземъ Воронцовымъ на такой совѣтъ. Сколько ни давать тебѣ, чтобы ты устраивалъ миръ, ты будешь разстраивать миръ. Въ томъ твоя выгода, чтобы не было мира. И зналъ ты, что ведетъ тебя на смерть такой совѣтъ. Своею волею не могъ ты прійти сказать такое слово. Сила Божія привела тебя противъ твоей воли. И знаю я твое слово истинное.

10. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Такъ. Зналъ я, что иду на смерть. И не хотѣлъ идти. И сынъ мой Джафаръ не хотѣлъ идти; и не хотѣлъ писать моего слова. Но велѣла ему писать сила Божія, и повела его со мною, какъ повела меня.

11. И сказалъ Шамиль:—Какъ быть! Зналъ я, что невиноватъ онъ. Но мо-

лодой человѣкъ не умѣлъ бы послѣ молчать, что было это слово по волѣ Божіей и что истинное оно. Нельзя было мнѣ поступить съ нимъ иначе.

12. И сказалъ Абу-Джафаръ:—А меня, ты помилуй.

13. И сказалъ Шамиль: —А что это было въ рукѣ у него? Написано было слово твое по слову Казы-Муллы, это конечно. Но было еще что?—Отъ князя Воронцова было что нибудь?

14. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Было. Но ты помилуй меня.

15. И сказалъ Шамиль:—Такъ я и понималъ, что было. Потому и далъ изрубить его бумаги съ нимъ. Говори, что было.

16. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Ты помилуй меня.

17. И сказалъ Шамиль:—И просить не о чемъ. Зачѣмъ же я и увелъ тебя отъ тѣхъ бѣшеныхъ?—Сына твоего нельзя было оставить живого. А ты будешь говорить всѣмъ, что твое слово было лживое. Отъ тебя вреда не будетъ. А выгода мнѣ отъ тебя большая. Нечего тебѣ бояться.

18. И обрадовался Абу-Джафаръ, и припалъ къ ногамъ Шамилевымъ, и цѣловалъ ихъ.

19. И поднялъ его Шамиль, и сказалъ: Ѣздилъ ты въ Тифлисъ. Что тамъ?

20. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Идутъ на тебя полторы дивизіи гяуровъ. И я сказалъ князю Воронцову, гдѣ найти тебя: въ Хундзахѣ.

21. И сказалъ Шамиль:—Хорошо сказалъ ты. Съѣзжу въ Хундзахъ, чтобы правъ ты былъ передъ княземъ Воронцовымъ. А какъ и гдѣ они пойдутъ?

22. И сталъ говорить Абу-Джафаръ. И когда разсказалъ все, сказалъ:—Такъ я узналъ. И о тебѣ разсказалъ я имъ все, что велѣлъ ты сказать, ничего не забылъ. И далъ мнѣ князь Воронцовъ за то тысячу рублей. И другую тысячу, чтобъ я отвезъ къ тебѣ ту бумагу. Потому я и замедлилъ: страшно было отдать тебѣ ту бумагу. И два дня и двѣ ночи молился я Богу, чтобъ онъ научилъ меня, какъ не отдать ее.

23. И улыбнулся Шамиль, и сказалъ:—Все ты говоришь хорошо, а въ этомъ совралъ: не по страху ты хотѣлъ утаить ее,—отдать мнѣ одному втайнѣ, какой же страхъ? А невыгодно было тебѣ, вотъ что.

24. И улыбнулся Абу-Джафаръ, и сказалъ:—Когда такъ, то правда. Жаль мнѣ сына, а что бумага изрублена хорошо.

25. И сказалъ Шамиль: — Что же, предлагалъ князь Воронцовъ условія лучше прежнихъ?

26. И засмѣялся Абу-Джафаръ и сказалъ:—Что изрублено, то изрублено.

27. И сказалъ Шамиль: Не бойся, не соблазнишь. Говори. Для соображенія моего, не мѣшаетъ же знать.

28. И сказалъ Абу-Джафаръ, какія условія для мира были въ той бумагѣ.

29. И задумался Шамиль, и сказалъ: — Дураки гяуры, предлагать такія условія. Лучше, нежели я думалъ, хоть и зналъ глупость гяуровъ.

30. И испугался Абу-Джафаръ и сказалъ:—Вотъ оно такъ и есть.

31. И сказалъ Шамиль:—Не пугайся, другъ. Я только дивлюсь глупости гяуровъ. Половину съ ихъ силы мнѣ, взялъ бы я и Москву ихъ, не то что эти горы. А соблазнить меня не бойся: не соблазнятъ.

32. И обрадовался Абу-Джафаръ, и сказалъ:—Такъ не соблазняешься и на эти условія?

33. И сказалъ Шамиль:—Нечего спрашивать у орла, какія условія приметъ онъ, чтобы дать подрѣзать свои крылья.—Теперь, этотъ разговоръ конченъ, Абу-Джафаръ; и прошу тебя, доскажи, что тамъ дальше въ книгѣ судебъ. Тамъ было о трехъ бомбахъ. Первая —на Кавказъ; а тѣ двѣ на кого будутъ?

34. И сказалъ Абу-Джафаръ: —Что слышалъ отъ Казы-Муллы, все сказалъ. Больше не слышалъ. Потому что, какъ услышалъ: „смирится Кавказъ", я очень испугался за такое слово, что долженъ сказать тебѣ такое слово при всемъ народѣ. И отъ испуга проснулся.

35. И сказалъ Шамиль:—Жаль. Надо бы мнѣ узнать о тѣхъ двухъ бомбахъ.

36. И сказалъ Абу-Джафаръ:—Чего не знаю, того не знаю. Но, можетъ быть, если помолюсь, откроетъ мнѣ Богъ.

37. И сказалъ Шамиль:—Хорошо. Молись. И замолчалъ.

38. И сидѣлъ Шамиль, и молчалъ. И сѣлъ Абу-Джафаръ, какъ садятся при совершеніи намаза, и молился въ духѣ своемъ.

ГЛАВА 9.

1. И всталъ Абу-Джафаръ; и знаменіе духа на лицѣ его; и глаза его возведены вверхъ, и неподвижны глаза его, и раскрыты широко. И возопилъ Абу-Джафаръ.

2. Въ неправдѣ рожденъ я, и полна беззаконія жизнь моя. 3) Продажна душа моя, и алчетъ геенна пожрать душу мою. 4) Но правы видѣнія мои и сила Божія говоритъ устами моими въ видѣніяхъ моихъ.

5. Возносится духъ мой къ Богу, и возвожусь я въ духѣ на вершину Эльбруса. 6) Долины Грузіи подо мною на югѣ: и море на западѣ; 7) и обращается лицо мое въ духѣ на сѣверъ.

8. И когда говорилъ Абу-Джафаръ: „обращается лицо мое въ духѣ на сѣверъ", вошелъ Арсланъ-бей и сказалъ: „Шамиль, пришли мюриды". 9) И сказалъ Шамиль Абу-Джафару: „Замолчи. Доскажешь въ другой разъ". И не замолчалъ Абу-Джафаръ, и говорилъ въ видѣніи своемъ:

10. На сѣверъ обращено лицо мое и степь гяуровъ подо мною.

11. И дернулъ Шамиль Абу-Джафара за рукавъ одежды его, и покачнулся Абу-Джафаръ, и обозрѣлся, и увидѣлъ Шамиля и Арсланъ-бея, и удивился, и сказалъ Шамилю: „Не мѣшай же".

12. И сказалъ Шамиль Арсланъ-бею: „Держи его, а я завяжу ему ротъ". И снялъ тюрбанъ свой. И сказалъ Абу-Джафаръ: „Что такое?"—И сказалъ Шамиль: „Ничего".—И распустилъ тюрбанъ свой, а Арсланъ-бей взялъ Абу-Джафара за руки. И сказалъ Абу-Джафаръ: „Какъ?"—и задрожалъ и сталъ синій. И сказалъ Шамиль: „Нельзя иначе, Абу-Джафаръ". И завязалъ ему ротъ тюрбаномъ своимъ. А Арсланъ-бей держалъ его.

13. И закричалъ Шамиль мюридамъ: „Войдите".—И вошли мюриды и сказали: „готово Шамиль". И сказалъ Шамиль: „Хорошо. Возьмите его. И смотрите, чтобъ онъ не сорвалъ повязку. Онъ богохульствовалъ здѣсь".

14. И взяли мюриды Абу-Джафара и повели его. И вложили между двухъ половинъ расколотаго дерева, выдолбленныхъ, и связали половины. И положили пилу на грудь Абу-Джафару, на дереро противъ груди его.

15. И стоялъ народъ и смотрѣлъ; и стоялъ Шамиль и смотрѣлъ. И говорилъ народъ: „Такъ и хорошо обманщику". А мюриды пилили. А Шамиль говорилъ мюридамъ: — „Вы не торопитесь; подольше, будетъ лучше ему. Онъ хотѣлъ обмануть народъ".—И пилили мюриды безъ торопливости. А народъ говорилъ: „Такъ и хорошо ему. Онъ хотѣлъ обмануть народъ".

16. И пилили Абу-Джафара, человѣка угоднаго Богу. Да помилуетъ душу его Богъ. Баззаконна была жизнь его. Но по волѣ Божіей умеръ онъ. И молился за него Шамиль въ сердцѣ своемъ: Да помилуетъ Богъ душу его.

17. И когда распилили Абу-Джафара, сказалъ: „Бросьте тѣло его собакамъ". И взяли мюриды тѣло его бросить собакамъ.

18. А Шамиль пошелъ назадъ въ домъ свой.

ГЛАВА 10.

1. И вошелъ Шамиль въ домъ свой, и пошелъ въ покой особый свой дому своего. И Арсланъ-бей съ нимъ.

2. И сказалъ Арсланъ-бей: развѣ онъ богохульствовалъ? Мнѣ казалось не похоже на то. Было знаменіе духа на лицѣ его.

3. И сказалъ Шамиль: —Такъ Богу было угодно, чтобъ умеръ онъ, какъ велѣлъ Богъ. И жаль мнѣ, что рано пришли мюриды. Немножко бы еще, и услышалъ бы я отъ него о тѣхъ двухъ бомбахъ, на кого онѣ будутъ.

4. И сказалъ Арсланъ-бей: О тѣхъ двухъ бомбахъ. А точно. Понимаю, важно бы это. Можетъ быть, на кого будутъ тѣ бомбы, помогли бы намъ, если бы сказать имъ.

5. И сказалъ Шамиль: Такъ.

6. И помолчавши, сказалъ Арсланъ-бей: Какъ же ты убилъ истиннаго пророка, Шамиль. Не хорошо. Грѣхъ передъ Богомъ.

7. И сказалъ Шамиль: „Такъ надобно, Арсланъ-бей. Кто не дѣлаетъ такъ, не годится управлять народомъ. Вотъ, напримѣръ, ты. Сражаться, ты хорошъ. А въ правители не годишься.

8. И сказалъ Арсланъ-бей: Но когда его слово истинное, то все равно сбудется же.

9. И сказалъ Шамиль:—Когда сбудется, то и сбудется. А пока сбудется, не надобно позволять, чтобы смущали народъ и мѣшали нашему дѣлу.

10. И помолчавши, сказалъ Арсланъ-бей: Но хоть бы о двухъ-то бомбахъ дать ему договорить.

11. И сказалъ Шамиль:—Хорошо бы, если бы можно. Но мюриды-то ждали бы; что подумали бъ они?—Видно Шамиль вѣритъ истинѣ его словъ, когда заставляетъ насъ ждать, подумали бъ они.

12. И сказалъ Арсланъ-бей: Такъ. А жаль, что не услышалъ ты о двухъ-то бомбахъ.

13. И сказалъ Шамиль: Я и самъ сказалъ: жаль.

14. И сказалъ Арсланъ-бей:— Какъ же ты теперь,—гдѣ найдешь другого пророка, чтобы узнать?

15. И сказалъ Шамиль: Обойдусь. Что надобно мнѣ видѣть въ видѣніи, то я и самъ все вижу,

16. И замолчалъ Арсланъ-бей. И замолчалъ Шамиль.

17. И сѣлъ Шамиль писать слова тѣ, все, отъ слова до слова, для наученія дѣтямъ своимъ, если кто изъ нихъ будетъ править народомъ. Потому что этого не знаетъ Шамиль, и не можетъ видѣть въ видѣніи, будетъ ли кто изъ его дѣтей править народомъ. Потому что такова воля Божія. Что нужно видѣть Шамилю, то даетъ ему Богъ видѣть въ видѣніи. А чего Богъ не даетъ ему видѣть, того онъ не знаетъ.

18. И да будетъ воля Божія. И что написано въ книгѣ судебъ, то написано. Но милосердъ Богъ и милостивъ. И можетъ быть, кромѣ того, что сказалъ изъ книги судебъ Казы-Мулла Абу-Джафару, тамъ написано и еще что нибудь. И можетъ быть написано тамъ какъ спастись Кавказу и безъ покорности гяурамъ. Богъ великъ; и нѣтъ мѣры всемогуществу Его, и нѣтъ конца благости Его къ правовѣрнымъ.—Такъ написалъ Шамиль Гумрійскій.

Да будетъ препрославленъ Богъ!

ЗНАМЕНІЕ НА КРОВЛѢ.

(По разсказу очевидца).

Не только простолюдины, вездѣ и всегда легковѣрные, но и мюриды, и даже наибы—сами администраторы, опытные въ пріемахъ управленія,—всѣ остались убѣждены, что Абу-Джафаръ говорилъ по подкупу отъ князя Воронцова и получилъ достойное наказаніе за обманъ; и всѣ смѣялись надъ его лживымъ словомъ.—Но не долго.

На пятую пятницу послѣ страдальческой смерти несчастнаго марабута,—въ то самое время, когда муэзинъ, взобравшись на минаретъ, или единственной, какъ мнѣ показалось по характеру выраженій разсказчика, или, если не единственной, то главной мечети въ Гунибѣ, взвизгнулъ пронзительнымъ голосомъ, призывая правовѣрныхъ къ утренней молитвѣ,—въ тотъ же самый мигъ пронесся надъ Гунибомъ, съ той стороны, гдѣ домъ Шамиля, другой крикъ, заливающійся перекатами еще болѣе визгливыми,—козлиный крикъ,—чистѣйшій козлиный крикъ, но чрезвычайной энергіи.

Что такое? Неужели сбывается?—вздрогнулъ самъ Арсланъ-бей,—хоть и человѣкъ вообще безтрепетнаго мужества, хоть и приготовленный, не нынѣ завтра, услышать козлогласованіе, предсказанное пророкомъ. Тѣмъ ужаснѣе, разумѣется, затрепетали сердца другихъ, менѣе безстрашныхъ и не ожидавшихъ. Кто въ чемъ былъ,—многіе даже не надѣвши туфель,—бѣжали, какъ и самъ Арсланъ-бей, къ дому Шамиля, бѣжали, оглушаемые неутомимымъ и неимовѣрно звонкимъ козлинымъ воплемъ.

И подбѣгая, видѣли: сбылось.

На кровлѣ дома Шамиля стоялъ и блеялъ совершенно по козлиному, дѣйствительно, баранъ; очень обыкновенный съ виду и даже не изъ казистыхъ: самый простой баранъ, тускло-желтоватый, средняго роста, сухощавый,—словомъ, незавидный, простой баранъ.

Какъ подбѣгалъ кто, остолбенѣвалъ, и стоялъ молча, разинувъ ротъ, вытаращивъ глаза. Баранъ заливался съ какимъ-то неистовствомъ, будто въ упоеніи восторга отъ своего искусства и звучнаго органа: задравши кверху голову, тихо поводилъ носомъ и раскрытымъ широко ртомъ, и дралъ горло по козлиному съ силою десяти козловъ.

Нѣсколько минутъ было гробовое молчаніе въ толпѣ подъ ужасомъ этихъ руладъ.

И вдругъ, зашумѣлъ народъ, заколыхался, взволновался; взрывы шума заглушали даже неистово-пронзительное козлиное блеяніе барана.

Выбѣжалъ на крыльцо Шамиль—и Арсланъ-бей, опомнившись, бросился стать подлѣ него.

— Мириться! мириться!—былъ гвалтъ народа.

— Молчать, сволочь! крикнулъ Шамиль. Никого не испугалъ: былъ страхъ страшнѣе всякаго Шамиля.

— Мирись съ русскими! мирись!—кричалъ и подступалъ народъ. Шамиль обратился къ окружавшимъ его мюридамъ:

— За мной, друзья! Разгонимъ этихъ трусовъ!

Пять или шесть человѣкъ изъ мюридовъ взялись за шашки. Остальные пожали плечами:—Нѣтъ, Шамиль; когда народъ глупъ, то глупъ; а когда правъ, то правъ.

Какъ тутъ было быть?—Если бъ одинъ Гунибъ—не велико бы горе,—или хоть бы только Кумыки, хоть и съ Казы-Кумыками, пожалуй,—все бы не проиграно дѣло, если бы только. Но куда ни придетъ слухъ о блеяніи барана по козлиному, вездѣ будетъ то же.

Шамиль стоялъ, хмурясь. А народъ подступалъ: „Мирись съ русскими. Мирись“.—А баранъ заливался неумолкаемо своими шайтанскими козлиными перекатами.

— И какъ не стащили его до сихъ поръ?—сказалъ Арсланъ-бей Шамилю.

— Да, какъ не стащили? сказалъ Шамиль мюридамъ, тѣмъ, которые еще держались за шашки.

— Не было приказанія отъ тебя.

— Правда! проговорилъ Шамиль, стиснувъ зубы, и холодный потъ выступилъ на лбу старика: струсилъ я, Арсланъ-бей, растерялся: сидѣлъ, какъ дуракъ, пока опомнился отъ крику народа, и выбѣжалъ:—Шамиль струсилъ, Арсланъ-бей—а?—Шамиль трусъ!

— Нечего тутъ стыдиться, Шамиль, и нельзя называть себя трусомъ за это, сказалъ Арсланъ-бей: Такой случай, какъ не растеряешься? И со мною то же было: одурѣлъ я совсѣмъ.

— Плохо дѣло, Арсланъ-бей.

— Плохо, Шамиль.—А народъ подступалъ: „Мирись! мирись“.

— И ума не приложишь, какъ быть съ ними, сказалъ Шамиль уныло. Но вслѣдъ затѣмъ и оживился: находчивость ума воскресла.

— Дурачье, съ чего бѣснуетесь-то? Какой тутъ страхъ, что тутъ за знаменье, какое тутъ диво?—Должно быть вырвался баранъ, когда хотѣлъ зарѣзать его кто изъ такихъ шелопаевъ, какъ тѣ вотъ, которые кричатъ: „Мирись“. Такому ротозѣю, ослу и барана не съумѣть зарѣзать, какъ слѣдуетъ; напугалъ барана и упустилъ. Съ перепугу это оретъ баранъ такъ. Вотъ и все диво. Съ перепугу, не то что по козлиному, можетъ заорать и по коровьему, и по лошадиному. Понимаютъ это, я думаю, кто здѣсь умные люди. Не всѣ же кричатъ.

— Нашелъ дураковъ обманывать! Разсказывай!—закричалъ народъ:—Да что ты насъ обижаешь-то? Шелопаи мы по твоему, ротозѣи, ослы. —Смотри, Шамиль, не поплатиться бы тебѣ за это!

И нѣкоторые въ народѣ ужь выхватывали шашки. А мюриды, кромѣ пяти, шести, пожимали плечами и говорили: „Нѣтъ, Шамиль, народъ не всегда дуракъ. Иной разъ и правъ бываетъ“.

— Дѣти мои... братья мои...—начиналъ Шамиль опять заговаривать съ народомъ. Народъ не давалъ ему выговорить слова: „ты обидѣлъ насъ. Еще и трусами назвалъ! и сволочью! Поплатишься! Мирись! мирись!“

— Не слушаютъ; шутя и бросятся изрубить, сказалъ Арсланъ-бей.—Уйдемъ. Выпросимъ время подумать. Закричалъ народу: Друзья, дайте Шамилю время подумать. Сначала не хотѣли слушать. Онъ уговаривалъ, упрашивалъ.

— Отвѣчаешь ли за то, что отсрочка не будетъ въ обманъ?—стали соглашаться.

— Отвѣчаю, сказалъ Арсланъ-бей.

— Хорошо. Твоему слову вѣримъ. Даемъ Шамилю время подумать до слѣдующаго намаза.

— Братья, оцѣпимъ дворъ, караулить, закричали изъ толпы.

— Такъ, такъ, подтвердили всѣ.

Обидно показалось это Арсланъ-бею: онъ привыкъ, что его слову вѣрили.— Братцы, какъ же это? Меня подъ караулъ?

— Не тебя. Ты насъ не обманешь. Но Шамиль тебя и насъ обманетъ. Извѣстный обманщикъ. И Абу-Джафара погубилъ за правду, обманувши насъ. Кровь праведника на немъ.

Нѣкоторые даже кричали: „Шамиль хуже гяура!“ — „Шамиль хуже пса!“ — „Шамиль проклятъ отъ Бога!“

Шамиль скрежеталъ зубами, и порывался броситься съ шашкою на толпу. Здоровый мужчина, хоть ужь и не молодой былъ тогда. Но Арсланъ-бей имѣлъ атлетическую силу и удерживалъ его, и получивши позволеніе отъ народа, насильно увелъ въ домъ. Отвелъ въ особую комнату, усадилъ.

— Трусы! Неблагодарная сволочь! говорилъ Шамиль и сидѣлъ, стискивая шашку.

— Шашкою тутъ ничего не сдѣлаешь, сказалъ Арсланъ-бей: надо придумать что нибудь.

Шамиль будто не слышалъ. Сидѣлъ, понуря голову.

— Плохо дѣло, объ этомъ и спору быть не можетъ, сказалъ Арсланъ-бей:— но все же, можетъ быть, и придумаешь какъ нибудь, если подумаешь поспокойнѣе.

Шамиль усмѣхнулся.—Досадно только, Арсланъ-бей! А придумывать, нѣтъ надобности ломать голову теперь. Предвидѣно; стало быть и обдумано.

— Какъ же?

— Простое дѣло. Только выгоды отъ него мало. Какъ бы тѣ двѣ бомбы годились, пріятнѣе бы. А то, не годятся. И должно дѣло поэтому не имѣть никакой пользы намъ.

— А тѣ двѣ бомбы не годятся?

— Ни къ чему.

— Да ты знаешь о нихъ?

— Знаю.

— Имѣлъ видѣніе о нихъ?

— Имѣлъ. Ты ему такъ и скажешь: было видѣніе Шамилю. Стало быть и сомнѣнія тутъ не должно быть у него: такъ будетъ!

Вторая бомба полетитъ на Турцію. И истребитъ Стамбулъ. И землетрясеніемъ и осколками опустошитъ землю на сто часовъ пути кругомъ. И развалинами завалитъ Босфоръ.

Третья бомба —на Австрію. И истребитъ Вѣну. И землетрясеніемъ и осколками опустошитъ землю на сто часовъ пути кругомъ. И развалинами завалитъ Дунай и всѣ рѣки и озера на пятьдесятъ часовъ пути кругомъ.

Стало быть на эти бомбы нечего разсчитывать, чтобъ отъ страха передъ ними была помощь намъ. Турція—страна правовѣрныхъ, оно такъ. Но годится она лишь на то Кавказу, чтобы черкесы имѣли куда продавать дочерей. Кромѣ, ни къ чему. Гнилая трость и сломится подъ рукой опирающагося на нее, и ранитъ руку.— И Австрія не лучше, сколько я слыхивалъ.

„Сколько я слыхивалъ“!—запало это въ душу Арсланъ-бея. Простой былъ человѣкъ онъ; и могъ иногда казаться недалекимъ, потому что никогда не хитрилъ. Но я могу сказать по личному знанію: не былъ обдѣленъ умомъ этотъ прямодушный человѣкъ.—„Сколько я слыхивалъ“—это что-то не похоже на видѣніе. Хотѣлъ онъ замѣтить Шамилю: „Да ужь говори, ты самъ такъ сообразилъ“,—но не ко времени терять время. Промолчалъ онъ.

— Вотъ потому-то и горько, продолжалъ Шамиль:—у кого силы нѣтъ, между тѣми еще есть люди, какъ люди. Вотъ хоть бы мы съ тобой, къ примѣру. А у кого могла бы быть сила,—и есть, можетъ быть.—сами-то ни къ чему неспособные люди. Ну, да не о томъ рѣчь. О бомбахъ дѣло. Отъ тѣхъ двухъ пользы нѣтъ. Но дѣло не кончится на нихъ. Пустивши ихъ урусы начнутъ дѣлать еще. То было три,—значитъ, четвертую. На кого, не открылъ мнѣ Богъ. Но то вѣрно, что начнутъ дѣлать. Только, будетъ ужь недоставать у нихъ ни желѣза, ни пороху, ни работниковъ. Потому что, слышалъ ты самъ: Магеръ-Шалалъ-Хазъ-Базо—сильный этимъ потрясателемъ земли скоро раззорится. Не такое еще будетъ раззореніе ему, но и это будетъ попрежде того: ни желѣза, ни пороху, все истрачено, на тѣ три бомбы; ни работниковъ—заморены работники надъ тѣми. Однако же охота сильная: самъ ты слышалъ, это оружіе Хадергетъ, сила геенны въ этомъ оружіи. Кто разъ отдалъ душу Иблису, тому ужь не вырвать ее изъ подъ управленія Иблиса. И будетъ Иблисъ заставлять урусовъ дѣлать четвертую бомбу, хоть обнищали они и отъ тѣхъ трехъ. Сами, можетъ быть, не желали бы, а будутъ дѣлать: Иблису отдали души свои.

Ну, слушай же, Арсланъ-бей, какъ дальше открылъ мнѣ Богъ. Будутъ дѣлать урусы четвертую бомбу, а другіе-то гяуры не глупѣе ль ихъ. Хоть три бомбы и проворонили, но по короткости времени, потому что не знали заранѣе. А теперь, скажутъ: „стой, парень-урусъ, довольно пошалилъ Иблисовой игрой“. И сложатся другіе гяуры—нѣмцы и французы и англичане,—и легко имъ вмѣстѣ сдѣлать Потрясателя Земли и бомбы еще гораздо больше тѣхъ.

Сдѣлаютъ Потрясателя Земли и двѣ бомбы, втрое больше тѣхъ продолжалъ Шамиль: и опустятъ одну бомбу на Петербургъ: истребитъ она его, и опустошитъ Россію на триста часовъ пути кругомъ. Другую бомбу пустятъ на Москву и истребится Москва и опустошится Россія на триста часовъ пути кругомъ. И мало останется живыхъ людей въ Россіи, только по самымъ дальнимъ угламъ кое кто. А вся Россія на триста часовъ пути кругомъ Петербурга и кругомъ Москвы будетъ пустыня въ развалинахъ безъ живыхъ людей. Такъ исполнится названіе Потрясателя Земли,—помнишь Арсланъ-бей? Магеръ-Шалалъ-Хазъ-Базо, Сильный оружіемъ вскорѣ раззорится.

— Помню, какъ не помнить! отвѣчалъ Арсланъ-бей. И понимаю все теперь.

Шамиль посмотрѣлъ на него: Что же ты понимаешь?

— Понимаю, что ты хорошо сообразилъ, Шамиль. Оно точно, такъ должно быть.

Шамиль посмотрѣлъ на него еще, опустилъ глаза, подумалъ: Хорошо; такъ, то пусть и по твоему. Мы съ тобою свои люди.—Поѣзжай же ты, Арсланъ-бей, къ Пожирателю Книгъ. Ищи его въ томъ городѣ. Не тамъ онъ, то можно узнать гдѣ. У гяуровъ такъ заведено, что извѣстно обо всякомъ начальству.

— Понимаю, не толкуй. Найду, не бойся.

— Отдашь Пожирателю Книгъ эту книжку, въ которой написано мной все видѣніе Абу-Джафара, и перескажи все, что слышалъ теперь отъ меня о бомбахъ на Турцію и Австрію, и о раззореніи Россіи. Если Пожиратель Книгъ повѣритъ, броситъ выдумывать свою машину. Не повѣритъ, ты убьешь его.—Смотри же хорошенько, можно ли оставить его въ живыхъ. Я надѣюсь на тебя, какъ на себя самого.

— Не опасайся, Шамиль, сказалъ Арсланъ-бей. Оно правда, иной разъ по жалости къ людямъ дѣлаю не совсѣмъ какъ слѣдовало бы. Но отпустить живымъ какого нибудь генерала, отъ этого не велика бѣда Кавказу. А тутъ совсѣмъ иное дѣло. Думаю, что придется убить Пожирателя Книгъ. Будь онъ и добрый человѣкъ, и пусть кажется, что на его слово можно положиться, а убить—это будетъ вѣрнѣе.—Значитъ, въ дорогу. Схожу проститься съ женой и съ дѣтьми. Дорога опасная.

— Мѣсяцъ буду ждать тебя назадъ. Послѣ мѣсяца, подожду еще полгода, сказалъ Шамиль.

— Ну, а не ворочусь и черезъ полгода съ мѣсяцемъ?

— Тогда посмотрю, какъ быть. Подожду слуховъ, когда начнутъ дѣлать бомбы. Оно, положимъ, будетъ это втайнѣ. Но слухамъ нельзя же не быть. Кто не знаетъ, тому и останется непонятно; а мнѣ извѣстно, могу понять, что такое дѣлаютъ втайнѣ.

— Тогда будешь мириться?

— Тогда ничего другого не остается.—Шамиль вздохнулъ.—Однако, народъ ждетъ. Пойдемъ сказать.—Онъ отдалъ Арсланъ-бею книжку, въ которой описалъ видѣніе Абу-Джафара.

Вышелъ на крыльцо.—Народъ столпился:—Ну, что скажешь?

— Братья, началъ Шамиль, у гяуровъ есть поговорка: голосъ народа—голосъ Божій. Есть, видно, и у гяуровъ кое что правдивое въ мысляхъ. Поищемъ же правды у гяуровъ. Посылаю Арсланъ-бея.

— Хорошо, хорошо, закричалъ народъ. И не догадался даже потребовать опредѣлительныхъ словъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ Арсланъ-бей.

А баранъ продолжалъ блеять по козлиному.

— Братья, сказалъ Шамиль, этотъ проклятый слуга шайтана сдѣлалъ свое дѣло. Стащите его съ кровли, зарѣжьте. И мясо бросьте собакамъ, сами не ѣшьте: онъ слуга шайтана, онъ проклятый.

— Такъ, такъ, говорилъ народъ. Онъ слуга шайтана.

— Вотъ и подготовлено, чтобы дѣло опять повернулось, какъ надобно Шамилю, подумалъ Арсланъ-бей. Баранъ—слуга шайтана; шайтанъ—обманщикъ;

шайтанъ пріятельствуетъ гяурамъ, старается вредить правовѣрнымъ. Дня черезъ два для народа будетъ явное дѣло: баранъ понапрасну смущалъ правовѣрныхъ, надобно смѣяться надъ шайтаномъ: не удалось проклятому шайтану обмануть народъ. И каждый будетъ говорить, что онъ съ самаго же начала понималъ это; только дивился глупости другихъ: чего пугаются? Какъ не понимать, что это шайтанова продѣлка,—онъ съ самаго начала понималъ это, будетъ говорить каждый.

А между тѣмъ тащили съ кровли барана. Иди, иди, шайтановъ сынъ,—покрикивалъ на него народъ. Бѣдный баранъ упирался и продолжалъ во весь духъ блеять по козлиному. Но стащили таки его и зарѣзали. И прекратилось его козлогласованіе.

ВЕЛИКОДУШНЫЙ МУЖЪ.

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ [1]).

Лица:

Логинъ Герасимовичъ Кайдановъ, богатый человѣкъ, 55 лѣтъ.
Наталья Богдановна, его жена, 25 лѣтъ.
Аркадій Тимоѳеевичъ Полянскій, человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, 28 лѣтъ.
Прохоръ Маркелычъ Востронюховъ, отставной буфетчикъ, хозяинъ квартиры, нанимаемой Полянскимъ, 50 лѣтъ.
Глаша, дочь Востронюхова, 18 лѣтъ.
Вуколъ Пантелеичъ Праведновъ, письмоводитель у квартальнаго и женихъ Глашеньки, 25 лѣтъ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Сцена представляетъ чистую комнату квартиры Полянскаго. Налѣво дверь въ комнату, которая служитъ ему спальною и въ то же время кабинетомъ. Вечеръ. На столѣ одна свѣча.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Полянскій, потомъ **Востронюховъ**.

Полянскій ходитъ по комнатѣ. опустивъ голову, становится къ окну, перебираетъ пальцами по стеклу, опять ходитъ, садится и закрываетъ лицо руками. Между тѣмъ входитъ Востронюховъ, останавливается у двери, потомъ кашляетъ [2]):

Востронюховъ (*кашляетъ*) Кхе, кхе.

Полянскій (*встрепенувшись, встаетъ и идетъ къ нему*).

Востронюховъ. Прошу извиненія, что помѣшалъ. Вы изволили сказать, Аркадій Тимоѳеевичъ, чтобы я пришелъ, какъ ворочусь.

Полянскій. Да, Прохоръ Маркелычъ. Намъ надобно разсчитаться. Завтра поутру я уѣзжаю изъ вашего прекраснаго Петербурга.

Востронюховъ. На то ваша воля, Аркадій Тимоѳеевичъ. Мы удерживать не можемъ, хотя огорчительно терять такого жильца.

Полянскій. За квартиру заплачено впередъ до перваго числа.

Востронюховъ. Точно такъ-съ.

Полянскій. За столъ и прислугу,—нынѣ 8 число,—ну, пусть идетъ за половину мѣсяца (*вынимаетъ бумажникъ*), отъ двадцати рублей половина десять,—вотъ извольте (*подаетъ десятирублевую бумажку*) — такимъ образомъ счеты наши кончены.

Востронюховъ (*беретъ*) Покорно благодаримъ, Аркадій Тимоѳеевичъ, (*мнется*) только извините меня, Аркадій Тимоѳеевичъ, для меня это нѣсколько обидно какъ будто бы-съ.

Полянскій (*съ легкой насмѣшкой*) Какъ же обидно? — Когда я далъ вамъ больше, нежели слѣдуетъ?

Востронюховъ. Это точно такъ-съ, Аркадій Тимоѳеевичъ; а все же какъ будто нѣсколько обидно. Не будетъ ли вашей милости заплатить за столъ тоже хотя бы до перваго числа?

Полянскій (*качнувъ головою*) Ну, пожалуй (*подаетъ десять рублей*).

Востронюховъ (*беретъ*) Покорно благодаримъ-съ, Аркадій Тимоѳеевичъ (*со вздохомъ глубокаго убѣжденія*) — тѣмъ больше я понимаю это, Аркадій Тимоѳеевичъ, какъ знаю, что деньги-то вамъ тоже не даромъ приходятъ, а трудовыя. Если бы не такія мои обстоятельства, то даже и не рѣшился бы.

Полянскій. Какія же ваши обстоятельства? Кажется, вы имѣете деньги.

Востронюховъ. Что могъ пріобрѣсти, пріобрѣталъ, Аркадій Тимоѳеевичъ. Не могу роптать на Бога. Но тоже и дѣти, Аркадій Тимоѳеевичъ. Глашеньку отдаю замужъ. Расходы-съ. Женихъ-то еще только начинаетъ оперяться. Нельзя, надобно поддержать на первый разъ. Опредѣлилъ его на должность,—это сколько стоило-съ (*вздыхаетъ*). Совсѣмъ отощалъ карманомъ, Аркадій Тимоѳеевичъ. Вотъ на дняхъ свадьба, надобно снаряжать дѣвушку подъ вѣнецъ,—а гдѣ деньги? (*Вздыхаетъ*).

Полянскій (*улыбается*) Вполнѣ снарядить вашу дочь подъ вѣнецъ не могу. Но вотъ вамъ, пожалуй, на перчатки ей (*даетъ пять рублей*).

Востронюховъ. Покорно благодаримъ, Аркадій Тимоѳеевичъ.

Полянскій (*ходитъ по комнатѣ. Черезъ нѣсколько времени замѣчаетъ, что Востронюховъ еще не ушелъ, улыбается. Опять ходитъ. Останавливается передъ Востронюховымъ*) Такъ ваша дочь выходитъ не за старика?

Востронюховъ. За молодаго человѣка, Аркадій Тимоѳеевичъ.

Полянскій (*съ горькою насмѣшкою*) Ваша дочь дѣлаетъ дурно. Лучше бы за старика, за богатаго, разумѣется, гораздо бы лучше.

Востронюховъ (*понимая шутку*) Нѣтъ, Аркадій Тимоѳеевичъ, это послѣднее дѣло.

Полянскій. Вы такъ полагаете? А я думаю иначе.

Востронюховъ. Если кому лучше жить со старымъ мужемъ въ богатствѣ, нежели съ ровнымъ себѣ, котораго можно любить, хотя бы и безъ большаго богатства, у такой, извините меня, Аркадій Тимоѳеевичъ, самая низкая душа.

Полянскій. Вы слишкомъ грубо судите, Прохоръ Маркелычъ. Въ нашемъ образованномъ, порядочномъ, благородномъ обществѣ нельзя судить такъ невѣжественно. Женщина, для которой деньги дороже всего—умная женщина, Прохоръ Маркелычъ. (*Ходитъ*).

Востронюховъ. Нѣтъ-съ, мы съ женою и съ дѣтьми, слава Богу, не такіе образованные, Аркадій Тимоѳеевичъ. Глашенька выходитъ потому, что человѣкъ

нравится ей. Мы съ женою соглашаемся потому, что знаемъ: въ этомъ счастіе, Аркадій Тимоѳеевичъ, во взаимномъ расположеніи. А что бѣденъ, такъ Богъ не безъ милости: былъ бы человѣкъ съ разсужденіемъ, то и не останется безъ куска хлѣба. И будутъ жить. И надѣемся, Аркадій Тимоѳеевичъ, будутъ. Молодой человѣкъ, не успѣлъ еще стать на ноги, пріобрѣсти, потому и не имѣетъ. А Богъ дастъ, и пріобрѣтетъ. Какъ не пріобрѣсти? Былъ бы умъ. А умомъ его Богъ не обидѣлъ. И дѣло знаетъ. Не по лѣтамъ знаетъ. Дѣловой человѣкъ, это можно сказать,—умный человѣкъ! О, уменъ! Ума палата! Я вотъ самъ, слава Богу, не пожалуюсь на моего Создателя, чтобы дуракомъ родился, и притомъ, сколько же свѣту видѣлъ на моемъ вѣку! Но передъ Вуколомъ Пантелеичемъ—пасъ. Далеко пойдетъ! Не позволите ли, Аркадій Тимоѳеевичъ, привести его, сдѣлать ему честь вашего знакомства?

Полянскій (*продолжавшій ходить, не слушая, останавливается послѣ нѣкоторой паузы и быстро спрашиваетъ*) Что?

Востронюховъ. Просилъ о позволеніи привести Вукола Пантелеича, Аркадій Тимоѳеевичъ, чтобы удостоить его чести вашего знакомства. Онъ теперь сидитъ у насъ.

Полянскій. Какого Вукола Пантелеича?

Востронюховъ. Нареченнаго моего зятя, Аркадій Тимоѳеевичъ.

Полянскій. А! Нѣтъ, Прохоръ Маркелычъ: зачѣмъ же ему знакомиться со мною, когда я завтра уѣзжаю?

Востронюховъ. Это большаго ума человѣкъ, Аркадій Тимоѳеевичъ. Я самъ не могу пожаловаться на Бога, чтобы родился дуракомъ, — и не мало видѣлъ на своемъ вѣку,—не даромъ прожилъ на свѣтѣ пятьдесятъ лѣтъ, двадцать лѣтъ буфетчикомъ былъ у Ивана Иваныча Излера, могу сказать: знаю людей, понимаю жизнь, а не стыжусь признаваться: передъ Вуколомъ Пантелеичемъ—пасъ, хоть молоко на губахъ у него почти что не обсохло. Палата ума!

Полянскій. Очень радъ, Прохоръ Маркелычъ, что вы такъ довольны вашимъ нареченнымъ зятемъ. Но избавьте себя и его отъ напраснаго безпокойства.

Востронюховъ. Почему же знать, что напраснаго, Аркадій Тимоѳеевичъ?

Полянскій. Какъ же не напраснаго, когда я завтра уѣзжаю? Не могу быть ничѣмъ полезенъ ни вамъ, ни ему. Вѣроятно, вы хотите, чтобы я доставилъ ему протекцію по службѣ? Могъ бы, если бъ у меня оставалось время присмотрѣться къ нему. Но рекомендовать человѣка, котораго не узналъ хорошо — это не въ моихъ правилахъ.

Востронюховъ. Это я понимаю, Аркадій Тимоѳеевичъ. И смѣю сказать, что не то было въ моихъ мысляхъ. Когда такой человѣкъ, какъ Вуколъ Пантелеичъ, поставленъ на ноги, дана ему хоть маленькая должность, заботы о немъ нечего имѣть: самъ пойдетъ, безъ протекціи все пріобрѣтетъ своимъ собственнымъ достоинствомъ въ глазахъ начальства.

Полянскій. Вѣрю.

Востронюховъ. У меня въ мысляхъ было другое, Аркадій Тимоѳеевичъ. Позволите ли сказать, какъ я понимаю и что было у меня въ виду? Не будучи дуракомъ, не могу не видѣть, что вы чѣмъ-то озабочены или, какъ бы сказать, разстроены.

Полянскій. Нисколько.

Востронюховъ. Что я вижу, того не могу не видѣть, Аркадій Тимоѳеевичъ, что понимаю, того не могу не понимать, чего не понимаю, о томъ и не скажу, что понимаю. Вижу, Аркадій Тимоѳеевичъ, вы чѣмъ-то разстроены; понимаю, что въ этомъ и причина вашего отъѣзда, — какъ же не понимать? Ничего не говорили, не собирались, за квартиру заплатили до перваго числа впередъ, — и вдругъ, уѣзжаете. Огорчены, неожиданное разстройство. Какъ этого не видать? Но въ чемъ ваше затрудненіе, того не понимаю и не хвалюсь, что понимаю. Вижу только, что вы не желаете говорить. Вижу, а разгадать не могу, тѣмъ меньше подать совѣтъ, пособить. А Вуколъ Пантелеичъ не моего ума человѣкъ, — по наружности ничего особеннаго, и бойкости по виду не имѣетъ и не рѣчистъ. Просто, тупой человѣкъ скажете. А пока вы это скажете, онъ уже насквозь васъ понялъ, и дѣла ваши всѣ и затрудненія, хотя вы ни однимъ словомъ о томъ не заикались, и касаться того не хотѣли, — и не только онъ все понялъ, у него ужь и соображено, какъ устроить дѣло, — и одно слово, только одно слово онъ вамъ скажетъ, но одно это слово — золотое.

Полянскій (*слушавшій съ улыбкою*) Такъ вотъ что! Вы хотите, чтобы вашъ Вуколъ Пантелеичъ пособилъ мнѣ!

Востронюховъ. Какъ же не хотѣть, Аркадій Тимоѳеевичъ? Прожили вы у меня больше года, и хотя мнѣ извѣстно, что и самъ вы не милліонеръ какой-нибудь, но во всѣхъ разсчетахъ со мною и по хозяйству вашему съ моею супругою, не то чтобы намъ имѣть непріятность, должны мы только всегда быть благодарными,— что жь бы я былъ за безчувственный скотъ, если бъ не имѣлъ всего моего къ вамъ расположенія, и въ чемъ могъ, не желалъ бы служить всею моею душею, отъ полноты моего сердца?

Полянскій. Благодарю за ваше доброе расположеніе ко мнѣ, Прохоръ Маркелычъ, но если бъ у меня и было, какъ вы полагаете, какое-нибудь затрудненіе или огорченіе, ни вы, ни вашъ нареченный зять, никто на свѣтѣ не можетъ пособить этому.

Востронюховъ. Какъ знать, Аркадій Тимоѳеевичъ?

Полянскій. Оставимъ этотъ разговоръ, Прохоръ Маркелычъ. Если хотите оказать мнѣ услугу, то распорядитесь, чтобы подали самоваръ,—другой услуги никакой не можете вы оказать мнѣ.

Востронюховъ. Какъ знать, Аркадій Тимоѳеевичъ? И въ чемъ ваше затрудненіе такое, что никто и помочь въ немъ не можетъ? Кромѣ денежныхъ, какія же такія бываютъ затрудненія? Хотя намъ и видно было, что ни картами, ни француженками вы не занимаетесь, но всякая ошибка можетъ быть натуральна со стороны молодаго человѣка — и проиграться, и дать вексель какой-нибудь, съ вашего позволенія, хитрой твари...

Полянскій (*съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ*) Я просилъ васъ прекратить этотъ разговоръ.

Востронюховъ. Разсердились, Аркадій Тимоѳеевичъ, вотъ и видно, что я угадалъ. Выдали вексель, не по своему состоянію, не отпирайтесь. Что же, былъ молодцу не укоръ, Аркадій Тимоѳеевичъ, это не кладетъ безчестья на молодаго человѣка.

Полянскій (*съ досадою*) Да съ чего вы взяли выдумывать такой небывалый вздоръ? Никакого векселя никому я не давалъ, и никому не долженъ ни копѣйки.

Востронюховъ. Нѣтъ, Аркадій Тимоѳеевичъ, это я вижу теперь: вы отпираетесь потому, что не можете уплатить по векселю. Такъ зачѣмъ же и уплачивать? Вы разскажите все откровенно Вуколу Пантелеичу, и какое бы кляузное дѣло ни было, онъ найдетъ крючокъ, такой, что присудятъ васъ освободить отъ взысканія, — даже вамъ же тотъ человѣкъ дастъ денегъ, чтобы самому не идти подъ судъ.

Полянскій. Вы начинаете сердить меня вашимъ вздорнымъ приставаньемъ. Прошу васъ, прикажите подать самоваръ.

Востронюховъ. Аркадій Тимоѳеевичъ, мое искреннее расположеніе къ вамъ не позволяетъ мнѣ оставить... (*На шорохъ платья входящей Кайдановой оглядывается и исчезаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Полянскій, Наталья Богдановна.

Наталья Богдановна (*входитъ быстро*).

Полянскій (*отшатывается не вѣря глазамъ*).

Наталья Богдановна. Я пришла къ вамъ... сказать вамъ, что я люблю васъ... Я пришла къ тебѣ... отдаться тебѣ... чтобы ты не могъ сомнѣваться въ моей любви къ тебѣ... безграничной... безграничной... безграничной... я обманывала тебя... (*рыданія, постепенно доходящія до спазмъ*) о, какъ я страдала, мой милый... о, какъ я буду страдать... мой милый, мой милый (*ноги ея подкашиваются, Полянскій подхватываетъ ее на руки и сажаетъ. Совершенно растерявшись мечется, не зная, какъ ухаживать за нею. Между тѣмъ въ дверь выглядываетъ Востронюховъ, убѣгаетъ и черезъ минуту входитъ съ флакономъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже, Востронюховъ.

Востронюховъ. Вуколъ Пантелеичъ говоритъ, что я могу войти, что по моему расположенію къ вамъ (*между тѣмъ отдаетъ флаконъ*) это будетъ не въ продерзость передъ вами, Аркадій Тимоѳеевичъ, когда нужно подать помощь (*между тѣмъ Полянскій даетъ ей нюхать, цѣлуетъ ея руки. Она начинаетъ оправляться. Послѣ нѣкоторой паузы, видя что она пришла въ сознаніе*) Не извольте безпокоиться, сударыня, — этого никто изъ благородныхъ людей не можетъ поставить въ предосужденіе, потому что какая же дама или благородная дѣвица можетъ жить на свѣтѣ иначе, когда такъ всѣми принято? А на счетъ меня будьте безъ сомнѣнія: какъ бы нѣтъ у меня ни глазъ, ни языка, и особенно при моемъ расположеніи къ Аркадію Тимоѳеевичу. Ну, слава Богу, сударыня, теперь вы поправляетесь, и я больше не нуженъ. Желаю, чтобы все было отнынѣ счастливо для васъ, какъ того достойны вы и Аркадій Тимоѳеевичъ, и какъ безъ сомнѣнія и будетъ. А если что понадобится, Аркадій Тимоѳеевичъ, то потрудитесь кликнуть меня: я тутъ подлѣ буду (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Полянскій, Наталья Богдановна.

Полянскій (*цѣлуя ея руки и обнимая ея колѣна*) Милая моя... Милая моя... Мы уѣдемъ заграницу, онъ будетъ безсиленъ мѣшать нашему счастью.

Наталья Богдановна (*закрываетъ лицо руками, слабымъ но рѣшительнымъ голосомъ*) Нѣтъ, мой милый, я возвращусь къ нему. Я сказала тебѣ, что я люблю тебя,—и не могла перенести мысли, что ты будешь презирать меня, я пришла сказать тебѣ, что я умѣла цѣнить твое сердце, что я люблю тебя,—но я должна возвратиться къ нему... несчастная... несчастная...

Полянскій. Нѣтъ, Наташа, ты не пожертвуешь нашимъ счастьемъ предразсудку, пустому мнѣнію свѣта. Ты не покинешь меня, я не пущу тебя.

Наталья Богдановна. Я возвращусь къ нему. Я должна возвратиться къ нему. И ты, мой милый, не будешь удерживать меня. Не по предразсудку, мой милый, не по боязни общественнаго мнѣнія, — нѣтъ, мой милый. Твое сердце оправдаетъ меня. Что было бы тогда со всѣми моими?

Полянскій. Помилуй, Наташа, твой отецъ предводитель въ своемъ уѣздѣ, даетъ обѣды, балы—я это знаю и если ты не понимала до сихъ поръ, что твои родные вовсе не какіе нибудь нищіе, для которыхъ ты обязана жертвовать собою,— если они обманули тебя, отдавая за него, и продолжаютъ обманывать, обирая,— если ты не понимала этого, то теперь я говорю тебѣ... (*вбѣгаетъ Праведновъ, отталкиваетъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже, Праведновъ.

Праведновъ (*входя*) Идетъ кто-то. Не мужъ ли самъ? Сударь, если понадобится сказать: Матильда изъ моднаго магазина (*между тѣмъ, хватаетъ и увлекаетъ, наполовину уноситъ на рукахъ Наталью Богдановну въ другую комнату, Полянскій идетъ въ слѣдъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Востронюховъ, Кайдановъ, потомъ **Полянскій** (выходящій изъ другой комнаты).

Востронюховъ (*входятъ задомъ, упираясь противъ Кайданова, отпихивая его и защищая свое лицо*) Да нельзя же, сударь, такъ ломиться, когда вамъ говорятъ: занятъ съ мамзелью. Да не извольте драться-то, сударь. Я самъ не кто нибудь: двадцать лѣтъ состоялъ буфетчикомъ у самого Ивана Иваныча Излера (*защищаетъ нѣсколько времени дверь*). Да не слишкомъ-то извольте такъ размахиваться: будете отвѣчать денежнымъ безчестьемъ (*летитъ отъ удара, который удается Кайданову нанести ему, и въ комнату врывается Кайдановъ, въ это время возвращается изъ другой комнаты Полянскій*).

Полянскій (*возвращаясь*) Что за шумъ? Что это за скотина такъ ломится? Ахъ, это вы, Логинъ Герасимовичъ! Извините, пожалуйста, никакъ не могъ ожидать.

Кайдановъ. Кто у васъ въ той комнатѣ?

Полянскій. Кто у меня въ той комнатѣ? Вотъ вопросъ! Болѣе интимный, нежели деликатный.

Кайдановъ (*наступая*) Да, кто у васъ тамъ?

Полянскій (*принуждая его отступать*) Да что вы, съ ума сошли, добрѣйшій Логинъ Герасимовичъ? Опекунъ, что-ли, вы надъ моей нравственностью? Какое вамъ дѣло, кто тамъ у меня?

Кайдановъ. А такое дѣло, милостивый государь, что я мужъ.

Полянскій. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Ха, ха, ха! Ну, признаюсь, мнѣ самому никакъ бы не вздумалось, что вамъ пришла въ голову такая нелѣпость! Точно, надобно успокоить васъ. Садитесь-ко (*беретъ его за руку, а самъ кричитъ къ той комнатѣ*). Матильда, душенька, иди сюда, пожалуйста, покажись ему,—пусть видитъ, что ты не его жена,—ха, ха, ха! Ахъ, да, извини, это я по разсѣянности, душенька: не требую отъ тебя невозможнаго и неприличнаго—не теперь выходи, душенька, а когда будетъ можно съ приличіемъ: сейчасъ принесутъ тебѣ все, чего недостаетъ. Прохоръ Маркелычъ, да чего же вы стоите, отецъ родной: бѣгите, велите поскорѣе подать ей юбки и все, что тамъ у васъ отдано Матильдой.

Востронюховъ Сію минуту, Аркадій Тимоѳеевичъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Полянскій, Кайдановъ.

Полянскій. Въ ожиданіи, прошу садиться, и объяснить мнѣ, съ какой стати вы сдѣлали мнѣ честь предположеніемъ, столь лестнымъ для меня.

Кайдановъ (*садясь*) Да вы точно покажете мнѣ эту дѣвушку?

Полянскій (*наблюдающій, чтобы Кайдановъ не могъ ускользнуть мимо его въ ту комнату, садится, когда тотъ усѣлся*). Я полагаю, что когда честный человѣкъ скажетъ что нибудь, то спрашивать его, не обманываетъ ли онъ, ведетъ къ прекращенію прямого разговора и къ переговорамъ черезъ посредниковъ о мѣстѣ, времени и прочихъ условіяхъ.

Кайдановъ. Ну, ну, ужь и дуэль! Погодите еще, я не знаю, у васъ ли моя жена.

Полянскій. Если вамъ не угодно вѣрить моему слову, поѣзжайте домой и ждите моего секунданта (*Беретъ шляпу Кайданова и подаетъ ему, другою рукою указывая на дверь въ переднюю, самъ вставая*). Прошу васъ объ этомъ одолженіи.

Кайдановъ. Да полноте же, я вѣрю вамъ.

Полянскій. И въ этомъ случаѣ, моя просьба къ вамъ остается прежняя: вы понимаете, разговоръ, прерванный вашимъ деликатнымъ посѣщеніемъ, интереснѣе для меня, нежели ваша милая бесѣда (*настойчиво подаетъ ему шляпу*).

Кайдановъ (*отбиваясь отъ шляпы*) Да полноте же горячиться, пожалуйста, я... я... я хочу говорить съ вами вовсе не въ такомъ смыслѣ, чтобы вы могли сердиться. Я... я... я хочу подѣйствовать на ваше благородство, на ваше чувство деликатности... великодушія... всего святаго и прекраснаго.

Полянскій. Если во мнѣ есть такія чувства, то они совершенно не примѣ-

няются къ вашему положенію здѣсь. Гость, который остается въ комнатѣ противъ желанія хозяина, рискуетъ подвергнуться выраженію совершенно иныхъ чувствъ.

Кайдановъ Да послушайте же ради Бога, когда я... когда я... хочу извиниться передъ вами.

Полянскій. Извиняйтесь только покороче.

Кайдановъ. Видите ли, почему я подозрѣвалъ: обѣдали вы съ нами у Пафнутьевыхъ,—ѣдемъ оттуда съ женою,—молчитъ, пріѣхала домой, болитъ голова,—ушла къ себѣ,—я слушаю у двери...

Полянскій. Прекрасное занятіе.

Кайдановъ. Отецъ родной, да какъ же? Я мужъ.

Полянскій. Мужъ и шпіонъ—два разныя званія.

Кайдановъ. Вотъ какъ вооружены вы противъ меня! Не отъ шпіонства это, отъ супружескаго безпокойства, отъ заботливости, отъ любви. Слушаю, слышу: плачетъ. Устали у меня ноги стоять, ушелъ,—спохватился черезъ полчаса,—ея нѣтъ. Ну, грѣшный человѣкъ: и подумалъ на васъ. Простите великодушно мою ошибку.

Полянскій. Теперь ваше извиненіе кончено и ничто не можетъ мѣшать вамъ исполнить (*подаетъ ему шляпу*) мою просьбу (*входитъ Востронюховъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже Востронюховъ (приходитъ, уходитъ и приходитъ).

Востронюховъ (*съ юбкою въ видѣ колокола на распростертыхъ рукахъ, идетъ къ столу между Кайдановымъ и Полянскимъ*). Вотъ, совсѣмъ была еще мокрая по хвосту,—и отмыть какъ слѣдуетъ не успѣла жена,—извольте видѣть (*воздвигаетъ юбку подоломъ выше стола подъ носъ Полянскаго и Кайданова*) и извольте сами пощупать, еще сырая: выгладить-то до суха нельзя такую мокрую, прямо изъ корыта,—сожжешь, говоритъ жена, а до суха не выгладишь, особенно въ-торопяхъ, и хвостъ-то грязноватъ остался, такъ-то скоро не отмоешь: подъ такимъ-то дождемъ бѣжавши, извѣстно, какъ захлюстаешь—(*къ двери, въ ту комнату*) мамзель, прикройтесь одѣяльцемъ, и не стыдно будетъ отъ моихъ стариковскихъ глазъ (*идетъ къ той комнатѣ*); женѣ-то самой некогда, мнѣ отдала отнести вамъ.

Кайдановъ. Ну, теперь, значитъ, ваша красавица можетъ показаться мнѣ.

Востронюховъ (*останавливаясь*). Погодите, сударь: а сорочка-то? А чулки-то? Торопится жена, а скоро ли выстираешь, когда такъ захлюстано? И высушить время надо. А съ ботинками уже не знаемъ какъ и быть: развѣ сбѣгать въ магазинъ (*уходитъ въ ту комнату*).

Кайдановъ (*съ язвительностью Полянскому*) Однако же, ваша мамзель изъ магазина едва ли выйдетъ показаться мнѣ. Впрочемъ, я совершенно вѣрю вашему честному слову, что это мамзель изъ моднаго магазина.

Полянскій (*вставая*) Милостивый государь!

Кайдановъ (*злобно передразнивая*) Что, милостивый государь? Штука-то теперь несомнѣнная (*встаетъ, чтобы идти*).

Полянскій. Вы смѣете...

Кайдановъ. Смѣю, милостивый государь (*хочетъ идти*).

Полянскій (*удерживая его*) Извините: кто бы ни была женщина, довѣрившаяся честному человѣку, онъ обязанъ убить мерзавца, который...

Востроносовъ (*у котораго развязность прежде была нѣсколько натянутая, возвращается изъ той комнаты съ совершеннѣйшимъ апломбомъ, и съ искреннею насмѣшливостью*) Сударь, сударь, не горячитесь, не изъ-за чего, сударь; когда васъ такъ подмываетъ поскорѣе посмотрѣть на мамзель, нечего дѣлать принесу ей женино бѣлье, и обуться ей отъ жены,—въ моментъ увидите ее, выйдетъ сама. А теперь не извольте лѣзть: совсѣмъ закрылась одѣяломъ, и съ головою: какъ бы то ни было, сударь, все таки дѣвица, стыдно показаться-то постороннему въ нарядѣ какъ мать родила. Теперь юбку положилъ ей,—но все же слишкомъ малое прикрытіе наготы. Погодите, сударь, минуточку, выйдетъ къ вамъ въ полной формѣ. Ха-ха-ха. (*Уходя*) Эхъ, вы, сударь, сударь! Горячитесь-то по пустому! (*Уходитъ въ дверь передней*).

Кайдановъ (*все вытаращивавшій глаза*) Да что же это? Значитъ я точно ошибался.

Полянскій (*пожимаетъ плечами*).

Кайдановъ. Подождемъ, когда такъ (*идетъ сѣсть*).

Полянскій. Какъ жалка ваша роль, какъ смѣшна и подла.

Кайдановъ (*помолчавъ*) Но если такъ, я дѣйствительно долженъ буду извиниться въ томъ что надѣлалъ.

Востронюховъ (*возвращается съ женскимъ бѣльемъ, идетъ къ столу*) Вотъ извольте, сударь, посмотрѣть самъ, какая сорочка, изъ какого полотна, стала ли бы хорошая мамзель, которая понимаетъ... ай, ай! Господи! ай (*оступается поднося бѣлье къ мордѣ Кайданова, падаетъ, задѣвая и Кайданова, роняя свѣчу, столъ, бьется такъ, что гаситъ свѣчу, если не погасла сама падая,—катавасія,—мракъ, стукъ и вопль,—Востронюховъ и Кайдановъ корячатся по полу и стонутъ*).

Востронюховъ } (*вмѣстѣ*) Господи, Господи, ногу перешибъ! О-ой, о-ой! Спина!
Кайдановъ } Ой, убилъ! убилъ! Спина! Спину расшибъ! О-ой, о-ой!

(*Между тѣмъ,—по темноти, перебѣгаютъ Праведновъ, увлекая Наталью Богдановну, изъ той комнаты въ переднюю, изъ передней Глашенька въ ту комнату*) (*разумѣется, на время перебѣга была погашена свѣча и въ той комнатѣ. Глаша, вбѣжавъ и затворивъ за собою дверь, снова зажигаетъ тамъ свѣчу*).

Полянскій (*когда понимаетъ, что все устроено, зажигаетъ свѣчу, помогаетъ Кайданову встать и сѣсть. Кайдановъ кряхтитъ и потираетъ спину*).

Востронюховъ (*вставая, подбирая бѣлье и опять поднося къ мордѣ Кайданова*) Охъ, охъ—извольте смотрѣть какой холстъ,—и могла ли бы хорошая мамзель, которая понимаетъ благородство и приличіе, идти въ такой рубашкѣ къ благородному человѣку? (*съ негодованіемъ добродѣтели*) То-то же, сударь, значитъ не обманывалъ я васъ, когда говорилъ, что мамзель должна была снять съ себя все,—такъ было захлюстано, отдала моей женѣ подмыть, сама осталась, какъ мать родила, и потому не могла выйти къ вамъ. Сами разсудите, сударь, можетъ ли хорошая дѣвица и поступать иначе?—А вы требовали! Стыдитесь, сударь! И меня въ обманѣ подозрѣвали! (*Съ крайнимъ паѳосомъ негодованія*)

Старъ я, сударь, чтобы обманывать! Помню, къ чему мое дѣло приближается: передъ Бога предстать, всевѣдущаго судію! (*съ крайнею назидательностію*) и вамъ, сударь, совѣтовалъ бы о томъ же не забывать, потому что и ваши лѣта такія (*съ достоинствомъ идетъ въ ту комнату и тамъ говоритъ*) Совѣстно мнѣ подавать вамъ такую дерюгу, мамзель, все тѣло у васъ обдеретъ, у васъ тѣло должно быть нѣжное. Ну, да какъ быть, слышите какъ тамъ расхрапѣлся старый-то чортъ, прости Господи мое прегрѣшеніе. Надѣвайте поосторожнѣе, мамзель, можетъ и не обдеретесь. (*Возвращаясь качаетъ головою на Кайданова и бормочетъ*) Это старикъ называется! Стыдно намъ, старикамъ, такого человѣка видѣть (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Полянскій, Кайдановъ.

Кайдановъ (*по временамъ все покряхтывая и потирая спину*) Аркадій Тимоѳеевичъ, я право не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами.

Полянскій. Я и не прошу васъ говорить со мною.

Кайдановъ. Но я имѣю необходимость переговорить съ вами, какъ съ благороднымъ человѣкомъ.

Полянскій (*пожимаетъ плечами*) Матильда, да скоро ли ты одѣнешься? (*Изъ той комнаты, Глаша*) Дайте время, нельзя же въ одну минуту.

Кайдановъ. Конечно, Аркадій Тимоѳеевичъ, я теперь не могу не видѣть, что ошибался и что у васъ съ моею женою не зашло еще такъ далеко.

Полянскій (*который теперь успокоился и потому терпѣливъ*) Вы гораздо лучше сдѣлаете, если не будете говорить ни о себѣ, ни о вашей супругѣ, ни обо мнѣ.

Кайдановъ. Нѣтъ, прошу васъ, выслушайте.

Полянскій (*пожимаетъ плечами*).

Кайдановъ. Хотя совершенно признаюсь въ моей ошибкѣ при настоящемъ случаѣ и тѣмъ успокоиваю себя, но когда оставилъ я жену съ вами послѣ обѣда, то не могъ не замѣтить, что вы неравнодушны къ ней.

Полянскій. Я неравнодушенъ къ той, съ которою говорилъ, когда вы вломились сюда.

Кайдановъ. Одно другому не мѣшаетъ, Аркадій Тимоѳеевичъ. Потому обращаюсь къ вамъ, какъ благородный человѣкъ къ благородному, чтобы предотвратить гибель многихъ людей. Вамъ извѣстно какъ многочисленно семейство, изъ котораго я взялъ мою жену.

Полянскій. Слышалъ.

Кайдановъ. Да что вы слышали? Значитъ, не въ подробности слышали, когда говорите такъ равнодушно. У отца три сестры, у матери двѣ,—одна старая дѣвушка, тѣ четыре—вдовы, да тетокъ прибавьте, тоже до трехъ набирается.—а у вдовъ дѣти, двадцать двѣ души набирается, все старыя, хилыя, да малыя, безпомощныя. Кромѣ собственнаго потомства, отца ея и матери,—все малъ-мала-меньше эти-то, ея сестры и братья. Посудите же вы, какъ благородный человѣкъ, что со всѣми этими людьми будетъ,—двадцать девять душъ ихъ,—что съ ними

будетъ, я васъ спрашиваю? Сердце кровью обливается при одной мысли объ этомъ!

Полянскій. Я думаю, что вы самъ понимаете, какой вздоръ говорите. Неужели вы хотите увѣрить меня, что посылаете имъ денегъ? Кому же неизвѣстно, сколько доброты въ вашемъ характерѣ? Кромѣ того я знаю, что отецъ вашей супруги уѣздный предводитель, даетъ обѣды и вечера,—если бы вы и не были такой человѣкъ, какимъ всѣ знаютъ васъ, семейство вашей супруги не нуждалось бы въ вашей помощи.

Кайдановъ. Не нуждалось бы въ моей помощи, говорите вы! А извѣстно ли вамъ, что всѣ эти люди живутъ...

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣже, Глашенька.

Глашенька (*входитъ ухмыляясь и охорашиваясь*) Ха-ха-ха, Аркадій Тимоѳеевичъ, мнѣ стыдно; что они обо мнѣ подумаютъ?

Кайдановъ (*любезно*) Ничего я о васъ не подумаю, потому что въ этомъ состоитъ самое прекрасное занятіе для всякой дѣвицы (*беретъ ее за руку, держитъ передъ собою, потомъ сажаетъ*). Ничего я о васъ не модумаю, кромѣ того, что вы душечка, розанчикъ,—о, да и въ самомъ дѣлѣ, какая вы красоточка! Дайте-ко мнѣ полюбоваться вами.

Глашенька. Кхи, кхи. Мнѣ стыдно, Аркадій Тимоѳеевичъ.

Кайдановъ. Милашечка, душечка, розанчикъ, махровый розанчикъ! Да-съ, Аркадій Тимоѳеевичъ, такъ о нашемъ-то дѣлѣ (*поглядывая на Глашу*) Вы говорите, нуждаются ли они въ моей помощи, когда онъ даетъ обѣды? Вы говорите: посылаю ли я имъ денегъ? Точно, не посылаю. А что вы скажете, когда...

Глашенька (*чешетъ бокъ и старается достать почесать лопатку*) Чешется.

Кайдановъ. А что вы скажете, когда узнаете, что они живутъ на моихъ хлѣбахъ, что его имѣнье—мое имѣнье.

Полянскій. Это какъ? Извините, слишкомъ заговариваетесь. Имѣнье отца вашей супруги—его имѣнье, родовое его имѣнье, это всѣмъ извѣстно.

Кайдановъ. Это всѣмъ извѣстно, не спорю. Но извѣстно ли вамъ... (*Кайдановъ становится все развязнѣе, видя, что Полянскій тревожится и теряетъ бодрость*).

Глашенька (*еще энергичнѣе повторяя чесанье*) Свербитъ, — ахъ, какъ свербитъ! Все тѣло такъ и свербитъ!

Кайдановъ. А вотъ позвольте, моя милашечка, я помогу вамъ немножко. (*Почесываетъ ее, самъ продолжая*) Вы не приревнуете старика, Аркадій Тимоѳеевичъ?

Глашенька. Кхи, кхи.

Кайдановъ. Такъ, да вотъ еще такъ (*чешетъ ее*) да вотъ еще такъ, милашечка, красоточка вы моя. — Возвращаясь къ нашему разговору, Аркадій Тимоѳеевичъ. Вы говорите: его имѣнье. И я согласенъ: его имѣнье—его имѣнье. Но извѣстно ли вамъ, сколько стоитъ его имѣнье? Пятьдесятъ тысячъ, много шестьдесятъ.—семидесяти слѣпой дуракъ, и тотъ не дастъ,—съ этимъ вы согласны?

Полянскій. Слышалъ, что такъ.

Кайдановъ. А сколько долговъ на этомъ имѣньѣ, извѣстно ли вамъ? Безъ процентовъ, ровно девяносто двѣ тысячи пятьсотъ...

Глашенька (*встаетъ*) Я уйду, Аркадій Тимоѳеевичъ, мнѣ стыдно сидѣть при нихъ,—что они обо мнѣ можетъ быть думаютъ! Да и больно свербитъ тѣло отъ этой рубашки. Я пойду къ вашей хозяйкѣ, тамъ свою надѣну. Я васъ тамъ буду ждать, Аркадій Тимоѳеевичъ (*съ особеннымъ выводомъ голоса, чтобы онъ не могъ не понять, о комъ она говоритъ*) — слышите, Аркадій Тимоѳеевичъ. (*Глашенька ушла*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Полянскій, Кайдановъ, потомъ Востронюховъ.

Кайдановъ. Итакъ, возвращаясь къ нашему разговору: имѣнье стоитъ 50 тысячъ, векселей слишкомъ на 90 безъ процентовъ, а съ процентами теперь будетъ сто двадцать съ хвостикомъ,—какъ же вы полагаете, достоуважаемый Аркадій Тимоѳеевичъ, много ли останется на двадцать девять животовъ, если векселя будутъ поданы ко взысканію? — Да, вы еще не знаете, въ чьихъ рукахъ векселя,— сказать вамъ? Ха, ха, ха!

Полянскій (*оправившійся отъ перваго смущенія*) Да, хорошая спекуляція. Почемъ бы, напримѣръ, вы могли скупить векселя человѣка, который надавалъ ихъ на сумму вдвое больше своего состоянія?—вѣрно выданы за карточнымъ столомъ, взять копѣекъ по 10 за рубль, и то, я думаю, было выгодно ихъ владѣльцамъ.

Кайдановъ. Почемъ бы ни купилъ, но уплаты мнѣ слѣдуетъ 120 тысячъ.

Полянскій. Выгодная спекуляція. За девять тысячъ или меньше, пріобрѣли право взять имѣнье въ пятьдесятъ тысячъ,— и кромѣ того, получили жену такую красавицу, такую благородную женщину! Для спасенія семейства, идти за такого человѣка! Благодарю васъ за то, что научили меня, какое безпредѣльное уваженіе— благоговѣніе долженъ я имѣть къ сердцу Натальи Богдановны.

Кайдановъ. Уважать ея сердце, — уважайте и благоговѣйте, добрѣйшій Аркадій Тимоѳеевичъ, сколько вашей душѣ угодно, отъ этого мнѣ ни тепло, ни холодно, — ха, ха, ха! Но если вы честный человѣкъ, то надѣюсь, перестанете ухаживать за нею. Понимаете: я терплю ея отцу, пока она держитъ себя хорошо,— какъ поскользнулась,— чего поскользнулась!—только чуть заартачилась противъ мужа — мое дѣло чистое: когда со мною поступаютъ не въ угоду мнѣ, то и я не обязанъ благодѣтельствовать — ха, ха, ха![3]) Или будете уговаривать ее, чтобы пренебрегла родными?—Въ томъ мой разсчетъ: уже были такіе случаи. Начнетъ, бывало, немного дурить, скажешь молодцу, штука-то вотъ въ чемъ;— онъ станетъ толковать ей: плюнь на родныхъ, пусть дохнутъ,—она и на попятный.

Полянскій (*встаетъ*).

Кайдановъ (*удерживая его*) Постойте, мы не договорили: ну-съ, такъ какъ же вы намѣренъ поступать,—слово благороднаго человѣка? Будете хлопотать, чтобы вся эта орда осталась безъ хлѣба?

Полянскій. Какъ я буду поступать, вы узнаете очень скоро.

Кайдановъ. Значитъ, волочиться? Кто жь раззоритель, душегубецъ тридцати человѣкъ?

Полянскій. Во-первыхъ отецъ вашей супруги, во-вторыхъ — вы. Но извините, вы слышали, Матильда ждетъ меня.

Кайдановъ (*хохочетъ*) Ладно, ладно! Теперь жена моя будетъ знать, какими глазами смотрѣть на васъ! Для пошлаго волокитства, вамъ не жаль губить 30 человѣкъ! Хорошъ обожатель! Можно полагаться на искренность и честность такого человѣка!

Полянскій. Ваша супруга должна понять, что отецъ и мать, которые продаютъ дочь, — и родные, которые смотрятъ и допускаютъ совершать такую продажу, не стоютъ того, чтобы жертвовать собою.

Кайдановъ. Ладно, ладно! (*Хохочетъ*) Толкуйте ей это, прошу васъ. Такіе-то случаи уже были, — а то развѣ, думаете вы, такая женщина могла не имѣть до сихъ поръ поклонниковъ? Были, государь мой любезнѣйшій, были, — но на этомъ-то пунктѣ всѣ и шлепались. Какъ начнетъ прихвостникъ внушать ей: „пожертвуй для себя родными“ — она и видитъ, что подлецъ, — ха, ха, ха!

Полянскій. Не знаю кого и что въ комъ видѣла она прежде, а что будетъ видѣть — посмотримъ. До свиданья. (*Встаетъ. Громко*) Прохоръ Маркелычъ! (*Входитъ Востронюховъ*). Я думаю, Прохоръ Маркелычъ, что этому господину, для полнѣйшей увѣренности, не мѣшаетъ осмотрѣть ту комнату, не осталась-ли тамъ гдѣ спрятана его жена. Мнѣ некогда, ждетъ Матильда. Потрудитесь вы, Прохоръ Маркелычъ, показать ему ту комнату, — да присматривайте хорошенько за его руками: тамъ есть вещи довольно цѣнныя (*идетъ*).

Кайдановъ (*подступая къ нему*) Какъ, милостивый государь, вы называете меня воромъ?

Полянскій (*отталкивая его*) Отъ шпіонства до воровства недалеко (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Кайдановъ, Востронюховъ [4]).

Кайдановъ (*бросаясь на стулъ*) Разбойникъ! Испытать такое униженіе!

Востронюховъ (*оскорзительно и утѣшительно*) Что же, сударь, это еще велико-ли униженіе. Пустяки, сударь; такія-ли бываютъ униженія! Ей Богу, еще совершенно по пустому огорчаетесь. А вы бы въ самомъ дѣлѣ осмотрѣли ту комнату, — мало-ли что можете думать? Можете сомнѣваться, нѣтъ-ли тамъ другой двери, такъ для большаго успокоенія, загляните.

Кайдановъ (*встаетъ*) Въ самомъ дѣлѣ! Или не найду-ли тамъ какой вещички ея, если когда, хоть и не теперь, была здѣсь. Да и тутъ надо посмотрѣть получше (*осматриваетъ везъ по угламъ и подъ стульями, потомъ идетъ въ другую комнату*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Востронюховъ, Праведновъ [4]).

Праведновъ (*входя*) Папенька, мнѣ еще вотъ какая мысль пришла (*шепчетъ*).

Востронюховъ. Страшно, сынокъ. А какъ попадешь ему въ передѣлку?

Праведновъ. Не бойтесь ничего, папенька, повѣрьте.

Востронюховъ. Такъ ничего?

Праведновъ. Будьте спокоенъ, папенька.

Востронюховъ. Хорошее дѣло, сынокъ. Себѣ услужишь и передъ Богомъ заслуга. Что беззаконію-то потворствовать? Сердце возмущается (*серьезно*).

Праведновъ. Такъ, папенька (*тоже*).

Востронюховъ. Такъ, сынокъ: свою выгоду мы должны соблюдать, но чтобы при этомъ совѣсть была чиста.

Праведновъ. Это главное, папенька (*исчезаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Востронюховъ одинъ, черезъ минуту **Кайдановъ**.

Востронюховъ. Что, сударь, нѣтъ другой двери? Не могла бы ваша супруга уйти.

Кайдановъ. Да, теперь я спокоенъ.

Востронюховъ. Значитъ, не обманули мы васъ? Не была здѣсь ваша супруга?

Кайдановъ. Не была.

Востронюховъ (*разражаясь хохотомъ*) Была, сударь.

Кайдановъ (*хлопаетъ глазами*) Что ты врешь?

Востронюховъ. Была, сударь, здѣсь, когда вы взошли, а то что бы мнѣ васъ въ дверяхъ-то держать?

Кайдановъ. Да врешь, куда жь она спряталась?

Востронюховъ. Да некуда было, кромѣ той комнаты, сами видите, тамъ и сидѣла, пока я васъ уронилъ, погасивши свѣчку-то, ха, ха, ха! въ темнотѣ-то дѣло-то и обработалось: подмѣнилась на ея мѣсто другая, чтобы было кого вамъ красоткою назвать, — ха, ха, ха! — и по справедливости называли: дѣвушка точно, очень изъ-себя недурна (*хохочетъ*).

Кайдановъ (*стоитъ осталбенѣлый, бросается съ кулаками*) Ахъ ты мошенникъ (*Востронюховъ отпрыгиваетъ въ сторону, Кайдановъ теряетъ равновѣсіе съ разбѣгу и чуть не падаетъ*).

Востронюховъ. Полноте, сударь, сердиться, когда поздно. Только смѣхъ дѣлаете. А мошенникомъ себя называть я не позволю вамъ, сударь: не за что. Я дѣлаю все, какъ совѣсть велитъ. Кому служу, то и служу, — вѣрно служу. Не лучше ли было бы, сударь, вамъ ко мнѣ обратиться съ просьбою, чтобы я взялся вамъ услужить? Видѣли, что умѣю. А есть, въ чемъ услужить. Не угодно ли вамъ достать письма отъ вашей супруги къ моему жильцу? Я могу показать вамъ, гдѣ они у него лежатъ.

Кайдановъ. Гдѣ?

Востронюховъ. Какая награда будетъ?

Кайдановъ. Двадцать пять рублей.

Востронюховъ. Маловато, сударь.

Кайдановъ. Пятьдесятъ.

Востронюховъ. Маловато, сударь. Сто.

Кайдановъ. Семьдесятъ пять.

Востронюховъ. Будь по вашему, сударь. (*Кайдановъ даетъ, онъ береть*) Запереть дверь-то на всякій случай (*запираетъ. Подводитъ Кайданова къ столу*

или чему;нибудь такому, лишь бы вещь была съ замкомъ[5]). *Подводя къ этой вещи Востронюховъ говоритъ*) Вотъ здѣсь, сударь, въ маленькой шкатулочкѣ. (*Берутъ ножъ, ломаютъ замокъ. Востронюховъ говоритъ, указывая*) Вотъ это; берите, здѣсь.

Кайдановъ. *Беретъ въ руки, или, если маленькая вещичка, подъ мышку, идетъ, въ этотъ мигъ двери изъ передней съ трескомъ разлетаются.—входитъ Праведновъ, за нимъ двое или трое свидѣтелей и Глашенька*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Тѣже, Праведновъ, Глашенька, свидѣтели.

Полянскій. Господа, чѣмъ изволите заниматься? (*къ свидѣтелямъ*) Видите. Отбирайте у этого молодца. (*Свидѣтели берутъ вещь изъ рукъ оторопѣвшаго Кайданова*). Видите, замокъ у стола (*или „той большой шкатулки“*) изломанъ,—это оттуда вынуто (*свидѣтели идутъ къ разломанному и осматриваютъ*).

Праведновъ (*къ Глашенькѣ*) Благодаримъ, милая, что донесла о подозрительномъ человѣкѣ (*къ Востронюхову и Кайданову*) Воровство со взломомъ; выгодная работа, только закономъ не поощряется. Пойманы на дѣлѣ. Запираться поздно. За несознаніе въ преступленіи наказаніе увеличивается. Признавайтесь, мошенники. (*Къ Востронюхову*) Ну, ты что скажешь, подлецъ?

Востронюховъ (*падая на колѣни*) Виноватъ!

Праведновъ (*къ Кайданову*) А ты?

Кайдановъ. Что жь это? Разбой?

Праведновъ. Ты еще ругаешься, мерзавецъ? (*Къ свидѣтелямъ*) Вы слышите? (*Къ Кайданову*) За это тебя побольше поблагодарятъ въ судѣ. (*Къ свидѣтелямъ*) Гдѣ у насъ веревки-то? (*Свидѣтели приносятъ веревку, вяжутъ Востронюхова и Кайданова. Праведновъ, указывая на Востронюхова, свидѣтелямъ*) Этого берите вы, а этого повезу я самъ. Пойдемъ, милый человѣкъ (*уводятъ процессіонально*).

(*Минуту, сцена пуста. Потомъ Праведновъ вводитъ опять въ комнату связаннаго Кайданова*).

Праведновъ. Назадъ хочешь? Вотъ, привелъ. Что скажешь?

Кайдановъ. Но это предательство, подлость.

Праведновъ. А! Молчать, подлецъ (*замахивается*).

Кайдановъ. Это обнаружится.

Праведновъ. Твое воровство со взломомъ? Уже обнаружено, братецъ. Иди, нечего толковать съ тобою (*ведетъ*).

Кайдановъ. Что ты возьмешь, чтобы освободить меня?

Праведновъ (*молчитъ*).

Кайдановъ. Тысячу рублей дамъ.

Праведновъ. Десять, и векселя на отца твоей жены.

Кайдановъ. Съ ума ты сошелъ?

Праведновъ (*молча ведетъ его*).

Кайдановъ. Да постой. Сколько же?

Праведновъ (*молчитъ*).

Кайдановъ. Сколько же?

Праведновъ. Сказано.

Кайдановъ. Да что ты въ самомъ дѣлѣ? Столько заплатить за твое мошенниче...

Праведновъ. Смѣешь, подлецъ? (*Замахивается*) (*Молчаніе*).

Кайдановъ. Это разъяснится.

Праведновъ. Дѣло ясное. Самъ царь не спасетъ тебя отъ каторги.

Кайдановъ. Сколько-же? (*Молчаніе*).

Праведновъ. Свинья ты, больше ничего (*уводитъ его*).

Кайдановъ (*уводимый*) Ну, послушай: я согласенъ дать тебѣ...

(*За сценою голосъ Праведнова: свинья, и говорить съ тобой не хочу*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Глаша одна, потомъ **Полянскій** и **Наталья Богдановна**.

Глаша (*входитъ. Прибираетъ разломанное, такъ чтобы не было замѣтно, что разломано, уходитъ и возвращается съ Полянскимъ и Натальей Богдановной*) Ничего не знаю-съ, а только вижу, что онъ уѣхалъ.

Полянскій. Но мнѣ кажется, тутъ былъ какой-то шумъ.

Глаша. Не знаю-съ, не замѣтила (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17.

Наталья Богдановна, Полянскій.

Наталья Богдановна (*грустно улыбаясь*) Видишь, мой другъ, у меня нѣтъ недостатка въ смѣлости (*цѣлуетъ его*).

Занавѣсъ падаетъ

на минуту.

Сцена вторая (то есть, третья).

Полянскій, Наталья Богдановна (идетъ вонъ).

Полянскій. Наташенька, неужели твоя безразсудная мысль возвратилась?

Наталья Богдановна. Эта мысль не покидала меня, мой другъ.

(На этомъ рукопись прерывается).

Примѣчанія издателя.

1) Рукопись занимаетъ 18 страницъ почтовой бумаги большого формата съ многочисленными помарками. Конца не хватаетъ, но первое дѣйствіе все.

2) Было написано и зачеркнуто начало въ слѣдующей редакціи:

Полянскій (*стоитъ опершись на раму окна локтемъ, перебираетъ пальцами по стеклу, потомъ начинаетъ напѣвать тихо, послѣ громче*)

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ.
Покрыта Севилья
И мракомъ и сномъ.

Исполненъ отвагой,
Закутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Стою подъ окномъ.

Ты спишь ли?—гитарой
Тебя разбужу;
Проснется ли старый?—(*выпрямляется*)
Мечомъ уложу.

(*Между тѣмъ входитъ Востронюховъ, на цыпочкахъ; останавливается подлѣ двери, слушаетъ.—Полянскій идетъ по комнатѣ; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, снова поетъ послѣдніе два стиха съ полнымъ пафосомъ самозабвенія*)

Проснется ли старый?—
Мечемъ уложу

(*продолжаетъ ходить*)

Востронюховъ. Кхе, кхе...

Полянскій (*встрепенувшись*) А! Вы пришли, Прохоръ Маркелычъ!

Востронюховъ. Прекрасно изволите пѣть, Аркадій Тимоѳеевичъ. По малой моей образованности, не могу вполнѣ понимать всего, но слушалъ съ такимъ удовольствіемъ, что совсѣмъ заслушался.

Полянскій. И понимать-то безполезно, Прохоръ Маркелычъ, потому что къ намъ это вовсе не идетъ. То Испанія; а у насъ, слава Богу, Россія; то Севилья, а мы въ Петербургѣ. Тамъ женщины умѣютъ любить, мужчины расправляться съ врагами, а у насъ это не принято.

Востронюховъ. Точно-съ, самоуправство у насъ не одобряется-съ. Все должно по закону-съ. Зачѣмъ изволили требовать, Аркадій Тимоѳеевичъ?

Полянскій. Разсчитаться съ вами, Прохоръ Маркелычъ. Завтра въ вагонъ, и уѣзжаю изъ вашего прекраснаго Петербурга.

3) Далѣе, со словъ „или будете уговаривать...“ до словъ Полянскаго „До свиданья (*встаетъ*)...“ было зачеркнуто, а на поляхъ рукописи сбоку сдѣлана помѣтка, обращенная очевидно къ игравшимъ въ этой пьесѣ:

„Видѣлъ я, что у васъ, Николай Васильичъ, слишкомъ много страха, чтобы не вышло опять шесть листовъ вмѣсто одного. Думалъ, думалъ, и рѣшилъ: Ну,

Богъ вамъ судья, пусть останется безъ вступительной сцены между Вами и Максимъ Николаевичемъ. А главное, усталъ и лѣнюсь. Пусть же останется, какъ тамъ написано начало. Возстановите вычеркнутое нами нынѣ въ разговорѣ Полянскаго съ Кайдановымъ о Пафнутьевыхъ".

По поводу упомянутыхъ здѣсь именъ я обратился за разъясненіемъ къ П. Ѳ. Николаеву, который любезно отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ:

„Спѣшу сообщить Вамъ требуемыя свѣдѣнія относительно лицъ, исполнявшихъ роли въ пьесахъ Н. Г.

Комедія-водевиль безъ названія.

Деспотъ-мужъ	Николай Васильевичъ Васильевъ.
Старый слуга	Вячеславъ Николаевичъ Шагановъ.
1) либералы	Максимиліанъ Николаевичъ Загибаловъ.
2)	Дмитрій Степановъ.

Комедія—„Кашеваръ", 2 дѣйствія.

Толстая дама	В. Н. Шагановъ.
Фаворитъ-министръ	М. Н. Загибаловъ.
Дѣвушка-народъ	Н. В. Васильевъ.
Радикалъ	Степановъ.
Поющій серенаду за сценой . .	П. Николаевъ.

Комедія: „Другимъ нельзя" и „Великодушный мужъ" — одна и таже пьеса. Въ „воспоминаніяхъ" я упомянулъ, что Н. Г. передѣлывалъ и измѣнялъ свои вещи. Комедія „Другимъ нельзя" была, дѣйствительно, въ двухъ дѣйствіяхъ, но съ заключительной отдѣльной картиной, состоящей изъ одной сцены-монолога мужа.

Мужъ	М. Н. Загибаловъ.
Жена	Н. В. Васильевъ.
Отецъ ея, отставной пьяница-чиновникъ	Степановъ.
Бывшій женихъ (роль безъ рѣчей)	В. Н. Шагановъ.
Богатый помѣщикъ	Илья Жуковъ
Приживальщикъ-шутъ, мелкопомѣстный дворянинъ . . .	Петръ Дмитріевичъ Ермоловъ.

Къ сожалѣнію въ пьесахъ Н. Г. не игралъ ни одной роли высокоталантливый комикъ, извѣстный Митрофанъ Даниловичъ Муравскій".

4) Далѣе до конца вездѣ вмѣсто „Праведновъ" написано „Пафнутьевъ"—очевидная описка.

5) Было написано и зачеркнуто:

(подводитъ къ конторкѣ, столу или что тамъ есть, лишь бы съ замкомъ,—съ ящикомъ, конторка или хоть шкатулка, все равно. Беретъ ножъ или что подобное, взламываютъ замокъ. Если ящикъ, то въ немъ шкатулка, если же взламывается шкатулка, въ ней другая поменьше.

МАСТЕРИЦА ВАРИТЪ КАШУ.

ПАСТОРАЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ [1]).

Дѣйствующія лица:

Агнеса Растиславовна Карелина, урожденная Серпухова, богатая и красивая вдова 28 лѣтъ.

Андрей Дементьевичъ Городищевъ, управляющій Карелиной. Джентльменъ 29 лѣтъ.

Сидоръ Иванычъ Иннокентіевъ, библіотекарь Карелиной, 57 лѣтъ.

Иванъ Саввичъ Румянцевъ, писарь Городищева 24 лѣтъ.

Надя, горничная Карелиной 22 лѣтъ.

Платонъ Алексѣичъ Клементьевъ, человѣкъ безъ особеннаго званія и состоянія 27 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ около 1856 г. на очень скромной, почти бѣдной дачѣ не далеку отъ Москвы.

ДѢЙСТВІЕ 1.

(Сцена—маленькій залъ, меблированный съ идиллической простотою).

ЯВЛЕНІЕ 1.

Надя (шьетъ), **Клементьевъ** (тихо входитъ, останавливается подлѣ двери, молча ждетъ, покуда Надя замѣтитъ его. Но она шьетъ, не поднимая глазъ).

Клементьевъ. Надежда Всеволодовна!

Надя (*слегка вздрагиваетъ; дружески и съ упрекомъ*) Платонъ Алексѣичъ! Вы! Какъ вы здѣсь! (*Между тѣмъ онъ подходитъ къ ней и протягиваетъ ей руку. Она беретъ ее*).

---

[1]) Названіе этой пьесы подвергалось многочисленнымъ измѣненіямъ. На первой страницѣ рукописи перечеркнуты слѣдующіе варіанты:

1. Размазня и кашеваръ.
2. Тише ѣдешь, дальше будешь. Пастораль въ трехъ дѣйствіяхъ.
3. Тише ѣдешь, дальше будешь, или кто тутъ варитъ кашу?
4. Вареніе каши, пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прибавленіемъ драмы—Тише ѣдешь, дальше будешь, также въ одномъ дѣйствіи.
5. Вареніе каши, пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прибавленіемъ драмы—Плоды народной мудрости, также пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прекрасною пѣснью рыбака.
6. Вареніе каши, пастораль въ одномъ дѣйствіи, съ прибавленіемъ драмы также въ одномъ дѣйствіи—Тише ѣдешь, дальше будешь или Плоды народной мудрости, съ преподаваніемъ всѣхъ полезныхъ наукъ.
7. Мастерица варитъ кашу. Женихъ изъ Америки. Пастораль въ одномъ дѣйствіи.

Клементьевъ. Я пріѣхалъ чтобы опять поговорить съ вами.

Надя. Боже мой, да вы смѣетесь!

Клементьевъ. Нѣтъ, Надежда Всеволодовна.

Надя. Господи,—да какъ же это можно! Въ пять лѣтъ, чтобы молодой человѣкъ не забылъ! Ни за что не повѣрю! Особенно, когда и въ то время вы не могли думать этого серьезно.

Клементьевъ. Вы не могли тогда понимать серьезно, вы были слишкомъ молоды, а теперь я хочу требовать рѣшительнаго отвѣта.—Вы еще никому не дали слова? Да сядемъ же (*садятся*). Другъ мой, Наденька, ты еще никого не любишь, тебѣ некого полюбить кромѣ меня,—ты будешь любить меня?

Надя (*молчитъ—принимается шить*).

Клементьевъ. Наденька, милая моя, единственная моя милая.—Кому полюбить тебя, кромѣ меня—полюби меня, моя добрая, ненаглядная (*беретъ ее за руку*).

Надя (*вырывая руку*) Стыдно вамъ, грѣхъ вамъ, Платонъ Алексѣичъ, обнимать честную дѣвушку (*закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

Клементьевъ. Наденька, пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ—и ты осталась прежняя! (*Это съ сожалѣніемъ и тихимъ упрекомъ*).

Надя (*по прежнему*) И вы не перемѣнились! Какъ тогда хотѣли обольстить меня, такъ и теперь!

Клементьевъ. Наденька, не ко мнѣ, а къ тебѣ идутъ слова: не стыдно ли, не грѣхъ ли тебѣ обижать меня.

Надя (*тверже прежняго*) Нѣтъ. Я не обижаю васъ, Платонъ Алексѣичъ. Я только думаю о васъ правду.

Клементьевъ. Тогда я хотѣлъ обольстить васъ, Наденька! Когда жъ? Когда бывало, по дѣтской рѣзвости, вы подбѣжите, и поцѣлуете меня, а я скажу: не хотите вѣнчаться со мною, то не хочу и цаловать васъ,—бывало ли такъ, Наденька, или нѣтъ?

Надя (*молчитъ*).

Клементьевъ. То было ли хоть разъ, что я заигрывалъ съ вами? Какъ же это въ то время я обольщалъ васъ? А теперь? Или за границею мало дѣвушекъ, некого было обольщать? Если бы мои мысли были объ этомъ, некогда было бы мнѣ и вспомнить про васъ, разстаться съ тою жизнью, чтобы ѣхать сюда. Тамъ лучше жить, нежели у насъ. Вы сама, Наденька, можете понимать это. Вы видите, самыя лучшія вещи, какія у насъ есть, ѣдутъ къ намъ изъ-за границы. Зачѣмъ же бы мнѣ ѣхать назадъ, если бы вы не были для меня милѣе всего на свѣтѣ?

Надя (*подпирается лицомъ на руки и сидитъ задумавшись, молча*).

Клементьевъ. Что же вы скажете, Наденька,—все-таки я только обманываю васъ?

Надя (*молчитъ*).

Клементьевъ (*жметъ ея руку, оставляя эту руку въ прежнемъ положеніи, какъ она подпираетъ лицо*). Что же, Наденька: обманываю?

Надя (*опять закрывая лицо, но теперь не съ рыданіемъ, а только грустно*) Я не знаю, что мнѣ думать, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Какъ вамъ кажется, Наденька: то, что я говорилъ вамъ?

Надя. Въ этомъ я не сомнѣваюсь, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. И все таки я обольщаю васъ?

Надя. Можетъ быть, и обольщаете. Должно быть, что обольщаете.

Клементьевъ. Какъ же это сойдется одно съ другимъ: я говорю отъ чистаго сердца, и обольщаю.

Надя. Вотъ какъ, Платонъ Алексѣичъ: вы думаете, что это такъ будетъ, а этого не можетъ быть, потому этого и не будетъ.

Клементьевъ. Чего не будетъ? Чтобы мы повѣнчались? Когда я одно только и говорю вамъ: повѣнчаемся.

Надя. Я не сомнѣваюсь, вы честный человѣкъ, Платонъ Алексѣичъ. Я не умѣю говорить. Я сказала такъ, что мои слова вышли напрасной обидою для васъ. Не то, что невозможно, чтобы вы повѣнчались со мною, — а только, это не хорошо.

Клементьевъ. Почему же не хорошо.

Надя. Вы дворянинъ, Платонъ Алексѣичъ, а я мѣщанка.

Клементьевъ. Повѣнчаемся, и вы будете дворянка.

Надя. Этого не перемѣнить никакой сватьбою, своего происхожденія, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Ваша правда, Наденька. Но умнымъ людямъ нѣтъ дѣла до того чья кто дочь, — они смотрятъ на то, какая у нея душа.

Надя. У мѣщанки и душа мѣщанская, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Это какъ, Наденька? Помилуйте, вы говорите Богъ знаетъ что такое.

Надя. Это правда, Платонъ Алексѣичъ, я сказала глупо, потому, что не умѣю говорить, какъ должно. Душа у мѣщанки разумѣется такая же, — не въ душѣ разница, конечно, а въ мысляхъ, въ понятіяхъ, въ разговорѣ, въ поступкахъ. У мѣщанки все это мѣщанское, не благородное. О чемъ мои мысли? Какъ угодить Агнесѣ Ростиславовнѣ. У барышни нѣтъ такихъ мыслей.

Клементьевъ. Точно: вы думаете о томъ, какъ исполнять свои обязанности, а барышня о томъ, какъ вертопрашничать. Вы о дѣлѣ, а она о бездѣльѣ. Разница большая, только не въ выгоду барышни.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ, въ выгоду. У нея мысли свободныя, а у меня рабскія. И понятія у нея поэтому хотя бы и пустыя, а все лучше моихъ, потому, что у меня понятія подлыя.

Клементьевъ. Наденька, побойтесь же Бога. Что говорите? Я человѣкъ смирный, вы знаете; но вы меня выводите изъ терпѣнія, — разсержусь. У васъ подлыя понятія! Что вы это? Помилуйте!

Надя (*улыбается*) Въ самомъ дѣлѣ, какая у васъ привязанность ко мнѣ, Платонъ Алексѣичъ! Если бы только было можно, ей Богу, слѣдовало бы мнѣ идти за васъ. (*Переходя къ серьезности*) Разумѣется не найдется другого человѣка такого добраго ко мнѣ. Только этому не слѣдуетъ быть, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Подумайте хорошенько, и увидите, что слѣдуетъ.

Надя. Какая же я вамъ жена, какая подруга жизни? Видите, я и говорить съ вами не умѣю. А куда же годилась бы я въ благородномъ обществѣ? Для горничной держу себя хорошо, а благородною дамою, что была бы я? Посмѣшище для всѣхъ. Что шагъ ступлю, что взгляну — все не по благородному. Манеръ нѣтъ, поступки не тѣ, разговоръ не такой, какъ требуется въ хорошемъ обществѣ.

Клементьевъ. Что намъ требованія общества? Были бы мы хороши другъ для друга, и довольно.

Надя. Не совсѣмъ довольно, Платонъ Алексѣичъ. Для мужа не можетъ быть пріятно, когда его жена посмѣшище для всѣхъ,—да и для нея-то самой не легко переносить, если изъ-за нея всѣ смѣются надъ мужемъ, осуждаютъ его, жалѣютъ.

Клементьевъ. Пустяки, Наденька.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Ну, если бы и нѣтъ, этой бѣдѣ не мудрено помочь. Возьмете нѣсколько уроковъ у какой нибудь доброй, молодой дамы изъ знакомыхъ, какія тогда будутъ у васъ,—выучитесь ходить, и глядѣть по свѣтски—наука не трудная, повѣрьте.

Надя. Положимъ, что я и повѣрю вамъ, что манеры—это пустое. Но то не пустое, о чемъ вы не дали говорить, Платонъ Алексѣичъ: какія понятія у человѣка. Благородная, если у нея есть совѣсть, обо всемъ судитъ по своей совѣсти, что хорошо, что худо. А у меня, Платонъ Алексѣичъ, вмѣсто совѣсти—госпожа. Что хвалитъ Агнеса Ростиславовна, то и хорошо; какъ же это не рабскія понятія, не подлыя? Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ, вамъ не годится такъ меня любить. Не могу я согласиться на то, въ чемъ вы стали бы потомъ раскаяват... (*взглядывается и прислушивается*) Кто-то идетъ,—а у меня глаза заплаканные,—увидятъ, будутъ распрашивать! (*Между тѣмъ встаетъ*) Уйду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Клементьевъ. Входитъ **Городищевъ.**

Городищевъ (*входя*) Гдѣ ты, Надень... (*обрываетъ рѣчь видя Клементьева*) Monsieur, je suis tout étonnè...

Клементьевъ (*протягивая ему руку*) Опасаетесь, не хочу ли я волочиться за Агнесою Ростиславовною? Да я и въ то время не думалъ. Напрасно подозрѣвали.

Городищевъ (*кашляетъ принужденно, и смотритъ дипломатически*) Да... но... Впрочемъ... Какъ честный человѣкъ, я понимаю васъ, Клементьевъ, и вѣрю вамъ. Послѣ объ этомъ. Прежде всего я долженъ исполнить порученіе, которое мнѣ дала Агнеса Ростиславовна, исполненія котораго она ждетъ. (*Оборачивается къ двери, громко*) Наденька, пойди сюда.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже. Надя.

Городищевъ (*милостиво*) Агнеса Ростиславовна присылаетъ тебѣ, Наденька, приказаніе, и подарокъ. Вотъ подарокъ (*вынимаетъ изъ бокового кармана бумажку, развертываетъ и протягиваетъ въ сторону, гдѣ у дверей стоитъ Надя*) Конфетка,—и какъ видишь (*Надя между тѣмъ подходитъ взять*) откушенная,—это откушено самою Агнесою Ростиславовною (*все чувствительные и внимательные*) Ты понимаешь Наденька: она даритъ тебѣ ту самую конфетку, которую кушала сама.

Надя (*беретъ*) Покорно благодарю, Андрей Дементьичъ. (*Отходитъ на прежнее мѣсто*).

Городищевъ. Мнѣ нравится твое чувство, Наденька. Но положи въ ротъ эту конфетку, и будетъ сладко. Что-же ты не ѣшь?

Надя. До обѣда не стану ѣсть ея, Андрей Дементьичъ. Съѣмъ послѣ обѣда.

Городищевъ (*слегка приложивъ руку ко лбу*) Да, это сообразно съ правилами діэтетики. (*Отнимая руку ото лба*) Я одобряю твою мысль, Наденька (*едва договариваетъ, торопливо хватаясь опять за лобъ — молчитъ. По размышленіи, опуская руку*) Я нашелъ средство примирить ея интересы. Видишь ли, милая Надя. Какое затрудненіе представилось мнѣ. Что, если Агнеса Ростиславовна спроситъ меня, понравилась ли тебѣ конфетка? Какъ сказать ей, что ты еще не съѣла. Быть можетъ, она была бы огорчена мыслью, что ты не спѣшила воспользоваться ея подаркомъ. Я не хочу стѣснять твои намѣренія, Наденька, не хочу мѣшать твоимъ діэтетическимъ удобствамъ. Но еще менѣе могу я допустить огорченіе до сердца Агнесы Ростиславовны. И такъ, не принуждаю тебя съѣсть эту конфетку сейчасъ же; но скажу Агнесѣ Ростиславовнѣ, что она уже съѣдена тобою. Ты понимаешь меня, милая Надя? Скажи, какъ ты понимаешь мою мысль?

Надя. Это значитъ, если Агнеса Ростиславовна спроситъ меня о конфеткѣ, я должна сказать ей, что я уже ее съѣла.

Городищевъ. Именно такъ, милая Надя. (*Къ Клементьеву, дипломатически улыбаясь*) Вамъ быть можетъ кажется, что я мелоченъ въ моихъ предосторожностяхъ. Но прошу васъ вспомнить, какъ деликатны чувства Агнесы Ростиславовны, и вы согласитесь, что вопросъ, по видимому довольно индифферентный, можетъ имѣть свою важность для человѣка, который обязанъ отвращать всякія огорченія отъ этого ангельскаго сердца.

Клементьевъ. Агнеса Ростиславовна добрая женщина, согласенъ; согласенъ и въ томъ, что она всегда была сантиментальна до смѣш...

Городищевъ (*хватая его за руку*) Ради Бога! (*Надѣ*) Оставь насъ однихъ. Черезъ минуту я позову тебя. (*Надя уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Городищевъ, Клементьевъ.

Городищевъ (*съ деликатнымъ упрекомъ*) Клементьевъ, можно ли такъ говорить при Надѣ? Развитый умъ знаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ свои недостатки, или слабости, и видя ихъ, не перестаетъ цѣнить то, что есть прекраснаго и возвышеннаго. Но для грубаго простонароднаго воззрѣнія нѣтъ средины между слѣпымъ обожаніемъ и кощунствомъ. Чтобы остаться хорошею служанкою, Надя должна видѣть въ Агнесѣ Ростиславовнѣ идеалъ совершенства. Это conditio sine qua non. Наше отношеніе къ вопросу можетъ быть иное, я не отвергаю того, и буду говорить съ вами откровенно. Вы хотите сказать, что Агнеса Ростиславовна отчасти смѣшна.

Клементьевъ. Я хотѣлъ сказать, что прежде она была довольно забавна, но все же не доходила до такой щепетильности, какая заботитъ Васъ. Или вы вы-

ставляете смѣшнѣе, чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ, или вы слишкомъ испортили ее этою заботливостью угодить ей во всякомъ вздорѣ.

Городищевъ (*искренно и улыбаясь*) Теперь я спокоенъ! Пусть будутъ у васъ какія угодно намѣренія, вы не можете повредить мнѣ, когда у васъ такой взглядъ на вещи. (*Хохочетъ. Глубокомысленно*). Безъ глубокаго убѣжденія, что воля Агнесы Ростиславовны—святой законъ, вы не можете угодить ей, какъ бы ни старались! Не достанетъ воли, не достанетъ силы! Не будетъ искренности, теплоты! Вы видите, я играю съ вами въ открытую, Клементьевъ! Я могу играть такъ: въ васъ нѣтъ убѣжденія, которымъ силенъ я—и я непобѣдимъ!

Клементьевъ. Вы остались бы побѣдителемъ, если бы я и сталъ соперничать съ вами. Но ваши сомнѣнія были напрасны: я слишкомъ далекъ отъ мысли отнимать у васъ сердце Агнесы Ростиславовны. Я женюсь—женюсь по любви.

Городищевъ. Честное слово?

Клементьевъ (*жметъ плечами*).

Городищевъ (*съ искреннимъ восторгомъ*) Я всегда зналъ васъ за человѣка умнаго и благороднаго! Повѣрьте мнѣ, вы избрали вѣрнѣйшій путь къ счастію! Завидую вамъ (*вздыхаетъ, размышляетъ, и съ пафосомъ, отчасти мрачнымъ*) Да, завидую! Ахъ, зачѣмъ я проникся этимъ несчастнымъ чувствомъ! Поздно вырвать его изъ моего сердца,—но клянусь вамъ, я отдалъ бы десять лѣтъ жизни за возможность излечиться! Клементьевъ! (*Хватаетъ его руку*) Моя жизнь—это пытка! Нѣтъ дня, въ который бы я не проклиналъ себя за выборъ этого тернистаго пути, по которому ступаю истерзанными ногами, изнемогая подъ бременемъ безчисленныхъ заботъ! Вы говорите, я избаловалъ Агнесу Ростиславовну. Счастливецъ, вы не были близокъ съ нею, вы не знаете эту женщину! Вы говорите, она добра. Быть можетъ. Но праздный умъ, привычка считать себя центромъ вселенной, осью мірозданія, — прихотливость фантазіи, сумасбродная раздражительность самолюбія, ненасытимость подобострастныхъ комплимент... (*входитъ Иннокентіевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже. Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ (*становится въ позу, и декламируетъ*)

Въ цвѣтѣ моихъ лѣтъ
Я построю шалетъ
И буду съ тобою, мой другъ,
Жить тамъ съ любовью вдругъ.

Вотъ начало идилліи, Андрей Дементьичъ. Агнеса Ростиславовна прислала спросить вашего мнѣнія.

Городищевъ. Скажите, что превосходно. Нѣжность Петрарки, художественность Гёте, энергія Байрона.

Клементьевъ. Здравствуйте, Сидоръ Иванычъ.

Иннокентіевъ. Здравствуйте, Платонъ Алексѣичъ, очень радъ! Но некогда. Агнеса Ростиславовна ждетъ меня — она ушла изъ бесѣдки, Андрей Дементьичъ, сидитъ подъ липами.

Городищевъ. Сейчасъ прійду (*Иннокентіевъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Клементьевъ, Городищевъ.

Городищевъ. Вы видите! И я долженъ не только хвалить,—долженъ сотрудничать, отдѣлывать! И поэзія, и музыка, и живопись, и все, чего хотите! То помогай ей, то самъ выдумывай для нея! О, я научился понимать, какъ искренно и глубоко тяготилась жизнью madame Maintenon! (*Вздыхаетъ*) Пишетъ идиллію! Ахъ, если бы только писала,—а то изъ жизни вздумала сочинять идиллію. Видите, въ какую глушь забрались, въ какой лачугѣ живемъ. Намъ надоѣлъ шумъ и блескъ, и богатство тяготитъ насъ. Мы хотимъ наслажденія природою, сближенія съ народомъ, намъ нужна крынка сливокъ и любовь, — и любовь идеальная, платоническая: вотъ уже третій день пробавляемся только поцалуями, — баба здоровая, разбираетъ ее, — стонетъ даже, а все-таки не смѣй идти дальше поцалуевъ. И такимъ-то образомъ, мы счастливы подъ убогою кровлею.— „Я построю шалетъ“ — чего, построю! уже построила,—или все равно, наняла! (*Вздыхаетъ*).

Клементьевъ (*съ добрымъ безпокойствомъ*) Да что жь это? Она больна? — Физически или нравственно?

Городищевъ. Какое! (*Вздыхаетъ*) Душою здорова, какъ тѣломъ, а тѣломъ какъ корова. Съ жиру бѣсится и отъ глупости. Только.

Клементьевъ. Послушайте, Городищевъ: все-таки, не хорошо такъ говорить о ней. Она въ сущности добрая женщина.

Городищевъ. Добрая, не спорю. Даже отчасти и люблю ее,—вы не повѣрите, а люблю. Но (*ожесточенно махаетъ рукою*)... Желалъ бы я вамъ побыть недѣлю на моемъ мѣстѣ, и послушалъ бы тогда, что вы заговорили бы! (*Вздыхаетъ*) Надобно идти къ ней, ждетъ. (*Громко*) Наденька, войди сюда.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣже. Надя (какъ прежде останавливается у дверей).

Городищевъ (*важно и ласково*). Я передалъ тебѣ, Наденька, подарокъ Агнесы Ростиславовны, остается тебѣ выслушать ея приказаніе. Возьми двѣ столовыя ложки одеколона, одну ложку винегръ-де-туалетъ, влей въ чашечку и поставь согрѣться. Также согрѣй и держи согрѣтыми свои руки. Слышишь, милая Наденька?

Надя. Слышу, Андрей Дементьичъ (*хочетъ идти*).

Городищевъ. Постой. Нѣтъ, рукъ не грѣй. А возьми большую мису, налей теплою водою и поставь на уголокъ очага, чтобы вода держалась теплою, очень теплою, — пока понадобится, потому что у меня есть мысль... Но если бъ и не такъ, то и для тебя удобнѣе, свободнѣе,—зачѣмъ же тебѣ жечь руки, когда можно обойтись безъ этого. Ты понимаешь, для чего вода?

Надя. Чтобы согрѣть въ ней руки, когда будетъ надобно.

Городищевъ. Такъ. Соразмѣряй температуру воды съ этимъ назначеньемъ. Чѣмъ теплѣе, тѣмъ лучше, — но чтобы не было кипятокъ, чтобы не обожгла. Иди же и займись этимъ порученьемъ, Наденька. (*Надя уходитъ. Городищевъ Клементьеву*) Вы извините, — Агнеса Ростиславовна ждетъ меня помогать ей

продолжать идиллію. Я думаю, мы скоро прійдемъ сюда, или я пришлю за вами. Кстати, зачѣмъ же пріѣхали къ намъ? Вы женитесь, у васъ нѣтъ денегъ,—угадываю, милый другъ,—не сомнѣвайтесь, Агнеса Ростиславовна съ удовольствіемъ поможетъ вамъ. Она капризна, но вы знаете, она очень добра (*уходитъ*).

Клементьевъ (*останавливая его*) Моя просьба къ ней вовсе не о деньгахъ. Моя невѣста...

(*За сценою голосъ Румянцева: Андрей Дементьичъ, Агнеса Ростиславовна васъ зоветъ...*)

Городищевъ. Иду, иду (*убѣгаетъ. въ дверяхъ сталкиваясь съ Румянцевымъ и увлекая его*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Клементьевъ, потомъ **Надя**.

Клементьевъ (*идя къ дверямъ во внутреннія комнаты*) Надежда Всеволодовна, гдѣ вы? Могу я взойти?

Надя (*за сценою*) Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ, здѣсь такая тѣснота, столько вещей нагромождено вездѣ, повернуться негдѣ. Лучше я выйду къ вамъ (*выходитъ*).

Клементьевъ. Вы сказали, Надежда Всеволодовна, что если бы можно было вамъ идти за меня, вы пошли бы. Чего же было мнѣ ждать больше? Я сказалъ Городищеву, что женюсь...

Надя. Напрасно вы говорили ему объ этомъ, потому что этого не будетъ, и прошу васъ, не начинайте говорить съ Агнесою Ростиславовною, потому что вы только разстроите ее — и я сказала: не могу идти за васъ, Платонъ Алексѣичъ. Вы разлюбили бы меня,—пошли бы ссоры между нами,—или молча вы стали бы горевать и стыдиться,— это все равно, если еще не хуже, нежели ссоры,—только и было бы, что погубила бы я себя своимъ согласіемъ, погубила бъ и васъ.

Клементьевъ. Что за фантазіи, Надежда Всеволодовна.

Надя. Не фантазіи, Платонъ Алексѣичъ, а горькій опытъ.

Клементьевъ. Скажите, пожалуйста, какая вы опытная! Вѣрно уже много разъ выходили замужъ и губили и себя и мужей?

Надя. Не смѣйтесь, Платонъ Алексѣичъ, я говорю правду.

Клементьевъ. Помилуйте, можно-ли не смѣяться? — „Опытъ", гдѣ онъ былъ у васъ? Я видѣлъ изъ письма Сидора Иваныча, что вы живете все также, какъ жили при мнѣ. Если бы я не зналъ, что у васъ благородное сердце, расположенное любить, жаждущее любви, можно бы подумать, что вы бездушная эгоистка. Красивая дѣвушка—и держитъ себя такъ, что никто не рѣшается сказать ей комплиментъ. Признавайтесь: вѣрно вы дали обѣщаніе прожить вѣкъ монашенкою,— такъ?

Надя. Я держу себя, какъ должна себя держать дѣвушка въ моемъ положеніи, такъ велитъ разсудокъ. Не забывайте, кто я. Сирота служанка. Кто вступился бы за меня? У кого достанетъ совѣсти не наговорить мнѣ дерзостей, подлостей? Благородная дѣвушка можетъ и дружиться съ мужчинами, и шутить съ ними. А я,—только взгляни на мужчину,—и посыпались на меня обиды. Пусть же

лучше говорятъ обо мнѣ, что я и безжизненная, и безсмысленная. Вы должны понимать это и стыдно вамъ смѣяться за то надо мною.

Клементьевъ. Я надсмѣялся только надъ тѣмъ, что вы заговорили объ опытѣ, а опыта у васъ и теперь столько же, какъ было при вашемъ рожденіи. Вы еще не жили, Надежда Всеволодовна.

Надя. Правда, Платонъ Алексѣичъ. Своего опыта у меня нѣтъ. Но чужаго довольно, слишкомъ довольно.

Клементьевъ. То-есть, вы видите, что счастливые браки—очень рѣдки?

Надя. Не перетолковывайте моихъ словъ въ глупомъ смыслѣ, Платонъ Алексѣичъ. Мои слова вовсе не о томъ. Когда вѣнчаются люди честные, разсудительные, по взаимному расположенію, — вѣнчаться имъ не страшно, если они ровные между собою: рѣдко-ли, часто-ли мы видимъ счастливые браки, а ихъ бракъ навѣрное будетъ счастливъ. И дай Богъ, чтобы было больше такихъ. Я говорю только противъ неровныхъ браковъ. Ихъ тоже не мало,—но бываютъ ли въ томъ числѣ счастливые, я не видѣла; и думаю, что не можетъ бывать. Мужъ не мужъ, если не ровный женѣ; онъ тиранъ, или тряпка, о которую жена вытираетъ ноги. Жена не жена, если не ровная мужу—она или деспотка, или интригантка, или бѣдная жертва тиранства, — во всякомъ случаѣ, на мой взглядъ, лучше быть не только монахинею, какъ вы подсмѣялись надо мною, — лучше быть самою жалкою женщиною, нежели такою женою.

Клементьевъ (*понемногу опускавшій голову, третъ лобъ*) Однако... однако... (*принужденно смѣется*) Хороша же вы служанка, Надежда Всеволодовна! Вы не то что республиканка,—это еще куда бы ни шло,—вы нивеллизаторка! Съ такими понятіями, дѣйствительно, очень удобно и пріятно быть служанкою!

Надя. Не понимаю этого новаго имени, которое вы выдумали въ насмѣшку надо мной, Платонъ Алексѣичъ. Вижу только, почему вы смѣетесь. Потому, что вамъ нечего возразить противъ моихъ словъ.

Клементьевъ (*сидитъ задумавшись*) Скажите, Надежда Всеволодовна: должно быть вы много читали въ эти годы?

Надя. Въ пять лѣтъ, развѣ пять книгъ, Платонъ Алексѣичъ: да и то, сколько могу судить, глупыхъ.

Клементьевъ. Откуда же вы пріобрѣли такія убѣжденія? Говорили съ кѣмъ нибудь, умнымъ и развитымъ и честнымъ человѣкомъ?

Надя. Честныхъ людей много на свѣтѣ, Платонъ Алексѣичъ. Случается и мнѣ говорить съ ними. А изъ ученыхъ и образованныхъ, кому же, кромѣ васъ, охота заниматься мною? Смотрѣла, какъ живутъ люди.

Клементьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую глупость я сказалъ. Будто правильный взглядъ на жизнь почертается изъ книгъ! Будто позаимствуешься имъ изъ разговоровъ съ учеными!

Надя. Хорошо вамъ такъ отзываться о книгахъ и объ ученыхъ, Платонъ Алексѣичъ,—вамъ пріѣлось все это. А намъ, бѣднымъ, какъ полезно было бы хоть немножко того, чѣмъ вы пренебрегаете! И видимъ мы все кругомъ себя, и будто правильно понимаемъ свое положеніе,—а смотримъ, смотримъ, думаемъ, думаемъ,—и ничего не можемъ разобрать, и ничего не придумаемъ. Я говорю не о себѣ,—моя жизнь лучше многихъ,—я говорю вообще. Да вотъ, напримѣръ, когда вы пришли, я сижу, шью, а сама что думаю? Пробѣжали мимо окна три маль-

чика,—одинъ сирота, а другого отецъ пьяница, у третьяго отецъ больной, а семейство—полна изба; я и задумалась: что-то будетъ съ вами, три мальчика? Кому изъ васъ воромъ стать, кому съ голоду умереть? А будетъ ли кому и пожить, какъ слѣдуетъ человѣку...

Клементьевъ. Народъ не можетъ придумать,—и мы, ученые, ничего не можемъ... Ничего... (*съ опущенною головою*).

Надя. Вы должны. Это ваша обязанность.

Клементьевъ. Можетъ быть и придумали бы. Можетъ быть, и придумали. Это такъ. Это мы только говоримъ въ оправданіе народу, будто виновато наше незнаніе. Знаемъ, что нужно. Задача не мудрая. Давно все извѣстно. Но что мы будемъ дѣлать, что мы можемъ сдѣлать, когда народъ не хочетъ того, что...

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣже. Входитъ **Румянцевъ.**

(*Румянцевъ держитъ себя такъ, какъ будто бы Нади не было тутъ. Она для него существо совершенно индифферентное, какъ для безполой пчелы другая пчела, хотя бы безполая, хоть бы трутень или царица — все равно, вѣроятно, существа безполыя*).

Румянцевъ. Андрей Дементьичъ извиняются передъ вами, Платонъ Алексѣичъ, въ томъ, что Агнеса Ростиславовна изволила долго задержать себя и его вмѣстѣ съ собою надъ видомъ рѣки и кормленіемъ рыбокъ, въ ней плавающихъ, и они, то есть Андрей Дементьичъ, приказали мнѣ занимать васъ, чтобы вамъ не было скучно однимъ. Вы изволите помнить меня, или забыли, Платонъ Алексѣичъ? Въ послѣднемъ случаѣ буду имѣть удовольствіе представить себя.

Клементьевъ. Не трудитесь. Я помню, кажется, помню даже ваше имя и отчество,—Иванъ Саввичъ,—такъ?

Румянцевъ. Точно такъ-съ. Покорно благодарю. Позволите сѣсть, Платонъ Алексѣичъ?

Клементьевъ. Сдѣлаейте одолженіе (*молчаніе*).

Румянцевъ. Я хотѣлъ посовѣтоваться съ вами, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Слушаю васъ.

Румянцевъ. Позвольте попросить васъ посмотрѣть, какъ я одѣтъ,—не правда ли, хорошо-съ? (*Показываетъ ему всѣ части своего туалета*) Вотъ сюртукъ-съ (*или: „вотъ пальто“—если онъ въ пальто,—и въ остальномъ также можно перемѣнить. Все равно что бы тамъ ни было на Румянцевѣ*) (*поднося полу*) Хорошій-съ. Вотъ жилетка (*разстегиваетъ верхнія пуговицы, чтобы лучше было выпятить впередъ на показъ*) Тоже хорошая-съ. Теперь, съ вашего позволенія, панталоны-съ (*приподымаетъ колѣно и оттягиваетъ брюки отъ сапога*) и панталоны очень хорошія-съ. Возьмите наконецъ и сапоги-съ (*подымаетъ ступню, даже вставая, чтобы удобнѣе вывернуть ногу*). Все какъ слѣдуетъ, и каблуки-съ (*подвертываетъ подошву вверхъ*)—о галстухѣ даже нечего и говорить, потому что это самая первая вещь въ молодомъ человѣкѣ (*вытягиваетъ концы галстуха*). Это уже всякій понимаетъ, должно быть хорошо. (*Садится*). Словомъ одежа хорошая-съ, вы согласитесь. Теперь, позвольте же спро-

сить вашего мнѣнія: для чего я такъ одѣваюсь?—Потому что это стоитъ денегъ. Другіе молодые люди щеголяютъ для дѣвицъ и барышень; это резонъ-съ, я согласенъ. Но мнѣ для чего же? Какъ я долженъ объяснять себѣ это?

Клементьевъ. Вы не думаете о томъ, чтобы нравиться дѣвицамъ и барышнямъ?

Румянцевъ. Не имѣю этого желанія.

Клементьевъ. Когда такъ, то не знаю, для чего же вы такъ щеголяете

Румянцевъ. Для того, чтобы не отстать отъ другихъ.

Клементьевъ. Чтожъ, и это хорошій резонъ.

Румянцевъ. Такъ вы одобряете, Платонъ Алексѣичъ?

Клементьевъ. Совершенно.

Румянцевъ. Я очень благодаренъ, Платонъ Алексѣичъ, за то, что вы были такъ добры и, разсмотрѣвши все, успокоили меня (*молчитъ. Но нѣкоторомъ молчаніи*) Платонъ Алексѣичъ, позвольте мнѣ утрудить васъ еще однимъ вопросомъ.

Клементьевъ. Не утруждайте, если онъ о туалатѣ, потому что я не знатокъ въ модахъ.

Румянцевъ. Нѣтъ-съ, это больше касается до нравственности. Вотъ-съ, я имѣлъ удовольствіе объяснить вамъ, что не подверженъ желанію нравиться дѣвицамъ. Позвольте узнать: почему же не подверженъ?

Клементьевъ. Я не могу судить объ этомъ.

Румянцевъ. Позвольте же мнѣ изложить это яснѣе. Вотъ-съ, если вы изволите посмотрѣть на Надежду Всеволодовну, ея лицо понравится вамъ, и всякому понра...

Надя (*вставая*) Иванъ Саввичъ, я не люблю, чтобы занимались мною (*уходитъ*).

Румянцевъ (*продолжая, безъ малѣйшей перемѣны*) И всякому понравится, а мнѣ теперь на нее ли смотрѣть, на кого ли изъ дѣвицъ или барышень, все равно-съ: никакого чувства не производитъ это и не нахожу нисколько интереса, и если бы, какъ вы, можетъ быть, подумали, это было отъ воли Божіей, какъ бываютъ нѣкоторые отъ рожденія или теряютъ впослѣдствіи. Въ такомъ случаѣ не о чемъ и спрашивать. Но если вы посмотрите на меня, то увидите, что я созданъ Богомъ вполнѣ какъ слѣдуетъ, и не пріобрѣлъ никакихъ потерь, и не только не имѣю недостатковъ по наружности, но даже и могу чувствовать. Потому и затруднительно понять, отчего же, когда человѣкъ совершенно одаренъ, и даже можетъ чувствовать, почему же не чувствуетъ?

Клементьевъ. Мало ли какія могутъ быть причины?

Румянцевъ. Нѣтъ-съ, никакихъ причинъ я не нахожу въ себѣ, чтобы не имѣть этого чувства, а не имѣю его только потому, что не поощряю себя къ этому.

Клементьевъ. Значитъ, вы умный человѣкъ.

Румянцевъ. Покорно васъ благодарю, Платонъ Алексѣичъ. Но только, почему же я не поощряю себя къ этому? Вижу я, напримѣръ, дѣвицу, и знаю, что при этомъ много хлопотъ и могутъ быть непріятныя отношенія, что, напримѣръ, прійдетъ ея братъ, или женихъ, или даже и посторонній, и начнетъ меня бить въ зашеину. И сама дѣвица можетъ, вмѣсто удовольствія, отлупить меня по щекамъ. Какая же тутъ пріятность, не правда ли-съ?

Клементьевъ. Совершенная правда.

Румянцевъ. Вотъ поэтому я и не поощряю себя.

Клементьевъ. И прекрасно дѣлаете (*молчаніе*).

Румянцевъ (*опять*) Позволите ли, Платонъ Алексѣичъ, утрудить васъ еще однимъ вопросомъ?

Клементьевъ (*сидѣвшій въ раздумьи, вздрагиваетъ, очнувшись*) Но это вздоръ! (*Къ Румянцеву*) Не обидьтесь, Иванъ Саввичъ, это относилось не къ вашимъ словамъ; я сказалъ такъ о томъ, что самъ думалъ. (*Громко*) Надежда Всеволодовна, идите къ намъ. Теперь мы не будемъ говорить вамъ комплиментовъ (*къ Румянцеву*) — Иванъ Саввичъ, будьте такъ добръ, сходите къ Андрею Дементьичу, гдѣ онъ тамъ; (*между тѣмъ входитъ Надя*) спросите, скоро ли прійдетъ онъ съ Агнесою Ростиславовною, или пусть позовутъ меня къ себѣ,—я хочу поскорѣе поговорить съ нею.

Румянцевъ. Очень хорошо-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Клементьевъ, Надя.

Надя (*выходитъ*) Хорошо вы поступаете, Платонъ Алексѣичъ? Я сказала вамъ, что несогласна, а вы все таки хотите говорить съ Агнесою Ростиславовною — дѣлаете именно то, чего не дѣлать я просила васъ. И что жь это наконецъ, вы хотите, чтобы меня отдали за васъ насильно?

Клементьевъ. Если и повеземъ васъ въ церковь силою, скажите тамъ „несогласна“ —и священникъ откажется вѣнчать.

Надя. Прошу васъ говорить со мною серьезно, какъ я говорю съ вами, а не отшучиваться.

Клементьевъ. Да чѣмъ же иначе, какъ не шуткою, отвѣчать на ваши слова? Развѣ вы серьезно думаете, что я хочу или соглашусь, чтобы васъ отдали за меня насильно? Но дѣйствительно я хочу и обязанъ воспользоваться всѣми средствами убѣжденія, чтобы вы отбросили напрасные ваши страхи. Вы сама сказали, что мнѣніе Агнесы Ростиславовны очень важно для васъ,—какъ же я не долженъ попросить ее ободрить васъ?

Надя. Мои опасенія напрасны? Это какъ же? Я очень ясно видѣла, что вы были совершенно смущены моими словами,—вамъ нечего было возразить, или въ эти двѣ-три минуты всѣ тѣ десятки, можетъ быть сотни, неравныхъ браковъ изъ несчастныхъ сдѣлались счастливыми? Покажите мнѣ эту перемѣну, покажите мнѣ, что въ эти три минуты свѣтъ перевернулся, мужики привыкли элегантно вальсировать, аристократы стали ловко и усердно пахать и косить,—о, покажите мнѣ, что исчезла разница сословій и воспитаній,—и я буду очень рада,—за всѣхъ, и за себя, но пока этого нѣтъ, неровные браки остаются неровными, т. е. безразсудствомъ, погибелью, и вы не переубѣдите меня, пока есть у меня хотя капля здраваго смысла.

Клементьевъ. И не буду переубѣждать. И пусть будетъ по вашему, что неровные браки не могутъ быть счастливы. Вы сбили меня съ толку вашими неровными браками. Вотъ сейчасъ только опомнился и разобралъ, что не слѣдовало и разсуждать о счастіи или несчастіи неровныхъ браковъ. То, что

я предлагаю вамъ, не имѣетъ никакого отношенія къ этимъ мыслямъ. Въ нашемъ бракѣ не будетъ никакого неравенства. У васъ нѣтъ ничего,—и мое богатство точно такое же. Вы живете тѣмъ, что работаете, и мнѣ безъ работы нечѣмъ жить. Привычки у насъ одинаковыя: трудолюбіе, подавленіе въ себѣ пустыхъ прихотей,—и стремленія одинаковыя: жить тихо, смирно, честнымъ трудомъ. Равны ли мы? Того мало, что мы равны, моя милая, ненаглядная: мы съ тобою одинъ и тотъ же человѣкъ,—какъ же намъ не жить за-одно? Давай руку, ты, живущая моею жизнью, мнѣ, живущему твоею жизнью,—давай мнѣ руку на любовь,—не ко мнѣ, къ себѣ самой: я—это ты; ты—это я. (*Она, будто въ забытьи, какъ околдованная, машинально даетъ ему руку,—но встрепенувшись, вырываетъ руку и закрывается,—не съ отчаяньемъ, а съ грустнымъ спокойствіемъ*).

Надя (*закрываясь, тихо и грустно*) Боже мой, какъ легко тому, кто выучился говорить, обмануть, обольстить бѣдную, почти безграмотную! Платонъ Алексѣичъ, ваши слова прекрасныя, но пустыя слова. Я своихъ словъ не умѣю защитить, и они не хороши,—но въ нихъ правда. Я не равная вамъ и не жить намъ вмѣстѣ, пока Богъ не отниметъ у меня разсудка. (*Молчитъ. Слышатся сдерживаемыя тихія рыданья*) Жаль мнѣ васъ, потому что я знаю: у васъ честное сердце, искреннее, и вы любите меня всею душою... Жаль мнѣ и себя самой, потому что и я люблю васъ... Но... но, мой милый другъ... (*постепенно и рыданія усиливаются и оттого голосъ все громче*) не быть намъ сильнѣе своей судьбы, не перемѣнить мнѣ своего прошлаго... не быть мнѣ достойною васъ... не перемѣнить и вамъ своего прошлаго, не разучиться всему хорошему, чему научились вы... не унизить вамъ себя до того, чтобы не постыдиться своей любви къ дурѣ... (*это уже почти крики*) безграмотной... съ подлыми привычка...

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣже. Иннокентіевъ (въ рукахъ альбомъ, онъ держитъ его съ благоговѣніемъ).

Иннокентіевъ (*останавливается*) Что это за...

Надя (*вскакиваетъ*) Боже мой, что подумаютъ, скажутъ обо мнѣ (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Клементьевъ, Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ (*такъ и остается съ альбомомъ, который держитъ на обѣихъ ладоняхъ, подобно тому, какъ въ процессіяхъ носятъ регаліи*) Что это за сцена, невольнымъ свидѣтелемъ которой я сдѣлался? Платонъ Алексѣичъ, неужели вы могли оскорбить невинную дѣвушку непристойными посягновеніями?

Клементьевъ. Успокойтесь, добрый Сидоръ Иванычъ: никакихъ посягновеній на Надежду Всеволодовну у меня нѣтъ, потому что я сдѣлалъ предложеніе...

Иннокентіевъ (*перебивая съ изумленіемъ*) Вы сдѣлали предложеніе? Какъ вы отважились, Платонъ Алексѣичъ? Вы, и посмѣли сдѣлать предложеніе Агнесѣ Ростиславовнѣ!

Клементьевъ. Вовсе не Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Иннокентіевъ (*разиъваетъ ротъ—хлопаетъ глазами*) Какъ не Агнесѣ Ростиславовнѣ? Такъ кому же? О какой же другой женщинѣ можно думать, когда видишь Агнесу Ростиславовну?

Клементьевъ. Это правда. Но мой дурной вкусъ извиняется тѣмъ, что я пять лѣтъ не видалъ Агнесу Ростиславовну и теперь дожидаюсь увидѣть Агнесу Ростиславовну, а не вижу ея.

Иннокентіевъ (*успокоиваясь*) Да, ну развѣ что такъ. Это точно, вы не видѣли Агнесу Ростиславовну пять лѣтъ, такъ, та-акъ. Вы обратили вниманіе на другую потому, что тамъ, гдѣ вы жили, вы не имѣли передъ глазами Агнесу Ростиславовну. Та-акъ. Ну, хорошо; вы сдѣлали предложеніе, такъ отчего же Надѣ было плакать? Отъ ревности, что ли? Да не могла же она вообразить, что выйдетъ за васъ?

Клементьевъ. Могла воображать, или не могла, но выходитъ.

Иннокентіевъ (*разиъвая ротъ*) Какъ, выходитъ?

Клементьевъ. Такъ.

Иннокентіевъ. Да помилуйте, неужели же предложеніе-то ваше вы сдѣлали ей?

Клементьевъ. Ей.

Иннокентіевъ. Ну-у!

Клементьевъ. Для кого другого, Сидоръ Иванычъ, это еще могло бы быть неожиданностью, а для васъ-то не должно бы тутъ быть ничего непредвидѣннаго.

Иннокентіевъ. Какъ же я-то могъ предвидѣть?

Клементьевъ. Да когда я въ своемъ письмѣ спрашивалъ васъ, гдѣ Надежда Всеволодовна, что съ нею, вышла ли она замужъ, или нѣтъ ли у нея жениха.

Иннокентіевъ. Да-а-а! Такъ въ этихъ вопросахъ надобно было видѣть такой смыслъ, а не простое любопытство,—та-а-акъ!

Клементьевъ. Конечно, Сидоръ Иванычъ. Развѣ мало было у меня занятій, или мало на что смотрѣть, или о чемъ думать, чтобы любопытствовать черезъ пять лѣтъ о комъ нибудь, кто не былъ бы очень дорогъ мнѣ?

Иннокентіевъ. Та-а-акъ! Теперь понимаю. Та-а-акъ.

Клементьевъ. Но когда вы не видѣли ничего серьезнаго въ моихъ вопросахъ о Надеждѣ Всеволодовнѣ, тѣмъ больше я долженъ благодарить васъ за внимательность, что вы потрудились отвѣчать на вопросы, которымъ не придавали никакой важности.

Иннокентіевъ. Полноте, свой своему всегда другъ,—мы оба граждане царства наукъ.

Клементьевъ. Не отрекайтесь отъ права на мою благодарность, добрый другъ, надобно мнѣ крѣпко пожать вашу руку— да кстати же мы еще и не здоровались хорошенько. (*Хочетъ снять альбомъ съ рукъ Иннокентіева*). Давайте-ко, освобожу васъ отъ ноши, и поздороваемся.

Иннокентіевъ (*отстраняя руки съ альбомомъ*) Тише, тише! Этого нельзя такъ хватать.

Клементьевъ. Да что жъ это за святыня? Реймское евангеліе, что-ли? Или подлинникъ Иліады, рукопись самого Гомера?

Иннокентіевъ. Альбомъ рисунковъ Агнесы Ростиславовны. Вотъ я вамъ по-

кажу [1]) (*осторожно слагаетъ альбомъ съ рукъ на столъ, обдуваетъ и обтираетъ руки, обертываетъ пальцы платкомъ, чтобы не повредить альбома, раскрываетъ съ осторожностью*) Вотъ, напримѣръ. (*Клементьевъ наклоняется, Иннокентіевъ кладетъ ему на грудь руку, удерживая подальше*) Тише, тише, не нагибайтесь близко,—подальше, чтобы не дохнуть на бумагу, чтобы не повредить.

Клементьевъ. Что жь это? Еловыя шишки, кажется, на осиновыхъ или березовыхъ вѣткахъ, что ли? Такъ зачѣмъ же онѣ связаны? И что такое торчитъ изъ середины,—полштофъ, что ли? Рисунокъ для вывѣски, водка перегнанная на еловыхъ шишкахъ и березовыхъ почкахъ? Крѣпительное для желудка?

Иннокентіевъ. Что вы, Платонъ Алексѣичъ! Гдѣ у васъ глаза? Какія же еловыя шишки? Розы,—букетъ розъ, видите.

Клементьевъ. А, если такъ, то согласенъ, ошибся. Но зачѣмъ же въ букетѣ вставленъ полштофъ?

Иннокентіевъ. Помилуйте, какой же полштофъ? Какъ же не видѣть, флаконъ съ духами.

Клементьевъ Господи, твоя воля! Въ букетѣ розъ флаконъ съ духами!

Иннокентіевъ. Это пока еще не больше, какъ проэктъ, потому что только сейчасъ родилась у Агнесы Ростиславовны мысль,—но къ вечеру эта мысль будетъ переведена въ фактъ, и нюхая букетъ, можно будетъ наслаждаться болѣе изящнымъ ароматомъ, какой издаетъ флаконъ,—кромѣ фактическаго достоинства, это изобрѣтеніе будетъ имѣть и эмблематическій смыслъ: угадайте, какой?

Клементіевъ. Не знаю; вижу только, что розы тутъ вышли болѣе похожи на еловыя шишки.

Иннокентіевъ. Да, техника у Агнесы Ростиславовны нѣсколько слаба. Но мысли геніальны. Какъ же? Это даетъ вмѣсто грубаго запаха тонкій и вмѣстѣ служитъ символомъ: этотъ букетъ—человѣкъ, или общество; а флаконъ, дающій ему высшее достоинство—цивилизація,—вы понимаете, не правда-ли? Геніальная идея! А придавать идеямъ Агнесы Ростиславовны техническую отдѣлку, это уже занятіе ея помощниковъ, дѣло Андрея Дементьича и мое. То, что я показалъ вамъ,—только первый эскизъ, во всей дѣвственной чистотѣ и прозрачности идеи. Андрей Дементьичъ сдѣлаетъ изъ этого рисунокъ, удовлетворяющій обыкновеннымъ требованіямъ формы. Это полезная, но не великая работа. Главное, идея. Идея всегда и во всемъ принадлежитъ Агнесѣ Ростиславовнѣ. Андрей Дементьичъ добросовѣстно признаетъ это, и не гордится своими поэтическими и художественными трудами, справедливо приписывая все ихъ достоинство геніальной иниціативѣ, творческимъ идеямъ Агнесы Ростиславовны. Такъ смотрю и я на свою долю заслугъ въ трудахъ, производимыхъ мною по ея идеямъ, подъ напіемъ ея мысли, при помощи ея указаній и совѣтовъ. Вотъ, я сейчасъ покажу вамъ,—я пишу исторію,—сейчасъ принесу (*хочетъ идти*).

Клементьевъ (*удерживая*). Послѣ когда нибудь, Сидоръ Иванычъ. А скоро прійдетъ она сама?

Иннокентіевъ. Сію минуту будетъ здѣсь. Набросала два-три куплета элегіи, покормила рыбокъ, сѣла, набросала два-три эскиза въ этотъ альбомъ и встала идти

[1]) Далѣе, весь этотъ разговоръ объ альбомѣ до словъ Клементьева: „Послѣ когда нибудь...“ въ рукописи зачеркнутъ.

сюда, попросила Андрея Дементьича вести ее подъ руку, а меня попросила взять нести альбомъ. Они отстали отъ меня, потому что она очень нѣжнаго сложенія, но сію минуту будутъ здѣсь. Да-а, да-а, такъ вы хотите жениться на милой нашей Наденькѣ,—да, а, да-а. (*помолчавъ*) Да-а, та-къ. (*Помолчавъ*) Но только это совершенная неожиданность для меня. (*Помолчавъ*) Платонъ Алексѣичъ, послушайте совѣтъ искренняго вашего друга, человѣка пожилаго, смотрящаго на вещи хладнокровно: подумайте, какъ же это можно?

Клементьевъ. Объ этомъ напрасно говорить, Сидоръ Иванычъ.

Иннокентіевъ (*вздыхаетъ*) Неблагоразумно, Платонъ Алексѣичъ; безразсудно.

Клементьевъ. Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ. Пожалуй, хоть о вашихъ ученыхъ трудахъ. Что вы теперь пишете?

Иннокентіевъ. Находя васъ неблагоразумнымъ мечтателемъ въ жизни, Платонъ Алексѣичъ, дорожу вашимъ мнѣніемъ въ ученыхъ дѣлахъ. Съ удовольствіемъ представлю на вашу оцѣнку мой слабый трудъ, прочту главныя мѣста (*хочетъ идти*).

Клементьевъ (*удерживая*) Читать некогда, Сидоръ Иванычъ; разскажите лучше на словахъ, покороче. О чемъ ваше сочиненіе?

Иннокентіевъ. Трудъ мой имѣетъ предметомъ исторію Серпуховыхъ-Карелиныхъ, это мысль Агнесы Ростиславовны, Платонъ Алексѣичъ. Женщина геніальнаго ума. Я очень много обязанъ ей въ ученомъ отношеніи; видя во мнѣ желаніе заняться этимъ изслѣдованіемъ, она доставила мнѣ и всѣ нужные для того матеріалы, открывши для меня фамильный архивъ.— я привезъ и сюда три большія кипы документовъ; она же и руководитъ меня своими указаніями въ объясненіи смысла фактовъ. Важна также и помощь Андрея Дементьича. Благодаря его и въ особенности ея просвѣщенному и геніальному содѣйствію, надѣюсь, трудъ мой будетъ не безполезнымъ для прогресса науки.

Клементьевъ. Добрый Сидоръ Иванычъ, понимаете ли вы, чего она ждетъ, и понимаетъ ли она, что выйдетъ? Исторія Серпуховыхъ—то есть предковъ Агнесы Ростиславовны,—и Карелиныхъ—то есть фамиліи, въ которую вступила она черезъ замужство — это, просто-на-просто вашъ трудъ долженъ быть пьедесталомъ для величія самой Агнесы Ростиславовны. Но, Сидоръ Иванычъ, вы должны предупредить ее, что она хочетъ невозможнаго и ошибется въ разсчетѣ. Вмѣсто панегирика, у васъ непремѣнно выйдетъ смѣсь обвинительнаго акта съ пасквилемъ.

Иннокентіевъ. Богъ съ вами, Платонъ Алексѣичъ: какъ это можно!

Клементьевъ. Да не можетъ выйти иначе, Сидоръ Иванычъ,—только потрудитесь перебрать въ умѣ главные факты. Предки Агнесы Ростиславовны были темные воры по мелочи, пока, наконецъ, родъ Серпуховыхъ прославился подвигами двухъ братьевъ. Старшій ограбилъ цѣлую губернію и по мерзкому скряжничеству оставлялъ единственнаго сына умирать съ голоду. Сынъ и умеръ. Тогда другой братецъ,—отецъ Агнесы Ростиславовны—мелкій негодяй, жившій чуть ли не лакеемъ у брата, угостилъ его мышьякомъ и взялъ его наслѣдство. Хороша исторія Серпуховыхъ, предковъ Агнесы Ростиславовны! А фамилія Карелиныхъ— все глупцы и трактирные герои, такіе же какъ мужъ Агнесы Ростиславовны, пошлый гуляка, убитый бутылкою въ пьяной дракѣ. Пасквиль и обвинительный актъ—ничѣмъ не можетъ быть исторія Серпуховыхъ и Карелиныхъ. Вы должны растолковать это Агнесѣ Ростиславовнѣ, она добрая женщина, и вамъ, человѣку чест-

ному, слѣдуетъ удерживать ее отъ фантазіи, изъ которой не выйдетъ для нея ничего, кромѣ стыда и огорченія.

Иннокентіевъ. По обязанности ученаго, я терпѣливо выслушалъ ваши замѣчанія, мой собратъ-ученый. Но вы смотрите на предметъ поверхностно. Глубокое истолкованіе фактовъ бросаетъ на нихъ совершенно иной свѣтъ, и открываетъ въ нихъ идеи, внесеніе которыхъ въ развитіе человѣчества будетъ содѣйствовать возрожденію одряхлѣвшей цивилизаціи запада: смиреніе и любовь, простоту разума и мудрость сердца. Вы говорите, напримѣръ, что мужъ Агнесы Ростиславовны убитъ въ ссорѣ бутылкою, и видите только эту матеріальную сторону факта. Но вникните въ подробности и побужденія, вамъ откроется иной, высокій смыслъ. Было тридцать человѣкъ въ комнатѣ, —это была бесѣда шумная, но выражающая идею славянскаго братства. Двое изъ нихъ начали драться. Другіе приняли участіе въ ссорѣ,—почему?—не потому, чтобы имѣли собственныя, эгоистическія причины драться между собою,—нѣтъ!—но по безкорыстному влеченію помогать поссорившимся, — это идея самоотверженной любви къ ближнимъ, въ славянскомъ духѣ—и если мужъ Агнесы Ростиславовны палъ въ этой борьбѣ, онъ палъ страдальцемъ за высокую идею славянскаго братства.

Клементьевъ. Вы, какъ я вижу, стали немножко славянофиломъ, Сидоръ Иванычъ.

Иннокентіевъ. Благодаря вліянію Агнесы Ростиславовны, Платонъ Алексѣичъ. Но если вы, какъ я предполагаю по вашему замѣчанію, остались чужды этому стремленію вѣка, объединяющему всѣхъ славянъ въ объятіяхъ нашей любви, то можете вмѣсто термина „славянская идея“ подставить „наша національная идея“. Всѣ истины —одна и та же единая истина. Славянство—истина, и патріотизмъ—истина. Поэтому, быть славяниномъ или патріотомъ, это одно и тоже. Славянскіе ручьи должны слиться въ нашемъ морѣ, по предсказанію нашего великаго поэта.

Клементьевъ. Прекрасно сказано, Сидоръ Иванычъ.

Иннокентіевъ. Вы убѣждены, Платонъ Алексѣичъ?

Клементьевъ. Совершенно.

Иннокентіевъ. Душевно радъ, Платонъ Алексѣичъ, и надѣюсь теперь, что если уже суждено вамъ сдѣлать это безразсудство, жениться на милой Наденькѣ, то вы будете правильно понимать отношенія Наденьки и черезъ Наденьку ваши собственныя къ Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Клементьевъ. Надѣюсь, добрый Сидоръ Иванычъ.

Иннокентіевъ. Но прошу васъ, скажите, какъ вы будете понимать, чтобы я могъ быть спокоенъ въ томъ смыслѣ, что вы не нанесете удара сердцу Агнесы Ростиславовны заблужденіемъ въ вашихъ понятіяхъ.

Клементьевъ. Извольте. Изъ уваженія къ вашему искреннему добродушію скажу, какія понятія у меня объ этомъ. Надежда Всеволодовна лишилась матери, когда была еще груднымъ ребенкомъ...

Иннокентіевъ. Точнѣе сказать: черезъ пять дней по рожденіи.

Клементьевъ. Отецъ Агнесы Ростиславовны не выбросилъ сироту на улицу, а позволилъ прислугѣ воспитывать дѣвочку, — въ жизни такого мерзавца это надобно считать подвигомъ необыкновенной добродѣтели.

Иннокентіевъ. Платонъ Алексѣичъ, прошу васъ, не забывайте, что онъ былъ отецъ Агнесы Ростиславовны, и что поэтому я благоговѣю передъ его памятью и

понимаю его характеръ какъ совершенно благородный. Потому, умоляю васъ, воздерживайтесь отъ ироническихъ сужденій о немъ. Привыкнуть говорить о немъ почтительно будетъ тѣмъ полезнѣе для васъ, что малѣйшая неосторожность ваша въ этомъ предметѣ оскорбила бы Агнесу Ростиславовну. Сдѣлавъ это замѣчаніе, прошу васъ продолжать.

Клементьевъ. Дѣвочка подросла, — была красива, ловка, умна. Ее сдѣлали горничною Агнесы Ростиславовны. Барышня, потомъ барыня, была не зла отъ природы, горничная служила усердно, — потому не имѣла особенныхъ непріятностей: обыкновенно была болѣе или менѣе сыта, — если и голодала, то изрѣдка, чего же требовать больше? Надобно назвать Агнесу Ростиславовну хорошею госпожою. Пусть моя жена остается благодарна ей, если хочетъ, — я не имѣю противъ этого никакихъ возраженій, и даже самъ готовъ, если моя жена будетъ требовать того отъ меня, — готовъ выражать мою признательность Агнесѣ Ростиславовнѣ за то, что она была хорошею госпожою для моей жены.

Иннокентіевъ. Продолжайте, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Я кончилъ.

Иннокентіевъ. Этого недостаточно.

Клементьевъ. Не могу ничего прибавить.

Иннокентіевъ. Какъ не можете? Зачѣмъ умалчивать о самомъ главномъ фактѣ отношеній Агнесы Ростиславовны къ Надѣ,—о фактѣ, который долженъ наполнять ваше сердце безпредѣльнымъ уваженіемъ къ ангельской деликатности, кротости, нѣжности души Агнесы Ростиславовны?

Клементьевъ. О какомъ же фактѣ?

Иннокентіевъ. О родствѣ?

Клементьевъ. О родствѣ? Какъ, что такое?

Иннокентіевъ. А я думалъ, вы давно знаете. Неужели же Андрей Дементьичъ не сказалъ еще тогда, какъ вы ходили заниматься въ нашей библіотекѣ? Какъ же онъ не говорилъ вамъ? Онъ былъ такъ друженъ съ вами.

Клементьевъ. Онъ былъ друженъ со мною! Добрый Сидоръ Иванычъ, онъ готовъ былъ тогда задушить меня. Онъ воображалъ, что я хочу волочиться за Агнесою Ростиславовною.

Иннокентіевъ. Такъ онъ ничего не говорилъ вамъ? Такъ вы не знали этого родства? Значитъ я проговорился передъ вами! Эхъ, какъ же это я опростоволосился! (*Качаетъ головою*) Но, впрочемъ, что же за бѣда? Передъ своимъ собратомъ, не важность и сказать лишнее. Даже все къ лучшему. Теперь вы больше будете понимать благородство Агнесы Ростиславовны, и даже понятія о ея отцѣ перемѣнятся у васъ. Видите ли... (*молчитъ*).

Клементьевъ. Ну, что же?

Иннокентіевъ. Да признаться, поусомнился, слѣдуетъ ли говорить.

Клементьевъ. Теперь поздно недоговаривать, Сидоръ Иванычъ. Не скажете вы, буду разузнавать отъ другихъ. Спрошу саму Надежду Всеволодовну.

Иннокентіевъ. Ну, отъ нея-то не узнаете, я спокоенъ въ этомъ. Она сама ничего не знаетъ.

Клементьевъ. Не можетъ быть!

Иннокентіевъ. Нечему тутъ не мочь быть, Платонъ Алексѣичъ. Ей было меньше недѣли отъ роду, когда ея мать умерла. Отъ кого жъ ей было узнать?

Клементьевъ. Пустяки; все таки слышала отъ кого нибудь.

Иннокентіевъ. Не отъ кого было. Теперь изъ насъ, которые въ живыхъ, только трое и знаемъ это: Агнеса Ростиславовна, да мы съ Андреемъ Дементьичемъ, и всѣ обѣщались ея покойному отцу хранить тайну. Благородный былъ человѣкъ, деликатный! Не любилъ сплетенъ, не хотѣлъ дѣлать напраснаго стыда людямъ.

Клементьевъ. Когда такъ, теперь уже не о чемъ вамъ молчать, Сидоръ Иванычъ; мнѣ все извѣстно.

Иннокентіевъ. Ну, значитъ обманывали меня, Платонъ Алексѣичъ, будто не знали, знали отъ Андрея Дементьича!

Клементьевъ. Зналъ ли, не зналъ ли прежде, теперь знаю вотъ что: отецъ Агнесы Ростиславовны получилъ богатство по смерти старшаго брата. У этого брата былъ сынъ, умеръ въ Москвѣ раньше отца. Мать Надежды Всеволодовны была любовницею этого сына. Надежда Всеволодовна его побочная дочь.

Иннокентіевъ. Такъ и есть, вы обманывали меня: Андрей Дементьичъ все сказывалъ вамъ!

Клементьевъ. Ничего не сказывалъ мнѣ вашъ Андрей Дементьичъ.

Иннокентіевъ. Такъ отъ кого же вы узнали? Значитъ отъ Нади, стало быть, въ противность нашей увѣренности, она знаетъ все! О, какая же хитрая! Знаетъ, и показываетъ видъ, что не знаетъ! И какъ могла дознаться? О, какая хитрая! Надобно распросить ее обо всемъ, предупредить, чтобы не вышла наружу ея хитрость передъ Агнесою Ростиславовною, не огорчила бы этого ангела! Наденька, гдѣ ты! Иди сюда, моя...

Клементьевъ (*напрасно удерживая его*) Не зовите. Не о чемъ распрашивать ее. Она ничего не говорила мнѣ.

Иннокентіевъ. Нѣтъ, нѣтъ, не обманете! Не отъ нея, то отъ кого же могли узнать?

Клементьевъ. Да отъ васъ же.

Иннокентіевъ. Нѣтъ, изъ моихъ словъ вы не могли узнать кто ея отецъ!

Клементьевъ. Да чего же тутъ не знать, когда ея отчество—Всеволодовна а двоюроднаго брата Агнесы Ростиславовны звали Всеволодъ. Вы сами навели на эти мысли.

Иннокентіевъ. Нѣтъ, нѣтъ, этого вы не могли угадать, не обманывайте! Я самъ давно зналъ все это и много думалъ, кто отецъ Нади, а не могъ угадать, пока не открыли мнѣ! О, нѣтъ, нѣтъ, вамъ это сказано,—не отпирайтесь: она сказала! Надобно распросить ее и предупредить. (*Громко*) Надя, иди сюда, моя милая.

Клементьевъ (*стараясь перебить*) Не зовите ее, я не хочу видѣть ея, пока не переговорю съ Агнесою Ростиславовною; Надеждѣ Всеволодовнѣ тяжело говорить со мною, пока она не увѣрена въ согласіи Агнесы Ростиславовны на нашъ бракъ.

Иннокентіевъ (*ничего не слушая, кричитъ между тѣмъ все громче и громче*) Надя, Наденька!.. Наденька, а, Наденька!.. Наденька.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Клементьевъ, Иннокентіевъ, Надя.

Надя. Чего изволите, Сидоръ Иванычъ?

(*Клементьевъ хочетъ уйти. Иннокентіевъ хватаетъ и держитъ его*).

Иннокентіевъ. Нѣтъ, не пущу! Должны присутствовать при допросѣ, а то скажете, что я спуталъ ее, спрашивалъ недобросовѣстно. (*Кротко*) Скажи, милая Наденька, ты родственница Агнесы Ростиславовны?

Надя. Я никогда не говорю объ этомъ, Сидоръ Иванычъ; вы должны понимать, почему не говорю. Мнѣ больно говорить, мнѣ горько и думать объ этомъ. Прошу васъ, позвольте мнѣ уйти.

Иннокентіевъ. Не могу позволить, милая Наденька. (*Къ Клементьеву*) Видите, все обнаруживается, какъ я и угадалъ! (*Къ Надѣ*) Скажи, милая Надя, какъ же ты родня Агнесѣ Ростиславовнѣ?

Надя. Не мучьте меня, Сидоръ Иванычъ.

Иннокентіевъ. Мнѣ жаль огорчать тебя, милая Наденька, но я обязанъ,— для твоей собственной пользы и для спокойствія той, спокойствіе которой должно быть самою священною заботою для тебя.—Скажи, мой другъ, не стыдись: въ какихъ отношеніяхъ находилась твоя мать къ твоему отцу?

Надя (*съ рыданіями*) Этого не могло быть... Моя мать не могла продать себя, не могла ни обманывать, ни обирать,— она любила моего отца! (*Бѣжитъ*).

Иннокентіевъ (*ловитъ ее*) Постой, милая Наденька, договоримъ.

Клементьевъ (*отводитъ его руку, самъ беретъ Надю*) Позвольте, Сидоръ Иванычъ, вы не умѣете говорить. Надежда Всеволодовна, я слышалъ, что ваша мать была очень добрая, скромная женщина. Каковы бы ни были ея отношенія къ вашему отцу, они были благородны. Вы заслуживали бы презрѣнія, если бы вы стыдились вашей матери.

Надя. Я не стыжусь ея, Платонъ Алексѣичъ, мнѣ только горько, что другіе могутъ думать о ней дурно.

Клементьевъ. Я думаю о ней, какъ слѣдуетъ честному человѣку думать о женщинѣ кроткой и скромной. Со мною вамъ не должно быть горько говорить о ней. Разскажите же, что вы знаете о ней. Я не желалъ бы настаивать, но вы видите, это необходимо. Безъ того Сидоръ Иванычъ подыметъ шумъ, котораго вы хотите избѣжать.

Надя (*послѣ раздумья*) Какъ я выскажу то, что я предполагаю? Моя догадка должна показаться неправдоподобною даже для васъ, Платонъ Алексѣичъ.

ЯВЛЕНІЕ 14.

Тѣже. Вбѣгаетъ Румянцевъ.

Румянцевъ (*вбѣгая*) Агнеса Ростиславовна поймала козявочку. Хорошенькую, хочетъ показать вамъ.

Иннокентіевъ (*Клементьеву*) Видите, какое у нея сердце. Всегда хочетъ подѣлиться съ другими всякою радостью. Я сейчасъ вернусь къ вамъ. Вы, Наденька, не уходите. (*Уходитъ съ Румянцевымъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Надя, Клементьевъ.

Клементьевъ. Мнѣ говорили, Надежда Всеволодовна, что ваша матушка пріѣхала въ деревню родныхъ Агнесы Ростиславовны больная.

Надя. И я такъ слышала, Платонъ Алексѣичъ. Какъ пріѣхала, такъ и не выходила изъ комнаты.

Клементьевъ. Надобно думать, ея здоровье было разстроено смертью вашего батюшки.

Надя. И я такъ думаю, Платонъ Алексѣичъ; но... (*молчитъ*).

Клементьевъ. Что, Надежда Всеволодовна?

Надя. Я сказала вамъ, Платонъ Алексѣичъ, у меня странныя мысли объ этомъ...

Клементьевъ. Говорите, нужды нѣтъ; покажутся-ли онѣ мнѣ вѣроятны, или нѣтъ, вы не можете ждать отъ меня насмѣшки.

Надя. Ваша правда. Если я и ошибаюсь, мои мысли внушены мнѣ любовью къ матери, тутъ не можетъ быть ничего смѣшнаго. Тотъ, котораго называютъ моимъ отцомъ — Всеволодъ Серпуховъ, онъ не могъ быть моимъ отцомъ. Говорятъ, онъ былъ человѣкъ съ благороднымъ характеромъ, — и должно быть, это правда, когда моя мать такъ любила его, что поѣхала къ его роднымъ послѣ его смерти. Такой человѣкъ не могъ бы имѣть любовницею любимую женщину и если бъ онъ былъ мой отецъ, моя мать была бы законною его женою.

Клементьевъ. Но быть можетъ, они не могли повѣнчаться. Быть можетъ, онъ былъ женатъ.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Или ваша матушка уже имѣла мужа.

Надя. Такой человѣкъ не могъ обольщать чужихъ женъ, и моя мать не могла измѣнить мужу.

Клементьевъ. Это слишкомъ большое незнаніе жизни; иногда и самые лучшіе люди отступаютъ отъ правилъ житейскаго порядка. Это не безславіе; когда то необходимо и когда наши побужденія чисты.

Надя. Я понимаю, Платонъ Алексѣичъ. Но я не хочу вѣрить тому ни о моей матери, ни о честномъ человѣкѣ, котораго называютъ моимъ отцомъ. Она не была его любовницею, онъ не имѣлъ любовницы, — такъ я хочу вѣрить, Платонъ Алексѣичъ. Я хочу вѣрить, что мой отецъ былъ мужъ моей матери, что они были бѣдны, что мой отецъ умеръ, что благородный человѣкъ, котораго напрасно называютъ моимъ отцомъ, былъ другъ ихъ и когда моя мать, — беременная мною, потеряла мужа и осталась безъ куска хлѣба, онъ сталъ заботиться о вдовѣ, — а когда сталъ умирать самъ, просилъ своихъ родныхъ не отказать въ пріютѣ бѣдной беременной вдовѣ его друга. (*Печально улыбается*) Вы видите, какую неправдоподобную исторію придумала я, чтобы сохранить полное уваженіе ко всѣмъ, кого люблю. Вы скажете: а мое отчество, Всеволодовна, — какъ же это? Я и на это придумала отвѣтъ: моя мать уже умерла, когда крестили меня; кто могъ вѣрить, что молодой человѣкъ, покровитель молодой женщины, не любовникъ ея? Если она и сказывала имя истиннаго моего отца, они всѣ подумали: она лжетъ, — и когда выбирали для меня отчество, выбрали не по ея словамъ, а по своей увѣренности. Скажите, все это неправдоподобно?

Клементьевъ. Неправдоподобно, мой другъ; но нѣтъ надобности находить это вѣроятнымъ, чтобы сохранить полное уваженіе къ вашей матери и Всеволоду Серпухову — кто бы ни былъ онъ вамъ, отецъ или нѣтъ.

Надя. Вотъ, я и впередъ знала, что вы не повѣрите. А все-таки, я остаюсь

убѣждена, что Всеволодъ Серцуховъ не былъ моимъ отцомъ, и что я вовсе не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Клементьевъ (*помолчавши*) То, что вы придумали, мой другъ, неправдоподобно. И однако жь это можетъ быть правдою. Ваши доказательства вовсе не убѣдительны: они основаны только на чувствѣ, и даже меньше, нежели на чувствѣ: только на предубѣжденіи. Но мнѣ пришло въ голову: какъ же въ самомъ дѣлѣ поѣхала бы ваша мать къ роднымъ Всеволода Серцухова, если бы была его любовницею? Это нравственная невозможность. Да, я вижу: исторія вашей матушки понятна только при томъ предположеніи, какое дѣлаете вы. Да, я самъ почти готовъ сказать, что вы не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ. Но скоро ли, наконецъ, прійдетъ эта любительница рыбочекъ и козявочекъ?

Надя. Платонъ Алексѣичъ, я не хочу, чтобы вы говорили съ нею. Рѣшительно, я не хочу идти за васъ.

Клементьевъ. Почему же вы не хотите, когда любите меня?

Надя. Мы довольно говорили объ этомъ.

Клементьевъ. Нѣтъ, мало. Въ вашихъ словахъ попалась мнѣ фраза, что вы не жалуетесь на свою судьбу, что вамъ жить лучше, нежели многимъ другимъ.

Надя. Что жь, это правда, Платонъ Алексѣичъ.

Клементьевъ. Вотъ въ этомъ-то вашемъ довольствѣ и заключается истинная причина того, что вы не соглашаетесь на мою просьбу. Мысли о неудобствахъ неровнаго брака,—справедливыя ли, пѣтъ ли, не имѣли бы сами по себѣ большаго вѣса. Но вы думаете, что вамъ здѣсь хорошо, и вы боитесь потерять это хорошее положеніе.

Надя (*подумавъ*) Правда, Платонъ Алексѣичъ. Я сама не замѣчала, что это главная причина. Но точно, она главная. Страшно и неблагоразумно рѣшаться на перемѣну судьбы, какъ судьба хороша.

Клементьевъ. Такъ. Но вы ошибаетесь въ томъ, что примѣняете это правило къ себѣ. Развѣ вамъ хорошо жить?

Надя. Хорошо, Платонъ Алексѣичъ. Вы самъ видите, всѣ эти люди добры ко мнѣ.

Клементьевъ. При постороннихъ.

Надя. И безъ постороннихъ. Никто не дѣлаетъ ни малѣйшей непріятности мнѣ.

Клементьевъ. Увѣряйте.

Надя. Разумѣется, невозможно жить на свѣтѣ совершенно безо всякихъ непріятностей. Но если бы кто хотѣлъ обидѣть меня, всѣ боятся, потому что Агнеса Ростиславовна очень расположена ко мнѣ и я справедливо люблю ее.

Клементьевъ. Я и не имѣю ничего противъ вашей любви къ ней: она добрая женщина, я самъ готовъ защищать ее отъ лишнихъ порицаній. Но она прихотница,—ей нечего дѣлать,—я вижу, какую бѣготню ежеминутно подымаетъ она отъ бездѣлья. Когда такая сустня съ нею каждому изъ нихъ, сколько же хлопотъ вамъ, ея горничной?

Надя. Я и не хочу скрывать, Платонъ Алексѣичъ: мнѣ очень много хлопотъ. Но жить можно.

Клементьевъ. Но завидна ли такая жизнь?

Надя. Дѣло не о томъ, завидна ли; только сносна ли. Когда сносна, человѣкъ моего состоянія долженъ имѣть одно желаніе: пусть продлится такъ, не было бы хуже.

Клементьевъ. Апатія невольничества, Надежда Всеволодовна.

Надя. Скажите проще, Платонъ Алексѣичъ: для меня не совсѣмъ понятно слово апатія.

Клементьевъ. Робость, трусливость рабовъ.

Надя. Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ: только благоразуміе бѣдныхъ людей. Но кто-то идетъ. Дайте же мнѣ слово, что не будете говорить съ Агнесою Ростиславовною.

Клементьевъ. Буду говорить, Надежда Всеволодовна. (*Входитъ Иннокентіевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Тѣже, Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ. Продолжимъ нашу прерванную бесѣду. Ты должна, милая Наденька, услышать отъ меня совѣты, внушаемые искреннимъ расположеніемъ...

Клементьевъ. Мы съ Надеждою Всеволодовною не сомнѣваемся въ немъ, но не безпокойтесь за наше благоразуміе: мы оба будемъ молчать о ея родствѣ съ Агнесою Ростиславовною.

Иннокентіевъ. Честное слово?

Клементьевъ. Извольте, честное слово.

Иннокентіевъ. Не только за себя, но и за нее?

Клемементьевъ. И за нее.

Иннокентіевъ. Ну, и слава Богу! И прекрасно! Милая Наденька, Агнеса Ростиславовна сейчасъ прійдетъ, подогрѣты ли духи и вода?

Надя. Подогры.

Иннокентіевъ. А чисты ли у тебя руки?

Надя. Чисты.

Иннокентіевъ. Нѣтъ, лучше покажи (*смотритъ руки ея, въ особенности ладони*). Хорошо, чисты; теперь я спокоенъ. Иди теперь туда, гдѣ тамъ эти духи и миса, и стой и будь готова принести по первому зову. (*Надя уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ 17.

Клементьевъ. Иннокентіевъ.

Иннокентіевъ. Ну, слава Богу, Платонъ Алексѣичъ, что ваши поступки и слова будутъ благоразумны и пріятны Агнесѣ Ростиславовнѣ. Но должно привести и самыя ваши чувства къ ней въ болѣе полное соотвѣтствіе съ долгомъ справедливости. Это будетъ легко, потому что вы уже знаете факты, надобно только истолковать вамъ ихъ нравственное значеніе. Къ дядѣ пріѣзжаетъ любовница племянника,—какъ принимаютъ подобныхъ женщинъ люди, справедливо негодующіе на ихъ развратъ и проклинающіе вредное ихъ вліяніе на судьбу своихъ молодыхъ родныхъ? Но отецъ Агнесы Ростиславовны принимаетъ мать Нади съ великодушнымъ гостепріимствомъ—какая возвышенность души, не правда ли?—Вмѣсто вражды,—любовь; вмѣсто побіенія камнями—кусокъ хлѣба, и не только кусокъ хлѣба, всѣ удобства жизни, почти до роскоши. Мало того: чтобы бѣдная преступница могла забыть гнусность своего разврата, запрещается говорить о

томъ, кто она. Многіе догадываются, но всѣ молчатъ, соблюдая великодушную волю господина. Она умираетъ, къ нравственному стастію своей малютки дочери, которая спасена тѣмъ отъ ея гибельнаго вліянія,—и господинъ, видя въ томъ перстъ провидѣнія, съ мужественнымъ благородствомъ вводитъ своихъ домочадцевъ на стезю новаго великодушія, тѣмъ указываемую. Малютка не будетъ знать о своемъ позорномъ происхожденіи, отъ юной души будетъ скрытъ всеобщимъ молчаніемъ стыдъ ея матери! — Умираетъ великодушный хранитель первыхъ лѣтъ Нади, власть переходитъ къ молодой и нѣжной женщинѣ,—что же? — о, конечно, она уступитъ стыдливому возмущенію своего скромнаго сердца. Тѣ зрѣлища, которыя переноситъ старецъ, привыкшій видѣть порочность людей, наполняютъ невыносимымъ негодованіемъ душу юную, деликатную и чистую. Но и Агнеса Ростиславовна твердою стопою идетъ по стезѣ отца! И у нея, слабой женщины, достаетъ силы молчать и ласкать, подавляя всѣ свои справедливѣйшія чувства стыдливаго отвращенія отъ порока и порочныхъ воспоминаній, которыхъ символомъ служитъ Надя. Откуда эта сила сердца, великодушнаго до высоты, едва постижимой? Откуда?! Отъ ангельской природы этого воплощеннаго милосердія! О, Боже! Какъ велика милость Твоя къ намъ, что Ты даешь намъ на землѣ предвкушать сладость общежитія съ существами небесными! (*Въ промежуткахъ самыхъ возвышенныхъ терминовъ сморкается*). О, милый другъ, Платонъ Алексѣичъ! Слезы текутъ изъ глазъ моихъ, и я не видя лица твоего сквозь туманъ ихъ потоковъ, знаю: также плачешь отъ умиленія и ты! Блаженны плачущіе такими слеза... (*Начинаетъ ревѣть, закрываясь платкомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣже. Агнеса Ростиславовна и Городищевъ.

(*Идутъ. Она опираясь на его руку и съ нѣжнымъ восхищеніемъ смотритъ на кончикъ указательнаго пальца другой его руки,—всѣ пальцы этой (лѣвой) его руки сложены, торчитъ прямо одинъ указательный, который держится вверхъ недалеко отъ носа Агнесы Ростиславовны, и самъ Городищевъ смотритъ на этотъ кончикъ своего пальца*).

Агнеса Ростиславовна (*смотря на кончикъ указательнаго пальца лѣвой руки Городищева, умильно*) Козявочка, козявочка.

Городищевъ (*смотря на тотъ же пунктъ недалеко отъ носа Агнесы Ростиславовны, сладко говоритъ на распѣвъ*).

Скоморохъ, скоморохъ,
Полети на горохъ!

(*съ тихою радостью, прозой*) Полетѣлъ.

Агнеса Ростиславовна (*съ томнымъ восторгомъ*) Полетѣлъ, полетѣлъ! (*Между тѣмъ подходятъ къ дивану, Агнеса Ростиславовна возлегаетъ на него*).

Агнеса Ростиславовна (*томно*) Устала *).

Городищевъ. Я опасаюсь, не почувствовали ли, Агнеса Ростиславовна, что подлѣ рѣки сыро.

*) Далѣе, вся сцена натиранія ногъ Агнесы Ростиславовны (явленія 19 и 20) въ рукописи зачеркнута.

Агнеса Ростиславовна. Да. Но кажется, я не замочила подолъ.

Городищевъ. Надобно принять предосторожности противъ простуды ногъ. Вѣроятно, оттого и усталость у васъ, Агнеса Ростиславовна, что ноги нѣсколько чувствуютъ простуду.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Наденька!

ЯВЛЕНІЕ 19.

Тѣже. Надя (несетъ мису, потомъ несетъ чашку съ духами).

Городищевъ. Наденька, опустите ваши руки въ теплую воду,—или погодите (*смотритъ на Агнесу Ростиславовну*) Погодите, Наденька, я самъ... (*Смотритъ на Агнесу Ростиславовну*) Я самъ... прежде попробую воду (*опускаетъ руки въ мису. Подбѣгаетъ къ Агнесѣ Ростиславовнѣ. Тутъ въ немъ мученіе страшнаго колебанія: какъ это понравится Агнесѣ Ростиславовнѣ? А она не возьметъ въ толкъ съ-разу, что у него на умѣ*) Наденька, погодите (*смотритъ на Агнесу Ростиславовну, которая все время умильно поводитъ глазами и немножко носомъ*).

Городищевъ (*подбѣгая къ Клементьеву*) Добрый другъ, прошу васъ,—выйдите на минутку въ садъ,—Агнесѣ Ростиславовнѣ необходимо принять гигіэническія предосторожности. Послѣ я представлю ей васъ. Сидоръ Иванычъ, будьте добръ, погуляйте съ Платономъ Алексѣичемъ. (*Клементьевъ и Иннокентіевъ уходятъ*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, я подумалъ, что у Нади руки не могутъ быть совершенно мягки,—какъ бы то ни было, она часто держитъ въ нихъ утюгъ; это должно сушить кожу.

Агнеса Ростиславовна (*поводитъ носомъ*) Да.

Городищевъ (*Надѣ*) Милая Наденька, Агнеса Ростиславовна отпускаетъ васъ. Я позову, когда вы будете нужны.

Агнеса Ростиславовна. Да (*Надя уходитъ, Городищевъ закрываетъ ноги Агнесы Ростиславовны одѣяломъ и опускаетъ руки въ мису*).

ЯВЛЕНІЕ 20.

Агнеса Ростиславовна. Городищевъ (съ руками въ мисѣ).

Агнеса Ростиславовна (*все томно*) Милый.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, если бы вы знали, какъ трепетало мое сердце, когда я рѣшился замѣнить въ этомъ случаѣ Надю,—я зналъ, что мои руки мягче, что я менѣе Нади раздражу треніемъ ваши нѣжные нервы, что мои руки легче исполнятъ эту манипуляцію,—но... когда я думалъ объ этомъ, мое сердце такъ трепетало...

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ (*отираетъ руки, становится на колѣна у ногъ Агнесы Ростиславовны, засовываетъ руки подъ одѣяло. Агнеса Ростиславовна постепенно повертывается съ боку на спину. Онъ вытаскиваетъ изъ-подъ одѣяла башмачки, потомъ подвязки, потомъ чулки*) Довольно ли ловко я разуваю, Агнеса Ростиславовна? Я боюсь, не грубо ли я касаюсь.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ, нѣжно; нѣжно; да, нѣжно.

Городищевъ (*опять къ мисѣ, снова опускаетъ руки*).

Агнеса Ростиславовна. Милый... Что же Клементьевъ? Зачѣмъ?

Городищевъ. Хочетъ жениться, а денегъ мало; пріѣхалъ попросить у васъ.

Агнеса Ростиславовна. Я дамъ ему. Я люблю дѣлать счастливыхъ.

Городищевъ (*между тѣмъ подошедшій опять, ставшій на колѣна, льетъ на руки духи, запускаетъ руки подъ одѣяло*) Простите мою дерзость, Агнеса Ростиславовна, но я считаю необходимымъ для вашего здоровья натереть вамъ ноги по крайней мѣрѣ до половины икръ.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ.

Городищевъ. Простите мою дерзость. Это необходимо (*льетъ опять духи и засовываетъ руки*).

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ,—нѣтъ.

Городищевъ (*переступаетъ на колѣнахъ повыше отъ ея ступней*) Довольно ли еще теплы мои руки?

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ (*опять льетъ духи и передвигается еще*) Конечно, онъ будетъ раскаяваться, но это долгъ чести.

Агнеса Ростиславовна. Да—довольно (*кладетъ руки вмѣстѣ на своихъ ногахъ*).

Городищевъ. Нѣтъ, Агнеса Ростиславовна, навлеку на себя вашъ гнѣвъ, но ваше здоровье для меня дороже не только моего спокойствія, даже вашихъ собственныхъ желаній.

Агнеса Ростиславовна. Милый... но довольно.

Городищевъ (*встаетъ*) Не совсѣмъ довольно, Агнеса Ростиславовна, но не смѣю ослушаться васъ (*цалуетъ руки ея, лежащія вмѣстѣ на ногахъ*).

Агнеса Ростиславовна. Благодарю васъ, милый... поцалуйте меня. (*Городищевъ благоговѣйно цалуетъ, она только съ нѣжностью держитъ рыло подъ поцалуемъ, сама не двигая губами, а только томно закрываетъ глаза*).

Агнеса Ростиславовна. Милый... позовите.

Городищевъ. Позвольте мнѣ самому и обуть васъ.

Агнеса Ростиславовна. Пусть... Надя.

(*Городищевъ становится на колѣна и обуваетъ, все это подъ одѣяломъ. Она все держитъ руки сложенными на ногахъ*).

Агнеса Ростиславовна. Милый, благодарю... поцалуйте меня еще (*поцалуй въ прежнемъ порядкѣ*). Милый... Теперь, позовите (*закрываетъ глаза и лежитъ такъ*).

Городищевъ. Наденька (*Надя входитъ и выноситъ мису,—потомъ чашку, а между тѣмъ Городищевъ выходитъ въ другую дверь, возвращается, за нимъ входятъ Клементьевъ и Иннокентіевъ*).

ЯВЛЕНІЕ 21.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Иннокентіевъ, Клементьевъ.

Агнеса Ростиславовна (*томно раскрывая глаза*) Клементьевъ, я рада снова видѣть васъ (*раздвигаетъ руки такъ, что онѣ ложатся вытянутыя каждая по своей ногѣ, и немного приподнимаетъ кисть той руки, къ которой ближе приложится Клементьеву*).

Городищевъ истолковываетъ Клементьеву этотъ жестъ глазами, а Инно-

кентіевъ подталкиваетъ Клементьева, чтобы шелъ приложиться. Шепчетъ—Что же вы, идите).

Агнеса Ростиславовна (*шевелитъ приподнимаемой кистью*).

Городищевъ (*будто шепчетъ Клементьеву, но чтобы слышала Агнеса Ростиславовна*) Вы слишкомъ робокъ; подойдите къ Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Агнеса Ростиславовна. Не бойтесь меня (*приподымаетъ руку, — Городищевъ подводитъ Клементьева, тотъ по необходимости не дѣлать скандала, подходитъ и цалуетъ*).

Агнеса Ростиславовна. Вы давно... Андрей Дементьичъ, вы скажите ему мои мысли.

Городищевъ. Вы странствовали очень долго, Платонъ Алексѣичъ; вы слишкомъ долго зажились на чужбинѣ.

Клементьевъ. Раньше не могъ вернуться. Заѣхалъ далеко, а денегъ у меня не было; да и хотѣлось побольше присмотрѣться, какъ живутъ люди тамъ, гдѣ лучше, нежели у насъ.

Городищевъ (*торопливо дополняетъ*) Климатъ и фрукты, въ особенности же птички: райскія птицы, попугаи, колибри.

Агнеса Ростиславовна. Милыя птички. Гдѣ?

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна чрезвычайно любитъ попугаевъ, — и дѣйствительно ничто не можетъ сравниться съ прелестью и яркостью перьевъ, которыми украшены эти милыя существа, — ничто, кромѣ лица, озареннаго свѣтомъ гуманной мысли.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Выразивъ свое сочувствіе къ этимъ невиннымъ и прекраснымъ существамъ, Агнеса Ростиславовна желала также знать, гдѣ именно провели вы эти годы, Платонъ Алексѣичъ.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Клементьевъ. Больше всего я жилъ въ Новой Англіи и въ западныхъ штатахъ.

Агнеса Ростиславовна. Это.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна хочетъ сказать, что это въ Сѣверной Америкѣ, и что она любитъ сѣверо-американцевъ.

Агнеса Ростиславовна. Почему?

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна желаетъ знать, почему же именно вы больше всего жили тамъ (*Агнеса Ростиславовна поводитъ носомъ*) и проситъ васъ присѣсть, Платонъ Алексѣичъ.

Агнеса Ростиславовна. Да. (*Всѣ садятся*).

Клементьевъ. Я сказалъ, почему: было интересно получше узнать то общество. Кромѣ того у меня не было денегъ, а тамъ нуждаются въ работникахъ и хорошо платятъ имъ.

Агнеса Ростиславовна. Да; но...

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна справедливо замѣчаетъ, что однако же нигдѣ такъ не уважается и не награждается трудъ, какъ у насъ (*молчаніе*).

Клементьевъ. Я пріѣхалъ сюда по дѣлу, которое очень важно для меня, и хочу обратиться къ вамъ, Агнеса Ростиславовна, съ просьбой...

Агнеса Ростиславовна. Послѣ; я очень утомлена; послѣ; Андрей Дементьичъ передастъ мнѣ; сдѣлаю для васъ все. Андрей Дементьичъ, Надю.

Городищевъ (*бѣжитъ, кричитъ:*) Наденька (*входитъ Надя*).

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣже. Надя.

Агнеса Ростиславовна. Брильянты. Показать (*Надя хочетъ идти, но останавливается выслушать Городищева*).

Городищевъ. Вы поняли, милая Наденька? Агнеса Ростиславовна приказываетъ вамъ принести ея брильянты. Агнеса Ростиславовна желаетъ показать ихъ Платону Алексѣичу Клементьеву.

Надя. Понимаю. (*Уходитъ, возвращается съ коробочками*).

Городищевъ. Платонъ Алексѣичъ, подойдите поближе къ Агнесѣ Ростиславовнѣ смотрѣть брильянты. (*Агнеса Ростиславовна на-половину привстаетъ, сама смотритъ и показываетъ. У ея ногъ группа изъ Нади, которая вынимаетъ для нея вещички изъ коробочекъ, Клементьева и Иннокентіева. Иннокентіевъ съ умиленіемъ восклицаетъ по временамъ: „Прекрасно!“ — „Великолѣпно!“ Агнеса Ростиславовна томно: „Вотъ“ — и отвѣчая Иннокентіеву: „Да“. Городищевъ между тѣмъ третъ лобъ, садится и пишетъ*).

Городищевъ (*отводитъ Иннокентіева въ сторону, и подавая бумажку, шопотомъ*) Будьте добры, Сидоръ Иванычъ, найдите Сёмку, отдайте. Мотивы пріищетъ самъ. Пѣть подъ окномъ.

Иннокентіевъ. Хорошо (*уходитъ и потомъ возвращается*).

Агнеса Ростиславовна. Скучно. Блескъ (*томно отводитъ рукою брильянты. Надя закрываетъ коробочки и хочетъ уйти*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна хочетъ сказать, что суетный блескъ пересталъ занимать ее.

Клементьевъ. Агнеса Ростиславовна, позвольте мнѣ просить васъ выслушать...

Агнеса Ростиславовна. Устала.

Городищевъ. Наденька, Агнеса Ростиславовна приказываетъ вамъ принести ликерныя конфекты, которыя подкрѣпятъ ее (*Надя идетъ. Въ это время, подъ окномъ,—поетъ*).

Пѣсня рыбака.

(*поетъ Сёмка подъ окномъ*).

Andante piano.

Тихимъ плескомъ свѣтлыхъ водъ,
Всколыхалася рѣка
Переливы дивныхъ нотъ
Нѣжатъ сердце рыбака:

Scherzando.

Рыбка рыбку шевелитъ
Рыбка рыбкѣ говоритъ:

Allegro.

Бѣдъ промчались облака:
Благотворная рука
Накормила насъ.
Радость наша велика;
Превращается рѣка
Въ танцовальный классъ.

(*При первыхъ звукахъ, Агнеса Ростиславовна оживляется и мгновенно впадаетъ въ сладостное томленіе, опускаясь на подушки мордою къ верху, задирая носъ и закрывая глаза.—Иннокентіевъ тихо разводитъ руками и покачивается въ тактъ. Онъ, какъ и всегда, въ искреннѣйшемъ восторгѣ.—Городищевъ, пока Агнеса Ростиславовна не видитъ, пожимаетъ плечами, дѣлая Клементьеву мины, говорящія: „Видите, какова моя жизнь!“—а когда въ концѣ пѣнія Агнеса Ростиславовна открываетъ глаза, у него уже готовъ платокъ и онъ утираетъ слезы умиленія*).

Агнеса Ростиславовна (*возвращаясь къ жизни*) Мило, мило. Гдѣ онъ? Иду.

Городищевъ (*подбѣгая къ окну*) Добрый рыбакъ не уходи. Ты будешь награжденъ за твою простодушную пѣсенку.

Агнеса Ростиславовна (*встаетъ при помощи Городищева и уходитъ, опираясь на его руку. Иннокентіевъ уходитъ за ними*).

ЯВЛЕНІЕ 23.

Клементьевъ. Надя.

Надя. Если вы скажете Агнесѣ Ростиславовнѣ,—я уйду,—я убѣгу,—я брошусь въ рѣку. Мнѣ житья не будетъ. Агнеса Ростиславовна будетъ гнѣваться. Всѣ они будутъ ѣсть меня. Лучше, утопиться: не говорите, утоплюсь.

Клементьевъ. Надежда Всеволодовна, да если бъ она и стала сердиться, можно избѣжать бѣды иначе: уйдете отъ нея не въ рѣку, а вмѣстѣ со мною вѣнчаться.

Надя (*образумливаясь*) Въ самомъ дѣлѣ я говорю какъ сумасшедшая. Но я не поступлю противъ ея воли. Она моя благодѣтельница и я люблю ее. Не могу быть неблагодарной. Не могу покинуть ее. Я необходима для нея.

Клементьевъ. Она согласится на нашу свадьбу, вы увидите.

Надя. Нѣтъ. Молчите, умоляю васъ. Я не должна, не могу покинуть ее. А она не будетъ добра ко мнѣ по прежнему, когда будетъ думать, что я хотѣла быть такою неблагодар...

ЯВЛЕНІЕ 24.

Тѣже. Входитъ Городищевъ.

Городищевъ. Что за шельма этотъ подлецъ Сёмка! Увѣряетъ, что въ самомъ дѣлѣ рыбки въ рѣкѣ плаваютъ веселѣе прежняго. Выманилъ у нея пять рублей, совсѣмъ заговорилъ ее, отпустила меня. Хоть на минуту можно подумать о чемъ-нибудь дѣльномъ. Въ чемъ же ваша просьба къ ней, Клементьевъ?

Клементьевъ. Я люблю Наденьку (*она хочетъ уйти, онъ удерживаетъ ее*). Она не пойдетъ за меня безъ согласія Агнесы Ростиславовны, помогите мнѣ упросить Агнесу Ростиславовну.

Городищевъ. Вы хотите жениться на Наденькѣ?—горничной,—нищей? (*Одинъ мигъ стоитъ въ изумленіи. Потомъ горячо и искренно*) Но что же я! Наденька умная, благородная дѣвушка (*Надя вырывается изъ руки Клементьева и убѣгаетъ*). Я понимаю, что можно полюбить ее. Вы умный человѣкъ, Клементьевъ. Вашъ выборъ прекраснъ. Добьюсь ея согласія на вашу свадьбу. Вы честный че-

ловѣкъ, я уважаю васъ, ваше счастье будетъ радовать меня, — еще милѣе мнѣ будетъ видѣть счастье Наденьки, — потому что — вамъ извѣстны мои отношенія къ Агнесѣ Ростиславовнѣ, — я привыкъ считать Наденьку почти за родную мнѣ, — конечно вы знаете: она родственница Агнесы Ростиславовны. Вѣрьте мнѣ, я искренно люблю Наденьку.

Клементьевъ. Вѣрю и благодарю васъ. Я осуждаю васъ за многое, Городищевъ...

Городищевъ. Какъ бы ни осуждали, не можете осуждать болѣе горько, нежели я самъ.

Клементьевъ. Но я вижу теперь, въ глубинѣ души вы все-таки добрый и благородный человѣкъ.

Городищевъ. Надѣюсь, что такъ; и докажу вамъ это. Клементьевъ, если бы моя судьба была иная, — если бы моя молодость, — быть можетъ, и моя слабость, — и красота этой женщины, и ея доброта, — потому что при всей своей пустотѣ и пошлости она очень добра, — если бы все это не увлекло меня, то и я, быть можетъ, умѣлъ бы пройти путь жизни безукоризненно. Теперь, мнѣ остается одно утѣшеніе, одно оправданіе: я унижаюсь не безъ пользы для другихъ, — и потому безчестье мое, — если вы называете это угодничество безчестнымъ, — не лишено и правъ на имя честной, — трудной, о, трудной! — но честной службы людямъ, судьба которыхъ зависитъ отъ... (*Входитъ Агнеса Ростиславовна, опираясь на руку Иннокентіева, и Городищевъ мгновенно обращается въ лакея*).

ЯВЛЕНІЕ 25.

Тѣже. Иннокентіевъ, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна (*возлегая*) Мило... Мило... устала... благодарю васъ, Андрей Дементьичъ, за этотъ милый сюрпризъ (*приподнимаетъ руку, чтобы онъ приложился. Онъ прикладывается*).

Городищевъ (*прикладываясь*) Вы напрасно приписываете мнѣ заслугу этого сюрприза, Агнеса Ростиславовна. Добрый старичокъ повинѣвался тутъ единственно внушенію своей простодушной любви къ вамъ.

Агнеса Ростиславовна. Не отпирайтесь. Онъ признался мнѣ во всемъ (*опять приподымаетъ руку. Городищевъ опять прикладывается*).

Городищевъ. Если такъ, вы могли по крайней мѣрѣ видѣть, какъ искренно счастливъ онъ мыслью, что его самородный и наивный талантъ могъ доставить вамъ минуту удовольствія.

Агнеса Ростиславовна. Да. Добрый старичокъ. Искренно любитъ меня. Я счастлива любовью этихъ милыхъ, безхитростныхъ дѣтей природы.

Городищевъ. Обожать благодѣтельницу — и обязанность и въ то же время самая сладкая радость осчастливливаемыхъ вами.

Агнеса Ростиславовна. Да. (*Снова приподымаетъ руку. Онъ снова прикладывается*).

Городищевъ. Вамъ предстоитъ выслушать признательность преданности, еще болѣе пылкой, — отъ человѣка, который нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, — ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, не встрѣчалъ такого нѣжнаго и благотворительнаго сердца.

Агнеса Ростиславовна. Да. Клементьевъ, я сдѣлаю для васъ все. Андрей Дементьичъ, о чемъ онъ проситъ?

Клементьевъ. Я прошу вашего согласія на мою сватьбу съ Надеждою Всеволодовною.

Агнеса Ростиславовна. (*Привставая. Быстро, здоровеннымъ голосомъ*) Какъ? Что? (*ослабѣваетъ и падаетъ*) А-а-ахъ! (*закрываетъ глаза и совершенно умираетъ*).

Городищевъ и Иннокентіевъ (*въ одинъ голосъ*) Наденька! (*Городищевъ ухаживаетъ за совершенно умершею, которая слабо стонетъ, какъ едва-едва живая. Вбѣгаетъ Надя, Городищевъ уступаетъ ей Агнесу Ростиславовну, а самъ отводитъ Клементьева въ сторону*).

ЯВЛЕНІЕ 26.

Тѣже. Надя.

Городищевъ (*торопливо, съ упрекомъ*) Клементьевъ, видите, что вы надѣлали! Вамъ казалось, что я не умѣю сказать за васъ, какъ слѣдуетъ! Нетерпѣніе,— непростительно, милостивый государь, вы не мальчикъ, должны бы понимать, какъ надобно обращаться съ людьми. Такъ только медвѣди гнутъ дуги, какъ вы поступили, сударь. Непростительно, непростительно быть такимъ безтактнымъ,— извините меня, глупцомъ.

Агнеса Ростиславовна (*открывая глаза*) Неблагодарная... отойди... отъ меня... (*умираетъ*).

Надя (*цалуя ея руки*) Агнеса Ростиславовна, простите меня (*падаетъ на кольна, плачетъ, цалуетъ руки*) Я не соглашалась... Я сказала ему, что лучше утоплюсь, нежели огорчу васъ... Добрая Агнеса Ростиславовна, простите меня! (*Цалуетъ руки*).

Агнеса Ростиславовна (*вздыхаетъ, не открывая глазъ, и отнимаетъ у нея свои руки*).

Надя (*не выпуская ея рукъ*) Простите... простите... простите...

Агнеса Ростиславовна (*совершенно умереннымъ голосомъ*) Неблагодарная (*вырываетъ руку, по забывчивости о своемъ безсиліи, съ такою силою, что Надя, потерявъ равновѣсіе, ударяется головою о диванъ*).

Надя (*снова ловя руки Агнесы Ростиславовны*) Простите меня... Агнеса Ростиславовна, простите меня.

Агнеса Ростиславовна (*съ закрытыми глазами, отнимаетъ свои руки,—и такъ какъ здоровенная баба, то каждый разъ успѣваетъ вырвать*).

Городищевъ (*между тѣмъ, нѣсколько успокоиваясь*) Непростительно, Клементьевъ, извините,—вы глупецъ, глупецъ, какихъ мало. Впрочемъ, это понятно. Искренняя любовь неразсчетлива, а минуты ожиданія кажутся цѣлыми годами, годами пытки. Идите въ садъ, оставьте меня одного съ Агнесою Ростиславовною, (*тихо*) можетъ быть и удастся поправить вашу ошибку. Не ручаюсь. Дѣло плохо. Но можетъ быть.—Сидоръ Иванычъ, уведите его.

Иннокентіевъ. Платонъ Алексѣичъ, пойдемте же. Эхъ, право, что́ вы надѣлали (*уводитъ Клементьева*).

ЯВЛЕНІЕ 27.

Агнеса Ростиславовна, Надя, Городищевъ.

Городищевъ (*отводитъ Надю отъ Агнесы Ростиславовны*) Прочь отсюда, неблагодарная, безчувственная! Твой видъ убиваетъ Агнесу Ростиславовну. (*Уводитъ ее въ дверь во внутреннія комнаты, въ дверяхъ шепчетъ ей*) Не бойся, мой дружокъ, Наденька, поправлю все какъ нибудь. Молись Богу.

ЯВЛЕНІЕ 28.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ.

Городищевъ (*подходитъ къ Агнесѣ Ростиславовнѣ, становится на колѣни*) Бѣдная страдалица! (*Агнеса Ростиславовна лежитъ умершая*) Любить людей, благодѣтельствовать имъ, жить только для счастья другихъ—и вотъ награда за то! Бѣдная страдалица! (*Беретъ ея руку*).

Агнеса Ростиславовна (*отдергивая руку, гнѣвно*) Отойдите отъ меня! Не умѣли предупредить!

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, ударъ, поразившій васъ, тяжелъ; Богъ послалъ вамъ жестокое испытаніе.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Она уже сознала передъ вами свою вину. И вы слышали, что она не хотѣла этого. Она такъ любитъ васъ, что жертвуетъ для васъ Клементьевымъ, жертвуетъ съ радостью, съ восторгомъ. Ваша улыбка дороже для нея счастья всей жизни.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Она сказала вамъ, что если вы отдадите ее Клементьеву, она утопится.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Городищевъ. Она добрая дѣвушка, она хорошо понимаетъ свои обязанности къ вамъ и хочетъ остаться вѣрна имъ, хотя бы это стоило ей жизни.

Агнеса Ростиславовна (*постепенно оживавшая, впадаетъ въ сантиментальность*) Она любитъ меня; она хорошая дѣвушка; я награжу ее. Я сдѣлаю ее счастливою. Позовите этого человѣка.

Городищевъ. Великодушная, милосердая! Вы дѣлаете счастливыми ихъ,—а я, преступный,—я не долженъ роптать,—вашъ гнѣвъ заслуженъ мною.

Агнеса Ростиславовна. Я прощаю (*приподымаетъ руку. Онъ прикладывается*) Милый, вы плачете?

Городищевъ. Нѣтъ.

Агнеса Ростиславовна. Ваши слезы упали на мою руку.

Городищевъ. Неужели? Я старался удерживать ихъ.

Агнеса Ростиславовна. Милый, вы любите меня. Поцалуйте меня (*онъ прикладывается къ ея губамъ*). Милый, напишите мои мысли, я прочту ему. Она остается моею горничною. Я скажу ей сама.

Городищевъ. Остается вашею горничною? Но, Агнеса Ростиславовна, согласится ли онъ, и удобно ли будетъ для нея?

Агнеса Ростиславовна (*молча смотритъ на него*).

Городищевъ (*отчасти оробѣвъ*) Агнеса Ростиславовна, я думалъ всего больше о вашемъ удобствѣ. Замужняя горничная не можетъ безраздѣльно отдавать всѣ свои мысли на службу своей госпожи, потому.

Агнеса Ростиславовна. Милый, вы не любите меня.

Городищевъ. Простите меня, Агнеса Ростиславовна, я согласенъ, что мои замѣчанія были неосновательны и неумѣстны.

Агнеса Ростиславовна. Да. Напишите же мои мысли.

Городищевъ (*садится и пишетъ. Подаетъ ей*).

Агнеса Ростиславовна (*читаетъ*) Да. Теперь позовите этого человѣка. (*Городищевъ уходитъ. Она прикладываетъ платокъ къ глазамъ*).

ЯВЛЕНІЕ 29.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Клементьевъ.

Агнеса Ростиславовна. Я плакала. Слезы мѣшаютъ мнѣ говорить. Андрей Дементьичъ, прочтите Клементьеву (*подаетъ бумажку Городищеву*).

Городищевъ (*читаетъ*) „Вы огорчили меня, Клементьевъ. Но я люблю мою Надю и не могу помнить зла. — Я не могу жить безъ нея, и она не соглашается разстаться со мною. Я позволяю ей выйти за васъ и оставляю ее при себѣ. Вы едва не убили меня. Вы не знаете женскаго сердца. Вы могли бы убить ее такимъ обращеніемъ. Я должна сама приготовить ее къ перемѣнѣ ея судьбы. Прошу васъ не мѣшать мнѣ въ этомъ. Ваше присутствіе было бы излишнимъ и могло бы быть вреднымъ, и для васъ самого и въ особенности для Наденьки. Вы будете приглашенъ принять ее изъ моихъ рукъ, когда она будетъ приготовлена мною отдать вамъ свое сердце“.

Агнеса Ростиславовна (*наклоняетъ голову въ знакъ того что это ея мысли и приподымаетъ свободную руку, не отнимая платка отъ глазъ*).

Клементьевъ (*стоитъ озадаченный*) Какъ? Она должна остаться вашею горничною?

Городищевъ (*шопотомъ*) Не спорьте. Лишь бы повѣнчаться; тогда увидимъ, какъ лучше.

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьичъ, подойдите ко мнѣ. Вы что-то шептали ему. Что? (*Городищевъ идетъ, бросивъ на Клементьева взглядъ, говорящій: не выдавай же меня этой дурѣ*).

Клементьевъ. Я вполнѣ согласенъ, чтобы моя жена оставалась вашею горничною, пока будетъ находить это удобнымъ для себя, и благодарю васъ за согласіе на нашу сватьбу (*Городищевъ дѣлаетъ ему знакъ, чтобы онъ приложился. Онъ подходитъ, прикладывается*).

Городищевъ. Теперь вы должны удалиться, Клементьевъ. Мы пригласимъ васъ, когда Надя будетъ приготовлена видѣть васъ.

Клементьевъ (*отошедшій на свое мѣсто*) Когда же?

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна разстроена теперь, и должна отдохнуть прежде нежели возьметъ на себя трудное дѣло объявить Наденькѣ о перемѣнѣ ея судьбы. Я думаю, что мы не можемъ пригласить васъ раньше, нежели какъ часа черезъ два. Вы пока погуляете съ Сидоромъ Иванычемъ по саду.

Агнеса Ростиславовна. Черезъ два дня. Вы будете ждать въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ.

Клементьевъ. Два дня! Цѣлыхъ два дня! Для чего же такой долгій срокъ?

Агнеса Ростиславовна. Такъ необходимо.

Клементьевъ (*хочетъ возразить, но Городищевъ зажимаетъ ему ротъ*).

Городищевъ. Не спорьте. (*Шепчетъ*) Какъ тутъ спорить изъ за какихъ нибудь двухъ дней? Вы видите, какова эта дура. (*Громко*) Два дня, это самый короткій срокъ. Меньше, невозможно, Клементьевъ. Гдѣ же бы будете жить, чтобы знать, куда прислать за вами?

Клементьевъ. Но...

Городищевъ (*зажимая ему ротъ*) Не будьте же безумцемъ. Вы опять испортите все. Опять огорчите Агнесу Ростиславовну.

Агнеса Ростиславовна. Да.

Клементьевъ. Хорошо, согласенъ на все. Буду жить на сосѣдней станціи.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна такъ добра, что соглашается на это.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ.

Городищевъ. Онъ будетъ жить въ Москвѣ. (*Шепчетъ*) Богъ съ нею, наговоримъ ей даже больше, чѣмъ ей вошло въ голову, лишь бы опять не стала корячиться. Живите, гдѣ хотите, лишь бы не на глазахъ у ней.

Агнеса Ростиславовна. Что вы шепчете?

Городищевъ. Клементьевъ, скажите, что я шепталъ вамъ.

Клементьевъ. Вы требуете, чтобы я жилъ въ Серпуховѣ. Андрей Дементьичъ растолковалъ мнѣ, что я слишкомъ много обязанъ вамъ, и долженъ дѣлать не только все, чего вы требуете, а даже больше. Я уѣду дальше Серпухова, въ Москву.

Агнеса Ростиславовна (*взглядывая на Городищева*) Милый. (*Приподымаетъ руку. Онъ прикладывается. Она Клементьеву*) И вы милый (*приподымаетъ руку. И онъ прикладывается и отходитъ*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна утомлена и проситъ васъ дать ей отдохнуть. (*Шепчетъ*) Уходите поскорѣе, пока она не выдумала еще чего нибудь.

Агнеса Ростиславовна. Что вы шепчете?

Клементьевъ. Онъ спрашивалъ меня, какія у меня средства къ жизни. Никакихъ.

Агнеса Ростиславовна. Я пристрою васъ. Я найду вамъ мѣсто въ моемъ штатѣ. До свиданія.

(*Онъ раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 30.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ.

Агнеса Ростиславовна. Она останется горничною, онъ можетъ помогать Румянцеву переписывать бумаги, не правда ли?

Городищевъ. Можетъ.

Агнеса Ростиславовна. Слава Богу, что все это устроилось такъ хорошо. А

я такъ боялась. Милый, поцалуйте меня. (*Онъ прикладывается*) Я очень довольна вами. Я такъ боялась. Мысль о томъ, что Надя можетъ полюбить кого нибудь, постоянно мучила меня. Что, если бы понравился ей какой нибудь интригантъ? Ужасно и подумать! Но слава Богу, что все устраивается такъ хорошо. Теперь я навсегда безопасна. Милый, поцалуйте меня еще (*онъ опять прикладывается*).

Городищевъ. Вы слишкомъ робка, Агнеса Ростиславовна, и слишкомъ нѣжно привязываетесь къ тѣмъ, кого любите. Пусть бы она и отошла отъ васъ,—развѣ нельзя найти другой горничной? При вашемъ богатствѣ, при ангельской, неодолимо привлекательной вашей добротѣ, всякая горничная будетъ обожать васъ. Когда вы привыкнете къ мысли о разлукѣ съ Наденькою, то быть можетъ...

Агнеса Ростиславовна. Ахъ, нѣтъ... Если она выйдетъ изъ подъ моего вліянія... Но теперь этого не будетъ. Онъ смиренъ и глупъ...

Городищевъ (*берется за лобъ. Серьозно*) Агнеса Ростиславовна, мы одни. Позвольте мнѣ просить васъ быть серьезною. Неужели то, что я слышалъ, правда?

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьичъ, вы забываетесь. Я не потерплю такихъ вопросовъ.

Городищевъ (*беретъ и цалуетъ ея руку*) Агнеса Ростиславовна, дѣло слишкомъ важно. Моя искренняя любовь къ вамъ обязываетъ меня узнать истину.

Агнеса Ростиславовна. Я не хочу отвѣчать на дерзкіе вопросы. Вы забываетесь, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Клянусь вамъ честью, я отдалъ бы половину жизни, чтобы услышать отъ васъ, что вамъ нечего опасаться.

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьичъ, вы слишкомъ дерзокъ. Я могу найти другого управляющаго. Прошу васъ оставить меня въ покоѣ. (*Онъ стоитъ*) Вамъ говорятъ: идете вонъ. Я поищу себѣ другого управляющаго. Идите вонъ. (*Онъ стоитъ ошеломленный*) Идите вонъ. (*Умираетъ*).

Городищевъ (*Стоитъ. Берется за лобъ*) Агнеса Ростиславовна, моя любовь къ вамъ.

Агнеса Ростиславовна (*раскрываетъ глаза*). Вонъ, дерзкій нищій! (*Умираетъ*).

Городищевъ (*Становытся на колѣна. Беретъ ея руку*).

Агнеса Ростиславовна. Прочь! Вонъ! Или я велю вытолкать васъ (*умираетъ*).

Городищевъ (*стоитъ на колѣнахъ. Смотритъ. Встаетъ. Стоитъ. Дѣлаетъ шагъ, чтобъ уйти. Стоитъ. Глубоко вздохнувъ, идетъ вонъ, медленно, съ убитымъ видомъ*).

Агнеса Ростиславовна (*вскакиваетъ, бѣжитъ, бросается ему на шею съ воплемъ*) Милый, спаси меня! Я погибла! Я выйду замужъ за тебя,—будь моимъ мужемъ, моимъ господиномъ, только спаси меня!

Городищевъ (*сажаетъ ее. Самъ стоитъ, сложа руки на груди*) Агнеса Ростиславовна, не въ первый разъ вы такъ жестоко оскорбляете меня, и все еще не вѣрите искренности моей любви къ вамъ. О, какая любовь нужна, чтобы столько разъ перенести такія обиды. Но пора опредѣлить наши отношенія. Вы даете честное слово повѣнчаться со мною?

Агнеса Ростиславовна. Даю, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Благодарю тебя Агнеса. У тебя несносный характеръ, но я не могу разлюбить тебя. (*Цалуетъ ее. Она осыпаетъ его поцалуями. Онъ отрывается отъ нея*) Довольно, Агнеса. Намъ надобно собраться съ мыслями. Нельзя терять времени. Наше положеніе слишкомъ опасно. Ея мать была законная жена Всеволода Серпухова?

Агнеса Ростиславовна. Да, Андре.

Городищевъ. Правда ли также и то, что твой отецъ уморилъ ея мать голодомъ, чтобы уничтожить свидѣтельство о ихъ сватьбѣ?

Агнеса Ростиславовна. Я невинна въ этомъ, Андре. Мнѣ было тогда только шесть или семь лѣтъ. Я не знаю этого.

Гособищевъ. Впрочемъ, это и все равно. Судить за то теперь некого. Убійца, слава Богу, давно умеръ. Я думаю, что тебѣ нечего бояться. Онъ былъ опытный злодѣй, и вѣроятно позаботился разъискать всякіе другіе документы, которыми можно бы доказать ихъ бракъ, — купилъ, укралъ эти документы, уничтожилъ ихъ, и нѣтъ доказательствъ, чтобы отнять у тебя наслѣдство Всеволода Серпухова. (*Молчаніе*).

Агнеса Ростиславовна. Я невинна въ этомъ, Андре.

Городищевъ. Ты невинна. Ты получила наслѣдство послѣ отца, по закону, съ чистой совѣстью.

Агнеса Ростиславовна. Я дамъ ей хорошее приданое, Андре.

Городищевъ. Конечно, Агнеса. (*Молчаніе*) [1]).

Агнеса Ростиславовна. Андре, ты говоришь: доказательствъ не осталось, и мнѣ нечего бояться?

Городищевъ. Нечего, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Говори правду, Андре. Не опасайся за мое здоровье. Я могу выслушать правду.

Городищевъ. Я не опасаюсь за твое здоровье. Я знаю, что оно крѣпко. Я говорю тебѣ правду. Тебѣ нечего бояться.

Агнеса Ростиславовна. Поклянись, Андре, что ты не обманываешь меня.

Городищевъ. Клянусь, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Благодарю тебя, Андре. Ты успокоилъ меня. Ахъ, я измучена этими волненіями. Мнѣ надобно отдохнуть (*ложится и закрываетъ глаза. Молчаніе*).

Городищевъ. Я думаю, Агнеса, что вѣрнѣе всего будетъ откровенно поговорить съ Клементьевымъ. Невозможно быть вполнѣ увѣреннымъ, что уничтожены

---

[1]) Далѣе, послѣдніе 6 листковъ рукописи идутъ съ отдѣльной нумераціею. На первомъ изъ этихъ листковъ, на поляхъ, имѣется слѣдующая помѣтка Н. Г. Чернышевскаго, обращенная вѣроятно къ одному изъ исполнителей ролей этой пьесы:

„Вотъ такъ-то всегда выходитъ у людей съ истинно великою душою: думалъ наградить васъ однимъ листкомъ, а награждаю цѣлыми шестью. Пойте же:

Радость наша велика,
Благотворная рука
Наградила насъ

(и прибавляйте прозою) выше заслугъ нашихъ—это выраженіе вы займете у Румянцева“.

всѣ документы. Кто жь можетъ знать, сколько ихъ было? Лучше, обезопасимъ себя. Онъ женится на Надѣ не для денегъ. Онъ не жаденъ. Онъ удовольствуется половиною твоего богатства, а у тебя столько, что намъ довольно будетъ и остальной половины. Надя добрая дѣвушка, тоже не жадная. И она согласится на то, что скажетъ онъ. Напишемъ актъ, по которому она уступаетъ тебѣ половину,— это будетъ и честно, и законно. Тогда мы съ тобою и вполнѣ безопасны, и всѣ назовутъ насъ благородными людьми. Какъ ты думаешь объ этомъ, Агнеса?

Агнеса Ростиславовна (*не открывая глазъ*) Я не понимаю этихъ словъ.

Городищевъ. Я говорю, Агнеса: призовемъ Клементьева, скажемъ ему все.

Агнеса Ростиславовна. Я не желаю продолжать этого разговора, я устала, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Но, Агнеса.

Агнеса Ростиславовна. Прошу васъ не забываться, Андрей Дементьичъ. Помните, кто я, и кто вы. Я люблю васъ, но моя честь дороже всего для меня. Вы не можете унизить меня до того, чтобы я была вашею служанкою.

Городищевъ. Но...

Агнеса Ростиславовна (*приподымается и смотритъ на него*) Прошу васъ молчать, или идти вонъ. Я слабая женщина. Вы запугали меня. Но теперь я знаю, что мнѣ нечего бояться. Обманомъ вы, Андрей Дементьичъ, выманили у меня обѣщаніе унизиться до брака съ вами. Но я беру свое слово назадъ, потому что было бы безчестно оставаться обманутою. Я могла бы, я была бы должна наказать васъ за обманъ,—удалить васъ отъ себя. Но я имѣю слабость любить васъ. Я забываю все,—прощаю вамъ все и забываю (*опускается и закрываетъ глаза*).

Городищевъ. Но...

Агнеса Ростиславовна. Я не стѣсняю васъ: можете собрать ваши вещи и уѣхать. Но я люблю васъ, и просила бы васъ остаться, если вы также любите меня (*молчаніе*). Вы уѣзжаете, или остаетесь?

Городищевъ (*молчитъ*).

Агнеса Ростиславовна. Вамъ не угодно отвѣчать? Вы уѣзжаете?

Городищевъ. Я остаюсь, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна. Я очень рада, потому что я люблю васъ. (*Возвращаясь къ своей нѣжности, томно*) Милый, поцалуйте меня (*не раскрывая глазъ, подставляетъ морду. Онъ прикладывается. Молчаніе*).

Агнеса Ростиславовна. Милый, позовите Надю.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, о чемъ вы хотите говорить съ нею?

Агнеса Ростиславовна. Я знаю, что дѣлаю, мой милый. Прошу васъ, позовите Надю. Также Румянцева. Этотъ Клементьевъ кажется мнѣ подозрителенъ. Вѣроятно, онъ пронюхалъ и хочетъ воспользоваться.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, умоляю васъ...

Агнеса Ростиславовна (*строго*) Продолжайте. Вы умнѣе меня.

Городищевъ (*становится на колѣна*) Агнеса Ростиславовна, вы погубите себя. Вы заставите Клементьева...

Агнеса Ростиславовна. Я столько же боюсь вашего Клементьева, сколько нуждаюсь въ васъ. Идите изъ этой комнаты и—приведите Надю и Румянцева, или... можете не возвращаться. (*Закрываетъ глаза*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна... (*Она сжимаетъ губы*) Агнеса Ростиславовна...

Агнеса Ростиславовна (*не раскрывая глазъ*) Я сказала.

Городищевъ (*стоитъ нѣсколько времени, вздыхаетъ и идетъ*).

Агнеса Ростиславовна. Я забыла. Прежде напишите бумагу, чтобы она подписала.

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна, это было бы напрасно. Для подобныхъ обстоятельствъ, нельзя написать такой бумаги, которая имѣла бы юридическую силу. Лучше откровенно отдайте ей все, и тогда навѣрное она подаритъ вамъ половину, даже больше.

Агнеса Ростиславовна (*молчитъ, не раскрывая глазъ*).

Городищевъ (*ждетъ. Садится. Пишетъ. Встаетъ. Идетъ съ бумагою къ Агнесѣ Ростиславовнѣ*) Не буду утомлять васъ лишними фразами, которыхъ требуетъ формалистика. Вотъ существенныя слова: „Передаю Агнесѣ Ростиславовнѣ Карелиной, урожденной Серпуховой, всякія права на наслѣдство отъ Серпуховыхъ, какое доставалось бы мнѣ“.

Агнеса Ростиславовна (*беретъ бумагу*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна (*закрываетъ глаза и легкимъ мановеньемъ указываетъ ему: иди. Онъ вздыхаетъ и идетъ*).

Агнеса Ростиславовна. Андрей Дементьичъ, я забыла самое главное. Гдѣ Клементьевъ? Надобно удалить его. (*Городищевъ уходитъ и возвращается съ Надею*).

ЯВЛЕНІЕ 31.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Надя, потомъ **Румянцевъ.**

Агнеса Ростиславовна. Надя, ты показала себя неблагодарной. Но я люблю тебя, и награжу. Андрей Дементьичъ, объясните ей мои мысли.

Городищевъ. Милая Наденька, ты любишь Платона Алексѣича Клементьева, и колебалась идти за нею только потому, что не была увѣрена въ согласіи Агнесы Ростиславовны и не хотѣла покинуть ея службу. Можно примирить всѣ интересы. Они уже и примирены великодушіемъ Агнесы Ростиславовны. Она удерживаетъ тебя на пріятной и выгодной для тебя должности ея горничной и изъ любви къ тебѣ принимаетъ въ свою службу Платона Алексѣича Клементьева, съ которымъ ты сейчасъ поѣдешь вѣнчаться. У тебя нѣтъ ничего и онъ бѣденъ. Агнеса Ростиславовна обезпечиваетъ судьбу вашу и вашихъ будущихъ дѣтей, давая тебѣ хорошее приданое.

Агнеса Ростиславовна. Пять тысячъ (*приподымаетъ руку*).

Надя (*цалуетъ руку ея*) Какъ я счастлива, что вы согласны, Агнеса Ростиславовна (*плачетъ*).

Агнеса Ростиславовна. Я люблю тебя, моя милая, и всегда буду награждать васъ съ мужемъ (*входитъ Румянцевъ*).

Городищевъ. Ты знаешь, милая Наденька, что передъ свадьбою женихъ и невѣста подписываютъ бумагу, въ которой объявляютъ, что согласны вѣнчаться и тому подобное. Мы черезъ пять минутъ ѣдемъ въ церковь. Подпиши. (*Кладетъ*

на столъ бумагу. Надя, утеревъ слезы, подписываетъ, цалуетъ руку Агнесы Ростиславовны, Агнеса Ростиславовна подставляетъ ей морду)

Агнаса Ростиславовна. Поцалуй меня, Надя (*Надя цалуетъ*).

Городищевъ. Иди и молись Богу, я прійду за тобою ѣхать въ церковь. (*Надя уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 32.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Румянцевъ.

Городищевъ. Гдѣ же Клементьевъ?

Румянцевъ. Тамъ за рѣчкою, въ избѣ, гдѣ живетъ Сидоръ Иванычъ.

Городищевъ. Вы самъ видѣли?

Румянцевъ. Самъ-съ.

Городищевъ. Что они дѣлаютъ?

Румянцевъ. Говорятъ; должно быть, объ учености-съ.

Агнеса Ростиславовна. Это далеко, не услышитъ.

Городищевъ (*подходитъ къ окну*) Я буду смотрѣть. Увижу его, выйду и уведу. (*Продолжаетъ стоять лицомъ къ окну*) Я замѣчалъ, Румянцевъ, что Надя очень нравится вамъ.

Румянцевъ. Нѣтъ-съ, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Не можетъ быть!

Румянцевъ. Ей Богу-съ, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Врете.

Румянцевъ. Разрази меня Господь Богъ на этомъ самомъ мѣстѣ, ежели вру.

Городищевъ. Да если такъ, вы чортъ знаетъ что, а не мужчина.

Румянцевъ. Противъ этого не смѣю спорить, Андрей Дементьичъ, но только, вотъ какъ Богъ святъ, вы напрасно подозрѣваете меня, лопни мои глаза и утроба.

Городищевъ. Но какъ же она можетъ не нравиться вамъ? У васъ есть глаза?

Румянцевъ. Есть, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Она очень хороша собою,—вы видите это, или нѣтъ?

Румянцевъ. Нѣтъ-съ, я къ такимъ мыслямъ не причастенъ, Андрей Дементьичъ, въ таръ-тарары провалиться мнѣ, если причастенъ, какъ передъ истиннымъ моимъ Богомъ.

Городищевъ. Да какъ же это, чортъ васъ подери?

Румянцевъ. Потому, Андрей Дементьичъ, что я не поощряю себя къ этому, чтобы заниматься дѣвицами. Потому что дѣвица, вмѣсто удовольствія, можетъ отлупить меня по щекамъ,—согласитесь, Андрей Дементьичъ, какая же тутъ пріятность?

Городищевъ. Не видывалъ такого дурака.

Румянцевъ. Это какъ вамъ угодно, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Вижу, не столкуешь съ вами добромъ. Вы должны жениться.

Румянцевъ. Помилуйте, Андрей Дементьичъ, за что же вы такъ поступаете со мною? Жена, это не въ примѣръ хуже даже дѣвицы. Дѣвица отшлепала по щекамъ и прощай, по крайней мѣрѣ, а у жены я весь вѣкъ подъ руками, за что же такое наказаніе?

Городищевъ. Не въ наказаніе вамъ дураку, а въ милость. Вы женитесь,—слышите?

Румянцевъ. Никогда-съ.

Городищевъ. Нынѣ же. Теперь же. Сейчасъ ѣдемъ въ церковь.

Румянцевъ. Помилуйте, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Нельзя, Румянцевъ. Такъ приказываетъ Агнеса Ростиславовна. Понимаете?

Румянцевъ. Понимаю, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. Идите, благодарите Агнесу Ростиславовну.

Румянцевъ (*прикладывается къ рукѣ*).

Городищевъ. Агнеса Ростиславовна даетъ за невѣстою пять тысячъ рублей. Вы должны быть благодаренъ.

Румянцевъ. Помилуйте, Андрей Дементьичъ, это даже выше моихъ заслугъ.

Городищевъ (*садится. Пишетъ. Даетъ Румянцеву*) Ступайте въ сарай,—тамъ запрягаютъ для васъ бѣговыя дрожки. Какъ запрягутъ,—да помогите и самъ, чтобы поскорѣе,—какъ запрягутъ, валяйте во весь карьеръ въ Серпуховъ къ отцу Петру,—знаете?

Румянцевъ. Какъ же-съ, Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи попъ-съ.

Городищевъ. Отдайте ему эту записку, и онъ пойдетъ съ вами съ церковь. Я съ невѣстою пріѣду черезъ четверть часа.

Румянцевъ. Очень хорошо-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 33

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ.

Агнеса Ростиславовна. Что вы написали, милый?

Городищевъ. Попу двѣсти рублей. Если и много, вы простите! Для его усердія, вѣрнѣе дать побольше.

Агнеса Ростиславовна. Нѣтъ, не много, милый. Только надежный ли попъ?

Городищевъ. Помилуйте, Агнеса Ростиславовна,—за пятьдесятъ цѣлковыхъ готовъ на веревкѣ вести около налоя.

Агнеса Ростиславовна. Дайте шкатулку, милый. (*Городищевъ приноситъ шкатулку, она вынимаетъ ключикъ, отпираетъ*) Вотъ двѣстѣ рублей. (*Даетъ ему деньги, онъ беретъ*) А вотъ вамъ, милый, въ награду пятьсотъ (*опять даетъ*).

Городищевъ (*отклоняетъ руку*) Не нужно, Агнеса Ростиславовна. Послѣ, если вздумаете. Не такое время, чтобы думать о своей выгодѣ. Дай Богъ только, чтобы вышло все въ пользу, а не въ бѣду вамъ.

Агнеса Ростиславовна (*запираетъ, отдаетъ шкатулку. Онъ ставитъ на мѣсто*) Милый, поцалуйте меня (*онъ прикладывается*). Милый, зовите Надю. Ступайте съ нею. Поскорѣе.

Городищевъ. Надобно погодить минутъ пять, чтобы женихъ былъ уже въ церкви, когда пріѣдемъ. Раньше увидитъ его—въ оградѣ или на крыльцѣ, онъ дуракъ сейчасъ ляпнетъ, что онъ женихъ, она заортачится. Дѣлать скандалъ на улицѣ—неловко.

Агнеса Ростиславовна. Правда, милый. Въ церкви лучше. Милый, поцалуйте меня.

Городищевъ (*прикладывается и идетъ смотрѣть въ окно*) Что это, Си-

доръ Иванычъ идетъ сюда, запыхался,—уже перешелъ рѣчку. Не было бы какой бѣды. Надя! Будьте готова. Сейчасъ ѣдемъ (*беретъ шляпу*).

Надя (*за сценою*) Я готова, Андрей Дементьичъ (*выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 34.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Надя.

Агнеса Ростиславовна. Милая моя Надя, стань на колѣна. Я благословлю тебя.

Городищевъ (*беретъ Надю подъ руку*) Некогда, Агнеса Ростиславовна.

Агнеса Ростиславовна. Вы влишкомъ любите противорѣчить мнѣ во всемъ. Надя, сюда. Безъ этого нельзя, Андрей Дементьичъ. Помогите мнѣ встать. (*Онъ помогаетъ ей встать. Надя становится на колѣна. Агнеса Ростиславовна подымаетъ руки*). Будь доброю женою, какъ была и какъ останешься доброю служанкою. Благословляю... (*Въ это время за сценою голосъ Иннокентіева, отъ котораго раззѣвается ротъ и вылупливаются глаза у Агнесы Ростиславовны*).

Иннокентіевъ (*за сценою, кричитъ запыхавшись*) Вотъ подлецъ-то, Клементьевъ-то! Не хочетъ жениться! Не родня, то и плевать на нее! Хорошо такъ безчестить дѣвушку?

(*Надя съ слабымъ стономъ опускается головою на полъ. Городищевъ подбѣгаетъ отъ окна, у котораго слушалъ, подымаетъ ее и сажаетъ*).

Агнеса Ростиславовна (*оставаясь съ руками распростертыми надъ пустымъ мѣстомъ и съ вылупленными глазами*) Милый, какъ же теперь повезете ее въ церковь?

Городищевъ (*усадивъ и продолжая поддерживать Надю*) Погодите, выслушаемъ, что такое. Кажется, теперь вамъ не будетъ и заботъ объ этомъ. Если Клементьевъ убѣдился, то вѣрно есть доказательства, что мы ошибались. Тогда убѣдится и она, что не родня вамъ.

Агнеса Ростиславовна (*постепенно опускавшая руки, но продолжая стоять*) Но какъ же это возможно, милый, когда мы знали?

Городищевъ. Знали, но, какъ видно, не все. Какъ возможно? Мало ли что бываетъ при подобныхъ неправильныхъ отношеніяхъ, когда дворяне связываются съ мѣщанками? Развѣ нельзя начать жить съ мужчиною, будучи уже беременною отъ другого? И развѣ не можетъ это быть доказано? Тогда и не его дочь.

(*Въ это время входитъ Иннокентіевъ, но какъ ни велико его стремленіе высказаться, молчитъ и ждетъ, не смѣя перебить Городищева и потомъ Агнесу Ростиславовну*).

Агнеса Ростиславовна (*возлегаетъ*) Милый, вы успокоили меня.

ЯВЛЕНІЕ 35.

Тѣже Иннокентіевъ.

Городищевъ. Разсказывайте, Сидоръ Иванычъ, что такое?

Иннокентіевъ. Я вамъ по порядку.

Городищевъ. Хоть и безъ порядка, только поскорѣе къ дѣлу.

Иннокентіевъ. Нѣтъ, такъ нельзя. Надобно все въ порядкѣ. Ходитъ онъ по саду. Я иду, вижу, онъ задумчивый. Подхожу. Что задумались?

Городищевъ. Да короче.

Иннокентіевъ. Какъ-же можно еще-то короче?—Что задумались? А вотъ, говоритъ, думаю, что ея мать не была его любовницею. Я: какъ такъ? Онъ: а до этого вамъ нѣтъ дѣла. Я: а если не была, тогда что? Онъ: что хотите. Я: тогда она не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ. Онъ: ну, не родня, пожалуй. Я: тогда что? Онъ: тогда ничего. Я: какъ ничего? Онъ: такъ. Я: что жь это значитъ, тогда вы и не женитесь. Онъ молчитъ. Я: не хорошо обезславить дѣвушку, — сдѣлали предложеніе, то и должны жениться. Онъ: отвяжитесь вы, пожалуйста, не мѣшайте мнѣ думать. Я вижу, дѣло плохо. Идите, говорю, я докажу вамъ. Помилуйте, какъ допустить обезславить дѣвушку изъ пустаго сомнѣнія?

Городищевъ. Пожалуйста короче, безъ размышленій. Какъ же вы думали доказать ему, что мать Нади была любовницею Всеволода Серпухова?

Иннокентіевъ. А вотъ какъ: когда ея мать жила у насъ, я иду мимо окна той комнаты,—ея мать въ окнѣ, бросаетъ мнѣ въ окно пакетикъ; я поднялъ,—бумага, обернута бумагою,—конверта, видно, не было, завязана ниточкою,—сургуча, видно, не было..

Городищевъ. Короче, пожалуйста.

Иннокентіевъ. Хорошо. Поднялъ. Надпись карандашомъ: моему ребенку,—то есть, ея ребенку.

Городищевъ. Понятно, не вашему. И вы не показали отцу Агнесы Ростиславовны?

Иннокентіевъ. Значитъ, секретъ. Чужая тайна. Я не шпіонъ, Андрей Дементьичъ.

Городищевъ. И не отдали Надѣ, когда она подросла?

Иннокентіевъ. Отецъ Агнесы Ростиславовны и потомъ Агнеса Ростиславовна желали по своему великодушію и деликат...

Городищевъ. Короче, прошу васъ.

Иннокентіевъ. Не желали, чтобы дѣвочка мучилась безчестіемъ своей матери,—я понималъ благородство этого, и не хотѣлъ позорить мать передъ дочерью.

Городищевъ. Да выходитъ не то, когда Надя не родня Агнесѣ Ростиславовнѣ.

Иннокентіевъ. Да что вы все перебиваете? Вы слушайте.

Городищевъ. Да это вѣрно, что она не родня?

Иннокентіевъ. Еще бы не вѣрно. Да вотъ и Клементьевъ,—спросите у него, когда мало вамъ моихъ словъ.

(*Входитъ Клементьевъ, идетъ къ Надѣ, кладетъ передъ нею бумагу*).

ЯВЛЕНІЕ 36.

Тѣже, Клементьевъ.

Надя (*взглянувъ*) Мать! Мать! (*Читаетъ, рыдая. Цалуетъ бумагу. Все время читаетъ и плачетъ*).

Городищевъ (*подходитъ*) Позвольте взглянуть.

Клементьевъ. Не мѣшайте. Послѣ, когда она прочтетъ.

Городищевъ (*Клементьеву*) Да правда, что не родня?

Клементьевъ. Сидоръ Иванычъ горитъ нетерпѣніемъ разсказывать. Слушайте же его.

Иннокентіевъ. Да чего тутъ! Ну, если я скажу что нибудь не такъ, онъ тутъ, поправитъ, чего жь вамъ сомнѣваться въ моихъ словахъ? Не родня, сказано вамъ. Да вы слушайте по порядку. Привелъ его къ себѣ. Даю. Читайте, говорю; разсудилъ: лучше ей знать позоръ своей матери, нежели самой остаться обезславленной.

Городищевъ. Да вы до той поры не читали?

Иннокентіевъ. Чужая тайна. Я не подлецъ.

Городищевъ. И не давали Надѣ,—такъ зачѣмъ же вы не уничтожили?

Иннокентіевъ. Эхъ, все вы мѣшаете! Все это пришло бы по порядку, — потому что и онъ все это спрашивалъ, когда прочелъ. Зачѣмъ я не уничтожилъ! Я не вандалъ, жечь историческіе документы! Родъ Серпуховыхъ не что нибудь такое, чтобы потомство не стало интересоваться. Тутъ всякій лоскутокъ важенъ. Я ученый, знаю обязанности относительна потомства. Часто нужна тайна, документы и хранятся въ тайнѣ, чтобы узнало потомство. А то какъ же по вашему?

Городищевъ. Богъ съ вами и съ вашимъ потомствомъ, разсказывайте же. Прочелъ онъ,—а вы?

Иннокентіевъ. Прочелъ онъ, и заскрежеталъ зубами. А я: ну что, чья правда? А онъ: моя. А я: какъ, не родня? А онъ стиснулъ зубы. А я: такъ не родня? И неужели не женитесь?

Клементьевъ (*Надѣ*) Вы все еще не дочитали, Надежда Всеволодовна?

Надя. Не могу.... слезы... мѣшаютъ...

Клементьевъ. Правда. Позвольте же мнѣ взять прочесть для васъ.

Надя. Нѣтъ... сама...

Клементьевъ. Хорошо. А я пока разскажу вамъ, Агнеса Ростиславовна, съ какими мыслями пошелъ я отъ васъ, и ходилъ по саду. Любовница не могла искать пріюта въ домѣ родныхъ любовника. Вы старались, чтобы Надежда Всеволодовна не знала, кто ея отецъ. Дѣло казалось мнѣ ясно. Ясно мнѣ,—но что надобно дѣлать, чтобы доказать формально? Я понималъ, что документы уничтожены. Одно средство: искать свидѣтелей. Я старался припомнить, откуда родомъ была мать Надежды Всеволодовны? Казалось мнѣ, слышалъ, что изъ Путивля. То городъ небольшой, всѣ знаютъ всѣхъ; должны оставаться свидѣтели.

Агнеса Ростиславовна (*слабо*) А-ахъ (*умираетъ*).

Клементьевъ. Напрасно пугаетесь прежде времени. Сидоръ Иванычъ долженъ успокоить васъ.

Агнеса Ростиславовна (*воскресая*) Я видѣла, что вы низкій человѣкъ. Идите вонъ. Милая Надя, я защищу и утѣшу тебя.

Клементьевъ. Идти вонъ? Очень пріятно. Пойдемъ Надя. Если бы меньше зналъ тебя, спросилъ бы прежде, какъ ты думаешь о волѣ твоего отца,—но нечего спрашивать. Знаю, что ты скажешь. Пойдемъ же. (*Подымаетъ ее за руку*).

Надя. О волѣ моего отца? О какой волѣ?

Клементьевъ. Ты все еще не могла прочесть до конца? Такъ выслушай. Кстати и для нихъ будетъ любопытно (*беретъ бумагу и читаетъ*).

„Твой отецъ говорилъ мнѣ, умирая: остерегайся ихъ. Но пріѣхалъ его

дядя,—увезъ меня. Я была какъ сонная, какъ летаргичная, это было въ день похоронъ твоего отца. Теперь я здорова. Но злодѣй, который привезъ меня сюда, и его жена держатъ меня подъ карауломъ въ дальней комнатѣ и называютъ больною, чтобы я никого не видѣла, никому не могла сказать, что я законная жена твоего отца. Что́ они хотятъ сдѣлать со мною? Это ясно. Если я не умру отъ родовъ, они отравятъ меня, какъ отравили твоего дѣда, когда привезли меня сюда, или уморятъ голодомъ. Пощадятъ ли они тебя? Быть можетъ. Она все таки менѣе звѣрь, нежели онъ. Быть можетъ она уговоритъ его пощадить тебя. Если она сбережетъ твою жизнь, прощаю ей участіе въ моей смерти.

Кто будешь ты у меня? Сынъ или дочь? Дадутъ ли они мнѣ пожить послѣ родовъ хоть столько, чтобы взглянуть на тебя?

Дожить до родовъ они дадутъ мнѣ. Смерть послѣ родовъ—это такъ обы́кновенно, не возбуждаетъ подозрѣній.

Твой отецъ былъ честный человѣкъ. Ты исполнишь его волю. Онъ говорилъ: богатство, которое пріобрѣлъ его отецъ, пріобрѣтено дурно. Онъ думалъ раздать его бѣднымъ. Умирая, онъ просилъ меня, чтобы я внушала тебѣ сдѣлать такъ.

Документы о моемъ бракѣ съ твоимъ отцомъ истреблены всѣ, какіе были при мнѣ. Можетъ быть, уцѣлѣютъ какіе нибудь другіе, гдѣ нибудь въ архивахъ — когда ты будешь въ лѣтахъ заняться этимъ, ты справишься, гдѣ служилъ твой отецъ и поищешь. Но если и вездѣ все истреблено, законность твоего права останется неоспорима. Наша сватьба была въ Путивлѣ. Церковь была полна народу, и всѣ знали, кто женихъ и кто невѣста. И черезъ двадцать, и черезъ двадцать пять лѣтъ еще останутся десятки свидѣтелей. Прости, дитя мое. О, какъ бы мнѣ хотѣлось дожить до того, чтобы хоть разъ поцаловать тебя! Ксенія Серпухова". (*Молчаніе*).

Надя (*отирая слезы*) Если бы я не знала, что это воля отца и желаніе матери, я не могла бы взять себѣ этого богатства,—куда я гожусь въ богатыя дамы? А когда будемъ жить только своимъ трудомъ, и я буду не хуже тѣхъ, съ кѣмъ можетъ имѣть знакомство небогатая женщина.

Клементьевъ. Вы видите, Агнеса Ростиславовна, почему Наденька не можетъ уступить вамъ своего наслѣдства. Будете ли вести процессъ, или согласитесь признать ея права — это какъ вы сами разсудите. Я не могу давать совѣтовъ. — Пойдемъ, Наденька. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 37.

Агнеса Ростиславовна, Городищевъ, Иннокентіевъ.

Агнеса Ростиславовна (*ожившая*) Вы виноватъ, Андрей Дементьичъ. Я говорила вамъ, везите поскорѣе въ церковь.

Городищевъ. Она не стала бы вѣнчаться съ Румянцевымъ и ушла бы вѣнчаться съ Клементьевымъ. Я виноватъ только тѣмъ, что льстилъ вамъ и исполнялъ ваши прихоти.

Агнеса Ростиславовна, А вы, старый дуракъ, зачѣмъ вы берегли такую гадкую бумагу?

Иннокентіевъ. Я... я...

Городищевъ. И безъ этой бумаги вышло бы то же, развѣ нѣсколькими недѣлями позже. У него на умѣ уже было все это, даже и Путивль. Если можно было

чѣмъ нибудь предотвратить полное раззореніе, то лишь полюбовною сдѣлкою, какъ я вамъ совѣтовалъ. То былъ бы юридическій актъ, и имъ нельзя было бы отнять у васъ долю, какая уступлена вамъ законнымъ образомъ.

Агнеса Ростиславовна. Ахъ! (*умираетъ*).

Городищевъ. Напоминаю объ этомъ въ упрекъ не вамъ, а себѣ самому. Зачѣмъ я не былъ настойчивѣе, зачѣмъ я льстилъ и угождалъ вамъ?

Агнеса Ростиславовна (*оживая*) Вздоръ! Она подписала бумагу, имѣніе мое.

Городищевъ. Та бумага только повела бы насъ подъ уголовный судъ — за плутовство. Надо поскорѣе уничтожить ее. Гдѣ она? (*беретъ и рветъ*).

Агнеса Ростиславовна. Не уступлю! Пусть ведутъ процессъ!

Городищевъ. Она выиграетъ. И вамъ будетъ плохо: раскроется, что вы знали о незаконности своего владѣнія имѣньемъ, и молчали, и много тутъ найдется продѣлокъ, за которыя попадете вы подъ уголовный судъ. Вы дурно обращались со мною. Но я привыкъ любить васъ,—или по крайней мѣрѣ, я долго былъ вашимъ любовникомъ или слугою, какъ вамъ угодно назвать это, — и было бы безчестно покинуть васъ въ бѣдѣ. Иду догнать ихъ,—они пошли пѣшкомъ, успѣю.

Агнеса Ростиславовна. Не смѣйте.

Городищевъ. Извините, такъ должно. Чтобы не было расходовъ на процессъ, они согласятся дать вамъ довольно порядочную пенсію (*уходитъ*).

Агнеса Ростиславовна. Ахъ! (*умираетъ. Но въ тотъ же мигъ вскакиваетъ и летитъ во всѣ лопатки, съ крикомъ во всю глотку*) Надя! Не хочу процесса! Будь великодушна! Вспомни, что я всегда любила тебя!

Конецъ пасторали.

ЗАПИСКА

по дѣлу сосланныхъ въ Вилюйскъ Чистоплюевыхъ и Головачевой.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ моей родины,

Человѣкъ, признанный судебнымъ порядкомъ за врага Вашей Особы, осмѣливается думать, что люди, которыхъ называетъ онъ своими друзьями, могутъ, по его моленію къ Вамъ за нихъ, быть помилованы Вашимъ Величествомъ.

Эти люди: бывшіе жители посада Дубовки Ѳома Чистоплюевъ, жена его Катерина, и тетка его Матрена Головачева.

Они сосланы по судебному приговору на поселеніе, какъ преступники противъ Особы Вашего Величества.

Приговоръ, произнесенный надъ ними, безспорно правиленъ. Они употребляли, говоря объ Особѣ Вашего Величества, выраженія, преступныя по закону, или признавали себя за людей одинаковаго съ говорившими такъ образа мыслей.

Но они соединяли съ этими выраженіями смыслъ, бывшій понятнымъ только для нихъ, и сдѣлавшійся извѣстнымъ мнѣ единственно благодаря тому, что они вполнѣ откровенны со мною, какъ не могутъ быть откровенны ни съ кѣмъ, кромѣ людей, считаемыхъ ими за родныхъ. Они считаютъ меня за своего родного.

Смыслъ этихъ выраженій тотъ, что они почитаютъ Ваше Величество святымъ человѣкомъ, приносящимъ въ жертву влеченію души Вашей къ возвышеннѣйшей добродѣтели всѣ блага, которыми могли бы Вы пользоваться.

Каковы бы ни были мои политическія мнѣнія, но смѣю сказать о себѣ, что я не обманщикъ.

Ваше Величество, по глубокому убѣжденію этихъ людей, самый лучшій человѣкъ изъ всѣхъ людей на свѣтѣ. И всего благаго для Россіи они ждутъ исключительно отъ Васъ. Вы желаете, чтобы въ Россіи не было бѣдности; Вы желаете, чтобы всѣ люди въ Россіи стали добры и честны. И Вы достигнете осуществленія этихъ Вашихъ желаній. Они въ томъ убѣждены непоколебимо.

Умоляю Ваше Величество помиловать людей, думающихъ о Васъ такъ.

И если Ваше Величество найдете возможнымъ исполнить мое моленіе къ Вамъ за нихъ, то я буду знать, что доставилъ Вашему сердцу нѣсколько счастливыхъ минутъ.

Человѣкъ, который, каковы бы ни были его политическія мнѣнія, благословляетъ Ваше Величество за то, что на-перекоръ неистовымъ воплямъ невѣждъ, Вы спасли Вашу Имперію отъ напрасныхъ тяжкихъ страданій, не поколебавшись ратификовать Берлинскій Трактатъ,

Николай Чернышевскій.

Милостивѣйшій Государь,

Яковъ Ильичъ,

Мои хорошіе знакомые, живущіе здѣсь по состоявшемуся надъ ними судебному приговору, Ѳома Павловичъ и Катерина Николаевна Чистоплюевы и Марфа Никифоровна Головачева поручили мнѣ передать Вамъ ихъ письмо къ ихъ роднымъ и знакомымъ, съ тѣмъ, чтобы письмо это было отправлено Вами Вашему начальству, а Ваше начальство просятъ они отправить это письмо по адресу.

Прошу и отъ своего собственнаго имени Ваше начальство объ исполненіи этой просьбы моихъ хорошихъ знакомыхъ.

Присоединяю къ этой моей просьбѣ слѣдующія свѣдѣнія о лицахъ, за которыхъ прошу.

Чистоплюевы и Головачева — люди безграмотные. А издавна очень много размышляли о богословскихъ вопросахъ. Я въ молодости готовился быть ученымъ богословомъ. Потому, могу съ основательнымъ знаніемъ предмета свидѣтельствовать, что люди безъ обширнаго научнаго образованія не въ состояніи правильно понимать богословскія тонкости. И натурально, что люди совершенно безграмотные, какъ Чистоплюевы и Головачева, сколько ни ломали свои головы надъ этими вещами, не могли ничего понять сколько нибудь ясно. Въ томъ и вся причина странностей, увлеченіе которыми привело Чистоплюевыхъ и Головачеву сюда, въ Вилюйскъ.

Только въ томъ. Они безграмотны. Ихъ мысли — сбивчивыя мысли безграмотныхъ людей. И при сбивчивости ихъ мыслей, ихъ способъ выраженія туманенъ, неудобопонятенъ никому, кромѣ людей, подобно мнѣ спеціально занимавшихся изученіемъ тонкостей богословія.

Даже и богослову по профессіи, какимъ былъ я нѣкогда, и, благодаря моей довольно сильной памяти, остаюсь до сихъ поръ, мудрено понимать дѣйствительный смыслъ туманныхъ выраженій Чистоплюевыхъ и Головачевой, безъ помощи длинныхъ разспрашиваній и разсужденій.

Они считаютъ меня искреннимъ другомъ ихъ. И вполнѣ откровенны со мной.

Вамъ извѣстно, Яковъ Ильичъ, что, познакомившись съ ними недавно, я ужъ нѣсколько разъ проводилъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ ними по два, по три часа. И я буду продолжать мою дружбу съ ними.

По обстоятельству, не имѣвшему никакого отношенія къ какимъ бы то ни было распоряженіямъ Вашего начальства обо мнѣ, я рѣшился прекратить на нѣкоторое время всякія сношенія съ моими родными. Натурально, что пока я не

пишу къ моимъ роднымъ, я не веду и никакой переписки ни съ кѣмъ другимъ (кромѣ Васъ). Черезъ полтора или два мѣсяца я возобновлю переписку съ моими родными. Тогда я напишу и для Вашего начальства записку о Чистоплюевыхъ и Головачевой. Съ тѣмъ вмѣстѣ, я напишу и просьбу о ихъ помилованіи. Отъ моего ли имени будетъ эта просьба, или отъ ихъ имени, я еще не умѣю сказать; я подумаю, которая изъ этихъ двухъ формъ просьбы будетъ болѣе соотвѣтствовать содержанію своему. Если я найду удобнымъ писать просьбу отъ ихъ имени, то, разумѣется, я присоединю къ ней другую, краткую, просьбу о нихъ отъ моего имени. Къ кому будетъ обращена просьба, къ Его Величеству, или къ Ея Величеству, я еще не умѣю сказать. Дѣло въ томъ, что старикъ Чистоплюевъ теперь очень хилъ; изъ трехъ моихъ друзей, только Катерина Николаевна Чистоплюева еще пользуется хорошимъ здоровьемъ; она одна кормитъ своею работою тѣхъ двухъ, больного мужа и очень престарѣлую тетку (Головачеву); потому, главное лицо въ семьѣ — она. А когда такъ, то — просьба не должна ли быть обращена къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Подумаю объ этомъ. Смѣю увѣрить, что буду писать по чистой совѣсти. Въ чемъ не буду твердо убѣжденъ самъ, того не буду писать Его Величеству или Ея Величеству.

Одно могу съ полной увѣренностью написать теперь:

Если бы правительство нашло возможнымъ помиловать Чистоплюевыхъ и Головачеву, то они стали бы жить на родинѣ совершенно смирно.

Прошу Васъ, Яковъ Ильичъ, передайте Вашему начальству то, что я теперь пишу Вамъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Н. Чернышевскій.

26 марта
1879.

Ваше Высокопревосходительство,

Въ концѣ марта я написалъ, съ цѣлью сообщенія моихъ словъ Вамъ, что мѣсяца черезъ два я отдамъ находящемуся при мнѣ Вашему подчиненному, для отправленія къ Вамъ, прошенія на имя Его Величества или Ея Величества о помилованіи трехъ ссыльныхъ Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ и Матрены Головачевой.

Для того, чтобы Ваше Высокопревосходительство могли видѣть, позволяетъ ли Вамъ Ваша совѣсть и Вашъ служебный долгъ ходатайствовать о помилованіи этихъ людей, Вамъ, конечно, необходимо имѣть отъ меня подробную дѣловую записку о нихъ.

Она еще не готова у меня. Тѣ люди, за которыхъ прошу я, ровно ничего не понимали въ своемъ процессѣ. Потому надобно было мнѣ очень много времени, чтобъ доискаться до смысла въ ихъ безтолковыхъ разсказахъ.

Безъ дѣловой записки, еще не готовой у меня, Ваше Высокопревосходитель-

ство не можете ничего сдѣлать въ пользу бѣдняковъ, за которыхъ прошу я. Я понимаю это. Но еслибъ я не отправилъ въ назначенное мною же самимъ время мое прошеніе за нихъ, это могло бы имѣть видъ, что я по какимъ нибудь мотивамъ пустой щепетильности колеблюсь написать прошеніе.

Потому посылаю его теперь же.

Я нашелъ нужнымъ, по особенностямъ моихъ обстоятельствъ, написать къ приготовляемой мною для Вашего Высокопревосходительства дѣловой запискѣ предисловіе, со всѣми подробностями излагающее мои отношенія къ людямъ, за которыхъ я прошу.

Это предисловіе готово у меня и я посылаю его при этомъ письмѣ. Оно имѣетъ форму простого разсказа, въ родѣ того, какъ если-бъ это была глава изъ моей автобіографіи. Оно все состоитъ изъ фактовъ мелочныхъ, очень мелочныхъ. Не смѣю надѣяться, что Ваше Высокопревосходительство будете имѣть досугъ прочесть его. Но если Вашему Высокопревосходительству случится самому хоть взглянуть на него, то впередъ прошу Васъ простить мнѣ безобразный видъ рукописи. Переписка на-бѣло у меня идетъ черепашьимъ ходомъ: чтобы оказался сносно переписаннымъ на-бѣло одинъ листъ, мнѣ приходится бросить десять, двадцать до половины или почти до конца переписанныхъ и попорченныхъ описками листовъ. Впрочемъ, и то сказать: если судить не съ каллиграфической, а съ дѣловой точки зрѣнія, то черновая рукопись имѣетъ надъ бѣловою преимущество непосредственной экспансивности.

Два мѣсяца тому назадъ я писалъ, что еще не умѣю рѣшить, на чье имя будетъ мое прошеніе, и отъ чьего имени будетъ оно: на имя Его Величества Государя Императора, отъ моего собственнаго имени, или на имя Ея Величества Государыни императрицы, отъ имени женщины, которая имѣетъ преобладающее значеніе въ группѣ моихъ друзей, за которыхъ прошу я.—Когда выяснилось содержаніе дѣловой записки, которая необходима Вашему Высокопревосходительству для оцѣнки основательности прошенія, то я увидѣлъ, что прошеніе должно быть отъ моего имени; слѣдовательно, на имя Его Величества Государя Императора.

Оно имѣетъ форму письма.

Смѣю надѣяться, Ваше Высокопревосходительство, что Вы не сдѣлаете мнѣ въ Вашихъ мысляхъ незаслуженнаго мною оскорбленія, не усомнитесь въ моей честности, повѣрите мнѣ, что я не желаю обманывать ни Его Величество Государя Императора, ни Ваше Высокопревосходительство.

И вполнѣ убѣжденъ я, Ваше Высокопревосходительство, что Вамъ не покажется страннымъ мое увѣреніе, что преступныя—и съ тѣмъ вмѣстѣ, по буквальному своему смыслу, до крайности нелѣпыя выраженія объ Особѣ Его Величества, за которыя подверглись законному—безспорно законному наказанію мои бѣдные друзья, имѣли и продолжаютъ имѣть для нихъ самихъ совершенно иной смыслъ, противоположный преступному и глупому буквальному. Вашему Высокопревосходительству, я убѣжденъ, хорошо извѣстно, какіе мыслители и стилисты наши русскіе безграмотные люди. Темные безграмотные простолюдины, мои бѣдные друзья наболтали преступныхъ глупостей, думая говорить премудрыя изреченія о святомъ царѣ, который желаетъ, правда, всего того, чего желали и желаютъ они, но который имѣетъ по ихъ убѣжденію и чудотворную силу осуществить нѣкогда—и, вѣроятно, скоро—все то, чего желаетъ. На то они и темные люди, чтобы,

фантазируя о сверхъ-естественномъ, говорить нелѣпости, въ качествѣ премудростей.

Въ предисловіи къ дѣловой запискѣ, которое посылаю Вашему Высокопревосходительству, есть эпизодъ о выраженіи моихъ бѣдныхъ, безграмотныхъ друзей, что у нихъ „нѣтъ вѣры“.—Вѣры нѣтъ и у меня, Ваше Высокопревосходительство: я принадлежу къ тѣмъ мыслителямъ, которые атеисты. А у нихъ, какимъ же бъ это образомъ могло въ самомъ дѣлѣ „не быть вѣры“?—Они хотятъ сказать, что еще не осуществилась та совершенно благонамѣренная идиллія, которая, по ихъ вѣрѣ, непремѣнно осуществится, и даже скоро; осуществится силою святаго Царя,—того самаго, который царствуетъ теперь. Они хотятъ сказать, что эта ихъ надежда еще не осуществилась;—и для выраженія этой своей мысли говорятъ, бѣдные, что у нихъ „нѣтъ вѣры“.—Точно такимъ же способомъ объясняются и дикія выраженія, за которыя они осуждены.

Не осмѣливаюсь утруждать Ваше Высокопревосходительство болѣе длиннымъ письмомъ.

Прошу извинить меня, что это, написанное слишкомъ длинно, отняло у Васъ слишкомъ много времени.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою,

25 мая 1879. Н. Чернышевскій.

Разсказъ о моемъ знакомствѣ съ моими здѣшними друзьями, Катериною Николаевною, Ѳомою Павловичемъ и Матреною Никифоровною, служащій предисловіемъ къ дѣловой запискѣ о нихъ, надъ составленіемъ которой начну работать, дописавши этотъ разсказъ.

Года два или два съ половиною тому назадъ, пріѣхалъ исправникомъ въ Вилюйскъ Аполлинарій Григорьевичъ Протопоповъ. Около этого же времени, мнѣ надоѣли здѣшнія знакомства, и я рѣшилъ прекратить ихъ до той поры, пока отдохну отъ скуки, наводимой ими на меня. Такъ прошло года полтора. Прошлой осенью я почувствовалъ въ себѣ силу снова начать переносить скуку, доставляемую мнѣ здѣшними, большею частью добрыми, но не имѣющими ничего общаго съ моими умственными интересами людьми. Только, чтобы они не надоѣдали мнѣ больше, нежели сносно для меня, я объявилъ имъ, что самъ я буду заходить къ нимъ, когда бываетъ у меня досугъ, но къ себѣ не буду принимать никого изъ нихъ: я человѣкъ постоянно работающій, и отнимать у меня больше времени, чѣмъ могу я отдавать на знакомства, я отнынѣ допускать не намѣренъ. Исключеній не хочу дѣлать никакихъ. Оградивъ себя этимъ отъ ихъ надоѣданій, я возобновилъ знакомство съ ними.

Начавъ снова бывать у другихъ моихъ прежнихъ знакомыхъ, я сталъ снова бывать и у г. Протопопова.

Онъ человѣкъ семейный.

Когда я пришелъ въ первый разъ по возобновленіи моихъ знакомствъ къ нему и его супругѣ посидѣть у нихъ часть вечера, они приняли меня, разумѣется, очень радушно и совершенно запросто. Полѣзли на колѣна мнѣ всѣ тѣ ихъ дѣти, которыя ужъ умѣли ходить и взлѣзать на стулья, со стульевъ на колѣна людямъ. Я, разумѣется, ласкалъ этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Натурально, мать была въ восхищеніи отъ этого; и нашла непремѣннымъ своимъ долгомъ доставить мнѣ пріятность полюбоваться и на младшее ея дитя, еще не умѣвшее ходить. Самой ей нельзя было пойти принести его: она была занята разливаньемъ чаю, потому она послала старшаго ребенка сказать „нянѣ“, чтобы „няня“ принесла малютку. Пришла „няня“ съ малюткою. Я увидѣлъ, что „няня“ „Россійская женщина“, а не сибирячка. (Людей изъ Европейской Россіи здѣсь называютъ „Русскими“, по здѣшнему выговору произнося это слово въ старинной его формѣ: „Россійскій“. Не замѣтить, что „няня“—„Россійская женщина“ было невозможно: высокая, стройная пожилая женщина съ правильными чертами лица, какихъ у сибирячекъ не бываетъ: выраженіе лица скромное, честное, благородное; манеры простонародныя, но деликатныя, какихъ у сибирячекъ не бываетъ.—Простолюдины изъ Европейской Россіи попадаются здѣсь только ссыльные. Я не могъ не понять, что няня Протопоповыхъ—ссыльная.

Я приласкалъ малютку. Няня ушла съ нимъ опять въ дѣтскую.

Г-жа Протопопова стала хвалить свою няню. Эта женщина—сокровище. Другой такой заботливой о дѣтяхъ няньки она (г-жа Протопопова) не только сама не имѣла, не только сдѣсь не знаетъ, но и въ цѣломъ Иркутскѣ не знавала (г-жа Протопопова была изъ Иркутской губерніи), вообще не встрѣчала ни у кого изъ знакомыхъ ей дамъ во всю свою жизнь. И это - женщина безусловной честности. Она (г-жа Протопопова) сдала на руки ей все хозяйство, и съ той поры домашніе расходы сократились вотъ насколько (хлѣбъ—на третью долю, мясо—почти на половину и т. д.). А между тѣмъ число людей въ домѣ увеличилось двумя: правда, она (г-жа Протопопова) отпустила прежнюю кухарку, потому что поручила нянѣ быть и кухаркою,—и какая хорошая это кухарка. Готовитъ кушанье лучше иркутскихъ поваровъ; такимъ образомъ, правда, число прислуги теперь не больше прежняго; но въ домѣ живутъ лишнихъ противъ прежняго два человѣка: мужъ няни, хилой мужчина лѣтъ пятидесяти пяти, не имѣющій силы работать, и тетка этого больного, вовсе старуха, очень слабая. Вотъ, что значитъ хорошая экономка, честная женщина: въ домѣ живетъ двумя людьми больше прежняго, а расходы такъ много уменьшились.—Г-жа Протопопова долго изливала передо мною эти свои чувства. Мужъ подтверждалъ всѣ ея слова и прибавлялъ, что онъ теперь счастлилъ за жену: прежде она была измучена хлопотами съ дѣтьми; теперь, она отдыхаетъ, благодаря нянѣ; здоровье ея возстановляется. Это было видно и мнѣ, по сравненію съ тѣмъ, каковъ былъ цвѣтъ лица г-жи Протопоповой полтора года тому назадъ.

Старшія дѣти, играя около насъ, немножко растрепали на себѣ башмачишки, рубашонки, платьишки. Г-жа Протопопова призвала опять няню, помочь ей поправить на нихъ обувь, одежду. Я нашелъ обязанностью учтивости предъ г-жею

Протопоповой обмѣняться нѣсколькими словами съ служанкою, которой она такъ благодарна. Я заговорилъ съ нянею. „Позвольте спросить, какъ насъ совутъ?“ (Я давно пріобрѣлъ привычку говорить въ такомъ тонѣ выраженій со всѣми, я говорю такъ даже и съ тѣми якутами, которые знаютъ по русски на-столько, чтобы понимать разницу между „ты“ и „вы“, — „скажи мнѣ“ и „прошу васъ сказать мнѣ“, и т. д.). — И такъ, я говорю нянѣ: — „Позвольте спросить, какъ васъ зовутъ?“ — „Прежде, звали Катериною“. — „А по батюшкѣ?“ — „Прежде звали Николаевною“. — Странныя слова: „прежде, звали“, подумалъ я, изъ нихъ понятно, что эта женщина держится какихъ-то очень оригинальныхъ мнѣній, вѣроятно, религіознаго рода, какъ обыкновенно простолюдины размышляютъ усерднѣе всего о религіозныхъ вопросахъ. — „Позвольте спросить, Катерина Николаевна, какой вы вѣры?“ — „Насъ здѣсь зовутъ старовѣрами“, — „Не по дѣламъ ли вашей вѣры привелось вамъ быть здѣсь?“ — „Да, по нимъ“. — „Вы говорите, васъ зовутъ здѣсь старовѣрами, дѣлъ о старовѣрахъ нынѣ заводятъ мало. Быть можетъ, здѣшніе люди не умѣютъ называть вашу вѣру правильно?“ — „Да, не умѣтъ“. — Я когда-то готовился быть ученымъ богословомъ, зналъ тогда, въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какія мнѣнія преобладаютъ между людьми, не принадлежащими къ православной церкви. — „Позвольте полюбопытствовать, Катерина Николаевна, откуда вы родомъ?“ — „Изъ Дубовки“. — Я помнилъ, что Дубовка — одинъ изъ центровъ молоканства или, по названію, которое даютъ этому ученію сами послѣдователи его, духовнаго христіанства. „Не будетъ ли правильнѣе называть васъ и вашихъ здѣшнихъ родныхъ, Катерина Николаевна, духовными христіанами?“ — „Если хотите, зовите насъ хоть такъ“. — „Вы сказали: если я хочу, пусть зову васъ хоть такъ, стало быть, и это названіе не правильное?“ — „Да, и это названіе будетъ не правильное“. — „Какъ же называть васъ правильно?“ — „Не умѣю вамъ сказать“ — „Какъ же это, не умѣете? Быть можетъ, не расположены сказать, Катерина Николаевна? То я не хочу дѣлать непріятныхъ вамъ вопросовъ. Оставимъ это, поговоримъ о чемъ другомъ“. — „Нѣтъ, почему жь бы не сказать вамъ, если бъ умѣла, вамъ, я сказала бы, но не знаемъ мы сами, какъ намъ называть себя“. — Ко мнѣ, она почему-то имѣетъ, кажется, полное довѣріе. Передъ г-номъ и г-жею Протопоповыми она, разумѣется, не стѣснялась бы говорить о своей вѣрѣ все, что сама знаетъ: они такъ любятъ ее. Стало быть, она, дѣйствительно, сама не знаетъ, какъ называть свою вѣру. — „Что жь. Катерина Николаевна, у вашей вѣры должно быть еще нѣтъ названія?“ — „Должно быть, что нѣтъ“. — „Значитъ, когда еще не найдено для нея названія, она вовсе еще новая?“ — „Не знаю, можетъ быть и такъ“. — „Но, напримѣръ, вы сама такъ и выросли въ ней?“ — „Нѣтъ, мы съ моимъ старикомъ лѣтъ двадцать прожили послѣ сватьбы нашей все еще въ прежней нашей вѣрѣ“. — „А прежняя ваша вѣра была какая же?“ — „Соловьевская“. — Ни о какой „Соловьевской вѣрѣ“ не читывалъ я, когда занимался, въ моемъ юношествѣ, богословіемъ. — „Какая-жь это вѣра, Соловьевская? Мнѣ не случалось читывать о такой, Катерина Николаевна“ — „Если не знаете этого названія, то называется она тоже Иргизской вѣрою“. — „А, объ Иргизской вѣрѣ я когда-то зналъ порядочно таки. Это вѣра бывшихъ Иргизскихъ монастырей, это старообрядчество, какъ его зовутъ въ книгахъ, или, по простонародному, старая вѣра“. — „Да“. — „Почему жь вы называли ее тоже и Соловьевскою?“. — „Потому что, когда я была

въ ней, она была ужь не совсѣмъ-то прежняя Иргизская". — „Въ чемъ же вышла разница отъ прежней Иргизской?" — „А у насъ ужь ни церкви, ни часовни не было, и негдѣ намъ было собираться вмѣстѣ молиться. Молились только каждый у себя дома, и службы никакой не было, только молились". — „И значитъ, судя по названію: Соловьевская вѣра, это, чтобы молиться по домамъ, каждому у себя, завелъ Соловьевъ?" — „Нѣтъ, этому учили прежде въ Соловьевскомъ монастырѣ, а не то, что научилъ насъ этому кто, чья фамилія была Соловьевъ". — „Этому учили прежде въ Соловьевскомъ монастырѣ, сказали вы, Катерина Николаевна, что жь это за монастырь? Я о такомъ не читывалъ. Гдѣ онъ былъ?" — „Онъ и теперь остается, только теперь въ немъ, должно быть, прежняго ученія ужь нѣтъ, а впрочемъ не знаю, такъ мы думаемъ, что нѣтъ, а правда ли мы, не знаемъ. Да оно теперь для насъ ужь и все равно, чему учатъ тамъ, потому что мы перешли въ другую вѣру". — „Какъ же это вы не знали хорошенько, что теперь дѣлается въ Соловьевскомъ монастырѣ, когда еще держались прежней Соловьевской вѣры? — Тогда, вамъ было, я думаю, любопытно знать достовѣрнымъ манеромъ, остается ли тамъ все еще прежняя вѣра". — „Точно, тогда намъ было бы очень любопытно знать это, только: мы люди простые, книгъ не читали, а Соловьевскій монастырь очень далеко отъ Дубовки, и вѣрныхъ слуховъ оттуда до насъ не доходило. Очень далеко это отъ Дубовки, не умѣю вамъ хорошенько сказать, гдѣ именно, только гдѣ-то далеко за Москвою, на морѣ". — „А, вотъ что, Катерина Николаевна. Теперь, я разобралъ, о какомъ монастырѣ вы говорите. Вы не умѣли правильно выговорить его названіе. Этотъ вашъ Соловьевскій монастырь называется по настоящему Соловецкій, а не Соловьевскій". — „Вотъ какъ оно вышло. Стало быть, это самый тотъ монастырь и есть, куда, кто обыкновенной вѣры держится, у которой и соборныя церкви, и архіереи есть, на поклоненіе ходятъ?" „Тотъ самый, Катерина Николаевна". — „Когда вы такъ о немъ знаете, то значитъ, знаете, прежняя ли остается въ немъ вѣра, которой мы прежде держались? Должно быть, оно точно, ужь не остается въ немъ той прежней вѣры, когда люди обыкновенной вѣры ходятъ туда на поклоненіе?" — „Совершенно такъ, Катерина Николаевна: тамъ теперь обыкновенная вѣра. Впрочемъ, теперь для васъ это все равно". — „Да, все равно". — „Вотъ о прежней вашей вѣрѣ, я теперь понялъ, Катерина Николаевна. А о той вѣрѣ, которой вы держитесь теперь, вамъ не будетъ непріятно говорить со мною?" — „Почему жь не говорить?" — „Хорошо, Катерина Николаевна. Отъ кого вы научились вашей нынѣшней вѣрѣ?" — „По настоящему говоря, ни отъ кого мы ей не научались, сами дошли въ своихъ мысляхъ до того, что она хорошая. А первый перешелъ въ нее Богатенковъ: вмѣстѣ съ нимъ, и другіе нѣкоторые. А мы перешли въ нее нѣсколько послѣ Богатенкова и тѣхъ другихъ". — „Это все Дубовскіе тоже люди?" — „Богатенковъ и тѣ всѣ были изъ самой Дубовки. А изъ тѣхъ, которые перешли въ эту вѣру вмѣстѣ съ нами, нѣкоторые жили въ Песковаткѣ, а не то, что въ самой Дубовкѣ". — „О Песковаткѣ, я не знаю, Катерина Николаевна, гдѣ это и что это, большое ли село или деревня маленькая. Это далеко отъ Дубовки? Вѣрно, не далеко?" — „Вовсе подлѣ: въ старину, считали между Дубовкою и Песковаткою семь верстъ. Но тогда Дубовка была еще маленькая. А теперь, она очень широко раскинулась. Да и Песковатка-то растетъ. Теперь, только прежняя привычка считать между ними семь верстъ. А краями-то

теперь онѣ ужь вовсе близко сошлись". — „Вы сказали о Богатенковѣ: онъ перешелъ первый въ ту вѣру, въ которую перешли вы нѣсколько послѣ. Кто такой онъ?" — „Былъ онъ купецъ, человѣкъ очень достаточный, не изъ первыхъ богачей въ Дубовкѣ, но съ большимъ состояніемъ". — „Вы по дѣламъ вашей вѣры сосланы, а онъ, остался цѣлъ? Должно быть, тоже не уцѣлѣлъ?" — „Тоже сосланы, онъ, и тѣ, которые перешли въ одно время съ нимъ. Только, сослали ихъ не въ Сибирь, а за Кавказъ". — „Бѣдно они тамъ живутъ, или не терпятъ нужды?" — „Не умѣю вамъ сказать навѣрное. Но, сколько можемъ мы судить, живутъ они тамъ не то, чтобы въ тяжкой бѣдности: можетъ быть, и съ нѣкоторымъ, хоть небольшимъ, достаткомъ". — „Много ихъ было отдано подъ судъ, Катерина Николаевна, и сколько было сослано?" — Но въ эту минуту заплакалъ въ дѣтской малютка, Катерина Николаевна извинилась, что должна идти къ нему, убаюкивать его, и пошла.

Я давно пріобрѣлъ привычку подавать руку всѣмъ, съ кѣмъ говорю: подаю руку и всякому Якуту, который, повстрѣчавшись со мною на улицѣ, остановится сказать мнѣ: — „здорово". Когда я началъ разговоръ съ Катериною Николаевною, она стояла нагнувшись, оправляя одежонку на дѣтишкахъ; я разсудилъ тогда, что не отрывать же мнѣ ея рукъ отъ этого дѣла, подавая ей руку. Я только подошелъ къ ней, чтобы расговаривать. Теперь, когда ступила она съ мѣста, идти въ дѣтскую, руки у нея были сложены, по обычаю пожилыхъ русскихъ простолюдинокъ, на груди. Я подалъ ей руку. Она не развела своихъ сложенныхъ на груди рукъ. Я подумалъ: она считаетъ неучтивостью передъ „господами", у которыхъ она служитъ, подавать руку для пожатія мнѣ, ихъ гостю. Я протянулъ свою руку къ ея сложеннымъ на груди рукамъ, пожалъ одну изъ нихъ, гдѣ пришлось, между кистью и локтемъ. Она не отвернула руку отъ этого моего пожатія, хоть легко успѣла бъ это сдѣлать, потому что движеніе моей руки къ пожатію было, разумѣется, очень тихое. И ничего особеннаго въ томъ, что сама она не пожала мнѣ руку, я не предположилъ: это, просто соблюденіе служительской учтивости передъ господами, подумалъ я, какъ ужь сказалъ.

Въ разговорѣ съ нею я безпрестанно называлъ по имени и отчеству, какъ требуетъ учтивость по разговору въ русскомъ простонародномъ вкусѣ. Она ни разу не назвала меня по имени и отчеству. Я предполагалъ: это потому, что она не знаетъ ихъ, слышала лишь мою фамилію, а называть человѣка по фамиліи, это, по простонародному, невѣжливо, когда говоришь не съ другими о немъ, а съ нимъ самимъ. (Это вычеркиваю потому, что можно тутъ обойтись и безъ этого. Письмо выходитъ слишкомъ длинно, и безъ лишнихъ въ немъ подробностей. Въ запискѣ, предисловіемъ къ которой служитъ это письмо, повторю и объясню то, что вычеркнулъ теперь здѣсь).

Она ушла и не представилось случая, чтобъ она снова пришла въ залъ изъ дѣтской. Но г-нъ и г-жа Протопоповы продолжали толковать мнѣ о ней, какая она хорошая, и какъ они благодарны ей. Я не поддерживалъ этого разговора: онъ не интересовалъ меня; но и не перерывалъ я его: пусть говорятъ, о комъ хотятъ, и что хотятъ. мнѣ одинаково занимательны всякіе разговоры Протопоповыхъ ли, другихъ ли здѣшнихъ чиновниковъ, священниковъ, купцовъ, мои умственные интересы совсѣмъ иные, чуждые всѣмъ этимъ людямъ. Мнѣ всегда одинаковая скука со всѣми ними, о чемъ бы они ни бесѣдовали со мною. (Потому-то я и далъ себѣ

передъ тѣмъ полуторо-годовой отдыхъ отъ пріятности бесѣдовать съ ними, и теперь, чтобъ не пользоваться этою пріятностью сверхъ размѣра, какой сносенъ для меня, объявилъ имъ, возобновляя мои знакомства съ ними, что хоть самъ я и буду навѣщать ихъ, но ко мнѣ пусть они не ходятъ: я не приму никого, и распорядился, чтобы моя прислуга недопускала никого ко мнѣ: я постоянно читаю и пишу, кто пришелъ бы ко мнѣ, помѣшалъ бы мнѣ.—Это мое распоряженіе будто сурово, но, какъ быть,—иначе, эти люди, не знающіе куда дѣвать время, приходили бъ надоѣдать мнѣ своею монотонною и пустою болтовнею каждый день съ утра до ночи).

И такъ, по индифферентности всякихъ разговоровъ здѣшнихъ чиновниковъ, священниковъ или купцовъ для меня, я оставлялъ теперь г-на и г-жу Протопоповыхъ толковать мнѣ о комъ и о чемъ хотятъ. И очень, очень долго толковали они все о своей нянѣ, „за которою“, по выраженію, употребленному много разъ ими обоими, г-жа Протопопова „живетъ теперь, какъ у Христа за пазухою“ (извѣстное народное выраженіе, обозначающее спокойную жизнь).

Изъ разсказовъ г-на Протопопова я узналъ, что онъ, съ годъ тому назадъ, объѣзжая по долгу службы свой округъ, нашелъ Катерину Николаевну, ея мужа и тетку ея мужа живущими въ одномъ изъ „ночлеговъ“ округа. („Ночлегъ“ или, по здѣшнему выговору, „наслѣгъ“—нѣчто соотвѣтствующее тому, что въ Европейской Россіи называется волостью). Они были признаны по медицинскому свидѣтельству неспособными добывать себѣ пропитаніе земледѣльческою или какою другою сельско-хозяйственною работою. Потому, какъ велитъ законъ относительно подобныхъ случаевъ, имъ была дана отъ ночлега, гдѣ начальство поселило ихъ, „юрта“ (якутская избушка) и даваемо было отъ ночлега содержаніе. Само собою понятно, это была жизнь очень бѣдная, тяжелая, полу-голодная. Протопоповы очень нуждались въ порядочной нянькѣ. Г-ну Протопопову показалось, что младшая изъ двухъ женщинъ была бы хорошею нянькою. Онъ спросилъ ее, согласится-ль она на это, если онъ выпроситъ у областнаго начальства разрѣшеніе ей жить въ городѣ Вилюйскѣ. Ея мужа и его тетку онъ не хочетъ брать жить у него: они оба ужь такъ хилы, что вовсе не годятся быть прислугою, а кормить ихъ даромъ, это, при здѣшней дороговизнѣ хлѣба (да и всего, кромѣ мяса), слишкомъ большой расходъ для него, имѣющаго въ Иркутской губерніи кусокъ земли и порядочный домикъ на томъ кускѣ, потому не вовсе бѣднаго, но очень не богатаго, и обремененнаго довольно большимъ семействомъ. И такъ,—объяснилъ онъ младшей изъ двухъ женщинъ,—если она согласится жить у него въ Вилюйскѣ, то прійдется ей жить врозь отъ мужа и его тетки: они пусть остаются въ ночлегѣ. Но ихъ юрта всего въ тридцати верстахъ отъ города, они могутъ часто приходить къ ней въ гости, эти посѣщенія не раззорятъ же его (г-на Протопопова). Она согласилась:—„Горько мнѣ будетъ оставить ихъ, такихъ дряхлыхъ, безъ моего ухаживанья за ними. Но должна-жь я, пока могу, работать для нихъ. Какія нибудь деньги, буду получать, служа у васъ. Тогда, хоть не будутъ голодать мои мужъ и тетка“.—(Она зоветъ тетку мужа своею теткою, потому что съ молодости привыкла любить ее такъ). Г-нъ Протопоповъ спросилъ, сколько жь хочетъ она получать жалованья. Она сказала: „У насъ вовсе нѣтъ денегъ; сколько дадите, столько и будетъ хорошо“. Онъ сказалъ, что будетъ платить ей три рубля въ мѣсяцъ. Она сказала: „И довольно этого“.

Получивъ разрѣшеніе областнаго начальства, г-нъ Протопоповъ перевелъ Ка-

терину Николаевну въ городъ, и она стала нянькой у него. Когда Протопоповы хорошенько присмотрѣлись, какъ превосходно исполняетъ она свою обязанность, они прибавили ей жалованья. Мужъ временами приходилъ въ городъ къ женѣ. Тетка его не имѣла силы приходить. Скоро, Протопоповы еще увеличили жалованье своей нянѣ, а еще черезъ нѣсколько времени, и не пожалѣли расходовъ на содержаніе хилыхъ, неспособныхъ служить имъ, мужа ея и тетку его, съ разрѣшенія начальства переселили ихъ въ городъ, и взяли жить къ себѣ. Расходъ на ихъ содержаніе я цѣню не менѣе 10 рублей въ мѣсяцъ (потому что, напримѣръ, пудъ ржаной муки стоитъ здѣсь отъ 2 р. 50 коп. до 3 рублей, а мука эта такая, что въ пудѣ ея оказывается отъ 8 до 10 фунтовъ мякины, не идущей въ пищу). Протопоповы, принимая старика и старуху на свое содержаніе, полагали, что будутъ кормить ихъ вовсе за-даромъ, дѣлали это лишь изъ за своей признательности къ нянѣ. И дѣйствительно, старикъ и старуха не имѣли силъ служить. Но къ удивленію Протопоповыхъ—принялись прислуживать на сколько могли при своихъ немощахъ. И, вышло правда, ничего не въ силахъ они дѣлать, могутъ только сидѣть съ дѣтьми и ласкать ихъ, но сидѣли съ дѣтьми и ласкали ихъ эти немощные люди такъ заботливо, что у Катерины Николаевны стало довольно много времени, свободнаго отъ надобности ухаживать за дѣтьми. Тогда г-жа Протопопова поручила ей быть тоже и кухаркою, тоже и ключницею, и совершенно ввѣрила ей, какъ я ужь говорилъ, все домашнее хозяйство. Сбереженій отъ экономности и безусловной честности было столько, что Протопоповы оставались, при всѣхъ своихъ расходахъ на Катерину Николаевну и двухъ ея семейныхъ, въ довольно большой выгодѣ, сравнительно съ тѣмъ, во сколько обходилась имъ жизнь здѣсь прежде того. Потому, они стали давать денежные подарки и мужу Катерины Николаевны, и теткѣ его, дѣлали всѣмъ троимъ много подарковъ одеждою и тому подобными вещами.—Заходя нѣсколько впередъ, къ порѣ отъѣзда Протопоповыхъ изъ Вилюйска, замѣчу, что въ десять мѣсяцевъ, которые прожила Катерина Николаевна у нихъ, она и ея мужъ и тетка получили отъ Протопоповыхъ болѣе ста рублей деньгами. Цѣнность подарковъ вещами, сдѣланныхъ имъ, я не умѣю опредѣлить. Но трое людей, у которыхъ оставалось ужь очень мало одежды, теперь имѣютъ, какъ я вижу, не совершенно дурную для бѣдныхъ людей одежду. А одежда здѣсь очень дорога.

Г-нъ и г-жа Протопоповы считались всѣми въ городѣ за людей очень бережливыхъ на деньги и на всякіе расходы. И лично мнѣ, казались такими. Потому, очень большая щедрость ихъ относительно Катерины Николаевны не можетъ быть объясняема ничѣмъ, кромѣ чрезвычайно сильной благодарности ихъ ей.

Я продолжалъ посѣщать Протопоповыхъ. Видывалъ иной разъ въ залѣ Катерину Николаевну, приходившую присмотрѣть за дѣтьми, или сказать что нибудь г-жѣ Протопоповой. Я говорилъ Катеринѣ Николаевнѣ: „здравствуйте“, и только: вновь, ни разу не вступалъ ни въ самый маленькій разговоръ. Что за охота была мнѣ говорить съ нею?—Я давнымъ-давно не интересуюсь никакими религіозными вопросами. Когда былъ у Протопоповыхъ въ первый разъ, я заговорилъ съ ихъ нянею только изъ учтивости къ нимъ, чтобъ они видѣли: я слушалъ ихъ разсказы о ихъ нянѣ, и вѣрю ихъ похваламъ ей.—Случилось мнѣ увидѣть однажды и дряхлую старушку, тетку мужа Катерины Николаевны, съ нею, не обмѣнялся

я ни однимъ словомъ, кромѣ того же „здравствуйте“. Старика не видѣлъ и не думалъ увидѣть. Всѣ трое они были тогда ни мало не занимательны мнѣ.

Но, неожиданно для меня, произошло обстоятельство, сдѣлавшее меня другомъ Катерины Николаевны, ея мужа и ихъ тетки.

Возобновивши мои знакомства съ прежними знакомыми, я не могъ не познакомиться и съ тѣми людьми, которые пріѣхали въ Вилюйскъ послѣ того, какъ я сдѣлалъ себѣ полуторо-годовой отдыхъ отъ прежней скуки. Городъ крошечный, всѣ служащіе въ немъ безпрестанно бываютъ каждый у всѣхъ другихъ.

Въ тѣ полтора года, пріѣхали въ Вилюйскъ двое новыхъ должностныхъ людей: чиновникъ акцизнаго вѣдомства, Алипій Ѳомичъ Жуковъ, и медикъ Иванъ Евгеніевичъ Доброзраковъ. Оба они люди женатые. Я познакомился съ обоими семействами. Съ особеннымъ радушіемъ принимали меня г-нъ и г-жа Жуковы, потому чаще всего посѣщалъ я ихъ. Справедливо-ль, или нѣтъ, но мнѣ казалось, что г-нъ и г-жа Доброзраковы гораздо менѣе Жуковыхъ или Протопоповыхъ радушны относительно меня. Но никакой претензіи на нихъ за то, что я нравлюсь имъ менѣе, чѣмъ другимъ, я не могъ же имѣть. Посѣщалъ я ихъ, временами, лишь изрѣдка, временами, не рѣдко. Однажды, въ продолженіе дней пяти, когда г-нъ Доброзраковъ былъ, по дѣламъ службы, въ округѣ и одно изъ дѣтей его занемогло (у Доброзраковыхъ двое дѣтей, обое малютки), я бывалъ у огорченной и встревоженной до отчаянія г-жи Доброзраковой каждый день, по многу часовъ, какъ бывалъ недѣли три каждый день по очень, очень многу часовъ у занемогшей довольно опаснымъ недугомъ г-жи Жуковой, тоже оставшейся тогда одинокою за отлучкою мужа ея по дѣламъ службы. Не то, что я чудо филантропіи, ни мало, но—каковы бы ни были мои политическія мнѣнія или правила, я въ дѣлахъ частной жизни, человѣкъ не злой и не бездушный.

Я сказалъ, что у Доброзраковыхъ двое дѣтей, обое малютки. А сносной няньки не имѣли они. Не могли найти, не только здѣсь, но и въ Якутскѣ. Здѣсь, кромѣ такого случая, какой по совершенно исключительному обстоятельству, подвернулся Протопоповымъ, ни у кого,—совершенно ни у кого,—нѣтъ и во всѣ годы, проведенные мною здѣсь, не было—ни одного слуги, ни одной служанки, которые были бы сколько нибудь похожи на то, что называется порядочною прислугою. Здѣшніе Русскіе—козаки, они считаютъ себя „благородными“, чуть не дворянами, и лучше хотятъ голодать, чѣмъ унизить себя поступленіемъ „въ дворовые“. А Якуты—дикари, ведущіе безтолковый и чрезвычайно грязный образъ жизни. И такъ, о Вилюйскѣ, по отношенію къ прислугѣ, нечего и толковать. Но и въ Якутскѣ, это не многимъ иначе. Найти тамъ порядочнаго слугу или порядочную служанку необыкновенная рѣдкость.

Г-жа Доброзракова сама готовила кушанье, сама пекла хлѣбъ, сама прибирала въ комнатахъ, это еще не важно бы: такъ приходится здѣсь дѣлать почти всѣмъ чиновницамъ, и всѣмъ купчихамъ или женамъ священниковъ; и само по себѣ это не дѣйствовало бы особенно тяжело на ея здоровье; но это брало у нея, разумѣется, очень много времени. А она была сама жь нянькою при своихъ двухъ малюткахъ (старшему было тогда—въ началѣ нынѣшняго года—мѣсяцевъ семнадцать, младшему масяцевъ шесть или пять). Не говоря о непрерывныхъ хлопотахъ во время дня, ей не удавалось хорошенько уснуть ни одну ночь. Жаль было смотрѣть на бѣдняжку. Жаль было смотрѣть и на ея мужа. Каковы бы ни были

мои личныя отношенія къ г-ну Доброзракову, я долженъ сказать въ похвалу ему, что онъ хорошій медикъ, и серьезно желаетъ расширять свои медицинскія знанія; онъ привезъ съ собою много медицинскихъ книгъ,—всѣ онѣ выбраны имъ съ прекраснымъ умѣньемъ оцѣнивать ихъ значенье въ медицинской литературѣ, и онъ усердно изучаетъ ихъ,— или собственно говоря, усердствуетъ изучать, когда имѣетъ на то досугъ. Но досуга не приходилось ему имѣть въ тѣ первые мѣсяцы его службы здѣсь (не приводится и теперь). Жена его была постоянно измучена няньченьемъ малютокъ; изнемогала и по нѣсколько разъ въ день валилась какъ снопъ куда попало: на кровать, на диванъ, на полъ. Что жь ему было дѣлать, какъ не помогать ей няньчиться съ дѣтьми?—Безпрестанно приходилось ему то забавлять старшаго малютку, то убаюкивать младшаго. Я не видѣлъ, чтобы проходилъ у него хоть одинъ часъ безъ этого, когда онъ былъ не въ больницахъ (здѣсь двѣ маленькія больницы) и не у больныхъ—по домамъ.

Выхода изъ этого жалкаго положенія не предвидѣлось для Доброзраковыхъ, пока Протопоповы не стали говорить, что собираются уѣхать изъ Вилюйска. По разнымъ надобностямъ, изъ которыхъ наиболѣе важными, если не ошибаюсь, были частныя надобности г-жи Протопоповой (она была беременна; удобной обстановки для труднаго разрѣшенія отъ бремени здѣсь невозможно имѣть: ни порядочной постели, ни хорошей температуры въ комнатѣ, ничего подобнаго; а г-жѣ Протопоповой было предсказано врачами въ Иркутскѣ, что слѣдующіе роды ея будутъ трудны),—и такъ, сказалъ я, по разнымъ надобностямъ, въ особенности, кажется, по личной надобности г-жи Протопоповой, г-нъ Протопоповъ подалъ прошеніе, чтобъ ему былъ данъ четырехъ-мѣсячный отпускъ для поѣздки въ Иркутскъ, и надѣялся, что ему не будетъ отказано въ томъ. Когда Протопоповы заговорили объ этомъ, Доброзраковы ожили духомъ: няня Протопоповыхъ не можетъ выѣхать изъ Вилюйскаго округа; она останется въ Вилюйскѣ; они возьмутъ ее къ себѣ. И она ужь не отойдетъ отъ нихъ, если-бы даже и возвратились Протопоповы изъ Иркутска: они (Доброзраковы) позаботятся обращаться съ нею и ея хилыми старшими такъ, что эти люди ужь не захотятъ разстаться съ ними. Правда, въ денежномъ отношеніи это будетъ довольно тяжело для нихъ (Доброзраковыхъ): лишнихъ расходовъ по домашнему хозяйству нѣтъ у нихъ и теперь; экономность няни Протопоповыхъ, которая будетъ завѣдывать хозяйствомъ и у нихъ (Доброзраковыхъ) сдѣлаетъ въ этомъ мало разницы. А жалованье нянѣ и содержаніе ея съ двумя старшими ея сдѣлаетъ прибавку къ нынѣшнимъ расходамъ ихъ (Доброзраковыхъ) рублей до двадцати въ мѣсяцъ. А денегъ у нихъ очень мало. Но лучше они сами будутъ терпѣть нужду, лишь бы избавиться отъ мучительной нынѣшней своей жизни, имѣя такую превосходную няню.

Дѣйствительно, жалованье здѣшняго медика очень невелико. А доходы отъ практики, какіе жь могутъ быть въ Вилюйскѣ, который меньше и бѣднѣе русской деревни средней величины, не сравнивая ужь его съ русскимъ селомъ. Притомъ же г-нъ Доброзраковъ не торгуется о платѣ съ больными, которыхъ пользуетъ; это я долженъ сказать въ честь ему; я не позволяю моимъ отзывамъ о качествахъ людей быть въ зависимости отъ того обстоятельства, кто нравится, кто не нравится мнѣ, кто хорошо расположенъ ко мнѣ, кто нѣтъ. Мои личныя чувства къ человѣку, пріятныя или нѣтъ сами по себѣ, мои мнѣнія о качествахъ человѣка не зависятъ отъ того.—И такъ, я сказалъ: Доброзраковы, дѣйствительно, живутъ

довольно скудно. Но—хоть и дѣйствительно тяжеловаты будутъ имъ тѣ лишніе двадцать, по ихъ счету,—пятнадцать, по моему соображенію, рублей расхода въ мѣсяцъ,—денегъ на это у нихъ всетаки достанетъ,—думалъ я, и, разумѣется, не ошибался: въ крошечномъ городишкѣ всѣ жители знаютъ до мелочности аккуратно сколько у кого изъ нихъ дохода и расхода. Я, натурально, не интересуюсь помнить эти ихъ разсужденія о чужихъ карманахъ,— но невозможно жь совершенно ничего изъ этихъ—самыхъ изобильныхъ—сюжетовъ ихъ бесѣдъ не припомнить въ случаѣ надобности. И я сообразилъ: да, расходъ на няню Протопоповыхъ съ ея хилыми старшими не превышаетъ денежныхъ средствъ Доброзраковыхъ; а что онъ будетъ нѣсколько тяжеловатъ для нихъ, правда; но тѣмъ больше и дѣлаетъ чести ихъ здравому смыслу, что они рѣшаются на него.

И, услышавши отъ нихъ объ этомъ ихъ намѣреніи, я сказалъ, что очень радъ за нихъ; это они вздумали умно, и это будетъ очень хорошо для нихъ.

Г-нъ Протопоповъ получилъ отпускъ; ждалъ пріѣзда чиновника, который будетъ присланъ исправлять его должность во время отлучки его.—Это было въ началѣ февраля нынѣшняго года.

Доброзраковы сказали мнѣ: дѣло съ нянею Протопоповыхъ улажено. Они просили ее поступить къ нимъ; Протопоповы посовѣтовали ей принять ихъ предложеніе, (послѣ это оказалось пустой фантазіей Доброзраковыхъ: Г-жа Протопопова дала своей нянѣ совершенно противоположный совѣтъ; она совѣтовала ей не принимать предложенія Доброзраковыхъ); няня согласилась. Она поѣдетъ проводить Протопоповыхъ до границы Вилюйскаго округа, передвиженіе по которому свободно для нея по закону; возвратится и перейдетъ со своими хилыми старшими къ нимъ (Доброзраковымъ). Я сказалъ, что очень радуюсь этому за нихъ.

Около 20 февраля г. Протопоповъ покончилъ сдачу должности присланному исправлять ее вмѣсто него чиновнику. Я пришелъ проститься съ Протопоповыми вечеромъ передъ утромъ, когда былъ назначенъ ихъ отъѣздъ. Утромъ будетъ у нихъ толпа, я не бываю въ толпѣ; въ толпѣ здѣшніе люди чрезмѣрно непріятно для меня держать себя. Протопоповы—это надобно ставить въ большую честь имъ—не дѣлали попоекъ для своихъ гостей;—зато здѣшніе люди и не любили бывать у нихъ толпой. Но при такомъ торжественномъ случаѣ, какъ проводы, Протопоповы не въ силахъ будутъ не покориться требованію здѣшняго приличія, и дадутъ вино прощающимся съ ними гостямъ. Потому на проводахъ у нихъ быть я не захотѣлъ и пришелъ проститься съ ними вечеромъ предъ тѣмъ, когда у нихъ—разсчитывалъ я—не будетъ никого. У нихъ и дѣйствительно не было никого. Они не ждали, что я приду проститься съ ними (вообще, я этого не дѣлаю, потому что не соблюдаю никакихъ церемоній здѣшняго—изумительнаго, разумѣется—бонтона). Они были рады мнѣ. Я былъ очень расположенъ къ г-жѣ Протопоповой, простой и очень добродушной женщинѣ; она была въ совершенномъ унадкѣ духа отъ боязни, что она не перенесетъ трудностей дороги (она была въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности). Я сталъ развлекать ее, ободрять ее. Просидѣлъ у нихъ очень долго.—О томъ, что ихъ няня перейдетъ къ Доброзраковымъ, они не упомянули ни однимъ словомъ. Я тогда не обратилъ на это вниманія. Я не имѣлъ интереса вспоминать о ихъ нянѣ; зналъ отъ Доброзраковыхъ, что дѣло это рѣшено; радъ былъ тому за Доброзраковыхъ; а сама няня со своими старшими ни-

мало не интересовала меня. И выйти въ залъ не случалось ей тогда. Такъ и не замѣтилъ я, что у Протопоповыхъ нѣтъ рѣчи о переходѣ ея къ Доброзраковымъ.

Прошло не помню сколько дней по отъѣздѣ Протопоповыхъ,—недѣли полторы, быть можетъ. Я зашелъ къ Доброзраковымъ. Его не было въ городѣ: онъ опять отправился, по своей должностной обязанности, осматривать больныхъ по округу. Г-жа Доброзракова сказала мнѣ, что няня Протопоповыхъ, провожавшая ихъ, какъ было условлено, и какъ я зналъ, возвратилась въ городъ и завтра перейдетъ со своими хилыми старшими жить къ ней. Она была въ восторгѣ отъ этого. Прекрасно. Только не догадался я сообразить, что въ словахъ г-жи Доброзраковой нѣтъ упоминанія о томъ, что няня Протопоповыхъ, по своемъ возвращеніи, видѣлась съ нею, или хоть бы прислала кого къ ней извѣстить о своемъ пріѣздѣ. Не догадался я даже и спросить, когда же возвратилась няня. Я подумалъ: няня только что вотъ вернулась въ этотъ вечеръ; женщина пожилая—и не совсѣмъ, казалось мнѣ по ея лицу, здоровая, она утомлена поѣздкою и хочетъ хоть одну эту ночь полежать спокойно, соснуть хорошенько, прежде чѣмъ опять по десяти разъ въ ночь вставать для убаюкиванія дѣтей. Этимъ своимъ соображеніемъ я и удовлетворился. Съ тѣмъ и ушелъ отъ г-жи Доброзраковой.

Захожу къ ней на другой ли, на третій ли, на четвертый ли день. Она встрѣчаетъ меня словами: „я не знаю, что это такое присылаетъ въ отвѣтъ мнѣ няня Протопоповыхъ. Я посылала спросить ее, когда она перейдетъ ко мнѣ; она отвѣчала: можетъ быть, зайду завтра повидаться съ нею, только не знаю, досугъ ли мнѣ будетъ зайти къ ней: я чиню рубашки мужу и теткѣ; это много работы, едва ли кончу завтра.—Прошелъ тотъ день, когда она обѣщалась прійти ко мнѣ“—это говоритъ г-жа Доброзракова, а я думаю:—„О-го, это она, по вашему, обѣщалась; она, очень ясно, только въ учтивой формѣ отвѣчала вамъ, что не придетъ и повидаться съ вами.“—Г-жа Доброзракова продолжаетъ:—„когда прошелъ тотъ день, я опять послала къ ней. Она прислала въ отвѣтъ: я теперь мою свое бѣлье, завтра буду мыть бѣлье для одного чужаго семейства. Если будетъ мнѣ досужно, зайду къ ней завтра, только едва ли успѣю“. Это сообщаетъ мнѣ г-жа Доброзракова. Я говорю ей: „Напрасно вы не понимаете этого. Это ясно. Она не хочетъ поступать въ услуженіе къ вамъ“.—„Да какъ же нѣтъ? она тогда согласилась, у насъ дѣло было рѣшено“.—Я говорю: „Такъ ли? Точно ли она согласилась тогда?“—„Ахъ, да, да“.

Я припомнилъ: Протопоповы, когда я видѣлся съ ними въ послѣдній разъ, не упоминали, что ихъ няня перейдетъ къ Доброзраковымъ. А если бы они полагали, что будетъ такъ, то по ходу разговора было много такихъ случаевъ, что не могли бъ они забыть упомянуть объ этомъ. Ясно: ихъ няня говорила имъ, что не пойдетъ въ услуженіе къ Доброзраковымъ, и они не говорили мнѣ объ этомъ потому, что если бы говорить, то пришлось бы сказать въ объясненіе тому что нибудь дурное о Доброзраковыхъ. А когда такъ, то я знаю, что такое дурное о Доброзраковыхъ пришлось бы имъ сообщить мнѣ. Отъ другихъ я слышалъ не разъ, что г-жа Доброзракова капризна и безтолкова въ обращеніи съ прислугой. Я думалъ прежде, что это одна изъ безчисленныхъ пустыхъ сплетень, которыми увеселяетъ себя, какъ всякая подобная Вилюйску небольшая деревушка, этотъ миньятюрный городъ. Но ужъ довольно за долго до отъѣзда Протопоповыхъ, мнѣ стало видно, что это не совсѣмъ-то сплетня.

Г-жа Доброзракова была, когда я пришелъ, ужь въ большомъ унынiи отъ странныхъ для нея отвѣтовъ няни Протопоповыхъ на ея приглашеніе перейти къ ней. Когда я растолковалъ ей, что напрасно старается она не понимать яснаго смысла отвѣтовъ няни, она впала въ совершенное отчаяніе. Плакала, говорила всяческую скорбную безсвязицу. Собравшись съ мыслями, заговорила: „Пожалуйста, сходите къ ней, уговорите ее“—Почему это, уговаривать няню долженъ именно я,—думалъ я, слушая эту ея долго тянувшуюся безъ паузъ просьбу. Если безтолковая амбиція бѣдняжки такъ велика, что не позволяетъ ей самой зайти къ той женщинѣ, то она имѣетъ знакомыхъ, гораздо болѣе близкихъ, чѣмъ я, и они — люди болѣе вліятельнаго положенія, нежели я: чиновники, купцы, почетные люди, слова которыхъ важнѣе для простолюдинки, нежели мои. Ихъ убѣжденія скорѣе подѣйствуютъ на нее. Улучивъ наконецъ паузу въ упрашиваніи г-жи Доброзраковой, я сказалъ: „Попросите Жукова, или кого другаго изъ вашихъ близкихъ друзей переговорить съ нянею. Каждый изъ нихъ важнѣе для нея, чѣмъ я: каждаго, она скорѣе послушаетъ, нежели меня“.—Она стала говорить, что меня считаютъ въ городѣ человѣкомъ честнымъ, и моимъ словамъ вѣрятъ. — Что жь, это правда: въ городѣ знаютъ, что если я даю кому какой совѣтъ, то даю его безхитростно.—Я сказалъ бѣдняжкѣ: — „извольте, пойду къ нянѣ Протопоповыхъ. Гдѣ живетъ она?“ — „Въ кухнѣ дома гдѣ жили Протопоповы“.—Это казенный домъ, слущащій квартирою для исправника. Чиновникъ, принявшій должность отъ Протопопова, человѣкъ одинокій, ѣхавшій въ Вилюйскъ лишь на четыре мѣсяца, не привезъ хозяйственнаго обзаведенія съ собою, потому еще не могъ поселиться въ этомъ домѣ; домъ стоялъ пустой, и тотъ чиновникъ позволилъ бывшей нянѣ Протопоповыхъ съ ея старшими оставаться жить тамъ въ кухнѣ, пока онъ устроится хозяйствомъ и переселится съ другой квартиры въ исправническій домъ.

Я пошелъ отъ г-жи Доброзраковой къ нянѣ Протопоповыхъ. Растворяю двери кухни, Катерина Николаевна, стоявшая у печи, лицомъ къ двери, увидѣвъ, что входящій—это я, радостно вскликиваетъ: „Родной ты мой, ужь какъ мы желали, чтобъ ты пришелъ къ намъ“. Маленькая старушка, тетка ея мужа, сидѣвшая на лавкѣ, вскакиваетъ, произноситъ восклицаніе въ томъ же смыслѣ, съ такимъ же задушевнымъ, только менѣе порывистымъ, чувствомъ (она ужь очень хила, да и отъ природы характеръ ея, какъ я увидѣлъ послѣ, менѣе живой, чѣмъ у Катерины Николаевны). Такого пріема я не могъ ожидать: что эти люди любятъ меня, какъ родного,—съ какой же стати могъ бы я предполагать? Однажды, я, учтиво, какъ со всѣми, поговорилъ съ Катериною Николаевною, только и всего было до этой минуты между мною и ними. Я былъ до глубины души тронутъ этой ихъ любовью, но понять ея не умѣлъ. Постепенно это разъяснилось мнѣ, и тогда я увидѣлъ въ своихъ соображеніяхъ, что иначе и нельзя было быть тому. Они всѣхъ людей своей вѣры любятъ, какъ родныхъ, и натурально: всѣхъ людей ихъ вѣры — четыре семейства, или родственныя, или съ дѣтства очень дружныя между собою: да двѣ, три старушки, которыя десятки лѣтъ прожили „черезъ улицу“ отъ домовъ тѣхъ семействъ, и десятки лѣтъ были дружны съ тѣми семействами. Невозможно жь было не быть между всѣми людьми ихъ вѣры совершенно родственному чувству. А я — оказался человѣкомъ тоже ихъ вѣры; они убѣдились въ этомъ совершенно достовѣрно, какъ только стали жить въ одномъ со мною городѣ. Правда, я до посѣщенія моего къ Протопоповымъ, не видывалъ ихъ въ глаза, да и они

видывали меня развѣ лишь изъ-дали. Но, они слышали, что я ни разу не заглядывалъ въ здѣшнюю церковь; вѣроятно, слыхивали, что я и у себя въ комнатѣ не молюсь ни по православной вѣрѣ, ни по какой раскольнической или молоканской, какъ же я не человѣкъ ихъ вѣры?—Дѣло простое и несомнѣнное. А я долго не могъ вбить въ голову себѣ такой, по моему, абсурдъ, что ихъ слова „ты изъ нашихъ“ не просто выраженіе дружбы и довѣрія,—чего я дѣйствительно сталъ достоинъ съ ихъ стороны, съ минуты того радостнаго пріема ихъ мнѣ, входящему къ нимъ, не просто выраженіе нѣжнаго чувства, а слова, которыя надобно понимать въ смыслѣ: „ты человѣкъ нашей вѣры“. Разобравъ наконецъ, что смыслъ ихъ словъ дѣйствительно этотъ, наивный до неимовѣрности, я сталъ объяснять имъ, какъ только умѣлъ объяснять, не огорчая ихъ религіознаго чувства, что они ошиблись, я человѣкъ не ихъ вѣры, я — человѣкъ невѣрующій. Они теперь, въ свою очередь, долго не могли понять дѣйствительнаго смысла моихъ словъ, что я человѣкъ невѣрующій. Они сами безпрестанно говорятъ о себѣ, что у нихъ „нѣтъ никакой вѣры“, это значитъ: тѣ надежды, которыя питаютъ они, еще не осуществились. Эти ихъ надежды—обыкновенныя желанія всякаго не глупаго и не гадкаго человѣка, не вора, не разбойника: доброе согласіе между людьми, честная, мирная жизнь всѣхъ людей. Но мы, обыкновенные люди, православные ли, католики ли, протестанты ли, или, какъ я, атеисты, — мы всѣ только думаемъ, что жить людямъ въ добромъ согласіи, честно, мирно — было бы хорошо. А они надѣются, что это очень скоро и осуществится: всѣ люди станутъ добры, дружелюбны каждый со всѣми. Словомъ, это простодушные мечтатели идиллическаго настроенія мыслей. Собственно—въ этомъ ихъ „вѣра“. Просто на просто, буколика во вкусѣ Фенелона или автора повѣсти „Поль и Виргинія“, милѣйшаго и скучнѣйшаго для всѣхъ насъ, обыкновенныхъ людей, Бернандена де-Сенъ-Пьера. Но они простолюдины, и эта сущность ихъ „вѣры“ имѣетъ дѣйствительно религіозный колоритъ, какъ всякія теоретическія мысли русскихъ простолюдиновъ, и окружена, какъ и нельзя иначе быть тому у нихъ, бывшихъ прежде старовѣрами Иргизскаго „толка“, остатками кое-какихъ старовѣрскихъ обычаевъ и кое-какими собственными ихъ изобрѣтеніями во вкусѣ тѣхъ же обычаевъ,—напримѣръ хоть оригинальнымъ ихъ правиломъ, относящимся къ обычаю пожатія рукъ при взаимномъ привѣтствіи всяческихъ обыкновенныхъ людей. Это ребяческія изобрѣтенія. Но, о нихъ послѣ. Возвращаюсь къ объясненію ихъ словъ, что — у нихъ нѣтъ „вѣры“. Сущность ихъ вѣры — та идиллія всеобщаго мира, доброжелательства, честнаго душевнаго спокойствія. Эта идиллія еще не осуществилась. То есть, выражаясь нашимъ языкомъ, языкомъ образованныхъ людей, мы можемъ правильно сказать: „ихъ вѣра еще не осуществилась“. Они, простолюдины, не умѣютъ выразиться такъ, и говорятъ, что у нихъ „нѣтъ вѣры“. И вотъ они долго понимали въ этомъ же смыслѣ мои слова имъ, что я человѣкъ невѣрующій. А когда поняли наконецъ дѣйствительный смыслъ моихъ словъ о моемъ невѣріи, они, полюбивши меня ужъ не по фантастической только причинѣ, какъ было прежде, но и какъ дѣйствительно любящаго ихъ человѣка, все таки остались при своей мысли: „ты изъ нашихъ“. Катерина Николаевна, наиболѣе даровитая изъ нихъ, и при всемъ своемъ безграмотнѣйшемъ невѣжествѣ, женщина дѣйствительно большаго природнаго ума, нашлась, какъ примирить мое невѣріе съ ихъ вѣрою.—„Ну, что ты говоришь пустяки-то, что ты не изъ нашихъ? Не вѣришь въ Бога,—ну, коли не вѣришь,

то не вѣришь, а насъ ты все-таки любишь, стало быть ты все-таки, по настоящему говоря, нашей вѣры, братъ ты мнѣ, такъ и остаюсь при этомъ, сколько ни говори, что не родной ты мнѣ". И ея хилые старшіе согласились, что такъ.

Но это было ужь въ апрѣлѣ. Здѣсь, надобно было разсказать объ этомъ, чтобы ясно было, съ какими людьми началъ я бесѣдовать, пришедши въ первый разъ къ нимъ, какія съ той же минуты, какъ я вошелъ, установились отношенія между нами, и почему эти отношенія остаются и теперь прежнія съ ихъ стороны, хоть иллюзія ихъ относительно мнимыхъ моихъ религіозныхъ убѣжденій разсѣялась.

Когда я и обѣ женщины, мы подошли другъ къ другу, я протянулъ руку Катеринѣ Николаевнѣ, она сложила свои руки на груди такъ, что обѣ кисти ея рукъ оказались прикрыты. Я подумалъ, это шутливое прятанье рукъ,—въ порывѣ радости, она хочетъ подшутить надо мною: не поймаю я ея руку. Я пожалъ ей руку, какая подвернулась, между локтемъ и кистью. Обернулся пожать руку теткѣ ея мужа. Та же исторія и со стороны старушки. Я понялъ такимъ же способомъ, и пожалъ ей руку тоже между локтемъ и кистью. Мы сѣли, начали разговаривать, я завелъ рѣчь прямо о дѣлѣ, по которому пришелъ, и не успѣлъ еще изложить моихъ соображеній о немъ, какъ вошелъ мужъ Катерины Николаевны, кряхтя отъ ничтожной тяжести маленькой охапки щепокъ, которыя принесъ, топить печь. Онъ положилъ охапку, я подошелъ къ нему пожать руку. Онъ спряталъ руки за спину, и сказалъ: „мы рукъ не даемъ". Такъ вотъ что. По ихъ правилу, обычай пожатія рукъ грѣшенъ, или по крайней мѣрѣ предосудителенъ,— понялъ теперь я, и сказалъ: „по вашему, вы не можете пожать мнѣ руку, а я вашу все таки могу пожать", и пожалъ ему руку между кистью и локтемъ. Такъ это у насъ и до сихъ поръ. Они не огорчаются, что я жму ихъ руки гдѣ нибудь повыше или пониже локтя, но кисти рукъ усердно прячутъ отъ моего пожатія.— Что это за правило у нихъ, „мы не даемъ рукъ"?—То самое, что могъ бы придумать пятилѣтній ребенокъ, принявшись мудрствовать надъ выраженіемъ „дать руку". Ѳома Павловичъ,—такъ зовутъ мужа Катерины Николаевны, очень солидно и пространно растолковалъ мнѣ въ одно изъ послѣдующихъ моихъ посѣщеній, почему они „не даютъ руки". „Видишь ли, дамъ я тебѣ что нибудь, то у меня этого ужъ не будетъ: оно отдано. А рука мнѣ самому нужна, и никому не могу дать мою руку. Ему, на что моя рука? У него есть свои руки. А моя, нужна мнѣ самому".

Умно?—Да, умно. Только—какъ смѣяться надъ такими ребяческими премудростями? Это безграмотные, совершенно темные безграмотные люди. Не смѣяться, нельзя. Но, смѣясь, думаешь: „бѣдные, бѣдные люди. Этакими-то премудростями своими устроили вы то, что вотъ вы —ссыльные въ Вилюйскомъ округѣ".

Да, въ такихъ ребячествахъ ихъ вся причина ихъ бѣды. Правительство не причастно тому, что они подверглись этой бѣдѣ. Правительство, сколько могъ я разобрать изъ ихъ разсказовъ, вовсе и не знало о ихъ процессѣ и ссылкѣ. То былъ маловажный процессъ, который возникъ, и шелъ, и кончился обычнымъ порядкомъ всяческихъ дюжинныхъ процессовъ. Правительство тутъ было не при чемъ.— То хоть судъ не порицаю ль я за ихъ ссылку?. Нѣтъ, какъ скоро возникъ этотъ процессъ, судъ не могъ вести его иначе. Судъ былъ правъ по закону въ своемъ приговорѣ надъ этими людьми. Такъ я думаю. И едва ли я ошибаюсь.

думая, на основаніи ихъ же собственныхъ разсказовъ, что Правительство было ни мало не причастно ихъ процессу, а судъ велъ этотъ процессъ правильно, добросовѣстно, и вполнѣ сообразно закону. Но, чѣмъ больше я бесѣдовалъ съ этими бѣдными, темными людьми, тѣмъ сильнѣе мнѣ думалось: „Если бы Правительство знало этихъ людей, оно не допустило бы возникнуть административному дѣлу о нихъ, или если бъ узнало ихъ ужь только по возникновеніи этого дѣла, повелѣло бы администраціи изорвать эти бумаги, освободить изъ подъ стражи этихъ людей, и впредь не тревожить ихъ, или если бъ узнало ихъ только ужь когда начался судебный процессъ о ихъ дѣлѣ, повелѣло бы суду прекратить этотъ процессъ и отпустить домой этихъ людей". И у меня явилась надежда: „Если Правительствомъ будетъ узнано теперь, какіе это люди, оно отмѣнитъ судебный приговоръ о нихъ, совершенно правильный по закону этотъ приговоръ, оно отмѣнитъ его; помилуетъ этихъ бѣдныхъ, темныхъ людей; помилуетъ ихъ, хоть и виновныхъ по закону,—безспорно, виновныхъ, помилуетъ ихъ".

Помилуетъ ихъ, если будетъ имъ узнано о нихъ. Но — отъ кого можетъ узнать оно о нихъ?—Только отъ меня. А оно должно считать меня врагомъ своимъ, человѣкомъ, имѣющимъ личную ненависть къ Государю моей родины. Такъ оно должно думать обо мнѣ, думать обо мнѣ иначе, не имѣетъ оно права, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣетъ оно обо мнѣ.

Но, что жь, пусть такъ, пусть я человѣкъ ненавидящій Государя моей родины. Но, я не обманщикъ. Быть можетъ, Правительству извѣстно обо мнѣ, что я не обманщикъ. И если это извѣстно ему, то мое ходатайство о нихъ можетъ послужить ему основаніемъ для помилованія ихъ.

И, я рѣшился бесѣдовать съ ними часто, по многу часовъ, пока пріобрѣту отъ нихъ свѣдѣнія о нихъ на-столько отчетливыя и полныя, на-сколько это необходимо для того, чтобы Правительство могло хорошо ознакомиться черезъ меня съ этими, имѣющими безусловное довѣріе ко мнѣ, потому вполнѣ откровенными со мною, людьми.

Для того, чтобы мнѣ бывать у нихъ часто и по-долгу, мнѣ было все равно, въ чистой ли комнатѣ у Доброзраковыхъ будутъ жить они, или въ этой грязной кухнѣ, куда я пришелъ, грязной лишь потому, что отчистить эти ветхія стѣны, этотъ ветхій полъ отъ грязи многихъ десятковъ лѣтъ не могли они, не могли бы сотни людей, хоть бы при помощи машинъ, иначе они привели бы ее въ прекрасную чистоту. Но если это было все равно для меня, то—я долженъ былъ исполнять, какъ могу усерднѣе, порученіе г-жи Доброзраковой, принять которое на себя согласился ей.

Я уговорилъ ихъ въ нѣсколько пріемовъ, давая имъ отдохнуть отъ этой темы разговора бесѣдою со мною о чемъ имъ угодно другомъ, обо всемъ на свѣтѣ, о чемъ имъ пріятно говорить. Я провелъ такимъ образомъ у нихъ часа четыре, если не больше, и добился въ концѣ этого продолжительнаго посѣщенія моего только того успѣха, что Катерина Николаевна сказала мнѣ: „Вы немножко поколебали мои мысли, но не хочу жить у нея, все таки не хочу".—„То я прійду къ вамъ завтра уговаривать васъ, Катерина Николаевна, еще и еще".—„Не хочется мнѣ и слышать объ этомъ"—„А все таки прійду".—„Приходи, мой родной".—Они перепутываютъ въ словахъ своихъ, обращенныхъ ко мнѣ, „вы" и „ты": при обыкновенномъ тонѣ рѣчи, говорятъ мнѣ „вы", при задушевной пи-

тонаціи словъ, говорятъ „ты“. Это вообще такъ у простолюдиновъ ихъ лѣтъ и ихъ сословія, зажиточнаго мѣщанскаго или крестьянскаго сословія.

Я пришелъ на другой день, опять пробесѣдовалъ съ ними очень долго, обо всемъ на свѣтѣ, о чемъ пріятно было имъ говорить, постоянно возвращая разговоръ съ этихъ всяческихъ эпизодовъ на уговариваніе Катерины Николаевны поступить въ няньки къ Доброзраковымъ.

Мои аргументы были:

„Васъ, Катерина Николаевна, я не промѣняю на нихъ. Жаль мнѣ ихъ, но не въ этомъ теперь дѣло. У васъ очень мало теперь денегъ, въ этомъ теперь дѣло, все дѣло для меня. Я хочу теперь ужь только того, что полезно вамъ. Вамъ необходимо перейти жить къ ней. Вамъ нечѣмъ жить“.

Я говорилъ искренно. Что значили теперь для меня надобности Доброзраковыхъ, сравнительно съ моимъ желаніемъ полезнаго этимъ моимъ, дѣйствительно, друзьямъ?

У нихъ сбережено было нѣсколько изъ денегъ, полученныхъ ими отъ Протопоповыхъ. Рублей пятьдесятъ. Но на долго ли станетъ пятидесяти рублей, кормиться ими тремъ людямъ, при цѣнѣ ржаной муки съ мякиною 2 р. 50 копѣекъ пудъ?—А никакого другаго мѣста, кромѣ какъ у Доброзраковыхъ, не предвидѣлось. Возвратятся ли Протопоповы, было неизвѣстно,—это вообще, а лично, мнѣ было извѣстно: не возратятся. Они говорили это мнѣ по исключительному довѣрію ко мнѣ. Не знай я этого отъ нихъ, я не былъ бы такъ настойчивъ.

Катерина Николаевна, какъ и всѣ, не знала, возвратятся ль они, и желала надѣяться, что возвратятся. Если бы я ждалъ того же, я съ первыхъ же ея словъ при этомъ второмъ моемъ посѣщеніи переталъ бы уговаривать ее.

— Здѣсь, жить намъ нечѣмъ. То, проживемъ четыре мѣсяца до пріѣзда Протопоповыхъ въ ночлегѣ.—Тамъ будутъ давать намъ содержаніе. Будемъ на-половину голодать, но четыре мѣсяца, перетерпѣть это мы еще въ силахъ. Лучше это, чѣмъ жить у Доброзраковыхъ. Обидчица она. Сама переносила бъ обиды, чтобы сыты были мои старикъ со старухою. Но она будетъ обижать и ихъ, а ихъ я въ обиду не дамъ.

Но г-жа Доброзракова молода, дурное въ ней отъ ея молодаго неразумія. Она будетъ, вѣроятно, становиться разсудительнѣе, пріобрѣтая житейскую опытность. Я хотѣлъ помогать ей образумливаться отъ ея фанаберіи. Да ужь и привелось ей много мучиться. Она рыдала. Можетъ быть, ужь и готова исправляться.

Такъ я думалъ, такъ и говорилъ Катеринѣ Николаевнѣ, и наконецъ, въ это второе посѣщеніе, добился такп, она сказала: „хорошо: для тебя, пойду завтра поговорить съ нею, можетъ быть, и сговоримся съ нею“.

— Когда прійдете къ ней, пришлите ихъ слугу за мною, сказалъ я: — буду помогать ей держать себя съ вами умно.

На другое утро, онѣ прислали за мною. Когда я пришелъ, онѣ ужь сговорились. Г-жа Доброзракова держала себя передъ Катериною Николаевною, не какъ госпожа передъ нянькою, а какъ младшая пріятельница передъ старшею. Катерина Николаевна ушла собирать свои вещи, чтобы перейти съ своими мужемъ и теткою къ Доброзраковымъ.

Нѣсколько дней, г-жа Доброзракова показывала уваженіе къ Катеринѣ Николаевнѣ. Пріѣхалъ г-нъ Доброзраковъ, долженъ былъ, какъ отдохнулъ съ дороги, ѣхать снова въ другую часть округа. Жена поѣхала съ нимъ, въ восторгѣ.

что теперь она свободна. Хотѣла отдать всѣ ключи отъ кладовой и чулановъ съ провизіею Катеринѣ Николаевнѣ. Катерина Николаевна остереглась взять, и сказала мнѣ: „она, пока еще, хорошо держитъ себя. Но, не надѣюсь на ея разсудительность. Окажешься у неня, пожалуй, воровкой“. — Поѣздка длилась недѣли двѣ. Возвратились Доброзраковы. Г-жа Доброзракова была исполнена благодарности къ Катеринѣ Николаевнѣ. Такъ прошло еще нѣсколько дней. Все вмѣстѣ, съ того дня, какъ поселились мои друзья у Доброзраковыхъ, это составило мѣсяцъ.

Младшій сынъ Доброзраковыхъ, бывшій такимъ хилымъ, что они полагали: малютка умретъ, — онъ поправился въ этотъ мѣсяцъ такъ, что они успокоились за его жизнь.

Катерина Николаевна пожелтѣла и похудѣла: такъ ухаживала она за этимъ малюткою. Какъ не спускала съ рукъ она его, такъ старшій сынъ Доброзраковыхъ находился постоянно при мужѣ и теткѣ Катерины Николаевны. Подлѣ матери, я вовсе не видывалъ его, кромѣ какъ за обѣдомъ. (Я, приходя къ нимъ послѣ моего обѣда, иногда заставалъ ихъ обѣдающими).

Г-жа Доброзракова нѣжилась теперь, совершенно свободная располагать какъ угодно своимъ временемъ. Ея здоровье становилось цвѣтущимъ.

Одно было у нея опасеніе. Пришло извѣстіе, что г-жа Протопопова умерла на дорогѣ. Въ городѣ стали говорить: Протопоповъ только по желанію жены хотѣлъ искать себѣ службы въ Иркутскѣ, теперь ему хлопотать объ этомъ не для чего, самъ онъ, не скучалъ въ Вилюйскѣ и былъ доволенъ своею здѣшнею службою, онъ возвратится сюда. Г-жа Доброзракова встревожилась: — „Протопоповъ возвратится, няня съ мужемъ и теткою перейдутъ къ нему. Несчастная буду я“. — Теперь я видѣлъ, что г-нъ Протопоповъ можетъ покинуть свое прежнее, тогда рѣшительное, какъ онъ по довѣрію говорилъ мнѣ, намѣреніе искать службы въ Иркутскѣ, не возвращаться сюда, дѣйствительно это было главнымъ образомъ желаніе его супруги, а теперь онъ, быть можетъ, и думаетъ, что для него самого все равно, гдѣ служить. Я спросилъ г-жу Доброзракову, почему она полагаетъ, что няня, въ случаѣ возвращенія Протопопова, перейдетъ къ нему. Няня говорила ей это? — „Нѣтъ, няня говоритъ не такъ, няня говоритъ, что согласившись служить у меня, не перемѣнитъ этого ни изъ за какихъ денегъ, пусть Протопоповъ будетъ предлагать ей сколько хочетъ, она ни на какія деньги не польстится“. — „Напрасно жь вы тревожитесь, когда она сказала такъ“. — „Ахъ, она обманетъ.“ — „Нѣтъ, это не такіе люди, она и ея родные, чтобы давать обѣщанія и не исполнять ихъ“. — „А тогда, обманула жь меня: согласилась, а послѣ отказывалась перейти ко мнѣ“. — Я сталъ снова толковать ей, что дѣло было вовсе не такъ. Няня слышала о ней, что она дурно обращается съ прислугою, потому съ перваго же раза отвергла ея приглашеніе, учтивыми, но совершенно ясными словами. — „Ахъ, это напрасно вѣрите вы ей, что я дурно обращалась съ прислугою“. „Извините, не отъ нея первой услышалъ я это. Раньше, чѣмъ я въ первый разъ увидѣлъ ее, я слышалъ это отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, объ этомъ говорилъ весь городъ. Сначала, я защищалъ васъ, думая, что это преувеличеніе. Но помните вотъ такіе-то случаи.“ — я перечислилъ нѣсколько: — „послѣ этихъ случаевъ, я принужденъ былъ согласиться, что мои знакомые говорили мнѣ правду. И помните: я предупреждалъ васъ, что если вы будете поступать такъ съ прислугою, никакой якутъ.

никакая якутка не будетъ уживаться у васъ и впередъ, какъ не уживались прежніе якуты и якутки. Помните, все было раньше отъѣзда Протопоповыхъ. Уговаривать няню вы поручили мнѣ ужь послѣ того. Я уговорилъ ее тѣмъ, что сказалъ ей: это женщина молодая, она еще можетъ исправиться, и я надѣюсь, что она исправится. И я полагаю, вы дѣйствительно исправились. Правда, исправились?" — „Ахъ, я такъ благодарна нянѣ, могу ль я обращаться съ нею дурно? — Иль они говорили вамъ, что я обращаюсь съ ними дурно?" — О-го, подумалъ я: она должно быть, ужь принялась за прежнее. — „Ничего такого отъ нихъ я не слышалъ. А когда вы сама замѣчаете, что подаете имъ причины къ неудовольствію, то я думаю, не состоитъ ли одна изъ этихъ причинъ вотъ въ чемъ: вы заставляете хилаго старика ѣздить за водою, это работа слишкомъ тяжелая для него". — „Вотъ прекрасно, да развѣ онъ больной?" — „А развѣ не говорили мы съ вами объ этомъ? — И неужели вы сама не видите этого?" — „Мужъ не замѣчалъ". — „Ему вдвойнѣ непростительно не видѣть этого. Онъ медикъ". — „Что жь онъ не проситъ мужа лечить его?" — „Это люди деликатные. Какъ станетъ онъ просить, когда не можетъ платить за леченіе? Вашъ мужъ видитъ, что онъ боленъ, но не интересуется лечить его". — „Но все таки ужь, онъ можетъ работать". — „Можетъ, или не можетъ, но вы помните: вы сама говорили, что нанимаете въ услуженіе только няню, а ея мужъ и тетка будутъ только жить на вашемъ содержаніи, и услугъ отъ нихъ вы совершенно никакихъ не будете требовать". — „Какъ же я кормила бъ ихъ за-даромъ?" — „Уговоръ былъ таковъ". — „Ахъ, нѣтъ". — „Извините. Этотъ уговоръ былъ у васъ со мною". — „А няня не условливалась объ этомъ со мною". — „Раньше, чѣмъ условливаться съ нею, вы условились объ этомъ со мною. Вы помните?" — „Ахъ, да". — „Я съ тѣмъ и пошелъ къ ней въ первый разъ, правда?" — „Ахъ, да". — „Вамъ приходилось условливаться съ нею только о томъ, пять или шесть руб. вы будете ей платить". „Да". — „И такъ, вы, по условію не имѣете права требовать никакихъ услугъ отъ старика и его тетки. Правда?" — „Да; но они сами стали ухаживать за дѣтьми". — „Они сами, потому что они люди добрые". — „Ахъ, да". — „Принуждать старика ѣздить за водою вы не должны. Это слишкомъ тяжелая для него работа". — Она замолчала. — „Обращайтесь съ ними хорошо, и они не уйдутъ отъ васъ, если даже и возвратится Протопоповъ". — „Они жаловались вамъ на насъ?" — „Нѣтъ". — Я дѣйствительно не слышалъ отъ нихъ ни дного слова жалобы. — „Ахъ, они, я думаю, много нажаловались вамъ на меня". — „Слушайте: вы знаете, или нѣтъ, чѣмъ я интересуюсь, учеными вещами, или разспросами о томъ, какъ живутъ здѣсь люди?" — „Нѣтъ, о томъ, что дѣлается здѣсь, вы не любите слушать, вы ученый, вамъ это скучно". — „О чемъ же я говорю съ нянею, ея мужемъ и теткою?" — „О ихъ вѣрѣ". — „А о васъ, было бы скучно мнѣ говорить съ ними, правда?" — „Правда". — „Наймите какого нибудь якута возить вамъ воду, это будетъ стоить 50 копѣекъ въ мѣсяцъ". — „Даже меньше". — „Тѣмъ лучше. Старика не посылайте за водою. Не требуйте отъ него и тетки никакой работы. Сколько могутъ, они и добровольно дѣлаютъ". — „Ахъ, да. Я благодарна имъ". — „Не обижайте ихъ и няню, и они не уйдутъ отъ васъ къ Протопопову, если онъ возвратится". — Она успокоилась.

Прошло нѣсколько времени. Исполнился мѣсяцъ, какъ няня и ея старшіе стали жить у Доброзраковыхъ. Въ этотъ мѣсяцъ, я бывалъ въ квартирѣ Добро-

зраковыхъ обыкновенно черезъ день, иногда по два, по три дня сряду. Небольшую часть времени я просиживалъ съ Доброзраковыми, для соблюденія учтивости, большую часть времени просиживалъ въ кухнѣ съ моими друзьями.

Итакъ, прошелъ мѣсяцъ. Прихожу въ первый день второго мѣсяца,—это было воскресенье послѣ дня Пасхи, 8-ое число апрѣля. Вхожу въ комнату г-жи Доброзраковой; вижу: подлѣ нея старшій ея сынъ. Этого не бывало во весь тотъ мѣсяцъ. Я подумалъ: „Прекрасно. Отдохнувши, занялась дѣтьми". Здороваюсь съ нею; вижу: г-на Доброзракова нѣтъ дома; вижу: въ сосѣдней дѣтской Катерина Николаевна нянчится съ младшимъ малюткою. Пошелъ, поздоровался съ нею; поговоривши о чемъ-то пустячномъ минуту, двѣ съ г-жею Доброзраковою, встаю, чтобъ идти въ кухню къ старику и его теткѣ. Г-жа Доброзракова останавливаетъ меня словами: „Не ходите въ кухню; родныхъ няни тамъ ужь нѣтъ. Вчера кончился мѣсяцъ, какъ они стали жить у насъ, и вчера же няня отослала ихъ жить не знаю куда-то, должно быть опять въ кухнѣ исправническаго дома".—Я былъ изумленъ.—„Должно быть, новый исправникъ, то есть, тотъ одинокій чиновникъ, исправляющій должность за Протопопова во время его отпуска,—переманиваетъ няню быть у него экономкою. Это будетъ ей выгоднѣе. Онъ получаетъ больше жалованья, чѣмъ мужъ, и онъ не имѣетъ семейства. Онъ можетъ платить ей больше, чѣмъ мы. Вотъ, она ужь и отослала тѣхъ жить тамъ. А сама пока еще остается. Но уйдетъ и сама".—Катерина Николаевна отвѣчаетъ изъ дѣтской на эти слова: „Напрасно вы говорите, барыня. Исправникъ насъ не приглашаетъ. Вы знаете, у него нѣтъ такого хозяйства, чтобъ кухарка была нужна ему. Онъ здѣсь на короткое время и не обзаводится своимъ хозяйствомъ. Я сказала вамъ, что остаюсь у васъ и останусь. Содержать моихъ стариковъ было убыточно вамъ, я и отослала ихъ. Только поэтому отослала ихъ".—Я заговорилъ о чемъ-то другомъ, постороннемъ, чтобъ не дать г-жѣ Доброзраковой продолжать говорить очевидный вздоръ, которымъ она окончательно испортитъ дѣло. Говорить съ нею объ этомъ дѣлѣ, въ которомъ она явнымъ образомъ виновата, я хотѣлъ наединѣ съ нею. Теперь няня слышала бы мои назиданія г-жѣ Доброзраковой и слушать ихъ, зная, что они слышны для няни, было бы слишкомъ тяжело для ея фанаберіи. И такъ, я твердо велъ разговоръ о постороннихъ, пустячныхъ вещахъ, никакъ не давая г-жѣ Доброзраковой свернуть на разглагольствованія о ея постункѣ, изумившемъ меня: безтолкова она, но такой быстрой порчи ея домашняго удобства я все таки не ждалъ отъ нея. И я думалъ: мои назиданія ей наединѣ еще могутъ поправить дѣло. Вернулся домой г-нъ Доброзраковъ. Пришелъ посторонній человѣкъ, пріятель Доброзраковыхъ. Я все велъ разговоръ о вещахъ постороннихъ, чтобъ не дать г-жѣ Доброзраковой пуститься въ разглагольствованія о нянѣ. Но сплошалъ: начавши закуривать папиросу, замолкъ на нѣсколько секундъ. Г-жа Доброзракова воспользовалась паузою и пустилась опять въ свои разсужденія, что Шахурдинъ (фамилія того чиновника) переманиваетъ няню, и т. д. безъ конца. Катерина Николаевна слушала, слушала, вышла изъ дѣтской въ залъ, гдѣ сидѣли мы, и сказала г-жѣ Доброзраковой: „Я молчала о томъ, какъ вы обижали моихъ старика и старуху, а сама хотѣла терпѣть все отъ васъ, только просила васъ не злословить о насъ при постороннихъ: вы обѣщались. А вотъ ужь и забыли обѣщаніе. Прощайте. Я пришлю мужа за моими вещами".—Поклонилась и ушла.

Я не слышалъ послѣ отъ г-на Доброзракова ни одного слова, сколько нибудь

похожаго на то, что онъ и его жена были хоть сколько-нибудь неправы передъ моими друзьями.

Каково было жить имъ у Доброзраковыхъ, можно судить по одному изъ результатовъ моего знакомства съ Доброзраковыми. Вскорѣ послѣ того, какъ началъ бывать у нихъ, я замѣтилъ, что имъ пріятно, когда я, выпивъ стаканъ чаю, говорю, что втораго стакана пить не буду, прошу не наливать. Если такъ, разсудилъ я, то лучше не пить у нихъ и перваго стакана. Но пить чай у другихъ знакомыхъ, а у Доброзраковыхъ не пить, то будетъ понято всѣми, видящими это, почему я не пью чаю у Доброзраковыхъ. И я пересталъ пить чай у всѣхъ, у кого бываю, кромѣ людей, у которыхъ бываю такъ рѣдко, что не выпить чаю у нихъ было бы обидою имъ.

Я не говорю, что Доброзраковы—дурные люди. Но въ нихъ слишкомъ много безтолковости.

Натурально, что съ того дня, какъ ушла отъ нихъ Катерина Николаевна, я совершенно охладѣлъ къ нимъ.

Мои друзья переселились въ баню того, все еще стоявшаго пустымъ дома, на кухнѣ котораго жили прежде. Кухня была теперь занята бѣднымъ семействомъ, жившимъ прежде въ банѣ. Люди того семейства были больны, когда жили въ банѣ: воздухъ въ ней слишкомъ тяжелый. И мои друзья стали изнемогать въ ней. Потому переселились въ якутскую юрту, за которую платятъ 30 копѣекъ въ мѣсяцъ. Воздухъ въ ней, какъ во всякой юртѣ, нехорошъ; это зависитъ отъ самаго способа постройки юртъ; но міазмовъ, какъ въ банѣ, въ этой юртѣ нѣтъ.

Я бываю у моихъ друзей два-три раза въ недѣлю; а иногда и два-три дня сряду.

Но теперь, когда они разсказали мнѣ ужъ почти все то, что надобно было узнать для составленія записки о ихъ процессѣ, я буду, можетъ быть, лѣниться посѣщать ихъ такъ часто, какъ дѣлалъ это до сихъ поръ.

Ознакомиться по ихъ разсказамъ съ характеромъ и ходомъ дѣла, кончившагося ссылкою ихъ по судебному приговору въ Сибирь, было задачею очень хлопотливою, взявшею очень много времени у меня.

Всѣ трое они люди умные. Катерина Николаевна — женщина даже очень умная. Но всѣ трое они люди темные, темные. Мало того, что они безграмотные. Они не знаютъ многаго такого, что извѣстно большинству безграмотныхъ горожанъ. Напримѣръ, они не знаютъ, что „коллежскій ассессоръ“ чинъ менѣе выстій, нежели „генералъ“. Къ нимъ въ тюрьму пріѣзжалъ какой-то „коллежскій ассессоръ“, начальствовавшій надъ „генералами“ и бывшій, кромѣ того, „начальникомъ надъ двѣнадцатью губерніями“. Много ли могли понимать въ своемъ процессѣ такіе темные люди?

Вотъ какъ прекрасно понимали они, за что судили ихъ: ихъ судили за то, что они „таковые“. Въ бумагахъ, которыя были читаны на судѣ, разумѣется, часто попадалось мѣстоименіе „таковые“, канцелярская форма разговорнаго мѣстоимѣнія „такой“; и должно быть, это мѣстоименіе часто относилось къ нимъ: они и узнали изъ этого, что ихъ судятъ за то, что они „таковые“.

Богатенкова и бывшихъ съ нимъ судили раньше, нежели моихъ друзей и бывшихъ съ ними.—За что судили тѣхъ?—За то же самое: за то, что они „таковые“.

Получивъ такія свѣдѣнія, разумѣется, долженъ былъ я постараться разъяснить

для себя эти удивительныя свѣдѣнія. И много разъ шелъ у меня съ моими друзьями разговоръ въ родѣ слѣдующаго:

„Таковые“ это книжное слово, которое значитъ то же самое, что по просту говорится „такіе“. — „Такъ, теперь знаемъ; вы растолковали“. — „Васъ судили за то, что вы „„таковые““. „Чтобы выходилъ какой-нибудь смыслъ, надобно было въ тѣхъ бумагахъ прибавлять къ этому слову какое нибудь другое“. — „Правда, теперь понимаемъ. Тамъ говорилось о насъ „„таковые жь““. — „И этого мало; надобно было тамъ прибавлять еще что нибудь. О васъ тамъ говорилось, что вы „„таковые жь““, какъ кто еще?“ — „А, правда. Тамъ говорилось, что мы „„таковые жь, какъ Богатенковъ““. — „Хорошо. А Богатенковъ былъ какой же?“ — „Стало быть таковой же, какъ мы“. „И дѣйствительно, мысли и поступки Богатенкова были одинакіе съ вашими?“ — „Надо полагать одинакіе“. „Полагаете, стало быть не знаете, а только полагаете?“ — „Да намъ объ этомъ не приходилось до сихъ поръ подумать хорошенько. Слѣдователь тогда сказалъ намъ: вы, должно быть, такіе-жь, какъ Богатенковъ? — мы и сказали: такіе-жь. Сказали и только. О чемъ тутъ думать. А вотъ теперь и поняли мы: изъ этихъ-то нашихъ словъ и вышло, что насъ судили за то, что мы таковые“. — „Хорошо. Вы сказали слѣдователю, что вы такіе-жь, какъ Богатенковъ. О чемъ именно вы думали, когда согласились съ тѣмъ слѣдователемъ, что вы такіе же, какъ Богатенковъ?“ — „Мы думали о томъ, что его всѣ считали добрымъ человѣкомъ. Ну, и насъ всѣ въ Дубовкѣ считали за добрыхъ людей. Да кто жь и не добрый-то у насъ въ Дубовкѣ? Добродушный у насъ тамъ народъ. Случись бурлаку захворать на суднѣ, стащатъ его на берегъ, бросятъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ такъ и лежитъ, покуда прійдетъ полиція, подберетъ его. Въ Царицынѣ это такъ“. — „О Царицынѣ не слышалъ, я когда ребенкомъ гулялъ по берегу въ Саратовѣ, видѣлъ, что въ Саратовѣ тогда это было такъ“. — „Ну, и въ Царицынѣ такъ. А у насъ въ Дубовкѣ это не такъ. У насъ, кто первый увидитъ его, тотъ и возьметъ къ себѣ, и ухаживаетъ за нимъ. У насъ въ Дубовкѣ весь народъ добрый“. — „И православные тамъ добрые?“ - „А то какъ-же?“ — „О молоканахъ-воскресенникахъ я прежде, давно, отъ всѣхъ слышалъ, что они добрые люди. Правда и по вашему?“ — „А то какъ-же? Субботники, вотъ тѣ скупы“. — „Хорошо. Воротимся опять къ вашему дѣлу. Слѣдователь спросилъ васъ, такіе ли вы, какъ Богатенковъ. Богатенковъ былъ добрый человѣкъ, васъ тоже называли добрыми людьми; вы и сказали, что вы такіе жь“. — „Ну, да; кому жь охота отказываться отъ того, что его называли добрымъ человѣкомъ?“ — „Хорошо: вы думали объ этомъ, а слѣдователь объ этомъ ли думалъ, когда спрашивалъ васъ?“ — Мои друзья задумываются. Катерина Николаевна черезъ двѣ-три секунды говоритъ: — „Ну, да чего тутъ. Видно, теперь не объ этомъ онъ думалъ, когда мы ужь разобрали теперь, что изъ этого вышло, что насъ судили за то, что мы таковые. Теперь-то видно; а тогда-то мы не поняли, что такое выйдетъ о насъ изъ тѣхъ нашихъ словъ“. — „Грустно мнѣ за васъ, Катерина Николаевна: да что грустить-то? Лучше посмѣюсь надъ вами“. — „Посмѣйтесь. И я посмѣюсь“.

Это я привелъ только для примѣра, какъ приходилось мнѣ толковать съ моими друзьями, чтобы доискиваться смысла въ ихъ разсказахъ о вещахъ, совершенно чуждыхъ кругу ихъ знаній. Само собою понятно, что не во всякомъ ихъ

разсказѣ было такъ легко отыскать дѣйствительное его значеніе, какъ въ ихъ словахъ, что ихъ судили за то, что они „таковые“. И само собою разумѣется, ихъ приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь вовсе не за то, что они подтвердили слѣдователю его мысль, что они такіе жь, какъ Богатенковъ. Нѣтъ. Судъ былъ правъ, постановляя свой приговоръ о нихъ. Мои бѣдные друзья говорили въ самомъ судѣ такія вещи, за которыя судъ не могъ не признать ихъ виновными въ преступленіи, наказываемомъ по закону ссылкою. Судебный приговоръ надъ ними былъ правиленъ, я ужь говорилъ, что вполнѣ признаю это, и что ходатайство мое за нихъ—лишь ходатайство о помилованіи людей, нимало не опасныхъ правительству, миролюбивыхъ и добрыхъ людей, бѣдныхъ темныхъ людей, достойныхъ состраданія и помилованія.

Н. Чернышевскій.

Вилюйскъ.
25 мая 1879.

Записка для Его Высокопревосходительства г-на Шефа Жандармовъ, составленная Н. Чернышевскимъ.

Когда я задумалъ умолять Его Величество Государя Императора о помилованіи моихъ друзей Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ и Матрены Головачевой, и сдѣлалось потому надобностью мнѣ составить записку о нихъ для представленія Правительству, я сталъ приготовлять матеріалы для нея слѣдующимъ способомъ:

Я записалъ то, что помнилъ изъ разсказовъ, которыми мои друзья въ прежнихъ нашихъ разговоровъ знакомили меня съ причинами постигшей ихъ судьбы. Все существенное для предположенной мною работы было ужь тутъ, потому что мои друзья съ первой же минуты нашего знакомства были совершенно откровенны со мною. Оставалось провѣрить точность моихъ воспоминаній и пополнить ихъ подробностями, необходимыми для связности изложенія. Это потребовало много времени.

При началѣ нашего знакомства, я разспрашивалъ моихъ друзей о ихъ процессѣ, послѣ гораздо дольше, о предметѣ болѣе интереснымъ для ученаго, о догматикѣ ихъ вѣры; удовлетворивъ и этому моему любопытству, я пересталъ давать направленіе разговору, предоставляя моимъ друзьямъ вести его о томъ, о чемъ занимательно имъ самимъ говорить. А это, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ ихъ процессомъ. Любимыя тэмы ихъ разговоровъ — обыкновенныя тэмы разговоровъ рабочихъ людей, необразованныхъ людей, пожилыхъ людей. Какъ всѣ рабочіе люди, они любятъ говорить о своихъ рабочихъ занятіяхъ: Чистоплюевъ толкуетъ о своихъ прежнихъ промыслахъ, рыбной ловлѣ, лоцманствѣ по Волгѣ, женщины разсказываютъ о своемъ прежнемъ домашнемъ хозяйствѣ. Какъ всѣ люди необразованные, они неистощимо толкуютъ о своихъ недавнихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, о своихъ текущихъ личныхъ дѣлахъ: безконечны ихъ разсказы о томъ, какъ жили они у Протопоповыхъ, и о томъ, что дѣлали вчера, нынѣ. Подобно всѣмъ пожилымъ людямъ, любятъ они припоминать, какъ шло ихъ дѣтство, какъ веселились они въ молодости. — Когда я сдѣлалъ мои основныя замѣтки и долженъ былъ провѣрять и пополнять ихъ, мои друзья ужь привыкли, что разговоръ идетъ все лишь о такихъ вещахъ, и лишь изрѣдка, по моимъ случайнымъ вопросамъ, мимоходомъ касается чего нибудь инаго, иногда въ числѣ всего инаго, и ихъ процесса.

Я не хотѣлъ дѣлать никакой замѣтной перемѣны въ этомъ. Иначе, мнѣ пришлось бы сказать моимъ друзьямъ о моемъ намѣреніи. А я не хотѣлъ говорить имъ о немъ преждевременно. Конечно, я не опасался уменьшить черезъ это сообщеніе

имъ ихъ откровенность съ мною. Если бъ они и захотѣли скрытничать, имъ ужь нечего было скрывать отъ меня. Но они и не захотѣли бы, я имѣлъ достаточныя основанія быть увѣренъ въ томъ. Я хотѣлъ, пока можно, молчать имъ о моемъ намѣреніи просто потому, что не хотѣлъ преждевременно тревожить ихъ. Они безпокоились бы и за себя, и еще больше за меня: воображали бы, что задуманное мною можетъ подвергнуть ихъ непріятностямъ, а меня великимъ бѣдамъ. И я думалъ: скажу имъ, когда будетъ надобно. А черезъ нѣсколько времени разсудилъ: надобности въ томъ и не будетъ. При моемъ прошеніи о нихъ—Правительству не нужно прошеніе отъ имени этихъ темныхъ безграмотныхъ людей. А когда не за чѣмъ мнѣ писать прошеніе отъ ихъ имени, то и не зачѣмъ говорить имъ о моемъ намѣреніи.

Потому я наводилъ ихъ на надобные мнѣ разсказы лишь изрѣдка. Когда дѣлалъ это, записывалъ по возвращеніи домой то, что относилось къ моей работѣ.

Само собою разумѣется, я съ одинаковою заботливостью вносилъ въ мои матеріалы какъ тѣ мѣста изъ разсказовъ моихъ друзей, которыя могутъ служить въ ихъ пользу, такъ и тѣ, которыя показывали мнѣ законность произнесеннаго надъ ними приговора и равно заботливо переношу изъ моихъ замѣтокъ въ эту записку данные того и другаго рода. Я не могъ не понимать, что Правительство найдетъ надобнымъ сличить мою записку съ подлинными актами процесса, въ числѣ подсудимыхъ по которому были мои друзья, и другаго процесса, послѣдствіемъ котораго былъ ихъ процессъ, и найдетъ заслуживающимъ своей поддержки мое моленіе къ Его Величеству Государю Императору за моихъ друзей только нашедши, что преступное въ ихъ прошломъ выставлено мною на видъ все сполна.

Это, о моихъ правилахъ при составленіи настоящей записки. Что же касается моихъ друзей, Правительство, конечно, видитъ по предисловію къ этой запискѣ, посланному мною раньше, и будетъ видѣть по ея содержанію, что мои друзья дѣйствительно не имѣли — прибавлю: и остаются нежелающими имѣть — никакихъ тайнъ отъ меня, никакихъ умолчаній передо мною. Да они, какъ я говорилъ, и не знали—прибавлю и остаются и, насколько отъ меня зависитъ, останутся незнающими—ни о чемъ, относящемся къ моему намѣренію умолять Его Величество Государя Императора о дарованіи помилованія имъ. Люди сокрушенные своими страданіями, они преувеличиваютъ въ своихъ скорбныхъ мысляхъ свои вины, воображаютъ себя заслуживавшими за нихъ смертной казни, и поймутъ, что могутъ быть помилованы, только когда будетъ имъ объявлено, что они помилованы.

Н. Чернышевскій.

Процессъ, въ числѣ подсудимыхъ по которому находились Ѳома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева, былъ послѣдствіемъ процесса Акима Богатенкова и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ нимъ. Потому, прежде нежели говорить о Ѳомѣ и Катеринѣ Чистоплюевыхъ, Матренѣ Головачевой и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ ними, надобно сказать объ Акимѣ Богатенковѣ и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ нимъ.

Число лицъ, содержавшихся подъ стражею по дѣлу Акима Богатенкова было пятнадцать человѣкъ. Всѣ они были жители посада Дубовки.

Это были два родственныя между собою семейства, оба принадлежавшія къ разряду богатыхъ Дубовскихъ промышленниковъ.

Вотъ списокъ этихъ пятнадцати лицъ:

Акимъ Романовъ Богатенковъ;
жена его Прасковья Григорьева;
дѣти ихъ: Авдотья;
второе дитя, дочь, имени которой я не старался удержать въ моей памяти;
третье дитя, дочь, имени которой не умѣли припомнить мои друзья;
Ульяна;
Поликарпъ;
Катерина;

Василій Парѳеновъ Киселевъ;
жена его Анна Гаврилова;
дѣти ихъ, четыре человѣка: три дѣвочки и одинъ мальчикъ. Именъ двухъ изъ дѣвочекъ не умѣли припомнить мои друзья; два другія имени не старался я удержать въ моей памяти;
младшій братъ Василія Киселева, Давидъ Парѳеновъ Киселевъ.

Изъ этихъ пятнадцати человѣкъ, самостоятельныхъ людей было пятеро; именно:

Акимъ и Прасковья Богатенковы.
Василій и Анна Киселевы, Давидъ Киселевъ.

Я полагаю, только они пятеро и были подсудимы.

Изъ дѣтей Богатенковыхъ и Василія и Анны Киселевыхъ никто, я полагаю, не былъ причисляемъ къ подсудимымъ ни администраціею, ни судомъ. Всѣ они были только, съ разрѣшенія начальства, оставляемы по желанію своихъ родителей, при своихъ родителяхъ, въ мѣстахъ заключенія родителей,—такъ я полагаю. Сомнѣніе, по моему, возможно лишь относительно старшей дочери Богатенковыхъ, Авдотьи. При началѣ процесса она была ужь взрослою дѣвушкою: потому, администрація и судъ могли ее причислять къ подсудимымъ, безспорно, имѣли право. Но, я полагаю не причисляли, потому что я убѣжденъ, имѣли справедливость принимать въ соображеніе, что молоденькая, хоть и взрослая дѣвушка при родителяхъ, въ семействѣ, хоть и богатомъ, но совершенно простонародныхъ нравовъ, не самостоятельный человѣкъ.—Впрочемъ съ практической стороны, вопросъ объ Авдотьѣ Богатенковой индифферентенъ: дѣвушка умерла во время процесса.

Соображенія о числѣ подсудимыхъ лишь мои собственныя соображенія. Причислялся или не причислялся къ подсудимымъ кто изъ дѣтей Богатенковыхъ или Киселевыхъ, моимъ друзьямъ не случалось слышать. А имъ самимъ, людямъ безграмотнымъ, никакихъ вопросовъ о числѣ подсудимыхъ по дѣлу Богатенкова не приходило въ голову. Конечно, они знаютъ, что очень маленькихъ мальчиковъ и

дѣвочекъ не судятъ. Дальше того ихъ юридическія свѣдѣнія не идутъ, и если бы спросить ихъ, какъ они думаютъ о томъ, причислялись ли къ подсудимымъ по дѣлу Богатенкова двѣнадцатилѣтнія или четырнадцатилѣтнія дѣвочки, они не знали бы что отвѣчать. Ни о какихъ подобныхъ вопросахъ не случалось имъ думать.

И такъ, я полагаю подсудимыхъ по дѣлу Акима Богатенкова было пять человѣкъ, именно:

Акимъ и Прасковья Богатенковы; Василій и Анна Киселевы; Давидъ Киселевъ.

Перехожу къ подробностямъ о нихъ.

Акимъ Богатенковъ былъ кожевенный заводчикъ, человѣкъ съ большимъ состояніемъ. Къ первокласснымъ богачамъ Дубовки онъ не принадлежалъ. Но все таки, его состояніе было такое, что его знала вся Дубовка.

Состояніе свое пріобрѣлъ онъ самъ. Онъ былъ изъ семейства простолюдиновъ, жившаго, для простолюдиновъ, безбѣдно, какъ жило тогда и послѣ — вѣроятно, живетъ и теперь — большинство простолюдиновъ, даже и простыхъ „рабочихъ на берегу“ (чернорабочихъ на пристани) въ Дубовкѣ, но не имѣвшаго денежныхъ запасовъ. Женился на дѣвушкѣ изъ такого же семейства. И началъ въ молодости свой кожевенный промыслъ съ очень маленькаго размѣра. Но былъ человѣкъ способный, дѣятельный, заслужилъ своею честностью общее довѣріе всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, быстро сталъ становиться зажиточнѣе и зажиточнѣе, и скоро достигъ возможности жить, не разстраивая своего состоянія, на широкую ногу.

Ему самому жизнь на широкую ногу не была бы нужна. Онъ былъ тихаго темперамента, и „разговоръ у него“, по выраженію моихъ друзей, „былъ тихій“. До вина, въ которомъ состояла для мужчинъ въ Дубовкѣ главная пріятность многолюдныхъ собраній, онъ былъ не охотникъ, такой не охотникъ, что почти вовсе не пилъ ни простаго вина, ни виноградnаго.

Но онъ очень любилъ жену. А она была живаго характера, охотница наряжаться, принимать гостей, ѣздить по гостямъ, охотница до всякаго честнаго веселья. — „Онъ и угождалъ ей во всемъ“, по выраженію моихъ друзей: — „И у себя давалъ частыя угощенія въ угожденіе ей, и на угощеніяхъ у другихъ безпрестанно бывалъ съ нею въ угожденіе ей. Все это было отъ нея, отъ Прасковьи Григорьевны, вся ихъ широкая жизнь“.

Впрочемъ, хоть и „богатыя“, по выраженію моихъ друзей, были у нихъ угощенія, хоть часто пировали у нихъ многочисленныя собранія гостей, это обходилось имъ не-Богъ-знаетъ-въ-какія большія деньги: это была дешевая жизнь на широкую ногу, чисто мужицкая. Только немногіе первоклассные богачи въ Дубовкѣ жили тогда „по господскому“ въ домахъ съ „клѣтчатыми“ полами (паркетными) и тому подобными обыкновенными принадлежностями жизни не бѣдныхъ людей цивилизованныхъ классовъ. У этихъ первоклассныхъ богачей и обѣды или ужины были „съ поварскими кушаньями“. Но первоклассные богачи держались своимъ особымъ, довольно замкнутымъ кругомъ. Богатенковы къ этому кругу не принадлежали. Ихъ многочисленный кругъ пріятельства имѣлъ обычаи зажиточныхъ мужиковъ. И изобиліе ихъ пирушекъ было мужицкое: ѣшь и пей въ волю, по кушанья простой стряпни, вино главнымъ образомъ, просто на просто водка въ не-

большомъ количествѣ, какія нибудь дешевыя виноградныя вина и тоже, какъ водки, сколько хочешь рома, самаго дешеваго при питьѣ чая.

Мужицкая эта была жизнь на широкую ногу. Но, по мужицкому это была жизнь на широку ногу, изобильная шумомъ и весельями.

Иной жизни, кромѣ мужицкой, никто въ Дубовкѣ, кромѣ тѣхъ немногихъ первоклассныхъ богачей, да двухъ-трехъ дворянскихъ семействъ, державшихся особо отъ остальнаго зажиточнаго или богатаго общества, и не знавалъ близко, и не желалъ. Дубовка въ тѣ времена еще оставалась тѣмъ же самымъ, чѣмъ была,— какъ зналъ я по слухамъ, когда жилъ въ Саратовѣ, — въ годы моей молодости оставалась, какъ прежде была, огромною деревнею, съ чисто мужицкими обычаями и понятіями. По всѣмъ улицамъ были хороводы, круглый годъ, были кулачные бои, не зимою только, какъ въ подгородныхъ слободахъ городовъ, но и лѣтомъ, и на бояхъ этихъ шли „стѣна на стѣну“ не какіе нибудь люди презираемые массою населенія, какъ въ подгородныхъ слободахъ, нѣтъ, почтенные, солидные люди добропорядочной жизни, именитые купцы съ сѣдыми бородами, въ компаніи своихъ сыновей. А полиція? — Полиція въ Дубовкѣ была тоже патріархальная. Какъ бывало въ годы моего дѣтства въ отдаленныхъ концахъ Саратова, такъ оставалось въ Дубовкѣ двадцатью, тридцатью годами позже того: полицейскіе были по своимъ обычаямъ и понятіямъ тѣ же самые деревенскіе люди, съ восторгомъ любовавшіеся на кулачный бой, а кому изъ нихъ Богъ далъ силу и ловкость, становившіеся въ „стѣну“ калашниковъ противъ „стѣны“ тулупниковъ, или семинаристовъ противъ мясниковъ. Это было въ дальнихъ улицахъ слободы „на горахъ“ въ Саратовѣ, лѣтъ сорокъ и тридцать пять тому назадъ. Я самъ видѣлъ это, ходивши раза два-три посмотрѣть, какъ дерутся на кулачныхъ бояхъ мои товарищи семинаристы. А въ Дубовкѣ, полиція была очень малочисленна. И тамъ пятнадцать. двѣнадцать лѣтъ тому назадъ вся жизнь шла все еще чисто по деревенскому.

Тѣмъ, что обычаи въ Дубовкѣ были мужицкіе, объясняется и возможность людямъ съ какими нибудь тридцатью, много пятидесятью тысячами оборотнаго капитала, какъ Богатенковъ, давать частыя „богатыя“ угощенія многочисленнымъ гостямъ, не разстраивая своего состоянія. Нѣсколько пудовъ мяса, нѣсколько ведеръ водки, полъ-дюжины бутылокъ дешеваго рома — вотъ и всѣ расходы на „богатый пиръ“.

Понятно, что за всѣми расходами на пирушки, на „щегольскіе наряды“ Богатенковой — три, четыре шелковыя платья въ годъ, рублей по тридцати платье, вѣроятно, вотъ было и все ея „щегольство“, — за всѣми расходами на „роскошную“ жизнь у Богатенковыхъ оставалось много свободныхъ денегъ изъ годичнаго дохода. Они употребляли эти деньги хорошо.

Они были очень добрые люди. Не скучали по-долгу говорить съ приходившими къ нимъ бѣдными, утѣшая ихъ, поддерживая ихъ благоразумными совѣтами, и щедро помогали имъ деньгами.

Такъ прожили они много лѣтъ. Люди ихъ состоянія всѣ были въ хорошемъ пріятельствѣ съ ними. Бѣдные любили ихъ. Вся Дубовка уважала Акима Романовича и Прасковью Григорьевну, умныхъ, честныхъ, добрыхъ людей.

Думается: такъ бы и жить имъ. Такъ бы и жили они, пока длилась бы ихъ жизнь, если бъ не были они, при искреннемъ и сильномъ религіозномъ чувствѣ, людьми невѣжественными.

Онъ умѣлъ читать, да и то, лишь съ большими запинками, умѣлъ писать, насколько это необходимо по торговымъ счетамъ богатаго промышленника. Тѣмъ и ограничивались его ученыя знанія. Читать онъ, сколько мнѣ видно по фактамъ въ разсказахъ моихъ друзей, не читалъ ничего, кромѣ своихъ торговыхъ счетовъ. Достовѣрно видно мнѣ, что онъ человѣкъ очень религіозный, не имѣлъ даже и самой маленькой начитанности по религіозной части. А жена его вовсе не умѣла ни писать, ни читать.

Оба они родились и выросли какъ большинство жителей Дубовки, въ старообрядчествѣ:—собственно такъ называемомъ старообрядчествѣ, по точному употребленію этого слова у ученыхъ писателей Православной церкви; въ томъ старообрядчествѣ, которое на простомъ языкѣ у Православныхъ называется „поповской сектою“ или „поповщиною“.

Иргизскіе монастыри, бывшіе прежде главными источниками религіозныхъ свѣдѣній для старообрядцевъ того края, ужь не существовали, когда Богатенковъ и его жена становились людьми на первой молодости. „Бѣлые попы“, бывшіе священниками у старообрядцевъ, исчезли. И когда у Богатенковыхъ, послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ въ веселостяхъ, стало развиваться влеченіе къ думамъ о религіозныхъ вопросахъ, ужь довольно давно не было въ Дубовкѣ людей, у которыхъ могли бы хоть немножко научиться религіозному знанію Дубовскіе старообрядцы, въ массѣ своей люди почти или вовсе безграмотные. И не съ кѣмъ было посовѣтоваться о своихъ религіозныхъ думахъ Богатенковымъ, когда они, дожившіи до немолодыхъ лѣтъ, стали задумываться въ религіозномъ направленіи.

Какъ въ прежнемъ ихъ хлѣбосольствѣ и веселомъ образѣ жизни, такъ и въ поворотѣ ихъ мыслей къ религіознымъ думамъ, иниціатива принадлежала женѣ.

Когда была подростающею дѣвушкою, Прасковья, ставшая послѣ, по замужеству, Богатенковою, воображала, какъ это бываетъ со многими подростающими, но еще не сформировавшимися дѣвушками, что никогда не будетъ у нея желанія слушать и говорить о любви, считала себя предназначенной отъ Бога къ дѣвственной жизни; мечтала, что ей хочется идти въ монахини, и готовилась въ своихъ мысляхъ къ тому. (Въ тѣ годы, еще существовалъ на Иргизѣ старообрядческій женскій монастырь).

Подроставшая дѣвушка сформировалась, полюбила хороводы, и позабыла о своемъ душеспасительномъ планѣ. Веселилась; вышла замужъ, и продолжала веселиться, все лучше и лучше, по мѣрѣ того, какъ увеличивались у мужа средства доставлять удовольствіе страстно любимой женѣ.

Лѣтъ въ сорокъ, даже лѣтъ въ тридцать, женщины изъ простонародья начинаютъ считать себя уже старухами. Когда Богатенкова дожила до этихъ лѣтъ, въ ней стали воскресать давно забытыя мысли о суетности земной жизни и она стала постепенно охладѣвать къ веселостямъ, погружаясь въ думы о душевномъ спасеніи.

Развитію этой перемѣны въ ней нѣсколько содѣйствовало случайное обстоятельство.

Однажды она со старшею дочерью (Авдотьею), побывавши въ гостяхъ (вѣроятно, ѣздивши съ визитами), вздумала, прежде чѣмъ вернется домой, прокатиться. Она была одѣта очень нарядно. Она увидѣла, что на встрѣчу ей идетъ, очевидно направляясь къ ея экипажу, какой-то незнакомый старичекъ, одѣтый

бѣдно. Всѣ знали ее, какъ женщину очень сострадательную и щедрую къ бѣднымъ, и часто случалось, что бѣдные, увидѣвъ ее, проѣзжающею, подходили попросить денегъ. Она подумала, что этотъ бѣдно одѣтый старичекъ хочетъ попросить у нея пособія, и велѣла кучеру остановить лошадей. Старичекъ подошелъ, но вмѣсто того, чтобы попросить, какъ она ожидала, пособія у нея, сказалъ: „Будетъ, Прасковья Григорьевна, довольно, оставь“,—то есть: будетъ тебѣ вести такую жизнь, какую ведешь ты; довольно; оставь наряды, роскошь и веселье;—сказалъ это и пошелъ прочь.

Съ-начала, назиданіе старичка не произвело особенно сильнаго впечатлѣнія на Богатенкову. Она была даже настолько разсудительна, что не нашла надобнымъ признать незнакомаго старичка боговдохновеннымъ тайновѣдцемъ изъ-за того, что онъ, незнакомый ей, умѣлъ правильно назвать ее по имени и отчеству, и оказался знающимъ ея любовь къ нарядамъ, роскоши, веселью, и ко всякой такой грѣховной суетѣ, которая подразумѣвалась въ его увѣщаніи: „будетъ; довольно; оставь“. Она понимала: старичку не мудрено было знать все это и безъ откровенія отъ Бога; всѣ въ Дубовкѣ знаютъ ея мужа и ее, и ея склонности, образъ жизни ея мужа и ея; да и встрѣтилъ-то ее старичекъ нарядную, катающуюся, въ хорошемъ экипажѣ, запряженномъ хорошими лошадьми. Не удивилась она и тому, что она не знала этого старичка: ея мужа и ее знаютъ всѣ въ Дубовкѣ; но ея мужу и ей возможно ли знать всѣхъ бѣдно одѣтыхъ старичковъ въ Дубовкѣ? Дубовка велика; и бѣдно одѣтымъ старичкамъ, бродящимъ по Дубовкѣ, счету нѣтъ.

Такъ разсудила было на первый разъ она, умная и честная женщина, не дѣлавшая въ своей жизни ничего дурнаго; разсудила было, какъ слѣдовало разсудить умной женщинѣ, которой не въ чемъ упрекать себя. И не приняла было къ сердцу наглаго назиданія стараго идіота или тартюфа. Не поинтересовалась даже узнать, кто онъ. Въ первые дни, ей легко было бы отыскать его, еслибъ захотѣла. Но она не захотѣла. И осталось неизвѣстно ей, кто былъ онъ.

Умно было разсудила она. Но жалкіе темные люди, такіе невѣжды, какъ она и ея мужъ, хоть и умѣвшій, чего не умѣла она, кое какъ писать и съ запинками прочитывать свои счеты, сколько куплено невыдѣланныхъ кожъ, сколько продано выдѣланныхъ. Несчастная темная женщина, невѣжество пересилило таки ея природный умъ; и черезъ нѣсколько времени стали ея мысли поддаваться душеспасительному наставленію боговдохновеннаго—возможно ли сомнѣваться? Конечно, боговдохновеннаго—старца.

Много помогла этому дочь. Дочери могло быть, во время встрѣчи со старичкомъ, лѣтъ двѣнадцать, или и четырнадцать. Случай, противъ котораго хорошо было устоялъ съ-начала умъ матери, поразилъ мысли дѣвочки. Ребенокъ приставалъ къ матери съ вопросомъ: „Маменька, о чемъ это говорилъ тебѣ старичекъ, чтобы ты бросила это?“—Когда мать объяснила, дѣвочка постигла премудрую справедливость душеспасительнаго назиданія, и при случаяхъ, частенько таки принимала на себя заботу о душевномъ спасеніи матери:—„Маменька, помнишь, что говорилъ тебѣ старичекъ?“.

Роскошь и веселье—суета и грѣхъ. Всѣ русскіе простолюдины воспитаны въ этомъ вѣроученіи, всѣ; старообрядцы или православные, не далаютъ разницы въ томъ: одинаково воспитаны въ этомъ вѣроученіи всѣ русскіе простолюдины, отъ мужиковъ до купцовъ. Что могла возразить дочери безграмотная мать? Что могъ

возразить отецъ? Что могли отвѣчать отцу и матери благочестивой дѣвочки ихъ знакомые, слышавшіе отъ нихъ, что говоритъ дѣвочка?—И старообрядцы, и православные, всѣ ихъ знакомые были такіе же темные люди, какъ они: одинаково съ ними считали эту премудрость о суетности и грѣховности роскоши и веселья безспорною, божественною истиною; и могли только подтверждать въ одинъ голосъ: „да, это такъ“: хотѣли ль, или не хотѣли, но должны были подтверждать: „да, это такъ“.

Въ чемъ была разница между ними, Православными ль, или старообрядцами, все равно, и Богатенковыми? Въ словахъ не могло быть никакой разницы, одно и то же, совершенно одно и то же, по необходимости было на устахъ и у нихъ у всѣхъ, какъ у Богатенковыхъ. Разница была только та, что къ толпѣ примѣняются слова Іеговы у пророка: —„Люди эти устами своими чтутъ меня, и устами своими приближаются ко мнѣ, сердце же ихъ далеко отъ меня“: —а Богатенковы не хотѣли заслуживать этого укора отъ Бога.

И начала развиваться перемѣна въ образѣ жизни Богатенковыхъ.—„Не то чтобъ это произошло отъ словъ того старичка“,—говорятъ мои друзья:—„Но нельзя сказать, чтобъ не было тутъ участія словъ старичка“.

Они люди умные, и понимаютъ, что самъ по себѣ, тотъ случай не достаточенъ для объясненія перемѣны въ мысляхъ и образѣ жизни Богатенковыхъ. Но они вовсе не такіе люди, чтобъ умѣть анализировать факты психической жизни. Имъ не приходило въ голову даже и то, что коренная причина всему—сильное религіозное чувство, лежавшее въ самомъ характерѣ Богатенковой. Они не догадывались припомнить для объясненія дѣла тотъ фактъ, что Богатенкова, когда была дѣвушкою, готовилась идти въ монахини. Это фактъ разсказываютъ они по совершенно иному поводу, для характеристики дружескихъ отношеній Богатенковой съ женщиною, о которой мнѣ придется говорить послѣ. Монашество имѣетъ въ глазахъ простолюдиновъ главнымъ своимъ качествомъ тотъ признакъ, что монашествующее лицо отрекается отъ семейныхъ узъ. А Богатенкова, любящая жена и мать, не имѣла ни малѣйшей охоты забывать свои семейныя обязанности, душеспасительная жизнь, въ которую завлеклась она и завлекла своего мужа, ни мало не нарушала, нисколько не видоизмѣняла ихъ семейныхъ отношеній: она и ея мужъ продолжали жить другъ съ другомъ, какъ жили прежде, какъ живутъ всѣ обыкновенныя, любящія, супружескія четы: продолжали заботиться о прокормленіи, здоровьѣ, воспитаніи своихъ дѣтей, о хорошемъ устройствѣ ихъ житейской доли, какъ заботились прежде, какъ заботятся всѣ обыкновенные хорошіе отцы и матери. Потому мои друзья не видятъ, что душеспасительная жизнь, которую изобрѣли себѣ Прасковья Богатенкова и ея мужъ—ни больше, ни меньше, какъ осуществленіе прежнихъ дѣвическихъ мыслей Прасковьи Богатенковой, лишь смягченныхъ ея чувствами хорошей жены и матери, и видоизмѣненныхъ лишь на столько, чтобъ онѣ не мѣшали ей оставаться обыкновенною женою и матерью, какія бываютъ обыкновенныя жены и матери въ хорошихъ любящихъ семьяхъ.

Не будучи, по своей умственной неразвитости, въ состояніи видѣть, что душеспасительныя мысли, начавшія овладѣвать Богатенковою послѣ той встрѣчи со старичкомъ, только возродившіяся прежнія, дѣвическія мысли ея, мои друзья не имѣютъ никакого объясненія существенному мотиву возникновенія перемѣны въ образѣ жизни ея и мужа. И по своей неразвитости, не чувствуетъ никакой надоб-

ности объяснить себѣ это дѣло.— „Вышло такъ; стало быть, была воля Божія на то, чтобы вышло такъ",—это готовое у всѣхъ простолюдиновъ Русской національности мотивированіе всего, что когда бы то ни было происходило съ кѣмъ бы то ни было изъ благочестивыхъ людей, совершенно удовлетворяетъ моихъ друзей по дѣлу о перемѣнѣ образа жизни Богатенковыхъ. „Такъ Богу было угодно". — этимъ все сказано, все разъяснено вполнѣ удовлетворительно для моихъ друзей. И думать тутъ, съ ихъ точки зрѣнія больше нечего, не о чемъ.

Имъ не любопытно размыслить даже и о томъ, въ какомъ же именно отношеніи къ волѣ Божіей о спасеніи души Богатенковыхъ находилась мысль того старичка сказать Богатенковой назиданіе: „Будетъ, довольно, оставь". Что жь, въ самомъ дѣлѣ надобно полагать, что этотъ старичекъ былъ святой, пошедшій, по непосредственному повелѣнію къ нему отъ Бога, встрѣтить и изобличить нарядную, катающуюся въ щегольскомъ экипажѣ, Богатенкову? Или онъ былъ ханжа, тщеславящійся изобличеніемъ мірскихъ людей, не преклоняющихся передъ его святошескими шарлатанствами? Или онъ просто на просто старый дуракъ, наладившій твердить, кстати и некстати, всякому встрѣчному и поперечному одно и то же, по русской поговоркѣ о такихъ дуракахъ: наладила сорока Якова одно про всякаго, не такъ ли?—Мои друзья отвѣчали на эти мои вопросы, что не умѣютъ они рѣшить, какъ тутъ слѣдуетъ полагать: они объ этомъ не думали; да и нѣтъ надобности думать объ этомъ. Кто былъ старичекъ? — святой ли, или лицемѣръ, или дуракъ; и почему онъ сказалъ свое назиданіе, по святости ли своей, по тщеславію ли, по глупости ли, все равно: воля Божія была на то, чтобы Богатенкова услышала это наставленіе, и чтобы находилась тутъ при ней дочка, которая бы послѣ напоминала ей объ услышанной спасительной истинѣ; воля Божія и исполнилась. Довольно знать это. — Отвѣтъ совершенно удовлетворительный для всякаго обыкновеннаго русскаго простолюдина. Мои друзья и довольствуются имъ.

Я попробовалъ ругать старичка, какъ вреднаго, гадкаго ханжу. Мои друзья соглашались, что такихъ святошъ много, и что эти святоши гадкіе люди: и не имѣли ничего противъ признанія старичка однимъ изъ этихъ гадкихъ людей, гадкихъ и по ихъ мнѣнію, какъ по-моему. Я пробовалъ, при другомъ разговорѣ, осмѣивать старичка, какъ безсмысленнаго дурака; мои друзья отъ души смѣялись моимъ варіаціямъ на тему поговорки о сорокѣ, наладившей Якова, одно про всякаго, и соглашались, что старичекъ могъ быть просто на просто безсмысленный старый дуракъ.

И правда: чему мѣшаетъ, съ ихъ точки зрѣнія, руганье этого старичка, какъ гадкаго ханжи, или смѣхъ надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ?—Всякій обыкновенный русскій простолюдинъ скажетъ: это все равно, кто былъ старичекъ и что думать о немъ. Воля Божія была, чтобъ онъ сказалъ Богатенковой то, что онъ сказалъ ей, и чтобы его слова подѣйствовали на Богатенкову при помощи ея дочери такъ, какъ подѣйствовали. Только то и важно. А зналъ ли старичекъ, что онъ тутъ орудіе воли Божіей, и святое ли, или гадкое чувство было у него на душѣ, когда онъ говорилъ, или говорилъ онъ, какъ стрекочетъ сорока,—для сущности дѣла все равно. Сущность дѣла только въ томъ, что Богу было угодно такъ.

Мои друзья не только сами не имѣютъ никакого опредѣленнаго мнѣнія о томъ неизвѣстномъ старичкѣ, но и не знаютъ, какъ думали о немъ Богатенковы. Мое мнѣніе, что Богатенкова, поразмысливши, подъ вліяніемъ напоминанія отъ дочери,

о душеспасительныхъ словахъ старичка, пришла наконецъ къ мысли, что онъ былъ боговдохновенный тайновѣдецъ, —лишь мой собственный выводъ изъ фактовъ. И мое мнѣніе, что ея мужъ согласился съ нею въ этомъ ея убѣжденіи, тоже лишь мой собственный выводъ изъ фактовъ. — Мои друзья въ такіе анализы не вдаются. Они люди умные отъ природы и о знакомыхъ имъ хозяйственныхъ дѣлахъ любятъ размышлять, умѣютъ размышлять вообще правильно, часто и очень умно. Но, при ихъ темномъ невѣжествѣ, ихъ умъ изнемогаетъ передъ постановкою вопросовъ изъ сферъ мысли, чуждыхъ обыкновенному кругу знаній простолюдиновъ; имъ утомительно размышлять о такихъ вопросахъ и они не думаютъ разъяснять себѣ ихъ.

Такимъ образомъ они, по своей житейской опытности, понимаютъ, что одно маленькое приключеніе не можетъ перевернуть мыслей и образа жизни человѣка, можетъ лишь послужить поводомъ къ проявленію перемѣны, независимо отъ этого повода производимой въ человѣкѣ дѣйствіемъ какой нибудь другой, болѣе сильной причины. Потому, очень справедливо полагаютъ, что перемѣна въ мысляхъ и жизни Богатенковыхъ не была произведена встрѣчею Богатенковой со старичкомъ, что этотъ случай лишь „былъ не безъ вліянія“ на ходъ перемѣны, а существенная причина перемѣны должна быть иная. Но въ чемъ же именно состояла эта существенная причина, мои друзья не думали никогда доискиваться сколько нибудь опредѣлительно и подробно, вполнѣ довольствуясь общимъ готовымъ у всѣхъ простолюдиновъ рѣшеніемъ всякихъ вопросовъ обо всемъ въ жизни всякихъ людей: „Такъ было угодно Богу“.

Иниціатива въ перемѣнѣ мыслей и образа жизни Богатенковыхъ принадлежала женѣ. Мужъ только слѣдовалъ за женою по пути душевнаго спасенія, какъ прежде, подчиняясь ея вліянію, давалъ пиры и ѣздилъ по пирамъ. Была, впрочемъ, я полагаю, значительная разница въ характерѣ его подчиненія женѣ тогда и теперь. Разница состояла, я полагаю, въ томъ, что прежде, когда онъ пировалъ и веселился, онъ подчинялся женѣ наперекоръ влеченію его собственнаго темперамента къ „тихому образу жизни“; а новое настроеніе мыслей жены совпадало съ его природною склонностью жить безъ роскоши и шума. Но это, опять, лишь мое предположеніе. Мои друзья ничего объ этомъ не знали отъ другихъ, а сами они не вдаются въ психологическія соображенія.

Я объясняю себѣ перемѣну въ мысляхъ Богатенковой такъ:

Дѣвушка живаго, бойкаго темперамента, имѣвшая сильное религіозное чувство, забыла думать о душевномъ спасеніи, увлекшись хороводами, веселыми юности; дѣвушка изъ очень небогатаго семейства, она увлеклась новыми для нея удовольствіями щегольскихъ и дорогихъ нарядовъ, хорошихъ экипажей, блеска на пирахъ, когда, вышедши за-мужъ, получала все больше и больше средствъ наслаждаться дорогими удовольствіями. Но долго наслаждавшись ими, насытилась ими и пресытилась. И когда они порядочно и непорядочно надоѣли ей, стала овладѣвать ею ея природная склонность къ серьезнымъ раздумьямъ о жизни: а эти раздумья у нея, какъ и всѣхъ русскихъ простолюдинокъ и простолюдиновъ, имѣли религіозный колоритъ, потому что единственное воспитаніе русскихъ безграмотныхъ людей—вѣроученіе. А религіозное чувство у этой сильной и честной натуры было дѣйствительно живое, искреннее и пылкое. Она и не могла остаться „чтущею Бога“ лишь „устами своими“ и лишь „устами своими приближающеюся къ нему“.

какъ остается толпа людей, называющихъ себя набожными; не могла, какъ они, „остаться далека отъ Бога сердцемъ своимъ“.

„Блаженни непорочніи въ путь ходящіи въ законѣ Господни; блаженни испытающіи свидѣнія Его, всѣмъ сердцемъ взыщутъ Его“.

И она взыскала Господа всѣмъ сердцемъ своимъ.

И погубила себя?—Да. И себя, и мужа, вѣрнаго спутника ея въ „хожденіи путемъ закона Господня“. Невѣжды были они; старообрядцы, не имѣли они никого, сколько нибудь образованнаго человѣка, съ кѣмъ бы посовѣтоваться; не то, что священника съ основательнымъ богословскимъ образованіемъ, ни даже какого нибудь „бѣглаго попа“, какіе прежде бывали у старообрядцевъ, не было тогда у людей старой вѣры въ Дубовкѣ; не было, вѣроятно, и нигдѣ подлѣ Дубовки.

Черезъ нѣсколько времени послѣ встрѣчи съ неизвѣстнымъ старичкомъ,—о которой, конечно, разсказывала Богатенкова всѣмъ своимъ знакомымъ,—она, при частыхъ напоминаніяхъ дочери о назидательномъ изреченіи старичка, стала по временамъ задумываться о своемъ душевномъ спасеніи. Эти раздумья конечно также были предметомъ ея разговоровъ съ набожными женщинами ея круга. Такихъ женщинъ было, по всей вѣроятности, много въ кругу ея знакомыхъ. Потому что она была теперь ужь въ солидныхъ,—по простонародному, даже пожилыхъ лѣтахъ: ей было, по моему приблизительному разсчету, лѣтъ около тридцати пяти, когда она услышала отъ старичка мудрое назиданіе. А подобныя ей, вышедшія изъ бѣднаго сословія и безграмотныя купчихи ея лѣтъ,—конечно наиболѣе частыя ея собесѣдницы.—почти всѣ причисляютъ себя къ людямъ набожнымъ. И кто изъ этихъ набожныхъ женщинъ могли не поддакивать ея благочестивымъ разговорамъ о тлѣнности суеты мірской, о грѣховности веселыхъ, шумныхъ развлеченій?

На словахъ, вся толпа людей того класса, лѣтъ двадцать, пятнадцать тому назадъ, была очень благочестива: почти всѣ сплошь купцы и купчихи солидныхъ лѣтъ въ провинціяхъ были таковы.

На дѣлѣ, иное. И когда оказалось, что Богатенкова съ мужемъ не болтаютъ только для пустословнаго хвастовства своимъ благочестіемъ о своихъ набожныхъ влеченіяхъ, а въ самомъ дѣлѣ заботятся вести душеспасительную жизнь, тонъ хора Дубовскихъ благочестивыхъ людей быстро перемѣнился: хоръ одобреній благочестивымъ словамъ Богатенковыхъ сталъ хоромъ порицанія образу ихъ жизни, сообразному съ ихъ словами.

Въ Дубовкѣ начали замѣчать, что Богатенковы рѣже прежняго даютъ пиры, рѣже прежняго бываютъ сами на пирахъ у другихъ. Дубовка стала говорить, что это не хорошо.

Шло время и перемѣна въ ихъ образѣ жизни становилась все сильнѣе и сильнѣе. Все рѣже и рѣже давали они пиры, рѣже и рѣже посѣщали пиры другихъ. Вовсе перестали давать пиры. Сами стали бывать у другихъ лишь на такихъ пирахъ, отъ приглашеній на которые нельзя было отказаться, не нанося тяжкаго оскорбленія чести приглашающаго на свой пиръ семейства; по Дубовскимъ понятіямъ, такое качество имѣли въ особенности приглашенія на свадебные пиры: не пріѣхать по приглашенію на сватьбу, значило бросить тѣнь на честь приглашающаго семейства. Перемѣна все усиливалась. Наконецъ Богатенковы совершенно отстранились отъ всего круга своихъ прежнихъ знакомствъ. Сами не

ѣздили ни на чьи угощенія, и къ себѣ перестали принимать гостей. Они принимали теперь къ себѣ только бѣдныхъ, приходившихъ просить у нихъ денежной помощи, искать ласки и утѣшенія себѣ отъ нихъ. Много помогали они бѣднымъ и прежде. Теперь, помогали еще больше прежняго.

И вся Дубовка осуждала ихъ.

Вся Дубовка, говорили мои друзья. Я хотѣлъ съ точностью опредѣлить для моего пониманія смыслъ ихъ выраженія: „осуждала вся Дубовка“. Переписываю изъ моихъ замѣтокъ относящійся къ этому выраженію отрывокъ разговора.— Мой вопросъ:—„Вы говорите, ихъ осуждала вся Дубовка. Это, можетъ быть, значитъ: всѣ Греко-Россійскіе (Православные) осуждали ихъ?“ — Отвѣтъ:— „Нѣтъ, не то что всѣ Греко-Россійскіе; они тоже, всѣ, но ихъ въ Дубовкѣ было меньше; всего больше тамъ старовѣровъ“.—Мой вопросъ:—„Неужели жь и всѣ старовѣры тоже осуждали, какъ Греко-Россійскіе?“ — Отвѣтъ:—„И старовѣры, и Греко-Россійскіе, и воскресенники (молокане), — всѣ, какъ есть всѣ“.—Мой вопросъ: „Позвольте, однако: вы были тогда старовѣры“.—Отвѣтъ:—„Ну, да: такъ что жь? Мы, значитъ, не осуждали ихъ, ты думаешь?“—Мой вопросъ:— „Да, вотъ вы, я думаю, не осуждали: то выходитъ: не всѣ же старовѣры осуждали. Развѣ не правда моя: стало быть, не всѣ“.—Отвѣтъ:—„Да нѣтъ же, всѣ“. — Мой вопросъ:—„Да какъ же? А вы то?“—Отвѣтъ:—„Эхъ ты, какой, не понимаешь: да развѣ мы то не осуждали ихъ?“—Мой вопросъ:—„Неужели жь?“— Отвѣтъ:—„А то какъ же?“—Мой вопросъ:—„Осуждали и вы; теперь выходитъ такъ, всѣ. Только: за что жь это всѣ ихъ осуждали?“—Отвѣтъ:—„За то, что они живутъ не такъ, какъ слѣдуетъ людямъ съ ихъ средствами; не даютъ угощеній, не бываютъ на угощеніяхъ, какъ всѣ богатые люди“.—Мой вопросъ:— „Позвольте, однако, бываютъ богатые и скупые. Эти не угощаютъ; а иные изъ нихъ и на чужія угощенія не ѣздятъ, потому что и это расходъ, хорошая одёжа. То скупыхъ не всѣ же осуждаютъ. Иной осуждаетъ, а иной говоритъ: скупость не глупость“.—Отвѣтъ:—„То совсѣмъ другое дѣло, когда богатые живутъ безъ роскоши по скупости. Такихъ многіе хвалятъ за умъ. А тутъ была не скупость причина, это было видно; помогать бѣднымъ не скупились же они“.—Мой вопросъ:—„Ну, такъ всѣ осуждали ухъ за то, что они сторонятся отъ веселостей; а вы за что осуждали ихъ?“—Отвѣтъ: „За то же самое“.

Богатенковы не дѣлали угощеній, сами не бывали на угощеніяхъ у другихъ. Но все еще продолжали жить, какъ люди съ большимъ состояніемъ: оставались жить по прежнему, въ своемъ просторномъ, хорошемъ домѣ; имѣли прислугу, держали лошадей. Черезъ нѣсколько времени все это показалось имъ лишнею роскошью, они продали лошадей, отпустили прислугу, перешли жить въ кухню своего дома, а домъ заперли. Стали устраивать на дворѣ у себя землянку. Богатенковъ продалъ свое кожевенное заведеніе. Землянка была готова. Богатенковы перешли жить въ нее. Домъ сломали.

Богатенкова перестала носить щегольскіе наряды, стала одѣваться, какъ одѣвались тогда въ Дубовкѣ пожилыя женщины, не слѣдящія за модами. Она и ея мужъ, когда встрѣчались на улицахъ съ прежними своими знакомыми, протягивавшими имъ руку, не подавали свою руку для пожатія, даже не кланялись въ отвѣтъ на поклонъ. Люди, вступавшіе въ разговоръ съ Богатенковымъ при встрѣчахъ, замѣчали иногда, что онъ будто бы не слышитъ, когда они называ-

ютъ его по имени и отчеству. Онъ пересталъ стричь волоса; они у него отросли до плечъ. Здоровье его было отъ природы не очень крѣпкое; теперь онъ сталъ очень худощавъ, и судя по виду, былъ въ изнуреніи; поэтому надобно было полагать, что онъ много постится. Богатенкова имѣла отъ природы хорошее здоровье, и въ ея лицѣ не было замѣтно никакой перемѣны; она или не постилась, или постилась меньше, чѣмъ ея мужъ.

Люди съ хорошимъ состояніемъ живутъ въ землянкѣ; у нихъ явились небывалые ни у кого въ Дубовкѣ обычаи: они не подаютъ руку для пожатія, они не отвѣчаютъ поклонами на поклоны знакомыхъ. Она, любительница щегольскихъ нарядовъ, перестала щеголять. Онъ не хочетъ слышать, когда его называютъ по имени и отчеству.

Вся Дубовка изумлялась. Ужь и прежде она порицала Богатенковыхъ за ихъ отчужденіе отъ круга людей ихъ состоянія. Теперь вся она стала называть ихъ „сумасбродами“, „сумасшедшими“; хохотала надъ ними и полагала, что ихъ сумасбродство—сумасбродство, въ которомъ должно быть много дурнаго. Въ чемъ именно можетъ состоять это дурное ихъ сумасбродство, Дубовка не могла разобрать. Несомнѣнно было для Дубовки только то, что дурное сумасбродство Богатенковыхъ — какая-то дурная вѣра. Какая эта вѣра, никто не зналъ. Нѣкоторые, слышавшіе, что есть на свѣтѣ вѣра, называемая „хлыстовщиною“, и что эта хлыстовщина — вѣра очень дурная, говорили, что Богатенковы стали, можетъ быть, послѣдователями этой вѣры, „хлыстами“, какъ называются такіе люди по простонародному. Но и этимъ предположеніемъ вопросъ о вѣрѣ Богатенковыхъ мало разъяснялся для Дубовки: никто въ Дубовкѣ не умѣлъ порядочно сказать, что жь за люди „хлысты“, и въ чемъ состоитъ ихъ вѣра. Потому и догадка нѣкоторыхъ, что Богатенковы стали хлыстами, не представляя ничего понятнаго для Дубовки, не пріобрѣла особенной популярности. Всѣ держались только того мнѣнія, что въ чемъ бы ни состояла вѣра Богатенковыхъ, эта вѣра дурная, и потому Богатенковы стали дурными людьми.

Вся Дубовка бранила ихъ и смѣялась надъ ними. И у Богатенкова, и у его жены были родные братья или родныя сестры. Всѣ эти родные братья или сестры ихъ раздѣляли всеобщее негодованіе противъ нихъ.

Но не дѣйствовали на нихъ ни порицанія и насмѣшки всей Дубовки, ни укоризны ближайшихъ родныхъ. Они продолжали жить въ землянкѣ, совершенно чуждаясь общества; не подавали руку для пожатія при встрѣчахъ, не отвѣчали поклономъ на поклонъ.

Это длилось много времени. Сколько именно, не знаютъ мои друзья съ точностью; но полагаютъ: больше двухъ лѣтъ. Если принимать это приблизительное воспоминаніе ихъ за достаточно правильное, то получается такой разсчетъ: кончилось житье Богатенковыхъ въ землянкѣ на масляницѣ 1866 года; слѣдовательно, переселились они въ землянку въ началѣ 1864 года, или въ 1863 году; но рыть землянку, когда земля мерзлая, вещь слишкомъ трудная, а въ Дубовкѣ, хоть и очень теплый, по русскому, климатъ, земля бываетъ мерзлою все таки мѣсяца три съ половиною, мѣсяца четыре,—отъ декабря до половины марта, или и дольше; потому, едва ли слѣдуетъ допускать возможность, что Богатенковы устроили себѣ землянку въ началѣ 1864 года: вѣроятнѣе, что они приготовили ее себѣ и перешли жить въ нее лѣтомъ или осенью 1863 года.

Въ 1863 году Богатенковой было лѣтъ сорокъ; едва ли меньше тридцати

восьми; вѣроятнѣе, что сорокъ лѣтъ. Это опредѣляю я, по приблизительному разсчету лѣтъ ея сверсницы, подруги ея дѣтства, о которой буду говорить послѣ. Былъ ли мужъ Богатенковой однихъ лѣтъ съ женою, или старше ея, мои друзья не знаютъ. Но человѣкъ менѣе хорошаго здоровья чѣмъ жена, онъ казался на лицо старше ея. Да вѣроятно, и дѣйствительно былъ старше, судя по тому, что обыкновеннѣйшій случай таковъ: мужъ бываетъ нѣсколькими годами по-старше жены.

Житье Богатенковыхъ въ землянкѣ продолжалось, какъ я говорилъ, до масляницы 1866 года. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этою масляницею, осенью,—стало быть, осенью 1865 года,—построилъ на дворѣ Богатенковыхъ, подлѣ ихъ землянки, другую землянку родственникъ Богатенкова Василій Киселевъ, и перешелъ въ нее жить съ женою и дѣтьми и младшимъ братомъ своимъ, еще не женатымъ юношею, Давидомъ.

Богатенковыхъ я называлъ родившимися и выросшими въ старообрядчествѣ. Это былъ фактъ, всѣмъ извѣстный. Сколько могу судить, считаю вѣроятнымъ, что и по церковнымъ росписямъ,—такъ называемымъ „исповѣднымъ книгамъ“,—имѣющимъ значеніе юридическихъ документовъ по вопросамъ о вѣроисповѣданіи, Богатенковы были отмѣчаемы, согласно дѣйствительному факту, „принадлежащими къ расколу“.

Относительно Василія Киселева, я считаю вѣроятнымъ, что онъ значился по исповѣднымъ книгамъ, въ качествѣ православнаго. Я полагаю такъ по слѣдующему соображенію: мнѣ кажется, что въ тѣ годы „раскольники“ не могли быть избираемы въ общественныя должности; правильно ли помнится мнѣ это, или нѣтъ, я не знаю; но думаю, это было тогда такъ. По крайней мѣрѣ, до 1860 или 1861 года, это прежнее правило еще оставалось неотмѣненнымъ, я помню, мнѣ кажется, твердо. А Василій Киселевъ, нѣсколько раньше того, чѣмъ поселился въ землянкѣ, занималъ, по выбору отъ Дубовскаго общества, какую-то должность; былъ чѣмъ-то въ родѣ „гласнаго Дубовской Думы“. Не знаю, были ль въ Дубовкѣ должности, имѣвшія такое названіе на оффиціальномъ языкѣ. Но во всякомъ случаѣ, были какіе-то выборные, которые въ просторѣчіи называемы были „гласными въ Думѣ“, и Василій Киселевъ не за долго передъ осенью 1865 года былъ однимъ изъ нихъ. Потому, я и полагаю, что по исповѣднымъ книгамъ онъ значился не „раскольникомъ“, а „Православнымъ“. И дѣлая изъ того выводъ обо всемъ семействѣ, полагаю, что и жена Василія Киселева и братъ его Давидъ были, подобно ему, отмѣчены въ исповѣдныхъ книгахъ состоящими въ православіи. Но если это и было такъ, то я убѣжденъ, что судъ принималъ за дѣйствительный фактъ общеизвѣстный фактъ, а не фикцію. Если эти лица значились по исповѣднымъ книгамъ Православными, то была лишь фикція. По такой фикціи, огромныя массы старообрядческихъ семействъ, всѣ предки которыхъ съ самаго возникновенія раскола держались старообрядчества, были съ самаго возникновенія исповѣдныхъ книгъ постоянно помѣчаемы въ этихъ книгахъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, каждый годъ вновь и вновь отмѣчаемы, какъ принадлежащія къ Православному исповѣданію. Въ давнія времена, если обнаруживалось по какому нибудь случаю несоотвѣтствіе факта съ этою фикціею, возникало изъ того дѣло „объ отпаденіи отъ Православія“. Но я убѣжденъ, что въ 1866 и слѣдующихъ годахъ, судебная власть ужь не подвергала раскольниковъ, значащихся по исповѣднымъ книгамъ

Православными, никакой юридической отвѣтственности за существовавшую относительно ихъ фикцію церковныхъ росписей. И я убѣжденъ, что если Василій Киселевъ, его жена и его младшій братъ считались по церковнымъ отмѣткамъ Православными, то судъ имѣлъ снисходительность не взводить на нихъ юридической отвѣтственности за „отпаденіе отъ Православія“. На фактѣ, они были люди изъ старообрядческаго семейства. Фактъ этотъ былъ общеизвѣстенъ. Да и то надобно сказать: только тѣмъ обстоятельствомъ, что эти люди были воспитаны въ старообрядчествѣ, обуславливалась возможность имъ сдѣлаться послѣдователи Богатенковыхъ. Православные никакимъ образомъ не могли бы стать подражателями Богатенковыхъ. Всѣ мысли и поступки Богатенковыхъ—чисто старообрядческіе, лишь болѣе или менѣе видоизмѣненные искреннею и сильною религіозностью этихъ—слишкомъ къ своему несчастію, невѣжественныхъ,—добрыхъ и честныхъ людей, думавшихъ исключительно о своемъ душевномъ спасеніи, и по своей темной безпомощности въ теологическихъ раздумьяхъ, додумавшихся до глупости, погубившей ихъ. Никто, не бывшій старообрядцемъ, послѣдователемъ Богатенковыхъ сдѣлаться не могъ.

Киселевы были въ близкомъ родствѣ съ Богатенковымъ; въ какомъ именно, мои друзья не знаютъ съ достовѣрностью; но имъ кажется, что они слышали· Богатенковъ былъ дядя Киселевыхъ.

Киселевыхъ было три брата. Василій былъ второй изъ нихъ по лѣтамъ, Давидъ младшій. Старшій братъ не раздѣлялъ увлеченія Василія и Давида мыслями и аскетическою жизнью Богатенковыхъ, и сколько я могу судить, былъ оставляемъ администраціею и судомъ совершенно нетревожимый по ихъ дѣлу, какъ человѣкъ, ни мало не причастный ихъ нелѣпостямъ. Потому я не старался удержать въ моей памяти его имя.

Киселевы были прежде не менѣе, или даже и болѣе богаты, чѣмъ Богатенковъ. Но нѣсколько времени жили съ такою роскошью, которая превышала ихъ средства. Потому ихъ состояніе нѣсколько разстроилось, говорила Дубовская молва. Впрочемъ, они, кажется, все таки оставались людьми богатыми. Какія были имущественныя отношенія между тремя братьями, моимъ друзьямъ не случилось хорошенько слышать. Но сколько могу я сообразить, считаю возможнымъ предполагать, что отцовское наслѣдство еще не было раздѣлено между ними и что промышленныя дѣла фирмы велъ главнымъ образомъ старшій братъ; и что когда Василій и Давидъ перешли жить, по примѣру Богатенкова, въ землянку, старшій братъ оставилъ все не раздѣленное имущество въ своемъ управленіи, такъ что въ рукахъ у Василія и Давида не было большихъ денегъ. Я нахожу возможнымъ думать такъ потому, что Дубовская молва, говоря о нелѣпой сценѣ, устроенной Богатенковыми и Василіемъ Киселевымъ, его женою и братомъ Давидомъ, разсказывала, что при этой сценѣ, кончившейся арестованіемъ всѣхъ, участвовавшихъ въ ней, у Богатенкова были отобраны очень большія деньги,—больше двадцати тысячъ рублей, а относительно Василія Киселева съ женою и братомъ молва выражалась только такъ: „и у нихъ тоже были отобраны деньги, какія были у нихъ“: такой небрежный способъ выраженія о количествѣ находившихся при Киселевыхъ денегъ показываетъ, по моему мнѣнію, что Дубовская молва полагала эти отобранныя у нихъ деньги незначительною суммою.

Впрочемъ, очень возможно объяснять незаботливость Дубовской молвы объ оп-

редѣлительности выраженія относительно количества денегъ, отобранныхъ у Василія Киселева съ его женою и его братомъ Давидомъ, просто только невнимательностью Дубовки къ этимъ сподвижникамъ Богатенковыхъ; такъ что, быть можетъ, мой выводъ о незначительности отобранной у нихъ суммы, основанный лишь на незаинтересованности Дубовской молвы этими деньгами, ошибоченъ.

Дубовка очень мало интересовалась переселеніемъ Василія Киселева съ женою, дѣтьми и братомъ въ землянку и дальнѣйшими дѣлами и судьбами ихъ. Дубовка считала ихъ не болѣе, какъ подражателями Богатенковыхъ, и они были заслонены Богатенковыми отъ ея вниманія.

Потому, моимъ друзьямъ не случилось слышать ничего опредѣленнаго о характерахъ Василія Киселева, его жены и его младшаго брата. А сами они, такъ мало видывали ихъ, что даже не умѣли ничего отвѣчать на мой вопросъ: много ли моложе Богатенковыхъ были Василій Киселевъ и его жена: — „можетъ быть моложе, а можетъ быть, и не моложе“, говорили они мнѣ. Я сказалъ моимъ друзьямъ что думаю: были моложе, и много моложе; потому что дѣти Василія и Анны Киселевыхъ были, конечно, много моложе, чѣмъ дѣти Богатенковыхъ: это я вижу потому, что ни объ одномъ изъ дѣтей Василія и Анны Киселевыхъ не попадалось мнѣ упоминанія, какъ о взросломъ ребенкѣ, а о младшемъ малюткѣ ихъ попадалось упоминовеніе, что эта дѣвочка при началѣ процесса была новорожденнымъ младенцемъ; притомъ же: третій изъ трехъ братьевъ Киселевыхъ, Давидъ, былъ при началѣ процесса юношей: разница лѣтъ между вторымъ и третьимъ братомъ не могла жъ составлять, напримѣръ, лѣтъ двадцать; а если она была, какъ это вѣроятно, много меньше двадцати лѣтъ, то второй братъ, Василій, былъ много моложе Богатенкова, которому при началѣ процесса, было вѣроятно лѣтъ сорокъ пять, или и вовсе подъ пятьдесятъ, если судить по годамъ его жены. — Мои друзья принялись разсчитывать; съумѣли досчитаться, что я разсчитываю годы Богатенковой правильно; припомнили, что у Давида Киселева еще не было, кажется имъ, усовъ и бороды, когда они видывали его на улицахъ, незадолго до той масляницы; предположили поэтому, что Давиду Киселеву было при началѣ процесса, лѣтъ девятнадцать; подтвердили мое соображеніе, что старшія дѣти Василія и Анны Киселевыхъ были много моложе, чѣмъ старшія дѣти Богатенковыхъ; заключили изо всего этого, что, должно быть Василій и Анна Киселевы, дѣйствительно, были, какъ я предполагаю, моложе Богатенковыхъ; но кончили тѣмъ, что все таки не съумѣли разобрать, много или немного моложе Акима Богатенкова былъ Василій Киселевъ, моложе Прасковьи Богатенковой была Анна Киселева. Дѣло извѣстное, что простолюдины очень неискусны угадывать лѣта людей, вышедшихъ изъ юности и еще не достигшихъ дряхлости. Двадцати пятилѣтняя женщина очень можетъ казаться на ихъ глаза хоть даже пятидесятилѣтнею и наоборотъ. 50-лѣтнюю могутъ легко принимать они за двадцати пятилѣтнюю, лѣта мужчины, какъ только обростетъ онъ бородою, разглядывать имъ еще мудренѣе.

А Киселевыхъ мои друзья видывали очень, очень мало: почти только мимоходомъ, на улицахъ, и подобно всей Дубовкѣ очень мало интересовались ими.

И кромѣ того, что я ужъ говорилъ, моимъ друзьямъ случилось слышать о Киселеныхъ лишь очень немногое.

По своимъ промышленнымъ занятіямъ, Киселевы, подобно Богатенкову, были

кожевенные заводчики. Послѣ, имѣли они заводъ для выдѣлки того сорта столовой горчицы, который употребителенъ въ Россіи подъ названіемъ Сарептской горчицы.

Я говорилъ, что Дубовка очень мало интересовалась участіемъ Василія Киселева съ женою и братомъ Давидомъ въ душеспасительномъ подвигѣ Богатенковыхъ. Только однажды, при самомъ началѣ своего подражанія Богатенкову, Василій Киселевъ привлекъ къ себѣ изумленное вниманіе. Случай этотъ былъ такой.

Вскорѣ послѣ того, какъ Василій Киселевъ покончилъ срокъ своей службы въ той должности, на которую былъ выбранъ обществомъ, пришелъ къ нему, жившему еще въ своемъ домѣ, какъ живутъ всѣ, и еще казавшемуся Дубовкѣ совершенно обыкновеннымъ неглупымъ человѣкомъ, какъ всѣ на свѣтѣ обыкновенные неглупые люди, кто-то изъ самыхъ мелкихъ служащихъ того учрежденія, въ которомъ онъ за нѣсколько времени служилъ выборнымъ; это былъ или сторожъ, или разсыльный, или кто иной, подобный тому, вовсе маленькій, сравнительно съ зажиточнымъ промышленникомъ, человѣкъ. Зашелъ онъ къ Василію Киселеву или по какому нибудь своему дѣлу до него, или просто за тѣмъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, и услышать дорогое для маленькаго человѣка привѣтливое слово отъ человѣка важнаго. И какъ слѣдуетъ маленькому человѣку, началъ свой разговоръ съ Василіемъ Киселевымъ обыкновеннымъ у простолюдиновъ способомъ начинать почтительные разговоры, именно словами:—„Батюшка Василій Парѳенычъ“... На этихъ словахъ и остановилъ Василій Парѳенычъ рѣчь своего посѣтителя, спокойно, кротко и солидно возразивъ:—„Я не Василій, и не Парѳенычъ“.—Посѣтитель вытаращилъ глаза: Киселевъ, очевидно, не пьянъ и судя по спокойному выраженію глазъ, находится, слава Богу, какъ всегда былъ до сихъ поръ, въ здравомъ умѣ; что жъ это такое сказалъ онъ? — Посѣтитель постоялъ съ разинутымъ ртомъ, съ вытаращенными на Киселева глазами; оправившись отъ удивительной реплики проговорилъ:—„Батюшка Василій Парѳенычъ, кто же вы, какъ не Василій Парѳенычъ Киселевъ?“—Киселевъ съ прежнею спокойною солидностью отвѣчалъ:—„Не знаю“.—Посѣтитель сказалъ: „Батюшка, Василій Парѳенычъ, какъ же вы не знаете, кто вы; вы—Василій Парѳенычъ Киселевъ“. Киселевъ съ прежнимъ спокойствіемъ повторилъ:—„Нѣтъ, я не Василій, и не Парѳенычъ, и не Киселевъ, а кто я, не знаю“. Посѣтитель постоялъ, посмотрѣлъ на него, покачалъ головою и ушелъ. Съ кѣмъ встрѣчался изъ знакомыхъ, пересказывалъ удивительный случай. Пересказы быстро разошлись по Дубовкѣ. Дубовка дивилась, хохотала, повторяла курьезный разсказъ и снова хохотала. (Изъ того, что я буду говорить послѣ, будетъ видно, какой смыслъ придавалъ Василій Киселевъ своимъ нелѣпымъ отвѣтамъ.—„Я не Василій, и не Парѳенычъ, и не Киселевъ“,—это значило: „употреблять имя, отчество, фамилію во второмъ лицѣ — не годится: употреблять эти слова можно только, когда мы говоримъ объ отсутствующихъ, а когда мы говоримъ съ кѣмъ нибудь, мы должны говорить ему просто „ты“. „вы“, „другъ“, а имя и фамилія его тутъ вовсе лишнія слова.

Кажется, собственно по этому случаю, Дубовка припомнила и поняла, что Богатенковъ ужъ давно не отвѣчаетъ на привѣтствіе ему по его имени и отчеству; случаи съ Богатенковымъ выходили, должно быть, менѣе рельефны: къ нему обращались съ этими привѣтственными названіями по имени и отчеству при встрѣчахъ съ нимъ на улицахъ, и то, что онъ не принимаетъ привѣтствій ему по имени и

отчеству, ступевывалось. вѣроятно, предположеніемъ, что онъ вообще не хочетъ вступать въ разговоръ, что должно быть, собственно лишь по нежеланію вступать въ разговоръ проходитъ мимо, не принимая привѣтствія, будто не слышитъ. Кажется, только случай съ Василіемъ Киселевымъ, не допускавшій такого истолкованія, заставилъ Дубовку припомнить, что и отъ Богатенкова иной разъ приходилось инымъ услышать, „что онъ не знаетъ, кто онъ". (Я не знаю, кто я, это значитъ: „я не знаю, кто я по твоему мнѣнію; я не знаю, считаешь ли ты меня хорошимъ человѣкомъ или дурнымъ; да и самъ я не знаю, хорошій ли я человѣкъ, или нѣтъ: рѣшать это не мнѣ самому").

Бакъ бы то ни было, теперь ли только припомнила Дубовка, что и отъ Богатенкова иной разъ приходилось инымъ слышать реплики, подобныя тѣмъ, какія услышалъ отъ Василія Киселева его посѣтитель, или и прежде эти реплики Богатенкова были замѣчаемы Дубовкою, но для нея стало теперь ясно, что Василій Киселевъ сдѣлался послѣдователемъ Богатенкова.—И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того онъ съ женою и младшимъ братомъ перешелъ жить въ землянку, устроенную подлѣ землянки Богатенковыхъ.

Богатенковы прожили въ землянкѣ больше двухъ лѣтъ; и со времени переселенія Василія Киселева съ женою, дѣтьми и братомъ Давидомъ въ другую землянку, рядомъ съ тою, прошло нѣсколько мѣсяцевъ—отъ осени до масляницы. Киселевыми, какъ простыми подражателями Богатенковыхъ, Дубовка мало занималась. Молва шла почти только о Богатенковыхъ.

Попривыкла бы Дубовка къ душеспасительнымъ чудачествамъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ, надоѣло-бъ ей толковать о нихъ и улеглась бы молва. Мало ли бываетъ въ огромномъ селѣ чудаковъ, подающихъ поводъ къ порицанію и смѣху? Нашлись бы для Дубовки, — для посада, по названію, для глухой деревни, по характеру быта,—новые предметы разговоровъ; бросила-бъ она толковать о Богатенковыхъ и, забытые всѣми, жили-бъ они съ единственными своими подражателями, Василіемъ и Анною и Давидомъ Киселевыми, пока наскучило-бъ имъ чудачествовать. Но, прежде чѣмъ молва улеглась, умудрились они, въ своихъ заботахъ о душевномъ спасеніи, устроить дурацкую сцену, погубившую ихъ.

Въ одинъ изъ дней масляницы 1866 года, Богатенковы и Киселевы вышли изъ своихъ землянокъ, вывели съ собою и дѣтей, большихъ и маленькихъ; младшее дитя Анны и Василія Киселевыхъ еще не могло идти само: оно было новорожденнымъ младенцемъ; но и ему нельзя жь было не участвовать въ душеспасительномъ подвигѣ; потому мать, сама еще едва волочившая ноги послѣ очень недавнихъ родинъ, несла малютку на рукахъ. Вышли изъ землянокъ мудрые родители съ своими дѣтьми и сформировали изъ себя съ ними и съ юношею, братомъ одного изъ двухъ мудрыхъ отцовъ семействъ, группу, торжественнымъ величіемъ своимъ какъ нельзя лучше соотвѣтствовавшую разумности предстоявшаго ей душеспасительнаго дѣла

Богатенковы и Киселевы заботились о своемъ душевномъ спасеніи. А люди, заботящіеся о немъ, кто они по церковнымъ пѣснопѣніямъ? — они — рать Христова, воины Христовы. А воины должны жь быть, какъ слѣдуетъ воинамъ, вооружены. Если воины не вооружены, то что жь они за воины? Никакъ нельзя признавать воиновъ воинами, если они не вооружены.

Соображенія чрезвычайно основательныя.

И подумать только, что людямъ, дѣлавшимъ такія соображенія, были предлагаемы вопросы политическаго характера. Почему жь бы, кстати, не подвергнуть ихъ экзамену изъ астрономіи или санскритскаго языка? Результаты были бы не менѣе замѣчательны.

Но воины Христовы, хоть и несомнѣнно должны являться въ торжественныхъ случаяхъ вооруженными, что они, однако жь, такое?—Они послѣдователи Христа, о которомъ сказано въ писаніи: „Яко нѣмъ, не отверзая устъ своихъ, и яко агнецъ противу стригущему его безгласенъ“. Само собою разумѣется, воины Христовы должны не отверзать устъ своихъ, оставаться, при совершеніи своего душеспасительнаго дѣла, какъ нѣмые, безгласными. Они не упустили этого изъ виду, и самымъ похвальнымъ образомъ соблюли это при своемъ подвигѣ. Но первою надобностью имъ было вооружиться. Они и вооружились.

Конечно, съ такою находчивостью въ изготовленіи недостававшаго для большинства ратниковъ и ратницъ ихъ войска оружія, какой не могло бы быть у людей, менѣе премудрыхъ.

Недостатокъ въ оружіи былъ у нихъ очень великъ. Ихъ было, считая съ новорожденнымъ младенцемъ, пятнадцать человѣкъ. А всего оружія было у нихъ два ружья,—вѣроятно, охотничьи ружья,—да какая-то сабля, или, быть можетъ, двѣ сабли. И такъ, для одиннадцати или двѣнадцати воиновъ, изъ пятнадцати, готоваго оружія не было: необходимо было изготовить его. Они и изготовили; очень легко и превосходно. Взяли дощечки, и вырѣзали изъ нихъ сабельки. Для взрослыхъ и для тѣхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, на благоразуміе которыхъ, по ихъ лѣтамъ, могли положиться заботливые родители, эти деревянныя сабельки чудесно годились. Но были между дѣтьми и вовсе маленькія; они чего добраго, могли бы, какъ нибудь, повытыкать глазенки себѣ острыми кончиками деревянныхъ сабелекъ. А новорожденный младенецъ не могъ бы и удержать въ рученкѣ деревянную сабельку, сколько бы ни хлопотала держащая его на рукахъ мать сгибать ему пальчики, чтобы не выпало изъ нихъ оружіе. Потому для этого воителя или этой воительницы Христовой рати и для другихъ очень маленькихъ дѣвочекъ или мальчиковъ сабельки были вырѣзаны изъ сахарной бумаги; что можетъ быть лучше?—И совершенно легкое оружіе, по силамъ крошечныхъ дѣтей, да и глазочковъ себѣ они этими сабельками не выткнутъ.

Словомъ: такъ умно, что по справедливости надо сказать, такихъ чучелъ, какъ почтенные люди, двинувшіеся съ большими и маленькими своими дѣтьми въ этомъ вооруженіи торжественнымъ шествіемъ по улицамъ Дубовки, Дубовка, вѣроятно, не видывала, кромѣ какъ въ масляничныхъ балаганахъ, гдѣ арлекины пляшутъ кругомъ глотающихъ зажженную паклю паясовъ.

Группа воителей и воительницъ рати Христовой сформировалась на дворѣ у своихъ землянокъ въ стройный порядокъ для торжественнаго шествія; кто-то изъ мужчинъ,—кажется, Давидъ Киселевъ, —подалъ, какъ слѣдуетъ въ ратныхъ походахъ, военный сигналъ началу походнаго движенія, выстрѣливъ, конечно, холостымъ зарядомъ, на воздухъ изъ ружья, и торжественная процессія двинулась со двора въ церемоніальное шествіе по улицамъ Дубовки.

Акимъ Богатенковъ,—вѣроятно, и его жена,—Василій Киселевъ,—быть можетъ и его жена, хоть едва волочила ноги и кромѣ того держала на рукахъ своего новорожденнаго младенца,—быть можетъ и Давидъ Киселевъ,—вѣроятно

и старшій изъ дѣтей Акима и Прасковьи Богатенковыхъ,—несли узлы и узелочки, сдѣланные изъ платковъ и наполненные деньгами.—Съ этими узлами и узелками, ружьями и саблею, деревянными и бумажными сабельками, шли они, трое мужчинъ, двѣ женщины,—одна изъ женщинъ, неся младенца на рукахъ,—семь дѣвушекъ и дѣвочекъ, два маленькіе мальчика. Встрѣчавшіеся съ дурацкою процессіею, останавливались полюбоваться, стояли и хохотали. Путь шествія процессіи былъ длинный: съ одного конца Дубовки, гдѣ былъ дворъ съ землянками, откуда двинулась балаганная группа, на другой конецъ огромнаго, широко раскинувшагося посада. Шествіе двигалось медленно, по торжественности своего характера, требовавшей, разумѣется, церемонной походки, величавой осанки, да и по надобности взрослымъ и здоровымъ руководящимъ персонамъ шествія соразмѣрять свое движеніе съ маленькими, шаткими шагами слабыхъ ножекъ маленькихъ дѣтей, и съ тихою колеблющеюся походкою бѣдняжки Анны Киселевой, съ трудомъ волочившей ноги. А вдобавокъ узлы и узелки съ деньгами часто развязывались или расщеливались; деньги валились на землю; процессія останавливалась, подбирала деньги, укладывала ихъ въ узелки; снова плелась и снова останавливалась подбирать разсыпавшіяся деньги.

Встрѣчаемая и провожаемая по всей длинѣ своего пути неумолкаемымъ хохотомъ встрѣчныхъ, процессія прошла такимъ образомъ черезъ весь посадъ совершенно безпрепятственно. Одно это обстоятельство ужъ достаточно ясно показываетъ, каковъ былъ полицейскій порядокъ въ Дубовкѣ того времени, какова была заботливость дубовскихъ полицейскихъ чиновниковъ объ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей, и вообще какого рода люди были эти чиновники, каково должно было быть у нихъ знакомство ли съ законами, умственное ли развитіе, или хоть бы способность къ самой простѣйшей сообразительности. Не говоря ужъ ни о чемъ другомъ, довольно принять въ разсчетъ, это было во время масляницы, когда внимательность полицейскихъ чиновниковъ къ предохраненію улицъ отъ мошенничествъ, дракъ и всяческихъ скандаловъ вдвойнѣ нужна. И на всемъ пути черезъ весь огромный посадъ нелѣпая процессія не встрѣтила ль ни одного полицейскаго чиновника?—Или видѣли эти чиновники ее, и глядѣли, поджимая бока отъ хохота? Что они дѣлали, гдѣ они были, достойные сограждане своихъ сослуживцевъ, тогдашнихъ „гласныхъ“ Дубовскаго городскаго (посадскаго) управленія, тѣхъ гласныхъ, однимъ изъ которыхъ еще не задолго передъ тѣмъ былъ шествовавшій теперь въ процессіи Василій Киселевъ?

Гдѣ бы ни были эти мужики, одѣтые въ полицейскій мундиръ, но—если не было ихъ на улицахъ для предохраненія улицъ отъ масляничныхъ безпорядковъ, то не было ихъ и въ комнатахъ присутствія и канцеляріи, въ домѣ Дубовскаго полицейскаго управленія. Процессія имѣла цѣлью своего шествія этотъ домъ.

Озабоченные до ослабленія своего здраваго смысла размышленіями о своемъ душевномъ спасеніи темные невѣжды придумали дурацкій способъ исполненія пришедшей въ ихъ бѣдныя головы мысли. Но сама по себѣ эта мысль была настолько благоразумна, при инстинктивно чувствуемой ими неспособности своей сохранять ясность житейской осмотрительности въ своемъ обращеніи съ деньгами, что они заслуживали за свое намѣреніе полнаго одобренія отъ всякаго здравомыслящаго человѣка. Въ чемъ состояло намѣреніе, съ которымъ шли они по улицамъ Дубовки, было бы съ одного взгляда на ихъ процессію видно всякому, хорошо зна-

комому съ „житіями святыхъ“: въ Четь-Минеяхъ много такихъ сценъ, какъ эта процессія. Эти узлы и узелки съ деньгами зачѣмъ были въ рукахъ у этихъ людей?—Всякому, хорошо начитанному въ Четь-Минеяхъ, это должно было быть понятно съ перваго взгляда на процессію, какъ мнѣ, усердно читавшему когда-то Четь-Минеи, съ перваго слова моихъ друзей объ этой процессіи вооруженныхъ набожныхъ людей, несущихъ узлы съ деньгами, было ясно все: и то, почему были они вооружены, и съ какимъ намѣреніемъ пошли они съ своего двора.

Акимъ Богатенковъ, Василій и Давидъ Киселевы перестали заниматься промышленными дѣлами, этою суетою земною, отвлекающею мысли отъ дѣлъ спасенія душевнаго. Они и ихъ семейные вели такой образъ жизни, что расходы ихъ на свое содержаніе были очень невелики (сравнительно съ ихъ денежными средствами; изъ того, что буду говорить я объ ихъ образѣ жизни въ землянкахъ, будетъ видно, что Дубовка ошибалась въ своей молвѣ объ этомъ образѣ жизни, какъ объ исполненномъ тяжкихъ лишеній; но дѣйствительно, расходы ихъ на свое содержаніе, при тогдашней дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ въ Дубовкѣ, должны были быть незначительны по сравненію съ ихъ денежными средствами). И такъ, имѣть при себѣ много денегъ имъ не было надобности. А у Богатенковыхъ все состояніе было обращено въ деньги и всѣ эти деньги были при нихъ. И это была сумма денегъ, еще оставшаяся очень значительною. Долго ли уцѣлѣетъ у нихъ хоть сколько нибудь изъ нея, если она будетъ оставаться у нихъ подъ руками?—Надобно припомнить: они щедро помогали бѣднымъ. Конечно, порядкомъ-таки поубавилось въ эти два слишкомъ года, прожитые ими въ землянкахъ, количество денегъ, какія были выручены Богатенковымъ при ликвидаціи его промышленныхъ дѣлъ. А у нихъ было шесть человѣкъ дѣтей; и вотъ они вздумали обезпечить будущность своихъ дѣтей противъ своей неудержимой щедрости къ бѣднымъ. Единственнымъ способомъ достигнуть этого они—очень разсудительно—нашли отдачу лишнихъ для нихъ въ настоящее время денегъ въ какую нибудь кассу для храненія. Куда жь было отдать имъ эти деньги?—Въ прежнія времена, всеобщимъ совершеннымъ довѣріемъ пользовались такъ называемые „ломбарды“. Теперь ломбардовъ ужь не было. О томъ, что такое Государственный Банкъ, масса еще не имѣла въ 1866 году отчетливыхъ свѣдѣній. Частные банки не представлялись простымъ людямъ учрежденіями вполнѣ благонадежными. Оставалось для Богатенковыхъ одно безусловно вѣрное мѣсто сохраненія денегъ—„казна“, какъ выражаются простые люди о денежныхъ сундукахъ всякихъ вообще правительственныхъ вѣдомствъ. Представительницею „казны“ была въ Дубовкѣ касса полицейскаго управленія. И Богатенковы рѣшили отнести свои деньги въ полицію, чтобы „казна“ сберегла эти деньги, которыми обезпечивалась будущность ихъ дѣтей. Безспорно, мысль, заслуживающая полнѣйшаго одобренія.

У Василія Киселева тоже были какія-то лишнія для него въ настоящемъ деньги. Большія или маленькія, не знаю. И полагаю, деньги довольно незначительныя сравнительно съ деньгами Богатенкова. Но большія-ль, или небольшія, у него были какія-то деньги, излишнія для него въ настоящемъ; и, вѣроятно, тоже быстро уходившія изъ рукъ его и его жены на пособіе бѣднымъ. Дубовка мало интересовалась Киселевыми и моимъ друзьямъ не случилось слышать, щедры ли были къ бѣднымъ Киселевы, когда жили въ землянкѣ. Но Киселевы были подражатели Богатенковыхъ во всѣхъ подробностяхъ заботъ о душевномъ спа-

сеніи. Я полагаю, подражали имъ и въ щедрости къ бѣднымъ. А тоже имѣли дѣтей. И тоже захотѣли отдать лишнія свои деньги въ казну—въ полицію,—для сохраненія на пользу своихъ дѣтей.

Такова была сущность дѣла. Найди Богатенковы и Киселевы въ полиціи людей, хорошо способныхъ къ исполненію своихъ должностныхъ обязанностей, никакого процесса не возникло бы. Полицейское начальство растолковало бы невѣждамъ, что для исполненія своей хорошей мысли они выбрали способъ, несообразный съ постановленіями о порядкѣ и благочиніи на улицахъ; что ходить по Дубовкѣ съ оружіемъ не годится; пожурило бы невѣждъ за это, подвергло бъ ихъ за ихъ дурацкую процессію какому нибудь взысканію, сообразному съ опредѣленіями взысканій за нарушеніе благочинія на улицахъ, по точному смыслу соотвѣтствующихъ статей закона. Я не знаю этихъ постановленій тогдашняго закона съ точностью. Но полагаю, что онъ опредѣлялъ наказывать за подобныя нарушенія уличнаго благочинія какими нибудь денежными штрафами и какими нибудь кратковременными арестами при полицейскомъ арестантскомъ помѣщеніи. Женщины съ дѣтьми были бы отведены полицейскими служителями назадъ въ ихъ землянки, я полагаю, а мужчинъ слѣдовало бы, я полагаю, продержать нѣсколько дней или недѣль подъ арестомъ, и послѣ того тоже отвести назадъ въ ихъ землянки.

Такъ, я полагаю, поступило бы съ ними Дубовское полицейское начальство, если бы было привычно хорошо исполнять свои служебныя обязанности. Но оно, какъ по всему видно, не имѣло ни привычки, ни даже способности къ тому, чтобы заботливо и сообразительно исполнять ихъ.

Во время масляничнаго разгула, улицы Дубовки оставались безо всякаго полицейскаго надзора. И поэтому, дурацкая процессія безпрепятственно прошла черезъ весь огромный посадъ, изъ конца въ конецъ, отъ двора Богатенковыхъ до Полицейскаго Дома. Въ помѣщеніи Полиціи, всѣ двери стояли на-стежь въ комнатахъ канцеляріи. Процессія вошла въ канцелярію полиціи, не останавливаемая никѣмъ; добрела до какой-то комнаты, въ которой нашла наконецъ полицейскихъ, которыхъ искала: она пришла отдать деньги на храненіе; отдать деньги кому?—Какому нибудь полицейскому чиновнику, конечно. Но ни одного чиновника въ помѣщеніи полиціи не было. Чиновники — гдѣ они были?—Это неизвѣстно; я полагаю: они веселились гдѣ нибудь у какихъ нибудь своихъ согражданъ, въ компаніи другихъ согражданъ, какъ слѣдуетъ веселиться на масляницѣ людямъ, ничѣмъ не отличающимся отъ своихъ согражданъ. Такъ ли, или нѣтъ, но въ помѣщеніи Полицейскаго управленія не оказалось никого изъ полицейскихъ чиновниковъ; сидѣли тутъ лишь кое кто изъ полицейскихъ служителей.

Вошедши въ комнату, гдѣ были они, процессія остановилась. Тѣ двое мужчинъ, у которыхъ были ружья, опустили свои ружья прикладами на полъ, — я не знаю терминологіи ружейныхъ пріемовъ; но кажется, это называется: поставить ружье къ ногѣ; остальныя лица процессіи опустили къ полу свою саблю, свои деревянныя и бумажныя сабельки. Вмѣсто того, чтобы пригласить эту балаганную рать выйти, сложить свои шутовскіе военные уборы, и тогда вернуться въ комнату, полицейскіе служители, какъ взглянули на входящую группу, вскочили съ криками смертельнаго ужаса и стремглавъ убѣжали. Выбѣжавши изъ полицейскаго дома, и замѣтивъ, что никто не гонится за ними убивать ихъ, они

принялись разъискивать своихъ начальниковъ и товарищей. Разъискали. Предводимая начальствомъ толпа полицейскихъ служителей ринулись на штурмъ противъ завоевавшаго Полицейскій домъ непріятельскаго войска. Вбѣжали эти храбрецы въ комнату, гдѣ стало непріятельское войско. Оно стояло неподвижно, какъ остановилось тогда, вошедши. Видя неподвижность непріятеля, храбрецы окончательно расхрабрились: мгновенно, непріятельское войско было осыпано градомъ ругательствъ; чиновники командовали: „бери ихъ, обыскивай, вяжи“.—Богатенковы и Киселевы оставались стоять, какъ стояли, неподвижно, молча. У нихъ отобрали ихъ желѣзное, деревянное и бумажное вооруженіе, обыскали ихъ;— они стояли, не двигаясь, оружіе брали у нихъ изъ рукъ такъ, какъ вынимали бъ его изъ какихъ нибудь рагулекъ кустарника: руки державшія эти ружья, деревянныя и бумажныя сабельки, какъ руки статуй, ни отдавали, ни задерживали его. Обезоруживши грозное непріятельское войско, побѣдители объискали побѣжденныхъ. Богатенковы и Киселевы и при этомъ оставались молчаливы, неподвижны: не дѣлали ничего, чтобы облегчить ли, затруднить ли процедуру обыска. Обыскавъ ихъ, побѣдители связали ихъ,—я надѣюсь: только взрослыхъ; надѣюсь, у храбрыхъ побѣдителей достало все таки смысла на то, чтобы не вязать маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ.— связали, отвели въ арестантскую, заперли, и пошли по Дубовкѣ восхвалять свою храбрость.

Все то, что я разсказываю о подвигѣ храбрости этихъ мужественныхъ людей, знала вся Дубовка по ихъ же собственнымъ разсказамъ.

Такъ ли описали храбрые побѣдители свою побѣду въ протоколѣ, или протоколахъ, или какихъ другихъ бумагахъ, какъ разсказывали о ней своимъ согражданамъ, я не знаю.

Били ль они людей, стоявшихъ молча, и не дѣлавшихъ ни малѣйшаго движенія, я не знаю; въ ихъ разсказахъ пріятелямъ и пріятельницамъ ничего не было о томъ, что они били Богатенковыхъ и Киселевыхъ. Я надѣюсь, что это умолчаніе не было скрываніемъ фактовъ, надѣюсь, что Богатенковы и Киселевы не были подвергаемы при обыскѣ, связываніи и препровожденіи въ арестанскую побоямъ.

При обыскѣ, были найдены у Богатенковыхъ и Киселевыхъ деньги. По разсказамъ распоряжавшихся обыскомъ полицейскихъ чиновниковъ ихъ Дубовскимъ согражданамъ, у Богатенковыхъ было найдено больше двадцати тысячъ рублей. Я полагаю, что когда эти чиновники говорили своимъ пріятелямъ о такой суммѣ, то разумѣется, изъ нея не пропало ничего, она была записана въ протоколъ, и сохранена вся въ цѣлости. Были отобраны, какъ я ужь говорилъ, какія-то деньги и у Киселевыхъ; но о томъ, велика или мала была сумма денегъ, находившаяся при Киселевыхъ, мои друзья, какъ я ужь говорилъ, ничего опредѣленнаго не умѣютъ припомнить.

И такъ, были арестованы всѣ лица, составлявшія процессію, которая пришла изъ земляноkъ въ комнаты Полицейскаго управленія; это были, какъ я ужь перечислялъ, пятнадцать человѣкъ, именно:

Акимъ и Прасковья Богатенковы съ ихъ дѣтьми, которыхъ они имѣли шесть человѣкъ:

Василій и Анна Киселевы съ ихъ дѣтьми, которыхъ было четыре человѣка, и младшій братъ Василія, Давидъ Киселевъ.

Были ли подвергаемы взрослые люди между ними какому нибудь допросу при

гвалтѣ, съ какимъ накинулись на нихъ храбрецы, отбирать отъ нихъ оружіе, обыскивать и вязать ихъ или весь гвалтъ храбрецовъ состоялъ только изъ ругательствъ, не могли по разсказамъ храбрыхъ побѣдителей разобрать ихъ пріятели, да вѣроятно и не интересовались этимъ вопросомъ.

Но при самомъ ли арестованіи, или черезъ нѣсколько времени, арестованные—я надѣюсь, только взрослые между ними мужчины и женщины и тѣ изъ дѣтей, которыя не были маленькими дѣвочками и мальчиками, а были ужь подросшими дѣвушками,—были безъ сомнѣнія подвергнуты какому нибудь допросу арестовавшими ихъ полицейскими чиновниками. Такъ я полагаю.

И начался процессъ. То, что я имѣю сказать о немъ, я изложу, когда буду говорить о возникшемъ изъ него другомъ процессѣ, въ числѣ подсудимыхъ по которому находились мои друзья Ѳома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева. А теперь сдѣлаю лишь одну общую замѣтку о томъ, какъ я смотрю на процессъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ.

Я разсматриваю вопросъ о возбужденіи процессовъ политическаго характера противъ людей, по своей необразованности чуждыхъ всякимъ политическимъ понятіемъ, съ той точки зрѣнія, съ какой смотрятъ на него всѣ государственные люди,—съ точки зрѣнія интересовъ общественнаго спокойствія.

Русскіе простолюдины не имѣютъ ни политическихъ понятій, ни политическихъ желаній. И государственный человѣкъ не можетъ одобрять возбужденія такихъ процессовъ, которыми совершенно безъ всякой надобности волновались бы умы этихъ простодушныхъ людей черезъ внесеніе въ ихъ мысли пустаго фантома, будто бы между ними есть люди съ политическими тенденціями.

Я убѣжденъ, что когда написанныя Дубовскими невѣждами бумаги, которыми начался процессъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ, дошли до свѣдѣнія должностныхъ лицъ губернской администраціи той губерніи, всѣ эти просвѣщенные администраторы негодовали на невѣждъ, сдѣлавшихъ напрасные допросы политическаго характера людямъ, не имѣющимъ никакихъ политическихъ понятій, глубоко скорбѣли о томъ, что возникли эти бумаги, возникать которымъ вовсе не слѣдовало. Но—онѣ возникли. Уничтожить ихъ или игнорировать ихъ губернская администрація не имѣла права. Она обязана была дать имъ законное движеніе.

Тоже самое думаю я и о лицахъ судебнаго вѣдомства, въ руки которыхъ были переданы эти бумаги. Я убѣжденъ, они находили, что процессу Богатенковыхъ и Киселевыхъ не слѣдовало бы возникать. Но онъ возникъ; и они обязаны были вести его.

Мнѣ остается сказать, что я знаю отъ моихъ друзей о судьбѣ Богатенковыхъ и Киселевыхъ.

Процессъ длился года три. Кончился, должно быть, въ 1869 году.

Изъ пятнадцати человѣкъ, содержавшихся подъ стражею, умерла во время процесса старшая дочь Богатенковыхъ, Авдотья, какъ я ужь говорилъ.

Богатенковы содержались подъ стражею нѣсколько времени въ Дубовкѣ; послѣ были отвезены въ Саратовъ. Киселевы были отвезены въ Камышинъ. Когда дѣло было рѣшено, то для выслушанія приговора привезли и ихъ въ Саратовъ.

Судъ надъ Богатенковыми и Киселевыми производился еще по старой формѣ, не по новому уставу. Новыя судебныя учрежденія, должно быть, еще не были вве-

дены въ Саратовской губерніи въ 1866 году, когда начался процессъ?—Я не знаю этого, но должно быть такъ.

Всѣ подсудимые,—которыми, какъ я ужь говорилъ, считались, вѣроятно, только пять самостоятельныхъ людей изъ числа четырнадцати, оставшихся въ живыхъ при концѣ процесса, то есть: Акимъ и Прасковья Богатенковы, Василій и Анна Киселевы, и Давидъ Киселевъ,—были приговорены судомъ, — то есть, должно быть Саратовскою Уголовною Палатою,—къ поселенію въ Закавказскомъ краѣ.

Когда Акимъ и Прасковья Богатенковы, окруженные своими оставшимися тогда въ живыхъ изъ шести пятью дѣтьми, выходили изъ Саратовскаго тюремнаго замка, чтобы быть отправленными на мѣсто поселенія,—куда я предполагаю дѣти ихъ отправлялись съ ними не какъ приговоренные къ наказанію, а только по желанію родителей,—подошли къ выходившей изъ тюремнаго замка группѣ какіе-то должностные люди,—вѣроятно, я полагаю, какой нибудь полицейскій чиновникъ съ полицейскими служителями,—взяли изъ пятерыхъ дѣтей двухъ, именно: четвертое по старшинству лѣтъ дитя (или теперь, по смерти старшей сестры, третье изъ оставшихся въ живыхъ). дѣвочку Ульяну, и пятое (или, теперь, изъ пяти живыхъ, четвертое) дитя, мальчика Поликарпа,—взяли ихъ, и увели прочь. Отецъ и мать остановились въ изумленіи, но не шевельнули рукою для сопротивленія, не произнесли ни одного слова, молча стояли и смотрѣли, какъ были уводимы дѣти; когда оба ребенка были уведены, отецъ и мать съ оставшимися при нихъ тремя дѣтьми молча пошли въ свой путь.

Кѣмъ было сдѣлано распоряженіе задержать Ульяну и Поликарпа, и по какому мотиву было оно сдѣлано, моимъ друзьямъ не случилось слышать, и я не умѣю придумать никакого объясненія этому распоряженію. Сама собою являлась бы та мысль, что кто нибудь изъ свѣтскаго ли, или изъ духовнаго начальства думалъ о томъ, чтобъ изъять изъ подъ вліянія родителей тѣхъ дѣтей, о которыхъ, по ихъ лѣтамъ, можно было предполагать, что они еще не восприняли родительскихъ понятій; и что это лицо разсудило: о двухъ старшихъ дѣтяхъ, этого предполагать ужь нельзя: они не такъ малы лѣтами; а Ульяна и Поликарпъ еще могутъ считаться не проникнувшимися образомъ мыслей родителей. И дѣйствительно, объ этихъ дѣвочкѣ и мальчикѣ можно было бы сдѣлать такое предположеніе: Ульянѣ было тогда лѣтъ двѣнадцать или тринадцать, Поликарпу одиннадцать или двѣнадцать. Но если бы распоряженіе относительно ихъ было сдѣлано по такому соображенію, то еще съ большею вѣрностью это соображеніе примѣнялось бы къ шестому (или, изъ оставшихся теперь въ живыхъ, пятому) дитяти, къ дѣвочкѣ Катеринѣ. А она была оставлена при родителяхъ. Вотъ собственно поэтому и не умѣю я объяснить себѣ мотива распоряженія относительно Ульяны и Поликарпа.

Остальные двѣнадцать человѣкъ, то есть:

Акимъ и Прасковья Богатенковы съ тремя дѣтьми,

Василій и Анна Киселевы съ четырьмя дѣтьми и Давидъ Киселевъ

были препровождены въ Закавказскій край. и поселены гдѣ-то въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ.

Прасковья Богатенкова, по слухамъ, дошедшимъ до моихъ друзей, довольно скоро послѣ того умерла на новомъ мѣстѣ своего жительства.

Оставшіеся въ живыхъ одиннадцать человѣкъ жили въ Елисаветпольскомъ

уѣздѣ, пока доходили слухи о нихъ до моихъ друзей, не особенно бѣдственно, быть можетъ даже съ нѣкоторымъ, хоть небольшимъ, достаткомъ.

Слухи о нихъ доходили до моихъ друзей по письмамъ, которыя посылали они изъ Закавказья къ своимъ роднымъ въ Дубовку. Процессъ моихъ друзей шелъ на послѣдокъ въ Царицынѣ; а Дубовка очень не далеко отъ Царицына и кое-кто изъ родныхъ пріѣзжалъ иногда навѣстить моихъ друзей въ Царицынѣ.

Они слышали также, что дѣти Богатенковыхъ, удержанныя въ Саратовѣ, Ульяна и Поликарпъ, были черезъ нѣсколько времени, по просьбѣ Дубовскаго общества, пересланы изъ Саратова въ Дубовку, гдѣ общество приняло ихъ на свое попеченіе. Мои друзья слышали также, что когда эти дѣвочка и мальчикъ подрастутъ, то имъ будутъ выданы деньги, которыя были отобраны у ихъ родителей. Слышали, что въ 1872 или 1874 году часть этихъ денегъ—я предполагаю: проценты съ нихъ—была выдана Поликарпу или, быть можетъ, Ульянѣ и Поликарпу вмѣстѣ.

Процессъ, въ числѣ подсудимыхъ и осужденныхъ по которому находились мои друзья, Ѳома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева, былъ, какъ я ужь сказалъ, послѣдствіемъ процесса Богатенковыхъ и Киселевыхъ.

Перехожу къ разсказу объ отношеніяхъ, изъ которыхъ произошелъ тотъ фактъ, что процессомъ Богатенковыхъ и Киселевыхъ былъ порожденъ процессъ, кончившійся ссылкою на поселеніе въ Сибирь шести человѣкъ, къ числу которыхъ принадлежатъ мои друзья.

У Прасковьи, ставшей по замужеству Богатенковою, была сверстница, подруга дѣтства, Дарья, ставшая по замужеству Ворониною. Дарья и Прасковья росли и выросли вмѣстѣ: постоянно вмѣстѣ играли, когда были маленькими дѣвочками, и подрастая, оставались постоянно неразлучны. Когда Прасковья, достигнувъ лѣтъ двѣнадцати, четырнадцати, увлекалась мечтами о душевномъ спасеніи, о поступленіи въ монахини, эти ея мысли и чувства были у нея общія съ ея любимою подругою: Дарья была проникнута тѣми же мечтами. Обѣ неразлучныя подруги хотѣли и въ монастырь идти непремѣнно вмѣстѣ.

Сформировавшись физически, сверстницы забыли думать о монашествѣ, стали веселиться, какъ всѣ другія дѣвушки; но и въ хороводахъ и всякихъ дѣвическихъ забавахъ оставались неразлучны.

Вышли замужъ, остались дружны по-прежнему.

Мужъ Дарьи, Воронинъ, былъ судопромышленникъ; дѣла его шли хорошо, но нажить богатство ему не привелось: до самаго конца его торговой дѣятельности, его состояніе не превосходило нѣсколькихъ тысячъ рублей; много, если тысячъ десять было у него.—А мужъ Прасковьи разбогатѣлъ. Двѣ семьи, по разности своихъ состояній, стали принадлежать къ разнымъ кругамъ Дубовскаго общества. Но и это не уменьшило дружбу между богатою купчихою и женою маленькаго торговаго человѣка. Прасковья Богатенкова продолжала любить Дарью Воронину, какъ привыкла съ дѣтства.

У Ворониныхъ подросталъ сынъ (единственное ихъ дитя). Онъ былъ почти сверстникъ старшей дочери Богатенковыхъ, Авдотьѣ. Прасковья Богатенкова стала говорить своей подругѣ, что непремѣнно хочетъ отдать эту свою дочь за ея

сына. При разницѣ состояній двухъ семействъ такая женитьба не могла не казаться Ворониной очень выгоднымъ устройствомъ судьбы ея сына: женившись на дочери Богатенковыхъ, онъ вошелъ бы въ классъ торговыхъ людей, гораздо болѣе высокій, чѣмъ его отцовскій кругъ.—Акимъ Богатенковъ продалъ свое кожевенное заведеніе, пересталъ заниматься торговыми дѣлами; Богатенковы перестали видѣться съ прежними своими богатыми друзьями. Все это очень не нравилось Ворониной и значительно уменьшало выгодность женитьбы на Авдотьѣ Богатенковой для сына Ворониной. Но все-таки эта женитьба оставалась очень выгодною для него. Прерванныя богатыя знакомства не было бы трудно возобновить, лишь бы захотѣли того Богатенковы. А они были заботливые, превосходные отецъ и мать: ихъ забота о ихъ собственномъ душевномъ спасеніи нисколько не измѣнила ихъ нѣжной заботливости о дѣтяхъ. Стали не нужны имъ самимъ дружескія связи съ богачами; но понадобится возстановить эти связи для пользы зятя, то они не обременятся возстановить ихъ. Такъ думала Воронина. И, я полагаю, не могла, при своемъ совершенно близкомъ знаніи характеровъ Акима и Прасковьи Богатенковыхъ, ошибаться въ этомъ разсчетѣ. Да и приданое, которое должна была получить невѣста, хоть и не могло теперь быть такъ велико, какъ было-бъ, если бы отецъ ея не прекратилъ своихъ промышленныхъ дѣлъ, все-таки должно было простираться до такой суммы, что съ женитьбою сына торговые обороты Воронина тотчасъ же удвоились бы. Когда Богатенковы пришли отдать свои деньги въ казну на сохраненіе для ихъ дѣтей, они принесли больше двадцати тысячъ; это—послѣ всѣхъ постоянно длившихся растратъ. За годъ, за полтора передъ тѣмъ количество наличныхъ денегъ у нихъ должно было составлять сумму, болѣе значительную. У нихъ было шесть человѣкъ дѣтей. Шестая доля тысячъ изъ тридцати, или изъ тридцати пяти, или и больше того,—таково было вѣроятное приданое Авдотьи: тысячъ пять, тысячъ шесть наличными деньгами. Для торговца, у котораго все состояніе простирается лишь до нѣсколькихъ тысячъ, прибавка пяти, шести тысячъ наличными деньгами къ его торговымъ средствамъ, равносильна перемѣщенію его изъ небогатыхъ торговцевъ въ классъ купцовъ, имѣющихъ довольно значительные обороты.—Не для себя самой съ мужемъ Воронина желала обогащенія—для сына; сынъ былъ одно дитя у нихъ, какъ была ей не дорожить перспективою его женитьбы на Авдотьѣ Богатенковой?

Она порицала Богатенковыхъ за перемѣну въ ихъ образѣ жизни. Но Прасковья Богатенкова оставалась по-прежнему любящею ее съ нѣжностью. Какъ же могла бы она перестать любить свою подругу?

Она была женщина совѣстливая. Предполагаемый бракъ былъ очень выгоденъ для ея сына, но ея подруга могла бы выбрать для своей старшей дочери жениха несравненно болѣе выгоднаго, чѣмъ ея сынъ. Она была такъ совѣстлива, что часто заводила съ подругою своею разговоры въ такомъ смыслѣ, какъ будто не нравится ей желаніе ея подруги. Но Богатенкова настаивала. И принуждаемая отступаться отъ своихъ возраженій противъ сватьбы, Воронина переходила къ согласію на планъ Богатенковой всегда лишь въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ, чтобы сохранять за Богатенковою легкую возможность, если передумаетъ, перестать говорить объ этой сватьбѣ.

Но Богатенкова была тверда въ своемъ намѣреніи и, наконецъ, Воронина перестала возражать противъ того, чего сама такъ сильно желала. Богатенкова

вытребовала у нея обѣщаніе, что сватьба будетъ сдѣлана, какъ только станетъ это возможнымъ по закону о лѣтахъ, раньше которыхъ не можетъ быть вѣнчаемъ женихъ. Невѣстѣ шестнадцать лѣтъ ужь исполнилось. Но жениху былъ еще только восьмнадцатый годъ; до восьмнадцати лѣтъ оставалось нѣсколько мѣсяцевъ.

И оба семейства ждали только пока исполнится жениху восьмнадцать лѣтъ. Тогда, тотчасъ же, будетъ сватьба.

Но женихъ умеръ. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до той масляницы, въ которую Богатенковы устроили свою нелѣпую процессію, то есть, это было осенью или зимою 1865 года.

Воронина и ея мужъ были, само собою разумѣется, страшно поражены смертью сына, единственнаго ихъ дитяти.

Пришла масляница 1866 года. Богатенковы устроили свою дурацкую процессію и были арестованы. Нѣсколько мѣсяцевъ—мѣсяца три, или и побольше,—они были оставляемы содержимыми подъ стражею въ самой Дубовкѣ.

Могла ли Воронина, узнавши объ ихъ арестѣ, не отправиться навѣстить ихъ?—Она порицала ихъ. Но могла ль она не навѣстить въ бѣдѣ женщину, которая такъ любила ее?

И отправилась Воронина навѣстить арестованныхъ Богатенковыхъ. Это посѣщеніе произвело на нее такое впечатлѣніе, что перевернулись ея мысли.

Извѣстно, какими находятъ арестованныхъ посѣщающіе ихъ родные или друзья: унылыми, тревожными, убитыми духомъ. То и ожидала увидѣть Воронина. И увидѣла совершенно противоположное: лица у Богатенкова и его жены спокойныя, свѣтлыя; не только Богатенкова, отъ природы расположенная говорить весело, живо, но и Богатенковъ, вообще склонный къ задумчивости, очень часто казавшійся Ворониной будто грустнымъ, поздоровались съ нею веселыми привѣтствіями. Она остолбенѣла отъ удивленія. Опомнившись, она стала печально распрашивать ихъ, какъ же это, за что же это попали они въ такую бѣду. Богатенковъ показалъ рукою на стѣну арестантской комнаты,—разумѣется во многихъ мѣстахъ загрязненную, почернѣвшую, и сказалъ, дотрогиваясь до чистаго мѣста и до почернѣвшаго: „Вотъ это бѣлое, а вотъ это черное. Ну, мы и выбрали, что намъ показалось бѣлое“. Только и сказалъ онъ въ объясненіе дѣла. Онъ и его жена не говорили больше ничего объ этомъ, стали вести съ своею посѣтительницею обыкновенный житейскій, беззаботный разговоръ: она должна была разсказывать имъ, что новаго въ Дубовкѣ, и всякія тому подобныя мелочи, о какихъ толкуютъ между собою люди, видящіеся часто, и не имѣющіе никакихъ важныхъ личныхъ дѣлъ или заботъ для предмета своего настоящаго свиданія и разговора.

Спокойные, свѣтлые, веселые встрѣтили Богатенковъ и его жена Воронину; такими оставались во время ея посѣщенія, такими остались и прощаясь съ нею.

Да что жь это такое? думалось ей: какіе жь это люди чувствуютъ себя счастливыми подъ стражею?

Отвѣтъ очень скоро нашелся въ ея мысляхъ. Онъ готовъ у всѣхъ русскихъ простолюдиновъ. Стало припоминаться ей, что слыхивала она о святыхъ мученикахъ и мученицахъ, страдавшихъ за Христа. Они бывали такіе спокойные и радостные въ темницахъ. Только они бываютъ такіе: Христосъ даетъ ихъ душѣ такую силу, внушая имъ, что ждетъ ихъ вѣчное блаженство.

Всякій русскій простолюдинъ, всякая русская простолюдинка, кому по ихъ

личнымъ привязанностямъ пришлось бы серьезно задуматься о вопросѣ, надъ которымъ пришлось задуматься Ворониной, быстро додумались бы до такого жь отвѣта. У нихъ у всѣхъ въ головахъ лежитъ онъ готовый; лежитъ съ ихъ дѣтства готовый. Только не случается вообще имъ надобности искать его въ глубинахъ своей дремлющей рефлексіи, куда онъ вообще оттѣсненъ у нихъ обыденными житейскими дѣлами, заботами, развлеченіями. А когда иныхъ иной разъ и натолкнетъ какой нибудь случай припомнить эту готовую, но остающуюся въ забвеніи мысль, она промелькнетъ въ ихъ сознаніи на мигъ и снова тонетъ въ глубину забвенія, вытѣсняемая изъ сознанія обычнымъ стремленіемъ ихъ поверхностнаго, слабаго размышленія сосредоточиваться исключительно на житейскихъ вещахъ, судить обо всемъ по всеобщей житейской рутинѣ, осуждающей, осмѣивающей все непрактичное.

Такъ осуждала и осмѣивала жизнь Богатенковыхъ въ землянкѣ вся Дубовка. Такъ порицала ихъ за эту жизнь и Воронина. Но теперь, взглянувши попристальнѣе, она не могла не увидѣть: то, что осуждала она,—дѣло святое.

Имѣй она кого нибудь, сколько нибудь образованнаго человѣка, хоть бы не болѣе образованнаго, чѣмъ какими бываютъ обыкновенные священники, или какими были прежде „бѣглые попы“, служившіе старообрядцамъ,—имѣй она кого нибудь такого, съ кѣмъ посовѣтоваться, не сдѣлалась бы она жертвою своего удивленія святости Богатенковыхъ. Но посовѣтоваться ей было не съ кѣмъ. Она и ея мужъ были старообрядцы. Не знаю, старообрядцами ль, или Православными были отмѣчаемы они въ церковныхъ книгахъ. Я ужь говорилъ, что я убѣжденъ: судебная власть не придавала тогда значенія той фикціи, по которой множество старообрядцевъ, родившихся, выросшихъ въ старообрядчествѣ и неотступно остававшихся въ немъ, были отмѣчаемы въ церковныхъ книгахъ, какъ Православные; я убѣжденъ, что ни Ворониной, никому изъ другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нею, нимало не повредила эта фикція, если кто изъ нихъ, никогда не бывшихъ Православными, значились по церковнымъ книгамъ, какъ Православные. Судъ, я убѣжденъ, былъ справедливъ. И не какія нибудь фикціи повредили имъ. Ихъ погубили факты; тотъ фактъ, что они были старообрядцы; и тотъ фактъ, что старообрядцы въ той мѣстности не имѣли тогда никого, сколько нибудь образованнаго человѣка, съ кѣмъ бы имъ посовѣтоваться о своихъ религіозныхъ влеченіяхъ.

Возвратившись отъ Богатенковыхъ, Воронина разсказала о впечатлѣніи, сдѣланномъ на нее этимъ посѣщеніемъ, Катеринѣ Чистоплюевой.

Мужья Ворониной и Чистоплюевой были двоюродные братья (Ворининъ былъ племянникъ матери Ѳомы Чистоплюева). Оба семейства были очень дружны между собою и видѣлись каждый день.

Подобно Ворониной, Катерина была дочь простолюдиновъ, жившихъ безъ нужды, но не имѣвшихъ денежныхъ запасовъ. У нея были женихи изъ зажиточныхъ, даже богатыхъ семействъ. Но она вышла за человѣка изъ такого же семейства, какъ ея родительское. Это потому, что онъ и его мать,—вдова, которая жила только въ-двоемъ съ нимъ, очень нравились матери Катерины. Мать Катерины разсчитывала, что жизнь ея дочери съ этимъ женихомъ и его матерью будетъ совершенно спокойною и очень счастливою.

Семейства жениха и невѣсты были оба старообрядческія. Но единственною

формою брака людей русской національности, имѣвшею тогда законное значеніе, было вѣнчаніе въ Православной церкви. Не вѣнчанные Православнымъ священникомъ люди русской національности не были юридически признаваемы за сожительствующихъ въ законномъ бракѣ. Изъ этого возникали для нихъ юридическія неудобства, иногда и бѣды. Мать жениха, хотъ и усердная старовѣрка, не имѣла враждебности противъ Православія. Она не хотѣла, чтобъ ея сынъ и будущая его жена могли подвергнуться юридическимъ неудобствамъ, и пожелала, чтобъ они повѣнчались у Православнаго священника. Семейство невѣсты не имѣло возраженія противъ этого. Женихъ и невѣста пошли въ Православную церковь и повѣнчались въ ней.

Я полагаю, что по этому поводу они были отмѣчены въ церковныхъ книгахъ того прихода, какъ Православные. Но они говорятъ, что въ ихъ процессѣ не было упоминанія о томъ, что они были когда нибудь записаны въ числѣ людей Православнаго исповѣданія. Быть можетъ, они ошибаются: имъ плохо понятенъ дѣловой языкъ. Но быть можетъ, и дѣйствительно въ акты процесса не попалъ фактъ, что они были записаны въ „Обыскной книгѣ“ и во второй части „Метрической книги“ той церкви, гдѣ вѣнчались, каыъ Православные. Справки о вѣроисповѣданіи брались въ тѣ времена изъ „Исповѣдныхъ книгъ“, а эти книги во многихъ приходскихъ церквахъ ведены были не аккуратно. Быть можетъ, и не была перенесена въ нихъ отмѣтка, соотвѣтственная документу „Обыскной книги“, что Ѳома и Катерина Чистоплюевы повѣнчаны въ Православной церкви.— Впрочемъ, я полагаю, что эти справки изъ церковныхъ книгъ были индефферентны для суда. Я повторяю: я убѣжденъ, что судъ былъ справедливъ, и не обращалъ вниманія на то, къ какому вѣроисповѣданію причисляемы были по церковнымъ книгамъ люди, о которыхъ было всѣмъ извѣстно, что они никогда не были Православными, слѣдовательно и не могли быть серьезнымъ образомъ винимы въ отпаденіи отъ Православія.

Надежда, по которой Катерина, руководимая совѣтами своей матери, предпочла Ѳому Чистоплюева другимъ своимъ женихамъ, вполнѣ осуществилась. Въ семействѣ состоявшемъ только изъ трехъ лицъ, — Ѳомы и Катерины, и матери Ѳомы, владычествовало, ненарушимо ни малѣйшими неудовольствіями, самое счастливое согласіе, самое нѣжное семейное чувство. Мать Ѳомы любила Катерину, какъ родную дочь. Ѳома и Катерина страстно любили другъ друга. Катерина была всею душею предана матери мужа.

И матеріальное положеніе семейства было, по размѣру надобностей простонароднаго образа жизни, превосходное.

У Чистоплюевыхъ былъ хорошенькій маленькій домикъ, въ той части Дубовки, гдѣ жили исключительно люди небогатые. Катерина была заботливая и искусная хозяйка. Доходы семейства были, для людей простонароднаго образа жизни, очень большіе. Ѳома былъ рыбакъ. Онъ арендовалъ одно изъ рыболовныхъ мѣстъ, принадлежащихъ посаду Дубовкѣ. Въ періодъ главнаго улова, продолжающійся недѣль шесть, много два мѣсяца, выручилось у Ѳомы за пойманную рыбу, по вычетѣ всѣхъ издержекъ, рублей сотъ пять въ плохой годъ; въ хорошій больше. Когда время главнаго улова рыбы кончалось, Ѳома принимался за лоцманство. И въ этомъ, онъ былъ мастеръ. За рейсъ отъ Дубовки до Астрахани платили ему рублей до шестидесяти. Онъ успѣвалъ сдѣлать два рейса въ нави-

гацію. Купцы знали его за человѣка безусловной честности, потому подвертывалось ему кстати получать и какія нибудь торговыя порученія въ Астрахань.

Такимъ образомъ, семейство рабочихъ людей, состоявшее только изъ трехъ лицъ, и жившее въ собственномъ домикѣ, имѣло въ годъ не меньше — обыкновенно, довольно много больше — шести сотъ чистаго дохода. Разумѣется, оно жило въ прекрасномъ изобиліи.—„Богаты мы не были, но жили такъ, какъ дай Богъ жить всѣмъ добрымъ людямъ“, говорятъ Чистоплюевы.

Катерина была въ дѣвушкахъ первымъ лицомъ въ хороводахъ той части Дубовки. Вышедши замужъ, осталась душою развлеченій, какія въ Дубовкѣ считались хорошими для дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Когда прошла пора первой молодости, она стала душою солидныхъ развлеченій немолодыхъ женщинъ. Гдѣ была она, тамъ было веселье. — „Усердная была я работница: но и веселиться любила; и много веселилась“, говоритъ она о себѣ. — Между прочимъ, славилась она въ той части Дубовки, какъ самая лучшая пѣвица.

Всѣ трое—она, ея мужъ, его мать—были люди, добрые къ нуждающимся, и употребляли довольно значительную долю своихъ денегъ на пособіе бѣднымъ. Все остальное проживали, потому что и мужъ и мать его рады были дѣлать все, какъ хотѣлось Катеринѣ, а у Катерины былъ такой характеръ, что не приходилось ей и имъ скупиться на хлѣбосольство. Въ знакомствахъ своихъ, они не разбирали, кто старообрядцы, кто Православные: лишь былъ бы честный человѣкъ, то и нравился имъ. — „Не копили мы денегъ, за то, жили мы въ свое удовольствіе“, говорятъ Чистоплюевы.

Мужъ и жена страстно любили другъ друга. И оба были хорошаго роста, крѣпкаго сложенія, онъ даже атлетическаго. А между тѣмъ, дѣтей у нихъ не было. На мой вопросъ: почему не было у нихъ дѣтей? — сдѣланный Чистоплюеву, когда однажды случилось мнѣ застать его одного, безъ женщинъ, онъ отвѣчалъ: „воля Божія была такая“. Онъ, его жена, его мать, всѣ ихъ родные довольствовались такимъ пониманіемъ дѣла. Всякому, хотъ немножко знакомому съ физіологіею и патологіею, извѣстно, въ чемъ состоитъ обыкновеннѣйшая причина безплодія брака, если супружеская чета — люди живущіе согласно, правильно сложенные, потому люди такіе, у которыхъ слѣдовало бы быть дѣтямъ. Я сталъ разспрашивать Чистоплюева, не было ли у его жены какого нибудь разстройства. Онъ отвѣчалъ: нѣтъ. Я объяснилъ ему, что если такая чета, какъ онъ и его жена, не имѣютъ дѣтей, обыкновенная причина тому, какая нибудь внутренняя болѣзнь жены, изъ разряда тѣхъ женскихъ болѣзней, признаками которыхъ бываютъ страданія въ родѣ аменорреи, дисменорреи или чего нибудь подобнаго. Конечно, я объяснилъ ему это словами простыми, такъ что онъ понималъ ихъ. Но онъ сказалъ мнѣ, у его жены ничего такого не было. Когда я засталъ въ другой разъ его одного, онъ сказалъ мнѣ, что онъ спрашивалъ о томъ у жены, она подтвердила ему: да онъ отвѣчалъ мнѣ правильно, ничего такого никогда не было у нея.—Черезъ нѣсколько времени, разсказывая что-то о томъ, какъ вела свое хозяйство, она случайно упомянула, что какое-то спѣшное хозяйственное дѣло пріостановилось у нея на два или на три дня, потому что она провела эти дни въ постели. Я спросилъ: часто ли случалось ей проводить въ постелѣ по два, по три дня.—Она отвѣчала: часто.— Я спросилъ: — „Чтожъ такое это бывало съ вами, Катерина Николаевна?“—Она отвѣчала:—„Ты старикъ, я старуха, то могу

сказать тебѣ прямо. Чать я женщина". — „Неужели жь каждый мѣсяцъ вы страдали?" — „Каждый мѣсяцъ". — „А я спрашивалъ объ этомъ у Ѳомы Павловича. онъ сказалъ: у васъ не было никакого разстройства и вы подтвердили ему, что онъ отвѣчалъ мнѣ правильно". — „Извѣстно, у меня и не было никакого разстройства. Иной мѣсяцъ, и въ постели не лежала". — „Но страданіе было каждый мѣсяцъ?" — „Ну, да: такъ что? Стоило объ этомъ думать. Чать я женщина; это у многихъ такъ". — „Всѣ тѣ женщины, у которыхъ это соединено съ довольно замѣтнымъ страданіемъ, больны". — Она и ея мужъ, и его тетка, всѣ трое удивились. — „Отъ этого-то и дѣтей-то у васъ не было, Катерина Николаевна". — Всѣ трое изумились, и долго не могли убѣдиться, что я говорю справедливо: такіе пустяки — болѣзнь. И эта болѣзнь причина тому, что не было дѣтей. — Это были совершенныя новости для нихъ.

Всякому, сколько нибудь знакомому съ патологіею, извѣстно, какія вліянія на нервную дѣятельность оказываютъ тѣ разстройства организма, симптомами которыхъ служатъ аменоррея, дисменоррея и тому подобныя неправильности періодическихъ функцій его. Катерина Чистоплюева часто чувствовала въ себѣ странное для нея настроеніе печалиться изъ за мелочей, радоваться мелочамъ: — „Сама бывало понимаешь: не стоитъ огорчаться, а слезы такъ и льются, и осуждаешь себя и дивишься себѣ, а удержаться не можешь: плачешь и плачешь, хоть вовсе не надъ чѣмъ плакать. А то, безо всякой причины смѣешься, точно ребенокъ". — Когда я сказалъ, что это было отъ ея болѣзни, она, разумѣется, изумилась.

Дѣло дошло до того, что у нея явились галлюцинаціи. Она была женщина чистой нравственности, счастливая любовью къ мужу, потому ея галлюцинаціи не могли быть фривольными, должны были имѣть благородное содержаніе. Она была женщина съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, и какъ безграмотная простолюдинка, знала лишь одну сферу идеальныхъ стремленій, религіозную. Потому и галлюцинаціи ея имѣли религіозный характеръ. — У католиковъ, религіозныя галлюцинаціи часто имѣютъ своимъ содержаніемъ участіе въ блаженствѣ райской жизни. Русскимъ простолюдинамъ рѣдко случается грезить въ этомъ направленіи. Имъ болѣе привычны мысли о козняхъ діавольскихъ, о нечистой силѣ, о врагѣ рода человѣческаго, который, по извѣстному имъ всѣмъ тексту, „ходитъ какъ левъ, ищущій поглотить". Въ этомъ и состояли галлюцинаціи Катерины Чистоплюевой. Особенно часто рисовались ей двѣ грезы. Одна изъ этихъ обыкновенныхъ ея галлюцинацій была та, что передъ нею стоитъ левъ съ разинутою пастью, и хочетъ проглотить ее. Другая была та, что всѣ стѣны комнаты, въ которой она, покрыты множествомъ громадныхъ нечистыхъ насѣкомыхъ, въ особенности пауковъ гигантской величины: каждый паукъ величиною съ кулакъ, или больше. „Сама я понимаю, бывало, что можетъ быть, это не въ самомъ дѣлѣ живые пауки, или настоящій левъ, а только мерещится мнѣ это; но только видишь это передъ своими глазами такъ неотступно, что не можешь отвязаться отъ мысли: нѣтъ, не то что представляется это мнѣ на яву, все равно, будто сонъ, а въ самомъ дѣлѣ это я вижу дьявола въ образѣ льва, поганыхъ бѣсовъ вижу въ образѣ пауковъ и всякой гадины. Стараюсь разогнать свой страхъ и думаю, что если бы удалось мнѣ одолѣть его, то и пропало бы все это изъ моихъ глазъ, но нѣтъ, не могу совладѣть съ собою, одолѣть свой страхъ, и вижу все это совсѣмъ такъ, какъ вижу всякую настоящую вещь", — говоритъ она, разсказывая о времени

своихъ галлюцинацій. Наконецъ, однажды, она превозмогла оцѣпенѣніе своего ужаса, сказала себѣ: „попробую, что это такое: въ самомъ ли дѣлѣ это живое, или это только такъ представляется мнѣ“. Галлюцинація, представлявшаяся ей тогда, была та, что на стѣнахъ сидятъ и ползаютъ огромные пауки. Она подошла къ стѣнѣ, и рѣшила: „ударю я кулакомъ этого паука, котораго ловко мнѣ ударить, я его расшибу кулакомъ; и посмотрю будетъ ли мокреть на кулакѣ, будетъ кулакъ мокрый, то значитъ, паукъ былъ въ самомъ дѣлѣ живой, а останется кулакъ сухимъ, значитъ было пустое мѣсто, гдѣ представлялся мнѣ паукъ“. Она ударила кулакомъ по пауку, — паукъ исчезъ, а кулакъ остался сухимъ. Она взглянула по всей стѣнѣ, по другимъ стѣнамъ—нигдѣ больше не было пауковъ: всѣ они исчезли. — „Я и увѣрилась, что ничего не было въ самомъ дѣлѣ, а только представлялось мнѣ такъ. И послѣ ужь не мерещилось мнѣ, избавилась я отъ этого“,—разсказывала она мнѣ.

Само собою разумѣется, она полагаетъ, что эти видѣнія были навожденіемъ діавольскимъ. Искушать ее дьяволъ не имѣлъ силы, потому что ничего грѣшнаго въ ея сердцѣ не было, то вотъ, за невозможностью искушать, врагъ всѣхъ честныхъ людей вымѣщалъ на ней свою досаду за ея неправящуюся ему честную жизнь, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что пугалъ ее.

Всѣ трое,—она, ея мужъ, его мать были люди очень религіозные. Но положеніе дѣлъ въ старообрядчествѣ того края было таково, что старообрядцамъ, живо интересовавшимся мыслями о своемъ душевномъ спасеніи, приходилось много задумываться о способахъ достичь спокойствія душевнаго. Главные центры религіознаго назиданія старообрядцевъ юго-восточнаго края Европейской Россіи, Иргизскіе монастыри, были переданы въ завѣдываніе Православной іерархіи. Бѣглые священники, странствовавшіе прежде по Саратовской и сосѣднимъ губерніямъ, и совершавшіе богослуженіе для старообрядцевъ въ мѣстахъ ихъ жительства, исполнявшіе для нихъ церковныя „требы“, при случаяхъ безопасной жизни хоть по нѣскольку дней въ одной мѣстности и разъяснявшіе хоть сколько нибудь ихъ религіозные вопросы, почти совершенно исчезли около времени закрытія Иргизскихъ монастырей для старообрядчества. Не только церквей для совершенія литургіи, не только священниковъ для ея исполненія не стало у старообрядцевъ, не только некому стало совершать для нихъ такія требы, которыя по ихъ ученію (одинаковому въ этомъ да и во всемъ, кромѣ маловажныхъ разницъ, съ Православнымъ) могутъ быть совершаемы только священниками (каковы вѣнчаніе браковъ, исповѣдь, причащеніе), но не стало у нихъ и простыхъ „часовенокъ“, въ которыхъ бы собираться хоть однимъ мірянамъ безъ священника и исполнять хоть тѣ церковныя службы, которыя по ихъ (и по Православному) ученію могутъ, при неимѣніи священника, читать и пѣть въ-слухъ для собравшихся вѣрующихъ простые міряне (таковы, въ сущности, всѣ церковныя службы, кромѣ важнѣйшей изъ нихъ всѣхъ литургіи). Не только часовенокъ для такихъ собраній на молитву болѣе или менѣе многочисленнымъ обществомъ не стало, но было не безопасно сходиться на молитву хотя бы двумъ, тремъ сосѣднимъ семействамъ въ какую нибудь совершенно обыкновенную комнату въ домѣ одного изъ нихъ.

Понятно, что при такомъ состояніи вещей, масса Дубовскихъ старообрядцевъ, почти вся сплошь безграмотная, скоро стала очень оскудѣвать знаніями о своей вѣрѣ, запасъ которыхъ и прежде былъ у нея не великъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ стала

раздробляться въ своихъ способахъ молиться Богу. Нѣкоторые изъ старообрядцевъ считали необходимостью добыть себѣ откуда бы то ни было хоть какихъ нибудь священниковъ, и для этого рѣшились войти въ сношенія съ старообрядческою іерархіею, существовавшею тогда въ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ. Но огромное большинство разсудило, что эти сношенія съ духовенствомъ чужаго государства дѣло слишкомъ опасное, да и не еретики ли Бѣлокриницкіе люди, называющіе себя держащимися старой вѣры? —было сомнительно, чиста ли ихъ вѣра. Потому, громадное число старообрядцевъ Дубовки и сосѣднихъ съ нею мѣстъ не захотѣло имѣть никакихъ отношеній къ Бѣлокриницкой іерархіи, и прозвало „перешедшими въ австрійскую вѣру“ тѣхъ немногихъ, которые или успѣли, или— не успѣвали, только хлопотали—войти въ сношенія съ нею. Это громадное большинство, не хотѣвшее и слышать о Бѣлокриницкой іерархіи, осталось не только безъ священниковъ, но и безъ надежды имѣть ихъ.

Натурально, что безнадежность имѣть священниковъ должна была вести это большинство старообрядцевъ къ мысли, что въ священникахъ нѣтъ непремѣнной надобности для ихъ душевнаго спасенія. Не могли жь они, считавшіе себя дѣтьми истинной церкви Христовой, отчаяться въ своемъ спасеніи изъ за того обстоятельства, что лишены они священниковъ. Сколько я могу разобрать, эти люди не отклонялись отъ старообрядчества въ собственномъ смыслѣ слова, не пошли въ своихъ мысляхъ ни по какому изъ тѣхъ путей, которыми прежде выдѣлялись изъ „старообрядчества, пріемлющаго священство“, разныя сектантскія вѣроученія „не пріемлющія священства“, въ родѣ, напримѣръ, „поморцевъ“. Нѣтъ, они остались, сколько я могу разобрать смутныя данныя о нихъ, какія попадались мнѣ въ книгахъ и статьяхъ объ этомъ предметѣ, вообще сбивчивыхъ и нелѣпыхъ, и сколько я могу понять путаницу мыслей моихъ друзей,—они огромное большинство старообрядцевъ, къ которому принадлежали прежде мои друзья, остались „старообрядцами, пріемлющими священство“, остались людьми своей наслѣдственной привычной вѣры, во всемъ, кромѣ немногихъ и совершенно маловажныхъ различій, одинаковой съ Православнымъ вѣроученіемъ. Они только принуждены были не зависѣвшею отъ ихъ воли невозможностью имѣть священниковъ утѣшать себя упованіемъ, что Богъ, по милосердію своему, не лишитъ царствія небеснаго тѣхъ между ними, которые будутъ заслуживать душевнаго спасенія жизнью своею,—не лишитъ царствія небеснаго достойныхъ его, хоть и живутъ они, не имѣя священниковъ.

Такою оставались, сколько я могу разобрать, вся масса старообрядцевъ Дубовки и сосѣднихъ мѣстностей, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ лицъ, вступившихъ или желавшихъ вступить въ сношенія съ Бѣлокриницкою іерархіею, и прозванныхъ на языкѣ этой массы перешедшими въ „австрійскую вѣру“. Она оставалась держащейся „старообрядчества, пріемлющаго священство“, только утѣшающею себя упованіемъ, что возможно спасеніе для истинно вѣрующихъ и при неимѣніи священниковъ. Къ этой массѣ принадлежали и мои друзья.

Но какъ слѣдуетъ молиться? По вопросу о томъ, эта масса дробилась, приходя къ разнымъ отвѣтамъ, по различію человѣческихъ понятій о правилахъ житейскаго благоразумія. Нѣкоторые полагали, что они не нарушатъ правилъ благоразумія, если будутъ собираться по нѣсколько семействъ для молитвы въ обыкновенной комнатѣ. Правда, это не вполнѣ безопасно. Но рискъ быть уличен-

ными въ томъ не великъ. А если какъ нибудь и попадешься, то не тяжкимъ же бѣдамъ подвергнешься: потершишь непріятности, но мимолетныя и мелкія. И въ домъ кого нибудь изъ думавшихъ такъ собирались по нѣскольку семействъ думавшихъ подобно ему сосѣдовъ, помолиться вмѣстѣ. Тутъ или обыкновенно, или по крайней мѣрѣ часто, находился какой нибудь грамотный человѣкъ, и читалъ, пѣлъ по „Псалтырю“, или „Часослову“, по какой другой, какая была подъ руками, богослужебной книгѣ.

Но были люди, разсуждавшіе иначе. Что запрещено, то запрещено. Дѣлать запрещенное не годится. Запрещено собираться для молитвъ, то и не слѣдуетъ собираться. Къ такимъ людямъ принадлежала мать Ѳомы Чистоплюева. Она не ходила ни въ какія молитвенныя собранія своихъ одновѣрцевъ. Молилась у себя дома, когда никакихъ посѣтителей или посѣтительницъ у нея не было. Ѳома Чистоплюевъ уважалъ мать, слушался ея, и воспитанный въ ея правилахъ, тоже находилъ неблагоразумнымъ бывать въ молитвенныхъ собраніяхъ; не посѣщалъ ихъ никогда. Катерина, когда вышла за него замужъ, имѣла только шестнадцать лѣтъ. Натурально, она стала слѣдовать мнѣнію и примѣру любимыхъ ею мужа и его матери.

У русскихъ простолюдиновъ молиться дома болѣе или менѣе продолжительное время находятъ досугъ вообще только старики и старухи, сложившіе заботу о добываніи куска хлѣба и о домашнемъ хозяйствѣ на дѣтей. Тѣмъ, кто въ силахъ работать, недосугъ долго молиться. Разумѣется, въ тѣхъ старообрядческихъ семействахъ рабочаго класса, которыя по нежеланію дѣлать запрещенное, не ходили въ собраніе своихъ единовѣрцевъ для общественныхъ молитвъ, молодые люди молились у себя дома лишь по нѣскольку минутъ въ день. Такъ было это и въ семействѣ Чистоплюевыхъ. Мать, пожилая женщина, вскорѣ ставшая и вовсе старухою, была избавлена женою сына отъ обремененія хозяйственными безконечными хлопотами, имѣла досугъ для продолжительнаго моленія. Сынъ и его жена съ молодости привыкли къ тому, чтобъ употреблять на молитву мало времени.

Всѣ трое они не умѣли читать. У той части ихъ безграмотныхъ одновѣрцевъ, которая посѣщала общественныя молитвы, могло хоть немножко поддерживаться, какое было прежде маленькое, скудное знаніе своего вѣроученія: въ богослужебныхъ книгахъ попадаются мѣста, относящіяся къ догматикѣ; а въ общественныхъ молитвахъ читалось же что нибудь хоть изъ „Служебника“, или „Часослова“, или „Псалтиря“. Но тѣ изъ безграмотныхъ семействъ, которыя молились только одиноко, дома у себя, разумѣется, забывали мало по малу подлинныя слова длинныхъ молитвъ; а переиначивать выраженія церковныхъ молитвъ дѣло непозволительное, по убѣжденію русскихъ простыхъ людей. Чтобы не грѣшить, переиначивая или перепутывая длинныя молитвы, они переставали произносить ихъ, по мѣрѣ того, какъ перестали быть умѣренными, что съ совершенною точностью помнится имъ та или другая изъ длинныхъ молитвъ. У многихъ дѣло доходило до того, что насколько хватало у нихъ усердія молиться, хоть бы на нѣсколько часовъ къ ряду, они молились повторяя все это время только одну, самую коротенькую, молитву, такъ называемую „молитву Исусову“ (по ортографіи книгъ Православной церкви. „Іисусу“), то есть: „Господи Исусе (Іисусе) Христе, Сыне Божій, помилуй насъ:“ И у матери Ѳомы Чистоплюева эта молитва составляла два почти все содержаніе ея — хоть и продолжительныхъ — моленій къ Богу.

Возьметъ старушка лѣстовку (простонародныя четки), и перебираетъ узелки лѣстовки (соотвѣтствующіе зернамъ четокъ), на каждомъ узелкѣ повторяя: „Господи Исусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ“.—Понятно, много ли могло удержаться въ ея памяти изъ прежняго—конечно, никогда не бывшаго значительнымъ—запаса свѣдѣній о вѣроученіи, которое находила она истиннымъ, когда лѣтъ пятнадцать, двадцать вся поддержка сохраненію ея прежнихъ свѣдѣній въ ея памяти ограничивалась повтореніемъ этихъ семи словъ: „Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“.—

Она употребляла много времени на то, чтобы молиться, какъ доставало у нея умѣнья молиться, при ея безграмотной безпомощности. Ея сынъ и его жена, подобно всѣмъ другимъ занятымъ работою простымъ русскимъ людямъ, считали достаточнымъ употреблять на свои домашнія моленія по нѣскольку минутъ.

Но и они были люди съ очень живымъ религіознымъ чувствомъ. О Катеринѣ,—о человѣкѣ, имѣвшемъ даже видѣнія,—нечего и распространяться, сильно ли, горячо ли было ея религіозное чувство. Ея мужъ до религіозныхъ галлюцинацій не доходилъ. Стало быть, о его религіозности не излишними будутъ подробности, совершенно излишнія относительно его жены, о религіозности которой есть такой фактъ, какъ ея видѣнія.

Съ дѣтства Ѳома Чистоплюевъ „не осквернялъ своихъ устъ“ никакими грубыми, площадными словами, какія оставили въ наслѣдство Русскому народу сквернословцы татаре, господствомъ своимъ такъ много испортившіе насъ. Съ дѣтства онъ пріучилъ себя „не божиться“, по заповѣди: „не пріемли имени Господа Бога твоего всуе“, эта заповѣдь значитъ: не божись, объяснялъ онъ мнѣ. До женитьбы онъ, имѣвшій атлетическое сложеніе, держалъ себя какъ скромная дѣвушка. А онъ женился на двадцать второмъ году.—„Видишь ли, мой другъ, есть заповѣдь: не любодѣйствуй“,—объяснялъ онъ мнѣ:—стало быть, и не годится этого дѣлать. Ну я и не дѣлалъ“.—Довольно этого, чтобы судить о его религіозности.

Онъ былъ не прочь принимать участіе въ развлеченіяхъ своего круга знакомыхъ. Но больше склонности имѣлъ онъ участвовать въ солидныхъ бесѣдахъ людей, которые въ томъ кругу считались умными, ведущими поучительные разговоры. Почти всѣ сплошь, эти почтенные мудрецы изъ рабочаго класса, были безграмотные. Предметомъ ихъ поучительныхъ разсужденій была по преимуществу нравственная жизнь: и само собою разумѣется, они судили обо всемъ съ религіозной точки зрѣнія. И конечно, главными авторитетами между ними были старики, одряхлѣвшіе отъ долголѣтней трудной работы, сдавшіе хозяйство на руки дѣтямъ, или, если бездѣтные, то питавшіеся кое какъ или крохами, какія собрали себѣ трудами своими, или жившіе, какъ живутъ птицы небесныя: нынѣ пошлетъ Богъ кусочекъ здѣсь, завтра тамъ: на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, кормятъ неимущихъ добрые люди.

Были между ними и старообрядцы, и православные: тѣ и другіе обо всемъ душеспасительномъ разсуждали совершенно одинаково. Да и дѣйствительно: всѣ разницы между Православіемъ и старообрядствомъ относятся лишь къ той области внѣшнихъ принадлежностей богослуженія, которая называется въ богословіи областью „безразличныхъ для вѣроученія предметовъ“, adiaphora. Ни въ догматикѣ, ни въ ученіи о нравственности, старообрядчество ничѣмъ не отличается отъ Пра-

нославія. А тутъ, люди бесѣдовали о душевномъ спасеніи; никакихъ разнорѣчій между старообрядцами и Православными по вопросамъ этого рода быть не могло.

И набрался изъ этихъ назидательныхъ бесѣдъ Ѳома Чистоплюевъ всей той душеспасительной мудрости, какою обладали благочестивые старцы, старообрядцы и Православные. О характерѣ и достоинствѣ этихъ душеспасительныхъ свѣдѣній можетъ дать совершенно достаточное понятіе притча, которую онъ разсказывалъ мнѣ съ благоговѣніемъ къ необыкновенной полезности ея для души. Вотъ она:

Жилъ былъ богатый человѣкъ; и былъ у него прекрасный садъ. А самъ онъ былъ человѣкъ добрый. Вотъ однажды, встрѣтились ему старичекъ со старушкою, бѣдные люди, мужъ и жена. Онъ и отвелъ ихъ въ свой садъ, сказалъ имъ: „Живите тутъ, пользуйтесь всѣмъ: только вотъ эту клѣточку не отворяйте“,— показалъ имъ, виситъ клѣточка: какъ есть, клѣточка, только стѣночки у нея не рѣшетчатыя, а изъ цѣльныхъ дощечекъ, такъ что не видно, что такое въ ней. И было старичку со старушкою очень хорошо жить въ саду. Только любопытно было имъ заглянуть, что такое въ клѣточкѣ. Они и не утерпѣли, отворили дверку, заглянуть въ клѣточку. А въ клѣточкѣ сидѣли воробушки. Какъ отворили дверку старичекъ со старушкою, воробушки и выпорхнули изъ клѣточки.— „Ахъ, ахъ“, заохали старичекъ со старушкою; ну да ужъ поздно ахать: выпустили воробушковъ, то не поймаешь. Пришелъ хозяинъ, посмотрѣлъ въ клѣточку, анъ воробушковъ ужь нѣтъ въ ней. Онъ и сказалъ старичку со старушкою: „Вы не послушались моихъ словъ, заглянули въ клѣточку, то и ступайте вонъ изъ моего сада“. Ну и выгналъ ихъ изъ своего сада.

Выслушавши притчу, я сказалъ:— „Ѳома Павловичъ, эта притча передѣлана изъ того, что говорится въ Священномъ Писаніи объ Адамѣ и Евѣ, и о томъ, какъ они были изгнаны изъ рая. Вы знаете, какъ разсказывается объ этомъ въ Священномъ Писаніи?“—Онъ сказалъ:—„Знаю“.—„То видите, Ѳома Павловичъ, въ той притчѣ взято это самое, только передѣлано такъ, что вышла сказочка“.—Эта мысль не приходила ему въ голову. Подумавши, онъ согласился: дѣйствительно такъ.

Для знакомыхъ съ источниками, изъ которыхъ наше безграмотное простонародье почерпаетъ дополнительныя свѣдѣнія, какими обогащаетъ наслѣдованную отъ предковъ сокровищницу своей мудрости, ясно откуда заимствована въ притчѣ клѣточка со стѣнками изъ цѣльныхъ дощечекъ, плотными такъ, что нельзя заглянуть въ нее иначе, какъ открывши ее. Какой нибудь благочестивый старичекъ, дядька или камердинеръ, конца прошлаго или начала нынѣшняго вѣка, когда однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія въ великосвѣтскихъ семействахъ была миѳологія, необходимая для пониманія тогдашней поэзіи, смѣшалъ, какъ маленькій барченокъ заучиваетъ миѳъ о Пандорѣ. Помнилось ему что-то смутное объ Адамѣ и Евѣ; въ его мысляхъ слилось это съ миѳомъ, понравившимся ему. Припомнилась ему народная наша поговорка: „выпустишь изъ клѣтки воробья, не поймаешь“. И обратился у него ящичекъ Пандоры въ клѣточку съ воробушками. Понравилась его назидательная исторійка другимъ благочестивымъ старичкамъ, и приспособили они ее къ своему обычному собесѣдованію, въ которомъ главные герои и героини—старички и старушки, сдѣлавъ изъ Эпиметея и Пандоры,—молодыхъ людей, по миоу,—старичка и старушку. Пріобрѣтеніе старческаго возраста героемъ и героинею притчи было тѣмъ неизбѣжнѣе, что разумѣется

не могъ же тотъ камердинеръ или дядька удержать въ памяти имена Пандоры и ея мужа; то и надобно было обозначить безъименныхъ героя и героиню хоть какою нибудь квалификаціею.

Но, что жь имѣетъ несогласнаго съ Православіемъ ли, старообрядчествомъ ли, или какимъ другимъ вѣроисповѣданіемъ премудрая притча о старичкѣ со старушкою и о клѣточкѣ съ воробушками?—Совершенно ничего.

Такова-то и вся премудрость нашихъ безграмотныхъ простолюдиновъ, охотниковъ до назидательныхъ собесѣдованій. Это смѣшная и жалкая, ребяческая путаница кое какихъ обрывковъ изъ библіи, изъ Четьи-Миней, изъ народныхъ поговорокъ, изъ обыденныхъ приключеній простонародной жизни, изо всего иной разъ неглупаго, иной разъ безтолковаго, что случится услышать тому или другому безграмотному набожному старичку, той или другой богомольной безграмотной старушкѣ; путаница жалкая, и въ суммѣ своей безсвязицы безтолковая; но—совершенно невинная, и возбуждающая только состраданіе къ темнымъ нашимъ русскимъ безграмотнымъ людямъ, умственная жизнь которыхъ питается такою ребячески сумбурною болтовнею.

Катеринѣ, при ея живомъ, дѣятельномъ характерѣ, были скучны монотонныя бесѣды старичковъ, нравившіяся ея мужу. Смѣясь, говорила она мужу, что надоѣли ей его пріятели, и если онъ будетъ продолжать водиться съ ними, то она „попроситъ матушку"—его мать „выгнать его изъ дому".—„Ты не надѣйся на то, что не я дочь ей, а ты ея сынъ",—говорила Катерина, смѣясь:—„Она тебя на меня не промѣняетъ". Мать, смѣясь, подтверждала, что дѣйствительно, если Катерина попроситъ ее, то она прогонитъ сына съ его старичками изъ дому. Шутки шутками, но Ѳома поддавался насмѣшкамъ жены и матери надъ скучнымъ для нихъ назидательнымъ пустословіемъ; и благодаря тому, оставался обыкновеннымъ здравомыслящимъ человѣкомъ.

Но Катерина и, подъ ея вліяніемъ, мать Ѳомы смѣялись только надъ тѣмъ, что находили празднословіемъ. Спасеніе души не въ словахъ, а въ дѣлахъ, думала Катерина и усердно соблюдала тѣ житейскія правила, которыя считала установленіемъ истинной вѣры. Мужъ и его мать слѣдовали ея примѣру. Главными предметами ея душеспасительныхъ заботъ были затрудненія разобрать хорошенько, каковы правила истинной вѣры относительно нѣкоторыхъ обычаевъ ѣды и питья. Почти всѣ старообрядческія семейства въ Дубовкѣ и ея окрестностяхъ ѣли картофель, пили чай, а кое кто изъ тѣхъ, у кого были средства, пили кофе. Хорошо ли это?—Набожные старички, хоть и расположены были говорить, что это не хорошо, но вообще плохо исполняли свои совѣты другимъ въ собственной практикѣ; да и не были ихъ разсужденія авторитетны для Катерины: слишкомъ много пустаго, или и вовсе глупаго, говорятъ эти старички, находила она.

Напримѣръ, возстаютъ противъ всякаго веселья, противъ самыхъ невинныхъ, честныхъ развлеченій. А Христосъ развѣ такъ училъ? Онъ самъ бывалъ на свадьбахъ, гдѣ славно пировали и веселились. Честное веселье положено отъ самого Бога человѣку въ отдыхъ отъ труда, въ награду за чистоту сердца. Какъ же, развѣ не сказано: „Возвеселится праведникъ о Господѣ"?—Старички толкуютъ о монашествѣ, что въ немъ самое лучшее угожденіе Богу. Это ужь вовсе не хорошо, учить мужей, чтобъ они бросали женъ; женъ—чтобъ онѣ бросали мужей, внушать отцамъ и матерямъ такія мысли, при которыхъ дѣти будутъ

брошены безъ призору. Много глупаго въ словахъ старичковъ, а жизнь у многихъ изъ нихъ зазорная. На ихъ разсужденія полагаться нельзя; по крайней мѣрѣ безъ разбору своимъ умомъ нельзя полагаться,—думала Катерина и внушала мужу и его матери думать такъ. Но вотъ что, по ея мнѣнію, было неоспоримо справедливо въ словахъ всѣхъ вообще людей, и людей старой вѣры, и Греко-Россійскихъ людей (то есть, Православныхъ): въ прежнія времена вѣра была чище. Какъ же не такъ?—Въ прежнія времена сколько было святыхъ?—И перечесть нельзя. А нынѣ, много ли ихъ?—Вовсе не видать. Добрыхъ людей и нынѣ много: только, должно быть, все таки они не то, каковы бывали люди прежде: нѣтъ между ними святыхъ. Да и что тутъ говорить много? Всѣ, и Греко-Россійскіе и люди старой вѣры согласны: въ старину вѣра была чище. Хорошо, такъ вотъ на примѣрѣ прежнихъ людей и слѣдуетъ основываться въ разборѣ того, хорошо ли ѣсть картофель и пить чай. О кофе и раздумывать нечего: кофе почти никто и изъ нынѣшнихъ людей старой вѣры не пьетъ; стало быть онъ очень грѣшное питье. Но о картофелѣ чему учитъ примѣръ прежнихъ людей?—Они не ѣли его. Чаю тоже не пили. Вопросъ о картофелѣ былъ совершенно ясенъ для Катерины, а черезъ нея и для мужа. А старухѣ матери было, разумѣется, все равно, имѣть или не имѣть лишнюю приправу къ щамъ. Такимъ образомъ, все семейство не употребляло картофеля; непоколебимо не хотѣло употреблять. Напрасно родственницы и пріятельницы подсмѣивались за это надъ Катериною: „У тебя въ огородѣ не былъ посаженъ картофель, тебѣ приходилось бы покупать его, а тебѣ жаль денегъ; напрасно скупишься: онъ продается дешево. Ну, да Богъ съ тобою, скупись, когда скупишься; такъ и быть, привеземъ тебѣ, подаримъ мѣшка два, три картофеля“. Но Катерина отшучивалась, какъ могла, и оставалась твердою послѣдовательницею прежнихъ людей, не ѣвшихъ картофеля. Вопросъ о чаѣ былъ для нея менѣе ясенъ. Правда, и чаю не пили, какъ не ѣли картофеля, прежніе люди. Но картофеля не ѣли они потому, что не хотѣли употреблять его. Картофель всегда росъ въ Россіи; Катерина была убѣждена, что картофель растетъ въ Россіи изъ-поконъ вѣку, подобно пшеницѣ или овсу. Чай, иное дѣло. Онъ сталъ извѣстенъ русскимъ недавно. Въ Дубовкѣ еще живы были старики и старухи, помнившіе время, когда и слуха о чаѣ не было. Почему жь не пили чаю святые люди старыхъ временъ? Быть можетъ, только потому, что не было его тогда въ лавкахъ, а не потому, что пить его грѣшно. Быть можетъ, не грѣшно пить его. Быть можетъ, святые пили бъ его, еслибъ онъ былъ въ ихъ времена извѣстенъ Русскимъ. Словомъ: дѣло о чаѣ мудреное. Мысли Катерины колебались и въ ту, и въ другую сторону. Вообще, она склонялась къ мнѣнію, что безопаснѣе для души не пить чаю. И, въ-слѣдъ за нею, мужъ и его мать переставали пить чай. Однажды это длилось чуть ли не цѣлый десятокъ лѣтъ. Но послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго иной разъ и очень долгаго воздержанія отъ питья чаю, Катериною овладѣвало мнѣніе: да это пустяки, что пить чай грѣшно. Тогда все семейство принималось пить чай впредь до противоположной перемѣны въ мысляхъ Катерины.

Такъ дожили они до 1866 года. Катеринѣ было въ этомъ году ужь тридцать девять лѣтъ, мужу ея—сорокъ четыре года, или сорокъ пять лѣтъ. Чѣмъ были они до этой поры?—Старообрядцами; совершенно такими же старообрядцами, пріемлющими священство, какъ вся многочисленная въ Дубовкѣ толпа тѣхъ

пріемлющихъ священство старообрядцевъ, которые по благоразумной осторожности и по душевному желанію не дѣлать ничего запрещеннаго, видѣли себя въ необходимости оставаться безъ общественныхъ молитвъ и безъ совершенія тѣхъ таинствъ, которыя, по вѣроученію старообрядчества (какъ и по вѣроученію Православной церкви) могутъ быть совершаемы только священникомъ. Различіе между Чистоплюевыми и находившеюся въ подобномъ имъ положеніи массою старообрядцевъ состояло лишь въ томъ, что Чистоплюевы очень усердно заботились жить сообразно съ нравственными правилами, а масса ихъ единовѣрцевъ, какъ и всякая масса людей какого бы то ни было вѣроисповѣданія, была въ этомъ отношеніи довольно небрежна.

Чистоплюевы усердно заботились жить такъ, чтобы можно было имъ имѣть спокойную надежду на свое душевное спасеніе. Но при разстройствѣ религіозныхъ дѣлъ въ старообрядчествѣ того края, при отсутствіи духовныхъ руководителей, они обо многихъ, по ихъ мнѣнію важныхъ для душевнаго спасенія, вопросахъ относительно нравственныхъ правилъ жизни, чувствовали недоумѣніе. Одинъ вопросъ о питьѣ чая, какое мучительное затрудненіе представлялъ для нихъ,— страшно и подумать.—Пить чай, это, быть можетъ, такая же погибель душевная, какъ въ великій постъ ѣсть мясо. А не пить чай, это, быть можетъ, значитъ уподобляться фарисеямъ, процѣживающимъ комаровъ и глотающимъ верблюдовъ, фарисеямъ лицемѣрамъ, закваски которыхъ велѣлъ бояться Христосъ. Тяжкое недоумѣніе. А такихъ недоумѣній мало ли представлялось темнымъ безграмотнымъ людямъ, не имѣвшимъ никого, сколько нибудь образованнаго человѣка, съ кѣмъ бы посовѣтоваться.

Въ этомъ состояніи тяжкихъ недоумѣній о томъ, какими правилами жизни обезпечивается душевное спасеніе, услышала Катерина Чистоплюева отъ Ворониной, что Богатенковы сохраняютъ въ своемъ бѣдствіи свѣтлое спокойствіе души, какое ниспосылается отъ Бога праведнымъ людямъ. Это извѣстіе сильно подѣйствовало на нее, впечатлительную отъ природы и находившуюся, по своей болѣзни, въ возбужденномъ нервическомъ состояніи.

Чистоплюевы были до сихъ поръ очень мало знакомы лично съ Богатенковыми. Родственница и другъ Катерины Чистоплюевой, Воронина, была другомъ Богатенковой. Но эти три женщины и ихъ семейства принадлежали, по различію своихъ денежныхъ средствъ, къ тремъ совершенно различнымъ классамъ общества, имѣвшимъ каждый свою особую сферу жизни, далекимъ одинъ отъ другого; и въ особенности тотъ кругъ, въ которомъ жили, пока вели обыкновенный образъ жизни, Богатенковы, богатые люди, былъ очень далекъ отъ круга, къ которому принадлежали Чистоплюевы, простые чернорабочіе люди. По личной дружбѣ къ Ворониной, Богатенкова привѣтливо обращалась съ ея родственницею, когда, бывая у нея, встрѣчала Катерину Чистоплюеву. Но въ близкое знакомство съ Чистоплюевою не вступала. Такъ было, пока Богатенковы жили на широкую ногу. А когда они, занявшись своимъ душевнымъ спасеніемъ, перестали веселиться, Катерина Чистоплюева вовсе раззнакомилась съ Богатенковою. Дубовка осуждала Богатенковыхъ, за ихъ уединенный образъ жизни. Катерина Чистоплюева находила, что всеобщее порицаніе имъ справедливо. Сама Воронина, хотя и оставалась по давней дружбѣ расположена къ Богатенковой, осуждала ее и ея мужа; стала бывать у нихъ гораздо рѣже прежняго. А Богатенкова и вовсе рѣдко навѣщала Воронину. Очень

не часты стали случаи, чтобы Чистоплюевой пришлось застать Богатенкову у Ворониной: тѣмъ болѣе, что Чистоплюева старательно избѣгала встрѣчъ. И въ-скорѣ по переселеніи Богатенковыхъ въ землянку, нерасположеніе Чистоплюевой видѣться съ Богатенковою довело вещи до того, что Чистоплюева вовсе перестала входить въ комнаты къ Ворониной, если Богатенкова была тутъ, или торопливо уходила отъ Ворониной, если видѣла, что входитъ Богатенкова. Прошло еще нѣсколько времени, и Богатенкова увидѣла себя въ необходимости понять, что Чистоплюева не хочетъ считать ее своею знакомою, не хочетъ говорить съ нею. Это случилось такъ:

Жители Дубовки любятъ устраивать свои праздничныя гулянья въ мѣстности, лежащей противъ ихъ посада на другомъ берегу Волги; тамъ есть рощи, между ними лужайки съ прекрасною муравою. Однажды Катерина Чистоплюева поѣхала на такое гулянье. Народу было много. Чистоплюева съ пріятельницами шла по лугу. Увидѣла, что идетъ къ ней Богатенкова. Увернуться было нельзя: мѣстность открытая и люди на ней сидятъ, прогуливаются лишь маленькими, разбросанными группами; нѣтъ толпы куда бы спрятаться. Богатенкова подошла къ Чистоплюевой, сказала: „Здравствуйте“; Чистоплюева бросилась бѣжать, во весь духъ перебѣжала по лугу къ рощѣ и остановилась только ужь далеко забѣжавши въ глубину рощи.

Богатенкова, до той поры вѣроятно непонимавшая, что Чистоплюева не хочетъ оставаться знакома съ нею, теперь не могла, разумѣется, не разобрать, что внушаетъ отвращеніе Чистоплюевой. Знакомство ихъ кончилось.

Выслушавъ исторію объ этой встрѣчѣ на гуляньѣ, а замѣтилъ Чистоплюевой: „Катерина Николаевна, это смѣхъ“.— Она отвѣчала:— „Такой смѣхъ, что и подумать стыдно. Не молоденькая была я, чтобы поступать съ такой невѣжливостью. Вѣдь мнѣ было ужь больше тридцати пяти лѣтъ. Но ничего я не помнила, что дѣлаю. Опомнилась только когда увидала, что забѣжала далеко въ рощу.“ — „Но чего жь вы такъ перепугались-то?“ — „Перепугалась ли я, нѣтъ ли, я сама не понимала, и теперь не разберу. Только, не любила я Богатенкову; потому и помутились у меня мысли“.— „Такъ. Но за что жь вамъ было не любить Богатенкову до такой степени?“ — „А я думала, что они дурные люди“.— „Что жь дурнаго было по вашему въ нихъ, въ Богатенковой и въ ея мужѣ?“ „Да зачѣмъ они живутъ такъ“.— „Какъ же представлялось вамъ, что они живутъ?“ — „Ну, живутъ въ землянкѣ, точно какіе нищіе, которымъ ѣсть нечего; морятъ себя голодомъ“.— „Если положить, что и въ самомъ дѣлѣ было бы, что они морили бы себя голодомъ, то что жь именно было бы тутъ дурно?“ — „А вотъ что: развѣ на то далъ намъ Богъ жизнь, чтобы мы мучили себя? Мы должны жить честно, да помогать другъ другу. А въ комъ нѣтъ жалости къ себѣ, тотъ будетъ ли другихъ жалѣть?“ — „Это вы тогда такъ думали, Катерина Николаевна, или это нынѣшнія ваши мысли?“ — „И тогдашнія, и нынѣшнія; всегда я такъ думала“.— отвѣчала она.

Нелюбовь ея къ Богатенковымъ происходила отъ того, что она думала: они мучатъ себя постничествомъ, всякими произвольными лишеніями, а когда такъ, то, должно быть, перестали быть добрыми людьми. Но вотъ, она услышала отъ Ворониной, что они въ постигшемъ ихъ бѣдствіи свѣтлы лицомъ, веселы духомъ, какъ подкрѣпляемые Богомъ праведные. Какъ же это такъ? Неужели жь молва Дубовки о нихъ, которой вѣрила она, несправедлива? — Катерина Чистоплюева

стала приноминать, что могла, только не хотѣла прежде замѣчать. Дѣйствительно, то, что видѣла она при своихъ встрѣчахъ съ Богатенковою, было несообразно съ молвою, которой вѣрила она. Богатенкова, въ тѣ годы, когда жила въ землянкѣ, оставалась полною, съ хорошимъ цвѣтомъ лица; навѣрное, она въ эти годы не изнуряла себя лишнимъ постами. Да и по одеждѣ ея въ эти годы было очевидно, что напрасно Дубовка говорила, будто-бъ она ударилась въ ханжество. Пышные модные наряды она бросила, это правда. Но ей ужь сорокъ лѣтъ. Что удивительнаго въ томъ, что щегольство надоѣло ей? Но, бросивъ его, она не перестала любить быть одѣтою хорошо. Ея платья были теперь не новомодныя и не мѣняла она ихъ безпрестанно, какъ дѣлала прежде. Только и всего. Но шуба, которую носила она теперь, была сшита изъ дорогого мѣха, покрыта дорогою матеріею. И платья на ней въ эти годы всегда были дорогія. Такъ припомнилось теперь Катеринѣ Чистоплюевой; и дивилась она тому, какъ могла до сихъ поръ оставаться въ такой степени ослѣплена своимъ довѣріемъ къ молвѣ, что не хотѣла видѣть: прекрасный цвѣтъ лица Богатенковой и ея прекрасная одежда опровергаютъ предположеніе, будто Богатенковы вели какой-то изнурительный образъ жизни. Но ихъ землянка? — Воронина говорила, что ихъ землянка вовсе не похожа на обыкновенныя землянки: это довольно большая, хорошая постройка; въ ней двѣ или три просторныя комнаты; она подымается надъ землей довольно высоко, потому имѣетъ порядочныя окна; въ ней не тѣсно: въ ней свѣтло; въ ней нѣтъ духоты; она такое жъ удобное жилище, какъ обыкновенный флигель и отличается отъ обыкновенныхъ флигелей только тѣмъ, что полъ у нея ниже земли, и кровля не крутая. — Катерина Чистоплюева сама сходила посмотрѣть эту землянку, стоявшую теперь пустою, и убѣдилась: дѣйствительно, это просторный, чистый, свѣтлый, удобный домикъ, жить въ которомъ было уютно. Не говоря о порядочномъ видѣ комнатъ, строеніе имѣло даже кладовую, чуланы. Въ кладовой и чуланахъ лежали изобильные запасы хорошей провизіи. Чистоплюева не могла болѣе сомнѣваться: Богатенковы помѣщались въ своей землянкѣ съ хорошими удобствами, ѣли вкусно. И если Богатенковъ бывалъ по временамъ очень худощавъ и слабъ, то причиною было не постничество, а просто хилое его отъ природы здоровье.

Молва была ошибочна. Они вовсе не мучили себя. Они только замѣнили свой прежній роскошный бытъ экономнымъ. Они перестали тратить деньги на тѣ веселости, которыя занимательны людямъ, пока свѣжи силы и не надоѣлъ шумъ, и становятся скучны разсудительнымъ людямъ при достиженіи пожилыхъ лѣтъ.

И за это Дубовка, не потрудившись вникнуть въ дѣло, назвала ихъ дурными людьми; а она, Чистоплюева, вѣрила пустой молвѣ. — Ей было стыдно, совѣстно. Она чувствовала себя виноватой передъ Богатенковыми; ей хотѣлось повиниться передъ ними въ своей прежней несправедливости къ нимъ.

И не велѣлъ ли Христосъ навѣщать заключенныхъ?

Воронина говорила, что будетъ посѣщать Богатенковыхъ. И Катеринѣ Чистоплюевой вздумалось посѣтить ихъ. Но ея прежнія отношенія къ нимъ были такъ дурны, что она сомнѣвалась, захотятъ ли они видѣть ее. Какъ узнать объ этомъ? Она разсудила сдѣлать такъ:

Когда простолюдины навѣщаютъ находящихся въ тюрьмѣ, они приносятъ имъ „гостинцы“ (булки, хорошее кушанье, чай, сахаръ). Воронина въ первое свое посѣщеніе принесла гостинцы Богатенковымъ; будетъ носить и въ слѣдующія

посѣщенія. Катерина Чистоплюева сказала ей: „Когда опять пойдешь къ нимъ, возьми имъ гостинцевъ и отъ меня; если они пріймутъ гостинцы отъ меня, то и будетъ видно, что ты можешь спросить у нихъ, не будетъ ли имъ непріятно, что я хочу тоже навѣстить ихъ“. Воронина согласилась. Когда пошла слѣдующій разъ къ Богатенковымъ, взяла гостинцы имъ и отъ Чистоплюевой. Богатенковы приняли подарки Чистоплюевой и сказали, что не сердятся на нее за прежнее дурное мнѣніе о нихъ, что она можетъ прійти къ нимъ. И когда Воронина вновь пошла къ нимъ, взяла ее съ собою.

Богатенковы приняли Чистоплюеву любезно, благодарили ее за расположеніе къ нимъ. Спокойное свѣтлое настроеніе ихъ въ бѣдственномъ ихъ положеніи произвело на нее сильное впечатлѣніе. Для нея стало несомнѣнно, что въ самомъ дѣлѣ Богъ подкрѣпляетъ ихъ, своихъ праведныхъ, какъ это запало въ мысли Ворониной. Она стала вмѣстѣ съ Ворониною довольно часто посѣщать Богатенковыхъ. Это длилось мѣсяца три или, быть можетъ, четыре, – до самаго того времени, какъ Богатенковы были отправлены изъ Дубовки въ Саратовъ. Продолжительность періода опредѣляю я, основываясь на томъ фактѣ, что Богатенковы, арестованные на масляницѣ, оставались на праздникъ Преполовенія еще въ Дубовкѣ. Чистоплюева не помнитъ, когда именно они были отправлены изъ Дубовки въ Саратовъ; знаетъ только, что на Преполовеніе они еще были въ Дубовкѣ; въ-скорѣли послѣ этого праздника они были отвезены въ Саратовъ, она не умѣетъ припомнить; но полагаетъ, что черезъ нѣсколько или дней, или недѣль.

Когда они находились въ Саратовѣ, Чистоплюева и Воронина ѣздили къ нимъ раза три, навѣстить ихъ и отвезти имъ гостинцы. Ѣздили онѣ вмѣстѣ—на пароходѣ.

Проникнувшись убѣжденіемъ, что Богатенковы праведные люди, угодные Богу, Воронина и Чистоплюева дошли до мысли о себѣ, что онѣ „приняли вѣру“ Богатенковыхъ. Въ чемъ состояло „принятіе вѣры Богатенковыхъ“ ими, будетъ разсмотрѣно мною послѣ. Теперь пока довольно того, что по мнѣнію Чистоплюевой и Ворониной, Богатенковы перешли изъ старообрядчества въ „другую вѣру“, и что онѣ, Чистоплюева и Воронина, тоже перешли въ эту вѣру.

Онѣ перешли въ нее первыя изъ тѣхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми были осуждены и сосланы. И всѣ остальныя изъ этихъ лицъ перешли въ нее по ихъ вліянію.

Эти лица, по счету Катерины Чистоплюевой, были:

Ея мужъ; мать ея мужа; тетка ея мужа;

Ея дядя (ея, то есть Катерины Чистоплюевой); его жена;

Мужъ Ворониной;

Сосѣдка Ворониныхъ и дяди Катерины Чистоплюевой, пожилая женщина.

Я послѣ буду разбирать, насколько о комъ изъ этихъ лицъ основательно мнѣніе Катерины Чистоплюевой, какъ человѣкѣ одной съ нею „вѣры“. Тогда я приведу и имена тѣхъ изъ нихъ, которыхъ еще не случилось мнѣ назвать по именамъ.

Богатенковъ и его жена не вставали съ мѣста, когда Воронина и Чистоплюева входили къ нимъ; не подавали имъ руки. Почему такъ?—Вставать при входѣ посѣщающихъ не должно. Подавать руки при встрѣчѣ не должно. Такъ полагали Богатенковы. Принявъ ихъ вѣру, Воронина и Чистоплюева приняли эти ихъ правила. Лица, перешедшія въ вѣру Богатенковыхъ по примѣру Ворониной и Чистоплюевой, тоже приняли эти правила.

По этимъ примѣтамъ: „не встаютъ при входѣ посѣтителей или посѣтительницъ“. и „не подаютъ рукъ“ всѣ знакомые перешедшихъ въ вѣру Богатенковыхъ легко и безошибочно видѣли, что эти люди „перешли въ вѣру Богатенковыхъ“; о Богатенковыхъ вся Дубовка знала, что они „не встаютъ“ и „не даютъ рукъ“.

Все то, что Дубовка говорила о Богатенковыхъ, стали теперь говорить о Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и принявшихъ одинаковыя съ ними правила относительно встрѣчъ всѣ тѣ люди, которые знали Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и тѣхъ другихъ. Богатенковы, по мнѣнію Дубовки, держались какой-то очень дурной вѣры, потому стали дурными людьми. Теперь тоже самое стало несомнѣнно о Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и тѣхъ другихъ всѣмъ, кто зналъ этихъ людей или имѣлъ случай слышать о нихъ.

Богатенковы были арестованы на масляницу 1866 года. Когда навѣстила ихъ въ первый разъ Воронина?—Катерина Чистоплюева не умѣетъ припомнить съ точностью; но полагаетъ: очень скоро послѣ ихъ ареста.—Когда навѣстила ихъ въ первый разъ сама Катерина Чистоплюева?—Она тоже не умѣетъ припомнить съ точностью, но полагаетъ: черезъ нѣсколько дней послѣ перваго посѣщенія Ворониной къ нимъ; это было, именно, когда Воронина пошла къ нимъ въ третій разъ (при второмъ посѣщеніи Воронина отнесла гостинцы Чистоплюевой Богатенковымъ, въ слѣдующій разъ взяла ее съ собой).—И такъ, достовѣрно, что посѣщенія Чистоплюевой къ Богатенковыиъ начались въ-скорѣ послѣ ихъ ареста; вѣроятно, въ самомъ началѣ великаго поста, слѣдовавшаго за тою масляницею; въ февралѣ 1866 года, вѣроятно.

Катерина Чистоплюева и Воронина „перешли въ вѣру“ Богатенковыхъ очень скоро послѣ того, какъ Чистоплюева посѣтила ихъ въ первый разъ; опредѣленнымъ образомъ нельзя обозначить, черезъ сколько именно дней или недѣль; этотъ „переходъ въ вѣру“ не ознаменовывался никакимъ обрядомъ, никакимъ внѣшнимъ фактомъ, по которому было бы можно сказать, въ какой день, или въ какую недѣлю произошелъ онъ. Дѣло состояло исключительно въ твердомъ принятіи мысли. что правила жизни, которымъ слѣдуютъ Богатенковы, правила хорошія для душевнаго спасенія. Натурально, что у людей, рѣшавшихъ это самостоятельными соображеніями, колебанія между сомнѣніемъ и убѣжденіемъ замѣнились твердымъ признаніемъ себя за вполнѣ убѣдившихся не въ какой нибудь опредѣленный день, а постепенно; хоть и скоро, но такъ постепенно, что сами эти люди не съумѣли замѣтить, когда именно исчезли сомнѣнія окончательно.

Лицъ, самостоятельно рѣшавшихъ дѣло, было только два: Катерина Чистоплюева и Воронина. Когда онѣ двѣ „перешли“ въ свою „нынѣшнюю вѣру“. вмѣстѣ съ ними перешли въ нее и ихъ домашніе, привыкшіе сообразоваться въ своихъ мысляхъ съ ихъ мыслями; это были ихъ мужья и мать мужа Катерины Чистоплюевой.

Дядя Катерины Чистоплюевой и жена этого дяди имѣли привычку подчиняться вліянію семейства Чистоплюевыхъ; тетка мужа Катерины Чистоплюевой имѣла такую же привычку; они „перешли“ въ „вѣру“, принятую Чистоплюевыми или очень скоро послѣ семейства Чистоплюевыхъ или, насколько умѣетъ припомнить Катерина Чистоплюева, вѣроятнѣе,—совершенно въ одно время съ нимъ.

У дяди Катерины Чистоплюевой и его жены была сосѣдка-старушка, привыкшая слѣдовать ихъ мыслямъ; когда они послѣдовали примѣру Чистоплюевыхъ,

перешла въ ту же вѣру и она, или очень скоро, или, насколько умѣетъ сообразить Катерина Чистоплюева, вѣроятнѣе, совершенно одновременно съ авторитетными для нея людьми, дядею Катерины Чистоплюевой и его женою.

И такъ, все дѣло распространенія вѣры въ этомъ кругу ея послѣдователей совершилось въ нѣсколько недѣль, если не въ нѣсколько дней. Начавшись послѣ масляницы,—вѣроятно, на первой недѣлѣ великаго поста 1866 года,—въ февралѣ мѣсяцѣ, опредѣляю я приблизительно, потому что въ этомъ мѣсяцѣ обыкновенно бываетъ начало великаго поста, вѣроятно было въ февралѣ и въ томъ (1866) году, дѣло это было ужъ покончennымъ къ концу весны, а быть можетъ и къ срединѣ весны того года; а быть можетъ, и къ началу весны; къ концу мая мѣсяца, навѣрное; а быть можетъ, и къ началу апрѣля; а быть можетъ, и къ началу марта.

Сущность дѣла была такая, что, если человѣкъ вообще былъ способенъ „принять“ эту „вѣру“, то ножалуй, и двухъ дней,—пожалуй, и двухъ часовъ было бы достаточно для пріобрѣтенія имъ этой „вѣры“. Такъ нахожу я. И полагаю, съ моимъ мнѣніемъ согласятся всѣ, кто прочтетъ дальше, въ чемъ собственно состоитъ „принятіе вѣры“, о которой идетъ рѣчь.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ Чистоплюевы стали послѣдователями Богатенковыхъ, они подверглись большому несчастію: у нихъ сгорѣлъ ихъ домикъ. Въ пожарѣ погибло и кое-что изъ движимаго имущества, не все, но довольно многое; въ томъ числѣ, сгорѣли рыболовные снаряды Чистоплюева (дѣло случилось въ такую пору года, когда рыбной ловли нѣтъ, потому всѣ принадлежности промысла Чистоплюева хранились дома). Чистоплюевы не обнищали отъ пожара: деньги, какія были выручены отъ предшествовавшаго улова рыбы, были спасены; одежду тоже успѣли вынесть изъ пожара. Но хоть и далеко не обнищали, Чистоплюевы были очень раззорены пожаромъ.

Какъ вообще бываетъ съ простолюдинами сильнаго религіознаго чувства, Чистоплюевы приняли бѣдственный случай за напоминаніе отъ Бога о тщетѣ благъ земныхъ. Этого рода мысли росли въ нихъ и доросли до того, что они рѣшили: погубивъ огнемъ домикъ ихъ, Богъ показалъ имъ, что не должны они жить въ домѣ, что должны они послѣдовать примѣру Богатенковыхъ—поселиться въ землянкѣ. Такъ они и сдѣлали. Построили на своемъ дворѣ землянку, и поселились въ ней. Это было осенью 1868 года, вѣроятно въ сентябрѣ, или въ началѣ октября; слишкомъ черезъ два года,—по моему приблизительному разсчету, года черезъ два съ половиною,—послѣ того, какъ Чистоплюевы приняли вѣру Богатенковыхъ.

Землянка Чистоплюевыхъ была еще менѣе похожа на обыкновенную землянку, еще меньше отличалась отъ обыкновенныхъ домиковъ небогатыхъ людей, чѣмъ землянка Богатенковыхъ. Въ землю она была опущена развѣ на аршинъ. Кромѣ двухъ-трехъ нижнихъ бревенъ сруба, все строеніе было по-сверхъ земли. Потому окна въ землянкѣ имѣли такую же высоту, какъ въ обыкновенныхъ домикахъ простолюдиновъ. Лѣсъ на постройку былъ употребленъ хорошій. Срубъ былъ сдѣланъ заботливо, обтеска бревенъ была аккуратная, красивая. Внутри стѣны были гладкія, выструганныя. Полъ и потолокъ были изъ хорошихъ и хорошо выструганныхъ досокъ. Словомъ: этотъ свѣтлый, уютный домикъ представлялъ собою внутри удобное, даже миловидное жилище. Катерина Чистоплюева позаботилась

и о томъ, чтобы убранство въ домикѣ было красивое: насколько позволяли денежныя средства, она снабдила свое жилище хорошею мебелью; стѣны оклеила картинками, какія могла достать. Это были большею частью рисунки, вырѣзанныя изъ иллюстрированныхъ журналовъ: пейзажи, птицы, лошади, портреты всяческихъ мужчинъ и женщинъ всяческихъ націй, съ дѣтьми всяческихъ возрастовъ, отъ младенческаго до юношескаго; всяческія церкви, дома, дворцы; цѣлыя улицы всяческихъ городовъ.—„Такъ свѣтло, хорошо, нарядно было въ нашей землянкѣ, что просто чудо. Глядѣть было весело!“—говорятъ о своей землянкѣ Катерина Числоплюева и ея мужъ.

Прошло мѣсяца два-три послѣ того, какъ поселились они и мать мужа въ землянкѣ. Настала половина декабря 1868 года.

Послѣдователи Богатенковыхъ оставались все въ томъ же числѣ, сколько набралось ихъ въ первые мѣсяцы послѣ ареста Богатенковыхъ; ни одного человѣка не прибавилось къ этой крошечной группѣ людей въ два съ половиною года, прошедшіе со времени принятія ими ихъ „вѣры“. Вотъ списокъ ихъ:—всѣхъ ихъ, сколько ихъ было въ декабрѣ 1868 года:

Ѳома и Катерина Чистоплюевы; мать Ѳомы Чистоплюева, Дарья Тихоновна Чистоплюева;

Тетка Ѳомы Чистоплюева, Матрена Никифоровна Головачева;

Дядя Катерины Чистоплюевой, Антонъ Ивановъ Чугуновъ; жена его Марѳа Акимова;

Григорій Воронинъ и жена его Дарья;

Сосѣдка Чугуновыхъ, Анна Егорова Филатова.

Итого, девять человѣкъ.

Главными лицами этой группы людей были, какъ я ужъ говорилъ, Дарья Воронина и Катерина Чистоплюева. Остальные семь человѣкъ говорили о себѣ, что держатся тѣхъ же мнѣній, какихъ держатся эти двѣ женщины. Катерина Чистоплюева убѣждена, что дѣйствительно всѣ они имѣли одинаковыя съ нею понятія и что тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ живы, остаются и теперь людьми одной съ нею „вѣры“. Она убѣждена и въ томъ, что эта „вѣра“—та самая вѣра, которой держались Богатенковы, когда она видѣлась съ ними (въ 1866—1868 годахъ).

Для меня ясно, что въ этихъ ея мысляхъ многое—чистая иллюзія. Число людей, которыхъ основательнымъ образомъ слѣдуетъ признать имѣющими одинаковую съ нею „вѣру“, менѣе того, сколько считаетъ она. Это будетъ очевидно изъ фактовъ, которые будутъ изложены далѣе.

Перехожу къ подробностямъ о тѣхъ изъ девяти человѣкъ, перечисленныхъ мною, о которыхъ еще не разсказывалъ, или о которыхъ, какъ о Ворониныхъ и о матери Ѳомы Чистоплюева, разсказывалъ лишь мимоходомъ.

Мать Ѳомы Чистоплюева, Дарья Тихонова, принадлежала къ такимъ матерямъ, у которыхъ весь интересъ жизни—любовь къ дѣтямъ. Страстно любя сына, она съ такою же безграничною нѣжностью полюбила и его жену. Желанія Катерины были закономъ для старухи.—Когда Ѳома и Катерина „приняли вѣру“ Богатенковыхъ, Дарьѣ Тихоновой было лѣтъ шестьдесятъ пять, по моему приблизительному соображенію; и несомнѣнно, больше нежели шестьдесятъ лѣтъ, потому что ея сыну было тогда лѣтъ сорокъ пять, сорокъ шесть.—Доживши лѣтъ

до шестидесяти слишкомъ, вѣроятно лѣтъ до шестидесяти пяти твердою послѣдовательницею старообрядчества поповской секты, могла ли Дарья Тихонова перейти въ другое вѣроисповѣданіе?—Невозможнаго тутъ нѣтъ; но факты подобнаго рода такъ необыкновенны, что надобно сказать: случаи этого разряда должны быть принимаемы за достовѣрные не иначе, какъ по внимательному изслѣдованію разсказовъ о нихъ. Я разбиралъ разсказы Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ о переходѣ Дарьи Тихоновой въ вѣру, принятую ими. Оказалось: они ровно ничего не знаютъ о какой бы то ни было перемѣнѣ въ ея религіозныхъ убѣжденіяхъ. Они толкуютъ исключительно о томъ, что когда они стали держаться тѣхъ формъ обращенія съ людьми, которыхъ держатся теперь, Дарья Тихонова тоже стала держаться этихъ правилъ. Для нихъ, этого достаточно, чтобы говорить: она приняла ихъ вѣру. Но дѣло имѣетъ другую сторону, о которой не приходило имъ въ голову подумать. Старуха, усердная старообрядка, привыкла считать безразличными для душевнаго спасенія многіе житейскіе обычаи, которыми когда-то дорожила и соблюденіе которыхъ стало ужъ издавна невозможнымъ для разсудительныхъ, осторожныхъ старообрядцевъ того края. Напримѣръ, старообрядцы имѣли всегда своимъ правиломъ уклоняться отъ знакомства съ Православнымъ духовенствомъ. Но когда старообрядчество въ томъ краѣ было приведено въ затруднительное положеніе,—это началось съ появленіемъ Іакова на Саратовской епархіальной каѳедрѣ,—около 1835 года, если не ошибаюсь въ моихъ хронологическихъ воспоминаніяхъ,—Дарья Чистоплюева нашла неблагоразумнымъ дичиться Православнаго духовенства. Она вставала со скамьи у своихъ воротъ, когда, сидя тутъ, по обычаю простолюдиновъ, съ сосѣдками и пріятельницами видѣла проходящаго священника; если онъ останавливался поговорить, она любезно вела разговоръ съ нимъ. Этого мало. Священники стали посѣщать ее, какъ добрую знакомую; она принимала этихъ гостей, какъ слѣдуетъ гостепріимной хозяйкѣ. Мало и того. „Обходя“ по праздникамъ „прихожанъ“ съ „крестомъ“—какъ это называется—священники „заходили съ крестомъ“ къ ней. Это значитъ: они приходили съ принадлежностями „молебствованія“,—съ своимъ церковнымъ облаченіемъ, съ разными вещами изъ церковной утвари. Она принимала ихъ любезно. Они „облачались“, служили молебенъ, ходили по комнатамъ, совершая кажденіе, кропя стѣны святою водою; словомъ, дѣлали все то, что дѣлали въ домахъ у православныхъ. Она не мѣшала имъ. Сама не молилась при ихъ служеніи, не „подходила къ кресту“, но стояла и смотрѣла почтительно. По окончаніи молебна давала имъ нѣсколько денегъ, сообразно тому, какъ дѣлали ихъ православные прихожане. Они признавали, что она не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія измѣнить старообрядчеству. Но продолжали „бывать съ крестомъ“ у нея. Когда началось это, ей было лѣтъ тридцать пять или сорокъ. Длилось это лѣтъ пятнадцать или двадцать. Настали времена, когда правительство нашло возможнымъ облегчить положеніе старообрядцевъ. Тогда Дарья Чистоплюева согласилась съ мнѣніемъ сына и его жены, что теперь нѣтъ надобности „принимать священниковъ съ крестомъ“.—И такъ: присутствовать при молебнахъ, совершаемыхъ въ ея домѣ православными священниками, не казалось ей дѣломъ грѣховнымъ, отступничествомъ отъ ея вѣры.—Я ужъ говорилъ, что когда ея сынъ женился, она послала его и его невѣсту вѣнчаться въ православной церкви.—Изъ этихъ фактовъ ясно: Дарья Чистоплюева была женщина, не ставившая свою вѣрность старооб-

рядчеству въ узкой формалистикѣ.—Чѣмъ отличалась по внѣшности отъ старообрядчества вѣра, въ которую перешли Ѳома и Катерина Чистоплюевы?—Тѣмъ, что слѣдуетъ отказаться отъ исполненія нѣкоторыхъ житейскихъ обыкновеній, относящихся къ привѣтствованіямъ между знакомыми при встрѣчахъ: не раскланяваться, не подавать руку для пожатія. Я полагаю, что Дарья Чистоплюева считала эти условія пустяками, изъ которыхъ не стоитъ огорчать сына и его жену: кажется имъ, что не должно раскланяваться и подавать руку, то пусть будетъ такъ: что за охота спорить о такихъ мелочахъ?—Я думаю, что старуха подсмѣивалась въ душѣ надъ сыномъ и его женою за то, что они придаютъ важность этимъ ребячествамъ. Я полагаю, она, въ угожденіе сыну и его женѣ, одинаково стала бы, пожалуй, давать лѣвую руку вмѣсто правой, или обѣ руки вмѣсто одной, или, вмѣсто подаванія руки, кашлять при встрѣчѣ; или вообще поступать въ этой церемоніи какъ угодно ея сыну и его женѣ.—Мудрено думать, чтобъ она, дожившая до шестидесяти лѣтъ въ правильныхъ мысляхъ о мелочахъ житейской формалистики, не смѣялась въ душѣ надъ тѣмъ, что ея сынъ и его жена стали придавать важность нѣкоторымъ изъ ничтожнѣйшихъ между этими мелочами.—Но, кромѣ этихъ вещей, казавшихся ей, я полагаю, не болѣе какъ ребячествомъ, вѣра ея сына и его жены имѣла требованіе совершенно иного разряда: надобно жить скромно, экономно, тихо; не слѣдуетъ тратить деньги на пустыя развлеченія, въ родѣ пирушекъ для людей, еще не дряхлыхъ, имѣвшихъ еще силу, иной разъ и охоту попировать, отказаться отъ пирушекъ—конечно, составляетъ нѣкоторое самоограниченіе; пожалуй самопожертвованіе. Такъ это, безъ сомнѣнія, было для Ѳомы Чистоплюева, которому тогда (въ 1866—1868 годахъ) не было еще пятидесяти лѣтъ, и который тогда, еще не будучи больнымъ, конечно, сохранялъ довольно значительную дозу свѣжести силъ изъ полученнаго отъ природы и не траченнаго ни на какія излишества атлетическаго запаса здоровыхъ влеченій къ веселостямъ. Еще болѣе чувствительнымъ самоограниченіемъ было это для его жены, при ея очень живомъ характерѣ.—Но старуха Дарья Чистоплюева конечно ужь не имѣла влеченія пировать. И безъ сомнѣнія, она взглянула на дѣло съ чисто хозяйственной стороны: не сорить денегъ на пустыя забавы, которыя для нея и скучны, и утомительны,—что жъ, это очень благоразумно.—Въ этомъ, я полагаю, и состояло „принятіе вѣры“ сына и его жены Дарьею Чистоплюевою: старуха была рада, что теперь дѣти не будутъ своими пирушками мѣшать ей проводить вечера въ лежаньѣ на кровати, и съ улыбкою привыкала она угождать имъ въ правилахъ относительно церемоній встрѣчи съ знакомыми.

Когда, въ послѣднія недѣли моего знакомства съ Чистоплюевыми и Головачевой, я, ужь надѣявшійся на то, что мои шутки по поводу ихъ мнѣній не будутъ принимаемы ими въ обиду, позволялъ себѣ иной разъ посмѣяться надъ тою или другою оригинальностью ихъ понятій или ихъ манеры держать себя, я иногда прибавлялъ къ моей шуткѣ: „Охъ, я думаю, и Дарья Тихоновна была въ этомъ согласна со мною; только молчала передъ вами, чтобъ не огорчить васъ“—„Можетъ быть“,—отвѣчали они:—„не приходило намъ этого о ней въ голову. А можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ поступала по нашему только изъ любви къ сыну и его женѣ, въ угожденіе имъ“.—Это говорили они, когда говорилъ я имъ всѣмъ троимъ вмѣстѣ. А когда случалось мнѣ высказывать мои мысли о Дарьѣ

Чистоплюевой въ разговорѣ съ однимъ Ѳомою Чистоплюевымъ, или съ одною Катериною Чистоплюевою, мнѣ удавалось слышать и менѣе сомнительный отвѣтъ:— „Кажется, что ты, мой другъ, угадываешь это правильно; должно быть, наша старушка дѣлала по нашему лишь изъ любви къ намъ“.

Подобно тому, какъ о Дарьѣ Тихоновой Чистоплюевой, думаю я о ея племянникѣ, Григоріѣ Воронином, мужѣ Дарьи Ворониной. Онъ былъ человѣкъ очень мягкаго характера; онъ очень любилъ жену; онъ очень уважалъ ее: онъ имѣлъ привычку поступать во всемъ сообразно ея желанію. И, сколько я могу анализировать его убѣжденія по разсказамъ Чистоплюевыхъ и Головачевой, я нахожу, что онъ „перешелъ въ вѣру“, принятую его женою, только по угожденію женѣ, „держался“ этой „вѣры“ только для того, чтобы не разрозниться съ женою.

Остаются четыре лица: дядя Катерины Чистоплюевой, Антонъ Чугуновъ; его жена; сосѣдка Чугуновыхъ, Анна Филатова, и тетка Ѳомы Чистоплюева, Матрена Никифорова Головачева.

Одно изъ этихъ лицъ, Матрена Головачева, принадлежитъ къ числу тѣхъ трехъ, которыя жили здѣсь, въ Вилюйскѣ, и съ которыми я познакомился и сталъ друженъ. Потому я могу говорить объ этомъ лицѣ, какъ человѣкъ, вполнѣ знающій его характеръ и мысли.

Матрена Головачева, тетка Ѳомы Чистоплюева, теперь старуха очень преклонныхъ лѣтъ. Сколько именно лѣтъ ей, она не знаетъ. Полагаетъ, что лѣтъ семьдесятъ. Приблизительное соображеніе о вѣрности этого ея предположенія можно сдѣлать, основываясь на ея достовѣрныхъ знаніяхъ, что она много старше своего племянника, но что ея мать Дарья Чистоплюева была нѣсколькими годами постарше ея. И такъ, ей теперь во всякомъ случаѣ будетъ лѣтъ за шестьдесятъ пять; а въ 1866—1868 годахъ было лѣтъ или пятьдесятъ пять, или больше.

Она родилась и выросла въ старообрядчествѣ, и оставалась усердною послѣдовательницею его до того времени, какъ „перешла въ вѣру“, принятую Чистоплюевыми,— то есть, лѣтъ до пятидесяти пяти, или больше.

Въ ранней молодости она вышла замужъ. Ея мужъ былъ, подобно ей, изъ семейства, безбѣдно жившаго работою, но не имѣвшаго денегъ. По промыслу онъ былъ чеботарь; усердный и хорошій работникъ. Благодаря тому, они жили, какъ она выражается, „прекрасно“.— „Богатства у насъ не было“,— говоритъ она,— „но домъ у насъ былъ полная чаша. Что жъ, извѣстное дѣло: когда простые черноработе, которые умѣютъ только кули таскать на суда, живутъ у насъ въ Дубовкѣ очень достаточно, то хорошему мастеру какъ же у насъ не жить въ самомъ прекраснѣйшемъ достаткѣ? Ну, и жили мы съ мужемъ такъ, что только благодарили Бога“.

Мужъ ея былъ человѣкъ „хорошей нравственности“, — по простонародному это значитъ, между прочимъ, что онъ не любилъ быть пьянъ. Притомъ, онъ былъ смирнаго характера.— „Чего жъ еще желать, батюшка ты мой? Когда у жены такой мужъ, то должна она за него и день и ночь Богу молиться. Не всякой женѣ Богъ даетъ такое счастье“,— говоритъ она. Она и съ-молоду умѣла цѣнить свое счастье: была благодарна Богу, что у нея такой мужъ. Они всегда жили согласно: — „Никогда у насъ, другъ ты мой, словечка не было поперекъ сказано промежду собою. Чтобъ онъ мнѣ какое неудовольствіе сказалъ, или бъ я ему,— никогда этого не было“.

Онъ былъ православный, или, какъ выражаются старообрядцы въ Дубовкѣ, онъ былъ „Греко-Россійскій“.

— „ Неужели жь, Матрена Никифоровна, у васъ съ нимъ не было никакихъ непріятностей изъ-за того, что онъ держится Греко-Россійской вѣры, а вы старой вѣры?“ —спрашивалъ я. — „Никогда, никакой размолвки, никакого спора изъ-за этого у насъ не было“, — отвѣчала она: — „Говорила я тебѣ, ни изъ-за чего у насъ не было никакихъ неудовольствій; ну, и изъ за этого не было. Жили мы всегда въ полномъ согласіи, вотъ и все“. — „Но позвольте, однако, Матрена Никифоровна“, — продолжалъ разспросъ я: — „Вы были усердна къ своей вѣрѣ, когда были въ старообрядчествѣ?“ — „Ну, извѣстно, была“. — „И онъ былъ усерденъ къ своей вѣрѣ?“ — „Извѣстно; а то какъ же?“ — „И все таки вы съ нимъ не спорили изъ за разницы въ вѣрѣ?“ — „Никогда“. — „Да какъ же это?“ — „А такъ. Онъ для меня хорошъ, я для него хороша, такъ чего жь еще тутъ?“ — „Но его вѣра для васъ была жь непріятна?“ — „А что жь мнѣ въ ней было непріятнаго?“ — „Да какъ же, что? Не та она, какъ ваша“. — „Ну такъ что? Не та она, какъ моя; а непріятнаго въ ней ничего не было. Чѣмъ она не хороша? Хорошая вѣра“. — „Неужели жь вы такъ думали о Греко-Россійской вѣрѣ, когда были въ старообрядчествѣ? Теперь вы думаете о ней такъ, я знаю. Но тогда, неужели жь, мысли о ней были у васъ, Матрена Никифоровна, тѣ же самыя, какія теперь?“ – „Нѣтъ. Теперь я понимаю, что никакой, ни самой неважной разницы между Греко-Россійской вѣрой и старой вѣрою нѣтъ. А когда я была въ старой вѣрѣ, я этого не понимала. Теперь, по-моему, Греко-Россійская ли вѣра, старая ли вѣра—все равно. А тогда я думала, что хоть Греко-Россійская вѣра тоже хороша, но что старая вѣра лучше. Только я и тогда понимала, что разница не велика, и потому спорить объ этой разницѣ не стоитъ. Ну, и мужъ мой думалъ о своей вѣрѣ такъ же, какъ я о своей: Греко-Россійская вѣра лучше старой, но разница между ними не такая большая, чтобы спорить объ этомъ. Потому, и споровъ у насъ съ нимъ не было“.

Дарья Чистоплюева, мать Ѳомы, очень любила Головачеву. Это было еще съ самой ранней молодости Головачевой. Онѣ видѣлись каждый день. Дѣтей у Головачевой не было. Потому она имѣла досугъ проводить у Чистоплюевыхъ очень много времени. Она была какъ будто вовсе принадлежащей къ семейству Дарьи Чистоплюевой. Когда Дарья Чистоплюева „перешла въ вѣру“, принятую ея сыномъ и его женою, перешла въ эту вѣру и Головачева.

Почему перешла? Она и теперь не умѣетъ сказать въ объясненіе этому ничего, кромѣ того, что ясно было для меня черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала моего знакомства съ нею: — она послѣдовала примѣру Дарьи Чистоплюевой. На мои распросы она постоянно отвѣчала одно: — „Другъ ты мой, Дарья Тихоновна любила меня, ну и я ее любила; такъ что жь мнѣ было отставать отъ нея?“.

Дѣйствительно, въ этомъ состояло для нея все дѣло.

Она женщина очень религіозная. Держится своей „вѣры“ совершенно твердо. Но отчетливыхъ понятій о своей вѣрѣ не имѣетъ и теперь, проживши лѣтъ шесть — во время процесса — въ одной комнатѣ съ Катериною Чистоплюевою, Дарьею Ворониною и, пока была жива—года полтора—Дарья Чистоплюева, то и съ Дарьею Чистоплюевой, — а по окончаніи процесса, проживши все время вмѣстѣ съ Ѳомою и Катериною Чистоплюевыми.

Дѣло въ томъ, что при всей своей религіозности, она женщина совершенно того склада ума, который преобладаетъ въ огромномъ большинствѣ русскихъ простолюдиновъ и простолюдинокъ. Серьезнымъ образомъ занимательны для нея только житейскія дѣла ея самой, ея родныхъ и другихъ близкихъ ей лицъ. Изъ этого круга мыслей у нея нѣтъ охоты выходить. Думать о религіозныхъ вопросахъ для нея скучно. Религіозна, очень религіозна, но много думать о „вѣрѣ“ ей скучно;— у русскихъ простыхъ людей такіе характеры попадаются очень часто.

Сколько могу я судить, то же самое, что о Головачевой, надобно полагать о другой пожилой женщинѣ, судившейся и осужденной вмѣстѣ съ нею и ея родными, Аннѣ Егоровой Филатовой. Я полагаю, что Анна Филатова перешла въ ту вѣру, за которую попала подъ судъ, не имѣя отчетливыхъ понятій объ этой вѣрѣ. Я возвращусь къ вопросу объ этой старушкѣ послѣ того, какъ изложу мои свѣдѣнія о двухъ остальныхъ лицахъ, о которыхъ Катерина и Ѳома Чистоплюевы говорятъ, какъ о своихъ единовѣрцахъ, — о дядѣ Катерины Чистоплюевой Антонѣ Чугуновѣ и о его женѣ.

Богатенковы, Киселевы, Воронины, Чистоплюевы были жители посада Дубовки. Отецъ и мать Катерины Чистоплюевой жили тоже въ Дубовкѣ. Но или всѣ, или почти всѣ эти семейства принадлежали къ сословію удѣльныхъ крестьянъ. О Богатенковыхъ и Киселевыхъ я не умѣю сказать этого положительно, потому что Ѳома и Катерина Чистоплюевы сами не разберутъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „были ль записаны въ гильдію“ Богатенковы и Киселевы, или нѣтъ; и если нѣтъ, то къ какому сословію—мѣщанскому или крестьянскому—принадлежали эти семейства. Но Воронины и Чистоплюевы были удѣльные крестьяне. Чугуновы тоже.

Въ старину, весь родъ Чугуновыхъ жилъ въ Дубовкѣ. Но общество удѣльныхъ крестьянъ, жившихъ въ Дубовкѣ, имѣло по сосѣдству съ посадомъ большой участокъ земли. Когда оно стало чувствовать недостатокъ въ землѣ, которою пользовалось, живучи въ Дубовкѣ, часть этого общества переселилась на тотъ кусокъ земли. Такимъ образомъ возникло селеніе Песковатка. Отъ центра Дубовки до того мѣста, на которомъ были построены первые дома новаго селенія, считалось семь верстъ. Потому и уцѣлѣло до сихъ поръ выраженіе, что отъ Дубовки до Песковатки — семь верстъ. Но Дубовка быстро росла въ ту сторону, гдѣ Песковатка. Да и сама Песковатка много выросла въ сторону къ Дубовкѣ. И около 1866 года разстояніе между краями Дубовки и Песковатки было ужь такъ невелико, что Песковатка составляла какъ будто подгородную слободу Дубовки.

Чистоплюевы жили въ Дубовкѣ. Но, принадлежа къ сословію удѣльныхъ крестьянъ, Ѳома Чистоплюевъ считался имѣющимъ надѣлъ въ земельной дачѣ Песковатскаго селенія. И въ этомъ селеніи была какая-то маленькая постройка, принадлежавшая ему, — что-то вродѣ анбара ли, или крошечной избушки, не умѣю сказать.

Воронинъ тоже имѣлъ кусокъ земли въ Песковаткѣ и на этомъ кускѣ домикъ.

Николай Чугуновъ, отецъ Катерины Чистоплюевой, оставался жителемъ Дубовки. Братъ его Антонъ, дядя Катерины, жилъ въ Песковаткѣ.

Антонъ Чугуновъ былъ рыбакъ. Продавать свою рыбу онъ пріѣзжалъ въ Дубовку. Во время весенняго улова это бывало каждый день.

Лѣтами Антонъ Чугуновъ былъ много моложе отца Катерины. Былъ лишь немногимъ старше племянницы. Дядя и племянница росли почти вмѣстѣ. Были дружны. Жена дяди и Катерина очень любили другъ друга. Видѣлись безпрестанно.

Жену Антона Иванова Чугунова звали Маріею Акимовою. У нихъ было трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ. Старшую дочь ихъ звали Анною. Ей въ 1868 году было двѣнадцать лѣтъ. Имена двухъ другихъ дочерей Антона и Маріы Чугуновыхъ: Дарья и Иванъ.

Антонъ и Марѳа Чугуновы не имѣли денежныхъ запасовъ. Но жили очень безбѣдно.

Черезъ улицу противъ нихъ жила Анна Филатова. Она была постарше Маріы Чугуновой. Была чрезвычайно дружна съ нею.

Антонъ и Марѳа Чугуновы не интересовались Богатенковыми, такъ что слышали объ арестѣ ихъ довольно смутно и не имѣли охоты слышать подробнѣе и точнѣе.

Но когда Катерина Чистоплюева собиралась посѣтить Богатенковыхъ во второй, или третій, или четвертый разъ, Дарья Воронина, вмѣстѣ съ которой собиралась она къ нимъ, сказала ей, что рыба, которая была у нихъ, ужь вся вышла:—„Возьми, милая, рыбы въ гостинецъ имъ“.—Дѣло было во время весенняго улова, утромъ. У Чистоплюевыхъ вся рыба была ужь распродана. Катерина Чистоплюева подумала:—„Антонъ Ивановичъ, кажется, еще не распродалъ свою рыбу; кажется, еще найду его на рыбномъ базарѣ“. И пошла на рыбный рынокъ искать дядю. Онъ былъ еще тамъ и у него еще оставалась нераспроданною хорошая рыба, въ томъ числѣ прекрасный большой сазанъ. Катерина Чистоплюева выбрала самую хорошую изъ оставшейся у него рыбы, между прочимъ, и этого сазана, и стала говорить, чтобъ онъ подарилъ ей отобранное ею. Онъ удивился: зачѣмъ ей столько рыбы на обѣдъ для троихъ? Да и вообще, зачѣмъ ей нужна рыба отъ него? У нея была въ это утро своя. Какъ же это она продала всю, не оставивши себѣ на обѣдъ, если хотѣла готовить себѣ нынѣ обѣдъ изъ рыбы?—Рыбу, пойманную ея мужемъ, продавала она.—Она должна была объяснить дядѣ, почему вдругъ понадобилась ей рыба.—Дядя разсмѣялся и далъ.

„Вотъ съ этого-то случая, другъ ты мой, и пошли у меня разговоры съ дядею и его женою о Богатенковыхъ. Ну и перешли Антонъ Иванычъ и Марѳа Акимовна въ ту же вѣру, въ которую перешли мы, я съ моимъ старикомъ“.—Такъ разсказывала мнѣ Катерина Чистоплюева.

Примѣру своихъ друзей, Антона и Маріы Чугуновыхъ, послѣдовала Анна Филатова.

Катерина Чистоплюева говоритъ о своемъ дядѣ съ уваженіемъ. Но въ каждомъ словѣ ея о немъ ясно слышится увѣренность, что ея мысли господствовали надъ его мыслями. И я полагаю, что это ея чувство основательно. Въ такомъ же отношеніи къ ней была и его жена.

Такимъ образомъ, изъ девяти человѣкъ той группы, къ которой принадлежали Воронины и Чистоплюевы, только два лица были, я полагаю, людьми, самостоятельно державшимися тѣхъ мнѣній, за которыя были подвергнуты суду: это Дарья Воронина и Катерина Чистоплюева.

Григорій Воронинъ и Ѳома Чистоплюевъ приняли эти мнѣнія, подчиняясь вліянію своихъ женъ.

Антонъ Чугуновъ и его жена едва ли имѣли отчетливыя понятія о томъ вѣроученіи къ которому примкнули; а во всякомъ случаѣ, примкнули къ нему, лишь слѣдуя примѣру Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ.

Мать Ѳомы Чистоплюева, Дарья Чистоплюева, считала, я полагаю, это вѣроученіе не различающимся отъ старообрядчества (или Православія, въ данномъ случаѣ все равно) ничѣмъ такимъ, изъ-за чего стоило бы спорить, и приняла правила его лишь для того, чтобъ не огорчать сына и жену сына противорѣчіемъ въ вещахъ, казавшихся ей пустяками.

Наконецъ, Матрена Головачева и Анна Филатова были послѣдовательницами этой „вѣры“ лишь потому, собственно говоря, что держались принятыхъ въ ней правилъ обращенія съ людьми при встрѣчахъ: не раскланяваться и не подавать руку; въ этомъ и состояла для нихъ обѣихъ „вѣра“, а приняли онѣ эти правила по уваженію—Матрена Головачева къ Дарьѣ Чистоплюевой, Анна Филатова—къ Антону Чугунову и его женѣ.

И такъ, „вѣра“, возлагавшая на своихъ послѣдователей и послѣдовательницъ правила не раскланяваться и не подавать рукъ при встрѣчахъ, пріобрѣла весною 1866 года девять человѣкъ послѣдователей и послѣдовательницъ въ Дубовкѣ и Песковаткѣ.

Прошло два съ половиною года, насталъ декабрь 1868 года. Вѣра неподаванія руки при встрѣчахъ сохраняла весь тотъ комплектъ вѣрующихъ, безъ убавки и прибавки.

Дубовка и Песковатка хохотали надъ этою вѣрою и ея девятью вѣрующими.

Въ жизни вѣрующихъ произошли за это время двѣ перемѣны. Объ одной я ужъ говорилъ: осенью 1868 Чистоплюевы поселились въ землянкѣ. Другая перемѣна состояла въ томъ, что Воронины, торговыя дѣла которыхъ нѣсколько разстроились, переселились изъ Дубовки въ Песковатку, гдѣ могли жить экономнѣе, нежели въ Дубовкѣ.

Я говорилъ, что и Дубовка и Песковатка хохотали надъ Ворониными, Чистоплюевыми и ихъ единовѣрцами. Но, разумѣется, молвы о нихъ, смѣха надъ ними было несравненно меньше, нежели молвы и смѣха по поводу Богатенковыхъ и Киселевыхъ, потому что они были люди очень не важные, мало интересные. Только Воронины принадлежали къ торговому сословію; но и то лишь къ мелкимъ людямъ торговаго класса. Что за охота была Дубовкѣ и Песковаткѣ много толковать о торговцѣ, весь капиталъ котораго ограничивался нѣсколькими тысячами рублей? А всѣ остальные семь человѣкъ были чернорабочіе: два рыбака, жена чеботаря, жена какого-то другаго мужика. Кромѣ родныхъ и личныхъ знакомыхъ кому былъ интересъ заниматься ихъ поступками?—О нихъ говорили только когда вспоминали о Богатенковыхъ: въ этихъ случаяхъ распространяли на нихъ тѣ порицанія и бранныя прозвища, которыя привыкла молва употреблять о Богатенковыхъ: „дурачье“, „сумасшедшіе“, „безумные“.

Въ два съ половиною года ихъ вѣра не пріобрѣла ни одного новаго послѣдователя, ни одной послѣдовательницы. Почему не пріобрѣла?—Причинъ было двѣ. Во первыхъ, у нихъ не было никакой потребности пропагандировать. Они думали только о собственномъ душевномъ спасеніи. Учить другихъ они не считали себя

ни призванными отъ Бога, ни способными. Всѣ они были люди совершенно темные. Никто изъ нихъ не умѣлъ читать. Никто изъ нихъ не имѣлъ даже и такого объема свѣдѣній по догматикѣ и по исторіи церкви, какимъ обладаетъ большинство безграмотныхъ людей между православными и между старообрядцами, посѣщающими общественныя моленія своей секты. Всѣ они были люди смирные и желавшіе быть благоразумными; потому, всѣ они молились только по домамъ, повинуясь постановленному въ томъ краѣ со времени закрытія старообрядческихъ часовень запрещенію старообрядцамъ собираться для общественныхъ моленій. Я говорилъ объ этомъ. Говорилъ и о томъ, каково было натуральное послѣдствіе воздержанія безграмотныхъ старообрядцевъ отъ участія въ общественныхъ моленіяхъ: не слыша ни богослуженія, ни отрывковъ изъ священнаго Писанія, они постепенно забывали то, что когда-то знали, и напослѣдокъ, ихъ свѣдѣнія по догматикѣ и церковной исторіи упали до чрезвычайной скудости и сбивчивости.— Скромные и неглупые люди, дошедшіе до такой нищеты религіозныхъ свѣдѣній, не могли не понимать, что не годится имъ учить другихъ. А Чистоплюевы и Воронины были люди скромные и неглупые. Ужь по одному этому они должны были чуждаться всякой мысли о пропагандированіи своихъ мнѣній и удерживать отъ этого остальныхъ своихъ единовѣрцевъ. Да вовсе и не клеилась ихъ „вѣра“ съ мыслями о пропагандѣ. Сущность ихъ религіозныхъ влеченій состояла въ заботѣ о собственномъ душевномъ спасеніи. Они были заняты мыслями только о томъ, чтобъ имъ самимъ удостоиться благоволенія Божія. Не объ основаніи какой нибудь секты думали они; нѣтъ; только о томъ, чтобы вести богоугодную жизнь. Они хотѣли быть людьми чистой нравственности, только въ сущности. Кто серьезно преданъ дѣлу собственнаго нравственнаго совершенствованія, у того нѣтъ ни досуга въ мысляхъ, ни склонности выступать проповѣдникомъ: исключеній изъ этого правила мало показываетъ исторія религіозной жизни. Напримѣръ наши Четьи-Минеи почти обо всякомъ изъ тѣхъ святыхъ Православной церкви, которые были проповѣдниками вѣры, говорятъ, что онъ лишь по принужденію отъ другихъ принималъ на себя проповѣдническую дѣятельность, а кого изъ святыхъ не принуждали къ проповѣдничеству повелѣнія его начальниковъ или духовныхъ наставниковъ, тѣ вообще и не выступали проповѣдниками.

И такъ, по обыкновенному свойству людей, заботящихся исключительно о собственномъ нравственномъ самосовершенствованіи, Чистоплюевы, Воронины и ихъ единовѣрцы не имѣли склонности учить другихъ.

„О своей душѣ мы думали: куда намъ было учить другихъ?“ — говорили мнѣ Катерина и Ѳома Чистоплюевы: — „Да и что жь мы, вовсе глупые, что ли, чтобы намъ можно было не понимать, какіе мы люди: безграмотные; учить другихъ, то хоть читать-то надо бы умѣть“.

И такъ, они и ихъ единовѣрцы не дѣлали ни малѣйшихъ попытокъ распространять свою „вѣру“.

Но если бы и имѣла эта вѣра въ числѣ своихъ послѣдователей кого нибудь, склоннаго проповѣдывать ее, она не могла бы пріобрѣсти новыхъ послѣдователей. Сущность ея такова, что она ни при какихъ усиліяхъ, ни при какихъ, пусть бы хоть и самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ничѣмъ не стѣсненной, публичной пропаганды не могла бы пріобрѣсти столько послѣдователей, чтобы стать хотя бы крошечною сектою, — сектою, которая имѣла бы хоть сотню послѣдователей. Она

явленіе совершенно случайное, мимолетное; явленіе, не могущее идти дальше ничтожной группы нѣсколькихъ лицъ, подчинившихся, по привычкѣ родства или многолѣтней дружбы, вліянію совершенно исключительной, ни мало не пригодной къ широкому распространенію, формы религіознаго чувства, овладѣвшей двумятремя людьми, прожившими десятки лѣтъ въ родственной или дружеской близости между собою. Я возвращусь къ этому, когда изложу сущность „вѣры“ моихъ друзей, Катерины и Ѳомы Чистоплюевой (и Матрены Головачевой, насколько добрая старушка имѣетъ эту „вѣру“, то есть очень мало). Теперь пока я лишь объясню тотъ фактъ, что эта „вѣра“ въ два съ половиною года не пріобрѣла ни одного новаго послѣдователя, ни одной послѣдовательницы: сколько людей приняли ее въ первой половинѣ 1866 года, столько жь ихъ было и въ концѣ 1868 года: девять человѣкъ; да девять, лишь по счету наивной Катерины Чистоплюевой; а по моему счету, человѣкъ пять, шесть изъ этихъ девяти.

Осмѣиваемые всѣми, кому случалось вспомнить о нихъ, эти люди, ничтожные по своему общественному положенію, прожили въ своей вѣрѣ два съ половиною года, не предполагая, что въ ихъ заботахъ о своемъ душевномъ спасеніи можетъ оказаться что нибудь несогласное съ закономъ.

Но около половины декабря 1868 года, Чистоплюевы услышали, что единовѣрцы ихъ, жившіе въ Песковаткѣ,— Чугуновы, Воронины, Филатова—арестованы. На другое утро Ѳома и Катерина Чистоплюевы пошли въ Песковатку навѣстить арестованныхъ. Когда они разговаривали съ арестованными, подошелъ къ нимъ полицейскій служитель и объявилъ имъ, что велѣно оставить подъ арестомъ и ихъ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ становой приставъ и обратился къ Ѳомѣ и Катеринѣ съ вопросами, изумившими ихъ, показавшимися имъ грубою, нелѣпою и нечестивою насмѣшкою; и Катерина Чистоплюева отвѣчала ему на эти возмущавшіе ея душу вопросы народными поговорками, какими русскіе мужики и мужички заставляютъ молчать кощунствующихъ глупцовъ;—это поговорки шутливыя; шутка для русскаго простонародья служитъ любимою формою выражать негодованіе.—Вотъ этотъ разговоръ Катерины Чистоплюевой съ предлагавшимъ ей и ея мужу возбуждавшіе въ нихъ негодованіе и дѣйствительно нелѣпые вопросы становымъ приставомъ.

Какъ увидѣлъ Ѳому и Катерину Чистоплюевыхъ, становой приставъ обратился къ нимъ съ вопросомъ:—„Богъ есть у васъ?“—Катерина сказала на это: „Гдѣ Богъ?“—Становой сказалъ: „На небѣ“.—Катерина сказала:—„Небо, тамъ никто не былъ“.—Становой сказалъ:—„А царь у васъ есть?“—Катерина отвѣчала:—„А гдѣ же царь?“—Становой сказалъ:—„угодно, я принесу портретъ“.—Катерина сказала:—„Я портретамъ не вѣрю“.

Становой кончилъ на этомъ свой удивительно умѣстный диспутъ съ русскими мужикомъ и мужичкой, будто съ какими нибудь парижскими ouvriers, между которыми не въ диковинку атеисты, и которые ужь и тогда, въ 1868 году, были почти сплошь республиканцы. Становой приставъ очевидно воображалъ, что Дубовка и Песковатка—Парижъ, что самъ онъ sous-préfet Сенскаго департамента, и что бесѣда его съ Ѳомою и Катериною происходитъ на французскомъ языкѣ. Разочарованный въ иллюзіи, что придуманные имъ вопросы очень умны, онъ крикнулъ полицейскимъ: „посадить этихъ людей въ темную“, и ушелъ.

Я возвращусь къ разговору, который привелъ съ буквальною точностью,

какъ нѣсколько разъ передавала мнѣ его, всегда совершенно одними и тѣми же словами, Катерина Чистоплюева.

На слѣдующее утро Ѳома и Катерина Чистоплюевы были отправлены въ Царицынъ.

Воронины, Чугуновы и Филатова были ужь отправлены туда раньше ихъ.

Черезъ мѣсяцъ были арестованы и также отправлены въ Царицынъ Дарья Чистоплюева и Матрена Головачева.

Было арестовано еще нѣсколько человѣкъ,—человѣкъ пять или шесть, кажется,—по предположенію, что и они держатся той же вѣры. Но эти предположенія были найдены неосновательными, и тѣ пять или шесть человѣкъ были освобождены отъ суда. Я считалъ излишнимъ дѣлать обремененіе моей памяти напрасною заботою удерживать въ ней ихъ имена.

Подсудимыми остались только девять человѣкъ, которыхъ я перечислялъ:

Григорій и Дарья Воронины; Антонъ и Марѳа Чугуновы; Анна Филатова; Дарья, Ѳома и Катерина Чистоплюевы; Матрена Головачева.

Чугуновымъ было съ-начала позволено, чтобъ ихъ дѣти находились при нихъ. Черезъ нѣсколько времени, старшее изъ ихъ троихъ дѣтей, дѣвочка Анна, умерла.

Дарья Чистоплюева, Марѳа Чугунова, Григорій Воронинъ умерли во время процесса.

Дожили до конца процесса и—сколько я знаю, до сихъ поръ остаются живы—шесть человѣкъ изъ девяти; это:

Дарья Воронина; Антонъ Чугуновъ; Анна Филатова; Ѳома и Катерина Чистоплюевы; Матрена Головачева.

Процессъ длился больше пяти лѣтъ,—съ декабря 1868 до марта 1874 года. Года полтора или нѣсколько больше, подсудимые содержались подъ стражею въ Царицынѣ; послѣ того были отправлены въ Камышинъ; оставались тамъ тоже года полтора; откуда были отправлены въ Саратовъ, и пробыли тамъ тоже года полтора. Ихъ понятія о формахъ судопроизводства и о ходѣ ихъ процесса такъ слабы и темны, что я не могъ найти въ ихъ разсказахъ никакихъ объясненій для этихъ перемѣщеній ихъ изъ Царицына въ Камышинъ, оттуда въ Саратовъ. Но само собою разумѣется, это было дѣлаемо по какимъ нибудь вполнѣ основательнымъ и совершенно законнымъ причинамъ. Относительно того, что были переведены они изъ Камышина въ Саратовъ,—изъ уѣзднаго города въ губернскій, и притомъ такой, гдѣ находятся центральныя учрежденія судебной власти того судебнаго округа, я предполагаю, что мотивъ тутъ былъ самый доброжелательный въ пользу подсудимыхъ: судебная палата, когда разсматривала доставленное ей предварительное слѣдствіе, желала, я полагаю, поближе присмотрѣться къ подсудимымъ съ тою снисходительною цѣлью, чтобы увидѣть, не найдется ли какого нибудь законнаго повода прекратить дѣло освобожденіемъ этихъ—по документамъ предварительнаго слѣдствія Палата безъ сомнѣнія видѣла—жалкихъ невѣждъ, нелѣпо впутывавшихъ себя въ преступныя выраженія на допросахъ предварительнаго слѣдствія. Едва-ли я ошибаюсь, предполагая у судебной палаты это сострадательное желаніе. И если она не исполнила его, то лишь по невозможности добиться отъ несчастныхъ невѣждъ разсудительныхъ словъ, которыя дали бъ ей какое нибудь законное основаніе постановить приговоръ о прекращеніи процесса.—Это лишь мое личное соображеніе. Въ разсказахъ моихъ темныхъ друзей я не

могъ найти ничего ни въ опроверженіе, ни въ подтвержденіе ему. Они совершенно темные люди, такіе темные, что у нихъ не являлось даже потребности подумать: да почему жь не оставляли ихъ все время процесса находиться подъ стражею въ Царицынѣ, а переводили ихъ въ другіе города. Они чувствовали себя до такой степени безсильными понимать факты процесса, что не являлось у нихъ и попытокъ подумать, что такое, какъ и почему совершается надъ ними. Они во все продолженіе процесса держали себя, какъ бараны: вообще, молчаливо и смирно; и—иной разъ, въ избыткѣ душевнаго страданія, издавали рѣзкіе, безсмысленные звуки, метались стремглавъ куда попало,—и послѣ того опять стояли смирно и молчали. Съ людьми, которые держатъ себя безсмысленно, какого толку можно добиться?—Не добилась толку съ ними судебная палата, и принуждена была ихъ безтолковостью отказаться отъ надежды спасти ихъ, нашла себя въ необходимости постановить рѣшеніе о преданіи ихъ суду. Такъ я думаю объ отношеніяхъ судебной палаты къ предварительному слѣдствію: оно показывало ей, что это люди, достойные всякаго состраданія; но говорившіе на допросахъ вещи, преступныя по закону; передѣлать этого она не нашла возможности, и должна была предать безсмысленныхъ невѣждъ суду; жалѣла о томъ, но не могла поступить иначе.

Въ началѣ 1874 года подсудимые были отправлены изъ Саратова въ Царицынъ, гдѣ долженъ былъ происходить судъ надъ ними. Царицынскій окружный судъ назначилъ днемъ рѣшенія ихъ процесса 8-ое марта. Въ судѣ несчастные невѣжды держали себя такъ, что ужь и одного этого, независимо отъ нелѣпостей, надѣланныхъ ими на допросахъ предварительнаго слѣдствія, было бы вполнѣ достаточно для отнятія у присяжныхъ засѣдателей всякой возможности произнести какой нибудь иной вердиктъ о нихъ, кромѣ вердикта: „да, виновны“.—И они были приговорены—къ какому именно наказанію?—къ ссылкѣ ли въ Восточную Сибирь на поселеніе?—или къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири?—или, быть можетъ, къ какому нибудь иному, подобному этимъ, но иному какому нибудь наказанію?—разобрать этого изъ ихъ словъ я не могъ. Они полагаютъ, будто бъ они слышали въ судѣ, что приговорены они къ ссылкѣ въ Вилюйскій округъ. Дѣло очевидное: они не поняли выраженій приговора о нихъ. Они воображаютъ, что въ приговорѣ было сказано то, что узнали они гдѣ нибудь въ Томскѣ, или въ Иркутскѣ о распоряженіи мѣстной административной власти, сдѣланномъ на основаніи судебнаго приговора, конечно не опредѣлявшаго съ такою точностью мѣстность, гдѣ поселить ихъ.

Сдѣлавъ этотъ общій очеркъ процесса, перехожу къ подробностямъ о немъ, какія умѣли припомнить и разсказать мнѣ мои бѣдные, темные друзья.

По правиламъ своей вѣры, подсудимые должны были оставлять защиту свою исключительно Богу. Потому они не должны были говорить ничего въ свое оправданіе. Пусть будутъ взводимы на нихъ какія бы то ни было обвиненія: они должны молчать въ упованіи, что если Богъ захочетъ показать ихъ судьямъ ихъ невинность, то покажетъ ее и безъ ихъ вмѣшательства. Оправдываться, это значитъ не имѣть вѣры въ покровительство Божіе. Такое невѣріе—грѣхъ.

Но это нелѣпый образъ мыслей? Конечно не я, принадлежащій къ той школѣ философскаго мышленія, которая называется атеизмомъ, могу имѣть сомнѣніе въ томъ, что образъ мыслей моихъ несчастныхъ друзей о теологическихъ вещахъ вообще, и въ частности о покровительствѣ Провидѣнія имъ, не выдерживаетъ

анализа. Но вопросъ здѣсь вовсе не о томъ, считаю ли я или считаетъ ли кто-нибудь иной какое нибудь убѣжденіе основательнымъ. Вопросы здѣсь могутъ идти лишь о томъ, сообразны или не сообразны данныя убѣжденія людей, о которыхъ идетъ дѣло, съ догматами христіанства, и составляютъ ли они, или нѣтъ, преступленія противъ законовъ Русской имперіи.

Кому изъ христіанскихъ богослововъ угодно, тѣ могутъ, съ точки зрѣнія житейской опытности, смѣяться надъ мыслью: „Провидѣніе защищаетъ невинныхъ; невинные должны уповать на это". Но — всякое отрицаніе этой мысли — отрицаніе одного изъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры. Всякая ортодоксальная книга и у Православныхъ, и у Католиковъ, и у Протестантовъ подтвердитъ: это одинъ изъ основныхъ догматовъ христіанства.

А что касается законовъ Русской имперіи, они постановляютъ однимъ изъ основныхъ правилъ уголовнаго судопроизводства юридическій принципъ: подсудимый не обязанъ отвѣчать ни на какіе вопросы; ему предоставлено право молчать.

И такъ, благоразумно ли, или нѣтъ, было правило, держаться котораго желали, сообразно своей вѣрѣ, подсудимые, въ немъ не было ничего несообразнаго съ Православіемъ (или Католичествомъ, или ортодоксальнымъ Протестантствомъ) и ничего противнаго законамъ Русской имперіи.

И если бъ у нихъ достало силы неуклонно держаться этого правила, то они были бъ совершенно оправданы судомъ. Въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія ни у какого хорошаго юриста.

Но – легко для вѣрующихъ вѣрить въ то, во что искренно и горячо вѣрятъ они. Иное дѣло, неуклонно держаться правилъ своей вѣры въ тяжкихъ, продолжительныхъ житейскихъ затрудненіяхъ.

Ни у кого изъ подсудимыхъ не достало силы неуклонно молчать на допросахъ. И они — каждый разъ, какъ изнемогала ихъ воля хранить молчаніе, говорили глупости; а иной разъ говорили вещи — и совершенно глупыя, и съ тѣмъ вмѣстѣ преступныя.

Всѣ хорошіе юристы всѣхъ цивилизованныхъ странъ согласны въ томъ, что слѣдователь долженъ начинать допросъ формальнымъ констатированіемъ личности подсудимаго. Простѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ средствомъ исполнить эту очень важную формальность всѣ они считаютъ предложеніе подсудимому вопросовъ о его личности (о его имени, званіи и т. д.). Я не знаю, поставлено ли Русскими законами соблюденіе этого юридическаго обряда въ непремѣнную обязанность слѣдователю. Но думаю, что поставлено. А во всякомъ случаѣ, оно было соблюдаемо лицами, производившими въ предварительномъ слѣдствіи допросы подсудимымъ. Прекрасно. Эти слѣдователи соблюдали важный юридическій принципъ, соблюденіе котораго повелѣвалъ имъ, я полагаю, и положительный русскій законъ.

Но что изъ того выходило?

Приводятъ на допросъ, положимъ, Ѳому Чистоплюева. Слѣдователь спрашиваетъ его: — „Какъ тебя зовутъ?" — Чистоплюевъ молчитъ. — Какъ долженъ поступить въ подобномъ случаѣ опытный юристъ? — Это предусмотрѣно и разъяснено въ ученыхъ книгахъ о юриспруденціи; я полагаю: предусмотрѣно, рѣшено, поставлено въ обязанность слѣдователю также и русскимъ законодательствомъ.

Слѣдователь предлагаетъ подсудимому какой нибудь вопросъ. Подсудимый молчитъ. Если подсудимый, какъ извѣстно слѣдователю, не глухъ и не нѣмъ, слѣ-

дователь записываетъ въ актъ допроса: „Подсудимому былъ предложенъ такой-то вопросъ; подсудимый не отвѣчалъ на него". Если же слѣдователю неизвѣстно, глухъ или нѣтъ, нѣмъ или нѣтъ, подсудимый, то слѣдователь разъясняетъ себѣ эти вещи, спрашивая о томъ у людей, лично знакомыхъ съ подсудимымъ, или экспертовъ по даннымъ предметамъ,—напримѣръ медиковъ,—и вноситъ въ акты ихъ показанія, что подсудимый не глухъ и не нѣмъ, но на предложенный такой-то вопросъ не отвѣчалъ.—Во всякомъ случаѣ, процедура относительно вопроса, на который не отвѣчаетъ подсудимый, должна состоять въ констатированіи факта, что подсудимый не отвѣчалъ, и констатированіемъ этого факта должна кончаться. Такъ говоритъ юриспруденція; и говоритъ такъ, если я не ошибаюсь, положительный русскій законъ.

Но слѣдователю воображалось, что онъ обязанъ добиваться, чтобы подсудимые отвѣчали на вопросы о ихъ личности. Результатомъ было, что подсудимые, утомленные его настойчивостью, теряли силу сохранять молчаніе. И давали отвѣтъ. Но какой отвѣтъ былъ это.—Отвѣтъ, дѣйствительно способный до глубины души возмутить слѣдователя,—если слѣдователь не провелъ много лѣтъ своей жизни надъ изученіемъ Четьи-Миней и тому подобныхъ книгъ, или не жилъ долгіе годы среди простыхъ людей интенсивной религіозности. Я взялъ для примѣра то, какъ держалъ себя Ѳома Чистоплюевъ. Буду и продолжать примѣръ на его отвѣтахъ.

— „Какъ тебя зовутъ?"—спрашиваетъ слѣдователь. Чистоплюевъ молчитъ. Слѣдователь повторяетъ и повторяетъ вопросъ, постепенно приходя въ раздраженіе. Чистоплюевъ чувствуетъ наконецъ: невозможно отдѣлаться молчаніемъ; надобно отвѣчать;—и отвѣчаетъ:—„Не знаю".—Имѣй слѣдователь живое понятіе о священныхъ легендахъ православной церкви, онъ не затруднился бы возвратить себя къ утраченному имъ спокойствію духа. Онъ зналъ бы, что Чистоплюевъ смиренно исполняетъ его требованіе, и даетъ ему отвѣтъ, свидѣтельствующій о покорности волѣ начальства. Но слѣдователь, не знакомый съ языкомъ священныхъ легендъ, принимаетъ отвѣтъ за дерзость и горячится больше прежняго.

Не хочу продолжать. Я не виню слѣдователя. Я убѣжденъ, ему казалось, что онъ поступаетъ, какъ обязанъ по закону. Я говорю только, что онъ не имѣлъ тѣхъ знаній, которыя были бы ему необходимы для сообразнаго съ кроткими относительно религіозныхъ отрицательностей нашего невѣжественнаго простонародья желаніями Правительства, для соотвѣтствующаго духу распоряженій Правительства относительно раскольничьихъ дѣлъ, для хорошаго веденія слѣдствія.

Не хочу продолжать о слѣдователѣ. Нахожу надобнымъ разсказать лишь тѣ изъ возникавшихъ на допросахъ фактовъ, которые были преступленіями подсудимыхъ; преступленіями, безспорно, тяжкими.

Не всегда подсудимые успѣвали сохранить на допросахъ спокойствіе души. И иногда допросы обращались въ площадную перебранку между слѣдователемъ и подсудимымъ.

Ругаться съ чиновникомъ судебнаго вѣдомства во время исполненія имъ его должностныхъ обязанностей, это составляетъ нарушеніе закона, подлежащее наказанію; какому именно, я не знаю опредѣлительно; думаю, довольно тяжелому. Но это не составляетъ уголовнаго преступленія. И наказаніе за это, какъ бы ни было тяжело само по себѣ, безъ сомнѣнія не принадлежитъ къ разряду наказаній уголовныхъ. Во всякомъ случаѣ, оно очень маловажно сравнительно со ссылкою на

поселеніе. И судьба подсудимыхъ была бы счастлива, сравнительно съ участью, которой подверглись они, если бы слѣдователь не увлекался своею горячностью въ перебранкѣ съ подсудимыми до профанаціи того, чего вовсе не долженъ былъ касаться въ этой неумѣстной фазѣ обмѣна тривіальныхъ словъ, до которой никогда не унижаются опытные слѣдователи, умѣющіе помнить, что они—должностныя лица, обязанныя держать себя съ достоинствомъ, говорить спокойно и разсудительно, и говорить лишь то, что необходимо по предмету рѣчи.—Изъ-за чего и собственно о чемъ шли споры?—Только изъ-за того, что подсудимые не хотѣли произносить своихъ именъ; только о томъ, можетъ ли слѣдователь удовлетвориться внесеніемъ въ протоколъ допроса факта, что они не хотятъ называть своихъ именъ. Только изъ-за этого, только объ этомъ шли споры. Но при своемъ раздраженіи, слѣдователь кричалъ, въ этихъ перебранкахъ изъ-за чисто-формальнаго несогласія, будто бы споръ идетъ о Богѣ и о царѣ. Результатомъ было, что онъ слышалъ иногда въ отвѣтъ простонародныя выраженія, какія издавна употребляются въ перебранкахъ, когда нападающій впутываетъ въ свои бранчивыя выходки неумѣстные обороты рѣчи о Богѣ и о царѣ. Я разберу послѣ каковъ дѣйствительный смыслъ этихъ простонародныхъ выраженій. Но безспорно то, что кажущійся яснымъ для незнакомыхъ съ дѣйствительнымъ ихъ смысломъ буквальный смыслъ ихъ, если предлагается судебному рѣшенію, не можетъ не быть признанъ по судебному рѣшенію преступнымъ.

Какъ скоро слѣдственные документы, констатировавшіе употребленіе этихъ выраженій нѣкоторыми изъ подсудимыхъ и принадлежность всѣхъ другихъ подсудимыхъ къ одинаковому съ тѣми ихъ со-подсудимыми образу мыслей, сдѣлались предметомъ судебнаго рѣшенія, никакіе судьи, никакіе присяжные засѣдатели не могли не найти, что подсудимые виновны въ уголовномъ преступленіи.

Приговоръ былъ безспорно правиленъ.

Во время суда произошло обстоятельство, значеніе котораго съ формальной стороны я не умѣю опредѣлить, по смутности воспоминаній моихъ друзей о главномъ моментѣ его, но которое, я полагаю, не имѣло реальнаго вліянія на рѣшеніе суда.

То засѣданіе Царицынскаго окружнаго суда, въ которомъ были судимы Воронины, Чистоплюевы и другіе, судившіеся вмѣстѣ съ ними, началось производствомъ другихъ процессовъ,—какихъ-то заурядныхъ уголовныхъ процессовъ, по дѣламъ какихъ-то воровъ или какихъ-то мошенниковъ. Процессы эти были ведены, само собою разумѣется, въ присутствіи публики. Когда они были кончены и судъ долженъ былъ перейти къ процессу Ворониной, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ, судъ постановилъ производить ихъ дѣло при „закрытыхъ дверяхъ“,—какъ передаютъ это постановленіе на своемъ простонародномъ языкѣ мои друзья; я полагаю, это значитъ, что судъ сдѣлалъ постановленіе объ удаленіи публики изъ судебнаго зала. Подсудимые подняли шумъ, требуя, чтобы ихъ судили въ присутствіи публики.—Окружный Судъ послалъ въ Саратовскую судебную Палату телеграмму съ увѣдомленіемъ объ этомъ фактѣ, и вопросомъ, какъ тутъ поступить. Саратовская судебная Палата отвѣчала телеграммою, постановлявшею, что процессъ долженъ быть произведенъ, какъ велитъ обыкновенный судебный порядокъ, въ присутствіи публики. Подсудимые успокоились, и, сколько

умѣютъ понять мои друзья, держали себя отъ самаго начала судебнаго процесса до самаго конца его съ должнымъ почтеніемъ къ суду.

И такъ, постановленіе Царицынскаго окружнаго суда, подавшее поводъ къ прискорбному инциденту, было отмѣнено; слѣдовательно, было или неосновательнымъ, или ненужнымъ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ признать, что Царицынскій окружный судъ сдѣлалъ это постановленіе по соображенію, чуждому всякой недоброжелательности къ подсудимымъ. Въ процессѣ должна была идти рѣчь о выраженіяхъ, буквальный смыслъ которыхъ оскорбителенъ для Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Если я не ошибаюсь, законъ повелѣваетъ, что при подобныхъ процессахъ судъ совершается не въ присутствіи публики. Съ этой точки зрѣнія то постановленіе окружнаго суда было законно и справедливо. Саратовская судебная Палата отмѣнила это постановленіе, конечно, лишь потому, что не нашла дѣйствительно оскорбительными для Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА тѣ выраженія, которыя казались такими Окружному суду. Она, какъ ясно изъ этого, угадывала, что подсудимые не могли имѣть намѣренія оскорблять Особу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Угадывала и была права въ своей догадкѣ. Но—какъ быть!—Не имѣла она власти спасти подсудимыхъ. Буквальный смыслъ тѣхъ нелѣпыхъ словъ преступенъ. Она могла только сожалѣть о несчастныхъ.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что и Царицынскій окружный судъ желалъ бы спасти ихъ. Не могъ только.

Возвращаюсь къ вопросу о вліяніи разсказаннаго мною инцидента на судьбу подсудимыхъ.

Подсудимые подняли шумный говоръ по поводу постановленія Окружнаго суда о производствѣ ихъ процесса не въ присутствіи публики. Что именно говорили они въ эти минуты?—Они были такъ взволнованы, что сами не помнили хорошенько, въ чемъ состояли ихъ слова. Само собою разумѣется, это были слова протеста противъ постановленія, взволновавшаго подсудимыхъ. Мои друзья полагаютъ, что не ошибаются, припоминая, будто протестъ былъ высказываемъ въ выраженіяхъ рѣзкихъ, въ родѣ слѣдующихъ:—„Вашъ судъ неправый: вы судьи несправедливые; за что вы хотите осудить насъ, невинныхъ?“—Такія выраженія, конечно, были обидны для судей. Но я убѣжденъ, что судьи легко возвысились надъ чувствомъ незаслуженной ими обиды, остались, какъ были, доброжелательны къ несчастнымъ. И если шумный говоръ подсудимыхъ заключалъ въ себѣ оскорбленіе только суду, онъ былъ, я убѣжденъ, оставленъ великодушіемъ судей въ сторонѣ отъ всякаго вліянія на приговоръ.

Но, только ли противъ судей говорили подсудимые въ своемъ волненіи? Не случилось имъ, въ этомъ омраченіи мыслей, повторить въ залѣ суда тѣ преступныя слова о Богѣ и о царѣ, которыя вырывались у нихъ при перебранкахъ съ слѣдователемъ на допросахъ? Мои друзья не увѣрены, что не было такъ: они не помнятъ, было ли такъ: но считаютъ вѣроятнымъ, что было такъ, что тѣ преступныя слова были повторены въ залѣ суда.

И такъ, вѣроятно, что въ самое время суда надъ несчастными невѣждами были произнесены ими слова, произнесеніе которыхъ тутъ составляло такой фактъ, что онъ и одинъ самъ по себѣ, независимо отъ фактовъ, собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и, вѣроятно, излагавшихся въ обвинительномъ актѣ, прочтенномъ прокуроромъ, отнималъ у суда всякую возможность спасти подсудимыхъ.

Если, какъ я, основываясь на свидѣтельствѣ моихъ друзей, считаю вѣроятнымъ, фактъ былъ дѣйствительно таковъ, — если дѣйствительно были, въ тотъ инцидентъ волненія, произнесены подсудимыми тѣ преступныя слова, инцидентъ имѣлъ громадное формальное значеніе: онъ дѣлалъ безсильными всякія попытки поколебать достовѣрность фактовъ, составлявшихъ содержаніе обвинительной рѣчи. Пусть бы доказано было на судѣ, что всѣ пункты обвиненія, выставленные прокуроромъ на основаніи предварительнаго слѣдствія, не вѣрны, несправедливы. Все равно: по устраненіи всей обвинительной рѣчи, оставался бы на рѣшеніе суда фактъ, произошедшій теперь же, здѣсь же, въ залѣ суда; фактъ, не подлежащій спору по своей достовѣрности и несомнѣнно, неопровержимо преступный.

Таково было формальное значеніе инцидента, предполагая, что въ немъ дѣйствительно были произнесены тѣ преступныя слова. Но реальнаго вліянія на судьбу подсудимыхъ онъ, я полагаю, не имѣлъ, если и были дѣйствительно произнесены тутъ эти слова, что считаютъ вѣроятнымъ мои друзья. Реальное значеніе пріобрѣталъ бы инцидентъ лишь при оспариваніи достовѣрности фактовъ, приводимыхъ обвинительною рѣчью. Но эти факты не оспаривались, сколько я могу сообразить по смутнымъ воспоминаніямъ моихъ друзей. Кажется, что подсудимые ровно ничего не возражали противъ обвинительной рѣчи. Кажется, они оставили своимъ молчаніемъ эту рѣчь имѣющею значеніе правды, признаваемой ими за правду, противъ которой они не имѣютъ ничего возразить. Кажется, было такъ. А когда такъ, то и безъ инцидента, какъ при инцидентѣ, фактическія основанія для вердикта присяжныхъ и приговора судей были равно тверды.

Краткій выводъ изъ этихъ моихъ соображеній о прискорбномъ инцидентѣ состоитъ въ слѣдующемъ:

Если подсудимые не вполнѣ погубили себя до начала судебнаго разбора ихъ процесса, то они довершили свою погибель этимъ инцидентомъ. Но я полагаю, что они ужь окончательно погубили себя преступными словами на допросахъ. Потому, инцидентъ ужь ничего не прибавилъ къ ихъ бѣдствію. Оно и безъ него было бы таково же. Оно и безъ него было бы неотвратимо никакою сострадательностью суда. Во время судебнаго разбора дѣла подсудимые умудрились совершить еще подвигъ невообразимо нелѣпой безсмыслицы. Эта нелѣпая выдумка ихъ невѣжества не составляла, сколько я могу судить, преступленія въ точномъ смыслѣ юридическаго понятія о преступленіи. Но она, безъ сомнѣнія, произвела потрясающее впечатлѣніе на судей, — какъ произвела бы потрясающее впечатлѣніе на всякаго разсудительнаго человѣка, сколько нибудь грамотнаго. Я не знаю, имѣли ль право судьи оставить этотъ фактъ не внесеннымъ въ протоколъ судебнаго засѣданія. Если имѣли право не записать, то, безъ сомнѣнія, оставили незаписаннымъ; я убѣжденъ, они желали не отягчать судьбу подсудимыхъ, и оставляли въ сторонѣ все вредное для подсудимыхъ, что могли по закону оставлять безъ вниманія.

Дѣло было, по воспоминаніямъ моихъ друзей, такъ:

Подсудимые сказали: — „Прокуроръ не вызвалъ“ — или: „слѣдователь не вызвалъ“ — они не знаютъ хорошенько разницу между словами „прокуроръ“ и „слѣдователь“, и перепутываютъ эти слова; и такъ, они сказали: „Прокуроръ (или слѣдователь) не вызвалъ нашего свидѣтеля“, — то есть, свидѣтелей, которые, по ихъ мнѣнію, дали бы показанія въ ихъ пользу“. — Предсѣдатель суда тономъ

строгаго порицанія обратился къ прокурору (или слѣдователю) съ вопросомъ: — „Какъ же это вы не исполнили требованія подсудимыхъ?“ — Спрашиваемый всталъ и сказалъ предсѣдателю: — „Я не могъ“. — Предсѣдатель сказалъ: — „Почему не могли?“ — Спрашиваемый сказалъ: — „Я не могу сказать, почему я не могъ сдѣлать этого“; сказавши эти слова громко, спрашиваемый подошелъ къ предсѣдателю и, наклонившись къ его уху, прибавилъ нѣсколько словъ шепотомъ. Предсѣдатель обратился къ подсудимымъ и сказалъ: — „Того, чего вы желали, нельзя было сдѣлать“. — Подсудимые выслушали отвѣтъ предсѣдателя въ молчаніи, безъ возраженій.

Желаніе подсудимыхъ, исполнить которое было невозможно предсѣдателю суда, состояло въ томъ, чтобы вызванъ былъ въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, — Каракозовъ.

Услышавъ это имя, я подумалъ, что ослышался, и сказалъ: — „Пожалуйста, повторите, кого желали вы имѣть свидѣтелемъ за васъ; можетъ быть, я неправильно разслышалъ“. — Мои друзья совершенно спокойно, какъ будто считаютъ то свое желаніе мыслью самою простою и разсудительною, повторили всѣ въ одинъ голосъ: — „Мы просили, чтобы вызвали Каракозова“. — „Ну, теперь я вижу, что я разслышалъ фамилію правильно. И, когда такъ, то я спрошу васъ, кто жь такой, тотъ Каракозовъ, котораго вы желали имѣть свидѣтелемъ въ вашу пользу? Я слышалъ эту фамилію. Но мнѣ хочется понять, о томъ ли Каракозовѣ думали вы, о которомъ слышалъ я, или, можетъ быть, о какомъ нибудь совсѣмъ другомъ человѣкѣ съ такою же фамиліею“. — „Мы вызывали того самаго Каракозова, о которомъ слышали всѣ“. — „Такъ; но я все таки спрошу васъ еще, чтобы мнѣ не ошибиться въ томъ, объ одномъ ли и томъ же Каракозовѣ мы говоримъ. Что такое слышали всѣ о Каракозовѣ, о которомъ вы говорите?“ — „Онъ стрѣлялъ въ царя Александра Николаевича“. — „Теперь нельзя мнѣ ошибиться въ томъ, кто былъ Каракозовъ, о которомъ вы говорите: тотъ самый Каракозовъ, о которомъ слышалъ и я. Но, только вотъ что я скажу вамъ: должно быть, вы знали о немъ меньше, нежели знаю я. Если бы вы знали о немъ то, что знаю я, вы не просили бы, чтобъ онъ былъ вызванъ въ судъ свидѣтельствовать въ вашу пользу. Предсѣдатель суда сказалъ вамъ совершенно справедливо, что сдѣлать этого было въ то время невозможно“. — „Ну, вотъ, невозможно. Просто, имъ не хотѣлось вызвать его; только и всего“, — возразила мнѣ Катерина Чистоплюева, которая вообще первенствовала надъ двумя другими моими друзьями въ случаяхъ споровъ со мною: ея мужъ и его тетка во всѣхъ такихъ случаяхъ только выражали свое согласіе съ нею. — „Нѣтъ, Катерина Николаевна, не то, что судьи не захотѣли уважить ваше желаніе, а въ самомъ дѣлѣ невозможно было исполнить его. Дѣйствительно невозможно, потому что Каракозова тогда ужь не было въ живыхъ“. — Всѣ трое встрепенулись, слыша такую новость. — „Такъ онъ умеръ?“ — „Да, Катерина Николаевна. Его ужь не было въ живыхъ и тогда“. — „Вотъ что!“ — задумчиво проговорила Катерина Николаевна, и послѣ паузы раздумья спросила: — „когда жь онъ умеръ? Ты не слышалъ?“ — „Слышалъ, Катерина Николаевна: очень скоро послѣ того, какъ заговорили о немъ всѣ, ужь и не стало его въ живыхъ“. — Чистоплюева одинъ мигъ смотрѣла на меня въ недоумѣніи; но быстро сверкнуло въ ея взглядѣ выраженіе, показывавшее, что мои слова стали для нея ясны, и она засмѣялась съ добродушнымъ снисхожденіемъ; покачала

головою и сказала: — „Такъ вотъ она въ чемъ, твоя новость-то, которой ты было-удивилъ-то насъ. Вотъ объ чемъ ты говоришь-то. Это объ томъ, что будто его повѣсили-то?“ — „Объ этомъ, Катерина Николаевна“. — „Такъ вотъ оно что, а мы думали, ты слышалъ, чего мы не слышали, что онъ умеръ послѣ когда нибудь. А эти-то пустяки мы тогда же слышали, когда и всѣ ихъ слышали. Такъ неужели же ты повѣрилъ этому пустому слуху, будто его повѣсили? Ну, ну, я о тебѣ такъ не думала, что ты можешь этому вѣрить. Не было этого, мой другъ милый. Это только напечатано было такъ въ газетахъ, чтобы всѣ читали и вѣрили, кто не долженъ знать по-настоящему. А и ты тоже повѣрилъ, эхъ, ты.“ — Она опять покачала головою, въ удивленіи, что я повѣрилъ пустому слуху. — „Ну, когда ты не знаешь, какъ было дѣло, то надо разсказать тебѣ. Стрѣлялъ онъ въ царя Александра Николаевича; зачѣмъ стрѣлялъ?“ — „Онъ хотѣлъ убить царя Александра Николаевича; такъ я слышалъ, Катерина Николаевна“. — „Нѣтъ, мой милый другъ; совсѣмъ не то: этотъ выстрѣлъ былъ лишь для виду; надобно было сдѣлать этотъ видъ. И надобно было это царю Александру Николаевичу: ну, Каракозовъ и сдѣлалъ это, по согласію съ царемъ Александромъ Николаевичемъ“. — „Вижу: вы слышали, Катерина Николаевна, то, чего я не слышалъ. Что правда, что неправда, разберемъ, когда я дослушаю все, Катерина Николаевна. А теперь пока я только спрошу васъ, правильно ли я понимаю ваши слова. Вы говорите, Каракозовъ сдѣлалъ выстрѣлъ по приказанію самого же царя Александра Николаевича?“ — „Видишь ли ты, мой другъ: о чемъ и какъ они говорили между собою передъ этимъ, мы не слышали въ подробности; потому, неизвѣстно, царь ли Александръ Николаевичъ призвалъ къ себѣ Каракозова и далъ ему приказаніе, или Каракозовъ самъ пришелъ къ нему, чтобы самому вызваться на это. Только, такъ ли, или иначе, было это сдѣлано по уговору между ними, по согласію“. — „Катерина Николаевна, да вѣрно ли это?“ — „Другъ ты мой, да какъ же не вѣрно-то? Объ этомъ во всѣхъ газетахъ тогда же было напечатано. Только надо было понимать. Извѣстно: о такихъ дѣлахъ какъ пишется въ газетахъ? Такъ, чтобы кто можетъ понять, понялъ; а кто не понимаетъ, тѣ пусть не понимаютъ“. — „Неужели это было напечатано въ газетахъ, Катерина Николаевна?“ — „Было; говорю я тебѣ: было. Это самъ царь Александръ Николаевичъ сказалъ; какъ онъ сказалъ, тѣ самыя его слова и были напечатаны въ газетахъ“. — „Какъ же онъ сказалъ?“ — „А вотъ какъ. Дѣло-то это было на площади: ну, народу было много тутъ; Каракозовъ при всемъ народѣ подошелъ къ царю Александру Николаевичу, и сдѣлалъ выстрѣлъ, для виду; а царь Александръ Николаевичъ обернулся къ народу и сказалъ: „„это великая тайна““. Ну, такъ эти слова его и напечатаны были тогда во всѣхъ газетахъ“. — „Катерина Николаевна, дѣйствительно ли было напечатано такъ въ газетахъ?“ — „Было. Царь Александръ Николаевичъ обернулся къ народу и сказалъ: „„это великая тайна““: — этими словами онъ сказалъ, они самыя и были напечатаны во всѣхъ газетахъ“.

Разскажу теперь, изъ какихъ элементовъ сложилась эта нелѣпость, засѣвшая въ головахъ моихъ бѣдныхъ темныхъ друзей и ихъ единовѣрцевъ.

Людямъ моихъ лѣтъ или старше меня памятно, какая молва ходила въ 1856 и слѣдующихъ годахъ по поводу условій мира, которымъ закончилась Крымская война. Всякій, жившій въ образованномъ обществѣ, встрѣчалъ тогда множество довольно высоко или даже высоко поставленныхъ людей, увѣрявшихъ, будто бы

кромѣ обнародованныхъ условій мира есть „тайныя“, гораздо болѣе обнародованныхъ тяжкія для Россіи или унизительныя для ея достоинства. И каждый изъ этихъ тайновѣдцевъ сообщалъ по секрету всѣмъ и каждому дипломатическія тайны, въ которыя удалось ему проникнуть. Не хочу перечислять эти пошлыя выдумки, которымъ вѣрило тогда большинство образованнаго общества. По надобности для предмета моей рѣчи напомню лишь двѣ изъ нихъ. Говорили, что Россія обязалась уплатить Франціи громадную военную контрибуцію. Говорили, что Франція предписала Русскому правительству видоизмѣнить нѣкоторыя изъ русскихъ тогдашнихъ учрежденій.

Переходя изъ образованнаго общества въ полу-образованное, молва принимала характеръ еще болѣе глупый; переходя изъ полу-образованнаго общества въ безграмотную массу, получила еще болѣе опредѣленную дурацкую форму.

И во многихъ мѣстностяхъ безграмотное населеніе пріобрѣло объ условіяхъ мира свѣдѣнія слѣдующаго рода:

Русское царство стало подвластно Французскому царству. Русскій царь платитъ подать Французскому царю и долженъ во всемъ слушаться его приказаній. Французскій царь имѣетъ въ Русскомъ царствѣ своихъ чиновниковъ, которые смотрятъ, чтобы вездѣ въ Русскомъ царствѣ исполнялось то, что велитъ Французскій царь дѣлать въ русскомъ царствѣ русскому царю. Все это секретъ. Французскій царь очень хитрый. Онъ понимаетъ, что если бы русскій народъ узналъ объ этомъ, то вступился бы за своего царя. Русскій царь еще лучше Французскаго знаетъ это. Но только война такъ разстроила русскую силу, что начинать теперь новую войну съ Французскимъ царемъ было бы слишкомъ тяжело для русскаго народа. А Русскій царь очень добрый къ своему народу, жалѣетъ его. Ну, и рѣшился терпѣть всю эту обиду отъ Французскаго царя и держать въ секретѣ до поры до времени. Прійдетъ время, поправится сила у Русскаго народа, ну тогда Русскій царь и откроетъ тайну о своей обидѣ отъ Французскаго царя, объявитъ все. Тогда и выгонитъ чиновниковъ Французскаго царя изъ своего царства и отплатитъ Французскому царю за свою обиду.

Само собою разумѣется, въ каждой отдѣльной мѣстности, въ каждомъ особомъ кругу простонародья данной отдѣльной мѣстности были какія нибудь особыя подробности, приросшія къ этому общему содержанію молвы.

Въ той части Дубовки, гдѣ находились домики Ворониныхъ (до переселенія Ворониныхъ въ Песковатку, бывшаго годами десятью позже того), Чистоплюевыхъ, Головачевой, молва имѣла прибавку такого содержанія:

Когда французскій царь потребовалъ, чтобы русскій царь обязался слушаться его, то поставилъ условіе, чтобы Русскій царь въ знакъ покорности его волѣ отдалъ ему свою шубу. И—нечего дѣлать!—русскій царь отдалъ ему свою шубу. То, что русскій царь снялъ съ себя шубу и отослалъ Французскому царю, напечатано въ газетахъ. Кто не имѣетъ понятія, читаетъ это и не понимаетъ: думаетъ, что все дѣло тутъ и есть въ шубѣ. А кто имѣетъ понятіе, видитъ о чемъ тутъ дѣло. Стало быть, и сомнѣнія тутъ быть не должно у умныхъ людей.

Я не помню какими подарками обмѣнивались между собою, по обычной международной любезности, заключившіе миръ 1856 года государи державъ, воевавшихъ передъ тѣмъ между собою. Но вѣроятно, въ числѣ подарковъ Русскаго ИМПЕРАТОРА Французскому дѣйствительно находился какой нибудь хорошій

мѣхъ на шубу. И вотъ, какой нибудь полу-грамотный мудрецъ, прочитавъ въ какой нибудь газетѣ объ этомъ подаркѣ, понялъ, въ чемъ дѣло, и украсилъ къ назиданію своихъ безграмотныхъ слушателей ужь извѣстный всѣмъ имъ общій фонъ молвы новымъ оригинальнымъ узоромъ.

По особенностямъ личныхъ моихъ житейскихъ дѣлъ, мнѣ было бы неприлично говорить здѣсь о томъ, согласенъ или несогласенъ лично я съ общимъ мнѣніемъ Россіи, Западной Европы и Сѣверной Америки о личномъ характерѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, царствующаго нынѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Но я долженъ сказать, что это всеобщее мнѣніе имѣетъ въ моихъ несчастныхъ друзьяхъ совершенно необыкновенную горячность. И такъ какъ всѣ ихъ мысли окрашены религіознымъ оттѣнкомъ, то они думаютъ о ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ, что онъ человѣкъ святой.

Люди, очень горячо убѣжденные въ чемъ нибудь, вообще довольно мало расположены думать, что кто нибудь можетъ искренно имѣть мнѣніе противоположное ихъ убѣжденію. А въ особенности таковы люди горячихъ религіозныхъ убѣжденій.

Когда мои друзья услышали о выстрѣлѣ, сдѣланномъ Каракозовымъ, они не могли повѣрить, что человѣкъ русской фамиліи имѣлъ ненависть къ царю. Это никакъ не укладывалось въ ихъ понятія. Это не могло быть такъ, какъ разсказываютъ объ этомъ люди, читавшіе газеты. Эти люди, должно быть, не умѣли понять то, что прочли въ газетахъ. Таково было первое впечатлѣніе, произведенное на Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ, Чугуновыхъ пересказами первыхъ газетныхъ извѣстій о выстрѣлѣ, сдѣланномъ Каракозовымъ.

Они стали вдумываться, вслушиваться и очень скоро поняли въ чемъ тутъ дѣло.

Имъ припомнилось о чемъ толковала цѣлый годъ, быть можетъ, цѣлые года два, лѣтъ десять тому назадъ, вся Дубовка. Русскій царь принужденъ былъ покориться французскому царю. Изъ этого ясно, въ чемъ дѣло теперь. Очевидно, что Французскій царь велитъ Русскому царю сдѣлать что нибудь такое, чего русскій царь не хочетъ исполнить; безъ сомнѣнія, что нибудь дурное, что противъ совѣсти и что вредно для Россіи. Какъ было Русскому царю отклонить это требованіе?—Объявить войну еще нельзя. Стало быть, надо было придумать какое нибудь возраженіе, которымъ могъ бы удовлетвориться Французскій царь. Придумано и исполнено то, что придумано. Каракозовъ сдѣлалъ выстрѣлъ въ царя. При множествѣ народа. Французскому царю нельзя сомнѣваться: выстрѣлъ дѣйствительно сдѣланъ. И русскій царь говоритъ французскому: „Видишь, нельзя мнѣ исполнить твое требованіе: за то, что я хотѣлъ исполнить его, былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ меня. Не могу, самъ видишь.“—Что можетъ возразить противъ этого французскій царь? Ничего. Долженъ признать, что потребовалъ невозможнаго: долженъ отступиться отъ своего требованія.

Въ томъ, что все это было такъ, невозможно сомнѣваться. Самъ царь сказалъ, что это такъ. Надобно только умѣть понимать, что такое онъ сказалъ. Онъ сказалъ: „Это великая тайна“. Ясно, о чемъ онъ говорилъ: объ этомъ самомъ. Кто не знаетъ тайны, не пойметъ. А кто знаетъ тайну, видитъ, что царь сказалъ: этотъ выстрѣлъ былъ для виду, чтобы была отговорка отъ требованія Французскаго царя. Такъ сказалъ царь; это напечатано во всѣхъ газетахъ.

Бѣдные темные люди, мои несчастные друзья уразумѣли дѣло изъ словъ самого царя.

Но откуда попало въ ихъ головы, что царь, послѣ выстрѣла, сказалъ: „это великая тайна?“

Припомнимъ, что имя выстрѣлившаго оставалось нѣсколько времени неизвѣстнымъ. Въ это время газеты и говорили: „имя его еще не узнано“; — „кто онъ — остается еще загадкою“: — „на этомъ фактѣ еще лежитъ мракъ тайны“; и тому подобные обороты рѣчи, съ употребленіемъ слова „тайна“. — Полу-безграмотные чтецы газетъ въ Дубовкѣ спотыкались, читая извѣстія, писаныя слишкомъ мудренымъ для нихъ языкомъ; ихъ безграмотные слушатели еще больше перевирали слышаное, пересказывая другимъ. И, такимъ образомъ вышло, что въ разсказахъ, дошедшихъ до моихъ несчастныхъ друзей, размышленіе какого нибудь журналиста о личности Каракозова, какъ о личности, еще составляющей тайну, было передаваемо, будто бы это слова ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и было относимо не къ вопросу о фамиліи выстрѣлившаго человѣка, а къ самому факту выстрѣла.

Та глупость о тайныхъ, тяжкихъ, унизительныхъ условіяхъ Парижскаго мира, бывшая предметомъ всеобщей молвы въ 1856 году, была ужь давнымъ давно осмѣяна и, послѣ осмѣянія, забыта образованными и полу-образованными классами въ 1860 или 1861 годахъ. Это я наблюдалъ самъ. Въ 1866 году она была, безъ сомнѣнія, мало кому сколько нибудь памятна и въ простонародьѣ. Въ этомъ отношеніи она тогда составляла ужь дѣйствительно „тайну“: число людей, которымъ оставалась она извѣстна, было очень невелико. Теперь, по прошествіи еще двѣнадцати лѣтъ, это ужь и тѣмъ больше „тайна“.

Объяснивши происхожденіе нелѣпости, засѣвшей въ темныя головы моихъ несчастныхъ друзей, перехожу къ выводу, который они сдѣлали изъ нея, — къ выводу, результатомъ котораго былъ тотъ инцидентъ.

Каракозовъ дѣйствовалъ по согласію съ царемъ, оказалъ важную услугу царю. Изъ этого натурально слѣдуетъ, что о казни его говорилось въ газетахъ тоже только „для вида“, съ цѣлью обмануть Французскаго царя. На самомъ дѣлѣ, Каракозовъ, разумѣется, награжденъ и благополучно живетъ, пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ царя.

А когда такъ, то безъ сомнѣнія дѣло должно было повернуться въ пользу Ворониной, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ, если выступитъ въ этомъ дѣлѣ свидѣтелемъ Каракозовъ. Онъ объяснитъ судьямъ „тайну“: ему, какъ человѣку, пользующемуся довѣріемъ царя, судьи не могутъ не повѣрить. И подсудимые будутъ оправданы.

Что жь, какъ скоро та нелѣпица — не нелѣпица, а истина, этотъ выводъ имѣетъ неоспоримую силу.

Понятно теперь почему, для чего Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые желали, чтобы Каракозовъ былъ вызванъ быть свидѣтелемъ. Лишь бы вызвали его, ихъ оправданіе было несомнѣнно.

Но судъ отказалъ имъ въ этомъ желаніи. Что жь, это легко понять: судъ, стало быть, находится подъ властью у Французскаго царя Наполеона. Когда такъ, то подсудимымъ, разумѣется, оставалось только покориться своей судьбѣ: отъ Наполеона они не могутъ ожидать пощады; они называли его антихристомъ.

И когда инцидентъ кончился тѣмъ, что желаніе подсудимыхъ было отвергнуто судомъ, подсудимые знали, чего имъ ждать: тяжкаго наказанія. Ихъ мысли были подавлены этою перспективою; и когда въ-слѣдъ за окончаніемъ инцидента нача-

лось судебное производство дѣла, они, въ тупомъ отчаяніи, оставались мало способны слышать, еще меньше способны понимать, что говорилось, что читалось на судѣ.

Мои друзья помнятъ, что прокуроръ говорилъ рѣчь въ обвиненіе ихъ. Но что говорилъ онъ?—Они помнятъ изъ его рѣчи лишь одно то, что онъ говорилъ: „вотъ какіе это люди: они все охулили; господа присяжные, извольте разсудить, какіе это люди: они все охулили".

Послѣ того, помнится имъ только то, что предсѣдатель суда спросилъ какого-то свидѣтеля: „можешь ли ты отвѣчать передъ Богомъ за подсудимыхъ?"—и что свидѣтель отвѣчалъ: „могу, ваше превосходительство, и даже съ удовольствіемъ";—что послѣ того присяжные ушли изъ зала; возвратились въ залъ; и что предсѣдатель суда объявилъ имъ (то есть подсудимымъ) приговоръ.

Они не помнятъ даже того, что былъ произнесенъ присяжными вердиктъ. Они не слышали этого. До такой степени были они подавлены своими тяжкими мыслями. (Они не знали до моихъ разъясненій, что присяжные рѣшаютъ вопросы о виновности; они полагали, что присяжные не участвуютъ въ рѣшеніи дѣла, и находятся въ залѣ суда лишь въ качествѣ слушателей).

Впрочемъ подавленность ихъ мыслей не имѣла вліянія на исходъ дѣла. Если бъ они во время суда и вполнѣ владѣли своими умственными способностями, они не съумѣли бы защищаться; и если бъ умѣли они защищаться, все равно: никакая защита не помогла бъ имъ: обвиненія противъ нихъ были неопровержимо справедливы,—по прямому, для всѣхъ очевидному смыслу тѣхъ словъ, какія произносили они на допросахъ,—неопровержимо справедливы: это были слова, по прямому, буквальному своему смыслу, безспорно преступныя.

Мои друзья не помнятъ никакихъ подробностей изъ обвинительной рѣчи прокурора. И я могу возстановлять ея содержаніе въ мысляхъ лишь по соображеніямъ моимъ о томъ, что помнятъ мои друзья о допросахъ, которымъ были подвергаемы на предварительномъ слѣдствіи, и о другихъ фактахъ періода ихъ жизни отъ ихъ арестованія до суда надъ ними.

Процессъ ихъ длился болѣе пяти лѣтъ. Само собою разумѣется, что въ теченіе столь продолжительнаго времени не могло не произойти нѣсколько случаевъ нарушенія тюремной дисциплины тѣми или другими изъ числа подсудимыхъ. Я убѣжденъ, что прокуроръ не вводилъ въ свою обвинительную рѣчь эти тюремныя дрязги. Въ уголовныхъ процессахъ не должно быть рѣчи о подобныхъ дрязгахъ: мѣсто для разбора ихъ—контора тюремнаго смотрителя и тому подобные дисциплинарные суды, а не судъ присяжныхъ. Я увѣренъ, прокуроръ не хуже моего понималъ это. И мнѣ пріятно, что я имѣю убѣжденіе: онъ не вводилъ этихъ дрязгъ въ свою обвинительную рѣчь. Пріятно потому, что я не хочу выставлять обвиненій противъ маленькихъ должностныхъ лицъ тюремной администраціи, возбуждавшихъ эти нарушенія дисциплины со стороны подсудимыхъ своими поступками.—И такъ, оставляю тюремныя дрязги безъ разбора. И радъ, что могу сказать: вообще говоря, тюремные сторожа, тюремные смотрители обращались съ Воронинымъ, Чистоплюевымъ и ихъ со-подсудимыми хорошо. Непріятности, безъ которыхъ можно было бы обойтись, если и дѣлалъ иной разъ кто изъ этихъ должностныхъ лицъ моимъ друзьямъ или ихъ со-подсудимымъ, то лишь въ самое первое время своего завѣдыванія ихъ жизнью, пока не присмотрѣлся къ нимъ по-ближе. А присмотрѣвъ-

шись къ нимъ, каждый тюремный смотритель, каждый сторожъ обращался съ ними дружелюбно и довѣрчиво. Въ Царицынѣ ли, въ Камышинѣ ли, въ Саратовѣ ли, все равно: во всякой тюрьмѣ, гдѣ приводилось имъ жить, они, черезъ мѣсяцъ, черезъ два по поступленіи въ нее, становились во мнѣніи смотрителя, сторожей, часовыхъ людьми почтеннаго характера, присматривать за которыми—дѣло излишнее, на благородство которыхъ можно вполнѣ полагаться;—и они жили въ тюрьмѣ подобно тому, какъ живутъ люди подъ домашнимъ арестомъ на честное слово.

Перехожу къ тому, что дѣйствительно должно было составлять и, какъ я думаю, составляло содержаніе обвинительной рѣчи прокурора, къ предметамъ, подлежащимъ уголовному суду.

Поводомъ къ арестованію Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ было, очевиднымъ образомъ, то, что по процессу Богатенковыхъ и Киселевыхъ было найдено: Воронины, Чистоплюевы и тѣ другія лица—послѣдователи Богатенковыхъ. Это очевидно изъ того, что главнымъ,—и въ сущности даже единственнымъ серьезнымъ—предметомъ допросовъ Ворониныхъ и другимъ было предложеніе имъ вопроса: держатся ли они тѣхъ же мнѣній, какъ Богатенковы.—Всѣ они отвѣчали на это: „Да“.

И теперь Ѳома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева вполнѣ убѣждены о себѣ и обо всѣхъ трехъ другихъ своихъ со-подсудимыхъ, которые еще живы, что они „одной вѣры съ Богатенковыми“.

Но вотъ вопросъ: много ли они знаютъ о „вѣрѣ Богатенковыхъ“?—До арестованія Богатенковыхъ, они знали о „вѣрѣ Богатенковыхъ“ только то, что знала вся Дубовка; то есть: знали тѣ оригинальности внѣшнихъ житейскихъ обычаевъ Богатенковыхъ, надъ которыми смѣялись, которыя порицали вмѣстѣ со всею Дубовкою. И только всего. То есть, собственно объ убѣжденіяхъ Богатенковыхъ не знали ровно ничего. Изо всѣхъ подсудимыхъ, лишь одно лицо, Дарья Воронина, вела знакомство съ Богатенковыми въ періодъ со времени перемѣны образа жизни Богатенковыхъ до ихъ ареста; и не разговаривала тогда съ ними о ихъ „вѣрѣ“ потому, что это повело бы къ ссорѣ: Воронина тогда осмѣивала и порицала „вѣру“ Богатенковыхъ, оставалась знакома съ ними лишь по мотивамъ чисто житейскимъ, вела съ ними разговоры лишь о чисто житейскихъ предметахъ.—По арестованіи Богатенковыхъ, Дарья Воронина и Катерина Чистоплюева навѣщали ихъ въ тюрьмѣ: эти посѣщенія и были единственными источниками знаній этихъ двухъ женщинъ объ убѣжденіяхъ Богатенковыхъ. Много ли тутъ можно было узнать?—Посѣщенія были очень короткія,—длились только по нѣсколько минутъ; и это время было наполнено разговорами о томъ, какіе съѣстные припасы, какія другія вещи надобно принести въ слѣдующее посѣщеніе, разсказами Богатенковыхъ о мелочныхъ приключеніяхъ изъ тюремной жизни, разсказами посѣтительницъ Богатенковыхъ о новостяхъ въ Дубовкѣ: у кого родилось дитя, кто заболѣлъ, кто выздоровѣлъ, у кого готовится свадьба и т. п. Результатомъ траты краткаго времени свиданій на обычную у нашихъ простолюдиновъ пустую болтовню о мелкихъ текущихъ новостяхъ было то, что Дарья Воронина и Катерина Чистоплюева не успѣли сколько нибудь порядочно ознакомиться съ образомъ мыслей Богатенковыхъ. Онѣ впрочемъ и не замѣчали этой недостаточности своихъ свѣдѣній, по своей умственной неразвитости.— Мужъ Ворониной, мужъ Чистоплюевой, другіе

ихъ со-подсудимые знали о мысляхъ Богатенковыхъ только то, что слышали отъ Ворониной и Чистоплюевой, то есть, почти ровно ничего, кромѣ пустыхъ мелочей. И тоже, по своей умственной неразвитости, вполнѣ довольствовались этими ничтожными свѣдѣніями.

Катерина Воронина, Дарья Чистоплюева и ихъ со-подсудимые очень уважали Богатенковыхъ, держались ихъ правилъ относительно обращенія съ людьми при встрѣчахъ; если этого достаточно, чтобы признать уважавшихъ и подражавшихъ принявшими „вѣру“ людей, которымъ они подражали, то безспорно: Дарья Воронина, Катерина Чистоплюева и ихъ со-подсудимые „приняли вѣру“ Богатенковыхъ. И, по своей умственной неразвитости, они считали это совершенно достаточнымъ; потому совершенно искренно воображали себя держащимися вѣры Богатенковыхъ.

И на вопросы слѣдователя, одинаковы ль ихъ убѣжденія съ убѣжденіями Богатенковыхъ, они отвѣчали: „да“.

Этимъ ихъ отвѣтомъ неоспоримо твердо съ формальной стороны устанавлялся юридическій фактъ одинаковости ихъ мыслей съ мыслями Богатенковыхъ.—Прокуроръ, присяжные засѣдатели, судьи были правы, признавая этотъ фактъ за безспорный.

Но онъ фактъ лишь формальнаго значенія. Онъ лишь порожденіе невѣжества Дарьи Ворониной, Катерины Чистоплюевой и ихъ со-подсудимыхъ, не замѣчавшихъ, по своей умственной неразвитости, что ихъ свѣдѣнія о мысляхъ Богатенковыхъ ничтожны. Это фактъ фантастическій. Воронина, Чистоплюева и ихъ со-подсудимые ошибались, воображая, будто бы достаточно знаютъ мысли Богатенковыхъ. Они не знали о мысляхъ Богатенковыхъ ничего, кромѣ пустыхъ мелочей.

Но вотъ вопросъ: да и было ль въ мысляхъ у Богатенковыхъ что нибудь, кромѣ ничтожныхъ мелочей о правилахъ обращенія съ людьми при встрѣчахъ?—Очень вѣроятно, что и не было въ мысляхъ у нихъ ничего, кромѣ этихъ невинныхъ глупостей.

Конечно, я говорю тутъ лишь о мысляхъ, могущихъ быть предметомъ судебной оцѣнки.—Богатенковы въ заботахъ о своемъ душевномъ спасеніи вели жизнь, нѣсколько подобную монашеской. Тоже и Воронины, Чистоплюевы, другіе ихъ со-подсудимые. Монашескій образъ жизни можетъ быть предметомъ насмѣшекъ и порицаній со стороны людей, которымъ болѣе нравится обыкновенный образъ жизни. Но по законамъ Россійской имперіи предметомъ судебнаго разбора монашескій образъ жизни быть не можетъ.

Я надѣюсь, тѣ лица судебнаго вѣдомства, которыя вели процессъ Богатенковыхъ, знали это. Я надѣюсь, въ процессѣ Богатенковыхъ не было рѣчи ни о томъ, что они перестали бывать на пирушкахъ и сами давать пирушки, ни о томъ, что они жили въ землянкѣ.—Я надѣюсь, ни о чемъ такомъ не было ни одного слова въ актахъ ихъ процесса. Я надѣюсь, лица, судившія ихъ, уважали законы Россійской имперіи. Надѣюсь, уважали и лица, производившія слѣдствіе.

И такъ, я надѣюсь, Богатенковы не были судимы и осуждены за свою набожность.

За что жь они были судимы и осуждены?

Я могу имѣть лишь предположенія о томъ.—Когда Ѳома и Катерина Чисто-

плюевы были арестованы, полицейскій чиновникъ, сдѣлавшій распоряженіе объ ихъ арестѣ, пришедши взглянуть на нихъ, обратился къ нимъ со словами: „Богъ у васъ есть? Царь у васъ есть?" —Если причиною ихъ ареста была принадлежность ихъ къ „вѣрѣ" Богатенковыхъ, то эти слова ясно показываютъ, что Богатенковы оказались по актамъ слѣдствія виновными въ атеизмѣ и республиканствѣ. Эти лишь мое предположеніе. Но фактъ, на которомъ оно основано—фактъ, что Чистоплюевымъ были предложены вопросы: „Богъ у васъ есть? Царь у васъ есть?" — не допускаетъ по правиламъ здраваго смысла никакихъ иныхъ истолкованій, кромѣ того, что Богатенковы ужь оказались въ то время атеистами и республиканцами.

Республиканство Богатенковыхъ, пусть, на первый разъ остается республиканствомъ. Но— какимъ же манеромъ могли быть атеистами люди, такъ усердно заботившіеся о своемъ душевномъ спасеніи?— Сколько извѣстно грамотнымъ людямъ, атеисты не признаютъ загробной жизни.

Ясно: обвиненіе Богатенковыхъ въ атеизмѣ—результатъ какой-то нелѣпѣйшей безсмыслицы.

Кто породилъ эту безсмыслицу?—Я полагаю, что она порождена дурацкимъ способомъ, какого держались Богатенковы въ своей манерѣ разсуждать на допросахъ. Я полагаю, что они поступали на допросахъ подобно тому, какъ послѣ нихъ Воронины и Чистоплюевы.

То же самое я полагаю и о республиканствѣ Богатенковыхъ. Я полагаю, что они точь въ точь такіе же республиканцы, какъ сплошь всѣ русскіе мужики и бабы,—что они не имѣли ни малѣйшаго представленія ни о какомъ иномъ правительственномъ устройствѣ, кромѣ самодержавнаго. Но держали себя на допросахъ по дурацки. И оказались республиканцами, какъ оказались атеистами, какъ оказались всѣмъ бы на свѣтѣ, чѣмъ угодно: и астрономами, пожалуй, или санскритологами, если бы спросить ихъ, не астрономы ль они, не санскритологи ль они.

Невѣждамъ были предлагаемы вопросы, непонятные для нихъ. Въ этомъ была причина бѣдствія, постигшаго невѣждъ. Такъ я полагаю относительно Богатенковыхъ.

Я полагаю такъ относительно ихъ потому, что я имѣлъ, благодаря моему знакомству съ Чистоплюевыми, достовѣрную возможность увидѣть: такъ было съ Чистоплюевыми и ихъ со-подсудимыми.

Я говорилъ, что лишь по моимъ собственнымъ соображеніямъ разгадываю, въ чемъ состояли обвиненія противъ Богатенковыхъ. Никакихъ свѣдѣній о содержаніи этихъ обвиненій не имѣютъ Чистоплюевы и Головачева. До такой степени пусты были разговоры Ворониной и Чистоплюевой съ Богатенковыми во время ихъ краткихъ свиданій, что Богатенковы не ознакомили своихъ посѣтительницъ съ содержаніемъ допросовъ, которымъ подвергались. Некогда было Богатенковымъ упоминать объ этомъ: они имѣли всегда болѣе свѣжія новости для сообщенія своимъ гостямъ: предположимъ, что допросъ былъ въ понедѣльникъ, а посѣтительницы пришли въ среду въ полдень; утромъ въ среду произошло въ тюрьмѣ ужь столько любопытныхъ исторій между разными арестантами—десятокъ ссоръ и десятокъ примиреній; въ четверть часа не успѣешь пересказать и половины этихъ интересныхъ происшествій; не то, что о понедѣльникѣ,— и о вторникѣ-то ужь поздно припоминать.

Такимъ образомъ, все, что Катерина Чистоплюева знаетъ о бывшемъ съ Богатенковыми во время ихъ процесса, ограничивается пустѣйшими мелочами ихъ отношеній къ тюремнымъ сторожамъ и къ арестантамъ: вотъ-такой-то сторожъ былъ добрый человѣкъ, не притѣснялъ Богатенковыхъ; вотъ-такой-то арестантъ, скверный человѣкъ, вздумалъ-было ругать Богатенковыхъ, но тюремный сторожъ вступился за нихъ, или другіе арестанты сами остановили того скверная арестанта. Общее впечатлѣніе этихъ пустыхъ подробностей состоитъ въ томъ, что тюремные сторожа и большинство арестантовъ считали Богатенковыхъ людьми, дѣлающими глупости, потому смѣшными и жалкими, но помимо этихъ глупостей людьми добрыми и почтенными: по жалости и уваженію къ нимъ старались воздерживаться отъ смѣха надъ ними въ глаза имъ, и не обижали ихъ; а Богатенковы, люди дѣйствительно добрые, честные, старались—иногда не безъ успѣха—удерживать другихъ арестантовъ отъ пьянства, карточной игры, мошенничествъ и дракъ.

Важнѣе мелкихъ анекдотовъ о насмѣшкахъ арестантовъ надъ Богатенковыми и о сострадательности другихъ арестантовъ и сторожей къ нимъ тѣ отрывки изъ разсказовъ полицейскихъ чиновниковъ о Богатенковыхъ, которые попали въ предметы молвы и дошли путемъ молвы до Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и другихъ, судившихся вмѣстѣ съ ними.

Дубовская молва говорила, будто бы полицейскіе чиновники разсказывали, что Богатенковы держали себя на допросахъ очень смирно, и безмолвно переносили непріятности, какія случалось имъ испытывать при допросахъ.—Впрочемъ, это лишь молва; правильно ли передавала она разсказы полицейскихъ чиновниковъ, ручаться за то нельзя.

Другой предметъ Дубовской молвы о Богатенковыхъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Однажды, на праздникъ Преполовенія, утромъ, Богатенковъ и его жена, содержавшіеся тогда еще въ Дубовкѣ, въ арестантской при полиціи, стояли у воротъ полицейскаго двора, обращенныхъ на площадь. На этой площади находится Соборная церковь. Когда кончилась обѣдня, по площади двинулась изъ собора церковная процессія, бывающая по уставу Православной церкви въ день Преполовенія. Большинство народа, бывшаго у обѣдни въ соборѣ, пошло въ этой процессіи: другая часть стала расходиться по домамъ. Нѣкоторые, проходя мимо воротъ полиціи, останавливались посмотрѣть на стоявшихъ у воротъ Богатенковыхъ. Лишь образовалась тутъ группа остановившихся, стали подходить къ ней другіе, какъ это въ привычкѣ у простонародья. И быстро выросла около Богатенковыхъ большая толпа. Кое-кто—очень немногіе—говорили о нихъ между собою сострадательнымъ тономъ: „Вотъ, были прежде люди богатые, всѣми уважаемые, а теперь стали арестанты“. Но такихъ сострадательныхъ зрителей было вовсе мало. Совершенно преобладало въ толпѣ противоположное настроеніе: шумѣлъ ревъ хохота и ругательствъ; безпрестанно слышались крики: „въ каторгу бы этихъ чертей“;—„нѣтъ, этого мало, сжечь бы ихъ“.—„Да отдали бъ ихъ на расправу намъ, мы бы расправились съ ними, съ безбожниками“. Богатенковъ слушалъ это до конца, молча. Но жена его не выдержала на послѣдокъ и сказала ругавшимся:—„Ну, что вамъ стоять, глядѣть на насъ, да ругаться? Ругаться не хорошо, а глядѣть на насъ—что въ насъ любопытнаго? Лучше, вы обернитесь-ко къ церкви,

да помолитесь, да и ступайте за образами, какъ другіе; это будетъ лучше“.— Кое-кто изъ ругавшихся были смущены, и пошли прочь; какъ былъ данъ этотъ примѣръ, послѣдовали ему, по обыкновенію, всѣ. Толпа разбрелась.

Когда Воронина, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые жили въ Саратовскомъ острогѣ, тюремные сторожа и другіе полицейскіе служители разсказывали имъ, что при чтеніи приговора Богатенковымъ на той площади Саратова, гдѣ происходятъ эти юридическія формальности, Богатенковы стояли съ лицами спокойными и, по прочтеніи приговора, Прасковья Богатенкова сказала бывшему на площади народу: — „Первые жиды Христа мучили, а вторые жиды мучатъ невинныхъ“.— Народъ отвѣчалъ на это, разумѣется, взрывомъ хохота и ругательствъ.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что приговоръ, произнесенный надъ Богатенковыми, былъ юридически правиленъ; я даже полагаю, что судъ, по состраданію къ нимъ, сдѣлалъ его настолько мягкимъ, насколько то было возможно по закону. Я говорю вовсе не противъ судей. Я расположенъ былъ бы защищать законность ихъ приговора, если бъ то было надобно. И я надѣюсь, что судьи, постановившіе приговоръ о Богатенковыхъ, нашли бы согласными съ ихъ собственнымъ мнѣніемъ объ этомъ дѣлѣ мои мысли о немъ. Мои мысли о немъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Во всемъ томъ, въ чемъ были виноваты Богатенковы, они были виновны единственно по своему невѣжеству.

Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые отвѣчали „да“ на вопросъ о томъ, держатся ли они такихъ же мнѣній, какъ Богатенковы. Этотъ ихъ отвѣтъ дѣлалъ необходимостью для присяжныхъ засѣдателей и для судей признать ихъ виновными въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя были ужь осуждены Богатенковы. Я ужь говорилъ, что признаю безспорно законнымъ такой исходъ ихъ процесса. И, думая это, я съ тѣмъ вмѣстѣ думаю, что судьи, постановившіе приговоръ, признаваемый мною за безспорно правильный, одобрили бы мои мысли относительно сущности всего этого дѣла, основанныя на фактахъ, или неизвѣстныхъ суду, или хоть и бывшихъ извѣстными ему, но не могшихъ быть предметомъ судебнаго разбора.

Я говорилъ, что Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые оставляли безъ отвѣта вопросъ слѣдователя о ихъ имени и званіи, или, когда бывали утомлены настойчивостью требованій слѣдователя, чтобъ они отвѣчали на этотъ его вопросъ, давали отвѣтъ: „не знаю“; что ихъ молчаніе и этотъ ихъ отвѣтъ выводили слѣдователя изъ терпѣнія и что онъ, разсердившись, начиналъ бранить подсудимыхъ, надѣясь бранью добиться, чтобы допрашиваемые сказали ему свои имена и званія: что подсудимые были иногда тоже выводимы изъ терпѣнія сыпавшеюся на нихъ бранью и вступали въ перебранку съ слѣдователемъ. Иной разъ, допросъ и не подвигался дальше перебранки: поругавшись, сколько доставало охоты, слѣдователь приказывалъ подсудимымъ уйти и они уходили. Иной разъ— и чаще—бывало иначе: подсудимые, давши двѣ, три реплики на ругательства слѣдователя, вспоминали, что нарушили этимъ правило христіанскаго смиренія, повелѣвающаго кротко переносить обиды, и начинали вновь—и ужь съ непоколебимымъ терпѣніемъ—слушать ругательства молча, смирно, покорно. Въ такихъ случаяхъ, слѣдователь черезъ нѣсколько времени возвращался отъ роли ругающагося человѣка къ исполненію обязанностей должностного лица, производящаго слѣдствіе, и возобновлялъ прерванное на время занятіе производствомъ допроса;

ужь не имѣя теперь желанія терять время по-пусту, онъ замѣнялъ ту форму вопроса объ имени и званіи подсудимыхъ, на которую не могли подсудимые отвѣчать удовлетворительнымъ образомъ, другою формою, на которую подсудимые безо всякаго затрудненія давали отвѣтъ, казавшійся слѣдователю удовлетворительнымъ: именно, вмѣсто вопроса „какъ тебя зовутъ“, или „кто ты“, онъ дѣлалъ вопросъ „Тебя зовутъ“ — слѣдовало имя — „такъ?“ — Спрашиваемый или спрашиваемая давали отвѣтъ въ формѣ: „Когда ты знаешь, стало быть такъ“, или въ формѣ какого нибудь другого выраженія, обозначающаго согласіе или подтвержденіе.

Для ясности приведу схематическіе образцы всѣхъ этихъ оборотовъ первой фазы допроса.

Первый оборотъ: — Слѣдователь говоритъ подсудимому, — напримѣръ, Ѳомѣ Чистоплюеву: — „Какъ тебя зовутъ?“ Чистоплюевъ молчитъ. — Слѣдователь повторяетъ вопросъ много разъ, кричитъ, сердится: — „Да какъ же тебя зовутъ, говори“, — затѣмъ слѣдуютъ разнообразные эпитеты, которыми богатъ русскій языкъ. — „Говори, какъ тебя зовутъ?“ — Чистоплюевъ молчитъ. — „Говори, какъ тебя“ — слѣдуютъ эпитеты — „зовутъ?“ — Чистоплюевъ отвѣчаетъ: — „Не знаю“. — „Какъ не знаешь“ — слѣдуютъ эпитеты. Чистоплюевъ молчитъ. Утомившись ругать его, слѣдователь велитъ ему уйти. И, допросъ конченъ.

Второй оборотъ. Слѣдователь, получивши отвѣтъ „не знаю“, ругаетъ Чистоплюева, не впадая въ утомленіе, очень долго. Чистоплюевъ теряетъ напослѣдокъ терпѣніе и даетъ реплики. Это длится пока надоѣстъ слѣдователю. Когда надоѣстъ, слѣдователь велитъ Чистоплюеву уйти. И допросъ конченъ.

Третій оборотъ. Давши двѣ, три реплики слѣдователю, Чистоплюевъ успѣваетъ овладѣть собою и замолкаетъ. Теперь его ужь никакія ругательства не выведутъ изъ терпѣнія. Слѣдователь снова пользуется пріятнымъ положеніемъ монологизирующаго ругающагося. Насладившись этимъ удовольствіемъ до пресыщенія, вспоминаетъ, что онъ долженъ не ругаться, а производить допросъ, и говоритъ: — „Ты Ѳома Чистоплюевъ; такъ?“ — Ѳома Чистоплюевъ отвѣчаетъ: — „Когда ты такъ говоришь, то значитъ: такъ“.

Какъ скоро получился этотъ оборотъ, допросъ, не могшій въ тѣхъ двухъ оборотахъ передвинуться черезъ вступительную формальность констатированія личности, вступаетъ на гладкій путь и „пойдетъ какъ по маслу“. Ни малѣйшаго повода къ неудовольствію не будетъ имѣть слѣдователь; и ни малѣйшаго затрудненія узнать что бы то ни было, услышать подтвержденіе чему бы то ни было слѣдователь не встрѣтитъ: Ѳома Чистоплюевъ не огорчитъ его никакимъ противорѣчіемъ, будетъ неизмѣнно подтверждать все, что угодно слѣдователю. Если, напримѣръ, слѣдователь скажетъ: — „Катерина Чистоплюева не жена тебѣ?“ — Ѳома Чистоплюевъ скажетъ: — „Стало быть, не жена“. — И если, напримѣръ, вздумается слѣдователю поиграть позанимательнѣе на эту тему, допросъ получитъ, напримѣръ, слѣдующее прекрасное содержаніе: — „Она не жена тебѣ, а жила съ тобою?“ — „Жила“. — „А она дѣвка?“ — „Дѣвка“. — „Дѣвка, а жила съ мужчиною; стало быть она блядь?“ — Ѳома Чистоплюевъ неукоснительно подтверждаетъ: — „Стало быть, блядь“; — и такъ далѣе; и такъ далѣе. — Это для примѣра. Но это фактическій отрывокъ одного изъ допросовъ.

Были ль внесены въ акты допросовъ предварительнаго слѣдствія эпизоды этого и тому подобнаго содержанія? — Я не знаю. Надѣюсь, были внесены. Правда,

слѣдователь могъ бы оставить и безъ разъясненія любопытные для кого?—для него лично, по всей вѣроятности, вопросы о томъ, блядь или нѣтъ Катерина Чистоплюева, была ль она прогоняема изъ дому или нѣтъ за свое блядовство; могъ бы оставить эти и тому подобные вопросы безъ формальнаго разъясненія слѣдствіемъ. Но такъ какъ онъ находилъ надобнымъ разъяснить ихъ, и разъяснилъ, то онъ былъ ужь обязанъ занести эти добытыя имъ разъясненія въ акты слѣдственнаго дѣла.

Перенесены ль эти эпизоды изъ документовъ предварительнаго слѣдствія въ обвинительную рѣчь прокурора?—Я не могу угадать. Я не могу судить, показалось или не показалось прокурору, что эти эпизоды необходимы для его рѣчи. Я знаю одно: ни одинъ изъ юристовъ, пользующихся авторитетомъ въ наукѣ, не отказался бы подтвердить мое мнѣніе: безъ перенесенія этихъ эпизодовъ изъ актовъ предварительнаго слѣдствія въ обвинительную рѣчь, рѣчь эта не имѣла бы надлежащей полноты.

Виню ли я слѣдователя?—Нѣтъ. Я говорю, что онъ ругался, что онъ предлагалъ вопросы, которыхъ не долженъ былъ предлагать. Такъ; но я говорю это лишь для того, чтобы видно было, какую степень юридическаго достоинства имѣло предварительное слѣдствіе. Я вхожу въ положеніе слѣдователя. Оно было тяжелое. Потому, я нахожу совершенно натуральными тѣ поступки слѣдователя, о которыхъ говорю. Я полагаю, онъ самъ согласился бы со мною, что веденіе слѣдствія по дѣлу Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ было задачею, превышавшею его юридическія силы. Онъ могъ очень хорошо изслѣдовать дѣла объ убійствахъ съ корыстными цѣлями, о грабежахъ, воровствахъ, мошенничествахъ. Вести дѣла богословскаго и политическаго характера было не подъ силу ему.—Онъ могъ умѣть допрашивать воровъ и другихъ безчестныхъ людей. Но пріемы допросовъ, дававшіе дѣльные результаты, когда онъ допрашивалъ негодяевъ и негодяекъ, оказались непригодны для раскрытія истины, когда были примѣнены къ Ворониным. Чистоплюевымъ и ихъ со-подсудимымъ. Сущность дѣла осталась неуловима этими пріемами. Результаты, добытые предварительнымъ слѣдствіемъ, были данными чисто фиктивнаго характера. Съ формальной стороны, они безспорные юридическіе факты: какъ же бы нѣтъ?—Они подтверждены признаніемъ самихъ подсудимыхъ. Но реальнаго въ нихъ нѣтъ ничего.

Виню ли я хоть тѣхъ лицъ, которыя поручили производство слѣдствія, требовавшаго значительныхъ юридическихъ силъ для своей дѣйствительной успѣшности, слѣдователю, не имѣвшему такихъ силъ?—Возможно ль винить эти лица?—Откуда жь взять хорошихъ юристовъ для замѣщенія всѣхъ маленькихъ должностей по судебному вѣдомству?

Винить кого бы то ни было изъ лицъ, завѣдывавшихъ судебною частью въ томъ судебномъ округѣ, было бы нелѣпостью. Винить слѣдователя было бы несправедливымъ забвеніемъ о несоразмѣрности его силъ съ доставшейся на его долю должностную обязанность задачею.

Не виню никого.

Возвращаюсь къ изложенію сущности дѣла о Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ со-подсудимыхъ.

Слѣдователь, въ негодованіи на то, что подсудимые не хотѣли называть себя, бранилъ ихъ. Иногда они, теряя въ свою очередь терпѣніе, отвѣчали на его брань

репликами, тоже бранчивыми. Чѣмъ опредѣляется въ перебранкѣ содержаніе репликъ?—Дѣло всѣмъ извѣстное: содержаніемъ нападеній; реплика не имѣетъ самостоятельнаго содержанія; она перевертываетъ содержаніе нападенія, обращаетъ противъ нападающаго произнесенныя имъ слова. Напримѣръ, если нападающій назвалъ подвергающагося его нападенію дуракомъ, реплика будетъ отрицаніемъ ума въ самомъ нападающемъ.

Перебранку начиналъ всегда слѣдователь. Ея содержаніе вполнѣ опредѣлялось его словами.—Если согласимся, что по тяжкой ему затруднительности передвинуть допросъ черезъ вступительную формальность констатированія личности допрашиваемаго или допрашиваемой, онъ заслуживаетъ извиненія въ томъ, что начиналъ браниться, то—каково жъ то содержаніе нападеній, которое, возникая изъ самой сущности его положенія, изъ самой причины его гнѣва, должно быть признано естественнымъ, потому,—съ принятой нами точки зрѣнія,—извинительнымъ?—Гнѣвъ былъ изъ-за нежеланія подсудимыхъ сказать свои имена; натуральный предметъ перебранки состоялъ лишь въ этомъ. Пока слѣдователь говорилъ подсудимымъ что нибудь относящееся къ этому, онъ оставался просто раздраженнымъ человѣкомъ, не переходившимъ границу того, чему извиненіемъ служитъ раздраженіе. Но припутывать къ предмету перебранки предметы, не имѣющіе отношенія къ нему, это будетъ ужь нѣчто болѣе дурное, нежели простой порывъ раздраженія.

Съ какой стати было слѣдователю припутывать Бога и царя къ содержанію его ругательствъ? Дѣло шло о констатированіи личности подсудимыхъ, только. Нежеланіе исполнить эту юридическую формальность не составляетъ никакого нарушенія какихъ нибудь религіозныхъ или политическихъ правилъ. Это—при самомъ худшемъ истолкованіи, какое возможно по законамъ или по логикѣ, просто „непризнаніе компетентности“ даннаго судебнаго учрежденія (или, въ настоящемъ случаѣ, даннаго агента судебнаго учрежденія) вести данное дѣло.—Непризнаваніе компетентности даннаго судебнаго учрежденія вести данное дѣло—случай очень обыкновенный и въ уголовныхъ, и въ гражданскихъ процессахъ. Никакой судъ не видитъ въ этомъ ничего обиднаго себѣ. Никакой даже изъ высшихъ трибуналовъ: ни Русскій Сенатъ, никакой соотвѣтствующій ему трибуналъ какого бы то ни было другаго цивилизованнаго государства. (Я говорю объ этомъ лишь для аргументаціи. Подсудимые ни мало не воображали сомнѣваться въ компетентности слѣдователя производить слѣдствіе. Они не произносили своихъ именъ просто потому, что не хотѣли нарушать правила своей вѣры).

Но пусть это была нестерпимая обида слѣдователю; пусть это была обида и тому судебному учрежденію, которое завѣдывало его дѣятельностью, — тому окружному суду, или той судебной палатѣ, или прокуратурѣ того судебнаго округа. Нѣтъ сомнѣнія, ни окружной судъ, ни судебная палата, ни прокуратура того округа не согласились бы съ мнѣніемъ слѣдователя, что это обида имъ или хоть ему самому. Но онъ, очевидно, думалъ, что это обида ему или ему и имъ. И согласимся, для удобства аргументаціи, что онъ былъ правъ въ этомъ своемъ мнѣніи, что его раздраженіе такой ужасною обидою было похвально, и что ему по долгу чести необходимо было ругать подсудимыхъ. Все-таки, за что же ему надобно было ругать ихъ?—За неуваженіе къ нему самому, или къ нему и къ прокуратурѣ того округа, къ окружному суду, къ судебной палатѣ;—только,

Даже съ его собственной точки зрѣнія, обида не могла относиться ни къ чему болѣе высокому, нежели судебная палата и прокуратура того округа. Напримѣръ, даже Сенатъ и министръ юстиціи никакимъ образомъ не подходили подъ объемъ обиды, не могли быть предметами ея: не они поручили этому слѣдователю производить это слѣдствіе; и они были тутъ ни при чемъ.

Но — слабость человѣческая, заставляющая подвергшагося ей забывать, имѣютъ ли смыслъ тѣ слова, какія подвертываются на языкъ ему, въ раздраженіи его души. Слѣдователь припутывалъ къ его брани изъ-за мнимой обиды ему все, что подвертывалось ему на его языкъ. Онъ кричалъ на подсудимыхъ, что, отказываясь произнести свои имена, они оскорбляютъ черезъ то Бога и царя; какъ же нѣтъ? Онъ служитъ Богу и царю; обида ему — это обида Богу и царю.

Слѣдователь поступалъ дурно, профанируя такимъ образомъ слова „Богъ“ и „царь“. Не спорю; онъ поступалъ дурно. Но извиненіемъ ему служитъ то, что онъ въ этихъ случаяхъ лишь поддавался привычкѣ, очень обыкновенной въ полуцивилизованныхъ слояхъ русскаго общества. Фактъ былъ дуренъ. Но когда ставится вопросъ лично о слѣдователѣ, то надобно сказать: личной вины слѣдователя нѣтъ въ этомъ дурномъ фактѣ. Слѣдователь, очевидно, былъ человѣкъ вульгарныхъ привычекъ; въ этомъ и все.

Но такъ какъ наши полу-образованные классы имѣютъ привычку злоупотреблять словами „Богъ“ и „царь“ для приданія эффектности выраженіямъ своей личной досады, то у нашихъ простолюдиновъ лежатъ въ памяти готовые реплики на ругательства, въ которыхъ ругающійся отожествляетъ свое личное раздраженіе съ „службою Богу и царю“. Если, напримѣръ, ругающійся скажетъ: „я служу Богу“, то всякій присутствовавшій при ссорѣ простолюдинъ впередъ знаетъ, „какими словами дастъ ему сдачу“ ругаемый, когда „не стерпитъ, а захочетъ дать сдачу“; фраза, которая составляетъ „сдачу“, — простонародное присловье, лежащее въ памяти у всякаго мужика; она — отвѣтъ на ругательство; потому и сама она груба. Она имѣетъ такую форму: „Ты говоришь, ты служишь Богу; врешь ты: не Богу ты служишь, а черту“; — это полный видъ; въ сокращенномъ видѣ она такова: „не Богу ты служишь, а черту“; — или, еще короче: „Твой Богъ — чертъ“.

Всякій, кто близко знаетъ нашу простонародную жизнь, десятки разъ слыхивалъ перебранки, въ которыхъ отвѣтами на ругательства были эти выраженія: „Не Богу ты служишь, а черту“ и „Твой Богъ — чертъ“.

Очень жаль, что нашъ народъ имѣетъ въ числѣ присловій эти выраженія. Они свидѣтельствуютъ о грубости нравовъ нашего народа. То, что нравы нашего народа грубы, очень жаль.

Такъ. Очень жаль. И тѣ грубыя выраженія очень дурны. Но что такое они? — Грубые отвѣты на ругательства; только.

Пусть, напримѣръ, православный священникъ, разсердившись въ какомъ нибудь спорѣ изъ-за денегъ, начнетъ ругать того, кто разсердилъ его; пусть ругаемый будетъ его прихожанинъ, мужикъ Православнаго исповѣданія, усердно ходящій въ церковь, и при встрѣчѣ со священникомъ почтительно цѣлующій его руку. Если священникъ, увлекшись раздраженіемъ, станетъ приплетать къ своимъ ругательствамъ свою „службу Богу“, его усердный прихожанинъ ни мало не затруднится сдѣлать ему реплику: „Твой Богъ — чертъ“.

Что это такое? Богохульство?—Предположить богохульный смыслъ въ репликѣ мужика не трудно; для этого надобно только забыть, кто и почему произнесъ эти слова. Буквальный смыслъ ихъ, безспорно, богохульный. Какъ же нѣтъ? По ихъ буквальному смыслу выходитъ, что то существо, которому служитъ священникъ Православной церкви—діаволъ; короче: существо почитаемое Православною церковью за Бога—діаволъ. Спорить невозможно: буквальный смыслъ словъ мужика таковъ.

Такъ. Но въ такомъ ли смыслѣ понималъ мужикъ свои слова? Могъ ли онъ понимать ихъ въ такомъ смыслѣ?—Онъ самъ человѣкъ Православнаго исповѣданія; его Богъ—тотъ Богъ, котораго чтитъ Православная церковь. Могъ ли онъ называть діаволомъ того Бога, котораго чтитъ самъ?

Дѣло явное: понимать его слова въ буквальномъ смыслѣ—нелѣпость. Въ какомъ же смыслѣ надобно понимать ихъ?—Это извѣстно всякому, знающему нашъ народный языкъ. Всякому знающему народный языкъ, совершенно ясно, что такое хотѣлъ сказать мужикъ. Онъ хотѣлъ сказать: — „Батюшка, мы съ вами поспорили не изъ-за вѣры, а изъ-за денегъ; по моему, въ этомъ спорѣ вы не правъ. Но правъ ли вы, или не правъ въ этомъ дѣлѣ, вы въ этомъ дѣлѣ не священникъ, а частный человѣкъ. И, по моему, вы въ немъ частный человѣкъ, поступающій несправедливо. Несправедливые поступки не угодны Богу. Они пріятны діаволу. Кто поступаетъ несправедливо, тотъ дѣлаетъ угодное не Богу, а діаволу“.

Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни богохульства. Это мысли вполнѣ религіозныя, совершенно Православныя.

Форма выраженія ихъ была у мужика грубая. Только. Но произнося свои грубыя слова, онъ оставался человѣкомъ религіознымъ, вѣрнымъ сыномъ Православной Церкви.

Я не знаю, какого вѣроисповѣданія былъ слѣдователь: Православнаго, Католическаго, Лютеранскаго или какого другого. Мои друзья не знаютъ этого. Не знаютъ даже и его фамиліи, по которой могъ бы я хоть догадываться о его національности и вѣроисповѣданіи. Они знаютъ только, что онъ говорилъ по-русски, какъ чистый русскій; потому полагаютъ, что онъ былъ Православный.

Я говорилъ, каковы были отношенія моихъ друзей къ Православной Церкви. Ѳома и Катерина Чистоплюевы были повѣнчаны въ Православной церкви. Матрена Головачева не только была повѣнчана въ Православной церкви, но и имѣла своимъ мужемъ Православнаго. Она жила съ нимъ согласно; ни малѣйшихъ неудовольствій изъ-за разницы вѣроисповѣданій между ними не было. Чистоплюевы любили ея мужа, какъ слѣдуетъ хорошимъ родственникамъ. Спрашивается: возможно ли предположить, что она и они имѣли ненависть къ Православной Церкви?—Они были люди другаго вѣроисповѣданія, но уважали ее.—„Православная вѣра—очень хорошая вѣра“—таково было—и остается—ихъ мнѣніе. Возможно ли допустить, что они, люди очень религіозные, могли имѣть богохульныя мысли о Богѣ Православной Церкви? Возможно ли допустить, что они могли считать Бога Православной Церкви діаволомъ?—Онъ—тотъ же самый Богъ, которому поклонялись и поклоняются они.

И я говорилъ: они считали слѣдователя человѣкомъ Православнаго исповѣданія.

Впрочемъ, не только о Богѣ, котораго чтитъ Православная Церковь, они

знали, что онъ—тотъ самый Богъ, котораго чтутъ они. Хоть люди безграмотные, потому очень плохо знающіе догматику, они все-таки съ дѣтства знали, что „у всѣхъ христіанъ одинъ и тотъ же Богъ“. Такъ думаютъ и учатъ своихъ дѣтей думать всѣ тѣ наши простолюдины, которые имѣютъ „Русскую душу“, по выраженію моихъ друзей:—„У кого русская душа, тѣ всѣ понимаютъ: у всѣхъ христіанъ одинъ Богъ“, говорятъ мои друзья. Всѣ ихъ со-подсудимые думали объ этомъ точно такъ же.

Стало быть, хотя бы слѣдователь былъ и не Православный, а, напримѣръ, католикъ или лютеранинъ, и если бы кто нибудь между со-подсудимыми моихъ друзей думалъ о немъ, что онъ католикъ или лютеранинъ, все таки никто изъ нихъ не могъ думать о Богѣ, которому поклоняется слѣдователь, иначе, какъ съ благоговѣніемъ: какого бы изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій ни былъ слѣдователь, его Богъ былъ тотъ самый Богъ, которому поклонялись всѣ они.

Теперь ясно, въ какомъ смыслѣ надобно понимать тѣ выраженія, которыми подсудимые отвѣчали на ругательства слѣдователя, отожествлявшія его досаду съ гнѣвомъ Божіимъ; подсудимые были далеки отъ мысли, что эти ихъ выраженія могутъ быть относимы къ истинному Богу; они хотѣли этими выраженіями только повернуть религіозныя ругательства слѣдователя противъ него самого; по ихъ мнѣнію, эти выраженія значили, что слѣдователь угождаетъ не Богу, а діаволу, ругаясь несправедливо. Это грубость. Но она не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что не было бы согласно съ христіанскою ли вѣрою вообще, съ Православіемъ ли въ частности. Поступая несправедливо, человѣкъ служитъ діаволу,—всякій ортодоксальный богословъ,—Православнаго ль вѣроисповѣданія, или Католическаго, или Лютеранскаго, назоветъ эту мысль совершенно вѣрною. Подсудимые выражали ее съ мужицкою неуклюжестью языка. Только въ этомъ была ихъ бѣда, что они не умѣли выразить ее книжнымъ языкомъ. Они не воображали, что ихъ мужицкое выраженіе можетъ быть истолковываемо въ богохульномъ смыслѣ.

Всякому, сколько нибудь помнящему ортодоксальную догматику Православной, или Католичеекой, или Лютеранской церкви и знакомому съ русскими простонародными присловіями, ясенъ истинный смыслъ мужицкаго присловья:—„Ты служишь не Богу, а чорту“.—„Чортъ“—или, по книжному, „діаволъ“—существо, противоборствующее Богу; это существо, о которомъ много говоритъ всякій ортодоксальный катихизисъ; и всякій ортодоксальный человѣкъ Православнаго ли, Католическаго ли, Лютеранскаго ли исповѣданія вѣруетъ, что это существо дѣйствительно существуетъ, и что каждый дурной поступокъ человѣка совершается по подстрекательству этого существа, въ удовольствіе этого существа, на службу ему. Выраженія подсудимыхъ, въ которыхъ упоминалось объ этомъ противникѣ Божіемъ, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ догмата, извѣстнаго всякому ортодоксальному человѣку, сами по себѣ не нуждались бы ни въ какомъ разъясненіи съ моей стороны. Необходимость говорить о ихъ дѣйствительномъ смыслѣ возникла для меня лишь изъ того обстоятельства, что прокуроръ нашелъ—какъ это очевидно по развязкѣ процесса—эти выраженія, внесенными въ акты предварительнаго слѣдствія въ качествѣ выраженій богохульныхъ, и не имѣлъ въ тѣхъ актахъ изложенія хода перебранокъ, изъ которыхъ возникало употребленіе этихъ выраженій подсудимыми. Знай прокуроръ объ этихъ перебранкахъ, онъ, конечно, не затруднился бы понять, что въ мысляхъ у подсудимыхъ не было ровно ничего

богохульнаго, что они лишь отвѣчали бранью на ругательства слѣдователя, называя слѣдователя человѣкомъ, поступающимъ дурно, какъ нравится діаволу.

Отъ катихизиса перейдемъ къ исторіи Франціи и Россіи; отъ мыслей, извѣстныхъ всѣмъ христіанамъ и признаваемыхъ за религіозныя истины всѣми ортодоксальными людьми всѣхъ главныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, перейдемъ къ нашимъ воспоминаніямъ о тайнѣ договора, которымъ кончена была Крымская война; о тайнѣ, которую знаемъ изо всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ только мы, — я и тѣ лица, которыя прочли изложеніе этой тайны на одной изъ предыдущихъ страницъ настоящей записки.

Россія принуждена была покориться владычеству Франціи; Русскій царь Александръ Николаевичъ принужденъ былъ стать подвластнымъ Французскому царю Наполеону. Александръ Николаевичъ снялъ съ себя шубу и отдалъ ее Наполеону, въ знакъ того, что подчиняется необходимости повиноваться ему, какъ высшему владыкѣ надъ русскимъ царствомъ. Дѣло несомнѣнно: шуба—это символъ верховной власти. Александръ Николаевичъ, по своей любви къ своему народу, рѣшился молчать передъ русскимъ народомъ объ этомъ тяжкомъ условіи мира съ Наполеономъ. Если бъ объявить это, русскіе поднялись бы вновь воевать съ Наполеономъ на защиту своего добраго царя. Но французы сильнѣе насъ, побѣдили бы насъ, раззорили бы всю Россію. И, жалѣя свой народъ, царь Александръ Николаевичъ молчитъ о своемъ притѣсненіи отъ Наполеона. Онъ терпѣливо ждетъ времени, когда Богъ откроетъ ему, что дастъ ему побѣду надъ Наполеономъ. Тогда онъ объявитъ своему народу о своемъ угнетеніи отъ Наполеона, начнетъ войну и побѣдитъ Наполеона. Это будетъ, въ томъ нельзя сомнѣваться: Царь Александръ Николаевичъ—святой человѣкъ, угодникъ Божій; потому Богъ непремѣнно дастъ ему силу побѣдить Наполеона. Но это будетъ, когда Богу будетъ угодно. А теперь пока дѣло все еще остается совершенно въ томъ положеніи, какое установлено тайнымъ условіемъ мира, прекратившаго Крымскую войну; Русскій царь Александръ Николаевичъ платитъ дань Наполеону и все въ Россіи дѣлается какъ велитъ Наполеонъ: чтобы не было неисправности въ платежѣ дани и не было неповиновенія распоряженіямъ Наполеона, вездѣ въ Россіи есть Наполеоновскіе чиновники. Ихъ никто не знаетъ, что они Наполеоновскіе чиновники; они поставлены отъ Наполеона занимать свои должности по секрету; какъ же бъ иначе?— Все это дѣло, дѣло тайное. Но они живутъ вездѣ по Россіи. Живутъ подъ разными видами: иные, будто бы люди такъ-себѣ, не служащіе; напримѣръ, или будто купцы, или будто мужики; а иные занимаютъ должности на службѣ у царя Александра Николаевича, и всѣ думаютъ о нихъ, что они служатъ ему: а на самомъ дѣлѣ, они занимаютъ должности на его службѣ только затѣмъ, чтобы не позволять служащимъ ему дѣлать ничего неугоднаго Наполеону.

Когда это такъ, то надобно ли мнѣ распространяться о томъ, кому служилъ слѣдователь?—Ясно само собой: онъ былъ Наполеоновскій чиновникъ. И надобно ли объяснять, о комъ говорили подсудимые, говоря о царѣ, которому служитъ слѣдователь?—Понятно само собою: они говорили объ угнетателѣ Русскаго царя, о Французскомъ царѣ, взявшемъ у Русскаго царя шубу, символъ власти надъ Русскимъ царствомъ, о Наполеонѣ. Нечего и толковать объ этомъ.

Я говорилъ, что пока я не ознакомился вполнѣ съ понятіями моихъ друзей, я только разспрашивалъ и слушалъ, воздерживаясь отъ всякихъ возраженій. И

очень долго я не дѣлалъ ни малѣйшей попытки поколебать ихъ увѣренность въ томъ, что Русскій царь подвластенъ Французскому царю Наполеону и повсюду въ Россіи находятся Наполеоновскіе чиновники, дѣйствующіе по приказаніямъ Наполеона. Разспрашивая и слушая объ этой тайнѣ во всѣхъ ея подробностяхъ, я ограничивался обѣщаніемъ, что мои собственныя свѣдѣнія о Французскомъ царѣ Наполеонѣ, объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, и вообще о французскихъ дѣлахъ я буду излагать послѣ, когда выслушаю все, что любопытно мнѣ узнать отъ нихъ (то есть, отъ моихъ друзей).

Вотъ результатъ моихъ разспросовъ о подробностяхъ тайны. Буду приводить подлинными словами тѣ наши разговоры, которые относятся къ этому предмету.

Мой вопросъ. — „Вы говорите, что въ Россіи живутъ Наполеоновскіе чиновники. Вы увѣрены, что слѣдователь по вашему дѣлу служилъ Наполеону. Но у слѣдователя было начальство. Что жь, и о комъ нибудь изъ его начальниковъ, — напримѣръ, о томъ его начальникѣ, который поручилъ ему произвести слѣдствіе по вашему дѣлу, — надобно думать, что этотъ начальникъ былъ тоже Наполеоновскій чиновникъ?“ — Мои друзья въ изумленіи говорятъ: — „Да развѣ слѣдователь не самъ сталъ производить слѣдствіе?“ — „Я думаю, нѣтъ. Я думаю, ему велѣлъ заняться этимъ дѣломъ какой нибудь начальникъ“. — „Будто?“ — „Я не знаю, такъ ли; не читавши вашего дѣла, нельзя знать, такъ ли; но я думаю, что такъ“. — Почему жь думаешь такъ?“ — „Потому, что обыкновенно такъ бываетъ; слѣдователь — маленькій чиновникъ; и слѣдователей много; кому изъ нихъ какое дѣло вести, это обыкновенно опредѣляется отъ начальства надъ ними“. — Мои друзья задумываются. — „Вотъ какъ оно, а мы думали, онъ самъ былъ голова всему“. — „Нѣтъ, онъ маленькій чиновникъ; то какъ же надобно думать о его начальникѣ, который велѣлъ ему производить это дѣло? Онъ былъ, вы говорите, Наполеоновскій чиновникъ; и этотъ его начальникъ тоже?“ — Мои друзья недоумѣваютъ. Катерина Чистоплюева говоритъ наконецъ: — „Этого, мой другъ, навѣрное разсудить нельзя, ни такъ, ни сякъ. Видишь ли, что: Наполеоновскіе чиновники, хитрые они, или нѣтъ, какъ ты думаешь?“ — „По вашему, Катерина Николаевна, они хитрые?“ — „Да какъ же, мой другъ? Стало быть, всяко могло быть. Могло быть, что начальникъ у него былъ такой же, какъ онъ, Наполеоновскій. А могло быть что онъ своею хитростью устроилъ все: и дѣло это поднялъ, и обработалъ такъ, чтобъ ему поручили это дѣло. Его начальникъ, можетъ быть, и понятія не имѣлъ объ его штукахъ. А могло быть и вотъ что: пришла бумага отъ самого Наполеона“. — Мужъ ея и его тетка говорятъ: — „Вотъ это скорѣе всего: была бумага отъ самого Наполеона“. — „Теперь, я спрошу у васъ еще вотъ о чемъ. Начальникъ надъ Саратовскою губерніею, вы знаете, губернаторъ? Кто былъ губернаторомъ въ Саратовѣ?“ — „Хорошій человѣкъ былъ“, — отвѣчаютъ всѣ трое въ одинъ голосъ. — „Я спрашивалъ пока еще не о томъ, хорошій ли былъ онъ человѣкъ; это я хотѣлъ спросить послѣ. Я спрашивалъ, какъ была его фамилія“. — Мои друзья думали, думали, не могли припомнить; — „Должно быть, что мы и не слышали его фамилію. Ты знаешь, говорится все „губернаторъ“, да „губернаторъ“, да и все: по фамиліи называть, лишнее; „губернаторъ“, и довольно“. — „Ну, да и не нужна теперь мнѣ его фамилія. Я спросилъ о ней только для того, чтобъ узнать, не былъ ли ужь и тогда губернаторомъ въ Саратовѣ тотъ, о которомъ случается мнѣ читать отзывы съ хорошей

стороны. А когда вы сами сказали, что онъ былъ хорошій человѣкъ, то этого мнѣ и довольно; фамилію его мнѣ знать ужь не надобно". — „А того фамилія какъ, о которомъ ты читалъ съ хорошей стороны?" — „Галкинъ-Врасскій". — Мои друзья углубляются въ свои воспоминанія. — „Нѣтъ, видно мы вовсе не слышали фамилію тогдашняго губернатора. Какъ бы слышали, то нельзя бы намъ было не разобрать, та ли была его фамилія, которую ты сказалъ, Галкинъ-Врасскій, или не та. Нечего; видно теперь: вовсе намъ и не случилось слышать его фамилію". — „И не нужна она мнѣ, я сказалъ; когда вамъ извѣстно, что онъ былъ хорошій человѣкъ, этого мнѣ довольно. И я спрошу васъ: какъ вы думаете, онъ былъ Наполеоновскій, или нѣтъ?" — Всѣ трое въ одинъ голосъ: — „Какъ можно, какъ можно, нѣтъ". — „Почему жь вы увѣрены, что онъ не былъ Наполеоновскій?" — „Да онъ былъ хорошій человѣкъ." — „Что жь, вы полагаете, Французу нельзя быть хорошимъ человѣкомъ? По моему, и между Французами бываютъ хорошіе люди". — „Во всякомъ народѣ бываютъ хорошіе люди. Потому, чать (должно быть, вѣроятно) есть и между Французами. Только не о томъ дѣло. Не то, что Французовъ не бываетъ хорошихъ людей, а то, что Наполеоновскіе чиновники дурные люди". — „Почему жь вы такъ думаете?" — „Ты самъ развѣ не знаешь?" — „Нѣтъ, я догадываюсь, почему вы такъ думаете; только хочу видѣть, правильна ли моя догадка". — „Ну, такъ вотъ тебѣ, какія наши мысли объ этомъ. Наполеонъ для Русскаго царя и для Русскаго царства — злодѣй; каковъ онъ царь для своего царства, для Французскаго, мы того не знаемъ; можетъ быть, у себя дома онъ и добрый человѣкъ, и хорошій царь. Но для насъ онъ врагъ, змодѣй, потому и антихристъ онъ для насъ. И дѣло его у насъ, антихристово. Какъ же не антихристово-то? Какъ же онъ нашего-то царя и Русское царство притѣсняетъ? Такъ и Наполеоновскіе чиновники у насъ не могутъ быть хорошіе люди. Которые чиновники служатъ Наполеону въ его царствѣ, какіе они люди, мы не знаемъ; можетъ и хорошіе. Но служить Наполеону въ нашемъ царствѣ хорошій человѣкъ не можетъ; потому что это антихристово дѣло. Антихристъ для русскаго царя и для насъ всѣхъ Наполеонъ, антихристъ. Чать и по твоему такъ?" — „Не огорчитесь тѣмъ, что я скажу. Я въ Антихриста не вѣрю". — Катерина Чистоплюева съ досадою возразила: — „Да не о томъ рѣчь, вѣришь ли ты въ Антихриста, или не вѣришь. Не вѣришь, такъ не вѣришь. Только, злодѣй для нашего царя и для насъ Наполеонъ. Объ этомъ ты говори, такъ ли по твоему. Мы вѣримъ въ Антихриста, то Наполеонъ для насъ и антихристъ. Ты не вѣришь, то все жь Наполеонъ для тебя злодѣй. Такъ?" — „Я его считаю очень дурнымъ человѣкомъ, Катерина Николаевна". — „Ну, и довольно того. Стало быть, ты въ этомъ согласенъ съ нами". — „Видите ли, Катерина Николаевна, какъ я думаю о Наполеонѣ, я хочу поговорить съ вами послѣ когда нибудь: это выйдетъ длинная исторія. Это будетъ больше о томъ, сколько бѣды потерпѣли отъ него сами Французы. Только, это я разскажу когда нибудь послѣ. Теперь мнѣ любопытно знать, какъ вы думаете о его чиновникахъ въ Россіи. Вотъ, вы говорили, что Саратовскій губернаторъ, который былъ во время вашего дѣла, не былъ Наполеоновскій чиновникъ. Это и по моему такъ. Хорошо. Теперь, что же вы скажете вотъ о чемъ: зналъ Саратовскій губернаторъ о вашемъ дѣлѣ, или нѣтъ?" — „Зналъ". — „Почему вамъ извѣстно, что онъ зналъ?" — „Ну, вотъ, да онъ видѣлъ насъ, когда мы были въ Саратовскомъ острогѣ". — „Правда, я ужь слышалъ отъ васъ объ этомъ. Я только

хотѣлъ, чтобы снова сказали мнѣ, какъ это было, потому что такъ надобно для нынѣшняго нашего разговора. Вы говорили, онъ вступался за васъ,—такъ вы говорили?" — „Такъ". — „Хорошо. Зналъ о вашемъ дѣлѣ и даже вступался за васъ. Почему жь не вышло пользы изъ этого? Губернаторъ не то, что слѣдователь. Губернаторская должность—важная". — „Другъ ты мой, видно по всему: отъ Наполеона было это дѣло; что жь тутъ могъ сдѣлать губернаторъ?" — „Конечно, если разсуждать такъ, то оно выходитъ понятно. Вы говорили слѣдователю, что онъ служитъ антихристу; Наполеонъ, если до Наполеона дошло это отъ слѣдователя, конечно не могъ простить вамъ этого. Но это было ужь на допросахъ. А вы говорите, что и самое-то начало дѣла было отъ Наполеона, — прямо ли отъ него самого, или отъ слѣдователя, или отъ какого другого Наполеоновскаго чиновника. Тогда, какая жь могла быть причина Наполеону или его чиновникамъ желать вреда вамъ? До начала дѣла вы никому не говорили, что Наполеонъ антихристъ". — „Говорить этого мы не говорили. Но мы знали то, за что слѣдуетъ называть его такъ". — „Правда, вы ужь и тогда, до начала вашего дѣла, полагали, что знаете навѣрное: Русскій царь и Русское царство находятся въ угнетеніи отъ Наполеона". — „Ну, какъ нибудь кто нибудь изъ Наполеоновскихъ и довѣдался, что мы знаемъ это. Вотъ и стало надобно имъ сжить насъ со свѣту". — „Если судить такъ, то положимъ: могли они захотѣть сжить со свѣту людей, которые знаютъ это. И, если судить такъ, то, положимъ, понятно, что были вы арестованы, попали подъ судъ. Но вамъ бы слѣдовало сказать на судѣ въ чемъ дѣло. Слѣдователь, положимъ, былъ Наполеоновскій. Говорить ему — пользы для васъ не было бы. Но присяжные и судьи не были жь Наполеоновскіе. Сказали бы вы имъ,—они и поняли бы". — „Другъ ты мой, развѣ жь мы не хотѣли, чтобы сказано было на судѣ, въ чемъ наше дѣло, въ чемъ наше оправданіе. Да не вышло по нашему. Ну, когда не вызвалъ судъ заступника намъ, то и увидѣли мы: стало быть, слѣдуетъ намъ на судѣ молчать о Наполеоновскомъ угнетеніи Русскому царю и Русскому царству". — „Почему же слѣдовало вамъ молчать объ этомъ?" — „Какъ, почему?" — сказала Катерина Чистоплюева: — „Разглашать то, о чемъ нашъ царь хочетъ, чтобъ это оставалось въ тайнѣ? Кто имѣетъ отъ него довѣріе, могъ знать, пора ли было говорить объ этомъ. Не намъ самимъ было судить объ этомъ. Видно, было еще не пора. И промолчали мы. Лучше жь было пропадать намъ, чѣмъ разглашать тайну, о которой нашъ царь Александръ Николаевичъ разсудилъ, что еще не пора ей быть открытой". — „Такъ-то, другъ; такъ", — подтвердили мужъ и тетка мужа.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ разговоровъ, содержаніе которыхъ изложено въ предъидущей выпискѣ изъ моихъ замѣтокъ, я нашелъ своевременнымъ перестать стѣсняться въ нашихъ бесѣдахъ прежнимъ опасеніемъ оскорбить моихъ друзей опроверженіемъ ихъ ошибочныхъ мыслей. Само собою разумѣется, я желалъ исправить ихъ понятія собственно лишь по тѣмъ предметамъ, ошибочныя мнѣнія о которыхъ были вредны для нихъ. О чемъ люди въ ихъ положеніи могутъ безъ вреда для себя думать, какъ случилось имъ привыкнуть думать, о томъ я ни мало не желалъ спорить съ ними. Таковы, напримѣръ, убѣжденія, относящіяся къ чисто религіознымъ вопросамъ. Ни объ одномъ религіозномъ вопросѣ религіозные люди не думаютъ, разумѣется, такъ, какъ считаю сообразнымъ съ истиною думать я, атеистъ. Но конечно, было бы нелѣпою фантазіею съ моей стороны тре-

вожить умы моихъ бѣдныхъ друзей возбужденіемъ въ нихъ мыслей, значеніе которыхъ не можетъ быть правильно понимаемо безграмотными невѣждами, каковы они. — То же самое, что о религіозныхъ предметахъ, и обо всемъ другомъ, о чемъ лично я имѣю убѣжденія, не одинаковыя съ убѣжденіями просвѣщенныхъ людей какого нибудь иного, не совпадающаго съ моимъ образа мыслей. Было бы нелѣпостью толковать съ безграмотными невѣждами о такихъ вещахъ, относительно которыхъ существуютъ несогласія между людьми просвѣщенными. Но и изъ тѣхъ вещей, о которыхъ совершенно всѣ сколько нибудь образованные люди думаютъ совершенно одинаково, я бралъ предметами объясненій только такія, ошибочныя мысли о которыхъ были гибельны для моихъ друзей; да и для всѣхъ вообще людей въ такомъ положеніи, какъ мои бѣдные друзья, вредны.

Вашнѣйшею причиною бѣдствія, въ которое ввергли себя мои темные, несчастные друзья и ихъ со-подсудимые, были ихъ ошибочныя мысли объ условіяхъ Парижскаго мира, о подвластности Русскаго царя и Русскаго царства Наполеону. Когда мнѣ показалось, что ужь могу я, не оскорбляя моихъ друзей, приняться за исправленіе ихъ понятій объ этихъ вещахъ, я разсудилъ, что на первый разъ надобно сообщить имъ свѣдѣнія о послѣднихъ событіяхъ жизни Наполеона III и о его смерти. Получивъ эти свѣдѣнія, мои друзья будутъ болѣе способны разсудить, правильно ли буду я разсказывать имъ о дѣйствительныхъ условіяхъ Парижскаго мира, — соображалъ я. — И такъ, не касаясь вопроса, была ли по Парижскому миру Россія принуждена признать себя государствомъ, подвластнымъ Франціи, я началъ съ того, что спросилъ моихъ друзей, слышали ль они, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ была война у Французовъ съ Нѣмцами; вѣроятно, слышали; но, быть можетъ, мало; то не хотятъ ли услышать по-подробнѣе: это война любопытная; слышали они о ней? И хотятъ послушать побольше?

Мои друзья отвѣчали: хорошо, пусть я разсказываю, когда это любопытно; они послушаютъ, что это такое была за война у французовъ съ нѣмцами; они объ этой войнѣ не слышали.

Я полагалъ, что они слышали о ней слишкомъ мало и безтолково, такъ что не поняли ея развязку. Но — они вовсе и не слыхивали о ней.

Я сталъ разсказывать о войнѣ 1870—1871 годовъ; разумѣется, коротко, чтобы не утомить моихъ слушателей; разумѣется, не касаясь ничего, кромѣ собственно военной стороны дѣла, которая одна сколько нибудь понятна людямъ такого невѣжества, какъ мои бѣдные друзья. Разсказъ мой былъ въ такомъ родѣ:

„Нѣмцы сосѣды съ Французами. Лѣтъ девять тому назадъ Наполеону захотѣлось отнять у нѣмцевъ часть нѣмецкой земли, — ту часть, которая самая сосѣдняя съ Французскимъ царствомъ, и пошелъ онъ для этого войною на нѣмцевъ. Онъ думалъ, что нѣмцы струсятъ, потому что французское войско считалось очень хорошимъ и было очень большое. Но Нѣмцы не струсили“ — и т. д. и т. д.

Дошелъ мой разсказъ до Седана. Я разсказалъ о Седанѣ въ такихъ словахъ: — „Вотъ, какъ дошли Французы до этой своей крѣпости, нѣмцы тутъ догнали ихъ, окружили, сбили, загнали въ эту крѣпость; а она старая, дрянная; а подлѣ нея горы; Нѣмцы поставили на эти горы пушки, и немножко пострѣляли съ горъ въ крѣпость, чтобы показать Французамъ, что съ этихъ горъ легко перебить всѣхъ, кто тамъ внизу, въ крѣпости; въ два, три часа всѣхъ можно перебить, какъ стадо

барановъ. Французы увидѣли: правда. Ну и пришлось Наполеону со своимъ войскомъ отдаваться въ плѣнъ нѣмцамъ. Ну, и отдался въ плѣнъ".

До сихъ поръ мои друзья слушали молча; тутъ не выдержали. Всѣ трое въ одинъ голосъ заговорили:

— Стой, да что жь это, въ самомъ дѣлѣ? Да ты шутишь.

Я сталъ просить ихъ вѣрить мнѣ, что я не шучу, не смѣюсь, говорю серьезно.— Увѣрились они наконецъ, я не шучу. Тогда, начались разспросы такого содержанія: — „Ну, видимъ: ты не шутишь; но откуда ты это знаешь? Ты самъ видѣлъ все это?" — „Нѣтъ, я тогда тамъ не былъ. Я не видѣлъ этого, я только читалъ объ этомъ". — „Въ газетахъ читалъ?" — „А что?" — „Ну, да то, что въ газетахъ много врутъ". — „Въ газетахъ бываетъ много пустяковъ; но въ такихъ крупныхъ дѣлахъ ошибаться газетамъ нельзя. Впрочемъ, до газетъ намъ нѣтъ дѣла. Я тогдашнихъ газетъ не читалъ. Я знаю это по книгамъ, а не по газетамъ". — „По какимъ книгамъ? По нѣмецкимъ или по французскимъ?" — „А что?" — „Да если по нѣмецкимъ, то Нѣмцы, можетъ, наврали все это для похвальбы". — „Читалъ я и французскія книги: и въ нихъ то же самое". — Мои друзья призадумались. Но нашли-таки резонъ, что дѣло однако же сомнительно: — „Слушай ты вотъ что: можетъ, нѣмцы съ французами согласились писать такъ для обмана русскихъ. Можетъ, они вмѣстѣ хотятъ что нибудь сдѣлать надъ русскими, то вотъ и отводятъ русскимъ глаза, что вы, дескать, ничего не опасайтесь отъ насъ, потому что мы между собою подрались и будемъ все драться". — „Не могли они обманывать въ этомъ Русскихъ; много русскихъ было тогда въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ: сами, своими глазами многіе русскіе видѣли это". — Долго тянулись у насъ разсужденія о томъ, не обманываюсь ли я, принимая за правду, что Наполеонъ попался въ плѣнъ нѣмцамъ.

Когда мои друзья стали склоняться къ мысли, что разсказанное мною достовѣрно, что я не введенъ въ обманъ выдумками хитрыхъ враговъ Россіи, желающихъ отводить глаза русскимъ сказками, я попросилъ моихъ друзей, чтобъ они послѣ, на досугѣ побольше подумали о томъ, возможно ли какое нибудь сомнѣніе въ достовѣрности читаннаго мною и теперь вотъ сообщеннаго мною имъ; и попросивъ ихъ обдумать все какъ можно основательнѣе, докончилъ мой разсказъ нѣсколькими словами, — именно такими:

„Ну, вотъ, подержали нѣмцы Наполеона въ плѣну у себя, потомъ выпустили; онъ поѣхалъ жить въ Англію, потому что воротиться во Францію ему было ужь нельзя: французы, потерпѣвши черезъ него такую бѣду, что нѣмцы побили ихъ, были очень озлоблены на него. И его женѣ и сыну, — у него съ женою только и дѣтей, что одинъ сынъ, — тоже никакъ нельзя было оставаться во Франціи, по ожесточенію французовъ противъ нихъ за него: и они тоже уѣхали въ Англію. Ну и жилъ онъ съ ними у англичанъ; бѣдности не терпѣлъ, потому что были у него свои собственныя деньги. Но только и всего, что имѣлъ достаточный кусокъ хлѣба. Пожилъ такъ нѣсколько времени и умеръ лѣтъ шесть тому назадъ".

Принялись мои друзья разсуждать со мною, достовѣрно ли я знаю, что Наполеонъ умеръ. Долго разсуждали. Стали склоняться къ мысли, что я не ошибаюсь, считая правдою извѣстіе о его смерти.

Довольно для того, чтобы судить какъ шли мои попытки растолковать моимъ бѣднымъ друзьямъ, что они ошибались, воображая, будто бы Россія попала по

Парижскому миру подъ власть Наполеона и до сихъ поръ остается подвластна ему.

Бѣдные люди, бѣдные темные люди,—что было въ ихъ головахъ сколько нибудь похожаго на какія бы то ни было политическія идеи?

Во время нѣмецко-французской войны они жили въ Царицынѣ и Камышинѣ. Подъ арестомъ, правда. Но у нихъ бывали посѣтители. Они были въ дружбѣ со своими сторожами. Кажется, какъ бы не слышать имъ хоть чего нибудь объ этой войнѣ?—Но вотъ, не слышали жь однако ничего о ней.—Въ какой же степени, когда такъ, были они заинтересованы политическими мыслями?—Столько же, сколько китайскою литературою. Иначе невозможно было бъ имъ оставаться ничего не слышавшими о войнѣ 1870—1871 годовъ.

Возвращаюсь къ изложенію результатовъ, полученныхъ слѣдователемъ.

Я говорилъ, что нѣсколько разъ подсудимые отвѣчали на ругательства слѣдователя репликами, дѣйствительный смыслъ которыхъ—укоръ слѣдователю, Наполеоновскому чиновнику, но буквальный смыслъ которыхъ неоспоримо представляется преступнымъ всякому, кто не знаетъ, что слѣдователь былъ слугою Наполеона. Я говорилъ также, что не всѣ допросы кончались ругательными монологами слѣдователя или діалогами перебранки его съ подсудимыми; если у слѣдователя являлась охота передвинуть допросъ черезъ формальность констатированія личности, онъ замѣнялъ вопросъ: „какъ тебя зовутъ?“ вопросомъ: „тебя зовутъ“ — затѣмъ слѣдовало имя допрашиваемаго—„такъ ли?“—Противъ этой формы вопроса подсудимые не имѣли религіознаго предубѣжденія, отвѣчали: „Такъ“,—и допросъ послѣ того шелъ совершенно сообразно желанію слѣдователя. О чемъ бы ни спрашивалъ онъ подсудимыхъ, они признавали справедливымъ все то, что предлагалъ онъ имъ признать справедливымъ. Онъ полагалъ, что они безбожники и республиканцы; потому говорилъ имъ:—„У васъ нѣтъ Бога?“—Они отвѣчали:—„Нѣтъ“.—„У васъ нѣтъ царя?“—Они отвѣчали:—„Нѣтъ“.—Онъ спрашивалъ,—какъ я уже упоминалъ—у Ѳомы Чистоплюева, блядь ли Катерина Чистоплюева; и Ѳома Чистоплюевъ отвѣчалъ:—„Блядь“.—„Ты хотѣлъ прогнать ее за блядовство?“—Ѳома Чистоплюевъ отвѣчалъ:—„Хотѣлъ“. Точно такъ же онъ спрашивалъ у Катерины Чистоплюевой:—„Ѳома Чистоплюевъ не мужъ тебѣ?“—Она отвѣчала:—„Не мужъ“.—„Ты не хотѣла жить съ нимъ?“—Она отвѣчала:—„Не хотѣла“.—„Ты хотѣла отвязаться отъ него?“—Она отвѣчала:—„Хотѣла“.—„Ты хотѣла убить его, чтобъ отвязаться отъ него?“—Она отвѣчала:—„Хотѣла“.—Ѳома и Катерина Чистоплюевы были въ это время люди ужь не молодыхъ лѣтъ. Но, по крайней мѣрѣ, не были такіе старые люди, чтобъ желающему вести съ ними бесѣды игриваго содержанія не было возможности не чувствовать самому, что это его желаніе совершенно глупо. Но Матрена Головачева, женщина, не бывшая вѣроятно и въ молодости красивою, была въ то время ужь вовсе старуха. Нѣтъ нужды, слѣдователь не оставилъ безъ разъясненія ея эротическія отношенія:—онъ спрашивалъ ее:—„Ты хотѣла бросить мужа?“—Она отвѣчала:—„Хотѣла“.—„Почему хотѣла? Потому что онъ старъ?“—„Да“.—„Жить со старикомъ нѣтъ пріятности?“—„Нѣтъ“.—„Ты хотѣла жить съ молодыми мужчинами?“—„Да“.—„Ты за тѣмъ и въ эту свою вѣру перешла, чтобы жить съ молодыми мужчинами?“—„Да“,—неукоснительно подтвердила старуха.

„Зачѣмъ же вы говорили на себя такую неправду?“—спрашивалъ я моихъ

друзей.— „Да мы видѣли, что противиться слѣдователю было бы только дѣлать напрасное мученіе себѣ. Что жь, рѣзвѣ сладишь съ нимъ? Ну, такъ и пусть будетъ, какъ ему угодно; по крайней мѣрѣ, когда говоришь все такъ, какъ онъ требуетъ, онъ не сердится, и скоро отпуститъ съ допроса", — отвѣчали бѣдные мои друзья.

Стали послѣ призывать ихъ на „явку", какъ они выражаются, къ „разнымъ другимъ гражданскимъ начальникамъ", которые были „хорошіе люди, ласковые"; это были—сколько могу я понять—какіе нибудь чиновники прокуратуры; быть можетъ, кто нибудь изъ помощниковъ прокурора окружнаго суда или прокурора судебной палаты; призывали подсудимыхъ „на явку" и къ „военнымъ начальникамъ", которые были „еще лучше гражданскихъ", именно, къ офицерамъ корпуса жандармовъ; эти офицеры „всѣ были люди очень хорошіе; такіе добрые, что говорить съ ними было очень пріятно, а не то чтобы страшно: ничуть не страшно; потому что отъ жандармскаго офицера никогда не получишь никакой обиды; всегда онъ старается, напротивъ того, сдѣлать какое только можетъ снисхожденіе и облегченіе", — отзываются объ офицерахъ жандармскаго корпуса мои друзья.

Но—подсудимые, хоть и видѣли, что офицеры жандармскаго корпуса желаютъ быть полезными для нихъ, не умѣли, по своему темному невѣжеству, воспользоваться своими „явками" къ нимъ.— „Жандармскіе офицеры желали сдѣлать въ вашу пользу что могутъ; вотъ, вамъ и слѣдовало бы объяснить имъ, что вы говорили на допросахъ у слѣдователя пустую небывальщину на себя", — замѣчалъ я моимъ бѣднымъ друзьямъ.— „Другъ ты мой, мы думали, что изъ этого будетъ намъ только новая бѣда, хуже прежней. Самъ ты разсуди: у кого оставались бы мы подъ властью?—Все у того же слѣдователя. Офицеръ-то поговоритъ съ нами, да уйдетъ; а слѣдователь-то на другой день опять позоветъ насъ на допросъ, и разочтется съ нами за то, что поперекъ ему говорили съ жандармскимъ-то офицеромъ".—Я напрасно старался убѣдить ихъ, что это ихъ опасеніе ошибочное. Они были такъ запуганы всемогуществомъ слѣдователя, что не смотря на всѣ мои увѣренія: „у жандармскихъ офицеровъ была бы сила защитить васъ отъ него", они остались при своемъ образѣ понятій; слѣдователь былъ всемогущъ; всякая попытка искать у кого нибудь помощи противъ него только отягчила бы ихъ положеніе.

И такъ, и тѣ „разные добрые гражданскіе чиновники", которые, я полагаю, были бы не прочь потрудиться для спасенія подсудимыхъ, и офицеры корпуса жандармовъ, которые, несомнѣнно, были бы дѣйствительно рады спасти ихъ, были оставляемы ихъ нелѣпымъ невѣжественнымъ молчаніемъ въ невозможности узнать, что ихъ преступленія—пустыя фикціи. Результаты, добытые допросами слѣдователя, оставались формальнымъ образомъ результатами достовѣрными: сами подсудимые не оспаривали ихъ достовѣрности.

И однако же, произошелъ какимъ-то способомъ какой-то фактъ, имѣющій въ себѣ какъ будто нѣчто похожее на какое-то рѣшеніе какой-то—административной ли? или судебной?— власти прекратить ли процессъ, дать ли ему, вмѣсто уголовнаго характера, характеръ исправительный. Что такое былъ этотъ фактъ, я не могу хорошенько разобрать; онъ отразился въ темныхъ головахъ моихъ бѣдныхъ друзей такими смутными впечатлѣніями, что сколько ни раздумывалъ я надъ ихъ разсказами о немъ, я не доискался возможности понять, въ чемъ же дѣйствительно состоялъ этотъ фактъ.

Разсказываютъ они о немъ такъ:

„Безъ малаго черезъ годъ“ послѣ того, какъ были арестованы Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые, осенью 1869 года,-- вѣроятно въ октябрѣ или ноябрѣ,—позвали ихъ изъ острога (Царицынскаго, гдѣ они содержались) въ Полицейское управленіе. Тамъ прочли имъ какую-то бумагу, смысла которой не могли они хорошенько понять, но въ которой, какъ имъ казалось, говорилось, что нѣкоторые изъ нихъ,—въ томъ числѣ Матрена Головачева,—должны быть отданы, какъ православные, на увѣщаніе Православному священнику, а другіе,—въ томъ числѣ Дарья Чистоплюева (еще бывшая тогда въ живыхъ), Ѳома и Катерина Чистоплюевы не подлежатъ этому увѣщанію, потому что Православными не были, стало быть и въ отпаденіи отъ Православія не виноваты. Прочитавъ имъ эту бумагу, чиновники сказали имъ: „ступайте на всѣ четыре стороны“, и тотчасъ же ушли изъ комнаты Присутствія Полицейскаго управленія, оставивъ ихъ въ этой комнатѣ однихъ. Оставшись одни, они стали спрашивать другъ у друга, что такое объявила имъ прочтенная имъ бумага. Потолковавши, разсудили, что бумага, должно быть, объявила имъ, что они освобождаются отъ ареста и слѣдствія, что они теперь стали опять люди свободные и могутъ идти домой; должно быть, такъ: потому что иначе что жъ значили бы сказанныя имъ по прочтеніи бумаги совершенно понятныя имъ слова: „ступайте на всѣ четыре стороны“?—Такъ, должно быть. Но надобно, прежде, чѣмъ сдѣлать попытку идти, какъ уходятъ свободные люди, спросить у чиновниковъ, дѣйствительно ли такъ. И, если дѣйствительно они освобождены, то надобно будетъ имъ получить отъ чиновниковъ позволеніе, прежде чѣмъ отправляться въ Дубовку и Песковатку, сходить въ острогъ, взять тамъ свою теплую одежду и другія свои вещи: время ужъ холодное; до Дубовки и Песковатки разстояніе не маленькое; безъ теплой одежды идти нельзя. И такъ, во всякомъ случаѣ надобно подождать возвращенія чиновниковъ, спросить у нихъ о смыслѣ бумаги, и если бумага дѣйствительно имѣетъ смыслъ освобожденія отъ ареста, то спросить у чиновниковъ позволенія сходить за вещами въ острогъ. Рѣшивъ такъ, подсудимые стали дожидаться возвращенія чиновниковъ въ комнату Присутствія: ждали; устали стоять, и сѣли на полъ: гдѣ стояли, слушая бумагу, тутъ и сѣли на полъ. Сидѣли и ждали возвращенія чиновниковъ. Вдругъ, вбѣжали въ комнату Присутствія полицейскіе служители, схватили сидящихъ, подняли на ноги и потащили вонъ: вытащили на дворъ Полицейскаго Дома и посадили на землю тутъ на дворѣ.—По правилу своей вѣры терпѣть все молча, подсудимые усѣлись молча. И сидѣли въ ожиданіи когда позовутъ ихъ опять въ комнату Присутствія, или подойдетъ къ нимъ какой нибудь чиновникъ. Такъ и просидѣли весь день. Пришла ночь. Провели они и ночь тутъ. И слѣдующій день, и слѣдующую ночь. Пришелъ третій день: они все сидѣли на дворѣ, гдѣ были посажены на землю. Пришла третья ночь: до сихъ поръ большого мороза не было, и погода была хорошая; но въ этотъ третій день къ вечеру сталъ подыматься вѣтеръ; усиливался; и къ началу ночи усилился до вьюги; вьюга стала страшно сильная. Тогда пришелъ къ сидящей грушѣ помощникъ исправника и отвелъ ихъ въ полицейскія комнаты. Тутъ ихъ заперли, и тѣмъ кончился эпизодъ—который въ чемъ же именно имѣлъ свою сущность?—не понимаю; вижу только, что это былъ эпизодъ успѣшнаго соревнованія чиновниковъ Царицынской Полиціи съ безграмотными подсудимыми въ безтолковости.

Подсудимые не понимали, въ чемъ было тутъ дѣло; это ясно; не понимая, они, конечно, и въ то время не сумѣли бы разсказать съ толкомъ. Тѣмъ меньше могли припомнить съ толкомъ этотъ удивительный эпизодъ мои темные друзья теперь, черезъ девять съ половиною лѣтъ.

Но какимъ же образомъ возможно было полицейскимъ чиновникамъ уйти изъ комнаты Присутствія оставивъ тамъ постороннихъ людей,—да притомъ людей, бывшихъ подсудимыми?—Патріархальность, достойная Золотаго Вѣка, о которомъ такъ хорошо писали поэты древней Эллады.—Дубовка была уголокъ Аркадіи; но и Царицынъ, какъ теперь видно, былъ тоже уголокъ Аркадіи.

Ограничиваюсь въ своемъ разборѣ удивительнаго поведенія полицейскихъ чиновниковъ этою первою чертою ихъ истинно очаровательнаго исполненія ихъ служебныхъ обязанностей: надоѣло имъ сидѣть въ комнатѣ Присутствія, вздумалось идти—домой, что ли, приласкать дѣточекъ,—къ пріятелямъ, что ли, позавтракать,—встали и пошли себѣ, не мало ни стѣсняясь заботою, что въ комнатѣ Присутствія остаются посторонніе люди.

Довольно этой черты. Когда должностные подвиги начинаются такимъ наивнымъ походомъ изъ комнаты Присутствія, то ужь не могутъ подлежать никакой юридической оцѣнкѣ никакія дальнѣйшія должностныя приключенія такихъ чиновниковъ; это не чиновники; это Дафнисы и Филемоны, о которыхъ писалъ свои прекрасныя Буколики Виргилій.

Я сказалъ: „я не понимаю этого эпизода“. Я не хочу становиться на ту точку зрѣнія, съ которой легко было бы понять его. Эта точка зрѣнія такова, что я не люблю становиться на нее. Я предпочитаю въ подобныхъ случаяхъ думать: „это происходило лишь отъ незнанія должностными людьми ихъ должностныхъ обязанностей“. И прибавлю: „Дѣло безтолково до такой степени, что я не понимаю его“. И пусть будетъ такъ.

Когда подсудимые увидѣли себя находящимися опять въ-заперти, они безъ затрудненія объяснили себѣ, въ чемъ состояло дѣло: ихъ призывали въ Полицейское Управленіе и читали имъ ту бумагу только „въ видѣ насмѣшки, чтобы надругаться надъ ними“; ихъ посадили въ такое позднее осеннее время во дворѣ и держали ихъ тутъ, не выдавая имъ оставшейся въ острогѣ теплой одежды ихъ три дня и двѣ ночи, для того, чтобъ они, измученные холодомъ, „отреклись отъ своей вѣры“.—Само собою разумѣется, это пустыя мысли, порожденныя лишь ихъ темнымъ невѣжествомъ.

Черезъ нѣсколько времени полицейскіе чиновники стали приходить къ нимъ въ арестантскую Полицейскаго Управленія и, разговаривая съ ними по-пріятельски, признавались, что „поступили съ ними не хорошо“.—„Не хорошо было, что мы сказали вамъ: ступайте на всѣ четыре стороны; такъ не годится говорить; надобно было растолковать вамъ хорошенько, что вы были избавлены отъ суда, и что мы въ самомъ дѣлѣ выпускаемъ васъ на волю. Не хорошо мы сказали вамъ. Ну, теперь этого поправить ужь нельзя. Поздно“.— Неужели жь подсудимые правильно понимали слова чиновниковъ? Неужели чиновники говорили дѣйствительно такъ?— Еще черезъ нѣсколько времени подсудимые, ужь переведенные въ острогъ—слышали отъ сторожей, что въ Полицейскомъ Управленіи говорятъ, будто бы они, когда оставались одни въ комнатѣ Присутствія, разломали тамъ зеркало и что теперь судить ихъ будутъ ужь собственно за то, что они разломали

зерцало.—Я убѣжденъ, что это былъ слухъ, оставшійся неизвѣстнымъ самимъ чиновникамъ Полицейскаго Управленія, или, если доходившій до нихъ, то отвергаемый ими какъ пустая городская сплетня. Подсудимые въ комнатѣ Присутствія съ-начала неподвижно стояли, потомъ неподвижно сидѣли на полу; они не дотрогивались не только до зерцала, но и до стола, на которомъ стояло зерцало; не только до этого стола, но и ни до чего въ комнатѣ. Я считаю тогдашнихъ чиновниковъ Царицынскаго Полицейскаго Управленія людьми, очень плохо знавшими и, по привычкѣ къ небрежности, еще хуже того исполнявшими свои должностныя обязанности. Но быть чиновникомъ очень плохо знающимъ и еще хуже того исполняющимъ свои служебныя обязанности еще вовсе не значитъ быть человѣкомъ, способнымъ составлять фальшивые протоколы для возведенія на людей небывалыхъ преступленій. Я убѣжденъ, эти плохіе чиновники были, въ сущности, люди вовсе не такіе дурные, чтобы губить кого нибудь составленіемъ фальшивыхъ протоколовъ. Слухъ, будто они говорили о разбитіи зерцала подсудимыми, безъ сомнѣнія, клевета городской молвы на чиновниковъ, конечно имѣвшихъ въ Царицынѣ недруговъ-скалозубовъ, выдумавшихъ, будто они составили или хотѣли составить фальшивый протоколъ о небывальщинѣ. Зерцало, какъ было, такъ и осталось цѣло. Царицынъ хохоталъ злой шуткѣ сплетниковъ, будто составленъ протоколъ о разбитіи зерцала, которое осталось, какъ зналъ Царицынъ, въ совершенно неприкосновенной цѣлости.

Прошло еще нѣсколько времени, и чиновники, навѣщавшіе подсудимыхъ, стали говорить имъ:—„Вы почему не шли на свободу, когда васъ отпускали? Вы не шли потому, что не хотѣли идти,—такъ?“—Подсудимые, по своему умному правилу, отвѣчали: — „Да“.—„Почему жь вы не хотѣли идти на свободу? Потому что желали оставаться въ острогѣ?“—Подсудимые отвѣчали:—„Да“—„Вы хотѣли быть мучениками?“—„Да“.—„Вы желаете, чтобы васъ сослали въ Сибирь?“—„Да“.—„Вы даже не на поселеніе желаете, потому что это не велико мученичество, а въ каторгу?“—и на это, какъ на все, подсудимые отвѣчали:—„Да“.

„Зачѣмъ вы говорили такой вздоръ?“—спрашивалъ я моихъ друзей.—„Другъ ты нашъ, да что жь пользы-то было бы спорить?“—отвѣчали они.—Я однажды, въ горькой досадѣ на безсмысліе, съ какимъ они губили себя такими дурацкими отвѣтами, сказалъ:—„Ну, а если бы теперь кто спросилъ васъ, потому ли не ушли вы домой, что желали остаться въ острогѣ и идти въ Сибирь, какъ отвѣчали бы вы?“ — „Другъ ты мой, да никто не спроситъ“. — „Да я говорю лишь къ примѣру. Ну, если бы кто спросилъ?“ — „Ну, сказали бы по тогдашнему“. — „Какъ, и теперь сказали бы, что не хотѣли тогда идти на свободу, хотѣли идти въ Сибирь?“—„И теперь такъ сказали бы“.—„Да зачѣмъ же?“—„А тогда было говорено такъ, да какъ же отпереться-то? Чтобъ еще начали судить насъ за то, что отрекаемся отъ своихъ словъ? Довольно съ насъ бѣдъ; не накликать же намъ на себя новыхъ. Пусть, что написали они о насъ, все такъ и остается, будто въ самомъ дѣлѣ правда“.

И такъ, въ чемъ бы ни состояло дѣйствительное содержаніе той бумаги, которой не умѣли понять подсудимые, когда она была читана имъ въ Царицынскомъ Полицейскомъ Управленіи и о которой теперь мои друзья полагаютъ, будто бъ она освобождала ихъ отъ суда, подсудимые остались подъ стражею, дѣло о нихъ продолжалось; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того они были, какъ я ужь го-

ворилъ выше, отправлены изъ Царицына въ Камышинъ; послѣ были перемѣщены изъ Камышина въ Саратовъ; изъ Саратова были наконецъ, весною 1874 года, отправлены въ Царицынъ для того, чтобы быть подвергнутыми суду присяжныхъ; и всѣ тѣ изъ нихъ, которые дожили до суда, были приговорены къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь.

Изъ числа девяти подсудимыхъ, въ продолженіе процесса трое умерло: именно:
Дарья Чистоплюева (мать Ѳомы Чистоплюева);
Марѳа Чугунова (жена Антона Чугунова, дяди Катерины Чистоплюевой) и
Григорій Воронинъ (мужъ Дарьи Ворониной).

У Антона и Марѳы Чугуновыхъ было трое дѣтей, двѣ дѣвочки и мальчикъ. Отцу и матери было позволено имѣть дѣтей при себѣ. Старшее изъ трехъ дѣтей, дѣвочка Анна, умерла въ Камышинѣ; ей было тогда 13 лѣтъ. Двое младшія дѣти—второе дитя, дочь Дарья, и младшее дитя, мальчикъ Иванъ, остававшіяся при родителяхъ, были взяты отъ нихъ, когда они жили въ Саратовскомъ острогѣ. Куда были отведены эти дѣвочка и мальчикъ, и что было съ ними дальше, мои друзья не знаютъ.

Доскажу о судьбѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые дожили до конца процесса.
Ихъ было, какъ я говорилъ, шесть человѣкъ, именно:
Ѳома и Катерина Чистоплюевы;
Антонъ Чугуновъ;
Матрена Головачева;
Дарья Воронина;
Анна Филатова.

Судъ надъ ними былъ въ началѣ марта 1874 года. По произнесеніи приговора, шестеро осужденные были въ маѣ мѣсяцѣ переведены изъ Царицына въ Саратовъ, для препровожденія въ Сибирь. Изъ Саратова они были отправлены въ Сибирь „за день передъ Петровымъ днемъ“ 1874 года. Въ Иркутскъ прибыли они зимою 1874—1875 года. Изъ Иркутска были отправлены въ Якутскую область, и прибыли въ окружный городъ Якутской области Вилюйскъ „немножко послѣ Петрова дня“ 1875 года. До этой поры всѣ шестеро они были препровождаемы по пути и во время стоянокъ оставляемы неразлучно вмѣстѣ. Это было отрадою для нихъ, потому что всѣ они—кромѣ Филатовой—были близкіе родные между собою, и Филатова была въ молодости такая близкая знакомая всѣмъ тѣмъ пятерымъ, будто родная. Они думали, что и на поселеніи оставятъ ихъ всѣхъ жить вмѣстѣ. Но въ Вилюйскѣ раздѣлили ихъ для водворенія на жительство на двѣ группы, въ каждой по три человѣка. Разлука чрезвычайно огорчала ихъ. Но чиновники Вилюскаго Окружнаго Управленія утѣшили ихъ, сказавши, что отъ нихъ самихъ будетъ зависѣть соединиться вновь: на двѣ группы раздѣляютъ ихъ лишь для того, чтобы не возлагали на обременіе содержаніемъ шести человѣкъ якуты того „улуса“ (той волости), куда отправили бъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ; Окружное Правленіе распредѣляетъ тяжесть содержанія ихъ между двумя улусами; пусть они просятъ старшинъ этихъ улусовъ присылать содержаніе имъ въ одно какое нибудь мѣсто того или другаго улуса; старшины согласятся и тогда могутъ они всѣ шестеро жить вмѣстѣ.

Дарья Воронина, Анна Филатова, Антонъ Чугуновъ были отправлены, одною

группою, въ одинъ улусъ; Ѳома и Катерина Чистоплюевы и Матрена Головачева, другою группою, въ другой улусъ.

Въ обоихъ улусахъ улусные начальники сдѣлали относительно содержанія присланныхъ къ нимъ поселенцевъ такое распоряженіе: хозяева юртъ (избушекъ, домохозяйствъ) должны кормить поселенцевъ своего улуса поочередно, по одному дню каждый хозяинъ. Ни Катерина Чистоплюева съ мужемъ и его теткою, ни другая партія, состоявшая изъ Ворониной, Филатовой и Чугунова, не знали, что могутъ требовать менѣе неудобнаго способа снабженія ихъ продовольствіемъ. И стали каждый день переходить для полученія ѣды и ночлега изъ одной юрты въ другую, по очереди, назначенной улусными начальниками.

Въ Вилюйскомъ округѣ нѣтъ нигдѣ ничего подобнаго хоть бы самой крошечной деревушкѣ: якуты живутъ отдѣльными, совершенно одинокими юртами, одна юрта отъ другой въ двухъ, трехъ,—чаще въ пяти, въ десяти, въ пятнадцати верстахъ. Поселенцамъ,—людямъ пожилымъ, или вовсе дряхлымъ,—пришлось такимъ образомъ каждый день странствовать по нѣсколько,—чаще всего, по многу,—верстъ; проснутся, закусятъ и отправляются въ путь; а пути въ Вилюйскомъ округѣ—тропинки въ лѣсахъ между болотъ. Можно вообразить себѣ, какъ мучительна была эта странническая жизнь для людей пожилыхъ, или вовсе старыхъ, и отчасти больныхъ. Надобно только припомнить, сколько мѣсяцевъ длится въ Вилюйскомъ округѣ зима и каковы морозы этой зимы.

Якуты безпрестанно разъѣзжаютъ изъ улуса въ улусъ. Чистоплюевы и Головачева, когда научились понимать кое-какія обыкновеннѣйшія слова якутскаго языка, слыхивали по временамъ отъ встрѣчавшихся съ ними проѣзжихъ якутовъ о Чугуновѣ и двухъ его спутницахъ: и Чугуновъ, и обѣ женщины были здоровы. Чистоплюевы и Головачева не теряли надежды раньше или позже получить согласіе улусныхъ начальниковъ на то, чтобы позволено было Чугунову и тѣмъ двумъ женщинамъ странствовать вмѣстѣ съ ними, пока якуты обоихъ улусовъ построятъ или купятъ—какъ обѣщали приказать улусные начальники,—особую юрту, въ которой стали бы жить всѣ шестеро вмѣстѣ.

Это и было бы, вѣроятно, такъ. Но раньше, нежели Чистоплюевы успѣли выпросить у улусныхъ начальниковъ позволеніе присоединить къ себѣ ту, другую, партію, съ этою другою партіею случилась бѣда.

Бывшій Вилюйскій исправникъ г. Протопоновъ (о которомъ говорилъ я въ предисловіи къ этой запискѣ) разсказывалъ мнѣ о бѣдѣ, постигшей ту, другую, партію, слѣдующимъ образомъ:

Однажды въ ту юрту, куда пришли Чугуновъ, Воронина и Филатова, заѣхалъ священникъ той мѣстности; священникъ этотъ былъ пьянъ; пьяный, онъ человѣкъ буйный. Онъ привязался къ Чугунову и женщинамъ, неотступно ругая ихъ за то, что они раскольники. Они молчали на его ругательства; это еще больше подзадоривало пьянаго и наконецъ онъ принялся бить Чугунова и обѣихъ женщинъ. Они принуждены были схватить его за руки. Само собою разумѣется, онъ изъ-за этого пожаловался на нихъ, и, конечно, представилъ дѣло въ такомъ видѣ, будто Чугуновъ, Воронина и Филатова „избили“ его. Чугуновъ и обѣ женщины были арестованы—отправлены въ Якутскъ. Якутскій губернаторъ Черняевъ держалъ себя въ этомъ дѣлѣ благородно; старался сколько могъ смягчить участь Чугунова, Ворониной и Филатовой. (Это слышали о немъ и Чистоплюевы и Головачева, и

всѣ трое много разъ говорили мнѣ, что чувствуютъ живую благодарность къ г. Черняеву за его покровительство Чугунову, Ворониной и Филатовой). Но характеръ обвиненія былъ таковъ, что не во власти губернатора давать дѣламъ подобнаго рода направленіе, какое считаетъ онъ справедливымъ. Чугуновъ, Воронина и Филатова были, согласно жалобѣ священника, обвинены въ оскорбленіи его и отправлены—по словамъ г. Протопопова—въ Иркутскъ, въ арестантскія роты. (Такъ слышали и Чистоплюевы и Головачева).

Нѣсколько времени тому назадъ я просилъ живущаго въ Вилюйскѣ должностнаго человѣка, служащаго въ Иркутской жандармской командѣ, чтобъ онъ переслалъ своему начальнику мою записку, въ которой я говорилъ, что желалъ бы,—если будетъ найдено возможнымъ исполнить это,—чтобы Чугунову, Ворониной и Филатовой были переданы свѣдѣнія о здоровьѣ Чистоплюевыхъ и Головачевой, поклоны отъ нихъ и нѣсколько рублей. Если было найдено возможнымъ исполнить это, все это, безъ сомнѣнія, исполнено.

Тяжкій періодъ ежедневныхъ странствованій Ѳомы и Катерины Чистоплюевыхъ и Матрены Головачевой изъ юрты въ юрту, по нѣскольку верстъ, иногда и по пятнадцати и больше верстъ отъ юрты до юрты, длился мѣсяцевъ десять. Послѣ, въ половинѣ мая 1876 года, была наконецъ отведена для житья имъ юрта. Тогда они стали пользоваться спокойствіемъ. Такимъ образомъ прожили они около двухъ лѣтъ. Послѣ того, жили у Вилюйскаго исправника, г. Протопопова, какъ я подробно разсказывалъ объ этомъ въ Предисловіи къ настоящей запискѣ. По отъѣздѣ г. Протопопова въ Иркутскъ, жили съ мѣсяцъ у Вилюйскаго медика г. Доброзракова; послѣ переселились жить въ баню исправническаго дома, оттуда въ одну изъ юртъ, находящихся въ Вилюйскѣ;—обо всемъ этомъ я подробно разсказывалъ въ Предисловіи къ настоящей запискѣ. Послѣ того, какъ она была отдана мною для отправленія черезъ Иркутскъ въ Петербургъ, въ судьбѣ Чистоплюевыхъ и Головачевой произошли слѣдующія перемѣны:

Завѣдывавшій однимъ изъ двухъ водочныхъ складовъ, находящихся въ г. Вилюйскѣ, мѣщанинъ Дашевскій, бывшій въ знакомствѣ съ г. Протопоповымъ, имѣлъ желаніе взять, при его отъѣздѣ, Катерину Чистоплюеву къ себѣ для завѣдыванія хозяйствомъ и приготовленія кушанья. Но услышавъ, что того же желаютъ для себя г. и г-жа Доброзраковы, съ которыми онъ былъ друженъ, промолчалъ о своемъ желаніи: онъ человѣкъ холостой, они—обременены дѣтьми; ему легче, нежели имъ, обходиться безъ хорошей прислуги,—разсудилъ онъ, какъ слѣдуетъ доброму человѣку.—Я говорилъ въ Предисловіи къ этой запискѣ, что когда г-жа Доброзракова, выражая мнѣ свои неудовольствія на Катерину Чистоплюеву, довела ее до необходимости отказаться отъ продолженія службы въ домѣ, гдѣ такъ недовольны ею, то при этой сценѣ присутствовалъ, кромѣ меня, еще одинъ гость. Это былъ именно Дашевскій. Когда я уходилъ, онъ вышелъ вмѣстѣ со мною и на мою просьбу, чтобъ онъ рекомендовалъ кому нибудь въ кухарки Чистоплюеву, отвѣчалъ мнѣ, что самъ онъ желалъ—чего я до той поры не зналъ—имѣть ее кухаркою и экономкою, что онъ молчалъ объ этомъ изъ расположенія къ Доброзраковымъ, а теперь пригласитъ ее въ услуженіе къ нему, если, подождавъ нѣсколько времени, увидитъ, что Доброзраковы не обратятся къ ней съ приглашеніемъ жить снова у нихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ было отправлено мною Предисловіе къ этой запискѣ, г-жа Доброзракова стала просить

Чистоплюевыхъ и Головачеву возвратиться въ услуженіе къ ней. Катерина Чистоплюева не согласилась;— „лучше мы опять уѣдемъ въ улусъ, если не найдется намъ другаго мѣста въ городѣ“. Когда оказалось, что это совершенно рѣшительный отказъ, Дашевскій разсудилъ, что теперь онъ свободенъ пригласить Катерину Чистоплюеву въ услуженіе къ нему. Она согласилась, разумѣется. И, само собою разумѣется, онъ былъ чрезвычайно радъ, что имѣетъ честную экономку и такую хорошую кухарку. Но черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она перешла къ нему, Вилюйское Полицейское Управленіе объявило Ѳомѣ Чистоплюеву и Матренѣ Головачевой, что они должны переселиться изъ города обратно „въ улусъ“; а относительно Катерины Чистоплюевой Дашевскому было сказано, что изъ уваженія къ нему позволяется ей оставаться въ городѣ; но конечно, говорившіе это знали впередъ, что она не можетъ отпустить въ улусъ больного мужа и старуху его тетку однихъ безъ призора, не разстанется съ ними, отправится съ ними „въ улусъ“. Такъ она и сказала. Дашевскій былъ очень огорченъ. Но Полицейское Управленіе приказало Ѳомѣ Чистоплюеву и Матренѣ Головачевой отправляться изъ города, и Катерина Чистоплюева уѣхала вмѣстѣ съ ними.—Это было, если я не ошибаюсь, въ концѣ іюня.

Съ той поры я не имѣлъ еще никакихъ свѣдѣній о моихъ бѣдныхъ друзьяхъ. Понятно, я ни у кого изъ здѣшнихъ жителей не разспрашивалъ о нихъ, чтобы моя заинтересованность ихъ судьбою не навлекла на нихъ новыхъ непріятностей со стороны Вилюйскаго Полицейскаго Управленія, чиновникамъ котораго не сообщалъ я ничего о мотивѣ, по которому имѣлъ частыя и продолжительныя свиданія съ моими бѣдными, безграмотными друзьями.

Я изложилъ основанія, по которымъ считаю несомнѣннымъ, что мои друзья и ихъ со-подсудимые, хоть и стали въ продолженіе своего процесса безспорно, съ формальной стороны, виновными въ богохульствѣ и произнесеніи словъ, оскорбляющихъ ОСОБУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, потому неоспоримо правильно признаны судомъ за преступниковъ, на самомъ дѣлѣ никогда не были способны сознательнымъ образомъ оскорблять Бога или Царя, котораго чтутъ они не только какъ Царя, но и какъ святаго.

И перехожу теперь къ изложенію подробностей того, что называютъ они своею „вѣрою“.

Три женщины, всѣ три безграмотныя, всѣ три—женщины добрыя, семейныя женщины, жившія безбѣдно въ матеріальномъ отношеніи, совершенно счастливыя въ своей семейной жизни,—всѣ три очень заботливыя хозяйки,—были главными лицами въ дѣлѣ выработки той „вѣры“, странныя особенности которой, возбудивъ смѣхъ и негодованіе всего населенія ихъ родной мѣстности, послужили черезъ то коренною причиною постигшаго ихъ и ихъ семейства бѣдствія.

Изъ этой характеристики житейскаго и умственнаго положенія основательницъ „вѣры“,—вѣры, которой не умѣли они даже дать никакого опредѣленнаго названія, и которую я буду называть „вѣрою неподаванія руки“,—само собою возникало бъ у образованныхъ людей предположеніе: мысли основательницъ той вѣры и ихъ послѣдователей должны были имѣть основнымъ своимъ качествомъ кроткое доброжелательство, а предметомъ своимъ мирную, скромную семейную

жизнь; и потому, когда обратились на религіозныя раздумья, должны были породить „вѣру“ мирную, кроткую и съ нравственной и правительственной точки зрѣнія заслуживающую сочувствія отъ людей, считающихъ мирный порядокъ вещей наиполезнѣйшимъ для государства, а добрыя семейныя отношенія фундаментальнѣйшимъ условіемъ и мирнаго теченія національной жизни, и честной жизни составляющихъ націю лицъ.

Мое интимное знакомство съ одною изъ тѣхъ трехъ женщинъ, ея мужемъ и теткою ея мужа дало мнѣ возможность достовѣрно утверждать, что „вѣра“ ихъ и въ самомъ дѣлѣ такова.

Въ той характеристикѣ есть также черта, дающая всякому образованному человѣку основаніе для предположенія печальнаго: всѣ три женщины — совершенно безграмотны, потому въ ихъ „вѣрѣ“ должно было, вмѣстѣ съ ихъ прекрасными душевными качествами, отразиться и ихъ невѣжество. И это совершенно справедливо. И это погубило ихъ и ихъ семейства.

Всѣ основательницы, послѣдовательницы и послѣдователи „вѣры“, о которой пишу я, родились, выросли, дожили до очень немолодыхъ или и старыхъ лѣтъ въ старообрядчествѣ такъ называемаго „поповскаго толка“. Я говорилъ, что старообрядцы поповскаго толка въ той мѣстности оставались долгое время лишенными удобства имѣть священниковъ. Результатомъ было, что ихъ свѣдѣнія о своемъ вѣроисповѣданіи стали неполны и сбивчивы. И въ особенности такъ у массы старообрядцевъ, которая была безграмотна, какъ безграмотны были всѣ девятеро судившихся по процессу моихъ друзей.

При плохихъ свѣдѣніяхъ о своемъ вѣроисповѣданіи пріобрѣли они, само собою разумѣется, возможность и склонность воображать „отступленіями отъ старой вѣры“ своей такія уклоненія отъ привычнаго имъ, которыя нашли бы вещами ни мало не противными ихъ вѣроисповѣданію, если бы знали его получше.

Всѣ тѣ правила, которыхъ держатся Чистоплюевы и Головачева, правила, не имѣющія въ себѣ ничего противнаго вѣроученію старообрядцевъ (или Православію, или Католичеству, или Протестантству); это просто-на-просто обычаи индифферентныя для старообрядческаго (и Православнаго, и Католическаго, и Протестантскаго) вѣроученія. Но Дубовскіе старообрядцы, по своему плохому знанію своего вѣроисповѣданія, нашли эти правила очень важными отступленіями отъ него, и стали считать Богатенковыхъ, Киселевыхъ, Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ и ихъ единовѣрцевъ „перешедшими изъ старой вѣры въ другую, совсѣмъ особую вѣру“. Не знаю, какъ разсудили объ этомъ мнѣніи массы Дубовскихъ старообрядцевъ Богатенковы (и ученики Богатенковыхъ — Киселевы): я говорилъ, что образъ мыслей Богатенковыхъ очень мало извѣстенъ моимъ друзьямъ. Но Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые не умѣли разобрать, что масса Дубовскихъ старообрядцевъ рѣшила вопросъ неправильно. Старообрядцы провозгласили ихъ покинувшими старообрядчество: имъ показалось: что жь, когда старообрядцы признали насъ за переставшихъ быть старообрядцами, то значитъ, мы ужь и въ самомъ дѣлѣ не старообрядцы. И они воображаютъ о себѣ, что они не старообрядцы.

Это лишь пустая фантазія массы Дубовскихъ старообрядцевъ, наивно принятая за истину Ворониными, Чистоплюевыми и ихъ со-подсудимыми. Они, какъ

были съ-дѣтства, такъ и остаются въ сущности старообрядцами поповскаго толка. Остались ли старообрядцами Богатенковы (и Киселевы), я не знаю; вѣроятно, остались и они; но не могу сказать этого навѣрное, не знаю; не знаю потому, что мои друзья, воображающіе, по своему простодушію, будто бы „держатся одной вѣры съ Богатенковыми", оказались по моимъ разспросамъ о Богатенковыхъ, не знающими о „вѣрѣ" Богатенковыхъ ничего, кромѣ правила не подавать руку и тому подобныхъ мелочей, до той прекрасной черты, что Богатенковы одушевлены любовью къ доброй, мирной семейной жизни и считаютъ обязанностью христіанъ доброжелательствовать и помогать всѣмъ „ближнимъ о Христѣ", православнымъ ли, старообрядцамъ ли, нѣмцамъ ли, другимъ ли какимъ христіанамъ.— все равно.

И такъ, остались ли старообрядцами Богатенковы, и если остались, то понимаютъ ли, что остались, я не знаю. Но Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые—какъ всегда прежде были, такъ и по принятіи „своей нынѣшней вѣры" остались старообрядцами. Ихъ нынѣшняя вѣра ни мало не мѣшаетъ имъ оставаться старообрядцами, какъ ни мало не мѣшала бы принявшему ее Православному оставаться Православнымъ, Католику—Католикомъ, Протестанту—Протестантомъ.

Но оставаясь на самомъ дѣлѣ старообрядцами, они совершенно убѣждены о себѣ, что они перестали быть старообрядцами.

Полагаю, что довольно объ этомъ. Потому что, само по себѣ это совершенно индифферентно съ Правительственной точки зрѣнія. И говорилъ я объ этомъ лишь для соблюденія ученой полноты изложенія.

Буду теперь говорить о тѣхъ правилахъ житейскаго обращенія съ людьми, за принятіе которыхъ Воронины, Чистоплюевы и ихъ со-подсудимые были признаны со стороны массы Дубовскихъ старообрядцевъ покинувшими старообрядчество, чему повѣрили, по своей наивности, и сами они.

Мнѣ ужь приходилось упоминать объ этихъ формалистическихъ особенностяхъ, которыя считаютъ мои друзья, по своему жалкому невѣжеству, имѣющими важное религіозное значеніе. Перечислю теперь всѣ ихъ подъ-рядъ:

При встрѣчахъ—на улицѣ ли, въ комнатѣ ли, не должно подавать другъ другу рукъ; не должно и раскланяваться; и такъ какъ вообще не должно раскланяваться при встрѣчахъ, то въ частности мужчины не должны при встрѣчахъ на улицѣ снимать шапку. Когда входитъ кто нибудь въ комнату, какъ посѣтитель, то находящіеся въ комнатѣ не должны перемѣнять своего положенія, если не имѣютъ намѣренія поспѣшить на встрѣчу входящему; идти на встрѣчу ему, это можно; но только съ этою цѣлью и можно перемѣнять положеніе по поводу того, что входитъ посѣтитель (или посѣтительница); если жь не идти къ дверямъ на встрѣчу ему, то надобно оставаться въ прежнемъ своемъ положеніи; потому сидящіе въ комнатѣ, если не идутъ на встрѣчу, то должны оставаться сидящими, вставать не должны.

Въ разговорѣ другъ съ другомъ слѣдуетъ, вмѣсто называнія другъ друга по именамъ, употреблять слова, обозначающія наши отношенія родства или знакомства; напримѣръ: братъ, сестра, другъ, милый, знакомый ты мой, и т. п., или слова, характеризующія человѣка по его полу, возрасту; напримѣръ: старуха, старикъ и т. п. А произносить самому (или самой) свое собственное имя позволительно только въ тѣхъ случаяхъ, когда тому (или той), съ кѣмъ мы говоримъ, дѣйствительно на-

добно узнать наше имя и, кромѣ какъ отъ насъ самихъ, не отъ кого узнать его въ данную минуту.

Если кто, желая говорить съ нами, называетъ насъ по имени, то, хоть онъ и нарушаетъ этимъ наше правило, что насъ не должно называть по имени въ разговорѣ съ нами, мы можемъ отвѣчать ему, когда думаемъ, что онъ сдѣлалъ такъ не съ намѣреніемъ оскорбить нашу вѣру, предписывающую не дѣлать такъ. Но когда мы полагаемъ, что онъ сдѣлалъ такъ для оскорбленія нашей вѣры, мы должны отклонить его способъ говорить съ нами, не одобряемый нашею вѣрою. Не должно жь намъ самимъ участвовать въ поруганіи нашей вѣры, а мы стали бы соучастниками въ поруганіи ея, если бы приняли, будто хорошее нѣчто, такой способъ начинать разговоръ съ нами, который противенъ правиламъ нашей вѣры.

Относительно одежды, манеры убирать голову и вообще туалетныхъ вопросовъ, нѣтъ у русскихъ никакихъ обычаевъ или модъ, которыя слѣдовало бы считать предосудительными; во всемъ этомъ можно и должно сообразоваться съ тѣмъ, какъ поступаютъ всѣ. Разумѣется, женщины должны воздерживаться отъ подражанія въ нарядахъ женщинамъ, ведущимъ безстыдную жизнь. Въ этомъ отношеніи не всякая женская мода совершенно безукоризненна. Но впрочемъ, осуждать моды, которыя намъ кажутся не совсѣмъ приличными для скромныхъ женщинъ, пустое занятіе: покрой платья, скроменъ ли, или не совсѣмъ скроменъ, дѣло не важное сравнительно съ душевною скромностью. Свѣтскія женщины принуждены слѣдовать модамъ; то за что жь ихъ осуждать, если ихъ бальныя платья имѣютъ покрой не совсѣмъ скромный? Онѣ и сами не рады этому; но нельзя имъ не одѣваться по модѣ. Кто любитъ осуждать нескромныя моды, легко впадаетъ въ грѣхъ злорѣчія.—Это, о женскомъ туалетѣ. О мужскомъ туалетѣ, не стоитъ и разсуждать: всѣ мужчины одѣваются скромно; потому, всѣ въ этомъ отношеніи заслуживаютъ одобренія. Можно думать что нибудь свое особенное относительно мужскаго туалета только по вопросу о волосахъ. Носить волоса длиною до плечъ, это хорошо; это не правило вѣры, но это хорошо.

Вотъ и всѣ особенности мнѣній, послужившія причиною того, что Дубовскіе старообрядцы сочли моихъ друзей и ихъ единовѣрцевъ отступниками отъ старообрядчества, еретиками, впадшими въ ужасныя заблужденія, а остальные Дубовскіе люди,—Православные и молокане,—принялись, какъ бараны, повторять рѣшеніе старообрядцевъ, что это ужасные еретики.

Смѣшно. Но—эта смѣшная наивность Дубовскаго населенія и была причиною тому, что Дубовскіе маленькіе чиновники,—невѣжды, подобные купцамъ и мѣщанамъ, съ которыми пировали, принялись усердствовать надъ еретиками; Дубовская молва, молва невѣждъ погубила несчастныхъ людей, не бывшихъ виновными ни въ чемъ, пока не принялись усердствовать надъ ними невѣжественные маленькіе чиновники. Слѣдствіе надъ Богатенковыми не могло бы возникнуть, если бы Дубовскіе полицейскіе чиновники не смотрѣли на нихъ глазами Дубовскихъ старообрядцевъ. Изъ кукольной комедіи, устроенной простодушными невѣждами, Дубовское невѣжество сдѣлало ужасную исторію, потому что считало тѣхъ невѣждъ страшными еретиками: а подвергнувшись вопросамъ о предметахъ, которыхъ не понимали, невѣжественные подсудимые наговорили на себя чепуху.

Займусь теперь разъясненіемъ перечисленныхъ мною мнѣній, изъ-за которыхъ

Дубовка провозгласила несчастныхъ страшными еретиками, и этою своею невѣжественною молвою впутала ихъ въ погибель.

У меня подъ руками нѣтъ книгъ о расколѣ. Это въ данномъ случаѣ очень жаль. Вотъ ужь больше тридцати лѣтъ, я бросилъ занятія теологическими науками. И разумѣется, перезабылъ девять десятыхъ того, что зналъ о расколѣ въ моей юности. Но и то, сравнительно немногое, что еще удержалось о немъ въ моей памяти, достаточно для разъясненія дѣла.

Вся та формалистика, которая ужаснула Дубовскихъ старообрядцевъ и, съ ихъ голоса, всю остальную Дубовку, и въ томъ числѣ чиновниковъ Дубовской полиціи, ни больше, ни меньше, какъ продуктъ смутнаго воспоминанія о старомъ житейскомъ обычаѣ, котораго когда-то держались всѣ русскіе; который, дольше, чѣмъ у Православныхъ, сохранялся у старообрядцевъ, но вышелъ наконецъ изъ употребленія и у старообрядцевъ, такъ что Дубовскіе старообрядцы не съумѣли разобрать: въ отступленіи отъ старообрядческой ортодоксальности виновны были не люди, которыхъ вообразили они впадшими въ ересь, а сами они, измѣнившіе нашему коренному русскому обычаю, вовлеченные примѣромъ „Никоніанцевъ“ въ безбожный обычай подражать „Люторскимъ нѣмцамъ, живущимъ за моремъ, на Аглицкомъ островѣ“.

Изо всей той ребячески-пустой формалистики самое коренное правило то, что не должно подавать руку при встрѣчѣ. Оно и самое важное по убѣжденію моихъ бѣдныхъ друзей. Я разсказывалъ въ Предисловіи къ этой запискѣ, что я нѣсколько времени шутилъ надъ ними, стараясь въ-расплохъ пожать руку кому нибудь изъ нихъ. Я неловокъ, это не удавалось мнѣ. Наконецъ, удалось мнѣ поймать въ-расплохъ и пожать руку милой, доброй старушки Головачевой. У нея на лицѣ выступило выраженіе глубокой печали. Я былъ огорченъ, что сдѣлалъ печаль ей. Сталъ извиняться передъ нею. Племянникъ и племянница стали утѣшать ее, говоря, что ея совѣсть осталась чиста: я взялъ ея руку въ свою и пожалъ; а она не сгибала свои пальцы, чтобы пожать мою руку; потому не нарушила своей вѣры. Старушка утѣшилась. И, такъ какъ я сталъ спрашивать, неужели жь слѣдовало ей такъ опечалиться отъ мысли, что она нарушила это правило, то Катерина Чистоплюева разсказала случай, который былъ съ нею самою. Г-жа Протопопова уѣхала однажды къ мужу, производившему слѣдствіе далеко отъ города. Возвратившись и увидя на крыльцѣ выбѣжавшихъ къ ней дѣтей здоровыми, она протянула руку заботившейся о нихъ нянѣ (Чистоплюевой), благодаря ее и подступая ближе, поцѣловать ее. Чистоплюева была тронута живымъ выраженіемъ благодарности отъ „своей барыни“ и въ отвѣтномъ порывѣ чувства забылась, приняла протянутую къ ней руку и пожала.—„Какъ я пожала ея руку, и опомнилась отъ своей забывчивости, я покачнулась на ногахъ; думала, не удержусь, упаду; схватилась за стѣну“. Г-жа Протопопова перепугалась: „Няня, что съ тобою? Ты вся поблѣднѣла“. Чистоплюева объяснила ей, и побрела, держась за стѣну, прилечь, какъ посовѣтовала ей г-жа Протопопова. Ей понадобилось довольно долго,—съ полъ-часа—лежать, чтобъ оправиться отъ слабости, близкой къ обмороку. Такой ужасный это грѣхъ для людей ея вѣры, пожать руку.

Если подавать руку грѣшно, то, разумѣется, грѣшно и кланяться при встрѣчѣ; а если грѣшно раскланяваться при встрѣчѣ, то разумѣется, грѣшно и вставать при входѣ посѣтителя; все это звенья одного ряда, образующаго обычную форму

церемоніальности встрѣчъ между знакомыми или между хозяевами и посѣтителями. Главное звено этого ряда,—подаваніе руки,—грѣховно; изъ того понятно, и весь рядъ грѣховенъ; а когда весь онъ грѣховенъ, то и каждое звено его грѣховно.

Умно. Такъ умно, что совѣстно было мнѣ и смотрѣть на моихъ бѣдныхъ друзей, когда они,—люди отъ природы не глупые,—съ серьезнѣйшимъ глубокомысліемъ излагали мнѣ такія ребячески мелочныя глупости.

Такъ, очень умны эти убѣжденія моихъ бѣдныхъ друзей. Но, они безграмотные люди. А люди грамотные?—Дубовскіе полицейскіе чиновники нашли жь эти ребяческія глупости резоннымъ основаніемъ рекомендовать жалкихъ невѣждъ, умъ которыхъ погрязалъ въ такихъ пустякахъ, какъ людей опасныхъ Правительству;—такъ рекомендовали ихъ тѣ чиновники чиновникамъ судебнаго вѣдомства и своему начальству. Безъ этой рекомендаціи, что, кромѣ смѣха и жалости, могли бы чувствовать губернская администрація и судебныя власти, читая протоколъ о юродивой процессіи Богатенковыхъ и Киселевыхъ, этой совершенно благонамѣренной процессіи юродивыхъ?—А эта процессія и послужила поводомъ къ начатію серьезнаго процесса о несчастныхъ юродивыхъ. Юродивыхъ стали разспрашивать о теологическихъ и политическихъ предметахъ; юродивые не могли не оказаться виновными во всемъ, о чемъ ихъ спрашивали, виноваты ль они въ этомъ. Старуха Головачева признала себя виновною въ развратѣ. Катерина Чистоплюева признала себя, кромѣ этого, виновною и въ намѣреніи отравить мужа.

Отъ природы они люди умные. Но они безграмотные невѣжды. Когда невѣжды вовлекаются силою своего религіознаго чувства въ размышленія о своемъ душевномъ спасеніи, и не имѣютъ грамотныхъ людей, съ которыми посовѣтоваться объ этихъ вещахъ,—какъ не имѣли они, лишенные священниковъ,—въ результатѣ ихъ размышленій непремѣнно получится большая примѣсь дурацкихъ ребячествъ къ ихъ благочестивымъ заботамъ о своемъ душевномъ спасеніи.

И такъ, не должно ни раскланяваться, ни вставать при входѣ посѣтителя, потому что это звенья грѣховнаго ряда формальностей обычной церемоніи встрѣчъ. Но вникнувши въ дѣло съ вниманіемъ, какого заслуживаетъ оно по своей важности для душевнаго спасенія, нельзя не замѣтить, что въ грѣховномъ рядѣ этихъ звеньевъ есть еще одно звено,—безъ сомнѣнія, тоже грѣховное. При встрѣчахъ раскланивающіеся и подающіе другъ другу руки люди привѣтствуютъ другъ друга по именамъ: — „Здорово, Иванъ Ивановичъ“ или „Анна Ивановна“,— или какъ тамъ иначе будутъ имена привѣтствующихъ другъ друга. Можно ли, когда такъ, сомнѣваться въ томъ, что называть другъ друга по именамъ дѣло тоже грѣховное?— Ясно, что это грѣхъ. А когда такъ, то подумаемъ: хорошо ли и самого себя называть по имени безъ необходимости?—Всякому русскому понятно, что если называть своего собесѣдника по имени грѣшно, то произносить свое собственное имя безъ необходимости надобно признать дѣломъ еще болѣе грѣшнымъ. Наша русская форма именъ,—nomen personale nomine patris in forma adjectivi adjuncto—Иванъ Петровичъ, Анна Петровна,—производитъ на насъ, русскихъ, впечатлѣніе любезности, впечатлѣніе въ родѣ того, какъ еслибъ сказать: „уважаемый мною Иванъ“, „уважаемая мною Анна“. Какъ же Иванъ Иванычъ можетъ безъ необходимости произносить, что его зовутъ „Иванъ Иванычъ?“ Это будетъ похвала самому себѣ; это противно христіанскому смиренію.

А когда оба эти слова „Иванъ“ и „Иванычъ“ — похвала самому себѣ, то ясно: и каждое изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ въ себѣ элементъ похвалы. А когда такъ, то и третье, которое прибавляется къ нимъ. — слово, означающее фамилію, — имѣетъ въ себѣ такое качество быть хвалебнымъ. — „Иванъ“ или „Анна“ — похвала; „Петровичъ“ или „Петровна“ — тоже; стало быть, и „Слесаревъ“ или „Бѣляева“ — тоже.

Умозаключенія, дѣлающія честь глубокомыслію юродства. Я изложилъ ихъ литературнымъ языкомъ. На простонародномъ языкѣ, которымъ однимъ владѣютъ мои друзья для изложенія своей „вѣры“, разсужденія эти выходятъ еще лучше, разумѣется. Трудно мнѣ было удержаться отъ смѣха, слушая эту премудрость.

Вся она, какъ теперь мы видимъ, развилась изъ размышленій о томъ, что подавать руку — грѣхъ. Она очень умна, такъ. Но неоспоримо и то, что она совершенно логически развилась изъ той основной истины: подавать руку — грѣхъ. Логика этого юродства безукоризненно правильна. Въ логичности разсужденій виденъ природный умъ жалкихъ невѣждъ, Богатенковой и ея мужа, Царьи Ворониной и моихъ бѣдныхъ друзей.

И такъ, все сводится къ вопросу: почему жь подавать руку — грѣхъ? — Въ Предисловіи къ этой запискѣ я разсказывалъ, какъ отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ мои бѣдные друзья въ первое время нашего знакомства: — „моя рука нужна мнѣ; какъ же я отдамъ ее тебѣ? Самъ я останусь безъ руки. Это будетъ что же? — Уродовать себя. Уродовать себя Богъ не велитъ“. — Для людей, не привычныхъ къ аргументаціи, основанной на неумѣніи анализировать разные оттѣнки значенія одного и того же слова, этотъ аргументъ непостижимъ, какъ аргументъ; это просто безсмыслица, не относящаяся къ дѣлу. Но простолюдины и у насъ, да и повсюду, серьезно путаются въ мысляхъ, смѣшивая условный смыслъ словъ съ прямымъ ихъ смысломъ. Кто привыкъ слышать простонародныя разсужденія, тотъ понимаетъ, что приведенный мною аргументъ можетъ казаться очень правильнымъ для простолюдиновъ. — Подробнымъ образомъ, эта манера простонародныхъ соображеній разобрана спеціалистами по исторіи индо-европейскихъ языковъ; и на анализѣ подобныхъ путаницъ словъ основана великая научная слава одного изъ знаменитѣйшихъ между этими учеными, Макса Миллера. — Я когда-то занимался этой отраслью ученыхъ изслѣдованій. Потому, для меня не представляло ни малѣйшаго затрудненія понять, что аргументація моихъ друзей имѣетъ для нихъ значеніе совершенно дѣльнаго аргумента. Бѣдняжки не съумѣли различить, что „отдать руку“ или „подать руку“ — выраженіе, могущее имѣть два различные смысла; одинъ смыслъ, въ которомъ „отдать руку“ значитъ самому остаться безъ руки, а другой, въ которомъ „отдать руку“ — дѣло, менѣе ужасное, чѣмъ изуродовать себя.

И я не продолжалъ разговора съ моими друзьями о томъ, почему негодится подавать руку. Стоитъ ли спорить о такой пустой глупости ихъ? — подумалъ я.

Но много недѣль спустя мнѣ случайно припомнилось англійское выраженіе shake-hands, и вмѣстѣ съ нимъ подвернулось на мысль наше соотвѣтствующее ему выраженіе „пожать руку“; — для меня стало ясно: хоть и хороша аргументація моихъ друзей о грѣховности уродовать себя, но дѣйствительный резонъ, почему подавать руку — грѣхъ, остается неизвѣстенъ имъ.

Штука въ томъ, что обычай пожатія рукъ при встрѣчѣ — англійскій обычай:

отъ англичанъ заимствовали его французы и нѣмцы; отъ нѣмцевъ—мы. Сначала приняли его у насъ образованные классы; наше простонародье долго дичилось его; послѣ онъ сталъ нравиться и нашимъ простолюдинамъ; православнымъ понравился раньше, чѣмъ старообрядцамъ; но ужь давно приняли его и старообрядцы. — Дѣло явное: Богатенкова или Богатенковъ слыхивали въ дѣтствѣ, что вотъ вводится у дубовскихъ людей обычай подавать руку; а отцы и дѣды наши этого обычая не знали; потому онъ дурень; (всякое нововведеніе дурно); слѣдуетъ держаться старины, не знавшей этого обычая.—Слышанное въ дѣтствѣ, забылось надолго; когда пробудилось въ памяти, пробудилось не вполнѣ: вспомнился выводъ: „не должно подавать руку“, а резонъ почему не должно, не припомнился; и потому понадобилось Богатенковой съ мужемъ самимъ додумываться, почему жь именно подавать руку не хорошо; вотъ они и додумались до той аргументаціи, совершенно убѣдительной, въ томъ нѣтъ спора, но аргументаціи post factum: истина, родившаяся неизвѣстно изъ чего, сама породила аргументъ, на которомъ процвѣла непоколебимо.

Я расхохотался и рѣшилъ: недобросовѣстно было бы съ моей стороны утаить отъ моихъ друзей дѣйствительный резонъ грѣховности подаванія рукъ. — При слѣдующемъ посѣщеніи я спросилъ у нихъ: слыхивали ль они, что когда-то были какіе нибудь люди, не подававшіе рукъ. Они принялись припоминать: нѣтъ, ничего такого они не слышали.—Тогда я сказалъ: „А я вотъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ стариковъ и старухъ, что въ молодости ихъ этого обычая въ Саратовѣ у мѣщанъ не было; а самъ, по книгамъ, узналъ послѣ: правда, это обычай у Русскихъ новый“.—Ѳома Чистоплюевъ задумался и, долго рывшись въ своей памяти, сказалъ: „А должно быть такъ. Однажды говорилъ я съ судохозяиномъ, который приглашалъ меня въ лоцманы; подошелъ какой-то незнакомый, — стало быть, не Дубовскій, пріѣзжій — купецъ, подалъ руку хозяину, подалъ и мнѣ. Я сказалъ ему: „я руки не даю“. – Онъ сказалъ: „А, это значитъ, вы держитесь въ этомъ старины. У насъ есть старики, которые говорятъ что прежде этого обыкновенія не было“.—Оказалось, что этотъ пріѣзжій купецъ былъ лѣсопромышленникъ, „пригнавшій плоты“ въ Дубовку (то есть, сплавившій въ нихъ по Волгѣ строевой лѣсъ).—Я сказалъ моимъ друзьямъ, что когда этотъ купецъ былъ лѣсопромышленникъ, пригнавшій самъ свои плоты съ верху (то есть, съ верховья Волги, или съ ея верхнихъ притоковъ), то натурально, что на его родинѣ старики помнятъ такую старину, какой Дубовскіе старики ужь не застали въ Дубовкѣ: въ тѣхъ мѣстахъ старые обычаи держались дольше, чѣмъ въ низовьѣ Волги.

Я пишу это и думаю: „И я долженъ писать о такихъ вещахъ въ этой запискѣ. То, что по мнѣнію всякаго образованнаго человѣка должно быть только предметомъ этнографіи, археологіи, филологіи, было сдѣлано основаніемъ для начатія двухъ политическихъ процессовъ; таковы то были результаты молвы Дубовскаго невѣжественнаго населенія: юродствовавшіе бѣдняки погибли изъ-за своей „вѣры, что грѣхъ подавать руку“.

Остается сказать объ одномъ изъ перечисленныхъ мною правилъ, о томъ, что мужчинѣ лучше отпускать волоса до плечъ, нежели носить ихъ менѣе длинными; оно одно не объясняется кореннымъ правиломъ, что подавать руку—грѣхъ, а имѣетъ свое особое основаніе. Оно возникло тоже изъ смутнаго воспоминанія о

прежнемъ обычаѣ, котораго старообрядцы держались дольше, нежели Православные. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, благочестивые пожилые люди, усердствовавшіе помогать дьячкамъ при Богослуженіи, любили придавать себѣ похожій на дьячковъ видъ, давая своимъ волосамъ отрастать, какъ у дьячковъ, которые тогда (да и послѣ) носили длинные волоса, какъ священники и дьяконы. Такъ любили Православные набожные люди, такъ и старообрядцы. У Православныхъ стало выходить это изъ обыкновенія лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ; у старообрядцевъ, нѣсколько позднѣе. Богатенковъ и его жена въ дѣтствѣ вѣроятно видывали еще очень много набожныхъ стариковъ, слѣдовавшихъ этому прежнему обычаю. Когда они принялись заботиться о своемъ душевномъ спасеніи, воспоминаніе изъ временъ ихъ дѣтства воскресло въ нихъ, и они разсудили, что мужчинѣ хорошо носить длинные волосы: это очень благочестиво; какъ же нѣтъ? Священники, дьяконы, монахи носятъ длинные волоса; и тѣ набожные старики прежнихъ временъ хорошо дѣлали, подражая въ этомъ людямъ духовнаго сословія. — Это соображеніе не имѣетъ въ себѣ даже ничего смѣшнаго: оно разсудительно.

Но всѣ тѣ другія правила ихъ „вѣры“ глупы до смѣшнаго. Правда, они и ихъ подражатели были невѣжды. Натурально было, что ихъ невѣжество внесло элементъ глупаго ребячества въ ихъ заботы о своемъ душевномъ спасеніи.

Но хоть и смѣшные, жалкіе невѣжды, полу-грамотный Богатенковъ, его безграмотная жена, безграмотные Воронины, Чистоплюевы и ихъ послѣдователи, всѣ были отъ природы люди неглупые; всѣ были люди честные и добрые. Потому, кромѣ глупостей ихъ невѣжества, есть въ ихъ мысляхъ и элементы иного достоинства, элементы почтенные, дѣйствительно достойные уваженія и любви образованныхъ людей. И эти элементы преобладаютъ въ нихъ надъ ребяческими глупостями ихъ невѣжества.

Они, въ сущности, какъ родились и выросли, такъ и остались старообрядцами, хоть и воображаютъ, будто бы „вышли изъ старой вѣры, перешли въ другую“. Масса Дубовскихъ старообрядцевъ, какъ я ужь говорилъ, не имѣла и не имѣетъ вражды къ Православнымъ. И въ частности, родители и старшіе родственники Богатенковыхъ, Ворониныхъ, Чистоплюевыхъ жили дружно съ Православными, пріучали своихъ дѣтей и младшихъ родныхъ имѣть хорошее расположеніе къ Православнымъ. Правда, Богатенковы, Воронины, Чистоплюевы приняли отъ своихъ старшихъ привычку имѣть миролюбивыя чувства къ Православію. Но каждый, близко знающій наше простонародье, знаетъ, что и сами Православные вообще не прочь при случаѣ покощунствовать надъ обрядами; это кощунство наивное: простое пустословіе для шутки въ веселый часъ, и не мѣшаетъ нашимъ простодушнымъ шутникамъ и шутницамъ сохранять благоговѣніе къ обрядамъ, о которыхъ они въ веселомъ разговорѣ отпускаютъ безцеремонныя шутки. Но, хоть и наивныя, это все-таки насмѣшки; и насмѣшки надъ самою религіею Православной церкви. А какимъ тономъ говорятъ Православные простолюдины о своихъ священникахъ извѣстно и тѣмъ людямъ образованнаго общества, которые мало знаютъ народъ.

Это, о Православныхъ простолюдинахъ. Раскольники, разумѣется, еще больше болтаютъ о Православіи и въ особенности о Православномъ духовенствѣ въ тонѣ насмѣшки и порицанія.

Мои друзья постоянно говорили со мною о Православной церкви тономъ самаго почтительнаго уваженія; и о Православномъ духовенствѣ всегда тономъ доброжелательства и почтенія. Они даже не употребляютъ о Православіи обыкновенныхъ раскольничьихъ выраженій: „никоніанство“, или „новая вѣра“; имъ кажется, что эти выраженія не довольно почтительны; они постоянно называютъ Православіе „Греко-Россійская вѣра“. Православныхъ называютъ „Греко-Россійскіе“ (то есть Греко-Россіяне). Эти выраженія, которыя употребительны у самого духовенства Православной церкви.

Ни въ этомъ, ни какомъ другомъ отношеніи, нисколько не стѣснялись они со мною. Я много разъ говорилъ, что они съ первой минуты нашего знакомства имѣли во всемъ безусловное довѣріе ко мнѣ. И что касается въ частности Православія, они знали, что я не принадлежу къ Православнымъ. Я говорилъ въ Предисловіи къ этой запискѣ, что въ началѣ нашего знакомства я старался, для разсѣянія ихъ мысли, будто бъ я ихъ единовѣрецъ, растолковать имъ, что я не христіанинъ, что я человѣкъ не вѣрующій. Само собою разумѣется, это оказалось напраснымъ трудомъ: въ мысли моихъ друзей не могло войти представленіе, что русскій человѣкъ не принадлежитъ къ христіанамъ. Я остался одинъ для нихъ вѣрующимъ во всѣ, какіе извѣстны имъ, догматы Восточно-Каѳолическаго ученія, какъ сами они вѣруютъ въ нихъ. Но, по крайней мѣрѣ, они поняли, что я не Православный. Потому, когда и увидѣли, что ошибались до начала нашего знакомства, считая меня человѣкомъ ихъ „вѣры“, то понимали, что никакія порицанія Православію не огорчили бы меня. Они говорили о немъ со мною тономъ уваженія и сочувствія только потому, что дѣйствительно проникнуты большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ нему.

И вообще, они уважаютъ всѣ тѣ вѣроисповѣданія, въ которыхъ предполагаютъ хорошіе принципы ученія о нравственности; потому съ уваженіемъ говорятъ и о Католичествѣ, и о Лютеранствѣ.

Изъ русскихъ сектъ, они дурно отзываются о тѣхъ, о которыхъ народная молва разсказываетъ безнравственныя вещи.—Разскажу маленькую исторію, которая случилась у насъ—у меня и у нихъ—по поводу Прыгуновъ.

Мои друзья встрѣтили въ Камышинскомъ или Саратовскомъ острогѣ добраго, смирнаго старичка, который очень много молился, прикладывая руки ладонями къ груди. Онъ произвелъ на нихъ очень хорошее впечатлѣніе своимъ благочестіемъ и своею кротостью. Сторожа и арестанты говорили имъ, что онъ судится за сектантство, и что люди этой секты называются Прыгунами. Мои друзья, разсказывая мнѣ объ этомъ старичкѣ, спросили меня, что такое это за секта Прыгуновъ. Я вспомнилъ, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“, получаемыхъ мною, была статья о Прыгунахъ, и сказалъ, что вотъ принесу сочиненіе о Прыгунахъ и прочту въ слухъ имъ. Принесъ книгу, сталъ читать, пропуская всѣ неодобрительныя размышленія автора, замѣняя въ чтеніи всѣ его насмѣшливыя выраженія выраженіями объективнаго тона. Мои друзья слушали со вниманіемъ, пока дѣло шло о томъ, что Прыгуны люди смирные и т. п. Дальше въ статьѣ приведены пѣсни, сложенныя однимъ изъ Прыгуновъ въ прославленіе Государя Императора. Эти пѣсни очень понравились моимъ друзьямъ. Но черезъ нѣсколько страницъ началось описаніе Прыгунскихъ молитвенныхъ обрядовъ (молитвенной пляски): мои друзья изумились и стали шепотомъ-шепотомъ, чтобы не мѣшать

чтенію — выражать чувства неодобренія. Не выдержали наконецъ, стали перерывать чтеніе громкими замѣчаніями: — „Что это они, точно ребятишки дурачатся!“ — „Прилично ли взрослымъ людямъ, да еще старикамъ, старухамъ! точно пьяные!“ — Еще страницы двѣ, три и авторъ началъ разсказывать, что какой-то прыгунскій вѣроучитель взялъ въ наложницы себѣ двухъ дѣвокъ; — какъ только дошло мое чтеніе до этого, мои друзья сказали: — „Стой. Брось“. Они были возмущены. Грубыхъ словъ не употребляли. Но не было предѣла ихъ негодованію. — Успокоившись, они обратились ко мнѣ съ вопросомъ? — „Скажи, какъ же теперь разсудить о томъ старичкѣ, котораго мы видѣли?“ — Я, по своему правилу, не навязывать имъ моихъ мнѣній, отвѣчалъ: — „Я скажу, какъ я о немъ думаю; но мнѣ любопытно узнать прежде, какъ думаете теперь о немъ вы“. — Они въ одинъ голосъ отвѣчали: — „Либо не вѣрно сказали намъ о немъ, что онъ Прыгунъ; либо онъ простячекъ, и были у него какія нибудь деньжонки, и обралъ у него деньжонки мошенникъ, похожій на того, о которомъ ты началъ было читать, а простячекъ и не догадывался, на какія гадости тратитъ его деньги тотъ плутъ“. — Я сказалъ, что и я такъ думаю: или тотъ старичекъ былъ не Прыгунъ, или онъ былъ невинною жертвою какого-нибудь плута. — „Такъ вотъ оно что! Эти Прыгуны дурачки, которыхъ обираютъ плуты!“ — рѣшили мои друзья. — Я предлагалъ продолжать чтеніе. Они сказали, что не хотятъ и слушать такія гадости.

Невѣжды, они держатся, будто важныхъ правилъ вѣры, ребячески пустыхъ формальностей. Но они и чисты сердцемъ, какъ младенцы. Нравственныя понятія ихъ безукоризненно прекрасны. И уваженіе ихъ къ людямъ всѣхъ тѣхъ вѣроисповѣданій, нравственное ученіе которыхъ достойно уваженія, производитъ трогательное впечатлѣніе. Невѣжды, и притомъ невѣжды, очень сильно преданные своей „вѣрѣ“, они однако же совершенно чужды всякой нетерпимости; это рѣдкость.

Возвращаюсь къ ребячествамъ, которыя кажутся имъ важными правилами вѣры.

Совѣсть запрещаетъ имъ вставать при входѣ посѣтителя. Изъ-за этого иногда сердились на нихъ нѣкоторые изъ мелкихъ чиновниковъ, входившихъ въ ихъ камеры. Но лишь нѣкоторые, — не всѣ, а лишь нѣкоторые, — изъ мелкихъ, — исключительно, только изъ мелкихъ. Должностныя лица болѣе или менѣе высокаго положенія, да изъ маленькихъ чиновниковъ тѣ, которые принадлежали къ хорошему обществу, понимали, что эти бѣдные люди не встаютъ, если сидѣли, остаются сидящими при ихъ входѣ не по неуваженію къ нимъ, а лишь по своей „вѣрѣ“, по которой воображаютъ, что вставать при входѣ посѣтителя — грѣхъ. Если важное должностное лицо входило въ сопровожденіи мелкаго чиновника и онъ накидывался на сидящихъ съ требованіемъ, чтобъ они встали, важное должностное лицо приказывало имъ молчать и внушало ему, что сидящіе арестанты остались сидящими не по неуваженію къ своему посѣтителю, а только по правилу своей вѣры. И всегда прибавляло, обращаясь къ арестантамъ, какое нибудь ласковое выраженіе своего доброжелательства къ нимъ. Такъ всегда дѣлалъ Саратовскій губернаторъ. Такъ всегда дѣлали всѣ офицеры корпуса жандармовъ.

Жалкіе чудаки чувствовали, что не ловко имъ не вставать при входѣ должностныхъ лицъ, которыя обращаются съ ними такъ ласково, такъ хорошо. Но — и

нарушить правило своей вѣры было имъ нельзя. И они придумали, какъ соблюсти вѣжливость, не нарушая правило своей вѣры. Они постоянно просили тюремнаго сторожа, завѣдывавшаго ключемъ отъ камеръ, чтобъ онъ предупреждалъ ихъ когда по тюрьмѣ будутъ ходить какіе нибудь должностные посѣтители. Не каждый разъ, но часто сторожъ могъ исполнить эту просьбу. И, какъ только услышатъ—бывало они, что въ тюрьму ждутъ должностнаго посѣтителя, они вставали и оставались на ногахъ, пока посѣтитель войдетъ къ нимъ; и часъ, и два, и три они проводили въ ожиданіи его, не садясь ни на мигъ, чтобы быть стоящими, когда онъ войдетъ.

Они должны были быть содержимы въ отдѣльныхъ, постоянно запертыхъ камерахъ. Разумѣется, тюремное начальство не всегда имѣло возможность сообразоваться съ этимъ распоряженіемъ о нихъ; временами тюрьма такъ переполнялась, что надобно было помѣщать другихъ арестантокъ въ камеру мужчинъ, другихъ арестантовъ въ камеру женщинъ. Тогда камеры оставались отъ зари до зари не заперты на ключъ. Это были формальные случаи предоставленія имъ свободы въ тюремномъ зданіи. Но вообще, распоряженіе держать ихъ въ камерахъ подъ замкомъ было мало соблюдаемо тюремнымъ начальствомъ вездѣ, гдѣ они были содержимы: и въ Царицынѣ, и въ Камышинѣ, и въ Саратовѣ, тюремные начальники, какъ присмотрятся-бывало, къ этимъ арестантамъ и арестанткамъ, убѣждались, что наблюдать за ними—лишняя забота; и не взыскивали со сторожа, оставлявшаго ихъ камеры не запертыми. А сторожа любили ихъ. Потому большую часть времени, которое провели въ тюрьмахъ, они прожили въ тюрьмахъ какъ будто подъ арестомъ на честное слово не уходить изъ тюрьмы. Такимъ образомъ часто гуляли они по двору тюрьмы. Мимо ихъ проходили начальники, должностные посѣтители. А мужчинамъ изъ нихъ вѣра не позволяетъ снимать шапку при встрѣчахъ. Какъ же быть, чтобы не оказываться невѣжливыми во мнѣніи начальства?—Они придумали нѣчто подобное тому способу, какимъ устраняли, когда могли, невѣжливость оставаться сидящими. Выходя гулять по двору, они шли безъ шапокъ. И по зимнему морозу ходили безъ шапокъ изъ уваженія къ начальству, которое, быть можетъ, встрѣтятъ во время прогулки.

Я спросилъ ихъ, есть или нѣтъ какіе нибудь другіе люди христіанской вѣры, которые тоже, какъ они, не снимаютъ шапокъ. Они отвѣчали, что ни о какихъ такихъ людяхъ не слыхивали. Тогда я имъ сказалъ, что такіе люди существуютъ; это квакеры; они живутъ больше всего въ Англіи и въ Америкѣ; но и тамъ ихъ мало. Я сталъ - было разсказывать моимъ друзьямъ о квакерахъ. Они слушали; хвалили то, что у квакеровъ, по моимъ словамъ, жизнь миролюбивая. Но скоро мой разсказъ пересталъ, какъ мнѣ показалось, привлекать къ себѣ ихъ вниманіе. Я остановился и спросилъ:—„Не любопытно вамъ?“—„Извѣстно, что такъ“.—„Почему же?—„Да не русскіе они, то что намъ за дѣло до нихъ?“—„Правда ваша“, согласился я.

Я и полагалъ, что имъ будетъ нелюбопытно. Но считалъ надобностью удостовѣриться въ томъ.

Что они не слыхивали о квакерахъ, я былъ совершенно убѣжденъ съ самаго начала знакомства съ ними: по всему было видно изъ перваго же разговора съ ними, что они—старообрядцы Поповской секты, остающіеся вѣрными всей догматикѣ старообрядчества (или Православія, въ данномъ случаѣ все равно), на-

сколько знаютъ ее. И видно было, что никогда не случалось имъ интересоваться какими бы то ни было вѣроученіями, кромѣ Православія и старообрядчества. — Даже о Молоканахъ, которыхъ такъ много въ Дубовкѣ, они очень мало знаютъ.— Дубовка ругала ихъ иной разъ „хлыстами“, сама ничего отчетливо не зная о хлыстахъ. Мои друзья, припоминая ругательное прозвище „хлысты“, которымъ огорчала ихъ Дубовка, спросили у меня:— „Да что жь это за люди, хлысты?“— Я отвѣчалъ:— „Разскажу, что говорятъ о нихъ, и что изъ молвы о нихъ, по моему, правда, что пустая ложь на нихъ. Но прежде мнѣ хотѣлось бы слышать, что слышали о нихъ вы, и что думаете о нихъ сами“.— Они отвѣчали:— „Думаемъ мы о нихъ вотъ что: они люди бойкіе на словахъ“.— „Почему жь вы такъ думаете о нихъ?“— „Какъ же почему? Такое имя имъ дано: хлысты, значитъ, хлестко говорятъ“.—Объ этомъ вашемъ предположеніи поговоримъ послѣ А теперь: что жь вы о нихъ слышали?“ — „Да ничего, кромѣ того, что имя имъ хлысты; ну этимъ словомъ и ругаютъ другъ дружку въ Дубовкѣ, когда ругаются: хлыстъ ты, видно, подлецъ! а тотъ ему: самъ ты хлыстъ, подлецъ“.— „Только то вы и знаете о нихъ, что имя имъ хлысты?“— „Только“.— „Значитъ, моя очередь говорить о нихъ. Имя ихъ вы поняли неправильно. Хлысты, это значитъ не то, что они хлестко говорятъ, а значитъ это: простой народъ полагаетъ о нихъ, будто хлыстъ, когда молится, хлещетъ себя ремнемъ, или чѣмъ такимъ, хоть въ родѣ плетки“.— „Ну!“— изумились мои друзья:— „Да неужто жь они такіе дураки?“— „Я полагаю, это говорятъ про нихъ пустое: а вздумалось народу о нихъ такъ потому, что онъ неправильно перековеркалъ имя, которое они даютъ своей вѣрѣ. Они свою вѣру называютъ Христовщина; а народъ перековеркалъ: хлыстовщина, да и перетолковалъ: хлыстовщина, значитъ: они хлыщутъ себя. А сами они, видите, вовсе не то хотятъ сказать о себѣ своимъ прозваніемъ. Христовщина это отъ какого слова, вы видите?“ — „А! вотъ что! это отъ слова Христосъ! Что же, прекраснѣйшее названіе они себѣ выбрали!“— „Теперь, слушайте, почему они дали себѣ такое названіе. Видите ли, они думаютъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вселяется самъ Христосъ“.— Мгновенно мои друзья всѣ въ одинъ голосъ сказали:— „Стой! Да это что же? Это выходитъ—они дурачье! какъ можно такъ говорить!“— „Да, это у нихъ мысль такая, которой ни по Греко-Россійской вѣрѣ, ни по старой вѣрѣ нельзя назвать правильною“, сказалъ я.— „Дурачье они, братъ; и толковать о нихъ не стоитъ“,—рѣшили мои друзья.

Довольно, я полагаю, объ отношеніяхъ ихъ мыслей къ разнымъ вѣроученіямъ. Достаточно, чтобы видѣть: не даромъ я говорю, что они просто на просто старообрядцы поповской секты, по своей наивности напрасно вообразившіе, будто правду сказали о нихъ Дубовскіе старообрядцы, что они „перешли въ другую вѣру“.

Впрочемъ, приведу еще кое-что объ этомъ. Съ Правительственной точки зрѣнія вопросъ о ихъ вѣроисповѣданіи индифферентенъ; но—погибли они потому, что былъ юридически поставленъ вопросъ о ихъ „атеизмѣ“; ихъ „республиканство“ лишь результатъ того, что они „атеисты“.— Кстати, любопытно бы знать много ли больше ихъ самихъ знали догматику Православной церкви люди, выставившіе ихъ передъ администраціею и судебною властью за еретиковъ?—Я полагаю: любой Русскій архіерей оказался бы еретикомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ атеистомъ по донесеніямъ тогдашнихъ Дубовскихъ полицейскихъ чиновниковъ, еслибъ далъ

былъ имъ случай разспрашивать его о его вѣроисповѣданіи. Зналъ ли кто изъ нихъ хоть „Начатки Православнаго ученія?“—Навѣрное, ни одинъ изъ нихъ.

Когда Катерина Чистоплюева и Дарья Воронина ѣздили въ Саратовъ навѣщать Богатенковыхъ, они ходили смотрѣть „свою запечатанную церковь“ и „свои запечатанныя часовни“,—такъ выражается Чистоплюева: это—существовавшія нѣкогда, разумѣется, незапертыми, церковь и часовни старообрядцевъ поповской секты: въ нихъ совершалось нѣкогда богослуженіе священниками поповской секты. Онѣ были „запечатаны“ въ годъ моего дѣтства: и, какъ видно, оставались запечатанными въ то время (въ 1866 — 1868 годахъ). Катерина Чистоплюева и Дарья Воронина рыдали, смотря на эти „свои“ святыни. Онѣ слушали разсказы Саратовскихъ старухъ—какого исповѣданія? Поповскаго, или нѣтъ?—о чудесахъ, которыми Богъ ознаменовалъ эти святыни. Чудеса эти несомнѣнны, по ихъ убѣжденію. Катерина Чистоплюева разсказывала мнѣ эти чудеса заливаясь слезами. Старообрядка она, или нѣтъ?

Но она повѣрила мнѣнію Дубовскихъ старообрядцевъ, будто бъ она „бросила старообрядчество“;—это иллюзія.

Кто прочелъ предъидущіе листы моей записки, имѣлъ множество случаевъ видѣть, что она, ея мужъ, тетка ея мужа не умѣютъ правильно понимать и самыя простыя слова, какъ скоро рѣчь идетъ о чемъ нибудь иномъ, нежели обыденное житейское, и притомъ лишь такое обыденное житейское, что извѣстно всѣмъ безграмотнымъ людямъ. Напомню одинъ примѣръ: сколько я толковалъ съ ея мужемъ о томъ, не была-ль она больна; мужъ отвѣчалъ: „нѣтъ; и когда онъ спросилъ у нея самой, она подтвердила ему: онъ не ошибся, она никогда не имѣла того разстройства здоровья, о которомъ я спрашивалъ у него. А вышло что?

Рѣчь шла о такомъ, сравнительно, очень ясномъ вопросѣ и сколько времени, какой внимательности къ ея разсказамъ,—разсказамъ вовсе не объ этомъ предметѣ, а о хозяйственныхъ хлопотахъ ея,—понадобилось мнѣ, чтобы на мой вопросъ получился отвѣтъ, сообразный съ фактомъ.

Похожи ль были разговоры слѣдователя съ этими людьми,—тѣ оффиціальные разговоры, допросы,— похожи ль были они на то, что велитъ законъ? и похожи ль были они на что нибудь такое, что могло въ самомъ дѣлѣ привести къ полученію достовѣрныхъ свѣдѣній?

Подсудимые не хотятъ сказать своихъ именъ. И слѣдователь начинаетъ ругать ихъ... Къ чему, кромѣ чепухи, могъ привести его путь, начинавшійся такимъ нарушеніемъ закона съ его стороны?

Само собою разумѣется, не на слѣдователя нападалъ я въ моихъ разговорахъ съ моими друзьями, слыша отъ нихъ разсказы о ихъ допросахъ. Я нападалъ на нихъ.—„Почему жъ бы вамъ не говорить ему, какъ васъ зовутъ. Сказываете жъ вы ваши имена здѣсь въ Вилюйскѣ людямъ, которые знакомятся съ вами и освѣдомляются у васъ о вашихъ именахъ. И всегда вы такъ дѣлали. Дѣлали бъ такъ вы и на допросахъ“.—„То и это, совсѣмъ разныя вещи, другъ ты мой. Человѣкъ не знаетъ, какъ меня зовутъ, и спрашиваетъ. Это вещь правильная. Онъ не знаетъ, ему надобно узнать, чего онъ не знаетъ. Я ему и говорю. А тамъ, что было? У него въ бумагахъ написано мое имя. Онъ видитъ его. Да и безъ того, давнымъ давно знаетъ, какъ меня зовутъ. Для чего жъ онъ спрашиваетъ? Только для того, чтобы принудить меня нарушить правило моей вѣры, по которому не

слѣдуетъ мнѣ называть свое имя безъ надобности. Какъ же мнѣ было сказать мое имя? Это было бы: мнѣ же надругаться надъ моею вѣрою".—Я сталъ объяснять почему слѣдователь хотѣлъ, чтобы подсудимые говорили свои имена: это форма для начатія допроса: форма эта хороша вотъ почему, нужна вотъ для чего. Мои друзья дивились: никогда не слыхивали они объ этомъ. И, мои объясненія плохо укладывались въ ихъ мысли, чуждыя всякому знанію процессуальныхъ формъ.

Я нападалъ на нихъ, и оправдывалъ передъ ними слѣдователя. Но—жаль, что онъ былъ такой плохой юристъ. Не виноватъ онъ, что онъ плохо зналъ законы. Но жаль, что онъ плохо зналъ ихъ.

Но, довольно жь наконецъ объ этомъ. Я не желалъ бы ничего писать объ этомъ. И если бъ сталъ переписывать мою записку на-бѣло, выпустилъ бы всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ говорю что нибудь не въ похвалу чиновникамъ Дубовскаго полицейскаго управленія или слѣдователю. Можно было бъ мнѣ обойтись безъ этого. Но когда пишешь на-черно, всегда пишешь много такого, безъ чего можно было бъ обойтись. Переписывать на-бѣло, не хочу. Экспансивность изложенія важнѣе всего. Это достоинство чернового изложенія дороже возможности сгладить его шероховатости при перепискѣ на-бѣло.

Моя работа близка къ концу.

Я объяснилъ происхожденіе и дѣйствительное значеніе той ребяческой формалистики, которую мои темные друзья считаютъ правилами своей вѣры. Произошла она изъ смутныхъ воспоминаній о вышедшихъ изъ обыкновенія старинныхъ русскихъ обычаяхъ, которыхъ дольше, чѣмъ Православные, держались старообрядцы и которые потому имѣли подъ конецъ своего существованія у дѣдовъ нынѣшнихъ старообрядцевъ характеръ старообрядческихъ особенностей.

Мои бѣдные друзья и ихъ единовѣрцы считаютъ эти ребячества свои правилами своей вѣры потому, что они очень темные невѣжды. Но они съ тѣмъ вмѣстѣ люди добрые, люди честной жизни; и отъ природы, люди неглупые. Потому, въ въ ихъ религіозномъ чувствѣ находится элементъ, достойный любви и уваженія всякаго хорошаго человѣка, каковы бы ни были мнѣнія этого человѣка, и какъ бы ни была высока степень его образованности.

И сами темные мои друзья,—безъ сомнѣнія, и ихъ единовѣрцы—при всемъ своемъ невѣжествѣ, понимаютъ, что добрыя чувства, честность, справедливость,—вообще, тѣ хорошія качества сердца и поступковъ, которыя цѣнятся всѣми хорошими людьми, нѣчто безъ всякаго сравненія болѣе важное, чѣмъ тѣ внѣшнія правила, которыя считаютъ они особенностями своей вѣры. Они соблюдаютъ эти правила, потому что такъ велитъ имъ ихъ совѣсть: еслибъ они нарушали бъ тѣ, свои правила, это было бы грѣхъ для нихъ, потому что поступать противъ совѣсти—грѣхъ. Но собственно говоря, только потому и грѣхъ имъ нарушать тѣ правила, что ихъ совѣсть не велитъ имъ того. А кому совѣсть не запрещаетъ раскланяться, подавать руку и т. д., тѣ не дѣлаютъ ничего дурнаго, раскланиваясь, подавая руку и т. д.

Такимъ образомъ, въ сущности дѣла, они сами думаютъ, хоть и не умѣютъ высказать этого, что особенности ихъ вѣры лишь второстепенный элементъ ея, а единственное существенное въ ней—чистая нравственность и добрыя чувства, забота о собственной честности и любовь къ ближнему.

И такъ какъ они люди, не умѣющіе анализировать собственныхъ своихъ мыслей, то у нихъ постоянно выходитъ на практикѣ такое забвеніе объ особенностяхъ своей вѣры при сужденіи о людяхъ, не принадлежащихъ къ ней, что вообще ихъ привязанность къ своимъ ребячествамъ вовсе не проявляется въ ихъ мнѣніяхъ о людяхъ, не соблюдающихъ этой формалистики. Они сектанты лишь по отношенію къ самимъ себѣ; по отношенію къ другимъ ничего сектантскаго въ ихъ мысляхъ нѣтъ.

Я говорилъ имъ:—„Вотъ, вы видите, у меня есть привычка подавать руку и раскланиваться. Я этой привычкою не дорожу. Вы знаете, я люблю васъ. Вамъ пріятно было бъ, еслибъ я бросилъ ее? То извольте, только стоитъ вамъ сказать: да,—и я пожалуй, брошу ее для васъ".—Они засмѣялись:—Да зачѣмъ тебѣ бросать ее? Тебѣ совѣсть не запрещаетъ подавать руку, и все такое; такъ по нашему для тебя въ этомъ нѣтъ грѣха".

Я говорилъ имъ:—„Вотъ я въ разговорѣ съ вами называю васъ по именамъ; хотите, то я буду стараться отучить себя отъ этого".—Они отвѣчали:—„Слушай; да по твоему это не дурно; то что жь намъ непріятнаго тутъ? Нѣтъ, ты не гляди на то, что мы не зовемъ другъ друга по именамъ, когда говоримъ между собою, и тебя не зовемъ когда говоримъ съ тобою; ты, какъ по твоему хорошо, такъ и зови насъ по именамъ и отчествамъ.

Если анализировать это съ должною логическою строгостью, то получится, что?—Есть люди, которые предпочитаютъ Бетховена Моцарту; другіе предпочитаютъ Моцарта Бетховену; но предпочитающіе Бетховена, если разсудительны, знаютъ, что это лишь ихъ личная склонность; преодолѣть ее въ себѣ они не могутъ; но понимаютъ, что въ сущности и Моцартъ и Бетховенъ равно хороши. Тоже понимаютъ и разсудительные моцартисты.—„О вкусахъ не стоитъ спорить". Но, разумѣется, мои темные друзья такихъ анализовъ дѣлать не умѣютъ.

Не умѣютъ. Но по инстинкту добрыхъ своихъ природныхъ склонностей на практикѣ слѣдуютъ тому, чего не умѣютъ опредѣлительно уловить въ своихъ туманныхъ мысляхъ и высказать. А еслибъ умѣли то сказали бы:

„Наша вѣра не въ томъ, надъ чѣмъ въ насъ можно смѣяться; это смѣшное для другихъ въ нашей вѣрѣ лишь шелуха нашей вѣры. Наша вѣра лишь въ томъ, что уважаетъ и любитъ всякій честный и доброжелательный къ людямъ человѣкъ".

Что это такъ, видно по ихъ жизни, честной и доброй, и по ихъ похваламъ всякому доброму человѣку, о какомъ случается имъ говорить въ простой, откровенной бесѣдѣ.

Закончу изложеніемъ ихъ мнѣній о томъ, что называется общественными и политическими вопросами. Люди, судившіеся и осужденные какъ политическіе преступники, они не имѣютъ ровно ничего подобнаго какому бы то ни было политическому образу мыслей: имѣть какой бы то ни было политическій образъ мыслей дѣло для нихъ, темныхъ невѣждъ, такое же невозможное, какъ имѣть какой бы то ни было, правильный ли, или неправильный, дурной ли или хорошій съ чьей бы то ни было точки зрѣнія образъ мыслей относительно достоинствъ или недостатковъ астропомическихъ трудовъ Ньютона. И я полагаю, что фантазія о какихъ бы то ни было политическихъ мысляхъ у русскихъ простолюдиновъ—фан-

тазія, свидѣтельствующая о совершенномъ незнакомствѣ имѣющихъ ее съ русскимъ простонародьемъ.

Но кое-какіе факты русской жизни извѣстны и русскимъ простолюдинамъ; факты жизни ихъ маленькаго уголка русской земли,—ихъ села или города, отчасти и уѣзда, въ которомъ ихъ село или городъ; факты жизни не всего населенія этого маленькаго уголка, а какого нибудь изъ подраздѣленій простолюдиновъ этого уголка. И какъ нибудь думаютъ они объ этихъ фактахъ. Есть у нихъ тоже кое-какія свѣдѣнія объ устройствѣ Русскаго царства.

Есть это и у моихъ друзей.

Съѣстные припасы въ Дубовкѣ дешевы. По судоходству, по разнымъ промысламъ спросъ на работу тамъ великъ. Потому заработная плата высока. Такимъ образомъ при высокой заработной платѣ, при изобиліи спроса на работу, при дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ даже простой чернорабочій, не знающій никакого ремесла, пользуется, вообще говоря, благосостояніемъ. Ремесленникъ, промышленникъ, живетъ, разумѣется, еще лучше. О купцахъ и говорить нечего.

То же, что въ Дубовкѣ, и въ Песковаткѣ.

Это общій фонъ кругозора моихъ друзей.

На этомъ фонѣ ближайшими, важнѣйшими для ихъ умственнаго зрѣнія фактами были, натурально, факты экономической жизни ихъ самихъ, ихъ родныхъ, ихъ сосѣдовъ; Филатова и Головачева жили очень безбѣдно. Всѣ другіе были болѣе зажиточны. Чугуновы, Чистоплюевы жили въ большомъ изобиліи. Воронины еще въ гораздо большемъ. Что о нихъ самихъ, то же самое о ихъ родныхъ и сосѣдахъ.

Понятно, каковы ихъ мнѣнія объ экономическомъ состояніи Россіи: русскій народъ благоденствуетъ.

Бѣдные люди въ Россіи есть. Но причины, по которымъ бѣдные бѣдны, находятся лишь въ исключительныхъ случайностяхъ ихъ личной жизни,—или въ случайныхъ бѣдствіяхъ, въ которыхъ никто не виноватъ, или въ ихъ порокахъ. Часто бѣдствуютъ сироты, престарѣлыя вдовы, если не имѣютъ близкихъ родственниковъ. Иное семейство бываетъ бѣдно отъ продолжительной болѣзни своего кормильца, отца или старшаго брата. Иное бываетъ разорено пожаромъ. Очень жаль такихъ людей; но кто жь виноватъ въ ихъ бѣдствіяхъ? Никто.—Но больше бѣдные бываютъ бѣдны отъ пороковъ: отъ пьянства, карточной игры, разврата, и больше всего отъ лѣности. Тутъ какъ судить?—Семейство пьяницы чѣмъ виновато, что онъ пьяница? — Ничѣмъ. Невинно терпитъ оно горькую долю. Но пьяница, разумѣется, виноватъ передъ семействомъ. Какъ съ нимъ быть?—Да что жь ты съ нимъ сдѣлаешь? Хочетъ пить и пьянствуетъ; какъ его удержишь? Начальство виновато, что не удерживаетъ его? Глупыя слова. Отецъ сына не удержитъ, когда сынъ хочетъ пьянствовать; сына, который всегда подъ глазами у отца, то какъ же успѣетъ усмотрѣть за пьяницею начальству?

Но хоть много бѣдныхъ, бѣдствующихъ невинно, хоть еще больше порочныхъ людей, впавшихъ въ бѣдность по своей винѣ, все-таки всѣ они лишь малая доля русскаго народа. Жаль ихъ. Но они лишь исключеніе. Вообще русскій народъ живетъ въ очень хорошемъ достаткѣ.

Основательны ли эти мысли моихъ друзей?—Я не полагалъ, что имѣю надобность заботиться объ исправленіи этихъ мыслей моихъ друзей, если онѣ въ

чемъ нибудь, по моему мнѣнію,—и, сколько я могу судить, по мнѣнію Правительства,—ошибочны.

Отъ экономической стороны русской жизни перейду къ административной и судебной.

И тутъ тотъ же колоритъ?—Натурально.

Я нахожу, что тогдашнее полицейское управленіе въ Дубовкѣ было изъ-рукъ вонъ плохо, а хозяйничанье Дубовской Думы было и еще того хуже. Я нахожу, что въ Дубовкѣ была патріархальная деревенская бзспорядица и безтолковщина. Это нахожу я. Но дубовское населеніе находило, разумѣется, очень удобнымъ для себя этотъ безтолковый свой административный и Думскій, свой родной патріархальный порядокъ, въ которомъ все сплошь было безпорядокъ. Что жъ, надобно признать: для неотесанной деревенщины эта безтолочь имѣла очень большое удобство. Чиновники были тѣ же мужики въ полицейскихъ мундирахъ. Они якшались со всякимъ, у кого были пирушки. Все велось „по-просту“, какъ между кумовьями, пріятелями, собутыльниками. Кто изъ жителей самъ не былъ, по недостаточности средствъ для широкой жизни, въ кумовствѣ съ чиновниками, у тѣхъ были между зажиточными купцами родные, знакомые, покровительствовавшіе своимъ менѣе богатымъ роднымъ и кліэнтамъ у своихъ пріятелей чиновниковъ. Такимъ образомъ „притѣсненія“ никому не было; всѣмъ было „вольготно“ во „всякихъ дѣлахъ“. Напримѣръ, даже податей можно было не платить: поругаются, поругаются „хожалые“ Думы и полицейскіе служители съ неплательщикомъ, тѣмъ дѣло и кончится: кумовья уладятъ какъ нибудь къ удовольствію неплательщика; вѣроятно, это дѣлалось черезъ покрытіе его неплатежа изъ какихъ нибудь общественныхъ доходовъ, оставшихся не записываемыми въ приходъ, поступавшихъ въ карманы людей, распоряжавшихся дѣлами патріархальнаго Посада Дубовки. Но такъ ли, или иначе, все шло „по-просту“, ко всеобщему удовольствію деревенщины.

Я не одобряю такой безтолочи. Правительство смотритъ на нее точно такъ же какъ я, и постоянно старается замѣнить ее порядкомъ, болѣе сообразнымъ съ интересами Правительственными и общественными. Но въ Дубовкѣ тогда (въ 1860—1868 годахъ, и изстари, раньше того) было такъ, и было, по мнѣнію Дубовки, хорошо.

Впрочемъ, надобно сказать: безтолочь, нравившаяся Дубовкѣ, была чужда крупныхъ злоупотребленій: жестокостей въ ней и тѣмъ еще меньше было. Хозяйничали, какъ имъ нравилось, люди все таки въ сущности добродушные, гуляки, казнокрады, взяточники, правда; но въ простотѣ душевной, добряки, готовые къ добродушному оказанію помощи всякому, кому могли сдѣлать добро.

И жили себѣ дубовскіе неотесанные люди „вольготно“. Хорошо было Дубовкѣ. Всѣ тамъ были довольны.

Изъ того ясно, каковы мнѣнія моихъ друзей объ административной сторонѣ жизни Россіи.

Начальство у русскихъ доброе. Никого не притѣсняетъ. Будь ты смирный человѣкъ, живи, какъ живутъ благоразумные люди, то никогда никто изъ начальства не обидитъ тебя. А если ты въ чемъ провинился, начальство окажетъ тебѣ снисхожденіе. Очень хорошо все это у насъ, у русскихъ. Такъ и Богъ велѣлъ: со снисходительностью поступать, значитъ „поступать по-Божески“.

Народу жить у насъ въ Россіи совсѣмъ легко. Въ особенности стало ему со-

всѣмъ легко съ той поры, какъ „уволили крѣпостныхъ“ и „завели новый судъ.“— Крѣпостные, вообще говоря, жили хорошо. Какъ же бы нѣтъ? Помѣщику самому была выгода, чтобъ его крестьяне жили исправно. Ну, иной помѣщикъ былъ и плохой; извѣстно, въ семьѣ не безъ урода. Но только такихъ было, должно быть мало. Вообще, помѣщики были добрые люди и крестьянамъ ихъ было хорошо. Но только извѣстно: все жъ таки казеннымъ крестьянамъ было гораздо лучше. А когда уволили крѣпостныхъ, то стало и имъ вовсе очень хорошо, какъ всѣмъ другимъ: казеннымъ и удѣльнымъ.

Чугуновы, Чистоплюевы были удѣльные крестьяне. Воронины, Богатенковы, Киселевы если, можетъ быть, и „выписались изъ удѣльныхъ, переписавшись въ купцы или мѣщане“, то во всякомъ случаѣ были изъ удѣльныхъ крестьянъ.— Удѣльнымъ крестьянамъ въ Саратовской губерніи дѣйствительно было хорошо. Земли у нихъ было много, земля хорошая; всѣхъ угодьевъ было въ-волю. Удѣльное управленіе во весь періодъ моихъ личныхъ знаній о Саратовской губерніи, было легкое для крестьянъ, дѣйствительно хорошее для нихъ. Мои друзья и ихъ единовѣрцы судили обо всѣхъ „вольныхъ мужикахъ“ по своему родному удѣльному уголку. Натурально, что имъ представлялось: всѣмъ „вольнымъ мужикамъ“ во всей Россіи всегда было „очень хорошо, совсѣмъ легко, вовсе хорошо“.

Мнѣніе о томъ, что крѣпостное право—вещь не особенно дурная, господствовало по всей Россіи въ сословіяхъ простого народа, бывшихъ „вольными“, въ тѣ времена, когда формировались понятія людей, которымъ теперь лѣтъ пятьдесятъ или больше. Въ тѣ времена,—до Крымской войны – и образованные классы въ провинціи очень мало говорили о вредѣ крѣпостного права. Мѣщанамъ, „вольнымъ“ крестьянамъ это мнѣніе и вовсе было чуждо. Мои друзья и ихъ единовѣрцы мало видывали крѣпостныхъ крестьянъ; о ихъ бытѣ вовсе ничего не слышали отъ нихъ. Потому полагали, подобно всему Дубовскому населенію, что имъ жить было очень не дурно. Остаются при этомъ мнѣніи и теперь. Но, какъ я говорилъ, понимаютъ, что „вольнымъ“ было лучше. И знаютъ о дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права только самую общую черту его: „крѣпостные уволены“; потому совершенно убѣждены, что „прежніе крѣпостные живутъ теперь совсѣмъ хорошо, все равно какъ удѣльные“.

И такъ, прежде этимъ людямъ было очень недурно; теперь вовсе хорошо. Перемѣна прекрасная.

Подобны этому понятію моихъ друзей о преобразованіи судебной части. Судъ и прежде былъ хорошъ. Но нынѣшній судъ лучше прежняго. Прежде было недурно, а по новому порядку стало вовсе превосходно.

Ихъ процессъ—исключительный случай. Тутъ дѣйствовалъ Наполеонъ. Но до всяческихъ другихъ дѣлъ въ судахъ что за дѣло Наполеону? Всѣ вообще дѣла рѣшаетъ нынѣшній судъ правильно.

Начальники вообще хорошіе люди. Но чѣмъ выше начальство, тѣмъ оно добрѣе.—Нашъ народъ и вообще расположенъ думать, что чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ добрѣе онъ. У моихъ друзей это мнѣніе получило особенную силу потому, что справедливость его постоянно подтверждалась для нихъ фактами ихъ жизни во время процесса. Имъ приходилось видѣть въ это время много „начальниковъ, и гражданскихъ, и военныхъ, всякихъ“. Чѣмъ выше начальникъ, тѣмъ онъ лучше; это постоянно было для нихъ такъ.—„Важный начальникъ никогда

дурнаго слова тебѣ не скажетъ: и терпѣливый онъ, и учтивый, и ласковый, и всякое облегченіе человѣку онъ всегда радъ сдѣлать",—этотъ выводъ моихъ друзей изъ ихъ личнаго опыта совершенно натураленъ: вообще говоря, на высокихъ должностяхъ гораздо чаще, нежели на мелкихъ уѣздныхъ встрѣчаются люди хорошаго свѣтскаго воспитанія; ихъ обращеніе съ арестантами, разумѣется, терпѣливое, вѣжливое, снисходительное.

Особенно хвалятъ, какъ я ужь говорилъ, мои друзья тогдашняго Саратовскаго губернатора и офицеровъ корпуса жандармовъ.

И, перейдемъ наконецъ къ понятіямъ моихъ друзей о государственномъ устройствѣ и къ подробностямъ ихъ убѣжденія въ томъ, что нынѣ царствующій Государь—святой угодникъ Божій.

Ни о какой иной формѣ государственнаго устройства, кромѣ нашей русской, Чистоплюевы и Головачева не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, не въ состояніи вообразить себѣ ни о какомъ народѣ иначе, какъ объ имѣющемъ самодержавнаго царя. Они слыхивали, что у Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ есть свои особые цари; всѣ эти цари—самодержавные. Имени нѣмецкаго царя они не слыхивали до моего разсказа о войнѣ Нѣмцевъ съ Французами. Не слыхивали и о его родствѣ съ Русскимъ царемъ. Услышавъ отъ меня его имя и узнавъ, что онъ дядя Русскому царю, они пустились въ слѣдующія соображенія:—„Дядя онъ Александру Николаевичу; стало быть, благочестивый человѣкъ?"—Я сказалъ, что да: онъ не Греко-Россійской вѣры, а лютеранской, но очень благочестивый человѣкъ.—Я ужь упоминалъ, что нѣмецкая или—они слышали и это названіе—лютеранская вѣра, по ихъ мнѣнію очень хорошая; разумѣется, менѣе хороша, чѣмъ Греко-Россійская (православная) и въ особенности старая вѣра, но все таки вѣра прекрасная. И, разумѣется, на мое сообщеніе имъ, что нѣмецкій императоръ лютеранинъ, они отвѣчали:—„Извѣстно, Нѣмецъ, то долженъ быть нѣмецкой вѣры. Но очень благочестивый онъ, правда?"—Я снова сказалъ: да.—„Ну, такъ вотъ потому-то онъ и побѣдилъ Наполеона; за его благочестіе далъ ему Богъ это".—Но вотъ вопросъ: кто жь теперь царь у Французовъ, когда оказалось, чего никакъ нельзя было полагать, и чему очень мудрено было повѣрить, что Наполеонъ пересталъ царствовать надъ Французами, и даже умеръ.—„Ну, когда такъ, то скажи же, кто теперь царь у Французовъ?"—Я не говорилъ моимъ друзьямъ неправды ни о чемъ, но и не вдавался жь въ чтеніе лекцій имъ о вещахъ, которыя для нихъ непостижимы. Я уклонился отъ отвѣта о нынѣшнемъ „царѣ" французовъ, давши своему отвѣту на ихъ вопросъ такую форму:—„Послѣ Наполеона сталъ управлять французами старичекъ, очень старый, Тьеръ, а послѣ этого старичка, который теперь ужь и умеръ, управляетъ ими Макъ-Магонъ". Я еще не зналъ тогда объ отставкѣ Макъ-Магона; я читалъ тогда только еще ту книжку присылаемаго мнѣ „Вѣстника Европы", гдѣ говорилось, что Макъ-Магонъ назначилъ ministére des affaires, и оно готовится двинуть въ Парижъ корпусъ Дюкро. Я полагалъ, возьмутъ верхъ Бонапартисты и произведутъ—какъ знать, удачную или нѣтъ?—попытку провозгласить Наполеона IV. Мои друзья, разумѣется, не замѣтили несоотвѣтствіе моихъ словъ съ ихъ вопросомъ. И сказали:—„А! такъ вотъ какъ зовутъ нынѣшняго французскаго царя: Макъ-Магонъ".—и совершенно удовлетворились этимъ.—Объ Англіи они слышали, что тамъ царь теперь женщина; знали и ея имя, потому что кто-то говорилъ при

нихъ о бракосочетаніи дочери Русскаго царя съ сыномъ англійской царицы, Викторіи.—Но, благочестивая ль она? Должно быть, когда царь Александръ Николаевичъ выдалъ за ея сына свою дочь?—Я сказалъ, что да.—Живши въ Россіи, мои друзья не слыхивали объ Американцахъ. Здѣсь услышали по поводу толковъ о пришедшемъ въ устье Лены пароходѣ. (Якутскъ и въ-слѣдъ за нимъ Вилюйскъ были очень заинтересованы этимъ пароходомъ: предполагалось, что это купеческій пароходъ, привезъ всяческіе товары и будетъ продавать ихъ дешево. И долго предполагалось, что это пароходъ Американскій, пришедшій въ устье Лены изъ Калифорніи).—И такъ, вотъ есть на свѣтѣ Американцы. Какъ зовутъ ихъ царя?—На этотъ вопросъ моихъ друзей я началъ отвѣтъ въ такой формѣ:—„Американцы и Англичане, это лишь названія разныя, потому что живутъ они черезъ море другъ отъ друга, а народъ это совсѣмъ одинакій",—и я хотѣлъ толковать о колонизаціи новой Англіи и Виргиніи, пока надоѣстъ моимъ друзьямъ слушать; но эта диверсія не понадобилась. Какъ только сказалъ я, что Англичане и Американцы совсѣмъ одинакій народъ, мои друзья рѣшили:—„А, ну такъ значитъ и надъ ними царица Викторія". Я промолчалъ, тѣмъ дѣло и кончилось.—Объ Итальянцахъ не случилось тогда вспоминать моимъ друзьямъ, потому и осталось неизвѣстно имъ, я полагаю, имя Виктора Эммануила или Умберта. Объ испанцахъ они и не слыхивали, я полагаю.

Узнавъ о томъ, что нѣмецкій царь и англійская царица, царствующая тоже и надъ Американцами, очень благочестивы, мои друзья стали снова способны слушать о результатахъ войны нѣмцевъ съ французами. Убѣдились, что Россія теперь—чего они никакъ не воображали, неподвластна Франціи. Послѣ успѣлъ я кое-какъ разстолковать имъ, что и никогда не была подвластна.

Тогда,—только тогда стало имъ понятно, что нелѣпы были тѣ выраженія, которыми давали они реплики слѣдователю: что не былъ онъ служитель Наполеона, и что не Наполеонъ погубилъ ихъ, сами себя погубили они.

Въ послѣднихъ строкахъ вступительныхъ замѣтокъ къ этой запискѣ я сказалъ, какое мнѣніе стали они имѣть о себѣ, понявши, какую чепуху говорили они во время своихъ перебранокъ съ слѣдователемъ.

Они считаютъ теперь себя заслуживавшими — да и заслуживающими: возможно ли прощеніе? Нѣтъ!—заслуживающими смертной казни. Они оскорбляли царя Александра Николаевича, святаго угодника Божія.

И буду говорить, какъ думаютъ они о царѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Былъ когда-то въ Россіи дурной царь, Иванъ Грозный. Нечестивецъ онъ былъ, и убилъ много невинныхъ людей. Это было наказаніе Божіе Россіи. Но съ той поры Богъ всегда былъ милостивъ къ Россіи и всѣ цари, бывшіе послѣ Ивана Грознаго, были очень хорошіе. (О Лжедимитріѣ они не слыхивали, разумѣется: а то и онъ былъ бы, конечно, дурной царь). И такъ всѣ цари послѣ Ивана Грознаго были хороши; тотъ кружокъ, въ которомъ жили мои друзья до своего процесса, былъ чуждъ нетерпимости къ Православію, потому не враждебенъ мыслямъ образованныхъ классовъ о реформахъ Петра. Такимъ образомъ, вышло что и онъ не исключается изъ непремѣннаго ряда хорошихъ царей послѣ одного дурного.

Были хороши всѣ Русскіе цари, кромѣ Ивана Грознаго, отъ самаго крещенія Россіи. Но святыхъ между ними, послѣ Владиміра Равноапостольнаго, было только

двое: Алексѣй Михайловичъ, и вотъ, второй, нынѣшній царь Александръ Николаевичъ.

Почему Алексѣй Михайловичъ святой дѣло само собою понятное: онъ низложилъ Никона. Но ужь поздно было поправить дѣло: всѣ архіереи тогдашніе держали сторону Никона; ну и осталось, какъ сдѣлалъ Никонъ. Никонъ и тѣ архіереи поступили дурно. Но лишь они поступили дурно. Послѣ люди ужь такъ и родились и росли въ новой вѣрѣ; то что жь дурнаго въ ихъ преданности ихъ природной вѣрѣ, которая, притомъ, и очень хороша.—Потому изъ архіереевъ, слѣдовавшихъ послѣ перваго поколѣнія, было ужь много очень хорошихъ людей. И нынѣшніе Греко-Россійскіе (Православные) архіереи почти всѣ очень хорошіе. Въ Саратовѣ, напримѣръ, Іаковъ былъ дурной (онъ усердствовалъ преслѣдовать старообрядцевъ), а послѣ него всѣ архіереи въ Саратовѣ были очень хорошіе.

И такъ, то, что Алексѣй Михайловичъ святой, объясняется смутными преданіями о ссорѣ съ Никономъ, преданіями, которыя, какъ видно, дошли до моихъ друзей и ихъ единовѣрцевъ отъ ихъ отцовъ и матерей въ очень сбивчивомъ видѣ, а сильнымъ религіознымъ чувствомъ Воронпной и, въ особенности, Катерины Чистоплюевой возведены въ признаніе отстаивавшаго прежнюю вѣру царя святымъ.

Почему нынѣшній царь Александръ Николаевичъ святой, понятно всякому образованному человѣку. Главные два мотива такому чувству моихъ друзей относительно его: освобожденіе крестьянъ и дарованіе спокойной жизни старообрядцамъ. Это не требуетъ разъясненій. Но признавъ его святымъ, Воронина, Катерина Чистоплюева и, подъ ихъ вліяніемъ, ихъ единовѣрцы должны были, разумѣется, примѣнить къ нему все то, что составляетъ, по ихъ мнѣнію, душеспасительный образъ жизни. Это не мало не монашество: всѣ они были счастливые, любящіе семейные люди, и оставались прекрасными семейными людьми, и остаются; монашество вовсе не годится для ихъ понятій о душеспасительной жизни. Святая жизнь—это хорошая семейная жизнь. Но жизнь не шумная, скромная. Безо всякой примѣси аскетическихъ крайностей, жизнь въ изобиліи, но скромномъ; въ наслажденіи всѣми честными радостями семейной любви, и всѣми, доступными семейству по его денежнымъ средствамъ, удобствами; но удобствами, а не мотовствомъ денегъ на пустяки.

Царь Александръ Николаевичъ ведетъ именно такую жизнь. Онъ царь: ему, какъ царю, необходимо окружать себя и свое семейство царскимъ блескомъ. Но этотъ блескъ ихъ жизни—блескъ лишь для торжественныхъ церемоній, при которыхъ царь исполняетъ свои царскія обязанности. А въ домашней своей жизни царь Александръ Николаевичъ имѣетъ хорошую, очень не бѣдную, но совершенно скромную обстановку: такъ ему нравится; тѣмъ онъ и спасаетъ свою душу.

Что жь?—Разумѣется, это передѣлка фактовъ по размѣру понятій простолюдинокъ. Но—и дѣйствительно, нынѣ царствующій Государь Императоръ и Его Супруга—люди, не любящіе въ своей домашней жизни лишней роскоши—кажется такъ?—Я не знаю этого близко. Но, кажется, такъ?!

Позволю себѣ одно замѣчаніе. Сколько я могу судить, Ея Величество чрезвычайно скромная женщина, и, быть можетъ, Она слишкомъ мало извѣстна молвѣ. Если бы слышали о Ней больше, то и Ее причислили бы къ лику свя-

тыхъ Катерина Чистоплюева, Воронина, ихъ послѣдователи и послѣдовательницы. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но они мало слышали о Ней.

И такъ, царь Александръ Николаевичъ — святой.

Богъ даетъ своимъ святымъ силу совершать чудеса.

Дастъ онъ ее и Ему.

Россія благоденствуетъ. Но многіе русскіе люди или ведутъ дурную жизнь, или, по крайней мѣрѣ, часто поступаютъ нехорошо. Много въ Россіи пьяницъ, картежниковъ, безпутныхъ женщинъ, мошенниковъ; много порочныхъ людей. И хорошіе люди иногда ссорятся между собою; — хорошо ли это? — Иныя мужья бьютъ женъ, иныя жены невѣрны мужьямъ. Иныя дѣти непочтительны къ родителямъ.

Обо всѣмъ этомъ молится царь Александръ Николаевичъ Богу, чтобъ исправилось это.

Но исправить сердца людей можетъ только Богъ, давая своимъ угодникамъ силу низводить благодать въ сердца людей.

И когда угодно будетъ Богу, ниспошлетъ онъ по молитвѣ царя Александра Николаевича благодать свою въ сердца всѣхъ русскихъ людей, и всѣ мы будемъ тогда людьми, живущими честно и миролюбиво; не будетъ тогда въ Россіи ни пороковъ у людей, ни ссоръ между людьми.

Такова вѣра Катерины Чистоплюевой, ея мужа и ея тетки; о нихъ я говорю это съ полною достовѣрностью. По мнѣнію ихъ, совершенно такова жь и вѣра трехъ другихъ людей, съ которыми жили они вмѣстѣ больше пяти лѣтъ въ Царицынѣ, Камышинѣ и Саратовѣ, и вмѣстѣ съ которыми совершили свой путь до Вилюйска.

Конецъ.

Н. Чернышевскій.

27-го Октября
1879 г.

ПРОЛОГЪ.

Романъ изъ начала шестидесятыхъ годовъ.

Посвящается той, въ которой будутъ узнавать Волину.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГЪ ПРОЛОГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Было начало весны 1857 года. Весь образованный Петербургъ восхищался прекраснымъ началомъ своей весны. Вотъ уже третій день погода стояла не очень холодная, не совсѣмъ пасмурная; иной часъ даже казалось, будто хочетъ проясняться. Какъ же не восхищался бы образованный Петербургъ? Онъ былъ правъ, если судить его чувство по петербургскимъ понятіямъ о веснѣ.

Но, восхищаясь весною, онъ продолжалъ жить по зимнему, за двойными рамами. И въ этомъ онъ былъ правъ: ладожскій ледъ еще не прошелъ.

Часу въ двѣнадцатомъ утра по солнечной сторонѣ Владимірской площади, въ направленіи къ Невскому, шли смуглая дама и блѣдноватый мужчина съ плохою рыжею бородою. Они были жена и мужъ. Мужу было лѣтъ двадцать восемь или тридцать. Онъ былъ некрасивъ, неловокъ и казался флегматикомъ. Тускло-сѣрые глаза его, въ золотыхъ очкахъ, смотрѣли съ тихою задумчивостью на жену. Жена весело смотрѣла впередъ, беззаботно опираясь на руку своего спутника, и, повидимому, очень мало думала о немъ. Но замѣтила, что

онъ не спускаетъ съ нея глазъ, улыбнулась, сказала: „въ три года все еще не наглядѣлся", и опять перестала обращать вниманіе на него.

— Твоя правда, голубочка,—вяло согласился мужъ, подумавши; вздохнулъ, и сказалъ: — А знаешь ли, о чемъ я думалъ, голубочка? — Когда-жъ это будутъ у тебя свои лошади?

— Довольно смѣшно вздыхать, мой другъ. Теперь мы живемъ хорошо: современемъ будешь получать больше. Тогда куплю себѣ и лошадей. А пока, отучайся не спускать съ меня глазъ: это забавно.

— Твоя правда, голубочка,—отвѣчалъ онъ и сталъ разсѣянно глядѣть по сторонамъ. Черезъ минуту сострадательно усмѣхнулся.

На встрѣчу шелъ студентъ съ длинными, гладкими, свѣтло-русыми волосами,—тоже некрасивый и неловкій, какъ и спутникъ смуглой дамы, — тоже нѣсколько сгорбленный, — только въ немъ это было гораздо замѣтнѣе, потому что онъ былъ очень высокаго роста,—тоже блѣдноватый, тоже съ тускло-сѣрыми глазами, тоже въ золотыхъ очкахъ. Онъ пристально смотрѣлъ на смуглую даму и лицо его оставалось спокойно, холодно. Потому-то мужъ смуглой дамы и не могъ удержаться отъ сострадательной усмѣшки: наконецъ-то нашелся человѣкъ еще хуже его самого. Еще юноша, и такая рыбья кровь!—Мужъ смуглой дамы не зналъ, болѣе ли смѣшонъ, или болѣе жалокъ ему этотъ студентъ.

— Чрезвычайно умное лицо у этого молодого человѣка;—сказала смуглая дама, когда студентъ прошелъ.—Необыкновенно умное лицо.

Мужъ подумалъ. Точно, лицо студента было не только холодно, но и умно.

— Правда твоя, голубочка. Должно быть, умный человѣкъ. Но бездушное существо, хуже меня.

— Почему же? Не влюбился въ меня?

— Не смѣйся, голубочка,—отвѣчалъ мужъ:—это моя правда.

— Ты забавный человѣкъ, мой другъ,—сказала жена, засмѣявшись.

— Вовсе не я, голубочка. Развѣ я самъ думаю? — Вовсе не самъ; ты знаешь, я говорю это больше по слуху, чѣмъ самъ. Всѣ говорятъ мнѣ. Чѣмъ-же я виноватъ?—вяло возразилъ онъ.—Я тутъ посторонній человѣкъ; я говорю по чужимъ словамъ. А чужое мнѣніе въ этомъ надобно считать справедливымъ. Что правда, то правда.

— Перестань, мой другъ, надоѣлъ.

— Ну, хорошо, голубочка,—согласился онъ и замолчалъ. Черезъ минуту началъ мурлыкать на распѣвъ, сначала про себя, потомъ послышнѣе и послышнѣе, — неслыханнымъ и невозможнымъ ни въ какой музыкѣ мотивомъ: „Какъ у нашихъ у воротъ,—ай, люли, у воротъ,—стоялъ дѣвокъ хороводъ,—ай, люли, хороводъ". Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что изумительный мотивъ не былъ его собственнымъ сочиненіемъ.

— Перестань, мой другъ,—замѣтила жена.—Ты, кажется, забылъ, что ты идешь не одинъ.

— А точно, голубочка;—согласился онъ и нѣсколько сконфузился. Зная достоинство своей вокализаціи, онъ вообще занимался ею только для собственнаго удовольствія. Кромѣ того, жена убѣждала его, что идти по улицѣ и напѣвать—смѣшно, и онъ постоянно желалъ помнить это.

— Съ тобою стыдъ и смѣхъ, мой другъ.

Ну такъ что же за важность, голубочка;—съ философскимъ спокойствіемъ отвѣчалъ онъ, и сталъ съ усиленнымъ усердіемъ глядѣть по сторонамъ, чтобы опять не замурлыкать по разсѣянности.

— Знаешь ли что, голубочка?—началъ онъ черезъ минуту:—ты отпустила бы меня. Увѣряю, отпустила бы,—ну, что же не отпустить? Прогулялся довольно. А ты сама купишь мнѣ перьевъ. Увѣряю, купишь. А то, въ другой разъ: у меня еще есть нѣсколько.

— Какъ тебѣ не совѣстно? Прошелъ двадцать шаговъ, и увѣряетъ, что довольно!

— Не двадцать, голубочка, а двѣсти, или гораздо больше. Увѣряю.

Жена оставила это увѣреніе безъ всякаго отвѣта.

— Ну, что же, голубочка?—Я только такъ сказалъ, а я иду съ удовольствіемъ. Увѣряю. Какъ же?—Развѣ я не понимаю, что ты принуждаешь меня только для моей же пользы, а не то, что тебѣ самой пріятно, что я иду съ тобою.

— Если понимаешь, то зачѣмъ же сердишь?—Съ тобою больше скуки, чѣмъ съ Володею.

— Видишь ли, голубочка: ты дѣлаешь это потому, что думаешь, будто вредно, что я все сижу. Но я не все только сижу, я тоже и лежу. Зачѣмъ же мнѣ ходить?

Разсужденіе не было лишено основательности. Но жена только промолчала на него. Мужъ глубоко вздохнулъ, и опять сталъ глядѣть по сторонамъ, съ апатіею, не совершенно соотвѣтствовавшею тяжкости страданія, выраженнаго вздохомъ.

По одну сторону была мелочная лавочка, дальше вывѣска сапожника,—дальше, ничего замѣчательнаго. По другую сторону — тротуарныя тумбы, — голубая извозчичья карета, — опять тумбы, тумбы, тумбы... Дальше, съ этой стороны все то-же: тумбы, тумбы; съ той, — лавочка, лавка, лавочка, — прекрасный подъѣздъ съ рѣзными дубовыми дверьми, съ бронзою.

Шедшій съ удовольствіемъ мужъ внимательно разсматривалъ все это, для разсѣянія своей скорби.

— Эхъ, голубочка,—началъ онъ.—Если бы я былъ хоть немного поумнѣе, то и теперь у тебя уже были бы свои лошади... На эту новую мысль навело его то, что онъ съ женою подходилъ къ каретѣ: — Ты не повѣришь, какъ я глупъ въ своихъ дѣлахъ.

— Замолчи, не серди.

— Ну, хорошо, голубочка, — согласился онъ, и взглянулъ налѣво, — направо,—какъ разъ противъ окна кареты.

Занавѣсь окна кареты была опущена, только уголъ приподнятъ. Рука, придерживавшая его, торопливо упала. Но мужъ смуглой дамы еще успѣлъ разсмотрѣть лицо, спѣшившее закрыться. Это было очень чисто выбритое лицо мужчины лѣтъ тридцати пяти, не жирное, скорѣе, напротивъ, сухощавое, но свѣжее, здоровое, овальное, съ тонкими чертами, съ красивымъ профилемъ. Темные волоса были коротко острижены: оттого высокій лобъ казался еще выше. Свѣтло-каріе глаза зорко смотрѣли на подъѣздъ съ дубовыми рѣзными дверьми, бывшій въ полусотнѣ шаговъ, — карета стояла поодаль отъ него.

— Видѣла, голубочка?—Каковъ бестія?

— Видѣла, и помѣшаю ему. Пойду на этотъ подъѣздъ, найду, гдѣ она. Найду.

— Трудно будетъ найти, голубочка. По этой лѣстницѣ квартиръ десять, я думаю. Гдѣ она, тамъ прислугѣ велѣно отказывать.

— Не велико затрудненіе.

— Твоя правда, голубочка:—тотчасъ же разсудилъ мужъ.—Подъѣздъ богатый, потому квартиры большія. Спросишь у швейцара обо всѣхъ. Вѣроятно, почти всѣ заняты семейными...

Въ эту минуту дверь подъѣзда отворилась. Вышелъ стройный молодой человѣкъ въ гороховомъ пальто. Изъ-подъ шляпы вились каштановые волосы, слегка кудреватые. Лицо было прекрасно, что рѣдкость въ красивыхъ мужскихъ лицахъ, не женоподобно.—Мужъ смуглой дамы съ любезной улыбкою,—потому что былъ такой же искусный свѣтскій человѣкъ, какъ и пѣвецъ,—хватился за фуражку и поклонился съ граціею, свойственною всѣмъ медвѣдямъ и очень немногимъ людямъ,—но свѣтскость осталась оказана совершенно понапрасну: молодой человѣкъ, выходя изъ двери, уже повертывался къ Невскому и не видѣлъ замѣчательной эволюціи любезнаго свѣтскаго человѣка. Любезный свѣтскій человѣкъ надѣлъ фуражку и продолжалъ свое разсужденіе, прерванное для свѣтской эволюціи.

— Почти вездѣ семейные люди, у нихъ нечего искать. Одна, много двѣ квартиры, гдѣ надобно искать. А то, что прислуга говоритъ: „никакой дамы здѣсь нѣтъ“—что за важность?—По тону будетъ видно, правда ли. Увѣряю, голубочка.

— Хорошо, вѣрю. Но ты знаешь этого молодого человѣка?—Что за прекрасное лицо!—Онъ очень понравился мнѣ. Ты позови его къ намъ.

— Я вижу его, голубочка, когда бываю у Рязанцева. Очень благородный...

— Слышишь?—Да не оглядывайся, мой другъ: если опять взглянешь такъ ловко, этотъ, въ каретѣ, пойметъ, что мы заняты имъ и любовникомъ! Мнѣ будетъ трудно помочь женѣ, или сестрѣ, или кто она ему. А я не хочу бросить этого!

— А!—точно!—слышу, голубочка.

Давъ молодому человѣку отойти подальше, извозчичья карета тронулась. Мужъ смуглой дамы хоть и отличался не столько догадливостью, сколько основательностью, понялъ, что карета слѣдитъ за молодымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ неудачно раскланялся.

— Такъ вотъ кого подкарауливалъ этотъ шельма! Видно, жена-то осторожна, не услѣдишь,—такъ онъ за молодыми знакомыми! Видишь, я не даромъ сказалъ: о, бестія! Да что же, голубочка: ты сказала „жена, или сестра, или кто она ему“,—не знаешь, значитъ, что онъ женатый,—видно, не знаешь его?

— Не знаю, мой другъ,—а кто-жъ это?

— Все у того же Рязанцева!—Это, я тебѣ скажу, удивительно, кого не увидишь у этого Рязанцева! Разъ, я сижу у него одинъ,—входитъ эта шельма.—Рязанцевъ рекомендуетъ: Савеловъ!—Я, разумѣется, сейчасъ ушелъ: чортъ съ ними!

— Такъ это мужъ милочки Савеловой?—О, какъ я рада, что я услужу

ей!—Я просто влюбилась въ нее, когда увидѣла въ концертѣ,—мало и слушала, все любовалась! — Но мужа тамъ не было, она была съ кѣмъ-то другимъ, старше его. Ахъ, что это за красавица! Вотъ это, мой другъ, красавица! — Большіе темно-голубые глаза, тихіе, нѣжные, — сама бѣленькая, бѣленькая, нѣженькая, — ахъ, такъ и разцаловала бы ее! Ахъ, какъ я рада услужить такой милочкѣ!

Молодой человѣкъ въ гороховомъ пальто шелъ очень быстро. Карета, слѣдившая за нимъ, опередила смуглую даму и ея мужа.

— Подзови извозчика, мой другъ: — сказала смуглая дама. Мужъ подозвалъ.—Садись и ты.

— Точно, голубочка. Со мною лучше. Можетъ быть, и понадоблюсь.

— Нѣтъ, мой другъ; но я хочу, чтобъ ты разсказалъ мнѣ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Вотъ это парочка, мой другъ, онъ и Савелова! Ахъ, какъ я рада, что у нея такой любовникъ! Ахъ, что за прелесть оба! Я разцалую ихъ обоихъ,—и ее, такъ и быть, и ее!

— Ну, голубочка, себя-то она позволитъ тебѣ цаловать,—а его-то не очень-то.

— Вотъ прекрасно!—Смѣетъ!—Еслибъ у меня былъ такой любовникъ,—я не позволила бы ей,—а ей, такой милочкѣ, бояться меня!

— Ну, голубочка, знаю я этихъ красавицъ!—основательный мужъ покачалъ головою:—Видывалъ, голубочка. Когда прежде жилъ въ Петербургѣ, бывалъ въ оперѣ,—видѣлъ. Красавицы! Видишь ли, голубочка: по моему,—ну, да вотъ покажи мнѣ свою Савелову,—ну, покажи. Впередъ знаю: ничего особеннаго.

— Ахъ, не люблю, когда ты такъ врешь. Лучше разсказывай о немъ. Вотъ, еслибъ у меня былъ такой мужъ, или хоть любовникъ,—ахъ, какъ бы я любила его!

— Ну, голубочка, это еще неизвѣстно, стоило ли бы любить;—основательно возразилъ мужъ:—Были-жъ у тебя женихи не хуже его,—что же не шла?

— Ахъ, нѣтъ, такого не было!—О немъ ты не смѣй и говорить! Это прелесть, прелесть! — Да что же ты знаешь о немъ, говори скорѣй! — Ахъ, еслибы можно было отнять его у нея! Ахъ, отняла бы, отняла бы, мой другъ! Ахъ, зачѣмъ она лучше меня! Я отняла-бъ его у нея! Отняла бы, отняла бы, мой другъ! — Нѣтъ, лучше разсказывай о немъ, а то я готова плакать; — ахъ, какая досада!

Мужъ покачалъ головою. Въ самомъ дѣлѣ, странно было то, какъ думала о себѣ смуглая дама. Она никогда, нигдѣ не встрѣчала соперницъ себѣ. Когда она бывала въ театрѣ, и продажныя, и непродажныя аристократки красоты зеленѣли и багровѣли отъ зависти. Она одна не хотѣла замѣчать эффекта, который производитъ.—Впрочемъ, ея мужъ находилъ это нисколько не удивительнымъ: живость характера не оставляла ей досуга наблюдать, производитъ ли она эффектъ. На балѣ она была занята баломъ, танцами, разговорами; въ оперѣ — оперою, разговорами съ тѣми, кто сидѣлъ подлѣ нея. А главное, она приходила въ восхищеніе отъ каждой хорошенькой блондинки. она любовалась на блондинокъ до того, что забывала о себѣ, и даже не любила себя: зачѣмъ она не такая бѣленькая, бѣленькая, зачѣмъ у нея не го-

лубые глаза?—Когда ее заставляли замѣчать, какъ отвлекаются ею глаза мужчинъ отъ всѣхъ, и отъ блондинокъ, и отъ брюнетокъ, она говорила, что мужчины глупы, слѣпы, и черезъ четверть часа забывала о нихъ, чтобы восхищаться какою-нибудь блондинкою.—Такъ, она слишкомъ мало думала о себѣ и послѣ, когда ей много разъ указывали эффектъ, какой она производитъ въ большихъ собраніяхъ. Но теперь она еще только начинала выѣзжать въ общество, и любовникъ Савеловой былъ первый человѣкъ въ Петербургѣ, лицомъ котораго она увлеклась. Въ первый разъ послѣ дѣвическихъ лѣтъ, о которыхъ теперь она вспоминала какъ о ребяческихъ, она подумала о томъ, хороша ли она собою,—и готова была расплакаться отъ досады, зачѣмъ она не блондинка.

— Другъ мой, скажи мнѣ, что̀ это со мною?—начала она, наполовину смѣясь, наполовину грустно:—Неужели я дѣлаюсь глупою дѣвчонкою въ мои лѣта? Неужели я могу влюбиться?—Это было бы смѣшно, мой другъ.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, голубочка,—отвѣчалъ основательный мужъ.

— Но мнѣ кажется, я въ самомъ дѣлѣ готова была бы полюбить кого-нибудь... Я такъ увлеклась,—не смѣшно ли это?

— Что касается собственно до этого, голубочка,—глубокомысленно отвѣчалъ мужъ: — это, разумѣется, еще ничего не значитъ; — стала говорить со мною, заговорилась, расфантазировалась. Пустяки.

Она задумалась. — Но, разсказывай, что̀ ты знаешь о немъ; — сказала она, опять смѣясь:—Не могу отнять его у Савеловой, такъ и быть. Но хочется полюбить кого-нибудь,—вотъ, увидишь, найду себѣ любовника.

— Ну, посмотримъ, голубочка,—желаю тебѣ, чтобъ нашла еще лучше этого. А впрочемъ, и этотъ хорошій человѣкъ, не говоря о томъ, хорошъ ли собою; — флегматически пошутилъ мужъ, и сталъ разсказывать основательно.

Фамилія молодого человѣка была Нивельзинъ. Мужъ смуглой дамы встрѣчалъ его, когда бывалъ у Рязанцева, тогдашняго авторитета петербургскихъ прогрессистовъ. Молодой человѣкъ не возвышалъ голоса между знаменитостями петербургскаго либерализма, и мужъ смуглой дамы едва обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими словами, но довольно слышалъ о немъ отъ Рязанцева.

Рязанцевъ очень хвалитъ Нивельзина, и, кажется, справедливо; да, справедливо,—подтвердилъ самъ себя основательный разсказчикъ, подумавши:—по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что Нивельзинъ очень хорошій человѣкъ и безусловно честный. Нѣтъ, мало того: и даровитый человѣкъ, и при этомъ очень скромный; да, очень: говоритъ о себѣ, что долженъ еще учиться; — больше слушаетъ, нежели говоритъ: какъ же? — тамъ разсуждаютъ такіе мудрецы!— Рязанцевъ и другіе, — такіе ученые, знаменитые, что остается только слушать! — Онъ скромный человѣкъ, онъ мало говоритъ, а между тѣмъ, когда скажетъ что-нибудь, всегда умно и дѣльно.

Онъ помѣщикъ, довольно богатый. Отецъ его, важный генералъ, отдалъ сына въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Сдѣлавшись офицеромъ, сынъ продолжалъ учиться. Отецъ находилъ это лишнимъ. Были размолвки. Сынъ остался при своемъ, и поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Тогда это считалось неприличнымъ аристократу. Отецъ негодовалъ. Но сынъ пріобрѣлъ репутацію офицера, подающаго высокія надежды. Отецъ примирился. Сынъ пошелъ по службѣ очень быстро. Но какъ умеръ отецъ, подалъ въ отставку.

Онъ математикъ и астрономъ. Его уважаютъ, какъ ученаго. Его работы печатаются въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ.

Прежде онъ былъ вѣтренникомъ. Да и не могъ не быть: свѣтскія дамы вѣшались ему на шею. И натурально, что вѣшались: надобно признаться — хорошъ собою, и блистательный человѣкъ. Да, вѣтренничалъ. Но потомъ почувствовалъ, что увлекаться кокетками пошлость, и сталъ чуждаться большого свѣта. Этой перемѣнѣ сильно помогло то, что онъ заинтересовался общественными вопросами.

Поѣхалъ въ свое помѣстье. Честно устроилъ свои отношенія съ крестьянами, не жалѣя уменьшить свои доходы, чтобы облегчить совѣсть. Да, онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ богатыхъ людей, у которыхъ честный образъ мыслей примѣняется къ дѣлу.

Между тѣмъ, Нивельзинъ повернулъ на Невскій, перешелъ Аничковъ мостъ. Карета съ Савеловымъ переѣхала Аничковъ мостъ.

Нивельзинъ вошелъ въ богатый модный магазинъ. Карета съ Савеловымъ остановилась, немножко недоѣзжая магазина.

— Къ тротуару, направо, — сказала смуглая дама извозчику. — Теперь можешь ѣхать домой,—замѣтила она мужу:—Радъ?

— Натурально, голубочка; ну, а погляжу, какъ ты пойдешь.

— О, какой ты чудакъ, мой другъ!—Смѣшнѣе всякаго жениха!

— Ну, что за важность, что тебѣ смѣшно, голубочка, — совершенно основательно возразилъ онъ.

Она взошла въ магазинъ. Онъ велѣлъ извозчику ѣхать назадъ; извозчикъ сталъ поворачивать лошадь.

— Милостивый государь, позвольте сдѣлать вамъ одинъ вопросъ,—сказалъ съ тротуара твердый и спокойный голосъ. Мужъ смуглой дамы оглянулся: подходилъ тотъ высокій студентъ съ безстрастнымъ лицомъ.

— А, это вы!—Извольте; какой вопросъ?—Мужъ смуглой дамы умѣлъ разговаривать очень замысловато: онъ не показывалъ виду, что понимаетъ, о комъ будетъ вопросъ.

— Кто эта дѣвушка?

— А, такъ и вы не угадали! — Точно, никто не угадываетъ. Она три года замужемъ.

Смуглыя женщины вообще кажутся старше своихъ лѣтъ. А ее всѣ принимали за очень молоденькую дѣвушку, хоть она была три года замужемъ, и имѣла двадцать лѣтъ, выходя замужъ.—Когда она говорила, что она замужемъ, ей отвѣчали: „вы смѣетесь“; когда она говорила, что она уже давно замужемъ, что у нея уже есть сынъ,—перестали сомнѣваться, что она мистифируетъ; когда она говорила, что ей уже двадцать четвертый годъ, ей отвѣчали тѣмъ, что формально объяснялись въ безграничномъ уваженіи и просили ея руки, потому что на такую неловкую мистификацію нельзя было обращать уже никакого вниманія.

— Да, милостивый государь, она давно повѣнчана;—продолжалъ хитрый человѣкъ, усиливая впечатлѣніе своей замысловатости въ разговорахъ остроумнѣйшими оборотами словъ: — Я могу ручаться вамъ, что она давно замужемъ, потому что самъ былъ на ея свадьбѣ.

По лицу студента пробѣжало что-то похожее на легкую тѣнь, но мгновенно и едва замѣтно.—Она ваша супруга?

— Да. А вы, должно быть, вздумали влюбиться въ нее?—Хитрый человѣкъ былъ не только чрезвычайный хитрецъ, но и великій мастеръ шутить. Умѣстны ли шутки или неумѣстны, умны или глупы, это выходило какъ случится; его забота была только то, чтобъ выходило, по его мнѣнію, шутливо:—но не огорчайтесь на меня. Я не думалъ, что она повѣнчается со мною. Я не былъ влюбленъ въ нее, молодой человѣкъ. Я былъ тогда благоразумнѣе васъ;—впрочемъ, мнѣ было тогда двадцать пять лѣтъ. Въ ваши лѣта простительно быть неблагоразумнымъ.

— Вы шутите, но, въ сущности, вы правы,—отвѣчалъ студентъ, уже давно сдѣлавшійся попрежнему безстрастнымъ.—Глупо влюбляться въ такихъ женщинъ,—если есть на свѣтѣ такія женщины. Надобно молиться на нихъ. Я и думалъ, что я не забывалъ этого. Изъ вашихъ словъ я вижу, что кажусь нѣсколько влюбленнымъ. Но если вы и не ошиблись, это чувство совершенно ничтожно: я человѣкъ апатическій.

— Мнѣ самому такъ показалось; иначе, развѣ сталъ бы я шутить?

— Я не могъ думать, что она уже вышла замужъ, и подходилъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы узнать, какимъ образомъ могъ бы я познакомиться съ ея родными. Теперь прошу позволенія бывать у васъ.

— Признаться вамъ сказать, я очень мало тутъ значу. Заходите ко мнѣ;—если понравитесь ей, прекрасно; если нѣтъ, то я самъ по себѣ,—извините за откровенность,—не стану приглашать васъ. Я, признаться сказать, не люблю никакихъ знакомствъ. Но полагаю, что она полюбитъ васъ. Вы, должно быть, умный человѣкъ,—потому что такъ ей показалось.—Вотъ вамъ.—онъ вынулъ свою карточку.—Заходите.

— Вы Алексѣй Иванычъ Волгинъ?—съ нѣкоторою оживленностью сказалъ студентъ, взглянувъ на карточку.

— Да-съ,—флегматически отвѣчалъ мужъ смуглой дамы, и вслѣдъ за тѣмъ взвизгнулъ пронзительнымъ ультра-сопрано, отъ котораго зазвенѣли стекла въ сосѣднихъ окнахъ:—Ххи-ххи-ххи-ххa-ххa-ххa-ххо-ххо-ххо!—изумительная рулада перелилась черезъ теноровые раздирающіе ухо звуки въ контра-басовый ревъ, отъ котораго, сквозь шумъ экипажей, загудѣла мостовая:—Ххо-ххо-ххо-ххa-ххa-ххa-ххи-ххи-ххи!—поднялась рулада опять до пронзительнаго визга.—Ххи-ххи-ххи!—А вы, я вижу, мой поклонникъ?—Вотъ находка!—Драгоцѣнность!—Въ цѣлой Россіи только два экземпляра: вы, да я самъ.—Ну, прощайте. Заходите. Думаю, что жена полюбитъ васъ. Прощайте.—Нѣтъ, позвольте: въ которомъ курсѣ вы?

— Я студентъ Педагогическаго Института, а не университета. Кончаю курсъ.

— Ну, вотъ видите, я чуть не сдѣлалъ глупости, забывши спросить.—Кончаете курсъ, то прежде кончайте курсъ: экзамены на носу,—или уже начались? Занимайтесь. Кончите, тогда заходите.—Прощайте.—Погодите, опять глупо: не сообразилъ. По окончаніи курса васъ пошлютъ изъ Петербурга чортъ знаетъ куда?—Такъ заходите теперь.

Студентъ подумалъ.—Нѣтъ, я не буду у васъ до окончанія курса. Тогда

я прійду къ вамъ съ какою-нибудь статьею. Надобно приготовить что-нибудь прежде, чѣмъ идти къ вамъ.

— Хорошо. Но васъ отправятъ чортъ знаетъ куда?

— Нѣтъ. Я останусь въ Петербургѣ.

— Вашъ скотина директоръ любитъ васъ?

— Нѣтъ. Но товарищъ министра знаетъ меня и обѣщалъ.

— Ну, это плохая надежда: тряпка.

— Кромѣ того, я даю уроки у Илатонцева: это вельможа. Онъ хочетъ, чтобы я продолжалъ ихъ.

— А, когда такъ, то другое дѣло. Попроситъ, и останетесь, правда. Прощайте, наконецъ.—Да, опять забылъ: а фамилія-то ваша какъ же?

— Левицкій.

— Ну, прощайте,—ххи-ххи-ххи—мой поклонникъ—ххо-ххо-ххо-ххи-ххи-ххи... залился онъ пронзительными и ревущими перекатами по всѣмъ возможнымъ и невозможнымъ для обыкновеннаго человѣческаго горла визгамъ, воплямъ и грохотамъ.

Мелодичности своихъ руладъ онъ нисколько не удивлялся, но рѣшительно не понималъ и самъ, какъ это визгъ и ревъ выходятъ у него такіе оглушительные, когда онъ расхохочется. Обыкновеннымъ голосомъ онъ говорилъ тихо, и пока онъ не начиналъ, по забывчивости, давать волю своей глоткѣ, никто бы не могъ ожидать, что онъ перекричитъ и пѣтуха, и медвѣдя.

— Я пришла къ вамъ не покупать наряды,—сказала Волгина хозяйкѣ магазина въ отвѣтъ на фразу о пріятности новаго знакомства:—мнѣ надобно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Любезно-вопросительное выраженіе лица магазинщицы смѣнилось одобрительно-скромнымъ.—Мой магазинъ въ полномъ вашемъ распоряженіи. Смѣю васъ увѣрить, что ваше довѣріе ко мнѣ будетъ оправдано. Прошу васъ,—она отворила дверь въ свою квартиру:—намъ удобнѣе будетъ продолжать разговоръ въ моей гостиной.

— Конечно;—сказала Волгина. Черезъ большой залъ съ великолѣпными зеркалами онѣ прошли въ гостиную, очень роскошную.

— Прошу васъ. Здѣсь мы можемъ говорить совершенно свободно.—Онѣ сѣли.

— Я пришла за тѣмъ, чтобы предупредить молодого человѣка въ гороховомъ пальто, который сейчасъ вошелъ сюда, что за нимъ слѣдитъ господинъ,—имя котораго онъ, вѣроятно, угадаетъ.—Отъ самой квартиры за Нивельзинымъ ѣхала голубая карета;—онъ не замѣтилъ: скажите ему, что нехорошо быть такимъ неосмотрительнымъ. Карета стоитъ теперь у вашего подъѣзда. Онъ увидитъ ее. Пусть онъ сейчасъ уходитъ отсюда.

— О, Боже!—Какое было-бъ это несчастье! Monsieur Saveloff такъ силенъ! Онъ погубилъ бы меня!—Магазинщица, всплескивая руками, вскочила идти.

— Прошу васъ, дослушайте же.—Отдайте ему эту перчатку,—Волгина сняла перчатку съ правой руки,—и пусть онъ любуется на нее, идя отсюда.

Я выйду черезъ минуту и тоже пойду мимо кареты,—конечно, тотъ господинъ въ каретѣ будетъ ждать даму Нивельзина,—я уроню зонтикъ, буду поправлять шляпку,—словомъ, тотъ господинъ увидитъ, что у меня одна рука въ перчаткѣ, другая безъ перчатки,—онъ увидитъ, что Нивельзинъ любовался на мою перчатку.—Да берите же, несите ему,—берите же.

Хитрое, дурное лицо магазинщицы сдѣлалось честнымъ.

— Нѣтъ, я не возьму вашу перчатку. Я не могу допустить, чтобы вы такъ ужасно компрометировали себя. Онъ уйдетъ, этого будетъ довольно.

— Нѣтъ, этого не будетъ довольно. Карета стала бы ждать, и дождалась бы. Вы сами говорите, что господинъ, который сидитъ въ каретѣ, умѣетъ мстить; той, которую онъ подозрѣваетъ, онъ можетъ мстить сильнѣе, нежели вамъ. Она погибла, если войдетъ сюда прежде, нежели убѣдится, что подозрѣвалъ напрасно, что Нивельзинъ былъ здѣсь для меня.—Самого Нивельзина я не хочу видѣть; но ей я оставлю мой адресъ, и мы подумаемъ, что ей дѣлать.

— Вы не знакома съ madame Saveloff? И такъ ужасно компрометируете себя для нея?

— Идете вы, или нѣтъ?

— Вы не знакома съ madame Saveloff?

— Не знакома, или дружна, какъ вамъ угодно, только идите же.

— Если вы не знакома съ нею, почему-жъ вы знаете, что ея еще нѣтъ здѣсь?

— Какъ вы сердите меня!—нетерпѣливо сказала Волгина:—Кто-жъ не знаетъ, что мужчина приходитъ на свиданье первый, пока женщина еще не надоѣла ему. Почему я знаю, что она еще не надоѣла ему?—Можете полюбопытствовать послѣ, а теперь идите.

— Вы не знакома съ нею,—не знакома или во враждѣ съ нимъ, потому что не хотите видѣть его,—и между тѣмъ такъ ужасно компрометируете себя для нея!

— Кажется, вы уже начинаете подозрѣвать, нѣтъ ли у меня злого умысла?—Это лишнее.—Идете вы или нѣтъ?—Я съумѣю обойтись и безъ васъ.—Брови Волгиной сдвинулись:—Идете вы или нѣтъ?

— Иду,—проговорила модистка, торопливо вставая.

— Берите же перчатку,—забыли.

Модистка побѣжала, и черезъ минуту вернулась:

— Онъ умоляетъ васъ сказать ваше имя,—онъ хочетъ знать, кто та, которой онъ обязанъ такъ...

— Умолять не было надобности, услышалъ бы отъ той дамы. Мое имя Волгина. Да пусть же онъ уходитъ поскорѣе.

Модистка убѣжала и возвратилась, запыхавшись:

— Онъ не знаетъ васъ, но знаетъ вашего супруга... Я не могу найти довольно словъ, чтобы достаточно выразить вамъ свою благодарность. Вы спасли репутацію моего магазина,—я такъ дорожу ею!—Повѣрьте, это былъ совершенно исключительный случай, что я согласилась на просьбу madame Saveloff. Я такъ привязана къ этой милой, милой молодой дамѣ, что у меня не достало бы силъ отказать ей ни въ чемъ. Только поэтому, только для нея

нарушила я свое неизмѣнное правило съ негодованіемъ отвергать подобныя просьбы...

Волгина засмѣялась.—Все это прекрасно. Но я сдѣлаю вамъ маленькій выговоръ. Съ какой стати заговорили вы о madame Saveloff?—Я не говорила ни о какой madame; я говорила только о monsieur Nivelsine.

— Я согласна, это была ошибка съ моей стороны. Но въ сущности, тутъ не было нескромности. Понятно, вы должны были знать, кто она: вы выдѣли, кто слѣдитъ за monsieur Nivelsine.

— Я могла видѣть, что за нимъ слѣдитъ кто-то, и не знать кто.—Но, я думаю, Нивельзинъ уже довольно далеко, и я могу идти.

Слушая разсказъ жены о развязкѣ этого маленькаго приключенія, Волгинъ погружался въ размышленія, потому что былъ человѣкъ искусный въ размышленіяхъ.

— Ну, хорошо, голубочка; только ты скажи мнѣ: по-русски говорила ты съ этою магазинщицею, или, я думаю, по-французски?

— По-французски, мой другъ; думала, совсѣмъ забыла, нѣтъ, еще могу говорить, хоть не очень хорошо.

— Нѣтъ, голубочка, я вотъ о чемъ: какъ же она говорила тебѣ?—„Вы“—по твоимъ словамъ выходитъ,—„вы“...

— Да, vous,—что-жъ такое?—vous.

— Гм!—то-то же и есть!

— Что же такого особеннаго тутъ?

— Нѣтъ, я такъ, голубочка, ничего.—Онъ размыслилъ, что въ разговорахъ съ незнакомою дамою по-французски обращаются къ ней не словомъ „vous“, а словомъ „madame“. Но еслибъ онъ высказалъ свое соображеніе, что вотъ и магазинщица принимала ее за очень молоденькую дѣвушку,—потому-то и спорила противъ нея,—то жена съ досадою сказала бы:—„И охота тебѣ говорить мнѣ такой вздоръ!“—Потому онъ умолчалъ свое размышленіе о vous и madame, а обратился къ другому размышленію.

— Но вотъ что, голубочка. Ты сказала ей: „Эта дама еще не здѣсь, потому что мужчина приходитъ на свиданье первый, пока женщина не надоѣла ему“; согласенъ, такъ. Но почему-жъ ты могла знать, что Савелова еще не надоѣла ему?—А впрочемъ, это удивительно, какъ я глупъ!—воскликнулъ онъ, не переводя духа, и въ живѣйшемъ восторгѣ отъ своего удивительнаго открытія:—Само собою, это было видно изъ того, какъ онъ шелъ на свиданье!—Не то, чтобы заглядываться на женщинъ, которыя встрѣчались,—онъ подъ ногами у себя земли не слышалъ. Да, онъ сильно влюбленъ въ нее. Это видно. Увѣряю тебя, голубочка.

— Вѣрю;—сказала она, засмѣявшись.—Но уйду, не буду мѣшать тебѣ работать. И такъ я отняла у тебя много времени этою прогулкою и своею болтовнею. И вотъ, еще заставляю тебя знакомиться съ Нивельзинымъ.

— Да;—воскликнулъ онъ отъ новаго соображенія:—что-жъ это ты, голубочка, не захотѣла видѣть-то его?—Неужели тебѣ пришло въ голову, что лучше и не знакомиться съ нимъ?—Да это пустяки, голубочка!

— Да не сейчасъ ли я сказала, что мы будемъ знакомы съ нимъ, и что мнѣ жаль, что заставляю тебя тратить время на него?—Ты слишкомъ разсѣянъ, мой другъ.

— Это твоя правда, голубочка,—согласился глубокомысленный мужъ:—но какъ же это, что онъ будетъ отнимать у меня время?—Какимъ же это образомъ?—Твой гость, а не мой.—Я своихъ гостей не люблю. А твои—что мнѣ? Всѣ они вмѣстѣ, много ли мѣшаютъ мнѣ?—Ну, сама скажи: много ли?

— Онъ, мой другъ, не то, что мои гости. Онъ старше ихъ, и ученый. Съ нимъ ты не будешь безъ церемоніи, какъ съ этими ребятишками.

— Правда твоя, голубочка:—согласился онъ:—но не велика важность.—Да, такъ почему-жъ ты не захотѣла видѣть его?

— Я вздумала, что прежде надобно увидѣться съ нею; потому что, мнѣ кажется, тутъ что-нибудь не такъ: едва ли тутъ серьезная любовь съ обѣихъ сторонъ.

— Почему-жъ ты вздумала это, голубочка?—А впрочемъ, натурально, это всего вѣроятнѣе;—тотчасъ же размыслилъ онъ, потому что былъ чрезвычайно быстръ въ соображеніяхъ:—это очень вѣроятно, голубочка: потому что, увѣряю тебя: „люблю“, „люблю“,—думаешь, и точно, серьезно,—а выходитъ, обыкновенно, пустыя слова. Увѣряю тебя, голубочка.

— Вѣрю;—сказала жена, засмѣявшись.—Но работай, не мѣшаю тебѣ.

— Да, это твоя правда, голубочка,—подтвердилъ онъ.—Оно точно, что нынѣшній день мнѣ надобно нѣсколько поработать.

— Да, „нынѣшній день“ и „нѣсколько“.—Она вздохнула.—Другъ мой, ты убиваешь себя.

— Э, пустяки, голубочка, совершенно пустяки,—сказалъ онъ вслѣдъ ей.

На слѣдующее утро Волгинъ лежалъ, перебирая пальцами свою рыжеватую жиденькую бороду, чѣмъ занимался только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Обстоятельства были такъ затруднительны, что онъ не могъ продолжать работу; легъ читать—и то не шло. Четверть часа назадъ жена взошла и спросила, не надобно ли ему ѣхать куда-нибудь: она взяла бы его, ей все равно, она хочетъ прокатиться.—Нѣтъ, ему никуда не нужно.—„Если такъ, мой другъ, то и прекрасно. Быть можетъ, пріѣдетъ Савелова. Ты пріими ее. Я скоро вернусь; только пройду въ Гостинный дворъ.“—Не предвидѣлъ онъ, что выйдетъ ему такая коммиссія!—Пріѣдетъ, пріими ее!—А впрочемъ, что за важность?—утѣшалъ онъ себя.—Можетъ быть, она и не пріѣдетъ нынѣ. Или, можетъ быть, Лидія Васильевна возвратится раньше того. А если и не такъ, что за важность?

— Алексѣй Иванычъ,—сказала служанка,—пріѣхала Савелова; я попросила ее взойти, какъ велѣла Лидія Васильевна, потомъ сказала, что Лидія Васильевна скоро будетъ, а вы дома. Пожалуйте.

— Ничего. Надобно только умѣть держать себя, то и ничего.—Онъ повязалъ галстухъ, сбросилъ халатъ и надѣлъ пальто, безо всякой трусости.

— Жена извиняется передъ вами—очень развязно началъ онъ, входя въ гостиную и дѣлая усердный поклонъ прежде, нежели успѣлъ разобрать.

въ какой сторонѣ комнаты гостья, и туда ли онъ обращается съ поклономъ, куда слѣдуетъ:—Жена извиняется передъ вами: она не была увѣрена, что вы пріѣдете нынѣ; она скоро... На этомъ пресѣклось объясненіе, и голова развязнаго хозяина, поднимавшаяся изъ глубокаго поклона, заморгала, заморгала: онъ постигъ, что ляпнулъ непростительнѣйшую неловкость: онъ знаетъ, что она должна была пріѣхать къ его женѣ,—стало быть, знаетъ, по какому случаю пріѣхала!—Какъ онъ глупъ!—И что она подумаетъ о Лидіи Васильевнѣ?—Какое право Лидія Васильевна имѣла сообщать ему чужую тайну? —Всѣ эти мысли съ быстротою молніи пронеслись въ его умѣ, потому что онъ былъ необыкновенно быстръ въ соображеніяхъ; онъ заморгалъ въ отчаяніи; но отчаяніе и дало ему силу: онъ махнулъ рукою, приподнимавшеюся перебирать бороду, и не моргая, прямо смотря въ глаза гостьѣ, быстро заговорилъ:

— Не вините Лидію Васильевну: она умѣла бы молчать и передо мною. Но дѣло вышло такъ, что я былъ свидѣтелемъ. Мы шли вмѣстѣ. Я знаю въ лицо вашего мужа. Я не могъ не понять, что это значитъ. Да и не опасайтесь меня: я неловокъ; но, повѣрьте, я не совершенно безчестный человѣкъ.

Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза Савеловой. Но онъ и вообще не былъ мастеръ наблюдать, а тутъ, вдобавокъ, былъ взволнованъ стыдомъ за свою неловкость, и усердіемъ оправдать жену. Потому онъ рѣшительно не замѣтилъ, какія впечатлѣнія смѣнялись на лицѣ Савеловой. Вѣроятно, она была озадачена. Можетъ быть, испугалась. Но объ этомъ онъ могъ только догадываться: видѣть, онъ ничего не видѣлъ. А впрочемъ, онъ видѣлъ все, какъ слѣдуетъ, и совершенно согласно съ тѣмъ, какъ описывала Лидія Васильевна. Онъ видѣлъ, что Савелова высокая, очень молодая,—года двадцать два,—бѣлая, нѣжная, съ большими темно-голубыми глазами, что она изъ тѣхъ женщинъ, которыя считаются очаровательными красавицами:—ну, и прекрасно, тѣмъ больше, что Лидія Васильевна находитъ ее дивною, прелестною;—пусть такъ и будетъ,—уступчиво рѣшилъ онъ.

— Madame Волгина скоро возвратится, по вашимъ словамъ?—Я подожду ее. А пока поговорю съ вами, monsieur Волгинъ. Сядемъ.

Прекрасно. Теперь ему нѣтъ надобности смотрѣть на нее, пока усядется. Онъ сталъ разсматривать полъ, самъ занимаясь размышленіями, приличными случаю. Онъ не замѣтилъ никакого волненія въ ея голосѣ. Ему показалось, что она такъ спокойна, будто пріѣхала съ визитомъ по какому-нибудь изъ обыкновеннѣйшихъ, ничтожнѣйшихъ поводовъ къ дѣланію новаго знакомства. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что слишкомъ усердная свѣтская полировка стерла въ ней все живое и благородное?—Очень вѣроятно.—Но если и такъ, не она виновата; она еще такъ молода, что не успѣла бы сама испортить себя.

А между тѣмъ, онъ не забывалъ обязанности хозяина. Ему было видно ея платье. Онъ наблюдалъ, когда она усядется,—тогда, по его мнѣнію, ему опять надобно будетъ смотрѣть на нее.—Она сѣла, оправила складки платья; —судя по движенію локтей, должно быть, сняла шляпу, оправила волоса.— Хорошо, если она сама придумаетъ разговоръ; а если надобно будетъ ему самому придумать,—что бы такое придумать?—Она опять оправляла складки платья, нѣсколько сдвинувшіяся отъ движенія при сниманіи шляпы... Кончила. О чемъ же выдумать говорить?.. Не выдумывается. Но она сама най-

детъ, она свѣтская, и такъ спокойна. Надобно только опять смотрѣть на нее, она уже сама завяжетъ разговоръ.—Онъ перевелъ глаза съ пола на нее.

Она сидѣла задумчиво и застѣнчиво потупившись. На щекахъ ея горѣлъ румянецъ. Она съ трудомъ переводила духъ.

Онъ мгновенно расчувствовался.

— Вы должны осуждать меня, monsieur Волгинъ,—проговорила она, почти задыхаясь.

— Осуждать?—Помилуйте!—Что вы!—Онъ схватилъ и погладилъ ея руку.—Помилуйте!—Что вы!—Съ чего взяли?

— Я вижу, monsieur Волгинъ, что вы жалѣете меня. Благодарю васъ.

— Вы извините меня, я вовсе не умѣю держать себя;—сказалъ онъ, увидѣвши, что она стала дышать гораздо спокойнѣе, и потому разсудивши, что довольно погладилъ ея руку, и можетъ прибрать свои.—Совсѣмъ не умѣю держать себя; Лидія Васильевна всегда смѣется надъ моею свѣтскостью. Ну, да это пустяки, разумѣется. А если вы съ Лидіею Васильевною вздумаете что-нибудь, такъ это будетъ прекрасно.

— Да, я не знаю что мнѣ дѣлать; посовѣтуйте мнѣ, m-r Волгинъ.

— Лучше подождемте Лидію Васильевну,—отвѣчалъ онъ.—Я плохо полагаюсь на свои мнѣнія, даже и по такимъ дѣламъ, которыя кажутся мнѣ очень просты.

И она, должно быть, видѣла, что онъ болѣе способенъ сочувствовать, нежели совѣтывать. Но то, что онъ искренно сочувствуетъ, она видѣла. Она откровенно отвѣчала на его вопросы, полные дружескаго участія: и если она не все договаривала, или даже сама не все понимала, то даже и недогадливому Волгину не трудно было получить довольно точное представленіе и о ея исторіи, и о ея характерѣ.

Ея отецъ—младшій братъ генералъ-адъютанта Агаѳонова, который умеръ съ годъ тому назадъ. Волгинъ слышалъ о генералъ-адъютантѣ Агаѳоновѣ. Это былъ человѣкъ довольно сильный; старый холостякъ, игрокъ, мотъ. Его обѣды были великолѣпны. Онъ умеръ, оставивши порядочные недочеты въ разныхъ кассахъ, откуда могъ черпать, и, кромѣ того, кучу долговъ.

Но ея отецъ не имѣлъ никакихъ сношеній со старшимъ братомъ. Они разошлись еще въ молодости, когда одинъ былъ столоначальникомъ, другой какимъ-нибудь капитаномъ. Когда старшій братъ сталъ важнымъ генераломъ, онъ и вовсе потерялъ охоту помнить о братѣ, котораго никогда не любилъ. Да и вообще, едва ли онъ когда-нибудь любилъ кого-нибудь, кромѣ самого себя.

Ея отецъ—очень смирный человѣкъ; и по честности,—какъ она говорила,—вѣроятно, и по робости, по неумѣнью,—какъ дополнялъ Волгинъ въ своихъ мысляхъ,—онъ не могъ сдѣлаться взяточникомъ.—Слѣдовательно, не могъ и имѣть хорошей карьеры въ тѣ времена,—дополнилъ Волгинъ вслухъ.—Да. Два года назадъ онъ былъ не больше какъ совѣтникомъ губернскаго правленія.

Савеловъ тогда еще не былъ такимъ сильнымъ человѣкомъ, какъ теперь, но уже пріобрѣлъ довѣріе новаго министра. Министръ послалъ его ревизовать ту губернію, гдѣ служилъ ея отецъ. Министръ сказалъ Савелову: „Если найдете нужнымъ отставить губернатора, онъ будетъ отставленъ, хоть у него и

важныя связи; съ другими я еще меньше поцеремонюсь.“ — Савеловъ предложилъ губернатору и вице-губернатору подать въ отставку. То же и другимъ, кого не отдалъ подъ судъ. И точно, всѣ они стоили того: или разбойничали, или прикрывали разбойниковъ. Изо всего состава губернскаго правленія уцѣлѣлъ только ея отецъ.

Однажды Савеловъ сказалъ ему: „Вы назначенъ вице-губернаторомъ.“ Невозможно описать изумленіе и радость ея отца, всего ихъ семейства. До той поры Савеловъ не бывалъ у нихъ. Она и онъ не знали другъ друга. Онъ едва ли и помнилъ, если случайно слышалъ, что она существуетъ на свѣтѣ. Встрѣчаться имъ было негдѣ. Онъ вовсе не бывалъ на губернскихъ балахъ. Она почти не бывала въ высшемъ губернскомъ кругу: у отца было слишкомъ мало денегъ. Она однажды видѣла Савелова въ соборѣ, въ большой царскій праздникъ. Онъ, разумѣется, не замѣтилъ ее за толпою стоявшихъ ближе къ почетнѣйшимъ мѣстамъ.—Теперь онъ сталъ бывать у нихъ. Она понравилась ему. Онъ ей также, — по крайней мѣрѣ, такъ ей казалось тогда. Ей могло казаться это; она могла сама не понимать себя. Правда, ей было уже двадцать лѣтъ; но она почти вовсе не бывала въ свѣтѣ. Правда и то, ей уже дѣлали предложенія; но какіе люди? — или пожилые, или если молодые, то слишкомъ не блестящіе. У нея не было приданаго. А жили они такъ уединенно, воспитана она была такъ скромно, что романическихъ отношеній она не имѣла. Она не видывала вблизи молодыхъ людей, которыхъ можно было бы сравнивать съ Савеловымъ. Онъ красивый мужчина, съ прекрасными манерами. Говорили, что онъ суровъ; но говорили только взяточники. Всѣ честные люди хвалили его. Въ ихъ городѣ онъ казался полубогомъ по своей силѣ въ Петербургѣ. Ея отецъ и мать, еще и не мечтая о возможности предложенія, такъ много говорили о немъ, о блистательной карьерѣ, какая ждетъ его. Могло ли ей не казаться, что онъ нравится ей? — Могла ли она не почесть себя счастливой, когда онъ сдѣлалъ предложеніе?

Такъ она говорила. Даже и недогадливому Волгину не трудно было понять изъ этихъ словъ и ея характеръ, и то, съ какими чувствами выходила она замужъ. — Человѣкъ съ поэтическою дурью или съ неумолимыми принципами думалъ бы о ней очень низко. Но Волгинъ, хотя и простякъ, все-таки зналъ, что люди слишкомъ любятъ рисоваться, и цѣнилъ въ ней то, что она не сочинила ни принужденія со стороны отца съ матерью, ни романическаго увлеченія со своей стороны. Пусть она вышла замужъ больше по разсчету, нежели по увлеченію сердца,—за что презирать ее, когда у нея не было ни расположенія къ другому, ни отвращенія къ тому, за кого рѣшалась идти?— Она, конечно, думала, что пылкія страсти — выдумка поэтовъ, или сумасбродство. Вѣроятно, она и прожила бы весь свой вѣкъ безъ увлеченій, если бы не попала въ общество, гдѣ слишкомъ много блеска и пустоты, праздности, скуки, пронырствъ и волокитства. Она казалась Волгину женщиною кроткаго характера и не пылкаго темперамента: быть можетъ, она увлекалась надеждою блистать въ Петербургѣ, желаніемъ стать важною дамою, — но и женихъ не былъ ни старикъ, ни уродъ. Напротивъ, онъ, дѣйствительно, былъ красивый мужчина, очень изящный. Волгинъ не сомнѣвался въ томъ, что, кромѣ разсчета, было у нея и влеченіе къ нему. Пусть не очень глубокое или поэти-

ческое,—но она и говоритъ о своемъ влеченіи безъ пышныхъ фразъ. Простота и честность нравились Волгину, и онъ всегда называлъ хорошимъ человѣкомъ того, въ комъ находилъ ихъ. За нихъ онъ всегда готовъ былъ извинять и довольно большія слабости.

— Вы не были влюблена въ вашего жениха? — спросилъ онъ, чтобы испытать, не слишкомъ ли полагается на простоту и честность ея характера.— Она поняла, что онъ невыгодно думаетъ о томъ, какъ она шла замужъ, и покраснѣла. Ему показалось, что она и колеблется, какъ отвѣчать. Но если она и дѣйствительно колебалась, она вышла изъ борьбы съ честью для себя, по крайней мѣрѣ, въ его глазахъ ея отвѣтъ дѣлалъ честь ей.

— Нѣтъ, — сказала она, потупивши глаза. — Я не была влюблена въ него; и я не была влюблена ни въ кого, до.... до.... вы знаете.... Она не заплакала. Но видно было, что ей легче бы дать волю слезамъ, нежели сдержать ихъ.

Она и неглупая женщина,—по крайней мѣрѣ, умѣетъ отвѣчать“,—подумалъ Волгинъ:—потому что заставила меня опять нѣсколько расчувствоваться.

Она довольно долго молчала. Потомъ стала говорить довольно спокойно. Ея слова были опять такъ просты, что даже и Волгину было не трудно видѣть изъ ея разсказа всю правду. Впрочемъ, и правда эта была очень проста для пониманія.

Она не была влюблена въ Савелова. Но она была хорошо расположена къ нему. Отъ него зависѣло, чтобъ это чувство сохранилось, упрочилось. Но онъ человѣкъ сухого сердца. Она не была требовательна въ этомъ отношеніи: она не сходила съума отъ любви къ мужу, и ей вовсе не было надобно, чтобъ онъ былъ безъ ума отъ нея. Но она имѣла расположеніе къ нему,—и она не могла быть счастливою, когда поняла, что онъ совершенно холоденъ къ ней.— „Я говорю о его сердцѣ“, — сказала она. — „Зачѣмъ онъ бралъ жену, если жена — существо такое незанимательное для него?—Удобнѣе, лучше для него было бы нанимать маленькую квартиру для какой-нибудь женщины, взятой съ улицы. Это стоило бы ему дешевле, нежели жена. Онъ неспособенъ понимать, что жениться не значитъ только взять женщину на содержаніе. У него сердце, неспособное къ привязанности.“

— Я увѣренъ, что онъ очень привязанъ къ вамъ, — васъ называютъ красавицею,—сказалъ Волгинъ.

— На улицѣ онъ могъ бы найти любовницу очень красивую,—отвѣчала она.—Для него было бы все равно, та или другая женщина, лишь была бы молода и красива.—Но что я говорю?—Онъ вѣренъ мнѣ, а я.... о, до какого униженія довелъ онъ меня!—Я должна сознаваться, что онъ правъ передо мною, а я преступница передъ нимъ!...

Она залилась слезами. Волгинъ разсудилъ,—и совершенно справедливо,— что сдѣлалъ не очень хорошо, заставивши ее плакать.

— На васъ досадно смотрѣть, какими пустяками вы смущаетесь,—извините меня, вы могли уже видѣть, что я не умѣю говорить деликатно. Что вамъ за охота не понимать вашихъ истинныхъ отношеній къ мужу?—Зачѣмъ онъ женился на васъ? — Вы говорите, вы нравились ему. Согласенъ. Но вы сами говорите, всякая красивая женщина съ улицы была бы очень хороша ему,

а стоила бы гораздо дешевле. Значитъ, жена ему была нужна не для него самого, — для общества. Почему онъ выбралъ васъ? Аристократку, — то-есть, настоящую, важную аристократку, — за него не отдали бы тогда; изъ мелюзги, которая воображаетъ себя аристократіею, отдали бы, но какая польза отъ такого родства? — Ему нужно было стать своимъ, въ настоящемъ, сильномъ аристократическомъ обществѣ. Онъ разсчиталъ: „Ея дядя хорошъ въ немъ. Онъ эгоистъ, не хочетъ ничего сдѣлать для родныхъ. Но пусть онъ увидитъ племянницу женою человѣка, который не нуждается въ его протекціи; пусть онъ увидитъ, что она — блестящая молодая женщина. Онъ приметъ ее, какъ самую пріятную находку: пусть она украшаетъ собою его обѣды, вечера.“ — Было это? Хорошо принялъ васъ дядя? Просилъ васъ быть хозяйкою на его обѣдахъ и вечерахъ?

— Да.

— То-то же и есть. И вы вошли въ аристократическое общество?

— Да.

— А вашъ мужъ?

— Конечно, и его не могутъ не принимать хорошо въ тѣхъ домахъ, которые дружны со мною.

— То-то же и есть. Это хорошая вещь подружиться съ аристократами, не переставая быть демократомъ. Какъ ему было втереться самому? Первое, собственно его то и не впустили бы; второе, стараясь втереться, испортилъ бы репутацію демократа. Нынѣ, извѣстно, все реформы; реформировать должны демократы. Надобно было и залѣзть въ высшій кругъ, и сберечь свою славу, что онъ дѣльный реформаторъ. Удалось, какъ видите. И я думаю, онъ говоритъ друзьямъ-демократамъ въ минуты откровенности: „противъ воли якшаюсь съ аристократами и продолжаю ненавидѣть ихъ.“ — Такъ думаетъ Рязанцевъ, — вѣроятно, не самъ выдумалъ, слышалъ отъ него. — Хорошо. Вы производите эффектъ; за вами ухаживаютъ; а вы неглупая женщина. Что же изъ этого? — Натурально: „прошу тебя, душа моя, будь любезна съ такимъ, онъ мнѣ нуженъ“. — „Душа моя, прошу тебя, будь очаровательно мила съ женою, или съ сестрою, или съ теткою такого-то, онъ мнѣ нуженъ“, — позвольте спросить, такъ ли? — Да и спрашивать нечего. — Въ чемъ же, оказывается, вся сущность дѣла? — „Я беру васъ, mademoiselle, переименоваться въ madame и помогать моимъ дѣламъ“. — Вы помогаете. Чего жъ ему больше? — Больше ничего и не требуется.

Раздался звонокъ. По манерѣ звонить Волгинъ узналъ жену. — Ну, вотъ и Лидія Васильевна. Да-съ, чего же ему больше? Вашего расположенія? — Вотъ, очень нужно оно ему! Еслибъ оно было важностью для него, онъ и сохранилъ бы его, вы сами сказали. — Чѣмъ ему огорчаться? — Что онъ, маленькій ребенокъ, что ли? — Не зналъ онъ впередъ, что если женщина окружена поклонниками и потеряла расположеніе къ мужу, то увлечется кѣмъ-нибудь другимъ? — Зачѣмъ же онъ не берегъ вашего расположенія? — Значитъ, самъ рѣшалъ: „Душа моя, конечно, для мужа непріятно, если жена увлекается другимъ, но ты видишь, у меня много интересовъ гораздо поважнѣе этого. Мнѣ съ тобою некогда няньчиться, душа моя. Знаю, ты увлекаешься кѣмъ-нибудь, — но, душа моя, продолжай усердно помогать мнѣ въ дѣлахъ, болѣе важныхъ для меня“. Теперь, вы видите...

Взошла Волгина. Савелова бросилась на шею къ ней. Пока она душила и заливала слезами Лидію Васильевну, онъ перебиралъ пальцами бороду: ловко ли уйти, не договоривши,—и особенно, когда говорилъ съ горячимъ участіемъ?—Неловко.—Но случай уйти, не раскланиваясь, былъ очень хорошъ. Раскланиваться!—Да, если пропустить эту минуту, надобно будетъ раскланиваться.—Онъ пятился къ двери и благополучно исчезъ.

Вчера Савелова съ трепетомъ возвращалась домой. Нивельзинъ оставилъ ей въ магазинѣ записку, наскоро написанную карандашомъ: „Онъ подозрѣвалъ. Но опасность совершенно миновала. Благодарите Волгину". Магазинщица также успокоивала ее. Но она все-таки боялась. Напрасно. Перчатка Волгиной имѣла полный успѣхъ. Савеловъ былъ уже дома, когда жена, сдѣлавши нѣсколько визитовъ, чтобы дать себѣ время сколько-нибудь оправиться отъ волненія, вернулась. Мужъ, противъ обыкновенія, встрѣтилъ ее: онъ дожидался!—Это снова испугало ее. Онъ очень ласково обнялъ ее, и, какъ ей показалось, не замѣтилъ ея смущенія. Она ободрилась и успѣла подавить свое замѣшательство. Но все она еще не знала, какъ понимать его ласковость и веселость. Не притворяется ли онъ, чтобы лучше можно было продолжать слѣдить?—Но ушедши въ свою комнату раздѣться, она увидѣла на столикѣ у трюмо новую коробочку. Это былъ дорогой браслетъ, слишкомъ дорогой по доходамъ ея мужа. Такого дорогого подарка онъ не могъ бы сдѣлать для притворства: видно было, что въ самомъ дѣлѣ онъ былъ въ восторгѣ, забылъ разсчетъ отъ радости. Теперь она перестала сомнѣваться. Но какъ ей тяжело было идти благодарить за подарокъ! — За подарокъ, который сдѣланъ обманщицѣ обманутымъ мужемъ!..

Она съ неподдѣльнымъ чувствомъ говорила о томъ, какъ мучительно было для нея лицемѣрить передъ мужемъ. Она получила награду за вѣрность! — Мужъ былъ въ этой новой сценѣ совершенно довѣрчивъ; ему было даже какъ будто бы совѣстно за себя передъ женою. Еслибъ она захотѣла, она могла вырвать у него признаніе, что онъ подозрѣвалъ ее, — онъ сталъ бы просить прощенія!—Но ей и безъ того было слишкомъ тяжело: она получила награду за вѣрность!

— Пусть онъ перестанетъ подозрѣвать; но надолго ли?—стала говорить Волгина.—Такія опасныя отношенія не могутъ продолжаться.

При первыхъ словахъ ея объ этомъ Савелова заплакала.

— Чего вы требуете отъ меня?—Чтобы я разлюбила Нивельзина? Чтобы я перестала видѣть его?—я не могу.

Волгина была проникнута сожалѣніемъ о бѣдной женщинѣ; но эти слова очень дурно подѣйствовали на нее. Съ чего она вздумала, что отъ нея требуютъ бросить Нивельзина?—Волгина должна была сдѣлать усиліе надъ собою, чтобъ не отвѣчать рѣзко. Но не могла принудить себя говорить съ прежнею нѣжностью. Она не могла притворяться: все, что она могла, было только сдерживать себя.

— Я не говорила, чтобъ вы бросили Нивельзина, — сказала она.—Я сказала только, что это не можетъ продолжаться такъ; и вы сами должна понимать: не можетъ. Ваше положеніе слишкомъ опасно и тяжело. Какъ вы думаете выйти изъ него?

Савелова не замѣтила перемѣны въ ней. Плакала, плакала, и опять бросилась на шею къ ней.—Волгина подавила свою досаду.

— Я слышала, что Нивельзинъ очень хорошій человѣкъ; правда это?— Я слышала также, что онъ пересталъ быть вѣтренникомъ, и я расположена думать, что онъ серьезно любитъ васъ. — Такъ и вамъ кажется? — или я ошибаюсь?

Савелова стала съ энтузіазмомъ говорить о Нивельзинѣ.

— Вѣрю всему, что̀ вы говорите о немъ, и объ искренности его любви къ вамъ. Но я жду, на что̀ же вы рѣшитесь.

Савелова плакала.—Помогите мнѣ!

— Вы видѣли, я и безъ вашей просьбы помогала вамъ.

— Посовѣтуйте мнѣ, что̀ мнѣ дѣлать.

— Послушайте, въ такихъ важныхъ дѣлахъ нельзя поступать по чужому совѣту. Рѣшайтесь сами такъ или иначе.

Савелова плакала. — Я не знаю, на что̀ мнѣ рѣшиться... Давно онъ убѣждаетъ меня бросить мужа... Помогите мнѣ, посовѣтуйте!..

— Ахъ, вотъ что! — сказала Волгина съ досадою, но опять подавила ее.—Онъ убѣждалъ васъ. Почему же вы не рѣшались?—Вы не были увѣрена въ томъ, что его любовь прочна?

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я знаю, онъ любитъ меня!..—Она продолжала плакать.—Помогите мнѣ, посовѣтуйте, что̀ мнѣ дѣлать...

— Совѣтовать вамъ я не могу. Вы не ребенокъ. Помочь? — Извольте. Вы понимаете, что это не можетъ продолжаться такъ. Если вы не рѣшаетесь бросить мужа, я пошлю моего мужа вытребовать отъ Нивельзина, чтобы онъ не видѣлъ васъ больше. Вы говорите, Нивельзинъ благородный человѣкъ, и искренно любитъ васъ,—и я думаю, что это правда; не сомнѣвайтесь же, онъ пойметъ необходимость повиноваться...

Савелова слушала какъ убитая. Встрепенулась и съ энтузіазмомъ воскликнула:—Я рѣшаюсь бросить мужа.

— Я очень рада, если такъ, — сказала Волгина. — Я начинала терять терпѣніе съ вами.—Она стала ободрять Савелову и сдѣлалась опять ласковою; ободряла, хвалила.—Савелова экзальтировалась и была совершенно счастлива своею рѣшимостью.

— Ну, что, голубочка? — спросилъ Волгинъ, обертываясь отъ письменнаго стола къ женѣ, которая, проводивши Савелову, шла къ нему:—Знаешь, она мнѣ понравилась: въ сущности, хорошая женщина. Хочетъ бросить мужа?

— Да. Нивельзинъ уже предлагалъ ей это. Остается только, чтобы ты отправился къ нему, сказалъ, что она согласна. Ты говорилъ мнѣ, нужно трое сутокъ, чтобы получить заграничный паспортъ.

— Это обыкновеннымъ порядкомъ, голубочка. Если захотѣть, можно и скорѣе.

— Помню, ты говорилъ. Но я уже сказала ей, три дня...

— Зачѣмъ же ты сказала, голубочка, „три дня“, когда можно-бъ и скорѣе? — не утерпѣлъ не сказать Волгинъ. Если онъ не могъ пояснить, то уже непремѣнно желалъ поясненій.

— Было бы долго говорить, мой другъ: тебѣ надобно поскорѣе идти къ нему. Но, между прочимъ, я сказала такъ и потому, что вовсе нѣтъ надобности подымать шумъ особенными хлопотами.

— Это твоя правда, голубочка,—согласился мужъ.

— У меня была и другая причина: но послѣ, когда будетъ время говорить. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Но некогда заводить длинный разговоръ.—Я сказала ей, что она не должна теперь ни видѣться съ нимъ, ни переписываться. Ты...

— Натурально, голубочка, —не преминулъ пояснить мужъ.—Имъ обоимъ надобно теперь держать себя посмирнѣе, чтобы не возбудить какъ-нибудь новаго подозрѣнія. Значитъ, и я долженъ сказать ему: не ищите видѣться и не пишите.—Онъ взялъ фуражку.—Какъ же теперь условіе?—Беретъ паспортъ себѣ и еще какой-нибудь женскій,—не на ея имя, конечно, голубочка?—Натурально, не мудрено: ну, тамъ швея какая-нибудь, француженка, ѣдетъ за границу. Понимаю это. Значитъ, только время и мѣсто.

— Въ четвергъ, въ одиннадцать часовъ вечера...

— Правда, голубочка; — не могъ не пояснить Волгинъ. — Въ одиннадцать, будетъ уже ночь. Раньше, еще свѣтло.

На каждомъ словѣ задерживаемая его основательными поясненіями, Волгина досказала и остальныя подробности.

Въ то время желѣзной дороги изъ Петербурга къ западной границѣ еще не было. Кто не хотѣлъ ждать парохода, ѣхалъ на почтовыхъ.—Нивельзинъ, въ дорожной каретѣ, будетъ ждать у квартиры Савеловыхъ.

— Прекрасно, — заключилъ Волгинъ общимъ поясненіемъ, пояснивъ по одиночкѣ всѣ подробности.—Прекрасно, голубочка. Тѣмъ больше, что она понравилась мнѣ.

— Иди же, будь спокоенъ: вѣрю, что она понравилась тебѣ. Не увѣряй больше.

— Эхъ, ты, голубочка, все смѣешься надо мною;—сказалъ мужъ и залился руладою, раскаты которой продолжали долетать до Волгиной и съ лѣстницы.

Нивельзинъ ходилъ по комнатѣ, служившей ему кабинетомъ. Онъ встрѣтилъ Волгина съ боязнью. Волгинъ захохоталъ во все горло по одной изъ многихъ милыхъ своихъ привычекъ:

— Что, видно боитесь, что я стану читать мораль? Оно и стоило бы за вашу вчерашнюю неосторожность. Должны были знать, съ какимъ человѣкомъ имѣете дѣло. Слѣдовало бы осматриваться повнимательнѣе. Ну, да ужь такъ и быть.—Сейчасъ, — ахъ, позвольте, какъ ея имя и отчество?—Я сохраняю нравы доброй старины, не могу говорить, не зная имени и отчества: ну, васъ-то зовутъ Павелъ Михайлычъ, кажется; такъ? — А ее?

— Антонина Дмитріевна. Но умоляю васъ, говорите скорѣе: зачѣмъ вы? что вы знаете о ней?

— Сейчасъ, погодите, попросите прежде сѣсть, — Волгинъ залился руладою отъ восхищенія своимъ остроуміемъ: ха-ха-ха!—Ну-съ, теперь можно. Сейчасъ Антонина Дмитріевна была у насъ,—онъ погрузился въ серьезность,—

и, проводивши ее, Лидія Васильевна прислала меня сказать вамъ, чтобы вы собирались за границу.

— Я зналъ это,—проговорилъ Нивельзинъ, опускаясь, какъ пораженный громомъ.

— Что вы?—Да натурально съ нею!—Она рѣшилась.

— Она рѣшилась!—Она рѣшилась, говорите вы?—Онъ казался помѣшаннымъ отъ радости.

— Само собою, рѣшилась. — Волгинъ погрузился въ размышленіе. — Антонина Дмитріевна очень хорошая женщина, Павелъ Михайлычъ,—произнесъ онъ чрезвычайно поучительнымъ тономъ.

— Какъ поняла она мое чувство къ ней! — съ увлеченіемъ сказалъ Нивельзинъ. — Такое довѣріе ко мнѣ! — какъ она знала, что не обманется во мнѣ!

— Позвольте, Павелъ Михайлычъ,—прервалъ Волгинъ:—о какомъ довѣріи вы говорите? Зачѣмъ же вы думаете о себѣ такъ низко, будто можно не считать вашихъ словъ серьезными?

— Какихъ моихъ словъ? — Нивельзинъ не понималъ въ свою очередь. Но Волгинъ уже успѣлъ сообразить, и потому отвѣчалъ очень ловко, по крайней мѣрѣ, очень возгордился въ глубинѣ души ловкостью своего отвѣта.

— Оно, разумѣется, Павелъ Михайлычъ: съ одной стороны вы и правъ. Она ввѣряетъ вамъ свое счастіе—какъ же не довѣріе?

Нивельзинъ былъ такъ взволнованъ, что не замѣтилъ ловкости, съ какою увернулся Волгинъ. Онъ былъ мало знакомъ съ глубокомысленнымъ дипломатомъ, но достаточно зналъ его за дикаря, который, по разсѣянности и неловкости, очень часто говоритъ вздоръ, ни къ селу, ни къ городу. Вѣроятно, такъ онъ и понялъ замѣчаніе и уступку Волгина: по крайней мѣрѣ, пропустилъ ихъ безъ особеннаго вниманія.

— Она оказываетъ мнѣ великое довѣріе, и какъ возвышаетъ она меня имъ въ моемъ собственномъ мнѣніи! — продолжалъ онъ, и довольно долго, очень горячо толковалъ на эту тему: Савелова оказала ему необыкновенное довѣріе, онъ очень гордится тѣмъ, что она такъ хорошо поняла его чувства.

Волгинъ, какъ человѣкъ, отличавшійся догадливостью нисколько не меньше, нежели ловкостью, теперь уже совершенно ясно понималъ, въ чемъ дѣло: между Нивельзинымъ и Савеловою никогда не было рѣчи о такой развязкѣ, на какую она рѣшилась. Нивельзинъ никогда не предлагалъ ей бросить мужа. Она могла только вообще видѣть, что онъ готовъ былъ бы и умереть за нее, не только посвятить свою жизнь ея счастію. Но онъ никогда не говорилъ ей ничего, кромѣ страстныхъ фразъ, въ которыхъ не бываетъ никакого опредѣленнаго смысла, или, вѣрнѣе, ровно никакого смысла.

„Вотъ это штука!“ — размыслилъ онъ. — „И какъ могла выйти такая штука?“ — При своей необычайной сообразительности онъ не затруднился и объяснить себѣ, какъ могла она выйти, и былъ готовъ головою ручаться, что не ошибается въ своемъ предположеніи; но его прежнее мнѣніе о характерѣ Савеловой значительно измѣнилось отъ этого предположенія.

— Да, она очень понравилась мнѣ;—замѣтилъ онъ, считая обязанностью выразить свою симпатію разгоряченному Нивельзину, восторженно твердившему.

что вся жизнь его будетъ одною непрерывною заботою о счастіи „Нины", какъ называлъ онъ Савелову: — Знаете, я не очень то много наблюдателенъ, но тутъ даже и я увидѣлъ съ перваго раза: — кроткая женщина, не рисуется,—очень хорошая женщина.

— Вы не ошиблись, — подхватилъ Нивельзинъ, и совершенно отдался порывамъ своего чувства, увѣренный въ сочувствіи слушателя. Волгинъ, дѣйствительно, восхищался честностью сердца, раскрывшагося передъ нимъ,—расчувствовался; но и глубокомысленно соображалъ: онъ всегда соображалъ, и всегда глубокомысленно.

Кроткая!—надобно слышать, какъ она говоритъ о своихъ завистницахъ: никогда, ни объ одной изъ нихъ не сказала она злого слова; она умѣетъ мстить имъ только молчаніемъ, если не можетъ мстить услугами. Скромная!—надобно слышать, что говорятъ о ней ея завистницы: при всемъ ожесточеніи принуждены онѣ сознаваться, что въ ней нѣтъ кокетства. Онѣ только могутъ называть ее холодною, лишенною сердца, бѣснуясь отъ досады, что не могли до сихъ поръ найти ни малѣйшаго предлога для сплетень о ней. Какъ стыдится онъ за свое прошлое, сравнивая себя съ нею!—На какія пошлыя увлеченія потратилъ онъ свѣжесть своего сердца!

До недавняго времени онъ былъ пошлымъ человѣкомъ. Единственное хорошее, что было въ немъ—онъ любилъ науку. Но какую?—отвлеченную, которая могла развить умъ, доставить ученую репутацію,—только; она не облагораживала его сердца, и его образъ мыслей оставался мелоченъ, мертвъ, гадокъ. Онъ не думалъ о народѣ, не думалъ о счастіи людей. Отечество было для него—оффиціальный механизмъ, со своею мишурною стройностью, славою. Этому отечеству онъ служилъ, и воображалъ, что исполняетъ весь долгъ гражданина, стараясь помогать увеличенію силъ механизма, который давитъ народъ. Онъ усердно служилъ этому чудовищу своими знаніями — и затѣмъ, считалъ себя въ правѣ не думать ни о чемъ, кромѣ грубыхъ наслажденій. Въ своемъ помѣстьѣ видѣлъ онъ источникъ средствъ для покупки наслажденій, въ женщинахъ — торговокъ, продающихъ наслажденіе собою. — Онъ и былъ правъ, думая такъ о женщинахъ, которыми наслаждался. Пока онъ былъ юношею, не могъ играть роль въ свѣтѣ, онъ кутилъ съ тѣми женщинами, которыя продаютъ себя прямо за деньги. Онъ вошелъ въ свѣтъ и увлекся другими, болѣе граціозными: этихъ надо было покупать, затмевая соперниковъ свѣтскимъ блескомъ: точно такъ же, бросая деньги, только не прямо въ руки имъ, а на лошадей, на всяческія безразсудства, для потѣхи имъ; — а прямо имъ самимъ, вмѣсто денегъ, надобно было давать лесть, — и онѣ отдавались такъ же легко и съ такимъ же сердечнымъ влеченіемъ, какъ тѣ обыкновенныя продажныя женщины...

— Ну, позвольте, Павелъ Михайлычъ, это уже слишкомъ мрачно; — возражалъ Волгинъ, съ неизмѣнною своею основательностью, и совершенно справедливо объяснялъ, что и въ самыхъ отъявленныхъ кокеткахъ часто бываетъ нѣкоторая сердечная теплота, потому что и онѣ тоже люди, слѣдовательно, имѣютъ нѣкоторую потребность привязываться; что въ бѣдныхъ женщинахъ, принужденныхъ продавать себя, это человѣческое чувство проявляется еще менѣе рѣдко. И надобно думать, что довольно многія привязывались къ Ни-

вельзину довольно искренно, потому что онъ и самъ по себѣ очень можетъ нравиться, независимо отъ своихъ денегъ или своей лести.

— Конечно, бывало, что и онѣ привязывались, и я къ той или другой;—соглашался Нивельзинъ.—Но съ обѣихъ сторонъ человѣческое чувство было такъ слабо, такъ мимолетно, такъ загрязнено пошлостью, и такъ легко исчезало, лишь только разводилъ насъ или случай, или новый капризъ.

— И опять же нѣтъ вамъ причины особенно стыдиться за себя,—пояснялъ Волгинъ.—Правда, вы не имѣли порядочнаго образа мыслей, потому провели первые годы молодости въ пошлыхъ кутежахъ и волокитствахъ. Но всѣ молодые люди, имѣвшіе деньги, вели себя тогда не лучше вашего. Время было такое безсмысленное.

— Я думаю, что мнѣ это менѣе простительно, нежели другимъ. Другіе были невѣжды.

— Да, ну это вы самъ справедливо замѣтили: тогдашняя наука была безжизненная, потому и не могла облагораживать человѣка. Общество не требовало отъ человѣка ничего, кромѣ пошлости.

— Вотъ это мнѣ горько, что я не могъ очнуться отъ нея самъ, — сказалъ Нивельзинъ. — Я раскрылъ глаза на свою жизнь и сталъ понимать свои обязанности только тогда, когда пробудилось такое же сознаніе въ цѣломъ обществѣ.

— Объ этомъ уже сказано, Павелъ Михайлычъ:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ...

продекламировалъ Волгинъ и залился руладою, въ одобреніе остроумной цитатѣ. — Аполлонъ, т.-е. общество; подъ именемъ же поэта разумѣй всякаго человѣка. Одинъ воинъ въ полѣ не рать, говоря проще, Павелъ Михайлычъ: потому и хорошій воинъ отлагаетъ оружіе и предается занятіямъ, несвойственнымъ его мужественной природѣ.—Онъ опять залился хохотомъ, потому что и новая острота была очень недурна, по его мнѣнію, а вслѣдъ затѣмъ предался размышленію и вздохнулъ:

— „Пробудилось сознаніе въ цѣломъ обществѣ!“ — Ну, хватили, Павелъ Михайлычъ!—Онъ покачалъ головою и опять вздохнулъ.

— По крайней мѣрѣ, стало пробуждаться,—сказалъ Нивельзинъ. Тогда и онъ увидѣлъ передъ собою вопросы, отъ которыхъ затрещало у него въ головѣ. Какъ должны быть рѣшены они? — Онъ сознался себя невѣждою во всякомъ живомъ знаніи, и ясно было для него только одно: онъ расточалъ на свои пошлости чужія деньги, добываемыя, быть можетъ, не потомъ только, но и кровью; быть можетъ, — потому что онъ не зналъ, какъ живутъ крестьяне его села. Онъ поѣхалъ туда.

— Ну, что же? — и поступили тамъ очень хорошо; Рязанцевъ говорилъ,—одобрилъ Волгинъ.

Правда, Рязанцевъ хвалитъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ прожилъ около года въ деревнѣ не совсѣмъ безъ пользы и для крестьянъ, и для себя. Если что помогло крестьянамъ, то именно его незнакомство съ ихъ бытомъ и на-

добностями. Оно отнимало у него всякую мечту благодѣтельствовать имъ по своему усмотрѣнію. Онъ могъ только спрашивать ихъ, чего они желали бы. Спросивши, онъ сдѣлалъ, какъ они считали хорошимъ. Они, конечно, остались довольны. Но велики ли желанія людей, которые привыкли жить очень бѣдно? Жалкое благосостояніе, благосостояніе по ихъ понятіямъ! — Теперь они даже боятся освобожденія! — Трудно ли удовлетворить желаніямъ людей, которые боятся освобожденія?

— А въ какомъ положеніи были они прежде? Разорены? — спросилъ Волгинъ.

— По ихъ словамъ, и прежде жили хорошо. Хорошо! — Впрочемъ, отвѣтъ ихъ былъ резонный: „Какъ же не хорошо? Гдѣ же въ сосѣдяхъ-то живутъ лучше?“

— Много вамъ стоило поправить это прежнее хорошее? Половины доходовъ?

— Да, около.

— То-есть, больше, нежели половины?

— По двумъ, тремъ годамъ нельзя вывести вѣрнаго разсчета, — отвѣчалъ Нивельзинъ. — Но вообще, я стараюсь какъ можно меньше думать о благоденствіи моихъ крестьянъ: и вспоминать о немъ грустно, а смотрѣть было очень непріятно. Поэтому, я не выдержалъ и одного года въ деревнѣ, хотъ мнѣ очень хотѣлось бы остаться тамъ подольше: развлеченій не было, я могъ читать и думать вволю. Но невыносимо было видѣть крестьянъ съ ихъ довольствомъ.

Онъ поѣхалъ заграницу. Прожилъ съ полгода въ Парижѣ. Тамъ онъ провелъ время недурно. Веселая сторона Парижа осталась неизвѣстна ему: пошлости опротивѣли ему. Но для человѣка, желавшаго учиться, Парижъ былъ хорошъ. Парижскій народъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Европы. Любопытно было всматриваться, чего можно ждать отъ него. Но упадокъ духа въ парижскихъ работникахъ очень великъ. Это тоже своего рода русскіе крѣпостные крестьяне, по широтѣ размѣра своихъ желаній. Разница только та, что у русскихъ крестьянъ и не было никогда желаній болѣе широкихъ; а тамъ были, но убиты. Это еще грустнѣе. Онъ не выдержалъ въ Парижѣ болѣе полугода и поѣхалъ въ Петербургъ; у насъ все-таки жизнь пробуждается, а не замираетъ; гораздо больше отраднаго.

Но то общество, въ которомъ онъ погубилъ свои прежніе годы, конечно, не могло уже привлекать его. Онъ сталъ сходиться съ передовыми людьми Петербурга. Нѣкоторыхъ онъ нашелъ пустыми фразерами. Другіе внушили ему и любовь, и уваженіе. Въ особенности Рязанцевъ, въ которомъ великій умъ, колоссальная ученость соединены съ энтузіазмомъ къ правдѣ, съ пламенною преданностью народному дѣлу. Онъ былъ такъ счастливъ, что пріобрѣлъ расположеніе Рязанцева. У Рязанцева изрѣдка бываетъ Савеловъ. Онъ познакомился тамъ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, которому, къ счастью для русскаго прогресса, открывается такая блистательная карьера.

— Вотъ какъ вы расхваливаете его,—вставилъ Волгинъ:—признаться, я не ждалъ этого.

Нивельзинъ отвѣчалъ, что готовъ, если бы то понадобилось, стрѣляться

на смерть съ Савеловымъ, какъ частный человѣкъ съ частнымъ человѣкомъ, но долженъ признавать его чрезвычайно полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Какъ реформаторъ, онъ безусловно честенъ. Энергія его непреклонна. Онъ преклоняется передъ благороднымъ двигателемъ освобожденія крестьянъ.

Онъ сталъ бывать у Савелова. Не очень часто, потому что время Савелова дорого. Но не рѣдко, потому что Савеловъ желалъ сблизиться съ нимъ, хотѣлъ сдѣлать его однимъ изъ своихъ помощниковъ. Да, это положительно вѣрно. Уже были намеки, довольно ясные. Савеловъ говорилъ съ нимъ о дѣлахъ; давалъ прочитывать ему разные проекты и просилъ дѣлать замѣчанія о нихъ. Говорилъ, что когда будетъ рѣшено освобожденіе крестьянъ, то Нивельзину будетъ надобно бросить „свое бездѣлье“. — Когда Нивельзинъ пріѣзжалъ къ Савелову, то, обыкновенно, обѣдать. Обѣдъ — почти единственный часъ отдыха и свободы для Савелова. Онъ живетъ очень скромно. У него нѣтъ состоянія, и онъ безкорыстенъ. Министръ предлагалъ увеличить его жалованье, онъ постоянно отказывался. Онъ отказался бы и отъ половины того, что получаетъ, если бы не зналъ, что это показалось бы лицемѣріемъ. — Обыкновенно, они обѣдали втроемъ: изрѣдка, чиновникъ, который заработался до обѣда съ Савеловымъ, и оставленъ былъ продолжать работу послѣ обѣда; еще рѣже, — какой-нибудь оффиціальный гость, пожилой, умѣющій говорить только о службѣ. — Иногда Савеловъ оставался съ женою и Нивельзинымъ довольно долго послѣ обѣда; чаще, ему не было времени и Нивельзинъ оставался одинъ съ хозяйкою. Савеловъ былъ чуждъ всякой мысли опасаться Нивельзина; отчасти, быть можетъ, потому, что видѣлъ въ немъ человѣка честнаго, серьезнаго, а главное, человѣка, которому до омерзѣнія надоѣло волокитство; но еще гораздо болѣе потому, что не опасался никого: онъ былъ совершенно увѣренъ въ своей женѣ.

Она вполнѣ заслуживала того. Такой мужъ и не могъ бы вѣрить ей, еслибъ она не заслуживала того вполнѣ. Возвратившись въ Петербургъ, Нивельзинъ почти совершенно пересталъ бывать въ большомъ свѣтѣ. Но у него остались связи съ нимъ. Нивельзинъ зналъ репутацію Савеловой. Страннымъ феноменомъ казалась эта женщина молодымъ людямъ, которые прежде были товарищами Нивельзина по вѣтренности, и изъ которыхъ иные оставались теперь его пріятелями, потому что и сами отчасти подверглись перемѣнѣ къ лучшему. Между множествомъ кокетокъ, довольно большимъ количествомъ искреннихъ вѣтренницъ, въ большомъ свѣтѣ есть, хоть и немногія, молодыя дамы, вѣрныя мужьямъ. Но это или набитыя дуры, у которыхъ недостаетъ ума даже и на то, чтобъ измѣнить, — или женщины, которыхъ никто не желаетъ соблазнять, — такъ ужасно некрасивы онѣ, — или женщины безъ души и сердца, совершенно холодныя эгоистки, разсчетливыя лицемѣрки, злыя завистницы, разсудившія, что надобно затмевать другихъ добродѣтелью, потому что не могли-бы затмить ихъ ни красотою, ни граціею. Но такихъ женщинъ, какъ Савелова, пріятели Нивельзина не видѣли въ аристократическомъ кругу. Она была добра и мила; она была умна. По красотѣ мало было соперницъ ей: по граціозности еще меньше. Толпы поклонниковъ тѣснились къ ней; — она дозволяла говорить себѣ любезности, пока любезности говорились безъ претензій. Но едва любезность переходила границы ничтожной болтовни, она заставляла замолчать; заставляла безъ жеманства, не разыгрывая оскорбленную, не прикидываясь ни

ангеломъ наивности, ни мегерою добродѣтели. Навязчивыхъ глупцовъ она отдаляла отъ себя. Неглупые люди, отказавшись отъ претензій, могли оставаться хороши съ нею; и когда они послѣ говорили ей, что не могутъ понять ее, она отвѣчала: „Я не такъ глупа, чтобы вѣрить, и не такъ вѣтренна, чтобы увлекаться когда не вѣрю“.—Тѣмъ, которые были особенно хороши съ нею, она прибавляла: „Я должна быть въ обществѣ, и люблю его. Но я ѣзжу въ общество за тѣмъ, чтобы поддерживать отношенія, которыми должна дорожить, и вмѣстѣ съ тѣмъ веселиться. Но вовсе не за тѣмъ, чтобы кокетничать, — это дурно; еще меньше за тѣмъ, чтобы влюбляться; влюбиться — значило бы страдать и подвергнуться униженію; я не хочу ни того, ни другого“.—Сначала нѣкоторые глупцы отваживались повторять какую-нибудь сплетню, сочиненную какою-нибудь подлою завистницею. Но ихъ слова были встрѣчаемы такимъ хохотомъ и такимъ презрѣніемъ менѣе глупыхъ товарищей, что они со стыдомъ прикусывали языки. — Довольно давно уже не было и попытокъ сплетничать о Савеловой: кокетки убѣдились, что она не отниметъ ни у одной изъ нихъ ни одного любовника, добродѣтельныя фуріи убѣдились, что никто не повѣрилъ бы новымъ клеветамъ.

Нивельзинъ зналъ, что она не позволила бы волочиться за собою; да и не былъ расположенъ волочиться: пора легкомысленныхъ ухаживаній прошла для него. Но Савелова произвела на него очень хорошее впечатлѣніе: кромѣ своей красоты, также и умомъ, добротою. Когда мужъ уходилъ послѣ обѣда работать, ему было пріятно оставаться съ нею. И ей также было пріятно, что онъ остается: прежде ей почти всегда приходилось проводить одной время между обѣдомъ и началомъ аристократическаго вечера. Они продолжали говорить такъ же, о томъ же, какъ и при мужѣ. Иногда они читали. Они стали дружны.

Это могло бы продолжаться много времени, могло бы продолжаться, быть можетъ, до той поры, пока Нивельзинъ не полюбилъ бы другую, — конечно, дѣвушку, — потому что ему казалось, онъ уже не полюбитъ иначе, какъ съ мыслью жениться. Одно обстоятельство дало его чувствамъ направленіе, какого онъ не воображалъ: онъ увидѣлъ, что Савеловъ держитъ себя въ такихъ отношеніяхъ къ женѣ, которыхъ нельзя одобрить. Она была для мужа не больше какъ должностное лицо. Это лицо должно было исполнять свои обязанности. Одна, не очень важная — замѣнять экономку; другая, гораздо интимнѣе, — замѣнять наложницу; но еще гораздо важнѣе была третья: помогать его возвышенію пріобрѣтеніемъ очень сильныхъ или очень знатныхъ друзей, которые легче и прочнѣе привязываются самою ничтожною внимательностью красивой и граціозной молодой дамы, нежели самыми старательными заискиваніями мужчины. Савелова безукоризненно исполняла двѣ первыя обязанности, съ большимъ успѣхомъ третью. Поэтому она была въ совершенной милости у мужа. Онъ не дѣлалъ ей выговоровъ по хозяйству и по обѣду; напротивъ, часто выражалъ свое удовольствіе тѣмъ или другимъ блюдомъ. Онъ не ѣздилъ ни къ какой лореткѣ и, очень лестно для законной своей одалиски, называлъ себя счастливымъ мужемъ. За хорошее выполненіе своихъ инструкцій о томъ, какъ съ кѣмъ должна она держать себя въ обществѣ, онъ очень любезно благодарилъ ее: однажды,— когда она успѣла наконецъ очаровать долго неподдававшуюся чрезвычайно важную и еще болѣе злую старуху, онъ такъ обрадовался, что благосклонно по-

цаловалъ руку жены,—но и тѣмъ не ограничилъ своей награды: съ глубокимъ чувствомъ сказалъ: „Ты незамѣнимая жена“. Онъ былъ очень милостивый начальникъ.

Довольно долго Нивельзинъ не видѣлъ, что онъ только начальникъ и содержатель своей жены. Въ свѣтѣ было рѣшено, что она любитъ мужа: иначе, она не могла держать себя такъ безукоризненно. А онъ не имѣлъ любовницы: какъ же не владѣла его сердцемъ жена, при томъ же такая красавица?—Конечно, она и владѣла бы сердцемъ мужа,—если-бъ у мужа было сердце.

Нивельзинъ не могъ предполагать, что Савеловъ неспособенъ любить. Можетъ ли благородный гражданинъ быть бездушнымъ эгоистомъ въ частной жизни? — Нивельзинъ и теперь не понималъ, какимъ образомъ это возможно. Онъ только видѣлъ, что въ Савеловѣ это такъ. Ему трудно было замѣтить это, потому что это было неимовѣрно.

Но убѣдившись, что Савеловъ не имѣетъ ни искры теплаго чувства къ женѣ, онъ не могъ не понять, что эта добрая и нѣжная женщина не совсѣмъ счастлива. Въ ней была потребность любви.

Нивельзинъ замѣтилъ, что слишкомъ живо жалѣетъ о ней. Онъ не былъ неопытный юноша, чтобы не разсмотрѣть, какое чувство скрывается подъ симпатіею къ женщинѣ, лицо которой казалось ему очень мило. Онъ не колебался: онъ не могъ сохранить личной привязанности къ человѣку сухой души, но глубоко уважалъ въ Савеловѣ благороднаго государственнаго дѣятеля.....

— Эхъ, вы!—перервалъ Волгинъ, покачалъ головою, размыслилъ и повторилъ съ удвоеннымъ чувствомъ:—Эхъ, вы!—Связать бы васъ съ Рязанцевымъ по ногѣ, да пустить по водѣ!—Онъ залился руладою въ поощреніе остроумію, съ которымъ воспользовался поговоркою.

— Шутки не опроверженія.—сказалъ Нивельзинъ:—факты за насъ съ Рязанцевымъ.

— Хорошо; не спорю; факты,—сказалъ Волгинъ, покачалъ головою и опять превратился въ смирнаго слушателя.

Нивельзинъ не колебался. Онъ сказалъ Савелову, что рѣшился не принимать никакого оффиціальнаго мѣста. — „Прежде мнѣ казалось, что вы не прочь служить, лишь бы съ пользою для общества“, сказалъ Савеловъ.—„Желалъ бы; но увидѣлъ, что неспособенъ“.—Савеловъ сталъ говорить, что когда двинется дѣло объ освобожденіи крестьянъ, будутъ устроены консультативныя коммиссіи, что ихъ члены будутъ пользоваться полною независимостью.—Нивельзинъ отвѣчалъ, что не приметъ никакого назначенія, и потерялъ интересъ для Савелова.

— Вы не были у насъ цѣлую недѣлю,—сказала ему Савелова.

Онъ пересказалъ ей разговоръ, который имѣлъ съ мужемъ въ прошлый разъ. — „Прежде мы съ нимъ думали, что можемъ пригодиться другъ другу. Теперь я нашелъ, что не могу ни быть полезенъ ему, ни получить пользы отъ него“.

— Но онъ всегда будетъ дорожить вашею дружбою.

— Да; и я его дружбою. Но это не резонъ, чтобы я по прежнему отнималъ у него время.

— Если не хотите отнимать времени у него, то у меня отнимайте какъ можно больше. У меня его очень много.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Савеловъ и увезъ его къ себѣ, говоря что такъ велѣла жена.

Прошло еще нѣсколько дней. Она увидѣла его въ оперѣ, призвала въ ложу, осыпала его упреками за то, что онъ забываетъ ее; а она — она скучаетъ безъ него. — Она все еще думала только, что скучаетъ безъ него. Онъ видѣлъ, что она любитъ его. Онъ могъ бы давно видѣть это, если бы не воображалъ, что она уже никого не полюбитъ. Она взяла съ него слово, что завтра онъ обѣдаетъ у нихъ.

Въ тотъ вечеръ онъ очень много думалъ. Его голова стала горѣть. Онъ написалъ ей. Онъ говорилъ ей въ этомъ письмѣ, что не долженъ больше видѣть ее, и умолялъ ее написать ему хоть одно слово, въ утѣшеніе. — Поутру, его голова нѣсколько прояснилась; но было уже поздно: письмо, отданное слугѣ на разсвѣтѣ горячечной ночи, было уже отнесено. — Онъ мучился совѣстью за свою слабость, за свой эгоизмъ, — и былъ радъ, что уже не можетъ поправить свое безразсудство.

Она отвѣчала. Она говорила, что его письмо удивило ее; что она не сердится; что она прощается съ нимъ, но не навсегда. Она проситъ его успокоиться. Они были дружны. Его экзальтація пройдетъ, и тогда они опять будутъ дружны.

Онъ отвѣчалъ. Она отвѣчала опять. Они стали переписываться. Если-бъ его письма попали въ руки ея мужа, они были бы лучшимъ оправданіемъ ей. — Онъ умолялъ ее о свиданіи. Она говорила, что это безразсудно. Онъ покорился, и хотѣлъ только хоть издали видѣть ее: онъ сталъ снова бывать въ обществѣ, гдѣ могъ встрѣтить ее. — Она просила его не дѣлать и этого: они вовсе не должны видѣть другъ друга, даже и въ обществѣ, пока его экзальтація пройдетъ. — Онъ покорился и этому. Она хвалила его послушаніе, благоразуміе, утѣшала тѣмъ, что современемъ они снова будутъ друзьями... Ея письма были иногда залиты слезами; но ея нѣжность всегда была тиха.

Онъ повиновался ея кроткой волѣ. Но силы его разсудка изнемогли. По временамъ, безумные проэкты овладѣвали его мыслями. То ему воображалось, что онъ могъ бы послать вызовъ Савелову, и придумывалъ предлоги для ссоры. То ему мечталось, будто онъ говоритъ Савелову: — „Вы не можете любить никого; ваше великое сердце холодно ко всему, кромѣ великаго, кромѣ желанія заслужить славу, давъ счастіе народу. Я люблю ее. Жду отъ васъ рѣшимости, достойной васъ. Скажите ей, что вы позволяете ей быть счастливою“. — Онъ смѣялся надъ этими фантазіями, но смѣялся съ ужасомъ: онъ чувствовалъ, что начинаетъ терять власть надъ своими мыслями.

Никакія развлеченія не были возможны для него. Онъ старался искать разсѣянія въ физической усталости. Онъ бродилъ изъ улицы въ улицу, пока ноги подламывались. Тогда онъ могъ спать.

Онъ услышалъ, что послѣ-завтра будетъ большой балъ во дворцѣ.

„Она будетъ тамъ, — стало думаться ему. — Она не замѣтила бы меня въ толпѣ“.

На другое утро ему думалось: „Я буду тамъ говорить съ нею. И мужъ ея будетъ тамъ. Я подойду къ нему. Я выпрошу у нея позволеніе бывать у нихъ. Ея мужъ скажетъ: „Что-жъ это, вы совсѣмъ забываете насъ? — Завтра мы будемъ ждать васъ“.

Онъ шелъ по Невскому. Далеко впереди, изъ Караванной, показалась ея карета, проѣхала сотню шаговъ и остановилась у моднаго магазина. Она вышла изъ кареты. Она не видѣла его; онъ былъ очень далеко.

Онъ опомнился только уже отъ того, что рука его взялась за холодную бронзовую ручку двери магазина. — „Идти, или нѣтъ? — подумалось ему. — Идти. Все равно, я увидѣлся-бы съ нею такъ или иначе“.

Она испугалась, увидѣвъ его.—„Одну минуту разговора, и я опять буду послушенъ вашей волѣ“,—сказалъ онъ.—„Безумецъ!—Я думала, что вы уважаете меня“.—„Вы боитесь? — сказалъ онъ съ улыбкою:—Вы боитесь меня? Вы знаете, что вы не должны бояться меня“.—Онъ улыбался, а на глазахъ у него были слезы. — „Я вѣрю вамъ, Нивельзинъ, — сказала она. — Вы не только влюбленъ въ меня, вы другъ мнѣ“.—„Madame угодно будетъ пожаловать въ комнату за магазиномъ, чтобы примѣрять платье?“—скромно и ничего не понимая, сказала магазинщица.

Свиданіе длилось не одну минуту. Но мать, сестра могли бы быть свидѣтельницами его. Савелова сохраняла власть надъ собою. Нивельзинъ былъ покоренъ ея тихому напоминанію: „Милый Поль, я вѣрила тебѣ,—будь же другомъ, достойнымъ моего довѣрія“.

Онъ умолилъ ее согласиться на второе свиданіе. Она была увѣрена и въ себѣ, и въ немъ. Она пріѣхала на второе свиданіе безъ опасеній. И на этотъ разъ она не обманулась ни въ себѣ, ни въ Нивельзинѣ.

Свиданья продолжались. Конечно, они не могли долго сохранить того совершенно идеальнаго характера, какой имѣли въ началѣ. Она привыкла больше и больше надѣяться на себя и на повиновеніе Нивельзина. Она забывала осторожность. Она видѣла Нивельзина блѣднымъ, и тревожилась за него, и позволяла ему все болѣе жгучія ласки.

„Я не виню тебя, милый Поль, — говорила она, когда, очнувшись отъ забвенія, увидѣла себя его любовницею: — Я не хотѣла дѣлать тебя моимъ любовникомъ. Но ты счастливъ, Поль, и я счастлива, что ты не будешь думать, что я мало люблю тебя. И не напрасно ли я мучила тебя, безразсудная?—Но теперь я погубила себя, если мой мужъ узнаетъ, что мы видѣлись: я погубила себя первымъ же свиданіемъ“.

Прошло уже три дня послѣ того, какъ Волгинъ передалъ Нивельзину рѣшеніе Савеловой. Погода была ясная. Волгина хотѣла воспользоваться ею, чтобы ѣхать искать дачу. Она послала взять карету.—Наташа, очень молоденькая дѣвушка, титуловавшая себя горничною Лидіи Васильевны, отправленная съ этимъ порученіемъ, вернулась и съ гордостью объявила, что наняла карету полтинникомъ дешевле, нежели думала Лидія Васильевна, и карета самая прекрасная, и лошади самыя прекрасныя.

Но Волгиной еще надобно было кончить дѣло, которымъ начала она заниматься, пославъ за каретою.

Она стояла въ залѣ у двухъ сдвинутыхъ вмѣстѣ и раскрытыхъ ломберныхъ столовъ. На столахъ лежали куски шелковой матеріи. Въ рукахъ у Волгиной были ножницы. Она кроила платье.—Блондинка, одѣтая какъ барышня,

но не барышня по своимъ слишкомъ бойкимъ манерамъ, слѣдила, едва помня себя отъ восторга, за движеніями ножницъ.

— Если бы вы опоздали еще пять минутъ, вы уже не застали бы меня,— стала говорить Волгина, когда выкроила лифъ и рукава, и осталось только отрѣзать куски для юбки,—работа, не требующая вниманія:—Слышите, карета уже взята. Я не была бы виновата: я говорила Миронову, что буду ждать васъ въ двѣнадцатомъ часу.

— Все выбирала матерію, Лидія Васильевна,—отвѣчала блондинка.— Денегъ-то немного, а хочется, чтобы матерія была получше.

— Съумѣете ли вы перекроить сама другія платья по этому?

— Не знаю, Лидія Васильевна; можетъ быть, съумѣю.

— Это значитъ, не съумѣете. Но, по крайней мѣрѣ, не полѣнитесь перешить. Судя по тому, въ которомъ вы шли вчера, и по этому, которое теперь на васъ, всѣ надобно перешить. И это сидитъ на васъ мѣшкомъ, какъ-то.

— Не полѣнюсь, Лидія Васильевна; покорно васъ благодарю. — Блондинка съ быстротою молніи нагнулась и чмокнула руку Волгиной.

— Что вы, съ ума сошли, Даша? А если я прибью васъ за такія глупости?

— Какъ же, Лидія Васильевна, когда вы такъ милостивы ко мнѣ, больше обѣщанія вашего Петру Ильичу?—Хотите перекроить всѣ. А у меня ихъ цѣлыхъ семь.

— Хочу?—И цѣлыхъ семь!—Хочу всѣ перекроить!—Однако, вы догадлива, Даша. Не хочу ли я сдѣлать вамъ еще какую-нибудь милость?

— Какъ же, Лидія Васильевна?—Вы прикажете, чтобы я, какъ сошью это, и потомъ, какъ перешью, приходила бы показывать вамъ, хорошо ли сидитъ.

— Извольте, Даша, съ удовольствіемъ буду смотрѣть; и поправлять, если понадобится. Но я увѣрена, что съ перваго раза будетъ хорошо. На такую правильную талію легко кроить. Вы прекрасно сложена, Даша.

Блондинка съ примѣрною застѣнчивостью потупила глаза, и очевидно, желала бы даже покраснѣть. Этого желанія не удалось ей исполнить: но глаза потупились какъ нельзя лучше.

— Будьте же и по поступкамъ такою же прекрасною дѣвушкою, Даша. Будьте разсудительною, не прихотницею, не мотовкою. Я говорила Миронову, чтобы вы принесли мнѣ перекроить платье, въ которомъ шли съ нимъ,—а вы купили матеріи на новое. Помните, Даша, что у Миронова не такъ много денегъ; и если-бъ даже могъ онъ получать больше, у него теперь не такое время, чтобы ему слѣдовало набирать много уроковъ. Помните, что съ каникулъ онъ будетъ послѣдній годъ въ университетѣ; ему надобно какъ можно больше заниматься для окончательнаго экзамена. Это можетъ имѣть вліяніе на всю его жизнь. Не забывайте этого, хорошенькая моя Дашенька.

— Не думайте такъ обо мнѣ, Лидія Васильевна,—отвѣчала блондинка.— Кромѣ вотъ этого браслетика.—она приподняла больше на видъ руку въ браслетѣ, стоившемъ рублей двадцать,—я ничего не получала отъ Петра Ильича: и то, въ первое время.—Буду ли я требовать отъ него?—Напротивъ, Лидія Васильевна: сама была бы готова помочь ему, если-бъ онъ нуждался.

— Вотъ какъ!—Отъ кого-жъ это новое платье, Даша?

— Ахъ, Боже мой!—А я думала, онъ сказывалъ вамъ!—проговорила блондинка, совершенно растерявшись, и сильно покраснѣла.

— Тѣмъ лучше, Даша, — сказала Волгина, засмѣявшись. — Но когда такъ, вамъ не слѣдовало ходить подъ ручку съ Мироновымъ: сохрани Богъ, увидятъ,—вамъ бѣда; и будете разорять Миронова.

— Ну, пусть увидитъ, толстый дуракъ; не такое сокровище, чтобъ заплакала, если броситъ, — отвѣчала блондинка, сначала разсудивши потупить глаза, потомъ нашедши, что это лишнее.—Я ужь и сама думаю, не бросить ли его. Скряга-то какой, если-бъ вы знали, Лидія Васильевна. Да что же, вы можете судить, какъ я живу, когда я должна сама себѣ шить платья. А сколько деньжищевъ-то у него!—Ей-Богу, такъ, Лидія Васильевна! Согласитесь сами: надобно подумать о будущемъ. Не вѣкъ буду молода. А что я могу нажить, живучи съ нимъ?—Такъ вотъ, только доброе мое сердце. Но ей-Богу, самой передъ собой совѣстно, что всякій умный человѣкъ назоветъ меня дурою. Одно можно сказать въ похвалу ему: не пьянствуетъ. Потому не имѣешь непріятностей. Господи!—и что это за слабость у мужчинъ: нѣтъ имъ веселья безъ вина! — Но не всѣ же. — Но ей-Богу: лучше ужь пойду замужъ, соглашусь, если не дастъ Богъ человѣка получше. Ей-Богу, пойду, и съ волей прощусь, на зло ему, толстому чорту, скрягѣ.

— Замужъ, Даша?—Такъ у васъ и женихъ готовъ?—сказала Волгина, опять засмѣявшись, и продолжала серьезно: — Хорошій человѣкъ, Даша? Не будетъ съ вашей стороны обмана? И не будетъ онъ попрекать васъ послѣ?—Когда все такъ, то лучше, нежели связываться съ дрянью,—потому что всѣ такіе люди дрянь, Даша: у нихъ нѣтъ совѣсти; если бы была, не заставляли бы дѣвушекъ стыдиться,—если нравится жить съ дѣвушкою, то и женились бы на ней: не могутъ отговориться тѣмъ, что нѣтъ денегъ, когда находятъ деньги, чтобы содержать ее, не женившись: совѣсти у нихъ нѣтъ, Даша,—лучше же, нежели связываться съ такою дрянью, идти замужъ, хоть бы и не за богатаго человѣка, но который имѣетъ совѣсть и истинное расположеніе къ вамъ.

— Хорошій человѣкъ, Лидія Васильевна. И обманывать его нечего: знаетъ. Говоритъ: „Если бы вы пошли за меня, Дарья Ивановна, то никогда бы я не подумалъ на васъ.“ И точно: чего жъ ему тогда думать?—Идешь замужъ, то, когда имѣешь каплю совѣсти, понимаешь: замужняя женщина должна держать себя, какъ слѣдуетъ замужней женщинѣ. Да и до того ли, скажите сами? — Захочешь дѣтей имѣть; а когда дѣти, то тѣ ли мысли?... Ахъ, Лидія Васильевна, какая у меня къ вамъ просьба...—Бойкая блондинка запнулась и оробѣла.—Лидія Васильевна, Петръ Ильичъ говорилъ мнѣ, что вы оберегаете Наташу. Но клянусь вамъ моимъ богомъ, не услышитъ она отъ меня ничего дурного. Вы уѣдете, а мнѣ позвольте остаться поиграть съ Володенькою: люблю дѣтей, Лидія Васильевна; а Петръ Ильичъ говорилъ про вашего маленькаго, что онъ...

— Не Мироновъ ли это? легокъ на поминѣ,—замѣтила Волгина:—за вами, вѣроятно?—Но нѣтъ, онъ не такъ звонитъ. Это кто-то чужой.

— Петръ Ильичъ и не можетъ быть: онъ будетъ ждать меня. Я сказала, что отъ васъ пройду къ нему.

Наташа отворила дверь.

— А!—тихо проговорила Волгина, и тѣнь пробѣжала по ея лицу. — Играйте съ Володею, Даша: я очень рада. Зачѣмъ вы думаете, что я считаю васъ дурною дѣвушкою?

Вошла Савелова.

Бѣленькое, розовое личико Савеловой было блѣдно, блѣдно, и не розовое, а желтовато-красное. Глаза ввалились. Видно было, что бѣдняжка мало спала въ эту ночь, и много плакала; и краска ея только краска волненія.

Волгина угадывала, о чемъ плакала она, и если-бы она не была жалка, Волгина сказала бы ей: „Можетъ быть вы ошиблись?—Это не квартира Нивельзина. Вѣроятно, вы спѣшили къ нему?—Если да, то прекрасно“. Но жалость взяла верхъ. Если бы могла, Волгина возвратила-бы своему голосу и взгляду ласковость, съ которою проводила Дашу. Но она могла только не быть суровою.

Этого было довольно для Савеловой. Глаза, подернутые слезами, видятъ въ состраданіи сочувствіе. Савелова бросилась на шею Волгиной и заплакала.

— Помогите мнѣ!

— Я обязана. Я вмѣшалась въ ваше дѣло, и должна не отступаться отъ него до конца.—Если бы Волгина могда давать своему голосу тотъ или другой тонъ по произволу, она сказала бы это съ нѣжностью. Но все, что было въ ея власти, было говорить искренно. — Перестаньте плакать. Вы не могли любить вашего мужа, потому что онъ неспособенъ любить никого, кромѣ самого себя. Онъ одинъ виноватъ въ томъ, что вы полюбили другого. Никто изъ умныхъ и честныхъ людей не осудитъ васъ за то, что вы не захотѣли оставаться обманщицею. Онъ самъ покажетъ себя благороднымъ человѣкомъ, когда увидитъ, что не можетъ вредить вамъ. Онъ согласится на разводъ. Нивельзинъ безгранично любитъ васъ. Мой мужъ очень долго говорилъ съ нимъ и остался въ восторгѣ отъ него. Вся жизнь его будетъ посвящена вашему счастью. О чемъ же вы плачете?—Васъ надобно оправдывать во всемъ; нельзя оправдать только въ томъ, что вы плачете.—Савелова плакала.

— Перестаньте. Подумайте, какое впечатлѣніе произведутъ на Нивельзина ваши раскраснѣвшіеся глаза, ваше желтое лицо, если вы не перестанете плакать.—„Неужели ей такъ трудно было рѣшиться? — подумаетъ онъ: — О чемъ она столько горевала? Неужели она такъ мало любитъ меня?“—Скажите, вы мало любите его?

— Его?—я, мало люблю?—воскликнула Савелова, и нѣжныя слова съ искреннимъ энтузіазмомъ полились у нея.

Искренность чувства бѣдной женщины опять пробудила въ Волгиной расположеніе къ ней. Волгина получила силу приласкать ее.

— Когда вы такъ любите его, то не плачьте же. Будьте тверда.—Волгина поцаловала ее:—Будьте умница, моя милочка. Вы боитесь, что у васъ недостанетъ рѣшимости. Оставайтесь же здѣсь, у меня.

Савелова бросилась обнимать Волгину.—„Да, я останусь у васъ!“

Волгина продолжала ласкать ее, какъ маленькую дѣвочку, успокаивала, ободряла. Наконецъ, Савелова стала казаться твердою.

— Теперь можете дать мнѣ слово, что не будете плакать?

— Да, теперь я не измѣню себѣ и ему! — съ энтузіазмомъ отвѣчала Савелова.

— И будете счастлива, моя хорошенькая, моя миленькая. До свиданья же. Мнѣ надобно ѣхать. Я собралась нынѣ ѣхать искать дачу. Я объѣду острова: можетъ быть, проѣду въ Лѣсной. Будьте же безъ меня хозяйкою. Если я не вернусь въ четыре часа, прикажите подавать обѣдъ.

— Возьмите меня съ собою,—сказала Савелова съ умоляющимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, вы должна хозяйничать безъ меня; — шутя, но рѣшительно отвѣчала Волгина: — умойтесь холодною водою, отдохните. Вы утомлена, и васъ ждетъ дорога. Когда я пріѣду, вы будете опять розовенькая, глазки у васъ будутъ свѣтленькіе, веселые; и—такъ и быть, хоть я не охотница нѣжничать, я опять поцалую васъ; мы сядемъ обѣдать,—я вернусь въ четыре часа, вернусь, пусть и не успѣю объѣхать острова, я вернусь въ четыре часа, увижу васъ такою миленькою, хорошенькою, что можно будетъ показать васъ Нивельзину,—мы сядемъ обѣдать, а сами пошлемъ сказать ему, чтобъ онъ велѣлъ запрягать лошадей,—мы встаемъ изъ-за стола, онъ входитъ,—я посажу васъ въ карету, поцалую еще разъ, поскорѣе,—и до свиданья.

Въ половинѣ пятаго Волгинъ вошелъ къ Нивельзину. — Въ передней лежали два сакъ-вояжа и чемоданъ. Въ кабинетѣ вещи съ письменнаго стола и съ этажерки были убраны.—Нивельзинъ ходилъ по комнатѣ.

— Значитъ, совсѣмъ собрались въ дорогу, Павелъ Михайлычъ?—вяло сказалъ Волгинъ, флегматически усаживаясь на диванъ. — Когда все готово, то и прекрасно. И лошади наняты, какъ вы тогда говорили, — съ утра готовы и дорожная карета готова?

— Лошади стоятъ въ конюшнѣ. Карета куплена, привезена. Хотите взглянуть?—Очень покойная и легкая.

— Нечего смотрѣть-то, я думаю, хорошая. Да и увижу, какъ буду провожать васъ. Прикажите запрягать лошадей.

— Еще рано.

— Не рано.

— Она у васъ? ждетъ меня?—Онъ дернулъ сонетку и велѣлъ поскорѣе запрягать лошадей.

— Да, она пріѣхала къ намъ. Да вы садитесь-ко, это лучше. — Онъ притянулъ къ себѣ Нивельзина и заставилъ сѣсть подлѣ. — Самъ не люблю ходить, и другимъ, по моему, лучше сидѣть.—Онъ залился руладою, потому что сострилъ, какъ, по крайней мѣрѣ, самъ былъ убѣжденъ. Потомъ погрузился въ размышленіе.—Это затѣмъ я посадилъ васъ подлѣ, чтобы взять въ руки; и возьму, и не выпущу, пока не провожу. Нельзя иначе, потому что невозможно надѣяться на людей,—надо держать ихъ въ рукахъ.—Эта острота была нисколько не хуже первой, и слѣдовало бы Волгину также наградить себя за нее руладою, но онъ оставилъ себя безъ поощренія, и, помолчавши, вздохнулъ, покачалъ головою и началъ:—Да, надобно будетъ взять васъ въ руки. Точно, она пріѣхала къ намъ; это было поутру; была взволно...

— Она у васъ съ утра? — Что-же вы не прислали сказать мнѣ? — Паспорты готовы у меня съ десяти часовъ.

— Недослушавши, да ужъ и сердитесь,—эхъ, вы!—вяло сказалъ Волгинъ:—Вы дослушайте, я вамъ говорю, она была взволнована...

— Савеловъ догадался? Сдѣлалъ сцену? Она больна?

— Да нимало; ничего такого. Здорова, и мужъ ея до сихъ поръ ничего не предполагаетъ. Да вы лучше слушайте, а не перебивайте. Впрочемъ, ничего особеннаго; не пугайтесь. Ровно ничего особеннаго.—Пріѣхала поутру, была взволнована. Лидія Васильевна успокоила ее, — и точно, бояться было нечего; ну, да и велѣла мнѣ не уходить изъ дому,—натурально, я сидѣлъ, писалъ,—что мнѣ?—Конечно, былъ увѣренъ, что не пріѣдетъ, да и не подозрѣваетъ,—ну, если-бъ и пріѣхалъ, не велика трудность: „очень радъ, пожалуйте въ кабинетъ,—очень радъ“, — а между тѣмъ, взялъ за шиворотъ, повалилъ на диванъ, завязалъ ротъ, — ну, и лежи: я ужъ разсудилъ, какъ это сдѣлать; — это-то я еще съ дѣтства выучился ломать, хоть съ виду и плохъ, — знаете, въ дѣтствѣ-то много игралъ, — ну, она-бъ и не услышала. Ну, потому я спокоенъ, тѣмъ больше, что самъ знаю, этого и не будетъ, онъ не пріѣдетъ, не знаетъ, не подозрѣваетъ. — Ну, и сижу, натурально, пишу. Хорошо. Слышу, вернулась Лидія Васильевна. Идетъ, слышу, къ себѣ;— идетъ, потомъ, слышу, ко мнѣ. Ну, натурально, я знаю, зачѣмъ она идетъ: скажетъ: „иди, вели ему,—то-есть, вамъ, — приказать запречь лошадей“, — вотъ, какъ я теперь и сказалъ вамъ,—разумѣется, я жду этого отъ Лидіи Васильевны, а она: „Давно уѣхала Савелова?“—Уѣхала? Какъ? Я, натурально, ротъ рази... Да будьте же мужественъ! — Волгинъ подхватилъ застонавшаго и покачнувшагося Нивельзина: — Будьте мужественъ, Павелъ Михайлычъ! — Что это вы, помилуйте!—Будто вы самъ не должны были понимать, что это очень возможная вещь—даже слишкомъ возможная. Это только я, дикій человѣкъ, не понималъ ея характера, сомнѣвался въ опасеніяхъ Лидіи Васильевны за ея характеръ,—а вы самъ должны были имѣть эти опасенія.— иначе, развѣ вы давнымъ давно не предложили бы ей бросить мужа?—Предложили бы съ перваго же свиданія!—Чего, съ перваго свиданія, съ перваго же письма! — Видно, хоть вы и были ослѣплены, и не могли видѣть, а инстинктивно чувствовали, что нельзя предлагать—не бросить мужа;—васъ то, положимъ, любитъ, но, пока можно, не бросая мужа, то и любитъ: мужъ-то гораздо поважнѣе васъ для нея...

Волгинъ могъ очень свободно излагать свои совершенно основательныя соображенія, держа Нивельзина за плечо, чтобы вразумляемый не повалился съ дивана: вразумляемый сидѣлъ очень смирно подъ поддерживающею рукою основательнаго мыслителя; но основательный мыслитель постигъ, наконецъ, что слушатель не слышитъ, потому, неспособенъ воспользоваться справедливыми его соображеніями.

Совершенно справедливо сообразивши: „Однако же, въ самомъ дѣлѣ, удивительный мастеръ я!—Отлично хватилъ, какъ молоткомъ по лбу пристукнулъ.—Но, разумѣется, опамятуется, и ничего: человѣкъ молодой, здоровый... —Основательно похваливъ и успокоивъ себя этими очевидно вѣрными соображеніями, Волгинъ прислонилъ Нивельзина спиною въ уголъ дивана, вздохнулъ,

покачалъ головою и сталъ закуривать сигару, въ ожиданіи упрямаго сопротивленія отъ Нивельзина, когда Нивельзинъ очнется. Волгинъ былъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца, потому былъ увѣренъ, что, какъ опомнится, Нивельзинъ окажется очень упрямъ, вздумаетъ хвататься за всяческія нелѣпыя мысли съ пустою надеждою. Но факты были слишкомъ ясны; потому Волгинъ, какъ мыслитель очень основательный, нимало не сомнѣвался, что уломаетъ „юношу“, какъ называлъ его въ своемъ сообразительномъ умѣ, таки запряжетъ его въ дорожную карету и благополучно выпроводитъ изъ Петербурга.

— Гдѣ-жъ она?—глухо проговорилъ Нивельзинъ:—зачѣмъ оставляли ее одну?

— Зачѣмъ Лидія Васильевна оставила ее одну?—Затѣмъ, Павелъ Михайлычъ, что можно уговаривать, возбуждать человѣка, но надобно и дать ему время подумать: затѣмъ, Павелъ Михайлычъ, что нельзя приневоливать человѣка быть счастливымъ по нашему, потому что у разныхъ людей разные характеры: для однихъ, напримѣръ, счастіе въ любви; для другихъ любовь пріятное чувство, но есть вещи дороже ея; затѣмъ, Павелъ Михайлычъ, что и неопытныхъ дѣвушекъ не велятъ вести подъ вѣнецъ насильно, не велятъ потому, что отъ этого не бываетъ счастья ни имъ, ни ихъ мужьямъ. А она не глупенькая дѣвушка, которая еще можетъ не понимать ни людей, ни саму себя: она вѣрнѣе всѣхъ насъ можетъ знать, въ чемъ для нея счастье. Она показала вамъ, въ чемъ: васъ она любитъ; но съ мужемъ у нея такая блистательная карьера!—Онъ и теперь сильный человѣкъ,—куда ни явится, она окружена почетомъ; а скоро онъ будетъ министромъ,—и какимъ министромъ? —какихъ у насъ еще и не бывало. Это что за министры!—надъ ними дворъ; они мелочь. А онъ возьметъ власть по общественной необходимости, во имя реформъ и государственнаго блага. Да, онъ разсчитываетъ быть не такимъ, какъ эти мелкіе люди,—и кто изъ самыхъ важныхъ аристократовъ не будетъ гнуть спины передъ женою всемогущаго перваго министра?..

Нивельзинъ вскочилъ и быстро подошелъ къ письменному столу, отперъ портфель, лежавшій на немъ, и пододвинулъ кресло. Волгинъ, съ непзмѣнною своею сообразительностью, понялъ, что до сихъ поръ Нивельзинъ былъ все еще оглушенъ ударомъ и плохо понималъ его справедливыя разсужденія, но что вотъ теперь „юноша“ опомнился, начнетъ сумасбродствовать и будетъ очень упрямъ.

— Что это, вы хотите писать ей, Павелъ Михайлычъ?

Нивельзинъ, не отвѣчая, вынималъ изъ портфеля письменныя принадлежности.

Волгинъ съ быстротою молніи сообразилъ изъ этого молчанія, что не ошибся въ своемъ соображеніи о томъ, что „юноша“ будетъ очень упрямъ. Но, какъ основательный мыслитель, Волгинъ не поколебался и въ той своей увѣренности, что все-таки упрячетъ его въ дорожную карету: факты слишкомъ ясно показываютъ, что сумасбродство безполезно,—„юноша“, какъ ни будетъ отбиваться, уломается.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло съ мѣсяцъ, я больше. Волгина давно жила на дачѣ, около Петровскаго дворца. Мѣстность эта недурна, по крайней мѣрѣ, на островахъ нѣтъ мѣстности, менѣе сырой. Если-бы не дѣла мужа, Волгина, конечно, не захотѣла бы искать дачу на островахъ: подальше отъ Петербурга есть мѣстности лучше его ближайшихъ окрестностей. Волгинъ обѣдалъ обыкновенно на дачѣ, но большую часть времени долженъ былъ проводить въ Петербургѣ. Часто, дня по два, по три онъ не показывался на дачу, какъ ни близка была она.

Недѣли двѣ онъ бывалъ на дачѣ только такими урывками, на нѣсколько часовъ около времени обѣда, дня черезъ два, черезъ три. Наконецъ онъ доработался до конца, и теперь, на нѣсколько дней будетъ нѣсколько посвободнѣе.

Онъ возвращался къ обѣду. Обѣдъ ждалъ его.

— Измучился, работавши?—Не спалъ эту ночь?—Не увѣряй, что спалъ, нечего увѣрять. И должно быть, очень измучился, когда, при всемъ своемъ притворствѣ, пріѣхалъ съ такимъ веселымъ лицомъ,—говорила жена, ведя его обѣдать.

— Видишь, голубочка, конечно, я радъ, что управился съ работою, и могу пробыть здѣсь сутокъ двое, не ѣздивши въ городъ,—но не въ этомъ главная штука: выходитъ штука очень хорошая, какой, признаться тебѣ сказать, я уже пересталъ и надѣяться. Вообще, голубочка, могу свалить съ себя часть работы,—и теперь ты уже можешь быть спокойна: не буду не спать по ночамъ,—хоть это и гораздо рѣже бывало, нежели ты думаешь,—но все-таки; а теперь этого уже вовсе не будетъ.

— Нашелъ человѣка, который тоже можетъ писать какъ надобно по твоему?—съ живою радостью сказала Волгина, съ такою радостью, что глаза ея сіяли.

— Нашелся такой человѣкъ,—да, нашелся, голубочка. И вообрази, какъ ты угадала тогда,—помнишь, какъ ты замѣтила Савелова, какъ онъ подстерегалъ?—Ну, а передъ тѣмъ самымъ,—тоже, уже на Владимірской площади, встрѣтился намъ студентъ,—помнишь?—и ты сказала: „чрезвычайно умное лицо; очень рѣдки такія умныя лица“,—помнишь?—Ну, онъ самый и есть. Фамилія его Левицкій. Вчера, вечеромъ, приноситъ статью—небольшую, —читаю: вижу, совсѣмъ не то, какъ у всѣхъ дураковъ,—читаю, думаю: „неужели наконецъ попадается человѣкъ со смысломъ въ головѣ“?—Читаю,—такъ, такъ, должно быть, со смысломъ въ головѣ!—Ну, и потомъ сталъ говорить съ нимъ. И вотъ, потому-то собственно пришлось не спать,—нельзя, мой другъ, за это и ты не можешь осудить. Проговорилъ съ нимъ часовъ до трехъ. Это—человѣкъ, голубочка: со смысломъ человѣкъ. Будетъ работать...

— Помню теперь,—замѣтила Волгина, когда мужъ наговорился безъ отдыха о своей радости,—очень высокій, нѣсколько сутуловатый,—русый, некрасивый,—не уродъ, но вовсе не красивый. Помню теперь.—Но это еще

вовсе молодой человѣкъ, мой другъ,—и уже такъ разсудительно понимаетъ вещи, которыя, по твоему, не понимаетъ никто изъ литераторовъ?

— Да, ему двадцать первый годъ, только еще. Замѣчательная сила ума, голубочка!—Ну, пишетъ превосходно, не то, что я: сжато, легко, блистательно; но это хоть и прекрасно, пустяки, разумѣется,—дѣло не въ томъ, а какъ понимаешь вещи. Понимаетъ. Все понимаетъ, какъ слѣдуетъ. Такая холодность взгляда, такая самобытность мысли въ двадцать одинъ годъ, когда всѣ, поголовно, точно пьяные!—хуже:—пьяный проспится, дуракъ никогда.—Да, о дуракахъ-то, кстати: вчера пріѣзжалъ Рязанцевъ. Вотъ, ты, я думаю, полагала, что я, по своему обыкновенію, забылъ,—оказалось, не забылъ сказать ему, что я интересуюсь Нивельзинымъ, и если онъ что узнаетъ, сказалъ бы. Я и думалъ, что позабылъ,—а видишь, нѣтъ. Нивельзина видѣли въ Римѣ,—здоровъ, разумѣется; этотъ господинъ, который видѣлъ его, говоритъ, что немножко хандритъ,—но, говоритъ, ничего. Изъ Рима думаетъ проѣхать въ Парижъ.

— Благодарю тебя, что не забылъ сказать Рязанцеву. И какой милый этотъ Рязанцевъ!—вѣрно, какъ услышалъ новое о Нивельзинѣ, сейчасъ пріѣхалъ сказать тебѣ.

— Добрякъ, голубочка.

— И любитъ тебя, мой другъ; это замѣтно, хоть я мало видѣла его. И она, говорятъ, очень хорошая женщина,—и хорошенькая, говорятъ,—очень молода; хоть уже лѣтъ десять замужемъ.—Но, послушай же, мой другъ: если этотъ Левицкій такъ понравился тебѣ, то привези его сюда.

— Хорошо, голубочка,—говоря это, Волгинъ началъ погружаться въ размышленіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ улыбаться,—погрузился, сталъ мотать головою, и наконецъ, разразился неистовымъ хохотомъ.—Охъ, голубочка, охъ!—Это я вспоминалъ, какъ я запрятывалъ Нивельзина въ карету!—Ну, точно!—Было хлопотъ!—Молодецъ я, голубочка, увѣряю!—Ха, ха, ха!—Эхъ, голубочка!—Волгинъ вздохнулъ:—Ну, что тутъ было мудренаго, скажи ты сама?—Другой урезонилъ бы его въ полчаса, а я провозился съ нимъ и не знаю сколько времени!—Это удивительно, голубочка, какой я жалкій человѣкъ!—Онъ мелетъ чепуху, а я спорю, когда слѣдовало бы просто взять, повести да посадить,—потому что, скажи ты сама, можно ли переслушать всѣ вздоры, когда человѣкъ самъ не понимаетъ, что говоритъ?—А я себѣ слушаю, возражаю!—Это удивительно!

— Ты очень терпѣливъ, мой другъ, и мало бывалъ въ обществѣ, мало знаешь людей, не привыкъ обращаться съ ними.—Но ты и слишкомъ преувеличиваешь, когда воображаешь, будто очень легко было бы другому заставить его уѣхать. Не совсѣмъ-то легко, мой другъ. Ты напрасно смѣешься надъ собою.

— Но ты возьми то, голубочка, съ какой же стати мнѣ было не понимать ничего?—То есть, это я уже обо всемъ этомъ дѣлѣ. Напримѣръ. Пріѣзжаетъ Савелова—въ первый-то разъ. „Люблю, люблю“.—Я и развѣсилъ уши. Кажется, ясно: почему жъ вы, милостивая государыня, не разошлись съ вашимъ супругомъ?—Одно изъ двухъ: или вашъ господинъ милый не желаетъ этого,—то есть, вы любите мерзавца, который не любитъ васъ.—или вы не

желаете этого? — Что-же привязываетъ васъ къ мужу, позвольте спросить? — Есть привязанности, сильнѣе всякой страсти, — и можно даже быть расположенной къ мужу гораздо сильнѣе, нежели къ любовнику, при самой страстной любви къ любовнику и безо всякаго пылкаго чувства къ мужу, — но вы нисколько не расположена къ мужу, — что же васъ привязываетъ къ нему? — Ясно, кажется. А я сижу, слушаю, какъ она поетъ: „люблю, люблю!“ — удивительно, голубочка! — Это было глупо съ моей стороны, голубочка, увѣряю тебя, непростительно глупо, непростительно. — Онъ съ негодованіемъ замоталъ головою.

— Опять тотъ же отвѣтъ, мой другъ: ты ребенокъ въ жизни; тебѣ надобно больше бывать въ обществѣ.

— Хорошо. Опять: ты, разумѣется, поняла съ перваго взгляда, — но она, по твоему, красавица, да и вообще, тебѣ жаль ее; думаешь: „попробую; можетъ быть, она только робка, — или, можетъ быть, еще не такъ поддалась пошлости, чтобы нельзя было ей понравиться“; — потомъ говоришь мнѣ: „назначила ей отъѣздъ черезъ три дня, — ступай, скажи Нивельзину“. — Три дня! — когда я говорилъ тебѣ, что въ три дня получается заграничный паспортъ безъ хлопотъ, а похлопотать, можно выѣхать черезъ нѣсколько часовъ — „голубочка, зачѣмъ же три дня?“ — Кажется, можно было понять зачѣмъ. Нѣтъ. Ты говоришь: „пусть она имѣетъ время обдумать, — пусть испытаетъ себя, — я сомнѣваюсь въ ней“. — А я: „голубочка, она хорошая женщина, и любитъ его“. — Удивительно! — Удивительно! — повторилъ онъ съ удвоенною силою негодованія. — И потомъ, когда пріѣхала къ тебѣ въ другой разъ: „Голубочка, мнѣ жалко ее; зачѣмъ ты уѣзжаешь и не берешь ее съ собою? — Она проситъ, голубочка; она чувствуетъ сама, бѣдненькая, что одной ей плохо оставаться, — голубочка, пожалѣй, возьми ее съ собою“. — Это удивительно! — „Если бы я не считала необходимымъ, чтобы она осталась одна сама съ собою, то и нечего было бы ждать: я давно послала бы тебя къ Нивельзину; я думаю, у него все готово къ отъѣзду“. — А я: „голубочка, жалко. Ну, хоть позволь мнѣ выйти къ ней, — ну, хоть черезъ часъ, — ну, хоть на минуту, — все же, поддержалъ бы ее“. — Удивительно! — Удивительно! — За такую глупость, голубочка, маленькихъ дѣтей надобно сѣчь, — а когда дуракъ въ мои лѣта, что съ нимъ дѣлать? — Да, благодарила бы тебя Савелова, если бы ты послушалась моей жалости! — Я думаю, давно проклинала бы свою судьбу, — да и Нивельзину было бы очень пріятно! — Благодарили бы тебя оба! — Нѣтъ, голубочка, ты не оправдывай меня тѣмъ, что я мало бывалъ въ обществѣ: просто, дрянь. Вотъ что я тебѣ скажу, голубочка: самъ не понимаю, какъ это у меня достаетъ глупости быть такою дрянью! — Удивительно! — Волгинъ стиснулъ зубы и устремилъ свирѣпый взглядъ на салфетку. — Вотъ видишь, голубочка, эта тряпка, — онъ взялъ салфетку: — это я и есть.

— Если бы тутъ былъ посторонній человѣкъ, онъ умеръ бы со смѣху, мой другъ. Даже мнѣ смѣшно, мой другъ, какъ ни привыкла я къ твоимъ странностямъ. Можно ли такъ горячиться изъ-за такихъ пустяковъ?

Волгинъ глубоко вздохнулъ. — Эхъ голубочка! Онъ грустно покачалъ головою и продолжалъ уже обыкновеннымъ своимъ вялымъ тономъ: — Возьми ты то, голубочка, что вотъ я хорошъ, а другіе-то еще глупѣе. Что хорошаго можетъ выйти изъ этого?

— Ахъ, ты все печалишься объ обществѣ,—хорошо, ты увидишь у меня, каково забывать мои приказанія!—Говорила я тебѣ, или нѣтъ, чтобы ты думалъ о женѣ и сынѣ, а не о всякихъ вашихъ глупостяхъ, которыя вы называете общественными вопросами?—Самъ же ты говоришь мнѣ, что это глупости, и думать о нихъ нечего. Зачѣмъ же не слушаешься?—Знаешь ли, что я сдѣлаю съ тобою за это?—Мы съ Володею и съ Наташею поѣдемъ кататься на лодкѣ,—вотъ, я велю тебѣ сѣсть съ нами, и поѣдемъ.

— Ахъ, ты, голубочка, голубочка!—Это, ты думаешь, богъ знаетъ какая важность для меня?—Да я поѣду съ удовольствіемъ. Увѣряю,—храбро возразилъ Волгинъ.

— Хорошо, вѣрю. Я тебя отучу огорчать меня твоими печалями о будущемъ.—Но, мой другъ, въ самомъ дѣлѣ смѣшно, что ты такъ много думаешь о пустякахъ. Пусть себѣ живутъ, какъ имъ нравится. Пусть прежде поумнѣютъ,—хоть немножко, тогда другое дѣло. А если общество такъ глупо, какъ ты говоришь, стоитъ ли горячиться?

— Само собою, не стоитъ, голубочка.—Волгинъ погрузился въ размышленіе.—Разумѣется, не стоитъ.

— Наташа!—гдѣ вы съ Володею?—Не слышитъ.—Позови ты, мой другъ,—только не такъ громко, чтобы оглушить меня.

Волгинъ закричалъ съ умѣренностью, потомъ вздохнулъ:—Голубочка, ты хочешь послать ихъ, чтобы старикъ шелъ съ веслами въ лодку?—Ты, въ самомъ дѣлѣ, возьми тоже и меня. Этотъ вечеръ я могу ничего не дѣлать.

— Ахъ, мой другъ, если бы я почаще слышала отъ тебя это!—Но теперь и буду слышать чаще, ты обѣщаешь.

— Теперь у меня будетъ много свободнаго времени, голубочка.—Но ты, пожалуйста, ласкай этого Левицкаго, голубочка.

— Еще бы нѣтъ!—весело сказала Волгина:—Я убѣждена, онъ стоитъ того, чтобы полюбить его и мнѣ, когда онъ такъ понравился тебѣ.

Прошло съ недѣлю, или больше. У Волгина опять выбралось довольно свободное время. День опять былъ очень хорошій. Подъ вечеръ Волгина пошла гулять по набережной, и взяла съ собою мужа.

Тотъ край Петровскаго острова, хоть и одна изъ самыхъ близкихъ отъ города дачныхъ мѣстностей, хоть и одна изъ самыхъ сухихъ на островахъ, былъ тогда,—вѣроятно, остается и теперь,—очень глухимъ мѣстомъ. Между сотнею скромныхъ, или даже бѣдныхъ дачъ, было тамъ тогда развѣ три-четыре барскихъ, да и то не великолѣпнаго сорта, и сколько помнится, чуть ли не всѣ обвѣтшалыя, полуразвалившіяся. Одна такая, съ обтерхавшимися претензіями на пышность, стояла на берегу Малой Невы, въ сотнѣ саженъ отъ уютнаго дома, который занимали Волгины. Самый домъ стоялъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ набережной; на нее выходилъ садикъ, принадлежавшій къ нему.

— Наташи съ Володею нѣтъ,—сказала Волгина, окинувши взглядомъ свой небольшой садикъ:—Должно быть, она унесла Володю на набережную.—А я не спросила тебя, мой другъ: что жъ ты не привезъ Левицкаго?

— Да и я забылъ сказать тебѣ, голубочка: онъ уѣхалъ къ роднымъ.

— По крайней мѣрѣ, не на долго?

— Не на долго, разумѣется; мѣсяца на полтора, много на два.

— И то непріятно.

— Разумѣется, непріятно, голубочка; но удерживать было нельзя: четыре года не видѣлся съ ними.

— Мнѣ кажется, ты говорилъ, что у него нѣтъ близкихъ родныхъ, кромѣ маленькихъ брата и сестры, или сестеръ,—что они всѣ еще очень маленькіе, что они воспитываются у какой-то двоюродной тетки, — такъ? — И мнѣ кажется, ты не замѣчалъ въ немъ мысли ѣхать къ нимъ въ это лѣто? — По твоимъ словамъ мнѣ казалось, будто онъ не думалъ ѣхать: что-жъ это ему вдругъ вздумалось? — Ты разсчитывалъ, что теперь же передашь ему часть своей работы, съ нынѣшняго же мѣсяца.

— Ну, такъ и быть,—сказалъ Волгинъ:—Все равно.

— Нѣтъ, не все равно, мой другъ: жить побольше на дачѣ, это было бы хорошо для тебя.—Но куда же дѣлась моя Наташа?

Они въ это время вышли на набережную. Набережная, какъ обыкновенно, была почти пуста. Немногіе гулящіе были всѣ видны наперечетъ, далеко въ обѣ стороны.

— Гдѣ бы ни была, къ чаю сама отыщется, — сказалъ Волгинъ: — А Володя ужасно любитъ ее, должно быть, голубочка?

— „Должно быть!“ —Хорошъ отецъ!—Конечно, больше, нежели тебя.— Впрочемъ, нельзя и давать его тебѣ въ руки: такъ ловокъ! — Волгинъ воспользовался случаемъ залиться руладою, и жена засмѣялась. — Она ласковая, кроткая; я очень довольна ею. И неглупая дѣвочка; знаетъ, что если останавливаютъ ее, то для ея же пользы. Можно будетъ найти ей хорошаго жениха: совершенно скромная дѣвочка. Но — что такое? — Каково? — Волгина сдвинула брови и ускорила шагъ:—Хвалю ее, что слушается,—а она... ахъ ты глупая дѣвчонка!—Я очень строго приказывала ей, чтобы она не смѣла ни слова говорить ни съ кѣмъ на этой гадкой дачѣ, — и вотъ вамъ умная дѣвушка! — уже подружилась съ какою-то фавориткою мерзкаго старичишки!

— Гдѣ же, голубочка, ты видишь ее?—сказалъ Волгинъ, прищуривая глаза, которые и въ очкахъ очень плохо видѣли въ даль:—А, точно!—Вижу, сквозь акаціи,—подъ сводикомъ воротъ: такъ, ея платье, голубое.

— Ея платье!—Да знаешь ли ты хоть ее то саму въ лицо?—Я думаю, еще не успѣлъ замѣтить въ полгода, и воображаетъ, что помнитъ, въ какомъ платьѣ она!—У нея нѣтъ голубого платья. Вовсе нѣтъ, и не было. Она та, которая въ розовомъ. О, какъ же я побраню ее!—И мало того, что побраню: на цѣлую недѣлю я посажу ее сидѣть дома, — дальше нашего садика ни шагу!

— И это будетъ очень хорошо, голубочка. Ты больше брани ее, голубочка: нельзя, для ея же пользы. Увѣряю тебя.

— Ни она, ни ты не можете пожаловаться, довольно браню васъ обоихъ,—сказала, Волгина засмѣявшись:—Достаточно забочусь о вашей пользѣ.— Но это что-то не такъ, другъ мой, какъ я подумала: это не можетъ быть какая-нибудь фаворитка.

Дѣвушка въ свѣтло-голубомъ платьѣ, говорившая съ Наташею подъ

ощипаннымъ садикомъ изъ акацій богатой полуобнищавшей дачи, шла на встрѣчу Волгинымъ.

— Кто такая могла бы она быть? — тихо замѣтила Волгина и шепнула мужу:—Какъ подойдетъ, ты посмотри на нее хорошенько: привлекательное лицо, мой другъ.

— Ну, въ родѣ твоей Савеловой,—блондинка, должно быть, тоже?

— Савелова очаровательна, потому что красавица. Но это не то, мой другъ: это привлекательное лицо; пожалуй, тоже красавица; но главное, выраженіе лица.

Дѣвушка въ свѣтло-голубомъ платьѣ, легкой, небогатой матеріи, безъ роскошной отдѣлки, очень простого покроя, была блондинка лѣтъ семнадцати-восемнадцати, съ русыми волосами нашего обыкновеннаго русаго оттѣнка, не пепельнаго, не золотистаго, не эффектнаго, но волосами густыми, прекрасными. Локоны ихъ падали свободно: дѣвушка несла свою соломенную шляпу въ рукѣ, приподнятой къ Володѣ, на рукахъ у Наташи продолжавшему играть лентами этой простенькой шляпы. — Даже самъ Волгинъ, отличавшійся необычайнымъ умѣніемъ наблюдать и соображать, увидѣлъ и понялъ, что простота наряда молоденькой блондинки стоитъ быть замѣчена: на четверть ниже рукъ Наташи, державшей малютку, колебался очень маленькій кружочекъ, сплошь сверкавшій искрами,—конечно, часы этой дѣвушки, угадалъ Волгинъ, крошечные часы, усыпанные брилліантами; вѣроятно, Володя игралъ этими часами прежде, нежели вздумалъ предпочесть имъ ленты шляпы. Волгинъ, съ неизмѣнною своею основательностью, заключилъ, что дѣвушка изъ богатаго сословія, и одобрилъ ее за скромность. То и другое мнѣніе совершенно подтвердилось, когда она подошла, и близорукій Волгинъ могъ видѣть все въ подробности: точно, часы были крошечные, и очень, очень дорогіе, а на лицѣ дѣвушки не было ничего, подобнаго чванству.

Блондинка подошла къ Волгиной непринужденно, даже смѣло, или, лучше сказать, довѣрчиво, но съ легкимъ румянцемъ маленькаго стыда, и попросила „не бранить Наташу“: Наташа очень испугалась, увидѣвши Лидію Васильевну:—Наташа сказала, что m-me Волгину зовутъ Лидія Васильевна;—Наташа вовсе не хотѣла ослушаться Лидію Васильевну, долго не подходила къ изгороди изъ акацій; но она упросила Наташу перейти въ тѣнь, потому что надобно было снять шляпу для Володи, онъ непремѣнно хотѣлъ теребить ленты, и надобно было уйти съ солнца въ тѣнь, потому что отъ деревцевъ на набережной вовсе нѣтъ тѣни; она сама подошла къ Наташѣ, — Наташа сидѣла вотъ у этого дерева, — Наташа не виновата... Но она видитъ, что Лидія Васильевна не сердится на Наташу.—Она—Илатонцева...

Мгновенно Волгинъ схватился пальцами за свою бороду. Впрочемъ, это было, по всей вѣроятности, необходимо для поддержанія бороды, потому что Волгинъ споткнулся, но очень ловко поправился, кашлянувъ раза два, и опять пошелъ совершенно молодцомъ.—„Въ самомъ дѣлѣ, что за важность?—сообразилъ онъ:—Илатонцева, то Илатонцева; какое мнѣ дѣло? — Я ничего не знаю, да и она, вѣроятно тоже. Онъ уѣхалъ съ ея отцомъ, когда ея не было въ Петербургѣ. Положимъ, очень легко можетъ быть, что она упоминетъ о братѣ, о гувернерѣ; но, я думаю, еще и не знаетъ фамилію гувернера. Но

пусть знаетъ; пусть скажетъ; — что за важность? Фамилія то слишкомъ обыкновенная; Лидія Васильевна и не подумаетъ. Но пусть Лидія Васильевна и спроситъ: могу сказать просто: не знаю; онъ мнѣ сказалъ, что ѣдетъ въ деревню,—ну, я подумалъ: значитъ, къ роднымъ. Только. Что за важность?" — При способности Волгина дѣлать соображенія съ быстротою молніи, натурально было ему споткнуться и кашлянуть раза два, и еще натуральнѣе было, что послѣ того онъ почувствовалъ себя, какъ ни въ чемъ не бывало; выводъ былъ очень успокоителенъ, а способность Волгина быть храбрымъ ни мало не уступала его сообразительности.

— Что ты, мой другъ? споткнулся?—Онъ у меня очень ловкій, каждую минуту жду, что сломитъ себѣ руку или ногу,—замѣтила Волгина блондинкѣ, въ объясненіе страннаго обстоятельства, что Волгинъ съумѣлъ заставить вздрогнуть ихъ всѣхъ трехъ, и даже Володю, рѣзко покачнувшись на гладкой дорогѣ, гдѣ никакому другому человѣку не было возможности споткнуться:—Не ушибъ ногу, мой другъ?

— Нѣтъ, голубочка, ничего;—успокоилъ храбрый мужъ.

— Такъ вы Илатонцева, — я слышала вашу фамилію. А зовутъ васъ?

— Надежда Николаевна,—подсказала Наташа.

— И я знаю вашу фамилію; не видѣлъ вашего батюшки,—конечно, я не ошибаюсь, каммергеръ Илатонцевъ, который долго жилъ за границею, вашъ батюшка?—сказалъ Волгинъ — сказалъ отчасти потому, что былъ совершенно спокоенъ, отчасти потому, что идти на встрѣчу опасности—самое лучшее дѣло, когда человѣкъ разсудилъ, что большой опасности и быть не можетъ.

— Да, я его дочь, отвѣчала дѣвушка.

— Погодили бы вы отвѣчать,—или, лучше, не спрашивать бы мнѣ, а прямо начать съ того, что я знаю о каммергерѣ Илатонцевѣ,—сказалъ Волгинъ; — Теперь поздно говорить это, неловко. Хорошій человѣкъ вашъ батюшка.—Да, хорошій человѣкъ. Нѣтъ нужды, что аристократъ; нѣтъ нужды, что страшный богачъ, — все-таки хорошій человѣкъ. — Это Волгинъ сказалъ уже не по храбрости, а просто.

Дѣвушка опять слегка покраснѣла отъ удовольствія.—Да, я видѣла, что многіе любятъ его,—въ селахъ у насъ, всѣ.

— Какимъ же образомъ вы здѣсь, на этой дачѣ, — и, должно быть, одна? — спросила Волгина. — Здѣсь живетъ старикъ, у котораго не бываетъ никто, кромѣ такихъ же какъ онъ. И я слышала, что онъ совершенно одинокій, что у него нѣтъ родныхъ.

Дѣвушка отвѣчала, что онъ дальній родственникъ ея тетушки,—ея тетушка тоже Тенищева; — какъ родственникъ, она не умѣетъ сказать хорошенько. Тетушка не говорила. Тетушка хотѣла ѣхать за-городъ, прокатиться. Она поѣхала съ удовольствіемъ. Но вдругъ тетушкѣ вздумалось заѣхать на эту дачу: тетушка вспомнила, что тутъ живетъ ея родственникъ, котораго тетушка не видала очень давно. Онъ удивился, обрадовался тетушкѣ. Тетушка представила ему ее. Онъ обѣдалъ. Послѣ обѣда тетушка уѣхала: ей надобно было видѣть своихъ знакомыхъ на Крестовскомъ и на Елагинѣ. Потомъ уѣхалъ и Тенищевъ. Она осталась одна въ этомъ большомъ домѣ, такомъ пустомъ, такомъ мрачномъ. Ей было скучно. Нѣтъ, не скучно: если бы только скучно,

то, вѣроятно, было бы можно достать какую-нибудь книгу,—или она пошла бы гулять по саду, хоть и одна, и скука разсѣялась бы. Но она чувствовала какую-то странную боязнь или тоску,—она сама не знаетъ, какъ назвать это чувство. Вѣроятно, это чувство было оттого, что все въ этомъ домѣ такъ странно: оборвано, въ пыли, въ безпорядкѣ: и прислуга такая странная: дѣвушки одѣты нарядно, но неопрятны, и такъ странно пересмѣиваются, и дерзкія, и подобострастныя, все вмѣстѣ; а мужская прислуга,—все какіе-то старики, старые, старые, сморщенные, угрюмые, будто злые, и одѣты бѣдно, съ продранными локтями, съ заплатами... Она ходила по саду, и все-таки ей было грустно. Она такъ обрадовалась, когда увидѣла на берегу молоденькую няньку съ ребенкомъ, ласковую къ нему, веселую. Въ болтовнѣ съ Наташею время пролетѣло у нея незамѣтно...

— Вамъ непріятно, одной, въ пустомъ домѣ; идемъ-же гулять съ нами;— сказала Волгина.

— Но я не знаю...—начала было Илатонцева отговорку, которой, очевидно, не могла желать успѣха.

— Если вы оправдали передо мною Наташу, я тѣмъ больше найду оправданіе вамъ передъ вашею тетушкою.

— Ваша тетушка услышитъ отъ Лидіи Вас...—сообразилъ было пояснить Волгинъ, но разсудилъ, что Лидія Васильевна, если найдетъ умѣстнымъ сообщить Илатонцевой, какую лекцію прочтетъ ея тетушкѣ, то и сама съумѣетъ сообщить.

— Ваша тетушка молодая дама?—спросила Волгина;—очень молодая?

Илатонцева покраснѣла и взглянула на Волгину, какъ будто просила прощенія. — Вы осуждаете тетушку. Но когда вы увидите ее, вы полюбите. Она такая добрая, что я не знаю, способна ли сердиться, или сказать злое слово. Я говорю это не для того, чтобы сказать, что я не жду выговора отъ нея,—боже мой, когда я съ вами!—но если-бъ это были не вы, все равно, я не боялась бы выговора отъ нея. Я могу дѣлать что мнѣ угодно; я совершенно свободна. И это очень естественно, что она спѣшитъ повидаться со своими знакомыми: мы ѣдемъ изъ-за границы, въ деревню...

— Это еще не резонъ, чтобъ она бросала васъ одну, скучать,—основательно возразилъ Волгинъ.

— Ваша правда, это была бы еще не причина, или, если удодно, не извиненіе бросать меня скучать. Но тетушка не думала, что я буду скучать. Она не могла думать этого, она не хотѣла бросать меня одну; но я почти отказывалась дѣлать визиты, ѣздить въ гости къ незнакомымъ людямъ. Въ Петербургѣ я почти никого не знаю: я еще не выѣзжала въ свѣтъ. И я не скучала въ эти дни. Она думала, что мнѣ было бы скучно ѣхать съ нею. Я сама не знала, что эта дача произведетъ во мнѣ такое тяжелое чувство. Мы только что пріѣхали сюда; я не успѣла осмотрѣться, когда тетушка собралась. Если бы я знала, то могла бы ѣхать съ нею.

— Вы не знали,—натурально; но она должна была знать за васъ, что эта дача произведетъ на васъ непріятное впечатлѣніе;—сказалъ Волгинъ.

— Почему же она должна была предвидѣть это?—Потому, что я привыкла къ роскошнымъ комнатамъ? — Правда, привыкла, но привыкла и къ

очень небогатымъ. Въ Провансѣ мы съ madame Lenoir, съ Луизою и Жозефиною жили въ очень небогатомъ домикѣ,—и какъ счастлива была я!

— Вы воспитывались за границею?—и такъ говорите по русски?—Madame Lenoir, это была ваша гувернантка?—спросила Волгина.

— И жили въ Провансѣ?—прибавилъ Волгинъ.

— Почему же не воспитываться въ Провансѣ, если воспитываться во Франціи?—обратилась Волгина къ мужу.—Кажется, въ Провансѣ самый лучшій климатъ во Франціи?

— Но тамъ другой языкъ, не тотъ, которому учатся,—отвѣчалъ Волгинъ:—главная разница та, что окончанія словъ стерлись въ сѣверномъ французскомъ, да и всѣ слова скомканы выговоромъ; а въ южномъ, какъ въ итальянскомъ и въ испанскомъ, формы словъ остались цѣлы, длинны. Напримѣръ...

— Отъ примѣровъ ты пощадишь; тѣмъ больше, что я вспомнила; — сказала, смѣясь, Волгина. — Видите, Надина, какой онъ у меня ученый. Страшно надоѣдаетъ. Нельзя ни о чемъ спросить его: вмѣсто того, чтобъ отвѣчать въ двухъ словахъ, начнетъ цѣлую диссертацію. Разумѣется, я не дослушиваю. Только тѣмъ и спасаюсь; иначе, меня уже назначили бы профессоромъ въ университетъ. — Но говорите, зачѣмъ и какъ вы жили въ Провансѣ?

Она жила въ Провансѣ, потому что madame Lenoir хотѣла жить въ этой части Франціи. Madame Lenoir была ея гувернанткою, это правда,— но больше, нежели гувернанткою. Ея мать, умирая, просила madame замѣнить ей мать... Madame Lenoir съ самаго замужества ея матери была ихъ другомъ. Дружба эта началась черезъ то, что monsieur Lenoir и ея отецъ были хороши между собою еще прежде. Monsieur Lenoir былъ другъ Базара: ея отецъ въ молодости былъ знакомъ съ Базаромъ...

Свѣдѣнія Волгина объ Илатонцевѣ не простирались до такихъ подробностей.—„Гм!—Съ Базаромъ!—промычалъ онъ.—Вашъ батюшка былъ знакомъ съ Базаромъ!—Гм!“

— Madame Lenoir говорила мнѣ, и я сама читала, что очень многіе дурно говорятъ о Базарѣ,—сказала Надина.—Но я привыкла слышать отъ madame Lenoir, что Базаръ всю свою жизнь посвятилъ пользѣ людей...

— Вы не такъ поняли меня, Надежда Николаевна:—сказалъ Волгинъ. Ея отецъ въ молодости былъ довольно хорошъ съ Базаромъ и познакомился у него съ m-r Ленуаромъ. Когда ея отецъ и мать, послѣ свадьбы, переѣхали жить въ Парижъ, m-r Ленуаръ также уже былъ женатъ, и ея мать получила большое уваженіе къ m-me Ленуаръ. Вскорѣ послѣ того, m-r Ленуаръ былъ убитъ—12 мая, это она знаетъ хорошо, потому что m-me Ленуаръ всегда очень много плакала въ этотъ день,—но она не умѣетъ сказать m-r Волгину, въ какомъ году это было,—кажется, въ 1840-мъ.

— Въ 1839;—сказалъ Волгинъ.

— Какъ это ты все помнишь,—замѣтила жена.

— Этого нельзя не помнить, голубочка; — отвѣчалъ онъ, не понявши, въ какомъ смыслѣ было сдѣлано замѣчаніе.—Это не мелочь какая-нибудь; это было важное дѣло: великая ошибка, страшный урокъ. — и остался безполез-

нымъ, натурально. — Видишь, въ первые годы Людовика-Филиппа республиканцы подымали нѣсколько возстаній; неудачно;—разсудили: „подождемъ, пока будетъ сила"; ну, и держались нѣсколько лѣтъ смирно; и набирали силы: но опять не достало разсудка и терпѣнія; подняли возстаніе;—ну и поплатились такъ, что долго не могли оправиться. А чего было и соваться!—если бы было довольно силы, чтобы выиграть, то и сражаться-то было бы нечего: преспокойно получали бы уступки одну за другою,—дошли бы и до власти, съ согласія самихъ противниковъ. Когда видятъ силу, то не будутъ вызывать на бой,—смирятся самымъ любезнымъ манеромъ. Охъ, нетерпѣніе!—Охъ, иллюзіи!—Охъ, экзальтація!—Волгинъ покачалъ головою.

— Madame Ленуаръ говорила также, что ея мужъ не одобрялъ, предсказывалъ погибель.

— Когда ты помнишь это съ такими мыслями, это ничего, мой другъ,—замѣтила Волгина.—Но кстати: кто же былъ Базаръ?

— Главный изъ сен-симонистовъ, голубочка; лучше сказать, самый дѣльный. Анфантенъ взялъ верхъ въ ихъ обществѣ и пріобрѣлъ больше извѣстности. Но у Анфантена было много чепухи въ головѣ, и, я думаю, слишкомъ любилъ рисоваться. Но Базаръ былъ не съумасшедшій, и безусловно честный человѣкъ,—благородный, великій человѣкъ. Дѣльный человѣкъ. Ты не подумай, что онъ, или вообще сен-симонисты подняли это возстаніе: онъ умеръ за нѣсколько лѣтъ до того, да и общество сен-симонистовъ распалось гораздо раньше. Ну, довольно, чтобы не надоѣсть тебѣ.

— Благодарю за то, что съумѣлъ самъ удержаться.—Теперь и я вижу, Надина, что вашъ отецъ долженъ быть очень честный и добрый человѣкъ: очень богатъ, а дружился съ людьми, которые заботились, какъ бы сдѣлать, чтобъ не было ни бѣдныхъ, ни очень богатыхъ.

— Такъ говоритъ madame Ленуаръ;—сказала Илатонцева, опять слегка покраснѣвъ отъ удовольствія.

По смерти мужа, madame Ленуаръ осталась безъ денегъ. Старшая сестра и зять, — они жили также въ Парижѣ, — звали ее къ себѣ. Она говоритъ, что они были хорошіе люди. Но сами были небогаты. Она говоритъ, что поэтому она была рада предложенію своей богатой знакомой жить у нея.

Умирая, мать Илатонцевой просила m-me Ленуаръ не покидать сироту. Илатонцевой было тогда лѣтъ семь. Поэтому она очень мало помнила мать, и знала ее почти только по разсказамъ отца, и въ особенности m-me Ленуаръ...—Волгина спросила, на кого она больше похожа, на отца, или мать?—Больше на отца.

Илатонцевой говорили, что въ первые годы своего дѣтства она звала madame своею бабушкою, и плакала, когда мать увѣряла, что она почти однихъ лѣтъ съ ея бабушкою: „вы не старуха". М-me Ленуаръ казалась ей старухою, потому что была сѣда; она посѣдѣла послѣ смерти мужа. Она не носитъ траура, но Илатонцева не помнитъ, чтобы на ней когда-нибудь было платье свѣтлаго цвѣта... Нѣтъ, было: передъ отъѣздомъ Платонцевыхъ въ Англію m-me Ленуаръ носила свѣтлыя платья. Но въ Англію она опять пріѣхала въ темномъ.

Можно было малюткѣ считать m-me Ленуаръ своею бабушкою не по сѣ-

дымъ волосамъ только, но и потому, какъ обращались съ этою сѣдою женщиной отецъ и мать Илатонцевой. Отецъ говорилъ, что ея мать во всемъ совѣтовалась съ m-me Ленуаръ.

Одна m-me Ленуаръ всегда серьезна, — вѣроятно, всегда грустна. Въ обществѣ она никогда не улыбается; и если начинается веселая болтовня, она молчитъ или уходитъ. — Но она любила, чтобы Илатонцева веселилась; — и потомъ, когда стала жить съ племянницами, она умѣла дѣлать, чтобъ всѣмъ тремъ имъ было весело. Если онѣ хотѣли, она играла съ ними.

Послѣ февральской революціи Илатонцевъ съ дочерью и сыномъ, — ея братъ былъ тогда малютка, — уѣхалъ въ Англію. M-me Ленуаръ плакала, провожая ихъ, но рѣшилась остаться въ Парижѣ. Разлука была недолга: мѣсяца черезъ два m-me Ленуаръ пріѣхала къ нимъ въ Лондонъ, — и говорила Илатонцеву: „мы съ вами ошиблись; не будетъ ничего хорошаго; по прежнему, и нетерпѣливы, и нерѣшительны, и легковѣрны“. Отецъ, какъ ни радъ былъ за дочь пріѣзду m-me Ленуаръ, горько жалѣлъ, и девятилѣтняя дѣвочка плакала, сама не понимая, о чемъ.

Нѣсколько времени они жили въ Англіи. Потомъ Илатонцевъ былъ вызванъ въ Петербургъ; скоро вышелъ въ отставку, и они жили попеременно то въ Петербургѣ, то въ Илатонѣ, — это недалеко отъ Волги, между Сызранью и Хвалынскомъ. Ей очень нравилось въ Илатонѣ: тамъ у нихъ такой большой садъ; подлѣ такой прекрасный лѣсъ; и всѣ въ Илатонѣ такъ любили ея отца, и полюбили m-me Ленуаръ, — m-me Ленуаръ въ первое же лѣто выучилась говорить по-русски, — за отца и m-me Ленуаръ всѣ тамъ любили и ее.

Три года назадъ m-me Ленуаръ получила письмо, что ея старшая сестра умерла. У сестры остались двѣ дочери, — одна, ровесница Илатонцевой, другая двумя годами моложе. Онѣ остались круглыми сиротами. Тетка должна была ѣхать, заботиться о нихъ. Илатонцевъ упрашивалъ ее только съѣздить за ними, привезти ихъ. Она не согласилась. Она говорила: „у нихъ нѣтъ состоянія; онѣ должны выйти за людей небогатыхъ; потому, не должны пріучаться къ роскоши, не должны и видѣть ее вблизи“...

— Да, роскошь портитъ людей; вотъ, напримѣръ, васъ какъ испортила, — замѣтилъ Волгинъ и залился руладою въ одобреніе своему остроумію; кончивъ руладу, обратился къ женѣ: — Что, каково, голубочка? — Видишь, свѣтскій человѣкъ! — и повторилъ руладу.

— Спросите свѣтскаго человѣка, Надина, — пріятно ли ему ваше общество, — сказала жена. — О себѣ, я спрашиваю: онъ каждый день увѣряетъ меня, что пріятно.

— Что же, голубочка, ты должна видѣть, нравится ли мнѣ Надежда Николаевна: — отвѣчалъ Волгинъ: — А что же вы смѣетесь Надежда Николаевна? — Голубочка, чему-жъ смѣется Надежда Николаевна?

— Будь увѣрена, что не твоей свѣтскости: можетъ быть, просто по сочувствію твоей веселости. — Вы любите кататься на лодкѣ, Надина?

— Да, люблю.

— Въ самомъ дѣлѣ, вечеръ прекрасный, погода тихая, — съ большимъ одобреніемъ сказалъ Волгинъ: — Значитъ, послать старика, голубочка?

— Разумѣется, сходишь за нимъ, и принесешь два пальто, мнѣ и Надинѣ,—Наташа дастъ тебѣ,—наденешь и самъ пальто.

— Ну-у, голубочка:—уныло затянулъ Волгинъ, и очень убѣдительно прибавилъ.—А я и позаботился-бы, голубочка, чтобы готовъ былъ чай къ тому времени, какъ вы...

— Можете видѣть, Надина, какъ ему пріятно не только ваше, но и мое общество.

— Ахъ, ты, голубочка!—Это значитъ, ты шепнула Надеждѣ Николаевнѣ, покуда я хохоталъ!—Эхъ, голубочка!

— Вы видите, Надина, что у него надобно учиться не только любезности, но и хитрости: онъ даже и надобность придумалъ, для насъ же, чтобы онъ остался дома.—Ты позаботишься о чаѣ!—Хорошъ будетъ чай!—Но, иди же за старикомъ, не переслушаешь всѣхъ похвалъ себѣ.—Пошли старика на дачу Тенищева сказать, что Надина съ нами.

Волгинъ вздохнулъ, но пустился чуть не бѣгомъ къ избушкѣ подлѣ маленькой пристани.—На пристани была привязана рыбацкая лодка. Изъ избушки вышелъ старикъ-рыбакъ съ довольно большимъ ковромъ, принялся раскладывать и оправлять его по лодкѣ. А Волгинъ между тѣмъ стремглавъ летѣлъ домой, придерживая рукою фуражку, чтобы не сорвалась отъ неуклюжихъ, но очень успѣшныхъ прыжковъ, которыми онъ отмахивалъ чуть не по двѣ сажени.

— Славный коверъ! Мы будемъ сидѣть, какъ на подушкахъ!—сказала Илатонцева, когда подошла съ Волгиною къ лодкѣ:—Рыбная ловля здѣсь выгодна, если рыбакамъ можно покупать такіе ковры.

— Ничего, слава Богу, живемъ, барышня;—отвѣчалъ старикъ.—Но, впрочемъ, коверъ не мой, а Лидіи-Васильевнинъ; онъ такъ ужъ и лежитъ у меня. Гдѣ нашему брату, рыбаку, имѣть такіе.

— Конечно, рыбакъ не захотѣлъ бы купить, но если бы вздумалъ, то могъ бы купить такой коверъ, еслибы не пропилъ на прошлой недѣлѣ тридцать рублей;—серьезно замѣтила Волгина.

— Эхъ, Лидія Васильевна, вотъ за это не люблю васъ: больно вы строга:—отвѣчалъ старикъ будто шуткою, но не успѣвая заглушить въ голосѣ жалобу.—Вотъ, барышня, будьте вы судьею между нами: все лѣто слуга покорный Лидіи Васильевнѣ, а не вижу отъ нея ни гроша, послѣ трехъ рублей, что получилъ въ задатокъ,—и не увижу, она говоритъ. „У старухи твоей лучше пойдетъ въ пользу", говоритъ. Значитъ, что-жъ я выхожу послѣ этого?—Батракъ на свою старуху!—Что ты станешь дѣлать?—Такой упрямый человѣкъ она, Лидія-то Васильевна...

Между тѣмъ, примчался галопомъ Волгинъ.—Волгина оправила на Илатонцевой свое лучшее черное бархатное пальто, и лодка поплыла по взморью, по тихой зыби едва замѣтныхъ струекъ.

— Хорошій вечеръ,—сказала Волгина.—А въ Провансѣ, Надина, почти круглый годъ вечера такъ хороши,—и половину года бываютъ лучше?—Правда это?

— Да,—отвѣчала Илатонцева, и стала вспоминать, какъ хорошо въ Провансѣ, и какъ особенно хорошо въ ихъ домикѣ, въ ихъ долинѣ. Малень-

кій домикъ m-me Ленуаръ стоитъ въ одной изъ долинъ Mont de l'Etoile, немножко въ сторонѣ отъ желѣзной дороги изъ Э въ Марсель...

— Mont de l'Etoile,—замѣтилъ Волгинъ едва ли когда слыханнымъ до него въ мірѣ французскимъ выговоромъ.—Mont de l'Etoile—не помню, да и въ какую сторону Э отъ Марсели, не знаю: но, кажется, читалъ, что дорога изъ Э въ Марсель ведетъ черезъ такія очаровательныя долины, какихъ немного и въ самомъ Провансѣ. А что, это высокая гора, Mont de l'Etoile? —и въ какую сторону отъ нея домикъ madame Lenoir?

— Домикъ на югъ отъ горы; она довольно высокая.

— А, ну, это очень хорошо; значитъ, долина закрыта отъ мистраля.

— Что это мистраль?—спросила Волгина,—сѣверный вѣтеръ?

— Да, голубочка; отъ него въ иной годъ пропадаетъ сборъ оливокъ въ мѣстахъ, открытыхъ на сѣверъ. А ихъ много, въ особенности по Ронѣ, потому что Рона, знаешь, течетъ тамъ прямо съ сѣвера на югъ. Ну, разумѣется, это провансальцы называютъ мистраль морозомъ, а у насъ... Ну, да впрочемъ, ты учишь, голубочка, Надежду Николаевну смѣяться надо мною.

— Да, это очаровательное мѣсто, долина, гдѣ стоитъ домикъ madame Ленуаръ,—продолжала Илатонцева. Ея отецъ ѣздилъ самъ искать, гдѣ купить домъ.—Когда madame Ленуаръ отказалась взять племянницъ въ Россію, онъ попросилъ ее, чтобы она взяла его дочь въ свое новое семейство. Онъ хотѣлъ ѣхать самъ во Францію, и жить подлѣ. Madame Ленуаръ сказала: „Нѣтъ, если Надина будетъ жить съ моими племянницами, вы не должны жить подлѣ насъ. Мои племянницы не должны видѣть никакой роскоши подлѣ себя".—Ему было очень тяжело это условіе; но онъ принужденъ былъ согласиться, что она говоритъ правду. Онъ сказалъ: „Пусть будетъ по вашему. Но я провожу васъ и найду для васъ жизнь въ деревнѣ; деревенскій воздухъ лучше парижскаго для тихаго воспитанія, а поселиться въ Провансѣ всегда было вашею мечтою".—Она видѣла, что онъ хочетъ сдѣлать ей подарокъ; но не могла отказаться. Прежде, она не хотѣла брать жалованья, какое слѣдовало бы; у нея не было ничего; тоже и у племянницъ. Она только настояла, чтобъ домъ былъ маленькій, и земли при немъ немного:—Илатонцевъ поѣхалъ изъ Парижа въ Провансъ, возвратился, повезъ ихъ на новоселье, взглянулъ, какъ онѣ тамъ устроились, и уѣхалъ.—Потомъ онъ пріѣзжалъ два раза,—оба раза на нѣсколько дней. Madame Ленуаръ не позволяла ему оставаться дольше. „Я не хочу, чтобы вы избаловали моихъ племянницъ".

Онѣ жили очень скромно. Земля давала тысячи двѣ франковъ. Онѣ вчетверомъ должны были жить на это, потому что madame Ленуаръ говорила: „Когда вы хотите, чтобы Надина жила со мною, она не должна ничѣмъ отличаться отъ моихъ племянницъ, и ей нѣтъ надобности въ деньгахъ".—Онѣ должны были сами дѣлать довольно много, потому что у нихъ была только одна служанка, а при домикѣ есть садикъ съ виноградомъ, съ фруктовыми деревьями.—Илатонцева забывалась отъ восторга, вспоминая ту жизнь въ обществѣ двухъ подругъ, добрыхъ, добрыхъ дѣвушекъ... Онѣ всѣ три такъ любили другъ друга и madame Ленуаръ... Заботы о хозяйствѣ, безконечныя игры... Прогулка, иногда втроемъ, или вчетверомъ, съ madame Ленуаръ,—

иногда, съ сосѣдними сельскими дѣвушками и молодыми людьми, иногда и въ обществѣ какихъ-нибудь гостей изъ Марсели...

Илатонцева задумалась.

— Вотъ, вы четыре года,—или три?—прожили въ Провансѣ,—началъ Волгинъ.—Положимъ, французскій акцентъ не испортился у васъ отъ этого, потому что вы жили въ семействѣ парижанокъ; кромѣ того, я и не слышалъ, какъ вы говорите по-французски, да и не могъ бы судить, если бы слышалъ. Ну, а вотъ это какъ же, что вы говорите по-русски, будто и не выѣзжали изъ Россіи?

— Когда мы жили въ Парижѣ... въ нашемъ семействѣ говорили по-русски... Отецъ и мать... у меня была русская нянька... Потомъ мы жили... въ Россіи. Я уѣхала съ madame Ленуаръ уже пятнадцати лѣтъ...—Илатонцева довольно на долго остановилась.—Madame Ленуаръ говорила со мною по-русски... у нея дурной акцентъ, но она говоритъ довольно свободно...—Илатонцева опять остановилась.

Волгинъ бросилъ на жену умоляющій взглядъ. Но Волгина промолчала.

— Да-съ, вы говорили, Надежда Николаевна, что madame Ленуаръ заботилась о русскомъ языкѣ.

— Да... заботилась... Она для этого даже согласилась... взять съ собою Мери, мою горничную... внуку моей няньки... Маша такъ любила меня... что рѣшилась прислуживать всѣмъ тремъ намъ...—Илатонцева опять остановилась.

Волгинъ опять бросилъ умоляющій взглядъ на жену. Опять это осталось безуспѣшно. Неужели она не замѣчаетъ?

Лодка давно выѣхала на взморье, и качалась уже довольно сильно.—Пока Илатонцева не замѣчала этого, въ увлеченіи воспоминаніями о madame Ленуаръ и Провансѣ, все было хорошо.—Но когда Волгинъ возобновилъ разговоръ, отрывочность ея словъ показалась ему заслуживающею размышленія, и съ обыкновенною догадливостью, онъ постигъ, что Илатонцева больше думаетъ о волнахъ, нежели о разговорѣ.—Лидія Васильевна не хотѣла замѣчать его взглядовъ; онъ, при своей изобрѣтательности на очень замысловатые обороты, не затруднился придумать, какъ ему надобно говорить:

— Голубочка, знаешь, пожалуйста: лучше поѣдемъ назадъ. Тамъ, впереди, волны еще больше.

— Знаю ли, что ты трусъ?—Еще бы не знать!—Я думаю, видитъ уже и Надина. Посмотри на нее и постыдись, мой другъ, въ ея лицѣ не замѣтно никакой перемѣны. Ты хуже всякой дѣвушки,—я думаю, хуже всякой дѣвочки.

— Мы очень часто бывали въ Марсели, и катались въ лодкѣ по морю. Я слишкомъ хорошо знаю, что это волненіе ничтожно, не только безопасно. —Вы просите вернуться потому, что думаете. мнѣ страшно. Но я вижу, что нѣтъ никакой опасности. Можетъ быть, вамъ показалось. что мое лицо нѣсколько блѣдно: это оттого, что мы сидимъ: у меня, вѣроятно, былъ румянецъ отъ прогулки. Теперь онъ сошелъ. Кромѣ того, воздухъ начинаетъ быть прохладенъ. Но въ Провансѣ я привыкла любить прохладный воздухъ. А самой мнѣ тепло въ этомъ пальто. Посмотрите.—Она протянула изъ подъ пальто руку и сняла перчатку.—Рука теплая, не правда ли?

— Рука теплая,—согласился Волгинъ.

— О чемъ мы говорили?—Да, о Машѣ, которую мы теперь зовемъ Мери. Она очень любитъ меня. Ея отецъ управлялъ нашимъ домомъ въ Петербургѣ, когда мы жили въ Парижѣ. Прежде онъ былъ камердинеромъ у моего отца. Когда мы переѣхали жить въ Россію, она сдѣлалась моею горничною: она четырьмя годами старше меня. Madame Ленуаръ говорила, что она очень умная дѣвушка. Сколько я могу судить, это правда. Когда madame Ленуаръ должна была ѣхать во Францію, и хотѣла взять меня съ собою, то не хотѣла, чтобы у меня была особенная прислуга. Но Мери сказала, что будетъ прислуживать и ея племянницамъ. Тогда madame Ленуаръ согласилась взять ее. Тѣмъ больше, что и сама любила ее, и была рада, что мнѣ будетъ съ кѣмъ говорить по-русски... Она и прожила нѣсколько времени у насъ въ Провансѣ... И всѣ были очень довольны ею... Но потомъ она не жила съ нами... Она жила въ Парижѣ... Вернулась къ намъ только уже не задолго передъ моимъ отъѣздомъ... Она очень любитъ меня... Но я забываю, что это нисколько не интересно для васъ...

Видно было, что она говорила только для того, чтобы говорить, и перестала говорить также только потому, что опять ей стало трудно удерживать связь мыслей.—Лодку качало сильнѣе и сильнѣе.—Теперь уже и Волгинъ видѣлъ, что Илатонцева блѣдна.

Блѣдна, правда. Но держала себя превосходно.—Волгинъ посмотрѣлъ на жену съ выраженіемъ, говорившимъ:—„Голубочка, похвали ее“.

Волгина засмѣялась.—Взгляните, Надина, какъ сочувствуетъ вамъ свѣтскій человѣкъ.—Но въ самомъ дѣлѣ нельзя не похвалить васъ. Надина. У васъ есть характеръ.

— Мнѣ очень стыдно за себя,—отвѣчала Илатонцева.—Я какъ нельзя лучше вижу, что нѣтъ ни малѣйшей опасности.—Я говорила, кажется, что Мери пріѣхала съ нами въ Провансъ. Madame Ленуаръ была очень довольна ею. Она нисколько не тяготилась тѣмъ, что должна была и одѣваться, и жить, какъ наша другая служанка, старушка изъ сосѣдней деревни. Но она прожила съ нами не больше полугода. Потомъ уѣхала въ Парижъ. На дорогѣ въ Провансъ мы пробыли въ Парижѣ недѣли полторы, пока папа купилъ и устроилъ домикъ. Вѣроятно, въ это время Мери успѣла пріобрѣсти въ Парижѣ знакомства, которыя пригодились ей: она дѣвушка очень умная. Она уѣхала отъ насъ въ Парижъ потому, что ее пригласили быть конторщицею въ какомъ-то косметическомъ магазинѣ... Madame Ленуаръ не хотѣла отпускать ее... потому что она говорила со мною по-русски... и потому что онѣ всѣ любили ее... и я, конечно...

Илатонцева опять остановилась. Съ минуту лодка продолжала плыть впередъ.—Черезъ край плеснуло нѣсколько капель.

— Повернемъ назадъ,—сказала Волгина старику-лодочнику.—Опасности не было-бы, Надина, хоть-бы мы плыли до Кронштадта и за Кронштадтъ. Но я скупа. Пальто, которое на мнѣ, не боится не только брызгъ, но и проливного дождя. Но было-бы жаль бархатнаго, которое на васъ. Сколько стоитъ такое въ Парижѣ?—Я думаю, рублей пятьдесятъ, или меньше?—А мнѣ оно обошлось въ семьдесятъ, и то лишь потому, что я дружна съ моею модисткою, и ея дочери—миленькія нѣмочки—вѣшаются мнѣ на шею.

— Мнѣ смѣшно и стыдно за себя, — сказала Илатонцева. — Я знала, что нѣтъ опасности, и нисколько не боялась. Но мнѣ было надобно большое усиліе воли, чтобы не дрожать. Мнѣ тѣмъ стыднѣе за свою трусость, что можно было-бъ отстать отъ нея, катаясь по морю.

— Это не трусость, Надежда Николаевна;—возразилъ Волгинъ. — Вы созданы для тихой жизни только.—Вы разсказывали о вашей горничной.

— Но, я понимаю, что это вовсе не интересно для васъ.

— Нѣтъ, это интересно. Не правда-ли, голубочка?

Онъ думалъ о томъ, что горничная должна быть дѣвушка опасная.—Ее изъ Прованса вызвали въ Парижъ быть конторщицею! Въ Парижѣ мало желающихъ быть конторщицами!—Очевидно, она уѣзжала туда быть авантюристкою.

— Вы видите, Надина, онъ интересуется всѣмъ, что близко къ вамъ:— сказала Волгина.—Если бы вы знали, какой онъ дикарь, вы удивлялись бы, что онъ разговорился съ вами. Вы видите, я такъ рада этому чуду, что и не мѣшаюсь въ вашъ разговоръ: пусть хоть немножко привыкаетъ говорить съ людьми о чемъ-нибудь, кромѣ книгъ и глупостей, которыя называются у нихъ общественными дѣлами.

— Почему-жъ она возвратилась быть вашею горничною?—спросилъ Волгинъ.—Ей не повезло житье въ Парижѣ?

Кажется, напротивъ. Правда, она не хвалилась особеннымъ счастьемъ въ Парижѣ. Но она и не жаловалась на неудачи. Вообще, она мало говорила о своей парижской жизни. Но когда она вернулась оттуда, она привезла порядочный гардеробъ, много дорогихъ вещицъ. Мери вернулась, безъ всякаго сомнѣнія, только потому, что очень любитъ ее; соскучилась по ней...

Madame Ленуаръ приняла Мери очень сурово. Довольно долго не соглашалась, чтобы она она заняла прежнее мѣсто...

— Madame Ленуаръ должна была полагать, что Мери вернулась къ вамъ не по расположенію къ вамъ, а по корыстолюбивымъ разсчетамъ;—замѣтилъ Волгинъ, самъ, при всей своей простотѣ, видя, что не обманулся относительно парижской карьеры Мери. „Очевидно, madame Ленуаръ знала, что Мери была тамъ авантюристкою“. — Madame Ленуаръ была, по моему, права,—продолжалъ онъ.

— Теперь я понимаю, чего опасалась m-me Ленуаръ! — сказала Илатонцева. — Такъ! такъ! она опасалась, что Мери хочетъ обманывать меня, выманивать у меня деньги, подарки, когда мы будемъ жить въ Петербургѣ!— А я рѣшительно не могла объяснить себѣ, почему madame была вооружена противъ Мери! — На мои просьбы за Мери она говорила только, что Мери ненравится ей, — а я думала: что-жь это?—Неужели madame Ленуаръ можетъ такъ долго сердиться, такъ наказывать Мери за то, что Мери два года назадъ не послушалась ея мнѣнія? Я очень рада, что вы объяснили мнѣ единственный случай, въ которомъ я не умѣла понять, что madame Ленуаръ совершенно права. — Конечно, — о, конечно, madame Ленуаръ должна была опасаться за мои наряды, деньги!—Это подозрѣніе такъ естественно! — Возвращаться изъ конторщицъ въ горничныя — въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить съ перваго раза, что это дѣлается по расположенію, а не по разсчету обирать меня.

Но Мери успѣла разсѣять предубѣжденіе madame Ленуаръ. Мери впередъ сказала ей: „Я снова заслужу ваше расположеніе, каковы бы ни были мои недостатки или ошибки“, и поселилась въ Марсели.—Онѣ часто ѣздили въ Марсель: у нихъ было много знакомыхъ тамъ. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ m-me Ленуаръ сказала: „Мери хорошая дѣвушка. Она сдѣлалась даже лучше, нежели была до разлуки съ нами. Тогда она была немножко слишкомъ шаловлива; теперь она совершенно серьезна“.

Была ли madame Ленуаръ обманута? — раздумывалъ Волгинъ. — Очевидно, эта Мери очень хитрая дѣвушка. Но видно и то, что у нея твердая воля.—Трудно предположить, чтобы умная женщина, хорошо знавшая Мери, могла обмануться притворнымъ раскаяніемъ. Вѣроятнѣе, что Мери дѣйствительно остепенилась. Но это вздоръ; дѣло не въ томъ, будетъ ли шалить Мери или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что она хитра и умна. Если она вздумаетъ жертвовать счастьемъ Илатонцевой для своихъ разсчетовъ, она можетъ погубить это нѣжное существо, непонимающее ничего злаго.—У Илатонцевой громадное приданое. Какъ она явится въ свѣтѣ, сотни мерзавцевъ будутъ льнуть къ нему. Горничная пользуется довѣріемъ Илатонцевой: опытна, ловка: важная союзница. Тотъ изъ мерзавцевъ, который искуснѣе всѣхъ, то-есть, бездушнѣе, подлѣе всѣхъ,—подкупитъ горничную чтобы она пѣла про него,—и устроится свадьба... Илатонцевъ, положимъ, хорошій человѣкъ. Но отецъ не замѣна матери. Тетка, очевидно, пустѣйшая женщина...

— Ты задумался, мой другъ;—замѣтила Волгина.

— Видишь ли, голубочка, я скажу тебѣ откровенно. Надежда Николаевна очень хорошая дѣвушка, и я полюбилъ ее.

— О чемъ же тутъ горевать?—Договаривай: тебя пугаетъ за нее то, что у нея богатое приданое?

— Разумѣется, голубочка, потому что ты всегда знаешь всѣ мои мысли.

— Чрезвычайно мудрено отгадывать ихъ.—Но прежде, нежели будешь давать свои совѣты Надинѣ, спросишь и меня.—Ты всегда согласенъ со мною, а я съ тобою не всегда.

Волгинъ погрузился въ новое размышленіе: Лидія Васильевна не можетъ не знать, что собирался онъ посовѣтовать Илатонцевой. Натурально, что: „Будьте дружны съ Лидіею Васпльевною: не теперь, — теперь, не въ чемъ вамъ быть довѣрчивою; но всегда, всегда“.—Неужели же Лидія Васильевна не хочетъ замѣнить старшую сестру для этой прекрасной дѣвушки?

Илатонцева разсказывала между тѣмъ, какъ боролись въ ней чувства, когда отецъ написалъ, что тетка ѣдетъ взять ее домой. Ей и хотѣлось поскорѣе увидѣть отца и брата, жаль было и разставаться съ madame Ленуаръ и ея племянницами. — Тетка выѣхала, онѣ ждали ее, — ждали мѣсяца два: онѣ уже думали, не занемогла ли тетушка. Но отецъ успокоилъ ихъ: онъ написалъ, что тетушка живетъ въ Парижѣ и здорова.

Илатонцева сама не знала, чего хотѣлось ей больше: того ли, чтобъ тетка скорѣе пріѣхала за нею, или того, чтобы она жила и жила въ Парижѣ.—Наконецъ, она пріѣхала. Тутъ было слезъ! — Madame Ленуаръ говорила, что когда выдастъ племянницъ, пріѣдетъ жить въ Илатонѣ. Она полюбила русскій народъ, и говорила: „у насъ во Франціи мало людей, которые

искренно желаютъ пользы народу; но все-таки находятся они въ каждомъ уголкѣ. А у васъ народу рѣшительно не съ кѣмъ посовѣтоваться, не отъ кого услышать доброе". „Но это было прежде, говорила она.—Въ эти три года у васъ очень многое перемѣнилось. Мы видимъ по журналамъ, Надина,—онѣ получали въ Провансѣ русскіе журналы.—Мы видимъ по журналамъ, Надина, что у васъ начинаютъ заботиться о народѣ. Но все еще очень мало людей, и я буду не лишняя".—Она жалѣла и о томъ, что ея воспитанница не будетъ имѣть подругъ въ деревнѣ. Жаль, что не въ Провансѣ не у madame Ленуаръ, а уже на дорогѣ, въ Италіи, было получено письмо отъ отца, гдѣ онъ говорилъ о молодомъ человѣкѣ, который согласился ѣхать съ нимъ въ деревню, гувернеромъ Юриньки. Она переписала ту часть письма, гдѣ...

— Вашъ батюшка такъ доволенъ гувернеромъ вашего братца? — замѣтилъ Волгинъ. — Я очень радъ, потому что подружился съ дальнимъ родственникомъ и однофамильцемъ этого молодого человѣка,—тоже молодымъ человѣкомъ. Потому то я и слышалъ о вашемъ батюшкѣ, что родственникъ моего знакомаго, тоже Левицкаго, гувернеръ вашего брата.

Нельзя было иначе, надобно было поступить рѣшительно.—Опасность, о которой давнымъ давно забылъ Волгинъ, вдругъ нависла надъ его головою. Еще два, три слова—и Илатонцева назвала бы фамилію гувернера. Но—что значитъ храбрость и быстрота! — Теперь опасность была совершенно уничтожена.—Волгинъ гордился собою. — Пусть теперь Илатонцева говоритъ о гувернерѣ брата, что угодно, сколько угодно,—бѣды не будетъ.—Удивительно было ему только то,—Волгину всегда было что-нибудь удивительно,—удивительно было ему только то, какъ тогда, въ минуту встрѣчи, не пришло ему въ голову такое легкое средство отвратить опасность: тогда не было бы ему надобности пугать жену, сына, Наташу, Илатонцеву своимъ спотыканіемъ и кашлемъ.

Она переписала для madame Ленуаръ ту часть письма, гдѣ отецъ ея говорилъ о гувернерѣ Юриньки. Отецъ убѣжденъ, что она полюбитъ Левицкаго. Онъ описываетъ его такимъ, что и нельзя не полюбить. Madame Ленуаръ будетъ очень рада, что въ ихъ семействѣ живетъ новый человѣкъ, такой умный, прекрасный, благородный. Теперь madame будетъ увѣрена, что ей не будетъ скучно въ деревнѣ.—Впрочемъ, можетъ быть, она найдетъ тамъ и подругъ; madame Ленуаръ говорила: „Въ эти три года настроеніе умовъ у васъ въ Россіи очень перемѣнилось; вѣроятно, многіе изъ вашихъ сосѣдовъ, которые прежде отталкивали отъ себя дикими понятіями, теперь будутъ рады слушать твоего отца".—Прежде ея отецъ и не могъ и не хотѣлъ сойтись ни съ кѣмъ изъ сосѣдовъ. Онъ слишкомъ расходился съ ними въ образѣ мыслей.—Но если оправдаются надежды madame Ленуаръ, вѣроятно, и отецъ найдетъ себѣ сочувствіе, и она найдетъ себѣ подругъ...

— А, должно быть, вы съ тетушкою долго ѣхали въ Россію, если получали на дорогѣ письма отъ вашего батюшки:—замѣтилъ Волгинъ.

— Да. Тетушка поѣхала изъ Прованса черезъ Италію, довольно долго останавливались во Флоренціи...

Должно быть однако сильная охотница кутить:—разсудилъ Волгинъ.—Парижа ей мало, хотѣлось навѣстить и Флоренцію, по слухамъ, что нигдѣ

нѣтъ такихъ удобствъ для кутежа, какъ во Флоренціи. — То-то и есть, — замѣтилъ онъ вслухъ.—Мой знакомый, Левицкій, говорилъ мнѣ про гувернера Юриньки, что больше мѣсяца онъ со дня на день все уѣзжаетъ изъ Петербурга съ вашимъ батюшкою, — и все не можетъ уѣхать. — Вашъ батюшка ждалъ, ждалъ васъ въ Петербургѣ,—и наконецъ получаетъ письмо, что вы проѣдете въ деревню черезъ Одессу, — онъ въ деревню, думаетъ найти васъ тамъ,—и вотъ, я вижу теперь, только что уѣхалъ онъ изъ Петербурга, по вашему письму,—а вы въ Петербургъ.—Ну, признаться, тетушка у васъ!

Если М-г Волгинъ познакомится съ ея тетушкою, онъ не будетъ въ силахъ сердиться на тетушку. У тетушки такое доброе сердце. Но правда, тетушка нѣсколько не постоянна въ своихъ мысляхъ. Тетушка велѣла ей написать отцу, что онѣ выѣзжаютъ изъ Флоренціи въ Вѣну и поѣдутъ въ свою деревню черезъ Одессу, а потомъ вздумала видѣть Женевское озеро. Онѣ пробыли нѣсколько дней на берегахъ Женевскаго озера, потомъ проѣхали по Рейну, черезъ Берлинъ, Штеттинъ; правда, ей было очень грустно, что она уже не застала отца и брата въ Петербургѣ. Тѣмъ больше, что отецъ долженъ былъ безпокоиться, не нашедши ихъ въ деревнѣ. Но она уже послала извѣстіе отцу,—и теперь уже все равно: отецъ будетъ спокоенъ. Правда, ей хотѣлось бы поскорѣе ѣхать къ нему и брату,—но что-жъ дѣлать?—тетушкѣ нельзя уѣхать изъ Петербурга, не повидавшись съ знакомыми.

— Голубочка, не правда-ли, хороша тетка у Надежды Николаевны?— замѣтилъ Волгинъ.

— Что, мой другъ? — Тетка Надины? — Что такое?

— Да ты не слушала?

— Я задумалась о Володѣ. Забавно и пріятно было смотрѣть, какая храбрая Надина, и мы заплыли далеко... Спитъ-ли онъ, мой милый, или нѣтъ? — Ну, что же тетушка Надины?

Волгинъ сталъ пересказывать о томъ, какъ тетушка Надежды Николаевны перепутала все. Илатонцева защищала тетку. Волгина слушала разсѣянно.—Лодка проплыла Крестовскій мостъ.— Волгина смотрѣла на берегъ Петровскаго острова. Волгинъ спорилъ съ Илатонцевой.

— Лидія Васильевна, вы? — закричала издали съ берега Наташа.

— Что Володя? Спитъ?

— Спитъ, Лидія Васильевна, а я смотрю васъ, подавать самоваръ.— Наташа побѣжала домой.

Напившись чаю, Илатонцева попросила Волгину дать ей кого-нибудь проводить ее на дачу Тенищева.

— Вы думаете, я отпущу васъ быть одной въ этомъ домѣ, который наводилъ на васъ тоску и днемъ? — Когда пріѣдетъ ваша тетушка, можетъ заѣхать сама взять васъ.

— Если еще не позабыла, что завезла племянницу въ чужой пустой домъ и бросила одну,— добавилъ Волгинъ, который никакъ не соглашался простить тетушку: — А я уйду, голубочка,—ты вѣдь не пустишь Надежду Николаевну, не надо мнѣ провожать ее?

— Иди себѣ, работай. Но въ два часа долженъ спать,— слышишь?

Волгинъ ушелъ. Волгина продолжала болтать съ Илатонцевой... Пробило одиннадцать часовъ. Илатонцева опять стала просить Волгину дать ей кого-нибудь, проводить ее на дачу Тенищева.

— Полноте, Надина: видно, что ваша тетушка осталась гдѣ-нибудь на вечерѣ, на балѣ, когда нѣтъ ее до сихъ поръ.

— Да, я сама думаю, что она уже не вернется раньше двухъ, трехъ часовъ... и мы будемъ ночевать на дачѣ этого Тенищева... Но быть можетъ, она пріѣдетъ раньше...

— И захочетъ вернуться ночевать домой? — Пусть будетъ и такъ. Она заставила васъ дожидаться ея; можетъ и сама подождать, пока мы съ вами напьемся чаю завтра поутру.

— Нѣтъ, отпустите меня, пожалуйста...

— Вы боитесь выговора?

— Нѣтъ, она неспособна дѣлать выговоры. Но мнѣ самой не хотѣлось бы...

Вмѣсто отвѣта Волгина вынула булавку изъ ея волосъ.— „Боже мой!“ — проговорила дѣвушка въ смущеніи, почти въ испугѣ, подхватывая рукою густые локоны.— „Боже мой!“ — повторила Волгина, поддѣлываясь подъ нѣжный сопрано дѣвушки, и выдернула другую булавку: — „Ахъ, зачѣмъ у меня не такіе волоса!“ — проговорила она съ досадою.

— Ваши гуще моихъ;—сказала Илатонцева.

— Но они черные!—Зачѣмъ я не блондинка! Такая досада!—А Наташа дивится, что я умѣю причесать себѣ волоса безъ зеркала! — Поневолѣ выучишься!—Такая досада!—Впрочемъ, теперь, конечно, все равно.—Идемъ ко мнѣ въ спальную. Пора спать. Володя мастеръ будить. Голосокъ такой же прекрасный, какъ у отца.—Она почти насильно подняла Илатонцеву со стула и повела,— но сошедши съ мѣста противъ воли, Илатонцева съ восторгомъ заговорила:—О, какъ я рада, что вы не пустили меня!—Мнѣ было бы такъ тяжело, страшно одной въ этомъ сыромъ, гадкомъ домѣ!

— Володя не будетъ мѣшать вамъ: онъ здоровъ и не плачетъ по ночамъ: но часовъ въ восемь разбудитъ.— Перемѣни простыню на диванѣ,— возьми изъ моихъ, Наташа; и подушку положи изъ моихъ.

— А гдѣ-же спать мнѣ, Лидія Васильевна?

— Ахъ, какая ты глупая дѣвчонка!—Она готова плакать, что у нея отнимаютъ диванъ!

— Нѣтъ, Лидія Васильевна, — убѣдительнымъ голосомъ возразила Наташа:—Я ничего; только я не знаю, гдѣ же вы прикажете мнѣ лечь: здѣсь ли, на полу, принести тюфякъ, или въ кухнѣ?

— Я прикажу тебѣ вовсе не ложиться: иди въ залъ и сиди всю ночь у окна.

— Зачѣмъ же, Лидія Васильевна? — и не спать? — съ отчаяніемъ спросила Наташа.

— И не спать. Сиди и молись, чтобы я сдѣлалась такая же добрая, какъ Надежда Николаевна, которая тебѣ нравится.

— Очень хоро... — начала было Наташа, но не договоривши, передумала:—Да вы смѣетесь, Лидія Васильевна!

— Убирайся въ кухню къ Авдотьѣ,— ложись въ залѣ, если не боишься одна,—ложись здѣсь,—не все ли равно?—Когда ты перестанешь быть глупою и надоѣдать мнѣ всякими пустяками, все равно, какъ Алексѣй Иванычъ?

— Нѣтъ, Лидія Васильевна, Алексѣй Иванычъ не такой какъ я: Алексѣй Иванычъ самый умный человѣкъ; это говоритъ и Мироновъ, и всѣ. Да и что же вы притворяетесь передъ Надеждою Николаевною, будто сами не знаете этого?

Илатонцева не выдержала, засмѣялась.—Ложитесь здѣсь, Наташа, и доскажите мнѣ сказку о Марьѣ Маревнѣ, критской королевнѣ.

— Посмотрите, какая бойкая она стала! — Распоряжается въ моемъ домѣ, будто хозяйка!

— Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхала отъ madame Ленуаръ, я не чувствовала себя такою довольною и свободною;—сказала Илатонцева, съ оттѣнкомъ грусти.

— У васъ добрый отецъ, Надина; при немъ вы будете опять чувствовать себя свободною и довольною.

— О, да, да! — радостно сказала Илатонцева.

Пришедши поутру пить чай, Волгинъ увидѣлъ въ столовой только жену. —А гдѣ же Илатонцева, голубочка? Неужели тетка успѣла уже прислать за ней?—Еще нѣтъ девяти часовъ! Неужели старая дурища, прорыскавши, чортъ знаетъ гдѣ, до поздней ночи, уже вскочила опять рыскать?

— Илатонцева ушла, какъ встала; не хотѣла даже подождать чаю. Авдотья говоритъ,— Авдотья проводила ее,— что умная тетушка еще спитъ. Пріѣхала часу въ пятомъ.

— Плясала на балѣ, или просто кутила,—основательно замѣтилъ Волгинъ:—А славная дѣвушка эта Илатонцева.

— Очень хорошая. И ты вчера уже вздумалъ было навязывать мнѣ заботу о ней?—Очень достаточно мнѣ и того, что няньчусь съ Володею и съ тобою.

— Я вовсе не думалъ, голубочка,—съ убѣдительною искренностью сказалъ мужъ:—Увѣряю тебя, не думалъ.

— Не думалъ!—Если бы я не замѣтила и не остановила тебя, когда ты печалился ея приданымъ, ты сейчасъ бы началъ внушать ей, чтобы она, когда пріѣдетъ изъ деревни, обо всемъ совѣтовалась бы со мною.

— Ну, что же, голубочка?—Разумѣется, всякіе тамъ мерзавцы,—ну, можетъ ли она понимать мерзавцевъ?—Что же, разумѣется, это жалко: одна, некому вразумить.—Волгинъ былъ хорошъ тѣмъ, что ни мало не стѣснялся и объяснять свои мысли, послѣ того, какъ отперся отъ нихъ.

— Совершенная правда, мой другъ; но я не хочу продолжать тѣснаго знакомства съ нею. Такія знакомства не по нашимъ деньгамъ. Да я и не люблю бывать у людей, которые важнѣе насъ съ тобою. Ты долженъ бы помнить это.

— Ну, конечно, это хорошо, голубочка, и все такъ. Но для нея можно бы сдѣлать исключеніе.

— Хорошо: я доставлю тебѣ и случай сдѣлать исключеніе. Я иду гулять,— ты остаешься дома,— такъ?

— Голубочка!—эта дурища, какъ протретъ глаза, придетъ благодарить тебя за любезность къ ея племянницѣ!—Тебя не будетъ дома, а я буду дома! —Жена засмѣялась.

— Я пойду гулять по нашему садику. Я не хочу отнять у себя удовольствія прочесть ей лекцію.

— И не вызовешь меня къ ней?

— Нѣтъ, не вызову, другъ мой, не бойся. У меня нѣтъ только охоты, у тебя нѣтъ и времени для лишнихъ знакомствъ.

Черезъ полчаса Волгина вернулась изъ садика въ комнату мужа:

— Давай то, что у тебя приготовлено для типографіи. Я ѣду въ городъ, буду въ той сторонѣ. Эта глупая Наташа вздумала пристать ко мнѣ, чтобы я купила ей золотыя серьги: Илатонцева подарила ей вчера три рубля.

— А какъ же лекція, которую ты хотѣла прочесть этой старой дурищѣ?—Наташа могла бы подождать,—поѣхала бы, голубочка, послѣ обѣда.

— Послѣ обѣда некогда. Вчера Мироновъ не былъ,—значитъ, пріѣдетъ обѣдать. Будетъ еще кто-нибудь изъ моихъ пріятелей. Возьму коляску, или шарабанъ, если ихъ будетъ много, и поѣду въ Парголово. Я еще не была тамъ.

— Ну, такъ могла бы Наташа подождать до завтра.

— Нельзя ей, потому-то она и пристала: на дачѣ, гдѣ живутъ столяры, нынѣ большой праздникъ, день рожденія жены второго брата,—того, который приходилъ къ намъ поправлять мебель. Наташа непремѣнно хочетъ отличиться тамъ въ золотыхъ сережкахъ.

—

За обѣдомъ Волгина сказала мужу, что Илатонцева заходила съ теткою къ нимъ, и оставила записку, въ которой говоритъ, что тетушка и она заѣдутъ послѣ завтра.

Но передъ обѣдомъ на другой день пріѣхалъ слуга Илатонцевыхъ и подалъ новую записку. Дѣвушка извиняла свою тетку и себя въ томъ, что онѣ не будутъ завтра у Лидіи Васильевны; нынѣ поутру тетушкѣ представилась непредвидѣнная надобность спѣшить отъѣздомъ въ деревню. Черезъ четверть часа онѣ должны быть на желѣзной дорогѣ. Тетушка такъ поздно сказала ей: она торопится и стыдится, что такъ дурно пишетъ.—Тетушка поручаетъ сказать, что первый визитъ ея по возвращеніи въ Петербургъ будетъ къ Лидіи Васильевнѣ.

Въ припискѣ изъ десяти словъ тетушка повторяла то же извиненіе и увѣреніе по-французски, выражаясь о себѣ jai и javait, по грамматикѣ русскихъ аристократокъ и парижскихъ лоретокъ,— какъ замѣтилъ Волгинъ, съ обыкновеннымъ своимъ остроуміемъ, за которое одобрилъ себя необходимою руладою.

— Обѣщаніе тетушки не очень страшно: къ тому времени пятьсотъ разъ успѣетъ забыть обо мнѣ.—Илатонцева будетъ иногда заѣзжать, пока не будетъ у нея жениха.

— То-есть, очень недолго: — замѣтилъ Волгинъ съ неизмѣнною своею

основательностью.—А что касается ея тетки, то увѣряю тебя, голубочка, надобность этой дурищѣ спѣшить въ деревню та же самая, какая заставила ее тогда рыскать чортъ знаетъ гдѣ, бросивши племянницу. Просто вѣтеръ ходитъ у нея въ головѣ: онъ подуетъ, она и несется,—увѣряю.

Прошло еще мѣсяца два или больше. Приближалась осень. Аристократы, вѣроятно, въ своихъ каменныхъ дачахъ, еще не начинали думать о возвращеніи въ городъ; Волгина уже думала. Но послѣ двухъ, трехъ ненастныхъ дней погода поправилась, и Волгина воспользовалась этой отсрочкою, чтобы перемѣнить обои на своей городской квартирѣ: денежныя дѣла мужа быстро улучшались; на прошлой недѣлѣ онъ получилъ за мѣсяцъ сотнею рублей больше прежняго. Такъ онъ будетъ получать и въ слѣдующіе мѣсяцы, до новаго года. А потомъ счеты будутъ вестись на новыхъ основаніяхъ, уже очень выгодныхъ для него.

— Это прелесть, какою миленькою, веселою станетъ наша квартира!— говорила Волгина мужу, возвратившись изъ города, куда ѣздила выбирать обои. Она стала описывать до мельчайшихъ подробностей, какіе обои взяла для какой комнаты. — Словомъ, ты понимаешь, во всѣхъ комнатахъ будутъ свѣтлые обои; только въ твоемъ кабинетѣ не свѣтлые, синіе: они лучше для глазъ... Ахъ, мой другъ, я боюсь, что ты утомляешь свои глаза!

— Напрасно, голубочка; мои глаза очень близоруки, но зато чрезвычайно здоровы. Сколько лѣтъ я, можно сказать, только тогда и отрывалъ ихъ отъ книги, когда спалъ,—и ни разу не чувствовалъ зрѣнія утомленнымъ. У очень близорукихъ очень часто бываютъ ужасно крѣпкіе глаза.

— Но какіе бы ни были они крѣпкіе, все-таки я опасаюсь за нихъ. Готлибъ Карлычъ пилъ кофе, когда я привезла ему то, что ты приготовилъ; сѣла выпить чашку,—славный кофе,—мы разговорились. Онъ сказалъ: „Ни одинъ литераторъ не пишетъ столько. Ни я, никто изъ наборщиковъ не видывали, чтобы кто-нибудь писалъ такъ много“.

— Это ничего не значитъ, голубочка. Я пишу сплеча, даже не перечитываю. Другіе обдумываютъ, потомъ поправляютъ. Иные сидятъ за письменнымъ столомъ не меньше моего, быть можетъ.

— Все-таки ты долженъ писать меньше. Теперь ты сталъ получать больше, нежели надобно мнѣ.

— Ну, голубочка, еще далеко до того, чтобы получать, сколько надобно. Ты вспомни: тебѣ надобно имѣть экипажъ, пару лошадей, — а когда дойдетъ до такого дохода?—Развѣ года черезъ полтора наберешь денегъ. Но главное, голубочка, вовсе не твои надобности. Прежде, точно, главное было въ нихъ, когда искалъ работы, хотѣлъ зарекомендовать себя, что могу писать быстро. А теперь, голубочка, совсѣмъ другое. Совѣсть, — эко, даже совѣсть приплелъ къ такимъ пустякамъ!—само собою вздоръ; но что же ты станешь дѣлать съ этою моею глупостью, когда такъ думаю: если не напишу объ этомъ, то будетъ написана чепуха,—а „объ этомъ“ выходитъ обо всемъ, о чемъ ни бываетъ надобно,—ну, даже и не успѣваю.

— Но что же такъ долго не ѣдетъ твой Левицкій?—Ты говорилъ, онъ

уѣзжалъ тогда мѣсяца на два. Давно пора бы ему пріѣхать. Ты написалъ бы ему, поторопилъ бы его.

— Твоя правда, голубочка. Напишу.

— Ты забудешь, я знаю тебя! — Но я сама буду за тебя помнить. Завтра, когда ѣхать въ городъ, спрошу, готово ли письмо, и если не готово, заставлю написать при себѣ. Или, хочешь, я напишу за тебя?—Это я съумѣю. Ты не говори мнѣ, какъ писать. Только скажешь мнѣ адресъ.—Волгина уже сидѣла за письменнымъ столомъ мужа и доставала почтовую бумагу.—Ты не говори мнѣ, что писать. Я сама знаю. Ахъ, какъ хорошо я напишу! Это будетъ прелесть! Я даже не покажу тебѣ, что напишу:—ни за что не покажу.

Теперь уже неотвратимо. Можно только объяснить, почему адресъ будетъ въ деревню Илатонцева. Конечно, Левицкій сказалъ, что ѣдетъ въ глухое село, куда нѣтъ почты, и что если писать ему, то черезъ этого родственника, который гувернеромъ у Илатонцева.

Жена сложила письмо, взяла конвертъ.—Адресъ, мой другъ.

— Адресъ, голубочка: Владиміру Алексѣичу, — ну, Левицкому, это знаешь,—въ Харьковѣ, въ домѣ Левицкихъ, у Троицкой церкви.

Десяти минутъ было достаточно Волгину, чтобы найти способъ отвратить неотвратимое. Въ особенности онъ былъ доволенъ домомъ Левицкихъ у Троицкой церкви. Харьковъ, это еще не важность: и Калуга, и Орелъ, все годилось бы. Но „въ домѣ Левицкихъ“—что можетъ быть натуральнѣе, когда онъ уѣхалъ къ роднымъ?—„у Троицкой церкви“—что можетъ быть короче, проще, несомнѣннѣе?

— Какъ я рада, что хоть немножечко помогла тебѣ! Ахъ, мнѣ хотѣлось бы помогать тебѣ!—Не умѣю, мой другъ; ничему не училась.—А теперь поздно, когда Володя не идетъ изъ ума!—Сяду читать, и вдругъ замѣчаю: ничего не прочла, все думала о Володѣ... Какъ я рада, что вздумала написать за тебя! Хочешь, я стану писать за тебя всѣ письма? Это я съумѣю...

Она такъ радуется, что помогла ему!—Ему стало стыдно за свое двоедушіе передъ нею: она не могла бы сказать: „въ домѣ Левицкихъ, у Троицкой церкви“.

— Милая моя голубочка, ты сядь подлѣ меня и не огорчись тѣмъ, что я скажу. Ты знаешь, у меня характеръ мнительный, робкій. Потому не придавай важности моимъ словамъ: ты знаешь, у насъ все тихо, и я думаю о будущемъ только потому, что я трусъ. Воображаю то, чего, можетъ быть, и не будетъ. Ты знаешь, я держу себя осторожно. Если бы я не былъ трусъ, то и нечего было бы мнѣ думать ни о тебѣ, ни о Володѣ. Ты знаешь, я не думаю ни о своихъ глазахъ, ни о своемъ здоровьи: за мое здоровье и за глаза ты напрасно опасаешься, повѣрь мнѣ. Одно можетъ повредить тебѣ съ Володею: перемѣна обстоятельствъ. Дѣла русскаго народа плохи. Будь что-нибудь теперь, намъ съ тобою еще ничего. Обо мнѣ еще никто не позаботился бы. Но моя репутація увеличивается. Два, три года,—и будутъ считать меня человѣкомъ со вліяніемъ. Пока все тихо, то ничего. Но, какъ я говорю, и сама ты знаешь, дѣла русскаго народа плохи. Передъ нашею свадьбою я говорилъ тебѣ и самъ думалъ, что говорю пустяки. Но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ виднѣе, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего непріятнаго тебѣ. Но не могу не видѣть, что черезъ нѣсколько времени...

— Такъ ты вотъ о чемъ! — Она поблѣднѣла. — Молчи, не смѣй говорить! — Она вскочила и зажала ему ротъ. — Не смѣй! — Молчи! Я слышала разъ, — довольно. Не смѣй! — Она убѣжала.

Натурально. Тогда она еще могла слушать, потому что еще и не воображала, что будетъ такъ расположена къ нему. Натурально, теперь ей труднѣе слушать: прожили вмѣстѣ три года; и теперь она понимаетъ, что это и можетъ случиться; тогда и не понимала. Конечно, теперь вовсе не слѣдовало говорить. Или слѣдовало?

Онъ пошелъ за нею.

Она прижимала сына къ груди и рыдала надъ нимъ: „Володя, мы съ тобою будемъ сиротами!“.

— Не время было доканчивать основательное изложеніе мотивовъ, по которымъ онъ дошелъ до изобрѣтенія дома Левицкихъ и Троицкой церкви. — Онъ сталъ говорить, что преувеличивалъ, что ей нечего обращать вниманіе на его слова, потому что она знаетъ, у него мнительный и робкій характеръ. — Когда она совершенно измучилась, она стала успокоиваться.

Потомъ она побранила его: зачѣмъ говорить объ этомъ? — Было сказано разъ. И довольно. Она помнитъ. Но не хочетъ помнить. Зачѣмъ помнить? — Пусть онъ никогда не смѣетъ не только говорить ей, и самъ пусть не смѣетъ думать. Онъ думаетъ потому, что всегда фантазируетъ. Это вздоръ. Ничего этого не будетъ.

Она довольно спокойно стала играть съ Володею, и къ вечеру стала опять весела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Не только люди, жившіе на дачахъ, построенныхъ изъ досокъ, по соображенію съ итальянскимъ климатомъ, но и аристократы перебрались въ городъ. Начинались разговоры о будущемъ оперномъ сезонѣ. Наконецъ, явились и афиши о первомъ спектаклѣ.

Волгина была хороша съ Рязанцевою. Видѣлись онѣ не часто. Сборы дамъ другъ къ другу всегда длинны. Но черезъ Миронова онѣ постоянно передавали другъ другу свои новости. Рязанцевъ былъ профессоръ въ университетѣ. Мироновъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Въ тѣ времена русскіе прогрессисты любили русскую молодежь. И молодежь любила ихъ. Мироновъ пользовался расположеніемъ Рязанцева. Потому и расположеніемъ Рязанцевой. Иначе и быть не могло, потому что она вѣровала въ мужа. Не вѣровать было-бы нельзя: она любила его. И не любить нельзя: онъ стоилъ того.

Рязанцевъ былъ главнымъ мѣстнымъ авторитетомъ прогрессистовъ въ Петербургѣ. Прогрессистовъ въ Петербургѣ было тогда безчисленное множество. Всѣ, кто только могъ, лѣзли къ Рязанцеву. По вторникамъ, квартира Рязанцевыхъ была биткомъ набита прогрессистами. Переполнивши всѣ болѣе или менѣе открытыя для гостей комнаты, они вламывались даже въ дѣтскую. Ря-

занцева только умоляла не кричать тамъ.—Всѣ, кто могъ, считали за величайшее удовольствіе себѣ оказать услугу madame Рязанцевой. Еслибъ она пожелала бросить букетъ Бозіо, ей навезли бы полсотни самыхъ дорогихъ букетовъ. Но она желала только достать билетъ въ 4-й ярусъ. Десять прогрессистовъ заглушали другъ друга предложеніями привезти билетъ во 2-й ярусъ, въ 1-й ярусъ, въ бель-этажъ. Рязанцева едва могла вразумить ихъ, что не хочетъ сорить деньгами. Двадцать прогрессистовъ заспорили о томъ, кому достанется удовольствіе добыть для нея билетъ въ 4-й ярусъ.

Поутру въ день перваго спектакля она прислала Миронова сказать Волгиной, что имѣетъ билетъ. Волгина была очень рада. Она пошла спросить мужа, поѣдетъ ли онъ съ нею. Ему было нельзя: онъ долженъ провести этотъ вечеръ въ типографіи. Она была нѣсколько огорчена этимъ, думала, что онъ, по своему обыкновенію, только отговаривается. Но онъ сказалъ: „говорю правду, голубочка“. По этой формулѣ она уже всегда могла быть увѣрена, что онъ не лжетъ. Она сказала Миронову, что беретъ съ собою его.

Типографія была въ Коломнѣ, недалеко отъ оперы. Поэтому, взяли четвероместную карету, чтобы кстати завезти Волгина въ типографію. Волгинъ былъ завезенъ въ типографію, и карета поѣхала къ оперѣ.

Вошедши въ типографію, Волгинъ увидѣлъ, что пріѣхалъ цѣлымъ часомъ раньше, нежели нужно. Правда, можно начать работу хоть сію минуту: но если такъ, черезъ четверть часа опять придется ждать. Куда дѣвать ему время?—Опера въ сотнѣ шаговъ. Не лучше ли всего пройти туда? Это доставитъ удовольствіе женѣ.

Онъ пришелъ, сталъ подыматься по лѣстницѣ. Но куда-жъ идти ему? Въ 4-й ярусъ, положимъ, но въ какой нумеръ?—Только тутъ, поднимаясь на лѣстницу, онъ сообразилъ, что не знаетъ нумера ложи. Онъ остановился, подумалъ: какъ быть съ этимъ?—Убѣдился, что затрудненіе непреодолимо, пошелъ внизъ. Спускаясь, все соображалъ, и вдругъ, сообразилъ, что если уже такъ, то можно устроить другое дѣло, удовольствіе самому себѣ. Онъ подошелъ къ кассѣ:—„Позвольте два билета въ боковыя мѣста, одно мѣсто съ одной стороны, другое съ другой“.—Кассиръ отвѣчалъ, что нѣтъ ни одного билета въ боковыя мѣста. Видя, что человѣкъ опечалился, а одѣтъ не бѣдно и украшенъ золотыми очками, кассиръ прибавилъ, что самые дешевые билеты, какіе остаются,—въ шестой рядъ креселъ.—Волгинъ подумалъ: Дорого, но это бы такъ и быть. А главное, въ креслахъ его увидитъ Лидія Васильевна. Нельзя. Онъ пошелъ отъ кассы, перебирая пальцами свою рыжеватую бороденку. Но сообразительность его была неистощима. Онъ промычалъ „гм!“—въ одобреніе своему уму, и пошелъ вверхъ. Онъ вспомнилъ средство, которымъ пользовался, при недостаткѣ билетовъ въ боковыя мѣста, въ послѣдній годъ своего студенчества, когда былъ отчасти меломаномъ.

Но теперь желаніе у него было не то, какъ тогда. Не слушать, а произвести осмотръ,—и основательный, полный. Для полноты онъ и спрашивалъ два билета. „Есть у васъ хорошій бинокль?“ -спросилъ онъ, для основательности, у капельдинера боковыхъ мѣстъ.—Старикъ подалъ довольно хорошій.

—„А получше нѣтъ?“—„Это очень хорошій“.—„Мнѣ надо лучше“.—„Если вамъ нужно самый хорошій, дочка у меня сбѣгаетъ внизъ, достанетъ“.—Дѣвочка притащила бинокль, дѣйствительно отличный. „Хорошо“, сказалъ Волгинъ, и сторговался, чтобы пустили его постоять между лавокъ.

Онъ сталъ систематически обозрѣвать, сначала кресла, рядъ за рядомъ: точно ли бинокли изъ креселъ повертываются больше все вверхъ, на одну ложу. Такъ, вертятся по всѣмъ направленіямъ, а больше все вверхъ, и на одну ложу. Разумѣется, онъ и говорилъ, что должно быть такъ. Нельзя иначе. Онъ говорилъ. Потомъ онъ внимательно сталъ осматривать противоположную сторону театра, съ бенуара, черезъ бель-этажъ, первый ярусъ. И тутъ, все такъ: нельзя, онъ зналъ, что должно быть такъ. Отъ усердія разсматривать основательно онъ страшно нахмурилъ брови, но очень самодовольно улыбался: онъ могъ быть доволенъ собою:—онъ разсматривалъ внимательно; разумѣется, и смотрѣть напрасно: но отчего же и не посмотрѣть, что оно такъ, какъ знаешь,—отчего не посмотрѣть, когда есть свободное время?—Разумѣется, и смотрѣть нечего. Но отчего не смотрѣть?

Кончивши обзоръ противоположной стороны, онъ вышелъ въ корридоръ, сказалъ капельдинеру, что идетъ на ту сторону, беретъ бинокль съ собою, оставилъ денегъ для вѣрности, что не унесетъ бинокль, и пошелъ на другую сторону боковыхъ мѣстъ. Сообразилъ, которая дверь приходится прямѣе противъ девятой ложи отъ сцены, купилъ у капельдинера разрѣшеніе войти въ эту дверь, сталъ между скамьями второго ряда, принялся доканчивать свой осмотръ,—разумѣется, и съ этой стороны все такъ,—кончилъ осмотръ, потомъ сталъ глядѣть на девятую ложу 4-го яруса.—Черезъ нѣсколько времени онъ замѣтилъ, что очки его начинаютъ тускнѣть: потому опустилъ бинокль, сталъ протирать ихъ, а въ это досужее время предался размышленію. Размышленіе состояло въ томъ, что въ сущности, конечно, Лидія Васильевна справедливо разсудила, что не могла бы быть счастлива, еслибы согласилась пойти за кого-нибудь другого: и само собою, невозможно не согласиться, что она тогда дѣлала хорошо, что не слушалась его. И конечно, ея жизнь все-таки лучше, нежели была бы въ другомъ замужествѣ,—это она говоритъ правду. Потому, дѣйствительно, съ его стороны совершенно глупо жалѣть, что она согласилась выйти за него.—Размышленія Волгина всегда были такъ основательны, что онъ постоянно видѣлъ себя принужденнымъ соглашаться съ собою, что разсуждаетъ очень справедливо.—Потому и теперь у него осталось только одно сомнѣніе, умѣлъ ли онъ протереть очки такъ ловко, что никто изъ сосѣдовъ и сосѣдокъ не обратилъ вниманія. Потому что ему никогда не было пріятно, если кто замѣчалъ, когда онъ поступаетъ нѣсколько странновато. Онъ надѣлъ, оправилъ очки и повелъ глазами по сосѣдамъ и сосѣдкамъ: кажется, никто не обращаетъ вниманія на него: ни этотъ молодой человѣкъ, вѣроятно, чиновникъ,—ни этотъ, вѣроятно, тоже чиновникъ,—ни эта, вѣроятно, сестра этого,—ни эта, должно быть, мать ихъ,—ни этотъ, должно быть, небогатый купецъ,—ни эта, должно быть, его жена,—ни этотъ... Вотъ тебѣ разъ, кто этотъ-то?

— Какъ это вы здѣсь, въ боковыхъ-то мѣстахъ?—вполголоса сказалъ Волгинъ, пригнувшись къ уху „этого-то“ и дотрогиваясь до его плеча. „Этотъ-то“ былъ Нивельзинъ.

Нивельзинъ оглянулся.—Волгинъ! Вы!—Если кому, то мнѣ дивиться, что мы встрѣчаемся здѣсь. Какъ это вы забрались въ боковыя мѣста?—Танечка, вы извините меня, мнѣ надобно поговорить съ г. Волгинымъ,—обратился онъ къ своей сосѣдкѣ, до которой еще не доходило пересчитыванье Волгина.—Я надѣюсь, вы не до такой степени заинтересованы увертюрою, чтобъ отказать мнѣ въ нѣсколькихъ минутахъ разговора, m-r Волгинъ?—Прощайте, Танечка.

— Идите, Богъ съ вами! будто я не понимаю!—сказала дѣвушка больше съ шуткою, нежели съ досадою.—Ступайте въ ложу къ вашимъ друзьямъ.

— Я не пойду въ ложу къ Рязанцевымъ. Вы увидите, что напрасно обижаетесь. Серьезно, мнѣ надобно поговорить съ m-r Волгинымъ. Вы увидите, я буду сидѣть въ четвертомъ ряду креселъ.

— Посмотримъ. Если не пойдете въ ихъ ложу, то прекрасно. Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ было прощаться. Поговорили бы съ m-r Волгинымъ, и пришли бы назадъ.

— Я компрометировалъ бы васъ, Танечка, если бы возвратился сюда: въ антрактѣ, въ фойе, знакомые увидятъ меня. Какъ я скрылся бы послѣ того? Они стали бы смотрѣть, куда я пропалъ.

Дѣвушка смѣялась.—Oh, traître! Oh, monstre!—Почему же вы не сказали мнѣ, что пробудете здѣсь только до перваго антракта?—Oh, monstre! Voyez comme il sait mentir! Mais je vous assure, que vous êtes un monstre!

— Порокъ наказанъ въ моей персонѣ,—сказалъ Нивельзинъ, вышедши съ Волгинымъ въ корридоръ.—Я былъ друженъ съ Танечкою,—она жила съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Входя въ театръ, встрѣтивъ ее, спросилъ о немъ,—я только вчера пріѣхалъ, еще почти ни съ кѣмъ не видѣлся;—пока я путешествовалъ, онъ женился. Вы видите, она мила,—и даже съ нею можно говорить; она читаетъ французскіе романы.

— И вы пошли съ нею въ боковыя мѣста?

— Чего же вы хотите?—Я не былъ влюбленъ ни въ кого, я не думалъ о возможности жениться.

— А теперь думаете?—Волгинъ залился руладою, отъ которой вздрогнула прислуга корридора.—Когда-жъ это успѣли рѣшиться?—Однако, я думаю, мнѣ пора: я пришелъ въ типографію,—здѣсь, подлѣ,—было еще рано,—зашелъ сюда.—Онъ вынулъ часы.—Пора.—А когда вы къ намъ?—Жена будетъ очень рада видѣть васъ.

— На дняхъ!

— Эко, хватили: „на дняхъ!“—Завтра.

— Можетъ быть, завтра.

— Ну, тоже хорошо: „можетъ быть!“—Завтра, да и кончено. Обѣдать.—Вы видите, васъ зовутъ съ искреннимъ расположеніемъ. Чего-жъ тутъ? Много вы насчитаете семействъ, гдѣ искренно расположены къ вамъ?—Рязанцевы, да и обчелся, я думаю. Такъ завтра?

— Я давно уважалъ васъ. Вѣроятно, вы замѣчали, что я всегда хотѣлъ сойтись съ вами, когда мы встрѣчались у Рязанцевыхъ...

— А я пятился?—Натурально, у меня нѣтъ празднаго времени. Но когда зову, то, значитъ, расположенъ. Чего-жъ тутъ?—Завтра?

— Завтра.—Нивельзинъ долженъ былъ видѣть расположеніе въ нелѣпыхъ фамильярностяхъ дикаго человѣка.

— Ну, и прекрасно.—Пора въ типографію!—А, да еще нужно будетъ занести бинокль! Совсѣмъ было забылъ!—Съ этими словами Волгинъ поскакалъ внизъ по лѣстницѣ черезъ двѣ и три ступени.

Пока театръ наполнялся, Волгина смотрѣла на публику. Теперь давно забыла думать о ней.

— Нивельзинъ пріѣхалъ;—сказала Рязанцева мужу.—Сейчасъ вошелъ. Въ четвертомъ ряду.

— А!—Очень радъ! — очень радъ!—Послушаемъ, что привезъ, какія новости!—Рязанцевъ потиралъ руки отъ удовольствія.

— Нивельзинъ, въ четвертомъ ряду креселъ?—сказала Волгина и взглянула:—Въ самомъ дѣлѣ!—Она пожала плечами.

— Вы знакомы съ нимъ?—спросила Рязанцева.

— Знаю его въ лицо. Но мы еще не знакомы.

— Я думала, вы уже познакомились передъ его отъѣздомъ, потому что, кажется, онъ очень сошелся въ то время съ вашимъ мужемъ.

Отъ Рязанцевой нельзя было ждать ни колкостей, ни темныхъ намековъ. Если она говорила такъ, она должна была думать, что услышатъ это очень равнодушно. Что-жъ она говоритъ? Неужели сдѣлались извѣстными отношенія Нивельзина къ Савеловой?

— Почему вы думаете, что мой мужъ очень сошелся съ Нивельзинымъ передъ его отъѣздомъ?

— Мы тоже знаемъ кое-что:—сказалъ Рязанцевъ такъ быстро, что перебилъ отвѣтъ у жены, и съ такимъ удовольствіемъ, что опять потеръ руки:—Мы знаемъ, что именно Алексѣй Иванычъ и отправилъ его за-границу.

Очевидно, все это говорилось съ полнѣйшимъ незлобіемъ.

— Алексѣй Иванычъ отправилъ его за-границу!—Меня начинаетъ очень интересовать это.

— Передъ нами нечего скрывать;—сказалъ Рязанцевъ, продолжая потирать руки, понижая голосъ и нагибаясь ближе къ Волгиной:—Нивельзинъ, быть можетъ, и поѣхалъ бы за-границу, — но не такъ поспѣшно. Алексѣй Иванычъ ускорилъ его отъѣздъ, если не послалъ нарочно.—Рязанцевъ совершенно пригнулся къ уху Волгиной и шепнулъ: —Алексѣй Иванычъ посылалъ его съ порученіями въ Лондонъ.

Волгина вздохнула свободно: правды и не подозрѣваютъ, говорятъ какой-то вздоръ, который, въ чемъ бы ни состоялъ, не можетъ имѣть никакого отношенія къ Савеловой.—Въ Лондонъ? съ порученіями? Въ Лондонъ посылаютъ съ порученіями купцы, покупать или продавать на милліоны,—о, я очень рада, если у Алексѣя Иваныча завелись милліоны!—Отниму всѣ у него!

— Тише, могутъ слышать:—шепнулъ Рязанцевъ въ совершенномъ восхищеніи:—Вы отговариваетесь очень мило, но напрасно.

— Ахъ, теперь понимаю, если вы совѣтуете говорить, чтобъ не могли услышать!—Совсѣмъ забыла, что въ Лондонѣ живутъ наши!—Но съ чего-же

вы взяли, что Алексѣй Иванычъ посылалъ Нивельзина съ порученіями къ нимъ?—Алексѣй Иванычъ не могъ сказать этого. Неужели Нивельзинъ такъ сказалъ вамъ?

— Такія вещи не сказываются, онѣ только угадываются; — съ восхищеніемъ шепталъ Рязанцевъ: — Человѣкъ не думалъ о путешествіи. Вдругъ объявляетъ: послѣ завтра ѣду за-границу; — оказывается, наканунѣ былъ у него Алексѣй Иванычъ. Человѣкъ ѣдетъ,—и Алексѣй Иванычъ одинъ знаетъ часъ его отъѣзда,—приходитъ провожать его,—провожаетъ до кареты, обнимаются, оба, кажется, плачутъ, цалуются, Алексѣй Иванычъ усаживаетъ его въ карету,—мы знаемъ только эти факты. Давайте намъ факты, до ихъ значенія мы какъ-нибудь доберемся своимъ умишкомъ,—хе, хе, хе.—Онъ смѣялся отъ глубины души.

Если бы Волгиной привелось услышать такое объясненіе въ тотъ вечеръ, когда была взволнована соображеніями мужа о будущемъ, она приняла бы слова Рязанцева очень горячо. Но она не любила унывать; она не любила заранѣе мучить себя страхами. Мужъ могъ разстроить ее своими предсказаніями, но лишь на нѣсколько часовъ. На другое утро она встала уже съ тѣми же мыслями, какія имѣла до этой тревоги: не все то сбывается, чего боятся мнительные люди, между которыми мужъ ея былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ на придумыванія. Она твердо знала, что кто остороженъ, тотъ почти всегда совершенно безопасенъ. Поэтому слова Рязанцева хоть и были не совсѣмъ пріятны ей, показались больше забавны.

— Что за вздоръ!—сказала она, засмѣявшись:—Вы сами говорили мужу, что онъ проѣхалъ въ Римъ, — какія-жъ это посылки наскоро въ Лондонъ, когда человѣкъ ѣдетъ въ Римъ и живетъ тамъ, потомъ въ Парижъ и живетъ тамъ?—Вы говорили мужу, что онъ хотѣлъ проѣхать въ Англію, только уже на возвратномъ пути въ Россію?

— Те, те, те!—прошепталъ Рязанцевъ, плутовски прищуривая глаза и потирая руки съ ожесточеніемъ восторга:—Те, те, те! — Черезъ двѣ недѣли по выѣздѣ изъ Россіи доѣхавши до Рима, можно было имѣть время завернуть въ Лондонъ!—Алексѣй Иванычъ ведетъ дѣла похитрѣе насъ грѣшныхъ. Отъ насъ ѣдутъ прямо въ Парижъ, по торной дорогѣ въ Лондонъ,—а у него: поѣхалъ по дорогѣ въ Италію!—Кому интересно слѣдить, который поѣхалъ въ Италію?—Свернулъ съ половины дороги, и опять попалъ на нее—все шито и крыто, иголочки не подпустишь!—Да, надо намъ всѣмъ поучиться у Алексѣя Иваныча!—Жаль одного: расходъ слишкомъ тяжелъ!—Такія большія издержки можно дѣлать только въ немногихъ, чрезмѣрно важныхъ случаяхъ.

— Еслибы вы знали, какой вздоръ вы говорите!—И мужъ, и Нивельзинъ расхохотались бы.

— Вы отстаиваете ихъ очень твердо, но скоро мы произведемъ маленькое слѣдствіе, и получимъ улики;—сказалъ Рязанцевъ, лукаво приморгнувъ:—Нивельзинъ, навѣрное, зайдетъ сюда, и мы произведемъ ему допросъ! Небольшой допросецъ!

— Такъ вы еще не знакома съ Нивельзинымъ?—сказала Рязанцева:—А я думала, что и вы хороши съ нимъ. Когда вы взглянули на него, вы пожали плечами, и онъ вспыхнулъ.

— Вѣроятно, онъ понялъ, почему я пожала плечами. И если онъ придетъ сюда, то убѣдится, что я очень люблю дѣлать выговоры.

— За что-жъ вы сдѣлаете ему выговоръ?

— За то, что онъ перемѣнилъ мѣсто.

— Онъ перемѣнилъ мѣсто? Гдѣ-жъ онъ былъ прежде? За кѣмъ онъ смѣлъ волочиться?

— Какъ вы любопытна!—Какъ вы неосторожна!—Вашъ мужъ слушаетъ насъ, вы забыли это.

— Я слушаю, это правда; но ничего не слышу. Я образцовый мужъ.

— Не очень шутите, мой милый мужъ: я въ самомъ дѣлѣ немножко влюблена въ него, не смотря на мои двадцать восемь лѣтъ. Несчастная! Онъ ни разу не взглянулъ на меня, съ тѣхъ поръ, какъ мы поклонились!

— Творецъ!—почему влюбляются въ такихъ жестокихъ?—патетически сказалъ Мироновъ: — Почему не влюбляются въ меня? — Онъ сталъ утирать кулакомъ глаза: — Влюбитесь въ меня, я не буду жестокъ! У меня чувствительное сердце! — и продолжалъ хныкать, пока не кончился длинный дуэтъ между пѣвцами, которыхъ никому не было охоты слушать.—Онъ недурно поддѣлывался своимъ хныканьемъ подъ ихъ достойные оплакиванья голоса, и заслужилъ то, что три довольно хорошенькія дамы изъ сосѣдней ложи шептали ему: браво! —Онъ раскланивался имъ, прижимая руку къ сердцу, и стискивая ручку своей студенческой шпаги, бросалъ такіе свирѣпые взгляды на двухъ мужчинъ, бывшихъ въ той ложѣ, что и они расправили свои оффиціальныя лица.

— Я устала сидѣть;—сказала Рязанцева, когда кончился первый актъ:— Пойдемъ ходить по корридору.

— Пожалуй,—отвѣчала Волгина.

— Онѣ успѣли сдѣлать лишь нѣсколько шаговъ, Нивельзинъ уже взбѣжалъ въ ихъ корридоръ.—Онъ подошелъ къ Рязанцевой, сказалъ, что пріѣхалъ только вчера, что множество дѣлъ не позволило ему сдѣлать еще ни одного визита, что поэтому Рязанцева должна извинить его.

Рязанцевъ шелъ позади, съ Мироновымъ. Онъ крякнулъ дѣловымъ образомъ, чтобы заставить его оглянуться и сказалъ:

— А съ Алексѣемъ Иванычемъ Волгинымъ вы уже видѣлись?

— Да, я видѣлъ его.

— Хе, хе, хе, — вы видѣлись съ нимъ! — Рязанцевъ лукаво примолгнулъ:—Мы не въ претензіи:—продолжалъ онъ серьезно и одобрительно:— Важныя дѣла прежде мелкихъ. Мы понимаемъ, что вы должны были увидѣться съ нимъ первымъ.

Добрякъ торжествовалъ: онъ сдѣлалъ „маленькій допросецъ“ и „получилъ улику“. Волгина не могла оставить этого такъ: Нивельзинъ, конечно, относилъ слова Рязанцева къ дѣйствительнымъ причинамъ своего сближенія съ ея мужемъ. Надобно было показать ему, что Рязанцевъ ничего не знаетъ.

— Скажите, Нивельзинъ, гдѣ видѣли вы моего мужа?

Нивельзинъ посмотрѣлъ на нее изумленными глазами.

— Скажите Григорію, гдѣ видѣли вы моего мужа. Онъ воображаетъ,

будто вамъ было поручено видѣть его тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ.

— Я видѣлъ m-r Волгина сейчасъ, здѣсь, въ театрѣ; мы встрѣтились совершенно случайно.

Рязанцевъ былъ сраженъ. Но въ тотъ же мигъ на его лицѣ выразилось пониманіе, довольство и съ тѣмъ вмѣстѣ уваженіе близкое даже къ благоговѣнію.

— Не спрашиваю больше;—сказалъ онъ, таинственно понижая голосъ.— Вы не искали другъ друга. Вамъ не было надобности видѣться. Вы встрѣтились въ оперѣ совершенно случайно. Какія дѣла могутъ быть въ оперѣ? О чемъ можно говорить въ оперѣ? — Чья-бы ни была эта мысль, я выражаю свое уваженіе къ этому человѣку и молчу.

Конечно, онъ понялъ, что Волгинъ ведетъ свои дѣла еще искуснѣе, нежели предположилъ онъ, по отправленію агента въ Лондонъ черезъ Австрію.— Но Волгиной было важно только то, чтобы Нивельзинъ не считалъ нарушенной тайну своихъ отношеній къ Савеловой. Нивельзинъ могъ видѣть, что Рязанцевъ толкуетъ о rendez-vous, нисколько не похожихъ на любовныя. Этого было довольно для Волгиной. Теперь Нивельзинъ самъ постарается заставить Рязанцева высказать ему свое предположеніе и съумѣетъ объяснить ему вздорность этой фантазіи.

— Хе, хе, хе!—Я молчу. Оставимъ это. Не любопытствую, что привезли вы Алексѣю Иванычу; — продолжалъ Рязанцевъ таинственнымъ шопотомъ.—Но что же вы привезли мнѣ?—Только поклоны? Или и порученія?— Какъ поживаютъ? Скучаютъ по родинѣ?

— Къ вамъ есть письма. Въ нихъ ничего особенно важнаго. Я не зналъ, что найду васъ здѣсь, и ихъ нѣтъ при мнѣ. Привезу завтра поутру. Но мы поговоримъ съ вами, когда взойдемъ въ ложу. — Нивельзинъ бросилъ Рязанцева и подошелъ къ Рязанцевой: — Я имѣю вамъ сказать нѣсколько словъ, Анна Александровна.

— По секрету? Что подумаетъ мой мужъ?—Предупреждаю васъ, Лидія Васильевна: это страшный вѣтренникъ, — по крайней мѣрѣ былъ вѣтренникъ прежде, нежели сдѣлался моимъ постояннымъ поклонникомъ, — и рекомендую: Нивельзинъ.

— Мы немножко знакомы;—сказала Волгина, подавая ему руку: — И когда вы разскажете ваши секреты Аннѣ Александровнѣ, я также по секрету сдѣлаю вамъ выговоръ.

Рязанцева пошла тише.

— Кто это? — тихо спросилъ Нивельзинъ, когда они отстали на нѣсколько шаговъ.

— Вы могли видѣть изъ разговора кто она: madame Волгина: я назвала вамъ и ея имя: Лидія Васильевна.

— Прежде нежели я подошелъ къ вамъ, я очень хорошо зналъ, что это не можетъ быть madame Волгина; я прошу васъ сказать кто она?

— Вы съума сошли, Нивельзинъ?

— Это очень можетъ быть. Тѣмъ меньше надобности дурачить меня. Ради бога: кто она?

— Васъ дурачатъ?—рѣшительно вы сошли съума.

Онъ промолчалъ съ терпѣливою досадою человѣка, который предоставляетъ желающимъ мистифировать его убѣдиться, что онъ слишкомъ ясно понимаетъ мистификацію.

— Да увѣряю же васъ, это madame Волгина.—Вы даже не удостоиваете меня отвѣта?—Если бы вы знали, какъ очевидно, что вы сошли съума!—Спросите у нея, если вамъ неугодно вѣрить мнѣ.—Лидія Васильевна,—сказала она громче:—угадайте, о чемъ мы говоримъ?

— О чемъ, не знаю; о комъ, это понятно: обо мнѣ.

— Онъ вообразилъ, что вы не можете быть Лидія Васильевна Волгина.

— Почему же не могу?

— Спросите у него сами. Меня онъ даже не удостоиваетъ спора: такъ твердъ въ помѣшательствѣ.—Рязанцева, смѣясь, пошла рядомъ съ мужемъ и Мироновымъ.

— Вы думаете, Нивельзинъ, что мы сговорились мистифировать васъ?—Правда, вы могли видѣть, что мы много смѣялись послѣ того, какъ вы перешли въ кресла. Вы могли подумать, что они также знаютъ, почему вы перешли въ кресла. Но вы ошибаетесь. Вы видите, они вовсе и не воображали, что мой мужъ былъ здѣсь. Значитъ, они не смотрѣли въ ту сторону и не видѣли васъ тамъ. Они ничего не замѣчали, Нивельзинъ.

— Я вовсе не зналъ, смѣялись ли вы и они, послѣ того, какъ я перешелъ въ кресла.

— Ваша правда, — вы, поклонившись имъ, держали себя очень умно. Зачѣмъ давать людямъ смѣяться надъ собою? — Мнѣ было бы досадно, если бы могли смѣяться надъ вами. — А теперь, Нивельзинъ, они смѣются: держать себя умно,—и вдругъ начать фантазировать такъ, что они видятъ, вы влюблены какъ юноша! — Это совершенно лишнее, Нивельзинъ, чтобы они смѣялись надъ вами.

— Могутъ ли они не смѣяться, когда вы согласились участвовать въ томъ, чтобы мистифировать меня?

— Вы забываете, Нивельзинъ, что если Рязанцева дружна съ вами, то я еще не была знакома. Это было бы слишкомъ много уступать чужому желанію, если бы я согласилась, чтобъ она пользовалась мною для мистификаціи. Да и могла ли я полагать, что вы не знаете меня въ лицо? — Правда, теперь вы заставили меня вспомнить, что вы тогда не замѣтили поклонъ моего мужа,—не видѣли ни его, ни меня;—правда, эта гадкая женщина затворила гостинную, гдѣ я сидѣла, и вы, проходя черезъ залъ, опять не могли видѣть меня;—но не могли же такія мелочи оставаться у меня въ свѣжей памяти столько времени,—я совершенно не вспоминала ихъ, и мнѣ думалось, что и вы видѣли тогда меня,—потому что я видѣла васъ. — Теперь, надѣюсь, вы убѣжденъ, что дама, пославшая вамъ свою перчатку, была я?

— Я вижу, что вы пользуетесь полною довѣренностью madame Волгиной. Вы ея сестра, потому что вы знали, что я еще не былъ у нихъ по пріѣздѣ, — вы живете вмѣстѣ съ ними. Вы ея сестра, или близкая родственница.

— О, если бы мой мужъ слышалъ это!—Онъ разогналъ бы весь театръ

своимъ хохотомъ. Но я скажу вамъ, что я прощаю вамъ только потому, что вы мало знаете меня: если бы madame Волгина имѣла сестру, она могла бы разсказывать сестрѣ свои тайны, но не чужія.

— Не смѣйтесь надо мною;—сказалъ онъ печально.

— Вы могли замѣтить, что я сдѣлалась очень серьезна, потому что вы нѣсколько разсердили меня: я могла бы разсказать кому-нибудь чужую тайну! Нѣтъ, я не похожа на вашего Рязанцева, который все знаетъ и все говоритъ. Я не могу ничего говорить, потому что я ничего не знаю.—Вы поняли, что онъ знаетъ?—Вы были посланы моимъ мужемъ въ Лондонъ съ важными секретными порученіями!—Выбейте у него изъ головы эту глупость, прошу васъ. Я не могла продолжать разговора съ нимъ объ этомъ; я не могла говорить о вашемъ отъѣздѣ: я не могу понимать причинъ вашего отъѣзда, не могу дѣлать никакихъ предположеній. Объясните ему какъ-нибудь вашъ отъѣздъ, и главное, докажите ему, что вы проѣхали прямо въ Италію; отдайте ему отчетъ о каждомъ днѣ, каждомъ часѣ вашего времени на пути отъ Петербурга до Рима, откуда вы писали ему.

— Я сдѣлаю это; но умоляю васъ, скажите ваше имя; скажите, какъ вы родственница madame Волгиной или monsieur Волгину? Кто вы?

— Боже мой, да бросьте же вашу выдумку, будто васъ мистифируютъ. Убѣдитесь хоть тѣмъ, что нашъ разговоръ принялъ такое серьезное направленіе, при которомъ шутка была бы совершенно некстати.

— Вы нарочно дали ему такое направленіе, чтобы я сдѣлался легковѣрнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, вы сказали мнѣ столько подробностей о дѣлѣ, которое знали только madame Волгина и m-r Волгинъ, вы такъ сильно говорили о томъ, что надобно сдѣлать для безопасности m-r Волгина, что я, конечно, видѣлъ бы въ васъ madame Волгину, если бы не зналъ, что вы не можете быть ею.

— Почему-жъ это я не могу быть сама собою? — Какъ ни была я серьезна, вы начинаете опять заставлять меня смѣяться. Почему же вы знаете, что я не я?

— Я знаю, что m-r Волгинъ женатъ уже три года. Дама, которая три года замужемъ, не можетъ имѣть семнадцати лѣтъ. Раньше шестнадцати не вѣнчаютъ.

— А, это я слышу иногда, что даютъ мнѣ меньше лѣтъ, нежели я имѣю. Меня могли бы повѣнчать семь лѣтъ тому назадъ, если бы я вздумала, потому что, похвалюсь вамъ, семь лѣтъ тому назадъ у меня были женихи.

— Вы хотите увѣрить меня, что вамъ двадцать три года!

— Мнѣ такъ непріятны эти слова „двадцать три года“, что я старалась обойти ихъ. Но увы! Это правда, Нивельзинъ, мнѣ уже двадцать три года!

— Вы мало приготовились отвѣчать на вопросы, и стали говорить болѣе невѣроятныя вещи, нежели требовала необходимость. Вы могли бы сказать, что вамъ девятнадцать лѣтъ; тогда, хоть бы съ трудомъ, еще можно было бы вѣрить.

— Желала бы сказать, Нивельзинъ: къ сожалѣнію, не могу. Впрочемъ,

если хотите, думайте, что мнѣ девятнадцать лѣтъ,—это было бы очень пріятно мнѣ;—пожалуй, хоть семнадцать, хоть шестнадцать—тѣмъ лучше.

— Кромѣ того, что вы не имѣете столько лѣтъ, сколько должна имѣть madame Волгина,—она живетъ въ Петербургѣ три года,—я знаю, m-r Волгинъ живетъ здѣсь уже три года;—а вы пріѣхали въ Петербургъ очень недавно. Въ прошлый сезонъ васъ не было въ Петербургѣ.

— Вы раздѣляете мнѣніе моего мужа, что всѣ должны смотрѣть на меня!—Она засмѣялась. — Мнѣ очень нравится это мнѣніе. Но не доводите его до такой крайности, какъ мой мужъ, чтобы не быть смѣшнымъ какъ онъ.— Вы не замѣтили чѣмъ онъ занимался здѣсь?—Разсматривалъ всѣхъ дѣвушекъ и молодыхъ дамъ, чтобы сказать мнѣ, что вотъ, онъ пересмотрѣлъ всѣхъ, и что я лучше всѣхъ. О, боже мой, я не видывала такого смѣшнаго мужа!— Она опять засмѣялась.—Почему Петербургъ не могъ прежде исполнять обязанность, которую возлагаетъ на него мой мужъ, объясняется очень легко. Въ первую зиму у насъ съ мужемъ не было денегъ. Я должна была продать даже тѣ пять-шесть шелковыхъ платьевъ, которыя привезла съ собою. Я не охотница входить въ общество, когда у меня нѣтъ денегъ, чтобы быть одѣтой не хуже другихъ. Потомъ, я не могла бывать ни въ театрѣ, ни на балахъ, потому что сама кормила Володю. Только съ нынѣшней весны...

— У васъ даже есть сынъ?—Нивельзинъ пожалъ плечами.

— Есть.—Она засмѣялась.—Но послушайте, Нивельзинъ, — стала она говорить опять серьезно.—Съ тѣхъ поръ какъ я стала понемножку выѣзжать здѣсь въ общество, я успѣла узнать, что молодые люди въ Петербургѣ такіе же смѣшные, какъ у насъ въ провинціи. Они говорятъ все тоже самое, хоть умѣютъ говорить менѣе избитыми фразами.—Я согласна, что вы умѣете говорить любезности очень ловко,—и вовсе не хочу скрывать, что поэтому мнѣ было пріятно слушать ихъ. Но довольно. Потому что это пріятно лишь на нѣсколько минутъ, для начала знакомства. Дальше это было бы скучно.—Лучше, нежели долго слушать любезности, я люблю дѣлать выговоры,—и умѣю дѣлать ихъ длинные,—о, длинные!—Будьте спокоенъ: придумывать новые обороты любезностей вамъ не понадобится, потому что у васъ не будетъ недостатка въ предметахъ для разговора.—Напримѣръ, скажите, пожалуйста, кто хорошенькая,—очень хорошенькая дѣвушка, подлѣ которой вы сидѣли?—Вы должны знать ее: вы такъ много говорили съ нею. Кто-жъ она?—Вы краснѣете? — Чего вы краснѣете? Того, что вы волочитесь за бѣдною, незнатною? — Или того, что я видѣла, что вы волочились? — О, и въ этомъ случаѣ напрасно. Еслибъ я и не видѣла, я знала бы, что вы волочились за кѣмъ-нибудь, — не нынѣ, то вчера. Я хочу бранить васъ не за то, что вы волочились. Мой мужъ говоритъ, что волочиться — тяжелое преступленіе. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ: онъ ученый, и думаетъ о томъ, какъ надобно было бы перестроить общество, чтобы люди не вредили другъ другу и не унижались въ собственномъ своемъ мнѣніи. Онъ долженъ строго судить обо всемъ, что дурно. Но я не ученая, я не присвоиваю себѣ права быть такою строгою. Впрочемъ, и онъ говоритъ, что нельзя много винить человѣка, который дѣлаетъ только то, что дѣлаютъ всѣ другіе. Я знаю, что всѣ молодые люди, у которыхъ есть деньги, волочатся за красивыми дѣвушками, которыя бѣдны и беззащитны.

Я... — Въ это время грянулъ оркестръ, всѣ пошли въ свои ложи. Она торопливо договорила.—Я не виню васъ. Но я прошу васъ вернуться къ пей. До свиданья. Послѣ я доскажу вамъ.

Онъ зашелъ за нею въ ложу.

— Вы сошли съума? Вы воображаете, что это капризъ? Что я говорила это, чтобъ уколоть васъ? — Даже, можетъ быть, по досадѣ, изъ ревности? — Вы могли бы слышать, что я говорю вовсе не такимъ тономъ. Я просто говорю вамъ, что вы должны сдѣлать. Въ слѣдующій антрактъ вы прійдете. Но если вы смѣете войти въ ложу, я разсержусь. И съумѣю заставить васъ уйти.—Я сказала вамъ: идите къ ней.

Она затворила дверь ложи.

Второй актъ кончился.—Пойду, посмотрю, живъ ли мой Нивельзинъ,— сказала Волгина.

— Что значитъ любить человѣка! Предполагаешь всякія бѣды съ нимъ, если онъ не на глазахъ! — А вотъ я такъ увѣренъ, что онъ не умеръ, потому что слышу, давно кто-то все ходитъ мимо ложи по корридору.

— Позвольте мнѣ съѣздить купить новые сапоги и поднести ихъ ему отъ вашего имени, Лидія Васильевна,—сказалъ Мироновъ.

— Надумались, Нивельзинъ,—поняли, что я вовсе не сердилась на васъ, а просто говорила, какъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать? Или еще не поняли? — По крайней мѣрѣ, видите, что теперь я говорю нисколько не сердясь? А теперь было бы гораздо больше поводовъ сердиться. Какъ вы смѣли не послушаться меня?— Предупреждаю васъ, я очень не люблю, когда не слушаются меня. Потому что я не люблю приказывать; и если приказываю, то, значитъ, считаю необходимымъ приказать.—Гдѣ вы пропадали? Все время сидѣли или бродили по корридору? — Вотъ было бы хорошо! — Надѣюсь, вы не дѣлали изъ себя такого посмѣшища для капельдинеровъ и ихъ дѣтей?—Надѣюсь, вы уходили въ фойе?

— Да, я ходилъ курить;—отвѣчалъ Нивельзинъ, все еще совершенно потерявшійся, какъ ребенокъ передъ гувернанткою, читающею ему мораль.

— Кто она? — Я могла видѣть, что она очень небогата, и привыкла къ тому, что не уважаютъ ее. Но я и не спрашиваю о томъ, какъ барышня съ приданымъ, за которою смотрятъ мать и десятокъ сестеръ, кузинъ, тетокъ, за которую вступилось бы все общество, если бы кто вздумалъ топтать ее въ грязь. Я спрашиваю: вы любовникъ ея, или нѣтъ? — Вы пріѣхали вчера; у васъ не было, вѣроятно, времени сдѣлать ее вашею любовницею,—но вы уже дѣлали ей предложенія, или она видѣла, что вы думаете сдѣлать ихъ?—Это почти все равно.—Вы поступили съ нею слишкомъ неделикатно, бросивши ее. Она должна была понимать, почему вы бросили ее. Это обидно, Нивельзинъ. Понимаете ли вы теперь, почему вы должны были возвратиться къ ней? — Исправьте вашу неделикатность. Если вы хотѣли разстаться съ нею, вы должны были сдѣлать это такъ, чтобы у нея осталось пріятное воспоминаніе о васъ. У нея, бѣдной, не очень много будетъ пріятныхъ воспоминаній, когда прійдетъ ей пора раздумья о жизни,—если еще не пришла.

— Я пойду къ ней... Если вы потребуете, я останусь знакомъ съ нею.. Я... я... дурно провелъ мою молодость... Я... я... — Волгина должна была взять его подъ руку, потому что его шаги сдѣлались невѣрны.

— Вамъ надобно успокоиться, Нивельзинъ. Я передамъ васъ Рязанцеву. Онъ горитъ нетерпѣніемъ разспрашивать васъ о своихъ лондонскихъ друзьяхъ. А мы съ вами еще будемъ имѣть время наговориться. Я возьму васъ проводить меня домой. Вы еще юноша, хоть и много повѣсничали. Вы съ перваго взгляда понравились мнѣ. Теперь нравитесь еще больше.

Она присоединилась къ Рязанцевой и Миронову. Рязанцевъ овладѣлъ Нивельзинымъ и повелъ съ нимъ таинственный разговоръ.

Антрактъ кончился. Нивельзинъ удержалъ Миронова, шедшаго въ ложу позади другихъ.—Мироновъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія: онъ вовсе не разсчитывалъ, что Нивельзинъ схватится за него, чтобы добиться правды.

— Два слова, Мироновъ. Скажите, пожалуйста, кто эта дѣвушка?

Мироновъ сдѣлалъ очень серьезное лицо.—Madame Рязанцева говорила вамъ, кто эта дама, и разсказывала мнѣ, что вы вздумали вообразить, будто мы сговорились мистифировать васъ. Изумляюсь, какъ пришла вамъ въ голову такая фантазія!—Мироновъ ужаснѣйшимъ образомъ пожалъ плечами.

— Продолжать мистификацію безполезно. Вы не убѣдите меня въ невозможномъ.

— Почему-жъ невозможно, что она madame Волгина?—спросилъ Мироновъ, еще сильнѣе утрируя серьезность.

— Madame Волгиной должно быть, по крайней мѣрѣ, девятнадцать лѣтъ, а ей не можетъ быть больше семнадцати. И она сама совершенно разстроила мистификацію слишкомъ невѣроятными выдумками. Она вздумала сказать мнѣ, что у нея есть сынъ.

— „Невѣроятно!“ — Мало ли что невѣроятно, и однакоже правда? — „Невозможно!“—Мало ли что̀ кажется невозможнымъ?—сказалъ Мироновъ съ величайшимъ пренебреженіемъ къ аргументамъ Нивельзина.—Но чѣмъ усерднѣе утрировалъ онъ свою серьезность, тѣмъ очевиднѣе было Нивельзину, что это притворство.

— Вотъ еще фактъ, Мироновъ. Волгинъ былъ въ оперѣ. Я говорилъ съ нимъ.

— Но, конечно, не сказалъ же онъ вамъ, что это не жена его?

— Не сказалъ, потому что я не спрашивалъ. Что же спрашивать человѣка, не жена ли его сидитъ въ ложѣ, когда въ ложѣ есть свободное мѣсто, а онъ принужденъ покупать у капельдинера позволеніе стоять между лавками?

— Если вы не хотите вѣрить мнѣ, то безполезно обращаться ко мнѣ съ вопросами. До свиданія. Вы и такъ слишкомъ долго задержали меня. Сейчасъ начинается хоръ, котораго я не хочу пропустить.

— Я не пущу васъ, пока вы не скажете мнѣ правду.—Онъ схватилъ Миронова за руку.

Мироновъ сдѣлалъ притворную попытку вырвать руку; почувствовалъ, что онъ удерживаетъ ее крѣпко, разсчиталъ, что можно вырываться посильнѣе, сталъ вырываться будто всей силою и притворился побѣжденнымъ, состроивши раздосадованную гримасу.

— Нивельзинъ, вы изломаете мнѣ руку. Пустите же.

Нивельзинъ видѣлъ, что онъ готовъ покориться, и, не отвѣчая, продолжалъ крѣпко держать его руку. — Изнутри театра раздался хоръ. — Мироновъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ вырваться невзначай; но и это не удалось.

— Извольте, я скажу вамъ все, только пустите. Она, дѣйствительно, madame Волгина, но она вдова. Ея мужъ былъ двоюродный дядя Волгина, котораго вы знаете. Онъ былъ старикъ. Онъ былъ очень друженъ съ ея дѣдомъ. Онъ любилъ ее, какъ родную внуку. Она была сирота и бѣдна. У него было небольшое состояніе. Когда онъ почувствовалъ, что близокъ къ смерти, онъ подумалъ: „сдѣлаю доброе дѣло“.—Онъ былъ принесенъ въ церковь на креслахъ. Его водили вокругъ налоя, поддерживая подъ руки,—лучше сказать, носили.—Повидимому, его поступокъ эксцентриченъ. Но его наслѣдники, родные племянники, — богатые люди, алчные скряги, отчаянные кляузники. Они оспаривали бы дѣйствительность завѣщанія, если бы оно было сдѣлано въ пользу посторонней. Ему надобно было, чтобы она была называема въ завѣщаніи его женою. Иначе, я сказалъ вамъ, поднялась бы безконечная тяжба, которая поглотила бы все наслѣдство.—Эта свадьба была нынѣ лѣтомъ. Когда она овдовѣла, она пріѣхала къ старшей сестрѣ,—то-есть, къ женѣ Алексѣя Иваныча Волгина.—Вотъ вамъ вся правда.—Пустите же меня.

— Какъ ея имя?

— Софья Васильевна.

— Благодарю васъ, Мироновъ. — Нивельзинъ, задумавшись, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, въ боковыя мѣста.

Мироновъ имѣлъ сильное влеченіе приставить къ своему носу большой палецъ и растянуть другіе, на проводы ему, но удовлетворился тѣмъ, что немножко высунулъ языкъ, и вошедши въ ложу, ждалъ не дождался, пока начнутъ пищать плохіе пѣвцы.

— Лидія Васильевна, знаете кто вы?—Я сдѣлалъ васъ вдовою, и зовутъ васъ Софья Васильевна. Старикъ, другъ вашего дѣда, когда сталъ умирать, велѣлъ нести себя въ церковь вѣнчаться съ вами, чтобы негодяи, племянники его, не могли отнять у васъ его маленькаго имѣнія.

— Какъ вы могли выдумать такую исторію?—Я очень сердита на васъ.

— Какъ могъ выдумать? — отвѣчалъ онъ, мало пугаясь того, что она сдвинула брови.—Разумѣется, не могъ бы выдумать въ четверть часа цѣлый романъ; только тѣмъ и ограничились мои труды, что немножко прикрасилъ анекдотъ, который слышалъ въ дѣтствѣ отъ родныхъ: они увѣряли, что былъ когда-то въ ихъ городѣ такой случай. — Напрасно сердитесь: добрые люди смѣются,—видите.

Въ самомъ дѣлѣ, Рязанцевъ хихикалъ и Рязанцева смѣялась.

— Онъ былъ дряхлъ, онъ уже не могъ держаться на ногахъ, и падалъ бы вотъ такъ,—Мироновъ опустился въ глубинѣ ложи на колѣни: — и голосъ у него дрожалъ,—Мироновъ заговорилъ дрожащимъ стариковскимъ голосомъ: „Сонечка, дружочекъ мой, твой дѣдушка былъ мнѣ другъ; я хочу обезпечить тебя, чтобы ты была свободна, независима“...

— Шутъ! разсмѣшилъ меня: не могу сердиться.

— „Сонечка, дружочекъ мой!—будь моею вдовою!—исполни послѣднюю

просьбу умирающаго старца!—Подурачь его!—Не ты, Сонечка, виновата, что ты стала моею вдовою,—онъ самъ сочинилъ твою исторію при помощи шута Миронова. Шутъ Мироновъ не перестанетъ паясничать, пока ты не согласишься на мою послѣднюю просьбу,—и что же будетъ, если ты не поспѣшишь согласиться?—Вотъ, ты уже смѣешься, а Анна Александровна еще громче, а Григорій Сергѣичъ уже хватается за бока; шутъ Мироновъ довелъ васъ до хохота, всѣ услышатъ, всѣ осудятъ васъ, подумаютъ: не хорошо хохотать въ оперѣ, когда чувствительные люди плачутъ, и самъ шутъ Мироновъ расчувствовался до слезъ..." онъ хныкалъ и строилъ гримасы. — Такъ вы будете мистифировать его, Лидія Васильевна! — весело продолжалъ онъ своимъ настоящимъ голосомъ, уже увѣренный въ ея согласіи...

— Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ забавно. — Но зачѣмъ же вы, Мироновъ, сдѣлали меня вдовою? — Я не хочу быть вдовою. — Лучше вы оставили бы меня дѣвушкою, какъ онъ воображалъ.

— Нельзя было, Лидія Васильевна: вы слишкомъ смѣлая. И вдову, и замужнюю женщину не скоро найдешь такую.—Невозможно!—Вы не могли-бъ играть роль дѣвушки.

— Вотъ прекрасно! Когда я была дѣвушкою, я была еще смѣлѣе, нежели теперь, потому что совершенно не понимала, что такое влюбляться, — безпрестанно воображала, что влюблена, и чувствовала, что это вздоръ. Впрочемъ, это почти совершенно правда: самый глупый вздоръ. Ребячество, забавное ребячество.

— Вотъ за это-то и надобно наказать его, что онъ имѣлъ глупость влюбиться въ васъ, Лидія Васильевна,—сказалъ Мироновъ, полу-шутя, полусерьезно:—Алексѣй Иванычъ говоритъ правду, что никто не долженъ влюбляться въ васъ. Я вотъ и моложе Нивельзина, а не влюбляюсь. Ему слѣдовало бы быть умнѣе меня, а не глупѣе. Пожалуйста, проучите его хорошенько. Смѣетъ влюбляться!—Я готовъ поколотить его, ей Богу!

— Это будетъ весело, Мироновъ, но я очень недовольна, что вы хоть въ шутку назвали меня вдовою. Я не хочу быть вдовою. Я буду дѣвушкою.

Она замолчала, и повидимому стала внимательно слушать пѣніе. Но черезъ минуту обернулась къ Миронову и повторила:—Я очень недовольна, Мироновъ, что вы назвали меня вдовою.

Много разъ Мироновъ украдкою заглядывалъ сбоку на ея лицо, продвигаясь къ барьеру ложи, будто бы для того, чтобы лучше видѣть дѣйствіе на сценѣ. Но ни разу не отважился заговорить.

Опера кончилась. Волгина стала надѣвать шляпу и взглянула на Миронова.

— Что вы такой хмурый?—Думаете, я все еще сержусь на васъ?—Но вы ужасно разстроили меня, мой милый Петруша.

У Миронова всегда была охота дурачиться. Тѣмъ больше теперь: ему хотѣлось развлечь Волгину.—Лидія Васильевна, пожалуйста, возьмите его съ собою; я увѣренъ, онъ прилетитъ провожать васъ. Вы добрая, Лидія Васильевна: возьмите его съ собою.

— Я уже сказала ему, что беру.

— Вы возьмете его, а я поѣду къ вамъ, поскорѣе, впередъ, подъучить Наташу; и Алексѣя Иваныча, если онъ уже дома. Наташа будетъ называть васъ Софьею Васильевною, скажетъ, что ваша сестрица, Лидія Васильевна, уже легла спать...

— Хорошо,—разсѣянно сказала Волгина, разсѣянно простилась съ Рязанцевыми и поклонилась подходившему Нивельзину. Мироновъ убѣжалъ. — Я очень любезна къ новому знакомому, — сказала она, молча прошедши два или три яруса лѣстницы. — Но это и лучше, если вы съ перваго же нашего знакомства будете знать, что иногда вамъ будетъ бывать скучно со мною... Впрочемъ, я не всегда такая. Обыкновенно, я веселая.

— Я исполнилъ ваше приказаніе.

— Видѣла.—Она опять замолчала.

Она молча дожидалась, пока подъѣдетъ карета; молча сѣла въ нее.

— О, какая тоска!—проговорила она, когда карета выѣхала изъ хаоса экипажей около театра. — Но я не хочу поддаваться ей, хочу быть веселою. Я не люблю тосковать. Говорите что-нибудь смѣшное, Нивельзинъ; заставьте меня смѣяться... Впрочемъ, что-жъ я говорю, чтобъ вы шутили, разсказывали смѣшныя глупости? — Я думаю, ваши мысли спутаны хуже моихъ... Конечно, такъ; потому что вы объясняете мою молчаливость смущеніемъ, раздумьемъ о себѣ и о васъ. Вы должны такъ думать, потому что должны были замѣтить, что очень понравились мнѣ; да еслибъ не замѣтили сами, я уже говорила вамъ. Но я думала не о себѣ, или о васъ, я думала о моемъ бѣдномъ мужѣ... Ахъ, какая досада! — При васъ, едва знакомомъ, должна утирать слезы! — Какая досада, что въ каретѣ не совершенно темно, чтобы вы не могли видѣть, какъ я смѣшна! — Расплакаться отъ мысли, что я вдова! Это смѣшно! Въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно! — Плакать о томъ, что я вдова! — Она засмѣялась. — Будемъ же говорить что-нибудь веселое, Нивельзинъ; я хочу забыть свои мысли... Что же вы молчите? — Да, я опять забыла, что у васъ не можетъ быть расположенія смѣяться и смѣшить... Да и я не могла бы слушать со вниманіемъ, хоть бы вы стали разсказывать самые смѣшные анекдоты. Лучше будемъ молчать, пока у меня нѣтъ охоты ни говорить, ни слушать.

Она замолчала.

— Вы человѣкъ съ тактомъ, Нивельзинъ,—начала она минутъ черезъ десять.—Вы умѣете молчать, когда лучше всего молчать. Вамъ должна была казаться очень странною моя грусть; вѣроятно, даже смѣшною. Ахъ, я сама желала бы смѣяться надъ нею!... И буду смѣяться. Алексѣй Иванычъ увѣряетъ, что я боюсь напрасно. Я не знаю, не понимаю, что такое дѣлается у насъ въ Россіи, что выйдетъ изъ этого. Я должна вѣрить ему. Буду вѣрить.

Она опять замолчала и начала спокойнѣе.

— Но у меня есть и свои опасенія за него. Отъ нихъ онъ не можетъ отговорить меня; потому что это я сама понимаю; это можетъ понимать всякій. Какого здоровья можетъ достать надолго при такой работѣ?—Прійдешь поутру звать его пить чай, онъ сидитъ и пишетъ; увѣряетъ, что недавно проснулся; потомъ пьетъ чай, а у самого слипаются глаза; какъ же повѣрить ему, что онъ спалъ?—Это бываетъ часто, Нивельзинъ: каждый мѣсяцъ. И всегда работаетъ цѣлый день; какъ всталъ, такъ и за работу,—и до поздней ночи.

Ни напиться чаю, ни пообѣдать, какъ слѣдуетъ, ему некогда. Схватитъ стаканъ и уйдетъ за свою проклятую работу; даже тарелку съ послѣднимъ кушаньемъ уноситъ въ свой проклятый, проклятый кабинетъ. Только и отдыха, если кто прійдетъ къ нему, или ему надобно идти; да и отъ этого иногда только больше горя мнѣ: прошло два, три часа днемъ безъ работы, онъ и сидитъ за нею ночью. Поэтому, даже рѣдко заставляю его идти или ѣхать со мною: думаешь, вмѣсто отдыха сдѣлаешь ему больше изнуренія. Какое здоровье выдержитъ такую жизнь?—„Ничего, голубочка. Я вовсе не такъ много работаю, какъ ты воображаешь“;—я воображаю!—Другой отвѣтъ: „Голубочка, нельзя иначе; и такъ я не успѣваю сдѣлать всего, что нужно“. Безсовѣстный человѣкъ! ему ничего, что онъ огорчаетъ меня!... И для чего онъ убиваетъ себя такою работою?—для того, чтобъ у меня были лишнія деньги!—Ему самому ничего не нужно. Каждый разъ, когда заказываешь ему новое платье, ссора съ нимъ; заноетъ, заноетъ: „Зачѣмъ, голубочка?“—„Напрасно, голубочка!“—и ноетъ, споритъ, пока не разсердитъ меня. Каждый разъ это кончается тѣмъ, что я должна браниться. И это изъ-за всякой мелочи, изъ-за каждаго галстуха, изъ-за теплой фуражки на зиму!—Каждый разъ получаешь огорченіе. Покупаешь ему, радуешься,—нѣтъ, успѣетъ огорчить. Это ужасный человѣкъ, съ несноснѣйшимъ характеромъ, совершенно безо всякой совѣсти!—Онъ даже не любитъ ничего. У него достаетъ совѣсти отрекаться ото всего. Онъ не любитъ никакого кушанья;—какъ вамъ нравится это?—И онъ твердъ въ своемъ: нарочно не ѣстъ своихъ любимыхъ блюдъ, какъ только замѣтитъ, что готовишь ихъ для него.—Пока не пойметъ, ѣстъ; только это одно и миритъ съ нимъ, что не догадливъ, ни на что не обращаетъ вниманія, совершенно слѣпой; пока не замѣтитъ, ѣстъ; замѣтилъ, что кушанье готовится для него, кончено:—„Не хочу, голубочка“.—„Почему не хочешь?“—„Не нравится, голубочка“.—„Какъ же не нравится? Ты любишь это“.—„Никогда не любилъ, голубочка; я не знаю, почему тебѣ такъ показалось“.—И споритъ, споритъ, пока выведетъ изъ терпѣнія. Тогда новая пѣсня: „Ну, что же, твоя правда, голубочка, прежде, нравилось; а теперь не нравится“.—Что прикажете дѣлать?—Какъ ни бранишь его, не помогаетъ: не ѣстъ.—Бросаешь, пока забудетъ; забудетъ, опять ѣстъ. Только это хорошо въ немъ, что безпамятенъ и ничего не замѣчаетъ. И хоть бы не понималъ, что надобно же готовить что-нибудь; почему-жъ не быть одному блюду и по его вкусу? Больше одного ему не нужно, и тѣмъ больше все равно, что я ѣмъ все. Толкуешь ему это. Понимаетъ. Но уже такой характеръ. Иногда, замѣтно, онъ и самъ не радъ, что все только огорчаетъ меня. Но не можетъ исправиться.—Какъ не можетъ!—Просто, не хочетъ, потому что въ немъ нѣтъ ни искры стыда, а жалости еще меньше. Говоритъ, что любитъ меня, а хоть бы сколько-нибудь пожалѣлъ! Огорчаетъ меня каждый день, каждую минуту!—Я не видывала такихъ скупыхъ людей!—Ему жаль, когда сдѣлаешь какой-нибудь расходъ для него, хоть самый маленькій: „зачѣмъ, голубочка?“—„Не нужно, голубочка!“—Ему все кажется, что у меня мало удобствъ,—теперь, когда стала выѣзжать,—что у меня мало денегъ на наряды, на развлеченія. Мои платья не нравятся ему!—Мои платья!—Каково?—И хоть бы кто говорилъ, а то онъ, который самъ даже и не отличитъ порядочную матерію отъ самой плохой!—„Голубочка.

ты шила бы себѣ платья получше“.—Можно ли имѣть платья лучше моихъ?—Скажите, была ли, напримѣръ, въ оперѣ хоть одна дама или дѣвушка, которая была бы одѣта лучше меня?—Богаче, почти всѣ, и въ 4-мъ ярусѣ; но лучше, ни одной и въ бель-этажѣ.—Нѣтъ, онъ недоволенъ. Чѣмъ? спросите его,—тѣмъ, что я пошла за него!—Какъ вамъ это нравится?—Замѣтили? онъ глядѣлъ, глядѣлъ на меня, и началъ утирать слезы: о чемъ?—объ этомъ!—Необыкновенно уменъ!—Какъ будто есть на свѣтѣ женщина счастливѣе меня!—Могъ бы самъ видѣть, счастлива ли я;—и видитъ. Но совѣсти нѣтъ у человѣка. Несносный характеръ! Я нисколько не ангелъ; но онъ и ангела вывелъ бы изъ терпѣнья! Я не понимаю, что это за глупый человѣкъ!... Потому я вышла за него, что видѣла какой это человѣкъ. Онъ не думалъ объ этомъ; совѣтовалъ мнѣ идти за другого. Ахъ, сколько надоѣдалъ онъ мнѣ этими просьбами: „идите за него, идите за него“,—надоѣлъ, надоѣлъ... „Не пойду“, сказала ему.—Нѣтъ, свое: „идите“.—Тотъ его другъ, мой женихъ, былъ очень похожъ на васъ, Нивельзинъ. Разумѣется, понравился мнѣ. Но я увидѣла, что съ моимъ характеромъ нельзя идти замужъ: всѣ мужчины воображаютъ, Нивельзинъ, что они умнѣе и благоразумнѣе насъ, что они должны управлять нами. Я рѣшилась не идти замужъ ни за кого. Мужчины не умѣютъ только любить, Нивельзинъ. Они хотятъ господствовать. Они слишкомъ глупы, они дикари, Нивельзинъ. Не будьте такимъ, когда женитесь...

Она замолчала.

— Вы не знаете, Нивельзинъ, какой это человѣкъ!—И никто еще не знаетъ! Только я одна знаю это. Я давно узнала это; хоть я и не ученая, и не видывала тогда ученыхъ людей. Я увидѣла это изъ первыхъ же нашихъ разговоровъ, хоть они были пустые, хоть, разумѣется, онъ не могъ говорить со мною ни о чемъ ученомъ: я не поняла бы, какъ и теперь не понимаю; и не слушала бы, какъ и теперь не слушаю. Но это было видно мнѣ. Я узнала, какой это человѣкъ; тогда всѣ думали, что онъ пролежитъ весь свой вѣкъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ, вялый, сонный. Но я поняла, какая у него голова, какой у него характеръ! — потому что безъ его характера, даже и при его умѣ, ему нельзя было бы такъ понимать всѣ эти ученыя вещи. Я, неученая, увидѣла это изъ первыхъ разговоровъ, пустыхъ, обо мнѣ, о пустякахъ, о моемъ счастьи,—я увидѣла, какая разница между нимъ и другими!—И ошиблась ли я?—Вы знаете, какъ теперь начинаютъ думать о немъ. Но его время еще не пришло, они еще не понимаютъ его мыслей;—прійдетъ его время, тогда заговорятъ о немъ! — И пусть будетъ съ нимъ и со мною, что будетъ! Я хочу, чтобъ о моемъ мужѣ говорили когда-нибудь, что онъ раньше всѣхъ понималъ, что нужно для пользы народа, и не жалѣлъ для пользы народа—не то, что себя—велика важность ему не жалѣть себя!—не жалѣлъ и меня!—и будутъ говорить это, я знаю!—и пусть мы съ Володею будемъ сиротами, если такъ нужно!

Она замолчала и задумалась.

— О, Боже мой, какъ я разговорилась; — начала она послѣ долгой паузы. — Вамъ должно было быть смѣшно слышать это отъ женщины, отъ женщины неученой, которая не понимаетъ ничего въ ученыхъ вещахъ и не думаетъ о нихъ. Вообще, я и не говорю о нихъ. Но я была взволнована.

Нивельзинъ: а вы такъ понравились мнѣ, да и мой мужъ очень хвалитъ васъ, и видно, что мы будемъ очень дружны; — я чувствовала, что могу говорить какъ-будто не съ чужимъ.—А вы, вѣроятно, ждали не такого разговора?—Думали, что я стану вызывать васъ на любезности?—Конечно, такъ. Потому что вы думали волочиться за мною. Впрочемъ, вы сами не знали; что вы думали: вы такъ влюбились, что не могли думать. Но нечего жалѣть вамъ, что я не была въ настроеніи слушать любезности. Въ нихъ нѣтъ надобности: я уже сказала вамъ, что вы нравитесь мнѣ. Волочиться—совершенно лишнее, когда вы уже слышали, что вы нравитесь.

— Я не думалъ волочиться за вами; — сказалъ Нивельзинъ. — Я не думалъ, что М-г Волгинъ вашъ мужъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, я совершенно забыла, что вы вообразили, будто васъ мистифируютъ, а повѣса Мироновъ воспользовался этимъ и наговорилъ вамъ вздора, чтобы послѣ намъ всѣмъ вмѣстѣ посмѣяться. Ахъ, какъ жаль, что я забыла!—И все оттого, что Мироновъ разстроилъ меня этимъ гадкимъ словомъ „вдова“.—Какъ жаль, что я забыла! — было бы такъ весело! — и сколько мы съ вами смѣялись бы послѣ!—А пока я не раздумалась, не раздумалась, и не стала совсѣмъ грустная, я хотѣла продолжать шутку. Разумѣется, я не осталась бы вдовою, была бы дѣвушкою. Стоило только сказать, что моя свадьба съ этимъ старикомъ—невѣрный слухъ; что правда, все было готово къ вѣнчанію, но женихъ мой умеръ, когда его несли въ креслахъ вѣнчаться; что я не имѣю права носить его фамилію; но изъ признательности къ нему, за доброе намѣреніе люблю, чтобы меня называли такъ; потому, знакомые и называютъ Волгиною, хоть настоящая моя фамилія—Платонова; Мироновъ не слышалъ ея, слышалъ, что всѣ зовутъ меня Волгиною, потому и ошибся. И вы опять вѣрили бы всему, и это было бы очень весело!—И вы сдѣлали бы мнѣ предложеніе,—и какъ мы съ вами смѣялись бы!.. Или, можетъ быть, я теперь мистифировала васъ, называя Алексѣя Ивановича моимъ мужемъ? Можетъ быть, я остаюсь вдовою? — Пожалуй, остаюсь: теперь я смѣюсь надъ своимъ страхомъ.

— Мое положеніе чрезвычайно странно.—проговорилъ Нивельзинъ.

— Почему?

Нивельзинъ молчалъ.

— Почему же? — Я не понимаю на что вы сердитесь. Вы могли-бы быть разочарованъ, раздосадованъ, если бы вздумали, что не нравитесь мнѣ. Но я сказала и говорю: нравитесь, очень нравитесь.

— Именно потому я и называю свое положеніе чрезвычайно страннымъ.

— Вотъ это мило!—Вамъ непріятно, что вы нравитесь мнѣ?

— Вы любите вашего мужа.

— О. Боже мой!—проговорила Волгина, засмѣявшись.—О, Боже мой!—повторяла она, переводя духъ отъ смѣха.—О, Боже мой! — Я люблю моего мужа! А вамъ хотѣлось бы, чтобы я не любила его? — Посмотрю, посмотрю, какъ это вы сами не будете любить его, когда хорошенько познакомитесь съ нимъ! Но позвольте спросить, съ чего вы взяли, что я люблю его?—Я вовсе не говорила этого. Напротивъ, жаловалась вамъ на него, называла его человѣкомъ несноснѣйшаго характера, разсказывала, что безпрестанно браню его.

— Вы смѣетесь надо мною. Я не привыкъ быть предметомъ насмѣшекъ.

— Я вижу, съ вами надобно говорить, какъ съ наивнѣйшимъ юношею, какъ съ маленькимъ ребенкомъ,—сказала Волгина уже совершенно серьезно.— Я такъ и думала, что вы юноша, несмотря на всѣ ваши волокитства и побѣды. Но не воображала, что вы юноша до такой степени. Вздумайте, кстати, обидѣться также и этимъ. Надъ своею досадою вы сами скоро будете смѣяться. Надъ нею я смѣюсь, но только надъ нею. Это не значитъ, что я смѣюсь надъ вами. За что же я стала бы смѣяться надъ вами? — За то, что вы влюбились въ меня? — но что же тутъ смѣшного? — ровно ничего. Было бы очень глупо смѣяться надъ вами, если бы вы и не нравились мнѣ. Но вы нравитесь. Поэтому, я нахожу прекраснымъ, что вы влюбились въ меня: вы не будете скучать быть у насъ очень частымъ гостемъ,—скоро и не гостемъ, а своимъ у насъ. А я хочу этого. Видите ли, какъ просто объясняется все? Поняли, что вамъ нечѣмъ было обижаться?

Нивельзинъ молчалъ.

— Неужели надобно толковать вамъ еще подробнѣе?—Очень жаль, что съ нами нѣтъ Алексѣя Иваныча. Я попросила бы его говорить. Онъ охотникъ разсуждать обо всемъ, что должно быть понятно безъ всякихъ разсужденій. А я скучаю такими лекціями. Но для васъ, такъ и быть, стану объяснять, потому что вы очень понравились мнѣ съ перваго же взгляда, а теперь я думаю, что даже серьезно полюблю васъ, потому что вы держали себя какъ умный человѣкъ: не театральничали, не декламировали, хоть вамъ было очень досадно.—Слушайте же.—Что общаго между мною и Алексѣемъ Ивановичемъ? — Только то, что онъ всею душою любитъ меня, а я не могу не чувствовать очень сильнаго расположенія къ нему за это. Но то, что занимаетъ его, непонятно и скучно мнѣ; то, что интересуетъ его, заставляетъ меня зѣвать. Онъ ученый; я не читала почти ничего серьезнаго; не читаю даже того, что онъ пишетъ: пробовала нѣсколько разъ, потому что люблю его, но всегда бросала на первыхъ страницахъ. Онъ говоритъ: это потому, что онъ пишетъ дурно, растянуто: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ пишетъ скучно; но я бросала его статьи просто потому, что предметы ихъ не занимательны для меня. Его жизнь — совершенно кабинетная; о чемъ онъ сталъ бы разсказывать мнѣ? — не о чемъ, кромѣ какъ о томъ, что онъ читаетъ и пишетъ. Это скучно мнѣ.—Я всегда имѣю много разсказывать ему: я не сижу взаперти какъ онъ. Онъ слушаетъ меня и не скучаетъ; но только потому, что ему нравится слушать меня; но слушаетъ, и самъ не слышитъ, а если и слышитъ, черезъ минуту забываетъ; потому что, какую же занимательность для него имѣютъ мои прогулки и выѣзды, покупки, наряды, танцы, моя болтовня съ молодыми людьми? — Вамъ будетъ смѣшно, пока вы не привыкнете: онъ не знаетъ въ лицо многихъ изъ молодыхъ людей, которые бываютъ у меня: обѣдаетъ съ ними, пьетъ чай,—и все-таки не знаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые не пускаются въ ученые разговоры съ нимъ. Онъ разсѣянъ и невнимателенъ.

Карета остановилась.

— А, пріѣхали! — Что же вы думали сдѣлать, Нивельзинъ? Идти къ намъ, или раскланяться у двери подъѣзда и уйти, чтобъ никогда не возвра-

щаться?—Увы, мой милый Нивельзинъ: рѣшеніе не зависитъ отъ вашей воли. Вы должны помочь мнѣ взойти на лѣстницу. И предупреждаю, это будетъ не очень легко для васъ, потому что, когда иду на лѣстницу, я опираюсь на руку моего кавалера очень солидно. Бѣдныя мои ноги все еще слабы. Въ прошлую зиму, я думаю, я еще не могла бы танцовать. Я была очень больна послѣ того, какъ родился Володя. Хорошо ли онъ спитъ безъ меня, мой милый?—Ахъ, Нивельзинъ, если бы дѣти знали, сколько болѣзней, страданій переносятъ матери!—Ваша мать жива, Нивельзинъ? Вы любите ее?

— Она жива. Я очень люблю ее.

— Почему-жъ вы живете не вмѣстѣ съ нею? Она закоснѣлая провинціалка и не любитъ Петербурга?

— Да. Въ деревнѣ она окружена родными.

— Вы давно были у нея?

— Два года.

— Два года! — Нехорошо, Нивельзинъ:—Вамъ надобно было бы проѣхать изъ-за границы къ ней.—Устала рука или нѣтъ?—Я думаю!—Бѣдныя мои ноги! Но все-таки я уже танцую почти такъ же легко, какъ прежде. Но бѣгать, прыгать попрежнему я не могла бы; можетъ быть, уже и не хотѣлось бы, если бы могла; не знаю. Когда-то мнѣ можно будетъ опять ѣздить верхомъ?—Этого я не разлюбила. Но въ нынѣшнее лѣто еще не рѣшалась. Посмотримъ, на слѣдующее лѣто, хорошо ли вы ѣздите.—Прошу; будете гость, пока не привыкнете считать себя не чужимъ у насъ.—Она ввела его въ дверь.

— Лидія Васильевна уже легли почивать и просили васъ, Софья Вас... —начала Наташа.

— Уже нечего разсказывать о Лидіи Васильевнѣ; онъ знаетъ, что Лидія Васильевна—я. А гдѣ Мироновъ? Позови его; пусть будетъ вмѣсто хозяина и хозяйки, пока выйду въ гостиную. Терпѣть не могу корсетовъ, Нивельзинъ. Идите прямо, потомъ налѣво.

— Моя или, вѣрнѣе, ваша собственная мистификація уже разрушилась? —Очень жалѣю,—сказалъ Мироновъ, выходя въ гостиную къ Нивельзину.

— Я не понимаю этой женщины, Мироновъ.

— Это просьба, чтобъ я помогъ вамъ понять ее?—Ждите отъ меня помощи, когда я желаю вамъ провалиться сквозь землю!—За что?—За то, что вздумали отправиться нынѣ въ оперу. За слѣдующее нельзя винить васъ. Но почему бы вамъ во французскій театръ, если уже не сидѣлось дома?

— Вы бранитесь, Мироновъ; вы не бранились бы, если бы знали, о чемъ мы говорили,—лучше сказать, она говорила, потому что я только слушалъ, и чувствовалъ себя въ отчаянно-глупомъ положеніи.

— Очень любопытно мнѣ знать, что она говорила вамъ!—я думаю только о томъ, что она теперь будетъ говорить мнѣ чаще прежняго!—Вы чувствовали себя въ глупѣйшемъ положеніи!—Очень нужно мнѣ ваше удостовѣреніе, чтобы знать это! Я полагаю, что лучше всего намъ будетъ заняться исключительно куреньемъ: мнѣ, чтобъ не продолжать браниться; вамъ, чтобъ не смѣшить меня. — Онъ закурилъ и сталъ ходить, заложивъ руки на спину.

Наташа принесла чай. На подносѣ, кромѣ стакановъ для Миронова и Нивельзина, была чашка.

— Лидія Васильевна скоро прійдетъ?—спросилъ Мироновъ.

— Я сказала ей, что несу чай; она сказала „иду“.—Наташа ушла.

— Что же вы не пьете, Нивельзинъ?—сказалъ Мироновъ черезъ минуту.—Я слышалъ, что влюбленные не ѣдятъ; но пить чай, если не ошибаюсь, могутъ.—Или вамъ хотѣлось бы съ ядомъ вмѣсто сливокъ?—На ваше горе нѣтъ при мнѣ мышьяку, а то не отказалъ бы.

— Неужели вы самъ не влюбленъ въ нее, Мироновъ?—Влюбленъ въ нее, это видно.

— Такая догадливость дѣлаетъ честь вашему сумасшествію.

Вошла Наташа, взяла чашку и выпитые стаканы; опять принесла чай Миронову и Нивельзину, и опять чашку.

— Что же, Лидія Васильевна скоро прійдетъ?—спросилъ Мироновъ.

— Я сказала ей, что иду перемѣнить стаканы; не перемѣнить ли ея чашку, или подождать, чтобъ и эта не остыла? Она сказала: „Нѣтъ, перемѣни; я сейчасъ иду“.

— Что-жъ не идетъ? что тамъ дѣлаетъ? Готовитъ закуску?

— Господи!—Я думаю, сама положу сыръ, ветчину, сама знаю какъ открывается коробочка съ сардинками!—Что она?—Извѣстно, подошла да и стоитъ; „иду“, да и стоитъ.

— Подошла къ Володѣ?

— Ахъ ты, Господи!—Точно не по-русски говорю вамъ!—Двое у нея дѣтей, что ли, что спрашиваете?—Извѣстно, къ Володѣ.—Онъ спитъ, она глядитъ.—Наташа ушла.

— Должно быть, Нивельзинъ, что Володя тутъ только предлогъ: а не выходитъ она потому, что все не можетъ успокоить своего волненія: ужъ очень влюблена въ васъ.

— Послушайте, Мироновъ: она любитъ мужа: какъ же вы ревнуете ее?

— А вотъ какъ: она можетъ имѣть къ своему мужу какія ей угодно чувства, а я чувствую охоту поколотить васъ!—Мироновъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Что вы стучите, повѣса?—Смотрите, разбудите у меня Володю!—Я васъ тогда!.. — Волгина вошла въ блузѣ. — Любезная хозяйка, Нивельзинъ, совсѣмъ бросила васъ. Но привыкайте къ моему характеру. Вотъ поэтому не могу сближаться съ дамами, даже съ тѣми, которыя сами по себѣ нравились бы мнѣ, напримѣръ, Рязанцева. Съ ними слишкомъ много церемоній: пріѣдешь, садись на опредѣленное мѣсто, сиди смирно, говори какъ принято; она пріѣдетъ, какъ бросить ее?—какъ уйдешь въ кухню, въ дѣтскую?

— Дружба между дамами гораздо рѣже, нежели между мужчинами,—замѣтилъ Нивельзинъ.—Насъ связываютъ дѣла, одинаковость образа мыслей. У женщинъ, у каждой, своя отдѣльная жизнь: личная, семейная: общественныя связи не охватываютъ ихъ.—Я почти не знаю примѣровъ дружбы...

— До свиданья, Лидія Васильевна; мнѣ уже давно хотѣлось уйти,—перебилъ Мироновъ.—Только не смѣлъ безъ васъ, чтобы вы не бранились, что бросилъ Нивельзина.

— Вижу, Мироновъ, что вы злитесь на него. Угадываете, что теперь гораздо чаще прежняго буду прогонять васъ заниматься дѣломъ?

Мироновъ поцаловалъ ея руку, пошелъ, но вернулся, подошелъ къ окну, проворчавши: „чуть не забылъ! А Даша прійдетъ завтра поутру!“—и схватилъ съ окна небольшую плоскую картонку. Движеніе было порывистое, крышка приподнялась, выскользнула и сама картонка упала. Цвѣты, ленты разсыпались по полу.—Мироновъ зацѣпилъ, какъ попалось, первые, какіе подвернулись, чтобы пихнуть назадъ въ коробку.

— Осторожнѣе, все испортите. Кладите на окно. Въ картонку уложу сама.—Волгина подошла къ окну, стала укладывать.—Идите, спросите у Наташи веревочку, завязать получше. А то, съ вашею досадою, еще разроняете по дорогѣ.—Мироновъ принесъ веревочку. Волгина завязала картонку. Онъ опять поцаловалъ руку и ушелъ.

Нивельзинъ внимательно всматривался въ цвѣты и ленты, которые подбиралъ Мироновъ, и лицо его прояснилось: онъ долженъ былъ замѣтить, что ленты нѣсколько помяты; вѣроятно, онъ убѣдился изъ этого, что Даша никакъ не сестра Миронова: Волгина не могла дарить сестрѣ своего пріятеля уборы, которые бросила и могла бы отдать своей горничной.

— Мнѣ кажется, я начинаю нѣсколько понимать васъ,—сказалъ онъ, проводивъ глазами Миронова.

— Понимать меня вовсе не трудно: надобно только понимать въ самомъ простомъ и прямомъ смыслѣ все, что я говорю.

— Именно поэтому-то и очень трудно понять васъ: вы слишкомъ не похожи по характеру на другихъ женщинъ.

— Мой мужъ говоритъ: это потому, что всѣ онѣ такъ или иначе невольницы. Онъ говоритъ, что я никогда не могла бы стать похожа на невольницу. Не знаю; онъ слишкомъ любитъ меня; поэтому, какъ говоритъ со мною обо мнѣ, фантазируетъ до смѣшного.

— И вы, я увѣренъ, нѣсколько преувеличиваете, когда говорите о томъ, какъ онъ изнуряетъ себя работою. Я не замѣчалъ, чтобы онъ когда-нибудь былъ похожъ на изнуреннаго. Правда, онъ нѣсколько блѣдноватъ! но всмотрѣвшись, видишь, что это уже природный цвѣтъ, не болѣзненный.—Вы огорчаетесь тѣмъ, что онъ отказываетъ себѣ во всякихъ развлеченіяхъ; онъ не отказываетъ себѣ въ нихъ; они, дѣйствительно, скучны ему. Когда втянешься въ работу, которая по сердцу, она становится занимательнѣе всякихъ развлеченій. Иногда и мнѣ случалось испытывать это, хоть, вообще, у меня были слишкомъ дурныя привычки.

— Благодарю васъ, Нивельзинъ, за то, что вы говорите такъ хорошо. Я и сама понимаю, что отчасти я могу преувеличивать. Но въ самомъ дѣлѣ онъ работаетъ слишкомъ много... Знаете ли, что мнѣ вздумалось?—Онъ такъ хвалитъ васъ. Онъ говоритъ, что вы и очень ученый, и что у васъ благородный образъ мыслей. Я знаю, вамъ нѣтъ надобности писать. Но вы сами сказали, что находили удовольствіе въ работѣ даже и тогда, когда вели разсѣянную жизнь. Попробовали бы вы сдѣлаться писателемъ, Нивельзинъ: можетъ быть, вы стали бы писать хорошо.

— Чтобы помогать Алексѣю Иванычу?—Нѣтъ, Лидія Васильевна: мнѣ

надобно еще слишкомъ много учиться и думать, чтобы моя работа годилась для него. Онъ съ пренебреженіемъ смотритъ на людей, которыхъ я еще уважаю. Онъ высказываетъ мысли, о которыхъ я часто и не знаю, какимъ образомъ можно дойти до нихъ.—Я могу писать только о математикѣ, объ астрономіи; это не нужно ему.—Онъ могъ бы легко найти десятки помощниковъ гораздо лучше меня. Но у него такой образъ мыслей, котораго они не раздѣляютъ; а я еще не умѣю и понимать хорошенько.

— Какъ это жаль, Нивельзинъ!—А я вздумала-было такъ хорошо... Зачѣмъ я сама не училась ничему?.. Правда, мнѣ было не у кого учиться... Но я и сама была такая рѣзвая: все бѣгала, ѣздила, только въ томъ и прошло все дѣтство... И послѣ тоже самое, только прибавились танцы, наряды... А въ двадцать слишкомъ лѣтъ, съ хозяйствомъ, съ ребенкомъ начинать учиться,—поздно... Она замолчала, потомъ засмѣялась.—Видите, какъ мы хорошо говоримъ, Нивельзинъ. Это такъ и будетъ. А вы еще не хотѣли быть дружены съ нами.

— Для васъ это будетъ такъ, для меня это не могло бы быть такъ. Теперь, я очень хорошо вижу, что вы не думали смѣяться надо мною. Но...

Въ эту минуту раздался звонокъ.

— Ахъ, наконецъ-то! Слава Богу!—Я думала, онъ останется тамъ до второго, до третьяго часу!—Говорите, Нивельзинъ: онъ намъ не помѣшаетъ. Поздоровается и поплетется къ себѣ въ кабинетъ, если не велѣть ему сидѣть съ нами.

— Но вы не хотите помнить, что я сошелъ съ ума, увидѣвши васъ,— договорилъ Нивельзинъ и замолчалъ.

— Я вовсе не забываю этого, Нивельзинъ; но я не придаю этому важности. Это довольно скоро пройдетъ; кто изъ насъ не ребячился, кромѣ моего Алексѣя Иваныча,—но смотрите, что будетъ,—договорила она тихо:—только сидите смирно, не вставайте, не кланяйтесь.

Она могла бы сказать это и громче; мужъ не услышалъ бы; онъ еще изъ зала началъ свою рѣчь:

— А вообрази, голубочка, что я тоже былъ въ оперѣ!—Пришелъ въ типографію,—рано; вздумалъ пойти къ вамъ въ ложу;—но представь себѣ: вдругъ, вижу, не знаю нумера!—Что же?—пошелъ, взялъ мѣсто вверху!—Молодецъ!—Ну, и вообрази: кого я тамъ встрѣтилъ въ оперѣ?—Съ этими словами онъ показался въ дверяхъ.—Вообрази: Нивельзина!—Позвалъ его завтра обѣдать. Въ сущности, очень хорошій человѣкъ:—онъ шелъ мимо носа Нивельзина, преспокойно продолжая:—Да, хорошій, въ сущности. Только вчера пріѣхалъ.—Здравствуй, здравствуй, моя милая голубочка! Давно не видались! —Онъ сталъ цаловать руку жены.

— Если Нивельзинъ такъ нравится тебѣ, ты поздоровался бы съ нимъ.

— Ну, да въ самомъ дѣлѣ, это вы, Павелъ Михайлычъ! —воскликнулъ Волгинъ, обернувшись.—Въ самомъ дѣлѣ, это вы!—А я и не гляжу: думаю: Мироновъ!—Очень радъ, очень радъ!

— Положимъ, не глядѣлъ, могъ бы не разсмотрѣть лица; но какъ же принять человѣка въ статскомъ платьѣ за человѣка въ мундирѣ?

— Ну, что же тутъ такого, голубочка? — Не обратилъ вниманія; и опять же по разсѣянности,—возразилъ Волгинъ.

— Я видѣла тебя въ оперѣ; и ты огорчилъ меня: зачѣмъ плакалъ?— Стыдись, нехорошо.

— Ну, что же, голубочка;—жалобно затянулъ Волгинъ.—Это я только такъ... Да впрочемъ, это тебѣ только такъ показалось, голубочка, — спохватился онъ.—Увѣряю, голубочка.

— Можете судить, есть ли у него совѣсть,—замѣтила Волгина Нивельзину.—Ты усталъ; ступай себѣ, раздѣнься,—ляжешь спать?

— Что же ложиться-то понапрасну, голубочка?—Раньше часу, все равно, не усну.

— Если не ляжешь, я пришлю къ тебѣ Нивельзина.

— Хорошо, голубочка. Приходите, Павелъ Михайлычъ.

— Я даю вамъ порученіе, Нивельзинъ: просидите съ нимъ до часу, пожалуйста. Тогда онъ ляжетъ. А то, пожалуй, усѣлся-бы за работу и заработался-бы долго.—Кто изъ насъ не ребячился, Нивельзинъ?—И я влюблялась, въ старину. Потому и знаю, что это вздоръ, которому не слѣдуетъ придавать важности. — Это хорошо для баловъ, для танцевъ: о чемъ было-бы говорить?—Пока не о чемъ думать, и возвратившись съ балу, можно думать,— и думаешь, бывало, Нивельзинъ: „ахъ, я влюблена въ него!“—Потомъ, я не спорю, это можетъ иногда обращаться въ серьезную любовь, — вѣнчаются, — или, если женщина уже замужемъ, начинаются измѣны, ссоры, ужасы. Но это, когда женщина и безъ того дурно жила съ мужемъ. А когда вы расположенъ и къ мужу, и къ женѣ,—помилуйте, долго ли продержится у васъ въ головѣ влюбленность?—Очень скоро вы будете видѣть во мнѣ добрую, простую женщину, которая отъ всей души расположена къ вамъ. — Завтра, въ часъ, въ половинѣ второго, приходите, отправимся гулять. А теперь пора мнѣ спать: Володя умѣетъ будить,—такой же голосъ будетъ, совершенно такой же, какъ у отца.—Я очень рада, что Алексѣй Иванычъ вернулся не такъ поздно: хотѣла ждать его, а потомъ Володя не далъ бы выспаться.—Пойдемъ, провожу васъ къ Алексѣю Иванычу,—и пожалуйста, до часу сидите, но дольше половины не засиживайтесь.

— Вы такъ легко смотрите на мое сумасшествіе, — сказалъ онъ: — вы ошибаетесь.

— Полноте, что за вздоръ. — Она взяла его за руку. — Идемъ. — Она повела его.

— Вы ошибаетесь, мое сумасшествіе не такъ легко можетъ пройти; — сказалъ онъ, но съ такимъ усиліемъ, что слышно было, какъ не хотѣлось бы сказать это.—Я долженъ былъ бы избѣгать васъ,—я долженъ избѣгать васъ.

— Что за вздоръ, нѣтъ никакой надобности:—отвѣчала она весело.

— А если вы ошибаетесь?

— Не будемъ пугаться того, что невѣроятно!—Лучше, помните, что я говорила вамъ: до часу сидѣть, дольше половины второго не смѣть. Онъ будетъ удерживать васъ,—онъ очень деликатенъ, при всей своей неловкости; у него никогда не достаетъ духа показать, что ему некогда, или человѣкъ наскучилъ ему, — тѣмъ больше, онъ будетъ внимателенъ и по своему любезенъ съ вами: но вы самъ долженъ помнить время.—Слышишь, мой другъ, что я говорю Нивельзину: чтобъ онъ не слишкомъ полагался на твои любезности,—

да и тебѣ велѣла бы не удерживать его, если бы не знала, что ты уже не можешь обойтись безъ этого. — Чай уже принесли тебѣ? — Хорошо; — закуску я сейчасъ пришлю сюда.

— Ну, хорошо, голубочка; — отвѣчалъ мужъ. — А ты сама-то хочешь спать?

Она зѣвнула. — Мнѣ пора спать. Володя поднялъ нынѣ въ семь часовъ. Такой несносный мальчишка.

— Я не знаю, хорошо ли я дѣлаю, оставаясь у васъ; — сказалъ Нивельзинъ, — а самъ, между тѣмъ, уже взялъ сигару, которую подалъ ему Волгинъ.

— Отчего же? — До часу, все равно, не спалъ бы. Очень радъ посидѣть съ вами, потому что надобно-жъ иногда и отдохнуть. Работаешь, работаешь, да и надоѣдаетъ. — А знаете, я даже и подумалъ тогда, что найду васъ здѣсь; потому что извѣстно, какъ сдерживаются подобныя обѣщанія: „не пойду къ нимъ въ ложу“; а Лидія Васильевна еще тогда, — весною-то, — хотѣла познакомиться съ вами. Ну, конечно, повидавшись съ нею, увидѣла, какой оборотъ приметъ дѣло. Конечно, разсудила, что если такъ, то лучше ей и не видѣться самой съ вами. Та, бѣдная, могла бы, пожалуй, забрать себѣ въ голову, что отбиваютъ у нея. Не будь этого соображенія, Лидія Васильевна, конечно, велѣла бы мнѣ только позвать васъ къ ней, а не стала бы поручать мнѣ самому говорить съ вами: слава Богу, знаетъ, какой мастеръ я говорить.

— Изъ того, что вы бывали у меня, вышелъ слухъ, вѣроятно, очень непріятный для васъ. Рязанцевъ убѣжденъ, что вы посылали меня въ Лондонъ съ какими-то порученіями.

— Э, вздоръ-то! — сказалъ Волгинъ, махнувши рукою. — Ну, пусть думаетъ, — пусть и разсказываетъ: велика важность!

— Я старался разубѣдить его, но, кажется, не могъ.

— И не стоило.

— По-моему, очень стоило; и не отстану, пока не разувѣрю.

— Ну, этого-то, положимъ, вамъ не удастся. Да не стоитъ и думать.

— Тѣмъ больше стоитъ, что онъ не самъ выдумалъ. Это ему объяснилъ Савеловъ.

— Да ну ихъ къ чорту! — Ну, и Савеловъ пусть думаетъ. Велика важность! — Кто не старается заискать въ Лондонѣ? — Савеловъ-то самъ старается вилять хвостомъ такъ, чтобы тамъ замѣтили; а вы думаете, нѣтъ? — Волгинъ принялъ глубокомысленный видъ. — Навѣрное, да. И не сомнѣвайтесь.

— Мнѣ нечего сомнѣваться. Откуда же беретъ Рязанцевъ документы, о которыхъ потомъ дивятся, какъ они туда попали?

— Въ самомъ дѣлѣ! — воскликнулъ Волгинъ. — Это удивительно! — Какъ же это никогда не пришло мнѣ въ голову? — То-то-же и есть. — продолжалъ онъ съ прежнимъ глубокомысліемъ. — Потому я и говорилъ вамъ: этотъ слухъ для меня пустяки. — Не стоитъ говорить объ этомъ. — А знаете ли, что я вамъ скажу, Павелъ Михайлычъ: это вы не спроста повернули, — я объ одномъ, а вы о другомъ, — будто не успѣли бы сказать послѣ! — Это мнѣ вотъ сейчасъ только пришло въ голову. — И знаете ли, если такъ, то и съ самаго-то начала вы тоже не спроста, должно быть, сказали, что не знаете, хорошо ли дѣлаете, оставаясь у меня! — А я, знаете, такъ и понялъ, что вы

боитесь отнять у меня время!—Это удивительно!—Онъ покачалъ головою. — Это удивительно, я васъ увѣряю, какъ я не понялъ! — Натурально, это вы говорили не обо мнѣ,—то-есть, не обо мнѣ одномъ, а вы говорили объ насъ.— Вотъ, тоже, вздоръ-то, Павелъ Михайлычъ! — Онъ покачалъ головою. — И знаете ли, отчего это? Оттого, что вы не понимаете характеръ Лидіи Васильевны. Видите ли...—Онъ погрузился въ размышленіе.—Видите ли, вамъ надобно понять ея характеръ.—Ну, что, какъ вы нашли Парижъ? Поумнѣли тамошніе республиканцы послѣ уроковъ, которые получили въ 1848 году и 2-го Декабря?

Нивельзинъ, въ свою прежнюю поѣздку, когда прожилъ въ Парижѣ довольно долго, сошелся съ нѣкоторыми изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ тамъ предводителей рѣшительной демократической партіи. Теперь онъ опять видѣлъ ихъ; видѣлъ и нѣкоторыхъ французскихъ изгнанниковъ въ Англіи. У него было много разсказовъ на вопросы Волгина.—Такъ они проговорили о Франціи до часу. Въ часъ Нивельзинъ всталъ и ушелъ, какъ ни упрашивалъ его Волгинъ посидѣть еще.

Проводивъ Нивельзина, Волгинъ тотчасъ легъ спать, зѣвая самымъ многообѣщающимъ для сна образомъ. Но оказалось, что не спится. Пробило два часа, все еще не дремалось. Онъ всталъ, съ большимъ неодобреніемъ себѣ покачалъ головою, опять надѣлъ халатъ и сѣлъ писать. Пробило шесть часовъ. Онъ разсудилъ, что пора снова попробовать, не уснется ли, и дѣйствительно, заснулъ довольно скоро.

— Я сердита, — этими словами встрѣтила Волгина Нивельзина, когда онъ на другое утро явился, по уговору, провожать ее на прогулку.—Я очень сердита, отчасти и на мужа, но больше на васъ. Онъ такой человѣкъ, что я ужъ и отступилась отъ него: не можетъ не упрашивать „посидите“,—по его мнѣнію, этого требуетъ деликатность. А на васъ я надѣялась, что вы исполните мою просьбу.—До какихъ поръ вы сидѣли?—Онъ все еще спитъ.

Нивельзинъ оправдался: онъ ушелъ въ часъ, какъ она приказывала ему.

— Значитъ, онъ послѣ васъ таки принялся работать! Это еще хуже. Лучше бы вы были виноваты. Надобно будетъ бранить его. Ахъ, еслибъ это помогало! Давно онъ былъ бы самымъ послушнымъ человѣкомъ! — Ступайте, велите Наташѣ принести шляпу и перчатки. — Да, вы еще не знаете куда идти: налѣво и опять налѣво.

Онъ пошелъ, принесъ перчатки и шляпу.—Она заставила его любоваться на шляпу, которая очень мила. Онъ согласился.

Въ передней стояла Наташа, чтобы подать пальто и запереть дверь.

— Прислушивайся, какъ проснется Алексѣй Иванычъ, и если заставишь его долго ждать чаю, или напоишь холоднымъ, я надеру тебѣ уши такъ, что будутъ горѣть весь день.

— Да отъ кого еще узнаете, если дамъ остыть самовару? — Авдотью попрошу, чтобы не выдала меня.

— А на Алексѣя Иваныча ты ужъ надѣешься, что онъ не скажетъ?— Видите, Нивельзинъ, какой онъ у меня человѣкъ: Наташа, глупая дѣвчонка,

и та понимаетъ, что нельзя такъ жить на свѣтѣ!—Она вздохнула.—Иногда съ нимъ смѣхъ; больше, скука, даже горе.

— Ахъ, Господи, что вы говорите, когда сами знаете, что дай Богъ, чтобы всѣ мужья были такіе!—не могла не вступиться Наташа.

Погода была очень хорошая. Волгина стала говорить, что когда устанетъ, возьметъ коляску, и они поѣдутъ кругомъ города; что послѣ верховой ѣзды самое любимое ея удовольствіе — кататься. Теперь она можетъ всегда доставлять его себѣ: деньги на это есть. Потомъ она разспрашивала Нивельзина о его родныхъ, особенно — матери. Потомъ опять говорила о верховой ѣздѣ, восхищалась тѣмъ, что на слѣдующее лѣто опять будетъ ѣздить верхомъ, разсказывала, какія лошади были у нея въ старину, радовалась тому, что года черезъ полтора опять у нея будутъ свои лошади. Потомъ, опять слушала, какая деревня у Нивельзина.—Они много разъ прошли по Невскому.

— Начинаю уставать,—сказала она.—Но заговорившись, ходила дольше, нежели думала. Брать коляску на полтора часа не стоитъ: жаль денегъ. Зайдемъ въ Гостинный Дворъ, тамъ отдохну.

Она зашла въ одну лавку, въ другую, въ третью. Купцы были ея пріятели. Они приносили ей складной стулъ, если въ лавкѣ не было дивана. Они потчивали ее чаемъ, если пили. Она велѣла пить Нивельзину. Она толковала съ купцами о ихъ семейныхъ дѣлахъ. Они показывали ей новые товары, хоть она и говорила, что пришла не покупать, а въ гости къ нимъ.

— Успѣемъ зайти еще въ гости?—сказала она, выходя изъ третьей или четвертой лавки.—О, уже почти четыре часа! Пора домой! Очень скучно было вамъ, Нивельзинъ, въ Гостинномъ Дворѣ? Ахъ, я забыла, что влюбленные не могутъ скучать!

— Я нѣсколько скучалъ,—сказалъ онъ.

— Уже скучали?—Это утѣшительно!—Видите, какъ скоро проходитъ,—даже скорѣе, чѣмъ я думала; и это немножко обидно мнѣ.

Онъ сталъ серьезно говорить, что теперь его разсудокъ прояснился. Она прояснила его разсудокъ своимъ простымъ, беззаботнымъ разговоромъ и обращеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не надобно было придавать важности тому, что онъ былъ влюбленъ въ нее.—„Былъ“,—будто это уже прошло! Быть можетъ, еще не совсѣмъ. Но если еще и не совсѣмъ прошло, то онъ видитъ, что довольно скоро пройдетъ совершенно. Ему теперь грустно за себя, что онъ не понималъ ея. Она должна извинить ему это, потому что онъ былъ человѣкъ съ испорченнымъ сердцемъ. Но онъ чувствуетъ теперь, что это не было сродно ему, потому что ему такъ легко было сознать нелѣпость, мелочность, пошлость, варварство понятій, которыя онъ долженъ отбросить. Они были внушены ему обществомъ. Но не проникли до глубины его души: онъ чувствуетъ, что въ его сердцѣ воскресли чувства, достойныя порядочнаго человѣка. У него только недоставало силы самому сбросить съ себя иго азіатской дикости. По дикимъ привычкамъ общества, молодой человѣкъ непремѣнно долженъ волочиться за молодою женщиною, если сближается съ нею; она если не отталкиваетъ его, непремѣнно хочетъ, чтобы онъ волочился за нею. Но это пошлый азіатизмъ, хоть онъ и пришелъ къ намъ изъ Европы; это—продолженіе гаремныхъ нравовъ подъ формами цивилизаціи. Развѣ единственная жизнь женщины — лю-

бовныя интриги?—Такъ, но только въ гаремѣ. И развѣ мужчина—животное, незнающее другихъ радостей, кромѣ тѣхъ, какихъ азіатецъ ищетъ въ гаремѣ?—Такъ, но только пока мужчина—тиранъ, самъ подавленный рукою другого тирана.—Онъ воображалъ себя цивилизованнымъ человѣкомъ, и не понималъ, что молодая женщина можетъ говорить съ молодымъ человѣкомъ просто какъ человѣкъ съ человѣкомъ...

— О, Боже мой! — замѣтила она, засмѣявшись, когда они подходили къ ея квартирѣ.—Отъ Гостиннаго Двора до Владимірской описываете ваше исправленіе, и все еще не кончили! Вы обманывались и обманули меня, сказавши вчера, что не можете писать статьи для Алексѣя Иваныча. Вы напишите все это, и выйдетъ статья длинная, какъ тѣ, которыя пишетъ Алексѣй Иванычъ.—Не нужно вашей руки,—я еще никогда не ходила столько,—посмотримъ, трудно ли будетъ взойти одной на лѣстницу.—Нѣтъ, давайте руку, устала. Но все-таки хорошо, что могла сдѣлать такую долгую прогулку, и опять легко дойти отъ Гостиннаго Двора сюда. На слѣдующее лѣто можно будетъ ѣздить верхомъ.—Всталъ Алексѣй Иванычъ?—Давно?—обратилась она къ Наташѣ.

— Въ третьемъ часу, въ половинѣ. И чай былъ самый горячій, Лидія Васильевна.

— Ахъ, что за глупая дѣвчонка! Она воображала, что я въ самомъ дѣлѣ не надѣюсь на нее!

— Нѣтъ, я понимаю, Лидія Васильевна, что если бы вы не надѣялись на меня, то не ушли бы, а сами бы дождались,—убѣдительнымъ тономъ возразила Наташа.

— А если понимаешь, то чѣмъ же хвалишься?—Вотъ, хоть бы съ нея ты бралъ примѣръ; — обратилась она къ мужу, который шелъ встрѣчать. — Ей что я скажу, она все такъ и дѣлаетъ. А ты? Не совѣстно?

— Ну, что же, голубочка!—жалобно запѣлъ мужъ.

— Стыдись.—Давай скорѣе обѣдать, Наташа. Я проголодалась.—Помнишь ты моего пріятеля, Романа Дементьича?—Да онъ бывалъ и здѣсь,—помнишь, немножко рябой?—Зоветъ меня быть крестною матерью. Обѣщала.

— А, помню!—Знаю твоего Романа Дементьича; —съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ сказалъ мужъ: дѣйствительно, онъ могъ обрадоваться Роману Дементьичу: значитъ, выговоръ кончился.

Волгинъ былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа за обѣдомъ: жена такъ легко простила ему сонъ до третьяго часа дня. Онъ впалъ въ остроумнѣйшее настроеніе. Онъ восхищался собою, когда онъ бывалъ остроуменъ, онъ больше всего любилъ восхищаться собою. Эта тема была неистощима. Дѣйствительно, онъ потѣшался надъ собою отъ души, и многіе подвиги его ловкости, сообразительности, находчивости были очень забавны. Нивельзинъ смѣялся.

Но для Волгиной забавные разсказы мужа не были новы. Сначала она слушала, потомъ перестала слушать.

— Голубочка, задумалась? — О чемъ? — сказалъ Волгинъ, замѣтивши, наконецъ, что она не смѣется.

— Думаю о томъ, что въ самомъ дѣлѣ ты не мастеръ устраивать свои дѣла.—Съ каждымъ мѣсяцемъ хуже. Бывало, когда ты поѣдешь просидѣть вечеръ въ типографію, я знаю, что ты кончилъ писать на эту книжку, и можешь отдохнуть. А теперь и въ этомъ ошиблась. Не оправдывайся. Я знаю, ты не забываешь мою просьбу беречь свое здоровье, не сидѣть по ночамъ; и если не всегда соблюдаешь ее, то лишь по невозможности. Но тѣмъ хуже, мой другъ, что это необходимость. И самъ ты виноватъ въ этомъ своимъ неумѣньемъ заботиться о своихъ дѣлахъ. Зачѣмъ ты далъ уѣхать Левицкому? Какъ можно было дать уѣхать ему?

— Да, это, точно, была большая ошибка съ моей стороны, голубочка,— согласился Волгинъ.—Да, Павелъ Михайлычъ,—обратился онъ къ Нивельзину:—вотъ наше съ Лидіею Васильевною горе: у всѣхъ у нашихъ господъ просвѣщателей публики чепуха въ головѣ: пишутъ ахинею, сбиваютъ съ послѣдняго толка русское общество, которое и безъ того уже находится въ полупомѣшательствѣ. Нѣтъ между ними ни одного, котораго бы можно было взять въ товарищи. Поневолѣ принужденъ одинъ писать всѣ статьи, которыми выражается мнѣніе журнала. И не успѣваю. Нѣтъ человѣка съ свѣтлою головою, да и кончено! Нашелся было одинъ: Лидія Васильевна такъ была рада!— а онъ взялъ да и уѣхалъ,—выпустилъ я его,—ждалъ и не дождался, когда пріѣдетъ.

— Хоть-бы отвѣчалъ, по крайней мѣрѣ, когда пріѣдетъ! — сказала Волгина.—Давно-бы пора быть отвѣту,—что-жъ онъ молчитъ? Я писала ему такъ, что онъ не могъ не отвѣчать мнѣ. Я думаю, мой другъ: дошло ли до него мое письмо? не затерялось ли?

— Очень возможная вещь,—согласился Волгинъ.

— Онъ могъ уѣхать еще куда-нибудь изъ Харькова, — продолжала Волгина.

— Очень можетъ быть, голубочка,—согласился мужъ.

— Надобно написать къ нему опять, — и кромѣ того, спросить у его родственника, который гувернеромъ у Илатонцевыхъ.

Волгинъ сильно раскашлялся.

— Что съ тобою?—не простудился ли, мой другъ?

— Нѣтъ, не простудился, голубочка; только поперхнулся; — успокоилъ мужъ.

— Нивельзинъ, будьте милъ, съѣздите завтра въ домъ Илатонцева, на Литейной, узнайте, пріѣхали-ль Илатонцевы; — если да, спросите гувернера, Левицкаго, не знаетъ ли онъ, гдѣ теперь его родственникъ, Владиміръ Алексѣичъ? — Но если и не запомните имя, все равно, помните только: молодой человѣкъ, который нынѣшнею весною кончилъ курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ, — гдѣ онъ, что съ нимъ, куда писать ему: гувернеръ долженъ знать, они хороши между собою, потому что этотъ Владиміръ Алексѣичъ разсказывалъ и о немъ, и объ Илатонцевыхъ;—а если Илатонцевы и гувернеръ ихъ не возвратились, привезите, по крайней мѣрѣ, адресъ, какъ написать этому гувернеру.

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ Нивельзинъ.

Волгинъ имѣлъ время обдумать дѣло со всѣхъ сторонъ, потому что былъ

необычайно быстръ въ соображеніяхъ. Соображеній было очень много, но выводъ изъ всѣхъ одинъ: ни одно никуда не годится. Продолжать обманъ невозможно. Онъ долженъ признаться Лидіи Васильевнѣ, что обманывалъ ее, что самъ удалилъ Левицкаго изъ Петербурга, что адресъ въ Харьковъ былъ фальшивый, что Левицкій, гувернеръ Илатонцевыхъ, именно и есть Владиміръ Алексѣевичъ Левицкій, его Левицкій. — Это неизбѣжно; иначе, все равно, правда откроется черезъ нѣсколько дней.—Одно оставалось не рѣшено: какъ объяснить Лидіи Васильевнѣ мотивы, по которымъ онъ такъ поступалъ. Тогда она была такъ страшно взволнована, едва онъ началъ говорить. Не придумывалось, какъ сказать ей. Но время терпитъ. Илатонцевы еще не вернулись въ Петербургъ. Что-нибудь придумается.

Волгинъ вооружился храбростью и похвалилъ Лидію Васильевну за то, какъ вздумала она сдѣлать; онъ снова сталъ балагурить на прежнюю тему. Конечно. не всѣ его разсказы о своихъ неловкостяхъ и промахахъ были одинаково забавны. Но много было дѣйствительно забавныхъ и во всякомъ случаѣ не уступавшихъ тѣмъ, надъ которыми прежде смѣялся Нивельзинъ.—Теперь Нивельзинъ не смѣялся; лишь иногда улыбался будто принужденно, да и не вопадъ. Конечно, Волгинъ нескоро замѣтилъ это, но все-таки, наконецъ, замѣтилъ, при всемъ своемъ неумѣньи наблюдать.

Взглянуть бы на Лидію Васильевну,—но, разумѣется, незачѣмъ и смотрѣть: она, конечно, замѣтила и поняла, если даже и онъ замѣтилъ и понялъ. Какъ ему было поступать?—Онъ былъ неловокъ до смѣшного, но онъ сдѣлалъ, какъ достало у него умѣнья, и надобно сказать, что нельзя было ожидать отъ его обыкновенной ненаходчивости даже и такого оборота.

— Ну-съ, вотъ каковъ я молодецъ, — похвалилъ онъ себя, кончивъ анекдотъ, который разсказывалъ во время этого раздумья.—Ловкій человѣкъ? Вы думаете, вѣроятно, и нельзя увидѣть такого другого? Но вотъ пріѣдетъ Левицкій, будете видѣть двухъ такихъ. — Помнишь, голубочка, его наружность, или забыла?

— Помню,—сухо отвѣчала жена.

— Но если бы знала какой онъ неловкій!—Даже мнѣ смѣшно, увѣряю. Повѣрь, не лучше меня.

— Бери еще пирожнаго, ты любишь это пирожное,—сказала жена.

— Хорошо, голубочка, —сказалъ Волгинъ, взялъ столько и сталъ ѣсть съ такимъ усердіемъ, которое сдѣлало бы честь очень хорошему обжорѣ.

— Я встрѣчался съ Илатонцевымъ, когда бывалъ въ обществѣ,—сказалъ Нивельзинъ.—Это одинъ изъ немногихъ людей аристократическаго круга, которыхъ я искренно уважаю, и я очень радъ случаю, который, быть можетъ, сблизитъ насъ. — Нивельзинъ былъ опять веселъ и сдѣлался разговорчивъ.

Наташа принесла самоваръ. Наливши мужу и Нивельзину по второму стакану, Волгина встала.

— Если будете пить еще, то наливайте сами. — До свиданья, Нивельзинъ.

— Голубочка, сыграй что-нибудь,—сказалъ мужъ.—Ты устала, должно быть; но для меня сыграй что-нибудь,—пожалуйста, голубочка.

— Нѣтъ, я не чувствую усталости: но я не расположена играть. — Она пошла.

— Для меня, голубочка,—пожалуйста. Часто ли я слушаю, когда ты играешь?—Пожалуйста.—Ты сама говоришь, что у меня слишкомъ мало развлеченій,—такъ не откажи въ развлеченіи, когда мнѣ хочется развлечься.

Она пошла въ залъ и сѣла за рояль. Сначала оставалась холодна, потомъ увлеклась. Она не могла быть виртуозкою, потому что не имѣла хорошихъ учителей, да и мало училась. Притомъ, почти три года въ Петербургѣ она не имѣла рояля.—Онъ былъ купленъ еще не очень давно. Но она играла недурно и любила музыку.

Когда она стала играть какой-то романсъ, Нивельзинъ попросилъ у нея позволенія пѣть.— „Пойте".—сухо отвѣчала она.—Но онъ пѣлъ хорошо, и она стала слушать его съ удовольствіемъ.

Мало-по-малу она сдѣлалась разговорчива, и Волгинъ разсудилъ, что можетъ уйти.

— Будьте снисходительны ко мнѣ, — сказалъ Нивельзинъ: — мое сумасшествіе проходитъ, но оно еще не совсѣмъ прошло. Не сердитесь на больного.

— Я еще не такъ сильно расположена къ вамъ, чтобъ могла сильно сердиться,—сказала она.—Но идите къ Алексѣю Иванычу, или уходите. Я сѣла играть только для него. Мнѣ не хотѣлось.—До свиданья.

Она ушла. Нивельзинъ пошелъ проститься съ Волгинымъ.—Волгинъ попросилъ его сѣсть и курить, посадилъ, не слушая его отговорокъ, и началъ:

— Вчера, Павелъ Михайлычъ, я хотѣлъ предупредить васъ,—вѣроятно, вы и замѣтили; но, знаете, разсуждалъ и то, что, можетъ быть, нѣтъ никакой надобности въ этомъ. Остановило меня и то, что, не мастеръ я вести разговоръ, какъ слѣдуетъ, чтобы не выходило неловко. Думалъ: пусть онъ получше познакомится съ нами; а то, пожалуй, мои слова покажутся ему странны: раньше времени не слѣдуетъ ничего дѣлать. Нельзя и спорить, прекрасное правило: дѣлай все во-время. Однимъ оно дурно: обстоятельства не ждутъ, чтобы намъ пришла пора дѣлать что-нибудь, заставляютъ приниматься за дѣло раньше времени. Оттого-то всегда у всѣхъ народовъ и выходитъ чепуха. Возьмите вы нашъ вчерашній разговоръ о 1848 годѣ. Какъ я бранилъ французскихъ демократовъ за то, что они сочинили Февральскую революцію, когда общество еще не было приготовлено поддерживать ихъ идеи. Такъ-то оно, такъ: разумѣется, вышла мерзость. Но только не они сочинили Февральскую революцію: обстоятельства такъ шли, что заставили ихъ, волею-неволею, участвовать въ сочиненіи глупости...—Волгинъ задумался.—Такъ вотъ оно и у насъ. Толкуютъ: „освободимъ крестьянъ". Гдѣ силы на такое дѣло? — Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ?—самъ судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать. Натурально, что: испортишь дѣло, выйдетъ мерзость... — Волгинъ замолчалъ, нахмурилъ брови и сталъ качать головой.—Эхъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею! — вотъ хвастуны-то: вотъ болтуны-то: вотъ дурачье-то?—Онъ опять замоталъ головою.

Вѣроятно, Нивельзинъ ждалъ не разсужденія о Февральской революціи и отмѣнѣ крѣпостного права, и, вѣроятно, былъ мало расположенъ сосредоточить свое вниманіе на вопросѣ о силахъ и способностяхъ русскихъ эмансипаторовъ. Но слова Волгина звучали такимъ ретроградствомъ, которое было нестерпимо человѣку съ горячими стремленіями къ добру.—Волгинъ выслушалъ его возраженія, помоталъ головою:

— Это и прекрасно, если все такъ. Но само собою, не въ томъ дѣло. Натурально я говорилъ о вашихъ господахъ эмансипаторахъ только для примѣра, что нельзя бываетъ ждать, пока придетъ пора. А такъ ли оно, или нѣтъ, конечно, можно спорить. Напримѣръ, умно или глупо я сдѣлалъ вчера, что разсудилъ: лучше подожду. Поговори я съ вами вчера, какъ слѣдуетъ,— могло бы не выйти нынѣшней непріятности. Значитъ, можно сказать: слѣлалъ глупо, что не говорилъ. Но съ другой стороны: вчера вы подумали бы „что такое? съ какой стати?“ — А теперь, поймете, что я говорю дѣло, будете помнить, будете такъ и держать себя. Значитъ, если хотите, можно и оправдать меня, что не говорилъ, пока не представился хорошій случай. — Онъ встряхнулъ головою и продолжалъ, разгорячаясь собственными словами отъ вялости до того, что подъ конецъ ему стало трудно сдерживать голосъ.—Вотъ что.—началъ онъ вяло.—Что такое значитъ имѣть довѣріе къ человѣку? — То, что вамъ нѣтъ надобности понимать его поступка, чтобы знать: онъ не поступаетъ дурно. Напримѣръ, почему я говорю съ вами? — Не понимаете, навѣрное не понимаете: натурально, вамъ кажется очень странно. Не понимаете, согласенъ. Но знаете, что я не имѣю въ мысляхъ никакого коварства. Такъ или нѣтъ?—Знаете это?—Ну и не ошибаетесь, разумѣется. Потому что я недурной человѣкъ. Можете ли вы забыть это, при какихъ бы то ни было недоразумѣніяхъ съ вашей стороны?—Не можете... По необходимости всегда будетъ вамъ думаться: „Я не понимаю, почему Алексѣй Иванычъ поступаетъ такъ; но тутъ не должно быть ничего дурного“. Такъ или нѣтъ? — Голосъ Волгина поднимался.—Такъ или нѣтъ? — Ну-съ, такъ помните же, что есть люди лучше меня. Помните это. Больше никогда, ничего не надобно вамъ знать. Знайте это, и довольно. Такъ: знайте это, и довольно. Да. — Онъ остановился, замѣтивъ, что если продолжать, то будетъ слишкомъ громко, вздохнулъ, мотнулъ головою, и этого было довольно, чтобы возвратиться къ обычной вялости.—Да, Павелъ Михайлычъ,—продолжалъ онъ флегматически.— Мало ли бываетъ случаевъ, что мы не можемъ понимать, пока не узнаемъ подробностей? — Тутъ надобно не пускаться въ фантазіи, а когда знаете человѣка за хорошаго человѣка, то просто надобно думать: „не знаю, и знать не хочу, пока не случится узнать“. И узнавать не надобно: нечего узнавать, когда не говорятъ вамъ, — значитъ нѣтъ ничего любопытнаго для васъ. И думать нечего: значитъ дѣло не касается васъ, и не должно касаться,- -значитъ и нечего думать.—Онъ погрузился въ размышленіе. — Само собою, мы говоримъ о частной жизни, о личныхъ отношеніяхъ. Общественныя дѣла совершенно другая исторія. Въ нихъ вы гражданинъ: давай отчетъ; не мое дѣло, общественное, подавай отчетъ. Напримѣръ, какъ честный человѣкъ, я говорю вамъ: „одолжите мнѣ десять рублей изъ вашего кармана“ — спросите ли на что?—истребуете ли росписки?—если я захочу дать, не возьмете; на-

пишу и дамъ, изорвете. Но: „дайте мнѣ десять копѣекъ изъ общественной суммы“.—Другая матерія. – „На что тебѣ?“ — „Я хорошій человѣкъ, можете быть увѣрены, употреблю съ пользою для общества“.— „Дудки, братецъ, говори, на что“. — „А безъ росписки можете дать? — я не воръ, не отрекусь“.— „Дудки, милашка!—вижу, что ты не воръ,—проваливай!—Господа, помогите проводить мошенника въ шею!“ — Волгинъ залился руладою въ поощреніе своему остроумію; перевелъ духъ и флегматически сказалъ:—А ну ихъ къ чорту, и общественныя дѣла, и нашихъ либераловъ!—Все забываю изъ-за нихъ о томъ, что говорю. И васъ-то, я думаю, смѣшу: „Эко, не можетъ видѣть, — вы думаете, — не можетъ видѣть, что я отъ него жду, что это за штука такая на счетъ Левицкаго“.

— Нѣтъ, я не жду этого; я не хочу знать ничего;—съ порывомъ отвѣчалъ Нивельзинъ.

— Ну, да все равно: поѣдете спрашивать въ домъ Илатонцева, тамъ открылось бы: Владиміръ то Алексѣичъ Левицкій, котораго мы не знаемъ гдѣ найти, —онъ-то, именно, и есть, разумѣется, гувернеръ, у котораго мы хотимъ спрашивать, не знаетъ ли, куда дѣвался нашъ Левицкій!—Это удивительно! — высказалъ Волгинъ свое мнѣніе о такой штукѣ, и покачалъ головою.—Это удивительно, какую исторію я сочинилъ! — Илатонцевы то еще не вернулись изъ деревни, и его нѣтъ еще въ Петербургѣ, натурально. Но все равно, не могло бы скрыться отъ васъ: какъ спросили бы у швейцара, или у кого тамъ, такъ и сказали бы вамъ: „Владиміръ Алексѣичъ еще не пріѣхалъ“.—Чего-жь тутъ? Не могли бы вы не увидѣть, въ чемъ штука. Да и скрывать-то теперь безполезно: дольше тянуть нельзя. Скажу Лидіи Васильевнѣ. Натурально, непріятно. Ну, да нельзя теперь.

Нивельзинъ былъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Волгина, что „это удивительно“. Онъ удалилъ изъ Петербурга человѣка, который былъ незамѣнимъ для него,—обманывалъ жену, которая интересовалась этимъ человѣкомъ только по заботливости о мужѣ,. подрывающемъ свое здоровье чрезмѣрною работою,—жену, которую безгранично уважалъ, — отправлялъ письма съ фальшивымъ адресомъ, чтобы продлить обманъ, — что же заставляло его дѣлать такъ?

— Эхъ, Павелъ Михайлычъ!—Волгинъ покачалъ головою: — мало вы знаете человѣческія слабости,—напримѣръ, до чего можетъ доводить человѣка самолюбіе.—Волгинъ вздохнулъ. — Конечно, совѣстно признаваться, — да нечего дѣлать.

— Вы хотите сказать, что удаляли отъ литературы соперника по таланту?

— Видите, вы не совсѣмъ удачно выразились. Литературнаго таланта у меня нѣтъ. Я пишу плохо. Длинно, часто безжизненно. Десятки людей у насъ умѣютъ писать гораздо лучше меня. Мое единственное достоинство,—но важное, важнѣе всякаго мастерства писать — состоитъ въ томъ, что я правильнѣе другихъ понимаю вещи.—А у него, кромѣ этого достоинства, есть и талантъ. Огромный.

— Вы увлеклись авторскимъ самолюбіемъ: — какъ вѣрить послѣ того, что вы сейчасъ сказали?—Какое самолюбіе въ васъ?

— Ну, не самолюбіе, то зависть,—какъ тамъ это назвать, все равно; вещь понятная,—съ флегматическимъ цинизмомъ отвѣчалъ Волгинъ. — Впрочемъ, само собою, это только сущность дѣла, а оболочка на немъ, натурально, хорошая: что же я за дуракъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы не найти благовиднаго предлога?—Вы знаете, начинать писать рано — значитъ, истощать свой талантъ. Опять же: писать и учиться, одно съ другимъ плохо уживается. Готовься, готовься! — Руссо готовился сорокъ лѣтъ, потому и могъ сказать что-нибудь свое, глубоко-обдуманное, дѣльное.—А возьмите вы Дидро, Вольтера; можетъ быть, были и не глупѣе Руссо, но принялись строчить, когда еще борода не росла,—и прекрасно строчили,—только своей мысли ровно ни одной.—Левицкому только 21 годъ.

— Я не такъ хорошо знаю исторію литературы, чтобы спорить съ вами,—сказалъ Нивельзинъ. — Но мнѣ кажется, ваше мнѣніе утрировано. У кого есть охота учиться, не можетъ не продолжать учиться и сдѣлавшись писателемъ. У кого есть самобытный умъ, тотъ не лишится оригинальности только оттого, что не будетъ жечь своихъ бумагъ до сѣдыхъ волосъ.

— Видите, я и не говорю, что мое мнѣніе справедливо: я вотъ говорю только, чѣмъ я могу объяснить то, что удалилъ Левицкаго. И если сказать правду, должно быть, я самъ чувствую, что это вздоръ, когда не говорилъ Лидіи Васильевнѣ. Натурально, какой отвѣтъ?— „Что ты городишь вздоръ?“ — Ну, и промолчалъ, — и дошелъ до того, что сталъ обманывать. Разумѣется, побранитъ. Скажетъ: „глупо, мой другъ!“ Натурально, глупо. — Ну, да все это не важно, разумѣется.—Волгинъ погрузился въ размышленіе и выразилъ его результатъ:—Разумѣется, не имѣетъ большой важности. Глупо-то глупо, не спорю. Но, только и всего.—Онъ помолчалъ. — А что, скажите, Павелъ Михайлычъ, я думаю, для васъ очень странно, что Лидія Васильевна вышла за меня?—Согласенъ съ вами, это странно, видѣть меня подлѣ нея. И скажу вамъ..

— Не приписывайте мнѣ того, чего я не думаю, — замѣтилъ Нивельзинъ.—Вы некрасивъ и неловокъ; конечно, вы были совершенно бѣденъ. Вы хотите сказать, что она могла бы выбрать между женихами гораздо лучшими, нежели вы? — Но въ комъ бы она нашла такого преданнаго друга? — Я не нахожу ея выбора страннымъ.

— Это правда,—согласился Волгинъ. —Конечно, я осуждаю ее. Но, въ сущности, не могу сказать, что она ошиблась.—Онъ помолчалъ и размыслилъ.— Дѣйствительно, нельзя осуждать ее, потому что, это правда, я не могу сказать, что у меня нѣтъ большого уваженія къ ней.

Нивельзинъ сталъ прощаться, говоря, что былъ до глубины души тронутъ искренностью его расположенія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нивельзинъ былъ изъ хорошей фамиліи, имѣлъ порядочное состояніе. Но онъ не принадлежалъ къ высокой аристократіи, не былъ даже и въ родствѣ ни съ одною изъ вельможескихъ фамилій. Бывая въ свѣтѣ, онъ попалъ въ нѣкоторые изъ первыхъ домовъ Петербурга, но лишь въ нѣкоторые. Въ другихъ онъ не бывалъ, и довольно мало зналъ о нихъ,—если не интересовался спросить; а въ тѣ времена у него былъ одинъ интересъ—волокитство.

Ему не случилось тогда быть близкимъ ни съ кѣмъ изъ близкихъ Илатонцева. Онъ зналъ этого аристократа за честнаго и добраго человѣка. Когда они встрѣчались, они здоровались, иногда обмѣнивались нѣсколькими словами.

Великолѣпный швейцаръ сказалъ ему, что Николай Андреевичъ не думаетъ возвратиться въ Петербургъ раньше новаго года; но что Алина Константиновна въ Петербургѣ, и у себя. Не угодно ли ему пожаловать къ Алинѣ Константиновнѣ,—можетъ быть, отъ нея узнаетъ онъ что-нибудь больше, хотя едва ли. — Кто Алина Константиновна?—Сестра покойной супруги Николая Андреича, фрейлина Тенищева.—Нивельзинъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, есть на свѣтѣ какая-то фрейлина Тенищева; что это за особа, онъ не умѣлъ вспомнить.—Вы говорите, что она едва ли знаетъ больше вашего; да мнѣ и не нужно знать ничего, кромѣ того, что Николай Андреичъ еще долго пробудетъ въ деревнѣ, — да того, гдѣ эта деревня, какъ адресовать письмо къ нему; а это и вы скажете.—„Все равно, не угодно ли пожаловать къ Алинѣ Константиновнѣ?—Онѣ будутъ очень рады, и могутъ знать что-нибудь больше моего“.—Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ.

Въ передней было два лакея, повидимому, даже порядочные люди, какимъ казался и швейцаръ.—„Доложите Алинѣ Константиновнѣ Тенищевой; скажите, что я хочу спросить...“—„Все равно, скажете ей: пожалуйте“, отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ, а другой уже понесъ карточку Нивельзина.—„Неужели фрейлина Тенищева такъ любитъ гостей?“—подумалъ Нивельзинъ.

Дверь огромной, роскошной гостиной отворилась; изъ-за стола, нагруженнаго множествомъ серебряной позолоченой посуды, открыла себя, отбросивши большой вѣеръ, полная, очень полная, бѣлая и румяная, очень бѣлая и румяная, женская фигура, въ бальномъ платьѣ, очень, очень открытомъ.—Фигура эта, имѣвшая лѣтъ сорокъ, была очень памятна Нивельзину: на рѣдкомъ изъ аристократическихъ баловъ онъ не видѣлъ ее. Но хоть и видѣлъ десятки разъ, увидѣлъ теперь, что не имѣлъ справедливаго мнѣнія о ея наружности: не считая необходимостью изслѣдовать близко, онъ издали судилъ, что бѣлизна ея плечъ и румянецъ слишкомъ полнаго лица имѣютъ происхожденіе, обычное на фигурахъ подобныхъ ей; въ чертахъ лица не видѣлъ ничего, кромѣ того, что онѣ расплылись отъ излишней полноты: въ бальномъ платьѣ ничего, кромѣ бальной формы; въ его излишней открытости—обыкновенную претензію молодиться. Но она сидѣла одна, прельщать ей было некого,—она, какъ видно, только-что встала и умылась,—да и умыванья, можетъ быть, еще не сдѣлала: по крайней мѣрѣ, еще не причесала волосъ, кое-

какъ, едва пригладила ихъ, можетъ быть и не гребнемъ, а рукою, и уже была въ бальномъ платьѣ: какія тутъ претензіи, какія тутъ бѣлила и румяна!—Добрая душа сидѣла полуобнаженная для своего собственнаго удовольствія. И ни на плечахъ, ни на лицѣ, дѣйствительно, не было подлога: Нивельзинъ смотрѣлъ теперь близко, при полномъ полуденномъ свѣтѣ: ослѣпительно бѣлыя плечи и грудь не нуждались ни въ какихъ бѣлилахъ, и еще были бы привлекательны своею свѣжестью, еслибы не были слишкомъ жирны. И румянецъ на лицѣ былъ бы очень хорошаго оттѣнка, еслибы доброй женщинѣ не было жарко: кожа была чиста и нѣжна. И тонкія черты лица были бы еще очень милы, еслибы не такъ трудно было разсмотрѣть ихъ въ затопившей ихъ массѣ жира, но жира еще свѣжаго, не брюзглаго.

— Нивельзинъ! это вы!—воскликнула добрая полуобнаженная для собственнаго удовольствія женщина, отбрасывая вѣеръ и сильно колышась ослѣпительной грудью отъ усерднаго крика радости.—Это вы, Нивельзинъ! Я въ восторгѣ! я жду, я заждалась васъ! Какъ вамъ не совѣстно было не ѣхать, когда Ченыкаевъ столько разъ обѣщалъ мнѣ привезти васъ.—Какъ вамъ не стыдно было до сихъ поръ не быть у меня, которая такъ дружна съ Ченыкаевымъ?

Нивельзинъ старался вспомнить, кто бы такой могъ быть Ченыкаевъ; но принужденъ былъ успокоиться на предположеніи, что это какой-нибудь ея пріятель, сходный съ нею тѣмъ, что его можно видѣть вездѣ, и нигдѣ никто не любопытствуетъ узнать, кто онъ.

— Садитесь же, садитесь, mon cher monsieur Nivelsine, я такъ рада васъ видѣть! — Она хватала гостя за руки, въ совершенномъ восхищеніи.— Хотите мороженаго?—И скажите скорѣе, каково поживаетъ Ченыкаевъ?

Нивельзинъ отвѣчалъ, что недавно вернулся въ Петербургъ, и не умѣетъ ничего сказать о Ченыкаевѣ, что пріѣхалъ къ ней не по его приглашенію, а по надобности узнать, долго ли проживетъ въ деревнѣ monsieur Илатонцевъ.

— Mon beau-frère!—мой милый, несравненный, очаровательный beau-frère!—скоро ли пріѣдетъ онъ?—О, скоро, скоро! Я измучилась тоскою въ разлукѣ съ нимъ! Я изнываю, я умираю отъ тоски, ожидая его!—заговорила она съ неудержимымъ восторгомъ, и прежде, нежели Нивельзинъ улучилъ секунду сдѣлать вопросъ о разнорѣчіи ея свѣдѣній со словами швейцара, онъ узналъ, что она дѣйствительно не можетъ не умирать тоскою въ разлукѣ съ beau-frère'омъ, потому что ея beau-frère такъ добръ и уменъ,—она описала его умъ и доброту самыми бурными восхищеніями, и перешла къ тому, что онъ и вообще очарователенъ, и даже очень красивый мужчина, несмотря на свои годы.—Юринька будетъ въ отца: ахъ, еслибъ monsieur Нивельзинъ зналъ, какой восхитительный ребенокъ Юринька!—Что за доброта, что за умъ,—она описала доброту и умъ Юриньки съ тѣмъ же восторгомъ и тѣми же чертами, какими были изображены достоинства beau-frère'а, и начала описывать красоту Юриньки,—вѣроятно, тѣми же чертами, но принуждена была остановиться, перевести духъ.—Нивельзинъ воспользовался этимъ долго жданнымъ мгновеніемъ, чтобы сказать:

— Я хотѣлъ спросить...—Но мгновеніе уже умчалось. Тенищева перевела духъ и барабанила:

— О Надинѣ?—О, вы увидите Надину!—И тогда вы скажете, ослѣплена ли я, восхищаясь моею Надиною,—пристрастна ли я къ ней, говоря что...—Послѣдовало изображеніе Надины, совершенно тѣми же красками, какими были надѣлены портреты ея отца и брата,—при этомъ оказалось, что Надина очень похожа на отца и на двухъ княгинь, и пошла рисовка ея отца и обѣихъ княгинь, потомъ родныхъ этихъ княгинь, пока портретистка опять не задохнулась.

Прошелъ битый часъ прежде нежели Нивельзинъ успѣлъ выспросить у нея, почему она скоро ждетъ своихъ родныхъ, между тѣмъ какъ швейцаръ сказалъ противное, и убѣдился, что она не могла знать больше, нежели швейцаръ: она давнымъ давно уѣхала изъ деревни, куда отвозила племянницу, съ тѣхъ поръ не получала изъ деревни ни одного письма, и знаетъ только то, съ чѣмъ вернулась изъ деревни она и ея свита: въ то время Илатонцевъ не думалъ вернуться скоро; дочь говорила, что рада была бы прожить въ деревнѣ всю зиму; beau-frère говорилъ, что когда они соберутся ѣхать, извѣстятъ управляющаго домомъ. А пока добился, что нечего было и спрашивать у нея, Нивельзинъ узналъ множество друзей beau-frère'а и самой Тенищевой: всѣ, безъ различія пола и возраста, были совершенно похожи на beau-frère'а, Надину и Юриньку; и самого Левицкаго, который тоже разъ десять попадалъ на языкъ доброй женщины, невозможно было отличить ни отъ beau-frère'а, ни отъ Надины, ни отъ какого-то загадочнаго адмирала, не уступавшаго ни умомъ, ни добротою, ни даже красотою ни Юринькѣ, ни Надинѣ.

Пріѣхавъ съ этими извѣстіями къ Волгиной, Нивельзинъ нашелъ ее очень серьезною. Онъ спросилъ, не продолжаетъ ли она сердиться на него.—„О, нѣтъ, давно забыла. Вчера была очень сердита, но на полчаса. Потомъ хотѣла даже выйти, заставить васъ пѣть, потому что вы поете недурно, но васъ уже не было. Мужъ разсердилъ меня этою своею глупостью съ Левицкимъ. Не то огорчило меня, что онъ лгалъ,—онъ всегда лжетъ, я не вѣрю ему ни въ одномъ словѣ; правда, это дѣло довольно важное, а онъ лжетъ только въ пустякахъ, и я не могла предполагать, чтобы онъ обманывалъ меня, когда я спрашивала о Левицкомъ. Но я не сержусь на то, что онъ лгалъ; онъ и вчера опять солгалъ, когда сталъ признаваться; не захотѣлъ сказать правду. Но я поняла ее. Я вспомнила наши прежніе разговоры съ нимъ, и это огорчило меня“.

Нивельзинъ былъ еще подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ вчерашнихъ замѣчаній Волгина;—вѣроятно, такъ: и, вѣроятно, не хотѣлъ думать о томъ, чего не понимаетъ въ ея словахъ. По крайней мѣрѣ, онъ не сдѣлалъ никакого вопроса о прежнихъ разговорахъ ея съ мужемъ, воспоминаніе о которыхъ огорчило ее.

Она поблагодарила его за справку объ Илатонцевыхъ, сказала, что не расположена смѣяться, когда онъ сталъ разсказывать о подробностяхъ своего визита;—что она провела однажды цѣлый вечеръ съ дочерью Илатонцева, должна была даже оставить ночевать на своей дачѣ эту дѣвушку, брошенную теткой, которая умчалась объѣзжать знакомыхъ;—что, поэтому, она имѣла

понятіе о Тенищевой, но вообще ей не хочется теперь ни говорить, ни слушать. Завтра это, вѣроятно, пройдетъ. Завтра она будетъ ждать Нивельзина. Они отправятся гулять, если будетъ хорошая погода; если нѣтъ, она попроситъ его пѣть, потому что онъ поетъ хорошо. Опять онъ будетъ обѣдать у нея. А теперь пусть онъ ѣдетъ домой, или пусть идетъ къ Алексѣю Иванычу: Алексѣй Иванычъ кончилъ работу, Нивельзинъ не помѣшаетъ ему. Но она не прійдетъ къ нимъ. Она не сердита на мужа, но ей грустно. Она любитъ быть одна, когда ей грустно.

Нивельзинъ пошелъ къ Волгину.—Волгинъ хохоталъ, слушая о портретной галлереѣ Тенищевой. Потомъ, съ неизмѣннымъ своимъ глубокомысліемъ, сталъ объяснять, что хоть эта баба и добрая женщина, но страшная дурища, и доказывалъ это чертами изъ ея поѣздки за племянницею въ Провансъ: какъ она пропадала на дорогѣ туда, и металась изъ угла въ уголъ Европы на дорогѣ оттуда.

Пришла Волгина.—А какъ же, голубочка, ты сказала Павлу Михайлычу, что не прійдешь?—замѣтилъ мужъ.

— Было слишкомъ грустно,—сказала она, и ни разу не улыбнулась остроумнымъ соображеніямъ мужа о томъ, какъ, по всей вѣроятности, отплясывала эта дурища въ Парижѣ на загородныхъ балахъ, и какъ надували тамъ ее разные милые господа, умѣющіе обирать подобныхъ госпожъ.—Нивельзинъ сталъ прощаться.

— И умно дѣлаете, Нивельзинъ, что оставляете меня одну,—сказала Волгина.—Зайдите, пожалуйста, въ мою комнату, скажите тамъ Наташѣ, чтобы принесла Володю ко мнѣ.

— Значитъ, сюда?—замѣтилъ мужъ.—А какъ же ты сказала Павлу Михайлычу, что хочешь быть одна?

— Съ тобой, я все равно, что одна.

— Вотъ, слышите, Павелъ Михайлычъ: меня даже и не считаютъ за человѣка,—остроумно замѣтилъ мужъ, но она не улыбнулась и этой остротѣ, по его убѣжденію, очень хорошей.

Прошло недѣли двѣ. Нивельзинъ уже и не говорилъ Волгиной, что его сумасшествіе прошло или проходитъ.

Было ясное утро. Хорошая погода въ это время года бываетъ не такъ часто. Невскій проспектъ не наполнился гуляющими.

Волгина и Нивельзинъ были въ числѣ ихъ; прошедши до Полицейскаго моста, шли опять къ Аничкову, и приближались къ Пассажу.

— Ужасно!—вдругъ сказалъ Нивельзинъ, прерывая свой разсказъ о римскомъ corso:—Ужасно!—Назадъ, Лидія Васильевна!—Съ драгуномъ, это Тенищева.—Бѣжимъ!

Волгина взглянула по примѣтѣ, сказанной Нивельзинымъ.

На встрѣчу имъ неслась, объ руку съ драгунскимъ офицеромъ, толстая, бѣлая и румяная пріятельница непостижимаго Ченыкаева и загадочнаго адмирала, не уступавшаго красотою никому въ свѣтѣ, даже изъ женскаго пола,—неслась, разряженная въ пухъ и въ прахъ, въ розовомъ платьѣ съ откры-

тымъ лифомъ подъ разстегнутою бѣлою атласною собольею шубкою, съ цѣлымъ садомъ алыхъ и бѣлыхъ розъ подъ свѣтло-голубою шляпою, неслась быстро, порывисто, бурно до того, что и цвѣты тряслись, и полы шубки болтались: такъ стремительны были толчки, которыми подвигалъ добрую женщину ея размашисто-шагавшій кавалеръ.

Кавалеръ былъ мужчина лѣтъ тридцати, казавшійся приземистымъ, ниже своего настоящаго роста отъ слишкомъ широкихъ плечъ; широколицый, изъ-желто-блѣдный, съ гладкими длинными блѣдно-желтыми волосами, весь почти подъ цвѣтъ своему желтому воротнику. Какой бы ни былъ, мундиръ армейскаго драгуна плохо шелъ къ кавалеру такой пышной дамы. А на немъ былъ такой мундиръ, что плохо годился и вообще для прогулки по Невскому: пальто было съ новымъ воротникомъ, но само совершенно ветхое, изъ грубѣйшаго сукна, ставшаго жидкимъ, чуть не тонкимъ—такъ оно обносилось: чуть не дырявымъ рубищемъ обтянулось оно на громадныхъ плечахъ офицера, ввалившись на яминахъ между костями, высовывалось пригорками по буграмъ костей; оно было узковато для этихъ страшныхъ плечъ, расщелилось на впалой груди; изъ-подъ него виднѣлся сюртукъ, заштопанный около петель. Не шло это подъ пару собольей шубкѣ его дамы, но шло къ широкому лицу его, мускулистому, выражавшему силу, но изможденному: подъ сѣрыми глазами вырылись глубокія впадины, отъ широкихъ ноздрей приплюснутаго носа тянулись морщины до самыхъ угловъ широкаго рта съ темновато-блѣдными губами, блѣдныя щеки глубоко втянулись массивными челюстями и массивно выдающимися скулами. По этимъ разъѣхавшимся и высунувшимся скуламъ, по этому низкому, широкому носу нижняя половина лица имѣла бы почти калмыцкій типъ, если-бы не бѣлизна блѣдной, до желтаго блѣдной кожи, если-бы не густые желтые усы, и если-бы не нависъ надъ этимъ слишкомъ плоскимъ лицомъ крутой высокій лобъ, съ цѣлыми щетками бровей. Брови были такъ густы и щетинисты, что дѣлали темную полосу, хоть были бѣловаты: лобъ и брови такъ нависли надъ глазами, что глаза, хоть и большіе, были-бы едва замѣтны подъ ними, если-бы были спокойны. Но хотя и были они полупохоронены подъ своимъ двойнымъ навѣсомъ, они приковывали къ себѣ вниманіе своею неугомонной подвижностью: изъ-подъ нависшаго лба, изъ-подъ надвинутыхъ бровей, эти сѣрые глаза бросали взгляды, полные дикой, пламенной энергіи, взгляды быстрые, какъ молнія, въ одинъ мигъ перебѣгавшіе справа налѣво, впередъ, опять на право, опять на лѣво. Драгунъ говорилъ съ Тенищевой, и впивался въ нее своими огненными взглядами, но этими мгновенными, мгновенно-повторявшимися взглядами, впиваясь въ глаза ей, онъ въ то же время впивался этими бѣгающими, какъ у дикаго звѣря на поискѣ добычи, взглядами во всѣхъ проходящихъ, во всѣхъ, въ каждаго и въ каждую, и на право, и на лѣво. Прицѣпивши къ себѣ за жирную руку Тенищеву своею сухою, но толстою отъ широкихъ костей (рукою), онъ шелъ, шагая, шагая широко, порывисто, съ размашистымъ поворотомъ плечами на каждомъ шагу, и торопливо сѣменившая ногами Тенищева, съ каждымъ его шагомъ дергалась однимъ плечомъ много впередъ другого, тряхаясь и прыгая на его рукѣ, такъ что моталась и бѣлыя атласныя полы собольей шубки, и свѣтло-голубая шляпа со всѣмъ своимъ садомъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. Но какъ ни

раскачивались розы, какъ ни повертывался, подпрыгивая и подергиваясь въ бокъ, весь ея корпусъ, глаза ея оставались неподвижно устремлены на впивающіеся глаза ея кавалера, и широко раскрыты, такъ что были чуть не совсѣмъ круглые, и ротъ былъ полу-разинутъ: блѣдно-желтый кавалеръ ея говорилъ; она слушала со вниманіемъ и изумленіемъ.

Онъ говорилъ; и хоть они были еще далеко, сквозь шумъ гуляющей толпы, сквозь стукъ несущихся экипажей, до Волгиной и Нивельзина уже долетали отрывки его рѣчи: „Тѣлесное наказаніе... строгость военной дисциплины... военно-уголовные законы въ Англіи... 50 ударовъ палками... французская дисциплина...“ Подпрыгивая и подергиваясь, Тенищева жадно ловила палочные удары и поглощала военную дисциплину.

— Бѣжимъ, пока еще можемъ спастись!—сказалъ Нивельзинъ, останавливаясь и отступая, чтобы повернуться назадъ.

— Бѣжать? —зачѣмъ же?—съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отвѣчала Волгина, увлекая его впередъ.—Идемъ, Нивельзинъ.

— Бѣжимъ, ради всего святого! — Заклинаю васъ вашею любовью къ малюткѣ, вашему сыну! Бѣжимъ, или я погибъ, и вы со мною!

— Фи, какой трусъ! — Идемъ смѣло на нихъ! Неужели она отниметъ кавалера у дамы, съ которой незнакома?

— Вы смѣетесь, а я предчувствую погибель!—сказалъ Нивельзинъ, поневолѣ идя впередъ.—Эта женщина ужасна въ своихъ стремленіяхъ дружиться!—отниметъ ли она меня отъ васъ?—она способна на все! — Она и васъ возьметъ въ плѣнъ!

— Тише, она можетъ слышать.

— Именемъ моей матери, именемъ вашего сына, заклинаю, бѣжимъ, пока еще возмож...

— Кланяйтесь; она увидѣла васъ и кланяется.

Нивельзинъ почувствовалъ, что рука Волгиной выскользнула изъ-подъ его руки, и услышалъ смѣхъ Волгиной уже позади. А передъ нимъ, уже на самомъ носу у него, кивали бѣлыя и красныя розы.

— Monsieur Nivelsine! Enchantée... Что было дальше, несчастный не слышалъ: умъ его затемнился отъ шлепанья двухъ огромныхъ алыхъ розъ о его подбородокъ; когда онъ опомнился, она добарабанивала „...ensemble, j'en suis sûre“.—Такъ и есть! Она не только въ восторгѣ отъ встрѣчи съ нимъ, она увѣрена, что онъ пойдетъ съ нею!—„Посмотримъ, удастся ли тебѣ,—съ ожесточеніемъ подумалъ онъ: — удастся ли тебѣ забастовать меня!“ — и онъ раскрывалъ ротъ, съ намѣреніемъ объявить, что онъ не гуляетъ, а спѣшитъ домой; дома его ждутъ важныя, безотлагательныя дѣла. Но пока онъ раскрывалъ ротъ, Тенищева уже кричала по-русски, бросивши французскій:

— Рекомендую, это Нивельзинъ; Нивельзинъ, рекомендую вамъ...

— Соколовскій,—договорилъ, перебивъ ее, драгунъ, опуская свой нависшій лобъ и поднимая изъ-подъ него и густыхъ блѣдно-желтыхъ бровей взглядъ, впивающійся въ душу. — Очень радъ вашему знакомству, Нивельзинъ,—и въ тотъ же мигъ Нивельзинъ почувствовалъ жгучую боль въ кисти правой руки: кости хрустнули. Такъ усердно было пожатіе новаго знакомца.—Я слышалъ вашу фамилію, — продолжалъ онъ, и блѣдное лицо его сіяло ра-

достью.—Я также и читалъ ваши мемуары о теоретической формулѣ преломленія луча въ атмосферѣ и о періодическомъ измѣненіи силы свѣта звѣзды Алголь. Читалъ и записку въ Comptes Rendus Парижскаго Института о вашихъ наблюденіяхъ на римской обсерваторіи. Все это хорошо, прекрасно, Нивельзинъ. Но еще лучше то, что я слышалъ о васъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ. — Онъ опять нагнулъ лобъ, и опять впился въ глаза Нивельзину взглядомъ, поднятымъ изъ-подъ нависшихъ бровей, и опять кисть правой руки Нивельзина хрустнула со жгучей болью.

— Нивельзинъ, я не ошибаюсь, конечно: вы шли съ вашею... затараторила Тенищева, пользуясь мигомъ его молчанія.

— Мы очень благодарны вамъ, Алина Константиновна, за то, что познакомились черезъ васъ; — немедленно перебилъ онъ ее тономъ чрезвычайно кроткимъ, симпатичнымъ, ласкающимъ, но такимъ сильнымъ, что поневолѣ приходилось ей успокаиваться, слушать и молчать: ея голосъ не былъ слышенъ за словами Соколовскаго.—И вотъ, мы всѣ трое—друзья,—продолжалъ Соколовскій, и Нивельзинъ почувствовалъ себя охваченнымъ одною рукою новаго своего друга, а другою новый его другъ опять прицѣпилъ къ себѣ Тенищеву.—И вотъ, мы всѣ готовы идти, Алина Константиновна,—съ удвоенною радостью воскликнулъ другъ; — и точно, всѣ они пошли, — всѣ, потому что Нивельзинъ былъ сплетенъ въ одно цѣлое съ Тенищевою,—въ крѣпкое, неразрывное цѣлое.

— Я очень, очень радъ случаю, который познакомилъ меня съ вами;—продолжалъ новый другъ, сіяя любовью и радостью и ведя въ охапкѣ своихъ друзей.—Радъ этому вообще, какъ знакомству съ хорошимъ человѣкомъ: хорошіе люди должны сближаться между собою, это мое правило. Есть у меня и особенная причина радоваться: вы бывшій военный, вы имѣли репутацію одного изъ лучшихъ офицеровъ русской арміи. Ваше мнѣніе по военнымъ вопросамъ можетъ имѣть нѣкоторый вѣсъ у военныхъ властей; и будетъ имѣть; будетъ имѣть даже большой вѣсъ, когда вы будете высказывать его рѣзко и настойчиво. Настойчивость, настойчивость!—съ настойчивостью можно добиться много хорошаго, а я убѣжденъ, у васъ не будетъ недостатка въ ней, потому что дѣло стоитъ того. Вы будете полезны ему, обѣщаю вамъ, будете полезны. О, какая святая отрада, Нивельзинъ, чувствовать себя преданнымъ работникомъ какого-нибудь гуманнаго дѣла!—Вы будете знать ее, обѣщаю вамъ!—Я разскажу вамъ, зачѣмъ я въ Петербургѣ. Въ молодости, я не зналъ русскихъ и не любилъ ихъ...

— Вы не русскій?—Я принялъ васъ за чистѣйшаго русскаго.

— Я полякъ. Но правда, я хорошо говорю по-русски. Было время выучиться. Было время и узнать русскій народъ, и полюбить его. Это хорошій народъ, добрый, справедливый. Въ молодости, Нивельзинъ, я предполагалъ быть ученымъ. Тоже математикомъ, какъ вы. Судьба рѣшила иначе,—и вотъ, въ 30 лѣтъ, я сдѣлался драгунскимъ офицеромъ. Но уже и прежде, уже года 3, у меня было опять время, была и возможность заниматься. Не тѣмъ, чѣмъ я хотѣлъ когда-то. Но все равно. Если нельзя работать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ хотѣлъ, надо работать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ можно. Я выбралъ себѣ работу. Я военный:—такъ, или иначе, по своей-ли волѣ, или по капризу судьбы, я

военный русской службы, и сжился съ жизнью моихъ сослуживцевъ; и полюбилъ ихъ:— за то. что судьба привела меня полюбить ихъ, я благодарю судьбу. Я обязанъ работать для ихъ пользы, Нивельзинъ; каждый обязанъ работать на томъ поприщѣ, на которое поставила его судьба, горька ли или сладка ему эта обязанность. Мнѣ она сладка, потому что я могъ полюбить тѣхъ, на пользу которыхъ обязанъ работать. Я доволенъ и хочу употребить всѣ мои силы на улучшеніе участи русскаго солдата. Я думалъ, усердно думалъ о томъ, съ какой стороны приняться за это дѣло, и съ чего начать. Я убѣдился, что первою, настоятельнѣйшею, основною реформою должна считаться отмѣна тѣлеснаго наказанія. При шпицрутенахъ и розгахъ, солдатъ не можетъ сознавать свое достоинство человѣка и гражданина; начальство не можетъ не быть беззаботно, безразсудно, безчувственно, деспотично, расточительно и развратно; солдаты не могутъ не быть каторжными, офицеры—палачами. Прежде всего, надобно добиться отмѣны этого варварства; только тогда будутъ возможны другія серьезнѣйшія улучшенія...

Нивельзинъ уже былъ свободенъ: какая-то встрѣчная группа давно заставила Соколовскаго опустить руку съ тальи плѣнника. Но освобожденный добровольно оставался въ плѣну: блѣдный драгунъ глубоко заинтересовалъ его.

Это энтузіастъ, конечно, но есть разные энтузіасты. Есть такіе, у которыхъ въ головѣ нѣтъ ничего, кромѣ энтузіазма. Этотъ, кажется, не таковъ. Есть такіе, у которыхъ энтузіазмъ весь тратится на горячія рѣчи, такъ что ровно ничего не остается для дѣла. Этотъ, кажется, не изъ такихъ: онъ думалъ и трудился. Дѣйствительно, чѣмъ больше слушалъ его Нивельзинъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, что блѣдный драгунъ не изъ такихъ энтузіастовъ, надъ которыми можно смѣяться. Нивельзинъ чувствовалъ его обаяніе.

Соколовскій говорилъ, и говорилъ пламенно, неудержимо, и впивался въ глаза Нивельзину восторженнымъ взглядомъ, горѣвшимъ святою любовью; онъ говорилъ неудержимо, но пламенно лившаяся рѣчь его, при всей восторженности чувства, была дѣльна, логична, исполнена фактовъ, была рѣчью человѣка съ желѣзною волею, всецѣло посвятившаго себя своему дѣлу.

Три года онъ занимался этимъ вопросомъ въ Оренбургѣ. Онъ заставлялъ выписывать книги. Онъ толковалъ со своими сослуживцами, чтобы узнать, до какой степени русскіе офицеры, отъ высшихъ до низшихъ, способны исполнять реформу, какъ солдаты будутъ держать себя, когда она совершится... Все, что можно было приготовить въ Оренбургѣ, онъ приготовилъ. Теперь, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ провелъ 5 мѣсяцевъ въ архивахъ, собирая матеріалы, которыхъ нельзя было достать изъ книгъ. Его матеріалы еще не полны, потому что ему еще не открыты секретные архивы, самые важные. Будутъ открыты, онъ добьется, и Нивельзинъ поможетъ ему добиться.

— Вы совершено можете располагать не только моимъ вліяніемъ на другихъ, но и мною самимъ;—сказалъ Нивельзинъ.

— Само собою разумѣется: я и не спрашивалъ, могу-ли: я зналъ, что вы хорошій человѣкъ.

Его матеріалы теперь не полны. Но они такъ многосторонни и обширны, что съ ними можно начинать дѣло. Онъ уже началъ бы его, но былъ нѣсколько задержанъ въ работѣ своими личными хлопотами. Онъ долженъ былъ поступить

въ Академію Генеральнаго Штаба. Безъ того, ему не было-бы ни служебной, ни денежной возможности оставаться въ Петербургѣ. Кромѣ того, для начальства очень важно ученое званіе человѣка. Онъ долженъ былъ очень много хлопотать, чтобы ему позволили держать экзаменъ въ Академію: Нивельзинъ помнитъ, по правиламъ, для этого надо пробыть два года офицеромъ, а онъ произведенъ въ офицеры нынѣшнею весною. Чтобы сдѣлали для него исключеніе, ему надобно было найти себѣ какого-нибудь вліятельнаго начальника, который захотѣлъ-бы постараться. И вотъ, онъ нашелъ. Перемѣнилъ пѣхотный мундиръ на драгунскій, чтобы поступить подъ начальство этого человѣка, былъ допущенъ къ экзамену, благодаря ему;—и какъ-бы думалъ Нивельзинъ, кто этотъ начальникъ, и почему старался такъ усердно, что выхлопоталъ позволеніе, почти невозможное?—Ученый, или добрякъ,—по сочувствію къ прогрессу, или по любви къ порядочнымъ людямъ?—Ни мало: это фрунтовикъ, грубый, закоснѣлый невѣжда, не имѣющій въ головѣ ничего, кромѣ фрунтовой муштровки. Онъ очаровалъ этого генералъ-капрала своимъ мастерствомъ въ дѣланіи на караулъ, маршировкѣ. Тяжела была наука вытягивать носокъ, и казалась глупа: а вотъ, ей онъ обязанъ тѣмъ, что онъ теперь въ Академіи Генеральнаго Штаба,—слѣдовательно, остается въ Петербургѣ, и можетъ приняться вести свое дѣло.

Онъ принялся за него и пишетъ записку; конечно, въ двухъ видахъ: будетъ настоящая записка, подробная, дѣльная. Но она будетъ тяжеловѣсна. У кого изъ важныхъ людей достанетъ терпѣнія прочесть ее?—Потому, будетъ и другая записка, коротенькая. Онъ разскажетъ Нивельзину содержаніе большой записки.—Онъ сталъ разсказывать; у Нивельзина исчезло всякое сомнѣніе въ томъ, заслуживалъ ли энтузіастъ, чтобы сказать ему: „располагайте и моимъ вліяніемъ, и моимъ временемъ“. Содержаніе записки было богатымъ сводомъ безчисленныхъ и глубоко-обдуманныхъ фактовъ, объяснявшихъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Тутъ была исторія дисциплины и боевой годности всѣхъ важнѣйшихъ армій. Исторія каждой арміи доказывала, что тѣлесное наказаніе портитъ войско, ослабляетъ дисциплину, ведетъ къ проигрышу битвъ; что съ отмѣною тѣлеснаго наказанія буйные мародеры обращались въ послушныхъ, вѣрныхъ знаменамъ солдатъ, армія трусовъ обращалась въ армію храбрыхъ. Разсматривался каждый фактъ, который могъ бы казаться противорѣчащимъ этому, выводилось, что онъ не противорѣчитъ, а подтверждаетъ. Приводилось мнѣніе десятковъ великихъ полководцевъ, замѣчательныхъ военныхъ администраторовъ, и оказывалось, что всѣ они признавали превосходство арміи безъ розогъ и шпицрутеновъ надъ арміею солдатъ съ избитыми спинами. Подробно разсматривались всѣ нравственныя особенности русскаго войска.

— Больше половины этого у меня написано; когда кончу, мы прочтемъ, Нивельзинъ; вы укажете ошибки, недостатки, сообщите мнѣ новыя мысли, новые факты.

Нивельзинъ не видѣлъ ошибокъ въ мысляхъ; думалъ, что и въ обзорѣ фактовъ не будетъ пропусковъ; ему казалось—всѣ возможные доводы, всѣ возраженія предусмотрѣны и опровергнуты.

— Вамъ такъ показалось; я очень радъ. Но вамъ такъ показалось на первый взглядъ. Когда вы прочтете записку не разъ и не два, вы найдете

посовѣтовать многое. Вамъ надобно будетъ изучить эту записку, не жалѣя труда. Дѣло стоитъ того.

— Я буду дѣлать все, что вы почтете нужнымъ;—отвѣчалъ Нивельзинъ: скромность и дѣльность этого энтузіаста, его сильная, святая преданность дѣлу согрѣвала и Нивельзина.—Располагайте мною вполнѣ.

— Я ждалъ отъ васъ этого, потому что слышалъ о васъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ. Вашу руку, Нивельзинъ.

Тенищева воспользовалась мгновеніемъ, на которое умолкъ ея укротитель, чтобы возобновить заглушенный имъ вопросъ:—Съ кѣмъ вы шли Нивельзинъ? это ваша невѣ...

— Да, съ кѣмъ вы шли, Нивельзинъ?—перебилъ Соколовскій.

— Это madame Волгина,—отвѣчалъ Нивельзинъ, произнося слово madame какъ можно вразумительнѣе для Тенищевой.

— Волгина!—воскликнулъ Соколовскій.—Можетъ быть родственница литератору?

— Онъ ея мужъ.

— Вы знакомъ съ Волгинымъ? Вы двойная находка для меня. Вы должны подружить меня съ нимъ.

По первому его восклицанію Нивельзинъ уже предвидѣлъ это заключеніе. Оно необходимо вытекало изъ принципа: хорошіе люди должны сближаться между собою. Притомъ же, Волгинъ располагалъ журналомъ: какъ могъ Соколовскій не накинуться на такую привлекательную добычу? Но не грѣшно ли будетъ ввести въ кабинетъ Волгина человѣка, заговорившаго саму Тенищеву? Волгинъ смиренъ до беззащитности. Онъ не имѣетъ духа никому дать замѣтить, что ему некогда. А Соколовскій не очень слушался бы, еслибъ ему и прямо говорить: „извините, мнѣ теперь некогда“. Съ нимъ Соколовскій будетъ экспансивнѣе, нежели съ кѣмъ-нибудь: Соколовскій такъ и говоритъ съ перваго слова, что хочетъ „подружиться“ съ нимъ.—Отговариваться безполезно: Соколовскій не затруднится и самъ забраться къ нему. Было одно средство спасти Волгина отъ безпощаднаго энтузіаста:

— Я позову къ себѣ Волгина, если вы хотите. Когда у васъ будетъ свободный вечеръ?—Для него всѣ вечера равны: всѣ наполнены спѣшною работою. Онъ постоянно заваленъ спѣшною работою, съ утра до ночи. Но такъ и быть, я отниму у него одинъ вечеръ, если это необходимо.—Когда?

— Нынѣ же, о чемъ тутъ спрашивать? Нынѣшнимъ вечеромъ я хотѣлъ быть въ домѣ, гдѣ надѣялся встрѣтить одного изъ членовъ Совѣта Военнаго Министерства. Но для Волгина можно отложить это. Пришло, къ нашему счастію, время, что журналистъ—сила, важнѣе всякихъ министровъ!—Вы позовете его нынѣ вечеромъ.

— Хорошо.

— Благодарю.—Соколовскій схватилъ въ свои ужасные тиски злополучную руку Нивельзина.

— Такъ это madame Волгина!—Жадно уловила Тенищева возможность ожить изъ принужденной летаргіи:—Madame Волгина! Я увѣрена, что я слышала о ней, что кто-то звалъ меня къ ней! Кто звалъ? Княгиня Масальская, или баронесса Штраль? или скорѣе баронесса Вейстауптъ?..

„Теперь можешь болтать, нечего бояться“, думалъ Нивельзинъ. — Вѣроятно, и Соколовскій разсудилъ, что нечего опасаться, когда сказано, что madame Волгина—madame Волгина, жена человѣка, который такъ живъ и здоровъ, что будетъ нынѣ вечеромъ у Нивельзина.

— Такъ, такъ!—начала успокоиваться отъ своихъ сомнѣній Тенищева, перебравши десятокъ дамъ, каждая изъ которыхъ могла звать ее къ Волгиной.—Такъ, я убѣждена, что это говорила мнѣ графиня Тарновская! Да, да: графиня Тарновская говорила, что очень дружна съ нею, и въ восторгѣ отъ нея!—Милая, эта графиня Тарновская! О, по ея словамъ, я очень хорошо знала madame Волгину. Такъ вотъ она, madame Волгина. А мы съ Соколовскимъ думали, что это ваша невѣста! Ахъ, какъ жаль, Нивельзинъ, что мы ошиблись! Мы были такъ рады за васъ! Мы...

— Алина Константиновна,—началъ Соколовскій внушительнымъ тономъ.

— До свиданія,—сказалъ Нивельзинъ, и пошелъ прочь.

Въ своей, какъ теперь оказалось, ложной безпечности, они оба были застигнуты такъ врасплохъ внезапнымъ возобновленіемъ атаки, что прежде нежели успѣли принять каждый свои мѣры, Тенищева успѣла уже довольно хорошо оправдать мнѣніе Соколовскаго, что настойчивость достигаетъ успѣха.

Тогда, Нивельзинъ утаилъ отъ Волгиной этотъ эпизодъ. Но впослѣдствіи времени могъ и разсказать его, и признаться, что былъ взбѣшенъ.

Было еще рано возвращаться къ Волгинымъ обѣдать. Да онъ и былъ не въ такомъ расположеніи духа, чтобы спѣшить къ нимъ. Онъ пошелъ по Невскому, въ направленіи, противоположномъ тому, въ какомъ бросилъ идти Соколовскаго къ Тенищевой. Но скоро его бѣшенство смѣнилось грустью, тѣмъ болѣе горькою, что онъ и сердился на себя за то, что она овладѣла имъ. Вѣроятно, ему попадались знакомые. Онъ не замѣчалъ...

— Алина Константиновна раздосадовала васъ;—раздалось у его уха.— Это былъ голосъ Соколовскаго. Нивельзинъ оглянулся; такъ: не одинъ Соколовскій тутъ; попрежнему виситъ на рукѣ у него Тенищева. Потъ лился съ лица несчастной, лился ручьями; должно быть, скакала галопомъ въ погоню. Сама скакала и мчала Соколовскаго, или онъ гналъ ее?—Но и то хорошо съ его стороны, если только дозволилъ ей, а не самъ погналъ!—„А мнѣ еще показалось, когда онъ останавливалъ ея умный языкъ, что онъ не совершенно отрѣшился отъ понятій: умѣстно и неумѣстно“, подумалъ Нивельзинъ, безжалостный въ своемъ ожесточеніи.—Но Соколовскій преспокойно объяснялся съ основательностью, которая сдѣлала бы честь самому Волгину: — Алина Константиновна раздосадовала васъ. Она говоритъ иногда лишнее, Нивельзинъ, говоритъ некстати, неосторожно, и много вредитъ себѣ своимъ простодушіемъ. Но дурные люди не бываютъ простодушны;—вспомните это, Нивельзинъ.

— Помилуйте, Соколовскій, съ чего вы взяли ставить меня въ такое неловкое отношеніе къ Алинѣ Константиновнѣ?—отвѣчалъ Нивельзинъ, по возможности равнодушно:—Я простился съ нею и съ вами единственно потому, что въ ту минуту мимо насъ прошелъ одинъ изъ моихъ друзей, котораго надобно было догнать, чтобы переговорить объ очень важномъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вступила въ свою роль Тенищева, захлипываясь отъ одышки, и тѣмъ торопливѣе работая языкомъ въ интервалы:—Нѣтъ, нѣтъ,

Нивельзинъ, не спорьте! Онъ го-хх-ворилъ мнѣ, что вы будете отрекаться, но я знаю теперь: вы у-хх-шли потому, что разсердились на меня. Я не за-хх-мѣтила, чѣмъ могла огорчить васъ, да и не подумала, что-хх-вы разсердились. Но Соколовскій говоритъ правду. Пусть мы оба дума-хх-ли, что это ваша невѣста. Но не слѣдовало спрашивать: спраши-хх-вать, значитъ навязываться на интимность, а это не-хх-деликатно, говоритъ онъ, и это правда, я понимаю. Онъ два раза и останавливалъ меня, но я не догадалась. Еще непрости-хх-тельнѣе было, что я сказала, когда уже знала, что-хх-мы ошибались. Я понимаю, что это должно было огорчить-хх-васъ. Но не сердитесь, Нивельзинъ: я не нарочно раздоса-хх-довала васъ. У меня нѣтъ этой привычки, говорить что-ни-хх-будь нарочно въ досаду. Я не умѣю этого, Нивельзинъ, я-хх-...

Соколовскій съ одобреніемъ глядѣлъ на нее: прекрасно говоритъ свой урокъ; понятливая ученица.—Нивельзину было уже забавно:—дура,—и человѣкъ очень умный; пустѣйшая,—и чрезвычайно серьезный: но пара достойная другъ друга: оба люди золотого вѣка въ желѣзномъ.

— Смѣю увѣрить васъ, Алина Константиновна, Соколовскій совершенно ошибался и понапрасну разстроилъ васъ. Вы не сказали ничего неловкаго.

— Нѣтъ, нѣтъ! Когда онъ растолко-хх-валъ, не обманете меня. Но я увѣрена и въ томъ, что онъ при-хх-бавилъ: вы полюбите меня, когда больше узнаете. Вы тогда не будете прини-хх-мать въ досаду, если у меня вырвется неосторожное сло-хх-во. А сказала отъ искренней души, какъ же не пожалѣть...

— Бросимъ это, Алина Константиновна;—ласково, но незаглушимо вступился въ дѣло гувернеръ, видя, что ученица выбивается изъ роли на свою дорогу:—Нивельзину неловко слушать ваши извиненія, а вамъ нѣтъ надобности продолжать ихъ, потому что онъ уже не сердится.—Да, когда вы побольше узнаете Алину Константиновну, Нивельзинъ, вы оцѣните ее доброе, безгранично доброе сердце, безхитростное, благородное. Она изумила меня младенческою чистотою своей души, юношескою пылкостью въ сочувствіи всему честному и полезному. По пріѣздѣ въ Петербургъ я долго пренебрегалъ возможностью познакомиться съ нею. Въ числѣ двухъ, трехъ десятковъ рекомендательныхъ писемъ мнѣ дали одно къ „фрейлинѣ“ Тенищевой. Согласитесь, чего хорошаго искать во фрейлинѣ, жалчайшемъ порожденіи испорченнаго порядка вещей?—Фрейлина, пожалуй, пригодилась бы мнѣ, подумалъ я, если бы могла слышать отъ меня пошлыя нѣжности и найти удовольствіе въ нихъ. Но съ моею ли наружностью очаровывать пустыхъ женщинъ пустыми комплиментами? —Къ чему могла бы служить мнѣ фрейлина?—Я бросилъ письмо къ ней. Но вотъ недѣли двѣ тому назадъ, вытаскивая изъ-подъ матраца грязное бѣлье, отдать прачкѣ...

„Творецъ небесный!—Подкрѣпи меня выслушать, въ какой штукѣ бѣлья найдется письмо!“ подумалъ Нивельзинъ. — Но случай былъ менѣе ужасенъ, нежели могъ бы быть.

Вытаскивая изъ-подъ матраца рубашку,—продолжалъ Соколовскій,—онъ ощупалъ въ ней жесткій листокъ, тряхнулъ ее — выпало письмо. Онъ подумалъ надъ нимъ, и рѣшилъ: не измѣнять своему правилу, что вездѣ, вездѣ надобно искать хорошихъ людей. Поѣхалъ къ Тенищевой, и, наперекоръ вся-

кому вѣроятію, нашелъ въ ней хорошаго человѣка, — и не только хорошаго, чрезвычайно полезнаго. Она тотчасъ же взялась хлопотать за его проектъ...

„Но это, наконецъ, Богъ знаетъ что!“ думалъ Нивельзинъ. „Дѣлать эту, положимъ, добрѣйшую, но пустѣйшую и глупѣйшую женщину двигательницею дѣла, такого серьезнаго, труднаго, важнаго! Разсужденіе о фрейлинѣ при фрейлинѣ и даже исторію грязнаго бѣлья я выдержалъ. Но этого, если это будетъ продолжаться, не выдержу, кажется“.—„Это“ продолжалось: Соколовскій хоть и горячо по своей натурѣ, но съ полнѣйшимъ спокойствіемъ за здравый смыслъ своихъ словъ, радовался и радовался, какую ревностную помощницу нашелъ онъ въ Алинѣ Константиновнѣ, пылко сочувствующей всему гуманному и прогрессивному... Нивельзинъ почувствовалъ наконецъ, что ему не остается выбора: расхохочется, если не остановить наивнаго энтузіаста.

— Но, я думаю, военно-уголовные законы были довольно чужды кругу занятій Алины Константиновны, и ваши мысли остаются нѣсколько темны для нея?

— Конечно, прежде она не думала о возможности и важности этой реформы;—отвѣчалъ Соколовскій, какъ ни въ чемъ не бывало.—Но она отдалась дѣлу всею душою.—Правда и то, что, попросивъ ее разсказать мнѣ, какъ она передаетъ свои убѣжденія другимъ, я замѣтилъ, что она не вполнѣ овладѣла фактами, необходимыми для ея новой дѣятельности, и не совершенно отчетливо представляетъ себѣ связь между ними. Но тутъ нѣтъ ничего, чтобы надобно было отчаяваться; нельзя же упомнить все съ перваго раза. Я повторяю ей существенные доводы, и мы съ нею будемъ говорить снова и снова, пока все станетъ ясно для нея. Терпѣніе;—обратился онъ съ одобреніемъ къ своей ученицѣ: — Нужно только терпѣніе, какъ оно и всегда во всемъ необходимо человѣку, желающему быть полезнымъ.—Я очень доволенъ ея терпѣніемъ и внимательностью;—похвалилъ онъ ее Нивельзину, для лучшаго ея поощренія.

Волгинъ заливался руладами, украшая множествомъ очень остроумныхъ шутокъ разсказъ Нивельзина о Тенищевой и ея учителѣ. Потомъ сталъ горячо благодарить Нивельзина, когда услышалъ, какъ избавляетъ его Нивельзинъ отъ нашествія Соколовскаго; при этомъ не упустилъ случая помотать головою и повздыхать о своей безхарактерности, по которой не можетъ защищаться отъ скучныхъ посѣтителей, отнимающихъ у него время; не замедлилъ утѣшиться въ этомъ замысловатою остротою, что Павелъ Михайлычъ необыкновенно обидѣлъ его, принявши его за мокрую курицу, которая не могла бы сама отбиться отъ Соколовскаго, и послѣ того сталъ опять заливаться на всѣ возможные и невозможные для обыкновеннаго человѣческаго горла тоны, съ несравненнымъ и неистощимымъ остроуміемъ поясняя Нивельзину и женѣ, какой смѣшной человѣкъ Соколовскій. Нивельзинъ кончилъ разсказъ, а Волгинъ все еще сыпалъ превосходнѣйшія шутки на эту тему, и награждалъ себя за нихъ самымъ усерднымъ образомъ, пока не заболѣли у него бока отъ хохота.

— Я молчала, мой другъ, потому что радуюсь, когда ты веселъ; хоть у тебя невыносимый голосъ; все равно, рада,—сказала жена.—Но теперь замѣчу, мой другъ, что вы съ Нивельзинымъ слишкомъ легко судите о наив-

ности Соколовскаго. Онъ увлеченъ своими мыслями, поэтому дѣлаетъ и говоритъ много забавнаго. Но судя по вашему же разсказу, Нивельзинъ, онъ вовсе не такой простодушный, какимъ вообразили его вы и Алексѣй Иванычъ. Онъ искрененъ, благороденъ, преданъ своему дѣлу безкорыстно, до самоотверженія,—въ этомъ смыслѣ онъ простодушенъ,—въ хорошемъ смыслѣ слова, но только въ хорошемъ: никакъ не въ смѣшномъ. Онъ умѣетъ вести дѣла, и, по всей вѣроятности, очень умѣетъ понимать людей.

— Въ вашемъ характерѣ нѣтъ насмѣшливости, и вы любите вступаться за тѣхъ, надъ кѣмъ смѣются;—сказалъ Нивельзинъ.—Но...

— Позвольте, Павелъ Михайлычъ; — не замедлилъ перебить его Волгинъ: — Согласенъ, Лидія Васильевна не насмѣшлива, и любитъ вступаться, согласенъ. Но дѣло не въ этомъ: точно, мы съ вами нѣсколько не доглядѣли. Она говоритъ правду. Соколовскій человѣкъ очень практичный.

— Помилуйте, Алексѣй Иванычъ...—началъ было Нивельзинъ.

— Нечего миловать, Павелъ Михайлычъ. Лидія Васильевна говоритъ правду. Если судить правильно, по всему видно, что онъ человѣкъ очень практичный. Подумайте-ка вы самъ хоть о томъ, что онъ умѣлъ устроить свое дѣло о поступленіи въ Академію, а вы самъ знаете лучше меня, это было дѣло очень трудное. Все разсудилъ, все обработалъ. Какъ сдѣлать?—Надобно пріискать сильнаго протектора. Что это, наивный или практическій взглядъ на вещи?—И нашелъ, и очаровалъ,—чѣмъ? — Экзальтаціею, благородствомъ, умомъ?—Нѣтъ-съ, извините: на этомъ, говоритъ, далеко не уѣдешь съ такими олухами,—покажу я ему, говоритъ, какъ я маршпрую и выдѣлываю ружьемъ. Это наивность или практичность?—Да и все разбирайте,—во всякомъ поступкѣ, тоже; и результатъ берите: въ четыре, въ пять мѣсяцевъ, прапорщикъ,—или въ драгунахъ они называются корнетами?—оговорился онъ съ обычной основательностью:—прапорщикъ или корнетъ, безъ гроша денегъ, въ заштопанномъ сюртукѣ,—куда пробрался?—сами сказали: „буду на вечерѣ, гдѣ увижу члена военнаго совѣта“—ого!—какъ вамъ это нравится?—И по Невскому гуляетъ.—съ кѣмъ?—съ фрейлиною, въ собольей шубѣ!—тоже недурно для оборваннаго армейскаго прапорщика, недурно.

— Но, помилуйте же, Алексѣй Иванычъ; эта самая Тенищева: — въ какомъ свѣтѣ выставляется его практичность? восторгомъ отъ того, что онъ пріобрѣлъ себѣ прекраснѣйшую, полезнѣйшую сотрудницу въ Тенищевой! — Пусть еще была-бъ она молода, имѣла бы поклонниковъ, — тогда, пожалуй, можно бы ждать какой-нибудь пользы отъ ея усердія. Но — пожилая женщина, никому неинтересная, всѣмъ надоѣвшая пустою, невыносимою болтовнею, справедливо заслужившая у самыхъ глупыхъ людей репутацію, что она еще гораздо глупѣе ихъ. — Восхищаться ея усердіемъ, ждать отъ нея пользы, — это имѣетъ смыслъ?

— Для васъ, Павелъ Михайлычъ, это смѣшно, потому что вы не родились агитаторомъ; и для меня это отчасти забавно, потому что я слишкомъ вялый человѣкъ: знаете, я люблю смѣяться надъ тѣмъ, на что не хватаетъ энергіи у меня. Агитаторы мнѣ смѣшны. Но всѣ ваши сомнѣнія и мои насмѣшки ровно ничего не значатъ. Она пуста—такъ что же?—и пустые люди въ искусныхъ рукахъ бываютъ полезны, лишь были бы усердны. Онъ умѣлъ

заставить ее усердствовать, и будетъ польза, потому что она скачетъ по его командѣ,—по глупости, оступится, кинется въ сторону,—онъ поднялъ, повернулъ на дорогу,—и скачетъ опять, какъ ему надобно. — Нельзя-съ, умныхъ людей не наберешь столько, сколько надобно орудій агитатору; онъ долженъ няньчиться и съ глупыми.—„Но никто не уважаетъ ее“.—Пусть, а ему какая надобность?—Все равно, когда это ей не остановка: лѣзетъ ко всякому и барабанитъ.—„Но никто не слушаетъ ея“.—Слушай, не слушай, поневолѣ кое-что услышишь, когда трещитъ надъ ухомъ.—Помилуйте, умными ли людьми пользуются умные люди, чтобы подымать шумъ? Нѣтъ, умные люди не годятся быть волынками: взялъ подъ мышку, налегай, волынка и дудитъ,—глупые удобнѣе для этой роли. Невозможно вести пропаганду безъ помощи дураковъ и дуръ; ими все дѣло красится и цвѣтетъ.

— Въ вашихъ словахъ много правды,—согласился Нивельзинъ.

— Нельзя, чтобы не было, Павелъ Михайлычъ; и читалъ, и думалъ объ этихъ нелѣпостяхъ,—отвѣчалъ Волгинъ, и задумался.

— Прибавь, мой другъ, она живетъ у Илатонцева;—замѣтила жена.

— Это удивительно! — воскликнулъ онъ съ ожесточеніемъ и покачалъ головою.—Всегда самое-то главное и оставлю безъ вниманія! Само собою, Павелъ Михайлычъ, все, что я говорилъ о пользѣ отъ языка самой Тенищевой—мелочь, вздоръ. Натурально, нѣкоторую пользу можетъ принести, но совершенно незначительную. Конечно, у него не тотъ разсчетъ. Въ чемъ же?—Очень просто: онъ осѣдлалъ ее, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ,—куда же, позвольте спросить, въѣхалъ онъ на ней?—Въ салоны Илатонцева. Она вѣруетъ въ него, потому, онъ свой въ домѣ Илатонцева. Пріѣдетъ Илатонцевъ, какимъ обществомъ наполнятся салоны? — Члены Государственнаго Совѣта, министры, генералъ-адъютанты. А онъ тамъ свой.—Какъ же вы полагаете: есть разница, мелкій офицеръ подаетъ бюрократическимъ порядкомъ докладныя записки въ руки мелюзгѣ,—или свѣтскій знакомый говоритъ съ знакомыми въ такомъ домѣ, куда они лѣзутъ съ усердіемъ, и гдѣ онъ чуть не хозяинъ?—Какъ находите, Павелъ Михайлычъ: не практиченъ этотъ разсчетъ?—А мы съ вами: „Тенищева дура!“—Кто же простякъ, онъ или вы?—О себѣ я не говорю.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ;—сказалъ Нивельзинъ.

— То-то же,—глубокомысленно подтвердилъ Волгинъ. Онъ былъ хорошъ тѣмъ, что если и не замѣчалъ иногда что-нибудь самъ,—это, иногда случалось,—то какъ только покажутъ ему, сейчасъ же замѣчалъ и усердно объяснялъ. Въ объясненіяхъ онъ былъ такъ же силенъ, какъ въ остроуміи.—Да,—продолжалъ онъ, погружаясь въ размышленіе:—не знаю, сознательно ли руководится такимъ разсчетомъ Соколовскій, или просто повинуется инстинкту своей агитаторской натуры. Вѣроятнѣе, просто инстинктъ. Претъ его инстинктъ, онъ и лѣзетъ,—какъ лунатикъ,—но только, вы знаете, лунатикъ пробирается такъ ловко и вѣрно, что самый отличный акробатъ не съумѣетъ такъ пройти.—Да, можетъ быть, онъ такъ же непрактиченъ, какъ я, во всемъ, чего не подсказываетъ ему инстинктъ. Но въ немъ есть инстинктъ политическаго дѣятеля,—качество, котораго не найдете вы ни въ одномъ изъ нашихъ либераловъ.

— Думаешь ли ты, мой другъ, что онъ понравится тебѣ?—спросила жена, начиная дѣлать чай. Волгинъ любилъ пить чай послѣ обѣда.

— Это очень можетъ быть, голубочка. Если сказать правду, я почти увѣренъ въ этомъ.

— Если онъ понравится тебѣ, ты не бойся, пригласи его, пусть бываетъ у тебя, и самъ иногда заходи къ нему, чтобы онъ видѣлъ, что его знакомство пріятно тебѣ. Тебѣ нужно развлеченіе, и я была бы очень рада, еслибы ты нашелъ хоть одного человѣка, разговоры съ которымъ доставляли бы тебѣ удовольствіе и отдыхъ, а не скуку и утомленіе, какъ съ другими. Не опасайся, что онъ будетъ когда-нибудь въ тягость тебѣ. Пусть онъ совершенно неспособенъ замѣчать самъ, есть тебѣ время болтать съ нимъ, или нѣтъ: но навѣрное, онъ выше всякой мелочности. Если тебѣ некогда, я буду говорить ему: „уйдите, мужу некогда“, и онъ не будетъ въ претензіи; напротивъ, будетъ любить, что съ нимъ обращаются искренно.

— Твоя правда, голубочка,—сказалъ мужъ, подумавши.—Ну, посмотримъ.—Если понравится, не буду уклоняться отъ него.

Пришелъ Мироновъ, съ двумя или тремя товарищами. Стали сговариваться о томъ, чтобы устроить маленькій концертъ.—Мироновъ хорошо игралъ на скрипкѣ. У Нивельзина была скрипка: онъ самъ былъ отчасти и виртуозъ, кромѣ того, что порядочно пѣлъ. Послали за нею.

Волгинъ, напившись чаю, пошелъ въ кабинетъ. Черезъ полчаса вышелъ въ залъ, подождалъ пока кончилась пьеса, и сказалъ Нивельзину:

— Сейчасъ мнѣ вздумалось, не къ Соколовскому ли относятся разсказы, которые я слышалъ отъ одного старичка-поляка, присланнаго на житье въ городъ, гдѣ я служилъ передъ женитьбою и переселеніемъ въ Петербургъ. Наружность, лѣта, характеръ, ссылка въ оренбургскіе батальоны солдатомъ, все сходится у Соколовскаго съ Болеславомъ, какъ называлъ старичекъ того своего родственника. Мнѣ тогда не пришло въ голову спросить фамилію. Полагалъ, тоже Зелинскій, какъ звали старичка.—Не случилось вамъ узнать, какъ имя Соколовскаго. Болеславъ?—И не разсказывалъ онъ вамъ ничего о дѣлѣ, по которому былъ сосланъ?

Нивельзинъ отвѣчалъ: „нѣтъ“.—Волгинъ сталъ дѣлать другіе вопросы: Не случилось ли Соколовскому упомянуть откуда онъ родомъ?—Не съ Волыни ли?—Былъ ли онъ въ университетѣ? и въ какомъ? не въ петербургскомъ ли?

То и другое такъ,—припомнилъ теперь Нивельзинъ.—Соколовскій упоминалъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ позже, нежели могъ. Когда его выпустили изъ Оренбурга, онъ проѣхалъ на Волынь, и зажился тамъ дольше, нежели думалъ. Тамъ у него мать, еще бодрая старушка, и сестра, больная, отъ самаго дѣтства почти не встающая съ постели.—По разговору его видно было, что передъ ссылкою онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, а передъ самою ссылкою уѣзжалъ на родину. Онъ выразился, что его провезли мимо дома, гдѣ жила мать и сестра, и не позволили видѣться съ ними.

Все это совершенно такъ. Очевидно было, Соколовскій—тотъ Болеславъ, о которомъ говорилъ Зелинскій.

— Не мѣшай намъ,—сказала Волгина мужу.—Или перестань говорить

съ Нивельзинымъ. и пусть онъ опять поетъ. или уведи его къ себѣ: мы обойдемся и безъ него.

— Я пойду къ Алексѣю Иванычу,—сказалъ Нивельзинъ.—Мнѣ любопытно все, что относится къ Соколовскому.

Въ 1848 году, студентъ петербургскаго университета. полякъ,—не Зелинскій, какъ прежде предполагалъ Волгинъ по ошибочной, но очень естественной догадкѣ, а Соколовскій, отправился провести каникулы на родинѣ—на Волыни. Самъ онъ не имѣлъ ничего; помѣстье его отца было конфисковано послѣ возстанія 1830 года, когда былъ и убитъ отецъ, собравшій партію изъ крестьянъ, своихъ и сосѣднихъ. Но разные родственники его благополучно остались помѣщиками. Ихъ имѣнья лежали вообще недалеко отъ галиційской границы. Соколовскій былъ въ гостяхъ у одного изъ этихъ родныхъ, именно у того самаго Зелинскаго, который впослѣдствіи разсказывалъ все это Волгину. У Зелинскаго былъ вечеръ. Прямо съ вечера Соколовскій поѣхалъ гостить къ другому родственнику; поѣхалъ, по обычаю небогатыхъ людей того края, на телѣгѣ или фурѣ еврея. Другой еврей, бывшій во враждѣ съ этимъ, донесъ на своего недруга, что онъ взялся провести какого-то студента-поляка за границу. Обвиненнаго еврея арестовали на дорогѣ; также и Соколовскаго. Соколовскаго повезли въ Петербургъ и тамъ рѣшили: сослать въ солдаты въ оренбургскіе батальоны, по подозрѣнію въ намѣреніи уѣхать за границу. Буквально такъ было сказано въ рѣшеніи. Зелинскій справлялся и хлопоталъ; онъ имѣлъ тогда и деньги и знакомыхъ, да и самъ онъ пользовался уваженіемъ: его послали на житье въ Россію уже годомъ позже, за то, что онъ помогалъ платьемъ и деньгами проводимымъ чрезъ Волынь полякамъ, взятымъ въ плѣнъ въ Венгерскую кампанію. Въ 1848 году на него смотрѣли еще хорошо. Ему не трудно было узнать всю правду о своемъ родственникѣ. Буквально такъ: „по подозрѣнію въ намѣреніи“.

— По подозрѣнію въ намѣреніи—сослать въ солдаты!—повторилъ Нивельзинъ:—Замѣчательный приговоръ.

— Не столько замѣчательный, сколько прискорбный,—флегматически возразилъ Волгинъ.—Не замѣчателенъ, потому что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Но огорчительно, что наши производители дѣлъ такъ плохо владѣютъ перомъ, по недостатку просвѣщенія. Будь люди просвѣщенные, конечно, догадались-бы иначе. Напримѣръ: „по соображенію обстоятельствъ, показывающихъ. что его поѣздка была исполненіемъ замысла эмигрировать“, согласитесь, тутъ было бы все, какъ требуетъ доброе приличіе. „По соображенію обстоятельствъ. показывающихъ“—не можете не понимать, что были улики. Правда, ихъ не было. Но въ приговорѣ и не говорилось бы, что онѣ были. Истина не была бы нарушена. А все-таки, нельзя было бы не понимать, что улики были. И дальше: „показывающихъ, что его поѣздка была исполненіемъ замысла“—о-го!—Это уже не то, что „намѣреніе“. Намѣреніе, согласенъ, вздоръ, пустая мысль; за мысли нельзя наказывать, наказывать строго—говорятъ одни, вовсе нельзя наказывать—говорятъ другіе.—Но „исполненіе замысла“ это—фактъ: преступленіе уже совершилось.—Да, и все было бы прекрасно: обнаруженъ преступ-

ный фактъ; наказаніе справедливо. А они, какъ люди необразованные, бряк-нули „по подозрѣнію въ намѣреніи“—то-есть, безъ всякаго основанія. Да, огорчительно: считаемся во всей Европѣ варварами за то, что не умѣемъ владѣть перомъ. Обидно, прискорбно. Но погодите, просвѣтимся; будемъ выражаться благовиднѣе.

Нивельзинъ горько улыбнулся.—Вы умѣете быть золъ.

— Я, золъ?—Волгинъ покачалъ головою.—Я кажусь вамъ золъ потому, что вы видите вокругъ себя все только невинныхъ младенцевъ; да и сами вы, извините, тоже невинный младенецъ. Умно то общество, въ которомъ я кажусь рѣзкимъ и ѣдкимъ! Я, цыпленокъ,—золъ!—Хороши птицы, среди которыхъ цыпленокъ—ястребъ! Невинные, невинные.—Онъ опять покачалъ головою:—Ну и что же?—Вы, дѣйствительно, такъ невиненъ Павелъ Михайлычъ, что повѣрили: „по подозрѣнію въ намѣреніи“, могли сослать въ солдаты? Невиннымъ людямъ воображаются вездѣ оборотни, люди-звѣри. Людей-звѣрей нѣтъ. Нѣтъ такихъ жестокихъ людей, которые бы захотѣли дѣлать вредъ, наносить страданіе безъ надобности. Сослать въ солдаты „по подозрѣнію въ намѣреніи“ сдѣлать такой ничтожный и неопасный поступокъ—эмигрировать,—это невозможность,—само собою, это было только предлогомъ, пустымъ предлогомъ. Натурально, должно было быть и резонное основаніе. Оно осталось не высказано въ приговорѣ,—по необразованности, не нашлись, какъ выразить его. А оно было резонное, справедливое.

Волгинъ бросилъ шутовство, и сталъ опять разсказывать серьезно.

— Соколовскій былъ арестованъ по подозрѣнію въ замыслѣ, не имѣвшемъ ничего ни опаснаго, ни важнаго. Великъ былъ бы убытокъ, если бы юноша и хотѣлъ и успѣлъ эмигрировать!—Кому страхъ отъ этого? А доносъ былъ голословный. Уликъ не нашлось. Поэтому, люди, рѣшавшіе судьбу Соколовскаго, были расположены очень добродушно принимать его оправданія. Онъ оправдывался умно и успѣлъ убѣдить ихъ, что доносъ былъ вздорною выдумкою. Съ нимъ стали говорить уже не какъ съ подсудимымъ, а просто такъ, для препровожденія времени, потому что кому же не бываетъ пріятно потолковать о всякой всячинѣ съ умнымъ человѣкомъ? Онъ разсуждалъ обо всемъ очень основательно, по мнѣнію своихъ судей; пріобрѣлъ ихъ уваженіе, хоть былъ еще юноша. „Скажите—стали они спрашивать его:—почему не всѣ молодые люди имѣютъ такой умѣренный, прекрасный образъ мыслей, какъ вы?—Скажите, какія-бы мѣры могли быть наиболѣе полезны для предотвращенія развитія безразсуднаго образа мыслей въ молодыхъ людяхъ?“ Онъ сталъ объяснять, что существенная причина увлеченій неосновательными мыслями—недостатокъ основательныхъ знаній.—Наука стѣснена, и молодые люди не имѣютъ почти никакой возможности пріобрѣтать здравыя политическія убѣжденія. Надобно освободить мысль—и она сдѣлается спокойною, мирною.—Онъ отвѣчалъ съ такою же искренностью, съ какою спрашивали его, и спрашивавшіе, хоть не были привычны къ подобнымъ взглядамъ, хоть и не были люди образованные, но все же имѣли здравый смыслъ и житейскую опытность. Имъ казалось, что въ его словахъ много справедливаго. Пошли разговоры подобнаго рода,—и кончились тѣмъ, что друзья слушатели Соколовскаго, къ собственному прискорбію, увидѣли себя обязанными отправить его въ Оренбургъ.

— Его обманывали, завлекали,—говорили съ нимъ только для того, чтобы запутать его!—сказалъ Нивельзинъ.—Хотѣли сослать, не имѣли уликъ, и выманили у него какія-нибудь неосторожныя слова.

— Обыкновенная манера нашихъ прогрессистовъ, да и не нашихъ однихъ! и въ Европѣ тоже умны! Бросьте эту манеру, Павелъ Михайлычъ. Консерваторы, даже реакціонеры, вовсе не такіе хитрецы и злодѣи, какими воображаютъ ихъ либералы. Ни у кого не было охоты ссылать Соколовскаго. Думали освободить его. Но съ обѣихъ сторонъ поступили неосторожно: заговорились, увлеклись. Ошибка, согласенъ. Но ошибка очень естественная: они, вмѣсто дикаго революціонера, увидѣли человѣка умѣреннаго; онъ, вмѣсто злодѣевъ, увидалъ людей далеко не злыхъ. Пріятная неожиданность съ обѣихъ сторонъ— и поддались впечатлѣнію, вообразили, что могутъ понимать другъ друга. Въ этомъ и вся бѣда. Если бы врагами процесса были только злые люди! если бы въ борьбѣ за него надобно было побѣждать только интриги, коварства!—о, тогда было бы такъ же хорошо, какъ если бы противниками консерваторовъ были только наши господа либералы! Все шло бы впередъ и быстро, и спокойно. Консерваторы не затруднялись бы производить улучшенія,—чего же затрудняться; когда нѣтъ въ перспективѣ ничего опаснаго ни для чьей головы, ни для чьего кармана? и жизнь народа облегчалась бы самымъ отраднымъ образомъ.

— По вашему мнѣнію, могло-бы, напримѣръ, не быть убытка для помѣщиковъ отъ освобожденія крестьянъ?

— Ну, когда рѣчь пошла объ освобожденіи крестьянъ, со стыдомъ умолкаю;—остроумно отвѣчалъ Волгинъ, и залился руладою.—Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, Павелъ Михайлычъ, что вся цѣнность всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, по свободнымъ рыночнымъ цѣнамъ, не составляетъ полуторы тысячи милліоновъ. Государству, имѣющему 70 милліоновъ жителей, затрудняться платежомъ какихъ-нибудь полторы тысячъ милліоновъ! Но, я докладывалъ вамъ, что помѣщики пальчики облизали-бы, заплясали бы отъ восторга отъ полученія суммы, несравненно меньшей. Вы знаете...

— Ты увелъ Нивельзина говорить о дѣлѣ, а вотъ, уже хохочешь:— сказала Волгина, входя въ кабинетъ.—Кончилъ дѣло, и забавляешь Нивельзина сказочками, по своему обыкновенію?—Подавай же намъ его, намъ необходимъ первый теноръ.—Идите, Нивельзинъ.

— Правда твоя, голубочка: я начиналъ забавлять себя и Павла Михайлыча сказками,—отвѣчалъ мужъ, и залился руладою въ одобреніе удачной шуткѣ; потому что онъ глубоко былъ убѣжденъ, что сострилъ очень тонко и удачно.

Нивельзинъ ушелъ домой много раньше времени, которое назначилъ Соколовскому. Онъ полагалъ, что энтузіастъ, при нетерпѣніи подружиться съ Волгинымъ, можетъ пріѣхать, пожалуй, и цѣлымъ часомъ прежде, нежели условился. А Волгинъ хоть и обѣщался Нивельзину прійти въ девять часовъ, нѣсколько запоздалъ, и запоздалъ-бы гораздо больше, если-бы жена не помнила времени за него.

Она привыкла къ тому, что мужъ вѣчно забываетъ обо всемъ за работою, и въ девять часовъ пришла сказать ему, что пора идти. Но онъ не работалъ, а лежалъ на своемъ диванѣ; и не читалъ, а думалъ, чѣмъ занимался

очень рѣдко, когда бывалъ одинъ. Онъ былъ любитель и мастеръ погружаться въ глубокія размышленія, но только среди разговоровъ. Когда онъ былъ одинъ, его глубокомысліе вообще не находило себѣ никакой пищи.

— Что-жъ это?—Ты спалъ, мой другъ?

— Неужели девять часовъ? не спалъ, голубочка, а думалъ объ этомъ Соколовскомъ. Онъ долженъ быть очень замѣчательный человѣкъ. Натурально, я не разсказывалъ Нивельзину, почему я такъ думаю. Нивельзину я разсказывалъ только пустяки, которые, конечно, разсказываетъ о себѣ и самъ Соколовскій, то, что можно и должно говорить передо всѣми. Но Зелинскій полагался на меня, и говорилъ больше. Видишь-ли, Соколовскаго судили за намѣреніе эмигрировать, и не уличили въ этомъ. Да и точно, онъ вовсе не хотѣлъ эмигрировать. Напротивъ. Тутъ было совершенно другое намѣреніе. Видишь-ли, голубочка; въ 1848 году...

— Надоѣлъ ты мнѣ, мой другъ, со своимъ 1848 годомъ,—да и некогда мнѣ слушать: играемъ въ лото;—да и тебѣ некогда разсказывать: пора идти. Одѣвайся, и пріѣди показаться мнѣ, не забылъ-ли повязать галстухъ.

Такъ и осталось неразсказаннымъ то, что болѣе всего заинтересовало Волгина въ пользу Соколовскаго.

А дѣйствительно Волгинъ былъ совершенно правъ, что почувствовалъ очень сильное уваженіе къ этому человѣку, когда увидѣлъ, что онъ—тотъ самый Болеславъ, о которомъ говорилъ Зелинскій. Этотъ Болеславъ, въ то время еще юноша, одинъ сохранилъ разсудокъ въ цѣломъ очень большомъ собраніи, среди пожилыхъ людей и стариковъ, у которыхъ у всѣхъ закружились головы;—одинъ, такой пылкій отъ природы, остался хладнокровенъ, когда и флегматики предались увлеченію.

Галиція волновалась. Въ пограничныхъ польско-русскихъ земляхъ со дня на день ждали оттуда извѣстія, что поднялось возстаніе, и готовились поддержать его. Собирались, организовались, старались запастись оружіемъ, уговаривались о планѣ дѣйствій. Въ томъ краѣ, гдѣ была родина Соколовскаго, мѣстомъ собраній служилъ домъ Зелинскаго. Однажды съѣхались. Собраніе было очень многочисленное. И вдругъ получается извѣстіе: нынѣ Галиція взялась за оружіе. Тотчасъ же было рѣшено: прямо изъ этого собранія каждый ѣдетъ въ свою околицу, поднимаетъ ее, и начинается возстаніе. Всѣ рѣшили единогласно. Одинъ Соколовскій спрашивалъ: да правда-ли, что Галиція поднялась? „Поднялась!“ кричали ему. Но онъ былъ такъ настойчивъ, что, наконецъ, перекричалъ гвалтъ, убѣдилъ не разъѣзжаться, не выслушавъ его. Вѣрны-ли извѣстія, что Галиція поднялась? кто привезъ ихъ?—Привезли десятки, сотни людей: на всѣхъ рынкахъ къ вечеру всѣ знали; каждый пріѣзжавшій съ границы подтверждалъ; но кто видѣлъ? Чрезъ два или три часа бурнаго сопротивленія Соколовскій умолилъ, чтобы дозволили ему съѣздить за границу, взглянуть и привезти положительныя свѣдѣнія.

Онъ не доѣхалъ до границы. Его арестовали по доносу, дѣйствительно не совсѣмъ точному: онъ не хотѣлъ эмигрировать, и могъ доказать, что не хотѣлъ; необходимѣйшія вещи оставались у него дома; ясно было, что онъ думалъ возвратиться домой очень скоро. Это не помогло ему; въ немъ увидѣли человѣка, тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ очень даровитъ, энергиченъ и, въ

особенности, очень разсудителенъ. Нашли нужнымъ удалить его. Онъ много и долго долженъ былъ страдать,—не за свою поѣздку,—о ней ничего не узнали, и наконецъ нашли, что она могла быть невиннымъ переѣздомъ отъ одного родственника въ гости къ другому,—но зато, что, по поводу его поѣздки, узнали его характеръ и дарованія.

Онъ не могъ исполнить дѣла, которое взялъ на себя. Но отсрочка, которую онъ вымолилъ, вынудилъ, была достаточна, чтобы дѣло разъяснилось уже и безъ его присутствія. Извѣстія о возстаніи въ Галиціи оказались вздорными. Сотни, если не тысячи людей уцѣлѣли отъ напрасной погибели, на которую пошли бы, если бы не его разсудительность, — и весь край избавился отъ напраснаго разоренія.

Каждый, каковъ-бы ни былъ по характеру и принципамъ,—будетъ чувствовать уваженіе, и, если честенъ, влеченіе къ человѣку, который, бывши юношею, имѣлъ разсудокъ спасти пожилыхъ людей и стариковъ отъ опрометчивости. Волгинъ былъ мнительнаго, робкаго характера; принципомъ его было: ждать и ждать, какъ можно дольше, какъ можно тише ждать. Поэтому, онъ цѣнилъ поступокъ Соколовскаго еще гораздо выше, нежели могутъ цѣнить люди отважные.

Дѣйствительно, Соколовскій былъ тотъ Болеславъ, о которомъ разсказывалъ Зелинскій. Сначала поговорили объ этомъ старикѣ, человѣкѣ благородномъ, но не выходившемъ изъ ряда обыкновенныхъ добряковъ, неинтересныхъ ни для кого, кромѣ своихъ родныхъ и друзей. Потомъ Соколовскій говорилъ о своей жизни въ Оренбургѣ. Такъ прошло довольно много времени. Волгину представлялось нужнымъ, чтобы Соколовскій присмотрѣлся къ нему, нѣсколько привыкъ не шокироваться его слишкомъ угловатыми манерами, его привычкою шутить, большею частію не кстати, хохотать, не договаривать фразъ и умолкать, также некстати, смотрѣть въ уголъ и въ полъ, — вообще, держать себя неловко и дико. Разсудивъ, что Соколовскій достаточно приготовленъ не смущаться нелѣпыми формами, въ какихъ онъ обыкновенно выражаетъ свои мысли, и обращать вниманіе только на сущность ихъ, Волгинъ сказалъ, что, конечно, и Зелинскій, и Оренбургъ—предметы для разговора не хуже множества другихъ, но что, конечно, Соколовскій хотѣлъ видѣться съ нимъ вовсе не для того, чтобы толковать о такихъ вещахъ.

— Вы заинтересованы вашимъ проектомъ, Болеславъ Иванычъ, и, разумѣется, хотѣли, чтобы я помогалъ этому дѣлу, какъ журналистъ.

— Конечно, такъ. Но былъ у меня и другой мотивъ желать сближенія съ вами: сходство нашихъ убѣжденій.

— Само собою. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, если будетъ надобно. А теперь, на счетъ содѣйствія вашему доброму намѣренію, откровенно скажу: не только самъ не хочу помогать, совѣтовалъ бы, чтобъ и вы бросили это дѣло.

Соколовскій вскочилъ, и опять также быстро сѣлъ, подавивши нетерпѣніе вскликнуть что-то,—вѣроятно, что не вѣритъ своимъ ушамъ.—Видите-ли — вяло продолжалъ Волгинъ:—изъ вашихъ стараній ничего не выйдетъ. А къ чему ведетъ излишняя охота вразумлять людей, вы уже испытали. Стоитъ-ли губить себя понапрасну?

— Вы кончили?—терпѣливо спросилъ Соколовскій. При всей своей горячности онъ умѣлъ быть терпѣливымъ; при всей экспансивности, дѣлавшей его чрезвычайнымъ охотникомъ говорить, умѣлъ и слушать.—Вы кончили?—спросилъ онъ, видя, что Волгинъ замолчалъ.—Или еще не досказали?

— Пожалуй, хоть и кончилъ, потому что развивать передъ вами мою мысль—совершенно безполезно. Вы не ребенокъ, и знаете наши обстоятельства. Не нуждаетесь въ томъ, чтобы кто-нибудь указывалъ вамъ факты и объяснялъ ихъ смыслъ. Но я не думаю, чтобы вы были готовы принять мой взглядъ на вещи, и не воображаю, чтобы могъ переубѣдить васъ. Если я сказалъ, какъ думаю, то разумѣется для того, чтобы устранить себя, а не съ намѣреніемъ учить васъ.

— Вы отвергаете возможность этой реформы, въ частности, или вообще возможность реформъ? Высказывайте же и основанія вашего скептицизма.

— Я нисколько не скептикъ. Скептикъ тотъ, кто не умѣетъ сказать: „да“ или „нѣтъ“ согласнѣе съ правдою. Возможности реформъ я не отвергаю: какъ отвергать возможность того, что происходитъ? Происходятъ реформы въ огромномъ количествѣ; я не могу не знать этого, потому что читаю газеты. И вообще говоря, вы можете думать, если вамъ угодно, что я совершенно согласенъ съ вами. Отъ этого не будетъ убытка ни вамъ, никому, потому что ровно никому не можетъ быть ни вреда, ни пользы отъ того, какъ я думаю. Я только отстраняюсь отъ участія въ вашихъ заботахъ, потому что не имѣю охоты хлопотать.

— Продолжайте,—заманивающимъ тономъ сказалъ Соколовскій.

— Мнѣ нечего продолжать, Болеславъ Иванычъ. Я сказалъ, что не хочу спорить съ вами.

— Вы не имѣете охоты хлопотать о реформахъ! Какъ же понять это, если вы принуждены соглашаться, что русское общество занято реформами?

— Можете понимать различными манерами; не знаю, какую манеру понимать я могу рекомендовать вамъ. Напримѣръ: быть можетъ, я полагаю, что никто не послушаетъ меня; быть можетъ, я считаю неприличнымъ лѣзть съ моими совѣтами, когда никто не проситъ меня объ этомъ; быть можетъ, я думаю: не нужно бы никакихъ реформъ. Я могу думать и это. Какая мнѣ надобность въ реформахъ? Мнѣ хорошо и безъ нихъ. Если хотите знать мое собственное мнѣніе, я полагаю, что это послѣднее предположеніе ближе всего къ правдѣ. Съ какой стати я имѣлъ бы охоту горячиться? Мои дѣла въ хорошемъ положеніи, постоянно улучшаются. Ни отъ кого я не имѣю никакихъ непріятностей. По природѣ, я человѣкъ смирный. Я желаю, чтобы все оставалось, какъ есть, потому что ничего лучшаго для меня не сдѣлаютъ никакія реформы. Соблюдая благопристойность, я не прочь говорить: „люблю реформы“, — согласитесь, неприлично выказывать себя равнодушнымъ къ общей пользѣ — и хотя я не богъ знаетъ какой хитрецъ, но не такъ и глупъ, чтобы возбуждать презрѣніе и ненависть къ себѣ высказываніемъ моихъ задушевныхъ мыслей, которыя, какъ видите, не очень возвышенны и привлекательны. Но здѣсь, при людяхъ, съ которыми могу быть нараспашку, не имѣю охоты шарлатанить.

Соколовскій слушалъ, стиснувъ челюсти, но не прерывалъ.

— Алексѣй Иванычъ шутитъ, — замѣтилъ Нивельзинъ, — Онъ любитъ шутить.

— Люблю. И если шучу, то шучу. Можетъ быть надобно прибавить: шучу некстати, неумѣстно. И это бываетъ. Но я полагаю, что я нисколько не шучу. А впрочемъ, дѣйствительно лучше, если Болеславъ Иванычъ будетъ думать вмѣстѣ съ вами, Павелъ Михайлычъ, что я шучу.

Почти каждый на мѣстѣ Соколовскаго былъ бы выведенъ изъ терпѣнія, но Соколовскій имѣлъ очень сильный характеръ.

— Если вы такъ апатиченъ къ общей пользѣ, то зачѣмъ же вы пишете? — спокойно сказалъ онъ.

— Это мое ремесло. Человѣку, неимѣющему состоянія, надобно дѣлать что-нибудь, чтобы добывать кусокъ хлѣба. Я пишу—и добываю. И добываю очень хорошій; потому очень доволенъ своимъ ремесломъ.

— Но вы пишете не то, что говорите.

— Я не могу писать того, что говорю: какая-жъ охота публикѣ была бы читать мои разсужденіи о моемъ характерѣ? — Онъ занимателенъ только для моихъ друзей или людей, желающихъ личнаго сближенія со мной, какъ вы. Для публики нужны другіе предметы, болѣе занимательные, чѣмъ моя персона.— Но то, что я пишу, не противорѣчитъ тому, что я говорю. Я говорю вамъ, что равнодушенъ къ реформамъ. Я не пишу, что восхищаюсь ими. Я говорю, что не хочу писать о реформахъ. Я и не пишу о нихъ.

— Вы не хотите говорить со мною; — сказалъ Соколовскій, не теряя спокойствія.

— Не совсѣмъ правильно выразились, Болеславъ Иванычъ. Вы слышите, я говорю. И буду говорить, сколько вамъ угодно. Но я сказалъ, что не хочу спорить съ вами; и не буду. Когда будетъ время, скажу, почему не хочу, и надѣюсь, вы согласитесь тогда, что, со своей точки зрѣнія, я правъ. О чемъ вамъ угодно, чтобъ я говорилъ? Я готовъ, съ удовольствіемъ, и сколько вамъ угодно.

— Алексѣй Иванычъ,—кротко сказалъ Соколовскій. — Вы согласитесь, другой, на моемъ мѣстѣ, могъ бы принять такое обращеніе за обиду.

— Согласенъ, Болеславъ Иванычъ. Но вы не примете.

Соколовскій стиснулъ челюсти, помолчалъ, и опять, овладѣвъ собою, кротко сказалъ:

— Вы не хотите быть знакомы со мною?

— Я еще не говорилъ этого, Болеславъ Иванычъ. Я говорилъ пока только о томъ, что въ одномъ изъ вашихъ побужденій сблизиться со мною вы ошибались. Какъ журналистъ, я безполезенъ для васъ. У васъ былъ другой мотивъ: одинакость нашихъ убѣжденій. Не знаю, достаточно-ли обнаружилось для васъ, что и въ этомъ вы ошибались. Мой образъ мыслей не сходенъ съ вашимъ.

Соколовскій всталъ и нѣсколько разъ прошелъ по комнатѣ. Сѣлъ и началъ спокойно:

— Вы уклоняетесь отъ спора со мною. Я хочу спорить съ вами. Вы не хотите указывать фактовъ, которыми, по вашему мнѣнію, опровергаются мои надежды. Я напомню вамъ факты, на которыхъ основываются мои ожиданія и которыми, какъ мнѣ кажется, совершенно устраняется возможность оставаться при безусловномъ отрицаніи.

— Я отрицаю? — даже безусловно отрицаю? — Волгинъ покачалъ головой. — Что могу я отрицать? можетъ-ли нѣмой отрицать?

— Я понимаю васъ, — терпѣливо продолжалъ Соколовскій, не давши себѣ воли сбиться въ сторону отъ выходки Волгина. — Я понимаю ваше отрицаніе. Я однихъ лѣтъ съ вами. Мои убѣжденія формировались одновременно съ вашими. И отъ однихъ и тѣхъ же фактовъ, одинаково замирали надежды въ нашихъ сердцахъ. Тогда и я видѣлъ, что реформы невозможны. Но теперь, другое время. — Онъ сталъ перечислять недавнія событія, которыми русскіе были пробуждены отъ долгаго сна и потрясена система, повергавшая ихъ въ этотъ летаргическій сонъ.

Вся жизнь русскаго была приносима въ жертву завоеваній; всѣ силы русскаго народа были истощаемы на служеніе этому духу, весь политическій и общественный бытъ русскаго народа былъ подчиненъ потребностямъ этого духа, скованъ въ организацію, не допускавшую никакихъ другихъ направленій дѣятельности. Болѣе полутораста лѣтъ владычествовала эта система, и успѣхи ея были блистательны. Русскій народъ привыкъ думать, что его могущество, слава — результаты ея. Онъ ошибался, причиною даже военныхъ успѣховъ его была не эта система, а цивилизація, проникавшая въ Россію наперекоръ ей. Но заблужденіе было извинительно. Оно было слѣдствіемъ того логическаго миража, которыми обманывается не только масса, обманываются, слишкомъ часто обманываются даже и великіе мыслители; это извѣстный фальшивый силлогизмъ: вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, потому. Система, сдавливавшая жизнь русскаго народа, говорила ему: видишь, при мнѣ, — слѣдовательно, благодаря мнѣ, изъ слабаго, обижаемаго, презираемаго ты сдѣлался могущественнымъ, безопаснымъ, славнымъ. Онъ видѣлъ: да, сдѣлался; и вѣрилъ: да, благодаря ей.

— Нашимъ историкамъ, да и нашимъ либераламъ далеко до такого пониманія русской исторіи, — замѣтилъ Волгинъ Нивельзину. — Это я называю — правильно понимать вещи. Читали-ль вы до сихъ поръ что-нибудь подобное ясному и твердому очерку дѣла, какой даетъ намъ Болеславъ Иванычъ?

— У васъ есть писатели, которые судятъ точно такъ же, — сказалъ Соколовскій.

— Есть? — какъ вы скажете, Павелъ Михайлычъ? Вы больше меня читали нашихъ либераловъ и радикаловъ!

— Не говоря о либералахъ, и радикалы не говорятъ такъ безусловно; — сказалъ Нивельзинъ. — И признаюсь, я не приготовленъ вполнѣ согласиться съ Болеславомъ Иванычемъ. — О времени Петра, о началѣ правленія Екатеры II, о первой половинѣ царствованія Александра Павловича, я когда-нибудь поспорю съ вами, Соколовскій.

Соколовскій спокойно ждалъ, пока возвратятъ ему свободу продолжать, и сталъ говорить попрежнему, съ пылкостью въ манерѣ и съ прежнею ясностью и твердостью логики.

Русскіе привыкли считать свое войско непобѣдимымъ, свое государство могущественнѣйшимъ въ Европѣ. Но вотъ они увидѣли, что враги безнаказанно вторглись въ ихъ страну, одерживаютъ побѣду за побѣдой надъ ихъ войсками, принуждаютъ ихъ государство просить мира; что ихъ государство

принуждено съ покорностью принять всѣ условія, какія захотѣли продиктовать побѣдоносные непріятели. Такого униженія не могъ равнодушно перенесть русскій народъ. Съ энергіею справедливаго гнѣва онъ потребовалъ отчета въ томъ, какъ могло произойти паденіе его могущества. Нельзя было скрывать отъ него истину, потому что онъ чувствовалъ ее; должны были сознаться: причиною всѣхъ бѣдъ была прежняя система; должны были согласиться: надобно отвергнуть ее; необходимы радикальныя реформы; весь государственный организмъ былъ фальшивымъ, гнилымъ механизмомъ, неимѣвшимъ въ себѣ ничего дѣйствительно живого, ничего свѣжаго и прочнаго, и всѣ силы общества были подавляемы гнетомъ этой мертвой машины. Должны были согласиться: необходимо обновить всѣ части государственнаго устройства, дать просторъ живымъ силамъ общества. Должны были согласиться: система механическаго угнетенія была гибельною ошибкою; необходимо предоставить свободу развитію народа.

— Въ этомъ Павелъ Михайлычъ согласится съ вами;—замѣтилъ Волгинъ.—По его мнѣнію, Крымская война почти тоже для Россіи, что война 1806 года была для Пруссіи. Я полагаю, что союзники взяли Петербургъ и Москву, какъ тогда французы Берлинъ, а во власти русскаго правительства оставалась только Пермь, какъ тогда у Прусскаго—Мемель.

— Сила впечатлѣнія была одинакова,—спокойно отвѣчалъ Соколовскій.

— А, это по новой геометріи: маленькій краюшекъ равенъ цѣлому.

— Иногда отломить маленькій краюшекъ значитъ раздробить все тѣло.

— Вы умѣете спорить. Этимъ Болеславъ Иванычъ лучше нашихъ либераловъ: ошибается или нѣтъ, можно судить какъ угодно, но всегда понимаетъ, что говоритъ;—обратился Волгинъ къ Нивельзину.—Нынѣ все проекты полезныхъ учрежденій; — я думаю не подать ли проектъ, чтобы вашего Рязанцева съ компаніею переименовать въ гимназистовъ и велѣть имъ ходить на уроки къ Болеславу Иванычу. Авось позаимствовались бы отъ него хоть каплею смысла. Нѣтъ, не позаимствовались бы; некуда помѣститься смыслу въ ихъ головахъ; все биткомъ-набито вздоромъ. Значитъ нечего и подавать проекта.

— Будьте откровенны, Алексѣй Иванычъ, — сказалъ Нивельзинъ. — Признайтесь, вы свернули на бѣднаго Рязанцева потому, что не нашли ничего возразить Соколовскому.

— Я еще не имѣлъ времени познакомиться съ Рязанцевымъ;—сказалъ Соколовскій.—Но воспользуюсь для этого первымъ досугомъ, потому что надѣюсь научиться у него многому, и убѣжденъ: мы пойдемъ съ нимъ рука въ руку.

— Пойдете, только долго-ли, этого не умѣю сказать;—замѣтилъ Волгинъ.—Но извините, я прервалъ васъ.

— Принуждены были сознаться, что радикальныя реформы необходимы,— продолжалъ Соколовскій изложеніе своего взгляда, во многомъ сходившагося съ понятіями тогдашнихъ нашихъ прогрессистовъ, но имѣвшаго ту разницу отъ ихъ разсужденій, что у Соколовскаго все было логично и однородно, а ихъ разсужденія захватывали что-нибудь похожее на правду лишь по мелочи, и наполнялись больше хвастовствомъ о великости совершенныхъ ими подвиговъ.— Принуждены были обѣщать полное обновленіе народной жизни,—продолжалъ

Соколовскій:—и не только обѣщали, сами прониклись убѣжденіемъ, что безъ этого нельзя обойтись. Съ искреннимъ усердіемъ готовятъ реформы, вызываютъ всѣхъ, могущихъ дать совѣтъ, оказать помощь, вызываютъ, просятъ ихъ: совѣтуйте, помогайте.

— Это фактъ,—сказалъ Нивельзинъ,—каково-бы ни было прежнее наше недовѣріе, мы не можемъ не видѣть: это фактъ.

— Когда это фактъ, это недурно,—замѣтилъ Волгинъ.

— Алексѣй Иванычъ,—началъ опять Соколовскій,—я понимаю васъ. и отчасти сочувствую роли, которая досталась вамъ: никто изъ людей, имѣющихъ политическое образованіе, не можетъ желать, чтобы не существовала оппозиція. Она и возбуждаетъ удвоенную энергію въ трудящихся и контролируетъ, гарантируетъ разумность работы. Я вполнѣ понимаю пользу, приносимую вами. Но...

— Я приношу пользу, — это пріятно слышать; — вяло вставилъ Волгинъ.—Въ Россіи есть оппозиція—это прекрасно; и я одинъ изъ представителей ея, — это очень лестно для меня. Благодарю васъ, Болеславъ Ивановичъ: вы раскрыли мнѣ глаза.

— Вы можете смѣяться надъ собою и быть недоволенъ тѣмъ, что ваша партія менѣе сильна, нежели хотѣлось бы вамъ,—продолжалъ Соколовскій, не смущаясь и не раздражаясь насмѣшками Волгина, которыя обидѣли бы человѣка менѣе сильнаго, твердаго и самоотверженнаго: — я понимаю ваше гражданское страданіе.

— Мое гражданское страданіе, — недурно сказано, и слѣдуетъ запечатлѣть въ памяти. Самъ я никакъ не могъ бы замѣтить въ себѣ такой удивительной вещи.

— И уважаю его,—продолжалъ Соколовскій съ теплымъ чувствомъ, не обращая вниманія на выходку Волгина.—Не скажу, чтобы и самъ я не чувствовалъ иногда влеченія негодовать. Дѣло пересозданія ведется слишкомъ медленно; видишь ошибки, иногда довольно важныя. Невольно поддаешься чувству. Но...

— Само собою, это досада нерезонная,—съ неизмѣнимой вялостью перебилъ Волгинъ, попрежнему нагло злоупотребляя кроткимъ терпѣніемъ Соколовскаго. — Зритель чужой работы всегда бываетъ расположенъ слишкомъ строго судить о трудящихся. Это психологическій законъ. Но тѣмъ не менѣе, это—несправедливость и нелѣпость. „Они работаютъ не довольно скоро“. Но вещь извѣстная, человѣческія желанія нетерпѣливы. Когда самъ не занимаешься дѣломъ, не чувствуешь, какъ оно трудно, не умѣешь брать въ разсчетъ, какъ много ему препятствій, какъ они сильны. „Работа ведется не безъ ошибокъ“— да какое же человѣческое дѣло можетъ быть ведено безъ ошибокъ? Люди не боги, чтобы требовать совершенства отъ нихъ или дѣлъ. Разумный человѣкъ довольствуется тѣмъ, когда видитъ, что работники усердны, добросовѣстны, прислушиваются къ замѣчаніямъ, пользуются всякимъ совѣтомъ, въ которомъ есть здравый смыслъ. Вы находите, что работа ведется согласно съ этими условіями; чего же большаго можно требовать? Не могу строго осуждать васъ, если вы, по человѣческой слабости, иногда сердитесь на работниковъ,—какъ быть! и вы человѣкъ, надобно снисходить къ вашимъ человѣческимъ слабо-

стямъ; но долженъ сказать: вы были бы несправедливы, еслибы отказывали работникамъ въ сочувствіи, одобреніи, содѣйствіи. Вы и не отказываете. Вы правъ.

— А вы?

— Я? О себѣ я скажу: вы видите, какой жалкій характеръ у меня,— не хотѣлъ спорить съ вами, а началъ. Стало быть, лучше всего для меня будетъ подальше отъ соблазна — за шапку, да и проститься. — Волгинъ всталъ.—Вы не можете не понимать, Болеславъ Ивановичъ, что видѣться съ вами было бы наслажденіемъ для меня, но я разсудилъ, что долженъ отказать себѣ въ немъ, и пришелъ сюда только за тѣмъ, чтобы сказать это лично, чтобы вы не могли ошибаться въ причинѣ моего отказа, не приняли его за обиду, когда онъ происходитъ отъ моего высокаго мнѣнія о васъ. По разсказамъ Зелинскаго, я очень уважалъ васъ,—больше нежели вы можете полагать, потому что Зелинскій не скрывалъ отъ меня ничего. Ничего.—Волгинъ остановился, чтобы обратить вниманіе Соколовскаго на важность этого слова, и увидѣлъ, что Соколовскій понялъ, о чемъ онъ говоритъ.—Немногіе способны цѣнить ваше благоразуміе такъ высоко, какъ я. У меня такой характеръ, мнительный, заставляющій меня всегда желать отсрочекъ, ненавидѣть рискъ. Вы одинъ изъ очень рѣдкихъ людей, въ которыхъ энтузіазмъ соединяется со способностью сохранить хладнокровіе въ рѣшительныя минуты, отвага—съ силою не только удерживаться, удерживать и другихъ отъ безразсудствъ. Я глубоко уважалъ васъ, когда шелъ сюда. Увидѣвши, полюбилъ: вы не только силенъ и разсудителенъ, вы кротокъ и чуждъ всякой эгоистической мысли. Вы—святой человѣкъ. Нельзя не любить васъ. Но тѣмъ тверже мое рѣшеніе: намъ не надобно видѣться. Не для чего, потому что я не хочу помогать вашему проекту. Я не желаю, чтобы дѣлались реформы, когда нѣтъ условій, необходимыхъ для того, чтобы реформы производились удовлетворительнымъ образомъ. Никакое дѣло не требуетъ, чтобы мы съ вами видѣлись. Зачѣмъ-же мы стали-бы видѣться? Чтобы спорить объ отвлеченныхъ вопросахъ, или о пустякахъ, называемыхъ нашими общественными вопросами? Не скажу, что я неохотникъ переливать изъ пустого въ порожнее, и мнѣ было бы пріятнѣе болтать съ вами, нежели съ нашими либералами,—еслибы это было также безопасно. Съ ними я пріятельствую беззаботно, потому что знаю: они всегда останутся прекрасными людьми; пріятельство съ ними никогда не можетъ компрометировать. Вы не то; вы не останетесь прекраснымъ человѣкомъ. Если-бы вы ограничились хлопотами о вашемъ проектѣ, я не боялся-бы, что вы сдѣлаетесь дурнымъ. Вопросъ спеціальный и, правду сказать, мелкій. Никто не встревожится изъ-за него. Но вы будете ввязываться во все, — и не съ такою глупостью и трусостью, какъ наши либералы. Поэтому, считаю вреднымъ для себя видѣться съ вами. Прощайте.

Онъ сильно пожалъ руку Соколовскаго и торопливо пошелъ изъ комнаты. Соколовскій оставался оглушенъ, потомъ бросился за нимъ.

— Я увѣренъ въ вашей любви ко мнѣ, и не могу обижаться вашимъ рѣшеніемъ. Но оно кажется мнѣ напраснымъ, дурнымъ, и очень печалитъ меня, очень, хоть я и не думаю, что мы разстаемся надолго. Нѣтъ, не надолго: событія идутъ быстро, и скоро сведутъ насъ, такъ или иначе, сведутъ, наперекоръ вашей волѣ. До свиданія.

— Понравился тебѣ Соколовскій? Пригласилъ ты его?—спросила Волгина мужа на другой день, поутру за чаемъ.

— Вчера, голубочка, ты не стала слушать, когда пришла напомнить мнѣ, что пора идти къ Нивельзину. А я хотѣлъ сказать тебѣ, какъ вздумалъ сдѣлать. Не знаю, хорошо ли. Видишь, онъ человѣкъ энергическій, самоотверженный; я и вздумалъ, что осторожность лучше всего; потому гораздо безопаснѣе не связываться съ нимъ. Такъ и сказалъ ему. Впрочемъ, и не жалѣю много. Потому что, хоть онъ и не похожъ на нашу дрянь, но въ такомъ же одурѣніи, какъ они. Что за радость?

— Ты самъ виноватъ, что я не стала слушать: зачѣмъ не началъ говорить прямо о дѣлѣ? Я подумала, что ты хотѣлъ, по обыкновенію, разсказывать пустяки! Мнѣ кажется, ты напрасно отказался отъ знакомства съ нимъ. Быть осторожнымъ хорошо; но ты уже слишкомъ боязливъ.

Волгинъ задумался. — Слишкомъ! я и самъ себѣ говорилъ, голубочка, слишкомъ. Ну, да все равно.—Онъ опять задумался.—Но нѣтъ, голубочка: въ сущности, я доволенъ собою. Пока онъ въ одурѣніи, онъ не опасенъ. Но оно пройдетъ; тогда чего хорошаго ждать отъ него?

— Именно то и нехорошо, мой другъ, что ты слишкомъ много думаешь о томъ, чего еще нѣтъ. Ты говоришь, онъ былъ бы опасенъ для тебя; а на самомъ дѣлѣ ты хуже его.

Мужъ опять задумался.—Это у меня очень глупая привычка говорить вздоръ, понапрасну тревожить тебя, голубочка.

— Я не очень тревожусь, мой другъ. На первый разъ твои фантазіи разстроили меня. Теперь я давно разсудила, что не стоитъ много тревожиться тѣмъ, что, быть можетъ, вовсе и не будетъ.

— Положимъ, голубочка; но, все-таки, согласись, очень глупо съ моей стороны говорить тебѣ вздоръ; тѣмъ больше глупо, что я и самъ думалъ, въ сущности, вовсе не объ этихъ пустякахъ. Скука была бы съ этимъ Соколовскимъ, вотъ главное. Хлопотунъ, не можетъ не суетиться изъ-за всякой мелочи, и сталъ бы надоѣдать: что за радость? — Онъ помолчалъ и вдругъ вскликнулъ:—Удивительно! и покачалъ головою:—Скажи ты, голубочка: какъ же можно было забыть, не попросить его, чтобъ онъ справлялся объ Илатонцевыхъ,— то-есть о Левицкомъ?—Удивительно, голубочка! Пусть бы говорилъ Нивельзину.

— Согласна, мой другъ: еслибы вздумалось тебѣ попросить его, тутъ не было ничего глупаго. Но зачѣмъ же было и просить?—Мы знаемъ все, что намъ нужно, и если бы случилось что-нибудь новое, то Левицкій напишетъ тебѣ.

— Это правда, голубочка,—разсудилъ Волгинъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дѣйствительно, Волгины знали теперь о Левицкомъ все, что имъ было нужно. Они получили отвѣтъ на свое письмо къ нему. Отвѣтъ былъ такой, какого и слѣдовало ждать.

Волгинъ писалъ къ Левицкому, что смѣется надъ вздоромъ, котораго наговорилъ ему, и ругаетъ себя за то, что выпустилъ его изъ Петербурга. Совершенно-ли хороши его отношенія къ Илатонцевымъ? — Если совершенно, то невозможно ни просить, ни даже совѣтовать, чтобъ онъ бросилъ мѣсто, которое и очень выгодно, и необременительно.—Отъ управляющаго петербургскимъ домомъ Илатонцева слышно, что они проживутъ въ деревнѣ до новаго года. Такъ-ли?—Если такъ, Волгину очень жаль, но самъ онъ виноватъ: зачѣмъ тогда, весною, не удержалъ Владиміра Алексѣича? — Волгина сдѣлала приписку, въ которой говорила, что много бранила мужа за Левицкаго и желала бы, чтобъ Левицкій поссорился съ Илатонцевыми. Тогда онъ скорѣе пріѣхалъ бы въ Петербургъ снять съ Алексѣя Иваныча часть работы. Но не надѣется, чтобы онъ могъ поссориться съ человѣкомъ, какимъ она считаетъ Илатонцева, по разсказамъ его дочери.

Левицкій отвѣчалъ, что приглашеніе Алексѣя Иваныча привело его въ восторгъ, но что, дѣйствительно, онъ не можетъ бросить Илатонцевыхъ. — Онъ написалъ бы, какъ думаетъ о Николаѣ Петровичѣ, но не можетъ, потому что Надежда Николаевна хочетъ прочесть его письмо.—Онъ въ деревнѣ лѣнится. Впрочемъ, не совсѣмъ. У него было написано кое-что.—Онъ посылаетъ. Будетъ присылать каждый мѣсяцъ,—но, вѣроятно, не по многу. Возвратившись въ Петербургъ, онъ будетъ работать усерднѣе.—Знаетъ ли Лидія Васильевна, что онъ видѣлъ ее? — Быть можетъ, Алексѣй Иванычъ забылъ сказать ей это? — Возвратившись, онъ разскажетъ ей, какое впечатлѣніе на него произвела она. Это не будетъ похоже на то, что слышитъ она ото всѣхъ.— Илатонцева сдѣлала приписку: она больше всѣхъ виновата въ томъ, что они остаются въ деревнѣ до новаго года. Еслибъ ея воля, они остались бы въ деревнѣ и цѣлый годъ, до слѣдующей осени. Она оправдываетъ себя тѣмъ, что причины, по которымъ ея отецъ расположенъ долго оставаться въ деревнѣ, и важны, и хороши.—Она очень часто говоритъ съ Владиміромъ Алексѣевичемъ о Лидіи Васильевнѣ.

Къ письму Левицкаго было приложено двѣ статьи, довольно большія. Волгинъ сказалъ женѣ, что онѣ снимаютъ съ него часть работы на двѣ слѣдующія книжки.

Это было за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ Волгина предала Нивельзина въ жертву Тенищевой и ея укротителю.—Какая же была надобность просить Соколовскаго, чтобъ онъ слѣдилъ за новостями объ Илатонцевыхъ и и Левицкомъ? — Никакой. Потому Волгинъ и согласился съ женою, что напрасно бранитъ себя, зачѣмъ забылъ попросить. Иначе, конечно, не уступилъ бы такъ легко: онъ былъ неумолимъ въ порицаніи своихъ ошибокъ и глупостей. Правда, это не мѣшало ему ежеминутно дѣлать ихъ; и вся его строгость къ самому себѣ оставалась совершенно безполезна. Но онъ не былъ снисходителенъ и къ этому своему недостатку, и съ негодованіемъ удивлялся тому, что какъ ни бранитъ себя, нисколько не исправляется.

Волгиной было бы пріятно, если бы Левицкій возвратился въ Петербургъ поскорѣе. Но она была уже приготовлена къ тому, какъ онъ отвѣчалъ. Когда Нивельзинъ, ѣздивши къ Тенищевой, узналъ отъ швейцара Илатонцевыхъ, что Николай Петровичъ останется въ деревнѣ до новаго года, Волгина уви-

дѣла, что нечего ждать и Левицкаго раньше. По разсказамъ мужа о дружбѣ, которая была у Левицкаго съ Илатонцевымъ еще до отъѣзда въ деревню, и по впечатлѣнію, которое вынесла сама изъ разговора съ дочерью Илатонцева, Волгина не могла не видѣть, что положеніе Левицкаго въ домѣ Илатонцева не только выгодно въ денежномъ отношеніи, но и, вообще, очень хорошо, совершенно свободно и по всей вѣроятности пріятно.

Въ отвѣтѣ Левицкаго, неожиданномъ для нея, было только то очень пріятное прибавленіе, что онъ прислалъ двѣ статьи, и будетъ присылать каждый мѣсяцъ. Работа Волгина облегчилась черезъ это, и Лидія Васильевна отчасти примирилась съ отсрочкою времени, когда Левицкій пріѣдетъ. Она считала очень возможнымъ, что Илатонцевы,—стало быть, и Левицкій—не пріѣдутъ и къ новому году: Илатонцева писала, что „еслибъ ея воля", они прожили бы въ деревнѣ всю зиму и лѣто, до слѣдующей осени. Отсрочивши, по ея желанію, отъѣздъ изъ деревни на нѣсколько мѣсяцевъ, отецъ будетъ дѣлать уступку за уступкою. — Пусть; лишь бы Левицкій и изъ деревни помогалъ мужу. А мужъ говорилъ, что онъ будетъ сильно помогать и оттуда: ты не смотри, голубочка, что онъ говоритъ: лѣнюсь, и буду писать мало;—лѣнится онъ такъ же какъ я, и пишетъ тоже съ плеча, какъ я, — даже быстрѣе. Разница только та, что у меня отъ этого выходитъ вяло и плохо, а у него все-таки такъ хорошо, какъ ни у кого изъ нашихъ самыхъ заботливыхъ писателей.—Будетъ присылать много".

При всей хитрости Волгина,—такой же замѣчательной какъ его сообразительность, ловкость и многія другія достоинства,—для короткихъ знакомыхъ его было не трудно различить, когда онъ отдѣлывается отъ правды своими необыкновенно замысловатыми выдумками, когда говоритъ правду. Тѣмъ легче различала это жена. Если онъ успѣлъ долго обманывать ее, скрывая, что самъ лишилъ себя помощи Левицкаго, это лишь потому, что невозможно было предполагать такой продѣлки. И это былъ едва ли не единственный случай, когда Волгина не замѣтила, правду ли говоритъ мужъ, или выдумываетъ.—Теперь она видѣла, что мужъ не выдумываетъ: Левицкій и въ деревнѣ будетъ писать много, будетъ сильно облегчать его работу. Волгина могла довольно терпѣливо ждать возвращенія Левицкаго въ Петербургъ.

Но все-таки она была очень обрадована, когда,—недѣли черезъ полторы или двѣ послѣ перваго письма—Левицкій прислалъ второе, въ которомъ говорилъ, что Илатонцевъ отказался отъ намѣренія оставаться въ деревнѣ до-новаго года: черезъ нѣсколько дней они ѣдутъ въ Петербургъ.—Илатонцева опять сдѣлала приписку. Она говорила, что сама не знаетъ, радуется ли она или груститъ, что они покидаютъ деревню: въ деревнѣ она была такъ счастлива.—Ея приписка была длинна, гораздо длиннѣе самого письма.—Впрочемъ, и мудрено было бы сдѣлать приписку, которая не была бы длиннѣе этого письма: оно состояло изъ двухъ съ половиною строкъ. А первое письмо Левицкаго заняло бы, на опытный глазомѣръ Волгина, болѣе четырехъ страницъ журнальнаго формата. Для глубокомысленнаго Волгина очевидно было: Левицкій написалъ теперь такъ коротко потому, что опасался проговориться.—При помощи своей сообразительности, отъ которой не могло ускользнуть ничто, Волгинъ сдѣлалъ множество открытій на основаніи двухъ писемъ Левицкаго и

двухъ приписокъ Илатонцевой.—По прекрасному своему правилу онъ не утаилъ этихъ открытій, а сталъ излагать ихъ женѣ, со всею необходимою для основательности подробностью.—Очень логично начиналъ свои соображенія съ несомнѣннаго существованія дружбы между Левицкимъ и Илатонцевою; присоединялъ къ этому замѣчаніе, что изъ дружбы между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкою обыкновенно развивается любовь; послѣ того принялъ во вниманіе, что у Илатонцевой ангельскій характеръ, а ея отецъ—превосходный человѣкъ, очень любитъ дочь и чрезвычайно уважаетъ Левицкаго,—на этомъ жена остановила его тѣмъ, что зѣвнула и сказала, „пойти посмотрѣть, что-то подѣлываетъ Володя,—ѣстъ, или нѣтъ“,—если-бъ не это, Волгинъ, конечно, не затруднился бы предсказать, что когда у приготовляемыхъ имъ къ вѣнчанію родится со временемъ дочь или сынъ, то Лидія Васильевна будетъ приглашена быть крестною матерью малютки.

Это было передъ обѣдомъ. Вечеромъ пришолъ Нивельзинъ и сказалъ, что сейчасъ заѣзжалъ къ нему Соколовскій съ извѣстіемъ: надняхъ Илатонцевы будутъ въ Петербургѣ. Самъ онъ не хотѣлъ быть у Волгина, потому что долженъ уважать чужое желаніе, хоть и не согласенъ съ нимъ; и проситъ Нивельзина сообщить Волгину новость, интересную для него.

Нивельзинъ разсудилъ также, какъ Лидія Васильевна и въ слѣдъ за нею мужъ: не было никакой надобности поручать Соколовскому слѣдить за новостями объ Илатонцевыхъ и Левицкомъ, когда самъ Левицкій сталъ писать Волгину. Но Соколовскій не дожидался порученій, чтобы помнить о дѣлахъ своихъ друзей,—все равно, хорошо или дурно поступаютъ съ нимъ люди, которыхъ онъ считалъ достойными своей дружбы. Онъ услышалъ отъ Нивельзина, что Волгинъ заинтересованъ пріѣздомъ Левицкаго. Этого было довольно ему. Онъ попросилъ управляющаго домомъ Илатонцева присылать ему всякое новое извѣстіе изъ деревни.

— Совѣстно передъ такимъ человѣкомъ,—справедливо замѣтилъ Нивельзину Волгинъ:—Я держалъ себя съ нимъ очень пошло и глупо. А онъ вотъ какъ поступаетъ со мной. Нехорошо съ моей стороны, увѣряю васъ, Павелъ Михайлычъ.

— Я думаю тоже,—сказалъ Нивельзинъ засмѣявшись:—онъ еще непривыкъ спокойно выдерживать увѣренія Волгина.—И если вы раскаиваетесь, это дѣлаетъ вамъ честь. — Кромѣ шутокъ, заѣзжайте къ Соколовскому, — или, пожалуй, это и не нужно: когда вы соберетесь?—Я позову его къ вамъ.

— Натурально, это не такой человѣкъ, чтобы сталъ считаться визитами,—замѣтилъ Волгинъ:—Но только вы не такъ поняли меня, Павелъ Михайлычъ. Положимъ, я поступилъ относительно его очень дурно. Согласенъ. Но такъ слѣдовало. И пусть останется такъ. И если сказать правду, то даже нисколько не дурно. Напротивъ: очень хорошо.

— И если правду сказать, то вамъ нисколько не совѣстно?—спросилъ Нивельзинъ, смѣясь оригинальному способу разсуждать: „Согласенъ, что такъ, но если правду сказать, не такъ“.

Недѣли черезъ полторы, или меньше, поутру, въ половинѣ перваго, Волгинъ услышалъ звонокъ и пошелъ отворить дверь: Лидія Васильевна, уходя, сказала ему, что онъ остается дома одинъ: она взяла коляску и ѣдетъ кататься съ Володею; беретъ для Володи и Наташу, а Авдотья будетъ, по обыкновенію, уходить между дѣла къ служанкамъ, въ сосѣднія квартиры. — Волгинъ вспомнилъ, что кухарка, точно, имѣетъ эту привычку. То, что кухарку зовутъ Авдотьею, онъ помнилъ.

Вошелъ пожилой мужчина, хорошо одѣтый. Волгинъ попросилъ его въ залъ и пригласилъ сѣсть. Пожилой мужчина пошелъ въ залъ, но не сѣлъ, а сказалъ, что онъ каммердинеръ Николая Петровича Илатонцева; Николай Петровичъ сейчасъ пріѣхалъ, приказалъ кланяться и спросить: не у господина-ли Волгина остановился Владиміръ Алексѣевичъ Левицкій.

— Что такое? Да развѣ онъ уже въ Петербургѣ? Развѣ онъ ѣхалъ не вмѣстѣ съ Николаемъ Петровичемъ.

— Точно такъ, не вмѣстѣ. Владиміръ Алексѣичъ выѣхалъ изъ деревни двумя днями раньше Николая Петровича. Николай Петровичъ полагалъ найти его у себя. Но его нѣтъ у нихъ въ домѣ. Николай Петровичъ подумалъ, можетъ быть, онъ не захотѣлъ поселиться тамъ до ихъ пріѣзда и можетъ быть остановился у г. Волгина.—Но какъ Владиміра Алексѣича нѣтъ здѣсь, то, должно быть, онъ еще не пріѣхалъ въ Петербургъ,—прибавилъ свою догадку каммердинеръ: — Можетъ быть, не остановился-ли погостить въ Москвѣ, или гдѣ на дорогѣ, у какихъ-нибудь знакомыхъ. — Каммердинеръ поклонился и ушелъ.

Его догадка показалась очень правдоподобна Волгину, знавшему, что одинъ изъ двухъ товарищей, съ которыми остался хорошъ Левицкій, занялъ мѣсто учителя гимназіи въ Новгородѣ. Вѣроятно, именно съ тою цѣлью, чтобы погостить у него, Левицкій и уѣхалъ изъ деревни раньше Илатонцевыхъ.

По всей вѣроятности, такъ. Но такъ-ли?—Илатонцевъ думалъ, что онъ уже въ Петербургѣ. Или онъ говорилъ, что прогоститъ лишь одинъ день и зажился у товарища дольше уговора?—или догадка каммердинера объ остановкѣ на дорогѣ неудачна?—Волгину пришло въ умъ нѣсколько другихъ догадокъ: но и тѣ не клеились съ фактами. Волгинъ разсудилъ, что безполезно упражняться въ пустыхъ предположеніяхъ; надобно будетъ пойти къ Нивельзину,—и попросить съѣздить къ Илатонцеву,—Или пусть онъ попроситъ Соколовскаго съѣздить къ Илатонцеву, и спросить въ чемъ дѣло. Илатонцевъ долженъ знать, или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ больше данныхъ, чтобы разгадать. — Когда Волгинъ былъ въ своемъ кабинетѣ и одинъ, онъ вообще не былъ лишенъ здраваго смысла.

Дождавшись, когда кухарка пришла взглянуть, что дѣлается съ кушаньемъ на плитѣ, Волгинъ сказалъ, чтобы она не уходила, потому что онъ уходитъ, и пошелъ къ Нивельзину. Нивельзинъ жилъ на прежней своей квартирѣ очень близко. Его не было дома. Волгинъ оставилъ записку, что зайдетъ къ нему часовъ въ восемь.

Но раньше того самъ получилъ записку отъ него: „Соколовскій у меня; пріѣхалъ разсказать о Левицкомъ. Ждемъ васъ“.

Тотъ самый каммердинеръ, который въ первомъ часу былъ у Волгина, въ четвертомъ пріѣхалъ въ каретѣ къ Соколовскому и привезъ приглашеніе отъ Николая Петровича кушать. Илатонцевъ писалъ, что слышалъ отъ управляющаго домомъ, что Соколовскій очень интересуется Левицкимъ, также какъ Нивельзинъ и Волгинъ.—Съ ними Илатонцевъ еще не знакомъ; но Соколовскому его домъ уже не чужой, и Соколовскій извинитъ его безцеремонность. Онъ усталъ послѣ дороги, не хочетъ нынѣ выѣзжать изъ дому. Онъ сообщитъ Соколовскому то, что узналъ о Левицкомъ, поѣхавшемъ въ Петербургъ раньше его,—и скрывшемся изъ виду, по пріѣздѣ.

Соколовскій не былъ такъ непрактиченъ какъ Волгинъ. Онъ усадилъ каммердинера, сталъ говорить съ нимъ. Одѣвшись ѣхать, посадилъ его съ собою въ карету, и опять говорилъ всю дорогу. Всѣ догадки, приходившія на мысль Волгину, поочередно представлялись и Соколовскому. На всѣ онъ нашелъ отвѣты въ разсказахъ каммердинера. Первое, что вздумалось Соколовскому, было: почему Левицкій уѣхалъ изъ деревни одинъ, и не дождавшись Илатонцевыхъ только два дня?—Не были-ли ссоры?—Соколовскій сталъ дѣлать вопросы издалека и очень осторожно. Но каммердинеръ былъ человѣкъ неглупый, скоро замѣтилъ, къ чему ведется разговоръ. Не сдѣлалъ намека, что понялъ, но прямо сталъ самъ заговаривать о томъ, до чего еще и не касался Соколовскій,—объ отношеніяхъ между Илатонцевыми и Левицкимъ, объ отъѣздѣ Левицкаго раньше ихъ.—Соколовскому оставалось только направлять его словоохотливость по ходу своихъ предположеній: каммердинеръ не боялся говорить ни о чемъ, что любопытно было Соколовскому.

Отношенія между Илатонцевыми и Левицкимъ были дружескія. За нѣсколько часовъ до отъѣзда Левицкаго они говорили о томъ, какъ они размѣстятся въ экипажахъ. Пятерымъ сидѣть въ одной каретѣ нельзя: они считали пятерыхъ, потому что Надежда Николаевна никакъ не соглашалась, чтобы ея горничная, — она зоветъ ее Мери, — „эта горничная племянница моя“,—замѣтилъ каммердинеръ,—чтобы Мери ѣхала въ тарантасѣ съ дядею: въ тарантасѣ будетъ навалено столько вещей, что и одному Ивану Антонычу будетъ неловко. Мери измучилась-бы. Надежда Николаевна очень любитъ Мери. — Было рѣшено: въ одной каретѣ, поѣдутъ она, отецъ, Владиміръ Алексѣичъ; въ другой Мери съ Юринькою,—и пусть Иванъ Антонычъ сядетъ съ ними. Это говорилось во время завтрака. Послѣ Владиміръ Алексѣичъ ушелъ въ свою комнату, и былъ тамъ одинъ, лежалъ и читалъ,—можетъ быть и писалъ: этого Иванъ Антонычъ не знаетъ, писалъ-ли онъ, но что онъ лежалъ и читалъ, это Иванъ Антонычъ видѣлъ,—и совершенно знаетъ, что Владиміръ Алексѣичъ все время отъ завтрака до обѣда былъ одинъ, въ своей комнатѣ, и никто не входилъ къ нему: мимо Ивана Антоныча нельзя было пройти къ нему въ комнату. А Иванъ Антонычъ заглядывалъ въ нее, потому что топилась печь,—въ деревнѣ они жили просто, Иванъ Антонычъ самъ дѣлалъ всѣ прислуги и Николаю Петровичу, и Владиміру Алексѣичу. Оба люди безъ капризовъ, можно было успѣть, и не трудно.—Входя въ комнату Владиміра Алексѣича присмотрѣть за печью, Иванъ Антонычъ видѣлъ, что онъ лежитъ и читаетъ.—Иванъ Антонычъ позвалъ его къ обѣду. За обѣдомъ всѣ говорили какъ обыкновенно,—и Николай Петровичъ, и Надежда Николаевна, и

Владиміръ Алексѣичъ,—всѣ были веселы, въ особенности Надежда Николаевна; и Владиміръ Алексѣичъ тоже. Но вотъ, во время обѣда, пріѣхалъ мужикъ, который ѣздилъ въ городъ за почтою,—привезъ газеты, письма. Одно было къ Владиміру Алексѣичу. Онъ тутъ-же распечаталъ, прочелъ, сдѣлался какъ будто и недоволенъ, и доволенъ; все вмѣстѣ, и сказалъ: „Николай Петровичъ, я не буду ждать васъ; уѣду нынѣ-же,—я попрошу васъ приказать приготовить лошадей".—Какъ? что?—Онъ говоритъ: „по этому письму; нельзя".—Что въ письмѣ?—Стали говорить о письмѣ. Сколько могъ понять Иванъ Антонычъ, письмо было отъ какого-то ученаго,—тогда онъ не разслушалъ хорошенько фамилію, но теперь, когда его посылали къ Волгину, думаетъ: тогда говорили эту самую фамилію. Да вотъ, не знаетъ-ли г. Соколовскій: женатъ онъ? знакома его жена съ Надеждою Николаевною?—Надежда Николаевна, провожая Владиміра Алексѣича, говорила ему кланяться отъ нея его женѣ...

— Такъ,—предупредилъ Волгинъ вопросъ Соколовскаго,—отъ него-ли было это письмо:—Такъ; я имѣлъ неосторожность выразиться, что измученъ работою какъ собака, ну и многое въ этомъ стилѣ. Я краснорѣчивъ.—Такъ вотъ что!—Это письмо и взбаломутило его!—Эхъ, дуракъ я, дуракъ!—Волгинъ покачалъ головою въ порицаніе своему неумѣстному краснорѣчію.

Никакого письма, кромѣ одного, Волгинъ не отправлялъ къ Левицкому. А то было получено Левицкимъ гораздо раньше, и даже отвѣтъ Левицкаго былъ полученъ Волгинымъ раньше того времени, когда могъ быть отъѣздъ Левицкаго изъ деревни.—Для Волгина было слишкомъ ясно, что Левицкій воспользовался своими отношеніями къ нему для замаскированія истинной причины своего отъѣзда. Но онъ видѣлъ, что Соколовскій расположенъ вѣрить, будто его письмо произвело отъѣздъ;—Соколовскій уже видѣлся съ Илатонцевыми, и если вѣрить, то вѣроятно, и они говорили ему тоже, что камердинеръ. Положеніе, въ которое ставился этимъ Волгинъ, обрисовывалось такъ ясно, что при всей своей несообразительности и ненаходчивости, онъ понялъ, какую роль долженъ играть, въ поддержку Левицкаго.—Вотъ дуракъ-то я!—повторилъ онъ:—Эко, надѣлалъ тревоги Левицкому!—И чортъ меня дернулъ пускаться въ краснорѣчіе!—Ну, продолжайте, Болеславъ Иванычъ...

— Николай Петровичъ очень жалѣлъ, что Владиміръ Алексѣичъ не можетъ подождать, чтобы ѣхать вмѣстѣ,—возобновилъ Соколовскій свое пересказываніе разсказа камердинера Илатонцева:—Надежда Николаевна жалѣла еще больше. Не могла не жалѣть: она была очень, очень дружна съ нимъ. Рѣдко даже и можно видѣть такое расположеніе, какое было у нея къ нему. Когда прощалась, то даже заплакала: „Только на нѣсколько дней разстаемся съ Вами, Владиміръ Алексѣичъ,—а такъ жаль мнѣ!"—Отецъ посмѣивался надъ нею,—да и сама она смѣялась надъ своими слезами,—а все-же, не могла удержать ихъ.—И правда, замѣчалъ объ этомъ камердинеръ:—Кто не видѣлъ-бы ихъ дружбы, тотъ могъ-бы осудить эту жалость. Но онъ не можетъ осудить, потому что дѣвушка рѣдко можетъ найти себѣ такого друга.

Письмо отъ ученаго изъ Петербурга достаточно объясняло торопливый отъѣздъ Левицкаго теперь, когда Соколовскій услышалъ отъ самого этого ученаго, какъ сильны были выраженія, которыми петербургскій другъ убѣждалъ Левицкаго спѣшить. Но тогда, при разговорѣ съ Иваномъ Антоны-

чемъ, Соколовскій полагалъ, что два дня не составляли такой разницы, чтобы Левицкій не захотѣлъ подождать. Не было-ли письмо только предлогомъ, чтобы уѣхать?—думалось ему.

— Едва-ли, замѣтилъ Волгинъ,—сдѣлалъ видъ, что раздумываетъ, и рѣшительно сказалъ:—Нѣтъ.

Теперь Соколовскій былъ согласенъ, что оно не было только предлогомъ,—разговоръ съ самими Илатанцевыми убѣдилъ его. Рѣшимость не дожидаться ихъ была гораздо естественнѣе, нежели показалось по словамъ камердинера, изъ которыхъ выходило только два дня разницы. Илатонцевъ сказалъ, что хотѣлъ довольно на долго остановиться въ Москвѣ. Натурально, что Левицкій почелъ нужнымъ избѣжать такой неопредѣленной проволочки.

— Натурально,—подтвердилъ Волгинъ.

Такъ; но тогда, разговаривая съ Иваномъ Антонычемъ, Соколовскій еще не думалъ такъ. Ему представлялось: не было-ли письмо только предлогомъ, чтобы удалиться отъ какихъ-нибудь непріятныхъ отношеній. Эта мысль очень сходилась съ тѣмъ, что Левицкій теперь пропалъ изъ виду у Илатонцевыхъ...

— Ну, а съ какой-же стати не показался-бы онъ ко мнѣ?—вставилъ Волгинъ:—Если хотѣлъ скрыться отъ нихъ, то что-же скрываться отъ меня-то?—Дѣло ясное: просто, задержало что-нибудь на дорогѣ.

Такъ думаютъ Илатонцевы; такъ думаетъ теперь и самъ Соколовскій. Но пусть-же Волгинъ не мѣшаетъ ему разсказывать.—Тогда, при разговорѣ съ Иваномъ Антонычемъ, онъ еще держался другаго предположенія: быть можетъ, Левицкій хотѣлъ разорвать свои связи съ домомъ Илатонцевыхъ.—Онъ сталъ подробнѣе разспрашивать, какъ шла жизнь Левицкаго въ деревнѣ, и убѣдился, что Левицкій не могъ ни тяготиться обязанностями гувернерства,—они были очень легки,—ни обременяться своими отношеніями къ самому Илатонцеву,—они были пріятны и свободны;—не могло быть и того, что онъ влюбился въ дочь Илатонцева и хотѣлъ удалиться отъ нея, считая свою любовь безразсудною...

— Само собою, ничего такого не было,—вставилъ Волгинъ:—Во первыхъ, вообще, что за поэтическій взглядъ на жизнь, предполагать такой мотивъ?—А во вторыхъ, будь у него къ ней какія-нибудь не совершенно хладнокровныя чувства, развѣ сталъ-бы каммердинеръ такъ расписывать ихъ дружбу?—Человѣкъ неглупый, самъ вы говорите. Если сплетникъ, то сдѣлалъ бы намеки. А онъ не дѣлалъ. Значитъ, если не боялся говорить о ихъ дружбѣ, то слишкомъ былъ убѣжденъ, не было никакихъ щекотливыхъ отношеній, и надѣялся, вы самъ убѣдитесь въ этомъ, когда посмотрите на Илатонцеву и поговорите съ нею.—Волгинъ не всегда умѣлъ найтись, въ какомъ вкусѣ ему надобно говорить, но попавши въ роль, онъ не затруднялся пріискивать аргументы, какіе нужны для нея.

— Совершенная правда,—согласился Соколовскій:—но тогда это очень тонкое и вѣрное соображеніе не пришло въ голову ему. Его догадка была разрушена фактомъ менѣе идеальнымъ, нежели вѣра въ тактъ и въ скромность каммердинера. Разсказывая о жизни Левицкаго въ деревнѣ, Иванъ Антонычъ сталъ распространяться о томъ, какъ Левицкій любилъ его, и онъ любилъ Левицкаго, и дошелъ до того, что привелъ въ доказательство своей

привязанности къ Левицкому дѣло, въ которомъ изъ расположенія къ Левицкому принималъ грѣхъ на душу, дѣлался виноватъ передъ самимъ бариномъ, рисковалъ со стыдомъ потерять мѣсто. Иванъ Антонычъ разсказывалъ это такимъ образомъ, непритворно совѣстясь за себя: „Ну, извѣстно, молодой человѣкъ, не праведникъ: не по моимъ-бы лѣтамъ и слушать это, и въ особенности отъ такой, можно сказать, дѣвушки, съ которою и говорить-то мнѣ было-бы не хорошо. Но какъ быть?—Онъ къ ней привязался; съ ея стороны, вижу, такая любовь къ нему, какой отъ нея и ждать нельзя-бы, кажется. Ну, и потворствовалъ ей: въ домъ пускалъ ее. Прошу вашего извиненія, что говорилъ объ этомъ; да и мнѣ самому, въ мои лѣта, неприличенъ такой разговоръ. Но, говорю, значитъ умѣлъ-же привязать меня къ себѣ Владиміръ Алексѣичъ, *когда я бралъ такой стыдъ себѣ на душу и вводилъ себя въ опасность“.—И такъ, Левицкій имѣлъ любовницу,—дружба съ Илатонцевою была просто дружбою.

Волгинъ согласился, что этотъ фактъ еще лучше его соображеній доказываетъ совершенную ничтожность Илатонцевой для Левицкаго.

Такимъ образомъ, еще раньше, нежели пріѣхалъ къ Илатонцевымъ, Соколовскій былъ уже почти убѣжденъ, что у Левицкаго не было никакихъ причинъ расходиться съ ними; что если поспѣшность его отъѣзда и кажется странною, то все-таки не слѣдуетъ искать для нея другихъ мотивовъ, кромѣ слишкомъ горячаго желанія поскорѣе снять съ Волгина часть обременительной работы; что если и остается загадочнымъ, почему Илатонцевы не нашли его въ своемъ домѣ, то нечего много думать объ этомъ: вѣроятнѣе всего, что-нибудь задержало его на дорогѣ.—Пріѣхавши къ Илатонцевымъ, всмотрѣвшись въ Николая Петровича и Надежду Николаевну, поговоривши съ ними, онъ совершенно убѣдился, что не о чемъ думать. Волгинъ знаетъ, какое благородное, кроткое, искреннее существо Надежда Николаевна. Невозможно, чтобы сорока-пяти-лѣтній мужчина имѣлъ простодушіе и чистоту молоденькой дѣвушки. Но, сколько допускается разницею лѣтъ, Илатонцевъ походитъ характеромъ на дочь. Это человѣкъ честный, добрый, деликатный.—Невозможно сомнѣваться въ искренности его разговора о Левицкомъ. А кто сталъ бы сомнѣваться въ искренности его дочери, заслуживалъ-бы презрѣнія. Оба они говорятъ о Левицкомъ съ самымъ теплымъ расположеніемъ. Оба не видятъ ничего особенно тревожнаго въ томъ, что Левицкаго до сихъ поръ нѣтъ; оба увѣрены, что скоро онъ явится къ нимъ, или напишетъ, гдѣ онъ и что его задержало.—Илатонцевъ просилъ передать это Волгину и успокоить его.

— Вы можете сказать имъ, какъ покорно приводилъ я себя въ спокойствіе,—отвѣчалъ Волгинъ, зѣвнувъ:—Слушалъ всѣ ваши безчисленныя подробности, хоть мнѣ и не было надобности въ нихъ, чтобы считать Илатонцевыхъ неспособными сдѣлать и малѣйшую непріятность порядочному человѣку. Я и безъ васъ зналъ ихъ обоихъ за людей очень благородныхъ, деликатныхъ, симпатичныхъ.—Понимаю ихъ желаніе уничтожить во мнѣ всякое предположеніе, что Левицкій могъ быть недоволенъ ими. Учтивость обязывала меня выслушать все, что вы хотите сказать въ удовлетвореніе вашему естественному желанію разрушить во мнѣ всякія невыгодныя для нихъ мысли. Но повѣрьте, что это было напраснымъ опасеніемъ со стороны Илатонцева, напраснымъ трудомъ съ вашей, напрасною терпѣливостью съ моей.

— Я надѣялся, что вы не будете подозрѣвать никакой непріятности между ними и Левицкимъ,—сказалъ Соколовскій.—Но успѣлъ-ли я успокоить и ваши опасенія за Левицкаго?

— Помилуйте, чего-же мнѣ было тревожиться?—И не думалъ, могу васъ увѣрить.—Говоря серьезно, могла-бы быть одна тревога: не арестованъ-ли онъ?—Но теперь времена тихія, не слышно ни о чемъ подобномъ. А главное, Илатонцевъ занимаетъ такое положеніе въ обществѣ, что не могли-бы не увѣдомить его, еслибы арестовали гувернера его сына. Съ Илатонцевымъ никто не можетъ быть забывчивъ.—Надобно признаться, это опасеніе мелькнуло у меня въ головѣ,—но въ ту-же секунду и вылетѣло. Слишкомъ нелѣпо.

Дѣйствительно, тогда были такія времена, что подобныя мысли могли представиться только чрезвычайно трусливому человѣку, каковъ былъ Волгинъ, да и тотъ не могъ ни на минуту продержать въ головѣ такой вздоръ.

— Вы совершенно спокоенъ?—сказалъ Соколовскій.

Волгинъ флегматически повторилъ, что и не думалъ безпокоиться; нѣсколько живѣе прибавилъ, что ему, впрочемъ, очень понравилась заботливость Илатонцева разсѣять всѣ недоумѣнія; потомъ совершенно одушевился, начавши благодарить Соколовскаго и бранить себя. Онъ говорилъ, что совѣстится, что проситъ Соколовскаго забыть его глупый отказъ и быть знакому съ нимъ.—Но Соколовскій понималъ его боязнь очень серьезно, и отвѣчалъ, что не находитъ ее не трусостью, ни капризомъ, какъ увѣряетъ теперь Волгинъ. Когда потребуетъ общая польза, нечего думать о себѣ; но пока обязанность гражданина не велитъ пренебрегать рискомъ, надобно избѣгать всякаго риска, и самаго ничтожнаго. Волгинъ полагалъ, что можетъ быть компрометированъ дружбою съ нимъ; не его дѣло судить, почему такъ полагалъ Волгинъ; полагалъ,—этого довольно. Безъ надобности онъ не будетъ видѣться съ Волгинымъ.

— Вотъ это я называю: человѣкъ, — сказалъ Волгинъ, обращаясь къ Нивельзину, и не продолжалъ настаивать.

— Вы любите смѣяться надо всѣми; я немножко заражаюсь отъ васъ дурными привычками. Оба вы съ Соколовскимъ нѣсколько забавны,—сказалъ Нивельзинъ.

— Противъ этого я не спорю,—отвѣчалъ Волгинъ, погрузился въ размышленіе, и при своей способности къ быстрымъ соображеніямъ, обдумавши вопросъ со всѣхъ сторонъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, повторилъ рѣшительно:—Не спорю, мы съ Болеславомъ Иванычемъ забавны; почему?—потому что оба ждемъ бури въ болотѣ; болото всегда спокойно; буря можетъ быть повсюду кругомъ, оно всегда спокойно.—Онъ опять погрузился въ размышленіе, всталъ, взялъ фуражку, вяло поблагодарилъ Соколовскаго еще разъ и ушелъ, извинившись тѣмъ, что не имѣетъ времени посидѣть и поболтать, хотя бы это было очень пріятно ему.

— Полноте, бойтесь компрометировать себя политическими разговорами съ такимъ опаснымъ человѣкомъ, какъ Соколовскій; — сказалъ, смѣясь, Нивельзинъ.

Но, лгавши во всемъ, что говорилъ на этомъ свиданіи, Волгинъ не солгалъ, объясняя, почему не остается дольше. Дѣйствительно, онъ спѣшилъ — послать депешу въ Новгородъ.

Онъ могъ успокоиться предположеніемъ о поѣздкѣ Левицкаго въ Новгородъ, когда не зналъ, какъ уѣхалъ онъ отъ Илатонцевыхъ. Но теперь было ясно, что Левицкій просто хотѣлъ вырваться отъ Илатонцевыхъ. Волгинъ не сомнѣвался и въ томъ, что Левицкій поѣхалъ прямо въ Петербургъ, безо всякихъ остановокъ. Предлогъ отъѣзда налагалъ на него эту необходимость.

Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ,—былъ убѣжденъ Волгинъ: — Почему-же онъ до сихъ поръ не былъ у меня?—Онъ долженъ былъ, какъ пріѣхалъ, спѣшить ко мнѣ.—Волгинъ былъ теперь сильно встревоженъ.

Какъ услышалъ онъ отъ Соколовскаго о своемъ небываломъ второмъ письмѣ съ настоятельнымъ вызовомъ, онъ хотѣлъ уйти, не слушая ничего дальше. Но онъ успѣлъ разсудить, что это значило-бы только обнаружить свое безпокойство и возбудить въ Соколовскомъ подозрѣнія, безо всякой пользы: вечеръ неудобное время для справокъ.—Одно, что возможно до утра: послать депешу въ Новгородъ,—и то, почти только для того, чтобы отнять у себя послѣднюю возможность сомнѣваться, въ Петербургѣ-ли Левицкій.

Возвратившись домой, онъ услышалъ, что жена уѣхала съ Мироновымъ на вечеръ. Онъ сѣлъ работать, но не могъ. Легъ читать. Это помогло. Онъ скоро уснулъ.

— Будешь помнить, и съумѣешь приготовить хорошо?—говорила Волгина слѣдующимъ утромъ кухаркѣ; выходя въ ея сопровожденіи изъ кухни въ столовую, гдѣ кипѣлъ самоваръ:—Наташа, позови Алексѣя Иваныча; развѣ не видишь, я еще не договорила съ Авдотьею, не пойду звать сама?—Наташа, съ ребяческимъ усердіемъ занимавшаяся осуществленіемъ фантазіи разставить чайныя принадлежности вокругъ самовара правильною звѣздою съ пятью лучами, неохотно оторвалась отъ своей полезной заботы, и пошла самымъ тихимъ шагомъ: такъ велико было ее неудовольствіе.—Волгина продолжала говорить съ кухаркою объ обѣдѣ.

Наташа, вышедшая изъ столовой съ достоинствомъ, какого требовала досада, вбѣжала назадъ, разинувъ ротъ, хлопая глазами и размахивая руками отъ изумленія:—Алексѣя Иваныча нѣтъ, Лидія Васильевна. И сюртука нѣтъ, и въ передней теплаго пальто нѣтъ, и галошъ Алексѣй-Иванычевыхъ нѣтъ!

— Неужто еще не пріѣхалъ?—начала вторить ей кухарка, по первому же ея слову:—Съ восьми то часовъ уже часа полтора будетъ: а сказалъ „скоро вернусь!“—А ты не умѣла сказать какъ слѣдуетъ: „видно, ушли куда-нибудь, потому что пальто и галошъ ихъ нѣтъ“,—обратилась она съ назиданіемъ къ Наташѣ:—Такъ надо сказать; а ты: „Алексѣя Иваныча нѣтъ, и сюртука нѣтъ“,—точно, кто укралъ Алексѣя Иваныча вмѣстѣ съ сюртукомъ! Можно-ли такъ говорить? Ты должна слушать и понимать, какъ говорятъ и сама стараться.

— Гдѣ-же Алексѣй Иванычъ? Послѣ доучишь ее, какъ надобно умѣть говорить.

— Ушли, и чаю ждать не захотѣли; я говорила: въ пять минутъ по-

ставлю самоваръ,—не стали ждать.—„Я“, говоритъ, „скоро пріѣду“,—да вотъ тебѣ и скоро!—А я думала, они ужъ дома, Наташа впустила.

— Ты тоже умѣешь говорить. Куда онъ уѣхалъ?—Зачѣмъ?—Вѣрно, онъ говорилъ, чтобы ты сказала мнѣ.

— Какъ-же, сказали.—„Справляться“, говоритъ.—А я думала, они уже давно дома.

— Справляться,—только сказалъ онъ? Не сказалъ, о чемъ, о комъ.

— Искать кого-то, сказывали они, да я не умѣю выговорить фамилію-то: не русская какая-то, должно быть. Ну, они говорили того, о которомъ вчера разговаривали съ вами;—лакей-то приходилъ, они сказывали.

— Левицкаго?—Это не русская фамилія.

— Такъ, такъ, Левицкаго!—повторила кухарка въ восхищеніи отъ своей памятливости.

— Что-жъ, онъ узналъ о Левицкомъ что-нибудь новое?—Гдѣ искать, почему искать.

— Не знаю, Лидія Васильевна.

— Да какъ-же онъ проснулся такъ рано?—Приходилъ кто нибудь разбудилъ его?

— Приходилъ почтальонъ, только не настоящій почтальонъ, а совсѣмъ особый, и принесъ письмо, только тоже не настоящее, а особое, и велѣлъ разбудить. Я не хотѣла. А онъ: буди. А я: въ первой-ли намъ получать письмо? Никогда не будила; проснется; прочитаетъ.—А онъ: наши письма не такія, по нашимъ письмамъ всѣ велятъ будить себя. Буди.—Да еще что, Лидія Васильевна?—Ругать меня сталъ, дурою назвалъ, ей Богу!—А я ему...

— Алексѣй Иванычъ не говорилъ, съ собою взялъ эту депешу или оставляетъ мнѣ?

— На столѣ на своемъ оставилъ,—скажи, говоритъ, Лидіи Васильевнѣ, что оставляю на столѣ.

— Эхъ, ты!—А еще меня учила говорить!—съ торжествомъ замѣтила Наташа.

Волгина нашла на столѣ мужа телеграмму: „Левицкій не былъ въ Новгородѣ. Уѣзжая изъ деревни, писалъ мнѣ: спѣшитъ къ Вамъ“.

Волгинъ возвратился домой уже въ третьемъ часу, и еще изъ передней началъ:—Голубочка, гдѣ ты? Будешь бранить меня, голубочка, за то, что я уѣхалъ не напившись чаю: но я увѣряю...

— У Лидіи Васильевны кто-то есть, Алексѣй Иванычъ,—прервала Наташа:—Дама какая-то, бѣлая, молодая,—та самая, можетъ быть, помните, которая была весною и опять пріѣзжала, какъ мы воротились съ дачи.

— Савелова?—Спросилъ Волгинъ, укрощая свое громогласіе.

— Такъ, она:—подтвердила Наташа. Волгинъ пробрался въ кабинетъ потише и поосторожнѣе, чтобы не попасться въ надобность отличаться своими свѣтскими талантами.

Онъ прислушивался, какъ будетъ уходить Савелова, и лишь только Лидія Васильевна проводила ее, онъ всталъ и пошелъ къ женѣ, еще въ кабинетѣ начавши по прежнему:—Голубочка, ты будешь бранить меня; а пожалуйста не брани, потому что, увѣряю тебя, я заѣзжалъ по дорогѣ въ кондитерскую, и напился чаю, и даже закусывалъ, и увѣряю тебя, вовсе не голоденъ.—Видишь-ли, голубочка: изъ разговора съ Соколовскимъ я увидѣлъ, что Левицкій...

— Знаю, мой другъ. Если ты получилъ отвѣтъ изъ Новгорода, то понятно, ты посылалъ туда депешу,—значитъ, былъ встревоженъ за Левицкаго. И нельзя было не понять, что ты встревожился тѣмъ, что услышалъ отъ Соколовскаго. Я посылала за Нивельзинымъ и знаю все.

— Посылала, голубочка? Значитъ, теперь и Нивельзинъ понимаетъ, что дѣло было не въ томъ, какъ повѣрили Илатонцевы, да и Соколовскій, да и онъ тоже... Э, что-жъ я!—перебилъ онъ самъ себя съ досадою:—Натурально, важность только въ томъ, что не усомнились Илатонцевы,—а отъ Нивельзина чего таить?—Нечего, разумѣется.

— Конечно, такъ, мой другъ.—Что-же ты узналъ?

— Ничего, разумѣется. Былъ въ адресномъ столѣ; тамъ нѣтъ ничего. И натурально—тутъ-же размыслилъ Волгинъ:—Не стоило и справляться въ адресномъ столѣ: свѣдѣнія не получаются тамъ такъ скоро, въ нѣсколько дней,—развѣ черезъ двѣ, три недѣли дойдетъ туда.—Поэтому Волгинъ былъ у оберъ-полиціймейстера, былъ у всѣхъ полиціймейстеровъ,—просилъ всѣхъ приказать справиться поскорѣе;—всѣ они при немъ и отдали приказаніе, потому что всѣ видѣли: дѣйствительно, его предположеніе слишкомъ правдоподобно: Левицкій, вѣроятно, тяжело боленъ, такъ что не могъ и извѣстить Волгина. Ничемъ другимъ нельзя объяснить, что онъ не увѣдомилъ о себѣ человѣка, на вызовъ котораго такъ спѣшилъ.—Всѣ приняли самое доброе, самое живое участіе.

— И что-же, мой другъ: ты думаешь, это самое лучшее и скорое средство узнать, гдѣ Левицкій, что съ нимъ?

Волгинъ съ ожесточеніемъ мотнулъ головою:—Само собою, нѣтъ, голубочка. Кому-же изъ полицейскихъ будетъ охота слишкомъ усердно хлопотать по обыкновенному приказанію начальства?—Извѣстно, какъ исполняютъ оффиціальныя порученія: лишь-бы отдѣлаться, лишь-бы дать какой-нибудь отвѣтъ. Натурально, слѣдовало начать вовсе не съ того, какъ я,—это самое послѣднее. Вотъ, давай-ка поскорѣе обѣдать, да и отпусти меня: поѣду къ мелкимъ чиновникамъ,—обѣщаю сто рублей за извѣстіе. Тогда справятся какъ слѣдуетъ.

— Я очень довольна, мой другъ, что ты такъ думаешь. Значитъ, Нивельзинъ не ошибся: онъ уѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ именно такъ и сдѣлать, какъ ты говоришь. Кромѣ того и самъ будетъ искать.—Мы съ нимъ также подумали, что, вѣроятно, Левицкій пріѣхалъ больной, и не могъ не только ѣхать къ тебѣ, даже и написать.

— Удивительно, голубочка, почему я всегда только уже послѣ увижу, какъ надобно сдѣлать, а начну непремѣнно не такъ!—съ ожесточеніемъ сказалъ Волгинъ:—Это удивительно, голубочка, увѣряю тебя!—Почему-же Нивельзинъ съ перваго раза увидѣлъ какъ слѣдуетъ сдѣлать?

— Мой другъ, я тысячу разъ говорила тебѣ: ты вовсе не живешь съ людьми,—какъ-же тебѣ умѣть жить въ свѣтѣ, умѣть приниматься за дѣла?

— Нѣтъ, голубочка: это уже врожденная глупость, увѣряю тебя — съ негодованіемъ возразилъ Волгинъ и ужасно мотнулъ головою.—Въ другое время онъ сталъ-бы доказывать это очень подробно и основательно, по своему обыкновенію. Но теперь, ему было не до того, чтобы заниматься разъясненіемъ своихъ удивительныхъ врожденныхъ умныхъ свойствъ: онъ былъ слишкомъ серьезно встревоженъ за Левицкаго,—поэтому замолчалъ.

— Я не думала, чтобы ты могъ любить кого-нибудь,— сказала жена.

— И я самъ тоже думалъ, голубочка.—Все дурачье, только смѣхъ и горе съ ними. Все дурачье,—ты не повѣришь, голубочка, что такое всѣ эти умные люди,—о, какіе слѣпые дураки!—Жалкое общество, какіе у него руководители! Бѣдный народъ, чего ждать ему отъ такого общества съ такими руководителями!

Онъ вытащилъ платокъ и началъ съ ожесточеніемъ сморкаться.— Голубочка, пожалуйста, ты не говори Нивельзину, что я хуже всякой бабы,—замѣтилъ онъ, кончивши свое занятіе съ платкомъ, и принужденно захохоталъ; потомъ, покачалъ головою и сказалъ:—Это очень, глупо, голубочка, увѣряю тебя; потому что, согласись, какая мнѣ надобность?—Никакой. Но вотъ, глупая слабость: расчуствовался какъ самая старая баба,—и всегда такъ расчувствуюсь. Удивительно.—Да,—продолжалъ онъ, углубляясь въ размышленіе:—Въ томъ и штука, что Левицкій незамѣнимый человѣкъ. Полезный человѣкъ.

— Пока, у тебя еще нѣтъ никакой причины слишкомъ тревожиться за него, мой другъ,—замѣтила жена:—То, что онъ боленъ, и довольно серьезно, это очень вѣроятно. Но только. А ты ужъ и оплакалъ его: ты слишкомъ мнителенъ. — Пойдемъ, взгляни на Володю, поиграй съ нимъ: ты огорчаешь меня тѣмъ, что совершенно не занимаешься имъ.

— А, погоди, голубочка: подростетъ, будешь, пожалуй, говорить, что и слишкомъ много занимаюсь съ нимъ, когда стану набивать ему голову всею этою чепухою, которую называютъ ученостью;— пойдемъ, пожалуй, посмотрю, какой онъ милый по твоему мнѣнію,—но увѣряю тебя, голубочка, что и теперь можно видѣть, что будетъ тоже молодецъ, въ родѣ меня. Впередъ восхищаюсь его ловкостью.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣ того, какъ ушла тайкомъ изъ квартиры Волгиныхъ, Савелова должна была стыдиться взглянуть на Лидію Васильевну: будучи глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца, Волгинъ не сомнѣвался въ этомъ и, конечно, не могъ оставить жену въ незнаніи насчетъ своего блистательнаго соображенія: „Увѣряю тебя, голубочка, она не покажетъ носу къ тебѣ“, предрекъ онъ женѣ. Предсказаніе, дѣлавшее такую честь его необыкновенной проницательности, оправдывалось. Ни до переѣзда на дачу, ни во все продолженіе дачнаго сезона Савелова не была у Волгиной.

Тѣмъ справедливѣе удивился глубокомысленный прорицатель, вскорѣ по переселеніи въ городъ услышавъ отъ жены, что нынѣ поутру пріѣзжала къ ней Савелова. По свойственной его уму быстротѣ въ дѣланіи самыхъ труд-

ныхъ соображеній, Волгинъ мгновенно постигъ тайну такого мудренаго случая, и сталъ увѣрять жену, что непремѣнно у Савеловой была какая-нибудь особенная, большая надобность,— безъ того она не поѣхала бы. Жена сказала, что изъ разговора Савеловой не было видно, чтобы она хотѣла посовѣтоваться или попросить о чемъ-нибудь.

— Ну, а все-таки, по твоему мнѣнію, голубочка?—спросилъ мужъ, любившій глубокія соображенія.

— Какая-же надобность мнѣ имѣть какое-нибудь мнѣніе? — замѣтила жена:—она хотѣла вести пустой разговоръ, я была очень рада, что нѣтъ ни обниманій, ни слезъ.

— Знаешь-ли, голубочка?—Она пріѣзжала поговорить о Нивельзинѣ,— спросить, не имѣешь-ли какихъ-нибудь извѣстій о немъ, — увѣряю тебя, голубочка, потому что, увѣряю тебя, она и теперь сохраняетъ нѣкоторое расположеніе къ нему. Она, бѣдняжка, только не рѣшилась спросить о немъ. А повѣрь, такъ.

Жена сказала, что она сама подумала такъ, и не дожидаясь вопроса, тяжелаго для Савеловой, разсказала все, что знаетъ о Невельзинѣ,—онъ въ то время еще не возвратился изъ за-границы. Савелова слушала съ интересомъ, и призналась въ этомъ, и благодарила за разсказъ, и потомъ продолжала прежній разговоръ.

Мгновенно углубившись въ небольшое размышленіе, мужъ объявилъ, что когда такъ, то нѣтъ: Савелова пріѣзжала не за этимъ. Еслибъ за этимъ, то послѣ и не было-бы никакого другаго разговора. Видно, она вспоминаетъ о Нивельзинѣ мило и нѣжно; и крестится обѣими руками отъ радости, что не заставили ее уѣхать съ этимъ человѣкомъ, о которомъ такъ пріятно плакать.

Волгина очень желала бы не отдать визита Савеловой. И не отдала бы, если-бъ этимъ нарушились только правила этикета. Но Савелова увидѣла-бы въ этомъ не простое пренебреженіе условныхъ обычаевъ, а презрѣніе къ своему характеру — была бы слишкомъ жестоко поражена. Волгина пожалѣла ее. Сдѣлала принужденіе себѣ и поѣхала отдать ей визитъ. Но съ тѣмъ, чтобъ не пришлось повторить его. Этого можно было достичь, не обижая женщину, болѣе жалкую нежели дурную. Волгина хотѣла мягко, но рѣшительно сказать, что не можетъ наряжаться такъ богато какъ аристократки, съ которыми она встрѣчалась бы у Савеловой, что онѣ стали-бы смотрѣть свысока на нее, что изъ этого происходили-бы непріятныя столкновенія.

Волгина и сказала это. Но чтобы найти минуту сказать, должна была просидѣть у Савеловой гораздо дольше, нежели хотѣла. Она застала Савелову не одну. Довольно пожилой мужчина въ пальто, совершенно по домашнему расположившись въ большихъ и низенькихъ мягкихъ креслахъ, не подходившихъ къ остальной мебели и очевидно принесенныхъ въ гостинную нарочно для него, пилъ кофе, читалъ газеты и курилъ,—все вмѣстѣ. Савелова на диванѣ подлѣ него вышивала уголъ полотняпаго платка. Картина походила на семейную и Волгина подумала, что мужчина —какой-нибудь родственникъ хозяйки или хозяина, пріѣхавшій въ Петербургъ погостить. Но Савелова отрекомендовала его какъ

„Петра Степановича, о которомъ она такъ много говорила“; и какъ сѣла. Волгина должна была высказать свое мнѣніе объ узорѣ платка: оказалось, что платокъ вышивается для Петра Степановича. Дѣйствительно, Савелова очень много толковала о Петрѣ Степановичѣ, бывши съ визитомъ у Волгиной, почти все только о немъ и толковала. Кто такой Петръ Степановичъ — Савелова не объяснила: вѣроятно, по ея мнѣнію, всѣ въ Петербургѣ, или въ цѣлой Россіи, должны были знать, кто Петръ Степановичъ; Волгина не знала и не полюбопытствовала спросить; но скоро увидѣла изъ ея словъ, что Петръ Степановичъ—какой-то чрезвычано высокій сановникъ, по всей вѣроятности—начальникъ Савелова. Дальше, оказывалось, что онъ совершенно одинокій человѣкъ, старый холостякъ. Савелова не могла до сыта наговориться о своей дружбѣ съ Петромъ Степановичемъ, и приплетала ее ко всему—о чемъ болтала. Она сваливала на Петра Степановича даже то, что не была у Волгиной во время дачнаго сезона: нельзя было вырваться отъ Петра Степановича, чтобъ съѣздить изъ Ораньенбаума въ Петербургъ и заѣхать къ Волгиной на Петровскій. Иовѣритъ-ли Волгина? Она все лѣто ни разу не была въ Петербургѣ. Они жили въ Ореньенбаумѣ, потому что тамъ жилъ Петръ Степановичъ: ея мужъ долженъ каждый день работать съ Петромъ Степановичемъ;— Она и прежде была очень хороша съ Петромъ Степановичемъ: но въ Ораньенбаумѣ, они подружились такъ, что онъ рѣшительно не могъ жить безъ нея: все вмѣстѣ,— и теперь, онъ безпрестанно у нея; каждый день, сидитъ утро, или сидитъ вечеръ. Это было бы утомительно, если бы Петръ Степановичъ не былъ такой милый человѣкъ и если-бъ она не любила его. Но она очень любитъ Петра Степановича; потому, нисколько не обременяется.

Тутъ было страшно много хвастовства; еще больше аффектаціи. Но Волгиной казалось, что есть и кое-что похожее на искреннее расположеніе къ Петру Степановичу. О томъ, что тутъ нѣтъ ничего похожаго на волокитство со стороны Петра Степановича, нечего было и сомнѣваться.

Петръ Степановичъ бросилъ газету и оказался очень разговорчивымъ собесѣдникомъ. Анекдоты его были милы; шутки не пошлы; серьезныя слова не глупы. Вся манера его держать себя была совершенно безъ претензій. Лицо его было еще красиво; волоса еще довольно густы и безъ сѣдинъ. Но онъ не забывалъ свои сорокъ слишкомъ—быть можетъ, и пятьдесятъ лѣтъ. Зато совершенно не считалъ нужнымъ помнить, что онъ очень высокій сановникъ. Очевидно, онъ любилъ Савелову какъ родную и вѣрилъ, что она любитъ его совершенно безкорыстно. Эта увѣренность была отчасти слишкомъ наивна. Впрочемъ, ошибка его не была неизвинительна. Если Савелова и начала ухаживать за нимъ исключительно по служебнымъ надобностямъ мужа, то теперь имѣла до нѣкоторой степени и душевную привязанность къ нему. Дѣйствительно, онъ былъ такъ искрененъ съ нею, что нельзя было ей не начать хоть немножко платить ему тѣмъ-же. Вообще онъ очень понравился Волгиной: показался человѣкомъ добрымъ, честнымъ, не орломъ по уму, но далеко не дуракомъ.

Черезъ полчаса или больше пришелъ въ гостиную Савеловъ съ бумагами въ рукахъ. Какъ видно, онъ не зналъ, что у жены сидитъ Волгина: быть можетъ, не зналъ, что его жена и знакома съ нею.—Волгиной было

довольно забавно подмѣтить, какъ ловко и быстро согналъ со своего лица удивленіе и устроилъ мину, прекрасно показавшую, что онъ не имѣетъ удовольствія знать—кто гостья, но, что видъ неизвѣстной дамы произвелъ на него самое выгодное для нея впечатлѣніе. А когда жена представила его Волгиной, онъ сдѣлался непритворно милъ, и безъ особенныхъ церемоній извинившись передъ Петромъ Степановичемъ, что заставитъ его нѣсколько подождать разговора о дѣлахъ, сѣлъ къ Волгиной и довольно долго говорилъ съ нею, главнымъ образомъ о своемъ уваженіи къ ея супругу. Волгина засмѣялась и благодарила его за любезность. Но онъ очень серьезно отвѣчалъ, что она ошибается: онъ говоритъ о ея супругѣ то, что̀ чувствуетъ. Дороги, по которымъ идутъ онъ и Волгинъ, очень различны, и хоть ведутъ къ одной цѣли, но не представляютъ имъ случаевъ встрѣчаться на пути къ ней. Притомъ-же Волгинъ затворникъ; даже у Рязанцева, единственнаго общаго друга ихъ, бываетъ рѣдко, да и то лишь въ назначенные дни, когда собирается толпа. А онъ по своимъ оффиціальнымъ отношеніямъ избѣгаетъ являться въ эту толпу. Потому онъ не знаетъ, скоро-ли встрѣтится съ Волгинымъ. А нарочно искать сближенія, это было-бы неудобно, при его оффиціальномъ положеніи, при положеніи Волгина въ литературѣ: сплетники сочинили бы что кто-нибудь изъ нихъ ищетъ чего-нибудь въ другомъ. Онъ дорожитъ репутаціею независимости; Волгинъ, конечно, не меньше. Тѣмъ больше онъ радъ, что его жена и Волгина подружились: онъ надѣется, что изъ этого естественно выйдетъ сближеніе между нимъ и Волгинымъ. А пока онъ проситъ ее передать его чувства ея супругу.

Это было еще до пріѣзда Нивельзина изъ-за границы. Волгинъ не хотѣлъ повѣрить женѣ, что въ длинныхъ и горячихъ тирадахъ Савелова объ уваженіи къ нему должно быть что-нибудь серьезное:—Э, голубочка! на что ему заботиться расположить меня въ свою пользу? Просто, онъ хотѣлъ быть любезенъ.—Но когда пріѣхалъ Нивельзинъ, и Рязанцевъ объяснилъ Волгиной, что ея мужъ посылалъ Нивельзина съ важными порученіями въ Лондонъ, Волгинъ понялъ, что дѣйствительно слова Савелова не были пустою любезностью. Въ тѣ времена петербургскіе реформаторы добивались, чтобы въ Лондонѣ были милостивы къ нимъ. Савеловъ вообразилъ, что Волгинъ пользуется тамъ сильнымъ вліяніемъ.

Только дикарю Волгину представлялось, будто-бы Савелова должна была до такой степени совѣститься своего бѣгства, что не пріѣхала-бы къ Волгиной безъ очень серьезной надобности въ совѣтѣ или помощи. Когда онъ сообразилъ всѣ обстоятельства, раскрывшіяся для него въ послѣдствіи времени, то увидѣлъ, что предположеніе жены было справедливо: въ этотъ разъ Савелова пріѣзжала просто за тѣмъ, чтобы показать Волгиной,—и окончательно убѣдить саму себя,—что не имѣетъ причинъ стыдиться: ея поступокъ былъ хорошъ, она пожертвовала преступною страстью для священныхъ обязанностей, и достойна не порицанія, какъ, можетъ, представляется Волгиной, а почтенія и похвалы.

Она нѣсколько протестовала противъ рѣшимости Волгиной не входить въ аристократическій кругъ: она съ пафосомъ говорила, что не хочетъ подчиняться излишней гордости Волгиной, не согласна лишить себя ея дружбы. Но

видно было, что въ сущности для нея все равно.—Волгина думала: можетъ быть, увижу ее у себя еще разъ или два,—вѣроятнѣе, не увижу.

Но сомнѣвалась только до пріѣзда Нивельзина. А подружившись съ нимъ, предполагала, что не увидитъ ее у себя.

Пусть отношенія къ мужу, къ Петру Степанычу, къ цѣлому десятку важныхъ старухъ и цѣлому стаду важныхъ стариковъ были для Савеловой важнѣе любви. Но все-таки она любила Нивельзина со всею силой, какую могло имѣть благородное чувство въ ея сердцѣ, не совершенно дурномъ, хоть и слишкомъ набитомъ пошлостью. Пусть воспоминаніе объ этой любви успѣло очень и очень ослабѣть въ долгіе мѣсяцы, наполненные свѣтскими заботами и полубезкорыстною возней съ дружбою Петра Степаныча. Но все-таки это было единственное поэтическое воспоминаніе,—единственное, которое годилось для минутъ благороднаго настроенія души. Оно не могло не быть мило ей. Въ ней должна была сохраняться нѣжность къ Нивельзину. Ей не могло не быть тяжело смотрѣть на Волгину, когда она стала видѣть Волгину вмѣстѣ съ Нивельзинымъ и на Невскомъ, и въ театрѣ.

И однакоже она пріѣхала къ Волгиной—въ то утро, которое Волгинъ употребилъ на тревожные разъѣзды, съ просьбами разыскать, гдѣ Левицкій, что съ нимъ. Она пріѣхала очень бойкая и развязная, но слишкомъ бойкая и развязная, такъ что напомнила Волгиной совершенную непринужденность Алексѣя Иваныча, когда Алексѣй Иванычъ становится въ отчаяніи развязнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, чрезвычайно свободно попирающимъ всѣ свои затрудненія. „Бѣдная!—что съ вами? Что грозитъ вамъ?“ едва не воскликнула Волгина при взглядѣ на ея натянуто-беззаботную улыбку, принужденно-веселое лицо. Но она съ неудержимою говорливостью, какою блисталъ и Алексѣй Иванычъ, когда бывалъ также беззаботенъ,—очень скоро успѣла отличиться такъ ловко, что и самъ Алексѣй Иванычъ согласился-бы признать ея превосходство надъ собою.

Она пріѣхала звать Волгину на обѣдъ. Она увѣрена, Волгина сдѣлаетъ ей это удовольствіе. Возраженія Волгиной не примѣняются къ этому случаю: обѣдъ будетъ совершенно запросто, маленькій, скромный,—можно сказать семейный. Будутъ только сослуживцы ея мужа, старики. Не будетъ ни одной дамы. Для такого общества не нужны брилліанты, дорогія кружева. Она сама не будетъ въ бальномъ платьѣ. Этотъ обѣдъ завтра. Это именины ея мужа. Она не сомнѣвается—Волгина пріѣдетъ. Все это говорилось такимъ тономъ, будто въ самомъ дѣлѣ ей только стоило сказать: „пріѣзжайте“, и Волгина съ восторгомъ поѣдетъ,—будто Волгиной должна быть необыкновенно пріятна честь сидѣть за однимъ столомъ съ нею, съ ея мужемъ и его сослуживцами. Вѣроятно, бѣдняжка не воображала давать такой тонъ своимъ словамъ; вѣроятно, она только усердствовала показать, что не затрудняется и не сомнѣвается. Но слишкомъ усердствовала и выходилъ такой тонъ.

— Зачѣмъ-же я поѣду?—холодно сказала Волгина.

Ей будетъ такъ пріятно, если пріѣдетъ Волгина. Сослуживцы ея мужа—все старики, все скучные. Съ ними такая невыносимая тоска! Она увѣрена,

Волгина не откажется: вдвоемъ имъ будетъ весело. Ей одной—невыносимо скучно. Съ Волгиной она сейчасъ-же послѣ обѣда уйдетъ въ свою комнату; одна—она должна будетъ оставаться съ этими гостями и умретъ отъ скуки.

Необычайная ловкость тона продолжалась. Рѣшительно, самъ Алексѣй Иванычъ не могъ-бы говорить такъ умно и мило.

— Вамъ хочется, чтобы за обѣдомъ была какая-нибудь дама, которая дала бы вамъ предлогъ уйти отъ скучныхъ стариковъ, желаніе очень естественное. Но я полагаю, что у васъ есть сотня пріятельницъ, можете выбрать изъ нихъ любую.

Но она выбираетъ Лидію Васильевну. Неужели Лидія Васильевна откажетъ ей въ этой маленькой, дружеской услугѣ?

— Если бъ я не видѣла, что вы взволнована, я сказала бы вамъ: „Развѣ ваши обѣды такая честь для меня?—Кажется, я довольно ясно говорила вамъ, что не хочу бывать у васъ ни на обѣдахъ, ни до обѣдовъ, ни послѣ обѣдовъ?—Почему это? Между прочимъ, и потому, что вы слишкомъ заняты важностью вашего мужа. Я сказала-бы это и попросила-бы васъ идти вонъ. Но вы сама не понимаете, что ваши слова были дерзки. Я не должна сердиться. Не должна, и однакоже сержусь. Но удерживаюсь. Вмѣсто того, чтобы попросить васъ уйти, спрашиваю: Зачѣмъ вы пріѣхали? Говорите прямо, если не хотите, чтобъ я потеряла терпѣніе. Зачѣмъ вамъ надобно, чтобъ я пріѣхала завтра на вашъ обѣдъ? Это серьезная надобность?—Если очень-очень серьезная, и если никто не можетъ замѣнить меня, то я подумаю—и могу согласиться.

Савелова вспыхнула и нѣсколько времени сидѣла молча; повидимому она не знала, что̀ ей дѣлать; вѣроятно, первою ея мыслью было, что Волгина оскорбила ее, и что она должна встать и уйти, сказавъ, что она не ожидала такой обиды или что-нибудь подобное. Въ самомъ дѣлѣ, слова Волгиной были очень суровы. Но Савелова не хотѣла обращать вниманія на прежнія холодныя замѣчанія Волгиной и упорно оставалась при своемъ легкомъ тонѣ, будто не вѣрила, что женщина, мужъ которой не важный человѣкъ, можетъ не считать за честь себѣ ея приглашенія; будто не вѣрила, что Волгина, бывши у нея, серьезно говорила о своемъ нежеланіи входить въ ея общество. Савеловой трудно было принять подобныя слова за правду, когда сама она жертвовала всѣмъ для своей свѣтской карьеры. Она, по своему характеру, должна была считать ихъ только притворствомъ, которое будетъ отброшено въ сторону при настойчивости съ ея стороны.—Можетъ быть и то, что она въ своей отчаянной бойкости и дѣйствительно не понимала, какъ наглъ и раздражителенъ тонъ ея приглашенія.—Теперь она опомнилась, и сидѣла, не зная что̀ ей дѣлать. Вѣроятно, сначала въ ней преобладало то впечатлѣніе, что она обижена, должна встать и уйти. Она будто порывалась встать, но не вставала. Она сидѣла молча. Грудь ея стала дышать тяжело, на глазахъ у нея стали навертываться слезы.

— Я остановила васъ, быть можетъ, слишкомъ рѣзко, но должна была остановить, потому что начинала терять терпѣніе. Я—вспыльчива,—сказала Волгина смягчившись; видѣть огорченіе, страданіе—это обезоруживало ее. — Я очень вспыльчива, но зато моя досада и быстро проходитъ. Не могу не

любить ваше личико. Помиримся. Не плачьте пожалуйста. Для васъ необходимо, чтобы я не оставила васъ быть одну за вашимъ обѣдомъ?

— Боже мой, Боже мой, если-бы я могла обратиться къ кому-нибудь, кромѣ васъ, развѣ я пріѣхала-бы къ вамъ?—простонала Савелова.—Я люблю Нивельзина. Я ревную, я завидую, я люблю его.—Она залилась слезами.—Я люблю его, и все-таки я обращаюсь къ вамъ!—О, поймите-же, какъ велико мое страданье.

Волгина стала ласкать ее, чтобъ успокоить. Сказала, что пріѣдетъ; говорила, что въ чемъ-бы ни состояло горе Савеловой, вѣроятно, онъ слишкомъ робѣетъ; что, вѣроятно, можно будетъ отвратить его.

Савелова рыдала до того, что совершенно разстроила свои нервы, и горячечная экзальтація овладѣла бѣдняжкою. Она повисла на шею Волгиной, обливала ее слезами, говорила о томъ, что никогда не забудетъ Нивельзина, что Нивельзинъ не можетъ любить ее, но что она любитъ его; что любовь къ нему поддерживаетъ ее; что безъ любви къ нему она сдѣлалась бы презрѣнною женщиною, что она благодаритъ Нивельзина за счастье, которое давала ей любовь къ нему; что она не эгоистка, не завистница; что она любитъ Нивельзина какъ брата; что у нея теперь одно желаніе—то, чтобы онъ былъ счастливъ; что скоро она будетъ имѣть силу сама сказать ему это, что она проситъ Волгину сказать ему, что она любитъ его какъ брата, убѣдить его, чтобы онъ не презиралъ ее; что она нѣжно желаетъ ему счастья; что она счастлива его счастьемъ.

Конечно, мимолетная экзальтація гораздо больше участвовала въ этихъ нѣжныхъ изліяніяхъ, нежели прочное чувство. Но если бы тутъ былъ Волгинъ, все-таки онъ расчувствовался бы до глубины души, по основательному соображенію, что сердце, способное хоть на минуту возвышаться до такого энтузіазма, не совершенно испорчено.—Такъ онъ и рѣшилъ, когда въ послѣдствіи времени узналъ объ этой сценѣ: сказалъ, что Савелова въ сущности хорошая женщина, размыслилъ и повторилъ: „да, какъ бы то ни было, все-таки, не совсѣмъ дурная женщина“.

Волгина не занималась размышленіями о томъ, хорошая ли женщина Савелова, а уговаривала ее выпить холодной воды,—наконецъ, успѣла заставить выпить стаканъ; послѣ того повела ее къ рукомойнику и велѣла ей умыться, дала выпить еще стаканъ холодной воды, и послѣ того стала говорить о дѣлѣ:

— Я сказала вамъ, что пріѣду на вашъ обѣдъ. Слѣдовательно это вещь рѣшенная. Но я думаю, что для васъ самой было-бы полезно, если-бы вы предупредили меня, какой помощи вы ждете отъ меня?

Только той, чтобъ Волгина не покидала ее послѣ обѣда. — Савелова опять начинала волноваться.

— Только?—Тамъ будетъ Петръ Степановичъ?

— Конечно будетъ.

— Неужели онъ не могъ-бы оказать вамъ этой услуги? Вы понимаете, я не думаю отказываться: дала слово, то уже не стану отговариваться. Но вы такъ дружны съ этимъ добрымъ, честнымъ человѣкомъ. Неужели вы не могли попросить его, чтобы онъ не отходилъ отъ васъ, если вамъ надобно было только, чтобы кто-нибудь былъ подлѣ васъ?

— Я не могла сказать даже и ему... Никто не долженъ знать, даже и онъ... И я не знаю, захотѣлъ-ли бы онъ... Савелова опять начинала трепетать.—Вы одна можете... И передъ вами мнѣ уже все равно стыдиться: вы презираете меня...

Волгиной опять пришлось успокоивать ее. — Въ томъ, что она не рѣшилась бросить мужа, нѣтъ ничего особеннаго; почти всѣ поступили бы точно также, какъ она. Савелова была расположена думать, что не заслуживаетъ порицанія, да и не горевала о Нивельзинѣ; потому утѣшилась очень легко. Воспоминанія не были особенно важны для нея, какъ убѣдилась Волгина. Она мучилась только опасностью, которая теперь грозитъ. Опасность была и велика, и дурна; это было видно изъ того, что Савелова стыдилась сказать о ней Петру Степановичу и не надѣялась на его желаніе или силу пособить. Но въ чемъ состоитъ эта ужасная и постыдная опасность, Волгина не видѣла; и не стала больше спрашивать, хоть было-бы очень полезно узнать это заранѣе, чтобы обдумать, что и какъ можно сдѣлать. Савеловой слишкомъ тяжело было говорить и Волгина отпустила ее со словами, что она не хочетъ знать ничего,—и не будетъ видѣть ничего, кромѣ того, что надобно будетъ видѣть для ея пользы.

Савеловъ не имѣлъ состоянія и былъ не жаденъ на деньги; дорожилъ своею вполнѣ заслуженною репутаціею безкорыстнаго человѣка и презиралъ внѣшній блескъ. Квартира Савеловыхъ была немногимъ больше квартиры Волгиныхъ, и мѣблирована почти такъ-же скромно.

Но если неподвижная мѣбель не очень большой гостинной была не блистательна, тѣмъ ослѣпительнѣе рѣзалъ глаза эффектъ ходячей мѣблировки, которая вся собралась въ гостинную: въ то время какъ пріѣхала Волгина, въ залѣ устанавливали раздвижной столъ, и всѣ, съѣхавшіеся на обѣдъ, были загнаны этимъ въ одну комнату. Звѣздоносными группами они тихонько толклись вдоль оконъ гостинной. На пятнадцати или шестнадцати фракахъ и военныхъ мундирахъ сіяло чуть-ли не десятка три звѣздъ.

Хозяйка, выбѣжавшая въ залъ встрѣчать гостью, провела ее мимо звѣздоносцевъ, не удостоивъ ни одного изъ нихъ словомъ или знакомъ, что онъ можетъ идти за нею и гостьею къ дивану. И ни одинъ звѣздоносецъ не осмѣлился сопутствовать дамамъ безъ приглашенія: всѣ потянулись въ другую половину комнаты, распредѣлились вдоль оконъ, и солидно, тихо передвигались тамъ, переминались, поговаривали, помалчивали, все смирно и въ совершенномъ удовольствіи.

И не только хозяйка предоставила этимъ смирнымъ созвѣздіямъ занинаться между собою какъ могутъ,—даже и хозяинъ былъ также безцеремоненъ съ ними. Савелова не было въ гостинной. Тридцать звѣздъ на пятнадцати сановникахъ не смѣли, какъ видно, обижаться: двигались вдоль оконъ, скромно сіяя.

Внезапно они замерцали паническими переливами свѣта, закопошились и обратились на дверь изъ зала. Въ залѣ раздался голосъ хозяина.

— Я замучилъ васъ; но будьте добръ: заѣзжайте въ канцелярію и останьтесь тамъ, пока докладъ будетъ переписанъ; прошу васъ объ этомъ не въ службу, а въ дружбу. Мнѣ хочется, чтобы къ шести часамъ онъ былъ здѣсь.

Мы всѣ тутъ и подписали-бы его; Петръ Степанычъ также будетъ здѣсь и въ 8 часовъ я повезъ-бы его Чаплину.

— Будьте увѣрены, въ 6 часовъ докладъ будетъ здѣсь. — отвѣчалъ другой голосъ, — конечно, чиновника, работавшаго съ Савеловымъ и теперь отпускаемаго имъ.—Я надѣюсь, что успѣю и прочесть внимательно, чтобы не было описокъ.

Чиновникъ говорилъ съ Савеловымъ безъ подобострастнаго тона; такъ свободно, что даже не вставилъ „ваше превосходительство". Въ тонѣ Савелова не было чванства: онъ не былъ гордъ, передъ кѣмъ нечего было важничать.

— Этимъ не обременяйте себя: вы устали; дождитесь только, пока будетъ переписано все и станутъ сшивать. Вамъ надобно отдохнуть. Я могу поправить описки самъ: когда буду читать графу, увижу и отмѣчу.

— Очень благодаренъ вамъ, Яковъ Кирилычъ, за такое облегченіе, — сказалъ чиновникъ:—дѣйствительно я усталъ. Но и вы не меньше моего.

— Кланяйтесь Аннѣ Ивановнѣ, поцѣлуйте за меня Митю. Варенька такая большая, что не смѣю посылать ей поцѣлуя.

Конечно, это были жена и дѣти его сотрудника. Онъ былъ внимателенъ и добръ, когда это было возможно. Чиновникъ не боялся его, по всей вѣроятности. А сіяніе звѣздъ было отчасти тревожно.

Хозяинъ показался въ дверяхъ; онъ былъ одѣтъ запросто, въ сѣромъ пальто, нѣсколько потертомъ по рубцамъ обшлаговъ: въ дверяхъ онъ замедлилъ шагъ, расправляясь—„выпрямляясь" нельзя сказать, потому что онъ не былъ сгорбленъ: вѣроятно, онъ никогда не сгорбливался,—онъ повелъ плечами назадъ, нѣсколько выгибаясь на спину, какъ дѣлаетъ человѣкъ не сгибавшій стана, но уставшій отъ долгой работы: сталъ расправляться перегибаясь на спину,—но увидѣвши Волгину, отказалъ себѣ въ удовольствіи кончить это фамильярное движеніе: передъ созвѣздіями онъ не считалъ нужнымъ церемониться. но передъ дамой онъ обратился въ свѣтскаго человѣка. Нàскоро обошелъ звѣздоносцевъ, подавая обѣ руки, двоимъ въ разъ, мимоходомъ, милостиво надѣляя ихъ небрежными привѣтствіями; поспѣшилъ бросить эти созвѣздія, чтобъ подойти къ дамѣ, и нѣсколько минутъ сидѣлъ подлѣ Волгиной.

Она ждала, что ея присутствіе произведетъ на него очень непріятное впечатлѣніе. Зачѣмъ именно упросила ее пріѣхать Савелова, она еще не знала. Но было несомнѣнно, что тутъ будетъ какая-то борьба противъ него: кого и и чего могла-бы трепетать Савелова, если-бы мужъ не былъ въ союзѣ съ противною стороной? Волгина ждала, что Савеловъ увидитъ въ ней врага какого-нибудь своего плана или требованія.—Нѣтъ, онъ очевидно, не придавалъ никакой особенной важности тому, что она тутъ. Черезъ минуту Волгина даже увидѣла изъ его разговора: онъ зналъ, что жена пригласила ее, жена пригласила ее съ его согласія.

— Что-же значитъ все это? — тихо спросила Волгина Савелову, когда онъ пошелъ наконецъ удостоивать созвѣздія своего хозяйскаго вниманія. — Я не понимаю, чего вы можете опасаться. Вашъ мужъ не думаетъ, что вы призвали меня на помощь противъ него?

— Петръ Степанычъ просилъ, чтобы мы пригласили васъ.

— Петръ Степанычъ? Вы сдѣлали Петра Степаныча моимъ поклонникомъ?

— Боже мой, Боже мой! Не смѣйтесь надо мною! Я должна была просить Петра Степаныча. Мой мужъ не долженъ знать ничего. Онъ не простилъ бы мнѣ.

Созвѣздія снова закопошились: слуга доложилъ о пріѣздѣ его Высокопревосходительства Петра Степановича.

— Подавать обѣдъ, — громко отвѣчалъ на докладъ хозяинъ, двигаясь встрѣтить Петра Степаныча.

— Что-же это такое?—думала Волгина.—Чего она боялась отъ этого обѣда, когда за обѣдомъ не будетъ никого, кромѣ этихъ стариковъ, которые ничтожны для нея и для ея мужа? Петра Степаныча нечего и считать: онъ свой для нея.

Петръ Степанычъ обошелся съ подчиненными ему звѣздоносцами очень любезно, гораздо внимательнѣе, нежели Савеловъ; потомъ предался своей обязанности заниматься исключительно Волгиною. Онъ помнилъ, что онъ просилъ, чтобы она была приглашена.

Вошелъ слуга и доложилъ хозяйкѣ, что поваръ проситъ извинить и обождать нѣсколько минутъ: обѣдъ еще немножко не готовъ.

— Обождать, — то обождемъ: — весело и добродушно замѣтилъ Петръ Степанычъ.

Конечно, онъ не могъ понимать, не могъ предполагать, что задержка не въ поварѣ. Волгина взглянула на Савелову. Савелова вспыхнула.

Это было хуже всего, что знала о ней, чего могла ожидать отъ нея Волгина.—Пожертвовать любовникомъ для нелюбимаго мужа—дѣло такое обыкновенное, — гораздо болѣе обыкновенное, нежели пожертвовать своимъ положеніемъ въ свѣтѣ для любви. Но тутъ было что-то менѣе обыкновенное: какая-то продѣлка, при которой долженъ остаться въ дуракахъ Петръ Степанычъ, и Савелова не предупредила человѣка, который такъ честно и сильно расположенъ къ ней. Первымъ порывомъ Волгиной было сказать Савеловой: „Вы ждете еще кого-нибудь?“ Но она удержалась: ей подумалось, что Савелова не могла бы добровольно участвовать въ интригѣ противъ своего честнаго друга; что вѣроятно принужденіе со стороны мужа было слишкомъ грозно; что, вѣроятно, Савелова и сама достаточно чувствуетъ унизительность своей роли передъ Петромъ Степанычемъ. Волгина только взглянула на Савелову и пожалѣла даже о томъ, что взглянула: Савелова совершенно растерялась отъ ея взгляда; такъ: только ея мужа надобно винить за ея пошлую роль. — Волгина продолжала разговоръ съ Петромъ Степанычемъ, чтобы дать ей время оправиться.

Въ дверяхъ опять явился слуга и провозгласилъ.

— Его Свѣтлость, графъ Илларіонъ Илларіонычъ Чаплинъ.

Созвѣздія вздрогнули и окаменѣли.

— Графъ Чаплинъ! — съ изумленіемъ произнесъ хозяинъ и торопливо пошелъ въ залъ.

— Графъ Чаплинъ!—сказалъ Петръ Степанычъ, наклонившись къ Савеловой.—Вотъ почему обѣдъ не былъ готовъ!—Графъ Чаплинъ;—и вы не предупредили меня!—И вы хотѣли чтобъ я былъ въ дуракахъ! — Но нѣтъ, я несправедливъ къ вамъ, добрая, милая моя, Антонина Дмитріевна, — тотчасъ-же прибавилъ онъ.—Вы не могли хотѣть обманывать меня.—О, теперь я

понимаю Якова Кирилыча! Онъ хочетъ сѣсть на мое мѣсто! Я не ожидалъ, что онъ захочетъ поступить со мною такъ! Интрига противъ меня! Но васъ я не виню. Вы только боялись сказать мнѣ. Яковъ Кирилычъ интригуетъ противъ меня! Горько мнѣ, горько, Антонина Дмитріевна.

— Петръ Степанычъ!—только и могла проговорить она, и слезы брызнули у бѣдной женщины.

— Довольно—замѣтятъ,—шепнула Волгина.

Но не было большой опасности, что замѣтитъ кто-нибудь, пока еще не возвратился наблюдать Савеловъ. Если-бы Петръ Степанычъ и Савелова обнялись, можетъ быть, и то прошло бы незамѣчено никѣмъ изъ звѣздоносцевъ: такъ окаменѣли они отъ изумленія и благоговѣнія.—Савелова успѣла отереть слезы, пока способность видѣть и понимать возвратилась къ звѣздоносцамъ. Да и тутъ имъ было не до хозяйки и не до Петра Степаныча: все вниманіе ихъ было поглощено ожиданіемъ неожиданнаго посѣтителя.

Посѣтитель подавалъ о себѣ предвѣстія, изумлявшія Волгину.

Вѣроятно еще изъ передней начали доноситься въ гостиную первыя предвѣстія: посѣтитель ступалъ, производя ногами стукъ, подобнаго которому не могутъ дѣлать сапоги петербургскаго мужика, — они слишкомъ легки; — для такого стука необходимы деревенскіе мужицкіе, двухпудовые. Вѣроятно не въ такихъ-же сапогахъ ходитъ графъ Чаплинъ? Какъ-же онъ умудряется дѣлать такую стукотню? — Потомъ стало слышно сопѣніе,—громче и громче,—съ храпомъ и сопомъ раздалось: „Вотъ я и у васъ—Яковъ Кирилычъ! Поздравляю!“ Стукъ, сопъ и храпъ заглушили любезность, которою отвѣчалъ хозяинъ: слышно было только, что Савеловъ говоритъ; но что такое говоритъ—нельзя было разобрать. Стукъ, сопъ и храпъ усиливались, отдавались эхомъ по залу, и вотъ отдались еще новымъ эхомъ, уже отъ стѣнъ гостиной: въ двери ввалила низенькая, еще вовсе не пожилая человѣкоподобная масса.

Ввалила, — потому что она не шла, а валила, высоко подымая колѣна и откидывая ихъ вбокъ, хлопотливо работая и руками, оттопырившимися далеко отъ корпуса, будто подъ мышками было положено по арбузу, ворочаясь всѣмъ корпусомъ съ выпятившимся животомъ, ворочаясь и головою съ отвислыми брылами до плечъ, съ полуоткрытымъ, слюнявымъ ртомъ, поочередно съуживавшимся и расширявшимся при каждомъ взрывѣ сопа и храпа, съ оловянными, заплывшими саломъ, крошечными глазками. Правда, такому тучному человѣку нельзя имѣть плавную, легкую походку; но другіе, изрѣдка встрѣчающіеся такіе-же толстяки, умѣютъ ходить, хоть и неуклюжимъ образомъ, все-таки по-человѣчески, умѣютъ потому, что помнятъ о своемъ безобразіи, стараются, чтобъ оно не производило слишкомъ отвратительнаго впечатлѣнія. Чаплинъ былъ совершенно безъ церемоній.—Видя его милыя движенія, слыша его храпъ и сопъ, можно было удивляться только тому, что на немъ военный сюртукъ, а не нанковый халатъ: какъ это нарядился военнымъ разжирѣвшій мясникъ?

Безъ малѣйшаго сомнѣнія это былъ переодѣтый мясникъ. По лицу нельзя было не угадать. Не то, чтобъ оно имѣло выраженіе кровожадности или хоть жестокости; но оно не имѣло никакого человѣческаго выраженія, — ни даже идіотскаго, потому что и на лицѣ идіота есть какой-нибудь, хоть очень слабый

и искаженный остатокъ человѣческаго смысла; а на этомъ лицѣ было полнѣйшее безсмысліе, коровье безсмысліе, нимало не жестокое — ничуть не злое, только совершенно безчувственное. Ни лавочникъ, ни трактирщикъ, ни разбогатѣвшій мужикъ—превращающіеся иногда въ такихъ толстяковъ, не утрачиваютъ смысла до такой степени: они видятъ людей или природу, это поддерживаетъ слѣды смысла на ихъ лицѣ. Только мясникъ,—человѣкъ не смотрѣвшій ни на людей, ни на природу, смотрѣвшій все лишь на скотовъ и на скотовъ, могъ пріобрѣсти такое скотское выраженіе лица.

И такой кровяной цвѣтъ лица! Мясникъ не кровопійца. Нѣтъ, онъ не пьетъ крови. Онъ только дышетъ запахомъ ея,—спокойно, беззлобно,— и съ пользою своему здровью; дышать запахомъ крови, это очень здорово. Благодаря этому, какъ бы ни заплылъ жиромъ мясникъ, его лицо пышетъ цвѣтущей кровяною свѣжестью. У всякаго другого толстяка, такъ ожирѣвшаго, лицо имѣетъ сальный цвѣтъ, желтовато-тусклый; у этого сало пропитано свѣжею кровью, которою надышался онъ. Нѣтъ сомнѣнія, это мясникъ.

Раскачивая выпяченнымъ животомъ, раскидывая колѣнами и болтая оттопыренными руками, поматывая брылами, хамкая слюнявыми губами, переодѣтый мясникъ валилъ къ Савеловой. Съ храпомъ и сопомъ мясникъ проговорилъ:

— Я пріѣхалъ на именины Якова Кирилыча. Вотъ сюрпризъ вамъ. Поздравляю.

— Благодарю васъ, графъ; прошу садиться,—сухо отвѣчала Савелова. Съ провозглашенія о пріѣздѣ графа Чаплина Волгина не смотрѣла на Савелову: и безъ того Савеловой должно было быть слишкомъ тяжело.—Теперь, казалось Волгиной, Савелова ждетъ ея взгляда въ награду, въ одобреніе своей рѣшимости быть холодною съ этимъ отвратительнымъ человѣкомъ.

— Это прекрасно,—сказала Волгина, перенося взглядъ черезъ Савелову на Петра Степаныча и будто бы продолжая прежній разговоръ.

— Петръ Степанычъ посмотрѣлъ на Волгину, не понявъ.—Вы сказали?

— А вы не слушали, что я говорила? О, какъ это мило! Въ наказаніе вамъ, не хочу повторять.

— Дѣйствительно, я былъ разсѣянъ въ эту минуту, и не вслушался.

— И нѣтъ особенной потери.

— Вотъ и я здѣсь, Петръ Степанычъ,—проговорилъ мясникъ.—Здравствуйте, очень радъ. — Онъ опустился на диванъ подлѣ Савеловой, и обратился опять къ ней:—Мнѣ такъ пріятно, что я пріѣхалъ къ вамъ.

— Благодарю васъ, графъ, — попрежнему отвѣчала Савелова, и немножко отодвинулась къ Волгиной, потому что онъ усѣлся-было локоть къ локтю.

— Однакоже у васъ довольно тепло, или это я такъ вспотѣлъ? — Но мнѣ чрезвычайно пріятно, что я пріѣхалъ къ вамъ, — проговорилъ мясникъ, доставая платокъ, придвинулся опять поближе къ Савеловой и принялся утираться. Помолчалъ, утираясь. — Ужасно вспотѣлъ,—очень.—Онъ сталъ прятать платокъ, при этомъ подвинулъ губы къ плечу Савеловой и потихоньку просопѣлъ въ ухо ей:—А эта ваша знакомая кто? Отъ такого человѣка, было уже чрезвычайною деликатностью, что онъ постарался просопѣть вопросъ потише.

— Лидія Васильевна, рекомендую вамъ: графъ Чаплинъ. — Лидія Васильевна Волгина, графъ.

— Мнѣ очень пріятно,—просопѣлъ мясникъ, протягивая руку. Волгина отвѣчала только тѣмъ, что кивнула головою, и, повернувшись къ Петру Степанычу, сказала:—Пойдемъ ходить.

Мясникъ захлопалъ глазами, подержалъ руку на воздухѣ, хлопнулъ глазами еще и прибралъ руку.

Отходя отъ дивана, Волгина разслышала, что мясникъ просопѣлъ Савеловой:—„Она, должно быть, очень робкая?“ Если-бъ онъ и не былъ безсмысленъ, все равно, онъ не могъ-бы подумать иначе: конечно, графу Чаплину еще не представлялось случая понять, какое чувство возбуждаетъ его видъ. Ходя по пустому залу, Петръ Степанычъ жаловался Волгиной на коварство и неблагодарность Савелова.— Какъ могли скрыть отъ него, что приглашенъ графъ Чаплинъ?—Савелову онъ не винитъ: она не скрыла-бы отъ него, если-бы не велѣлъ мужъ. Но сталъ-ли бы скрывать Савеловъ, если-бы тутъ не было интриги? Вотъ уже двѣ недѣли или больше Савеловъ не былъ у графа безъ Петра Степаныча, сколько было извѣстно Петру Степанычу. Когда-же онъ пригласилъ Чаплина? Очевидно, онъ бываетъ у Чаплина тайкомъ отъ Петра Степаныча. Почему-же тайкомъ, если бываетъ не за тѣмъ, чтобъ интриговать противъ Петра Степаныча? Потому надобно было скрывать и то, что графъ Чаплинъ приглашенъ.

— Я не хочу защищать Савелова: я не считаю его хорошимъ человѣкомъ. Но я почти увѣрена, что онъ не бывалъ у Чаплина тайкомъ отъ васъ,— сказала Волгина. Она полагала, что приглашеніе было сдѣлано не мужемъ, а женою по приказанію мужа.

— Какъ-же нѣтъ, когда графъ приглашенъ, и Савеловъ скрывалъ отъ меня это? Зачѣмъ было-бы скрывать, и кто могъ-бы пригласить?

— Я не могу ничего отвѣчать на эти вопросы. Но Савеловъ не такъ глупъ, чтобъ ѣздить къ Чаплину тайкомъ отъ васъ: развѣ могъ-бы онъ надѣяться, что подобныя продѣлки останутся секретомъ?—Я думаю, у него сотни враговъ, которые слѣдятъ за каждымъ его шагомъ.

— Это правда,—сказалъ Петръ Степанычъ задумываясь: — Но кто-же могъ приглашать Чаплина? и зачѣмъ было скрывать отъ меня, если тутъ нѣтъ интриги?—Добрый Петръ Степанычъ не могъ и вообразить, что интрига ведется черезъ Савелову: онъ былъ слишкомъ убѣжденъ въ ея дружбѣ. Потому-то Волгина и разсчитывала, что можетъ возразить противъ его неудачной мысли о тайныхъ визитахъ Савелова, не компрометируя Савелову. Волгина надѣялась убѣдить ее, чтобъ она сама открыла все Петру Степанычу, если интрига не разрушится: Петръ Степанычъ такъ любилъ ее, что простилъ-бы ей все, и могъ-бы служить опорою противъ требованій мужа, если бы мужъ не согласился освободить ее отъ слишкомъ тяжелой игры въ кокетство съ человѣкомъ, который созданъ не такъ, чтобы довольствоваться улыбками и тому подобными, такъ называемыми невинными любезностями.

— Я не говорю вамъ, что тутъ не можетъ быть интриги. Не мое дѣло говорить объ этомъ. Но я почти совершенно увѣрена, что Савеловъ не бывалъ тайкомъ отъ васъ у Чаплина. Вы должны тѣмъ больше довѣрять моему мнѣнію, что я вовсе не расположена къ Савелову.

— Какъ-же здѣсь Чаплинъ? Яковъ Кирилычъ не изъ тѣхъ немногихъ,

о которыхъ Чаплинъ помнитъ самъ. Кто-нибудь долженъ былъ сказать ему, что Яковъ Кирилычъ празднуетъ нынѣ свои именины: кто нибудь долженъ былъ пригласить его сюда.

Петръ Степанычъ былъ такъ увѣренъ въ Савеловой, что скорѣе нежели подумать о ней, готовъ былъ предполагать какое-нибудь постороннее вліяніе на Чаплина.—Волгина должна была молчать, слушая его догадку о томъ, какой-бы изъ его враговъ или соперниковъ могъ войти въ заговоръ съ Савеловымъ.

Въ залъ вошелъ Савеловъ и пошелъ подлѣ Петра Степаныча. — Лицо его было угрюмо—даже больше—печально и съ тѣмъ вмѣстѣ раздражено. Раза два прошли по залу молча.

— Дорого-бы далъ я, чтобы узнать, кто устроилъ эту интригу—и постарался-бы отблагодарить этого человѣка!—проговорилъ Савеловъ сквозь зубы, стискивая кулакъ.—Петръ Степанычъ, если это дѣло не разъяснится, я подамъ въ отставку.

— Что вы сказали, Яковъ Кирилычъ?—Петръ Степанычъ былъ пораженъ изумленіемъ.

— Я спрашивалъ у Чаплина,—Нина спрашивала у него, кто сказалъ ему, что я нынѣ праздную свои именины, что онъ поступитъ очень мило, если пріѣдетъ сюрпризомъ.—Онъ говоритъ:—„Никто, я самъ“.—Это невозможно—кто-нибудь подучилъ его—бѣднякъ не можетъ понимать, на что подучили его! Онъ хотѣлъ оказарь мнѣ честь своимъ пріѣздомъ, невинное существо! — Кто изъ моихъ враговъ подучилъ его?—У кого могло быть столько хитрости, чтобы чтобы нанести мнѣ ударъ такой ловкій? Этотъ человѣкъ можетъ достичь своей цѣли. Онъ очень хорошо разсчиталъ мой характеръ. Я долженъ буду подать въ отставку, если это дѣло не разъяснится. Я понимаю, въ какое положеніе передъ вами ставитъ меня эта интрига, и не соглашусь оставаться въ такомъ положеніи. Выйти въ отставку, значило-бы для меня съ Ниной остаться безъ куска хлѣба, не говоря обо всемъ остальномъ, почему я дорожу службой. Но этотъ человѣкъ зналъ, что для меня есть вещи дороже и куска хлѣба, и всѣхъ разсчетовъ, всѣхъ стремленій.

Онъ быстро ушелъ, не дожидаясь отвѣта Петра Степаныча.

— Онъ честолюбецъ, но онъ не могъ-бы такъ низко интриговать противъ меня—сказалъ Петръ Степанычъ:—и вы слышали—онъ хочетъ подать въ отставку, если не обнаружится, что я ошибся?—Онъ не любитъ шутить. Тѣмъ больше такими словами.

Волгина должна была молчать. Только сама Савелова имѣла право сказать—какъ все это произошло.

Да и какое дѣло было Волгиной до того, что Савеловъ хочетъ ссадить Петра Степаныча и самъ сѣсть на его мѣсто? Правда Петръ Степанычъ былъ человѣкъ добрый,—несомнѣнно, съ искреннимъ желаніемъ общей пользы. Но Волгина привыкла слышать отъ мужа:—„Э, голубочка! Все равно—тотъ-ли, другой-ли. Никто изъ нихъ не можетъ ничего сдѣлать, какъ желалъ бы: больше ничего, какъ писари, которые пишутъ, что велятъ имъ писать“. Она слишкомъ хорошо видѣла теперь, что хоть мужъ ея говоритъ слишкомъ рѣзко и безусловно, но что, въ сущности, почти такъ; что, напримѣръ, Петръ Степанычъ

ничто передъ Чаплинымъ. — Она не могла также не видѣть, что насколько можетъ Петръ Степанычъ поступать такъ или иначе—онъ поступаетъ во всемъ по мыслямъ Савелова. Какая-же будетъ потеря, если Савеловъ и займетъ его мѣсто?—Волгина не могла компрометировать Савелову, чтобы сберечь должность Петру Степанычу.

Эффектное увѣреніе Савелова, что онъ подаетъ въ отставку, совершенно разбило мысли Петра Степаныча. Чѣмъ больше думалъ этотъ неглупый, но далеко не чрезвычайно умный человѣкъ, тѣмъ больше убѣждался, что Савеловъ не ждалъ пріѣзда Чаплина. Если-бы ждалъ—не остался-бы въ пальто: оставаться въ пальто, когда ждешь графа Чаплина—это слишкомъ фамильярно. Невозможно. Да и женѣ онъ велѣлъ-бы принарядиться: она даже не въ бальномъ платьѣ.—Да и по этикетамъ на бутылкахъ видно, что не ждали Чаплина: нѣтъ слишкомъ высокихъ сортовъ винъ; да и обѣдъ будетъ посредственный: поваръ у Савеловыхъ очень-очень немудрый; какъ было не позвать аристократичнаго повара, если бы ожидали Чаплина?—А Петръ Степанычъ зналъ, что не приглашали другого повара. Словомъ, всѣ мелочи доказывали, что Савеловы не ждали графа Чаплина. Не могли они рисковать, чтобъ онъ остался недоволенъ обѣдомъ и винами. А это можетъ быть: останется недоволенъ.

И вотъ уже четверть часа Чаплинъ здѣсь, а обѣдъ все еще не поданъ. Очевидно, когда послѣ пріѣзда Петра Степаныча было прислано отъ повара сказать, что обѣдъ еще не готовъ, тутъ не было уловки дожидаться Чаплина: дѣйствительно, поваръ не успѣлъ управиться съ обѣдомъ, слишкомъ превосходившимъ обычныя требованія.

Наконецъ явилась прислуга съ чашками супу на подносахъ. Въ гостиной тихо, скромно зашелестѣли десятки сапоговъ,—это звѣздоносцы устраивали изъ себя свиту; паркетъ застоналъ подъ сапогами мясника и графъ Чаплинъ съ храпомъ и сопомъ явился, ведя подъ руку хозяйку къ столу. — Онъ занялъ мѣсто по одну сторону ея. По другую, противъ него, было мѣсто Волгиной; подлѣ Волгиной мѣсто Петра Степаныча.

Предположеніе Петра Степаныча на счетъ обѣда и винъ оправдывалось. Графъ Чаплинъ нѣсколько разъ изволилъ выразиться: — „Не очень-то: да, соусъ-то не очень-то“,—или:—„а поваръ-то, видно, не очень-то“: или: „а винцо-то не очень-то“. Графъ Чаплинъ не изволилъ стѣсняться въ выраженіи своихъ мыслей.

Но зато онъ не стѣснялся и въ своей манерѣ кушать. Онъ находилъ, что кушанье „не очень-то“, но благоволилъ кушать.—Волгина жила въ деревнѣ, часто бывала на праздникахъ у поселянъ: она не видывала, чтобы самый неопрятный изъ мужиковъ держалъ себя за столомъ такъ мило, какъ изволилъ кушать графъ Чаплинъ.—Когда она была ребенкомъ, отецъ бралъ ее съ собою въ свои служебные разъѣзды: иногда ему приходилось останавливаться на постоялыхъ дворахъ, и не разъ она видѣла, какъ ѣдятъ извозчики,—люди, знаменитые въ народѣ тѣмъ, что ѣдятъ очень много. Она не помнила ни одного такого прожорливаго, какъ его свѣтлость графъ Чаплинъ. Онъ накидывался на каждое кушанье, будто не ѣлъ трое сутокъ, и жралъ каждаго по двѣ, по три порціи. Соусы текли съ его усовъ по его отвислому подбородку; обсасывая кости, онъ мазалъ себѣ всю нижнюю половину рыла; засаливши

салфетку, утерся ею по всему лицу, вымазалъ соусомъ даже виски; слуга подалъ другую салфетку, онъ утеръ соусъ,—и черезъ пять минутъ новыя полосы новаго соуса очутились у него на лбу. Скатерть на полъаршина кругомъ его тарелки была вся сплошь залита. Куски мяса валились у него изо рта въ тарелку ему и кругомъ, и мимо стола, на животъ ему, на полъ.—Волгина отворачивалась, чтобы не видѣть, какъ онъ жретъ; но въ ушахъ ея раздавалось чавканье, чмоканье и фырканье.

Савелова могла-бы не очаровывать его, пока онъ былъ занятъ жраньемъ: пока онъ жралъ, онъ былъ равнодушенъ ко всякому другому очарованію. Въ началѣ стола Савелова и не очаровывала его: нàскоро совала ему на тарелку новый кусокъ—черезъ минуту опять: „кушайте, графъ“,—и только, даже не улыбалась. Но вдругъ улыбнулась ему. Волгина взглянула на противоположный конецъ стола, гдѣ сидѣлъ хозяинъ: хозяинъ держалъ противъ глазъ стаканъ съ краснымъ виномъ, всматривался въ него и былъ недоволенъ; такъ онъ и сказалъ сосѣду: „Это вино поддѣльное, не пейте его“ и отдалъ приказаніе слугѣ: „возьми эту бутылку, дай другую“.

Нѣсколько разъ Волгина взглядывала въ его сторону при внезапныхъ усиліяхъ любезности Савеловой къ милому гостю. Но уже не могла поймать Савелова въ томъ, какъ онъ отдаетъ безмолвныя приказанія женѣ. Для него довольно было быть пойманнымъ одинъ разъ. Теперь онъ уже понималъ, что Волгина его врагъ.—Она не могла много мѣшать ему въ отдачѣ приказаній. Ей нельзя было часто и подолгу смотрѣть такъ далеко въ сторону: замѣтили-бы. А онъ съ женой сидѣли лицомъ противъ лица.

Чѣмъ дальше, тѣмъ любезнѣе становилась хозяйка съ милымъ гостемъ. Вотъ, она переложила ему кусокъ со своей тарелки... И этой любезности мало: она сама стала рѣзать ему кушанье, на его тарелкѣ, склоняясь къ нему... Она ѣстъ мороженое съ одной тарелки съ нимъ... Милый гость жралъ очень проворно, но столько, что каждое блюдо доѣдалъ послѣдній. Такъ и при окончаніи обѣда: всѣ должны были ждать, пока графъ накушается фруктовъ.—Ну, не довольно-ли будетъ!—просопѣлъ онъ въ нерѣшительности:—кажется, что довольно. Вотъ, по сихъ мѣстъ,—онъ провелъ рукою по мѣсту, гдѣ у другихъ людей въ военномъ мундирѣ виденъ воротникъ, а у него висѣли брыла подбородка.—Больше не полѣзетъ—и сунулъ въ пасть персикъ цѣликомъ, хамкнулъ и выплюнулъ косточку.—Еще одинъ, пополамъ со мною,—сказала хозяйка и разрѣзала новый персикъ.—Не могу; ей Богу, не полѣзетъ; развѣ сами положите въ ротъ, ну, тогда полѣзетъ,—просопѣлъ милый гость, и половина персика была положена въ пасть ему.

Стулья загремѣли. Милый гость, захрапѣвши отъ вставанья, присовывалъ локоть къ Савеловой. Волгина положила руку на ея талью:—Вы извините, графъ: мнѣ кажется, что Антонинѣ Дмитріевнѣ надобно отдохнуть. Она повела Савелову. Чаплинъ оставался, хлопая глазами.

— Я уведу васъ и беру на себя объясниться съ вашимъ мужемъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—Нѣтъ, нѣтъ!—въ ужасѣ прошептала Савелова.—Нѣтъ, я нисколько не устала,—продолжала она громко.—Но я надѣюсь, графъ, вы извините нашъ обѣдъ, мы не знали...

— Нужды нѣтъ, я поѣлъ порядкомъ, не безпокойтесь; даже тяжело. Ну, да вотъ протрясемся съ вами-то и отпуститъ. Это часто со мной.

Она усѣлась близко, близко къ нему и разговоръ ихъ продолжался въ томъ-же духѣ: графъ говорилъ, что вотъ, когда онъ протрясется съ нею, то и отпуститъ. Она извиняла своего повара. Онъ повторялъ, что нужды нѣтъ, ему тяжело, но онъ протрясется съ нею и тогда отпуститъ.

— Хотите, я покажу вамъ всю нашу квартиру, мою комнату, графъ?— сказала Савелова черезъ минуту.

— Пожалуй, промнемся немножко—сказалъ милый гость.

„Не оставляйте меня одну“—говорила вчера Савелова Волгиной. Но теперь она сама обращалась къ нему, не предлагая Петру Степанычу и Волгиной идти съ ними. Она даже бросила на Волгину взглядъ, который нельзя было принять иначе, какъ за просьбу не мѣшать ей и оставаться въ гостиной съ Петромъ Степанычемъ. Она ушла со своимъ милымъ гостемъ.

Черезъ двѣ-три минуты вошелъ слуга и доложилъ Савелову, что его свѣтлость уѣзжаетъ, его свѣтлость уже въ передней. Савеловъ пошелъ проводить гостя.—Вернулся; за нимъ вернулась и Савелова.—Она боязливо поглядывала на мужа. Мужъ не обращалъ вниманія на это.

— Мы уйдемъ отъ васъ, Петръ Степанычъ,—сказала Волгина.—Быть можетъ, мы не увидимся съ вами больше. На всякій случай прощаюсь.

Савеловой, очевидно, не хотѣлось этого. Но Волгина встала, и Савелова должна была идти съ нею.

Савелова краснѣла, блѣднѣла и, введя Волгину въ свою комнату, простонала и бросилась на постель, въ подушки лицомъ.

— Я привела васъ сюда не за тѣмъ, чтобы читать вамъ мораль. Встаньте, будемъ говорить о томъ, какъ вамъ избавиться отъ принужденія со стороны вашего мужа.

Но Савелова не хотѣла слушать, не хотѣла встать; лежала лицомъ въ подушки и рыдала.

Волгина отошла отъ нея, пока она сдѣлается способною думать, и стала, отъ нечего дѣлать, осматривать спальную.

Эта довольно большая комната была убрана гораздо лучше парадныхъ, даже не безъ роскоши, если для жены такого сильнаго человѣка, какъ Савеловъ, можетъ назваться роскошью мѣбель, обитая атласомъ, и превосходное трюмо. На стѣнкахъ висѣли два пейзажа хорошей кисти. На письменномъ столѣ были фотографическіе портреты, въ дорогихъ рѣзныхъ рамкахъ.

Подошедши къ этому столу, Волгина вздрогнула отъ удивленія; подлѣ портретовъ Савелова и Петра Степаныча тутъ стоялъ портретъ Нивельзина.

„Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы она была такъ неосторожна!“ подумала Волгина: „невозможно!“ Какъ-же тутъ объяснить? Неужели Савеловъ способенъ къ такому варварству? И какъ могло открыться, когда у нея послѣ того не было никакихъ сношеній съ Нивельзинымъ, а тогда мужъ отступился отъ прежнихъ подозрѣній?—Какъ-бы то ни было, несомнѣнно то, что она уличена. Такъ, только при этомъ и понятно ея рабское повиновеніе мужу. И иначе, она отказалась бы, возмутилась бы, какъ ни слабъ ея характеръ.

— Вы должны презирать меня!.. Но я еще не сдѣлалась его любовницей!.. О, вы не повѣрите мнѣ, но я еще не сдѣлалась его любовницею!..

— Я не повѣрила-бы, если-бы вы сказали, что вы его любовница. Презирать васъ?—Теперь, когда я увидѣла портретъ Нивельзина у васъ на столѣ, я сужу снисходительнѣе о вашемъ послушаніи мужу. Какъ онъ уличилъ васъ?—Этимъ онъ принуждаетъ васъ?“

Этимъ. Онъ давно потребовалъ, чтобъ она кокетничала съ Чаплинымъ. Она рѣшительно отказывалась. Какъ узналъ онъ?—Тогда ему донесла ея горничная. Горничная сама не знала ничего хорошенько; только подозрѣвала. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что горничная оклеветала ее. Но теперь, когда Нивельзинъ возвратился изъ-за границы, когда она стала видѣть его вмѣстѣ съ Волгиною, въ ней пробудилась ревность; она много плакала. Однажды она плакала надъ письмами Нивельзина. Мужа не было дома. Она не слышала, какъ онъ возвратился. Она услышала только, когда уже его шаги приближались. Она успѣла спрятать письма. Она думала, что онъ не замѣтилъ ничего. Но онъ замѣтилъ, какъ она прятала что-то.

Черезъ два дня она была на вечерѣ. Онъ оставался дома. Ей показалось, что онъ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкой, когда она возвратилась. Она притворилась, будто скоро заснула. Онъ уснулъ; она встала и вынула маленькую шкатулку, въ которой берегла письма и волоса Нивельзина. Двухъ изъ писемъ недоставало,—двухъ—болѣе ясныхъ, нежели другія. Конечно, она не могла заснуть до разсвѣта. Когда она проснулась, мужа не было. Онъ вернулся, вошелъ къ ней и подалъ ей четырехугольный пакетикъ, обвернутый въ бумагу:—„я привезъ подарокъ тебѣ, Нина“... Это былъ портретъ Нивельзина. Она пошатнулась. Онъ поддержалъ ее и сказалъ: „я не изъ тѣхъ мужей, которые любятъ ссориться. Не буду упрекать тебя. Тѣмъ меньше надобности ссориться, что я знаю—твои прежнія отношенія не могутъ возобновиться. Онъ увлеченъ другою привязанностью. Ты сохраняешь расположеніе къ нему, но уже только дружеское, невинное. Я не имѣлъ-бы ничего даже и противъ того, чтобъ онъ бывалъ у насъ. Но я понимаю, что это не было бы пріятно ни тебѣ, ни ему. Пусть-же, по крайней мѣрѣ, его портретъ напоминаетъ тебѣ о немъ“. Онъ поставилъ портретъ Нивельзина на ея столъ, съ просьбой не снимать. — Съ того утра она знала, что должна рабски повиноваться ему.

— Я думаю—довольно. Я не имѣю надобности знать ничего больше—сказала Волгина и позвонила. Вошла служанка; на вопросъ Волгиной, разѣзжаются-ли гости, отвѣчала, что нѣтъ: сидятъ и курятъ, и, повидимому, не собираются уѣзжать. Волгина попросила вызвать Савелова въ его кабинетъ, который былъ рядомъ со спальною жены, и перешла туда.—Савеловъ пришелъ съ лицомъ очень серьезнымъ, но совершенно любезнымъ.

— Постарайтесь, пожалуйста, чтобъ ваши гости разъѣхались поскорѣе, сказала Волгина.—Или лучше мнѣ попросить объ этомъ Петра Степаныча?

— Нѣтъ, я самъ желаю разговора съ вами,—отвѣчалъ онъ:—Я очень хорошо знаю, какую силу вы имѣете надъ мыслями Нины. Для меня важно объяснить вамъ истинное положеніе дѣла. — Они остаются только за тѣмъ, чтобы подписать докладъ, который будетъ привезенъ очень скоро, я надѣюсь. Еслибъ не эта сцена, сдѣланная Ниною, онъ былъ-бы подписанъ здѣсь и Чап-

линымъ.—Теперь Петръ Степанычъ повезетъ его къ Чаплину. Я самъ не могу ѣхать: мой видъ только еще больше раздражилъ бы этого человѣка. Мнѣ страшно за судьбу этого доклада; о, если-бы вы знали, какою великою опасностью грозитъ,—не намъ съ Петромъ Степанычемъ только, а дѣлу свободы, эта досада Чаплина! О, какъ желалъ-бы я, чтобы вмѣстѣ съ вами былъ здѣсь и вашъ супругъ, судить между мною и Ниною!

— Вы хотите пробудить жалость или стыдъ въ моемъ мужѣ?—сказала Савелова, горько улыбнувшись, когда Волгина вернулась къ ней: напрасная надежда!—Слушайте, что было между нимъ и мною, что заставило меня пріѣхать вчера къ вамъ...

— Я понимаю, что вы пріѣхали ко мнѣ только потерявши всякую надежду; зачѣмъ мнѣ знать подробности?—останавливала ее Волгина. Но жалкая женщина хотѣла жаловаться и плакать. Волгина принуждена была слушать.

Давно Савеловъ хотѣлъ, чтобы жена его завлекла Чаплина. Она знала всю важность дружбы этого человѣка и, подавляя отвращеніе, стала кокетничать съ нимъ. Но это не человѣкъ, а животное. Смотрѣть на женщину, говорить съ нею, пожимать ея руку,—въ этомъ нѣтъ никакого удовольствія ему. Вѣроятно, и цѣловать женщину не очень занимательно для него. Онъ не человѣкъ, онъ только животное. Женщина имѣетъ для него только одну интересность—быть его наложницею. Послѣ трехъ, четырехъ разговоровъ, онъ сказалъ ей:—„Видно, вы меня считаете за дурака“, и не хотѣлъ больше слушать ея любезностей. Она сказала мужу, что дѣлала все, что могла, и не можетъ сдѣлать ничего. Мужъ не сталъ спорить.

Но когда завладѣлъ уликами противъ нея, онъ снова сказалъ ей. „Дружба Чаплина чрезвычайно важна для насъ, Нина; прошу тебя, пріобрѣти ее“. Она должна была пріобрѣтать. При второмъ разговорѣ Чаплинъ сказалъ: „Да что, будто я не понимаю? Вы опять хотите кормить меня пустыми словами“. Она принуждена была подавать ему надежду. Но еще два, три разговора, и онъ уже говорилъ: „Да что же, какія тамъ у васъ помѣхи да задержки? Я вижу, вы, просто, отлынываете“. Онъ злился. На ея бѣду, онъ почувствовалъ влеченіе къ ней,—и очень сильное. Онъ сталъ-бы мстить ей, вредя мужу. Онъ можетъ обратить ея мужа въ ничто. Какъ она сказала-бы мужу: „Я сдѣлала его врагомъ тебѣ!“ Прощеніе было бы невозможно. Она мучилась и не могла рѣшиться говорить съ мужемъ. И вотъ третьяго дня, вечеромъ, мужъ объявилъ ей, что въ нынѣшнемъ году хочетъ праздновать свои именины парадным обѣдомъ, и что графъ Чаплинъ долженъ быть на обѣдѣ: „Нынѣ балъ, на которомъ ты увидишь его; пожалуйста, сдѣлай, чтобы онъ пріѣхалъ“.—Она поѣхала исполнить порученіе.—„Ну, что? опять наплетете какую-нибудь небывальщину? Опять станете отлынивать?“—былъ привѣтъ графа Чаплина.—„Нѣтъ, сказала она—я нашла, наконецъ, возможность говорить съ вами наединѣ. Послѣ завтра именины моего мужа. Пріѣзжайте, и мы будемъ говорить наединѣ“. — „Какъ-же это будетъ—по вашему? Съ вами надобно ухо держать востро: больно мастерица отлынивать. Ну, какъ будетъ свиданіе?“—Послѣ обѣда я поведу васъ посмотрѣть наши комнаты,—

и мы останемся въ моей комнатѣ одни". — „Такъ-то вы не отлынивaете?" сказалъ онъ: „Нашли дурака! Хорошо будетъ свиданіе! Въ сосѣдней комнатѣ усадите гостей; да еще станетъ поминутно соваться горничная. Понимаемъ-съ!— Выйдетъ по усамъ текло да въ ротъ не попало". Онъ храпѣлъ въ бѣшенствѣ. Она испугалась.— „Чего-же вы требуете? сказала она. — „Вотъ мое условіе, государыня моя: послѣ обѣда поѣдемъ съ вами въ театръ, въ каретѣ. Хотите — то прекрасно; не хотите — узнаете, каково играть со мною точно съ дуракомъ". Она согласилась.

Мужъ дождался ея возвращенія: сидѣлъ въ халатѣ, у постели и читалъ.— „Исполнила мою просьбу, Нина?" — „Да,—отвѣчала она и отпустила горничную:—исполнила, Жакъ, но если-бы ты зналъ, чего мнѣ стоило это!" — „Чѣмъ труднѣе было исполнить, тѣмъ больше я благодаренъ, Нина" —отвѣчалъ онъ, сбрасывая халатъ, и легъ. — „Выслушай меня, Жакъ!" — простонала она. — „У меня слипаются глаза, Нина. Оставимъ это". — Нѣтъ, ты долженъ выслушать меня!—Я принуждена была обѣщать ему, что послѣ обѣда мы съ нимъ поѣдемъ въ театръ, въ каретѣ!" — „Только-то, Нина? что за пансіонскіе страхи? Не завезетъ-же онъ тебя въ разбойничью пещеру. Поѣдете въ нашей каретѣ, не такъ-ли?—Если-бъ у него на умѣ и была какая-нибудь подлость, то разсуди, что кучеръ и лакей твои, будутъ слушать не его, а тебя. Поѣдете въ театръ, и пріѣдете прямо въ театръ. Въ его ложу, конечно; тамъ его мать, разныя кузины.—Что тутъ ужаснаго?" — Онъ зѣвнулъ и закрылъ глаза:— „Я очень благодаренъ тебѣ, Нина". — „Жакъ! ты не умолимъ? Онъ молчалъ. Онъ притворился уснувшимъ.— „Жакъ, я должна предупредить тебя,—сказала она, дотронувшись до его руки:—Я предвидѣла, что не разжалоблю тебя, и приняла хоть ту предосторожность, что велѣла ему говорить, будто онъ пріѣдетъ сюрпризомъ. Я сказала, что мы не можемъ сдѣлать такого обѣда, какой былъ бы необходимъ, если-бы мы говорили, что ждемъ его." — „Это для меня все равно. Пожалуй, я не буду говорить, что жду его. Но что тебѣ такъ вздумалось, Нина?" — „Что сказали бы, если бы узнали, что онъ пріѣхалъ по моему приглашенію? Кто-же не знаетъ, что онъ можетъ выслушивать желанія женщины только тогда, когда она соглашается быть его любовницею?" — „Въ этомъ есть своя доля правды, и предосторожность твоя очень умна. Мнѣ не пришло въ голову. Хорошо: мы не ждемъ его. Но вотъ что: наша скрытность можетъ возбудить неудовольствіе въ Петрѣ Степанычѣ. Другимъ—никому; но ему надобно сказать—Нина." — „Ему меньше, нежели кому-нибудь, Жакъ: я дорожу его уваженіемъ." — „Изволь, Нина: не будемъ говорить ему. Это капризъ твой — не больше; но я такъ благодаренъ тебѣ, что соглашаюсь. Петръ Степанычъ непремѣнно разсердится и придумаетъ, Богъ знаетъ, какія подозрѣнія. Но такъ или иначе, можно будетъ успокоить этого добряка. Да и не очень важно его неудовольствіе, если заберемъ Чаплина въ свои руки. Я чрезвычайно благодаренъ тебѣ, Нина," —повторилъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ сталъ дремать.

Она видѣла себя обреченною, отданною въ жертву Чаплину. Она не могла спать. Къ разсвѣту у нея стала возрождаться надежда: онъ согласился, что ея предосторожность не напрасна. Ему было-бы непріятно, если-бы всѣ заго-

ворили, что его жена—любовница Чаплина. Она заснула съ рѣшимостью возобновить свои мольбы.

Поутру она пошла въ кабинетъ мужа и сказала: „Жакъ, терзай меня за мое прошлое преступленіе передъ тобою, но терзай самъ, не отдавай меня на поруганіе животному, бездушному, безстыдному, отвратительному.“—„Ты фантазируешь, Нина,— отвѣчалъ онъ: — Терзать тебя?—я не сдѣлалъ тебѣ ни одного упрека за прошлое; я умѣю забывать ошибки, Нина, когда вижу искреннее желаніе загладить ихъ въ моей памяти; когда вижу, Нина; до сихъ поръ, и видѣлъ; и все, что ты слышала отъ меня, было только: благодарю, цѣню твои услуги.—Ты несправедлива ко мнѣ. Еще страннѣе твои слова о какомъ-то поруганіи. Я согласенъ, что услуга, о которой я прошу тебя, непріятна. Но ты сама знаешь, какъ велика наша общая съ тобою выгода, если мы возьмемъ Чаплина подъ нашу власть. Я понимаю, просидѣть четверть часа въ каретѣ съ такимъ неопрятнымъ и гадкимъ человѣкомъ — довольно мучительно. Но что тутъ особенно ужаснаго?—Я не ребенокъ, Нина; я очень хорошо знаю, что женщина въ подобномъ tête-à-tête не подвергается никакой опасности, если не увлечется сама. Опасность можетъ состоять только въ томъ, если у женщины взволнуется кровь, и она забудетъ осторожность. Съ нимъ ты не можешь испытать этого—онъ гадокъ. Чего-же тебѣ бояться?—Ты разфантазировалась и создала себѣ пустые страхи. Но повторяю: съ тѣмъ, что этотъ tête-à-tête очень непріятенъ, я совершенно согласенъ. Жалѣю объ этой необходимости, Нина, искренно жалѣю. Но ты сама понимаешь, какъ важно для насъ пріобрѣсти поддержку этого человѣка. Пококетничай съ нимъ полгода,—быть можетъ—меньше,—и потомъ ты свободна третировать его, какъ онъ того заслуживаетъ. Я требую отъ тебя немногаго. Но требую твердо. Подобные разговоры непріятны: и для того, чтобы они не могли повторяться, я долженъ поставить вопросъ ясно. Если ты помогаешь моимъ планамъ, ты жена мнѣ; если нѣтъ — то нѣтъ. Не принимай этого за угрозу. Я не хотѣлъ-бы развода. Ты очень полезная помощница мнѣ. Но я былъ принужденъ совершенно прямо высказать тебѣ, въ чемъ состоитъ связь между нами. Если ты порвешь ее, мнѣ будетъ очень жаль; но она будетъ порвана. О, нѣтъ, не блѣднѣй, не трепещи, Нина! Я сказалъ лишнее. Я увѣренъ, между нами не будетъ ссоры. Ты не измѣнишь мнѣ на послѣднихъ шагахъ труднаго пути, который ведетъ къ власти! Ты поможешь мнѣ подняться,—ты взойдешь вмѣстѣ со мной на высоту, гдѣ ни тебѣ, ни мнѣ уже не будетъ надобности интриговать!—И я гордъ, Нина, какъ ты—быть можетъ, гораздо болѣе гордъ, нежели ты; и мнѣ мучительно хитрить, льстить. Но что-же дѣлать? Потерпимъ, потерпимъ эту тяжелую необходимость еще немножко, и скоро не будемъ имѣть нужды ни въ комъ, не будемъ унижаться ни передъ кѣмъ! Я надѣюсь на тебя, Нина, ты не измѣнишь мнѣ!“—Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и ушелъ.

Она не могла удержать его, потому что у нея темнѣло въ глазахъ, она была близка къ обмороку.— Да и какая польза была бы, еслибъ она удержала его и продолжала свои мольбы? Съ нею сдѣлалась истерика. Его уже не было дома, онъ не слышалъ. Да еслибъ и слышалъ, и видѣлъ, какая бы разница? Онъ не повѣрилъ-бы, подумалъ: „играетъ комедію“—и если-бы повѣрилъ, все равно: развѣ сжалился-бы онъ?

Когда она собралась съ мыслями, она поѣхала къ Волгиной. Она думала сказать Чаплину, что Волгина приглашена Петромъ Степанычемъ и ея мужемъ противъ ея воли; что они нуждаются въ Волгинѣ, завязываютъ сношенія съ Волгинымъ черезъ его жену; что она должна соблюдать величайшія церемоніи съ Волгиною не можетъ уѣхать отъ нея, не можетъ намекнуть ей о надобности уѣхать отъ нея. Она стала говорить ему это, лаская его; пока онъ не понималъ, къ чему ведетъ она, онъ слушалъ и вѣрилъ и былъ нѣженъ; но какъ заикнулась она, что не можетъ уѣхать отъ своей гостьи, онъ захрапѣлъ: — „А, такъ вотъ къ чему вы плели! Отлынивать!—Я вамъ сказалъ по-русски, что эти ваши нѣжности—не очень-то сытны для меня. Поѣдемъ въ театръ—или нѣтъ?“ Она стала больше ласкаться къ нему. Онъ храпѣлъ: „да это мнѣ что! Поѣдемъ-ли мы въ театръ или нѣтъ?—Нѣтъ, видно?—Ну, такъ хорошо-же: я вамъ покажу, каково шутить мною.“ — Въ бѣшенствѣ онъ оттолкнулъ ея руку и ушелъ.

Что будетъ теперь съ нею? Мужъ заставитъ ее умилостивить это отвратительное животное... она не хотѣла начинать и говорить объ этомъ съ Волгиною: она знала, что помощь невозможна. Волгина привела ее сюда. Волгина знаетъ теперь ея позоръ; Волгина презираетъ ее...

— Посмотримъ, что можно сдѣлать, — сказала Волгина.

— О, не говорите съ нимъ! Я знаю, какъ вы будете говорить! — Я знаю, потому и не хотѣла идти сюда съ вами, не хотѣла разсказывать вамъ. Вы раздражите его противъ меня! Вы погубите меня! О, умоляю васъ! Она бросилась лицомъ въ подушки и оттуда простонала: — О, умоляю васъ, не губите меня!

Она должна была спрять лицо въ подушки, чтобы высказать эту позорную просьбу. О чемъ умоляла она? Чтобъ не мѣшали ей сдѣлаться любовницей человѣка, на котораго не могла смотрѣть безъ отвращенія.

Состраданіе боролось въ Волгиной съ негодованіемъ. Волгина начинала чувствовать стѣсненіе въ груди, будто недоставало воздуха дышать. У нея было теперь одно желаніе: поскорѣе вырваться изъ этого жилища гнусностей—поскорѣе.

Савелова лежала, спрятавши лицо въ подушки, и рыдала, твердя: — Пощадите меня! Не губите меня! — Нельзя было, чтобы горничная увидѣла ее въ такомъ унизительномъ отчаяніи. Нельзя было позвонить. Волгина пошла сама найти кого-нибудь изъ прислуги, чтобъ узнать, разъѣхались-ли гости.

По залу ходилъ Савеловъ, сложивши руки на груди, склонивши голову. Но станъ его былъ прямъ, походка ровная, твердая, какъ будто спокойнаго человѣка.

— Они разъѣхались, и я ждалъ васъ. Терпѣливо ждалъ, пока Нина выскажетъ вамъ все, въ чемъ винитъ меня. Я не входилъ и въ кабинетъ, чтобы не мѣшать ей. Надѣюсь, и она не будетъ мѣшать мнѣ,—твердо, будто хладнокровно—сказалъ онъ, идя въ гостиную и придвигая кресло къ дивану, гдѣ садилась Волгина:—Мнѣ хотѣлось-бы говорить спокойно. Не знаю, буду-ли я въ состояніи: меня сильно волнуетъ судьба доклада, который повезъ Петръ Степанычъ къ Чаплину.

— Вы совершенно разсѣяли подозрѣнія Петра Степаныча?

— Совершенно. И долженъ благодарить васъ за то, что вы не отняли у меня возможности разувѣрить его. Вы пріѣхали сюда моимъ врагомъ, и все-таки не захотѣли выдать меня ему. Если-бы вы сказали ему хоть одно слово, онъ потерялъ-бы всякое довѣріе ко мнѣ.

— Мнѣ очень жаль, что я не могла сказать ему этого слова, не компрометируя вашу жену.—Жалѣю и о томъ, что ея волненіе не дало мнѣ теперь возможности посовѣтовать ей, чтобъ она разсказала ему, въ чемъ дѣло. Не думайте, что я ждала бы отъ него какой-нибудь помощи ей. Нѣтъ, я очень вижу, что онъ не способенъ бороться съ вами. Но ей самой тяжело притворяться передъ человѣкомъ, который совершенно вѣритъ въ ея дружбу. Да и мнѣ непріятно было видѣть, что обманываютъ добряка. Я полагаю, и для васъ эта надобность была очень непріятна? — Я думаю, вы не притворялись раздраженнымъ, когда говорили ему, что подадите въ отставку, если не раскроется интрига, устроенная вашимъ врагомъ — я думаю, вы дѣйствительно были раздражены необходимостью прибѣгать къ обману? Вѣроятно, досада, въ которой уѣхалъ Чаплинъ, также помогла вамъ окончательно разсѣять сомнѣнія Петра Степаныча? Конечно, вы должны были предупредить Петра Степаныча, что Чаплинъ можетъ заупрямиться подписать докладъ, и, вѣроятно, вы объяснили досаду Чаплина тѣмъ разговоромъ, который имѣла съ нимъ ваша жена въ своей комнатѣ?—вѣроятно, вы сказали, что она увела его съ цѣлью намекнуть, что его пріѣздъ сюрпризомъ хоть и дѣлаетъ вамъ очень много чести, но подвергалъ васъ непріятностямъ съ Петромъ Степанычемъ—и что Чаплинъ разсердился на этотъ намекъ?—Или я ошибаюсь — вы не догадались растолковать ему такъ?—Monsieur Савеловъ, я вѣрю словамъ, которыя вы сказали вашей женѣ: вамъ тяжело унижаться до интриги—до обмана. У васъ гордый, повелительный характеръ. Вы сказали вашей женѣ, что жалѣете объ униженіи, которому необходимо ей подвергаться. Я скажу вамъ—если-бы у меня было болѣе снисходительности—я жалѣла бы о васъ.

— Я не жду отъ васъ снисходительности. Сначала я былъ обманутъ словами Петра Степаныча, что онъ проситъ пригласить васъ. Но съ той минуты, какъ онъ пріѣхалъ и было сказано, что обѣдъ не готовъ, я понялъ: жена уговорила его обмануть меня; вы пріѣхали быть моимъ врагомъ. Я прочелъ на вашемъ лицѣ: вы не повѣрили, что обѣдъ не готовъ.

— Читать на моемъ лицѣ не трудно: я могу молчать, но выраженіе моего лица не повинуется моей волѣ.—Да, въ эту минуту я узнала, что вы ждете еще кого-то.

— Не въ первый разъ вы разстраиваете мои планы. Тогда вы надолго отняли у меня оружіе. И теперь, если-бы ваше присутствіе не импонировало моей женѣ, она не рѣшилась-бы измѣнить своему условію съ Чаплинымъ. — Но я надѣюсь, хоть вы и врагъ мой, ваше вліяніе на мою жену будетъ, въ результатѣ, полезно для меня и теперь, какъ тогда. Это потому, что если вы и не расположены ко мнѣ, вы расположены къ ней, а ея и мои выгоды — однѣ и тѣ-же. Ваши совѣты ей и теперь будутъ въ мою пользу, какъ тогда.

— Какъ тогда?—Вы полагаете, что я совѣтовала ей бросить Нивельзина? Напрасно. Я почти принуждала ее бросить васъ и уѣхать съ нимъ заграницу. Если они остались жить съ вами — это ея собственная — вѣроятно,

заслуга въ вашихъ глазахъ—слабость въ моихъ. Вы видите изъ этого, моя сила надъ ней не такъ велика, какъ вы думали.—Можетъ быть, это уменьшаетъ вашу охоту продолжать нашъ разговоръ?—Я не имѣла-бы ничего противъ вашего желанія прекратить его. — Впрочемъ, вамъ очень можетъ показаться, что я только пугаю васъ этими словами. Вы можете понимать ихъ даже въ смыслѣ, что я совершенно увѣрена въ повиновеніи вашей жены моимъ совѣтамъ.—Нѣтъ—не думайте такъ. Мои слова надобно всегда понимать въ прямомъ ихъ смыслѣ. Я почти увѣрена, что ваша жена и теперь не послушается моихъ совѣтовъ, какъ тогда.—Я еще не давала ихъ ей, потому что она не спрашивала ихъ. Она была такъ разстроена, что не могла спрашивать. Но если вы не будете держать ее подъ замкомъ, то, вѣроятно, спроситъ, потому что ея состояніе чрезвычайно мучительно. Тогда я дамъ ихъ. Въ чемъ они будутъ состоять, я не обязана говорить вамъ. И если-бы хотѣла, то еще не могла-бы сказать: надобно будетъ видѣть, каково будетъ настроеніе ея мыслей, когда она хорошенько обдумаетъ свое положеніе. Кромѣ того, надобно мнѣ знать и ваши мысли. Дѣйствительно-ли вы хотите продать Чаплину вашу жену?—Она увѣрена въ этомъ; но что скажете вы сами?

Савеловъ вскочилъ. Онъ не могъ говорить. Губы его дрожали, онъ весь дрожалъ.

— Если, точно, хотите продать, я посовѣтывала-бы прежде получить отъ Чаплина все, чѣмъ онъ долженъ вознаградить васъ. Если сначала отдадите жену, потомъ станете просить платы, онъ прогонитъ васъ, посмѣявшись вашей глупости.

— Вы злоупотребляете правомъ женщины оскорблять безнаказанно, — проговорилъ онъ, падая въ кресло: — Я не могу потребовать у васъ отчета за ваши слова!

— Не можете потребовать у меня, отправьтесь къ моему мужу и потребуйте отъ него: онъ дастъ вамъ отчетъ!—Разскажите ему, какъ я оскорбила васъ,—и получите отчетъ!—Да, мои слова недовольно сильны и грубы, я женщина; мужчина долженъ объяснить вамъ, какого имени заслуживаете вы.—Отправьтесь къ моему мужу — онъ удовлетворительнѣе, нежели я, поговоритъ съ вами. — Глупецъ! вы смѣете оскорбляться, когда должны умолять меня, чтобы я молчала даже передъ моимъ мужемъ о томъ, что узнала отъ вашей жены!—Я оскорбила васъ! Прощайте. Мой мужъ пришлетъ вамъ отчетъ, — мой мужъ будетъ обязанъ позаботиться, чтобъ общество узнало, какъ я виновата передъ вами. Я женщина, я не могу говорить о вашихъ дѣлахъ, какъ надобно для васъ. Онъ можетъ. Вы будете довольны.

— Останьтесь, прошу васъ!—Онъ схватилъ ее за руку:—вы не слышали моего оправданія. Я не имѣлъ той гнусной мысли, которую приписываетъ мнѣ жена.

— Развѣ бы стала я и говорить съ вами, если-бы не была увѣрена, что вы не хотѣли продать ее?—Я только потому и стала говорить, что вы сами не понимаете, что вы дѣлаете. Жалкій человѣкъ, вы только ослѣплены вашимъ честолюбіемъ,—это ясно, вы злодѣй только потому, что вы слѣпы. Вы говорили мнѣ, что вы и мой мужъ идете по разнымъ дорогамъ. Къ чему приведетъ моего мужа его дорога, все равно: онъ видитъ; и не пожалѣетъ, что

шелъ ею. Къ чему приведетъ васъ ваша дорога, вы не видите; я скажу вамъ: вы погибнете, проклинаемый честными людьми, осмѣянный безчестными. Это потому, что вы хотите быть безчестнымъ только на половину; люди, вполнѣ безчестные, пользуются услугами мелкихъ глупцовъ и потомъ прогоняютъ ихъ съ заслуженнымъ позоромъ. Тоже предсказываетъ о васъ мой мужъ, и я вижу теперь: онъ правъ; вы уже начинаете запутываться въ интригахъ, которыя строите. Но я здѣсь не для того, чтобы убѣждать васъ—стать честнымъ.—Я здѣсь не для васъ. Я увидѣла несчастную женщину, и я здѣсь только по ея просьбѣ, только для нея. Смотрите, какъ вы запутались въ обманѣ, участвовать въ которомъ принуждаете ее. Она говоритъ вамъ, что надобно скрывать ото всѣхъ то, что Чаплинъ согласился пріѣхать по ея просьбѣ. Вы думаете: это капризъ—она только хочетъ запугать; онъ можетъ ѣздить и ея репутація не пострадаетъ. Она говоритъ, что ваши требованія принуждаютъ ее сдѣлаться любовницею Чаплина. Вы думаете: вздоръ, она притворяется, запугиваетъ: ей только непріятно кокетничать съ такимъ непривлекательнымъ человѣкомъ. Такъ вы думаете? Въ этомъ ваше оправданіе? О, вы правы—вы жалкій слѣпой интриганъ. И чего-же добиваетесь вы? Вы можете разсудить, если захотите. Вотъ вы уже добились того, что Чаплинъ озлобился. Чѣмъ больше она будетъ завлекать его, тѣмъ сильнѣе будетъ его мщеніе за обманъ. Или вы добьетесь—до того, что обмана не будетъ, что она отдастся ему. Не говорю, что всѣ честные люди будутъ плевать вамъ въ глаза,—пусть это не важность для васъ. Но подумайте о томъ, что вы заставляете ее ненавидѣть васъ. И если она отдастся Чаплину, какое будетъ первое приказаніе отъ нея ему?—Она потребуетъ, чтобъ онъ стеръ васъ съ лица земли.—Можетъ быть, вамъ угодно получить отчетъ въ моихъ словахъ? Отправьтесь къ моему мужу. Онъ дастъ вамъ отчетъ въ нихъ. Я женщина; я не хочу больше говорить о вашихъ гадкихъ дѣлахъ. Одно я говорю вамъ: продолжайте, продолжайте, и она очень скоро увидитъ, что отъ нея зависитъ: оставаться-ли вашею женой, или сдѣлаться графинею Чаплиною. Какой выборъ сдѣлаетъ она—не знаю: я не посовѣтовала-бы ей ни того, ни другого. Но я уже сказала вамъ, что она не очень слушаетъ моихъ совѣтовъ. Одно я посовѣтую ей—и этимъ совѣтомъ она воспользуется, ручаюсь вамъ: я скажу ей, что она можетъ хохотать надъ вашими угрозами. Правда-ли, можетъ? Вы согласны, ваши угрозы нелѣпы? Вамъ ли теперь пугаться?—Вы могли бы, укравши письма Нивельзина,—если бы не говорили ей о Чаплинѣ. А теперь,—теперь вы должны бояться ее. Почему?—Я женщина и не даю отчета въ моихъ словахъ;—если онъ нуженъ вамъ, мой мужъ дастъ его.—О, жалкій глупецъ! Смотрите, до чего вы уже довели себя. Какимъ тономъ говорю я съ вами, и вы не смѣете слова сказать противъ меня! Вы прекрасно начали вашу мастерскую интригу,—продолжайте, продолжайте, полубезчестный человѣкъ! Я не хотѣла ничего говорить вашей женѣ, не высказавши вамъ этихъ любезностей; не хотѣла сказать ей даже и того, что буду ждать ее къ себѣ завтра поутру. Потрудитесь передать ей это. Если она не пріѣдетъ, я буду знать, что мои любезности не были достаточно сильны и что вамъ нуженъ отчетъ въ нихъ. Прощайте.

Она встала. Онъ пошелъ за нею.

— Ваши слова...

— Я не просила васъ отвѣчать. Если не ошибаюсь, я не подала вамъ повода думать, что мнѣ пріятно слушать васъ. Молчать!—Прощайте!

Волгина ушла, не услышавъ отвѣта Савелова, потому что слишкомъ негодовала. Но и возвратившись домой, и сдѣлавшись хладнокровною, она не имѣла причины жалѣть, что не позволила ему отвѣчать. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ совершенно отказался отъ желанія, чтобы его жена продолжала завлекать Чаплина. И если Волгина хотѣла видѣть Савелову еще разъ, то вовсе не для того, чтобы удостовѣриться въ покорности Савелова, а только для того, чтобы внушить ей смѣлость на будущее время, на случай другихъ столкновеній.

Слѣдующій день былъ—днемъ, въ который петербургскіе либералы собирались у своего предводителя. Нивельзинъ, все еще продолжавшій благоговѣть передъ Рязанцевымъ, не пропускалъ ни одного изъ этихъ еженедѣльныхъ собраній. Поѣхалъ и въ тотъ разъ.

Комнаты были набиты гостями по обыкновенію. Но хозяина не было. Рязанцева объясняла новоприбывающимъ, куда и зачѣмъ уѣхалъ ея мужъ.

Вчера были имянины Савелова. Рязанцевъ заѣхалъ поутру поздравить его. Савеловъ сказалъ, что крестьянское дѣло двигается наконецъ рѣшительнымъ образомъ и далъ прочесть черновую доклада объ основаніяхъ, на которыхъ будутъ освобождены крестьяне. За обѣдомъ докладъ будетъ подписанъ Петромъ Степанычемъ, вечеромъ будетъ подписанъ Чаплинымъ, и на слѣдующій день, къ вечеру, докладъ будетъ прочитанъ въ собраніи, которое рѣшитъ, принять или нѣтъ принципы, предлагаемые Чаплинымъ и Петромъ Степанычемъ. На слѣдующій день, т.-е. нынѣ, Рязанцевъ поѣхалъ къ Савелову узнать, чѣмъ рѣшенъ вопросъ.

Гости нетерпѣливо ждали, какое извѣстіе привезетъ Рязанцевъ.

Чаплинъ очень силенъ, это правда; но въ цѣломъ собраніи онъ единственный рѣшительный партизанъ либеральныхъ принциповъ освобожденія, выработанныхъ Савеловымъ и принятыхъ Петромъ Степанычемъ. Голосъ Петра Степаныча не имѣетъ большой силы. Вся надежда на Чаплина. Онъ сильнѣе каждаго изъ остальныхъ членовъ по одиночкѣ. Но ихъ много, онъ одинъ. По одиночкѣ, каждый изъ нихъ побоялся бы вступить въ борьбу съ нимъ. Всѣ вмѣстѣ они могутъ не побояться. Могутъ.—И если отважатся—дѣло погибло.

— Пусть отважатся,—сказалъ Соколовскій; онъ теперь былъ уже друженъ съ Рязанцевыми:—Пусть отважатся. Большинство будетъ противъ доклада. Но дѣло будетъ рѣшено не по мнѣнію большинства, а по мнѣнію Чаплина.

Нивельзинъ и нѣкоторые другіе согласились. Но такихъ было мало. Почти всѣ говорили: — „Нѣтъ, вы слишкомъ увѣрены въ успѣхѣ. Правда, Чаплинъ силенъ—но все-таки побѣда сомнительна“.

Наконецъ возвратился Рязанцевъ. По одному взгляду на его печальное лицо, всѣ увидѣли, что онъ привезъ очень дурныя новости.

Чаплинъ измѣнилъ дѣлу свободы. Дѣло свободы погибло.

Прошло нѣсколько времени, прежде нежели Рязанцевъ могъ продолжать: такъ сильно было волненіе, произведенное этими словами. Всѣ кричали, всѣ спрашивали: „Какъ? измѣнилъ? Не можетъ быть! Неужели измѣнилъ?“ — „Все погибло, говорите вы?—нѣтъ надежды?“ и всѣ сами же себѣ отвѣчали, восклицая:—„Этотъ Чаплинъ только притворялся! Онъ не могъ сочувствовать свободѣ“! — „Все погибло“. Одинъ Соколовскій, сложивши руки на груди, сдвинувши брови, сверкая глазами, молчалъ. Давши пройти первому взрыву изумленія и отчаянія, онъ сказалъ громовымъ голосомъ: — „Выслушаемъ подробности и тогда будемъ судить. Господа—хладнокровіе и молчаніе!“

Все погибло. Рязанцевъ видѣлъ у Савелова самого Петра Степаныча.

Вчера Чаплинъ пріѣхалъ на обѣдъ къ Савелову. Ни Савеловъ, ни тѣмъ больше Петръ Степановичъ не могли объяснить себѣ, какъ это случилось: какъ узналъ Чаплинъ, что Савеловъ имянинникъ, что у Савелова обѣдъ; какъ вздумалъ оказать ему такое лестное вниманіе, такую милость? Но они уже догадывались, что тутъ есть какая нибудь интрига. Теперь Петръ Степанычъ прочелъ объясненіе загадки на лицѣ одного изъ мелкихъ членовъ собранія, въ которомъ рѣшалась судьба доклада; этотъ человѣкъ смертельный врагъ Петра Степаныча и заклятый реакціонеръ. Но дѣлецъ и хитрецъ. Онъ подучилъ Чаплина пріѣхать къ Савелову. Петръ Степанычъ убѣжденъ въ этомъ. И Савеловъ согласился,—что, вѣроятно, такъ. Чаплинъ пріѣзжалъ, чтобы предложить Савелову—должность Петра Степаныча, если Савеловъ согласится дѣйствовать въ духѣ реакціи. Петръ Степанычъ понялъ это изъ намековъ Чаплина, что Савеловъ могъ бы составить себѣ счастіе, еслибы не былъ злодѣй и бунтовщикъ;—Чаплинъ формально говорилъ въ собраніи, что докладъ, представленный Петромъ Степанычемъ—дѣло бунтовщика, революціонера, что онъ, Чаплинъ, убѣдился вчера, какой злодѣй тотъ человѣкъ, внушеніямъ котораго слѣдуетъ Петръ Степанычъ; — невозможно было не понять, что вчера Савеловъ отвергъ предложенія, съ которыми пріѣзжалъ Чаплинъ. Савеловъ сначала молчалъ на эти слова Петра Степаныча—потомъ признался,—что, дѣйствительно, отказался вчера отъ предложеній Чаплина. Пока Петръ Степанычъ самъ не узналъ въ чемъ дѣло—онъ не могъ говорить; но теперь—долженъ сказать: все такъ.

Конечно, Савеловъ не ставитъ себѣ въ заслугу того, что отвергъ предложеніе Чаплина. Какая тутъ заслуга?—Онъ не могъ покрыть позоромъ свое имя. И Рязанцевъ не ставитъ ему этого въ заслугу. Можно ли считать заслугою то, когда честный человѣкъ отказывается стать негодяемъ? Это его обязанность—не больше.

Еще не зная, какой разговоръ былъ между Савеловымъ и Чаплинымъ,—не подозрѣвая, что Чаплинъ уѣхалъ съ обѣда раздраженный Савеловымъ, Петръ Степанычъ повезъ къ нему докладъ. Чаплинъ выслалъ сказать, что не можетъ выйти къ нему и не можетъ подписать доклада. Тутъ Петръ Степанычъ понялъ, что Чаплинъ, вѣроятно, раздраженъ чѣмъ нибудь. Возвратившись домой отъ Чаплина, который такъ и не принялъ его, Петръ Степанычъ послалъ за Савеловымъ. Они просидѣли вмѣстѣ до поздней ночи, обдумывая, какъ вести борьбу, когда явился новый врагъ, сильнѣе всѣхъ

прежнихъ,—врагъ, бывшій союзникомъ ихъ. У нихъ было теперь мало надежды на успѣхъ; но они хотѣли бороться до послѣднихъ силъ.

Такъ и теперь. Они будутъ бороться, хоть уже вовсе потеряли надежду. Петръ Степанычъ теперь одинъ противу всѣхъ—обвиняемый всѣми въ томъ, что хочетъ сдѣлать освобожденіе крестьянъ средствомъ къ низверженію всего существующаго порядка, всѣхъ учрежденій, произвести революцію, что онъ или орудіе республиканцевъ, или самъ республиканецъ.

Чаплинъ провозгласилъ это обвиненіе. За нимъ стали кричать то же всѣ.

Дѣло свободы погибло!

Всѣ видѣли—оно погибло.

Одинъ Соколовскій говорилъ, что оно не можетъ погибнуть. Благородная, но нелѣпая надежда.

Такъ разсказывалъ Нивельзинъ Волгину, пріѣхавши прямо отъ Рязанцева, въ часъ ночи, за тѣмъ, чтобы разсказать.

— Очень благодаренъ вамъ, Павелъ Михайлычъ,—сказалъ Волгинъ:—разумѣется, любопытная штука; и тѣмъ курьезнѣе, что совершенно неожиданная,—Волгина не сказала мужу ни слова о томъ, что слышала и говорила она у Савеловыхъ, ни о томъ, что говорила съ Савеловою поутру. Измѣна Чаплина была такою же новостью для Волгина, какъ для Нивельзина и Рязанцева.

— Да, любопытная штука, — повторилъ онъ, по своему обыкновенію, помолчавши: — И если хотите, согласенъ, что въ ней нѣтъ ничего особенно хорошаго; можно даже сказать, что есть въ вашей новости одна черта очень мерзкая, или, если угодно, печальная: всѣ у Рязанцева повѣсили носы — вы говорите. То-то же и есть, видите, какой народъ эти ваши господа либералы: какъ щелкнули ихъ по носу, они и повѣсили его. Пріятная компанія. Но—опять, и то сказать: это было давно извѣстно — какой они народъ. Стало быть—нѣтъ ничего особеннаго.—Я вамъ говорилъ, что одинъ Соколовскій—какъ слѣдуетъ—человѣкъ; имѣетъ свои странности, можетъ ошибаться, но человѣкъ, а не чортъ знаетъ что. Такъ оно и выходитъ. Горячится по пустому, положимъ, но человѣкъ. Поцѣлуйте его отъ меня, когда увидите.

— И привезти? сказалъ Нивельзинъ, уже привыкшій къ разсужденіямъ Волгина о русскомъ либерализмѣ и потому—оставлявшій ихъ безъ возраженій, когда было не время подымать споръ, какъ и теперь, дѣйствительно, было пора думать о снѣ, а не о спорахъ.

— Привезти? — т.-е. Соколовскаго? — размыслилъ Волгинъ: — оно, пожалуй:—отчего же нѣтъ?—А впрочемъ—незачѣмъ. Стало быть, лучше я попрошу васъ: не привозите. Гораздо лучше. Незачѣмъ.

Никогда не теряя свойства быть основательнымъ, Волгинъ недоумѣвалъ, какъ объяснить странный поступокъ громаднаго мужика, по всей вѣроятности дворника, мимо котораго шелъ по улицѣ. Мужикъ стучалъ желѣзнымъ заступомъ по тротуару, въ этомъ не было ничего непонятнаго: онъ очищалъ тротуаръ отъ гололедицы. Волгинъ шелъ себѣ мимо, не обращая вниманія на такое обыкновенное дѣло. Но когда поровнялся съ мужикомъ — этотъ герку-

лесъ положилъ ему руку на плечо. Что за чудо? — Геркулесъ былъ совершенно незнакомый, былъ трезвый, смотрѣлъ безобидно; съ какой стати ему вздумалось выкидывать такую штуку съ прохожимъ, да еще и одѣтымъ по благородному?—размышлялъ остановленный наложеніемъ его ручищи Волгинъ; ручища налегала на плечо все тяжеле и тяжеле, такъ что Волгину стало трудно выдерживать непонятную любезность или шутку,—онъ повернулъ плечо, раскрылъ глаза и увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ Соколовскій. Стуканіе заступа оказалось бряканьемъ сабли Соколовскаго по полу; Волгинъ спалъ крѣпко, и Соколовскій трогалъ его плечо, чтобы добудиться.

— Вы не слышали, что произошло вчера? Чаплинъ перешелъ на сторону крѣпостниковъ; докладъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ, составленный на демократическихъ основаніяхъ...

— Отвергнутъ? Знаю, Болеславъ Иванычъ; Нивельзинъ заѣзжалъ ко мнѣ отъ Рязанцева.

— Что вы думаете дѣлать?

— Думаю, что когда уже вы разбудили меня, то сонъ дѣло пропащее; думаю, надо встать. Очень радъ, Болеславъ Иванычъ, очень радъ, сдѣлайте одолженіе, садитесь.—Ну, что, видно, по вашему, надобно дѣлать что-нибудь?

— Вамъ надобно написать адресъ; садитесь, пишите.

— Адресъ?—Волгинъ хотѣлъ залиться руладою, но посовѣстился смѣяться надъ честностью энергическаго человѣка; а главное подумалъ, что Лидія Васильевна, вѣроятно, еще спитъ: — Адресъ? — повторилъ онъ, удержавъ свою остроумную веселость:—Да почему же писать адресъ долженъ я?—Ближе бы Рязанцеву.

— Пишите, пожалуйста; вы понимаете, въ подобныхъ дѣлахъ время дорого.

— Дорого; согласенъ, вы и предложили бы Рязанцеву, вчера же.

— Предложилъ бы, разумѣется. Но видѣлъ, что безполезно.

Видно было, что Рязанцевъ не рѣшится? — Кто же смѣлѣе его? Тамъ были десятки людей, все записные прогрессисты. Почему никто не заговорилъ, что надобно поддержать Петра Степаныча и Савелова? — Видно, всѣ они умѣютъ только вѣшать носы и хныкать. Почему самъ Соколовскій не высказалъ тамъ свою мысль?—Видно чувствовалъ, что не найдетъ сочувствія. Кто же станетъ подписывать адресъ? Дѣлать эту пробу—значитъ только обнаружить реакціонерамъ, что въ либеральной партіи почти вовсе нѣтъ смѣлыхъ людей.

Соколовскій принужденъ былъ замолчать: безпомощное уныніе либераловъ у Рязанцева было фактомъ слишкомъ убѣдительнымъ. Соколовскій еще мало сжился съ Петербургскимъ обществомъ, имѣлъ надежду, что есть круги болѣе рѣшительныхъ людей, чѣмъ какой собирается у Рязанцева. Услышавъ, что нѣтъ, сознался въ невозможности адреса.

Тогда Волгинъ пошелъ дальше. Мало того, что адресъ остался бы безъ подписей. Вопросъ не стоитъ того, чтобы хлопотать. Пусть Петръ Степанычъ и Савеловъ будутъ прогнаны; пусть дѣло объ освобожденіи крестьянъ будетъ передано въ руки людямъ помѣщичьей партіи. Разница не велика.

Съ этимъ Соколовскій не могъ согласиться.—Изъ-за чего идетъ борьба между прогрессистами и помѣщичьей партіей?—Изъ-за того, съ землею или безъ земли освободить крестьянъ. Это колоссальная разница.

Нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная, находилъ Волгинъ. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь, или оставить ее у человѣка,—но взять съ него плату за нее—все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ только тѣмъ, что проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, вѣроятно, меньше и обремененія для крестьянъ. У кого изъ крестьянъ есть деньги—тѣ купятъ себѣ землю. У кого нѣтъ—тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. Это будетъ только раззорять ихъ. Выкупъ та же покупка. Если сказать правду, лучше, пусть будутъ освобождены безъ земли.

— Я не ждалъ услышать отъ васъ это;—сказалъ Соколовскій:—вы говорите, какъ человѣкъ помѣщичьей партіи.

— Вопросъ поставленъ такъ;—вяло отвѣчалъ Волгинъ:—потому я и не интересуюсь имъ.

— Чего же вы хотѣли бы? Освобожденія съ землею безъ выкупа?—Это невозможно.

— Я и говорю: вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ-за того, кто станетъ освобождать ихъ—либералы или помѣщики. По моему все равно. Или помѣщики даже лучше.

Онъ ожидалъ, что Соколовскій осыплетъ его упреками за непрактичность, за апатію. Но Соколовскій молчалъ, задумавшись.

— Это ваше послѣднее, рѣшительное слово?—сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья:—Значитъ: вы не захотѣли бы давать совѣтовъ Савелову?

— Натурально; для меня все равно, прогонятъ ли его или нѣтъ; даже лучше бы, если бы прогнали.

— Спорить съ вами некогда, время дорого. Не могу послать васъ къ нему, поѣду самъ.—Вчера я остался у Рязанцева, когда другіе разъѣхались, и спросилъ, какъ думаетъ вести борьбу Савеловъ. Онъ думаетъ только о рутинныхъ канцелярскихъ средствахъ; писать новые доклады — канцелярскимъ жаргономъ, вялымъ, непонятнымъ; дѣйствовать, по канцелярскому порядку, черезъ Петра Степаныча. Нужно живое слово, и долженъ говорить онъ самъ. Какой же ораторъ Петръ Степанычъ?—Самъ Савеловъ долженъ просить аудіенцію, и пусть говоритъ на ней честно, всю правду, безъ утайки.—Безъ рекомендаціи онъ могъ бы не принять меня. Дайте мнѣ записку къ нему.

Волгинъ не нашелъ причины отговариваться незнакомствомъ. Савеловъ говорилъ Лидіи Васильевнѣ, что уважаетъ его. Вѣроятно, не захочетъ пренебречь его рекомендаціею. Онъ написалъ, отдалъ записку, въ которой говорилъ, между прочимъ, что Савеловъ не долженъ обращать вниманія на рѣзкость манеръ и пылкость тона Соколовскаго; этотъ человѣкъ только на первый взглядъ кажется экзальтированнымъ, въ сущности онъ очень холодно и здраво смотритъ на вещи.

— Вы понимаете, почему я не могъ просить рекомендаціи у Рязанцева?—сказалъ Соколовскій: — это прекрасный человѣкъ, но слишкомъ наивный; онъ разболталъ бы;—а никто не долженъ знать, что Савеловъ дѣйствовалъ по чужому совѣту; только на этомъ условіи онъ можетъ принять его.

— Инструкція мнѣ, чтобы я не разболталъ?—О, дипломатъ!—сказалъ

Волгинъ и сдѣлалъ небольшую руладу въ поощреніе своему остроумію, потому что нашелъ свое замѣчаніе остроумнымъ.

Дня три либеральные люди въ Петербургѣ ходили, повѣсивъ носы. На четвертый прочли въ газетахъ, что генералъ-адъютантъ графъ Чаплинъ увольняется въ отпускъ за границу. Не было даже прибавлено смягченія „по болѣзни“ или „для поправленія здоровья“. Опала была открытая, полная. Либеральные люди протирали глаза и перечитывали: такъ ли прочли. Такъ. Они задрали носы и пошли по Петербургу побѣдителями, завоевателями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

По порученію Волгиной Нивельзинъ принялъ всѣ возможныя мѣры для того, чтобъ оффиціальные розыски о Левицкомъ шли дѣятельно. Но и самъ искалъ его неутомимо. Конечно, главнымъ мотивомъ тутъ было усердіе исполнить желаніе Волгиной. Но и самъ Нивельзинъ глубоко заинтересовался молодымъ человѣкомъ, о которомъ съ безусловнымъ уваженіемъ говорилъ Волгинъ, презрительно отзывавшійся обо всѣхъ знаменитостяхъ домашняго русскаго либерализма.

Къ вечеру перваго дня поисковъ Нивельзина уже не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что Левицкій пріѣхалъ въ Петербургъ и лежитъ больной. Нивельзинъ отыскалъ людей, которые сидѣли въ одномъ вагонѣ съ нимъ. Онъ былъ блѣденъ—жаловался на жаръ и дрожь во всемъ тѣлѣ, на боль въ головѣ. Его сосѣдъ заботился о немъ. Сосѣдъ былъ старикъ купецъ, говорившій, что пробудетъ въ Петербургѣ дня два, много—три.

Онъ взялъ Левицкаго съ собою. Это было назадъ тому пять дней. Вѣроятно, купецъ уже уѣхалъ. Вѣроятно, Левицкій лежитъ, предоставленный на волю судьбы. Тѣмъ больше надобно было заботиться, поскорѣе отыскать его. Нивельзинъ разослалъ нѣсколько человѣкъ объѣзжать всѣческія больницы, гостинницы и постоялые дворы; ѣздилъ и самъ.

Въ этихъ поискахъ, остававшихся все еще напрасными, прошло два дня. По утру на третій одинъ изъ агентовъ Нивельзина нашелъ Левицкаго въ маленькой, душной и сырой комнатѣ дрянного постоялаго двора. Левицкій лежалъ безъ памяти. Никому на постояломъ дворѣ не было охоты особенно заботиться о немъ. Впрочемъ — хозяинъ не сбылъ его въ больницу, потому что у больного было портъ-монэ съ нѣсколькими стами рублей, переданный хозяину купцомъ. Хозяинъ даже призывалъ раза два какого-то фельдшера. Фельдшеръ далъ какую-то микстуру. Микстура стояла на столѣ, полный пузырекъ, какъ былъ принесенъ: больной лежалъ безъ памяти; какъ давать ему лѣкарство?

Понятно было, почему полиція не получала свѣдѣній о Левицкомъ: хозяинъ опасался, что она отниметъ выгоднаго постояльца въ больницу. Онъ

даже побранилъ служанку, недогадавшуюся или посовѣстившуюся скрыть больного. Хозяинъ былъ человѣкъ опытный и бойкій, онъ не остался бы въ убыткѣ, хоть бы полиція и привязывалась къ нему, въ случаѣ смерти Левицкаго.

Нивельзинъ съѣздилъ за знакомымъ хорошимъ медикомъ и привезъ его къ Левицкому. Погода была ужасная, состояніе больного очень тяжело. Медикъ нашелъ, что нельзя перевозить его. Но, разумѣется, не оказалось затрудненій устроить тутъ же хорошее помѣщеніе; хозяинъ уступилъ свой залъ.

Услышавъ отъ Соколовскаго эту новость, Илатонцевъ хотѣлъ тотчасъ же ѣхать самъ заботиться о Левицкомъ. Соколовскій справедливо сказалъ, что это лишнее: Нивельзинъ уже распорядился всѣмъ, какъ только можно лучше; и пока Левицкій остается безъ памяти, то нуждается въ визитахъ только медика.

Но Волгинъ каждый день пріѣзжалъ сидѣть въ комнатѣ больного и ждать медика. Онъ считалъ себя виноватымъ въ болѣзни Левицкаго: такъ или иначе, эта болѣзнь связана съ отношеніями Левицкаго къ Илатонцевымъ, связана, если ни чѣмъ другимъ, то уже и тѣмъ самымъ, что Левицкій или занемогъ въ деревнѣ у нихъ, или на дорогѣ оттуда.—Вообще Волгинъ былъ человѣкъ мнительный, и часто выдумывалъ самъ себѣ фантастическіе упреки. Но въ этомъ случаѣ его раскаяніе имѣло больше здраваго смысла, нежели казалось Нивельзину, который говорилъ: „Да развѣ вы посылали его на какую-нибудь опасность, уговаривая отправиться прожить въ деревнѣ, отдохнуть?— Если онъ встрѣтилъ тамъ непріятности или бѣды, подготовившія эту болѣзнь, это дѣло случая, котораго вы не могли предвидѣть. Все, повидимому, обѣщало, что жизнь у Илатонцевыхъ будетъ хороша для него и спокойна“. — „Оно, конечно, такъ,—отвѣчалъ Волгинъ:— „само собою, я виню себя понапрасну“.— Но онъ отвѣчалъ это лишь потому, что не любилъ говорить о своихъ чувствахъ. — По его мнѣнію, ошибка его состояла въ томъ, что онъ уговорилъ Левицкаго жить безъ дѣла. Ему казалось тогда, что у Левицкаго такой же флегматическій характеръ, какъ у него самого; онъ вспоминалъ, какъ мирно лежалъ онъ, почитывая книги, пока не пришла надобность работать. — Ему казалось, что и Левицкій будетъ также спокойно лежать и зѣвать, или ходить и зѣвать—или слегка дурачиться и зѣвать въ деревнѣ. Теперь ему воображалось, что онъ былъ обманутъ холодною наружностью Левицкаго, что это человѣкъ съ сильными страстями, съ жаждою жизни и дѣятельности; что не давать занятія этому человѣку было подвергать его опасностямъ увлеченій.— Самъ по себѣ Волгинъ, вѣроятно, не замѣтилъ бы своей ошибки относительно характера Левицкаго. Но услышалъ отъ жены, что это долженъ быть человѣкъ съ очень сильною волею и съ привычкою скрывать свои волненія, сохранять спокойный, холодный видъ, что бы ни дѣлалось у него на душѣ.— Какъ услышалъ это Волгинъ, тотчасъ постигъ, что оно и дѣйствительно должно быть такъ: онъ уѣхалъ отъ Илатонцевыхъ по какому-то сильному огорченію или раздраженію, это было несомнѣнно: а между тѣмъ Илатонцевы не замѣтили ничего; ясно, что флегматическій видъ его обманчивъ. Постигнувъ это, Волгинъ по своей необычайной способности къ основательнымъ соображеніямъ, безъ труда размыслилъ, что оставаться безъ дѣла — великая опасность для молодого человѣка съ сильными страстями; и что въ чемъ бы не состояло

огорченіе, результатомъ котораго, такъ или иначе, вышла эта болѣзнь, первою причиною бѣды было то, что Левицкій былъ оставленъ безъ дѣла.

Нѣсколько дней медикъ говорилъ Волгину, что не отвѣчаетъ за жизнь больного. Причиною болѣзни, по словамъ медика, была простуда. Волгину немудрено было понимать, какъ подвергся ей Левицкій въ дорогѣ. Вырвавшись отъ Илатонцевыхъ, одинъ въ экипажѣ или на почтовой телѣгѣ, онъ, вѣроятно, наконецъ далъ волю долго сдерживаемому чувству — отчаянія ли, раздраженія ли,—и забылъ о холодѣ и ненастьѣ поздней осени. Потомъ, все въ томъ же забытьи, пренебрегъ первыми симптомами болѣзни и далъ развиться ей, безостановочно продолжая путь.—А потомъ столько дней пролежалъ безо всякой помощи.

— Но,—говорилъ медикъ, — быть можетъ, то было еще къ лучшему, что корыстолюбивый хозяинъ не извѣстилъ полицію о своемъ выгодномъ постояльцѣ: попади Левицкій въ больницу, навѣрное бы онъ умеръ. Теперь надежда еще не потеряна.—Только; надежда еще не потеряна,—говорилъ медикъ нѣсколько дней. Наконецъ сказалъ: опасность миновала.

Это было сказано поутру, вечеромъ пріѣхалъ Соколовскій, привезъ съ собою мужчину лѣтъ сорока двухъ, трехъ, одѣтаго хорошо, но скромно, рекомендовалъ его Волгину, какъ Виктора Борисыча Илатонцева.

— Знаетъ ли Алексѣй Иванычъ великую новость?—началъ Илатонцевъ, спросивъ о Левицкомъ, и съ очень теплымъ, совершенно родственнымъ чувствомъ порадовавшись хорошему обороту его болѣзни:—знаетъ ли Алексѣй Иванычъ великую новость, которая будетъ обнародована завтра?

Волгинъ еще ничего не слышалъ;—вѣроятно, освобожденіе крестьянъ?

— Да,—отвѣчалъ Илатонцевъ.—Соколовскій вынулъ печатный листъ и подалъ Волгину.—Завтра эта бумага будетъ обнародована.—Илатонцевъ попросилъ Волгина прочесть ее.—Волгинъ пробѣжалъ глазами и увидѣлъ, что принципы освобожденія болѣе либеральны, нежели онъ ждалъ. Савеловъ воспользовался своею рѣшительною побѣдою надъ помѣщичьею партіей,—воспользовался мастерски.

— Все зависитъ оттого, въ какомъ духѣ будутъ примѣнены эти принципы,—сказалъ Илатонцевъ:—а характеръ примѣненія очень много будетъ зависѣть отъ того, какъ будетъ держать себя дворянство?

— Правда,—согласился Волгинъ.

— Болеславъ Иванычъ привезъ мнѣ эту бумагу, даже я еще не зналъ, что она уже печатается,—и справедливо сказалъ, что надобно ковать желѣзо, пока оно горячо; надобно воспользоваться первымъ сильнымъ потрясеніемъ, какое произведетъ она,—воспользоваться первымъ испугомъ моей братьи, помѣщиковъ, увлечь и приковать ихъ къ либеральной программѣ, пока они еще не опомнились, не одумались, не успѣли даже поговорить между собою.—Послѣзавтра у меня обѣдъ, на которомъ я прошу быть и васъ.

Соколовскій молчалъ, давая ему говорить. Онъ говорилъ связно, дѣльно. Конечно, планъ принадлежалъ Соколовскому; Илатонцевъ и не скрывалъ этого,—

но было надобно отдать справедливость и ему какъ человѣку не глупому, способному понять геніальную мысль,—дѣйствительно геніальную: планъ, составленный Соколовскимъ, заслуживалъ такого названія, по мнѣнію Волгина, не слишкомъ щедраго на слово „геніальный“.

Взять штурмомъ слово и подпись самыхъ первыхъ вельможъ было бы невозможно. Они слишкомъ близко знаютъ всѣ закулисныя тайны; да и привыкли держать себя дипломатически, выжидать, лавировать; пожалуй, заупрямились бы и по обиженному тщеславію, если бы посадить ихъ за одинъ столъ со второстепенными аристократами. Этихъ слишкомъ высокихъ магнатовъ надобно оставить въ сторонѣ. И не будетъ большой потери отъ этого. Дѣло будетъ рѣшаться по губерніямъ, провинціальнымъ дворянствомъ. Они держали себя далеко отъ него,—жили почти исключительно въ Петербургѣ или за-границею: когда и случалось инымъ живать иногда въ деревняхъ, почти всѣ они только обижали мѣстное дворянство своимъ высокомѣріемъ. Они не имѣютъ вліянія на него. Вліяніе принадлежитъ второстепенной, провинціальной, а не столичной аристократіи, владѣльцамъ только тысячъ, а не десятковъ тысячъ душъ. Эти люди будутъ ворочать дѣломъ въ губернскихъ собраніяхъ. На нихъ и надобно налечь. Кромѣ нихъ, вниманія заслуживаютъ только образованные, умные и честные помѣщики,—но о нихъ нечего заботиться; они и сами на сторонѣ крестьянъ. Чѣмъ благороднѣе будетъ программа, тѣмъ радостнѣе примутъ они ее, тѣмъ усерднѣе будутъ защищать. Надобно только штурмомъ покорить провинціальныхъ магнатовъ.

Какъ всегда во время зимняго сезона, ихъ много теперь въ Петербургѣ. Въ нынѣшнюю зиму даже больше обыкновеннаго, потому что многіе нарочно пріѣхали слѣдить за ходомъ крестьянскаго дѣла. Надобно созвать ихъ на обѣдъ. Они пріѣдутъ не предугадывая ничего, только всѣ ошеломленные новостью, которая разразится надъ ними завтра. Въ однѣ сутки они еще не успѣютъ ничего сообразить, будутъ все еще только дрожать.

За обѣдомъ хозяинъ скажетъ о томъ, что дворянству надобно согласиться, какъ держать себя въ дѣлѣ, которое провозглашено, и попроситъ Рязанцева изложить свой взглядъ. За рѣчью Рязанцева начинается роль Волгина. Рязанцевъ не врагъ дворянства, только другъ крестьянъ. Волгинъ идетъ гораздо дальше его, не правда ли?

Волгинъ сказалъ, что правда.

Послѣ того, что будетъ говорить Волгинъ, взглядъ Рязанцева будетъ представляться очень умѣреннымъ, не правда ли?

Волгинъ сказалъ, что это совершенная правда и остроумно прибавилъ, что позволительно сомнѣваться въ другихъ его достоинствахъ, но если хотятъ его показать, какъ пугало, ошибки не будетъ: пугало онъ очень хорошее: всѣ побѣгутъ отъ него и упадутъ въ распростертыя объятія Рязанцева.

Послѣ обѣда Рязанцевъ станетъ читать программу. Конечно, Волгинъ будетъ находить почти каждый параграфъ слишкомъ выгоднымъ для помѣщиковъ. Благодаря его возраженіямъ, программа будетъ нравиться, одобряться, будетъ подписана всѣми. Съ подписями вліятельнѣйшихъ помѣщиковъ почти изо всѣхъ губерній она будетъ немедленно разослана повсюду. Повсюду дворянство будетъ нахлопнуто ею врасплохъ; нигдѣ еще ничего не обдумали,

не успѣли даже переговорить между собою—и вдругъ имъ дается въ руки программа, принятая, рекомендуемая предводителями, представителями помѣщиковъ—цѣлаго государства: какое возможно сопротивленіе? Не будетъ и колебанія, повсюду—всѣ примкнутъ къ программѣ, единственной и предлагаемой помѣщикамъ каждаго уѣзда отъ имени всего дворянства. Не правда-ли—успѣхъ и вѣренъ и громаденъ?

Волгинъ сказалъ, что штука придумана ловко. Правда, онъ отъ чистой души будетъ доказывать, что программа слишкомъ выгодна для помѣщиковъ: положимъ, онъ не читалъ проекта, изъ котораго она будетъ извлечена, потому что ему некогда читать всякій вздоръ безъ надобности; но по разговорамъ съ авторомъ имѣетъ достаточное понятіе объ основаніяхъ этой будущей всероссійской программы. Она будетъ очень плоха съ его точки зрѣнія. Но что нечего и толковать: когда нужно согласіе помѣщиковъ, то провести ее было бы величайшимъ успѣхомъ, о какомъ только возможно мечтать. Штука ловкая, повторилъ онъ, и съ неистощимымъ своимъ остроуміемъ замѣтилъ, что дѣло походитъ на то, какъ поступаютъ калмыки и киргизы, когда хотятъ загнать къ себѣ чужой табунъ: садятся на здоровенныхъ жеребцовъ, хлещутъ ихъ нагайками, мчатся на табунъ, гигнутъ, гаркнутъ, промчатся сквозь ошалѣвшихъ животныхъ и скачутъ своей дорогой,—весь табунъ несется вслѣдъ куда угодно; точно онъ слыхивалъ, что эта штука всегда удается—согласился онъ, и наградилъ себя за остроумное сравненіе обычною одобрительною руладою.

Въ тотъ вечеръ Волгинъ былъ такъ добръ отъ радости вѣрной надежды на выздоровленіе Левицкаго, что не могъ бы, кажется, огорчить никого никакимъ противорѣчіемъ; если-бъ его позвали играть на скрипкѣ, онъ и то, кажется, сказалъ бы: „извольте, буду, хоть и никогда не пробовалъ“.

Онъ не умѣетъ сказать навѣрное, принялъ ли бы приглашеніе Илатонцева, если-бы находился въ обыкновенномъ расположеніи духа. Но, вѣроятно, все-таки бы принялъ. Ежеминутно дѣлая глупости, онъ справедливо не считалъ важною разницею сдѣлать одною больше или меньше:—„Э, все равно“,—основательно рѣшалъ онъ, когда кто навязывалъ ему участіе въ такой нелѣпости, какой не вздумалъ бы онъ сочинить самъ по себѣ. Э, все равно, думалъ онъ, и сознательно шелъ остаться въ дуракахъ вмѣстѣ съ другими. Разумѣется, это представляло и нѣкоторую пріятность, для разнообразія, чтобъ не всегда же быть глупцомъ безъ собственной охоты и въ одиночку.

Такими размышленіями онъ оправдывалъ себя, украшаясь въ давно, давно ненадѣванный фракъ, чтобы ѣхать на обѣдъ къ Илатонцеву.

Слѣдовало-ли бы ему придумывать эти размышленія? Была ли ему надобность оправдывать себя? Должно ли считать глупостью дѣло, затѣянное Соколовскимъ?—Углубляясь въ основательныя соображенія въ безмятежной и твердой позиціи у одного изъ дальнихъ оконъ салона, поглощавшаго десятки гостей и все-таки оставшагося малолюднымъ, Волгинъ находилъ, что излишняя мнительность тоже своего рода глупость; полагалъ также, что умный че-

ловѣкъ на его мѣстѣ едва ли сомнѣвался бы въ успѣхѣ благороднаго замысла Соколовскаго.

Волгинъ могъ безмятежно соображать, удобно и твердо прислонившись къ вырѣзкѣ стѣны у дальняго окна: Соколовскій помогалъ хозяину принимать и пристраивать гостей; Рязанцевъ очаровывалъ ихъ, находя сказать каждому изъ нихъ что нибудь милое: Рязанцевъ созданъ былъ—очаровывать невинныхъ; граціозный и важный, живой и солидный, онъ всегда сіялъ добродушіемъ и умомъ, любезностью и чувствомъ своего значенія въ движеніи русскаго прогресса. Онъ толковалъ, что онъ самъ помѣщикъ, открывалъ общихъ друзей у себя съ каждымъ, вклеивалъ науку и духъ вѣка, осыпалъ длинными мудреными словами, звучавшими какъ-то невинно и пріятно, и оставлялъ каждаго въ восхищеньи отъ того, что такой ученый человѣкъ предположилъ его понимающимъ всѣ эти прекрасныя слова. Нивельзинъ—потому что и Нивельзинъ былъ тутъ же—тоже занимался улавливаніемъ сердецъ, по инструкціи Соколовскаго, и, повидимому, имѣлъ въ этомъ еще болѣе успѣха, нежели самъ Рязанцевъ.—Кромѣ Нивельзина, Рязанцева и Соколовскаго съ хозяиномъ, у Волгина не было тутъ никого хоть разъ видѣннаго хоть издали. Никто не могъ подойти къ нему, а самъ онъ былъ избавленъ отъ обязанности очаровывать, отчасти изъ уваженія къ его непригодности на уловленіе сердецъ, отчасти потому, что и будущая роль его была не привлекать ихъ, а поражать трепетомъ.

Онъ совершенно удовлетворялъ требованіямъ своей будущей роли, нелюдимо и неподвижно занимая неприступную позицію въ дальнемъ углу, и, вѣроятно, даже превзошелъ надежды Соколовскаго своею угрюмостью: не одинъ изъ гостей, разговаривая съ Соколовскимъ, искоса посматривалъ на неуклюжую статую у дальняго окна: вѣроятно, Соколовскій объяснялъ, что эта статуя—представитель ужасныхъ мнѣній, къ которымъ очень легко можетъ склониться правительство,—мнѣній ужасныхъ, но врожденныхъ русскому народу, народу мужиковъ, не понимающихъ ничего, кромѣ полнаго мужицкаго равенства и приготовленныхъ сдѣлаться коммунистами, потому что живутъ въ общинномъ устройствѣ. Правительству народа мужиковъ очень естественно принять мужицкія идеи.

Вѣроятно такъ рекомендовалъ Соколовскій угрюмую статую, объясняя угрюмость ея, какъ чрезвычайную свирѣпость. А Волгинъ былъ угрюмъ потому, что имъ овладѣла грусть.

Онъ не былъ мастеръ наблюдать, и былъ близорукъ. Но развѣ слѣпой не видѣлъ бы, что такое на душѣ у этихъ людей; не за два десятка шаговъ—за полверсты можно было разгадать это хоть бы и не разбирая ихъ лицъ, по самымъ фигурамъ ихъ.

Безсмысліе, безсиліе, безпомощность.

Такъ должны глядѣть, стоять, двигаться приговоренные къ смерти.

Нѣкоторые старались показывать, что они бодры, въ хорошемъ настроеніи. Говорили, шутили—были очень развязны. Волгинъ зналъ эту развязность—она овладѣвала имъ самимъ, когда онъ, попирая всѣ препятствія, блисталъ своими свѣтскими талантами, желая себѣ провалиться сквозь землю.

Но огромное большинство было не въ силахъ и заботиться скрывать свое уныніе:—„мы агнцы, обреченные на закланіе;—что-жъ мы можемъ сдѣлать

противъ такого жестокосердаго рѣшенія? — Только идти на закланіе смирно, чтобъ хоть не колотили насъ прежде, нежели возложатъ насъ на олтарь отечества,—и не упираться, когда станутъ возлагать, чтобы хоть возложили безъ лишнихъ пинковъ".

Волгинъ никогда не имѣлъ сношеній съ этими людьми. Онъ никогда не принадлежалъ и къ мелкому свѣтскому обществу, не только къ ихъ, высокому, важному. Но какой же городъ или городишко не гремѣлъ славою ихъ подвиговъ? Волгинъ съ дѣтства зналъ, что это люди буйные, наглые.

Волгинъ не интересовался толками о крестьянскомъ дѣлѣ. Но если-бъ онъ жилъ и не въ Петербургѣ среди ярыхъ эмансипаторовъ, кипѣвшихъ негодованіемъ на упрямство помѣщиковъ, — еслибъ онъ провелъ эти послѣдніе полтора, два года на самомъ далекомъ отъ помѣщичьей Россіи, на самомъ пустомъ изъ Алеутскихъ острововъ,—и туда, вѣроятно, доносились бы до его ушей храбрые крики: „нами держится все!—Не позволимъ, не допустимъ!—Не хотимъ, и не посмѣютъ!—Пусть посмѣютъ, и увидятъ, что такое значитъ прогнѣвать русское дворянство!"

Теперь они присмирѣли, будто разбиты параличемъ. Смѣшно и отрадно демократамъ видѣть такое превращеніе.

Волгину было смѣшно: онъ привыкъ обращать все въ шутку—умную или глупую, какъ приведется, веселую или горькую, все равно, лишь бы въ шутку. Но ему не было отрадно.

Онъ выросъ не въ благородномъ обществѣ. Воспоминанія его относились къ жизни грубой, бѣдной. Ему вспоминались теперь сцены, отъ которыхъ недоумѣвалъ онъ въ дѣтствѣ,—потому что и въ дѣтствѣ онъ уже былъ глубокомысленъ.

Ему вспоминалось, какъ, бывало, идетъ по улицѣ его родного города толпа пьяныхъ бурлаковъ: шумъ, крикъ, удалыя пѣсни, разбойничьи пѣсни. Чужой подумалъ бы—городъ въ опасности,—вотъ, вотъ бросятся грабить лавки и дома, разнесутъ все по щепочкѣ. Немножко растворяется дверь будки, оттуда просовывается заспанное старческое лицо съ сѣдыми, на половину вылинявшими усами, раскрывается беззубый ротъ и не то кричитъ, не то стонетъ дряхлымъ хрипомъ:—„Скоты, чего разорались? Вотъ я васъ!" Удалая ватага притихла, передній за задняго прячется; еще бы такой окрикъ, и разбѣжались бы удалые молодцы, величавшіе себя „не ворами, не разбойничками, Стеньки Разина работничками", обѣщавшіе, „что, какъ они весломъ махнутъ", то и „Москвой тряхнутъ", разбѣжались бы, куда глаза глядятъ, куда ноги понесутъ, крикни еще разъ инвалидъ въ дверь будки; но старый будочникъ знаетъ, что передъ богомъ грѣхъ былъ бы слишкомъ пугать удалыхъ молодцовъ: лбы себѣ перебьютъ, ноги переломаютъ, навѣкъ бѣдные искалѣчатся,—будочникъ, понюхавъ табаку, говоритъ: „идите себѣ, ребята, съ богомъ, только не будите меня старика, не вводите въ сердце". И затворяется въ будкѣ,—и ватага удалыхъ молодцовъ, Стеньки Разина бывшихъ работничковъ, скромно идетъ дальше, перешептываясь, что будочникъ, на счастье имъ, видно добрый человѣкъ.

Въ дѣтствѣ Волгинъ приходилъ въ недоумѣніе отъ этихъ сценъ: зато теперь находилъ, что незачѣмъ было ему и видѣть живую картину, пред-

ставляемую гостями Илатонцева; незачѣмъ: впередъ было извѣстно какая это будетъ картина.

Но хоть впередъ было извѣстно, какая она будетъ, все-таки она произвела на него глубокое впечатлѣніе. Будучи основательнымъ мыслителемъ, онъ не винилъ себя за то, что взволновался отъ впечатлѣнія, къ которому былъ готовъ отъ самаго начала храбрыхъ воплей: „не позволимъ! не допустимъ!“ Онъ зналъ, что представляющееся глазамъ дѣйствуетъ сильнѣе воображаемаго; потому и находилъ естественнымъ, что расчувствовался.

Расчувствовался невесело: хоть и не любилъ ни вообще дворянства, ни магнатовъ въ частности.

Жалкая нація, жалкая нація!—Нація рабовъ, — снизу до верху все сплошь рабы... думалъ онъ и хмурилъ брови.

Онъ не любилъ дворянства. Но бывали минуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ?—И теперь на него нашло такое настроеніе.

И потому—ему мечталось теперь, что эти жалкіе люди не виноваты въ нищетѣ и страданіяхъ народа, и что не было-бы надобности уменьшать ихъ доходы ни на одну копѣйку, — пусть бы себѣ благоденствовали попрежнему, ни на одну минуту не прерывая своихъ возвышенныхъ наслажденій псами и новыми каретами, попойками и цыганками: зачѣмъ тревожить, зачѣмъ обижать? Они не виноваты ни въ чемъ и ничему не мѣшаютъ.

Они-ли могутъ мѣшать?—Они хотятъ только пить, мотать и бездѣльничать. Они-ли виноваты?—Кому-же не пріятно брать то, что ему даютъ?—Кому-же нравится терять доходы?

Какъ легко было-бы не огорчать ихъ! Стоило-бы только гарантировать имъ ихъ доходы. Подобная гарантія тяжела быть можетъ—неудобоисполнима у націй, гдѣ поземельный доходъ уже высокъ, и не можетъ подыматься быстро. А у насъ?—Въ пять лѣтъ удвоились-бы, въ десять—учетверились-бы средства націи, лишь-бы освобожденіе было полное и мгновенное, по мыслямъ народа, который говоритъ: „господа пусть уѣзжаютъ изъ деревень въ города и получаютъ тамъ жалованье“, нѣсколько лѣтъ, небольшіе займы, съ каждымъ годомъ меньше—и черезъ десять лѣтъ, что значило-бы государству выкупить эти нынѣшнія нищенскія ренты?

Когда Волгинъ бывалъ чувствителенъ, онъ фантазировалъ въ этомъ вкусѣ.—Правда, онъ не всегда бывалъ чувствителенъ.

Но теперь былъ. Потому фантазировалъ.

Правда и то, что когда фантазировалъ, онъ помнилъ, что только фантазируетъ по чувствительности своего сердца. Потому, онъ берегъ для собственнаго удовольствія свои буколическія соображенія, а въ разговорахъ разсуждалъ нѣсколько въ иномъ вкусѣ: онъ не забывалъ, что исторія—борьба, что въ борьбѣ нѣжность неумѣстна. Правда, онъ не считалъ себя борцомъ за народъ: у русскаго народа не могло быть борцовъ, по мнѣнію Волгина, оттого, что русскій народъ неспособенъ поддерживать вступающихся за него; какому-же человѣку въ здравомъ смыслѣ бываетъ охота пропадать задаромъ? Такъ или нѣтъ вообще, но о себѣ Волгинъ твердо зналъ, что не имѣетъ такого глупаго желанія, и никакъ не могъ считать себя защитникомъ народныхъ правъ.

Но тѣмъ меньше и могъ онъ дѣлать уступки за народъ, тѣмъ меньше могъ не выставлять правъ народа во всей ихъ полнотѣ, когда приходилось говорить о нихъ.

Потому-то онъ и улыбался съ угрюмою ироніею, размышляя о томъ, какую буколику строитъ онъ въ пользу помѣщиковъ, и какъ несходно съ нею то, что они не имѣютъ права ни на грошъ вознагражденія; а имѣютъ-ли право хоть на одинъ вершокъ земли въ русской странѣ, это должно быть рѣшено волею народа.

Должно—и, разумѣется, не будетъ. Тѣмъ смѣшнѣе вся эта штука.

Она была такъ смѣшна, что Волгинъ начиналъ злиться. У безсильнаго одно утѣшеніе—злиться. Ему противно становилось смотрѣть на этихъ людей, которые останутся безнаказанны и безубыточны; безубыточны во всѣхъ своихъ, заграбленныхъ у народа, доходахъ; безнаказанны за всѣ угнетенія и злодѣйства; противно, обидно за справедливость,—и онъ опускалъ, опускалъ нахмуренные глаза къ землѣ, чтобы не видѣть враговъ народа, вредить которымъ былъ бесиленъ...

— Monsieur Волгинъ...—сказалъ незнакомый, звучный и пріятный голосъ. Волгинъ поднялъ глаза: передъ нимъ стоялъ Савеловъ. Савеловъ сталъ говорить, что очень радъ встрѣчѣ съ нимъ.

Волгинъ отвѣчалъ, что тоже очень радъ. Будучи необыкновенно свѣтскимъ человѣкомъ, онъ всегда приходилъ въ экстазъ любезности, когда ему говорили, что очень рады встрѣчѣ съ нимъ.

Сказавъ еще нѣсколько обыкновенныхъ словъ, Савеловъ пошелъ въ слѣдующую комнату, представляться дамамъ. Волгинъ сталъ искать глазами, гдѣ Соколовскій—нашелъ—и двинулся къ нему.

— О Савеловѣ не было рѣчи,—сказалъ онъ, отошедши съ Соколовскимъ въ сторону.

Соколовскій съ досадою пожалъ плечами. — Что вы будете дѣлать съ этими невинными, какъ вы ихъ называете. Чуть остались безъ присмотра, тотчасъ впадаютъ въ наивность. Ошибка не очень важна, а все-таки—непростительная ошибка.

Какъ только переговорили Соколовскій и Илатонцевъ съ Рязанцевымъ, Рязанцевъ въ восторгѣ души поѣхалъ сообщить своему другу Савелову, какой обѣдъ устраивается у Илатонцева. Савеловъ похвалилъ и сказалъ, что ему самому было бы очень пріятно быть на этомъ обѣдѣ. Рязанцевъ примчался къ Илатонцеву въ новомъ восторгѣ и заразилъ имъ Илатонцева. И вотъ, пріѣхавъ сюда, Соколовскій былъ встрѣченъ пріятною новостью: приглашенъ также и Савеловъ. Его присутствіе и поддержка будутъ придавать уже совершенно неодолимую силу рѣчамъ и программѣ Рязанцева. Добрые люди упустили изъ виду, что приглашеніемъ Савелова они много попортили характеръ собранія. Оно должно было быть совершенно свободнымъ собраніемъ помѣщиковъ, семейнымъ образомъ устраивающихъ помѣщичье дѣло, при помощи двухъ совѣтниковъ и неважныхъ, и независимыхъ отъ правительства. Какъ люди просвѣщенные, помѣщики вздумали прислушаться къ мнѣніямъ ученыхъ. Мысли знаменитаго юриста Рязанцева, который самъ помѣщикъ, понравились имъ. Они сдѣлали его своимъ секретаремъ—только. Совѣщаніе было семейное, дво-

рянское; и программа, которая вышла изъ него — чистая дворянская. Такъ должно было быть. — А теперь? — Присутствіе Савелова даетъ дѣлу видъ принужденія. Будутъ говорить, что программа принята подъ вліяніемъ правительственнаго лица, и притомъ извѣстнаго враждою къ дворянству. Это сильно повредитъ ей во мнѣніи дворянъ. Рязанцевъ сдѣлалъ большую ошибку.

— Да, большую,—вяло повторилъ Волгинъ, помолчалъ и поплелся назадъ въ свою позицію, оставивъ Соколовскаго продолжать прерванный разговоръ съ высокимъ, прямымъ, худымъ и крѣпкимъ усатымъ старикомъ, по усамъ и осанкѣ—отставнымъ кавалеристомъ.

Конечно, не стоило говорить Соколовскому, что дѣло гораздо болѣе плохо, нежели онъ думаетъ: не то, что авторитетъ программы будетъ ослабленъ, сама программа будетъ испорчена. Конечно, не стоило говорить. Нельзя поправить; зачѣмъ же было огорчать Соколовскаго прежде времени? Не стоило говорить. Да и жалѣть не стоитъ. Съ самаго начала затѣя была пустая; стоитъ ли жалѣть о пустякахъ?—Не стоитъ.

Такъ размышлялъ Волгинъ — опять утвердившись въ своемъ уютномъ углу, и не могъ не согласиться самъ съ собою, что разсуждаетъ очень основательно; дѣло было пустое, не стоило толковать; не стоитъ и жалѣть, что оно испорчено... Такъ, не стоитъ жалѣть, — размышлялъ Волгинъ и злился, злился хуже прежняго, съ наслажденьемъ злился, пока встрепенулся отъ словъ Нивельзина:

— Идутъ обѣдать, Алексѣй Иванычъ; а вы такъ углубились въ ваше занятіе, что и не слышите.

Волгинъ очнулся и увидѣлъ — чѣмъ занимался, и съ какимъ прекраснымъ успѣхомъ: на цѣлую четверть была ощипана бахрома съ занавѣса окна, дававшаго ему твердую опору для основательныхъ размышленій. Мыслитель махнулъ рукою, въ справедливое осужденіе себѣ, и поспѣшилъ отъ мѣста преступленія, догонять послѣднихъ уходившихъ.

— Погодите, такъ нельзя, — остановилъ его Нивельзинъ. — Взгляните на себя.

Волгинъ взглянулъ на себя и съ чувствомъ воскликнулъ: — „это удивительно!“

По настоящему было нисколько не удивительно, а, напротивъ, очень естественно; но было, дѣйствительно, очень недурно: фракъ, жилетъ, брюки— все было пріятно испещрено малиновымъ, синимъ и бѣлымъ шелковымъ пухомъ.—„Нѣтъ, увѣряю васъ, Павелъ Михайлычъ, — это удивительно, какія штуки я дѣлаю!“ — подтвердилъ мыслитель съ глубокимъ убѣжденіемъ и замоталъ головою въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Подошелъ слуга со щеткою, и слѣды преступленія были благополучно счищены съ основательнаго мыслителя. — Нивельзинъ повелъ его въ обѣденный залъ.

Тамъ уже всѣ сидѣли за столомъ.

На ближайшемъ ко входу концѣ — хозяинъ, подлѣ него Рязанцевъ съ своимъ другомъ Савеловымъ. По назначенію Соколовскаго, тутъ слѣдовало сѣсть и Волгину, противъ Рязанцева, для удобства будущаго спора. Волгинъ

и сунулся туда, не разобравъ, что не оставлено тутъ свободнаго стула. Нивельзинъ оттянулъ его за рукавъ, и повелъ дальше, мимо всего стола на другой конецъ.

— Это куда же?—спросилъ мыслитель.

— Боже мой, да я говорилъ вамъ; пока шла очистка лохмотьевъ съ васъ,—вы пропустили мимо ушей?

А, точно,—былъ разсѣянъ—не вслушался,—согласился мыслитель.

Илатонцева, узнавъ, что на обѣдѣ будетъ Волгинъ, выразила желаніе, чтобъ онъ сидѣлъ подлѣ нея. Соколовскій, подумавъ, уступилъ, и даже нашелъ, что такъ будетъ еще лучше: пусть спорятъ черезъ всю длину стола: могутъ: у Рязанцева звучный голосъ; о способности Волгина кричать нечего и говорить; пусть же спорятъ черезъ весь столъ: будетъ слышнѣе цѣлому обществу.

Волгинъ былъ отъ души радъ этому перемѣщенію: ему было бы тошно сидѣть рядомъ съ Рязанцевымъ, разозлившимъ его своею глупою наивностью. А къ Илатонцевой онъ чувствовалъ такое расположеніе, что для разговора съ нею не имѣлъ нужды въ своей удивительной свѣтскости.

Добрая дѣвушка встрѣтила его будто родного. По возвращеніи изъ деревни она каждый день хотѣла поѣхать къ Лидіи Васильевнѣ; но все еще не могла: по утрамъ парадные визиты; съ обѣда до ночи гости. Она представила его своей тетушкѣ, предсѣдательствовавшей на этомъ концѣ стола въ качествѣ хозяйки. Волгинъ боялся, что тетушка завоюетъ его, по его безпомощности въ подобныхъ случаяхъ. Но у тетушки уже былъ завоеванный, какой-то провинціалъ—очень смирный. Восхитившись въ нѣсколькихъ словахъ удовольствіемъ познакомиться съ Волгинымъ, она оставила его въ покоѣ, предпочитая свою прежнюю жертву, внимавшую ей съ увлеченіемъ.

Пристроивъ основательнаго мыслителя, Нивельзинъ пошелъ на свое мѣсто, около середины стола, по сосѣдству Соколовскаго. Тамъ, съ выгодныхъ пунктовъ для дѣйствія на обѣ стороны, Соколовскій и онъ дадутъ рѣшительный поворотъ обществу, когда прійдетъ время. Время было назначено, когда начнутъ пить шампанское. Обѣдъ, хоть и очень многолюдный, долженъ былъ имѣть видъ совершенно семейнаго. Потому положено было, что не будетъ ни тостовъ, ни спичей. Но Соколовскій съ Нивельзинымъ устроятъ, что гости пожелаютъ услышать, какъ думаетъ объ освобожденіи крестьянъ Рязанцевъ; хозяинъ долженъ будетъ попросить его объ этомъ. Принципы Рязанцева возбудятъ свирѣпость Волгина, и гости увидятъ, что они хороши для дворянства.

Такъ предполагалось для подготовки общества къ принятію программы Рязанцева въ совѣщаніи послѣ обѣда. Но Волгинъ скоро сталъ видѣть, что лишь бы не оправдалось его подозрѣній, а то не будетъ особенной нужды въ его свирѣпости: программа Рязанцева и безъ этой приправы будетъ вкуснымъ блюдомъ.

Стульевъ черезъ пять наискосъ отъ Волгина сидѣлъ высокій, прямой, худой, крѣпкій, усатый старикъ, съ которымъ говорилъ Соколовскій около времени пріѣзда Савелова. Усатый старикъ быстро захватилъ диктатуру на этомъ концѣ стола. Кромѣ тупоумнаго помѣщика, оставшагося въ плѣну у

Тенищевой, всѣ слушали усатаго старика, и всѣ только поддакивали. Въ началѣ двое или трое помѣщиковъ, повидимому, имѣли охоту показать, что они тоже люди умные и могутъ имѣть свои мысли; но усатый старикъ предупреждалъ возраженія, давилъ оппозицію въ самомъ зародышѣ и подавилъ ее такъ, что всѣ человѣкъ двадцать помѣщиковъ, слушавшіе его, въ одинъ голосъ твердили:—„такъ, правда!“

Надобно понимать положеніе дѣлъ и не болтать попустому, — говорилъ усатый старикъ; — крѣпостное право держалось только штыками. Позвольте, господа, нечего вспоминать прежнее вранье, о патріархальныхъ отношеніяхъ: надобно признать правду, когда пропадешь, если не захочешь признать ее. Онъ не либералъ какой-нибудь. Онъ старый гусаръ. Онъ выросъ на томъ и умретъ съ тѣмъ, что не могло быть ничего лучше крѣпостного права, не только для помѣщиковъ, но и для крестьянъ. Кромѣ немногихъ подлецовъ, помѣщики держали себя съ крестьянами превосходно, и крестьяне благоденствовали. Но крестьяне—грубые болваны, звѣри и потому никогда не могли понять, что крѣпостное право полезно для нихъ. Оно, по ихъ невѣжеству, лѣности, своеволію, всегда было ненавистно имъ и держалось только штыками. Теперь эта поддержка отнята у него и помѣщикамъ надобно понять положеніе дѣла. Рѣчь не о томъ, хорошо или дурно рѣшеніе правительства: толковать объ этомъ пустая болтовня, очень опасная. Сказано:—„освобождайте“—баста!—торопитесь слушаться—и только. Почему?—Отняты штыки, въ этомъ весь резонъ.

Рѣчь только уже о томъ, что надобно торопиться, и надобно сдѣлать такъ, чтобы мужики остались довольны. Почему? Резонъ простой: бунтъ. — Будетъ промедленіе? — Мужикъ скажетъ: „помѣщики не хотятъ давать намъ воли, — бей помѣщиковъ, братцы!“ Дать мужикамъ не такія условія, какія нужны для ихъ довольства — тоже самое: „Братцы, помѣщики изобидѣли насъ, добромъ не получимъ добра отъ нихъ, бей ихъ, ребята!“ — Въ этомъ весь резонъ. Коротко и ясно, господа.—„Усмирять бунтъ?“ — Кто это сказалъ: „усмирять бунтъ?“ Подумали ли вы, милостивый государь, о томъ, что сказали? Въ серьезныхъ дѣлахъ не годится говорить, не понимая что̀ такое говоришь.—„Усмирять бунтъ“—сказали вы. Станутъ ли усмирять? Ой—бабушка на двое гадала! Но объ этомъ послѣ. Положимъ, станутъ усмирять. Но скоро ли усмиришь, когда они повсемѣстно подымаются бунтовать? Усмирятъ, положимъ; но помѣщики-то ужъ будутъ перерѣзаны, перевѣшаны, прежде чѣмъ успѣютъ выручить ихъ. Помнятъ ли господа про Пугачевщину? — Онъ можетъ напоминать о ней: онъ не либералъ. Мало того, онъ и не изъ трусовъ. Кто не знаетъ—можетъ спросить, изъ трусовъ ли онъ. Онъ не побѣжитъ отъ бунтовщиковъ. Ему висѣть или быть заживо изжарену, а не бѣжать. Кто мастеръ бѣгать, могутъ легче его разсуждать о бунтѣ. Но и такимъ людямъ онъ скажетъ: не велика радость будетъ имъ пережить бунтъ; пусть приготовятся положить зубы на полку. Онъ не ученый, но можетъ понимать, что Соколовскій,—вотъ тотъ драгунъ,—говоритъ правду: смуты въ государствѣ ни для кого не раззорительны въ такой степени, какъ для землевладѣльцевъ. Купецъ припряталъ свои деньги, или даже перевелъ за границу — и знать ничего не хочетъ. А помѣстья не перенесешь за границу, не спрячешь въ

карманъ. Что вы найдете, когда возстановлены будутъ ваши права на помѣстья, по усмиреніи бунта?—У васъ былъ хлѣбъ?—онъ разграбленъ; у васъ былъ скотъ?—онъ уведенъ или перерѣзанъ; у васъ былъ лѣсъ? — онъ вырубленъ; о домѣ и не спрашивайте: сожженъ, все чисто, хоть шаромъ покати, голая земля. И останется голая: нечѣмъ засѣять; да и некому пахать; мужики перебиты, сосланы; кто уцѣлѣлъ—разбѣжались; нѣтъ работниковъ. Дорогаго стоитъ ваше помѣстье! Но возстановятъ ли ваши права на эту землю? Съ того и начиналась рѣчь: Возвратятъ ли вамъ ее? Станутъ ли хлопотать изъ-за васъ? Захотятъ ли усмирять бунтъ? Дураки ли сидятъ въ правительствѣ? Не скажетъ ли правительство: „господа, вы сами виноваты вашею неуступчивостью; бунтъ противъ васъ, а не противъ правительства; вѣдайтесь, какъ знаете; наше дѣло сторона“, думаютъ ли господа, что правительство не можетъ сказать этого? — Усмирять повсемѣстный бунтъ, какихъ расходовъ будетъ это стоить! Что за радость правительству входить въ убытки? Не легче ли, не дешевле ли сказать: „претензіи мужиковъ справедливы; пусть все останется за ними; это и гораздо прибыльнѣе для казны; доходъ казнѣ отъ мужиковъ, а не отъ помѣщиковъ“, думаютъ ли господа, что невозможно ждать такого рѣшенія отъ разбойниковъ — усатый старикъ нѣсколько понизилъ голосъ и указалъ глазами на дальній конецъ стола,—отъ разбойниковъ, подобныхъ Савелову? Помѣщикамъ надобно удовлетворить мужиковъ, чтобы не дать вмѣшаться въ дѣло разбойникамъ, ненавидящимъ дворянство. Теперь мужики еще удовольствуются условіями, неразорительными для помѣщиковъ. Но сдѣлайте промедленіе, и будетъ совсѣмъ другое. Тотъ драгунъ — Соколовскій, говоритъ правду: „спѣшите развязаться съ ними, пока они еще не наслушались демократическихъ рѣчей; если не поспѣшите, пойдутъ на васъ съ крикомъ: „вся земля мужицкая, выкупа никакого! — убирайся, помѣщики, пока живы!“ и правительство будетъ за нихъ. — Милостивый государь, — вдругъ обратился усатый старикъ къ Волгину: — Вы дружны съ Савеловымъ?

— Незнакомъ съ нимъ, — успокоилъ Волгинъ усатаго старика, подумавъ, что онъ сообразилъ неловкость своего отзыва о Савеловѣ при другѣ этого разбойника.

— А онъ подходилъ къ вамъ.

— Просто хотѣлъ показать любезность.

— Видите, господа, каково положеніе дѣлъ?—продолжалъ усатый старикъ:—господинъ Савеловъ заигрываетъ съ г. Волгинымъ, ищетъ его пріятельства!—А знаете ли вы, кто г. Волгинъ?—Извините, милостивый государь, что говорю о васъ при васъ; разговоръ идетъ о дѣлѣ, лишнія церемоніи не у мѣста,— замѣтилъ онъ, обращаясь къ Волгину, и продолжалъ:—г. Волгинъ, по словамъ Соколовскаго...

Вѣроятно, Волгинъ услышалъ бы о себѣ характеристику, совершенно сходную съ тою, какую сочинялъ себѣ, посмѣиваясь въ своемъ углу передъ пріѣздомъ Савелова, но слова усатаго старика были перерваны говоромъ: „тише, тише! Викторъ Петровичъ хочетъ сказать что-то“.

Илатонцевъ началъ все по плану, какъ нельзя лучше,— что нѣкоторые изъ его гостей, говорившіе передъ обѣдомъ съ Григоріемъ Сергѣичемъ Рязан-

цевымъ, были очень заинтересованы мыслями Григорія Сергѣича о дѣлѣ, которое занимаетъ всѣхъ здѣсь; что другіе гости, услышавъ отъ этихъ за обѣдомъ о ихъ разговорахъ съ Григоріемъ Сергѣичемъ, тоже заинтересовались...

А Савеловъ, между тѣмъ, нагнулся къ уху своего пріятеля и шепнулъ что-то. Другъ пришелъ въ такое удовольствіе, что сталъ потирать свои пухленькія ручки, кивая головою другу.

— По общему желанію,—прошу васъ, Григорій Сергѣичъ—заключилъ хозяинъ, обращаясь къ Рязанцеву:—будьте такъ добры, полнѣе развейте намъ мысли, которыми возбуждено наше любопытство.

Сіяя радостью, Рязанцевъ очень краснорѣчиво поблагодарилъ общество за честь, которую оно оказываетъ ему своимъ вниманіемъ, мило и съ достоинствомъ выразился о слабости своихъ силъ, ободряя себя тѣмъ, что общество будетъ снисходительно къ недостаткамъ, которые онъ сознаетъ въ себѣ, какъ ораторъ, и обѣщая, что если онъ не умѣетъ ослѣплять великолѣпными словами, то постарается изложить съ ясностью принципы, справедливость и практичность которыхъ открыта имъ посредствомъ добросовѣстнаго и долгаго изученія и размышленія.—Все это было, положимъ, совершенно лишнею реторикою, но меньшаго краснорѣчія и нельзя было ожидать отъ наивнаго добряка; Волгинъ зналъ его и былъ приготовленъ услышать множество пышно-скромныхъ фразъ; но при всемъ своемъ знакомствѣ съ простодушіемъ краснорѣчиваго прогрессиста, захлопалъ глазами отъ окончанія прекраснаго вступленія: „будучи увѣренъ въ сочувствіи общества, — продолжалъ Рязанцевъ, — онъ проситъ сначала почтить вниманіемъ тѣ немногія слова, которыя желаетъ сказать его другъ, Яковъ Кирилычъ Савеловъ“.

Волгинъ хлопалъ глазами. Быть дуракомъ—Волгинъ понималъ, что очень можно быть дуракомъ, и очень глупымъ дуракомъ,—онъ прекрасно зналъ это по себѣ,—но быть дуракомъ до такой степени—это было уже непозволительно, даже по мнѣнію Волгина: какъ не понималъ Рязанцевъ, что связываетъ себя по рукамъ и по ногамъ, прося благосклонное общество слушать Савелова? Какъ онъ не понималъ, что теперь его рѣчь должна будетъ быть только отголоскомъ словъ Савелова? Какъ отнимать у себя всякую свободу? Какъ выставлять самого себя только прихвостникомъ своего друга?.. Конечно, понятно, слишкомъ понятно послѣ той глупости, какую онъ сдѣлалъ, устроивъ приглашеніе Савелову быть на этомъ обѣдѣ; послѣ такой глупости никакое тупоуміе не должно удивлять, разсудилъ Волгинъ и пересталъ хлопать глазами.

А Рязанцевъ, между тѣмъ, въ восторгѣ души, объяснилъ благосклонному обществу, что слова Якова Кириллыча будутъ наилучшимъ вступленіемъ къ его собственной рѣчи, просилъ общество обратить на слова Якова Кириллыча все то вниманіе, какого заслуживаютъ произносимыя публично, глубокообдуманныя, строго-возвышенныя слова государственнаго дѣятеля, изучившаго великій вопросъ во всей широтѣ и полнотѣ,—и, смѣетъ прибавить онъ, Рязанцевъ, государственнаго дѣятеля, коротко знающаго всѣ сокровеннѣйшія предначертанія правительства, и,—отваживается сказать онъ, Рязанцевъ, — государственнаго дѣятеля—талантамъ котораго ввѣрено важное участіе въ развитіи этихъ предначертаній,—онъ прибавляетъ это, не опасаясь быть обвиненъ въ пристрастіи къ Якову Кириллычу, дружбою котораго гордится.

Онъ замолкъ наконецъ—потирая руки въ восторгѣ.

Савеловъ отвѣчалъ на восторги своего друга комплиментомъ его учености и генію и, принесши этимъ необходимую дань пустословію, продолжалъ просто, коротко, дѣльно.

Онъ говоритъ собранію помѣщиковъ. Онъ слыветъ врагомъ, злодѣемъ дворянства. Онъ не будетъ оправдываться. Онъ предоставляетъ времени оправдать его. Онъ хочетъ говорить не о себѣ. Онъ хочетъ только объяснить мысли правительства, которыя, по справедливымъ словамъ его уважаемаго и ученаго друга, извѣстны ему. Правительство рѣшило уничтожить крѣпостное право. Это признано необходимостью по двумъ причинамъ. Крѣпостное право противорѣчитъ духу вѣка; оно было пятномъ для Россіи во мнѣніи Европы. Другая причина состоитъ въ томъ, что оно несовмѣстно съ правильной администраціей, мѣшало государственному порядку. Естественно, что реформа столь важная возбуждаетъ много разныхъ толковъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно ложны. Крѣпостное право будетъ уничтожено. Но право собственности останется священно. Правительство не можетъ хотѣть вреда никакому сословію. Невозможно выгнать десятки милліоновъ людей изъ домовъ, занимаемыхъ ими; но за всѣ неизбѣжныя уступки помѣщики должны быть вполнѣ вознаграждены крестьянами. Могутъ ли помѣщики опасаться, что вознагражденіе недостаточно будетъ, когда имъ самимъ поручается сдѣлать оцѣнку?—Точно также напрасны и всѣ другія опасенія ихъ,—напрасны по той же причинѣ: имъ самимъ поручается заняться осуществленіемъ реформы. Всѣ подробности новаго устройства будутъ опредѣлены ихъ собственными трудами. Порученіе, возлагаемое на нихъ, очень обширно и многосложно. И излишняя медленность была бы несогласна съ видами правительства. Но оно совершенно понимаетъ, что и торопливость въ такомъ трудномъ и запутанномъ дѣлѣ была бы вредна. Великая реформа, конечно, потребуетъ много времени для своего совершенія. Полагаясь на патріотизмъ дворянства, правительство будетъ терпѣливо. Пусть дворяне добросовѣстно изучаютъ, обдумываютъ великій вопросъ. Приготовившись къ основательному разрѣшенію его, они будутъ собираться по губерніямъ; въ каждой губерніи они выработаютъ уставъ, соотвѣтствующій мѣстнымъ интересамъ. При такомъ порядкѣ дѣла можно быть увѣреннымъ, что великая реформа не нарушитъ выгодъ помѣщиковъ. Есть еще опасеніе, которое также должно быть разсѣяно. Думаютъ, что общественный порядокъ можетъ подвергаться опасностямъ. Нѣтъ. Администрація не потерпитъ никакихъ безпорядковъ и уже приняты мѣры, чтобы она повсюду имѣла подъ рукой достаточныя силы для подавленія безпокойныхъ движеній въ самомъ началѣ; для этого, по всѣмъ частямъ государства расположены войска.

Ожиданія Волгина были далеко превзойдены. Онъ понималъ, что Савеловъ пріѣхалъ разстроить дѣло Соколовскаго, что программа Рязанцева погибнетъ. Но Савеловъ сдѣлалъ гораздо больше. Онъ сказалъ помѣщикамъ, что они могутъ совершенно безопасно оттягивать освобожденіе крестьянъ, могутъ тянуть его такъ, что и конца не будетъ проволочкамъ.

Лица помѣщиковъ дѣлались веселѣе, по мѣрѣ того, какъ Савеловъ раскрывалъ имъ истину. Усатый старикъ, вытягиваясь къ Волгину, шепталъ: „мы ошибались, милостивый государь, вы сами видите, передъ нами виляютъ хво-

стомъ. Насъ боятся, милостивый государь,—понимаете, насъ боятся?—Что вы скажете? Ваши друзья, всѣ эти Рязанцевы и Соколовскіе, больше ничего какъ пустомели—не правда-ли?"

— Они честные люди; желая добра народу, они искренно желаютъ добра и дворянству. Я въ этомъ случаѣ хорошій свидѣтель, потому что не выставляю себя вашимъ другомъ. Я не говорю, что мнѣ было пріятно думать, что вы избѣгнете бѣдъ, принявъ ихъ совѣты, и не скажу, что огорченъ тѣмъ, что вы теперь отвергнете ихъ совѣты. Отвергайте, мнѣ все равно. Идите тою дорогою, которую вамъ открываютъ слова Савелова. Идите ею. Я не буду плакать о васъ. Забывайте, что Савеловъ интриганъ, который заботится и о вашихъ головахъ столько же, сколько и о благосостояніи народа.

— Хорошо; грозите, милостивый государь: ваши угрозы не слишкомъ-то страшны; войско разгонитъ вашихъ милыхъ мужичковъ.

— Я знаю это, милостивый государь; будетъ разгонять, пока будетъ разгонять. И до той поры, пока будетъ разгонять, вамъ нечего бояться.

— Милостивый государь, о чемъ вы говорите, позвольте васъ спросить?

— О томъ, милостивый государь, что мужицкій бунтъ не важная опасность для васъ. Войско легко разгонитъ мужицкіе бунты.

— Вы грозите революціей, милостивый государь?

— Понимайте, какъ вамъ угодно, милостивый государь. И если вамъ угодно донести на меня, не могу запретить.

— Хорошо, милостивый государь. Теперь мы будемъ понимать ваши желанія,—сказалъ усатый старикъ и отвернулся слушать Савелова.

Объяснивъ помѣщикамъ истинное положеніе дѣлъ, Савеловъ перешелъ къ пустословію, требуемому дружбою. Правительство исполнитъ свою обязанность—охранять порядокъ. Конечно, и дворянство исполнитъ свою обязанность—добросовѣстно заняться освобожденіемъ крестьянъ. Для этого дворянству будетъ очень полезно познакомиться съ трудами спеціалистовъ, изучавшихъ великій вопросъ. Не дружба только, но и строгая истина заставляетъ его, Савелова, сказать, что самый ученый трудъ по великому вопросу принадлежитъ его другу, знаменитому нашему юристу, Григорію Сергѣичу Рязанцеву.—Полились великолѣпныя фразы въ честь друга и горячія убѣжденія, чтобъ дворянство приняло къ сердцу благородныя мысли знаменитаго юриста...

Волгинъ обдумывалъ, между тѣмъ, какъ ему поступить. — Знаменитый юристъ сіялъ, радуясь тому, какъ прекрасно внушаетъ его другъ, чтобы помѣщики полюбили его мысли. Онъ станетъ ораторствовать, какъ ни въ чемъ не бывало.

И пусть бы себѣ ораторствовалъ. Но Соколовскій подниметъ скандалъ, если не отнять возможности поднять скандалъ. Челюсти Соколовскаго были стиснуты; глаза горѣли; по легкому подергиванію костлявыхъ плечъ его было видно, что его бросаетъ въ лихорадку отъ негодованія.

— Надежда Викторовна, я уйду изъ-за стола. Будьте добры, скажите, что со мною дурно, но что безпокоиться обо мнѣ нечего,—скажите, что пройдетъ.—Волгинъ всталъ и пошелъ изъ обѣденнаго зала.

А Рязанцевъ продолжалъ сіять, въ близкомъ ожиданіи минуты, когда начнетъ краснорѣчиво излагать свои принципы, такъ сильно рекомендуемые его другомъ.

Выходя изъ обѣденнаго зала, Волгинъ услышалъ стукъ порывисто отодвинутаго стула и тяжелые, торопливые шаги. Соколовскій догонялъ его.—Прошедши до зала, въ которомъ совершалъ свое преступленіе надъ бахромою, Волгинъ остановился и обернулся.

Соколовскій былъ блѣденъ, какъ смерть; на дрожащихъ углахъ губъ у него выступала пѣна.

— Куда вы? Вы измѣняете?

— Измѣняю, Болеславъ Иванычъ. Вы сами видите, мы съ вами не могли бы сдѣлать ничего.—Вы стали бы принуждать меня говорить—что могъ бы я сказать?—Грозить революціей, какъ и погрозилъ вашему усатому старику?—Не говоря о самомъ себѣ—не говоря даже и о томъ, что это значило бы компрометировать хозяина, спрошу васъ: не было ли бы это и смѣшно? Кто же повѣрилъ бы? кто не расхохотался бы?—Да и не совсѣмъ честно грозить тѣмъ, во что самъ же первый вѣришь меньше всѣхъ.

Соколовскій опустился на диванъ, закрывъ лицо дрожащими руками.

— Идите, будемъ бороться съ ними!—воскликнулъ онъ черезъ минуту, вскакивая.

— Полноте, Болеславъ Иванычъ, какая тутъ борьба?

— Нѣтъ, я пойду!

— Не за чѣмъ, Болеславъ Иванычъ. Слушать Рязанцева они станутъ и безъ вашей протекціи: люди благовоспитанные; сами просили его говорить, надобно выслушать, хоть уже и не для чего. И послѣ обѣда прослушаютъ его программу и похвалятъ,—зачѣмъ быть невѣжливыми, нелюбезными?—Не хлопочите, обойдется безъ васъ. Лучше, поѣдемъ со мною. Хочу взглянуть, что съ Левицкимъ. Можетъ быть, уже пришелъ въ сознаніе. Поѣдемъ,—а то еще компрометируете себя.

— Нѣтъ, я пойду къ нимъ! Буду бороться.

Волгинъ покачалъ головою.—Скука съ такими несговорчивыми людьми, какъ вы, Болеславъ Иванычъ, скука, увѣряю васъ; очень основательно разсудилъ онъ.

— И можно ли было ждать отъ Савелова такой измѣны?

— Измѣны никакой нѣтъ,—совершенно справедливо объяснилъ Волгинъ:—Вы хотѣли выставить помѣщикамъ положеніе дѣлъ въ ложномъ свѣтѣ. Савеловъ исполнилъ свою прямую обязанность, опровергнувъ клеветы, которыя взводили вы на правительство.

— И неужели все погибло?

— Не могло не погибнуть, еслибы Савеловъ и не услышалъ во время о вашей затѣѣ. Она держалась только на недоразумѣніи, на одурѣніи отъ перваго впечатлѣнія. Все равно,—истина разъяснилась бы,—съ обыкновенною своею основательностью отвѣчалъ Волгинъ, и объяснилъ, что жалѣть не о чемъ. Пусть бы и удалось нынѣ заставить помѣщиковъ подписать программу Рязанцева, черезъ нѣсколько дней они отреклись бы отъ нея. И были бы правы: подписи ихъ получены обманомъ—стали-бы говорить они. И точно обманомъ. Все дѣло было совершенно пустое, и, правду сказать, недобросовѣстное. Нечего и жалѣть, что оно разстроилось. Объяснивши это, Волгинъ вздохнулъ, подумалъ, подтвердилъ:—Да, пустое дѣло, не стоитъ жалѣть,—и прибавилъ:—Ну, такъ что-же, поѣдемъ, Болеславъ Иванычъ?

— Нѣтъ, я пойду къ нимъ, буду бороться до послѣдней минуты!

Волгинъ покачалъ головою и былъ совершенно правъ.

— Измѣнить, струсить передъ дворянствомъ, кто-бы могъ ждать этого послѣ побѣды надъ Чаплинымъ!

— Эхъ, Болеславъ Иванычъ!—отдѣльную личность можно побѣдить,—а цѣлое дворянство,—помилуйте! Что такое Савеловъ, чтобъ смѣть ему и подумать о борьбѣ съ дворянствомъ?

— Такая слабость, такая трусость!—Между ними нѣтъ ни одного государственнаго человѣка!

— Эхъ, Болеславъ Иванычъ,—возразилъ Волгинъ, покачавши головою:—Я удивляюсь вамъ, какъ это приходитъ вамъ въ голову такое странное требованіе,—увѣряю васъ, это удивительно,—подтвердилъ онъ, подумавши еще, покачалъ головою и пошелъ въ переднюю, остановился, сказалъ:—Ну, что же, Болеславъ Иванычъ, поѣдемъ со мною—гораздо лучше—увѣряю; но не получивши никакого отвѣта отъ Соколовскаго, протянулъ руки вставить ихъ въ подаваемую слугою шубу, вздохнулъ, еще разъ покачалъ головою и надѣлъ фуражку, послѣ чего совершенно успокоился ото всѣхъ своихъ волненій.

Но болѣе сильное волненіе, и волненіе радостное, ждало его.

Онъ надѣялся, что найдетъ Левицкаго уже пришедшимъ въ сознаніе; почти съ полною увѣренностью въ этомъ онъ подходилъ къ той комнатѣ, въ которой провелъ столько мучительныхъ часовъ у постели больного, и все-таки онъ едва удержалъ крикъ восторга, услышавъ изъ этой комнаты голосъ жены: она говоритъ съ Левицкимъ, Левицкій пришелъ въ сознаніе, Левицкій внѣ опасности!

— Здравствуйте, Алексѣй Иванычъ,—хорошъ я?—проговорилъ Левицкій. Онъ былъ еще чрезвычайно слабъ и едва могъ протянуть худую, худую руку входившему.—Что тамъ у Илатонцевыхъ? Лидія Васильевна разсказала мнѣ, что вы были у нихъ.

— Хорошіе люди и отецъ и она—въ особенности, она. Съ какою милою привязанностью она говорила о васъ, Владиміръ Алексѣичъ!—Она и на меня смотрѣла будто на родного, изъ-за того, что мы съ вами любимъ другъ друга.

— Да, она очень добрая и милая дѣвушка,—отвѣчалъ Левицкій:—и я знаю, что она очень любитъ меня.

Эти слова совершенно сбили Волгина съ его мыслей. При своей сообразительности, онъ былъ совершенно увѣренъ, что Левицкій спѣшилъ уѣхать изъ деревни именно для того только, чтобъ удалиться отъ Илатонцевой, что Левицкій влюбленъ въ нее, что любовь его была несчастна. Теперь, при помощи той же сообразительности, онъ былъ увѣренъ, что ровно ничего такого не должно было быть. Очевидно, чувства Левицкаго къ Илатонцевой были совершенно спокойныя, дружескія,—такія же точно, какъ и ея къ нему.

— Они оба будутъ чрезвычайно обрадованы, узнавъ, что вы стали говорить.

— Да, будутъ, я увѣренъ.

— Знаете ли что?—Я пошлю кого-нибудь къ нимъ, сказать.

— Пошлите; это хорошая мысль.

Волгинъ пошелъ искать хозяина—распорядился.

— Но скажите же, Владиміръ Алексѣичъ, почему вы уѣхали отъ нихъ такъ торопливо и сочинили предлогъ письмо отъ меня, чтобъ замаскировать причину отъѣзда?

— Другъ мой, онъ еще слабъ, ему вредно бы было много говорить; замѣтила Волгина:—разскажетъ когда-нибудь послѣ.

— Твоя правда, голубочка,—согласился мужъ, не замедливъ сообразить, что, дѣйствительно, правда.

— Разскажите вы, что тамъ было у васъ? Удалось, или, какъ вы ждали, не удалось?—сказалъ Левицкій.

Волгинъ не утаилъ ничего, хоть ему очень хотѣлось бы утаить отъ жены исторію о томъ, какъ онъ украсилъ себя разноцвѣтными шелками; при своей сообразительности, онъ разсудилъ, что утаивать было-бы напраснымъ трудомъ: все равно разсказалъ бы Нивельзинъ.

При всемъ желаніи побранить его, жена не могла не смѣяться. И Левицкій улыбнулся. Потомъ скоро сталъ дремать. Волгина увела остроумнаго разсказчика.

Чудакъ ты, мой другъ,—замѣтила ему она, когда сходили они съ лѣстницы:—человѣкъ только-что начинаетъ оправляться, а ты вздумалъ разспрашивать его.

— Это твоя правда, голубочка,—согласился основательный мыслитель:—но только, отчего онъ уѣхалъ изъ ихъ деревни?—Я вижу, вовсе не отъ Илатонцевой,—увѣряю тебя, голубочка, не отъ нея.

— Ты ужасный простякъ, мой другъ.

— Это твоя правда, голубочка,—не замедлилъ согласиться основательный мыслитель.

— Но какъ я рада, мой другъ,—о, какъ я рада за него; и еще больше за саму себя: теперь я не буду безпокоиться, что ты убиваешь себя, теперь ты не будешь смѣть слишкомъ много работать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ЛЕВИЦКАГО ЗА 1857 ГОДЪ.

Май.

27. Нанялъ квартиру. Не хочу ни одного лишняго дня оставаться въ институтскихъ стѣнахъ.—Когда вернулся въ Институтъ, услышалъ, что конференція кончилась. Ликаонскій, Черкасовъ и всѣ наши — старшіе учители. И я тоже, противъ ожиданія. Степка ораторствовалъ обо мнѣ часа два, и доходилъ въ своемъ неистовствѣ до откровеннѣйшаго безстыдства:—„Наконецъ, я долженъ сказать вамъ, господа, что имѣю несомнѣнныя доказательства тому, что Левицкій—авторъ той гнусной записки къ министру, по которой рѣшено закрыть нашъ Институтъ". — Для многихъ профессоровъ это было новостью. Впечатлѣніе было поразительное. Одни изумлялись моей хитрости и злобѣ, другіе безстыдству Степки. — „Пусть онъ авторъ этой записки, я не могу осуждать его за правду", сказалъ Рязанцевъ.—„Но, Григорій Сергѣичъ, мы лишаемся мѣстъ", — продолжалъ Степка, нисколько не стѣсняясь: „Вамъ хорошо говорить, у васъ есть каѳедра въ университетѣ, у васъ есть помѣстье. А я и многіе другіе, мы останемся безъ куска хлѣба". — „О васъ, Степанъ Иванычъ, я не могу судить, останетесь ли безъ куска хлѣба, а другіе въ теченіе двухъ лѣтъ успѣютъ пріискать себѣ должности". — Нашлось еще два-три человѣка, въ которыхъ честность взяла верхъ надъ разсчетомъ. Большинство, разумѣется, раздѣляло чувства Степки или не смѣло противорѣчить ему: еще два года, онъ остается ихъ начальникомъ. Рязанцевъ сказалъ, что если не выпустятъ меня старшимъ учителемъ, онъ поѣдетъ къ министру и объяснитъ причину вражды ко мнѣ. Степка струсилъ.—Черкасовъ не помнитъ себя отъ радости, что Степка не успѣлъ сдержать своего обѣщанія выпустить меня съ

дурнымъ аттестатомъ. Я говорилъ ему въ двадцатый разъ, что для меня было бы все равно: Илатонцевъ сдѣлаетъ, что я останусь въ Петербургѣ, и хоть бы написали въ аттестатѣ, что я не умѣю читать, мнѣ было бы мало убытку.—„Но ты самъ говорилъ, что Стенка погубитъ тебя, не давши старшаго учителя".—„Когда я говорилъ это, Черкасовъ?—Зимою до знакомства съ Илатонцевымъ.—„Но все-таки".—„Что же все-таки? Тогда, если бы я не кончилъ старшимъ учителемъ, я не могъ получить мѣста въ Петербургѣ. Не двадцать ли разъ я доказывалъ тебѣ, въ эти три недѣли, что аттестатъ потерялъ для меня всякую важность, когда Илатонцевъ предложилъ мнѣ оставаться учителемъ у него, и обѣщалъ выхлопотать согласіе министра?" — „Конечно, такъ. Но все-таки". — Пройдетъ еще полгода, онъ совершенно убѣдится, и будетъ толковать объ Илатонцевѣ, — когда, быть можетъ, отношенія къ Илатонцеву уже перестанутъ имѣть важность для меня. Но сколько любви ко мнѣ въ немъ! Онъ совершенно забывалъ думать о себѣ, отъ радости за меня. Удастся ли ему получить мѣсто на родинѣ?

Вечеромъ мы съ Ликаонскимъ долго ходили по биржевому скверу. Ликаонскій, противъ обыкновенія расчувствовался.—„Что были бы мы безъ тебя, Левицкій?"—„То же самое. Ты имѣлъ бы на товарищей то вліяніе, которое приписываешь мнѣ".—„Нѣтъ, Левицкій".—„Полно говорить вздоръ", я доказалъ ему, что онъ могъ бы замѣнить меня, и просилъ замѣнить, пока они остаются жить вмѣстѣ. Я сказалъ ему, что не буду приходить въ эти залы, ненавистныя мнѣ. Онъ понимаетъ это чувство.

28. Прощай, Институтъ, убивавшій умственную жизнь въ сотняхъ молодыхъ людей, разсылавшій ихъ по всей Россіи омрачать умы, развращать сердца юношей, — прощай, Институтъ, голодомъ и деспотизмомъ отнимавшій навѣкъ здоровье у всѣхъ тѣхъ, которые не могли примириться съ твоими принципами раболѣпства и обскурантизма,—прощай, Институтъ, изъ котораго выносили на кладбище всѣхъ, отваживавшихся протестовать противъ твоей гнусности, — прощай! — Объявлено, что мы кончили курсъ, и черезъ полчаса затворятся за мною навсегда твои двери, въ которыя уже не будутъ входить новыя жертвы.—Половина двѣнадцатаго.

Черкасовъ плакалъ, какъ ребенокъ. Сталъ говорить прощальный спичъ, и зарыдалъ,—принимался продолжать спичъ, и не могъ докончить. Поѣхалъ со мною, помогать мнѣ разстановить книги.—Оставивъ его кончать это, съѣздилъ на урокъ къ Илатонцеву.—„Почему не остаетесь обѣдать?"—Просилъ познакомить его съ Ликаонскимъ и Черкасовымъ.—Когда?—„Чего же лучше? Вы говорите, что они хотѣли обѣдать у васъ, привозите ихъ сюда".—Ликаонскій уже пришелъ, когда я возвратился. Повезъ обоихъ къ Илатонцеву. Понравились другъ другу.—Проводивъ оттуда Ликаонскаго и Черкасова до Института, въ который не ступитъ нога моя, сдѣлалъ покупку на-завтра.

Пришедши домой, раздумывалъ нѣсколько времени, о чемъ написать для пробы Волгину. Рѣшилъ: воспользоваться хламомъ, который набиралъ въ періодѣ своей охоты изучать развитіе русской мысли,—предметъ, достойный изученія, нечего сказать. Но пусть Волгинъ увидитъ, что я тоже былъ и ученымъ, въ самомъ пошломъ смыслѣ слова. Напишу о меценатствѣ Екатерины II. Хорошо по крайней мѣрѣ тѣмъ, что забавно будетъ видѣть, какъ станутъ бѣситься

всѣ наши прогрессисты. Я думаю, и добрякъ Рязанцевъ осудитъ за непочтительность. О, прогрессисты! Неужели въ Лондонѣ серьезно принимаютъ ихъ за прогрессистовъ? не вѣрится.

29. Писалъ, пока пришли товарищи. Хозяйка замѣтила, что тѣсно въ моей комнатѣ и залѣ, очень любезно уступила и свою комнату, запрятавшись въ кухню. Добрая старушка. Я пригласилъ ее къ закускѣ. Не могла досыта надивиться тому, какіе прекрасные и деликатные стали нынѣ молодые люди: собрались пировать, и не поютъ кабацкихъ пѣсенъ, не сквернословятъ, не буйствуютъ, ни одинъ не напился до-пьяна. Правда, это еще новость. Въ Институтѣ, напримѣръ, нашъ курсъ былъ первый такой. Петровъ сталъ-было щеголять безсмыслицею, которую воображаетъ краснымъ республиканствомъ и даже коммунизмомъ. Надѣялся на то, что некому оборвать его, когда я, по обязанности хозяина, долженъ быть деликатенъ. Ликаонскій сказалъ: „Не удивляй насъ; мы знаемъ, что во всѣхъ партіяхъ есть пустозвоны. А лучше скажи намъ, отъ кого Степка могъ узнать, что записка объ Институтѣ была написана Левицкимъ?“ — „Отъ князя Вяземскаго“, отвѣчалъ Петровъ: — „Ему была отдана Левицкимъ, онъ и сказалъ Степкѣ“. — „Ой, отъ него ли узналъ Степка? Не проболтался-ли кто другой?“ — „Изъ нашихъ, сколько мнѣ извѣстно, никто не бывалъ тайкомъ у Степки“, отвѣчалъ Петровъ. — „Можно было передать ему черезъ Антошку, — съ Антошкою кто-то чуть ли не перенюхивался“. — Петровъ обидѣлся. Но я до сихъ поръ не вѣрю подозрѣнію Ликаонскаго.

30. Писалъ. — Обѣдалъ у Илатонцева. Онъ продалъ около половины своихъ акцій почти безъ убытка. — Возвратившись, нашелъ у себя Черкасова. Потомъ пріѣхалъ Ликаонскій и съ нимъ еще трое изъ нашего тѣснаго круга. — Проводивъ ихъ, продолжалъ статью.

31. Поутру пришла въ голову мальчишеская, но не дурная мысль доставить еще разъ удовольствіе Степкѣ. Поѣхалъ. Вхожу въ залъ, гдѣ имѣлъ столько схватокъ съ подлецомъ. Доложили. — Выбѣгаетъ изъ кабинета Антошка. Сладкимъ голосомъ: „что вамъ угодно, г. Левицкій? Не могу ли я передать Степану Иванычу?“ — „Нѣтъ. Не можете. Да что, онъ боится выйти?“ — „Но какія же ваши намѣренія, г. Левицкій?“ — „Да пусть выйдетъ, чего ему бояться? Не драться же съ нимъ я пришелъ“. — Антошка юркнулъ опять въ кабинетъ. Шептались, шептались, наконецъ выходитъ мой Степка въ сопровожденіи Антошки и письмоводителя. Я, совершенно серьезно: „Я слышалъ, какъ вы, Степанъ Иванычъ, защищали меня на конференціи противъ злобы нѣкоторыхъ профессоровъ, и пришелъ поблагодарить васъ“. — Степка зеленѣетъ и, прячась за Антошку: — „Г. Левицкій, между нами были непріятности, но я всегда желалъ вамъ добра.“ — „А я всегда понималъ пользу, приносимую вами русскому просвѣщенію, надѣюсь, что по закрытіи Института вамъ дадутъ болѣе высокое мѣсто, и почти увѣренъ, что васъ назначатъ попечителемъ округа, чего вы давно добивались“, говорю я, почтительно раскланиваясь, и оставляю Степку, падающаго въ конвульсіяхъ и подхватываемаго на-лету Антошкою. — Но что за живучесть въ губителѣ молодежи. — Лицо передергивалось такъ, что слѣдовало бы быть апоплексіи, — а не будетъ! — нѣтъ, къ вечеру старый воръ будетъ опять здоровъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Возвращаясь домой, натолкнулся на приключеніе, которое, кажется, будетъ имѣть серьезныя послѣдствія.—Но какая рыбья кровь во мнѣ! — ужасна эта апатичность въ мои лѣта.

Я всходилъ на свою лѣстницу, и только что ступилъ на площадку у квартиръ этажемъ ниже моей, одна изъ дверей съ трескомъ расхлестнулась, и по площадкѣ промелькнула вверхъ женщина съ открытыми плечами, придерживающая на груди куски разорваннаго платья; — за нею выскочила массивная фигура мужчины съ поднятыми кулаками,—эту фигуру я схватилъ за шиворотъ, дернулъ, свалилъ и потащилъ назадъ въ растворенную квартиру; закричалъ, чтобы подали мнѣ веревку или что-нибудь такое связать буяна. Никто не отозвался. Я принужденъ былъ тащить дальше по полу эту массу,— негодяй упрямился, потому надобно было давать ему довольно сильные пинки. Протащивъ черезъ двѣ комнаты, въ которыхъ нечѣмъ было связать его, достигъ я съ нимъ до кухни, тамъ нашлись веревки. Придавивъ негодяя колѣномъ, я скрутилъ его по рукамъ и по ногамъ, привязалъ къ ножкѣ кухоннаго стола, и пошелъ искать женщину, убѣгавшую отъ мерзавца.

Она стояла на порогѣ, не смѣя войти, но закрываясь дверью со стороны лѣстницы, по стыдливости: ея костюмъ былъ въ безпорядкѣ. Лифъ платья висѣлъ кусками, и рубашка была разорвана, упала полосами на юбку. Увидѣвъ меня, бѣдная застыдилась, бросила держаться за дверь, торопливо подхватывала куски рубашки, платья, они ускользали изъ-подъ ея дрожащихъ рукъ. Въ передней, при затворившейся двери, было темно. Я, со свѣта, не могъ хорошо видѣть ея черты. Успокаивая, я повелъ ее въ залъ. Свѣтъ упалъ на ея лицо. Оно было очаровательно.

Да, каждый другой молодой человѣкъ вспыхнулъ бы огнемъ. Дивная, ослѣпительно-бѣлая грудь, то полу-прикрываясь, то вся открываясь моему восхищенному взгляду, трепетала, прижималась ко мнѣ, полная, нѣжная, упругая;— при каждомъ рычаніи животнаго, ворочавшаго столъ тамъ, въ кухнѣ, вся она, милая, бѣдная, вздрагивала, все выскользало изъ ея дрожащихъ рукъ, она вся трепетала и прижималась ко мнѣ. Я, бывало, не могъ наглядѣться на плечи Эммы, на грудь Мальвины,—нѣтъ, нѣтъ, то были увядшіе цвѣты, видѣлъ я теперь. О, какъ невообразимо прелестенъ можетъ быть станъ женщины!— А я не потерялъ разсудка, я думалъ о томъ, что не имѣю права расцѣловать эту милую грудь, я заботился только о томъ, чтобы успокоить бѣдняжку.

Онъ ея мужъ, говорила она прерывающимся голосомъ. Она повѣнчана съ нимъ насильно. Уже около года. Но онъ не смѣлъ близко подойти къ ней. Только недавно, — всего съ мѣсяцъ, она осталась беззащитною въ его власти... За что онъ бросился на нее?—Такъ. Онъ сидѣлъ и пилъ. Она одѣвалась, она молчала, и онъ молчалъ. Вдругъ онъ вскочилъ и кинулся на нее, бить. Она вырывалась, бѣжала; онъ ловилъ ее; она вырывалась отъ него, — могла вырываться, потому что онъ былъ очень пьянъ,—онъ догонялъ, ловилъ,— все съ нея летѣло кусками,— она вырывалась,—бѣжала...

Какая холодность!—Я слышалъ и понималъ,—я могъ слышать, когда передъ моимъ восхищеннымъ взглядомъ сіялъ ея дивный станъ, трепеталъ, прижимался ко мнѣ... Я сохранялъ столько разсудительности, что успокоивалъ ее.

Она поняла наконецъ, что мужъ ея не вырвется, не можетъ броситься на нее. Она пошла въ другую комнату, одѣлась.

Квартира была маленькая, только въ три комнаты, какъ я видѣлъ, тащивши мерзавца. Но порядочно меблирована. Въ спальной была даже роскошь. Великолѣпная кровать, орѣховая, съ рѣзьбою; подушки розовыя атласныя, съ кружевами.

Она возвратилась, одѣвшись. Я сталъ говорить, что лучше всего было бы ей бросить негодяя. Можетъ ли она?—Можетъ.

Пришла кухарка, тоже убѣгавшая въ страхѣ отъ ярости мерзавца. Я послалъ ее позвать дворника. Дворникъ боялся идти за полиціею: связанное животное — самъ полиція, помощникъ квартальнаго надзирателя. Мерзавецъ рычалъ, что запоретъ дворника. Нельзя было безъ жалости видѣть колебаніе мужика, размышлявшаго, кто имѣетъ больше власти исполосовать его спину: это всемогущее животное, или я, по спокойному тону приказаній кажущійся едва ли не еще болѣе всемогущимъ.

Чуть не со слезами дворникъ пошелъ за квартальнымъ. Противъ моего ожиданія не понадобилось ни дать денегъ, ни объяснять, что я могу черезъ Илатонцева дѣйствовать прямо на генералъ-губернатора. Какъ вошелъ, квартальный надзиратель сталъ говорить, что былъ бы радъ спихнуть со своей шеи бездѣльника, — только не можетъ, потому что частный приставъ чувствуетъ преданность къ Лапшеву, который посадилъ мерзавца въ помощники ему,—частный приставъ хорошій человѣкъ и соблюдетъ желаніе своего благодѣтеля не прогонять бездѣльника.—Я сказалъ квартальному, что если жена разойдется съ бездѣльникомъ, то ни частному приставу, ни г. Лапшеву не будетъ никакой причины поддерживать пьяницу. Онъ согласился, что правда, и очень обрадовался.

Успѣхъ вѣренъ. А когда она дастъ рублей сто въ канцеляріи генералъ-губернатора, то всѣ бумаги будутъ написаны въ два-три дня. Тогда, я могу высказать ей свои мысли.

Только тогда. Прежде всего она должна получить свободу. Говорить ей раньше, значило бы пользоваться тѣмъ, что ей нужна помощь. Потому, когда квартальный отправилъ мерзавца подъ арестъ, обѣщавшись не выпускать, пока не получитъ распоряженій отъ начальства, я разсудилъ, что и мнѣ не слѣдуетъ оставаться. Квартальный сталъ прощаться, и я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Конечно, слѣдовало уйти. Но могъ-ли бы такъ поступить человѣкъ моихъ лѣтъ, если-бъ имѣлъ живое сердце?—Страшная апатія.

Хозяйка знаетъ Анюту. Два раза давала убѣжище ей, какъ и теперь, она хотѣла скрыться въ нашу квартиру.—На всей нашей лѣстницѣ моя хозяйка одна отваживалась не выдавать бѣглянку мерзавцу,—потому что коллежская совѣтница и имѣетъ какого-то родственника вице-директора. — Разсвирѣпѣвшій пьяный разбойникъ отрезвляется и укрощается передъ высшимъ чиномъ. Небывалое, неземное совершенство общественной благоустроенности, наполяющее буйныхъ сыновъ Россіи такою почтительностью. Счастливая нація!

Я сказалъ Анютѣ, что напишу ей просьбу къ генералъ-губернатору и часовъ въ семь приду растолковать, какъ и что она должна говорить при подачѣ

просьбы,—какъ и гдѣ просить потомъ, чтобы рѣшеніе генералъ-губернатора было поскорѣе исполнено. — Возьму съ собою хозяйку. Не хочу говорить Анютѣ о моемъ чувствѣ, пока дѣло не рѣшится. Потому и не хочу видѣть ее на-единѣ.—Благоразумно; можно даже сказать: хорошо. Но бездушно.

Просьба готова.—Любопытно, достанетъ ли у меня холодности продолжать послѣ обѣда статью, въ ожиданіи времени идти къ Анютѣ? — Нисколько не удивлюсь, если буду очень дѣльно писать объ авторѣ комедіи „О, время.“

Семь часовъ. Думалъ, думалъ, и отчасти даже мечталъ. Не беру съ собою хозяйку. Не зачѣмъ: не увлекусь и на-единѣ съ Анютою. И гораздо лучше просидѣть вечеръ съ нею одному, безъ постороннихъ. Надобно давать ей узнать меня, потому что скоро понадобится ей рѣшаться. Да и неловко было бы при хозяйкѣ предлагать ей деньги на хлопоты по дѣлу. У нея самой, вѣроятно, нѣтъ денегъ.

Десять часовъ. За звонкимъ смѣхомъ Анюты, за моими шутками, за храпѣньемъ кухарки, мы съ Анютою довольно долго не слышали, что кто-то стучится.

Стоитъ-ли жить?—Работать напрасно,—зачѣмъ же и жить?

Я говорилъ веселый вздоръ, Анюта хохотала, кухарка храпѣла; довольно долго мы съ Анютою не замѣчали, что кто-то стучится въ дверь кухни. Стукъ сталъ сильнѣе. Я пошелъ отворить. Это была служанка моей хозяйки. У меня гость, Черкасовъ; говоритъ, что имѣетъ очень важное дѣло ко мнѣ. Я пошелъ домой. Вхожу,—Черкасовъ стоитъ, скрестивъ руки, — лицо унылое...

Апатичные люди доходятъ до самоубійства только отъ сплина, а не отъ потрясеній,—отъ скуки, а не отъ горя. Я увѣренъ, что во мнѣ только шалили мысли, когда стало вспоминаться, что у меня есть бутылочка съ морфіемъ.

Вхожу. Черкасовъ стоитъ съ лицомъ приговореннаго къ смерти, почернѣвшимъ, осунувшимся; но во взглядѣ...

Будто въ самомъ дѣлѣ не стоило умирать? — Впрочемъ, не трудно и безъ морфія,—четвертый этажъ. Пошлость. Но въ чемъ будетъ больше пошлости, если переживу, или если не переживу.

Черкасовъ стоялъ съ лицомъ, невыразимо печальнымъ. Но во взглядѣ горѣлъ какой-то будто лихорадочный огонь.

— Остановись, Левицкій. Прежде, нежели подойдешь ко мнѣ, отвѣчай на одинъ вопросъ...

Что за нелѣпая мелодрама? Не сдѣлалъ ли онъ чего-нибудь ужаснаго? Не думаетъ ли, что я могу отнять у него свою руку, узнавши? Какъ это странно.—Будто я не знаю его, будто не знаю, что онъ не можетъ сдѣлать ничего низкаго?

— Неужели правда, Левицкій, то, что говорятъ? — Меня прислали спросить, правда ли?..

Что за исторія? Допросъ, отъ людей, съ которыми я жилъ четыре года.—Я не былъ бы въ силахъ не быть холоденъ, какъ ледъ, если-бъ и хотѣлъ не быть холоденъ. Но я и не могъ хотѣть не быть холоденъ. Есть глупости, убивающія всякое чувство.

— О чемъ тебѣ угодно знать?

— Я не хотѣлъ вѣрить Петрову, что ты былъ у Степки. Но Антошка и письмоводитель Степки сказали намъ то же. Зачѣмъ ты былъ у Степки?

— Вѣроятно, ты уже знаешь,—нечего спрашивать, когда знаешь.

— Я не хотѣлъ вѣрить, что ты былъ у Степки, и все еще не хочу вѣрить тому, что они говорятъ.—Неужели ты искалъ его милости, благодарилъ его?

— Благодарилъ.

Онъ закрылъ лицо руками.—Каѳедра тебѣ дороже нашего уваженія, дороже твоей чести.—Сквозь пальцевъ, капали слезы.

Онъ выпрямился, и скрестилъ руки на груди. — Левицкій, я любилъ тебя. Отца и мать не любилъ, жену и дѣтей не буду любить съ такою преданностью. Но съ этой минуты, все кончено между нами.

— Пусть, будетъ кончено.

— Прощай, Левицкій!

— Прощай, Черкасовъ.

Просумасбродствовавши часа два-три, я сталъ замѣчать, что кризисъ, кажется, прошелъ, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что останусь живъ. И точно, сумасбродные порывы уже не возобновлялись; и волненіе стало утихать. А теперь, я совершенно спокоенъ; хладнокровно требую у себя отчета: зачѣмъ я пережилъ этотъ ударъ?—и равнодушно вижу справедливость своего мнѣнія о себѣ, какъ объ эгоистѣ. Если бы дѣйствительно привязывала меня къ жизни только надежда принести пользу своею дѣятельностью, я не выбросилъ бы за окно морфій, соблазнявшій меня, или послѣ того кинулся бы самъ разбиться о мостовую, нужды нѣтъ, что это было бы смѣшно. Пусть бы они воображали, что я убился именно изъ-за потери ихъ уваженія. Не все-ли равно для меня, что они думаютъ или подумали-бы? — Нѣтъ, если-бъ я не былъ бездушнымъ эгоистомъ, у меня не стало бы силы рѣшиться жить. Незачѣмъ жить. Невыносимо глупо жить. Нѣтъ надежды быть полезнымъ. Невозможно принести пользу людямъ. Они неспособны улучшить свою жалкую судьбу.

Я презиралъ злобу и подлость. И не ошибался, презирая. Ихъ сила не велика. Ее не трудно бы одолѣть. Масса людей — люди честные и добрые. Интересъ ея прямо противоположенъ всему дурному, совершенно совпадаетъ съ требованіями справедливости. Она можетъ понять ихъ, потому что они очень просты, а она не глупа. Она не можетъ не желать ихъ осуществленія, понявши ихъ, потому что безъ ихъ осуществленія она несчастна. Она можетъ смѣло ринуться въ борьбу за нихъ, и биться геройски, потому что она благородна. Въ этихъ мысляхъ я не ошибался. Но я слишкомъ надѣялся на разсудительность добрыхъ и честныхъ людей, составляющихъ ее. Я слишкомъ мало думалъ о томъ, какъ велико легковѣріе и легкомысліе громаднаго большинства ихъ. Съ этою силою невозможна успѣшная борьба. Урокъ, данный мнѣ товарищами, раскрылъ мнѣ глаза. Самъ по себѣ случай этотъ очень мелокъ, даже забавенъ. Но истина, которою онъ озарилъ меня, ужасна. Такого знанія не пережилъ бы человѣкъ съ живою любовью къ людямъ. Я эгоистъ; но и мнѣ тяжело оно... Тяжело...

Ихъ было двадцать восемь, изъ нихъ только Петровъ былъ низокъ, только двое пошлы. Остальные глубоко проникліись тѣми же стремленіями, которыя одушевляли и меня. Изъ этихъ двадцати пяти многіе были гораздо выше обыкновеннаго уровня по уму и сердцу; всѣ неизмѣримо выше по развитію.

Мы жили вмѣстѣ четыре года. Они должны были знать меня. Они знали меня. Они знали и то, каково стало мое положеніе, благодаря случаю, сдѣлавшему Илатонцева моимъ должникомъ,—по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію, должникомъ. Самъ Черкасовъ видѣлъ, считаетъ ли онъ себя моимъ должникомъ. Прежде, они могли не знать этого; теперь знали.

Какую голову надобно имѣть, чтобы сочетать съ фактами, которые они знали обо мнѣ, мысль о томъ, что я хочу получить каѳедру, — въ Институтѣ или университетѣ, не знаю,—или, если бы хотѣлъ получить ее, имѣлъ бы надобность унижаться для ея полученія,—или, если бы имѣлъ надобность, то захотѣлъ бы,—или, если бы захотѣлъ, то избралъ бы предметомъ своихъ ухаживаній гадину, потерявшую всякое значеніе, гадину, которую втопталъ я въ грязь и предоставилъ на оплеваніе всѣмъ въ министерствѣ,—отъ министра до послѣдняго писца.

Оказалось, что для принятія такой нелѣпости въ свою голову, не нужно быть ни глупымъ, ни пошлымъ человѣкомъ. Можно быть умнымъ,—почти всѣ они таковы, благороднымъ,—всѣ они таковы,—надобно только имѣть обыкновенную дозу человѣческаго легковѣрія и легкомыслія, — даже менѣе обыкновенной дозы, потому что они выше массы по привычкѣ думать, — и эта нескладица помѣстится въ головѣ.

Что-жь не можетъ влѣзть въ такія головы, послѣ этого? — въ такія, то-есть, даже гораздо болѣе развитыя, нежели головы, изъ какихъ состоитъ масса общества?

Самъ по себѣ случай не важенъ. Правда, я былъ расположенъ къ этимъ людямъ. Но школьное пріятельство не такая дружба, отъ разрыва которой разрывается сердце. Да и не все-ли равно, почти всѣ они стали бы очень скоро чужды мнѣ, я—имъ?—Почти всѣ скоро уѣдутъ изъ Петербурга. Переписываться мы не стали бы.

Правда, къ двумъ изъ нихъ эти слова не относятся. Съ двумя я былъ не школьный пріятель, а другъ. Жаль Черкасова. Но именно такъ: жаль его, жаль, что онъ огорченъ такъ сильно. Онъ любилъ меня. За это, я любилъ его. Вздумалось ему, что не долженъ любить меня,—ему огорченіе, не мнѣ. Нѣтъ, напрасно: мнѣ грустно отчасти и за себя. Никогда не перестану любить этого благороднаго человѣка. Онъ былъ готовъ каждую минуту умереть за меня. О такихъ друзьяхъ нельзя вспоминать безъ нѣжности. Но все-таки: болѣе грустно за него, нежели за себя самого. Жаль его, жаль. Одно отрадно, онъ поѣдетъ на родину. Въ кругу родныхъ его грусть смягчится. Да, онъ будетъ счастливъ любовью къ нимъ. Скоро, вѣроятно, и влюбится, — милый невинный юноша!—Онъ будетъ счастливъ, нечего много грустить о немъ.

А въ Ликаонскомъ я увѣренъ. Онъ не могъ поддаться ихъ сумасшествію. Вѣроятно, обругалъ ихъ и ушелъ, махнувъ рукою. Напрасно ушелъ, не слѣдовало уходить. Надобно было говорить, пока образумились бы, постыдились

бы такъ безчестить себя. Но и то сказать: у живого человѣка не достанетъ терпѣнія. Для этого, надобно было-бъ ему быть апатичнымъ, какъ я.

Конечно, окажется, что осталось еще двое или трое, которые не уронили себя въ моемъ мнѣніи. Лагуновъ или Благовѣщенскій, Борисовъ или Свинцовъ. Но двое, трое, много четверо. А остальные двадцать?

Нѣсколько дней осталось безъ ежеминутныхъ предостереженій,—и въ нѣсколько дней уже начали вѣрить мерзавцамъ, которыхъ сами знали за мерзавцевъ.

Общество людей, которые несравненно выше массы, стремились ко всему доброму,—и остались стремящимися ко всему доброму, остались прекрасны, чисты, безукоризненны, какими были;—одна перемѣна: стали игрушками негодяевъ, сами оставаясь благородны.

Вѣчная исторія. Случай ничтоженъ; но онъ обнаружилъ истину, которой я не хотѣлъ понимать... Я радъ: узналъ одною истиною больше; пригодится на будущее. Но тяжело. Подавляетъ. Нѣтъ силы на работу... Будто дряхлость...

И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя...

Вѣчная исторія: выходитъ работникъ, набираетъ помощниковъ. Зовутъ людей къ дружной работѣ на ихъ благо. Собралась масса, готова работать. Является плутъ, начинаетъ шарлатанить, интриговать,—разинули рты, слушаютъ,—и пошла толпа за нимъ. Онъ ведетъ ихъ въ болото,—они тонутъ въ грязи, восклицая: „сердца наши чисты!“—Сердца ихъ чисты; жаль только, что они со своими чистыми сердцами потонутъ въ болотѣ.

А у работника осталось мало товарищей,—трудъ не подъ силу немногимъ, они надрываются, стараясь замѣнить недостатокъ рукъ чрезмѣрными усиліями,—надорвутся и пропадутъ...

И не того жаль, что пропадутъ они,—а того, что дѣло останется не сдѣлано...

И хоть бы только осталось не сдѣлано. Нѣтъ, хуже того: стало компрометировано. Выходятъ мерзавцы, и кричатъ: „Вотъ, они хотѣли, но не могли; значитъ, нельзя“.—„Нельзя“, повторяетъ нація.—„Правда; очевидно: нельзя. Только пропадешь. Лучше же будемъ смирны, останемся жить по прежнему, слушаясь людей, которые даютъ намъ такой благоразумный совѣтъ“.—И забираютъ власть люди хуже прежнихъ.

Отъ Гракховъ до Бабёфа, одна и та же исторія... И послѣ, все она же... Этотъ жалкій 1848 годъ...

Потому, не лучше ли было бъ умереть?—Лучше,—для человѣка, проникнутаго живою любовью къ людямъ. Такому человѣку жизнь была бы невыносима. Видѣть страданіе, безъ надежды помочь—это слишкомъ мучительно для человѣка съ живымъ чувствомъ. Для меня—очень сносно. Потому я остался жить, и не буду раскаяваться.—Четыре часа ночи.

Іюнь.

1. Проснулся въ два часа, надобно было торопиться на урокъ. Одѣваясь и потомъ на дорогѣ думалъ о томъ, какую новую и великую истину открылъ

вчера по поводу глупости товарищей, и какъ живо принялъ къ сердцу это диковинное открытіе. Не могъ не улыбаться, пожимая плечами. Такъ взволноваться отъ мелкой непріятности!—Выводить такія грандіозныя заключенія изъ пошловатой досады.—Безспорно, глупость ихъ велика, и я разсердился справедливо: безспорно и то, что былъ расположенъ къ нимъ, и могъ быть огорченъ ихъ пошлостью, не дѣлаясь смѣшнымъ. Въ особенности было не смѣшно огорчиться за Черкасова. Но взволноваться до сумазбродства—хвататься за бутылочку съ морфіемъ, потомъ подбѣгать къ окну— это глупо.

И какія великолѣпныя оправданія для пошлаго малодушія!—„Не за чѣмъ жить, потому что не для чего работать: люди глупы и легкомысленны.“—Конечно, не очень разсудительны, но потому то необходимо работать надъ улучшеніемъ ихъ судьбы. Если бы они были глупы и не легкомысленны, то и не о чемъ было бы хлопотать: давнымъ давно жизнь ихъ уже была бы устроена превосходно.

Однако, странно, что до сихъ поръ нѣтъ Ликаонскаго. Проснувшись, я думалъ, что онъ былъ и ушелъ, не захотѣлъ будить. Нѣтъ, не былъ, сказала служанка. И до сихъ поръ нѣтъ,—уже восемь часовъ. Не можетъ же онъ не интересоваться узнать, какъ я думаю о глупости товарищей; не могъ и не желать сообщить мнѣ поскорѣе, какъ и что происходило у нихъ.

Часъ ночи. Все было приблизительно въ томъ родѣ, какъ я предполагалъ.—Вчера послѣ обѣда Петровъ уходилъ въ кондитерскую, какъ говорилъ, уходя. Возвратился съ новостью о примиреніи между мною и Степкою. Нѣкоторые повторили; большая часть,—разумѣется, и Черкасовъ,—не хотѣли слушать.—„Какъ же ты узналъ это? Ты ходилъ въ кондитерскую?“ замѣтилъ Ликаонскій, уже довольно давно подозрѣвавшій, что онъ сталъ перенюхиваться съ Антошкою.—Петровъ отвѣчалъ, что встрѣтился въ кондитерской съ письмоводителемъ Степки.—„Все ты врешь; навѣрное былъ Антошки и вмѣстѣ съ нимъ сочинилъ эту сплетню.“—„Что тутъ, сплетня!—Двое свидѣтелей—Антошка и письмоводитель. Спросите ихъ порознь. Если сплетня, то обнаружится“.—Товарищи рѣшили: отправить троихъ спросить письмоводителя; въ то же время пригласить въ собраніе Антошку и допросить. Сдѣлали. Возвратившіеся отъ письмоводителя принесли то самое, что собраніе слышало отъ Антошки. То самое, что говорилъ Петровъ. Я благодарилъ Степку за согласіе съ конференціею выпустить меня старшимъ учителемъ. Степка отвѣчалъ, что всегда желалъ мнѣ добра. Мы обнялись, поцѣловались. Степка обѣщалъ сдѣлать представленіе, чтобы мнѣ дали стипендію для приготовленія на магистра,—а это для полученія каѳедры.

Достовѣрно!—рѣшило большинство. Но многіе еще говорили, что все это очевидный вздоръ. Черкасовъ колебался. Нашлись умные люди, предложившіе ему и Ликаонскому съѣздить, спросить меня. Ликаонскій отказался. Бѣдняжка Черкасовъ имѣлъ умъ поѣхать.

— Зачѣмъ ты пустилъ его, Ликаонскій?

— Что ты станешь дѣлать? Сговоришь-ли съ дураками, когда начнутъ разсуждать?

— Такъ по крайней мѣрѣ не отпускалъ бы его одного. Поѣхалъ бы съ нимъ самъ.

— Въ этомъ, братецъ мой, точно, сдѣлалъ ошибку. Не предположилъ, что онъ заговоритъ съ тобою такъ умно. Когда онъ пріѣхалъ и передалъ свой умный разговоръ съ тобою, я увидѣлъ, что дѣйствительно того и слѣдовало ждать: человѣкъ благородный, рыцарь, непорочная дѣвица; опять же былъ взволнованъ; долженъ былъ отличиться умомъ. Но отпуская, не воображалъ, что разыграетъ такого дурака.

Добрякъ возвратился съ искреннимъ убѣжденіемъ, что я признался.— Тутъ, разумѣется, всѣ увѣровали. Одинъ Борисовъ сохранилъ здравый смыслъ, плюнулъ и ушелъ. Ликаонскій долго спорилъ. Наконецъ, тоже плюнулъ и ушелъ.

Поутру взялъ Черкасова въ Биржевой садъ, началъ образумливать наединѣ.— „Не самъ ли ты видѣлъ отношенія Левицкаго къ Илатонцеву? Нужна ли протекція Степки? Не вызывалъ ли Илатонцевъ даже насъ съ тобою, которыхъ видѣлъ въ первый разъ, сказать ему, не можетъ ли онъ быть полезенъ намъ?— Почему вызывалъ? Не потому ли только, что мы пріятели Левицкаго? Не далъ ли тебѣ слово устроитъ, что тебя назначатъ учителемъ на родину? Затруднился ли тѣмъ, что въ той гимназіи нѣтъ вакансій?—Что отвѣчалъ на это затрудненіе?—Переведутъ какого нибудь учителя инспекторомъ куда нибудь, и будетъ вакансія для васъ, будьте спокойны,—такъ или нѣтъ?—Въ комъ же другомъ нуждался бы Левицкій?—Да нуждался ли бы онъ и въ Илатонцевѣ? Развѣ Рязанцевъ не авторитетъ въ университетскомъ совѣтѣ? Развѣ Рязанцевъ не сходитъ съ ума отъ Левицкаго? Развѣ не толковалъ ему постоянно, что ему слѣдуетъ быть профессоромъ?“

— Такъ; онъ самъ признался.

— Но ты самъ знаешь, онъ никогда не думалъ о каѳедрѣ; что онъ хочетъ быть журналистомъ, и что занять каѳедру было бы и стѣснительно, и невыгодно ему?

— Такъ онъ говорилъ; но видно не такъ думалъ, или передумалъ. Да и я всегда возражалъ ему, что напрасно онъ такъ говоритъ, что хорошо бы ему быть профессоромъ. Должно быть, увидѣлъ, что такъ. Что спорить, Ликаонскій?—онъ самъ признался.

— Пойми, чудакъ, ему было обидно твое подозрѣніе. Пойми, что человѣкъ, уважающій себя, не оправдывается въ подобныхъ случаяхъ.

— Передъ другими, пожалуй, не захотѣлъ бы оправдываться. Но передо мною, который такъ любилъ его!

— Слушать глупость отъ тебя было ему оскорбительнѣе, нежели отъ кого нибудь.

— Нѣтъ, Ликаонскій, напрасно ты воображаешь, будто можешь убѣдить меня, въ чемъ захочешь.—Онъ самъ признался.

Ликаонскій понималъ, что сдѣлалъ ошибку, отпустивъ ко мнѣ Черкасова одного, и не хотѣлъ видѣть меня пока не поправитъ дѣла. Цѣлый день ждалъ случая поймать Антошку и допросить, какъ слѣдуетъ, передъ товарищами. Поймалъ только уже подъ вечеръ. Конечно, сбилъ, когда допрашивалъ одинъ, попросивъ другихъ слушать, молчать и не вмѣшиваться. Антошка признался, что не было рѣчи о каѳедрѣ, это лишь его предположеніе, что Степанъ Ивановичъ готовъ хлопотать за меня. Больше нельзя было добиться отъ Антошки.—

Ликаонскій взялъ съ собою свидѣтелей, зазвалъ письмоводителя Степки въ трактиръ, напоилъ,—они услышали всю правду. Степка принималъ успокоительныя капли послѣ того, какъ я ушелъ.—Но не могъ заниматься дѣлами, и отослалъ письмоводителя. Часа черезъ два, Антошка призвалъ письмоводителя къ себѣ, и научилъ его, какъ слѣдуетъ разсказывать о моемъ свиданіи со Степкою.

Когда свидѣтели возвратились къ товарищамъ, конечно, почти всѣ сознались въ томъ, что были одурачены подлецами. Но добрякъ Черкасовъ и тутъ нашелся: „Ты, Ликаонскій, подкупилъ письмоводителя. Это нехорошо. Ликаонскій, унижаться до обмана, хоть бы даже изъ дружбы. Правда выше всякой дружбы. Левицкій самъ признался мнѣ".

— Товарищи раскаялись. Помирись съ ними, Левицкій.

— Нѣтъ, мой другъ. Это безполезно.

— Ты сердишься на нихъ?

— Пересталъ сердиться. Но безполезно возобновлять пріятельство съ людьми, которые могли хоть на минуту подумать обо мнѣ такъ дурно. Сердиться на нихъ—слишкомъ много чести для нихъ. И притомъ, ты знаешь, я флегматикъ. Но что глупо, то глупо. Пока я не зналъ, что они неспособны думать своимъ умомъ, а не чужимъ, я дорожилъ ихъ расположеніемъ. Теперь не вижу пользы возобновлять разорвавшіяся отношенія.

Для чего хорошо имѣть много пріятелей? Для того, чтобы имѣть на-готовѣ людей, когда начнутся серьезныя дѣла. Но могутъ ли эти легковѣрные и легкомысленные быть агентами въ серьезныхъ дѣлахъ?—Потому, надобно даже радоваться, что мы во-время узнали, каковы они. Это предохранитъ насъ отъ ошибокъ, когда придется заниматься дѣломъ. Чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше.

Ликаонскій согласился, что это правда.—Одного только Черкасова было мнѣ жаль. Правда, онъ не можетъ играть самостоятельной роли. Но его безграничная преданность убѣжденіямъ выкупаетъ неумѣнье быстро понимать вещи. Онъ святой человѣкъ.—Противъ этого, Ликаонскій не спорилъ. Но убѣдилъ меня бросить намѣреніе писать ему. Каждое дружеское мое слово показалось бы ему раскаяніемъ, признаніемъ моей виновности. Онъ еще тверже убѣдился бы, что я въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ дружиться со Степкою, и только всеобщее негодованіе заставило меня отказаться отъ подлаго замысла. Мнѣ нельзя дѣлать первый шагъ. Пусть онъ самъ образумится. Тогда, пусть я нѣжничаю съ нимъ, какъ мнѣ угодно.

Гдѣ я былъ, когда Черкасовъ пришелъ ко мнѣ? Наша служанка сказала ему, что я у молодой сосѣдки, которая расходится съ мужемъ. Что, я уже влюбился?—Выслушавъ мой планъ, онъ сказалъ, что разумѣется, со стороны Анюты не будетъ затрудненій; но, по обыкновенію, сталъ разсуждать о моей влюбчивости, о моихъ сильныхъ чувствахъ, о томъ, что мой спокойный разговоръ и видъ могутъ обманывать другихъ, но не его,—и все тому подобное. Относительно влюбчивости, не спорю: вспыхиваю легко; но силою моихъ чувствъ онъ всегда смѣшитъ мѣня.—„Даю тебѣ честное слово, Ликаонскій, что пока ты не сталъ спрашивать объ Анютѣ, я во весь день ни разу не думалъ о ней. пяти минутъ сряду".

Дѣйствительно, весь день почти вовсе не думалъ о ней, потому что хандрилъ.

2. Пошелъ къ ней поутру.—„Я вчера, отъ генералъ-губернатора, приходила къ вамъ, вы еще спали“.—„Хозяйка говорила мнѣ, что ваша просьба принята хорошо; я очень радъ, что вы теперь можете располагать собою свободно. Что вы думаете дѣлать? — какъ думаете жить?“ — „Буду жить какъ-нибудь“.—Я сталъ говорить ей о своемъ чувствѣ. Она, милая, даже заплакала: „Господи, какъ вы говорите обо мнѣ, Владиміръ Алексѣичъ? Я ни отъ кого не слышала такихъ словъ!“—Мы поцѣловались и я поѣхалъ искать дачу.

Домикъ въ Екатерингофѣ понравился ей, по моему описанію. Понравится ли, когда увидитъ сама?—„Успѣю ли переѣхать завтра поутру? Много хлопотъ съ мебелью“.—Я сказалъ ей, что мебель надобно бросить здѣсь, пусть возьметъ ея мужъ. Она согласилась: „Но о кровати и постели онъ уже не можетъ сказать, что это не мое. Мнѣ подарено“.—Я сказалъ, что кровать и постель также надобно бросить. Она поняла, что это ревность:—„Ну, хорошо, не возьму съ собою. Значитъ, надобно продать“.—„И не продавай, брось“.—„Почему же, Володя?“—Но и это поняла.—Поцѣловалъ ее и ушелъ. Не могъ оставаться, потому что не достало бы характера держать себя, какъ надобно. Она слишкомъ очаровательна. Тѣмъ очаровательнѣе, что застѣнчива.—Предложить хорошенькой женщинѣ, не согласится ли она жить со мною — это показываетъ, что я молодой человѣкъ. Въ этомъ нѣтъ ничего новаго для моей хозяйки и ея служанки: онѣ видѣли, что у меня ростетъ борода. Но знать, что я страстно люблю женщину, съ которой хочу жить—знать и толковать объ этомъ совершенно лишнее для нихъ.

Милая Анюта! Я сужу о ней безпристрастно. Я вижу въ ней недостатки. Но должно быть справедливымъ: не она виновата въ нихъ. Они скоро исчезнутъ. Она умна, и сердце у нея доброе. Деликатность чувства разовьется.

Одиннадцать часовъ вечера. Тянетъ къ ней. Чтобы не поддаться влеченію, буду писать. Пусть мои мысли будутъ заняты ея грустнымъ прошедшимъ. Фантазія успокоится.

Мать Анюты была мѣщанка. Отецъ—человѣкъ не бѣдный; служилъ; наживался. Матери она не помнитъ. Отецъ поступилъ лучше многихъ: не прогналъ побочную дочь. Хотѣлъ дать ей порядочное воспитаніе, помѣстилъ въ пансіонъ. Она еще помнитъ нѣсколько французскихъ фразъ. Когда ей было лѣтъ двѣнадцать, отецъ умеръ. Наслѣдницею была сестра его, жена довольно важнаго чиновника. Дурная женщина. Конечно не захотѣла платить въ пансіонъ.—„По крайней мѣрѣ, возьмите ее къ себѣ“, сказала содержательница пансіона:—„какъ бы то ни было, она отчасти родня вамъ. Нельзя же выгнать ребенка на улицу“.—Тетушка перевезла дѣвочку къ себѣ, отдала на попеченіе своей горничной: пусть горничная учитъ ее прислуживать. Горничная учила, Анюта росла. Года черезъ два сама стала годиться въ самыя прекрасныя горничныя. Барыня отпустила старую горничную,—дѣйствительно, старую дѣвушку и рябую. Анюта была прекрасною горничною. Вѣрю этому: она кроткая и терпѣливая.—Тетушка—барыня вообще была злая, но рѣдко оставалась недовольна горничною.—Анютѣ пошелъ шестнадцатый годъ. Мужъ тетушки,—безотвѣтнѣйшее существо передъ женою, сталъ заигрывать съ Анютою.

Она не знала, что ей дѣлать. Сказать барынѣ?—Барыня ревнива. Прогонитъ ее. Куда она пойдетъ?—Пока Анюта думала, баринъ подкрался къ ней ночью. Анюта проснулась,—не разобравши въ темнотѣ, кто хватаетъ ее, вообразила спросонковъ, что воръ, хочетъ удушить,—вскрикнула. Баринъ сталъ успокаивать. Она упрашивала его отстать. Баринъ отсталъ, убрался назадъ въ спальную, къ женѣ.—Анюта поняла, что невозможно молчать, надобно сказать барынѣ?—Но барыня поутру была очень злая. Сказать ей въ злую минуту, вспылитъ, изобьетъ, не дослушавъ. Анюта стала ждать, пока барыня будетъ помягче. Да и то мѣшало, что безпрестанно вертѣлся тутъ баринъ. Пусть онъ уѣдетъ въ должность, не при немъ же. Но барыня уѣхала куда-то раньше мужа. Онъ сталъ просить Анюту молчать, обѣщался не приставать къ ней. Она не могла повѣрить ему и не сказала, что будетъ молчать... Онъ уѣхалъ въ ужаснѣйшемъ страхѣ. Черезъ нѣсколько времени возвратилась барыня. Съ нею вошли полицейскіе. Старшій изъ полицейскихъ сказалъ Анютѣ: „иди съ нами". Барыня повела ихъ къ сундучку Анюты. Старшій полицейскій сказалъ Анютѣ: „отопри". Анюта отперла. Полицейскій сталъ перебирать вещи въ сундучкѣ и вынулъ оттуда брилліантовую брошку барыни:—„Это что такое, милая?"—Анюта окаменѣла.—„Берите ее",—сказалъ полицейскій своимъ помощникамъ. Анюту взяли, повезли; привезли.—За столомъ сидѣлъ пожилой человѣкъ съ лицомъ звѣря:—„Признаешься, что украла брошку?"—„Нѣтъ; или сама барыня подкинула ее,—да барыня не могла, сундучекъ мой былъ запертъ,—или вотъ онъ вынулъ брошку изъ рукава. Онъ вынулъ изъ рукава, иначе быть не могло".—Ахъ, ты, мерзавка, позволю я тебѣ говорить, что твоя барыня дала ему брошку всунуть въ твои вещи!—что онъ сдѣлалъ такой подлогъ! Признаешься ли, мерзавка, что украла?"—„Нѣтъ".—„Не признаешься?—Сѣчь ее!"—Анюту высѣкли.—„Признаешься?"—„Нѣтъ".—„Мало сѣкли тебя.—Берите ее, дайте ей еще".—„Слаба, ваше высокоблагородіе", замѣтилъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ онъ приказывалъ:—„А, когда слаба, то пусть отдохнетъ. До завтра подумай, милая; лучше признайся; отпираться не будетъ пользы".—Ее увели и заперли. На другой день пришли, взяли, повели, привели;—высѣкли:—тоже безъ пользы. Увели, заперли. Послѣ того прошелъ день безъ сѣченія,—и другой,—и третій.—На четвертый опять пришли, взяли, привели.—„Надумалась-ли, милая? Сознаешься?"—„Нѣтъ, не крала".—"Берите ее,—да хорошенько сѣчь!"—Положили на скамью, стали сѣчь. Вдругъ перестали, безъ приказанія. Анюта встала. Въ комнату входилъ новый полицейскій,—должно быть, старше всѣхъ: тотъ, прежній, самый старшій, со звѣрскимъ лицомъ, вытянулся въ струнку передъ новымъ.—„Дѣлаете допросъ ей?"—„Точно такъ ваше высокородіе".—„Какое дѣло?"—„Горничная, украла брошку у барыни,—при обыскѣ нашли въ ея сундукѣ".—„Что-жъ неужели, отпирается?"—„Отпирается, ваше высокородіе".—„Э, да какая еще молоденькая, а такая мошенница!—Послушай, милая".—Новый полицейскій подошелъ къ Анютѣ: „Совѣтую тебѣ, милая, признайся: ничего не выиграешь, отпираясь, улика ясная".—Онъ говорилъ суровымъ тономъ, но лицо у него было человѣческое, а не звѣриное:—„Собственное признаніе, милая, облегчитъ твою вину, а если будешь запираться, только будутъ тебя сѣчь, и потомъ накажутъ строже. Совѣтую тебѣ, милая".—Анюта упала на колѣни и

обняла его ноги: — „Пожалѣйте меня! Я вамъ все скажу!“ — „Говори, милая, это хорошо“. — „Позвольте мнѣ сказать вамъ одному, потому что мнѣ стыдно!“ — „Изволь, милая. Пойдемъ“. — Онъ пошелъ съ нею черезъ нѣсколько комнатъ, — сначала грязныхъ, потомъ чистыхъ, потомъ и хорошо меблированныхъ. — пришелъ съ нею въ кабинетъ, большой, прекрасный; сѣлъ: — „Говори, слушаю“.

„Знаешь ли, моя милая, — какъ зовутъ-то тебя? Анна, что ли? — знаешь ли, моя милая, очень можетъ быть, — очень и очень можетъ быть, что ты не крала. Но не знаю я, какъ мнѣ съ тобою быть. Дѣло твое плохое. А главное, твоя барыня — не кто нибудь, и повернуть твое дѣло противъ нея — трудно. Даже невозможно. Понимаешь ли ты, Анюта, что если она не отстанетъ говорить свое, то нельзя оправдать тебя иначе, какъ обвинивъ ее. А этого никакъ не сдѣлаешь. Не могу, и не берусь. Право, не знаю, что мнѣ съ тобою дѣлать“. — Онъ сталъ думать. — „Право, не знаю“. — „Будьте моимъ ангеломъ-спасителемъ!“ — Анюта цѣловала его ноги. — „Встань, милая“, — онъ поднялъ ее: — „Право, мнѣ жаль тебя, милая, только не знаю, что тутъ можно сдѣлать... Развѣ вотъ что: поѣду къ твоей барынѣ, не согласится ли она бросить это дѣло. Тогда бумаги изорвемъ, и кончено“. — Анюта опять бросилась къ его ногамъ, уже со слезами радости, бѣдная. — Погоди быть увѣрена, милая: кто-жъ ее знаетъ, согласится ли? — Сама ты говоришь, баба злая: да и я такъ слышалъ. Но можетъ быть, и очень можетъ быть. Скажу, что ты остаешься у меня, — натурально, тогда ей не будетъ опасенья, что ея мужъ останется въ связи съ тобою. Молись только Богу, чтобы согласилась“. — Онъ позвонилъ. — „Скажи тамъ, что это подсудимая, Анна, — по кражѣ у барыни, — остается пока у меня. — Да ты что умѣешь дѣлать? Голландское бѣлье хорошо моешь?“ — „И блонду, и кружева мою хорошо, не только полотно“. — „И блонду моешь? Но въ этомъ нѣтъ надобности. А хорошая прачка — не лишнее“. — „Такъ оставайся покуда, милая. — Эй, отведите эту дѣвушку къ Степанидѣ“. — Слуга повелъ Анюту къ Степанидѣ. — Старуха Степанида тоже выслушала ея исторію съ участіемъ: другая служанка, молодая и красивая, прислушивалась тоже не безъ участія, и потомъ замѣтила: „Ну, что же, если бы ты и надолго осталась, то Богъ съ тобою: дѣвка ты, кажется, смирная, авось не будемъ грызться. — Прибыль-то мнѣ не велика, слишкомъ то любить его не за что, Ивана-то Ильича“.

Передъ обѣдомъ, позвали Анюту къ Ивану Ильичу. — „Благодари Бога, милая. Барыня твоя бросаетъ дѣло“. — Анюта не помнила себя отъ радости. — „А что спина-то у тебя еще болитъ, Анюта“. — Степанида и другая служанка уже заботились о ея спинѣ. Теперь гораздо легче. — „И прекрасно, милая, желаю тебѣ скораго выздоровленія. Иди себѣ, до свиданья“.

Спина Анюты очень скоро вылечилась. — „Ну, теперь ступай ты къ нему, на перемѣну мнѣ“, сказала другая молодая служанка: — „Онъ спрашивалъ, я ему сказала, пришлю нынѣ тебя“. — „Да ты иди со мною, я одна-то не смѣю“. — „Ахъ, ты, дура, дура! — Ну, пожалуй, провожу“. — Проводила и сдала Ивану Ильичу съ рукъ на руки.

„Ахъ, ты милая моя Анюточка, да ты въ самомъ дѣлѣ была невинная“, — сказалъ Иванъ Ильичъ, въ удивленіи и восторгѣ, и принялся цѣло-

вать Анюту съ нѣжностью больше той, съ какою принялъ ее на свою постель.

„Смотри-ка ты, Степанида“, сказала на другое утро прежняя фаворитка Ивана Ильича:—„Вотъ тебѣ дѣвушка то, Анюта то! — Слышь Иванъ отъ Ильичъ говоритъ мнѣ: а вѣдь не врала, была невинная. А мы съ тобою не вѣрили. Ахъ, ты, Анюточка, моя милая!—То-то тебѣ и страшно было идти. А я смѣялась!—Ну, теперь останешься вовсе жить съ нами! Онъ полюбилъ тебя за это. И счастье мое, что ты добраго сердца,—хоть и войдешь ты въ милость къ нему, все мнѣ отъ. тебя не будетъ притѣсненія“.

Такъ и сбылось все. Скоро Анюта вошла въ очень большую милость у Ивана Ильича. Въ такую, что осмѣлилась даже исполнить желаніе прежней фаворитки: говорить Ивану Ильичу, чтобъ онъ выдалъ прежнюю фаворитку замужъ. Дѣло было щекотливое. Но Анюта не глупа, и устроила счастье своей пріятельницы.

Мимолетныя совмѣстницы изъ подсудимыхъ мелькали нерѣдко. Но постоянною любовницею осталась одна Анюта. И не только сохраняла безспорное обладаніе его сердцемъ, становилась все милѣе ему.—Года черезъ полтора онъ уже прекрасно одѣвалъ ее. Давно она не мыла бѣлья, не была служанкою, была исключительно любовницею. Но Иванъ Ильичъ былъ человѣкъ тугой на расходы. Только года черезъ полтора Анюта стала и по буднямъ ходить въ шелковыхъ платьяхъ. Потомъ она получила и право разъѣзжать въ каретѣ Ивана Ильича. Это было счастливое время.

Степанида дивилась уму и умѣнью Анюты. Какъ это она такъ завладѣла Иваномъ Ильичемъ?—Степанида жила у него давно, много любовницъ,—то есть постоянныхъ любовницъ,—перебывало при ней. Всѣ жили съ нею, въ комнатѣ для женской прислуги, — всѣ такъ и оставались при своихъ занятіяхъ: кто прачкою, кто швеею, кто помощницею повара. Одной Анютѣ удалось такъ выйти въ настоящія любовницы, какія бываютъ у добрыхъ людей въ хорошихъ домахъ,—въ барыни, можно сказать!

Это понятно: у Анюты не совсѣмъ тѣ манеры, какъ у дѣвушекъ, выросшихъ безо всякаго воспитанія. Въ дѣтствѣ она была барышнею. Года четыре жила въ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ. Замѣтные слѣды хорошаго тона остались и въ ея разговорѣ, и въ ея манерахъ. Много забылось, какъ забылся французскій языкъ. Но не совсѣмъ потерялась граціозная деликатность въ движеніяхъ, осталось въ памяти довольно много французскихъ фразъ.

Милая Анюта,—ты будешь возстановлена. Всѣ будутъ уважать тебя. Я буду гордиться тобою.—Половина перваго. Ты уже спишь, моя милая. Моя чувственность должна покориться нѣжному чувству, которое запретитъ мнѣ нарушить твой сонъ. До завтра, Анюта. Въ тотъ вечеръ шалостей передъ пріѣздомъ Черкасова, я сказалъ ей, что подкуплю ея кухарку и приду посмотрѣть на нее, спящую,—зачѣмъ она строга, зачѣмъ не позволяетъ мнѣ взглянуть еще разъ на ея грудь? — Я видѣлъ, почему же нельзя мнѣ взглянуть еще? — Нельзя. — То я увижу, какъ она спитъ. — „Ахъ, Боже мой, какой стыдъ!“ — „Почему же стыдъ? Я видѣлъ многихъ дѣвушекъ, которыя спятъ очень мило, и не стыдились, чтобы я видѣлъ, какъ онѣ спятъ“. — „Ахъ, значитъ, онѣ спятъ не такъ...“ —она остановилась, покраснѣла и засмѣялась:—

„Я не хочу говорить съ вами!“ — „Онѣ спятъ не такъ, какъ вы? — хотѣли вы сказать — онѣ спятъ не разметавшись. А вы разметавшись?“ — „Ахъ, какой вы, право!“ — Она потупила глазки. — „Я угадалъ?“ — „Нѣтъ“, сказала она, сквозь слезы, милая!

О, какъ бѣло должно быть ея прекрасное тѣло!

Я вижу ее, — я вижу ее. Она разметалась, ручки закинуты на подушку, одна ножка протянута, другая нѣсколько согнута, — она вся передъ моими глазами, сіяющая бѣлизною.

Она вздохнула и повернулась; правое плечико приподнялось, лѣвое опустилось, — ручки легли вдоль корпуса, — она опять вздохнула и повернулась, — опять, грудью вверхъ, прямо, — обѣ ножки протягиваются, лѣвая тихо закидывается на правую, — опять опускается, обѣ ножки лежатъ протянутыя, — лѣвая остается протянута, правая сгибается подъ ея колѣно, — еще, еще, — правая ручка ложится на согнутое колѣно, лѣвая закинулась на подушку — правая поднимается выше по ножкамъ, скользитъ по корпусу и закрываетъ грудь, — милая моя, я не жалуюсь на эту ручку, пусть она закрываетъ отъ меня грудь, ты вся прелестна, и я не могу рѣшить, которая изъ твоихъ ножекъ лежитъ милѣе, — правая ли, съ дивнымъ своимъ сгибомъ, лѣвая ли, выпрямленная, — милая, дивная! о, останься такъ! Ты вся мила, какъ нѣжная грудь твоя!

О, моя свѣтлая, — вся ослѣпительная бѣлая, — твой мирный сонъ распаляетъ меня! И ты будешь горѣть, и ты затрепещешь страстью.

Я чувствую какъ будто юноша, еще не получавшій ласки отъ женщины. Да и не въ самомъ ли дѣлѣ, это будетъ первая женщина, которую обниму съ полнымъ упоеніемъ страсти?

Да, она первая будетъ наслаждаться такъ же страстно, какъ я, — тѣ не наслаждались, — ихъ утомленная вялость охлаждала и меня. Онѣ не были женщинами въ моихъ объятіяхъ.

Ты, милая, первая будешь наслаждаться вмѣстѣ со мною, — и съ тобою первою я испытаю всю упоительность самозабвенія страсти, — моей въ твоей, твоей въ моей. Я чувствовалъ, что еще не зналъ, какъ упоительны могутъ быть восторги наслажденія; — переживу ли я жгучую нѣгу твоихъ объятій...

Всходитъ солнце, моя милая, — всходитъ солнце дня, который соединитъ насъ. Милая, милая...

3. Да. Она милая, она моя милая.

Часъ ночи. Да, она вся такая, какъ я видѣлъ ее въ моихъ грезахъ на яву вчера.

Ослѣпительно бѣла. Дивная чистота формъ.

Она такъ мило, тихо спитъ. Безжалостно, безсовѣстно было бы снова будить ее. Хочу приковать себя къ мѣсту, пока сонъ станетъ одолѣвать и меня.

„Я женюсь, Анюта. Нельзя тебѣ оставаться здѣсь. Тебѣ надобно будетъ жить на особой квартирѣ. Надобно выдать тебя замужъ. Не печалься, Анюта. Я буду жить съ тобою по-прежнему. Жена у меня будетъ гораздо похуже тебя; да хоть бы и не хуже, все-таки ты не лишняя“.

При всей вѣрности этого утѣшенія, Анюта опечалилась. Не то, чтобъ

она слишкомъ любила этого человѣка,—пожалуй, она была бы не больше,—даже меньше огорчена, еслибъ онъ не прибавлялъ утѣшенія, что будетъ жить съ нею по-прежнему. И опять, не то, чтобъ ей не нравился онъ: нравился, потому что ей было хорошо, очень хорошо быть его любовницею. Но хорошо было потому, что она жила при немъ, въ его хозяйствѣ. А жить на особой квартирѣ,—она знала, будетъ совсѣмъ не то; совсѣмъ не то, такъ что довольно мало будетъ радости оставаться его любовницею. Не могло много утѣшать ее это его обѣщаніе: она понимала, что ея счастливое время кончилось.

Изъ трехъ слишкомъ лѣтъ, которыя она прожила при немъ, послѣдніе два года были для нея счастливымъ временемъ. Чего ей недоставало?—Всего было у нея вдоволь, чего только желала ея душа,—и желать больше было нечего; надобно было только благодарить Бога.

Правда, Иванъ Ильичъ былъ не такой человѣкъ, чтобы бросать деньги по-пусту; а еще меньше того, чтобы какая угодно любовница могла имѣть хоть маленькую власть надъ его портмоне. Но онъ былъ вовсе не скряга; онъ былъ только разсчетливъ, очень разсчетливъ и тугого характера. Бросать деньги на чужія прихоти, это было не въ его характерѣ. Но самъ онъ любилъ жить хорошо, и передъ этимъ временемъ занялъ такую должность, что вовсе пересталъ скупиться на себя;—зачѣмъ было скупиться?—все-таки богатѣлъ. Чудесная была должность! Ахъ, какая должность! Что было скупиться? Да и не хорошо было бы: приличіе по должности требовало. Онъ не могъ допустить этого, чтобы стали говорить: должность занимаетъ, а жить не умѣетъ. Оттого-то всего больше и не поскупился онъ сдѣлать Анюту формальною своею любовницею: сталъ занимать такую должность, а самъ человѣкъ не женатый,—какъ это не видно было бы, какая у него любовница,—гдѣ она?—Неужели онъ, на такой должности, живетъ съ какою-нибудь прачкою или кухаркою?—Неприлично!—Потому, ему и нельзя было: необходимость того требовала: для общества было надобно.

Онъ жилъ съ комфортомъ, отчасти даже пышностью. А когда онъ возвелъ Анюту въ санъ формальной любовницы, то и ей пришлось пользоваться всѣми благами его жизни.

Его квартира была великолѣпная. На свои деньги онъ не захотѣлъ бы нанять такой, такъ отдѣлать и убрать: и величина, и меблировка, все было дороже, чѣмъ требовалось для комфорта и приличія. Но все было казенное и зависѣло отъ него же самого. Потому было великолѣпно.—Когда Анюта сдѣлалась формальною его любовницею, она получила верховный надзоръ за его квартирою,—и стала пользоваться всѣмъ этимъ пространствомъ, блескомъ,—какъ ей угодно расхаживать по всѣмъ этимъ прекраснымъ комнатамъ;—а ея комната была самая лучшая изо всѣхъ.

Само собою, ея комната была лучше всѣхъ, потому что онъ былъ человѣкъ, умѣющій жить. Формальной любовницѣ, конечно, слѣдовало быть переселенной въ спальню. А гдѣ же, какъ не въ спальной и нужно все самое хорошее человѣку, который понимаетъ, что настоящая жизнь должна быть не для парада, а для собственнаго удовольствія?—Ахъ, какъ удивительно хорошо было все въ спальной!—Нельзя описать, невозможно вообразить, какъ прелестно и богато была убрана спальная! Напримѣръ, что за кровать!—просто.

заглядѣнье!—А постель!—это, просто, чудо!—Это онъ не пожалѣлъ сдѣлать на свой счетъ: неловко же поставить такія цѣны такимъ вещамъ въ казенный расходъ;—а что-же и должно быть хорошее, какъ не это?—Такъ онъ судилъ; и справедливо. Ахъ, что это была за постель!—Лучше всякаго описанія. Смотришь на нее,—и ложиться жаль: изомнешь;—ляжешь,—и вставать не хочется, такъ пышно, мягко, нѣжно и тепло, и не жарко!—прелесть, прелесть!

Но какъ же можно было, чтобы на такую постель ложились любовницы-служанки, отъ корыта съ бѣльемъ или отъ очага, вспотѣвшія, въ грубомъ бѣльѣ?—Ахъ, тогда у него еще не было такой постели, онъ завелъ ее уже послѣ. Но и прежде у него была хорошая постель,—та самая, которую онъ подарилъ Анютѣ, отдавая замужъ,—хорошая, прекрасная!—Разумѣется, и на такую нельзя положить служанку въ такомъ видѣ, какъ ходитъ служанка,—хоть, впрочемъ, эти служанки не были вспотѣвшія,—потому что онѣ больше только для порядка были кто прачкою, кто на кухнѣ, чтобы не зазнавались, не имѣли лишнихъ претензій;—работы не требовалось, онъ не притѣснялъ;—но все же нельзя было положить ихъ въ такомъ видѣ и на прежнюю постель; а тѣмъ больше, нельзя было допустить подсудимыхъ въ такомъ видѣ, какъ онѣ приходили,—грязныя, ужасъ!—Но на это у Степаниды было и туалетное мыло и весь туалетъ. Передъ тѣмъ, какъ идти къ барину, изъ подсудимыхъ ли, служанка ли, все равно, каждый разъ надобно было позаботиться о себѣ,—Степанида наблюдала за этимъ. Изъ ванны, вспрыснутая лоделавандомъ,—Иванъ Ильичъ любитъ лоделавандъ больше всякихъ духовъ,—припомаженная, въ рубашечкѣ голландскаго полотна, въ батистовомъ пеньюарчикѣ,—не то, что служанка, и всякая подсудимая шла на постель, достойная такой постели,—иная изъ подсудимыхъ такая, что и Анютѣ не жаль было даже и новой постели для такой воздушной душеньки; потому что при новой постели своихъ домашнихъ изъ прислуги уже не было, а только по временамъ, на короткое время, какая-нибудь подсудимая.—Даже и послѣ онѣ таки бывали?—и не возбуждали ревности?—Чего же тутъ ревновать, когда въ этомъ и не было ничего такого опаснаго?—Дня два, три,—недѣлю поживетъ,—и только. Этого нельзя было бояться, что потеряешь мѣсто,—нѣтъ; онъ правду говорилъ: „это у меня такой характеръ, для разнообразія; а ты не безпокойся объ этомъ, Анюта: я люблю тебя за то, что ты смирна; свяжись съ другою, надобно будетъ еще ругать ее, чтобы не надоѣдала просьбами, да еще пожалуй воровка попадется. А тобою я доволенъ: что дѣлаю тебѣ, тѣмъ ты и довольна,—умна и смирна“.

Это правда, что она не приставала къ нему съ просьбами потому, что была умна: понимала его характеръ; не выпросишь, а только услышишь: „молчать, ступай вонъ“,—а почаще надоѣдай, то и будешь прогнана. Надобно было понимать его характеръ и переносить. Но правду сказать, и нельзя было пожаловаться на него,—нѣтъ!—одѣвалъ, одѣвалъ!—Ахъ, наряжалъ, одѣвалъ!—Конечно, и нельзя было ему скупиться на это: приличіе требуетъ!—Когда держишь любовницу, то ужъ и держи ее какъ слѣдуетъ любовницу!—Онъ понималъ это. Да и невозможно: кому же былъ бы стыдъ, какъ не ему же?—Съѣдутся сослуживцы,—иной разъ и начальники,—пообѣдать, или чаще на завтракъ, или вечеромъ поиграть въ карты,—она тутъ, хозяйкою,—или

кататься, иной разъ, беретъ ее съ собою,—какъ же иначе?—Не затѣмъ ли онъ назвалъ ее: „будь ты, какъ слѣдуетъ, настоящею любовницею“,—не за тѣмъ ли, чтобъ она была на виду?

Потому, человѣкъ умный, онъ и наряжалъ ее, какъ слѣдуетъ. Нельзя было жаловаться. Ахъ, какое счастливое было это время!—Когда одѣнется вся въ кружевахъ, она была самая прекрасная барышня! Прелесть, какъ наряжена!—Да домашняго платья у нея не было ни одного, которое стоило бы меньше 25 рублей,—только само платье, безъ лентъ и кружевъ. У нея была соболья шубочка, у нея были и брилліанты. Онъ ей давалъ и свою коляску съ рысаками,—не всегда же коляска и рысаки были нужны ему самому; напротивъ, рѣдко ему самому; больше были свободны, для нея. Когда она неслась на этихъ рысакахъ по Невскому, никто не подумалъ бы, что она только любовница Ивана Ильича, который еще и не генералъ,—всѣ думали, что она любовница какого-нибудь откупщика. Такъ и говорили ей многіе.

Ахъ, это было счастливое время!—Я думаю, усну.

4. Не ѣздилъ на урокъ: не хочу ни на минуту отрываться отъ моей милой. Пусть вся эта недѣля будетъ однимъ непрерывнымъ праздникомъ.—Былъ Ликаонскій. Не могъ насмотрѣться на Анюту.—„Что, Ликаонскій, будешь называть меня влюбчивымъ?“—„На этотъ разъ не могу смѣяться“. И онъ также очень понравился Анютѣ. Дѣйствительно, когда онъ бросаетъ свою вѣчную серьезность и сердитость, онъ становится мастеромъ болтать вздоръ.—„Останься въ Петербургѣ, Ликаонскій,—не для меня, то для нея. Видишь, она будетъ любить тебя больше, нежели я“.—„Если бы остаться, то остался бы не для какой-нибудь женщины, хотя бы даже и твоей любовницы или жены, а развѣ для тебя. И остался бы. Но съ сестрами-то что я буду дѣлать.“—„Устроимъ такъ, что будетъ можно тебѣ привезти ихъ сюда“.—„Положимъ, при твоей помощи устроился бы такъ, что и здѣсь могъ бы кормить ихъ. Но кто здѣсь женится на дѣвушкахъ безъ приданаго?—Нельзя, Левицкій“.

Вотъ это человѣкъ,—это не я. Человѣкъ простого, прямого, близкаго долга. И съ тѣмъ вмѣстѣ, человѣкъ, всегда готовый хладнокровно погибнуть за убѣжденія. Завидую ему.

„Напиши, что я нуженъ тебѣ,—и пріѣду, брошу сестеръ. Но теперь долженъ думать о нихъ“.

А я—презрѣнный эгоистъ, живу для себя. Правда, у меня нѣтъ обязанностей по родству. Мои маленькія сестры еще не нуждаются въ моихъ заботахъ. На это у меня можетъ быть и достанетъ совѣсти не быть дурнымъ братомъ. Но пока я свободенъ, я долженъ былъ бы тѣмъ безграничнѣе предаться дѣлу, дѣлу. А я забываю все для Анюты.

Забываю и хочу забывать. Пусть, я эгоистъ. Но хочу и буду наслаждаться жизнью.

Опять, надобно прйковать себя къ мѣсту, пока станетъ овладѣвать сонъ и мною.

Анюта безъ конца описывала мнѣ свои тогдашніе наряды, въ тотъ вечеръ, передъ приходомъ Черкасова: похохочетъ моимъ шуткамъ, сама пошутитъ,—и черезъ нѣсколько минутъ,—ни я, ни сама она, мы не знаемъ какъ,—опять наряды. Она была счастлива ими.

Теперь, мнѣ кажется, я въ самомъ дѣлѣ начинаю любить ее. Но тогда я только былъ раздраженъ привлекательностью ея милаго тѣла, прекраснымъ ея лицомъ, бѣлизною и очаровательною упругостью груди, справедливыми мечтами, что и всѣ формы ея такъ же восхитительны. О ея нравственныхъ достоинствахъ или недостаткахъ я судилъ совершенно равнодушно. Я не приходилъ въ умиленіе отъ ея страстныхъ воспоминаній о нарядахъ. И теперь, хоть сталъ любить ее, не могу сказать, что люблю въ ней эту страсть. Но и тогда я находилъ ея слабость извинительной. А теперь понимаю, что глупо было и думать „извинительная слабость“, потому что эта слабость вовсе не нуждается въ извиненіи. Она можетъ казаться мнѣ признакомъ недостаточнаго развитія,—только. Мнѣ можетъ не нравиться, если человѣкъ не знаетъ ариѳметики, географіи, не умѣетъ читать. Но можно ли говорить: „надобно извинить ему это, потому что никто не хотѣлъ учить его“—что тутъ извинять?—Онъ кругомъ правъ.—Такъ и та недостаточность развитія, при которой наряды занимательнѣе всего на свѣтѣ. Можетъ ли человѣкъ не желать быть счастливъ? Можетъ ли не дорожить тѣмъ, что дѣлаетъ его счастливымъ?—Ей не было не только доступно,—не было, хотя бы по-наслышкѣ, извѣстно никакое другое счастье, кромѣ доставляемаго нарядами.

Вообще во мнѣ всегда возбуждало хохотъ, когда я читалъ упреки молодымъ женщинамъ за пристрастіе къ нарядамъ. Я видѣлъ пожилыхъ мужчинъ, мрачныхъ дѣловыхъ людей, которые были въ восторгѣ отъ того, что могли украсить себя игрушкою, гораздо менѣе красивою, нежели хорошенькій фермуаръ,—могли нарядиться въ костюмъ, несравненно менѣе красивый, нежели бальное платье съ кружевами. Я не видѣлъ пожилыхъ, дѣловыхъ людей, которые не гордились бы и не восхищались бы своими игрушками и нарядами больше, нежели какая бы то ни было молодая женщина своими брилліантами и платьями. Пока я не увижу, что пожилые, дѣловые люди стали менѣе смѣшными дѣтьми, нежели молоденькія женщины, я не могу думать, что страсть молоденькихъ женщинъ къ нарядамъ нуждается въ извиненіи. Молоденькія женщины могли бы отвѣчать своимъ порицателямъ:

Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ.

Младшія, менѣе опытныя, онѣ должны брать примѣръ со старшихъ, болѣе опытныхъ. Это нравственная необходимость. Это законъ природы.

Я могу думать, что отцы и дѣды подаютъ дурной примѣръ, стараясь блистать, добиваясь всяческихъ удовлетвореній глупому своему властолюбію и тщеславію; усиливаясь всячески производить эффектъ, одерживать побѣды, затмѣвать соперниковъ. Я могу желать, чтобы они перестали подавать примѣръ служенія пустотѣ. Но пока онъ подается, невозможно, чтобы не подражали ему, не старались ослѣплять и молоденькія женщины.

Мы мерзкіе фарисеи, нападающіе на пристрастіе женщинъ къ нарядамъ,—изъ этого ли пристрастія угнетаются народы и льется кровь?—изъ-за женскаго ли тщеславія?—Лекарь, прежде вылечись самъ, — вынь бревно изъ твоего глаза, и тогда говори о щепкѣ въ глазу твоей дочери или внуки.

„Я женюсь. Я не перестану жить съ тобою. Но надобно выдать тебя замужъ".—Анюта была опечалена этими словами. Но могла огорчаться и помимо пристрастія къ нарядамъ и роскоши. Она понимала, что у нея будетъ отнято больше, нежели то, безъ чего можно было-бъ и обойтись. Она должна была стать бѣдна. Такой большой, крутой упадокъ ломаетъ человѣка и помимо всякой суетности.

За кого онъ можетъ отдать ее? Кто женится на ней?

Ея предмѣстница была выдана за очень мелкаго полицейскаго и жила бѣдно. Но мужъ былъ обыкновенный маленькій чиновникъ, не хуже другихъ маленькихъ чиновниковъ; и жена его жила не хуже другихъ маленькихъ чиновницъ.

Анюта не могла надѣяться, что найдется ей хоть такой мужъ. Ея предмѣстница была отдана въ жены своему мужу. Анютѣ было сказано: „Не печалься, я буду жить съ тобою по-прежнему",—какой найдется женихъ, чтобы жениться только для принятія чужой любовницы въ свою квартиру?

Разумѣется, нашелся бы хорошій, и очень хорошій человѣкъ, если бы за это было даваемо большое повышеніе по службѣ, или если бы давались порядочныя деньги.—Но подчиненные Ивана Ильича превосходно знали, что нѣтъ и не можетъ быть хорошаго разсчета повѣнчаться съ его любовницею. Они видѣли примѣръ, какъ онъ награждаетъ за женитьбу на его фавориткѣ. Да хоть бы и не видѣли бы, знали бы, что нечего ждать отъ него: извѣстно было, какой тугой человѣкъ. Пусть эта фаворитка идетъ не въ отставку, какъ та, а сохраняетъ его въ своихъ объятіяхъ,—все-таки, мало толку для мужа.

Какая надобность Ивану Ильичу, чтобы его любовница имѣла лишнее?—Никакой. Ему нужно только очень немногое: нужно, чтобы у любовницы была чистая комната, въ чистой комнатѣ должна быть хорошая постель: сама любовница должна быть въ хорошемъ бѣльѣ,—только, больше ничего не нужно для Ивана Ильича.—И Анюта поняла, и подчиненные поймутъ, что не слѣдуетъ надѣяться, чтобъ у нея было больше.

Но онъ захотѣлъ быть щедръ. Онъ сказалъ, что кромѣ кровати, постели, бѣлья, даетъ ей полъ дюжины изъ платьевъ, которыя носила она въ его квартирѣ, даритъ ей три перстенька и браслетъ изъ вещей, которыми она пользовалась. Это лишнее, даваемое безъ надобности, стопло рублей до пятисотъ.—Она была отчасти удивлена такимъ великодушіемъ. Она увидѣла, что онъ любитъ ее гораздо больше, нежели она могла думать.

Точно, онъ любилъ ее. Онъ сказалъ, что жена у него будетъ хоть не такая красивая, какъ Анюта, но за то окажется горячѣе Анюты.—такъ онъ думаетъ: чуть пугонетъ ее, у нея глаза масляные,—и притомъ не дурна,—вотъ какая будетъ у него жена, а все-таки, онъ будетъ пріѣзжать къ Анютѣ каждый день: такъ онъ привязался къ Анютѣ.—И не это одно доказательство его привязанности. Онъ объявитъ, что кто женится на ней, будетъ сдѣланъ помощникомъ квартальнаго надзирателя. Это много; можно бы обѣщать должность поменьше и было бы довольно. Но для Анюты, такъ и быть: пусть будетъ ей въ приданое должность помощника квартальнаго, и притомъ въ хорошемъ кварталѣ.

Мужъ будетъ отлично содержаться при женѣ. А у Анюты будетъ гораздо больше, нежели необходимое. Пусть не безпокоится: мужъ будетъ все отдавать ей;—если что и утаитъ, то самую малость: доходы извѣстны; а доходы очень хорошіе.

Такъ онъ былъ заботливъ и щедръ. Онъ не пожалѣлъ бы назначить мужу должность и еще гораздо лучше; но думаетъ, не хорошо было бы для него самого. Могла бы пойти молва: „смотрите на какія мѣста онъ сажаетъ своихъ любовницъ“; пожалуй, оно и не велика бѣда, но все-таки нехорошо. Пусть же Анюта будетъ довольна.

Итакъ, было объявлено: кто женится на Анютѣ, будетъ помощникомъ квартальнаго надзирателя.

Награда болѣе, нежели достаточная. Но и не такая, чтобы сбѣжались толпы охотниковъ изъ подчиненныхъ. Всякій, кто былъ не пьяница, не картежникъ, разсуждалъ: набью себѣ какъ-нибудь деньжонокъ, или увидятъ мое усердіе—куплю или дадутъ мнѣ должность помощника, — хоть не сейчасъ, хоть со временемъ, но лучше подожду: по крайней мѣрѣ, когда женюсь, то если буду самъ жить со своею женою, не надо будетъ содержать любовницу. А тутъ, женись,—и опять, держи постороннюю дѣвку,—нѣтъ разсчета—жениться такъ. Двойной расходъ.

Нельзя было не ждать, что женихъ будетъ не горькій пьяница. Анюта плакала въ его ожиданіи. Даже стала худѣть. — Но не успѣла много похудѣть: не терпѣло время, Ивану Ильичу не долго оставалось до свадьбы.

Если бы время терпѣло, можетъ быть и пріискался-бы, — положимъ, хоть и пьяница или какой-нибудь бездѣльникъ, но все же получше. Время не ждало: всего недѣля была крайній срокъ. — Пришелъ срокъ, а другого жениха не было, кромѣ одного. Тутъ то было слезъ, какъ пришлось вѣнчаться съ нимъ! — И Степанида плакала: „легче бы вамъ, Анюта, утопиться, чѣмъ повѣнчаться: смотрите-ко, у него, подлеца, и ко дню-то свадьбы рожа-то не зажила — вся разбитая. А мужичина здоровый, кулачище-то въ пудъ“.

Чего смотрѣть! — Анюта видѣла и сама, что лучше бы ей утопиться, чѣмъ повѣнчаться. Съ тѣмъ и повезли ее въ церковь, — но съ мыслями такими, а не со словами—въ церкви такъ не говорятъ.

Впрочемъ, она думала и о томъ, что Иванъ Ильичъ говоритъ отчасти правду: „А что тебѣ за надобность, какой онъ человѣкъ? Онъ имѣетъ дѣло со мною, а не съ тобою“. Такъ думала Анюта: — имѣетъ дѣло съ Иваномъ Ильичемъ; будетъ смиренъ. Надѣясь на это, и повѣнчалась.

И точно: пока онъ имѣлъ дѣло съ Иваномъ Ильичемъ—былъ хорошъ. Трезвый, сидитъ въ своемъ углу и не слышно его. Когда пьетъ, не смѣетъ оставаться дома. Пропивъ деньги, какія попадали ему въ карманъ, придетъ попроситъ рубля три; она пожалѣетъ бѣднаго, которому нечѣмъ опохмѣлиться, дастъ; и опять ушелъ. Они мало и видѣли его.

Можно было жить. Его жалованье отдавали ей; доходы, какіе шли на его долю по раздѣлу изъ общихъ, тоже ей. И жила, и одѣвалась прилично. Конечно, ужъ не прежнее. — Но не стыдно было показаться нигдѣ. Иванъ Ильичъ не запрещалъ ей бывать нигдѣ: былъ увѣренъ въ ея характерѣ, что

она не позволитъ себѣ лишняго, и если ѣдетъ въ общество, то не повѣничать, а только невиннымъ образомъ провести время. Можно было жить. Конечно, случалось иногда и поплакать, вспоминая прежнее счастье; особенно въ началѣ. Но какъ быть-то?—Пристроиться получше?—Конечно, она думала и объ этомъ. Но ея положеніе было не такое. Свободной женщинѣ, конечно, это было бы самое первое, искать хорошаго человѣка съ деньгами. Свободной женщинѣ нечего терять: ищетъ, покуда найдетъ. Но скоро ли находятъ, даже самыя лучшія и самыя мастерицы видѣть, хвалится ли человѣкъ, или же обманываетъ. Сто разъ, можетъ быть, обманется, прежде, нежели найдетъ хорошаго человѣка, — даже самая мастерица. Потому, если имѣешь, хоть и не Богъ знаетъ какое, но все же хорошее пристройство, то ужъ и удерживаешь. Погонись,—пока найдешь, давно все стало извѣстно содержателю. Когда онъ слабый человѣкъ, положимъ, еще можно. Но съ характеромъ Ивана Ильича плохія шутки. Чуть бы услышалъ что-нибудь, — осталась безъ куска хлѣба, таскайся по улицамъ въ протоптанныхъ башмакахъ. Страшно. Потому она и жила, какъ Богъ далъ, и за малое благодарила Бога. Конечно, не прежнее счастье; но все-таки, могла назвать себя довольно счастливою, пока тутъ былъ Иванъ Ильичъ. Уѣхалъ онъ,—тогда пришлось такъ, что хоть живая въ гробъ ложись.

Онъ уѣхалъ всего только съ мѣсяцъ тому. И не говорилъ, что уѣзжаетъ: конечно, зналъ, что предупреди онъ ее, она должна бы искать себѣ другого человѣка; а онъ хотѣлъ пользоваться до конца. Потому, сказалъ вдругъ, не предупредивъ нисколько. Она ужаснулась: „Возьмите меня съ собой, Иванъ Ильичъ.“ — „Нельзя, Анюта. Тамъ ты была бы на виду у цѣлаго города, и отъ жены нельзя было бы скрыть“. — Конечно, жену онъ выставилъ только для предлога. Главное, его разсчетливость, потому что это онъ сказалъ правду: губернаторская любовница на виду у цѣлаго города; и приличіе требуетъ, чтобъ она жила, какъ слѣдуетъ губернаторской любовницѣ. А отъ живого мужа за другого не отдашь; этого бездѣльника взять съ собою?—Неловко дать ему такую должность, какая нужна для приличной жизни губернаторской любовницѣ, — потому что онъ бездѣльникъ, шумъ былъ бы великъ, нехорошо. Стало быть, приходилось бы Ивану Ильичу самому содержать ее; а во сколько это обходилось бы?—потому что онъ человѣкъ съ амбиціею, долженъ былъ бы содержать ее такъ, чтобы не стыдно было передъ людьми.—Всѣ эти разсчеты она понимала, знавши его характеръ. Потому и сама видѣла, что невозможно упросить его; только плакала безъ всякой надежды: такъ сами слезы лились, хоть и напрасныя.

Забылъ разспросить Ликаонскаго. Анюта молчитъ о своихъ надобностяхъ, а я забываю. Хорошъ любовникъ.

5. У Ликаонскаго дѣйствительно есть деньги. Показалъ мнѣ. Около 200 рублей. Стало быть всѣ мои деньги свободны.

Наши домашніе расходы до августа, положимъ, 150 рублей. Будетъ довольно съ тѣми 45 или 50 рублями, которые придется получить отъ Платонцева.—Черкасову 100 рублей; тоже довольно. Остается 145 рублей, которыми можно располагать. Къ августу, навѣрное, начнутся доходы отъ журнальной работы.

Не было надежды упросить его; только не могла удержать слезъ:—„Какъ я останусь безъ васъ? Вы говорили, все равно, какой будетъ мужъ. При васъ, и точно, было все равно. А теперь какая будетъ моя жизнь во власти этого злодѣя?—Да и прогонятъ его съ должности, когда вы уѣдете: кто захочетъ терпѣть такого бездѣльника? Чѣмъ же я буду жить?“ — „Не прогонятъ: мнѣ дали слово, и сдержатъ, потому что я остаюсь въ самыхъ важныхъ сношеніяхъ съ ними по дѣламъ. Не тронутъ его, пока ты живешь съ нимъ. А если онъ станетъ обижать тебя, то зачѣмъ же тебѣ терпѣть!—Твои лѣта еще не ушли; можно сказать, только входишь въ настоящія лѣта. Богъ не безъ милости, на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей. Богъ дастъ, будешь, можетъ быть, жить еще лучше прежняго“.

Все правда. Но и мужъ Анюты понималъ эту правду. Только что стала Анюта собирать свои вещи, думая переѣхать на особую квартиру, скрыться отъ мужа, чтобъ искать своего счастья,—мужъ въ двери. Избилъ ее, отнялъ у нея все; пригрозилъ и кухаркѣ, и дворнику, что запоретъ ихъ до полусмерти, если упустятъ его жену, заперъ ее въ спальной, отдалъ ключъ кухаркѣ и ушелъ пьянствовать. Ему нельзя было не дорожить женою: онъ зналъ, что только вмѣстѣ съ нею держится на должности. И всегда, когда уходилъ, онъ запиралъ ее.

Какъ уйти? Чѣмъ ей было подкупить кухарку и дворника, дрожавшихъ за ея сохранность,—въ особенности, дворника?—Нечѣмъ, все у нея отнято. А еще важнѣе: куда уйдешь, какъ будешь жить? — Ничего у нея не было подготовлено.—Что можно сдѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? А если можно, то скоро ли? Съ кухаркою она уже стала сходиться. Но затруднялъ дворникъ. Такъ присматривалъ, что ужасъ. Конечно, еслибъ найденъ былъ хорошій человѣкъ, то можно бы; но скоро ли найдешь хорошаго человѣка, когда стѣснена до такой степени?.. Не унывала; имѣла нѣкоторыя надежды. Богъ помогъ бы какъ нибудь. Но вѣрнаго, еще не было...

6. „Ахъ, Володя, какой ты добрый. Ничего не жалѣешь для меня!“— Но довольно легко поняла, что сама должна разсчитывать, какими деньгами можетъ располагать.—Завезла меня къ Илатонцеву, сама отправилась покупать.

Когда я пріѣхалъ домой, ея еще не было. Поэтому вынулъ начатую работу. Пора приняться за нее. Надобно поскорѣе успокоить себя тѣмъ, что наша жизнь обезпечена. Писалъ, пока она пріѣхала. Она была смущена и робѣла: — „Володя, простишь ли ты меня? Я издержала больше; осталась должна 29 рублей“.— Обрадовалась, бѣдняжка, что я не сдѣлалъ ей выговора!—Послѣ повторилъ съ нею мои разсчеты и сказалъ, что если она полагаетъ, что на домашніе расходы до августа будетъ надобно меньше 170 рублей, то пусть беретъ изъ этихъ денегъ еще на свои наряды. — „Нѣтъ, Володя, я сама разсчетливая и нехорошо, если взять, а потомъ недостанетъ. Буду брать на свои наряды только то, что будетъ оставаться лишнее“.

Были Благовѣщенскій, Борщовъ, Свинцовъ. Очарованы Анютою и сами понравились ей. Мы просили ихъ бывать у насъ хоть каждый день.

Илатонцевъ видѣлъ министра. Черкасовъ будетъ назначенъ на родину. Можетъ ѣхать, не сомнѣваясь.—Лукаонскій взялъ деньги для него. Боюсь, не догадается ли добрякъ, что онѣ отъ меня.

Дочь написала Илатонцеву, что черезъ три, четыре дня будетъ въ Петербургѣ.—„А у меня остается еще на 40 тысячъ акцій. Продамъ поскорѣе, хоть бы пожертвовать полторы, двѣ тысячи, лишь бы развязаться къ пріѣзду Наденьки".—Возобновлялъ свои убѣжденія, чтобъ я ѣхалъ въ деревню. Новое въ нихъ—дочь; „Я зову васъ не столько для себя самого, сколько для Наденьки; и ручаюсь вамъ, вы полюбите ее".—„Съ Юренькою вовсе не нужно заниматься, пусть пользуется лѣтомъ и садомъ, пусть больше бѣгаетъ" и т. д., прежнее.

Работалъ, но очень мало.

7. „Володя, ты поступилъ бы служить въ полицію: тамъ очень выгодно служить"—и начала разсказывать, сколько получалъ Иванъ Ильичъ, сколько получаютъ даже на такихъ должностяхъ, которыя даются съ перваго раза, лишь бы только понравиться начальству:—„Поступи въ полицію, Володя; ей Богу, поступи".—Но когда я растолковалъ ей, поняла:—„разумѣется, Володя, это нехорошо. Я посовѣтовала тебѣ потому, что не думала, хорошо ли это".

Добрякъ Черкасовъ очень далекъ отъ мысли, что деньги были мои. Онъ воображаетъ, что я столько же злобствую на него, какъ онъ презираетъ меня.

Работа идетъ плохо. Потому, вздумалъ было просить Ликаонскаго переселиться къ намъ.—„Это зачѣмъ?"—„Я переселился бы на эти дни въ городъ. Пріѣзжалъ бы къ вамъ только обѣдать. Бросить Анюту одну—жалко. Читать не привыкла; знакомыхъ здѣсь еще нѣтъ, и кажется, что кругомъ насъ все дрянь, съ которою надобно знакомиться".—„Вздумано, умно, Левицкій".—„Почему жъ не умно?"—„Будь у нея не такія привычки, моя добродѣтель, какъ ты называешь, не подвергалась бы опасности: но она имѣетъ привычки легкомысленнаго общества; безъ намѣренія, она взволнуетъ и сама увлечется".—„Вздоръ, Ликаонскій".—Но онъ остался при своемъ.

8. Черкасовъ уѣхалъ.—У Илатонцева остается только на 5 тысячъ акцій. Завтра надѣется продать и эти.

9. Еще дня три работать, какъ нынѣ, и статья будетъ кончена.

10. Тоже порядочно работалъ.

11. Ликаонскій начинаетъ убѣждаться, что Анюта разсудительна.

12. Переѣхалъ къ намъ на два дня, которые остаются до его отъѣзда.

13. Работалъ очень мало, также какъ и вчера. Почти все время былъ занятъ разговоромъ съ Ликаонскимъ. Этотъ человѣкъ не измѣнитъ дѣлу.

14. Мой добрый, мой милый другъ! Когда я обниму тебя вновь? Ни онъ, ни я, мы не ожидали отъ себя, что такъ расчувствуемся.

15. Илатонцевъ продалъ свои послѣднія акціи. Подвелъ итогъ. На 350 тысячахъ потерялъ около восьми съ половиною. Радъ, что отдѣлался такъ дешево:—„Безъ васъ, я до сихъ поръ оставался бы въ этомъ ослѣпленіи, и можетъ быть заложилъ бы другое помѣстье, чтобы пріобрѣсти еще побольше этихъ сокровищъ" и т. д. „Въ самомъ дѣлѣ, я тогда только дивился, что человѣкъ неглупый могъ быть обольщенъ подобными шарлатанствами! Но по крайней мѣрѣ, ваши намѣренія были благородныя".—„И съ благородными своими намѣреніями я запутался бы такъ, что не только мнѣ съ дѣтьми, даже и крестьянамъ пришлось бы очень плохо".—„Полноте; такъ или иначе.

вы успѣли бы во-время понять, что эти бумаги должны потерять всякую цѣну". — „Богъ знаетъ, понялъ ли бы во-время". — Не только благородный, но и скромный человѣкъ. Не скрываетъ отъ самого себя, какъ упорно было его заблужденіе. Это рѣдкое достоинство. Начинаетъ безпокоиться о томъ, что дочь долго не ѣдетъ.

„Скучаешь теперь, Анюта? Всѣ мои пріятели уѣхали, — ты совершенно одна, когда я работаю". — „Что же дѣлать, Володя, когда тебѣ надобно работать? Поскучаю, такъ и быть. А потомъ найду прежнихъ своихъ знакомыхъ; будутъ и новые". — Надобно желать, чтобы новые были лучше прежнихъ. Когда я растолковалъ, она согласилась: — „Когда такъ, Володя, то я и не хочу искать прежнихъ своихъ знакомыхъ. Я не думала какіе они люди". Съ каждымъ днемъ она больше радуетъ меня: легко понимаетъ все.

16. Три часа ночи. Кончилъ. Теперь опять весь принадлежу тебѣ, моя милая.

17. Волгинъ былъ въ городѣ и дома. Узналъ меня. Поэтому, тутъ же принялся просматривать статью. Прочелъ нѣсколько страницъ, перевернулъ, пробѣжалъ послѣднія страницы: — „Мнѣ было сказано однимъ человѣкомъ, который рѣдко ошибается въ людяхъ, что вы должны быть человѣкъ замѣчательнаго ума" и т. д. — Потомъ я спросилъ, кто же это рекомендовалъ меня ему? — „А, это послѣ, когда побольше познакомимся". — Просилъ посидѣть, поговорить. Самъ говорилъ мало; все заставлялъ говорить меня. Оставилъ обѣдать. Продержалъ до восьмого часа. — „Ну, теперь простимся, Владиміръ Алексѣичъ. Будутъ приходить за корректурами, надобно читать. Съ другими я не говорю такъ. Но вы видите, что внушаете мнѣ расположеніе, стало быть, нечего церемониться. Завтра поутру приходите опять. Надобно получше узнать васъ. Писать можете, это видно было по первой же страницѣ статьи. Но надобно узнать васъ получше".

Я былъ увѣренъ, что мы сойдемся. Но это превосходитъ мои ожиданія.

Милая Анюта! Ты обезпечена отъ нужды! Никогда не обнималъ я ее съ такою страстью, какъ въ этомъ избыткѣ счастья.

18. Съ десяти часовъ до четырехъ сидѣлъ у Волгина. „Ну, теперь надобно мнѣ ѣхать на дачу. Поѣдемте". — Я сказалъ, что долженъ былъ отправиться на урокъ. — „Ну, такъ оттуда пріѣзжайте къ намъ". — Я сказалъ, что не могу. — „Ну, почему?" Онъ смотритъ на жизнь такъ строго, что я не рѣшился сказать ему объ Анютѣ; я сказалъ, что одинъ изъ моихъ друзей, Ликаонскій уѣзжаетъ и я хочу побольше быть вмѣстѣ съ нимъ. — „Ну, такъ до послѣ завтра, Владиміръ Алексѣичъ. Послѣ завтра опять буду въ городѣ. Поговоримъ еще. А впрочемъ, могу сказать вамъ и теперь: пишите о чемъ хотите, сколько хотите, какъ сами знаете. Толковать съ вами нечего. Достаточно видѣлъ, что вы правильно понимаете вещи!" — Послѣ вчерашняго я не могъ сомнѣваться, что кажусь ему хорошимъ сотрудникомъ. Но эти слова удивили меня: „Вы предоставляете мнѣ полную волю въ журналѣ?" — „А развѣ были вы очень нужны мнѣ, еслибъ не такъ? — Сотрудниковъ, которыхъ надобно водить на помочахъ, можно имѣть пожалуй хоть сотню; да что въ нихъ пользы! Пересматривай, поправляй, — такая скука, что легче писать самому". — „Вы не будете просматривать моихъ статей?" — „А что будетъ въ

нихъ любопытнаго? Признаться вамъ сказать, не буду читать и напечатанныхъ, не только до напечатанія. И безъ того приходится читать слишкомъ много пустяковъ, — ха-ха-ха! — благодарите за комплиментъ". — „Но я могу дѣлать ошибки". — „А ну васъ и съ вашими ошибками! Только время теряю съ вами — ха-ха-ха! — Ну, прощайте. Приходите послѣ завтра. Поговоримъ еще, хоть не о чемъ".

Платонцевъ былъ отъ души радъ, узнавъ, что я буду имѣть постоянную работу: — „Жаль только, что теперь уже не утащишь васъ въ деревню". — Сильно безпокоится, что дочь не ѣдетъ такъ долго. — „Но вѣроятнѣе всего, что ея тетушка зажилась гдѣ-нибудь дольше, нежели разсчитывала. — „Судя по вашимъ разсказамъ — извините за откровенность, — я думаю, что она женщина, которая не всегда знаетъ, что̀ вздумается ей завтра". — „Да, да". — и сталъ говорить, что не слѣдовало бы отпускать эту Алину Александровну за Надеждою Викторовною: — не слѣдовало; зачѣмъ же отпускали? — „Ошибка, согласенъ".

19. Этотъ весь день принадлежалъ Анютѣ. Понимаю, что до сихъ поръ еще слишкомъ мало любилъ ее. Любовь моя къ ней вѣроятно будетъ сильна.

25. Неожиданный и странный поворотъ мыслей Волгина очень взволновалъ меня. Съ самаго начала вечера онъ былъ задумчивъ. Но я не предвидѣлъ ничего особеннаго: что̀ могъ сказать онъ больше, послѣ тѣхъ словъ, полныхъ довѣрія и любви? — „Съ тѣхъ поръ, какъ я распоряжаюсь журналомъ, я искалъ человѣка, съ которымъ могъ бы раздѣлить работу" и проч.; что̀ могъ прибавить онъ къ этому? Я полагалъ, что онъ развлеченъ чѣмъ-нибудь постороннимъ вопросу обо мнѣ. Попрежнему, самъ онъ говорилъ мало, больше заставлялъ говорить меня. Мнѣ казалось, что послѣ тѣхъ словъ: „Вижу, что вы единственный человѣкъ, который правильно судитъ о положеніи нашего общества" и проч., — казалось, что послѣ этихъ словъ продолжать экзаменъ уже не совсѣмъ нужно, или по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ ловко. Но если хочетъ, то пусть продолжаетъ экзаменъ, думалъ я: онъ расположенъ ко мнѣ, я уважаю его — пусть экзаменуетъ.

Такъ прошло часа четыре. Было уже за полночь. „А знаете ли, становится уже довольно поздно", началъ онъ: „а я вотъ все еще раздумываю, какъ бы это начать, потому что вамъ покажется нѣсколько странно, а мнѣ самому кажется какъ будто даже и очень глупо, но все это пустяки, глупо ли, странно ли, это пустяки. Такъ слѣдуетъ — значитъ и надобно такъ".

Онъ вѣчно дѣлаетъ оговорки о глупости, о вздорѣ, такъ что безпрестанно самъ смѣется надъ своею манерою говорить. Такъ и тутъ, онъ расхохотался, пошутилъ надъ собою, потомъ замолчалъ, опять задумался. Я видѣлъ, что онъ хочетъ сказать что-то не совсѣмъ обыкновенное. Что такое? — Помолчавъ, онъ сталъ говорить; сначала, по своей манерѣ, съ нѣкоторою вялостью, но скоро проникся большимъ одушевленіемъ. Изъ того, что онъ говорилъ, многое казалось мнѣ слишкомъ мрачно, слишкомъ безнадежно: но я не долженъ забывать разницу нашихъ лѣтъ и опытности, и не забывалъ; и теперь готовъ признавать, что его взглядъ быть можетъ справедливѣе моего и кажется мнѣ слишкомъ мрачнымъ только потому, что я еще слишкомъ молодъ. А въ то время, страстность его словъ увлекала и меня къ чувству, очень сходному съ

его глубокимъ презрѣніемъ къ настоящему и къ всякой дѣятельности въ настоящемъ.

Онъ началъ съ того, что вчера и въ особенности нынѣ онъ очень много думалъ обо мнѣ; что ему очень невыгодно говорить со мною откровенно—вотъ, я вѣроятно и самъ замѣтилъ, что онъ колебался. Но у него такой нелѣпый характеръ: всегда онъ говоритъ чортъ знаетъ что, впрочемъ, это не чортъ знаетъ что, а правда, и потому я долженъ не спорить, а послушаться. Онъ лучше меня можетъ судить о томъ, какъ надобно мнѣ держать себя.

Все это было длинною цѣпью вялыхъ и нерѣшительныхъ оговорокъ; круто онъ перешелъ въ горячій и рѣзкій тонъ. Да какъ бы тамъ ни было, какъ бы я ни думалъ о себѣ, какъ бы онъ ни думалъ обо мнѣ, а все таки, я еще очень молодой человѣкъ, если не по уму и не по знаніямъ, то по чувствамъ, по надеждамъ, я еще очень молодой человѣкъ, онъ сравнительно со мною старикъ,—*старики, положимъ, глупѣе молодыхъ людей*, но не въ умѣ дѣло, а въ томъ, что все вздоръ, мелочь, глупость, мерзость.

Все мелочь и вздоръ. Это не такъ живо чувствуетъ юноша, еще страстный къ жизни, какъ человѣкъ, для котораго,—если брать только его личныя надобности,—уже совершенно все равно, жить или не жить; у котораго могутъ быть обязанности, но уже нѣтъ привязанности къ жизни. Потому то онъ и долженъ думать, что его мысли довольно безпристрастны. Съ этой стороны онъ, вѣроятно, имѣетъ преимущество надо мною, и его слова будутъ заслуживать моего вниманія. Эти слова: не стоитъ горячиться, потому что все мелочь и вздоръ. Конечно, онъ говоритъ про нашу общественную жизнь. Свои личныя дѣла важны и должны быть важны для каждаго. Но общественныя—мелочь.

Да. Наше общество не занимается ничѣмъ, кромѣ пустяковъ. Теперь, напримѣръ, горячится исключительно изъ-за отмѣны крѣпостнаго права. Что такое крѣпостное право?—Мелочь. Въ Америкѣ — невольничество не мелочь. Разница между правами и благосостояніемъ чернаго работника въ южныхъ штатахъ и бѣлаго работника въ сѣверныхъ—неизмѣримо велика. Сравнять невольника съ сѣвернымъ работникомъ—великая польза. У насъ не то. Многимъ ли лучше крѣпостныхъ живутъ вольные мужики? Многимъ ли выше ихъ общественное значеніе? — Такъ мало лучше, что не стоитъ и говорить о такой микроскопической разницѣ. Потому, не великъ былъ бы выигрышъ для помѣщичьихъ мужиковъ, если бъ и сравняли ихъ съ вольными. Но этого не будетъ, потому что это невозможно; это невозможно, потому что не думаетъ объ этомъ; оно и не воображаетъ думать, что можно понимать вопросъ въ такомъ смыслѣ и что только въ этомъ смыслѣ онъ, хоть и неважень сравнительно съ важными, забываемыми, но хоть самъ по себѣ, безъ сравненія съ ними, не совершенно пустъ. Исключительно занимаясь мелкимъ вопросомъ, оно понимаетъ его исключительно въ пустомъ смыслѣ. Сущность дѣла въ томъ, что за право существовать и работать мужикъ обязанъ платить частному лицу — землевладѣльцу—подать—натурою или деньгами—барщину или оброкъ. За право работать, потому что земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности: сами по себѣ цѣнность имѣютъ пшеница, лошадь, овца, золото, алмазъ: эти предметы сами по себѣ годятся на что нибудь. Земля сама по себѣ не имѣетъ

цѣнности; кто платитъ за землю, платитъ только за право работать. Эта подать за право работать въ помѣщичьихъ имѣньяхъ велика; почти у всѣхъ помѣщиковъ велика до большой обременительности. Вотъ серьезная сторона дѣла. Перемѣны въ ней не будетъ, потому что общество не думаетъ объ этомъ. Обременительная подать въ пользу частнаго лица останется. Но вмѣстѣ съ правомъ брать эту подать, помѣщикъ имѣетъ административную власть. Исключительно этимъ обстоятельствомъ и занялось общество. Помѣщики дурные судьи, помѣщики деспоты, помѣщики злодѣи. Есть и такіе помѣщики. Есть дурные люди во всякомъ сословіи. Но во всякомъ сословіи ихъ очень мало. Изъ двадцати милліоновъ людей подъ управленіемъ помѣщиковъ двѣсти тысячъ, можетъ быть, имѣютъ помѣщиками дурныхъ капризниковъ или злодѣевъ. Эти двѣсти тысячъ выиграютъ отъ уничтоженія административной власти помѣщиковъ. Остальная масса крѣпостныхъ не выиграетъ, скорѣе можно полагать, что проиграетъ. Извѣстно изъ политической экономіи, что наилучшій администраторъ тотъ, кто имѣетъ прямую личную выгоду отъ благосостоянія управляемыхъ. Помѣщикъ имѣетъ. Никакой бюрократическій начальникъ не имѣетъ. Одна сотая доля крестьянъ выиграетъ; остальной можетъ быть только проигрышъ.

— Страшно, если такъ, сказалъ я.

— Ничего особенно страшнаго, мелочь. Характеръ администраціи зависитъ главнымъ образомъ отъ общаго характера національнаго устройства. Другія вліянія ничтожны передъ этимъ. Кому выгодно быть хорошимъ, тотъ немного, очень немного получше; кому нѣтъ выгоды быть хорошимъ, немного похуже, очень немного. Дурные администраторы очень немногимъ хуже хорошихъ своихъ товарищей по времени и мѣсту. Въ сущности, все это мелочь и вздоръ. Все вздоръ передъ общимъ характеромъ національнаго устройства. Выгоды будетъ очень мало и убытокъ не великъ, такъ поставленъ вопросъ.

Пустое дѣло. Пустое. И сколько времени наше общество будетъ забывать обо всемъ другомъ изъ-за хлопотъ объ этомъ мелкомъ дѣлѣ, понимаемомъ только въ пустѣйшемъ его смыслѣ?—Но вотъ, положимъ, дохлопотались, устроили, и навосхищались до сыта, что бывшіе крѣпостные освобождены и возблагоденствуютъ. Можно обществу приняться за что нибудь другое. Что дальше на очереди?—Судъ присяжныхъ. Тоже важная вещь, когда находится не подъ вліяніемъ такого общаго національнаго устройства, при которомъ никакія судебныя формы не могутъ дѣйствовать много хуже суда присяжныхъ! Великая важность онъ самъ по себѣ! Былъ ли онъ въ Англіи при Тюдорахъ и Стюартахъ? Чему онъ мѣшалъ? — Существуетъ ли во Франціи при Наполеонѣ I?—Чему мѣшалъ?—Былъ ли онъ во Франціи теперь? Чему мѣшаетъ? Какія судебныя формы могутъ имѣть какую нибудь серьезную важность, пока общій характеръ національнаго устройства не охраняетъ правду и защитниковъ ея?—Все вздоръ.

Двѣ мелочи—вотъ вся программа хлопотъ и восторговъ русскаго общества на довольно долгое время, если не случится ничего особеннаго; а ничего особеннаго пока еще не предвидится. Пустота,—безсмысліе пустоты, безсиліе безсмыслія.

Общество не хочетъ думать ни о чемъ, кромѣ пустяковъ. Общество не можетъ допустить литературы, которая была бы противна его расположенію.

Оно не можетъ допустить, чтобы литература занималась не пустяками, когда оно хочетъ заниматься только пустяками. Пока настроеніе общества не измѣнится, литература обречена оставаться пустою, мелочною, презрѣнною, какъ теперь. Онъ самъ пишетъ только вздоръ и я сталъ бы писать только о пустякахъ. А между тѣмъ, мой голосъ звучалъ бы диссонансомъ въ усладительномъ концертѣ русскихъ либераловъ. Общее мнѣніе нашло бы, что я мѣшаю концерту. Оно было бы совершенно право. Я мѣшалъ бы. Прочь того, кто мѣшаетъ! Я буду чужой, ненавистный; прочь негодяя! Эта перспектива, думаетъ онъ, не страшна мнѣ: молодые люди безразсудны и воображаютъ свое безразсудство гражданской доблестью. Оно глупость, больше ничего.

— Какую пользу принесу я, начавъ писать? Что выскажу, что разъясню? Невозможно ясно писать о томъ, что ненавистно обществу. Всякая серьезная мысль ненавистна ему. Какъ я ни бейся, какъ ни изворачивайся, я буду писать только темныя мелочи о мелочахъ. Умно ли мнѣ губить себя изъ за такого вздора? Позволяетъ ли ему совѣсть допустить, чтобы я губилъ себя изъ такого вздора?

Нѣтъ. Если бъ я былъ не такой человѣкъ, пусть бы я губилъ себя, какъ мнѣ угодно: пьянствомъ ли, картежничествомъ ли, воровствомъ ли, все равно, чѣмъ мнѣ было бъ угодно. Онъ сказалъ бы: „а чортъ съ тобою, кому ты нуженъ, пропадай, когда нравится!“ Такъ онъ сказалъ бы, все равно, и про мое желаніе бить лбомъ въ стѣну: „чортъ съ тобою, пиши, когда тебѣ угодно предпочесть пьянству этотъ путь къ погибели“. Но онъ не можетъ сказать „чортъ съ тобой, пропадай“, потому что я не такой человѣкъ, погибель котораго не была бы особенною потерею для общества, или если мнѣ угодно думать: „а чортъ съ нимъ съ обществомъ“, то онъ можетъ выразиться правильнѣе: я пригожусь народу. О народѣ я не скажу, вѣроятно, „чортъ съ нимъ и съ его надобностями“.

Прійдетъ серьезное время. Когда?—Я молодъ, потому для вопроса обо мнѣ все равно, когда оно прійдетъ: во всякомъ случаѣ оно застанетъ меня еще въ полномъ цвѣтѣ силъ, если я сберегу себя. Какъ прійдетъ? Какъ пришла маленькая передряга Крымской войны; безъ нашихъ заботъ, пусть не хлопочу: никакими хлопотами не оттянешь, не ускоришь вскрытіе Невы. Какъ прійдетъ? Мы говоримъ о времени силы,—сильна только сила природы:

По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда и какъ онъ летитъ.

Шансы будущаго различны. Какой изъ нихъ осуществится? Не все ли равно? Угодно мнѣ слышать его личное предположеніе о томъ, какой шансъ вѣроятнѣе другихъ? Разочарованіе общества и отъ разочарованія новое либеральничанье въ новомъ вкусѣ, по прежнему мелкое, презрѣнное, отвратительное для всякаго умнаго человѣка съ какимъ бы то ни было образомъ мыслей; для умнаго радикала такое же отвратительное, какъ для умнаго консерватора, пустое, сплетническое, трусливое, подлое и глупое, и будетъ развиваться, развиваться, все подло и трусливо, пока гдѣ нибудь въ Европѣ—вѣроятнѣе всего во Франціи,—не подымется буря и не пойдетъ по остальной Европѣ, какъ было въ 1848 году.

Въ 1830 году буря прошумѣла только по Западной Германіи; въ 1848 году, захватила Вѣну и Берлинъ. Судя по этому, надобно думать, что въ слѣдующій разъ захватитъ Петербургъ и Москву.

Вѣрно ли это? Вѣрнаго тутъ ничего нѣтъ; только вѣроятно. Отрадна ли такая вѣроятность? По его мнѣнію, хорошаго тутъ нѣтъ ровно ничего. Чѣмъ ровнѣе и спокойнѣе ходъ улучшеній, тѣмъ лучше. Это общій законъ природы: данное количество силы производитъ наибольшее количество движенія, когда дѣйствуетъ ровно и постоянно; дѣйствіе толчками и скачками менѣе экономно. Политическая экономія раскрыла, что эта истина точно также непреложна и въ общественной жизни. Слѣдуетъ желать, чтобы все обошлось у насъ тихо, мирно. Чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ лучше.

Но такъ или иначе, придетъ серьезное время. Почему это несомнѣнно? Потому, что связи наши съ Европою становятся все тѣснѣе, а мы слишкомъ отстали отъ нея. Такъ или иначе, она подтянетъ насъ впередъ къ себѣ.

Придетъ серьезное время. Пойдутъ вопросы о благѣ народа. Нужно будетъ кому-нибудь говорить во имя народа. Я долженъ буду приберечь себя къ тому времени.

Какъ я ушелъ отъ Волгина, какъ я доѣхалъ сюда, какъ прошло у меня время тутъ на дачѣ, я мало помню. Я былъ какъ пьяный. Слышать отъ него, что я могу понадобиться народу, — можно было опьянѣть... Пока я оставался на глазахъ у него, я имѣлъ смыслъ скрывать, что я опьянѣлъ. Но теперь замѣчаю, что не могу отдать отчета себѣ въ томъ, что было послѣ того, какъ онъ обнялъ меня и сказалъ: „Подумайте еще, мой упрямый, мой милый, подумайте. Я не отстану, пока не уговорю васъ. До завтра“. Какъ я сходилъ съ лѣстницы, долго ли шелъ, гдѣ сѣлъ на извощика, тихо ли ѣхалъ, или скоро? Не помню. Какъ вошелъ сюда, помню; потомъ опять не знаю: сидѣлъ ли я все это время неподвижно или вставалъ и ходилъ? Но должно быть какъ вошелъ, бросился на стулъ и сидѣлъ все въ томъ положеніи, въ какомъ сталъ образумливаться. Какъ слаба моя голова, какъ сильно во мнѣ тщеславіе!

И долго ли я оставался помѣшаннымъ? Теперь половина восьмого. Часа два пишу. Передъ тѣмъ, какъ мнѣ писать, вѣроятно съ полчаса просидѣлъ уже не сумасшедшимъ. Когда ушелъ отъ Волгина, всходило солнце, онъ сказалъ: „Э, да ужъ солнушко всходитъ. Ну, такъ пора спать“. Оно всходитъ нынѣ часа въ три, кажется. Справлюсь.

Такъ, въ три четверти третьяго. Сталъ образумливаться въ концѣ пятаго, вѣроятно. Пароксизмъ продолжался около двухъ часовъ. Порядочно измучился этимъ волненіемъ тщеславія.

Девять часовъ утра. Такъ и не спится. Что за мелкая душонка! И умная голова.

Но должно отдать справедливость и Волгину.

Впрочемъ, какъ ни смѣшна его странная фантазія обо мнѣ, я завидую ему. Его заблужденіе показываетъ, какъ нѣжно полюбилъ меня. Ему уже двадцать девять лѣтъ, а мнѣ еще нѣтъ и двадцати одного года, и я уже неспособенъ къ такому увлеченію. Напримѣръ, хоть мое чувство къ нему. Я тоже полюбилъ его. Но я вижу его недостатки. Онъ не вѣритъ въ народъ.

По его мнѣнію, народъ также плохъ и пошлъ, какъ общество. Понятно, почему онъ такъ думаетъ: ему не хотѣлось бы террора; онъ и старается убѣдить себя, что терроръ невозможенъ. Онъ слишкомъ холодно совѣтуетъ терпѣть. Это явная логическая ошибка: „намъ съ вами очень можно терпѣть, потому что намъ недурно“—совершенно согласенъ, но „потому, пусть и народъ потерпитъ“. Народу не такъ легко терпѣть, какъ намъ. Люблю Волгина, но вовсе не слѣпъ на его недостатки. Это дѣлаетъ честь мнѣ, какъ наблюдателю; но плохо рекомендуетъ меня, какъ человѣка.

Не знаю, какъ мы съ нимъ взглянемъ другъ на друга безъ хохота. Трудно рѣшить, кто изъ насъ былъ смѣшнѣе: онъ ли, говорившій, что я обязанъ беречь себя для блага народа, потому что я такой человѣкъ и т. д.. или я, хоть и державшій себя хладнокровно, но слушавшій такія слова и возражавшій: „вы ошибаетесь, я не такая рѣдкость и драгоцѣнность“. Позволительно ли человѣку въ здравомъ умѣ слушать подобныя вещи? Я долженъ былъ сдѣлать видъ, что принимаю его слова за шутку, разсмѣяться и уйти, даже дать замѣтить, что нѣсколько обидѣлся, что шутка слишкомъ насмѣшлива. Конечно, такъ; это было единственное средство не остаться смѣшнымъ въ его глазахъ, когда онъ станетъ судить похладнокровнѣе.

Нѣтъ, я еще болѣе нелѣпъ, нежели онъ! Подвергнуться такому головокруженію!

Въ двѣнадцать часовъ я долженъ быть у него. Какъ то мы поговоримъ еще? Это любопытно.

Половина пятаго. Половина пятаго. Половина пятаго. Солнце сіяетъ и вся природа дышитъ счастьемъ. Я былъ счастливѣе тебя, ты, голубь, воркующій на моемъ окнѣ своей милой о любви своей.

Милая моя! Гдѣ ты? Услышь меня!.. Нѣтъ въ моемъ стонѣ жалобы на тебя! Мнѣ больно, другъ мой, но благодарю, благодарю тебя за счастье, которое ты давала мнѣ!

Половина одиннадцатаго. Больно, это правда. Гораздо больнѣе, нежели то мученіе отъ разрыва съ товарищами. Но тогда чрезвычайно соблазняла мысль о самоубійствѣ. А теперь не было ни малѣйшаго желанія отказаться отъ жизни. Чѣмъ объяснить такое равнодушіе къ собственному страданію, казалось бы мучительному до невыносимости? Неужели совершенно притупилась и та маленькая чувствительность, какая была во мнѣ прежде?

Половина двѣнадцатаго. Запишу какъ-нибудь,—я думаю, что могу написать со смысломъ и въ порядкѣ, безъ лишней поэзіи.

Поутру, совершенно образумившись отъ самолюбиваго волненія, произведеннаго слишкомъ добрыми ко мнѣ словами Волгина, я сѣлъ у кровати Анюты ждать, когда она проснется. Мнѣ казалось, что съ каждымъ днемъ больше люблю ее. Вѣроятно, это и была правда. По крайней мѣрѣ, правда то, что въ эти послѣдніе дни я сдѣлался способнѣе обыкновеннаго чувствовать живо. Мои нервы были сильно раздражены счастіемъ, что наша жизнь обезпечена: потомъ все больше раздражались отъ добраго расположенія, которое съ каждымъ новымъ разговоромъ сильнѣе выказывалъ мнѣ Волгинъ. Это человѣкъ, преданный народу, и я не могъ оставаться равнодушенъ видя, что пріобрѣтаю его горячую привязанность. А эту послѣднюю ночь я провелъ буквально

въ горячкѣ и отъ нея должна была оставаться очень сильная экзальтація. Да и Анюта, проснувшись, милая, приняла меня въ свои объятія съ чрезвычайною нѣжностью. Еще никогда не ласкала она меня съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто мое сладострастіе разожгло и въ ней жгучую, ненасытимую жажду наслажденія. У нея захватывало духъ, она стонала, чего никогда не бывало; и это было также въ первый разъ, что не она утомилась моими ласками, а я вырвался изъ ея объятій. Я принималъ за порывы и слезы расплывшагося сладострастія то, что было судорожнымъ плачемъ обо мнѣ; принималъ за жажду продлить наслажденіе желаніе отсрочить разлуку.

Милая, я не могу роптать: ты жалѣла меня. Нѣтъ, нѣтъ, моя милая! ни на одинъ мигъ не овладѣвало моимъ сердцемъ горькое чувство противъ тебя. Разлука съ тобою—страданіе, но я не переставалъ благословлять минуту нашей встрѣчи, о милая моя, давшая столько блаженства мнѣ.

Рѣзь въ глазахъ. Надобно погасить свѣчу и постараться заснуть.

22. Дѣла покончены. Будущій незамѣнимый защитникъ и руководитель народа спасенъ, прибереженъ для блага родины.

Смѣшно и стыдно. Добрый, честный человѣкъ воображаетъ, что я повинуюсь чувству долга. Требованіе Волгина можно понимать въ такомъ смыслѣ, что оно нисколько не смѣшно. Отбросимъ преувеличеніе, которое неизбѣжно при нѣжномъ личномъ расположеніи къ человѣку, его совѣтъ можетъ заслуживать вниманія. Такъ онъ и повернулъ вчера, когда я сталъ говорить, что намъ обоимъ должно быть совѣстно. „Ну, пусть будетъ совѣстно“, отвѣчалъ онъ съ обыкновенною своею вялостью: „А все-таки, если вы хотите писать, значитъ, думаете, что можете быть полезнымъ. Потому, все равно, остается вопросъ, въ какомъ случаѣ принесете вы пользу—большую ли или маленькую—какую способны принести: рискуя погибнуть раньше, нежели будутъ нужны серьезные писатели, или повременивъ до той поры, когда они понадобятся“. Такимъ образомъ, личныя мои качества оставались въ сторонѣ, споръ переходилъ къ тому, съ чего началъ Волгинъ наканунѣ и что было тогда пропущено мною безъ возраженій: дѣйствительно ли въ русскомъ обществѣ нѣтъ серьезныхъ стремленій и даже нельзя внушить ихъ ему. Волгинъ равнодушнѣе моего смотритъ на вещи; я не могъ не проигрывать въ этой борьбѣ. Кто совершенно пересталъ ждать отъ людей чего-нибудь хорошаго, легко осмѣиваетъ противника, сколько-нибудь разсчитывавшаго на ихъ разсудокъ и твердость. Но въ одномъ я былъ правѣе Волгина: никакое положеніе дѣлъ не оправдываетъ бездѣйствія; всегда можно дѣлать что-нибудь не совершенно безполезное: всегда надобно дѣлать все, что можно. Объ это разбивались всѣ его насмѣшки надъ его собственною дѣятельностью, которая кажется ему пустою, и надъ моими стремленіями хоть къ такой же работѣ, положимъ и дѣйствительно мелкой, жалкой. „Ну, подумайте еще; я не отстану“.—„Не отставайте пока надоѣстъ; я останусь при своемъ: хочу работать“.

А нынѣ пошелъ сказать ему, что принимаю его совѣтъ. Онъ сталъ говорить, что совѣсть наградитъ меня за самоотверженіе, съ которымъ я подавляю въ себѣ и честолюбіе и юношеское нетерпѣніе. Я принужденъ былъ смирно слушать похвалы моей гражданской доблести. Какъ я сказалъ бы ему, что дѣло вовсе не въ томъ? Каждый честный человѣкъ сталъ бы презирать

меня, узнавъ истинную причину перемѣны. Совершенно упасть духомъ отъ удара, который поразилъ только личное мое счастье! Каковъ гражданинъ? Пошлое существо, потерявшее всякую силу отъ огорченія за самого себя! Безсмысленный и безчувственный автоматъ, я безъ сопротивленія падаю, куда Волгинъ толкаетъ меня. Къ чему я годился бы теперь? И не все ли равно для меня?

Илатонцевъ, разумѣется, очень обрадовался. Я сказалъ, что Волгинъ поручилъ мнѣ большую работу, которою могу я заниматься и въ деревнѣ, взявъ туда сотню, другую книгъ.—Что это такое? Неужели для меня стало все равно даже и то, лгать или не лгать. Не думаю. Вѣроятнѣе, что въ самомъ дѣлѣ противно мнѣ говорить о себѣ. Какими словами можно скорѣе отдѣлаться отъ вопросовъ, — тѣ и лучше. Надобно прибавить и то: какъ было бы сказать, почему Волгинъ, обѣщавъ работу, вздумалъ отклонять отъ нея? Слишкомъ глупо и смѣшно.

Нѣтъ, можно было сказать: „Волгинъ находитъ, что мнѣ рано становиться писателемъ“. Естественно и ясно: пусть я и неглупый человѣкъ, но еще слишкомъ молодъ. Не пришло въ голову.

И охота думать о такомъ вздорѣ, хорошо ли сказалъ Илатонцеву и нельзя ли было сказать лучше.

23. Разговоръ съ хозяйкою. — „Она поступила съ вами нехорошо“.— „Почему вы знаете, какъ она поступила со мною, и почему думаете, что это нехорошо?“—„Она сама говоритъ. Я сейчасъ отъ нея, она просила меня къ себѣ“.—„Хорошо устроилась?“—„Очень хорошо. Онъ купецъ. Она знавала его прежде. И прежде былъ человѣкъ постоянный, а теперь хочетъ вовсе остепениться. Даже со стороны видно, что это мѣсто прочное. Можно думать, что если будутъ дѣти, то онъ и женится на ней. Она поступила въ домъ къ нему полною хозяйкою. Какая квартира! Какіе рысаки! Кромѣ другихъ подарковъ, вещами, онъ далъ ей 2.000 рублей на первое обзаведеніе гардеробомъ. Боюсь, не обидѣлись бы вы; она дала мнѣ порученіе: она считаетъ себя въ долгу у васъ. Она считаетъ такъ: 100 рублей получила на хлопоты по своему дѣлу; 145 рублей взяла на свои покупки; въ тотъ же день еще 30; потомъ 25, и еще 25. Всего 325. Такъ ли?“—„Она могла бы и не считать себя въ долгу у меня, потому что я уговорилъ ее бросить мужу мебель, которая принадлежала ей, а не ему, и вѣроятно стоила этихъ денегъ. Но когда она не захотѣла принять это въ разсчетъ, не стану спорить . Было бы слишкомъ глупо вломиться въ амбицію. А главное, если-бъ не взять деньги, Анюта подумала бы, что я сержусь на нее.

Пошелъ на Невскій, купилъ брошку. Пошлю съ письмомъ въ день отъѣзда, чтобы не было длинной исторіи. За брошку заплатилъ 335 рублей. Жаль, что не достало денегъ на ту, другую, которая дѣйствительно красива. У меня остается 83 рубля. Вѣроятно достанетъ до полученія жалованья. Въ дорогѣ расходы только до Москвы; дальше въ экипажѣ Илатонцева и нельзя же будетъ удивлять благородствомъ, считаться прогонами. А въ деревнѣ какіе расходы? Надобно не забыть условиться съ нимъ о жалованьѣ, чтобы послѣ не вышло тоже борьбы благородства.

24. Ничего особеннаго. Написалъ Лукаонскому, куда долженъ адресовать мнѣ.

25. Тоже, ровно ничего.

26. Илатонцевъ получилъ письмо отъ дочери: онѣ съ тетушкою ѣдутъ въ деревню изъ Вѣны, Дунаемъ, Чернымъ моремъ. По его разсчету должны были вчера быть уже въ Одессѣ. Мы ѣдемъ завтра. Быть можетъ, найдемъ ихъ уже въ деревнѣ.

27. Письмо къ Анютѣ вышло хорошо: не холодное, и однако же спокойное. И то хорошо, что не очень длинно: остается время проститься съ Волгинымъ, онъ въ городѣ.

28. Москва. Стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Еслибы всталъ Котошихинъ и взглянулъ, сказалъ бы: „Не стало въ тебѣ лучше, родимая“. Впрочемъ, и о Петербургѣ надобно сказать: все въ городѣ такъ же просвѣщенно и гуманно, какъ при Петрѣ.

29. Ѣдемъ. Ѣдимъ и пьемъ. Говоримъ и спимъ. Впрочемъ „говоримъ“ относится только къ намъ съ Илатонцевымъ и Юренькою. Федоръ Данилычъ только глядитъ. Глядитъ и глядитъ. Что любопытнаго въ Петербургѣ? Что любопытнаго во мнѣ? Но глядитъ и глядитъ. Клянусь моею гражданскою доблестью, о которой при прощаньѣ—не забылъ Волгинъ отозваться съ похвалою, возьму вилку и выткну глаза этому скромному и почтенному молодому человѣку. Давно я удивлялся охотѣ Илатонцева держать идіота секретаремъ. Но это даже и не идіотъ, это восковая кукла, модель идіота.

30. Потерялъ всякое терпѣніе и сказалъ: „Вы очень красивый мужчина, Федоръ Данилычъ“. Онъ поправилъ галстухъ, пріятно улыбнулся, и опять глядитъ и глядитъ. Снова лопнуло терпѣніе: „Я не видѣлъ Штрауса, который играетъ въ Павловскомъ вокзалѣ: говорятъ, красавецъ: похожъ на васъ, Федоръ Данилычъ“. Поправилъ галстухъ, улыбнулся: „Покорно васъ благодарю, Владиміръ Алексѣичъ, за такое мнѣніе. Но точно, есть нѣкоторое сходство“.

Іюль.

1. Федоръ Данилычъ проникся безграничною дружбою ко мнѣ. Почти вовсе не глядитъ ни на Илатонцева, ни на Юреньку, все на меня.

2. Федоръ Данилычъ сообщилъ мнѣ: „Я смотрѣлъ въ зеркало, Владиміръ Алексѣичъ: немножко я загорѣлъ“.—„Не огорчайтесь, Федоръ Данилычъ: есть какое-то умыванье отъ загара: вы пошлете въ Симбирскъ, привезутъ“.—„У меня оно взято съ собой, Владиміръ Алексѣичъ“.—„Очень радъ, Федоръ Данилычъ“.

3. Пріѣхали. Домъ въ полуверстѣ отъ села, у подошвы холма. Деревянный, одноэтажный. Съ трехъ сторонъ садъ. Верхнимъ концомъ переходитъ въ паркъ. Выше парка, по хребту простой лѣсъ. Онъ идетъ горами до самой Волги. Прямою тропинкою это верстъ пять. По дорогѣ верстъ пятнадцать. „Почему же село построилось не на самомъ берегу Волги?“—„Видите, какіе луга по рѣчкѣ; да и самыя лучшія поля тутъ же, повыше. А черезъ горы до нихъ и не доѣхалъ бы“. У впаденія рѣчки въ Волгу другое село.

Нашли домъ еще пустымъ. Тетушка вѣроятно загостилась гдѣ нибудь на дорогѣ.

4. Иду по саду—смотрю Федоръ Данилычъ сидитъ на дерновой скамьѣ у ручья и плачетъ, приложивши платокъ къ лицу. „Соскучился по Алинѣ Константиновнѣ, Владиміръ Алексѣичъ; вы знаете наши отношенія“.—Такъ вотъ что! Не могу теперь осудить Илатонцева. Будь я богатый помѣщикъ, будь у меня родственница фрейлина солидныхъ лѣтъ, и мнѣ пришлось бы держать именно такого секретаря.—„Вы очень любите ее, это дѣлаетъ вамъ честь, Федоръ Данилычъ. Но зачѣмъ же плакать. Понимаю ваше разочарованіе; но теперь она уже скоро пріѣдетъ“.—„Можетъ быть она и разлюбила меня“.—„Полноте, какъ можно это думать!“—„Нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, это можетъ быть; развѣ я не понимаю, зачѣмъ она ѣздила?“—„Стыдно и думать это, Федоръ Данилычъ, помилуйте что вы!“—„Нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, я уже давно сталъ догадываться, что она дѣлаетъ въ Парижѣ!“—„Если-бъ она и искала тамъ развлеченій, Федоръ Данилычъ, то неужели вы будете такъ безчеловѣчны, чтобы не забыть этого? Будьте великодушны и любите ее безъ напрасныхъ упрековъ“.—„Я и не ревную, Владиміръ Алексѣичъ, но только можетъ быть, что она сама охладѣла ко мнѣ. Тамъ она могла узнать сколько мужчинъ, можетъ быть иныхъ и лучше“.—„Вы слишкомъ скромно думаете о себѣ, Федоръ Данилычъ. Я напротивъ увѣренъ, она убѣдилась, что всѣ тѣ господа—самые пустые люди. Ручаюсь вамъ, она возвратится съ удвоенною привязанностью къ вамъ“.—Успокоилъ и утѣшилъ человѣка. Сдѣлалъ доброе дѣло.

Илатонцевъ: „А мы съ вами еще не собрались поговорить, какія условія будутъ между нами“.—„Прекрасно, давайте говорить“.—Онъ: „Столько обязанъ—запутался бы въ этихъ акціонерныхъ шарлатантствахъ; погубилъ бы, можетъ быть, сотни тысячъ“ и т. д. По этому „довольно щекотливое положеніе“ и т. д.—„Въ началѣ нашего знакомства вы говорили о 1.000 рубляхъ жалованья, если я по окончаніи курса буду гувернеромъ Юреньки. Надѣюсь, не отступитесь отъ вашего слова“.—„Тогда я еще не получалъ отъ васъ такой важной услуги“.—„Да она ничего не стоила мнѣ; кромѣ того вы поквитались, выхлопотавъ мѣсто моему пріятелю Черкасову“.—„Помилуйте. Притомъ же я тогда еще мало зналъ васъ“ и т. д. Словомъ, борьба взаимнаго благородства, чего и опасался я. Стало тошно; потому: „поговоримъ лучше о другомъ. Вы ждете вашу дочь? Судя по вашимъ разсказамъ о ея воспитательницѣ, я думаю, что она дѣвушка, достойная уваженія. А нынѣ поутру я утѣшалъ Федора Данилыча; какъ же это будетъ на ея глазахъ?“

Началъ объясняться. Исторія длинная. Скучно писать. Но по совѣту Madame Lenoir, которая тогда еще жила у него, всѣмъ въ домѣ сказано, что обѣ невинности повѣнчаны, что бракъ надобно скрывать, потому что Алина Константиновна фрейлина. Такъ знаетъ и его дочь, еще съ той поры.

5. Ничего особеннаго. Заходилъ въ библіотеку. Дѣйствительно, хорошая. По французской литературѣ временъ энциклопедистовъ даже очень полная. Дѣдъ Илатонцева былъ, какъ тогда слѣдовало, Волтеріанецъ.

6. Можно ли любить женщину, которая пассивно позволяетъ любовнику ласкаться, а сама думаетъ въ это время, какое платье сшить себѣ: глассе или барежевое? Можно. Но долго ли можно?—Смотря по тому, каковъ самъ тотъ, кто любитъ: иному можно и долго и всю жизнь. Понятно стало, по-

чему не было у меня мысли о самоубійствѣ: инстинктивно чувствовалось, что боль пройдетъ.

7. Письмо къ отцу отъ Надежды Викторовны — изъ Петербурга! Мы выѣхали въ субботу, а въ понедѣльникъ тетушка привезла ее туда. Тетушка передумала: вмѣсто Вѣны, поѣхала въ Женеву, оттуда по Рейну, изъ Кельна въ Берлинъ; и вмѣсто Одессы очутился на дорогѣ Петербургъ. Какъ ни добродушенъ Илатонцевъ, но вспылилъ: заставивъ его больше двухъ мѣсяцевъ дожидаться дочери въ Петербургѣ, Алина Константиновна умудрилась выпроводить его оттуда, чтобы черезъ два дня проѣхать съ Надеждою Викторовною туда.

8. Мысли о женщинѣ, которая пассивно и пр., совершенно вѣрны, очень умны. Но не совсѣмъ новы. Смотри басню „Лисица и виноградъ“.

Новость то, что обращаюсь въ любителя природы. Лежу на пригоркѣ надъ домомъ, въ травѣ, въ тѣни одинокой густой липы и смотрю: направо село, прямо внизу домъ, налѣво поле. Мимо всего этого, на второмъ планѣ течетъ широкая рѣчка, извивами, по обыкновенію рѣчекъ, правящихся чувствительнымъ сердцамъ. Черезъ нее мостикъ. Тотъ берегъ поросъ густымъ кустарникомъ. Дальше опять луга и поля, которымъ не видно конца. Чѣмъ не живописный пейзажъ? Дѣло кончится тѣмъ, что куплю палитру и тогда буду жалѣть, что не учился рисовать: деньги на палитру пропали.

9. Была ли Анюта способна къ развитію? Сомнительно. Не глупа, но только на житейскія дѣла. „Ея жизнь была пошлая и пустая“. Нѣтъ, я хотѣлъ забывать, что розги могли бы оставить впечатлѣніе. А она: „поступи, Володя, служить въ полицію“. Но добрая женщина. Терпѣливо позволяла мнѣ нѣжничать, хоть это и очень надоѣдало ей, какъ понимаю теперь.

10. Илатонцевъ за шахматами: „Начали фланировать, Владиміръ Алексѣичъ. Давно бы пора давать отдыхъ себѣ, а то совсѣмъ заработались“. По этому поводу я подумалъ: не пора ли приняться писать что-нибудь? Довольно времени бездѣльничалъ. Прекрасная мысль осталась безъ исполненія. Такова судьба прекрасныхъ мыслей.

11. Въ первый разъ послѣ четырехъ лѣтъ увидѣлъ Волгу. Мое сердце ожило. Опять я былъ радостенъ и добръ, любуясь на нее. Не оторвался-бъ отъ нея.

Въ тихомъ раздумьѣ о ней и о прежней свѣжести чувства, чистотѣ мыслей, шелъ я домой и не замѣтилъ, какъ дошелъ до послѣдняго холма, подъ которымъ домъ. Взглянулъ на часы: къ обѣду было еще рано. Я легъ на свое любимое мѣсто, подъ тѣнью одинокой липы, и лежалъ въ нѣжномъ и вмѣстѣ идеальномъ настроеніи, въ юношески-чистомъ настроеніи.

Изъ рощи налѣво и довольно далеко отъ меня вышли двѣ молодыя,— по легкости походки видно было, что молодыя, — дѣвушки, въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями, одна въ голубомъ платьѣ, другая въ розовомъ. Итакъ, Илатонцева пріѣхала! Потому что нѣтъ сомнѣній, одна изъ нихъ—она. Которая же? Я знаю ея лицо, отецъ показывалъ ея портреты: если-бъ разсмотрѣть профили, узналъ бы которая. Но какъ ни прищуривался и ни поправлялъ очки, не могъ разсмотрѣть: далеко. Нужды нѣтъ, все равно: угадаю. Отецъ говорилъ, она средняго роста. Она не та, которая въ розо-

вомъ: въ розовомъ надобно назвать высокою. Она та, которая въ голубомъ; непремѣнно, потому что она должна быть кроткая и нѣжная. Такъ и рисуется характеръ той, которая въ голубомъ: свѣтлый, но скромный цвѣтъ платья; тихая поступь; это она. Въ розовомъ не можетъ быть она: въ розовомъ тоже граціозна, но должна быть горда и отважна; такъ она держитъ голову и очевидно сдерживаетъ шагъ только для подруги. Кто-жъ эта, въ розовомъ? Тетушка не можетъ быть, тетушка толстая, пожилая женщина. Я зналъ, что Илатонцева ѣдетъ безъ гувернантки, безъ компаньонки. Я рѣшилъ, что уже успѣла явиться гостья изъ сосѣднихъ барышень. Время на это было: Илатонцева ходила гулять, значитъ, наговорилась, нацѣловалась съ отцомъ и Юренькою; это должно было занять не одинъ часъ.

Онѣ шли тропинкою наискось черезъ поле, къ воротамъ сада, все очень далеко отъ меня.

Изъ деревни плелась на перерѣзъ имъ старушка и тащила въ охапкѣ два небольшіе хлѣба; тамъ, дальше за дѣвушками, налѣво отъ меня, было нѣсколько работавшихъ. Дѣвушка въ голубомъ, дошедши до перекрестка тропинокъ, повернула навстрѣчу старушкѣ. Та, высокая и гордая въ розовомъ, пошла одна по прежнему направленію. Итакъ, въ розовой я немножко ошибся: характеръ я угадалъ, одна она пошла менѣе тихо, но ошибся въ томъ, кто она. Она не гостья: съ гостьей хозяйка не разсталась бы. Она тутъ своя. Кто же? Чтобъ она была тетушка, не могу и не могу допустить. Лучше пусть она будетъ горничная — Марья Дмитріевна, какъ выражается Иванъ Антонычъ, опасаясь за то, какова будетъ съ нимъ племянница и впередъ хвалясь, что она будетъ еще умнѣе прежняго; Маша, о которой какъ-то упоминалъ Илатонцевъ, что его дочь очень любитъ эту дѣвушку и эта дѣвушка искренно привязана къ Наденькѣ. Я былъ глубоко убѣжденъ, что въ исправленномъ видѣ догадка о розовой непремѣнно окажется вѣрною. Но не могъ слишкомъ сильно гордиться этимъ моимъ будущимъ торжествомъ: не совсѣмъ угадалъ сразу, пришлось поправлять себя. Но Илатонцеву выбралъ сразу, безъ малѣйшей ошибки. Это было очень, очень пріятно. Хорошо становиться ребенкомъ, и пишу это съ доброй улыбкой.

Илатонцева пошла со старушкою, взяла у нея одинъ изъ хлѣбовъ: хоть и небольшіе, два были вѣроятно тяжелы для старушки довольно дряхлой.

Та въ розовомъ, по моему непремѣнно и несомнѣнно Марья Дмитріевна или Маша, дошедши до воротъ сада, сѣла на скамью, опустила руку къ поясу, подняла и стала держать въ уровень съ глазами,—слѣдовательно, взяла лорнетъ и стала осматривать все кругомъ. Тутъ она увидѣла и меня въ травѣ и долго всматривалась. Я похвалилъ ея глаза, что они, хоть и съ лорнетомъ, могутъ разбирать пріятность моего прекраснаго лица на такомъ разстояніи; нашелъ безчеловѣчнымъ отнять у нея это удовольствіе, показавъ, что замѣчаю; да и безполезно было бы искать такого же удовольствія въ смотрѣніи на нее безъ лорнета за полверсты. По всему этому я предпочелъ провожать глазами Илатонцеву со старушкою.

Онѣ дошли до одной изъ группъ работниковъ, съ версту отъ меня. Илатонцева постояла тамъ нѣсколько минутъ, потомъ пошла домой. Я смотрѣлъ

на нее съ самымъ нѣжнымъ расположеніемъ: былъ впередъ убѣжденъ, что она понравится мнѣ не меньше, нежели обѣщалъ отецъ.

Когда она стала приближаться къ саду, Марьи Дмитріевны или Маши уже не было на скамьѣ у воротъ. Я немножко осудилъ Машу или Марью Дмитріевну: чтожъ бы ей не любоваться на меня подольше?

Повернувшись послѣ того на другой бокъ, продолжалъ думать, отчасти о будущей дружбѣ съ Илатонцевою, хорошею, какъ я былъ твердо убѣжденъ, очень хорошею дѣвушкою. Славно думать такъ ни о чемъ и почти ни о чемъ, въ прохладѣ подъ тѣнью липы, на густой свѣжей травѣ. Слишкомъ юношески, но хорошо летѣло мое время, пока, почти нехотя, надобно было встать: пора идти обѣдать...

Черты Надежды Викторовны были знакомы мнѣ прежде, нежели я вошелъ и былъ представленъ ей. Я зналъ, что увижу не дивную красавицу, а только милое лицо русой русской хорошенькой дѣвушки. Но она гораздо милѣе, нежели можно было думать по портретамъ, хоть и очень вѣрнымъ: кротость, безъискусственность, чистота выраженія истинно привлекательныя. Прибавить, впрочемъ, и то, что на осьмнадцатомъ или девятнадцатомъ году дѣвушка съ чистою душою и русыми волосами все еще хорошѣетъ. Отцу было замѣтнымъ удовольствіемъ видѣть, что она произвела на меня прекрасное впечатлѣніе.

Когда сошлись потомъ за чаемъ, я опять довольно долго оставался съ нимъ и съ нею: а ушедши, продолжалъ привлекшія меня послѣ обѣда идилліи Жоржа Занда, и чуть не плакалъ отъ умиленія тихою жизнью безъ желаній. Прежде я не могъ отдавать справедливость этимъ прелестнымъ пасторалямъ. Чтобъ онѣ не казались приторными, надобно быть спокойнымъ и добрымъ.

Почему бы не быть мнѣ такимъ навсегда?—Пусть бы моя жизнь шла безъ мысли, но свѣтла, какъ нынѣ.

12. Если здѣсь есть дѣвушка хорошаго тона, это не Надежда Викторовна, это ея горничная. Надежда Викторовна просто хорошая дѣвушка. Ея манеры благородны потому, что она не знаетъ притворства, потому что мысли ея чисты, потому, что вся она—доброта, нѣжность, скромность. Ея грація—отраженіе того, что ея душа прекрасна. Но у Мери—прекрасныя манеры.

Я былъ предубѣжденъ противъ Мери. Въ этомъ виноватъ Иванъ Антонычъ. Онъ восхищался, что его племянница пріѣдетъ изъ за-границы „настоящею барышнею“. Это возбудило во мнѣ мысль, что я увижу горничную съ неудачными претензіями на великосвѣтскость. Предубѣжденіе не разсѣялось и послѣ того, какъ я смотрѣлъ на нее издали, съ пригорка. Правда, я принужденъ былъ сознаться, что она шла граціозно. Но это еще ничего не значило: она думала, что некому смотрѣть на нее. Правильно сложенная дѣвушка не можетъ, не умѣетъ не быть граціозна, пока не думаетъ, что смотрятъ на нее. Ломаются и становятся отвратительны только при свидѣтеляхъ. Я оставался убѣжденъ, что Мери превратится въ кривляку лишь только увидитъ подлѣ себя мужчину—даже и такого непривлекательнаго, какъ я. Потому и не интересовался искать случая взглянуть на нее поближе.

О, какъ жестоко я ошибался! Она—воплощеніе хорошаго тона. Я еще не зналъ, усвоила ли она себѣ изящество и въ разговорѣ, но по манерамъ—она истинная аристократка. Окружите ее толпою самыхъ блестящихъ моло-

дыхъ людей, она останется проста, непринужденна, спокойна въ своей справедливой увѣренности, что ей не нужно заискивать ихъ вниманія: оно принадлежитъ ей по праву.

Мы встрѣтились нынѣ поутру, въ галлереѣ. Я шелъ въ библіотеку, Мери несла платье Надеждѣ Викторовнѣ. Я поклонился и прошелъ молча. Замѣтно было, что я пріобрѣлъ этимъ ея благосклонность; она поняла смыслъ моего молчанія: „я вижу свѣтскую дѣвушку и долженъ помнить, что было бы дерзостью заговорить съ нею, пока не представили меня ей“.

Она блондинка съ золотистыми волосами. У нея продолговатое лицо. Оно нѣсколько худощаво. Но на щекахъ довольно густой румянецъ; а бюстъ ея безукоризненно хорошъ. Красавица она или только очаровательна изяществомъ манеръ, выразительностью физіономіи, умѣньемъ глядѣть смѣло и вмѣстѣ скромно?—Но что за прелесть превосходно развитой лобъ. Сколько ума въ свѣтло-карихъ глазахъ!

Она очень умна, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но чрезвычайно добра она, или необыкновенно хитра?—Утромъ нынѣ, передъ нашею встрѣчею съ ней, Иванъ Антонычъ почелъ уже возможнымъ сказать, что боялся, не будетъ ли она держать себя съ нимъ высокомѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какой же онъ дядя ей, когда она выучилась говорить по французски, какъ настоящая барышня?—Онъ не зналъ, какъ встрѣтить ее: можно ли будетъ сунуться къ ней обниматься?—А она поцѣловала у него руку: „Дядя, могла ли я забыть, что вы замѣняли мнѣ отца и мать“.—Старикъ безъ ума отъ нея: „Прежде Машенька была гордая; а теперь стала такая образованная и такая умная, что вовсе не гордится“. Онъ уже забылъ называть ее „Марья Дмитріевна“ и говоритъ о ней „Машенька“. Однако, я замѣчаю, что сильно расположенъ одурачивать себя въ ея пользу. „Доброта или хитрость?“—нашелъ сомнѣніе. Но пусть, въ очаровательности ея съ Иваномъ Антонычемъ есть хоть искорка и родственнаго чувства. Мери обворожительна не съ дядею только, до непобѣдимости привѣтлива и мила ко всѣмъ. Это уже чистая хитрость, безъ всякой примѣси. По словамъ Ивана Антоныча, обѣ горничныя, захваченныя изъ Петербурга Алиною Константиновною, въ восторгѣ отъ ласковости Мери; и во всей здѣшней прислугѣ, взамѣнъ расположенія завидовать и порицать, съ которымъ ждали Мери, распространяется восхищеніе ея простотою и добротою. А Юренька ворвался ко мнѣ съ увѣреніемъ, что „сестрица очень хороша, а Мери еще лучше сестрицы“. Это и подтверждалось его губами, носомъ, щеками, руками, измазанными въ синее. Мери вышла смотрѣть, какъ онъ играетъ съ пріятелями, и учила ихъ играть, и посылала собирать ягоды въ кустахъ у рѣки, и заплатила, кто сколько набралъ: кому три копѣйки, кому цѣлыхъ пять, и ему четыре, и дала имъ ѣсть эти ягоды; только не все, потому что до обѣда не годится ѣсть много ягодъ, и это ея правда, и остальное спрятала на другой разъ. И всѣ говорятъ—и Вася, и Степа, и всѣ,—что нѣтъ никого на свѣтѣ лучше ея. Одно не понравилось имъ: велитъ утирать носы. Но въ этомъ онъ больше согласенъ съ нею, чѣмъ съ ними: почему жъ не утирать носовъ? развѣ это трудно или долго, утереть носъ?—Но ему некогда: онъ забѣжалъ на перепутьѣ, онъ бѣжитъ умыться: Она послала его: пусть умоется самъ, она посмотритъ, какъ онъ любитъ ее; если любитъ, самъ умоется. Хорошо. И онъ умоется прекрасно. А умыться

надобно потому, что ей нельзя играть съ чумазымъ, потому что, когда тутъ были Вася, и всѣ, она только учила ихъ играть, а сама сидѣла, не играла; а теперь они ушли обѣдать, и съ нимъ однимъ она станетъ играть сама. Она ждетъ его, ему некогда...

Напрасно мое пристрастіе къ ней подговариваетъ видѣть во всемъ этомъ доброе сердце. Ясно какъ день: она притворщица. Но пусть и притворщица; все-таки, я очень радъ ей. Образованная ли дѣвушка она, я еще не знаю. Но она очень умна и способна понимать все. Найду ли въ ней искренняго друга, это слишкомъ сомнительно. Но хорошо и то, когда есть человѣкъ, съ которымъ можно говорить. А когда онъ—хорошенькая и граціозная дѣвушка, говорить съ нею, какъ съ умнымъ человѣкомъ, еще милѣе отъ маленькаго влеченія къ ней, какъ женщинѣ.

Тѣмъ больше чести дѣлаетъ мнѣ терпѣливость, съ которою я ждалъ нынѣ, чтобы самъ собою пришелъ случай и устроилъ наше знакомство. Судьба, при помощи Алины Константиновны, очень дурно злоупотребила моимъ терпѣніемъ. Прямо отъ завтрака Алина Константиновна вскочила, схватила Надежду Викторовну и поѣхала по сосѣдямъ и привезла Надежду Викторовну домой только уже позднимъ вечеромъ, когда я ушелъ въ свою комнату, безполезно проигравъ часа три въ шахматы съ Владиміромъ Алексѣевичемъ, въ ожиданіи, не пріѣдетъ ли Надежда Викторовна, не сядетъ ли подлѣ насъ, не подойдетъ ли къ ней Мери, не отрекомендуетъ ли насъ другъ другу Надежда Викторовна. Нѣтъ, завтра не пройдетъ такъ. На судьбу нечего полагаться: она и сама по себѣ не очень догадлива, а въ союзѣ съ Алиною Константиновною глупа до невыносимости. Самъ позабочусь найти случай познакомиться съ милою и умною дѣвушкою.

О, несравненная Алина Константиновна! Вчера такъ и не показывалась: устала съ дороги. Не показывался и Федоръ Данилычъ, даже къ обѣду не выходилъ. Конечно, тоже усталъ. Милая простота Алины Константиновны!— Надежда Викторовна твердо знаетъ, что тетушка и Федоръ Данилычъ повѣнчаны. Пусть были-бъ и повѣнчаны. Все-таки, торопливость и продолжительность заключенія его въ свои объятія—слишкомъ отаитская наивность въ доброй Алинѣ Константиновнѣ. Хорошо, что Надежда Викторовна не замѣчаетъ наивностей тетушки, потому что не думаетъ ни о чемъ отаитскомъ. Милая дѣвушка Надежда Викторовна. Дѣвушка не названіемъ только, или не тѣломъ только, но и сердцемъ и мыслями.

13. Лучше бы поменьше хвалился Иванъ Антонычъ своею племянницею. Разрушилъ, невинный злодѣй, мою идиллію. „И какъ же, Владиміръ Алексѣевичъ, не быть у Машеньки самымъ благороднымъ манерамъ. „Два года жила въ Парижѣ“.—„Въ Парижѣ? А я думалъ, Иванъ Антонычъ, она все время жила съ Надеждою Викторовною въ Провансѣ, у m-me Lenoir“.— „Нѣтъ-съ. Она скоро уѣхала отъ Шарлотты Осиповны магазинщицею въ Парижъ. Польстилась большимъ жалованьемъ. Сама еще не понимала, какъ любитъ Надежду Викторовну. Но вотъ видите, кончилось таки тѣмъ, что бросила все: и жалованье, и такой городъ, какъ Парижъ. Жить не могла безъ Надежды Викторовны, такъ любитъ ее“. — „Очень сильная любовь и прекрасная, Иванъ Антонычъ“. — „Помилуйте, Владиміръ Алексѣевичъ:

какъ же не любить ей такъ Надежду Викторовну? Надежда Викторовна стоитъ того. И опять же, все наше семейство, еще съ дѣдовъ нашихъ, было всегда облагодѣтельствовано ихъ семействомъ, и не могло не чувствовать. И Машенька воспитана въ такихъ чувствахъ".

Она не могла не имѣть успѣха въ Парижѣ. Блондинки въ модѣ тамъ. А она, къ тому же, умна, хитра,—не говоря о томъ, что красива. Зачѣмъ же она бросила свою карьеру и сдѣлалась опять горничною? — Но это все равно для меня. Важно—и немножко непріятно—только то, что моя идиллія погибла. Будь Мери скромная дѣвушка, мы могли бы стать близки и у меня все-таки не явилось низкихъ желаній. Но вести невинную дружбу съ дѣвушкою, которая два года повѣсничала — это было бы невозможно. А уваженіе къ Надеждѣ Викторовнѣ запрещаетъ заводить интригу въ ея домѣ. Жаль, что пришлось рѣшиться не сближаться съ Мери.

Съ утра начали съѣзжаться гости. За обѣдомъ было человѣкъ тридцать. Увидѣлъ, что не напрасно не хотѣлъ взглянуть на нихъ раньше этой необходимой поры. Пріятное общество!—Папеньки и маменьки—сволочь. Дочки—такія противныя кривляки, что приходится отворачиваться даже отъ тѣхъ, которыя родились хорошенькими. Для полноты моего удовольствія недоставало братцевъ этимъ сестрицамъ. Братцы, къ несчастью, далеко: служатъ гусарами, уланами. Нѣкоторые—чиновниками въ Петербургѣ; эти, я думаю, лучше даже гусаровъ и, навѣрное, еще полезнѣе отечеству. Какъ пообѣдалъ, обратился въ бѣгство. Два, три семейства такъ и заночевали. Ай-да Алина Константиновна! Молодецъ! Очевидно, что кагалъ пойдетъ безъ перерыва и конца.

Для меня это хорошо: меньше развлеченій. Когда придетъ охота работать, можно будетъ вволю.

14. Я думаю, что давно не былъ такимъ пошлымъ глупцомъ, какъ въ началѣ разговора съ Мери. Умная дѣвушка живетъ въ деревнѣ, безъ подругъ, съ которыми могло бы ей быть пріятно, безо всякаго общества, которое могло бы сколько нибудь занимать ее, должна искать единственнаго развлеченія себѣ въ игрѣ съ маленькимъ ребенкомъ; а между тѣмъ, все время у нея съ утра до ночи свободно, потому что заботы о туалетѣ Надежды Викторовны берутъ едва ли полчаса времени; дѣвушка принимается за книги. Повидимому, слѣдовало бы найти это очень естественнымъ. Она чувствуетъ недостаточность своего образованія, она находитъ въ домѣ большую библіотеку, хочетъ воспользоваться этимъ, чтобы немножко поучиться. Но съ чего начать? Какія книги выбрать?—Она не знаетъ. Подлѣ живетъ ученый человѣкъ. Она обращается къ нему съ просьбою: „посовѣтуйте". Казалось бы, нѣтъ и въ этомъ ничего непонятнаго. Но я отличился такимъ умомъ, что долго думалъ: „что жь это значитъ? О, это не спроста. Буду держать ухо востро. Не проведетъ она меня своею любознательностью!"—Это пошлость, которой можно бы постыдиться и круглому дураку. А я—такъ уменъ, что теперь опять впадаю въ сомнѣнія: „Нѣтъ, это не спроста".

Когда Иванъ Антонычъ спросилъ: „не найдется у меня свободной минуты. Машенькѣ хотѣлось бы посовѣтоваться со мною на счетъ книгъ", — моимъ первымъ желаніемъ было отказать старику; такъ быстро засѣло мнѣ въ голову подозрѣніе, что книги только предлогъ. Но отказать было слишкомъ

неловко. Я отвѣчалъ добряку съ величайшею любезностью и пошелъ съ нимъ въ гости къ нему—потому что она, къ новому восторгу дяди, устроила вчера такъ, что Надежда Викторовна перевела ее изъ своего сосѣдства жить вмѣстѣ съ Иваномъ Антонычемъ. У нихъ вдвоемъ теперь три комнаты. Одну изъ нихъ Мери уже пересоздала въ нѣчто подобное крошечной гостиной съ самою простенькою мебелью — „намъ нехорошо было бы брать столъ или диванъ изъ господской мебели: слишкомъ богато и другая прислуга стала бы завидовать", пояснялъ мнѣ вчера добрякъ, не думая утаивать и того, что эти мысли принадлежатъ Машенькѣ. Я нашелъ ее въ этой скромной гостиной за шитьемъ кисейнаго платья. Она и сама такъ же чужда лишнихъ претензій, какъ скромна ея комната, подумалось мнѣ. Я былъ твердъ въ своемъ умномъ скептицизмѣ.

Дядя, познакомивъ насъ, ушелъ въ свою коморку. Что жъ ему, не книжному человѣку, мѣшать намъ.

Мнѣ слѣдовало бы не знать уже никакой границы своимъ умнымъ подозрѣніямъ. Хорошо бы предположить, что моя добродѣтель подвергается страшному искушенію и что истиннымъ намѣреніемъ коварной дѣвушки было не иное что, какъ именно злоумышленіе на мою привлекательную персону. Этого я не придумалъ — но только этого и недоставало, чтобы мнѣ быть совершеннымъ идіотомъ. Человѣкъ съ искрою здраваго смысла въ головѣ бросилъ бы всякое сомнѣніе въ искренности Мери по одному взгляду на эту милую дѣвушку, такъ живо обрадовавшуюся тому, что я пришелъ, такъ безъискусственно и серьезно заговорившую, что теперь она видитъ, дядя не напрасно называлъ меня человѣкомъ добрымъ и обязательнымъ, что теперь она убѣждена, ея свободное время здѣсь не пропадетъ задаромъ, что ей очень хочется учиться, что теперь она знаетъ: въ эти полтора, два мѣсяца она пріобрѣтетъ больше, нежели во весь годъ, потому что она уже около года стала учиться. Долго ей было вовсе не съ кѣмъ совѣтоваться. Потомъ, когда она стала жить опять у m-me Lenoir, m-me Lenoir была такъ добра, что помогала ей. Но она боялась обременить m-me Lenoir, а сама еще вовсе не могла читать серьезныхъ книгъ: всѣ слова не въ томъ смыслѣ, какой она знала, все непонятно, будто писано на новомъ для нея языкѣ... Но дорогою она продолжала читать и немножко привыкла. Она не будетъ много обременять меня: теперь она сама нѣсколько можетъ понимать историческія и географическія книги и по-русски и по-французски, сама какъ-нибудь пріучится понимать и другія, пусть я только указываю ей, что надобно читать. Она понимаетъ, что можно прочитать тысячу книгъ и получить меньше правильныхъ понятій, нежели изъ десяти хорошихъ. Не правда ли, это такъ? Не правда ли, можно довольно скоро и легко узнать, какъ думаютъ о вещахъ просвѣщенные люди?..

Все это говорилось такъ мило, живо, съ такою искренней радостью, что умный человѣкъ по первымъ же звукамъ ея неподдѣльно одушевленнаго тона отступился бы отъ всѣхъ сомнѣній. А я довольно долго оставался недовѣрчивъ. Она замѣтила это, и мнѣ казалось, что она готова была заплакать: такъ огорчило ее, что ея искренность принимается за аффектацію, что ея серьезность считается комедіанствомъ. Но она дѣвушка съ тактомъ и съ большою силою воли. Она сохранила вѣру въ себя, въ то, что съумѣетъ наконецъ раскрыть мнѣ глаза. И они уже раскрывались: я видѣлъ неподдѣльность ея

сторченія. Я сталъ говорить довольно охотно, и скоро убѣдился въ ея любознательности.

Тогда нашъ разговоръ пошелъ хорошо. Увидѣвъ меня довѣрчивымъ, она дала волю своему нетерпѣнію услышать правду обо всемъ, что волнуетъ умы, что занимало и ее, повидимому, довольно давно. Вѣрить ли въ Провидѣніе? Въ будущую жизнь? Возможно ли равенство? И какимъ же образомъ произошелъ міръ? И отчего же въ немъ порядокъ? И что такое христіанство? И почему же вездѣ бѣдность и угнетеніе?.. Я не замѣтилъ, какъ пролетѣло время до самаго обѣда, часа три, и былъ бы не прочь продолжать послѣ обѣда эту безпорядочную лекцію обо всемъ на свѣтѣ. Но или ей дѣйствительно некогда или, вѣрнѣе, она постовѣстилась отнимать у меня слишкомъ много времени, она отложила продолженіе до вечера завтра, сказавши, смѣясь, что заслужитъ мою похвалу тѣмъ, сколько прочтетъ изъ рекомендованныхъ мною книгъ, и сколько непонятнаго найдетъ въ нихъ, и сколько объясненій будетъ просить у меня.

Она хитра, у нея могутъ быть свои замыслы. Но это нисколько не относится до связи, которая устанавливается между нами. Эта связь есть и останется совершенно благородна, безкорыстна, чиста съ ея стороны. Съ моей— не знаю, но хотѣлъ бы надѣяться, что и я буду видѣть въ Мери только умнаго и любознательнаго человѣка, какъ самъ я для нея только ученый человѣкъ.

Хочу надѣяться на себя—и вижу, что хочу обманывать себя. Я человѣкъ чувственный, если и не могу сказать, что я человѣкъ безъ стыда и совѣсти. Я вспыхнулъ при видѣ плечъ и груди какой-нибудь Анюты. Я настолько опытенъ, что вижу и сквозь скромно закрывающее платье: формы Мери гораздо очаровательнѣе. Но пусть бы я и не думалъ о нихъ. Ея лицо привлекательно.

Я думаю, что мнѣ предстоитъ борьба съ собою. Зачѣмъ я знаю, что Мери не была бы обольщаема мною, если бы я сталъ ухаживать за нею? Быть соблазнителемъ—это такъ омерзительно, что я не опасался бы дружбы съ нею, будь она хоть въ тысячу разъ привлекательнѣе, если бы думалъ, что она скромная дѣвушка. Но теперь—я предвижу, это обличеніе надѣлаетъ много мученій мнѣ.

Пусть. По крайней мѣрѣ испытаю и то, награждаетъ ли совѣсть за отказъ отъ наслажденія, запрещаемаго обязанностью не дѣлать скандала въ домѣ невинной дѣвушки. По увѣреніямъ моралистовъ, должна наградить. Забавно было-бъ, еслибъ это оказалось не враньемъ.

Но скандала не будетъ, это вѣрно. Мери не прельстится мною. Это очень успокоительно. И, къ несчастію, такъ несомнѣнно, что я не выскажу своей будущей страсти ни однимъ словомъ, не выкажу ее ни однимъ взглядомъ. Быть глупцомъ въ глубинѣ души—на это я всегда готовъ. Но выставлять себя на посмѣшище другимъ—до этого я не охотникъ.

Будемъ же дружны, Мери,—и пусть я буду влюбленъ въ васъ, это не бѣда: вы не будете и догадываться.

15. „Гдѣ же будетъ наша лекція, Владиміръ Алексѣичъ? Если для васъ все равно, то лучше перенесемъ аудиторію въ нашу комнату. Я немножко

боюсь: вы потеряете любовь моего дяди, когда онъ начнетъ вслушиваться: онъ у меня консерваторъ". Итакъ, нынѣ я жду Мери въ гости къ себѣ.—Раздумывая о своемъ характерѣ, нахожу въ немъ странную черту. Я флегматикъ. Что такое значитъ быть впечатлительнымъ, этого я даже и не понимаю. А между тѣмъ, новое положеніе, новое отношеніе заставляетъ мою фантазію разъигрываться до нелѣпости. Это какъ будто нѣкоторая живость. Можно бы думать: у апатическаго человѣка не должно быть подобныхъ увлеченій. Но разбирая дѣло внимательно, вижу, что въ сущности ихъ и нѣтъ во мнѣ. Я только отдаюсь комбинаціямъ мыслей, и самъ смѣюсь надъ ихъ пустотою. Это очень ясно высказывается, напримѣръ, послѣдними строками вчерашнихъ моихъ замѣтокъ: изъ нихъ очевидно, что я тогда же чувствовалъ нелѣпость мечты о влюбленности въ Мери.

Теперь вижу, что не только не буду вздыхать безнадежною страстью къ этой милой дѣвушкѣ, но и мысль, изъ которой возникло мое напрасное опасеніе, была очень пошлымъ софизмомъ, и даже низкимъ предразсудкомъ.

„Будь она скромная дѣвушка, я не сталъ бы соблазнять ее". Такъ. Но какое же было мнѣ дѣло до того, какъ она жила въ Парижѣ, или гдѣ бы то ни было, годъ назадъ, или когда бы то ни было, хоть бы вчера, хоть бы на моихъ глазахъ она повѣсничала, не все ли равно, мнѣ нѣтъ дѣла до этого, когда я нынѣ вижу, что она держитъ себя, какъ скромная дѣвушка? Я обязанъ уважать ее, я не смѣю не уважать ее. Такъ должна была бы говорить совѣсть. А я чрезвычайно умно и благородно разсудилъ: „когда-то она увлекалась или дурачилась; слѣдовательно, я не сдѣлалъ бы ничего безчестнаго, компрометируя ее, разстраивая ея жизнь".

Отвратительно видѣть, что, гнушаясь подлыми предразсудками, поддаешься ихъ вліянію. Вотъ что значитъ быть безхарактернымъ.

И что значитъ быть самолюбивымъ: вмѣсто того, чтобы совѣститься, радуешься, когда замѣчаешь, что другіе думаютъ о тебѣ лучше, нежели какимъ ты знаешь себя. „Я приду сидѣть къ вамъ".—А моя комната—одна въ этомъ углу дома. Итакъ Мери полагаетъ, что я честный человѣкъ, съ которымъ привлекательная дѣвушка—потому что она очень хорошо знаетъ, что она привлекательна — можетъ держать себя запросто, безъ всякихъ опасеній. И не ей одной кажется такъ: кромѣ дѣйствительной безопасности, она должна была подумать и о томъ, не скажутъ ли другіе чего нибудь дурного; значитъ, не скажутъ; значитъ, всѣ въ домѣ убѣждены, что я человѣкъ честный. Пріятно для самолюбія. А заслужено ли?—Не было случая сдѣлать подлость; вѣроятно только.

Но заслужено или незаслужено это доброе мнѣніе, оно глубоко тронуло меня. Всѣ мои страстныя фантазіи разлетѣлись. Волею или неволею, а нельзя же не оправдывать довѣрія, когда оказываютъ полное довѣріе. Оправдывать его поступками, словами—этого мало. Надобно также умѣть управлять своими мыслями. Только тогда можешь считать себя достойнымъ довѣрія. Я хочу имѣть право съ чистою совѣстью глядѣть въ глаза Мери.

Зачѣмъ она хочетъ видѣться со мною наединѣ, вдали отъ всякаго подслушиванія? Говорить объ отвлеченныхъ вопросахъ было бы все равно и въ сосѣдствѣ дяди, какъ вчера. Станетъ ли онъ вслушиваться въ подобный разго-

воръ? Если бъ и вздумалъ, черезъ пять минутъ, ничего не понявши, разсудилъ бы, что гораздо лучше вздремнуть. Кокетничать со мною она не думаетъ, это видно. Я увѣренъ, она хочетъ вызвать меня на объясненіе, почему я чуждался ея. Она должна была замѣтить, что я предубѣжденъ противъ нея. Вѣроятно, воображаетъ, что ей вредитъ въ моемъ мнѣніи ея парижская жизнь. Конечно, понимаетъ, что я не могъ быть обманутъ выдумкою, которая годилась для простодушнаго дяди. Вѣроятно, она приготовила для меня сказку въ другомъ родѣ, поэтическую и трагическую: чистая благородная страсть и т. д., все прекрасно, достойно горячей симпатіи, до самаго конца. Напрасно, Мери; вамъ не понадобится ваша сказка. Когда вы убѣдитесь, что по моему мнѣнію и для женщины не безчестно ничто, не безчестное для мужчины, вы, если вамъ будетъ угодно, разскажете мнѣ правду о вашихъ парижскихъ приключеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ ничего дурного. Теперь когда вы думаете, что я могъ бы осуждать ваши невинныя шалости, я не хочу допрашивать васъ о нихъ. Я предложилъ бы вамъ совершенно иной вопросъ: по какому побужденію сдѣлались вы снова горничною Надежды Викторовны.—Ахъ, Мери, оно не было такъ благородно, какъ потребность любить, такъ невинно, какъ влеченіе молодой и энергической натуры пошалить, поповѣсничать, хоть бы немножко и слишкомъ поповѣсничать, что за безчестье? Ахъ, Мери! Дурно не то; дурно—слишкомъ разсудительно разсчитывать выгоды... Зачѣмъ вы бросили вашу веселую—вѣроятно, очень нескромную, но все таки невинную парижскую жизнь? Она не такъ выгодна, Мери, какъ служба у Надежды Викторовны. Надежда Викторовна богата; любитъ васъ; сколько денегъ можно получать отъ нея! сколько подарковъ, какихъ богатыхъ!.. Нѣтъ, Мери: между нами не будетъ объясненія. Вы увидите, что вамъ не нужно оправдывать передо мною вашу парижскую жизнь. А въ томъ, за что я не довѣряю вамъ, вы не могли бы оправдаться; къ чему жъ бы я сталъ спрашивать? Исправить васъ я не надѣюсь; а приводить въ стыдъ безъ надежды исправить—напрасная жестокость.

Я не ошибся въ томъ, что Мери хотѣла объясненія. Ошибся въ томъ, что думалъ; уклонюсь отъ него. Какъ несправедливъ я былъ къ Мери! Энергическая, благородная дѣвушка, она можетъ имѣть свои недостатки, но она достойна полнаго уваженія. Будь я старикъ, или будь она дурна собою, я поцѣловалъ бы ее.

Мы долго говорили о тѣхъ же вопросахъ, какъ вчера. Она слушала съ интересомъ и замѣчанія, которыя она дѣлала, обнаруживали неутомимую внимательность къ моимъ словамъ. Но съ первыхъ минутъ стало замѣтно, что она ищетъ случая повернуть разговоръ на наши личныя отношенія. Увидѣвъ справедливость своей догадки о ея желаніи объясниться, я сталъ осторожно пользоваться своими отвлеченными темами, чтобы дать ей понять, какъ ошибочны ея опасенія, что увлеченія или дурачества могутъ ронять женщину въ моемъ мнѣніи. Она превосходно понимала съ какою цѣлью я высказываю мимоходомъ свое убѣжденіе о томъ, что передъ порядочнымъ человѣкомъ женщина не имѣетъ надобности оправдываться ни въ чемъ такомъ, что не безчестно для мужчины.

— Я не предполагала, что вы такъ думаете, замѣтила она.

— Почему вы предполагали, что я не думаю такъ? Впрочемъ, все равно, почему бы ни предполагали вы это, вы видите, что ошибались.

Она промолчала и предоставила мнѣ продолжать обо всемъ на свѣтѣ, отъ равноправности женщинъ съ мужчинами до безсмертія души, которое очень пріятно было бъ ей сберечь, какъ она замѣчала полусерьезно, полушутя.

Пришло время кончать мою безконечную лекцію, потому что она предупредила, что въ одиннадцать она должна уйти спать: она должна вставать рано, потому что Надежда Викторовна встаетъ тоже довольно рано. „Одиннадцать часовъ, Марья Дмитріевна. Долженъ уволить васъ. До завтра. Тоже, вечеромъ?“

Она сидѣла, задумавшись.

— Благодарю васъ, что вы обѣщаетесь и завтра дать урокъ мнѣ. Вы такъ добры, что я могла бы подумать: вы хорошо расположены ко мнѣ.

— Я думаю, вы не имѣете причины сомнѣваться въ этомъ.

— Но должна была-бъ имѣть. Она замолчала и опять думала. Дѣйствительно, я не могу теперь найти, почему бы вамъ быть нерасположену ко мнѣ. А между тѣмъ, это такъ: вы нерасположены ко мнѣ, Владиміръ Алексѣичъ. За что? скажите, прошу васъ.

Я не могъ солгать, сказать, что она ошибается. Я повторилъ свое прежнее: за что же я былъ бы нерасположенъ къ вамъ, когда вы сама находите, что не должны были бы думать этого?

— Вы отговариваетесь,—сказала она съ рѣшительностью.—Я колебалась, должна ли я настаивать? Должна. Это необходимо для моего спокойствія. Я не могу убѣдить себя, что я, ошибалась, нѣтъ, я видѣла, вы дурно думаете обо мнѣ.

Она видѣла это, пусть я не спорю. Замѣтилъ ли я вчера, какъ она обрадовалась мнѣ? Почему такъ обрадовалась? Она боялась, что я не захочу исполнить ея просьбу, не приду. Вотъ доказательство того, что она очень видѣла: я сильно предубѣжденъ противъ нея. Пусть же я не спорю, не отговариваюсь. При первой нашей встрѣчѣ этого еще не было: я смотрѣлъ на нее хорошо. Но потомъ у меня явилось какое то сомнѣніе, недовѣріе. Она видѣла это. И сказать ли? Это и было главнымъ ея побужденіемъ поскорѣе познакомиться со мною. Вѣроятно, я убѣдился теперь, что она серьезно хочетъ быть образованною женщиной, что желаніе совѣтоваться со мною о выборѣ книгъ не было пустымъ предлогомъ. Но если бы одно это, она могла подождать пока я самъ предложилъ бы ей свою помощь. Недѣля или двѣ тутъ ничего не значатъ. Я услышалъ бы, что она усердно старается образовать себя, и самъ вызвался бы помогать ей своими совѣтами, хоть бы и былъ нерасположенъ къ ней. У нея достало бы терпѣнія, или можетъ быть гордости, подождать этого. Но она не могла терпѣливо переносить того, что я дурно думаю о ней. На чемъ основано мое предубѣжденіе. Теперь она совершенно не понимаетъ, и тѣмъ сильнѣе безпокоится. О, пусть я выскажу все, чтобъ она могла вполнѣ оправдать себя. Она умоляетъ меня объ этомъ, потому что очень дорожитъ моимъ уваженіемъ.

Она говорила съ неподдѣльнымъ жаромъ, съ глубокою тревогою. Было бы недобросовѣстно не отвѣчать ей искренно.

Прежде всего, я попрошу нисколько не думать о томъ, о чемъ я не спрошу ее. О чемъ я не буду спрашивать, то не имѣетъ никакого вліянія на мои мысли. Если мы будемъ дружны, и она въ минуты экспансивности захочетъ подѣлиться со мною какими-нибудь воспоминаніями, я буду слушать и, вѣроятно, съ симпатіею. Но это надобно отложить до той поры, когда мы будемъ дружны. Теперь я прошу ее отвѣчать только на одинъ вопросъ, который выскажу совершенно прямо. Я слышалъ, что она была конторщицею или магазинщицею; получала хорошее жалованье. Не знаю, такъ это или нѣтъ; но это рѣшительно все равно для меня, для вопроса о моемъ уваженіи къ ней. Я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы показать, на чемъ основаны мои сомнѣнія, относящіяся не къ этому времени ея жизни, совершенно безукоризненному въ моихъ глазахъ, не нуждающемуся ни въ какихъ оправданіяхъ. Я думаю и желаю спросить ее только о настоящемъ ея положеніи. Она вела независимую жизнь въ довольствѣ, вѣроятно, въ изобиліи. Зачѣмъ же она сдѣлалась опять горничною. Иванъ Антонычъ объясняетъ это ея любовью къ Надеждѣ Викторовнѣ. Я не могу принять такого объясненія. Мѣсто горничной слишкомъ низко для нея. Прошу ее...

Пока я говорилъ о ея парижской жизни, она хорошо владѣла собою; но какъ только заговорилъ я о ея поступленіи въ горничныя, она стала смущаться—такъ понималъ я волненіе, которое стало обнаруживаться лихорадочнымъ сверканіемъ ея глазъ. Я продолжалъ спокойно и даже съ нѣкоторою радостью за нее: она смущается, слѣдовательно упреки могутъ быть небезполезны. Но вдругъ она поблѣднѣла такъ, что я перепугался. Я понялъ, что былъ слишкомъ неосторожень въ выборѣ словъ и она увидѣла въ нихъ такой оскорбительный смыслъ, какого я не замѣчалъ въ своемъ усердіи прочесть мораль о рабствѣ и любви къ выгодамъ: ей должно было показаться, что я сомнѣваюсь въ ея честности. Я ужаснулся и бросился цѣловать ея руки, умоляя успокоиться, простить меня, потому что въ моихъ мысляхъ не было ничего оскорбительнаго. Я даже становился на колѣни. Если бы кто подсмотрѣлъ, почелъ бы это за любовную сцену. Я говорилъ ей, что она дурно поняла меня, что въ моихъ мысляхъ о ней не было ничего такого, чего бы я не примѣнялъ отчасти и къ себѣ самому. Если я порицалъ ее, я вижу и въ себѣ самомъ тѣ же самые разсчеты, которые приписываю ей...

— Что такое вы говорите?—сказала она, оправляясь наконецъ отъ волненія, долго мѣшавшаго ей понимать: —я не знаю, что такое вы говорите? Какіе разсчеты у васъ? Какъ вы порицаете себя за то же, въ чемъ подозрѣваете меня?

Я видѣлъ, что ея справедливое негодованіе проходитъ и сталъ говорить со смысломъ. Я служу гувернеромъ у Илатонцева; эта должность до нѣкоторой степени унизительна. Почему я занялъ ее? Потому что она выгодна. Я не думаю, что это безчестно. Но до нѣкоторой степени это показываетъ во мнѣ человѣка, дорожащаго денежными выгодами. Гувернеръ, дядька, нянька, горничная —не все-ли равно, это прислуга. Въ моемъ и въ ея положеніи есть очень много сходнаго. Но она согласится, что служить горничною — это еще менѣе почетно, нежели служить гувернеромъ. Если женщина не нуждается въ кускѣ хлѣба, она слишкомъ разсчетлива, когда становится горничною... Мери слушала, слушала и разсмѣялась.

— Довольно; совершенно прощаю вамъ то, что вы приписывали мнѣ такое корыстолюбіе, какое находите въ себѣ самомъ...

Она стала весела какъ ребенокъ и стала шутить. О, пусть я буду спокоенъ: дѣйствительно ей не должно было видѣть ничего обиднаго въ моихъ словахъ. Она не догадалась, что ей нѣтъ никакой надобности, нѣтъ никакого разсчета обворовывать Надежду Викторовну, гораздо выгоднѣе довольствоваться тѣмъ, что будетъ она честнымъ образомъ выманивать у неопытной, довѣрчивой, любящей ее Надежды Викторовны. Или я не думалъ и этого? О, конечно, не думалъ: зачѣмъ выманивать? и безъ уловокъ она будетъ получать очень много...

Это была лихорадочная веселость. Какъ будто Мери и вѣрила, и не вѣрила тому, что она была не совсѣмъ права, обидѣвшись моими словами, въ которыхъ могла быть неловкость, но уже никакъ не могло быть оскорбительнаго, потому что ничего такого не было въ моихъ мысляхъ, будто ей и думалось и не думалось, что я отбросилъ теперь свою недовѣрчивость, что нѣтъ надобности отвѣчать на мой вопросъ, о которомъ я прошу ее забыть.

— Нѣтъ, сказала она, подумавши. Въ сущности вы были бы правы, если бы дѣло состояло въ томъ, что вы знаете. Я должна оправдаться передъ вами. Иначе вы опять стали бы думать обо мнѣ дурно, какъ только прошло бы ваше сожалѣніе о томъ, что вы неосторожно довели меня до очень горькаго чувства. Я разскажу вамъ правду, хоть вы и говорите, что она уже не нужна вамъ.

Нѣтъ, она ѣхала сюда не за тѣмъ, чтобы быть горничною. Она любитъ Надежду Викторовну, если хочу, пусть я не вѣрю, но я буду видѣть и раньше или позже перестану сомнѣваться въ томъ, что она очень нѣжно любитъ Надежду Викторовну. „Быть подлѣ нея, заботиться о ней — это удовольствіе для меня. И даю вамъ честное слово, я сама не знаю, не готова ли была бы я пожертвовать очень многимъ, быть можетъ, всѣмъ — если бы такъ понадобилось для счастья Надежды Викторовны. Можете называть это чувствомъ служанки, но я не могу забыть, что мои родные и я сама, мы обязаны быть признательны къ Илатонцевымъ. А Надежда Викторовна—Боже мой, можно ли не любить ее мнѣ, которая нѣсколько лѣтъ въ самомъ дѣлѣ была ея служанкою и лучше всѣхъ знаю, какой ангельскій характеръ у нея“. Но я совершенно правъ: быть горничною—это такая вещь, на которую нельзя рѣшиться по привязанности. У нея былъ разсчетъ, я правъ. Но не совсѣмъ тотъ разсчетъ, какъ я предположилъ. „Вы не хотите знать подробностей о моей жизни въ Парижѣ, и я очень благодарна вамъ за это. Я понимала ваши намеки о томъ, что мнѣ нѣтъ надобности оправдываться въ моей парижской жизни, что я могу отложить разсказъ о ней до той поры, когда мнѣ самой вздумается. Скажу вамъ теперь только то, что мнѣ было бы невыгодно бросить Парижъ изъ-за разсчета на жалованье и подарки отъ Надежды Викторовны. У меня былъ другой разсчетъ—я хотѣла занять въ обществѣ мѣсто, какого не могла бы добиться, оставаясь въ Парижѣ. Я честолюбива, вотъ моя слабость“.

Она стала чувствовать, что хорошо владѣетъ языкомъ и манерами, какихъ требуетъ свѣтъ. Она стала думать о Юренькѣ. Юренькѣ только еще

десять лѣтъ. Она знала, что онъ ростетъ на свободѣ, все еще только подъ надзоромъ няньки. Но приходитъ пора, что надобно будетъ поручить его надзору образованнаго человѣка, гувернера или гувернантки, въ десять лѣтъ это еще все равно. Конечно, отецъ подумаетъ скорѣе о гувернерѣ. Но если онъ увидитъ въ домѣ дѣвушку, которая способна быть гувернанткою, которая очень расположена къ Юренькѣ, онъ разсудитъ, что на два, на три года Юренька можетъ быть порученъ гувернанткѣ. Два, три года—о, это довольно, чтобы заслужить въ обществѣ выгодную репутацію, пріобрѣсть множество знакомыхъ... Ея будущность была бы обезпечена. Какъ? Она не знаетъ, о какой возможности она больше думала: открыть пансіонъ, выйти замужъ; но такъ или иначе, она устроила бы себѣ хорошую будущность...

Но прямо высказать свое желаніе быть гувернанткою Юренькѣ — она слишкомъ хорошо понимала, что это невозможность. Какъ привыкъ думать о ней Викторъ Львовичъ? Онъ зналъ ее въ то время, когда она едва умѣла читать и по-русски. Она оставалась въ его мнѣніи дѣвушкою, которую нелѣпо и во снѣ увидѣть гувернанткою... Кромѣ того, что могъ онъ думать и о ея правилахъ? Онъ зналъ, что она уѣзжала въ Парижъ. Это не мѣшаетъ мнѣ уважать ее, потому что она теперь видитъ, мои предубѣжденія противъ нея разсѣялись, я уважаю ее, о, она не забудетъ этого! — она пожала мнѣ руку.—Но не всѣ такъ понимаютъ вещи, какъ я... Необходимо было, чтобы прежде увидѣли, каковъ ея характеръ, каковы ея правила. Только тогда могли бы не найти нелѣпостью, не называли бы наглостью ея желаніе, чтобы поручили ей Юреньку. Она должна была скрывать эту мысль.

Какимъ же образомъ могла она возвратиться къ семейству Илатонцевыхъ, чтобы увидѣли, что могутъ поручить ей Юреньку? Я могу осуждать. Она прибѣгла къ хитрости. Пусть я оеуждаю... Но... но... Нѣтъ, я не буду осуждать ее слишкомъ строго... О, когда она найдетъ силу разсказать мнѣ все, я не буду осуждать ее. Она не моралистка. Она не имѣетъ права быть моралисткою. Но она не вполнѣ согласна съ моимъ взглядомъ на увлеченія женщины. Онъ благороденъ. Онъ былъ бы и вѣренъ при другомъ общественномъ устройствѣ. Но при нынѣшнемъ... Нѣтъ, нѣтъ! Не дай Богъ никакой женщинѣ пользоваться правомъ свободы, которое принадлежитъ ей, какъ человѣку... о, слишкомъ много страданій...

Пріѣхавши въ Петербургъ, она узнала, что мѣсто, для котораго рѣшилась она сдѣлаться на время горничной, уже занято. Это было тяжелымъ ударомъ. Но—она переносила разочарованія, гораздо болѣе страшныя, и не падала духомъ. Вообще, ея положеніе не таково, чтобъ ей можно было унывать. У нея есть нѣсколько денегъ. Есть вещи на нѣсколько сотъ рублей. Дядя, въ случаѣ надобности, подѣлится съ нею всѣмъ, что имѣетъ. — она увѣрена; да и я вижу, вѣроятно, что онъ добрый человѣкъ. Полгода, больше, годъ, она можетъ прожить безъ нужды. А въ это время успѣетъ найти себѣ уроки въ пансіонахъ. Она хорошо говоритъ по-французски. Поучиться немножко, будетъ годиться и въ преподавательницы географіи, исторіи, — въ Парижѣ такая преподавательница показалась бы не довольно подготовленною, а въ Петербургѣ требованія не такъ высоки, не правда-ли?—О, теперь она не погибнетъ!

Пока мы живемъ въ деревнѣ, ей нѣтъ особенной непріятности быть горничною. Съ такою милою дѣвушкою, какъ Надежда Викторовна, эта должность не имѣетъ сама по себѣ ничего тяжелаго или скучнаго, не имѣетъ даже ничего унизительнаго,—я могу найти, что это чувство служанки — пусть такъ; но она не чувствуетъ себя униженной тѣмъ, что она прислуживаетъ Надеждѣ Викторовнѣ. Непріятно было-бъ остаться горничною только потому, что общество смотритъ на прислугу съ пренебреженіемъ. Но презрѣніе или уваженіе общества, которое собирается у насъ здѣсь, очень мало интересуетъ ее. Въ Петербургѣ она едва-ли встрѣтитъ кого-нибудь изъ этихъ людей. И если встрѣтитъ, они сами не очень важны тамъ. Она останется горничною пока мы живемъ въ деревнѣ: это полтора, два мѣсяца, — можно потерпѣть и должно, потому что надобно-жъ имѣть время списаться съ madame Lenoir. Madame Lenoir знала ея планъ — до сихъ поръ одна; я второй человѣкъ, съ которымъ она говоритъ откровенно. Другимъ нельзя говорить правду: да и не нужна имъ правда...

Я пожалъ ей руку. У васъ недостатокъ, Марья Дмитріевна, и очень важный: вы немножко слишкомъ хитры. Но я ото всей души полюбилъ васъ.

— Я хитра,—какъ же была бы я не хитра, Владиміръ Алексѣичъ?— грустно сказала она.—Я женщина; это значитъ, по вашимъ же словамъ, рабыня...

И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли осуждать ее за то, что она немножко интриганка, что она постаралась очаровать всѣхъ здѣсь? — Ее ждали съ готовностью завидовать, осуждать, вредить. Она молода, хороша собою. Ея прошедшее даетъ прекраснѣйшій матеріалъ для сплетенъ. Кто же, кому только угодно было бы подумать о ней со злобою, не догадался бы сообразить: „На два года уѣзжала жить одна — ого! — понимаемъ-съ! Ты мерзавка, моя душенька“, — и всѣ ослы и ослицы съ восхищеніемъ и негодованіемъ ревутъ: „мерзавка!“—и лягаются. А слава Богу, кромѣ ословъ и ослицъ, почти нѣтъ людей: тѣмъ и держится общественное благоустройство. Если бы на тысячу людей съ ослиными головами приходилось хоть по одному съ человѣческой, все погибло бы не болѣе какъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.

Я сталъ говорить Мери, чтобъ она не видѣла во мнѣ препятствія своему плану. Когда она пріобрѣтетъ такую репутацію, что будутъ готовы согласиться поручить ей Юреньку, я уступлю ей свое мѣсто. Для меня оно такъ неважно и ненужно, что я долго отказывался взять его; и не взялъ бы, если бы не случилось такъ, что для меня было все равно, гдѣ бы ни провести лѣто.

Она была удивлена, тронута; но твердо сказала, что не можетъ согласиться. Какое же сравненіе между нею и мною? Замѣна была бы во вредъ Юренькѣ. Она хочетъ пользы себѣ, но не со вредомъ для другихъ. Я сталъ говорить, что Юренька не потеряетъ, а выиграетъ. Для гувернантства нужна не ученость, а терпѣливость, внимательность и т. д. Она и теперь была бы недурною гувернанткою, а въ полтора, два мѣсяца приготовится быть очень хорошею, я ручаюсь ей въ этомъ. Она будетъ гораздо больше меня заботиться о Юренькѣ: это слишкомъ вознаградитъ за то, что у нея меньше знаній, чѣмъ у меня. Мы поспорили и разстались большими друзьями,—она, прося меня не

возобновлять разговора о Юренькѣ, я, обѣщаясь не возобновлять, пока она не убѣдится, что, уступая ей мѣсто, я не приношу никакой жертвы.

Конечно, она скоро увидитъ это. Тогда согласится. Она не можетъ не понимать, что Юренька не будетъ въ проигрышѣ. Она отказывается только изъ деликатности относительно меня; это ясно.

16. „Дайте мнѣ слово, что будете говорить отъ своего имени и не впутаете меня; тогда я скажу вамъ, что надобно устроить одно хорошее—или, лучше сказать, разстроить одно глупое и скучное“.—„Даю вамъ какое вамъ угодно слово“.—„Прекрасно. Думаю ли я, что эти безвыходные гости не надоѣли Надеждѣ Викторовнѣ“.—„Я не думалъ объ этомъ, Марья Дмитріевна. По веселому лицу Надежды Викторовны мнѣ казалось, что ей пріятно“.—Нѣтъ, навѣрное я ошибаюсь. Надежда Викторовна одолѣваетъ свою скуку, потому что думаетъ—гости пріятны ея отцу. А онъ воображаетъ, что ей весело съ ними. Его и моя ошибка естественна: молоденькая дѣвушка, еще не бывавшая въ свѣтѣ, какъ же не было весело ей. Но Надежда Викторовна не глупа и хоть неопытна, но имѣетъ хорошія привычки и врожденное отвращеніе отъ пошлости. День, два это общество могло занимать ее; теперь навѣрное наскучило. Она очень добра, потому вѣроятно еще не дала себѣ яснаго отчета о причинахъ своей скуки съ этими людьми; ея чистому сердцу мудрено сознавать дурныхъ дурными. Но она инстинктивно тяготится ими. Пусть же я намекну Виктору Львовичу, чтобъ онъ спросилъ у дочери, пріятна ли ей эта толкотня.—„Хорошо, я скажу ему, и думаю, что вы правы. Но почему вы не хотите сказать ему сама?“—„Вы забываете щекотливость моего положенія въ этомъ домѣ. Мнѣ неловко напрашиваться на вниманіе“.—Въ этомъ она совершенно права.

17. Мери была очень довольна, что ея догадка о скукѣ Надежды Викторовны оказалась вѣрною. Ободренная удачею, пустилась въ строеніе маленькихъ плановъ о томъ, какъ и чѣмъ Викторъ Львовичъ можетъ доставить удовольствіе Надеждѣ Викторовнѣ. Все это мелочи, но очень милыя, и кромѣ наблюдательности обнаруживаютъ въ Мери искреннюю заботливость о Надеждѣ Викторовнѣ. Мнѣ кажется, что особенно милъ проектъ Мери убрать одну изъ бесѣдокъ въ саду такъ, чтобъ она по возможности походила на комнату, въ которой Надежда Викторовна жила у Madame Lenoir. Главное тутъ—плющъ и виноградъ. Мери разсчитывала: въ залахъ довольно плюща; въ оранжереѣ есть всѣ другія растенія, какія нужно. Викторъ Львовичъ былъ у m-me Lenoir, долженъ помнить комнату дочери, съумѣетъ убрать бесѣдку.

За обѣдомъ оставались только Дедюхины. Вечеромъ и они убрались.

Алина Константиновна не замедлила почувствовать огорченіе, близкое къ отчаянію. Въ домѣ остались только Викторъ Львовичъ, Надежда Викторовна, Юренька, Алина Константиновна съ Федоромъ Данилычемъ, я, Мери, Иванъ Антонычъ, двѣ горничныхъ Алины Константиновны,—десять человѣкъ на такой домъ! Пустыня! Ужасно! Одно спасеніе бѣдняжкѣ: приняться разъѣзжать по сосѣдямъ. И то плохая перспектива: на пятьдесятъ верстъ кругомъ или небогаты или скупы: гдѣ найдешь веселье, т.-е. толпу.

18. Надежда Викторовна пошла гулять; Викторъ Львовичъ, набравъ народу, сталъ устраивать изъ бесѣдки провансальскую комнату. Но увидѣлъ,

что слишкомъ понадѣялся на свою память. Пришлось нести плющъ и все на прежнія мѣста, чтобы Надежда Викторовна не догадалась, чтобы не испортить сюрприза.—Я оставилъ своею собственностью мысль объ этомъ сюрпризѣ; Мери было непріятно, что ей пришлось помогать мнѣ въ осуществленіи „моего“ проекта. Но она понимала, что невозможно отказаться, потому и не отговаривалась. Потомъ, когда мы съ нею остались одни, видно было, что еслибъ она предполагала эту развязку, она и не стала бы говорить о провансальской комнатѣ. Немножко побранивъ меня, созналась, впрочемъ, что я не виноватъ.

19. Викторъ Львовичъ увезъ Надежду Викторовну кататься. Къ возвращенію ихъ провансальская комната была готова. Надежда Викторовна была въ восторгѣ отъ сюрприза. Въ самомъ дѣлѣ, эта комната напоминаетъ ей беззаботные годы полудѣтской жизни, полные счастья.

20. Пріѣзжалъ Дедюхинъ—звать Виктора Львовича въ гости! О, восхитительная твердость характера, свойственная только русскимъ людямъ. Иностраннымъ подлецамъ далеко до нашихъ: не имѣютъ такой непоколебимой наглости, очаровательной своею безъискусственностью. Въ Европѣ подлецъ выучивается быть подлецомъ; у насъ—родится.

Хорошо, что милая Надежда Викторовна не можетъ понимать этихъ мошенничествъ. Она совершенно спокойно спрашивала отца о томъ, какъ онъ провелъ время у Дедюхиныхъ. Онъ, чтобы отдѣлаться отъ разговора о нихъ, попросилъ меня сѣсть играть въ шахматы и былъ такъ разсѣянъ, что проигралъ всѣ партіи. Это немножко примирило меня съ нимъ: по крайней мѣрѣ стыдится.

21. Мери спросила, слышалъ ли я о Власовыхъ. — Нѣтъ, кто это?— Небогатые помѣщики, живутъ верстахъ въ двадцати отъ насъ; жена и мужъ; недавно повѣнчались; ей лѣтъ девятнадцать; „сколько я могу судить по слухамъ, это очень хорошіе люди, Владиміръ Алексѣичъ“. Изъ этого, конечно, слѣдовало, что я долженъ посовѣтовать Виктору Львовичу познакомиться съ ними, для Надежды Викторовны; „по всей вѣроятности, она и Власова понравились бы другъ другу“. Имѣть толпу дрянныхъ гостей—это скучно. Но не имѣть хорошихъ знакомыхъ, не видѣть никого, кромѣ своихъ домашнихъ— это монотонно. Надежда Викторовна не соскучится съ отцомъ и братомъ, съ музыкою, книгами и прогулками. Но и добрая подруга—не лишнее для нея, милой;— „я слышала, Владиміръ Алексѣичъ, что Власова бойкая, живая, веселая, — это очень нравится мнѣ за Надежду Викторовну“. — „Въ самомъ дѣлѣ, у васъ доброе сердце, Марья Дмитріевна, и сильна привязанность къ Надеждѣ Викторовнѣ“. — „Какъ судить о моемъ сердцѣ, я иногда сама не знаю, Владиміръ Алексѣичъ“, сказала она задумчиво. „Я очень много думаю о томъ, чтобы хорошо устроить свою жизнь; но безъ необходимости не хочу дѣлать вреда никому; мнѣ гораздо пріятнѣе пріобрѣтать расположеніе людей, нежели заслуживать ихъ вражду... До сихъ поръ, кажется, я и не дѣлала зла никому... Думаю и впередъ съумѣю избѣгать этого... Въ Парижѣ, мой путь былъ очень скользокъ въ этомъ отношеніи: легкомысліе, мотовство—эти дурныя качества слишкомъ легко развиваются, когда дѣвушка пренебрегаетъ тѣмъ, что вы называете предразсудкомъ... А изъ этого возникаютъ интриги, обманы... Сорятъ деньгами и алчны до нихъ... Разоряютъ глупцовъ... Что

вы ни говорите о предразсудкахъ, я слишкомъ испытала, что опасно пренебрегать ими... Но я имѣла разсудокъ — или можетъ быть доброе сердце — удерживаться отъ слишкомъ дурного... Я увлекалась, потомъ дурачилась, — но я не разорила никого, и кажется не была вредна никому, кромѣ самой себя... Думаю, что теперь для меня будетъ еще меньше искушеній быть вредною кому-нибудь... Я думаю, этого еще мало, чтобы сказать обо мнѣ, что у меня доброе сердце. У кого оно доброе, у тѣхъ мало эгоизма... Вы слишкомъ расположены ко мнѣ, Владиміръ Алексѣичъ; ахъ, если бы вы всегда сохранили ваше нынѣшнее мнѣніе... Не знаю, сохраните ли вы его. Но въ томъ, что я люблю Надежду Викторовну, вы не ошибаетесь, это я смѣло говорю по чистой совѣсти...“ — „Въ вашихъ порицаніяхъ своему характеру есть правда, Марья Дмитріевна; но все равно, я люблю васъ“. — Она засмѣялась: „Я знаю это и по совѣсти не нахожу это незаслуженнымъ; вамъ и слѣдуетъ любить меня: съ вами я очень чистосердечна“, она засмѣялась: „очень чистосердечна“. Это значитъ еще не совсѣмъ. Но погодите, я раскрою вамъ всю свою душу, и я думаю, это будетъ довольно скоро“. — „И я думаю такъ, Марья Дмитріевна. Мы дружимся не на шутку. А кстати, о дружбѣ и чистосердечіи: убѣдились ли вы, что съ моей стороны не очень велика дружба уступать вамъ свое мѣсто при Юренькѣ? Что я былъ совершенно чистосердеченъ, говоря вамъ: пожертвованіе неважное для меня?“ — „Почти убѣдилась“. — „И будете гувернанткою Юреньки?“ — „Не отказываюсь, но и не говорю: да. Посмотримъ. Вы согласитесь, время еще терпитъ. Посмотримъ, что будетъ“. — „Это значитъ, вы уклоняетесь отъ разговора? Это значитъ, вы еще не совсѣмъ увѣрены въ искренности моего расположенія?“ — „Въ искренности, совершенно; въ прочности—нѣтъ. Мы еще такъ недавно знакомы“, отвѣчала она, смѣясь, и ушла.

22. Викторъ Львовичъ поѣхалъ съ визитомъ къ Власовымъ и возвратился вмѣстѣ съ ними. Они обѣдали у насъ и уѣхали уже позднимъ вечеромъ. Дѣйствительно, очень порядочные люди. Онъ не блистательнаго ума, но не глупъ; честнаго образа мыслей. Она не красавица, вовсе не красавица. За то, проста, безъ малѣйшей мысли интересничать. Искренно любятъ другъ друга. Завтра Надежда Викторовна поѣдетъ къ нимъ.

23. Алина Константиновна объявила, что завтра ѣдетъ въ Петербургъ. Рыскала, рыскала по сосѣдямъ—всѣ прекраснѣйшіе люди, потому что у нея всѣ люди одинаково прекрасны, а все-таки не можетъ дальше выносить своего отчаянія. Нигдѣ нѣтъ столько шума и толкотни, сколько нужно ей. Федоръ Данилычъ также сталъ укладываться въ дорогу. Не предвидятъ они, какой ударъ поразитъ ихъ. Сказать имъ заранѣе, Алина Константиновна успѣла бы пролить столько слезъ, что всѣ мы промочили бы ноги, оправдываетъ свое коварное молчаніе Викторъ Львовичъ.

24. Алина Константиновна вбѣжала къ Виктору Львовичу въ слезахъ: „Братецъ! Вы не отпускаете Федора Данилыча со мною! Братецъ, отпустите!“ — „Нельзя, Алина Константиновна; пусть подождетъ до послѣ завтра; всего только два дня: принесите эту жертву“. — „Это выйдетъ не два дня, братецъ, а всю дорогу врозь, это цѣлая недѣля“. — „Нельзя иначе, Алина Константиновна“. — „Почему же нельзя братецъ? Почему вы не позволяете

ему ѣхать со мною?“ — „Потому что вы дѣвушка, сестрица. Вы заботитесь о вашей репутаціи, никому не говорите, какъ любите Федора Данилыча, не правда ли?“ — „Правда, братецъ, я знаю, что надобно молчать, потому что я дѣвушка“. — „А если бы вы ѣхали вмѣстѣ съ нимъ, всѣ стали бы видѣть, какъ вы его любите, не правда ли?“ — „Правда, братецъ“. — „Теперь видите сама, что не годится вамъ ѣхать вмѣстѣ?“ — „Понимаю, братецъ: ну такъ и быть, поѣдемъ врозь“. — И о такой женщинѣ всѣ говорятъ и самъ я думалъ: „дура“ — какая несправедливость. Ахъ, если бы всѣ были такъ понятливы и такъ разсудительны!

25. Странно, почему я лѣнюсь. Пока не хотѣлось приниматься за работу были прекрасные резоны лѣниться: сначала все горевалъ по Анютѣ; потомъ раздумывалъ, стоитъ ли горевать, какая тутъ охота работать, когда человѣкъ занятъ такими ужасными страданіями, размышленіями? Едва началъ постигать, что не стоитъ и раздумывать о томъ, стоило ли горевать, пріѣхали новые люди, надобно было всмотрѣться, съ кѣмъ приходится жить, въ этомъ прошло дня два, три; потомъ заинтересовала дружба Мери, и за эти дни нечего претендовать на себя, что не работалъ. Но вотъ уже съ недѣлю, отношенія мои къ Мери установились, и я не ломаю головы надъ разгадываніемъ ея характера. На сердцѣ легко, мысли не заняты ничѣмъ, можно бы работать, кажется. И работаю, но такъ вяло, что во всю эту недѣлю не написалъ столько, сколько можно бы въ одинъ день. И добро бы нравилось лѣниться; нѣтъ, скучаю тѣмъ, что лѣнюсь; а нѣтъ одушевленія работать. Скучно — сажусь писать; черезъ четверть часа — скучно писать, бросаю и ложусь или ухожу гулять, или зову Виктора Львовича играть въ шахматы. Нельзя играть въ шахматы цѣлый день, нельзя гулять цѣлый день; и лежать слишкомъ долго — бока болятъ; опять думаешь: „скучно, примусь за работу“, и опять та же исторія! Что за нелѣпая исторія? Пробовалъ взглядывать на нее съ такой точки зрѣнія: „да ужъ не влюбленъ-ли я въ своего друга. Мери?“ самое хорошее объясненіе, при немъ все понятно. Но нѣтъ, какъ ни изобличаю себя, не могу найти въ себѣ ничего, кромѣ дружбы къ этой милой и благородной дѣвушкѣ: сижу съ нею, хорошо; разошлись — забылъ о ней: въ головѣ Петербургъ, журналистика, наши либералы — и Волгинъ, съ вялою насмѣшкою говорящій: „Эхъ вы! — ну какое пиво сваришь съ этою сволочью?“ и возражаешь Волгину: „гдѣ же, когда же общество не было толпою сволочи? А между тѣмъ порядочные люди всегда и вездѣ работали“. — „Натурально, по глупости: всегда и вездѣ умные люди были глупы, Владиміръ Алексѣичъ: что за радость толочь воду?“ продолжалъ Волгинъ свои вялые сарказмы. „Исторія движется не тѣмъ, не мыслями и работою умныхъ людей, а глупостями дураковъ и невѣждъ. Умнымъ людямъ не для чего тутъ мѣшаться: глупо мѣшаться не въ свое дѣло, повѣрьте“. Отвѣчаешь ему и на это: „Вопросъ не въ томъ, умно-ли мѣшаться, а въ томъ, можешь-ли не мѣшаться? Умно-ли моему тѣлу дрожать отъ холода, умно-ли моей груди чувствовать стѣсненіе въ удушающемъ газѣ? — Глупо: лучше бы для меня, еслибъ иначе; но такова моя природа: дрожу отъ холода, негодую на подлость и если нечѣмъ пробить стѣну душной тюрьмы, буду биться въ нее лбомъ, — пусть она не пошатнется, такъ хоть онъ разобьется — все-таки, я въ выигрышѣ“.

Вижу вялую улыбку, вижу покачиваніе головы: „Эхъ, Владиміръ Алексѣичъ, натурально въ этомъ смыслѣ вы говорите справедливо; но повѣрьте, не стоитъ имѣть такія чувства“. — „Не въ томъ дѣло, стоитъ-ли имѣть, а въ томъ, что имѣешь ихъ“.

И въ такихъ размышленіяхъ проходитъ время, не безъ скуки, это правда, но и не безъ удовольствія бранишь себя за то, что проводишь время такъ безсмысленно.

26. Нечего записать, кромѣ того, что Федоръ Данилычъ уѣхалъ соединиться съ Алиною Константиновною.

27. Сидѣлъ и читалъ. Слышу, крадется, конечно Мери, некому кромѣ: въ домѣ осталось только два человѣка въ башмакахъ: она и Надежда Викторовна; съ Надеждой Викторовною мы не такъ дружны, да и характеръ у нея не такой, чтобы она вздумала шалить. Но что это вздумалось Мери? До сихъ поръ она держала себя со мною такъ же солидно, какъ я съ нею. Пусть однако удастся ей шалость, если пришла фантазія. Я притворился, будто не слышу. Она подкралась и закрыла мнѣ глаза руками.—„Не могу отгадать, кто: вы, Марья Дмитріевна, или вы, Надежда Викторовна... Вы Марья Дмитріевна?“ —Она засмѣялась.— „Знаете ли почему я закрыла вамъ глаза? Потому, что они безполезны вамъ: вы и съ открытыми глазами слѣпой“.— „Будто?“ —„Совершенно слѣпой“. Я взялъ ея руки: „Вотъ, вамъ урокъ не быть впередъ такою безстрашной“, я поцѣловалъ миленькія, нѣжныя ручки. „Пожалуй, цѣлуйте, теперь мнѣ это не страшно“.—„А прежде, было бы страшно?“ —„Я не такъ сказала, было бы опасно“.—„Вотъ что!“ —„Не шутя“.—„Вы боялись, что если не будете гасить моихъ страстей вашею холодностью, то и сама можете вспыхнуть?“ —„Не вспыхнуть, а стать не совсѣмъ холодною“.—„О, это было бы страшное несчастье!“ —„Не страшное несчастье, а лишнее, хотя и маленькое страданіе“.—„Но теперь опасность миновала!“ — „Миновала“.—„Радуюсь и поздравляю“.—„Ахъ, не радуйтесь и не поздравляйте! Вмѣсто прежней опасности, намъ грозитъ другая, гораздо болѣе вѣрная, неизбѣжная“.—„Какая же, если не слишкомъ ужасно сказать?“ —„Мы поссоримся,—или не такъ: я не разлюблю васъ, но вы разлюбите меня“.—Мнѣ показалось, будто она сказала это не совсѣмъ шутя. Что могла она думать при этомъ? Одно: я стану ухаживать за нею, она принуждена будетъ сказать, что я милъ ей, какъ другъ, но не какъ поклонникъ; я огорчусь и обижусь. Но если она думала это, зачѣмъ же она позволила себѣ ласковую шалость, которая могла бы заставить мою кровь волноваться, если бы я дѣйствительно былъ расположенъ волочиться? Развѣ для того именно, чтобы увидѣть, расположенъ ли я къ этому; чтобы видѣть, въ самомъ ли дѣлѣ ей надобно отходить подальше отъ меня? Или, быть можетъ, она подумала, что держать себя холодно со мною—это можетъ казаться мнѣ осторожностью, опасеніемъ съ ея стороны, и быть можетъ опасеніемъ съ ея стороны не за мои только чувства, но и за свои? Можно было и это вывести изъ ея же словъ: она шалитъ со мною, я долженъ понять изъ этого, что она совершенно равнодушна ко мнѣ.

Такъ я понялъ и сказалъ на ея, будто бы, шутливое предвѣщаніе ссоры: „Ваше дурное предсказаніе не сбудется. Я всегда буду любить васъ точно такъ же, какъ теперь“.—„Это было бы очень хорошо“, проговорила она за-

думчиво и чрезвычайно серьезно.—„Мнѣ кажется, что я понимаю ваши мысли, Марья Дмитріевна; и ручаюсь вамъ: никогда не подамъ вамъ повода къ ссорѣ".—„Я увѣрена въ этомъ", отвѣчала она и стала говорить о томъ, что она прочла нынѣ и что было не совсѣмъ понятно для нея въ прочтенномъ.

28. Нѣтъ сомнѣнія, что я хорошо отгадалъ смыслъ вчерашней шутки Мери. Она стала держать себя со мною опять безъ всякой шаловливости. Искренность и серьезность моего увѣренія успокоила ее за мой разсудокъ.

29. Въ эти четыре дня прошелъ, вѣроятно, больше сорока верстъ, съигралъ безъ сомнѣнія больше сорока партій въ шахматы, прочиталъ больше сорока глупыхъ статей въ журналахъ и написалъ меньше четырехъ страницъ статьи, которая не будетъ отличаться живостью, если вся будетъ похожа на эти страницы,

30. Утро началось разсвѣтомъ; потомъ взошло солнце, я не видѣлъ этого, но думаю, что было такъ. Прошедши по небу, какъ слѣдуетъ, солнце закатилось; послѣ того стало смеркаться; послѣ того наступила ночь; это положительные факты, я былъ очевидцемъ.

31. Развязка вчерашняго ряда достопримѣчательныхъ событій—въ привычное время захотѣлось мнѣ спать; я легъ и заснулъ. Проснувшись нынѣ, увидѣлъ, что уже день и по всѣмъ примѣтамъ давно день. Послѣ того достопримѣчательныя событія повторялись во вчерашнемъ порядкѣ.—Однако же, какимъ юмористомъ становлюсь я. Тонко, умно, ѣдко. Счастлива публика, у которой будетъ такой писатель.

Августъ.

1. Дѣйствительно, глупѣю, очень успѣшно.

2. Ѣздилъ съ Викторомъ Львовичемъ и Надеждой Викторовною къ Власовымъ. Власова сказала мнѣ, что не можетъ довольно нарадоваться на то, какой добрый и внимательный отецъ Викторъ Львовичъ. Это правда: со времени отъѣзда Алины Константиновны онъ почти не разстается съ дочерью.—„Я вполнѣ уважала бы его, если бы не связь его съ Дедюхиною".—Эта связь роняетъ его и въ моихъ глазахъ; но онъ держитъ себя лучше прежняго. Вотъ уже съ недѣлю, или больше, Дедюхина не показывается къ намъ и не присылаетъ мужа за Викторомъ Львовичемъ.—„Не можетъ быть!"—Такъ.—„Неужели такъ?"—Такъ. Вѣроятно, онъ запретилъ ей дѣлать скандалъ.—„О, если бы такъ! Я почти простила бы ему! Пусть Дедюхина грабитъ его—это не такая важная потеря для дѣтей, какъ то, что она своимъ нахальствомъ унижала его въ глазахъ Надежды Викторовны!"—Вы думаете, что Надежда Викторовна понимала ея отношенія къ нему?—„Не знаю, Владиміръ Алексѣичъ; это очень трудно сказать. Наглость этой госпожи была такъ велика, что я думала, невозможно, чтобы Надина не понимала. Но кажется, нѣтъ".—И я думаю, что Надежда Викторовна не понимала: ея мысли такъ далеки отъ всего подобнаго, что ей трудно понимать что-нибудь дурное.

3. Болтовня и дѣльные разговоры съ Мери, шахматы и прогрессивная болтовня съ Викторомъ Львовичемъ. Тутъ же перекинемся словомъ, другимъ съ

Надеждой Викторовною,—читаешь, гуляешь,—между этихъ дѣльныхъ занятій прибавишь къ начатой статьѣ два, три десятка строкъ: чѣмъ же это не жизнь, достойная человѣка?

4. Но въ самомъ дѣлѣ, странно то, что нѣтъ недостатка въ охотѣ работать, а работа идетъ вяло.

5. Получилъ записку—отъ Дедюхиной! Она проситъ меня къ себѣ! Что за притча?—Викторъ Львовичъ уѣхалъ кататься съ Надеждой Викторовною. Надобно ждать, пока пріѣдетъ—нельзя отвѣчать, не зная, въ чемъ дѣло: можетъ быть и надобно поѣхать. А гораздо менѣе непріятности было бы перепачкаться въ навозѣ. Велѣлъ сказать, что пришлю отвѣтъ послѣ обѣда, если не пріѣду самъ.

Не отказалъ ли онъ ей отъ должности?—Это одно объясняло бы ея записку: она приписывала бы разрывъ моему вліянію и разсудила бы, что надобно дать мнѣ взятку. Но нѣтъ, не вѣрится, чтобъ у него достало силы оторваться отъ этой красивой и наглой женщины.

Достало: разрывъ, полный, безвозвратный. Совѣстливость дала ему силу.

Онъ чрезвычайно совѣстливъ, это я зналъ. Но онъ удивилъ меня тѣмъ, какъ стыдился во время нашего разговора объ этомъ. Другой думалъ бы, что ему ужъ нечего стыдиться, когда онъ превозмогъ свою слабость. Кто, побѣдивъ пошлую страсть, продолжаетъ стыдиться за прошлое, тотъ принуждаетъ своею скромностью прощать ему это прошлое.

— Взгляните, Викторъ Львовичъ, и скажите, зачѣмъ я понадобился Зинаидѣ Никаноровнѣ Дедюхиной!

Онъ страшно смутился; торопливо пробѣжалъ записку, прочелъ ее въ другой разъ, медленно. Нѣсколько времени молчалъ.

— Я написалъ ей, что наши отношенія не могутъ продолжаться—вы знаете почему.

— Я очень радъ за Надежду Викторовну. Вы хорошій отецъ Викторъ Львовичъ.

Онъ опять довольно долго молчалъ.

— Хорошій, говорите вы?—Не знаю... Но я люблю Наденьку.

Послѣ того онъ сталъ говорить легче, смѣлѣе.—Дедюхина писала ему. Онъ пересталъ принимать письма. Она подсылала шпіоновъ, шпіонокъ, разузнавать отъ нашей прислуги о причинѣ разрыва. Вѣроятно, она узнала теперь все, что ей нужно—или убѣдилась, что не можетъ узнать уже ничего, кромѣ того, что знаетъ. Она полагаетъ, что она увидѣла невозможность занять свою прежнюю должность при немъ, но ей не хочется отказаться отъ надежды,—она зоветъ меня затѣмъ, чтобы посмотрѣть, не найдетъ ли въ моихъ словахъ чего-нибудь въ подкрѣпленіе своимъ планамъ—вѣроятно, у нея есть какіе нибудь планы...

— Проще сказать, Викторъ Львовичъ, она хочетъ подкупить меня.

— Да, да! Это такъ!—подхватилъ онъ. Она думаетъ подкупить васъ! Но прошу васъ, поѣзжайте къ ней: разговоръ съ вами скорѣе всего можетъ убѣдить ее, что ей надобно оставить меня въ покоѣ, что я не поддамся никакимъ ея хлопотамъ, не хочу и не могу поддаться!

Это показалось мнѣ справедливымъ. Я сказалъ, что поѣду.

Часъ ночи. Благородная, великодушная дѣвушка, дѣвушка съ безтрепетною душою, но подружившаяся съ человѣкомъ, недостойнымъ ея отважной самоотверженности. Я былъ непростительно безпеченъ. Въ нашемъ домѣ всѣ знаютъ меня за честнаго человѣка; правда; не извинительно мнѣ было не думать о томъ, что не всѣ кругомъ насъ могутъ или захотятъ руководиться мнѣніемъ живущихъ съ нами. Чѣмъ благороднѣе и отважнѣе дѣвушка, тѣмъ заботливѣе должно оберегать ее отъ злословія. Я не помнилъ этой обязанности.

Она помнила о постороннихъ. Она знала, какъ думаютъ они о нашихъ отношеніяхъ. Она давно предсказала мнѣ то, что я услышалъ теперь. Когда былъ этотъ разговоръ? Еще 27 числа.— „Вы разлюбите меня, Владиміръ Алексѣичъ“. Я не понялъ тогда, я перетолковалъ тогда эти слова нелѣпымъ образомъ. Теперь они ясны. Она не хотѣла сказать мнѣ яснѣе, потому что безстрашно рѣшила отдавать себя на жертву злословію, лишь бы не отнимать у меня и у себя чистаго наслажденія нашею дружбою, не отдалять меня отъ себя, пока я самъ не пойму, что долженъ отдалиться отъ нея. Она хотѣла, чтобъ я не понялъ ея тогда, но чтобы сказаны были слова, на которыя могла бы она сослаться, когда я скажу ей: „отдалимся другъ отъ друга“,—я знаю ее, я знаю, какой отвѣтъ она дастъ мнѣ; „это не новость для меня, Владиміръ Алексѣичъ; вспомните—я предсказывала, что вы услышите, если я теперь отвѣчаю вамъ, что не надобно измѣнять нашихъ отношеній, это не порывъ экзальтаціи, это давнишнее, хладнокровное мое мнѣніе. Вспомните, я говорила тогда: „вы разлюбите меня, а я не разлюблю васъ“.— Вы разлюбите меня — это значитъ: вы захотите отдалиться отъ меня. А я не разлюблю васъ—это значило тогда и теперь значитъ: я не считаю нужнымъ, чтобы отдалялись отъ меня. Останемся близки попрежнему“. Я знаю, она скажетъ мнѣ это. Добрая, нѣжная, безстрашная! Какъ я люблю ее за это!

И когда она увидѣла, что пришло мнѣ время услышать, какъ думаютъ о насъ, и рѣшить, что я долженъ отдалиться отъ нея, съ какимъ безграничнымъ довѣріемъ она захотѣла показать мнѣ всю нѣжность своей дружбы! Съ какимъ великодушіемъ она рѣшилась приласкать меня на прощаньѣ, чтобы обратить прощанье въ залогъ продолженія нашей близости, чтобы силою ласки крѣпче прежняго приковать насъ другъ къ другу, чтобъ у меня недостало воли оторваться отъ нея!

Но нѣтъ, мы простились—не съ нашимъ чувствомъ: съ нимъ намъ нѣтъ надобности прощаться, но съ нашими прежними отношеніями.

Иванъ Антонычъ вошелъ ко мнѣ сказать, что лошади готовы; я взялъ фуражку; вошла Мери.

— Я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ, Владиміръ Алексѣичъ. Дядя, вы уйдите: это секретъ.

— Охъ, ты, шутница, секретница!—сказалъ добрякъ, лукаво покачавъ головою, и ушелъ, довольный тѣмъ, что и онъ умѣетъ подшутить. Но я видѣлъ, что она печальна.

— Вы говорили поутру, что не хотите ѣхать къ Дедюхиной, а теперь, дядя сказалъ мнѣ, вы ѣдете къ ней?

— Да, Марья Дмитріевна: а не хотѣлось бы.

– Не хотѣлось бы и мнѣ, чтобъ вы ѣхали,—грустно, грустно мнѣ, Владиміръ Алексѣичъ... Но раньше или позже, вы должны были узнать то, что̀ услышите отъ нея... Помните, я будто шуткою сказала вамъ, что боюсь, вы разлюбите меня? Это время пришло, вы вернетесь уже разлюбивши меня. Но я хочу,—она взяла меня за руку, улыбаясь грустно:—я хочу, чтобы вы узнали прежде, какъ нѣжна моя привязанность къ вамъ, какъ опечалитъ меня, когда вы разлюбите меня, и можетъ быть это отниметъ у васъ силу разлюбить меня,—ея голосъ перерывался,—я обниму васъ на прощанье, мой добрый другъ, и пусть оно не будетъ прощаньемъ!—Она тихо обняла и поцѣловала. Но обнимите жь и вы меня, пока я еще такъ же мила вамъ, какъ вы мнѣ.

Ея слезы катились по моимъ щекамъ; и я плакалъ: такъ печальна была ея нѣжная ласка.

— Марья Дмитріевна, вы напрасно огорчаете меня вашимъ сомнѣніемъ: я знаю васъ, я не могу услышать ничего, что̀ имѣло бы силу измѣнить мое чувство къ вамъ, все равно, что ни услышалъ бы я, я буду попрежнему уважать и любить васъ.

— Хорошо,—сказала она съ грустною шутливостью.—Вы дали мнѣ слово, что не разлюбите меня—я спокойна и отпускаю васъ. Идите, я провожу васъ.

Я шелъ по комнатамъ, сошелъ—уже одинъ—съ крыльца, сѣлъ въ экипажъ, все какъ будто въ просонкахъ; она стояла на крыльцѣ, провожала меня глазами, пока экипажъ повернулъ за уголъ сада... и я все смотрѣлъ на нее и во мнѣ было такое чувство, будто я уѣзжаю отъ нея далеко, надолго...

Мыслей сначала не было: тяжелая, смутная грусть подавляла, туманила ихъ. Она смѣнилась досадою на Мери, когда я очнулся: еще досаднѣе было мнѣ на самого себя. Какъ не совѣстно ей послѣ столькихъ разговоровъ со мною все еще опасаться, что какое-нибудь злословіе о какомъ нибудь—можетъ быть и очень легкомысленномъ или нескромномъ ея приключеніи въ Парижѣ—можетъ ослабить мое уваженіе къ ней? И какъ неделикатно и глупо я сдѣлалъ, что, расчувствовавшись, серьезно возражалъ, вмѣсто того, чтобы строго сказать: „Вамъ стыдно такъ думать обо мнѣ, а мнѣ обидно, что вы такъ думаете обо мнѣ“. Выговоръ былъ бы гораздо умнѣе патетическаго возраженія.

Но если я поступилъ глупо, давъ разъиграться этому патетическому прощанію, то опасеніе Мери было очень естественно: очень легко говорить „я выше предразсудковъ и ничто не безчестное для мужчинъ не можетъ уронить въ моемъ мнѣніи женщину“,—предразсудокъ очень силенъ и нельзя мнѣ сердиться на Мери за то, что она еще не совершенно убѣждена въ моей неподвластности ему. Викторъ Львовичъ долженъ знать, что Мери была авантюристкой — онъ могъ проговориться—невѣроятно, чтобъ онъ не проговорился Дедюхиной: Дедюхина будетъ озлоблена, будетъ язвить всѣхъ въ нашемъ домѣ, всѣхъ до послѣдняго поваренка, и Мери будетъ подвертываться на языкъ ей, и на кого же не производитъ впечатлѣнія искусная клевета, основанная на правдѣ, которая сама по себѣ уже не очень выгодна? Я не могъ долго сердиться на Мери за ея опасеніе и сцена нашего прощанія снова стала очаровывать меня. Какъ мила, какъ нѣжна наша дружба съ Мери... Какъ мы оба плакали...

Если бы кто подсмотрѣлъ, какъ мы обнялись и плакали, подумалъ бы, что это любовная сцена.

Какъ блеснула у меня эта мысль, она освѣтила все. Вотъ о чемъ говорила Мери. Такъ, наша дружба должна казаться любовною связью глазамъ всѣхъ, не знающихъ насъ хорошо, или желающихъ думать или сказать что нибудь во вредъ намъ. Безпечный, непростительно безпечный, я не хотѣлъ понимать этого! Я воображалъ, что Мери опасается, не уменьшится ли мое расположеніе и уваженіе къ ней отъ злословія о ея парижской вѣтренности, а она думала о томъ, что я отдалюсь отъ нея, когда услышу, что наша короткость подаетъ поводъ къ злословію...

Это опасеніе вѣрное—оно оправдается...

Я сталъ жалѣть о томъ, что долженъ держать себя далеко отъ Мери: сталъ злиться на предразсудки, пошлость, подлость людей, которые не способны понимать ничего сколько-нибудь честнаго, и благодаря неистощимости этой темы для размышленій не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до резиденціи госпожи Дедюхиной.

Черезъ дворъ отъ дома къ службамъ бѣжала баба съ вѣникомъ подъ мышкою, она догоняла мужчину въ халатѣ. Мужчина оглянулся на стукъ экипажа и оказался г. Дедюхинымъ. Впрочемъ, пора спать.

6. Окончаніе вчерашняго. „Владиміръ Алексѣичъ, вы? Жена заждалась васъ“, крикнулъ Дедюхинъ и повернулъ къ моему экипажу. Кучеръ остановился. „Меня вы извините, иду въ баню“, кричалъ Дедюхинъ, и увидѣвши бабу съ вѣникомъ, объяснился съ нею, на походѣ ко мнѣ: „А Настя?“—„Нейдетъ, Петръ Кириллычъ“, отвѣчала баба. „Ахъ, она бестія“, воскликнулъ баринъ: „Что жъ она нейдетъ? Что жъ она говоритъ?“—„Не хочу, говоритъ; некогда, говоритъ“, отвѣчала баба.—„Бестія! совсѣмъ отъ рукъ отбилась“, съ негодованіемъ произнесъ баринъ и, укрощаясь отъ гнѣва, промолвилъ бабѣ: „Ну, иди себѣ, а я вотъ минутку поговорю съ гостемъ“.—„Мое почтеніе, Викторъ Алексѣичъ“, возобновилъ онъ разговоръ со мною, подходя къ экипажу и облокачиваясь: „Вы къ женѣ, а не ко мнѣ собственно, такъ, можетъ быть, извините меня, что пойду, помоюсь“.—„Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь“.—„А, каково мое положеніе въ домѣ?“ началъ онъ, снова проникаясь негодованіемъ: „это называется баринъ, это называется мужъ! Просто, стыдъ! Слышали, какъ уважаются мои приказанія? И кѣмъ же? Моею любовницею! Она любовница моя! Хороша любовница! Въ недѣлю дай Богъ разъ залучить ее къ себѣ! Некогда—вотъ тебѣ и весь сказъ! И не смѣю ничего сдѣлать съ нею! Попробуй ударить—по щекамъ отхлещетъ, шельма—это барина-то! и взыску съ нея не будетъ!—„Некогда“,—„не хочу“,—слышали самъ, не я выдумалъ. Да она еще не то сказала, я знаю. Только ужъ бабѣ-то было стыдно передавать мнѣ, барину, такія слова при постороннемъ гостѣ! Я знаю, что она сказала. „Мыть-то его пойду? Много чести. Я не Сашка или не Дунька какая-нибудь, чтобы мнѣ его мыть. Пусть-ко онъ меня мостъ—ну, такъ пойду“. Вотъ видите, и принужденъ переколачиваться кѣмъ Богъ дастъ!—Сашенька, душенька, иди въ баню-то, пожалуйста! А?“—закричалъ онъ дѣвушкѣ въ старенькомъ, дрянномъ ситцевомъ платьѣ, показавшейся на крыльцѣ. „Видите, иду, Петръ Кириллычъ“, отвѣчала дѣвушка,

сходя съ крыльца, и направилась къ банѣ.—„Ну, и прекрасно. А то некому-бы и помыть“.—„Но та женщина, съ вѣникомъ уже тамъ,—было бы кому помыть и безъ этой“, замѣтилъ я.—„Нѣтъ, та только паритъ,—а мастерица!—а мыть не годится: женщина немолодая. Ну, пойдемъ съ тобою, душенька моя, Сашенька. Прошу извиненія, Владиміръ Алексѣичъ, что задержалъ васъ. Да, но что же, скажите сами, Владиміръ Алексѣичъ: хорошо это со стороны Виктора Львовича: прислалъ Зинаидѣ Никаноровнѣ въ утѣшеніе 500 рублей! Откровенно скажу вамъ, не ожидалъ я отъ него такого скряжничества. Положимъ, если не хочешь жить съ женщиною, не живи—въ этомъ человѣкъ воленъ, допускаю; но и награди же ее, какъ слѣдуетъ—не правда ли?“—„Васъ тамъ ждутъ въ банѣ“, отвѣчалъ я.—„Конечно, для васъ такой разговоръ непріятенъ, потому что вы съ его стороны,—прошу извиненія, что не могъ смолчать. Но увѣренъ, вы сами въ душѣ согласны со мною: неблагородно; 500 рублей—неблагородно!“—„Я не знаю этихъ подробностей, но не думалъ, что онъ прислалъ только 500 рублей,—вы какъ это знаете?“—„Ахъ, я дуракъ! Не пришло мнѣ это въ голову!“ воскликнулъ онъ: „Письмото его не показано! Обманула, шельма! Ну, да что возьмешь, хоть и раскрыли вы мнѣ глаза? Видите мое положеніе: Настька и та меня въ грошъ не ставитъ! А почему? Все черезъ то же самое! Повѣрите ли: какіе нибудь 25 рублей недѣлю у жены вымаливаю! Что же Настькѣ-то за радость, и то надобно сказать: говори на-волка, говори и по-волку. Не Настька тутъ виновата, жена!“—„Впрочемъ, вы напрасно такъ убиваетесь: вотъ эта дѣвушка шла съ удовольствіемъ, что же вамъ горевать?“—„Разница большая, Владиміръ Алексѣичъ; Настя и собою-то не чета этимъ, да и разбитная же, бестія, если захочетъ сдѣлать удовольствіе: о, умѣетъ привлечь къ себѣ! Душка, одно слово! По моему откровенно вамъ скажу: не хуже самой Зинаиды Никаноровны,—потому что, откровенно скажу вамъ, не всегда же по-напрасну назывался мужемъ, знаю и Зинаиду Никаноровну, но вотъ вамъ, какъ передъ Богомъ: Настя даже гораздо пріятнѣе“.—„Идите же, тамъ ждутъ васъ“.—„Точно, заговорился; прошу извиненія, Владиміръ Алексѣичъ“.

Онъ пошелъ въ баню, я подъѣхалъ къ дому.

Въ передней дремалъ слуга. Изъ зала слышался молодой и бойкій женскій голосъ: „Я сказала вамъ, три цѣлковыхъ, меньше ни за что не возьму: цѣну ронять. Съ васъ возьми два, другой скажетъ: вонъ, вы и по два берете. Да берите Сашу: она и цѣлковому будетъ рада“.—Снаружи мужчина отвѣчалъ: „Что мнѣ Саша! Саша мнѣ не въ диковинку. Я прошу вашей любви. Извольте, три цѣлковыхъ, что съ вами дѣлать! Когда же вы выйдете?“—Войдя въ залъ, я увидѣлъ женскую фигуру въ коротенькомъ шелковомъ зеленомъ платьицѣ: она высунулась въ окно и, уравновѣсившись на немъ, болтала въ воздухѣ ножками въ красныхъ туфелькахъ съ золотыми блестками, въ тонкихъ и чистыхъ узорныхъ чулкахъ; бѣлымъ полнымъ икрамъ, маленькимъ ножкамъ было свободно болтаться, платье не запутывалось въ нихъ, не мѣшало: зеленая шелковая юбочка была такая коротенькая, что золотой позументъ, шедшій по подолу, едва падалъ до подколѣнокъ и въ своихъ легкихъ колебаніяхъ давалъ мелькать полоскамъ тѣла повыше чулокъ. Спенсеръ, очень низко срѣзанный, съ рукавичками въ вершокъ длиною, давалъ волю любо-

ваться милою верхнею частью спины, круглыми плечиками, прекрасными ручками, ладони которыхъ опирались на подоконникъ, помогая балансу тѣла, локти приподнялись; даже и на локтяхъ кожа была гладка и нѣжна. Я пошелъ къ этой не очень скромной, но милой фигурѣ. Она, услышавъ шаги, заговорила къ подходившему, не обарачиваясь и продолжая болтать ножками, „Хорошо, Федя? Это я плаваю“.—„Очень хорошо“, сказалъ я. – „Ахъ, чужой“, вскликнула, вскакивая отъ окна и повертываясь на лету лицомъ ко мнѣ. Передо мною стояла прехорошенькая дѣвушка лѣтъ семнадцати, похлопывая ножкой о ножку, засунувъ руки въ обшитые галуномъ карманчики своего платьица балетной швейцарской пастушки, расшитаго по переду спенсера множествомъ золотыхъ шнурковъ и безчисленными блестками, — нисколько не сконфуженная, напротивъ, какъ нельзя болѣе веселая и улыбающаяся съ самою дерзкою привѣтливостью, наполовину наглая торговка собою, дерзкая до безстыдства, рѣдкаго и между уличными дѣвушками, наполовину наивный и невинный ребенокъ, не по росту и тѣлу ребенокъ: она была высокая, съ формами, развитыми какъ въ двадцать лѣтъ,—но по дѣтски-любопытному и безпечному взгляду, по простодушію своей наглости, будто совершенно чуждой мысли о неприличіи.—„Чужой, чужой!“ весело повторяла она, а сама била ножкой о ножку, точно подмывало ее схватить меня и пуститься въ плясъ. „Чужой, чужой! Да кто же вы? Должно быть, Владиміръ Алексѣичъ Левицкій, котораго ждала, ждала и ждать перестала Зинаида Никаноровна?“—„Да, я Левицкій а вы Настя?“—„А вы почему знаете?“—„Да я все знаю, знаю съ кѣмъ вы уславливались — съ Ефимовымъ, писаремъ станового“.—„Ахъ, врете!—она повернулась на одной ножкѣ:—вовсе я не уславливалась съ нимъ, а только хотѣла посмѣяться“.—„И надо мною тоже только посмѣетесь, или нѣтъ?“—„Ахъ, какъ вы врете!“—она подняла руки къ груди и, подбрасывая ими длинный борокъ крупныхъ янтарей, на которомъ висѣлъ золотой крестикъ, дѣлала полуобороты то на той, то на другой ножкѣ, покачиваясь корпусомъ съ боку на бокъ: „Ахъ, какъ врете! Ахъ, какъ врете!“—„Почему жъ я вру? Будто вы не знаете, какая вы хорошенькая!“—„Все таки врете: у васъ есть и безъ меня“.—Вотъ какъ! Я ждалъ услышать это отъ Зинаиды Никаноровны,—услышалъ еще не добравшись до нея самой—тѣмъ лучше, что Настя, на мое счастье, такая хорошенькая! Можно и пріятно идти въ опроверженіе сплетни и на такіе аргументы, о какихъ я не думалъ. Впрочемъ, и безо всякой нравственной цѣли я соблазнился бы, я думаю, милою куколкою: человѣкъ становится очень слабъ, когда мѣсяца полтора пропуститъ безъ подкрѣпленія себя въ добродѣтели прикосновеніемъ къ пороку. Я смотрѣлъ на швейцарскую пастушку какъ голодный волкъ: „У меня есть и безъ васъ! Кто же это есть у меня“.—„А француженка-то“.—„А, француженка-то! Француженка-то у меня есть, да не такая какъ вы,— сама-то она ничего бы, да лапищи больно грязны, носъ утираетъ рукавомъ“.—„Это кто же?“ спросила Настя, вытаращивъ сѣрые глазенки. „Да, вотъ какже! скажу вамъ, чтобы вы посмѣялись надо мною, увидѣвши ее! Да что же мнѣ было дѣлать-то, — всѣ онѣ такія, чумазыя“.—„Да она, значитъ, простая мужичка?“—„А вы найдите мнѣ не мужичку, я подарю вамъ платьице еще короче этого,—поѣдемъ со мною искать,—вотъ переговорю съ Зинаидою Ника-

норовною, и поѣдемъ искать не мужичку, а?“ — Настя таращила, таращила глазенки и вдругъ, подкинувъ обѣими руками тяжелые янтари съ крестикомъ, подскочила ко мнѣ и прошептала: „Да вы не врете, въ самомъ дѣлѣ зовете меня?“ — „Да ножки ваши расцѣлую, если поѣдете со мною“. — „А конфекты у васъ будутъ хорошія? Мнѣ самое главное фрукты въ сахарѣ — побольше, побольше!“ — „Достанетъ и фруктовъ въ сахарѣ, и ананасовъ подарю вамъ цѣлый пятокъ“. — „Ахъ, ахъ“ — она запрыгала и захлопала въ ладоши. „Пятокъ ананасовъ! Пятокъ ананасовъ!“, подскочила совсѣмъ ко мнѣ, схватила меня одной рукой, а другую приложила къ груди себѣ, и откачнувшись на той рукѣ корпусомъ, чтобы поднялось личико, глаза въ глаза мнѣ зашептала умоляющимъ голосомъ и задыхаясь отъ радости: „Пожалуйста же, миленькій, возьмите меня въ гости къ себѣ! Для васъ Зинаида Никаноровна отпуститъ меня на денечекъ! Только упрашивайте ее хорошенько!“ и мгновенно впала въ отчаяніе и закрыла лицо руками: „Господи, боюсь не отпуститъ! Вы не знаете, мнѣ нельзя и на два часа уйти изъ дому! За всѣми должна смотрѣть, — гдѣ же самой Зинаидѣ Никаноровнѣ? Ей неприлично вездѣ бѣгать, за всѣми смотрѣть! вѣдь у насъ всѣ воры, и самъ-то Петръ Кириллычъ — ей Богу! Чего? Не больше, третьяго дня: смотрю, цѣлой головы сахару нѣтъ! Какъ это? Кто это? Ключей не выпускала изъ кармана, а это онъ ночью подтибрилъ у меня ключи и опять въ карманѣ — вотъ вамъ, и подпускай его къ себѣ. Умолялъ-то какъ, игралъ, игралъ, расшевелилъ меня, ну и положила его съ собою какъ добраго человѣка, а онъ вотъ что! продалъ этому самому Ефимову, я дозналась, за два съ полтиною, для Саши съ Дунечкою, по платочку имъ купилъ! Ей-Богу, вотъ какой у насъ народъ. Федя хоть и получше его и другихъ, но тоже невозможно положиться — стащитъ! Господи, вотъ какая моя доля! И въ гости-то съѣздить нельзя!“ — „Не плачьте, Настенька: я упрошу Зинаиду Никаноровну, отпуститъ“. — „Ахъ, не отпуститъ! Нельзя отпустить!“ — „Отпуститъ, будьте увѣрена“. — Она утѣшилась. — „Но проводите же меня къ ней“. — „Подождите здѣсь минуточку, Владиміръ Алексѣичъ: надо еще доложить ей“. — Манера держать себя и тонъ Насти быстро измѣнились: изъ молоденькой дѣвушки, не столько безстыдной, сколько не стыдливой въ своемъ простодушіи, она сдѣлалась камеристкою подлой женщины, существомъ лживымъ, существомъ, которое было бы дѣйствительно развратно, хоть бы оно и безукоризненно соблюдало ту добродѣтель, объ отступленіи отъ которой забывалъ я мѣсяца полтора въ огорченіи отъ бѣгства Анюты, въ наслажденіи дружбою женщины, болѣе милой. Настя сдѣлалась солидной и говорила заученнымъ тономъ: „Надо доложить Зинаидѣ Никаноровнѣ: она больна, въ постели“, и пошла степенною походкою, чрезвычайносмѣшной при ея слишкомъ коротенькой юбочкѣ и кукольномъ характерѣ. Я начиналъ было чувствовать нѣжность къ вертушкѣ, ребячески торгующей собою по невинному подражанію правамъ старшихъ, — превращеніе наивной безстыдницы въ солидную лицемѣрку прогнало нѣжныя чувства, и я опять видѣлъ въ балетной пастушкѣ только охотницу щеголять икрами, дѣйствительно соблазнительными: чопорная походка идущей съ докладомъ Насти была забавна, но икры свѣтились сквозь узорные чулки очень мило. Я былъ неправъ: но такъ я чувствовалъ тогда.

Она пропадала довольно долго. Наконецъ, прецеремонно явилась въ две-

ряхъ, постная, совершенно убитая видомъ страданій Зинаиды Никаноровны. „Пожалуйте, Владиміръ Алексѣичъ: Зинаида Никаноровна просятъ“, проговорила она на унылый распѣвъ. — „А долго же возились вы съ Зинаидою Никаноровною: видно, узлы у корсета затянулись, трудно было расшнуровать? Да она легла бы въ корсетѣ, ее я не сталъ бы щупать, что тамъ у нея подъ блузою, есть шнуровка или нѣтъ, зачѣмъ было столько хлопотъ. Лишь скинуть бы платье, да надѣть блузу“.—„Какъ вамъ не стыдно говорить это, когда Зинаида Никаноровна и въ самомъ дѣлѣ больна!“—процѣдила сквозь зубы моя жеманная куколка, чрезвычайно обижаясь за свою больную.

Больная лежала, какъ слѣдуетъ, въ бѣлой блузѣ, прикрытая легкимъ одѣяломъ. На столикѣ у кровати стояли микстуры, стаканъ не полный, съ водою, отъ которой пахло гофманскими каплями: вонъ какъ не на шутку она больна! долженъ былъ понимать я: стаканъ не полный, она пила изъ него. Между этихъ медикаментовъ—вижу: сафьяновая коробочка—это лекарство ужъ не ей, а мнѣ, для исцѣленія меня отъ дурныхъ чувствъ къ ней. Но что такое? перстень? велика коробочка: булавка для галстуха? все-таки не подходитъ: широка коробочка. Но что бы тамъ ни было, это деликатно: не деньгами, а вещичкою—вылечусь я: это гораздо благороднѣе.

А Зинаида Никаноровна была очень больна: едва могла говорить, чуть чуть шевелилась, когда не забывалась; а когда заговаривалась до забытія болѣзни, ораторствовала и жестикулировала съ энергіею, которая сдѣлала бы честь самой здоровенной женщинѣ въ цѣлой губерніи: да и мудрено было-бъ ей не забывать своихъ физическихъ страданій: душевныя боли слишкомъ мучительны. Вспоминая, что больна, она опять изнемогала до слабости, близкой къ обмороку: тише, тише—и закрыла глаза, молчитъ... „Ахъ, Боже мой!—кажется я забывалась, такъ ослабѣвала“.—„Да, Зинаида Никаноровна, вы забывались“.

Какъ она любила его. Чѣмъ она пожертвовала для него! Я не безъ интереса узналъ, что, кромѣ всего, чѣмъ женщины обыкновенно жертвуютъ для любимаго человѣка, она пожертвовала для Виктора Львовича губернскимъ предводителемъ, вотъ это, точно, рѣдкое доказательство любви: многія ли жены мелкопомѣстныхъ дворянъ могутъ похвалиться, что бросали губернскихъ предводителей для другихъ, еще болѣе возвышенныхъ привязанностей? Мнѣ слѣдовало бы плакать отъ умиленія съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія, тѣмъ больше слѣдовало, что губернскій предводитель былъ очень благороденъ: въ два года онъ прикупилъ къ ея родовымъ 30 душамъ еще 50 въ этой же деревнѣ, и сосѣднюю деревню въ 70 слишкомъ душъ, и она вполнѣ убѣждена, что черезъ годъ, много черезъ полтора, онъ купилъ бы ей еще Епотаевку—она уговорила владѣльца, оставалось только дѣйствовать на губернскаго предводителя: а въ Епотаевкѣ больше полутораста душъ и сколько луговъ! 860 десятинъ превосходныхъ луговъ! въ здѣшнихъ мѣстахъ это кладъ, это золотой рудникъ...

Дѣйствительно, она принесла Виктору Львовичу очень большую жертву: я понимаю, и жалѣю; но что я могу сдѣлать? Ничего къ несчастью.

О, пусть я не говорю этого! Она знаетъ силу мою надъ мыслями Виктора Львовича, она горько испытала эту силу—потому что до сихъ поръ мое

вліяніе на него было во вредъ ей,—пусть я не отпираюсь, она говоритъ это не для того, чтобы упрекать меня, — она даже понимаетъ мое заблужденіе, которое принесло ей такое горе: я смотрѣлъ на нее, какъ на женщину, которая измѣняетъ мужу,—противъ такихъ женщинъ всѣ вооружены, но—охъ, ахъ и проч.,—но не всегда можно порицать ихъ, иногда онѣ заслуживаютъ болѣе состраданія, нежели порицанія, — потому что сами мужья заставляютъ ихъ жаждать другой любви. Таково было и ея положеніе. Ея мужъ женился на ней не для того, чтобы любить ее, а потому, у нея было 80 душъ...

— Вы увлекаетесь, Зинаида Никаноровна, это вредно вамъ,—замѣтилъ я, разсчитывая, въ какое время у нея составилось 80 душъ приданаго, когда родовыхъ было 30, первое благородство губернскаго предводителя имѣло 50 душъ и проч.

— Это правда, я увлекаюсь, согласилась она и стала впадать въ изнеможеніе.

Но когда я услышу о жизни ея мужа, я вполнѣ оправдаю ее. Онъ живетъ на ея счетъ, онъ не имѣлъ ничего и теперь не имѣетъ, онъ служилъ въ дворянскомъ собраніи ничтожнымъ чиновникомъ, и чѣмъ же онъ благодаритъ ее за свое содержаніе, за то, что она была готова любить его, любила его?..

— Вамъ вредно увлекаться, Зинаида Никаноровна,—замѣтилъ я, видя, что подтверждаются слова достопочтеннаго мужа, увѣрявшаго, что онъ бывалъ мужемъ своей жены не по названію только, и разсчитывая, что когда такъ, былъ промежутокъ отъ губернскаго предводителя до Виктора Львовича и пожертвованіе Енотаевскими лугами для Виктора Львовича становится сомнительно; или промежутка не было?—Не могло не быть: она не изъ тѣхъ женщинъ, которымъ нужно двухъ мужчинъ: и одинъ-то рѣдко нуженъ, это пустое занятіе,—для Енотаевки можно трудиться; безъ цѣли, что за охота? Изрѣдка—можетъ найти и такой стихъ — конечно; но изрѣдка, потому что дѣльной головѣ некогда много фантазировать.

— Даю вамъ честное слово, Зинаида Никаноровна, что не считаю васъ женщиною, которая увлекалась бы чувственностью. Физическое наслажденіе любовью не въ вашемъ темпераментѣ, и скажу болѣе: ничтожно для васъ сравнительно съ другими—высшими—побужденіями привязываться къ человѣку.

— Вы понимаете меня, томно—сказала, изнемогая, и въ величайшемъ удовольствіи.

Противная тварь, неспособная находить наслажденіе въ томъ, что заставляетъ даже животныхъ забывать о пищѣ,—тебѣ Енотаевскіе луга милѣе потребностей твоей человѣческой натуры; въ тебѣ и нервныя конвульсіи возбуждаются только подлымъ угодничествомъ, корова и овца не унижаются до того, чтобы впадать въ нихъ по раболѣпству.

Но она была въ восхищеніи — по ея мнѣнію, я назвалъ ее ангеломъ. Эфирное существо закрыло глаза въ изнеможеніи.

Раскрыла ихъ и начала говорить, что у меня не безчувственное сердце: я люблю и счастливъ, я могу понимать, какъ должна страдать она, лишившись любви... Ахъ, что можетъ быть выше чистой любви?

Она изнемогла: открывши глаза, начала хвалить Мери: какая умная дѣ-

вушка Мери, какія прекрасныя манеры у нея, но, главное, какая красивая дѣвушка Мери...

Я началъ вѣрнѣе прежняго судить о сафьянной коробочкѣ. Это еще деликатнѣе, нежели я воображалъ: не только то благородство, что подкупъ не деньгами, а подаркомъ, но и подаркомъ не мнѣ, а моей любовницѣ.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ посмотрѣть, какъ достанетъ у нея наглости вручить мнѣ взятку, но она изнемогла.

Любопытно, какъ она исполнитъ подвигъ — думаю я, и увидѣлъ, что ошибался: никакого подвига нѣтъ, дѣло самое легкое для нея.

Она раскрыла глаза, взяла и раскрыла коробочку, — я увидѣлъ, что тамъ серьги съ каменьями не цвѣтными, крупнѣе брилліантовъ, которые были въ брошкѣ, купленной мною для Анюты, но это брилліанты ли или стразы, подумалъ я, и умъ мой, подозрительный до крайней низости, полагаетъ, что это стразы.

Она повертываетъ открытую коробочку, чтобы каменья сверкали, спрашиваетъ, хороши ли серьги,—я говорю, что очень хороши; она подаетъ мнѣ коробочку, чувствительно произнося: „Ваше сердце говоритъ вамъ, кому я дарю ихъ черезъ васъ,—отъ васъ онѣ будутъ ей еще вдвое милѣе, нежели сами по себѣ“.

— Очень благодаренъ вамъ, Зинаида Никаноровна; серьги чрезвычайно нравятся мнѣ,— позвольте, я сейчасъ скажу, могу ли я взять; если это — я взялъ стаканъ, вынулъ одну изъ серегъ,—если это стразы—„брилліанты“!— воскликнула она, а я черчу главнымъ камнемъ серьги стаканъ: камень рѣжетъ стекло—въ самомъ дѣлѣ, это брилліанты: ахъ, я низкій человѣкъ! какъ несправедливо было мое гнусное сомнѣніе въ благородствѣ этой женщины.

— Если это стразы, хотѣлъ я сказать, Зинаида Никаноровна, то я возьму ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Но это брилліанты—не возьму, простите меня. Я говорилъ вамъ, что вы преувеличиваете мое вліяніе на Виктора Львовича, но это бы еще ничего: я принялъ бы вашъ подарокъ въ награду, если не за пользу, какую принесу, то за желаніе, усердіе служить вамъ. Дѣло не въ пустой щекотливости, я чуждъ подобной мелочности. Но откровенно скажу вамъ, что этотъ подарокъ былъ бы совершенно безполезенъ для меня. Будь это стразы, я осчастливилъ бы ими дѣвушку, которая беретъ отъ меня, кромѣ денегъ, и перстеньки, и сережки. Но брилліанты—это совершенно нейдетъ къ ея другимъ нарядамъ, къ ея манерамъ, къ ея семейному положенію, ко всему. Она могла бы только продать ихъ, — и конечно, за полъ-цѣны. Жаль такой большой потери. Лучше бы прямо дать ей деньгами. А это, вы согласитесь, неловко: вы не предложите мнѣ триста, четыреста рублей, для подарка моей любовницѣ. Скажу вамъ больше: несмотря на всѣ эти затрудненія, взялъ бы я у васъ эти серьги, или, пожалуй, хоть и деньги ей, еслибъ имѣлъ желаніе дѣлать ей большіе подарки. Но у меня нѣтъ этой охоты. Дѣвушка не стоитъ того. Лицомъ не особенно хороша; флегматична—и тѣломъ и душою: безъ огня и безъ нѣжности; рыбья кровь въ жилахъ, привязанностей въ сердцѣ нѣтъ ни къ кому и никогда не было. А между тѣмъ, довольно жадная—правда и то, что подобная любовница не можетъ выманить много денегъ, но почти жаль и тѣхъ не очень большихъ, которыя даешь ей.

Живу съ нею потому, что связался разъ, но и только. Итакъ, не беру серегъ, чтобы не терять попусту дорогой нарядъ.

Безподобная идеалистка слушала въ изумленіи и конфузѣ: но изумленіе прошло, а конфузъ и того скорѣе:

— Я была убѣждена, что... она замолчала.

— Вы мало знаете меня: я не любитель трудныхъ побѣдъ и хлопотливыхъ интимностей. Если хотите, это цинизмъ, стыжусь: но держусь правила: не употреблять на волокитство болѣе пяти минутъ, на шестой, если еще не обнять, говорю: „она можетъ быть очень хороша, но не въ моемъ вкусѣ. Для меня нѣтъ ничего противнѣе мысли объ отношеніяхъ, въ которыхъ объясненія не ограничивались бы словами: „иди сюда“.—„теперь можешь уйти, больше не нужна мнѣ“. Это не галантерейно, зато очень удобно.

— Но вы циникъ, — воскликнула она съ ужасомъ, естественнымъ въ идеалисткѣ.

— Я говорилъ вамъ это,—отвѣчалъ я съ тѣмъ достоинствомъ, съ которымъ наши либералы, обвиняемые въ демократизмѣ, отвѣчаютъ: „да, мы не скрываемъ своей любви къ народу; если она преступленіе, мы готовы погибнуть“.

Зинаида Никаноровна впала въ изнеможеніе. Серьги не годились. Надобно было придумать, какъ теперь быть.

— И неужели вы совершенно равнодушны къ этой дѣвушкѣ?

— Нѣтъ. Я не всегда равнодушенъ къ ней. Почти каждый день, иногда и не одинъ разъ въ день я бываю неравнодушенъ къ ней, въ продолженіе четверти часа. Какъ только почувствую аппетитъ быть неравнодушнымъ къ ней, иду въ село, въ ея избу: изба превращается при моемъ приближеніи въ небесный чертогъ, потому что впереди меня летитъ туда Амуръ, превосходнѣйшій изъ архитекторовъ, декораторовъ и парфюмеровъ. Амуръ улетаетъ, и я спѣшу уйти, потому что изба грязна, зловонна—немножко, то же начинаетъ быть замѣтно мнѣ и относительно моей возлюбленной, которая не привыкла быть особенно опрятною, когда не бываетъ превращаема Амуромъ въ богиню. Этому еще можно бы пособить: свести ее въ рѣчку, велѣть выкупаться,— тогда и безъ Амура она была бы пріятною собесѣдницею, если бы не была чрезвычайно глупа, чему уже нельзя пособить никакимъ мытьемъ,—и если бы была покрасивѣе... Безъ особенныхъ усилій фантазіи я очень подробно описалъ мою любовницу, съ точностью пользуясь для этого портрета чертами Анюты, какъ представляется мнѣ эта свѣжая и довольно красивая, но безсмысленная и аляповатая женщина теперь, когда я сравниваю ее не съ изношенными уличными дѣвушками, а съ Надеждою Викторовною, Мери, Настею и самой Зинаидою Никаноровною, которыя, при всей разницѣ, сходны тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ красивы, очень красивы.

— Но когда вы такъ равнодушны къ этой Анютѣ...

— Къ Анютѣ?!?!! Неужели я даже назвалъ имя этой дѣвушки? О, какъ досадно! Но я полагаюсь на скромность Зинаиды Никаноровны; умоляю Зинаиду Никаноровну сохранить эту тайну: мать Анюты покровительствуетъ намъ, но отецъ избилъ бы ихъ обѣихъ. Зинаида Никаноровна успокоила меня. Еще успокоительнѣе то, что въ нашемъ селѣ вѣрно наберется до сотни Анютъ и, навѣрное, съ десятокъ изъ нихъ—красавицы въ родѣ моей Анюты: сдѣлайте

одолженіе, разыскивайте, Зинаида Никаноровна, если вамъ еще угодно будетъ наводить справки.—Нѣтъ, Зинаида Никаноровна была уже вполнѣ убѣждена.

— Когда вы такъ равнодушны къ этой дѣвушкѣ, мой подарокъ, дѣйствительно, не имѣетъ смысла. Я не настаиваю. Но мы еще увидимся, не правда ли? Я найду что-нибудь другое, для васъ самого... Судя по вашему описанію, эта Анюта и не особенно красива; при вашемъ равнодушіи къ ней, вы могли бы бросить ее. Неужели нѣтъ дѣвушекъ получше?

— Есть. Но онѣ не подвертываются сами подъ руку. А ловить я не охотникъ—это я уже говорилъ,—да и не мастеръ, если сказать всю правду. Мой обѣдъ не особенно хорошъ, но сытенъ; отказаться отъ него, чтобы оставаться голоднымъ—благодарю за совѣтъ!

— О, циникъ! — съ новымъ ужасомъ воскликнула идеалистка.—Но хорошо то, что вы упомянули объ обѣдѣ. У меня вовсе нѣтъ аппетита, я забыла, что пора пить чай, — вѣроятно, вы будете не прочь и закусить. Потрудитесь дернуть сонетку.

Я позвонилъ. Вошла дѣвушка въ дрянномъ ситцевомъ платьѣ—обыкновенная горничная, и некрасивая.

— Авдотья, я не буду пить чаю. Скажи Настѣ, чтобы приготовила тамъ, — и закуску для гостя. Или пусть сама придетъ сюда, я скажу ей, какое вино подать къ закускѣ, ты переврешь. — Некрасивая и ненарядная горничная ушла.—Вы извините меня, Владиміръ Алексѣичъ, что я распоряжаюсь такъ. Я чувствую себя гораздо лучше прежняго, но все еще очень слаба, и разговоръ утомилъ меня; а намъ надобно говорить много, много... Пока вы будете тамъ пить чай и закусывать, я отдохну. Я заставлю васъ поскучать: вы будете одинъ, я не смѣю и не хочу предлагать вамъ, чтобы вы позвали къ себѣ моего мужа: съ нимъ вамъ было бы еще скучнѣе, нежели одному: онъ глупъ и пошлъ. Вы будете одинъ и вамъ будетъ скучно, но вы извините мою смѣлость распоряжаться вами такъ деспотически: больная не можетъ не быть эгоисткою и деспоткою. Зинаида Никаноровна улыбнулась.

Степенною поступью вошла Настя, съ постнымъ лицомъ: какъ же иначе?— Зинаида Никаноровна страдаетъ.

— Не печалься, Настя: мнѣ гораздо лучше. — Настя перестала печалиться, сохраняя, однако же, самую важную степенность. Зинаида Никаноровна разсказала ей, какія бутылки надобно подать къ закускѣ. Пожалуйста же, чтобы все это было поскорѣе: я и такъ виновата передъ Владиміромъ Алексѣевичемъ, давно было надобно подумать объ этомъ, я все забывала. Настя повернулась — не на одной ножкѣ, а съ образцовою солидностью. . Постой, постой, Настя: я должна была сказать тебѣ еще о чемъ-то, не помню... Настя оставалась, полуобернувшись опять къ ней.—Дай вспомнить, Настя,— ахъ, Боже мой!— сейчасъ думала объ этомъ и не могу вспомнить... Настя подошла опять къ постели, и стала, опершись ручкой о спинку кровати, у ногъ выздоравливающей. Выздоравливающая закрыла глаза, какъ и принято дѣлать для пособія памяти, особенно, когда чувствуешь слабость... Настя стояла, немножко опираясь локоткомъ о спинку кровати, — закинула ножку за ножку, начала улыбаться мнѣ и поигрывать по ковру носкомъ ножки, закинутой за ножку, поигрывать свободной ручкою по шнуркамъ спенсера, подбрасывать свое

янтарное ожерелье съ крестикомъ: Зинаида Никаноровна не видитъ, и мало того, что не видитъ: оставила ее здѣсь, а должна знать ея характеръ; стало быть, не разсердится, если и увидитъ... Такъ понимали мы съ Настей, потому она все живѣе кокетничала шаловливыми жестами, а я взглядами ободрялъ ее. Играя ожерельемъ, Настя начала покачиваться на локоткѣ всѣмъ корпусомъ,—Зинаида Никаноровна раскрыла глаза и съ ласковою строгостью сказала: „Перестань дурачиться, Настя“. Настя перестала покачиваться корпусомъ и бросать мнѣ улыбки, обратила внимательный взглядъ на Зинаиду Никаноровну, но продолжала, хоть потише прежняго, играть ожерельемъ и стоять на одной ножкѣ, опершись на локотокъ.—Вотъ что, Настя,—начала Зинаида Никаноровна, вспомнивъ наконецъ: — Владиміръ Алексѣичъ останется здѣсь еще довольно долго, поэтому распорядись, чтобы покормили его лошадей и чтобы кучеръ поужиналъ. Боже мой, какъ слаба память! Столько времени не могла вспомнить такой обыкновенной вещи!—замѣтила она мнѣ, — и продолжала опять Настѣ:—„Не забудь же, и не повѣсничай. Да, еще: пойди сюда, нагнись ко мнѣ“.—Настя подошла, стала между постелью и моимъ кресломъ, нагнулась ухомъ къ Зинаидѣ Никаноровнѣ; юбченка оттопырилась сзади, голыя полоски около подколѣнокъ засвѣтились подлѣ моихъ колѣнъ; юбченка закрывала мои руки отъ Зинаиды Никаноровны: я разсудилъ, что было бы невѣжливостью не погладить эти голыя полоски и погладилъ ихъ съ величайшею скромностью, не касаясь рукою выше вершка, много двухъ, отъ колѣнъ: больше того уже не было бы соблюденіемъ вѣжливости, было бы неделикатностью: кожа была гладка и нѣжна, какъ ни у одной изъ прежнихъ моихъ пріятельницъ, не исключая и Анюты. А Зинаида Никаноровна между тѣмъ шептала: „Я очень утомлена и быть можетъ задремлю, пока гость будетъ пить чай; нужды нѣтъ, Настя, разбуди меня, когда онъ покушаетъ: тотчасъ разбуди, не жалѣй меня и не сказывай ему“.

Къ счастью для выздоравливающей я слышалъ каждое слово этого шепота. Я протестовалъ. Какъ же можно будить, если она заснетъ? Сонъ—это самое цѣлебное лекарство. Будить. Никакъ! Зинаида Никаноровна поспорила, но принуждена была уступить: я былъ непоколебимъ и, главное, очевиднѣйшимъ образомъ правъ. Настя слушала споръ, выпрямившись, и юбченка ея теперь лежала позументомъ подола на моей рукѣ, остававшейся попрежнему совершенно скромною въ необходимой вѣжливости. Зинаида Никаноровна уступила моему протесту, я подобралъ руку, и Настя, повернувшись на одной ножкѣ, выпорхнула, немножко пританцовывая. Когда она скрылась, Зинаида Никаноровна взяла платокъ и поднесла его къ глазамъ.

— Боже мой, Боже мой!—Вы видѣли эту дѣвушку — она моя любимица, потому что... она моя родственница, она... она... дочь моей матери... Я не могу безъ слезъ думать о Настѣ... Она моя сестра, я такъ люблю ее, но этотъ бездушный человѣкъ—мой мужъ—не знаетъ никакихъ чувствъ и не можетъ уважать ихъ въ другихъ... Онъ подлъ и безжалостенъ въ своемъ развратѣ... Но Настю я не разлюбила... и она меня любитъ попрежнему — одну меня... Я лишилась надежды удержать ее отъ шалостей, но она любитъ одну меня...

Мать Зинаиды Никаноровны рано осталась вдовою. Отецъ Насти не за-

хотѣлъ ни жениться, ни даже заботиться о дочери. У матери не было средствъ отослать дочь на воспитаніе куда нибудь, а была надежда встрѣтить другого человѣка, болѣе благороднаго чѣмъ отецъ Насти. Надобно было скрыть связь съ отцомъ Насти. Малютка была записана дочерью крестьянки; это семейство было отдано въ приданое Зинаидѣ Никаноровнѣ. Настѣ было тогда лѣтъ десять. Зинаида Никаноровна взяла сестру къ себѣ. Могла держать ее какъ любимицу, но не какъ сестру: мать была вновь замужемъ, надобно было попрежнему скрывать происхожденіе Насти. Но мужъ Зинаиды Никаноровны зналъ, что эта дѣвочка—ея сестра... Ничто не остановило его... Настѣ было тогда только четырнадцать лѣтъ. Настю нельзя было винить...

Настю нельзя. Но можно винить тебя, безстыдная интриганка. Ты знала, что твой мужъ—мерзавецъ; ты знала, что ты своимъ примѣромъ и потворствомъ распутству твоего мужа развратила всѣхъ своихъ служанокъ. Ты могла не желать — и я вѣрю, ты не желала, чтобы твоя сестра стала похожа на нихъ и на тебя. Я вѣрю этому. Но ты должна была понимать, что твой домъ—вертепъ разврата—не годится быть мѣстомъ воспитанія. У тебя были средства помѣстить ребенка въ образованное и честное семейство. Ты говоришь, ты любишь ее; вѣрю, но твоя любовь къ ней только любовь забавляться ею. Тебѣ нравилось имѣть куклу, ты... но не велика будетъ бѣда бросить этотъ вздоръ, чтобъ идти обѣдать, когда зовутъ обѣдать. Не буду имѣть времени докончить?—И въ этомъ не будетъ особеннаго убытка. Впрочемъ, очень доволенъ тѣмъ, что съ пера шли такія безконечныя подробности: это помогло мнѣ терпѣливо ждать возвращенія Мери.

Черезъ полчаса пора будетъ ѣхать къ милой куколкѣ. Полчаса на описаніе всего того, предисловіе къ чему писалось цѣлыхъ шесть часовъ! Живописная и драматическая обстоятельность разсказа должны замѣниться сжатостью, энергіею, философскимъ глубокомысліемъ, — изъ Макколея надобно мнѣ стать Тацитомъ.

Зинаида Никаноровна говорила о Настѣ съ аффектаціею, сквозь которую едва-едва можно было видѣть слабенькіе проблески любви къ побочной сестрѣ. Но и того было уже довольно, чтобъ удивить меня: я не предполагалъ, чтобъ эта интриганка могла имѣть къ сестрѣ хоть столько добраго чувства, сколько обыкновенно человѣкъ имѣетъ къ каждому изъ людей, мимо которыхъ идетъ на улицѣ. Вбѣжала Настя: чай и закуска готовы; мы пошли съ Настею и провели десять минутъ за чаемъ, двѣ минуты за закускою, остальное время отъ половины девятаго до десяти въ занятіяхъ, возможность которыхъ конечно не предвидѣла Зинаида Никаноровна, безъ сомнѣнія дремавшая все это время. Наконецъ, Настя объявила, что я долженъ идти къ Зинаидѣ Никаноровнѣ и прогнала меня. Дѣйствительно, милая куколка измучилась, кувыркаясь, взлѣзая на плечи ко мнѣ и повѣсничая всяческими безстыдничествами. Черезъ полчаса она придетъ за мною къ Зинаидѣ Никаноровнѣ. Мы поѣдемъ; у крыльца нашего дома я выйду изъ экипажа, она останется спрятанная въ немъ. Я возьму денегъ, бѣлье себѣ, то есть, переговорю съ Викторомъ Львовичемъ, который безъ сомнѣнія ждетъ меня, выйду, сяду и мы ѣдемъ въ Симбухино, садимся тамъ на пароходъ, который отходитъ на разсвѣтѣ, и ѣдемъ дня на три въ Симбирскъ, гдѣ она будетъ объѣдаться ананасами. Я могъ быть впередъ увѣ-

ренъ, что не понадоблюсь больше ни Зинаидѣ Никаноровнѣ, ни Виктору Львовичу; когда я такъ полюбилъ подарокъ Зинаиды Никаноровны, она не будетъ сомнѣваться въ искренности моихъ совѣтовъ и Викторъ Львовичъ можетъ забыть о ея существованіи.

Такъ и сбылось. Зинаида Никаноровна видѣла во мнѣ преданнаго друга, да и безъ того, я думаю, согласилась бы съ моими совѣтами: независимо отъ моей дружбы или недружбы къ ней, въ нихъ не было ни слова лжи, а разсудительность ихъ не могла не быть очевидна умной и хладнокровной женщинѣ. Викторъ Львовичъ разорвалъ связь съ нею изъ уваженія къ своимъ отцовскимъ обязанностямъ. Надобно примириться съ этимъ фактомъ. Остатокъ лѣтняго сезона пусть будетъ пропавшимъ для Зинаиды Никаноровны. Надежда Викторовна выйдетъ замужъ—вѣроятно нынѣшнею же зимою: невѣсты съ такимъ приданымъ не засиживаются. На слѣдующее лѣто Викторъ Львовичъ, по всей вѣроятности, пріѣдетъ въ деревню опять совершенно свободнымъ, и не затруднится снова осчастливить своею любовью Зинаиду Никаноровну, если она станетъ ждать слѣдующаго лѣта смирно, великодушно, какъ слѣдуетъ благородной женщинѣ съ растерзаннымъ сердцемъ.—„Я сама была близка къ этимъ мыслямъ“, сказала Зинаида Никаноровна: „Какъ ни странно то, что онъ непоколебимъ, но мнѣ самой начинало казаться, что онъ рѣшительно пожертвовалъ мною для своихъ отношеній къ дочери... Мнѣ уже казалось, что я могла бы только мстить ему... Но дѣйствительно, слѣдуетъ не вооружать его,—онъ возвратится ко мнѣ, оцѣнитъ мое великодушіе, молчаливость моего страданія“.—Мы были уже безъ всякихъ церемоній съ Зинаидой Никаноровною. Черезъ Настю мы были, въ нѣкоторомъ смыслѣ родственники; притомъ же Зинаида Никаноровна соснула часа полтора, это возстановило ея силы, какъ она и предвидѣла. Она была теперь совершенно здорова, она проводила меня до комнаты Насти и тутъ покинула меня, очень мило сказавъ, что не хочетъ ободрять повѣничествю Насти своею улыбкою, а Настя пожалуй и при ней прыгнула бы на плечи мнѣ,—Настя избалована ея любовью и она проситъ меня стараться хоть немножко исправить эту наивную проказницу: мои слова, быть можетъ, будутъ дѣйствовать на шалунью больше, нежели замѣчанія сестры, слишкомъ снисходительной. Я вошелъ въ комнату Насти и увидѣлъ, что она... Иванъ Антонычъ говоритъ, что лошади готовы. —„А Марья Дмитріевна все еще не возвратилась отъ Власовыхъ?“ —„Все еще нѣтъ“.—„Я подожду, не вернется ли: я уѣзжаю дня на три, на четыре, можетъ быть больше, и мнѣ не хотѣлось бы уѣхать не простившись съ нею“.—„Господи, какой вы добрый человѣкъ, Владиміръ Алексѣичъ! Не знаю, какъ мнѣ и благодарить васъ за любовь къ моей Машенькѣ! Какъ вы любите ее, въ самомъ дѣлѣ!“—Въ самомъ дѣлѣ, я люблю ее, ты не ошибаешься, добрякъ: если бы твоя Машенька была родная сестра, я не могъ бы любить ее нѣжнѣе.

Нѣтъ, я не уѣду, не простившись съ моею милою Мери. Проститься—не то слово: мы уже простились. Но я долженъ переговорить съ нею: письмо не замѣняетъ живого слова. Пусть она видитъ, что если я люблю ее не меньше прежняго, что она, другъ, милѣе любовницы мнѣ.

Но я думаю, что я сильно привяжусь и къ Настѣ. Я никакъ не предполагалъ этого, входя къ ней, чтобы увезти ее. Не ожидалъ я, что безстыд-

ница, которую ласкалъ я съ бездушнымъ сладострастіемъ, пробудитъ во мнѣ чувство, болѣе нѣжное.—Она спала. Когда я ушелъ, она стала собираться въ дорогу, приготовила узелокъ съ бѣльемъ и платьями, положила его на стулъ у кровати, стала одѣваться, надѣла чулки, взяла платье и задремала, повалилась; платье лежало на ея рукѣ—такъ она и заснула. Она спала крѣпко, не слышала, какъ я подошелъ. Я дотронулся до ея плеча: „Вставайте, Настя, поѣдемъ“.—Она полураскрыла глаза и жалобно: „Миленькій, не троньте меня: я хочу спать“, лѣниво повернулась и въ ту же секунду опять спала. Сонъ ея былъ крѣпокъ и спокоенъ, какъ у ребенка; я сталъ всматриваться въ ея лицо: его выраженіе было спокойно и невинно, какъ у ребенка. Я взялъ платье съ ея руки, взялъ одѣяло—она спала вся открытая—я закрылъ ее и сталъ опять смотрѣть на ея спокойное, невинное личико. Но она была такъ мила, что я не могъ рѣшиться разстаться съ нею—я опять дотронулся до ея плеча и сказалъ: „Вставайте, Настя, одѣвайтесь и поѣдемъ“. Она приподнялась на локтѣ и заплакала, лѣнясь хорошенько проснуться: „Миленькій пожалуйста! Завтра! Я хочу спать“, упала и опять уже спала. Я стоялъ и смотрѣлъ на ея спокойное личико. Умиленіе овладѣвало мною. Я нагнулся и тихо, крѣпко поцѣловалъ ее. Она жалобно проговорила сквозь сонъ, не открывая глазъ: „Миленькій, пожалуйста, не надобно: я хочу спать“. Это былъ голосъ невиннаго ребенка. Слезы нѣжной любви навертывались у меня на глазахъ. Я довольно долго смотрѣлъ на нее и ушелъ, чтобы не расплакаться: такъ мила сдѣлалась мнѣ она своимъ тихимъ, крѣпкимъ, невиннымъ сномъ.

Дверь комнаты Зинаиды Никаноровны была отворена; я зашелъ сказать ей, что поѣздка отложена до слѣдующаго вечера. Зинаида Никаноровна засмѣялась: „Но я вижу, вы не на шутку влюбились въ мою Настю: пожалѣли разбудить ее; рѣшительно влюбленный!“—„Нѣтъ, я не думаю, что я серьезно полюбилъ ее! но я сталъ чувствовать серьезное расположеніе къ ней“. Зинаида Никаноровна очень рада, что Настя показалась мнѣ заслуживающею расположенія; куда я спѣшу? еще не такъ поздно; ей не хочется спать, поговоримъ.—Поговоримъ, но завтра; я не могу допустить, что Зинаида Никаноровна пренебрегала своимъ здоровьемъ изъ любезности ко мнѣ.—Я не могъ условливаться съ нею, не поговоривъ съ Настею.

Умно ли мое рѣшеніе взять на содержаніе такую избалованную дѣвушку? Не въ томъ дѣло, очень ли умно это; дѣло въ томъ, что невозможно сдѣлать ничего, болѣе умнаго. Пять лѣтъ назадъ слѣдовало бы отдать Настю въ честное семейство, гдѣ была бы образованная женщина. Теперь нечего и думать объ этомъ. Гдѣ найти порядочную женщину, которая согласилась бы взять къ себѣ такую наглую безстыдницу? И если бы нашлась такая женщина, Настя убѣжала бы отъ нея. Какое честное семейство потерпѣло бы, чтобы Настя вела торгъ съ прохожими, высунувшись въ окно и болтая въ воздухѣ заголяющимися ногами? А Настя не можетъ вдругъ отстать отъ подобныхъ привычекъ. Поневолѣ приходится мнѣ взять ее на содержаніе. Нѣтъ иной возможности перевоспитать ее. Хорошо, что я впередъ готовъ находить, что чуть я отвернусь, она безстыдничаетъ съ кѣмъ попало. Но это пройдетъ: и вѣроятно я довольно скоро привяжусь къ ней. Тогда не будетъ скучна трудная обязанность. И какъ бы то ни было, рѣшеніе принято, больше, нежели на

половину, высказано Зинаидѣ Никаноровнѣ. Жалѣть поздно, когда уже не годится отступаться. Надобно только воспользоваться этимъ урокомъ, чтобы впередъ быть разсудительнѣе. А можетъ быть мы съ Настею и полюбимъ другъ друга. Почему-жъ бы мнѣ не полюбить ее? Она очень красива. Когда отвыкнетъ отъ безстыдства, будетъ мила. Годъ, полтора—и намъ будетъ видно, идти ли намъ повѣнчаться, или разойтись.

Раздумывая такъ на дорогѣ, я скоро задремалъ, благодаря экипажу, тихо покачивавшемуся, какъ люлька, а главное тому, что Настя, сама измучившись ребяческимъ повѣсничествомъ, расположила и мою фантазію къ полному спокойствію на нѣсколько часовъ.

Еслибъ эта безстыдница была менѣе рѣзва, можно бы подумать, что она уже очень сладострастна. Безмятежный сонъ добродѣтельнаго труженика прервался только тогда, какъ экипажъ остановился у нашего крыльца.

Викторъ Львовичъ ждалъ меня, расхаживая по первому залу. Мы пошли въ его кабинетъ.—„Что скажете, Владиміръ Алексѣичъ?“ спросилъ онъ съ очевиднымъ безпокойствомъ. Какая боязливость! Чѣмъ могла быть страшна ему Зинаида Никаноровна? Я и прежде не хотѣлъ пускаться въ лишнія подробности. Теперь видѣлъ, что и о томъ, что нужно ему знать, надобно будетъ поговорить когда-нибудь послѣ, когда онъ будетъ поспокойнѣе.—„Что скажете, Владиміръ Алексѣичъ? Какъ объясняетъ себѣ Дедюхина мой разрывъ съ нею?“

Она понимаетъ вещи очень правильно. Убѣждена, что вы останетесь тверды, что она ничего не выиграетъ никакими хлопотами или интригами. Она рѣшила молча быть великодушною страдалицею.

Онъ помолчалъ.—Зачѣмъ же она приглашала васъ?

— Чтобы предложить мнѣ взятку—взятка не годилась для меня; тогда она предложила мнѣ подарокъ болѣе милый: Настю, вы знаете? Этимъ подаркомъ я остался очень доволенъ. Послѣ того Зинаида Никаноровна могла положиться на искренность моихъ совѣтовъ, и вотъ, какъ я говорилъ вамъ, мы рѣшили, что ей надобно быть молчаливою страдалицею. Мы теперь величайшіе друзья. Завтра я поѣду послѣ обѣда за Настею, поѣдемъ съ нею въ Симбирскъ, на долго ли—не умѣю сказать вамъ; вѣроятно, вернемся раньше недѣли.

— Настя красивая дѣвушка. Но что же новаго узнали вы отъ нея или Дедюхиной?

— Отъ Насти то, что она будетъ очень любить меня, если я буду дарить ей фрукты въ сахарѣ. Отъ Зинаиды Никаноровны я услышалъ вещи, болѣе занимательныя, напримѣръ, о благородствѣ губернскаго предводителя, о Енотаевкѣ, которую она принесла въ жертву своей любви къ вамъ, вообще, очень много любопытнаго мнѣ, какъ новость, но не составляющаго новости для васъ. Оставимъ это до другого времени; теперь мнѣ хочется спать. Спокойной ночи.

Онъ хотѣлъ что то сказать, но молчалъ: вѣроятно, хотѣлось, чтобъ я еще разъ и поподробнѣе увѣрилъ его, что ему нечего бояться, и вѣроятно, онъ самъ понималъ, что смѣшно и совѣстно обнаруживать безпокойство повтореніемъ вопросовъ, на которые уже данъ отвѣтъ.—„Только еще половина перваго“, сказалъ онъ. „Еще рано спать, сыграемъ въ шахматы“.

— Еще не поздно, это правда, но я усталъ. Я спалъ всю дорогу. Спокойной ночи. Онъ не сталъ удерживать.

Иванъ Антонычъ сказалъ мнѣ на мой вопросъ о Мери, что ея нѣтъ дома: Викторъ Львовичъ хотѣлъ дожидаться меня, поэтому не могъ ѣхать къ Власовымъ за Надеждою Викторовною. Пришлось ѣхать ему, Ивану Антонычу: Мери попросила дядю, чтобъ онъ взялъ и ее съ собою прокатиться. Власовы не пустили Надежду Викторовну, оставили ночевать и Мери. Милая моя Мери! ей было грустно, она искала развлечься гдѣ-нибудь, хоть поѣздкою съ дядею.

Исправно выспавшись, будущій руководитель русскаго общества проснулся нынѣ въ одиннадцать часовъ и услышалъ отъ Ивана Антоныча, что съ часъ тому назадъ Викторъ Львовичъ входилъ ко мнѣ, постоялъ, посмотрѣлъ, какъ усердно я сплю, сѣлъ къ столу, написалъ записку, и уѣхалъ за Надеждою Викторовною.

Я взялъ записку—въ нее было вложено 200 рублей: онъ не знаетъ, много ли у меня денегъ; Настя избалованная дѣвушка, вѣроятно, недѣля поѣздки съ нею будетъ стоить мнѣ дорого. Это очень мило, и я боюсь, что Настя заставитъ меня промотать и всѣ эти деньги, кромѣ тѣхъ, которыя были сбережены. Это счастье мое, что онъ не оставилъ больше. Въ post-scriptum онъ говорилъ, что не знаетъ, вернется ли до моего отъѣзда къ Дедюхиной за Настей, можетъ быть Наденька захочетъ прокатиться въ Симбухино. Вчера она говорила, что это было бы пріятною прогулкою въ особенности вмѣстѣ съ Власовыми.

Но онъ вернулся: поѣздка въ Симбухино отложена; некогда. Власова хочетъ быть персіянкою—милая молодая дама, она сама любитъ шутить надъ тѣмъ, что она некрасива, и давно увѣряла меня, что ей необходимо стать персіянкою, для сохраненія любви мужа: она убѣждена, что въ персидскомъ костюмѣ она будетъ красавица. Она заставила Мери скроить костюмъ для нея и всѣ три съ Надеждою Викторовною онѣ шьютъ, шьютъ, поклявшись не вставать съ мѣста, пока не дошьютъ. Какъ дошьютъ, пріѣдутъ сюда: Власова хочетъ, чтобы я увидѣлъ ее красавицею. Но и охота же мнѣ писать такой вздоръ! и если трудно убивать время въ ожиданіи возвращенія Мери иначе, какъ писаньемъ, самымъ радикальнымъ средствомъ противъ скуки, то нельзя ли спросить мнѣ у самого себя: умно ли то самое, что я дожидаюсь возвращенія Мери? Я хочу удаляться отъ нея; она предвидѣла это, предсказала, мы даже простились; къ чему же еще новое объясненіе, еще прощанье? Рука устала писать, это много помогло просвѣтленію моего ума: бросаю писать и думаю, что не буду ждать Мери, уѣду, если не сяду играть въ шахматы съ Викторомъ Львовичемъ.

Три часа ночи. Чудо, что за умница Настя! Но можно отложить до утра описаніе ума ея; а теперь лучше будетъ лечь и уснуть.

7. Проснувшись, иду къ Ивану Антонычу: „Гдѣ Марья Дмитріевна? Въ своей комнатѣ?“ — „У Надежды Викторовны“. — „Что жъ она дѣлаетъ у Надежды Викторовны?“ — „Всѣ шьютъ“. Что за швейный народъ! — „Что-жъ онѣ шьютъ, Иванъ Антонычъ? Тоже персидскій нарядъ? Кому еще?“ — „Не персидскій, Владиміръ Алексѣичъ, а сарафанъ для Надежды Викторовны.

Власова говоритъ, Владиміръ Алексѣичъ: сарафанъ будетъ очень идти къ Надеждѣ Викторовнѣ. А что вы думаете, Владиміръ Алексѣичъ: Власова-то, какая красивая въ персидскомъ нарядѣ. Просто узнать нельзя. Ей Богу, такъ это скрасило! можно сказать, чудо! Да вотъ увидите. Она и жалѣла вчера, что онѣ не застали васъ, вы ужъ уѣхали; больше всего хотѣла показаться вамъ. И какъ обрадовалась, когда поутру услышала, что вы воротились, а не уѣхали!“ — „Прекрасно; скажите же ей, что я всталъ, жду, пусть выйдетъ, покажется, похвалю“. А въ самомъ дѣлѣ, пусть она выйдетъ,—тогда и Надежда Викторовна съ Марьей Дмитріевною бросятъ шить, а мнѣ хотѣлось бы поскорѣе увидѣть Марью Дмитріевну.— „Нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ: шутница опять сказала, не будемъ вставать, пока не дошьемъ. Экая веселая, эта Власова! Люблю такихъ, Владиміръ Алексѣичъ!“ Такихъ нельзя не любить. Иванъ Антонычъ правъ. Пусть забавляется, развлекаетъ и другихъ, и мою добрую Мери. Могу подождать, пока будетъ готовъ сарафанъ. Успѣю поговорить съ Мери, тѣмъ больше успѣю, что и не о чемъ, все уже было сказано ею въ томъ миломъ прощаньѣ.

Признаться, не стоило-бъ, да и не слѣдовало бы писать о Настѣ, когда любишь такую славную молодую даму, какъ Власова, такую дѣвушку какъ Надежда Викторовна, и когда друженъ съ такимъ благороднымъ человѣкомъ, какъ моя милая Мери. Подумавши о нихъ, стыдно вспоминать о своихъ нѣжностяхъ съ этой безстыдницей. Но—долгъ выше: надобно быть добродѣтельнымъ; Настя—это драгоцѣнность для подкрѣпленія молодого человѣка въ добродѣтели.

Добродѣтель не можетъ огорчаться, встрѣчая неожиданное сопротивленіе со стороны порока. Я былъ огорченъ Настею. Но огорченія добродѣтельныхъ людей не могутъ быть продолжительны: Провидѣніе бодрствуетъ и утѣшаетъ; то самое, что сначала показалось огорчительнымъ, обращается въ пользу добродѣтельному и радуетъ его. Это сбылось и надо мною: принялъ Настю въ свои объятія съ огорченіемъ, а черезъ полчаса уже самъ гонялся за нею съ большимъ удовольствіемъ. Умная куколка, въ тысячу разъ умнѣе меня!

Уставши вчера писать, разсудилъ, что если не удастся сѣсть убивать время за шахматами, не стану скучать безъ дѣла, не буду ждать Надежду Викторовну и Мери, поѣду похищать прекрасное дитя съ формами двадцатилѣтней дѣвушки и невиннымъ сердцемъ. Оказалось, что Викторъ Львовичъ ушелъ гулять. Я поѣхалъ принять на себя заботу о нравственномъ возрожденіи дѣвицы, по простодушію задирающей ножки выше, нежели одобряется обществомъ. Солнце было еще не совсѣмъ близко, когда будущій воспитатель завидѣлъ деревню Дедюхиной.

По дорогѣ отъ дома, навстрѣчу мнѣ шла—я узналъ по ногамъ, до колѣнъ обрисовывавшимся изъ подъ юбочки, прежде чѣмъ можно было разсмотрѣть даже хоть цвѣтъ платья,—шла Настя; завидѣвши экипажъ, нуждающаяся въ нравственномъ возрожденіи бросилась бѣжать къ приближающемуся возродителю, хорошенькая и невинная моя!—она ждала меня и съ какимъ рвеніемъ стремится она къ обѣщаннымъ ананасамъ, хоть еще и не предчувствуетъ, что они болѣе, нежели ананасы: они залоги ея возрожденія! На разстояніи, соразмѣрномъ способности моихъ глазъ при помощи очковъ, сталъ я видѣть, какъ

развѣвается юбочка ея, мелькаютъ изъ подъ юбочки колѣни, разгорѣлось лицо, еще мигъ, она вспрыгнула въ коляску и прямо, со всего маха, накинулась — не на корзиночку съ ананасами, а на самого меня, — я успѣлъ покачнуться впередъ, опершись руками о подушку, чтобы она не опрокинула меня и не хлопнулась лицомъ о задъ коляски, а она, стиснувши меня, рыдала скороговоркою: „миленькій, что вы хотите сдѣлать со мною? Вы хотите просить— она говорила мнѣ—вы хотите просить Зинаиду Никаноровну, чтобъ она отдала меня вамъ! Миленькій, пожалуйста, не просите! Вы убьете меня, миленькій, если возьмете меня къ себѣ! Я, миленькій, всегда готова съ удовольствіемъ дѣлать съ вами все, что только хотите, и безъ ананасовъ, съ удовольствіемъ, миленькій, потому что я очень полюбила васъ, миленькій, только вы убьете меня, миленькій, если станете просить ее, чтобъ она отдала меня вамъ, потому что она отдастъ—отдастъ, охъ, отдастъ! — а я ни за что не хочу жить съ вами, миленькій, только не просите меня у нея, тогда и безъ ананасовъ, миленькій, я такъ полюблю васъ, что никому, кромѣ васъ, не дамъ и дотронуться до себя, если вамъ это не нравится! Ей-Богу никому—и Федѣ не дамъ даже и пощупать меня, не то, чтобы другое что, непріятнѣе для васъ,—а васъ, пожалуй, и въ банѣ буду мыть и хоть середи самаго сна будите меня, буду просыпаться для васъ“.—Цѣлый дождь слезъ лился мнѣ на лицо, а тискала она меня изо всей силы, такъ, что иной разъ трудно было перевести духъ. Непонятная связь мыслей, но общій смыслъ ясенъ: она не хочетъ быть моею любовницею.

Я обнялъ ее и сталъ успокаивать, велѣвъ кучеру ѣхать шагомъ: видно, что разговоръ пойдетъ интимный, который надобно кончать подальше отъ ушей Зинаиды Никаноровны: нѣтъ, не для ананасовъ она ждала меня на двѣ версты передъ домомъ!—„Не плачьте, Настенька, я не буду просить Зинаиду Никаноровну, не бойтесь, я не хочу ничего такого, на что несогласны вы сами“.—Она понемножку увѣрилась и успокоилась.

— Вы совсѣмъ перестали бояться, что я буду просить васъ себѣ у Зинаиды Никаноровны?—Да, да, совсѣмъ перестала бояться,—она прыгала въ коляскѣ такъ, что мнѣ надо было держать ее, чтобъ она не вывалилась; она хлопала въ ладоши и накидывалась на меня цаловаться.—Хорошо, Настенька; но скажите же мнѣ, я не могу понять: почему вы не хотите, чтобъ я выпросилъ васъ себѣ у Зинаиды Никаноровны, когда вы такъ рады любить меня даже безъ ананасовъ? Да усядьтесь, а то упадете; я усадилъ ее, поднялъ корзиночку, поставилъ ей на колѣни, чтобъ ей нельзя вспрыгнуть. Берите ананасъ, кушайте и растолкуйте, почему мнѣ не просить васъ себѣ у Зинаиды Никаноровны?

Она схватила ананасъ.—Самая важная причина, душенька,—она откусила—самая важная; безъ самой важной—она зачавкала—причины я ничему на свѣтѣ не была бы такъ рада, какъ тому, чтобы вы выпросили меня себѣ — она опять почавкала, — душенька моя, потому что я ужасно полюбила васъ.

Кусая, чавкая, кусая и чавкая, она объяснила мнѣ „важную причину“—причина, дѣйствительно, важная; какъ ни суди, какъ ни огорчайся, а нельзя не признаться: умница моя куколка, очень благоразумная куколка.

Зинаида Никаноровна очень любитъ ее; Зинаида Никаноровна давно говоритъ ей, что она еще глупа, надобно ей быть умнѣе; но Зинаида Никаноровна только такъ называетъ ее глупою, а сама-же говоритъ и то, что она хоть и глупа, но все же не такая глупая, чтобъ нельзя было ужъ и положиться на нее, что она будетъ становиться умнѣе. Она и теперь ужъ довольно умная, и сама Зинаида Никаноровна видитъ это. Да, разумѣется, видитъ, а то не стала бы думать, что можно будетъ отпустить ее жить своимъ умомъ, не стала бы думать и обѣщать, потому что любитъ ее. А Зинаида Никаноровна обѣщала ей: вотъ, со дня на день Зинаида Никаноровна ждетъ Ивана Кириллыча, — Иванъ Кириллычъ братъ Петра Кириллыча, только не такой: Петръ Кириллычъ дуракъ и только умѣетъ бездѣльничать, да воровать головы сахару, да выпрашивать деньги — вчера онъ выпросилъ у Зинаиды Никаноровны 15 рублей — ахъ, какая добрая эта Зинаида Никаноровна—вовсе и не нужно бы давать: пусть не крадетъ, урокъ бы ему,—но Иванъ Кириллычъ не такой: онъ умный и сколько получаетъ! Онъ дослужился до полковника и командовалъ полкомъ и сколько онъ получалъ! А теперь онъ будетъ полицмейстеромъ—гдѣ-то, Богъ знаетъ гдѣ-то, не вспомнить, только въ самомъ большомъ и хорошемъ городѣ, тамъ и хлѣбомъ торгуютъ и ужасно богатые тамъ купцы! и онъ будетъ получать много, много—ужасъ сколько! И онъ теперь въ Петербургѣ, по этимъ хлопотамъ, и ужъ опредѣленъ и скоро выѣдетъ на свою должность и заѣдетъ въ Симбирскъ, тамъ у него мать; чтобъ она посмотрѣла на него, порадовалась, и оттуда проѣдетъ къ Зинаидѣ Никоноровнѣ,—непремѣнно, онъ обѣщался: и Зинаида Никаноровна не пропуститъ его, пошлетъ Петра Кириллыча въ Симбирскъ взять его, привезти, если-бъ онъ самъ сталъ забывать, что обѣщался пріѣхать и къ брату, да и не забудетъ самъ! онъ переписывается съ Зинаидою Никаноровною и ужасно любитъ ее! и Зинаида Никаноровна обѣщалась ей отдать ее ему: онъ возьметъ, непремѣнно! Зинаида Никаноровна говоритъ: „онъ возьметъ тебя, Настя, я устрою это“, говоритъ Зинаида Никаноровна. И какъ хорошо говоритъ ей Зинаида Никаноровна. „Я и не подумала бы, Настя, что надобно устроить это, потому что ты еще слишкомъ глупа, но такой хорошій случай, Настя, нельзя пропустить“, и все говоритъ, какъ надобно быть умною... Настя стала разсказывать мнѣ, какъ надобно ей быть умною...

Она понимаетъ очень удовлетворительно. Я не могъ не успокоиваться за ея будущность, слушая, какъ прекрасно понимаетъ она. Конечно, нельзя надѣяться, чтобы на первое время не дѣлала она ошибокъ. Но первое время проведетъ она подъ глазами Зинаиды Никаноровны: Зинаида Никаноровна будетъ тогда внимательно надзирать за нею, не пропуститъ безъ замѣчанія ни одной ошибки, въ родѣ болтанья ногами кому-нибудь постороннему, и Настя, умница, скоро пріучится заголять ноги осмотрительнѣе. Я убѣжденъ, полицій-мейстеръ не увидитъ никакихъ ошибокъ, а если-бъ и случилось ему замѣтить и разсердиться, при Зинаидѣ Никаноровнѣ не возникнетъ серьезнаго недоразумѣнія... А черезъ какой-нибудь мѣсяцъ можно будетъ и отпустить его съ Настею, Настя уже будетъ умѣть совершенно избѣгать ошибокъ: умная дѣвушка очень скоро отвыкнетъ отъ легкомыслія, а Настя умница.

Такъ смѣюсь я теперь; но тогда, мнѣ было грустно за Настю... Я даже

сталъ говорить ей, что Зинаида Никаноровна любитъ ее, конечно, но дурная женщина и много учитъ дурному.

Съ минуту Настя слушала, вытаращивъ глазенки. Потомъ расхохоталась: ахъ, душенька, какую глупость вы говорите!

Въ самомъ дѣлѣ, глупость. Проживъ со мною полгода, Настя могла бы, вѣроятно, безъ смѣха слышать, что плутовать — нехорошо, что люди, которые учатъ плутовать—нехорошіе люди. Начинать внушать ей такія дикія для нея понятія на второй день знакомства было слишкомъ рано. И слишкомъ поздно, когда узнано, какое счастье обѣщано ей Зинаидой Никаноровною. Слѣдовало бы понять это и не начинать. Я и понималъ, а все-таки не только началъ, но даже и послѣ основательнаго ея замѣчанія продолжалъ... Задушевный, неумолкаемый, неудержимый хохотъ ея скоро парализовалъ мой языкъ. Побѣдоносная Настя съ искреннимъ сожалѣніемъ сказала: „Душенька, если вы будете думать такъ смѣшно, вы будете самый несчастный человѣкъ", развалилась, откинувшись на спинку коляски, разинула ротъ какъ можно шире, запихала въ него, напирая обѣими руками, ананасъ какъ можно больше, разложила руки вдоль боковъ и осталась такъ, съ раскорченною мордочкою, съ торчащимъ изъ нея ананасомъ. Есть больше было, должно быть, приторно, а выпустить сласть изо рта было жаль; а, главное, очень нравилось, что удалось разодрать ротъ такъ широко: удовольствіе удивительнымъ успѣхомъ свѣтилось въ глазахъ. Бѣдная побѣдоносная Настя! она не знала, сколькихъ ананасовъ лишила себя своимъ простодушнымъ справедливымъ смѣхомъ! А во мнѣ, хоть и омраченномъ благородною скорбью о паденіи моего умнаго плана, уже зрѣла мысль, что когда такъ, это мой послѣдній визитъ къ ней. Она красива, это правда; но въ нашемъ селѣ найдутся десятки куколокъ, не уступающихъ ей ни въ чемъ, ни даже въ безстыдствѣ, если оно нужно. Теперь я уже пріѣхалъ къ ней и пусть не пропадаетъ вечеръ. Но больше не видать тебѣ меня, милая куколка! двадцать верстъ, большой расходъ и, хуже всего, мерзкая Зинаида Никаноровна! Буду находить свое ближе, дешевле и безъ непріятнаго общества...

Я велѣлъ кучеру пустить лошадей рысью. Мы прокатили по деревнѣ, представляя великолѣпное зрѣлище публикѣ: я прямой, скрестивши руки на груди, смотрящій прямо впередъ, какъ разъ въ локоть кучеру,—Настя, развалившись, задравши вверхъ мордочку, раскорченную торчащимъ ананасомъ...

Вчера я сказалъ Зинаидѣ Никаноровнѣ, что буду серьезно говорить съ ней о Настѣ. И надобно было говорить. И сталъ говорить—хоть не совсѣмъ то, что предполагалъ вчера. Настя очень нравится мнѣ: чрезвычайно жалѣю, что не могу взять ее на содержаніе: она въ одинъ мѣсяцъ запутала бы меня въ долги на цѣлые годы. Но хочу сдѣлать для нея, что могу. Связь между нею и Зинаидою Никаноровною, конечно, не ослабѣетъ, если получитъ вольную. Я желалъ бы знать... Зинаида Никаноровна перебила меня, покраснѣвши.— Зинаида Никаноровна покраснѣла!—я не вѣрилъ своимъ глазамъ!—и не вѣрилъ своимъ ушамъ: Зинаида Никаноровна безъ аффектаціи говорила, что выкупъ не нуженъ, что она благодарна мнѣ за то, что я напомнилъ ей; давно, давно слѣдовало перечислить Настю изъ крѣпостныхъ въ мѣщанки, ей стыдно, что она все забывала объ этомъ... Это были искреннія слова, простыя,

человѣческія. Я былъ изумленъ, почти растроганъ. Конечно, черезъ минуту привычка къ мерзкому комедіантству взяла свое: пошли идеальности, эфирности, жеманство.

Я писалъ это въ половинѣ или концѣ перваго, мало думая о пустякахъ, которые записывалъ только отъ скуки, чтобы убить время въ ожиданіи, когда наконецъ будетъ сшитъ сарафанъ, Мери будетъ выпущена Власовой изъ-подъ ареста, потому что и персидскій нарядъ самой Власовой и сарафанъ Надежды Викторовны я считалъ дѣломъ этой милой, веселой молодой дамы, тѣмъ больше считалъ ея изобрѣтеніемъ клятву шить не вставая, пока не дошьютъ. Вошелъ Иванъ Антонычъ и сказалъ, что Надежда Викторовна послала его взглянуть, занятъ ли я или нѣтъ; если занятъ, пусть онъ ничего не говоритъ, если я не занятъ, пусть онъ попроситъ меня выйти къ ней: она въ библіотекѣ. Онъ разсудилъ: когда же дождешься, что я не занятъ? Я всталъ и пошелъ.

Милая, добрая дѣвушка извинилась, что будетъ просить меня объ услугѣ: она не такъ дружна со мною, чтобъ имѣла право; но услуга, о которой она попроситъ, не будетъ, конечно, тягостью для меня. Вчера, еще у Власовыхъ, она замѣтила, что глаза у Мери нѣсколько красны. Мери сказала: „Не знаю; должно быть отъ вѣтру и пыли по дорогѣ". Она повѣрила. Нынѣ за шитьемъ сарафана опять видитъ: глаза у Мери нѣсколько красны. Мери сказала: „Не знаю; развѣ остается отъ вчерашняго". Она все повѣрила, но сказала, что не слѣдуетъ утомлять такихъ глазъ шитьемъ. Мери говорила: „Это ничего" и не слушалась—она и Власова взяли у Мери и велѣли ей уйти, чтобъ она не усаживалась опять шить. Когда Мери ушла, Власовой скоро надоѣло шить и она легла читать. И Надежда Викторовна пошла взять книгу,—книга, которую она читала, осталась у нея въ провансальской бесѣдкѣ. Она входитъ туда и видитъ: Мери сидитъ за столомъ и плачетъ, по столу разсыпаны цвѣты. „О чемъ вы плачете, Мери?"—Но у Мери уже спокойное, даже веселое лицо, и въ рукахъ цвѣты: „Я и не думала плакать; развѣ отъ рѣзи въ глазахъ навернулись слезинки".—„Вы плакали, Мери".—„Да вовсе нѣтъ, видите, плела гирляндочки на сарафанъ и сплету вѣнокъ, это тоже надобно для русскаго наряда. Хорошо я выбрала цвѣты?"—„Вы плакали, Мери. Чѣмъ огорчены вы?"—„Да что это вы, Надежда Викторовна?"—„Чѣмъ огорчены вы?"—(Конечно, Надежда Викторовна выражала ей участіе гораздо нѣжнѣе, нежели передавала мнѣ свои слова). „Кѣмъ огорчены вы? Вы не хотите сказать. Я подумаю, что я сама чѣмъ-нибудь огорчила васъ".—„Вы, меня?" съ порывомъ воскликнула Мери и схватила поцѣловать руку Надежды Викторовны; Надежда Викторовна едва успѣла отдернуть руку. „Вы совсѣмъ разстроены, Мери".—„Нѣтъ, Надежда Викторовна, я была спокойна и весела, но ваша доброта растрогала меня. Я люблю васъ, Надежда Викторовна; только; я очень люблю васъ. Но оставьте меня, Надежда Викторовна; перестаньте ласкать меня, или я вовсе расплачусь". Что такое съ Мери? Я другъ ей, мнѣ она скажетъ. вѣроятно. Она, вѣроятно, еще тамъ въ провансальской бесѣдкѣ. Она опять сѣла плести уборы для русскаго наряда, который выдумала Надеждѣ Викторовнѣ Власова съ ея же словъ.

Я былъ радъ, что Мери, наконецъ, одна, что я могу переговорить съ нею. Я думалъ, что знаю, о чемъ она плакала: о томъ, что я увидѣлъ на-

добность держать себя далеко отъ нея; быть можетъ, немножко и о томъ, что я слишкомъ легко подчинился этой обязанности: съ нашего прощанья передъ моимъ первымъ визитомъ Зинаидѣ Никаноровнѣ прошло два дня, и пусть еще не было минуты, когда бы я могъ поговорить съ Мери, но два дня! я могъ бы написать, если не находилось минуты видѣть ее наединѣ. Я думалъ, что она огорчена и моею связью съ Настею; она еще не могла узнать, что я не хочу видѣть больше эту жалкую дѣвушку; она должна опасаться, что Настя разоритъ меня, будетъ вводить въ безразсудства. Да и обидно ей, думалъ я, что ея другъ могъ связаться съ такою пошлою дѣвушкой. О ревности нечего думать: Мери такъ же мало, какъ Власова, расположена ревновать меня; но и Власовой, если Власова знаетъ, должно быть непріятно это: женщина не можетъ не чувствовать себя оскорбленною, когда ея знакомый съ удовольствіемъ переходитъ изъ ея честнаго общества къ пошлости, которою унижается достоинство женщины. Мери дружнѣе со мною, чѣмъ Власова, потому должна и чувствовать обиду болѣе горько. Такъ понималъ я.

Я отворилъ дверь бесѣдки. На столѣ лежали гирлянды. Мери сидѣла и плела вѣнокъ. Онъ выпалъ изъ ея рукъ, краска бросилась въ щеки ей, но это былъ только мигъ смущенія; я еще не переступилъ порога, Мери уже владѣла собою: хоть вся вспыхнувшая, спокойнымъ движеніемъ нагибалась поднять вѣнокъ, подняла и, держа его обѣими руками, будто хотѣла продолжать плесть, подняла на меня смѣлый взглядъ, твердо сказала: А, это вы, Владиміръ Алексѣичъ!

Я остановился; такъ холоденъ былъ взглядъ, и такъ странно звучалъ твердый голосъ, будто вызовомъ на борьбу, будто она встрѣчаетъ врага, —что это такое? Развѣ то, что она оскорблена моею связью съ Настею еще гораздо сильнѣе, нежели думалъ я! Ревности не можетъ быть въ ней; но она стала презирать меня! Такъ я понялъ. И точно: въ ея взглядѣ я читалъ: „что вамъ угодно, милостивый государь? Зачѣмъ вы изволили пожаловать сюда? Вы должны были понимать, что я не хочу видѣть васъ". И точно, изъ словъ Надежды Викторовны о шитьѣ сарафана я понималъ: эта поѣздка къ Власовой, это шитье персидскаго наряда для Власовой, какъ и этотъ сарафанъ— все только для того, чтобъ уклоняться отъ свиданія со мною,—такъ чуждъ я сталъ ей! Болѣе, нежели чуждъ, пояснялъ мнѣ ея взглядъ: она встрѣчаетъ меня будто врага! Сердце мое тоскливо сжалось.

— Марья Дмитріевна, вы не подаете мнѣ руки!

Лицо ея мгновенно измѣнилось: просвѣтлѣло радостью, прежняя нѣжная дружба свѣтилась въ ея взглядѣ.

— Вы хотите, чтобъ я подала вамъ руку? Она спокойно встала и шла ко мнѣ. Вы остаетесь моимъ другомъ? Благодарю васъ! Она обняла тихо и крѣпко и безъ поцѣлуя, какъ обнимались мы съ Ликаонскимъ, когда онъ уѣзжалъ, какъ обнимаются друзья, когда хотятъ показать: эта сила чувства— не порывъ, это сила моего постояннаго расположенія къ тебѣ. Вы не усомнились во мнѣ, Владиміръ Алексѣичъ? Благодарю васъ! Она крѣпко прижала меня къ своей груди и спокойно сѣла.

Я и шелъ къ ней, уже предрасположенный быть глубоко взволнованъ. Я былъ теперь нѣжно, нѣжно растроганъ: понималъ, что если я сяду и дамъ

себѣ волю разговориться, то расчувствуюсь до слезъ. А слезы—плохое свидѣтельство непоколебимости. Я понималъ, что не долженъ садиться. Надобно покороче, поскорѣе сказать, что̀ надобно сказать, и уйти, пока еще не хлынутъ слезы.

— Нѣтъ, Марья Дмитріевна, я не могъ усомниться въ васъ. Когда я послѣ вашего великодушнаго прощанья со мною понялъ, что долженъ держать себя далеко отъ васъ, въ тотъ же мигъ я понялъ, что вы давно знали все, чего я не предполагалъ, что вы давно пренебрегли молвою о нашихъ отношеніяхъ и впередъ хотите пренебрегать ею, удерживать меня въ прежней близости къ вамъ. Но я не соглашусь уступить. Я слишкомъ люблю васъ. Моя небрежность о вашемъ добромъ имени происходила именно отъ того, что я чрезвычайно искренно люблю васъ. Не знаю, почему, но я не думалъ о себѣ, какъ о вашемъ мужѣ,—нѣтъ, знаю почему: потому, что видѣлъ, мнѣ нельзя думать о себѣ, какъ о вашемъ мужѣ. Поэтому я не могъ помнить, что вы женщина. Вы видѣли это; вы видѣли, я не помнилъ, что вы молода, что вы хороша собою. Такъ сильно уваженіе къ вамъ даже надъ моими мыслями. Какъ же могу я позволить себѣ продолжать быть вреднымъ для васъ? Нѣтъ, я не могу согласиться на ваше великодушное безстрашіе, чтобы продолжалась наша близость, чтобы возобновлялись поводы къ молвѣ, будто бы я вашъ любовникъ. Нѣтъ, мы должны стать чужды другъ другу, и будемъ чужды.

Я чувствовалъ, что надобно высказать все, пока еще не расплакался, и договорилъ, не останавливаясь, хоть видѣлъ, что мои слова производили на нее впечатлѣніе вовсе не такое, какъ бы слѣдовало по моимъ ожиданіямъ. Я предполагалъ, что она болѣе или менѣе знала впередъ мои мысли. Но она слушала, будто совершенно неожиданныя новости: ея лицо выражало удивленіе, ея руки сложились на поясѣ, рука объ руку, пальцы ихъ сжимались, плечи приподнимались, будто она изумляется, не знаетъ, что и думать о томъ, что слышитъ, такъ это несообразно съ ея предположеніями.

— Что такое вы говорите, Владиміръ Алексѣичъ? Такъ ли я поняла васъ? Васъ называютъ моимъ любовникомъ? Кто?

— Зинаида Никаноровна Дедюхина.

— Неужели она сказала вамъ, что я ваша любовница? Я вижу, что не ошиблась въ смыслѣ вашихъ словъ, но не ошиблись ли вы въ смыслѣ ея словъ? Но нѣтъ, что же я спрашиваю! Вы сами не могли хотѣть того, что я, по ея мнѣнію, ваша любовница! Вы не могли приписывать ей такой мысли! Я не понимаю, рѣшительно не понимаю! Я ослышалась, вы сказали не то,—или вы ослышались и отвѣчали не на тотъ вопросъ, который я сдѣлала!

Мери говорила съ недоумѣніемъ, съ изумленіемъ, но была далека отъ всякаго патетическаго настроенія,—гнѣвнаго ли, сантиментальнаго ли: потому и я уже не могъ опасаться, что дѣло у меня дойдетъ до слезъ. А видно было, что разговоръ затягивается. Я сѣлъ.

— Я совершенно ясно понялъ вашъ вопросъ, Марья Дмитріевна, и вы совершенно ясно поняли мой отвѣтъ.

— Но это странно, Владиміръ Алексѣичъ!—Она пожала руками и плечами.—Зинаида Никаноровна Дедюхина сказала вамъ, что я ваша любовница? И вы пришли сюда затѣмъ, чтобы сказать мнѣ, что вы сохраняете прежнія

чувства ко мнѣ, не хотите избѣгать меня, чтобы не продолжать компрометировать меня? Такъ?

— Совершенно такъ, Марья Дмитріевна.

— Значитъ, такъ. Но воля ваша, это странно.

— Марья Дмитріевна, вы держали себя со мною не такъ, чтобы я могъ думать, что я сколько-нибудь нравлюсь вамъ или успѣлъ бы понравиться. Я и теперь вижу все то же. Вы любите меня, какъ Надежда Викторовну.

— Конечно такъ; если бы вы не видѣли этого, между нами не могло бы быть такихъ спокойныхъ и нѣжныхъ отношеній. Но я и спрашиваю васъ вовсе не о томъ, почему вы, услышавъ, что я ваша любовница, не дѣлаете мнѣ предложенія. Я спрашиваю васъ: какъ мнѣ понять, что вы пришли передать мнѣ это мнѣніе Зинаиды Никаноровны Дедюхиной, — ваше рѣшеніе избѣгать меня и кончили тѣмъ? Неужели это все, что вы хотѣли сказать мнѣ? Я ждала совершенно иного разговора, вовсе не о Дедюхиной и не о томъ, что я ваша любовница.

— Марья Дмитріевна, я въ свою очередь не знаю, что такое вы говорите мнѣ? Какого другого разговора вы могли ждать отъ меня? Скажите мнѣ—я ничего не понимаю.

Она задумалась. Пристально посмотрѣла на меня. Но на моемъ лицѣ не было ничего, кромѣ полнѣйшаго недоумѣнія. Я видѣлъ, она очень хорошо понимаетъ, почему я никогда не воображалъ ее ни своей женой, ни своею любовницею и продолжаетъ попрежнему не желать, чтобы я увлекся такими фантазіями. Чего-жь она хочетъ отъ меня, когда не хочетъ предложенія? Я не понималъ и терпѣливо ждалъ, пусть же она скажетъ. Она пристально всматривалась въ это смирное и безсмысленное, какъ у овцы, выраженіе моихъ глазъ и опять задумалась.

— Неужели я была введена въ ошибку?—сказала она опять, пристально смотря на меня. — Прошу васъ, разскажите мнѣ все, что слышали, узнали, все, что вы говорили, все, что вы думаете. Вы получили записку отъ Дедюхиной, не хотѣли, но потомъ рѣшились ѣхать, — узнавъ, что вы ѣдете, я простилась съ вами. Какъ вы понимаете это прощанье?

— Вы предвидѣли, что я услышу отъ Дедюхиной, будто бы я вашъ любовникъ и увижу, что обязанъ держать себя далеко отъ васъ. Я сейчасъ говорилъ вамъ это. Вы сказали, что не предвидѣли этого. Стало быть, ваше прощанье со мною имѣло другой смыслъ. Какой? Не тотъ ли, что вы предугадывали какими пошлостями я увлекусь?

— Вы говорите объ этой жалкой дѣвушкѣ? Да, я не считала невозможнымъ этого. Но это не казалось мнѣ важнымъ. Пусть у васъ пропадетъ нѣсколько денегъ на ея прихоти: бѣда не очень велика, вы скоро образумитесь: вы не можете оставаться очарованъ такимъ ничтожнымъ существомъ. Я не боюсь за васъ. Я не думала объ этомъ, прощаясь съ вами. О чемъ же я думала? Нѣтъ, я вижу, вы не знаете. Я вижу, я ошиблась, подумавъ, что ваша дружба ко мнѣ одолѣла всѣ тѣ сомнѣнія, которыхъ я боялась. Я вижу, я ошиблась, обнявъ теперь васъ, какъ друга, который не покинетъ меня въ тяжелыхъ страданіяхъ, которыя ждутъ меня. Можетъ сбыться то, чего я опасалась: изъ друга вы можете стать моимъ врагомъ, преслѣдователемъ. Но пока

вы еще не разлюбили меня и я прошу васъ отвѣчать всю правду на мои вопросы; вы обѣщаетесь?

Она говорила это съ такою глубокою печалью, что я опять былъ взволнованъ.

— Вы предвидите страданія, Марья Дмитріевна, какія?

— Вражду и преслѣдованіе отъ людей, которыхъ я искренно и очень сильно люблю. Въ томъ числѣ—это я уже и сказала—отъ васъ.

— Пусть всѣ будутъ противъ васъ, но во мнѣ вы не должны сомнѣваться! Моя дружба къ вамъ останется неизмѣнна!—горячо сказалъ я. Мнѣ казалось, что теперь я понимаю все: она влюблена въ кого-нибудь! Въ кого? Неужели во Власова? Онъ любитъ жену, онъ не могъ завлекать Мери и если бы завлекалъ, онъ не лучше меня: слишкомъ неопасный соблазнитель!—Но чего не бываетъ на свѣтѣ? Или, гораздо вѣроятнѣе, какая-нибудь совершенно нелѣпая страсть, напримѣръ, къ какому-нибудь деревенскому парню, — чего не бываетъ на свѣтѣ? Такъ выходило изъ ея словъ. За что, кромѣ такого увлеченія, могли бы возстать на нее люди, которые такъ искренно расположены къ ней, какъ я?—Пусть всѣ будутъ противъ васъ, я останусь вашимъ другомъ! Говорите же, что такое? Вы увлеклись, влюблена?

— Нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ. Я столько страдала отъ увлеченій, что уже довольно, довольно, довольно! — Я давно сказала себѣ: не хочу, не буду—я не буду! — Она сказала это горячо, грустно улыбнулась и спокойно прибавила:—Теперь слишкомъ поздно и жалѣть объ этомъ рѣшеніи, если бы даже была охота жалѣть. Но я просила васъ обѣщаться, что будете отвѣчать всю правду на мои вопросы.

— Буду, Марья Дмитріевна.

— Хорошо. Вы говорите, что Дедюхина считала меня вашею любовницею? Правда это,—и вся правда?

— Да.

— А теперь? Что думаетъ она обо мнѣ теперь?

— Вѣроятно, забыла о вашемъ существованіи.

— Забыла о моемъ существованіи? Убѣдившись, что я не любовница ваша, забыла о моемъ существованіи!

— По всей вѣроятности.

— Вы такъ думаете? Это правда, вся правда?

— Да.

— Я была обманута. Вы не говорили того, что я предполагала, — должно быть такъ. Я вижу по вашимъ глазамъ, вы ничего не знаете. Но нѣтъ, мнѣ все еще не вѣрится.—Послѣдній вопросъ: онъ рѣшитъ все: каковы мои отношенія къ Надеждѣ Викторовнѣ?

— Неужели она подала вамъ поводъ жалѣть, что вы искренно любили ее?—Она, такая добрая и деликатная?

— Нѣтъ. Я хотѣла сказать не то. Я хотѣла сказать, что Викторъ Львовичъ гораздо меньше любитъ ее, нежели слѣдовало бы. Онъ дурной отецъ.

— Вы несправедливы къ нему, Марья Дмитріевна.

— Я справедлива къ нему. Я надѣюсь, что она не будетъ несчастна. Я надѣюсь, что все будетъ къ лучшему для нея. Но—но онъ слишкомъ мало

думалъ о дочери. Хорошо, что я могу... хорошо, что я могу—но нѣтъ, довольно! Я не хочу говорить больше.

Мери замолчала и стала плести вѣнокъ. До сихъ поръ мнѣ казалось, что она довольно спокойна. Тутъ я увидѣлъ, что ей стоило большого усилія сохранить спокойный видъ: ея руки дрожали.

— Вы слишкомъ любите Надежду Викторовну,—она заслуживаетъ того. Но это дѣлаетъ васъ несправедливою къ ея отцу. Можно ли сказать, что онъ мало думаетъ о дочери, когда чувство отцовской обязанности дало ему силу разорвать связь съ Дедюхиною?

Мери промолчала и усиливалась плести вѣнокъ. Но руки ея дрожали.

— О, какъ мнѣ тяжело, Владиміръ Алексѣичъ? Прошу васъ, уйдите, или я не знаю, что будетъ со мною—мнѣ кажется, со мною будетъ истерика.

Лицо ея становилось блѣдно, грудь волновалась; я не зналъ, что мнѣ дѣлать: уйти, какъ она велитъ, и послать къ ней кого-нибудь, — Надежду Викторовну или Власову,—но до дома далеко, это пройдетъ минутъ десять. Я боялся оставить ее одну. Я не зналъ хорошенько, что такое истерика, но я зналъ, что это какіе-то ужасные пароксизмы, какія-то конвульсіи съ хохотомъ и рыданьемъ. Какъ оставить ее одну на столько времени?—До дома полъ версты.

— Я боюсь оставить васъ одну, Марья Дмитріевна.

— Не бойтесь, это ничего. Уйдите! А уже слышалось, что ей очень трудно говорить ровнымъ голосомъ.

— Боюсь уйти, Марья Дмитріевна.

— Такъ я уйду, пока могу. Она встала и пошла твердымъ шагомъ.

— Это хорошо, пойдемъ вмѣстѣ, тамъ въ домѣ съумѣли бы ухаживать за вами, если бы что случилось.

Она казалась спокойною, только блѣдна, и грудь ея волновалась. Такъ прошли мы шаговъ двадцать,—она шла твердою поступью, я начиналъ успокоиваться,—вдругъ она зарыдала съ хохототомъ и упала. Я подхватилъ ее за руку.

— Назадъ, въ бесѣдку! Пусть не слышатъ!—Она опять шла, шатаясь: Назадъ! въ бесѣдку!—Она хохотала: Никто не долженъ слышать! Нѣтъ силъ молчать,—вы мой другъ!—Скрывать отъ васъ!—Нѣтъ силы скрывать дольше! Слишкомъ тяжело! Я все скажу! О, какъ вы любите меня! Вы не понимаете потому, что любите меня!—Неужели вы перестанете уважать меня? Скажите, что вы не будете презирать меня! Нѣтъ силы, стыдно! О, зачѣмъ вы такъ уважали меня?—Я не стыдилась бы!—Скажите же, вы не презираете меня? Я скажу вамъ все! Не могу—душитъ!—Нѣтъ силы молчать, нѣтъ силы сказать!—Идите къ нему, скажите ему, онъ разскажетъ все! Онъ не знаетъ, онъ не долженъ знать! Но вамъ я скажу!—Она рыдала и хохотала, опустившись на мои руки, въ безсиліи. Не могу! Идите къ нему, онъ скажетъ? Не вѣрьте ему, онъ не знаетъ!—Не вѣрьте ему, что онъ обольстилъ меня,—я соблазнила его!—съ конвульсивною силою она рванулась и побѣжала,—сдѣлавъ десять шаговъ—упала.

Я взялъ ее на руки,—она отталкивала ихъ, но слабая, какъ маленькій ребенокъ,—я понесъ ее въ бесѣдку, она лежала на моихъ рукахъ, будто въ

летаргіи. Я положилъ ее на диванъ, нѣсколько времени она оставалась безъ движенія и почти не дышала. „Не бойтесь“,—проговорила она—слабо, чуть слышно:—„Все прошло; все сказано и все прошло. Уйдите, безъ васъ мнѣ будетъ легче; мнѣ стыдно васъ—мнѣ стыдно!“

Не знаю—жалость ли или остатокъ прежней вѣры въ благородство ея сердца—или просто то, что я самъ не зналъ, что дѣлаю и говорю—я цѣловалъ ея руку и говорилъ: „Марья Дмитріевна, я вѣрю въ васъ, Марья Дмитріевна, вы не можете быть дурною, Марья Дмитріевна, я знаю васъ, у васъ благородное сердце!“

— Нѣтъ, нѣтъ, уйдите, отвѣчала она слабымъ голосомъ:—При васъ я презираю себя, уйдите, или мнѣ будетъ опять дурно.

Я вышелъ и сѣлъ подлѣ бесѣдки, ждать, пока она оправится.

Черезъ полчаса она вышла: все еще нѣсколько блѣдная, но не такая блѣдная, чтобъ это могло показаться поразительнымъ кому-нибудь незнающему,—возбудить подозрѣнія, разговоры: устала или болитъ голова, только. Я пропустилъ ее, молча, потупивши взглядъ. И она прошла, не имѣя силы взглянуть.

Такъ дорожитъ уваженіемъ честнаго друга, такъ мучиться чувствомъ стыда передъ нимъ—и этотъ благородный стонъ, которымъ она принимала на одну себя всю вину: „онъ не обольщалъ меня, я соблазнила его“—какъ прекрасна могла бъ она быть, если бы не захотѣла быть дурною!

Я разсудилъ, что Надежда Викторовна, конечно, гораздо больше меня способна вѣрить хорошему, не предполагать дурного. Она ли не повѣритъ тому, въ чемъ былъ убѣжденъ я, когда шелъ на этотъ разговоръ? И она ли усомнится въ чистотѣ моей дружбы къ Мери, когда я былъ способенъ имѣть такое чистое чувство? Думать не хотѣлось, голова была безъ мыслей, будто я толкнулся лбомъ объ стѣну,—я радъ былъ, что у меня есть готовый отвѣтъ для Надежды Викторовны. Онъ былъ хорошъ и тѣмъ, что прекрасно объяснялъ мои будущія отношенія къ Мери.

Надежда Викторовна вышла ко мнѣ въ библіотеку. „О чемъ же плакала Мери“?—Вы видѣли, Надежда Викторовна, какъ дружны были мы съ нею? Мы забывали, что это можетъ подать поводъ къ сплетнямъ. Я услышалъ ихъ. Я долженъ держать себя дальше отъ Мери. Она плакала объ этомъ.

Милая, добрая дѣвушка,—ее можно называть невинною дѣвушкою не смѣясь. Какъ она была огорчена за Мери!

— Я ставлю себя на ея мѣсто и понимаю, что ей нельзя не плакать. Вы—все общество, которое имѣла, которое можетъ имѣть она здѣсь. Я люблю ее, это правда; но отношенія между нами не могутъ не быть стѣснительны для нея; тѣмъ болѣе, что она горда. Съ Власовыми она держитъ себя свободнѣе, но хоть они очень хорошіе люди, все-таки они помнятъ, что Мери — горничная. Ахъ, это положеніе горничной вовсе не годится для такой гордой, развитой дѣвушки! Какъ не привязана я къ Мери, я желала бы лучше вовсе не видѣть ее, чѣмъ видѣть ее своею горничною! Надобно найти ей другое положеніе, не правда ли? И m-me Lenoir говорила, чтобы я позаботилась объ этомъ. M-me Lenoir говорила, что она можетъ быть гувернанткою; можетъ, не правда ли? Тогда она могла бы опять быть дружна съ нами и никто не говорилъ бы объ этомъ дурно. Вы будете жить у насъ, она

могла бы ѣздить къ намъ каждый день, тогда она могла бы ѣздить въ гости ко мнѣ, не такъ ли? и кто могъ бы говорить дурно? Вы думаете такъ, не правда ли? Потому что и вы тоже очень любите ее, какъ она васъ — не правда ли?

Я сказалъ, что очень люблю Мери и поэтому давно написалъ своимъ знакомымъ въ Петербургѣ, чтобъ они постарались найти для нея мѣсто гувернантки. Я еще не говорилъ ей объ этомъ, чтобы не заводить спора прежде времени: она такъ любитъ Надежду Викторовну! — Мы оба стали радоваться, что одинаково думаемъ о Мери и о томъ, что надобно сдѣлать для Мери.

Я ушелъ въ свою комнату и поплакалъ о бѣдной Мери: зачѣмъ она захотѣла быть такою дурною?

Но я не хочу отказаться отъ мысли, съ которою я цѣловалъ руку моей бѣдной Мери, говорилъ ей, что не могу считать ее дурною. Нѣтъ. Мери согласится уѣхать отсюда! Она согласится, я знаю: тогда я не буду ненавидѣть ее, осуждать, буду плакать о ней, буду; но буду плакать безъ негодованія, только съ сожалѣніемъ и осуждать ее буду снисходительно. Пусть она уѣдетъ въ Петербургъ. Мы можемъ пріѣхать черезъ нѣсколько дней. Пусть она будетъ любовницей Виктора Львовича, если ей такъ надобно: въ Петербургѣ это можетъ оставаться неизвѣстно, не будетъ вредить отношеніямъ Надежды Викторовны къ отцу. Тогда мнѣ будетъ только жаль мою милую Мери, что она не захотѣла быть такою прекрасною, какою могла быть. Никому, кромѣ нея самой, не будетъ несчастія отъ того, что она захотѣла быть дурною... бѣдная Мери! Такое униженіе, такое великое, добровольное уни...

Я писалъ это — вошелъ Иванъ Антонычъ. „Въ другой разъ нынѣ я отрываю васъ отъ работы, Владиміръ Алексѣичъ“.—„Ничего, Иванъ Антонычъ; моя работа не спѣшная. Что скажете? Опять прислала Надежда Викторовна?“ — „Нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, я пришелъ поговорить съ вами“.— Я угадалъ его.— „Что такое, Иванъ Антонычъ?“ — „Да вотъ, о Машенькѣ, Владиміръ Алексѣичъ“. Поутру — еще задолго до обѣда—Машенька пришла изъ саду, онъ видитъ, она будто блѣдная: здорова ли? Она сказала, здорова, только болитъ голова, она ляжетъ, пройдетъ: онъ говорилъ ей, не послать ли за лекаремъ, она говоритъ—не надобно, пройдетъ. Теперь встала, но сидитъ, молчитъ,— онъ боится, не сдѣлается ли къ ночи опять худо? Съ больными такъ бываетъ: пока день, становится легче, а ночью и разболѣются. Какъ я думаю? или онъ попросилъ бы меня пойти взглянуть на нее. Какъ я думаю?— „Она не больна, Иванъ Антонычъ, а только огорчена“.—„Чѣмъ же?“ —Я повторилъ ему то же самое, что говорилъ Надеждѣ Викторовнѣ. Онъ всплеснулъ руками:—„Ахъ, ты Боже мой! Какіе люди есть на свѣтѣ! Да у кого же нѣтъ глазъ видѣть, похожа ли на что-нибудь дурное ваша съ нею дружба? И неужели кто-нибудь изъ нашихъ дома выдумалъ такую глупость, такую подлость?“ — Нѣтъ, не изъ нашего дома, а Зинаида Никаноровна Дедюхина.—„Ну вотъ, это такъ,—отъ нея можно ждать всего!“ — „Но это вы вздумали хорошо, Иванъ Антонычъ: если бы мнѣ поговорить еще разъ съ Марьею Дмитріевною, можетъ быть это было полезно“. Старикъ пошелъ сказать ей.

Умно ли я сдѣлалъ, что сообщилъ и ему идиллическое мнѣніе, которымъ

недавно ослѣплялъ себя? Что, если Мери вздумаетъ воспользоваться этимъ? Если я прослыву ея любовникомъ? Это было бы очень выгодно для нея. А я усердно подготовилъ ей возможность играть моимъ именемъ для прикрытія правды. Мое положеніе будетъ необыкновенно глупо. Пусть, все равно. Лишь бы отвратить серьезныя семейныя непріятности, пусть буду я посмѣшищемъ для нея и для себя самого. Такъ разсудилъ я. А пока разсуждалъ, Иванъ Антонычъ возвратился: Машенька еще не хочетъ говорить со мною, боится опять разстроить себя.

Я подумалъ, не уловка ли это, не отлагаетъ ли она разговоръ, чтобы прежде переговорить съ Викторомъ Львовичемъ, и пошелъ къ нему — по какому побужденію, самъ не знаю. Неужели только по мелочному самолюбію, чтобы думать: „о, нѣтъ, когда разъ понялъ, что хитрятъ со мною, я не дамъ перехитрить себя? Вѣроятно, вы будете говорить, Марья Дмитріевна, что еще не видѣлись съ Викторомъ Львовичемъ послѣ нашего объясненія, — я буду знать, правда ли это". Или въ самомъ дѣлѣ мнѣ казалось, что для разговора съ нею мнѣ надобно хорошенько всмотрѣться въ Виктора Львовича, знать, до какой степени велика ея власть надъ нимъ? — Мнѣ казалось, что меня ведетъ къ нему эта серьезная надобность. Такъ, или нѣтъ, но я пошелъ къ нему. Онъ читалъ газеты. „Не хотите ли сыграть въ шахматы, Викторъ Львовичъ!" — „Я никогда не прочь отъ шахматовъ, но я не ожидалъ, что вы захотите, а то самъ позвалъ бы. Я думалъ, вы сильно заняты, вы не выходили обѣдать, велѣлъ подать къ вамъ въ комнату". — „Онъ былъ въ хорошемъ и разговорчивомъ духѣ, онъ уже и вчера былъ въ такомъ духѣ со мною, не боялся меня, не конфузился. — „Я только сказалъ слугѣ, что я занятъ: я былъ не занятъ, а разстроенъ. Сильно разстроенъ, огорченъ, тѣмъ, что узналъ нынѣ по утру отъ Марьи Дмитріевны". — Онъ осовѣлъ, раскрылъ ротъ, закрылъ, не сказавши ничего. Покраснѣлъ. „Вы думали, кажется, что я узналъ это еще третьяго дня вечеромъ отъ Зинаиды Никаноровны Дедюхиной, и должно быть вы такъ передали Марьѣ Дмитріевнѣ, потому-то, вѣроятно, она и избѣгала меня, потому-то, когда я наконецъ нашелъ ее нынѣ по утру, мы съ нею очень долго не могли понять другъ друга". — „Но неужели вы не знали до сихъ поръ? Какъ же, мнѣ показалось, когда вы говорили со мною по пріѣздѣ отъ Дедюхиной, вы намекали на это?" — „Не могъ намекать. Вы полагали, что она узнала и сказала мнѣ, потому вы и находили въ моихъ словахъ смыслъ, котораго не было у меня въ мысляхъ". — „Да, теперь вспоминаю, вы не сказали ничего объ этомъ и вы казались сердитымъ, ушли, сказавши коротко, что Дедюхина оставитъ меня въ покоѣ: вы казались такой сердитый, я не могъ сомнѣваться, что вы узнали все. Такъ я и сказалъ ей". — А на другой день вы увидѣли, что я нисколько не угрюмъ съ вами и подумали, что послѣ первой досады я примирился съ этимъ? — „Да. Но она была увѣрена, что не примирились; и еще не примирились?" — „Не умѣю ничего сказать вамъ. Прежде я долженъ поговорить съ Марьею Дмитріевною". — „Но вы говорите, что нынѣ утромъ у васъ уже былъ разговоръ съ нею?" — „Да. Но она полагала, что я знаю, чего еще не зналъ и долго не могли понять другъ друга; отъ этого разговоръ вышелъ чрезвычайно тяжелый для меня, — для нея еще болѣе мучительный — съ нею сдѣлалась исте-

рика, она убѣжала и должна была лечь"...—„Она больна?"—Онъ поблѣднѣлъ, вскочилъ, засуетился. Я долженъ былъ схватить его, чтобъ удержать: „Если не пускаете меня—и въ самомъ дѣлѣ, я долженъ сидѣть смирно, не показывать виду, что она дорога мнѣ,—если не пускаете меня, идите къ ней, узнайте, скажите мнѣ, успокойте меня". Я насилу растолковалъ ему, по всей вѣроятности это было только изнеможеніе и пройдетъ, если еще не прошло. Но онъ все-таки вытребовалъ, чтобы я сейчасъ пошелъ къ ней, узналъ, сказалъ ему.

„А Машенька моя уже встала, пошла въ садъ и говоритъ, что напрасно не хотѣла говорить съ вами, что для нея лучше будетъ поговорить; но только еще не велѣла звать васъ, сказала, что зайдетъ ко мнѣ, скажетъ, когда позвать васъ, должно быть, прежде хочетъ хорошенько освѣжиться воздухомъ", сказалъ Иванъ Антонычъ. Я пошелъ въ аллею, которая извивается по берегу большого ручья,—въ ея любимую аллею: я угадывалъ, что она тамъ. Она была тамъ: она шла, опустивъ голову, она была все еще нѣсколько блѣдна. Увидѣвши меня, она покраснѣла и гордо выпрямилась и подняла на меня смѣлый взглядъ.

— Я разсудила, что напрасно отказалась говорить съ вами—это слабость; мнѣ нечего стыдиться. Но я не хотѣла, чтобы вы пришли сюда такъ рано: я видѣла въ зеркало, что я все еще немножко блѣдна, я не хотѣла, чтобы это располагало васъ къ состраданію, я не хотѣла эффекта—и я опасалась, что я покраснѣю, какъ и покраснѣла,—я не хотѣла, чтобы вы видѣли и это, потому что это слабость, которой я стыжусь: не должно краснѣть ничьего взгляда, когда чувствуешь, что не сдѣлано ничего дурного, какъ бы ни судили другіе. Я хотѣла подождать сумерекъ, чтобы вы не видѣли ни блѣдности моей, ни напраснаго стыда. Но вы пришли раньше и увидѣли. Все равно. Или тѣмъ лучше. Я хотѣла, чтобы вы не видѣли, какъ я слаба. Но пусть вы видите меня такой, какова я. Тѣмъ лучше: передъ вами мнѣ тяжело притворяться. Вы видѣли Виктора Львовича? Что сказали вы ему? На что онъ согласился?

— Я видѣлъ его, но ничего не говорилъ съ нимъ, кромѣ того, что сказалъ о нашемъ разговорѣ поутру. Я самъ не знаю, зачѣмъ я пошелъ къ нему: затѣмъ ли, что, думалъ, вы хотите условиться съ нимъ, и за этимъ откладываете разговоръ, или затѣмъ, чтобы видѣть, какъ велика ваша власть надъ нимъ. Но я...

— Условливаться съ нимъ?—Нѣтъ, моя власть надъ нимъ была бы слишкомъ мала, еслибъ мнѣ надобно было условливаться съ нимъ, въ чемъ я должна уступить или на что онъ не долженъ соглашаться, я не захотѣла бы такихъ отношеній, я не сдѣлала бы его моимъ любовникомъ. Я и не поѣхала бы сюда, если бы не была убѣждена, что пріобрѣту очень сильную его привязанность. Не подумайте, что я хочу хвалиться, вводить васъ въ ошибку, отнимать у васъ бодрость,—нѣтъ, я только хочу сказать вамъ, какъ я понимаю свои отношенія къ нему: я думаю, что я не могу не бояться ничьего вліянія на него. Но ошибаюсь ли я въ этомъ или нѣтъ,—я могу и ошибиться въ этомъ, потому что мнѣ еще не было случая испытать мою силу надъ нимъ,—ошибаюсь ли я, или нѣтъ, въ томъ, что я сильнѣе васъ надъ нимъ, во всякомъ случаѣ, я благодарна вамъ за то, что вы не хотѣли гово-

рить съ Викторомъ Львовичемъ прежде, нежели успѣете поговорить со мною. Я вижу въ этомъ остатокъ вашего прежняго расположенія, прежняго довѣрія ко мнѣ. Чего же вы потребуете отъ меня? Я не знаю, на что я не соглашусь, кромѣ одного: кромѣ того, чтобы разорвать мои отношенія къ Виктору Львовичу. Это невозможно! Невозможно! я столько работала надъ собою, подвергала себя столькимъ лишеніямъ, перенесла столько непріятностей для осуществленія этой мысли! По пріѣздѣ сюда успѣхъ былъ быстръ, быстрѣе, нежели сама я желала. Но какъ долго, тяжело подготовлялась возможность пріѣхать сюда! Отказаться отъ свободы, подавлять всѣ страсти, отъ чувственности до гордости—нѣтъ, я не могла бы выдержать такого долгаго, тяжелаго стѣсненія изъ-за мысли, отказаться отъ которой была бы способна! Если бъ я могла отказаться отъ нея, давно отказалась бы: путь къ ея осуществленію былъ труденъ, слишкомъ труденъ! Но я не могла отказаться, это было выше силъ моихъ! Не требуйте жъ отъ меня того, чего я не могу! На всѣ другія уступки я готова.

— Я думаю, что можно сдѣлать такъ. Вы уѣдете въ Петербургъ, положимъ, тамъ нашлись бы уроки французскаго языка. Вы поселитесь гдѣ-нибудь далеко отъ дома Виктора Львовича. Черезъ недѣлю, черезъ полторы, пріѣдемъ и мы. Въ Петербургѣ, если только захотите вы, отношенія ваши къ Виктору Львовичу будутъ оставаться никому неизвѣстны; это необходимо для того, чтобы сохранялось довѣріе дочери къ отцу: она въ такихъ лѣтахъ, что это чрезвычайно важно.

— Совершенная правда. Для хорошаго выбора между женихами очень важно.

— Конечно, для того, чтобы ваши отношенія къ Виктору Львовичу оставались неизвѣстны, вы должны будете подвергать себя большему стѣсненію: роскошная жизнь возбудила бы догадки, обнаружила бы все. Пока Надежда Викторовна выйдетъ замужъ, вы должны будете жить довольно скромно. Прошу васъ, рѣшитесь на это для Надежды Викторовны.

— Я рѣшилась на это. Я буду жить скромнѣе, нежели вы думали бы требовать. Я дѣвушка, живущая уроками, я буду жить довольно бѣдно, я не могла бы жить иначе, не возбуждая злословія. Но это не жертва для пользы Надежды Викторовны, такъ надобно мнѣ самой. Я сама, не для нея, для самой себя, давно рѣшила такъ, съ той минуты, какъ рѣшила бросить Парижъ. Будьте спокоенъ. Ваше требованіе — мое собственное желаніе.

— Когда же вы уѣдете отсюда?

— Когда вамъ угодно, я была бы рада хоть сейчасъ, для меня самой чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и это уже нѣсколько дней. Я не могла бы уѣхать въ тотъ день, когда—помните?—закрыла вамъ глаза и назвала васъ слѣпымъ; не могла бы уѣхать еще съ недѣлю. Но вотъ уже нѣсколько дней я могу и желала бы уѣхать: моя власть надъ Викторомъ Львовичемъ достаточно упрочена. А когда такъ, вы понимаете, я не могу не желать поскорѣе уѣхать. Быть горничною—это непріятно; но это еще не такъ сильно тяготитъ меня. Я люблю Надежду Викторовну, у насъ не бываетъ гостей, кромѣ Власовыхъ, или, если и бываютъ, другіе не видятъ меня въ роли горничной. А Власовы порядочные люди и обращаются со мною довольно деликатно; не совсѣмъ умѣютъ,

это правда, но и невозможно обижаться, когда помѣщики, родовые дворяне, не умѣютъ быть совершенно порядочными людьми; это невозможно для нихъ; довольно того, что желаютъ быть, видишь это и не обижаешься ихъ неловкостями. Оставаться горничною при такомъ нашемъ одиночествѣ, это еще ничего бы. Но ужасно то, что съ каждымъ днемъ ждешь: вотъ сдѣлана какая-нибудь неосторожность Викторомъ Львовичемъ,— вырвалось неумѣстное слово, подмѣченъ взглядъ—и все открыто. Вы видѣли, какъ боялась я, не узнано ли все Дедюхиною? Я была почти совершенно убѣждена, она все узнала! Это было страшно непріятное ожиданіе. Это неимовѣрное счастье, что она еще не дозналась, не догадалась. Но съ каждымъ часомъ, пока я здѣсь, все можетъ открыться! Мнѣ страшно жить здѣсь. Чѣмъ скорѣе уѣхать, тѣмъ лучше для меня! Вы понимаете, Владиміръ Алексѣичъ, что это говорится искренно?

— Ваша власть надъ нимъ упрочена, я вижу это. Вы хотите, чтобы ваши отношенія къ Виктору Львовичу оставались неизвѣстны, я понимаю это, и потому...

— Вы понимаете почему я не хочу чтобы меня знали какъ любовницу Виктора Львовича? — живо сказала она, не давъ мнѣ договорить, — и поблѣднѣла:—О, какъ я увлекаюсь, когда говорю съ вами. Да, это страшная опасность имѣть полное довѣріе къ честному и скромному человѣку! Едва взволнуешься и проговоришься ему. Сколько разъ я проговаривалась вамъ, что я хочу быть, что я стала любовницею Виктора Львовича! Вы не понимали самыхъ неосторожныхъ полу-признаній, вы придумывали самыя натянутыя объясненія, потому что уваженіе ко мнѣ не давало вамъ понимать ихъ; о, какъ вы любили меня! О, какъ горько мнѣ, что я потеряла эту любовь! Но я потеряла ее и я не могу надѣяться, что теперь мои неосторожности могутъ оставаться непоняты. Я увлеклась, я перебила ваши слова, поздно отпираться, или хоть молчать! вы поймете, если еще не поняли. Лучше же полное признаніе, когда поздно молчать. Да, Владиміръ Алексѣичъ: я не желала бы, чтобы Викторъ Львовичъ былъ моимъ любовникомъ. Если бы можно было обойтись безъ этого, было бы гораздо лучше. И бывали минуты, когда я мечтала, что можно обойтись безъ этого. И если-бъ не эта мечта, конечно, безразсудная,—то я почти убѣждена въ томъ, что я не бросила бы Парижъ. Но теперь поздно жалѣть о Парижѣ, съ его свободною и, если не очень уважаемою, то все-таки въ сущности честною моею жизнью. Свобода, веселье, общество—всему я сказала: „прости, прости надолго“—я не совсѣмъ хорошо понимала, какъ тяжело то, на что я рѣшалась. Но теперь поздно!— и давно поздно! — потому что очень давно и съ самаго начала я имѣла и свѣтлыя минуты хладнокровнаго раздумья, когда понимала, что невозможно обойтись безъ этого. О, Владиміръ Алексѣичъ, это трудная жизнь, на которую я обрекла себя! — быть горничною — тяжело, но все-таки это сносно! Подлѣ меня люди, которыхъ я люблю: они всѣ трое—потому что я люблю и его— меньше, нежели Юреньку и въ особенности Надежду Викторовну, но люблю и его—вѣрьте, люблю и его: почему-жь не любить? Онъ добръ, я выросла среди родныхъ, которые учили меня любить его, я всегда была очень хорошо расположена къ нему,—а теперь онъ мой любовникъ; онъ еще не старикъ, онъ еще красивъ, я начинаю привязываться къ нему совершенно искренно, да это

и надобно такъ: онъ такъ безгранично любитъ меня! — всѣ трое они милы мнѣ, и вы—прежде вы были мой другъ — я искренно люблю и дядю; такъ хорошо жить, даже и будучи горничною, пока я здѣсь, пока я горничная, я еще очень счастлива сравнительно съ тѣмъ, что ждетъ меня въ Петербургѣ: одна, одна и одна... страшно, страшно!—ни друзей, ни подругъ, ни знакомыхъ,—почти не будетъ и развлеченій—жизнь затворницы—ахъ!—я не создана быть затворницей! Но что дѣлать? Такъ необходимо! Перенесу все! Перенесу, но ужасна жизнь, на которую я обрекла себя! Она замолчала и плакала; она давно плакала:—О, какая безотрадная жизнь ждетъ меня!

— У васъ будетъ отрада,—сказалъ я, лишь бы сказать что-нибудь, потому что ея ужасъ передъ этою мрачною жизнью тяготѣлъ и надо мною: мнѣ не было жаль ее, потому что она сама избрала для себя всѣ эти лишенія, но лишенія были тяжелы, и мысль о такой жизни для нея тяготила меня:—у васъ будетъ отрада, вы забываете...

— Свиданья съ Викторомъ Львовичемъ? Да, они одни будутъ перерывать эту пустую, мрачную монотонность одиночества, но они будутъ визитами въ тюрьму; какъ ни долги, слишкомъ коротки, какъ ни часты, слишкомъ рѣдки, чтобы жизнь въ тюремной кельѣ не была жизнью въ тюремной кельѣ—одинокою, пустою, мрачною...

— У васъ будетъ другая отрада. Я говорилъ о дѣтяхъ.

— У меня не будетъ дѣтей, не будетъ... никогда... Я не должна имѣть дѣтей... никогда! Нѣтъ, его дѣти не будутъ имѣть жалобы противъ меня, что я отниму у нихъ что-нибудь... ни любви его, ни даже части наслѣдства послѣ него... Я не имѣю права, они могли бы тогда справедливо чуждаться меня,—я не хочу этого, они должны любить меня, и пусть они будутъ мнѣ вмѣсто родныхъ дѣтей... Она зарыдала, вскочила и ушла быстрыми шагами.

Я сидѣлъ въ унынiи, горькомъ почти до злобы; какъ прекрасна могла бы она быть, если бы въ ней было поменьше честолюбiя! Мнѣ было жаль ее до того, что я негодовалъ на нее: зачѣмъ она захотѣла быть такою, чтобы мнѣ было жаль ее...

— Владиміръ Алексѣичъ, вы еще здѣсь? — раздался ея голосъ, — я услышалъ и легкую, твердую поступь ея по песку дорожки за изгибомъ аллеи: она шла назадъ.

— Еще здѣсь, Марья Дмитріевна.—Я всталъ и пошелъ навстрѣчу.

— Я увлеклась и наговорила много лишняго и ушла, забывши договорить о томъ, что надобно. Я сказала, что мнѣ хотѣлось бы уѣхать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для меня. Но вы понимаете, мой отъѣздъ поведетъ къ тому, что и онъ съ дѣтьми скоро поѣдетъ за мною въ Петербургъ. Я вовсе не потребовала бы этого. Я убѣждена, что и два и три мѣсяца разлуки не были бы страшны мнѣ, а лѣтняго сезона остается только мѣсяцъ; тѣмъ меньше для меня надобности опасаться; конечно, я предполагаю, что вы не воспользовались бы моимъ отсутствiемъ, чтобы дѣйствовать противъ меня, такъ?

— Вы сказали, что хотите, чтобы очень долго — вѣроятно, до замужества Надежды Викторовны—никто въ Петербургѣ не зналъ о васъ?

— Да, до замужества Надежды Викторовны.

— Когда вы такъ рѣшили, что жъ я могу имѣть противъ васъ? Его связь съ вами не будетъ вредить хорошимъ отношеніямъ Надежды Викторовны къ отцу, пока для ея счастья важно, чтобы она оставалась расположена довѣрять его совѣтамъ. За него, за Юреньку и въ особенности за Надежду Викторовну я буду даже радъ тому, что онъ привязанъ къ вамъ, а не къ какой-нибудь другой женщинѣ. Онъ не можетъ не имѣть любовницы. И уже не говоря о женщинахъ въ родѣ Зинаиды Никаноровны Дедюхиной, даже какая-нибудь танцовщица въ Петербургѣ, пусть сама по себѣ и хорошая, добрая женщина, все-таки будетъ, разумѣется, только отвлекать его отъ дѣтей. А при васъ онъ думаетъ о нихъ больше, чѣмъ безъ васъ. За него и за нихъ я радъ вашей связи, мнѣ жаль только самихъ васъ, Марья Дмитріевна. Ахъ, зачѣмъ вы не такая прекрасная, какою слѣдовало бы вамъ быть!..

— И мнѣ самой жаль, что я не такая прекрасная, какъ нравилось бы вамъ, сказала она, засмѣявшись. Но объ этомъ мы всегда успѣемъ говорить, а я устала отъ этихъ волненій, до которыхъ опять довелъ меня вашъ идеализмъ: еще была слаба отъ истерики поутру, и расплакалась! Я очень утомилась, надобно идти лечь. Я вернулась только сказать: какъ ни хочется мнѣ уѣхать, я не говорила и не хочу говорить объ этомъ Виктору Львовичу. Я не знаю пріятно ли было бъ это для Надежды Викторовны. Или, лучше сказать, я почти увѣрена, что это огорчило бы ее. Вы понимаете, хотя я и посовѣтую ему оставаться безъ меня здѣсь, сколько будетъ хотѣться Надеждѣ Викторовнѣ, но въ этомъ дѣлѣ мои слова ничего не значили бы: онъ не выдержалъ бы недѣли. Пожалуйста же, поговорите прежде съ Надеждою Викторовною, какъ понравилось бы ей ѣхать въ Петербургъ черезъ полторы, двѣ недѣли? я не такъ коротка съ нею, чтобы могла судить навѣрное, я опасалась, что это было бъ очень непріятно ей, но могла ошибаться. Поговорите съ нею вы и послѣ того вы сдѣлаете, какъ сами разсудите: сказать Виктору Львовичу, чтобъ я уѣхала или не говорить.

— Я увѣренъ, Марья Дмитріевна, что Надеждѣ Викторовнѣ будетъ не совсѣмъ пріятно разставаться съ деревнею: эта школа для дѣвочекъ, эти посѣщенія больныхъ, да и то, что здѣсь свобода, приволье.—Эти Власовы,— все это мило, жаль разстаться; но такое огорченіе не стоитъ брать въ расчетъ.

— Всего этого не стоило бы брать въ расчетъ, Владиміръ Алексѣичъ, и я не приняла бы—давно бы уѣхала, и вы теперь уже собирались бы ѣхать. Но мнѣ кажется, что огорченіе Надежды Викторовны было бы глубже и болѣе достойно уваженія.

— Что же еще, кромѣ этихъ милыхъ, но не важныхъ чувствъ, могло бы привязывать ее къ деревнѣ?

— Поговорите съ нею, какъ покажется вамъ: я не хочу говорить, чтобы вамъ, подъ вліяніемъ моихъ мыслей, не показалось то, чего, можетъ быть, и нѣтъ.

— Что жъ это? Секретъ, любовь?

— Будто вы не знаете ее!

Столько нѣжности было въ ея словахъ, столько нѣжной заботливости въ ея желаніи, чтобы я не говорилъ съ отцомъ, не узнавъ чувствъ дочери! Она

не говорила, не хочетъ говорить ему, что она хочетъ уѣхать, потому что ея желаніе—его законъ, а для дочери, быть можетъ, лучше оставаться въ деревнѣ! Дочь кроткая дѣвушка, уступчивая, скроетъ, согласится, скажетъ „и мнѣ пріятно уѣхать“, когда онъ скажетъ „я соскучился здѣсь“...

— А если Надежда Викторовна будетъ говорить, что ей очень пріятно остаться здѣсь подольше?

— Какъ вы разсудите. Я вамъ сказала, что лучше для меня, но рѣшайте вы. Вы лучше меня увидите, хорошо ли это для Надежды Викторовны. Я говорю вамъ, быть можетъ, я и ошибалась: я горничная и не могу быть интимна съ нею, въ особенности теперь. Съ Власовою я еще осторожнѣе, хоть и кажусь свободнѣе. Узнавать черезъ него я не хотѣла: онъ могъ бы не съумѣть говорить такъ, чтобъ она не замѣтила, что пріятнѣе ему,—и я узнала бы отъ него не ея мысли, а то, на что согласна она изъ любви къ нему. Трудно заботиться о счастьи такой дѣвушки, въ которой такъ мало эгоизма, такъ много кротости, уступчивости, любви!

— Какъ вы хороша, Марья Дмитріевна, когда вы говорите о ней! Зачѣмъ же вы захотѣли... я не договорилъ, голосъ у меня перервался отъ слезъ, отъ слезъ волненія безумною надеждою, что Мери могла бы принести свое честолюбіе въ жертву своей любви къ Надеждѣ Викторовнѣ: она такъ искренно и сильно любитъ эту кроткую, милую дѣвушку... Она могла бы чувствовать, что такая побѣда надъ собою милѣе всего, къ чему стремится она... И какъ прекрасна была бы она тогда!.. Марья Дмитріевна, Марья Дмитріевна, мнѣ жаль васъ!... только и могъ я говорить, а самъ плакалъ.

— Вы опять плачете о томъ, зачѣмъ я не такъ хороша, какъ бы надобно по-вашему? Юноша, это невозможно, такъ нельзя жить на свѣтѣ,—сказала она съ грустною шутливостью. Но за то, что вы самъ еще такой хорошій юноша и такой добрый другъ, поцѣлуйте меня.

— Не хочу, Марья Дмитріевна, я не люблю васъ,—проговорилъ я, а самъ плакалъ хуже прежняго.—Мое сердце ноетъ за васъ, ноетъ, Марья Дмитріевна!..

— Я не такъ хороша, чтобы можно было поцѣловать меня—правда, сказала она, засмѣявшись:—Поцѣлуйте же, по крайней мѣрѣ, мою руку, она приложила руку къ моимъ губамъ, поцѣловала меня въ лобъ и ушла.

А я такъ и остался тутъ, на нашей любимой скамьѣ у ручья, плакать, и сидѣлъ въ слезахъ, пока совсѣмъ смерклось; съ полчаса, я думаю, сидѣлъ я такъ... Въ самомъ дѣлѣ, я бываю иногда похожъ на ребенка.

Это было писано съ одиннадцати часовъ вечера,—потому что, вернувшись въ свою комнату, я все хандрилъ и лежалъ, и просто лежалъ, раздумывая, сѣлъ писать въ одинадцать часовъ, писалъ до трехъ, послѣ того повалился спать, спалъ какъ убитый, измучившись своими страданіями за Мери; проснувшись, услышалъ, что Власовы уже уѣхали, а Надежда Викторовна ушла гулять; сѣлъ и дописалъ вчерашнія свои приключенія уже нынѣ поутру, то есть—

8. Кончивъ, посмотрѣлъ на часы, и увидѣлъ, къ своему удивленію, что уже скоро будетъ обѣдъ. Потому разговоръ съ Надеждою Викторовною отлагается до послѣ обѣда.

Я сказалъ безъ подготовки, чтобы яснѣе видѣть эффектъ, и пожалѣлъ, что сказалъ безъ подготовки,—такъ силенъ вышелъ онъ.

Я оказалъ ей маленькую услугу: мнѣ кажется, что ей скучно въ деревнѣ, и я вотъ только-что говорилъ объ этомъ съ Викторомъ Львовичемъ, онъ сказалъ: „А тѣмъ лучше, если ей скучно; мнѣ самому надобно быть въ Петербургѣ, поговорю съ нею и поѣдемъ“.

Она поблѣднѣла. Даже губы побѣлѣли.

— Вы испугались, Надежда Викторовна? Простите мою ошибку. Я не могъ не думать, что вамъ скучно здѣсь: кромѣ Власовыхъ, у васъ никто не бываетъ, да и некому бывать, потому что кругомъ нѣтъ порядочныхъ людей и т. д., а Викторъ Львовичъ говорилъ не такъ, что ему необходимо ѣхать, можетъ быть, и отложитъ, если вамъ и т. д.,—но почему вы и т. д...

Она испугалась потому, что отъѣздъ все еще представлялся ей такимъ отдаленнымъ, она совсѣмъ забывала, что уже скоро осень. Ей не хотѣлось думать объ этомъ, а время летѣло такъ быстро, ей вовсе забывалось, что скоро надобно будетъ разставаться съ деревнею. Еслибъ ея воля, она долго, долго не разсталась бы съ деревнею, она не знаетъ, когда она захотѣла бы ѣхать въ Петербургъ, кажется, никогда... Это потому, что здѣсь она совершенно счастлива... И madame Lenoir говорила ей, чтобы она какъ можно дольше удерживала отца въ деревнѣ: въ деревнѣ ихъ расходы ничтожны сравнительно съ тѣмъ, какіе будутъ въ Петербургѣ; пусть она помнитъ, что каждая недѣля, проведенная въ деревнѣ, сберегаетъ ея отцу двѣ тысячи рублей и что въ Россіи готовится освобожденіе крестьянъ: чѣмъ лучше будетъ положеніе дѣлъ ея отца къ тому времени, тѣмъ легче ему будетъ сдѣлать въ пользу своихъ крестьянъ при ихъ освобожденіи все то хорошее, чего онъ желаетъ. Для хорошаго освобожденія своихъ крестьянъ ему нужно будетъ очень много денегъ. Она не умѣетъ пересказать мнѣ такъ хорошо, какъ говорила ей это m-me Lenoir, но, конечно, я самъ знаю все это лучше: такъ говорилъ ей отецъ, что я знаю все, какъ надобно освободить крестьянъ...

Я въ эти дни совершенно забывалъ о денежныхъ дѣлахъ Виктора Львовича, забывалъ и взглянуть съ этой точки зрѣнія на вопросъ объ отъѣздѣ Мери въ Петербургъ и о неизбѣжномъ слѣдствіи ея отъѣзда—ускореніи нашего переселенія туда. Слова Надежды Викторовны поразили меня, будто новость, и я сильно поколебался.

Но очевидно было, что, кромѣ пользы крестьянъ, Надежда Викторовна думаетъ еще о чемъ-то, чего не можетъ высказать мнѣ. Она очень хорошая дѣвушка и желаніе пособить отцу при освобожденіи крестьянъ, конечно, такъ же близко ея сердцу, какъ моему. Но она не можетъ не понимать, что какія-нибудь десять, пятнадцать тысячъ небольшой расчетъ въ дѣлахъ ея отца. Такая мелочь не можетъ имѣть вліянія на то, какія уступки въ состояніи онъ сдѣлать при освобожденіи. Надежда Викторовна могла бы огорчиться, что что разрушается ея проектъ этой маленькой экономіи, но тутъ еще не отъ чего было ей ужаснуться до того, что побѣлѣли губы. Тутъ личное чувство.

— Конечно, такъ,—сказала Мери:—она ужаснулась за самоё себя. Она справедливо боится Петербурга. M-me Lenoir воспитывала ее такъ, что она серьезно понимаетъ жизнь. Ей было говорено, что любовь—это не ребяческое

веселье, а страшное чувство, тяжелая душевная болѣзнь, и очень рѣдко имѣетъ счастливый конецъ, почти всегда ведетъ къ долгому страданію; что если это и неизбѣжная болѣзнь, то чѣмъ позже подвергнуться ей, тѣмъ лучше: пусть укрѣпится разсудокъ, пусть пріобрѣтется хоть немножно побольше умѣнья различать людей. Ей было говорено, какъ ты явишься въ свѣтѣ, за тобой будутъ ухаживать всѣ знатные женихи,—ты такая богатая невѣста. Между ними очень мало хорошихъ людей, а очень много такихъ, которые умѣютъ превосходно притворяться хорошими. Горе тебѣ, если ты ошибешься въ выборѣ. Она дѣвушка не огненнаго темперамента, ея воображеніе чисто. Потребность страсти еще не пробудилась въ ней, и она трепещетъ при мысли о Петербургѣ съ его женихами...

— И не напрасно трепещетъ. Будь она не очень богатая невѣста, она вошла бы въ такое общество, гдѣ встрѣчаются люди, достойные дѣвушекъ съ чистымъ сердцемъ и нѣжнымъ характеромъ. А съ ея приданымъ навѣрное она погибнетъ.

— Кажется, вы жалѣете уже не меня,—вчера, помните, вы плакали отъ жалости обо мнѣ, а теперь, пожалуй, расплачетесь о ней, и забудете жалость ко—мнѣ, сказала Мери, смѣясь, но очень грустно, будто сама понимаетъ, что приняла дурное рѣшеніе: а я видѣлъ, что она уже приняла какое-то рѣшеніе. Она не была похожа на вчерашнюю Мери, больную, плачущую, колеблющуюся между робостью и отвагой, стыдомъ и гордостью. Она была спокойна и румянецъ ея былъ ровный, нѣжный, здоровый, улыбка весела, взглядъ смѣлъ. Кажется, вы такъ жалѣете о ней, что готовы посовѣтовать мнѣ оставаться здѣсь, чтобъ она также подольше оставалась здѣсь, безопасная и счастливая?

— Да, Марья Дмитріевна. Лучше оставайтесь здѣсь. Пусть продлится, на сколько возможно, тихое счастье этой милой дѣвушки.

— А какъ же, Владиміръ Алексѣичъ, я погублю то ее, если не уѣду поскорѣе? Вы забыли: обнаружится, что я любовница ея отца, она потеряетъ довѣріе къ отцу, все погибло,—сказала Мери съ горькою насмѣшкою.

— Не смѣйтесь надо мною, Марья Дмитріевна, хоть я и заслуживаю того. Пусть моя вчерашняя печаль была глупа, но она происходила отъ искренней любви къ вамъ,—не вамъ смѣяться надъ нею. Пусть мои вчерашнія мысли были экзальтированы, но экзальтація была отъ разстройства головы страданіемъ, котораго я не стыжусь. Она добрая дѣвушка и защищать ее—хорошее дѣло. Я слишкомъ перепугался и доходилъ до нелѣпости, но я такъ любилъ васъ и какъ же мнѣ было не потерять разсудокъ?

— Но теперь вы разлюбили меня и ваша голова пришла въ порядокъ. Вы можете давать хладнокровные, умные совѣты. Жду.

— Прошу васъ, будьте добрая и не смѣйтесь надо мною. Будемъ говорить серьезно.

— Будемъ. По вашему мнѣнію, я должна остаться здѣсь. Но пока я здѣсь, каждую минуту можетъ обнаружиться, что Викторъ Львовичъ мой любовникъ. Какъ быть мнѣ съ этимъ опасеніемъ?

— Забудьте о немъ. Дѣло вовсе не такъ важно. Когда обнаружатся ваши отношенія къ Виктору Львовичу, тогда вы и уѣдете. Тогда будетъ: онъ

пожертвовалъ любовницею для дочери. Это не поколеблетъ, а напротивъ, даже укрѣпитъ ея довѣріе къ его отцовской любви.

— Я и сама такъ думала, пока думала одна. Теперь не могу. Если я не уѣду, вамъ будетъ казаться, что я лицемѣрила вчера, говоря о своемъ желаніи уѣхать. А я хочу сохранить ваше уваженіе, насколько это возможно. Впрочемъ, это не главное. Гораздо важнѣе то, что очень неблагоразумно мнѣ оставаться здѣсь. Пока я раздумывала одна, я увлекалась энтузіазмомъ, онъ давалъ мнѣ силу и пренебрегать опасностью и забывать, что чѣмъ меньше привычка думать обо мнѣ, какъ о горничной, тѣмъ выгоднѣе для меня. Разговоръ лучше раздумья, потому что охлаждаетъ, принуждаетъ образумиться. Я не могу оставаться здѣсь, Владиміръ Алексѣичъ.

— А интересы Надежды Викторовны?

— Что же дѣлать, Владиміръ Алексѣичъ. Не присудимъ же мы ей вѣкъ оставаться здѣсь. Не идти же ей въ монахини. Раньше или позже надобно же ей вступить въ жизнь, быть окруженной искательствами, дѣлать выборъ. Разсуждая по вашему, слѣдовало бы отнять у нея приданое, да и того мало—сдѣлать, чтобы женихи не могли расчитывать и на наслѣдство послѣ Виктора Львовича.

— Почти что такъ, Марья Дмитріевна.

— Идите же и скажите Виктору Львовичу, что я уѣзжаю. Послѣ завтра. Хотѣлось бы завтра, но уже пропущено время дня, когда привозятъ намъ почту. Завтра вы получаете письмо, въ которомъ говорится, что мѣсто гувернантки для меня найдено. Торопиться такъ, чтобы собраться ѣхать въ тотъ же день, это было бы неловко. Такъ и быть, до утра послѣ завтра. Идите же и скажите ему. Я не просила бы васъ, но сама не могу увидѣть его скоро.

Я отговаривалъ. Но она была слишкомъ счастлива тѣмъ, что рѣшилась.—„Здѣсь каждую минуту можетъ поразить меня ударъ, отъ котораго мнѣ трудно будетъ оправиться. Для Надежды Викторовны не велика бѣда, если бы я оставалась дожидаться, пока онъ разразится. Но я не могу пренебрегать своими интересами“.—Она ушла, не дослушавъ моихъ убѣжденій. Правда и то, не стоило слушать ихъ: что резоннаго могъ я возразить на ея рѣшеніе? Невозможно безконечно отсрочивать вступленіе Надежды Викторовны въ свѣтъ. Не въ монахини же идти ей, въ самомъ дѣлѣ! Два, три мѣсяца отсрочки уменьшатъ ли для нея опасность полюбить негодяя, или хоть и не негодяя, а все-таки человѣка, неспособнаго составить счастье дѣвушки съ нѣжнымъ и благороднымъ сердцемъ? Первая любовь всегда любовь простодушнаго ребенка, отсрочивай ее хоть и до тридцати лѣтъ.

Я пошелъ къ Виктору Львовичу; услышалъ тамъ у него голосъ Надежды Викторовны; вернулся въ голубой залъ, взялъ газету и сѣлъ ждать, пока Надежда Викторовна пройдетъ мимо меня. Такъ просидѣлъ, можетъ быть, съ полчаса. Быстро вошла Мери. Глаза ея горѣли.

— Сказали ему?

— Нѣтъ еще.

— Слава Богу! Я передумала. Я останусь. Не могу отнимать у нея счастья,—кто знаетъ, что ждетъ ее въ Петербургѣ? Пусть остается счастлива пока можетъ. А мнѣ,—мнѣ все равно! Думайте обо мнѣ, что хотите!

— Что жъ я скажу ему? онъ будетъ ждать моего мнѣнія.

— Говорите, что хотите. Только не говорите, что я хотѣла уѣхать. Я не уѣду. Не могу поступать во вредъ ей.

— Какой же вредъ ей, Марья Дмитріевна? Ничтожный! А для васъ оставаться здѣсь очень тяжело.

— Все равно. Она прошла нѣсколько разъ по залу.—въ сильномъ волненіи. Остановилась, потерла лобъ:—Да, но какъ же это, что я еще здѣсь? Мнѣ кажется, прошло минутъ пять, или его нѣтъ дома? Ушелъ гулять?

— У него Надежда Викторовна.

— Она у него? Вы понимаете, зачѣмъ она у него?—Мери улыбнулась грустно, сострадательно.

— Я думаю, она спрашивала его, дѣйствительно ли ему необходимо ѣхать на дняхъ въ Петербургъ. Вѣроятно, онъ догадался, что это моя мысль, что онъ отвѣчалъ—не знаю.

— Онъ отвѣчалъ, что не умѣетъ сказать,—скажетъ завтра. Ему надобно узнать, чья это мысль, ваша или моя. Хорошо, что онъ еще не знаетъ, что и я поддавалась этой мысли. Тогда мнѣ было бы много хлопотъ съ нимъ, Владиміръ Алексѣичъ: онъ добрый человѣкъ и я начинаю привязываться къ нему, но онъ дурной отецъ. Ахъ, бѣдная! Что могло бы быть съ нею? Какъ онъ помогъ бы ей выбрать мужа? Вы видите, я для него занимательнѣе дочери! я—кто такая для него?—любовница! — и я имѣю больше занимательности для него, чѣмъ дочь! и если-бъ я захотѣла, я могла бы вредить ей. Но этого не будетъ! Этого не будетъ!—У меня разгорѣлась голова. Я пойду гулять. Если долго не вернусь, скажите дядѣ, а главное ему: онъ въ состояніи поднять тревогу, — скажите имъ, чтобъ не безпокоились. Я здорова, но мнѣ надобно освѣжиться чистымъ воздухомъ и не хочется ни на кого смотрѣть. Я думаю, что я уйду въ рощу, и буду ходить долго.

Я смотрѣлъ въ окно, какъ она шла по саду къ рощѣ, пока скрылась. Я не сталъ ждать въ голубомъ залѣ, я ушелъ въ свою комнату, попросивъ Ивана Антоныча сказать, когда Надежда Викторовна уйдетъ. Мнѣ больше нечего было сторожить въ голубомъ залѣ—стыжусь вспомнить, что я сидѣлъ тамъ на караулѣ: не хитритъ ли Мери, не хочетъ ли предупредить Виктора Львовича о томъ, съ чѣмъ я приду къ нему и какъ ему надобно держать себя. Но когда она скрылась вдали, за изгибомъ аллеи, ведущей въ рощу, мнѣ стало совѣстно, не столько за свою подозрительность, сколько за свою глупость: надобно было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что ей не до хитростей.

Не прошло, я думаю, десяти минутъ, Иванъ Антонычъ пришелъ сказать, что Надежда Викторовна идетъ черезъ голубой залъ.

Все было такъ, какъ угадывали мы съ Мери. Надежда Викторовна спрашивала отца, необходимо ли ему ѣхать въ Петербургъ. Онъ догадался, съ какою мыслью я говорилъ ей это, но не зналъ, моя ли это мысль, или Мери также находитъ это нужнымъ. Потому отвѣчалъ нерѣшительно: „Правда, въ Петербургѣ есть важныя дѣла, по которымъ надобно было поѣхать туда поскорѣе. Но вижу, тебѣ хотѣлось бы, Наденька, чтобы мы остались здѣсь подольше. Да и прежде, помню, ты говорила это. Позволь мнѣ подумать до

завтра". Дочь стала очень живо говорить, что она боится Петербурга, боится большого свѣта. Она не высказывала свою мысль такъ ясно, какъ растолковала мнѣ Мери, не знаю, стыдилась ли, или сама не умѣла отчетливо понимать свое чувство? Только твердила, что боится, очень боится большого свѣта. Отецъ понялъ это только въ смыслѣ робости скромной дѣвушки, которая не воображаетъ себя красавицею и опасается быть неловка, смѣшна. Такъ онъ и отвѣчалъ ей, что ея боязливость очень нравится ему и что онъ уважитъ ея желаніе, если увидитъ, сообразивъ хорошенько, что это возможно. Онъ очень нѣжно ласкалъ ее. Но все-таки съ тѣмъ и отпустилъ ее, что дѣла, которыя призываютъ его въ Петербургъ, очень важны, и онъ подумаетъ, нельзя ли какъ-нибудь устроить ихъ безъ его личнаго присутствія,—но не знаетъ, можно ли это. Ему было жаль говорить такъ, но какъ быть иначе? Надобно пожалѣть и Мери; здѣсь ихъ отношенія не могутъ долго укрыться, въ особенности при шпіонствѣ Дедюхиной... Да и для добраго согласія между нимъ и дочерью скандалъ былъ бы вреденъ. Онъ хоть и не былъ увѣренъ, что моя мысль одобрена Мери, но сомнѣваться въ этомъ было трудно: Мери такъ умна и благородна.

— Да, она очень умная и добрая дѣвушка, поэтому она не согласилась на мою мысль. Здѣсь всѣмъ хорошо, — она не хочетъ разстраивать эту тихую жизнь. Когда будетъ молва, тогда она уѣдетъ; раньше не считаетъ нужнымъ.

Онъ и удивился, и обрадовался, и перепугался; обрадовался за дочь, перепугался за всѣхъ трехъ — и за нее, и за Мери и за себя. Но радость угодить дочери скоро взяла верхъ. Съ восторгомъ онъ пошелъ сказать ей, что просмотрѣлъ бумаги, убѣдился, можно не ѣхать. Скоро вернулся ко мнѣ и сталъ тосковать, что Мери подвергается слишкомъ большой опасности. Глупое или умное, дурное или хорошее, дѣло было сдѣлано—кѣмъ изъ насъ больше—мною или Мери, я и не умѣю разобрать; если оно глупо и дурно, раскаяваться было поздно; мнѣ оставалось только успокоивать Виктора Львовича. Я началъ говорить, что опасность для Мери дѣйствительно велика, но уже гораздо меньше, нежели была въ первые дни связи, когда страсть Виктора Львовича была, конечно, гораздо порывистѣе; теперь онъ съ каждымъ днемъ будетъ лучше владѣть собою и отношенія его къ Мери очень долго могутъ оставаться незамѣченными. Онъ слушалъ съ отрадою, вдругъ задумался, взглянулъ на часы, сказалъ: „еще не поздно"—была половина девятаго—„извините, что я располагаюсь у васъ написать нѣсколько словъ", позвонилъ и сѣлъ къ моему столу, принялся писать. Вошелъ Иванъ Антонычъ. Викторъ Львовичъ сказалъ, чтобъ онъ велѣлъ поскорѣе запречь лошадей въ легкій экипажъ, а самъ былъ бы готовъ ѣхать, и продолжалъ писать. Иванъ Антонычъ доложилъ, что лошади поданы, Викторъ Львовичъ торопливо дописалъ двѣ-три строки, запечаталъ, отдалъ Иванъ Антонычу со словами: „отвезите къ Зинаидѣ Никаноровнѣ Дедюхиной и не жалѣйте лошадей. Спросите, дожидаться ли вамъ отвѣта или она пришлетъ послѣ". Иванъ Антонычъ ушелъ. Онъ обернулся ко мнѣ: „Написалъ ей, что переносить разлуку вблизи мучительнѣе, нежели вдали, и перемѣна мѣста развлекаетъ. Не угодно ли ей отправиться путешествовать для облегченія страданій. Я далъ бы 500 рублей

на подъемъ и по 300 р. въ мѣсяцъ. Пусть уѣдетъ, тогда не остается никого съ охотою шпіонить, и Мери болѣе безопасна". Я согласился, что это умно.

Онъ сидѣлъ, разсказывая исторію своего сближенія съ Мери. Но разсказъ еще не кончился, когда возвратился Иванъ Антонычъ. Дедюхина очень чувствительно пишетъ, что подумаетъ и рѣшительный отвѣтъ пришлетъ завтра поутру (Викторъ Львовичъ вставилъ, что черезъ два дня не будетъ имѣть денегъ, и это умно, а то не убралась бы скоро, безъ конца торговалась бы. Поднять плату себѣ успѣетъ и въ два дня, но скорѣе уберется со своимъ шпіонствомъ). Викторъ Львовичъ ушелъ спать. Это было въ концѣ перваго. Я сѣлъ записывать. Часа въ два вошла ко мнѣ Мери. „Дядя уже спитъ, я заглянула, и Викторъ Львовичъ вѣроятно".—„Вѣроятно".—„Кажется, кто-то пріѣзжалъ. Мнѣ слышалось въ просонкахъ, или такъ показалось?"—„Иванъ Антонычъ ѣздилъ съ письмомъ Виктора Львовича къ Дедюхиной: пусть она ѣдетъ путешествовать".—„Вы посовѣтовали ему?"—„Нѣтъ, онъ самъ вздумалъ".—„Когда такъ, это очень радуетъ меня: это умно и мило, что онъ самъ догадался. Только съ этой стороны это пріятно мнѣ. Я думала, и дремала, стала совершенно спокойна: все равно пусть будетъ узнано хоть завтра же. Для меня все равно".—„Если я правильно понимаю ваше намѣреніе, котораго вы не высказали прямо...."—„Вы правильно поняли его и я высказывала его очень ясно: видите, какъ я полагаюсь на васъ, хоть вы уже и не любите меня. Я ввѣряю вамъ такую тайну, что однимъ намекомъ на нее Виктору Львовичу вы можете погубить меня".—„Я хотѣлъ сказать, что когда вашъ планъ таковъ, то для васъ не все равно, будутъ ли или не будутъ знать, что Викторъ Львовичъ былъ вашимъ любовникомъ"...—„Все равно, Владиміръ Алексѣичъ. Будь я знатная и богатая, мнѣ не повредило бы то, что я была въ связи съ нимъ. И будь вся моя жизнь такъ же безукоризненна, какъ жизнь Надежды Викторовны, этимъ не облегчалось бы порицаніе, когда нельзя не знать, что мои родные были его слугами, я сама—служанкою его дочери. Я буду заслуживать порицаніе и негодованіе только за мое происхожденіе и бѣдность. Все остальное ничего не значитъ". — И то правда, чистая правда!—согласился я.—„Гдѣ же были вы до сихъ поръ, Марья Дмитріевна? Я уже начиналъ безпокоиться за васъ".—„Ходила по рощѣ, устала, сѣла къ дереву и дремала; потомъ опять ходила. Все думала: рано, не улеглись они. Не хотѣлось смотрѣть ни на кого. Грустно, Владиміръ Алексѣичъ".—Я промолчалъ. Не хотѣлось сказать: „Да, грустно идти по дурной дорогѣ, имѣя недурное сердце".—„Грустно, Владиміръ Алексѣичъ, хоть и не о чемъ бы жалѣть, потому что все вышло хорошо, такъ хорошо, какъ нельзя было и надѣяться. Вы видѣли, я не могла вѣрить, что все это остается неизвѣстно, а остается: по вашимъ словамъ объ отвѣтѣ, сейчасъ присланномъ Дедюхиною, тамъ нѣтъ ни тѣни намека".—„Нѣтъ. Это положительно, она и не подозрѣваетъ. Все идетъ хорошо. Вамъ не о чемъ грустить. Только мнѣ грустно".—На этотъ разъ она промолчала. „Спокойной ночи, Владиміръ Алексѣичъ".—„Одну минуту Марья Дмитріевна; онъ разсказывалъ мнѣ; помните, вы вскликнули тогда, чтобъ я не принималъ его взгляда на исторію вашего сближенія съ нимъ, потому что онъ не знаетъ,—это правда, о многомъ онъ не догадывается. Но вы прибавили тогда, что вы соблазнили—этого я не нахожу, что

вы соблазняли его. Какъ же это?" — „Это было сказано мною слишкомъ рѣзко, я была въ страшномъ волненіи, хохотала и кричала, и упала въ конвульсіяхъ: болѣзненное восклицаніе болѣзненнаго чувства. Если хотите, можете назвать такъ. Но въ сущности, конечно, это такъ. Правда, я не соблазняла его, въ обыкновенномъ значеніи слова. Я не навязывалась ему грубыми уловками. Я не приманивала и такъ называемымъ невиннымъ искусствомъ. Я была съ нимъ серьезна и скромна. И не только скромна,—была искренна. Такъ было необходимо,—вы понимаете, что это было необходимо: вы знаете, я хочу не обобрать его и бросить, я хочу непоколебимыхъ отношеній. Обрекать себя лицемѣрить на всю жизнь—слишкомъ тяжело. Я не могла обрекать себя на такое стѣсненіе, и если бы могла захотѣть, я знаю, я не выдержала бы долго, скоро онъ увидѣлъ бы меня не такою, какою представлялась я вначалѣ, онъ разочаровался бы и охладѣлъ, онъ понялъ бы, что я обманывала его и потерялъ бы уваженіе ко мнѣ. А я хочу, чтобъ онъ вѣрилъ въ меня всю жизнь. Я должна была держать себя съ нимъ честно: ни обольстительнаго взгляда, потому что я не хочу играть роль влюбленной, ни фальшиваго слова, потому что прочное уваженіе пріобрѣтается только полною искренностью. Мои поступки, мои разговоры—все было безукоризненно. Не тѣмъ, что завлекала его, я привлекла его; нѣтъ, сама я и не привлекала его: вы всѣ вели его ко мнѣ, всѣ вы, кто говорилъ съ нимъ. Я удалялась свиданій съ нимъ, я мало говорила съ нимъ и при другихъ. Вы всѣ говорили съ нимъ за меня. Обольщала ли я, обманывала ли я кого нибудь изъ васъ? Вы знаете теперь мое расположеніе ко всѣмъ вамъ—отъ Надежды Викторовны до Власовой—непритворно. Вотъ было мое средство овладѣть его мыслями и я овладѣла ими, когда онъ подошелъ ко мнѣ, приведенный вами всѣми. Вы привели его ко мнѣ раньше, нежели я хотѣла, я хотѣла, чтобъ это было передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ: здѣсь, вы видите, мнѣ слишкомъ тяжелы и опасны эти отношенія. Я была не готова къ разговору съ нимъ, я была застигнута врасплохъ, и не остереглась отъ увлеченія, вы знаете, или онъ еще не сказалъ вамъ, какимъ порывомъ увлеклась я? Это были необдуманныя слова, но вы самъ имѣли такое же чувство, всѣ раздѣляли это чувство, отъ Власовой до моего дяди, я не остереглась и высказала. Онъ ушелъ, не сказавъ ни слова, и только тогда я поняла, что все рѣшено. Я не хотѣла этого такъ рано, и я не думала, что онъ уже такъ сильно привлеченъ ко мнѣ. Я была очень недовольна, что это пришло къ рѣшенію такъ рано. Но уже невозможно было вернуть неосторожныхъ упрековъ и что могла я отвѣчать ему, когда онъ сказалъ, что послалъ ей письмо? Я хотѣла удержать его отъ объясненій, но возможно ли было это? Я просила его быть благоразумнымъ, но возможно ли долго настаивать, когда каждую минуту могутъ замѣтить наши разговоры, и вы всѣ безпрестанно тутъ же гдѣ нибудь подлѣ, то одинъ, то другой, и она, конечно, завела шпіонство... Надобно было прекратить эти тревожныя отношенія... Тревожныя и для меня—я и сама иногда забывала казаться спокойною—потому что я человѣкъ — я не имѣю пылкой страсти къ нему, но мое расположеніе къ нему довольно сильно, и я человѣкъ. Надобно было прекратить это неосторожное исканіе разговоровъ со мною, надобно было прекратить эти разговоры, въ которыхъ и я забывала иногда осматриваться, не проходитъ ли мимо кто изъ васъ,—на-

добно было отвѣчать ему. Честно ли я отвѣчала ему?—вы знаете—честно ли?.. Я сказала ему все, чего требовала совѣсть, и не сказала ничего, кромѣ того, что дѣйствительно чувствовала... Все было серьезно и честно—все было хорошо; только замыселъ мой—былъ дуренъ, по вашему мнѣнію,—и я хочу дурного. На самомъ ли дѣлѣ я хочу дурного?—Нѣтъ, Владиміръ Алексѣичъ, не хочу и не сдѣлаю, не допущу ничего дурного. Судите, какъ хотите, о моемъ замыслѣ, но воля моя чиста и тверда, я не сдѣлаю ничего дурного. Былъ ли дуренъ и мой замыселъ? прежде и о немъ я думала: нѣтъ; не только поступки мои, не только средства мои къ его исполненію будутъ, какъ были, честны, но и самъ онъ не заслуживаетъ осужденія. Такъ я думала, когда ѣхала сюда. А теперь?—и теперь думаю тоже: въ моемъ замыслѣ нѣтъ ничего дурного. Да, я и теперь сужу такъ, наперекоръ вашему вліянію на мои понятія. Да, Владиміръ Алексѣичъ, какое смятеніе ни овладѣваетъ мною отъ мысли, что вы, человѣкъ честный и любившій меня, порицаете меня, я тверда въ томъ, что я права. Но я грустна и вы скажете: это оттого, что я чувствую себя не совсѣмъ правою. Но однимъ ли виноватымъ бываетъ тяжело на душѣ? Не можетъ ли бывать очень горько и правымъ? Не бываютъ ли тяжелы и незаслужены огорченія? Быть можетъ, Владиміръ Алексѣичъ, моя грусть только оттого, что вы, котораго я искренно полюбила, считаете меня недостойною вашего расположенія, что, я предвижу, могутъ также отшатнуться отъ меня, разлюбить, возненавидѣть меня и другіе, которыхъ я люблю также искренно, какъ васъ, и еще сильнѣе, нежели васъ: мой дядя—еще больше Надежда Викторовна,—и это будетъ, вѣроятно, скоро, со временемъ, быть можетъ, и Юренька. За что, Владиміръ Алексѣичъ? Вы видите, буду ли я когда-нибудь пренебрегать моимъ дядею. Чѣмъ, до сихъ поръ я была вредна Надеждѣ Викторовнѣ? и не буду никогда, ничѣмъ! Не употребляю ли я все свое вліяніе на него въ ея пользу? Такъ будетъ и всегда! Я такъ хочу, и у меня достанетъ воли, во что бы ни стало. За что же ей будетъ не любить меня? А я предвижу это и отъ нея: и она будетъ несправедлива ко мнѣ, какъ вы. За что вы считаете меня дурною, почему вы не вѣрите чистотѣ моихъ намѣреній, чѣмъ я виновата въ вашихъ глазахъ? Только тѣмъ, что я не аристократка. Будь я знатна и будь у меня хорошее состояніе, я могла бы стремиться къ тому, къ чему стремлюсь, и вы могли бы видѣть во мнѣ гораздо меньше заботливости о Надеждѣ Викторовнѣ и Юренькѣ, и все таки, вы не думали бы, что я хочу быть вредна имъ, не считали бы меня дурною, не находили бы ничего унизительнаго для меня или неискренняго въ моемъ желаніи владѣть его сердцемъ. Вы понимали бы, что мое расположеніе къ нему можетъ быть искренно, и сотой доли того, что вы знаете обо мнѣ, о моемъ характерѣ, о благородствѣ моего характера, какъ вы называли это еще недавно, сотой доли того, чѣмъ заслужила я ваше довѣріе,—сотой доли было бы достаточно. чтобы вы не могли усомниться въ искренности моего влеченія къ нему, въ непоколебимости моей любви къ его дѣтямъ. Почему-жъ бы я не могла—не только любить его дѣтей, не могла бы чувствовать искренняго влеченія и къ нему? Онъ добрый, благородный, чрезвычайно деликатный человѣкъ, онъ еще не старъ, онъ еще красивый мужчина; я не говорю, что я влюблена въ него. не только вамъ. и ему не говорю этого: онъ не такъ молодъ, чтобы влюб-

ляться въ него, и еще важнѣе: мое сердце изношено; нѣтъ, я не способна вспыхивать, у меня нѣтъ иллюзій, я не могла бы никого полюбить страстно: но почему женщина, пресыщенная тревожными наслажденіями, съ сердцемъ, утомленнымъ, измученнымъ страстями, не можетъ искать отдыха въ спокойной привязанности? Будь я равная ему, я могла бы выйти замужъ за него, и вы не подумали бы обо мнѣ дурно. Но я мѣщанка и бѣдна, вотъ почему я лгу, и не могу имѣть чувства женщины и буду злою совѣтницею ему, врагомъ его дѣтей. Такъ, Владиміръ Алексѣичъ: я не аристократка, вотъ моя вина, вотъ мой порокъ въ вашихъ глазахъ! Вы говорили: надобно стереть съ лица земли разницу сословій и состояній;—сгладьте же ее хоть въ вашихъ собственныхъ мысляхъ. Судите меня по моимъ поступкамъ, а не по тому, что я мѣщанка и бѣдна,—судите меня по тому, какъ я пользуюсь своею властью надъ нимъ: буду ли обирать его или буду честнымъ другомъ ему,—буду ли вредить его дѣтямъ, или честно—до самопожертвованія—заботиться о ихъ счастьи. Жду справедливости отъ васъ и дождусь ея, эта увѣренность утѣшаетъ меня".—Она пожала мнѣ руку и ушла, не давши мнѣ времени отвѣчать.

Но я и не знаю, что могъ бы я отвѣчать. Я былъ разстроенъ. Съ полчаса, я думаю, я оставался очень разстроенъ. Въ моихъ ушахъ все звучали ея слова: „Вы говорили: надобно стереть съ лица земли разницу сословій и состояній—сгладьте же хоть въ вашихъ собственныхъ мысляхъ"...—демократу, соціалисту, революціонеру не могло быть особенно пріятно, что онъ услышалъ, и едва ли не заслужилъ услышать такія слова... Едва ли не заслужилъ—потому что во всемъ, что она говорила, не было ни одного фальшиваго звука, все правда, и все искренно... „Я мѣщанка и бѣдна, вотъ моя вина въ вашихъ глазахъ!" Кромѣ, дѣйствительно нѣтъ... Начавъ оправляться отъ тяжелаго удара, я увидѣлъ, что все еще слишкомъ взволнованъ и не могу продолжать свое записыванье въ дневникъ. Легъ спать и долго ворочался съ боку на бокъ, раздумывая о томъ, какой прекрасный я демократъ и проч. въ теоріи, и какъ умны и хороши оказываются иногда на практикѣ люди, превосходно умѣющіе сочувствовать всяческимъ демократизмамъ, пока не требуется отъ нихъ смысла и совѣсти, чтобы примѣнить эти чувства къ дѣлу. Поутру, нынѣ, то есть...

9. Проснувшись поздно, дописалъ эти замѣтки о вчерашнемъ. Кончивъ, пошелъ бродить, потому что хандрилъ и не хотѣлъ ни работать, ни даже читать. Нашатавшись по рощѣ и лѣсу, пришелъ назадъ съ усталыми ногами, но съ прежнею энергіею прекраснаго чувства. Легъ и продолжалъ хандрить. Думалъ не выходить къ обѣду, сказать, чтобы принесли въ мою комнату. Но разсудилъ, что Мери непремѣнно, а вѣроятно, и Викторъ Львовичъ догадались бы: это вздоръ, будто мнѣ некогда, будто работаю, просто напросто, демократъ, соціалистъ и революціонеръ нѣсколько оплошалъ духомъ. Потому вышелъ обѣдать. Оказалось, что у насъ Власовы. Милая m-me Власова была весела и говорлива, какъ всегда. Я развлекся, слушая добрую и живую болтовню ея. Подъ конецъ обѣда и самъ сталъ шутить. Изъ-за стола всѣ пошли въ голубой залъ, и я туда же, за своею партнеркою въ пустомельствѣ. Славная молодая дама, отъ всей души люблю ее,—какъ сойдешься съ нею, перестаешь быть дуракомъ, а еще лучше то, что дѣйствительно, пріятно смотрѣть на нее: сама счастлива и дѣлаетъ мужа однимъ изъ самыхъ счастливыхъ людей

на свѣтѣ. Сѣлъ за шахматы съ Викторомъ Львовичемъ, успокоивъ ее обѣщаніемъ, что не перестану ни слушать, ни болтать, и сдержалъ обѣщаніе. Она ужасно приставала, чтобъ я шелъ съ ними,—съ нею, ея мужемъ и Надеждою Викторовною,—кататься на лодкѣ по озеру. Викторъ Львовичъ противился: пусть я не поддаюсь на хитрость Катерины Федоровны, она зоветъ меня не по любви, а потому, что жалѣетъ мужа: хочетъ засадить меня въ весла, а мужъ будетъ себѣ посиживать. Я видѣлъ, что ему хочется продолжать вчерашнюю исповѣдь и остался. Они ушли. Точно, скоро онъ бросилъ игру, сталъ толковать. Такъ просидѣли мы довольно долго. Я слушалъ и спрашивалъ. Вошла Мери. „Они гуляли по саду, теперь пошли на озеро, хотятъ плыть на тотъ берегъ, взяли съ собою отъ меня Юреньку и двухъ его пріятелей, на которыхъ поменьше грязи,—не могу пріучить ихъ умываться“, сказала она и сѣла съ нами. Въ домѣ оставались мы трое, одни,—ея дядя повезъ деньги Дедюхиной; мы могли сидѣть втроемъ. Викторъ Львовичъ перемѣстился къ окну, поглядывать временами на подъѣздъ и дворъ, чтобы не застали насъ невзначай. Такъ мы сидѣли втроемъ и толковали часа два, я думаю. Она была съ нимъ непринужденна и серьезна, безъ нѣжностей и безъ заботы показывать, что сколько-нибудь думаетъ или не думаетъ о немъ,—когда приходилось, смотрѣла съ расположеніемъ,—когда не приходилось, не смотрѣла, будто онъ мужъ ей, или, еще болѣе похоже, будто старшій братъ или дядя, что-нибудь такъ, просто родной, близкій, котораго она очень любитъ, и о которомъ ей нечего думать, такъ вообще; но иногда смотрѣла на него и съ тѣмъ расположеніемъ, какъ добрая, скромная женщина смотритъ на мужа, съ которымъ живетъ не первый годъ: тихая любовь и больше признательность за то, что онъ любитъ ее, что ея сердце спокойно. Со мною она была совершенно попрежнему, будто мы дружны, какъ было. Она, впрочемъ, и дѣйствительно любитъ меня, это было видно; теперь мои глаза очень зорки и замѣтили бы малѣйшую искусственность. Но такая простая и свободная была она, что и я по временамъ забывалъ все, и думалъ о ней попрежнему. — Мы говорили обо всемъ, о чемъ случится, какъ бывало я говорилъ съ нею одною, какъ онъ, бывало, говорилъ со мною, когда намъ не о чемъ было говорить: такъ подѣйствовали ея спокойствіе, непринужденность, тактъ на меня и на него, что мы сидѣли и говорили будто сиживали такъ втроемъ каждый день съ полгода... Она говорила со мною о книгахъ—и онъ говорилъ;—онъ говорилъ со мною о томъ, что дѣйствительно, я правъ: надобно устроить пристань въ Симбухинѣ, — и она сказала, что это было бы выгодно и что кромѣ этого можно сдѣлать много другого: у Виктора Львовича теперь столько свободныхъ денегъ; ей вспомнилось, она слышитъ, что глина, та, которая вверхъ по рѣчкѣ, очень хороша; пригласить бы техника взглянуть: не годится ли эта глина для фарфора? Это было бы тоже выгодно... Такъ мы говорили обо всемъ, — не избѣгали говорить даже и объ ихъ отношеніяхъ, какъ будто мы забыли, что это новость и будто и мнѣ не приходило въ голову, что еще неизвѣстно, хорошая ли это новость, — такъ она говорила, и о томъ говорила, что будто не помнилось мнѣ, что это новость: она замѣтила, что Викторъ Львовичъ уже немолодой человѣкъ и напрасно ложился поутру на траву—она видѣла—это нехорошо, и я сказалъ, что это нехо-

рошо, если это было рано, когда трава еще въ росѣ, и онъ сказалъ, что это было неосторожно, потому что трава была еще сыра, и спросилъ, когда же она встала, что увидѣла это. Она встала въ восемь часовъ, хоть легла въ половинѣ третьяго; такая привычка. Переѣдемъ въ Петербургъ, тогда она привыкнетъ вставать поздно. А не забылъ онъ ея просьбу поговорить съ отцомъ Андрюши? Я спросилъ: что-жъ это? о чемъ поговорить съ отцомъ Андрюши? И какого Андрюши?—Это мальчикъ, который приходитъ иногда въ кухню.—умный, его слѣдовало бы отправить въ училище; чему учатъ въ сельской школѣ, онъ уже всему выучился, и т. д. Я замѣтилъ, что не вижу на рукѣ у нея перстенька съ яхонтомъ. Юренька изломалъ его и даже оцарапалъ ей руку этимъ.—„Зажила ваша рука, Мери?“ спросилъ онъ.—„Да и вчера уже не было замѣтно, я показывала вамъ“.—„Нѣтъ, вчера была еще видна царапинка“... Такъ разговоръ касался ихъ отношеній,—конечно, иного и нечего было говорить о ихъ отношеніяхъ: это такая не новость, и все такъ опредѣлилось, установилось, ничего интереснаго имъ другъ о другѣ, кромѣ обыденныхъ мелочей, и, мнѣ казалось, будто такъ, и онъ такъ чувствовалъ, когда она тутъ, непринужденная, спокойная,—и ему было совершенно легко и свободно передо мной... Мы говорили и о Надеждѣ Викторовнѣ. Онъ спросилъ, кажется ли мнѣ,—ему кажется—что Наденька хорошѣетъ съ каждымъ днемъ. Она замѣтила, что это такъ должно быть: Надеждѣ Викторовнѣ осьмнадцать лѣтъ, и спросила, замѣчаю ли я, что Надежда Викторовна стала больше любить музыку? Я сказалъ, что этого я не замѣтилъ,—Викторъ Львовичъ сказалъ, что я слишкомъ много работаю, лучше бы почаще выходить слушать; что же я теперь пишу? И разговоръ пошелъ о моей работѣ, болѣе воображаемой, нежели дѣйствительной. Такъ было каждый разъ, когда разговоръ касался Надежды Викторовны: Мери говорила о ней, пока говорили онъ или я, раза два или три и сама упоминала о ней, какъ случилось вспомнить, что-то сказать,—но не искала случая заговаривать или тянуть разговоръ о ней, тѣмъ меньше старалась показать свою любовь къ ней: при немъ это уже лишнее; это я еще могу думать такъ и иначе; а съ нимъ ей нечего толковать о ея любви или нелюбви къ его дѣтямъ... По временамъ, и мнѣ казалось несомнѣнно, что она будетъ не вредна, а полезна имъ, какъ она увѣряетъ, и хочетъ, конечно: въ ея желаніе я вѣрю и теперь... Готовъ думать, что ей и удастся держать себя относительно ихъ такъ, какъ она хочетъ. У нея такая сильная воля. И нѣтъ надобности вредить имъ. Изъ-за чего было бы вредить?—изъ-за денегъ?—Она не жадна, она умна; можетъ не пожалѣть и огромнѣйшаго приданнаго Надеждѣ Викторовнѣ, какое бы ни понадобилось: все-таки останется довольно для нея самой... По временамъ я былъ убѣжденъ, что изъ ея замысла не будетъ никакого вреда его дѣтямъ... Такъ свободна и безпритворна была она, будто въ самомъ дѣлѣ совершенно правая... Онъ сказалъ: „Они идутъ“. Она встала, спокойно, и пошла изъ комнаты, вовсе не какъ любовница, скрывающаяся, чтобы не застали ее съ любовникомъ,—нѣтъ, будто хозяйка идетъ взглянуть, все ли готово, распорядиться, чтобы подавали чай и закуску, потому что они нагулялись и устали, хотятъ ѣсть... Если бы всѣ они увидѣли ее, такъ уходящую изъ голубого зала, всѣ видѣли бы, что она только шла черезъ комнату, гдѣ мы сидимъ, и едва ли замѣтила, что мы сидимъ

тутъ: такъ спокойно шла она... „Правду говоритъ она, — сказалъ Викторъ Львовичъ, подходя опять къ шахматамъ, когда она ушла: „она вовсе не любовница моя, а другъ мой“; онъ вопросительно взглянулъ на меня, говоря это: безъ нея, у него опять не было увѣренности, что все это должно казаться мнѣ хорошо... „Такъ она говорила и мнѣ“, сказалъ я... Они вошли; съ ними Юренька—обланилъ меня отъ удовольствія, что мы не видѣлись, кажется, сутокъ двое: „Впрочемъ, право я люблю васъ, Владиміръ Алексѣичъ, но только, право, Мери лучше васъ“.—„Не только лучше, а умнѣе, Юренька“, сказалъ я: во мнѣ опять было горькое чувство противъ нея. Викторъ Львовичъ, заговорившись съ дочерью и Власовыми, не разслышалъ этой глупой и нечестной выходки, о которой пожалѣлъ я, едва сорвалась она у меня съ языка. Отвязавшись отъ объятій Юреньки, я пошелъ въ свою комнату. Во мнѣ кипѣла желчь. Зачѣмъ она, такая прекрасная, захотѣла унижать себя?... На креслѣ у моего письменнаго стола сидѣла Мери, опустивъ голову, задумчиво играя какою то ленточкою. „Я ждала васъ. Я знала, вы скоро уйдете оттуда“.— „Знаете-ли, что я сказалъ тамъ сейчасъ? Вотъ какъ отвѣчалъ я Юренькѣ...“— „Что же за бѣда была бы, еслибъ и услышалъ Викторъ Львовичъ? Вашъ намекъ не былъ бы для него неожиданностью. Я не спрашивала его, но это замѣтно: онъ понимаетъ, что я должна казаться вамъ обманщицею. Я думаю, и у него самого были сначала такія же сомнѣнія, хоть по временамъ. Какъ мы ни суди о немъ, онъ не глупъ и пожилъ на свѣтѣ, и достаточно много видѣлъ обмана“.—„Такъ, Марья Дмитріевна; но я и говорю не о томъ, что моя неосторожная выходка могла бы имѣть вліяніе на ваши отношенія, а только о томъ, какъ это было дурно съ моей стороны дѣлать намекъ, когда совершенно не знаю самъ, какъ мнѣ думать“. — „Ахъ, Владиміръ Алексѣичъ, не то больно мнѣ, что иногда вырвалось бы у васъ злое слово въ припадкѣ желчи; это еще ничего бы; вы ошибались въ моемъ характерѣ, я не могла бы жаловаться на то, что вы поддаетесь негодованію. Есть чувство, переносить которое тяжеле, нежели порывы раздраженія. Взгляните на эту ленточку: она моя. Я подняла ее на полу... Пусть бы выбросили вы ее за окно, но она оставалась тутъ, подъ глазами у васъ. Порывъ прошелъ, и въ успокоившейся душѣ осталось холодное пренебреженіе“. у нея набѣгали слезы. „Я шла сюда не грустная, Владиміръ Алексѣичъ...“ На счастье, у меня была не одна эта ленточка отъ нея, еще двѣ. Я вынулъ дневникъ и показалъ, что онѣ лежатъ въ немъ. Тогда она повѣрила, что это была случайность. Я вспомнилъ, что точно, тетрадь упала, я взялъ ее съ пола и не замѣтилъ, что одна изъ ленточекъ выпала подъ стулъ. Мы стали толковать. Но скоро пришелъ Юренька и никакими средствами нельзя было выпроводить его. Она ушла съ нимъ. Впрочемъ, и все равно. Напрасно было толковать. Она упряма. Да и не совершенное ли сумасбродство, надежда уговорить? Только въ моей нелѣпой головѣ могла родиться такая мысль. Отъ такихъ замысловъ люди не отказываются. По крайней мѣрѣ, когда понимаютъ, что такое они хотятъ сдѣлать надъ собою. Она давно поняла. Съ первыхъ дней нашей дружбы. Пусть прежде она думала, что она падшая дѣвушка и т. п., что это не униженіе для нея. Но онъ еще и не воображалъ, что можетъ сдѣлаться ея любовникомъ, а она уже знала, что въ ея жизни до той поры не было ничего дурного, кромѣ этого

намѣренія, знала, что идетъ еще на первое свое безчестье, и продолжала идти. И дошла, и не ужаснулась, обезчестивши себя, нѣтъ, имѣла силу оставаться весела, радовалась своему первому успѣху, такъ радовалась, что даже не могла иногда владѣть собою отъ восхищенія. Та сцена со мною: подбѣжала, закрыла глаза мнѣ, и шутитъ въ весельѣ, стала рѣзвою дѣвочкою отъ избытка радости. И когда пришло время, что я долженъ былъ узнать о ея униженіи, постыдилась два-три дня, и потомъ упрямо твердитъ: „я давно упала такъ низко, что вы напрасно огорчаетесь! Нѣтъ, какая же тутъ надежда, чтобъ она пожалѣла себя? бить воздухъ словами, упрашивать зажмурившую глаза, чтобъ она раскрыла ихъ? „Я слѣпа, ничего не вижу“.—„Вы надѣли грязные башмаки, сбросьте ихъ“.—„Я не вижу, я думаю, что я всегда ходила въ такихъ башмакахъ; должно быть это вы только называете такъ—грязь, а это должно быть та самая пыль, которая всегда была на башмакахъ у меня, у женщинъ, которыя росли и живутъ не подъ стекляннымъ колпакомъ, часто башмаки пылятся, и у меня тоже, а грязи я не вижу: вы напрасно огорчастесь...“ Какая тутъ надежда, чтобъ она пощадила себя, не довершала своего униженія? Нѣтъ, я не могу сохранить симпатіи къ ней. На первое время, конечно, поддаешься грусти. Но нельзя долго грустить о человѣкѣ счастливомъ...

Впрочемъ, нисколько не смѣшно, что я огорченъ. Упрашивать ее—это была нелѣпая фантазія. Но въ томъ, что я чувствую состраданіе, я совершенно правъ. Ей самой грустно, какъ ни безжалостна она къ себѣ. Ей не слѣдовало становиться дурною. Въ ней такъ много прекраснаго, и такъ мало дурного. Ничего дурного, кромѣ честолюбія. Оно одно.

Власова прислала звать меня, чтобъ я вышелъ къ ужину; я пошелъ безъ малѣйшей неохоты. И не будь рѣшено у нихъ встать завтра пораньше для какой-то надобности видѣть восхожденіе солнца съ горы, потому и залечь спать съ одиннадцати часовъ, я радъ былъ бы сидѣть и болтать съ ними безъ конца. Такая разница между настроеніемъ моимъ до этого послѣдняго разговора съ Мери и послѣ него. Такъ упряма и безжалостна, что поневолѣ охладѣлъ къ ней. Завтра, я думаю, изчезнетъ и послѣдній, уже и теперь очень слабый, остатокъ состраданія къ ней. Буду совершенно равнодушно смотрѣть на ея униженіе.

Но теперь пока все еще немножко жаль. Пока еще не стало лѣнь думать о ней, надобно записать, какъ я сужу о ея психической исторіи. Какъ бы то ни было, она замѣчательное лицо.

Ношена матерью во чревѣ, рождена и выкормлена грудью въ чувствахъ непоколебимой и чистой преданности господамъ, благодѣтелямъ и болѣе богамъ, нежели людямъ. Три или четыре поколѣнія безфамильныхъ предковъ и по материнской и по отцовской линіи служили вѣрою и правдою знаменитому роду Илатонцевыхъ и зато были достойно награждаемы всѣми земными благами и почестями какія только доступны желаніямъ вѣрныхъ слугъ. Владиміръ Львовичъ, какъ принялъ верховную власть, даже пожаловалъ волю (впрочемъ, и не имъ однимъ, а всей прислугѣ). По этому случаю безфамильное семейство, въ которомъ кормилась молокомъ преданности изъ материнской груди малютка Машенька, приняло фамилію Антоновыхъ—по имени дѣда Мери, по отчеству записывавшихся въ мѣщане: Дмитрій Антонычъ Антоновъ съ женою и дочерью. —

младшій братъ его, холостой, Иванъ Антонычъ Антоновъ. Господинъ и освободитель женился, сталъ собираться жить за границею.—„Поѣдете ли вы съ нами?“—„Если вамъ такъ будетъ угодно. Но сами мы думали бы, куда же намъ. Позвольте остаться“.—„Извольте; какъ для васъ лучше. Васъ два брата, вотъ вамъ двѣ должности: домъ въ Петербургѣ, домъ въ Илатонѣ. Гдѣ кому, какъ сами рѣшите. Но мой совѣтъ: у Дмитрія Антоныча есть дочка. Для дѣтей деревенскій воздухъ здоровѣе петербургскаго; лучше бы именно вамъ, Дмитрій Антонычъ, ѣхать въ Илатонъ“.—Братья разсудили: правда. Иванъ Антонычъ остался завѣдывать домомъ въ Петербургѣ, Дмитрій Антонычъ переселился завѣдывать домомъ въ Илатонѣ.

Извѣстіе о рожденіи Надежды Викторовны было передано четырехлѣтней дѣвочкѣ такими словами: „Ну вотъ, Машенька, родилась твоя барышня“. Когда Илатонцевы пріѣзжали изъ Парижа погостить въ деревнѣ, Машеньку водили смотрѣть на ея барышню. Машенька была такъ приготовлена видѣть въ барышнѣ свое божество, что еслибъ Надежда Викторовна и не была миленькою малюткою, все-таки, вѣроятно, казалась бы своей будущей горничной по крайней мѣрѣ ангельчикомъ, если не лучше всякаго ангельчика. Маленькій ангельчикъ былъ нѣженъ, тихъ; будущая горничная была бойкая, смѣлая дѣвочка, и въ восемь, девять лѣтъ уже разыгрывала роль няньки своей будущей госпожи, въ ожиданіи, пока будетъ ея горничною. Отецъ Машеньки умеръ на службѣ барину, отъ усердія къ службѣ: простудился, наблюдая за какой-то перестройкою. Мать зачахла съ горя, и недолго пережила мужа. Дядя выписалъ сиротку къ себѣ. Машенькѣ было тогда лѣтъ одиннадцать.

Года черезъ три, Викторъ Львовичъ возвратился жить въ Россіи съ малюткою Юренькою и десятилѣтнею Наденькою. Еще рано было опредѣлять къ барышнѣ горничную. Да и сама будущая горничная была еще на половину ребенокъ. M-me Lenoir сказала Ивану Антонычу на просьбу о взятіи племянницы къ должности при барышнѣ: „Пусть ваша Машенька ростетъ, да играетъ; еще успѣетъ наслужиться“.—Машенька росла и играла — еще въ куклы, но стала больше любить приходить играть со своею будущей барышнею: четырнадцатилѣтней немножко уже стыдно играть въ куклы, а все еще нравится. Лучше же всего ходить играть въ куклы съ барышнею, тогда никто не можетъ пристыдить: „экая большая, а играетъ въ куклы!“—„Это я не сама играю, я забавляю Надежду Викторовну“. Такъ и стала идти жизнь Машеньки, все больше и больше въ комнатѣ маленькой барышни. „Перестало мнѣ нравиться играть въ куклы, я взяла куколкою себѣ Надежду Викторовну“, разсказывала Мери. „Ахъ, если бы вы посмотрѣли тогда на нее, какая она была у меня миленькая, веселенькая! Съ утра до ночи все наряжала бы и и причесывала ее!—и терпѣливая была дѣвочка, сидѣла смирно, сколько я ни причесываю, ни охорашиваю ее, пока уже M-me Lenoir велитъ перестать мучить ребенка. Невозможно было не привязаться къ такому миленькому кроткому ребенку...“ И m-me Lenoir видѣла, что Мери души не чаетъ въ своей будущей барышнѣ: видѣла, что четырнадцати-пятнадцати-лѣтняя нянька или горничная очень разсудительная, скромная дѣвушка, полюбила ее, совершенно полагалась на ея умъ, осторожность, заботливость. „Когда Наденька съ вами, Мери, я спокойна“, говорила m-me Lenoir; „могу уйти, играйте себѣ“ и

уходила распоряжаться по хозяйству, разбирать дѣла прислуги, давать совѣты, поправлять ошибки старшихъ... „Конечно, это жаль, что она такъ мало занималась мною въ тѣ первые два года“, говорила Мери. „Еслибъ она построже всматривалась въ меня тогда, то, можетъ быть, я и не сдѣлалась бы послѣ такою дурною. Тогда, я думаю, еще можно было предотвратить развитіе моихъ дурныхъ наклонностей. Но у меня было слишкомъ много хлопотъ: Алина Константиновна со своими наивностями, да и самъ Викторъ Львовичъ съ излишнею своею довѣрчивостью и щедростью къ интриганткамъ,—пятьдесятъ человѣкъ прислуги, со своими ссорами, жалобами, всяческими дрязгами и съ серьезными надобностями въ совѣтѣ, помощи,—хозяйство въ такомъ большомъ роскошномъ домѣ... эти хлопоты поглощали все время, какое оставалось у нея отъ материнскихъ заботъ о Надеждѣ Викторовнѣ и Юренькѣ. Иногда по цѣлымъ недѣлямъ не выбиралось у нея полчаса свободы, отдохнуть за книгою... Конечно, еслибъ она замѣтила, что надобно удерживать меня отъ дурного, не пожалѣла бы труда и нашла бы время, потому что очень любила меня. Но нельзя мнѣ винить ее за то, что она не видѣла тогда этой надобности. Я казалась такою прекрасною, что и родная мать, у которой только и дѣла было бы, чтобы думать обо мнѣ, не подозрѣвала бы ничего дурного во мнѣ, только радовалась бы на такую умную и скромную дѣвушку. Что жь могла m-me Lenoir? — Только хвалить и ласкать меня“. — Мери говорила это, думая объ увлеченіяхъ, которымъ отдалась года черезъ три, въ Парижѣ. Не знаю, какъ пошла бы ея жизнь — хуже или лучше,—если бы можно было предохранить ее отъ свободнаго и чистаго наслажденія. Правда, для дѣвушки соединено съ этимъ много огорченій, которыхъ не испытываетъ молодой человѣкъ: его не оскорбляютъ за то, что онъ честно—или даже не совсѣмъ честно ищетъ наслажденія; дѣвушку безсовѣстно порицаютъ и за самое безукоризненное увлеченіе: какъ она смѣетъ имѣть человѣческія чувства, пока не переименована въ замужнюю женщину?—Но я все таки не знаю, что легче и лучше для дѣвушки: переносить упреки за повиновеніе непреодолимому влеченію сердца и тѣла, или стараться подавлять его аскетическими, полу-аскетическими и вовсе неаскетическими средствами, которыя всѣ одинаково безсильны подавить его и одинаково вредны для здоровья.

Мери говорила объ этомъ очень рѣшительно: она испытала слишкомъ много огорченій и страданій; поэтому слишкомъ строго судитъ о своихъ увлеченіяхъ и жалѣетъ, что не были замѣчены первыя проявленія ея чувственности, когда еще можно было бы запугать, удержать. Пусть она и права, не смѣю рѣшать. Но она до несправедливости горько выражалась о себѣ, когда говорила, что на пятнадцатомъ, на шестнадцатомъ году „казалась“ скромною. Когда она разсказывала объ этомъ времени своей жизни безъ раздумья о болѣе позднихъ увлеченіяхъ, то можно было видѣть, что она не только казалась, но и была очень скромною дѣвушкою до того самаго времени, когда овладѣли ею мечты о лошадяхъ въ серебряной сбруѣ, кружевахъ и брилліантахъ. А это было съ небольшимъ за годъ до отъѣзда за границу: когда онѣ уѣхали за границу, ей былъ девятнадцатый годъ. Однако, пора спать. Допишу завтра.

Не только на шестнадцатомъ году она была, но и на семнадцатомъ оставалась очень скромною дѣвушкою. Отъ природы умная и серьезная, она была

рѣзвою и бойкою, но не могла быть легкомысленною, а ей было внушено, что вѣтренничать—это гибель. Организмъ еще не разгорался самъ собою до сильныхъ сладострастныхъ ощущеній, а возбуждать ихъ искусственнымъ образомъ она не умѣла; нервы были здоровы, голова занята дѣломъ или веселостями, сердце было спокойно. Сердце оставалось спокойно благодаря ея аристократическому положенію. Она была слишкомъ много выше остальной прислуги по своему родству, да и по своей должности. До отъѣзда Илатонцева за границу отецъ Мери былъ дворецкимъ, мать—ключницею, дядя—каммердинеромъ, или, лучше сказать, оберъ-каммердинеромъ. Здѣсь мы живемъ запросто, и онъ просто каммердинеръ; въ Петербургѣ у Ивана Антоныча два помощника, онъ начальствуетъ по каммердинерскому вѣдомству, а самъ прислуживаетъ барину лишь настолько, насколько находитъ нужнымъ для собственной важности: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить молокососа до подаванія сюртука Виктору Львовичу, зазнается молокососъ,—такъ объяснялъ мнѣ Иванъ Антонычъ. Когда господа переселились жить за границу, отецъ и дядя Мери стали управляющими домами. По возвращеніи Виктора Львовича, дядя пожелалъ снова стать оберъ-каммердинеромъ; мѣста дворецкаго и ключницы оставались не заняты послѣ отца и матери Мери: m-me Lenoir сама завѣдывала хозяйствомъ, и не было между прислугою чиновъ, равныхъ Ивану Антонычу, кромѣ чина самой Мери. Горничная молодой барышни, она была неизмѣримо выше какихъ-нибудь прислужницъ Алины Константиновны. За ними могли волочиться молодые люди придворнаго штата, за Мери не могли посмѣть безъ ея собственнаго ободренія, а его не было: проводя цѣлый день около m-me Lenoir, она привыкла къ простотѣ, къ деликатности,—уже и сама умѣла довольно хорошо соблюдать въ разговорѣ и въ движеніяхъ непринужденность, а еще лучше умѣла понимать эти условія истинно хорошаго тона. Молодые слуги ихъ домашняго штата и такіе же гости, бывавшіе у ея дяди, не могли нравиться ей: и грубы, и слишкомъ ломаются. А гости Виктора Львовича не имѣли случаевъ приволокнуться за нею; m-me Lenoir не позволяла ей соваться въ ту парадную половину дома, когда собираются гости. И нельзя было ослушаться: тамъ дядя. И не было большой охоты ослушаться: дѣвушка была и гордая и серьезная. Она знала, какъ любезничаютъ господа со служанками: слишкомъ свысока; потреплетъ по щекѣ, это милостивое вниманіе. Мери нимало не желала, чтобы гости обращались къ ней съ такими милостивыми вниманіями, какія нравились горничнымъ Алины Константиновны.

Не было любезничанья, отъ котораго разгорячался бы организмъ; самъ собою онъ еще не разгорался; раздражать его она не умѣла. Нервы были крѣпки, характеръ серьезенъ, въ головѣ не было вѣтреныхъ мыслей. Не могло быть сильныхъ сладострастныхъ томленій; не отъ чего было быть имъ. Правда, Мери съ дѣтства слышала много грубаго, много скандальнаго, и рано стала довольно отчетливо понимать то, что слышала. Не только понимала, и видывала. Алина Константиновна, по разсѣянности, нѣкоторыя служанки, тоже по простотѣ нравовъ и по большой привычкѣ, дѣлывали разныя наивности, не осмотрѣвшись хорошенько. Дядя Мери, его друзья и жены друзей были люди строгой нравственности и говорили всегда скромными словами, съ прекрасною морализаціею, но говорили очень много скандальнаго. Конечно, не по любви

къ соблазнительнымъ темамъ, а по необходимости разсуждать о характерахъ и отношеніяхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣли. Подвластные не могутъ не заниматься жизнью и дѣлами своихъ высшихъ. Иногда Мери случалось слышать и вѣтреные разговоры горничныхъ Алины Константиновны, другихъ шаловливыхъ молодыхъ женщинъ изъ прислуги. Столько насмотрѣвшись и наслушавшись, дѣвушка на семнадцатомъ году не могла не воображать иногда сладострастныхъ приключеній. Но эти мечты не доводили организма до сильныхъ волненій. Онъ былъ здоровъ и еще слишкомъ молодъ, чтобы возбуждаться отъ однихъ мыслей. Должно быть, и мысли эти очень мало занимали ее. Это видно изъ того, что она засыпала, какъ ляжетъ, вскакивала съ постели, какъ проснется,—это попадалось въ ея разсказахъ. Помню, ей даже случилось какъ-то сказать: „до той поры, какъ влюбилась, я не знала, что такое безсонница“. Такъ оно видно и по фактамъ ея первой влюбленности. Изъ нихъ ясно, что Мери до той поры еще не испытывала сладострастныхъ ощущеній,—иначе не таково было бы начало ея первой страсти.

Прошло время дѣтской беззаботности. Умъ созрѣвалъ, мысли о будущемъ стали идти дальше завтрашняго дня. Дѣвушка стала думать о томъ, какая судьба ожидаетъ ее. Нельзя было не думать объ этомъ: дядя говорилъ, что она уже невѣста. Жениховъ еще не было: изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые могли бы дѣлать предложенія, ни у кого не могло быть сомнѣнія въ томъ, что получатъ отказъ; такъ держала себя съ ними Мери. А дядя не будетъ ни сватомъ, ни заступникомъ, — напротивъ, одобритъ отказъ. Всѣмъ было извѣстно, какія предположенія у него на счетъ того, что всего умнѣе и лучше для племянницы: ей слѣдуетъ располагать свою жизнь по жизни своей барышни. Пока Надежда Викторовна не выйдетъ замужъ, Машенькѣ тоже надобно оставаться въ дѣвушкахъ; такая должность ея при барышнѣ, горничная. Барышня выйдетъ замужъ, тогда горничной время выбирать жениха и надобно будетъ постараться выбрать такого человѣка, который уже былъ бы самъ по себѣ или могъ бы черезъ женитьбу на ней стать тѣмъ же при молодомъ барипѣ, чѣмъ находится она при барынѣ: первымъ лицомъ, довѣреннымъ лицомъ, какъ была судьба матери Машеньки, такъ надобно желать и для Машеньки: быть ключницею, женою дворецкаго. Выходить замужъ раньше барышни—дѣло неразсудительное. Положимъ даже, что Машенька и не проиграла бы черезъ это ничего, пока Надежда Викторовна остается въ дѣвушкахъ. Но кто же знаетъ, какой будетъ мужъ у Надежды Викторовны? Годится ли ему въ довѣренное лицо мужъ Машеньки? Не понравился—разстроилась вся жизнь Машеньки. Не жить же Машенькѣ врозь съ мужемъ, или не жить же мужу при Машенькѣ дармоѣдомъ, или не быть же мужу Машеньки какимъ-нибудь лакеемъ или швейцаромъ? Значитъ, и Машенькѣ черезъ мужа пришлось бы отойти отъ Надежды Викторовны, другими словами, потерять свое счастье. Не годится дѣлать иначе, какъ такъ: пусть прежде выйдетъ замужъ Надежда Викторовна, тогда и выбирай себѣ мужа Машенька, такого мужа, который уже пользовался бы расположеніемъ молодого барина или могъ бы получить его расположеніе. Такъ разсуждалъ Иванъ Антонычъ и мнѣніе его было такъ справедливо, что никто не могъ не согласиться: точно, такъ оно и слѣдуетъ судить: умный человѣкъ Иванъ Антонычъ, объ этомъ нечего и говорить: умный человѣкъ, основательный.

Такъ думала и племянница. Съ дѣтства ей было внушено, что ей предназначается такая судьба и что такъ будетъ умнѣе всего, и что лучше этого не можетъ быть ничего.

Мери оставалась убѣждена, что ничего не можетъ быть лучше этого, пока не умѣла думать своимъ умомъ. Потому-то и не могла она думать о женихахъ: еще рано. Потому-то и не было жениховъ: она еще не хочетъ идти замужъ и дядя не желаетъ отдавать; нечего и соваться сватать. Мери была дѣвушка умная и держала себя такъ, чтобы ни у кого не было мысли посватать ее. Дядя, какъ человѣкъ умный, видѣлъ, что она держитъ и хочетъ держать себя такъ. Но, тоже какъ человѣкъ умный, находилъ, что не мѣшаетъ теперь все-таки почаще и посильнѣе внушать Машенькѣ, что именно такъ и слѣдуетъ ей держать себя. Надобно почаще толковать ей это: ея лѣта стали такія, что надобно потверже помнить, какъ ей держать себя. „Твои лѣта, Машенька, такія, отъ которыхъ у женщины зависитъ счастье на всю жизнь: какъ въ эти лѣта съумѣетъ дѣвушка позаботиться о своемъ счастьѣ, такъ оно и пойдетъ“ и т. д. Иванъ Антонычъ говорилъ очень умно. При такихъ разговорахъ нельзя было дѣвушкѣ не начать серьезно думать о своемъ счастьѣ. Быть можетъ, стала бы она думать о немъ и безъ внушеній дяди. Вѣроятно, и безъ нихъ начала бы; уже съ полгода она перестала сама для собственнаго удовольствія тянуть подольше игру съ Надеждою Викторовною въ куклы. Надобно же думать о чемъ-нибудь. А у нея стало и гораздо больше досуга думать: Надеждѣ Викторовнѣ было двѣнадцать лѣтъ, ученье пошло серьезнѣе, стало занимать довольно много времени,—въ эти часы Мери нечего было дѣлать, она думала и понемножку стала даже находить занимательнымъ читать. Чтеніемъ ея, конечно, были романы, и, конечно, романы или экзальтированные, или скандальные, или сказочные, вообще, только плохіе и пустые. И, конечно, она воображала себя героинею всѣхъ самыхъ удивительныхъ приключеній. Но пока это была только забава: дѣвушка была умная, съ положительнымъ характеромъ и книги не могли оторвать ее отъ дѣйствительной жизни. Она была такъ положительна и разсудительна, что даже и не пристрастилась къ чтенію; она не барышня, ей нельзя пріучать себя сидѣть по цѣлымъ днямъ или не спать по ночамъ за книгою. Здравый смыслъ всегда былъ очень силенъ въ Мери. Какъ теперь онъ не допустилъ ее пристраститься къ романамъ, такъ прежде, и теперь, и послѣ, почти до самаго конца ея парижской жизни, онъ не давалъ развиться въ ней любознательности. Ребенка выучили читать и немножко писать; по мнѣнію дяди, этого было довольно. Ребенокъ былъ и радъ. Съ тѣмъ и оставался, когда пріѣхала m-me Lenoir. Она полюбила дѣвочку. Дѣвочка была очень даровита. Дѣвочкѣ былъ еще только четырнадцатый годъ. „Еще не поздно“, подумала m-me Lenoir, сказала дядѣ, что приготовитъ Машеньку быть гувернанткою, стала учить. Дядя приходилъ въ восторгъ; гувернантка — это уже барышня: его Машенька будетъ барышнею! Но Мери оказалась лѣнивицею, разсѣянною. Не только бросала книгу, какъ отвернется m-me Lenoir, пропускала мимо ушей и то, что разсказывалось ей. Всѣ труды m-me Lenoir пропадали понапрасну. „Какъ же ты не понимаешь, Машенька, что Шарлотта Осиповна хочетъ сдѣлать тебѣ добро?“—укорялъ дядя. „На что мнѣ, дяденька?“—возражала дѣвочка:

„это барышнямъ надобно учиться, а мнѣ вовсе не нужно“.—„Да, если ты выучишься, ты сама будешь барышнею“. — „Какою-жь это барышнею, дяденька? Вы самъ говорите, что настоящія барышни только богатыя, а бѣдныя хуже насъ. Вы сами говорили, при Надеждѣ Викторовнѣ я буду жить прекрасно, что и барышни будутъ завидовать мнѣ“.—Воспитанница была тверда въ понятіяхъ, внушенныхъ ей, тверже самого воспитателя съ его помощниками и помощницами, такими же умными людьми и вѣрными слугами и служанками, тверже ихъ въ ихъ образѣ мыслей, потому что сильнѣе ихъ характеромъ и умнѣе. Дядя сбился съ толку, обольстившись пустымъ титуломъ барышни. Мери помнила, что лучше жить служанкою въ изобиліи, даже роскоши, и въ великомъ почетѣ, нежели барышнею безъ денегъ. Такъ и отбилась отъ ученія, ненужнаго ей.

Быть первымъ лицомъ при такой богатой, знатной и вдобавокъ доброй госпожѣ, какою будетъ Надежда Викторовна! какое счастливое предназначеніе! — Мери была въ очарованіи отъ своего предназначенія, пока была беззаботнымъ ребенкомъ, день за день, не вдумываясь ни во что, ни даже въ то, чѣмъ была очарована. Такъ жила она не только на четырнадцатомъ и на шестнадцатомъ году, продолжала такъ жить, когда пошелъ ей и семнадцатый годъ. Но умный и заботливый о нравственности дядя чаще и чаще толковалъ ей, какъ вообще толкуютъ со взрослыми дѣвушками умные и заботливые о нравственности родные. А еще важнѣе того, праздновались свадьба за свадьбой знакомыхъ ей дѣвушекъ, подобныхъ ей аристократокъ прислуги аристократическаго міра, — дѣвушекъ немногимъ старше ея или почти вовсе ровесницъ. У нихъ женихи, мужья. Пришлось и ей думать о своемъ женихѣ, мужѣ; и счастливая по наслѣдству испугалась своего счастья.

Служить Надеждѣ Викторовнѣ — это прекрасно, и ничего не могло бы быть лучше, если бы только это. Но надобно будетъ не только служить Надеждѣ Викторовнѣ, надобно будетъ и выйти замужъ. Кто же будетъ ея мужъ? Каммердинеръ мужа Надежды Викторовны. Какой же будетъ онъ? Такой же, какъ вотъ всѣ эти, за которыхъ выходятъ ея пріятельницы, какъ эти молодые люди, на которыхъ ей не хотѣлось и смотрѣть. Такъ вотъ какой онъ будетъ! „Нѣтъ, я не буду любить такого мужа. Лучше бы пусть и не было у меня такого мужа. Пусть и не будетъ его. Не пойду замужъ. Вовсе не нужно“.

Правда, вовсе не нужно! Можно оставаться при Надеждѣ Викторовнѣ и не выходя замужъ за каммердинера ея мужа. Надежда Викторовна не будетъ требовать этого. Для Надежды Викторовны все равно. Такъ. Но легко подумать это „не пойду замужъ“, а что-жь это значитъ, не пойти замужъ? Это значитъ: остаться въ дѣвушкахъ. Ахъ, какой смѣхъ! Ахъ, какой стыдъ! Остаться въ дѣвушкахъ, сдѣлаться старою дѣвкою! Да это хуже всего на свѣтѣ! И Мери уже видѣла себя, какая стала она старая дѣвка: вотъ она идетъ или сидитъ, худая, какъ щепка, желтая и подбородокъ загнулся острымъ крючкомъ! и всѣ переглядываются, перешептываются: „хороша, старая то дѣвка!“ Нѣтъ ужъ лучше пойти замужъ!

Но какъ же идти за такого мужа? и мужъ рисовался передъ нею. Какое лицо у него, нечего смотрѣть: до того ли тутъ, чтобы разбирать лицо, когда

онъ такъ выступаетъ. Точно журавль! И какъ онъ держитъ локти! Господи, какъ онъ топыритъ ихъ! Онъ думаетъ, это по модному, по господски! И доволенъ собою, что онъ такъ ловокъ!—ухмыляется; Господи, да и лицо-то у него такое же! Какъ онъ корчитъ его по господски! — Обезьяна, настоящая обезьяна!..

Господи, какая судьба! или старая дѣвка, или такой мужъ!.. И Мери готова была плакать. Господи, неужели нельзя, чтобы мужъ былъ не такой? Нельзя, или, пожалуй, иди за такого, который и не обезьяна, да ужъ и не то, что просто обезьяна, а негодяй, мучитель. Нѣкоторыя дуры захотѣли выйти за чиновниковъ—и вышли—или даже за офицеровъ. Какъ всѣ онѣ живутъ? Бѣдно, и хуже того, чѣмъ бѣдно: мужья пьяницы, мерзавцы, бьютъ ихъ! Конечно, какой же хорошій человѣкъ, кромѣ слуги, захочетъ жениться на служанкѣ? Тѣ хорошіе люди, которые не похожи на обезьянъ, не женятся на служанкахъ, а только волочатся за ними, берутъ въ любовницы. Да, служанка не можетъ найти себѣ мужа и хорошаго человѣка и не обезьяну, а любовниковъ такихъ нѣкоторыя находятъ. И если любовникъ богатый, дѣвушка живетъ счастливо, даже очень счастливо. Гораздо лучше, нежели самая важная и любимая служанка у самой богатой и знатной госпожи. Какое же сравненіе? Всѣ завидуютъ такимъ счастливицамъ! И Раиса Петровна, и Лиза, и Наташа, и Прасковья Семеновна и даже сама Анна Федоровна, и всѣ, всѣ говорятъ: „помилуйте, это совсѣмъ не то, что наша жизнь!“ — Но только, всѣ говорятъ, что это дурно. И женщины, и мужчины, и дядя, и всѣ: это дурно! Господи, какая бѣда! Одно только и есть хорошее для служанки, и то дурно!

Господи, зачѣмъ же это такъ? Да такъ ли, въ самомъ дѣлѣ?

Плохо дѣло наслѣдственныхъ принциповъ морали, какъ дошло до вопроса: да такъ ли на самомъ дѣлѣ? Лишь вздумалъ взглянуть съ перваго взгляда, видишь: не такъ. Эта мораль — нескладица и ложь. Такая нелѣпая нескладица, такая явная ложь, что съ пяти лѣтъ у каждаго неглупаго ребенка уже набралось довольно наблюденій, чтобы захохотать надъ этою нескладицею, презрѣть эту ложь, какъ только вздумается подумать о ней. Съ ранняго дѣтства, въ каждой неглупой головѣ уже сложился отвѣтъ, незамѣтно сложился, такъ легко и просто слагается онъ, и незамѣченный лежитъ совершенно готовый въ дремлющемъ умѣ, и какъ явилась надобность—чуть встрепенулась мысль—онъ и тутъ, готовъ, ясенъ, рѣшителенъ. Помню, точно такая же исторія была и со мною: все вѣрилъ, вѣрилъ въ эту мораль, пришлось подумать о ней и вижу: да, какое же, будто я вѣрилъ въ нее. — Можетъ быть и вѣрилъ, когда мнѣ было два года отъ роду, но съ той поры, какъ помню себя, всегда видѣлъ, что люди чувствуютъ не по этой морали, всегда слышалъ, что и живутъ по ней лишь тѣ, кому не представляется надобности жить не по ней, съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, не вѣрилъ въ нее, а только воображалъ, будто вѣрю, потому что не вздумалось подумать: да точно ли вѣрно?

Такъ было и съ Мери. До сихъ поръ она воображала, что вѣритъ въ мораль, проповѣдуемую дядею и его сотрудниками и сотрудницами въ дѣлѣ ея нравственнаго воспитанія, всѣми этими Аннами Федоровнами съ мужьями,

отцами и сестрами, нравственными людьми, это безспорно, воображала, что вѣритъ въ нее, уважаетъ ее, слѣдуетъ ей; до сихъ поръ ей такъ воображалось, потому что не было нужды всматриваться въ то, много ли смысла и правды въ этой нравственности. Ей говорили: „не бери чужого“—она и не родилась воровкою, ни алчною, у нея не было охоты брать чужого; ей говорили: „не лги“ — она была горда и отважна, ложь не по натурѣ такимъ людямъ; ей говорили: „будь скромна“—она была горда и разсудительна, страсти еще не пробуждались въ ней, у нея не могло быть охоты унижать себя вѣтренностью. Ея собственныя влеченія были согласны съ тѣмъ, что требовалось отъ нея во имя морали; и она, слѣдуя своимъ влеченіямъ, воображала, что уважаетъ внушенную ей мораль... А какъ только вздумалось ей спросить себя: „да такъ ли?“— она съ удивленіемъ увидѣла, что давно, давно знала все, нужное для рѣшительнаго отвѣта: „это глупость, это глупая ложь!“

„Это дурно“, — почему же это дурно?— „Всѣ они говорятъ, что это дурно“. — Кто это они? Что за люди? Напримѣръ, ея дядя. Добрѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, это правда. Но недалекъ и робокъ, хуже маленькаго ребенка. И всѣ они такіе, его пріятели и пріятельницы, которые искренно говорятъ то, что говорятъ. Какъ же полагаться на мнѣнія людей, которыхъ нельзя не любить за ихъ доброту и честность, и надъ которыми нельзя не смѣяться, такъ они легковѣрны и недогадливы. Какъ полагаться на мнѣнія людей, которые ничего не понимаютъ? Кто ни захочетъ, всѣ обманываютъ ихъ во всемъ, въ чемъ захочетъ. И это не обманъ ли, придуманный хитрыми, чтобъ они не пускались соперничать, были бы смирны и можно было бы осѣдлать ихъ и ѣздить на нихъ. — Они осѣданы, и на нихъ ѣздятъ; должно быть, это для того и придумано. „Это дурно пойти на содержаніе къ богатому человѣку“. Да почему же это дурно? Но кажется и Шарлотта Осиповна думаетъ, что это дурно? Да, и она такъ думаетъ. А она умная, и не обманщица. Значитъ, это въ самомъ дѣлѣ дурно. Господи, какая бѣда, что и она такъ и думаетъ и что значитъ — это дурно!.. Но что-жь такое, что она и думаетъ такъ? Это ничего не значитъ. Она не можетъ судить объ этомъ. Она барыня; положимъ, не русская, и говоритъ, что у нихъ нѣтъ барынь; но это все равно, она барыня, хоть у нихъ тамъ и не называютъ такъ. Положимъ тоже, она и небогатая. Но все же барыня, а не служанка. Это совсѣмъ не то. Ей хорошо такъ думать, а попробовала-бъ она родиться служанкою, да и идти замужъ, тогда-бъ она и увидѣла, каково это. Тогда-бъ она и не захотѣла такъ думать.

Да почему же это дурно, въ самомъ дѣлѣ? Они всѣ говорятъ: „Всѣ пренебрегаютъ такою дѣвушкою“—вотъ это и неправда. Если дѣвушка пойдетъ въ любовницы къ бѣдному, точно всѣ пренебрегаютъ ею. Такъ чтожь, развѣ это оттого? Это вовсе не оттого, а потому, что вообще пренебрегаютъ всякими бѣдными людьми. А когда любовникъ богатъ и дѣвушка живетъ пышно, любопытно бы посмотрѣть, кто-жь это пренебрегаетъ ею? Не они ли пренебрегаютъ — дядя съ Раисою Петровною и съ Анною Федоровною и съ ними со всѣми? Да не всѣ ли они вздыхаютъ и говорятъ: „какое же сравненіе съ нашею жизнью“ и кланяются... Просто, они сами не понимаютъ, что они твер-

дятъ одно, а дѣлаютъ и чувствуютъ совсѣмъ другое. Они наслушались пустяковъ и твердятъ безъ всякаго смысла...

Такъ начались мечты дѣвушки — дѣвушки еще совершенно скромной — не только не имѣвшей вѣтреныхъ отношеній, еще не чувствовавшей и влеченія къ любви. Мечты были чужды всякаго сладострастнаго волненія, она еще и не испытавала ничего такого, что могло бы назваться похожимъ на нѣгу страстнаго томленія. Самъ любовникъ вовсе не былъ занимателенъ для ея фантазіи. Она думала только о томъ, что имѣть богатаго любовника—это счастье, а еще важнѣе: только тѣмъ, чтобъ найти себѣ богатаго любовника, она можетъ избѣжать ужасной судьбы—старая дѣвка или мужъ обезьяна.

Сначала она помнила, что эти мысли о богатомъ любовникѣ только игра ея огорченнаго воображенія, и что само огорченіе пока еще только воображаемое. До старыхъ дѣвокъ ей еще очень далеко. Далеко и до той поры, когда надобно будетъ дѣлать выборъ идти ли замужъ или Ѣставаться въ дѣвушкахъ. Рѣшать это надобно будетъ послѣ замужества Надежды Викторовны,—пожалуй, хотя и не скоро послѣ того. А Надежда Викторовна развѣ года черезъ четыре будетъ невѣстою. Когда-то еще будетъ это горе, идти за каммердинера мужа Надежды Викторовны. Да и почему же знать, что этотъ неизвѣстный каммердинеръ будущаго неизвѣстнаго барина непремѣнно похожъ на обезьяну? Вотъ, сама она — горничная и, однакоже, не похожа на горничную; а каммердинеръ можетъ не быть кривлякою дурного тона. Словомъ, нѣтъ ничего глупѣе вздора, который представился ей. „Говорятъ, я умная дѣвушка, думала Мери, опомниваясь отъ своихъ мечтаній. А еслибъ я сказала имъ, какіе глупые пустяки занимаютъ меня! Не повѣрили бы!“

Но мечты, хотя и глупыя, были пріятны. Какое же сравненіе въ самомъ дѣлѣ быть служанкою или имѣть своихъ лошадей въ серебряной сбруѣ? Глупое мечтанье возвращалось и стало привычнымъ. И тогда Мери стала находить, что въ немъ нѣтъ ничего глупаго, кромѣ того, что оно несбыточно. Имѣть богатаго любовника — да какъ же это ей найти его? Ей, которая вѣчно на глазахъ у прислуги и у дяди, и — еще хуже того—у m-me Lenoir. Какъ тутъ искать себѣ любовника? Если бы кто самъ вздумалъ пробираться до нея, предложить ей себя въ любовники, и то не добрался бы до нея. Конечно, такъ. Нечего и думать о несбыточномъ. Но какъ хорошо оно! Лошади въ серебряной сбруѣ, а сама вся въ брилліантахъ! И какія прелестныя бываютъ кружевныя платья!.. Такъ однажды разсказывала Мери, смѣясь, и остановилась.

— Бѣдственное положеніе. Непремѣнно нуженъ любовникъ и негдѣ взять его. Но я имѣю надежду: вы нашли его?

— Нашла, но не могу сказать вамъ ничего больше. Вы не можете вообразить, какъ мнѣ хотѣлось бы досказать вамъ этотъ эпизодъ моей жизни. Мое сердце было бы облегчено. Но я не имѣю силы продолжать. Послѣ. Теперь не могу.

Конечно, не могла. Конечно, недоставало силы. Конечно, и было нельзя. Итакъ она уже высказала больше, нежели позволяла осторожность. Это шутливое описаніе того, что нельзя было искать—и затѣмъ отвѣтъ: „нашла“ — это было слишкомъ много, слишкомъ неосторожно. Но желаніе облегчить сердце заставляло ее говорить и, конечно, она досказала бы, если бы достало силы

признаться въ своемъ замыслѣ. Впрочемъ, вольно же было мнѣ не понимать, когда все было досказываемо мнѣ до послѣдняго слова, выговорить которое не было силы у нея...

Если бы молодые аристократическіе гости могли волочиться за нею, по всей вѣроятности она стала бы думать о комъ-нибудь изъ нихъ. Но волокиты не проникали въ ту часть дома, гдѣ она проводила почти все время, подлѣ Надежды Викторовны, на глазахъ у m-me Lenoir. Когда собирались гости, Мери не выходила въ парадныя комнаты: m-me Lenoir давно установила это правило. Мери строго соблюдала его, потому что оно было согласно съ ея гордостью. Было бы слишкомъ рѣзкою новизною нарушить теперь эту привычку. M-me Lenoir тотчасъ догадалась бы. „Мери, неужели ты хочешь вѣтренничать?“ Мери вовсе не хотѣла вѣтренничать. Ей только былъ нуженъ богатый любовникъ. Да и онъ, если разсудить хорошенько, вовсе не нуженъ. Въ серьезныхъ своихъ мысляхъ Мери продолжала находить, что ея наслѣдственное счастье — быть любимою служанкою Надежды Викторовны — очень хорошее счастье. Желать лучшаго — только пустая фантазія. Мечты о любовникѣ — только забава. Для забавы нельзя ронять себя во мнѣніи m-me Lenoir. Конечно, изъ этого не могло бы выйти ничего умнаго. Пройти мимо гостей, услышать любезность—этимъ еще не пріобрѣтешь себѣ любовника. Больше—было бы невозможно: вездѣ прислуга; остановись отвѣчать на комплиментъ—черезъ пять минутъ извѣстно дядѣ, и дядя идетъ жаловаться m-me Lenoir: „Машенька шепчется съ молодыми людьми, Шарлотта Осиповна, остановите ее, глупую этакую“...

Никакъ нельзя было искать любовника. А нельзя же быть любовницею безъ любовника? Пришлось назначить въ любовники единственнаго человѣка, который тутъ, на глазахъ. Чѣмъ же не любовникъ Викторъ Львовичъ?

Впрочемъ, если-бъ и можно было выбирать, Мери, можетъ быть, выбрала бы думами все-таки о немъ. Съ дѣтства всѣ ея мысли о себѣ самой вертѣлись около зависимости отъ него: въ его расположеніи, въ его милости все ея счастье. Пришлось думать о новомъ счастьѣ—естественно было подумать, не можетъ ли и оно быть найдено все въ немъ же? Конечно, можетъ. Нужна же ему любовница. Онъ содержитъ любовницу. И какъ она живетъ! Мало любовницъ, которыя живутъ такъ прекрасно! Ни одна, можетъ быть. Для круга, воспитавшаго Мери, любовница Виктора Львовича была занимательнѣйшимъ лицомъ на свѣтѣ, послѣ самого Виктора Львовича. Ея роскошь, то есть, ея счастье, это былъ самый главный предметъ удивленія, поклоненія, зависти. О томъ, какъ счастливъ самъ Викторъ Львовичъ, уже нечего разсуждать: Илатонцевы—это люди совершенно особой породы, имъ уже по природѣ должно быть такими счастливыми, съ ихъ судьбою нечего сравнивать свою. Но любовница Виктора Львовича—другое дѣло. Еще недавно сама бѣгала въ лавочку попросить въ долгъ два фунтика сахару. Выросла въ бѣдности, не то что выше—куда!—была гораздо хуже ихъ самихъ, разсуждающихъ теперь о ней... Съ ея счастьемъ можно было сравнивать свою долю; ея счастью слѣдовало удивляться, завидовать... Всѣ — и самъ дядя—указывали ее Мери: „Гляди-ко, Машенька, это вотъ она ѣдетъ въ коляскѣ-то“... А о ея квартирѣ, сервизахъ, о нарядахъ, въ какихъ она ѣздитъ на маскарады,

по театрамъ, Мери знала едва ли не точнѣе, нежели она сама. И давно ли она любовницею Виктора Львовича? Всего-то года полтора. Прежде была другая, такая же счастливая; та сама виновата: стала слишкомъ открыто кутить съ другими. И эта надолго ли? Тоже дура, выведетъ изъ терпѣнія Виктора Львовича. Онъ уже и слышитъ о ней кое-что; но пока еще снисходитъ, потому что имѣетъ слишкомъ доброе сердце, и она заговариваетъ его, оправдывается, или хоть и не оправдывается, выпроситъ прощеніе. Ну да не на долго же...

Такимъ образомъ все было готовое даваемо Мери отъ ея воспитателей и воспитательницъ, нравственныхъ людей: внушенъ идеалъ счастья, указано и гдѣ найти его: вотъ вакансія,—онъ уже или ищетъ или скоро будетъ искать новую любовницу... „Почему-жь бы не взять ему меня?“ А подумала Мери и стала засматриваться на себя въ зеркало. Можно взять ее. Она не хуже — даже лучше этой его любовницы.

Да онъ и самъ думаетъ такъ. Онъ самъ говоритъ ея дядѣ: „А какая прелесть становится ваша Машенька, Иванъ Антонычъ“.—Дядя всегда сообщалъ объ этомъ всѣмъ и всѣ послѣ того сообщали Мери, которой уже было сообщено и прямо самимъ дядею.

„Надобно только захотѣть и онъ сейчасъ же промѣняетъ ее на меня“, думала Мери. Только захотѣть... И какъ же не захотѣть? Жить такъ счастливо!—Да и самъ онъ такой, что нельзя не признаться: это чудо, что за любовникъ!.. Весь кружокъ, воспитавшій Мери, находилъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, котораго было бы можно сравнить съ Викторомъ Львовичемъ въ какомъ бы то ни было отношеніи: по уму ли, по манерамъ ли, по походкѣ ли, по разговору ли, по всему, первый между всѣми, и лицомъ то же самое: чудо, да и только!.. Это было лакейское обожаніе. Но дѣйствительно, Викторъ Львовичъ и теперь по лицу еще довольно молодой мужчина и красивый. Тогда было ему тридцать пять, тридцать шесть лѣтъ.

„Только захотѣть и онъ промѣняетъ ее на меня“, думала Мери. Какъ это сдѣлать? Надобно начать кокетничать съ нимъ. Надобно. Мери рѣшилась.

Во всемъ этомъ еще не было ровно ничего своего,—не только отъ своего сердца, даже изъ своей головы. Все это были чужія мысли, чужія стремленія, вбитыя въ голову Мери разговорами и вздохами нравственныхъ людей, ея дяди съ его кружкомъ. Они вздыхали отъ любви къ богатству и оставались бѣдны,—поклонялись всякому пошлому успѣху и оставались честны въ поступкахъ, — потому что отъ природы были слабы умомъ, робки сердцемъ, вялы волею; неспособные ни рисковать, ни даже пожелать энергически, они оправдывали свою апатію и трусость безсмысленнымъ наборомъ словъ, и не умѣли понимать, что лгутъ сами передъ собою. Мери разобрала ихъ истинныя убѣжденія сквозь пустыя фразы, которыми они возвеличивали свое безсиліе. Идеалъ счастья былъ вложенъ въ ея мысли готовый. Дорога къ счастью указана. Все было чужое внушеніе. Своего было только умѣнье понять и отвага идти.

Она была отважна. Но она была скромна по привычкѣ и совершенно неопытна въ кокетствѣ. Она превосходно знала его по наслышкѣ, отчасти по наблюденію. Но и не умѣла, и стыдилась, и робѣла. Каждое утро она ду-

мала: „Нынѣ, какъ придетъ Викторъ Львовичъ играть съ Наденькою, и если тутъ не будетъ Шарлотты Осиповны,—начну кокетничать съ нимъ". — Онъ приходилъ и Шарлотты Осиповны вовсе не было тутъ, или она выходила распорядиться по хозяйству;—и онъ уходилъ и она могла только досадовать на свою трусость; онъ не замѣтилъ ничего и нечего было ему замѣтить... Тѣмъ больше она мечтала и тѣмъ живѣе рисовалось все въ ея мечтахъ; вотъ, она кокетничаетъ съ нимъ; вотъ, онъ завлеченъ и она говоритъ: „о, пощадите меня!"—а сама падаетъ въ его объятія. Голова разгоралась и сердце стало трепетать и его трепетъ былъ такъ пріятенъ... Дѣвушка обольстилась кружевными платьями, а теперь становились привлекательны ей сами любовныя сцены. Милѣе, нежели о брилліантахъ, стало мечтать ей о самомъ любовникѣ. Прижаться грудью къ его груди — какое, должно быть, это наслажденье, когда и отъ мыслей такъ пріятно бьется сердце! О, какое будетъ это блаженство обнимать его!.. Но достижимо ли оно? Что, если онъ отвергнетъ ее? Захочетъ ли онъ промѣнять на нее свою любовницу?—Мери начинала мечтать съ увѣренностью въ успѣхѣ и черезъ полчаса доходила до отчаянія: его любовница такъ умѣетъ нравиться, а она такъ робка!.. День за днемъ проходилъ въ колебаніи между самонадѣянностью и сомнѣніемъ, въ смѣлыхъ планахъ и застѣнчивомъ бездѣйствіи. — И вдругъ, новость, такая, что и побѣда вѣрна, и нельзя медлить: нѣтъ соперницы!—Любовница Виктора Львовича давно пробовала заводить у себя карточные вечера. Онъ запрещалъ. Она все-таки окончательно вошла въ компанію съ шайкою шуллеровъ и превратила свою квартиру въ игорный домъ.—„Я не могу жить съ женщиною, которая участвуетъ въ грабежѣ", сказалъ онъ. — „Какъ тебѣ угодно", отвѣчала она. Онъ бросилъ ее. Онъ сталъ ѣздить къ актрисѣ, которая не хочетъ стѣснять своей свободы, каждый вечеръ дѣлаетъ выборъ между своими поклонниками, кто изъ нихъ привлечетъ ея капризъ. Эта актриса не соперница. Его сердце свободно. Но онъ не умѣетъ долго сохранять его свободнымъ. Надобно спѣшить, пока у него еще нѣтъ новой привязанности. Завтра же она улыбнется ему скромно и заманчиво, взглянетъ на него томно, и завтра же онъ будетъ принадлежать ей!.. Пришло завтра и прошло — и день шелъ за днемъ и она видѣла его и робѣла взглянуть на него, и вечеръ за вечеромъ пролеталъ все только въ мечтахъ, что это будетъ завтра. Теперь вечера летѣли въ мечтахъ, часы, какъ минуты: успѣхъ былъ такъ вѣренъ, страстныя сцены такъ близки — и сердце билось сильнѣе, сильнѣе, и отъ его трепетанія начинала волноваться кровь и ея волненіе стала усиливаться до того, что по всему тѣлу распространялась теплота. Мечты уже переходили въ грезы и мысли мутились.—„Завтра же, завтра же"—и опять завтра приходило и проходило, и она не кокетничала съ нимъ... конечно, еслибъ она и умѣла, она уже не имѣла бы силъ кокетничать, когда уже было такъ, не прежнія мечты, а грезы. Она могла только броситься обнимать его.

Теперь, его разсказъ, давшій мнѣ возможность вырвать у нея это признаніе, признаніе въ томъ, что она не только хотѣла тогда сдѣлаться его любовницею, но и прониклась живымъ влеченіемъ къ нему, что, начавши, по чужому внушенію, мыслями объ экипажахъ, кружевахъ, она стала мечтать о любви.

Онъ замѣчалъ, что Мери, прежде всегда свободная, бойкая съ нимъ,—часто и рѣзвая при немъ, совсѣмъ перемѣнилась: взойдетъ онъ въ комнату дочери и Мери играла съ нею, Мери покраснѣетъ и броситъ игру; протянетъ онъ руку, поздороваться, Мери принимаетъ его руку тихо, робко. Пока онъ сидитъ тутъ, съ дочерью, Мери держится въ сторонѣ. Перемѣна, какой и слѣдовало ожидать отъ умной, скромной дѣвушки въ ея лѣта: стала помнить, что она уже взрослая дѣвушка, что бойкость была бы теперь нескромностью, рѣзвость—вѣтренностью.

Однажды, вернувшись домой на разсвѣтѣ,—вѣроятно, отъ актрисы, принявшей его въ число своихъ поклонниковъ,—онъ проснулся очень поздно. Ушла Шарлотта Осиповна гулять?—спросилъ онъ Ивана Антоныча, когда тотъ принесъ ему чай. Madame Lenoir уходила около этого времени—часу во второмъ—гулять съ Надеждою Викторовною. Но дѣлъ по хозяйству было много, она не могла соблюдать большой правильности во времени этой прогулки: раньше, позже, какъ удастся.—„Не знаю, а кажется еще не ушла. Пойду, взгляну“,—отвѣчалъ Иванъ Антонычъ.—„Не трудитесь; пойду, увижу самъ, не великъ трудъ. Я только такъ спросилъ, думалъ, что знаете“,—сказалъ Викторъ Львовичъ; Иванъ Антонычъ занялся осмотромъ платья, приготовленнаго барину къ выѣзду, хорошо ли вычищено; а онъ выпилъ чашку и пошелъ къ дочери.—„При m-me Lenoir я былъ хорошимъ отцомъ“,—замѣтилъ онъ,—„помнилъ о дѣтяхъ“. Дочери не было въ комнатѣ, сидѣла одна Мери и шила что-то; конечно, встала при его входѣ.—„Здравствуйте, Мери. А Шарлотта Осиповна съ Наденькою, должно быть, ушли гулять?“—„Ушли, Викторъ Львовичъ“—отвѣчала она—ему показалось,—будто, нѣсколько задыхаясь. Онъ взглянулъ на нее хорошенько: она стояла блѣдная, и ему показалось, будто ея губы и руки дрожали.—„Да вы нездорова, Мери?“—„Да, Викторъ Львовичъ“.—„Что съ вами, лихорадка?“—„Да, Викторъ Львовичъ“.—„Идите же въ свою комнату и прилягте, и попросите, чтобы съѣздили за медикомъ“.—„Очень хорошо, Викторъ Львовичъ“,—сказала она и пошла—сдѣлала шагъ и пошатнулась. Онъ подхватилъ ее подъ руку, чтобъ не упала. Рука была ни холодна, ни горяча: что за чудо, нѣтъ ни ознобу, ни жару, а вся дрожитъ и пошатнулась,—какая-жь это лихорадка?—„Да это не лихорадка, Мери. Что вы чувствуете?“—„Я ничего не чувствую, Викторъ Львовичъ; покорно благодарю; я сама дойду, не ведите меня“.—А сама дрожала больше и больше.—„И голова не болитъ, Мери?“—„Не болитъ, Вик...“ и не договорила, ноги подкосились. Онъ подвелъ ее къ постелькѣ Надежды Викторовны—это было ближе всего,—усадилъ: „Да чтожь это съ вами, Мери?“—„Ничего, Викторъ Львовичъ; не безпокойтесь. Это ничего. Я только испугалась.“—„Чего-жь вамъ было пугаться? Нечего. Вы были, должно быть, разстроена чѣмъ-нибудь?“—„Нѣтъ, Викторъ Львовичъ; я ничего, это такъ.“—„Нѣтъ, я вижу, вы чѣмъ-то разстроена, Мери. Я скажу Шарлоттѣ Осиповнѣ, она поговоритъ съ вами“.—„Не надобно!“—воскликнула она.—„Вы боитесь Шарлотты Осиповны? Чтожь это такое, Мери? Хорошо, я не буду говорить ей. А меня не боитесь?“—Она молчала, вся дрожала, сердце билось подъ корсетомъ, будто хотѣло разорвать его.—„Посидите же тутъ, Мери, отдохните, постарайтесь успокоиться.“—сказалъ онъ и пошелъ, разсу-

дивъ, что тутъ не мѣсто исповѣдывать ее: каждую минуту можетъ войти какая-нибудь служанка въ комнату Madame Lenoir,—это рядомъ,—за какою-нибудь вещью, приготовленною по хозяйству, за какимъ-нибудь столовымъ бѣльемъ, или мало-ли тамъ у нихъ этакихъ надобностей и вещей? Онъ вернулся въ свои комнаты и отправилъ Ивана Антоныча изъ дому съ порученіемъ, какое первое вздумалось. Теперь здѣсь никто не помѣшаетъ: другіе слуги не суются безъ надобности, когда имъ сказано: „я занятъ, не входить: кто пріѣдетъ, меня нѣтъ дома“,—у одного Ивана Антоныча привилегія входить въ его спальную и кабинетъ, какъ взбредетъ фантазія взглянуть въ десятый разъ, все-ли въ порядкѣ и нельзя-ли еще прибрать что-нибудь, не найдется ли гдѣ пылинка.

Викторъ Львовичъ разсудилъ, что долженъ поговорить съ Мери. Съ нею что-то странное: опасеніе, огорченіе,—что-нибудь такое, какая-то внутренняя борьба. Чтобъ она затѣяла какую-нибудь шалость, этого не можетъ быть: очень умная и совершенно скромная дѣвушка. Но увлеченіе—это очень можетъ быть. Такія лѣта. Конечно, лучше бы попросить m-me Lenoir поговорить съ нею. Но когда она такъ воскликнула „не надобно!“ — И правда. У женщинъ всегда готовы выговоры. И при томъ же, хоть Мери и привыкла къ Шарлоттѣ Осиповнѣ, и любитъ ее, но все-таки Шарлотта Осиповна чужая. Онъ—свой. Лучше поговорить съ нею ему.

Это была его обязанность. Онъ всегда, со всѣми, служившими у него, честно исполнялъ, насколько видѣлъ и могъ,—честно исполнялъ обязанность быть опекуномъ, совѣтникомъ, другомъ людей, служившихъ ему. Онъ не могъ не исполнять этого долга: таковы издавна были чувства Илатонцевыхъ. Онъ не хотѣлъ быть недостойнымъ своего отца, дѣда. И еслибъ могъ забывать свою обязанность, то не относительно Мери. Ея семейство десятки лѣтъ съ полною преданностью служило роду Илатонцевыхъ. Ея бабушка была его нянька; ея отецъ и мать, умирая, просили передать ему, что оставляютъ сироту на его попеченіе, и имѣли полное право требовать отъ него заботливости о ней. И она сама такъ ухаживаетъ за его дочерью, радуется не нарадуется на его дочь. И такая умная, милая, хорошая дѣвушка.

Она сидѣла, какъ онъ оставилъ ее, на постелькѣ Наденьки; видно, что совсѣмъ забылась въ своихъ мысляхъ,—еслибъ не забыла въ нихъ обо всемъ, не осталась бы такъ сидѣть, оправила бы постель своей барышни: сидѣла, отшатнувшись на спинку кроватки, сложивъ руки на груди, закрывъ глаза,—будто дремала. Блѣдность еще не совсѣмъ прошла; по дрожи уже не было: сложенныя на груди руки тихо приподнимались и опускались отъ глубокаго, но ровнаго дыханія. Можно было подумать, что она уснула: но она не спала: его шаги по ковру не были слышны, и онъ былъ еще далеко отъ нея, а она открыла глаза и встала, и по лицу разлилась краска.—„Я пришелъ за вами, Мери“,—сказалъ онъ ласково, но не подходя къ ней ближе, чтобы не испугать ея застѣнчивости, взявъ за руку или приласкавши, а если бы подойти, онъ приласкалъ бы ее, такая милая была она въ своей застѣнчивости: „Я пришелъ за вами, Мери. Идите ко мнѣ“,—онъ повернулся и пошелъ изъ комнаты. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ и ему замѣтилось, что не слышно ея шаговъ, а имъ уже должно было быть слышнымъ въ этихъ комнатахъ, на

паркетѣ безъ ковровъ; онъ оглянулся; такъ, она не идетъ за нимъ. Онъ пришелъ опять въ комнату дочери. Мери стояла на прежнемъ мѣстѣ, какъ стояла, будто приросла къ нему, а лицо то блѣднѣло, то краснѣло. Онъ взялъ ее за руку: „Пойдемъ-те же, Мери“.—„Нѣтъ“,— прошептала она.—„Идите“, онъ подвинулъ ее за руку, она и не сопротивлялась и не двигалась сама, она машинально уступала его рукѣ, которая подвигала ее. — „Вотъ такъ, Мери; идите же впередъ, а я за вами“. Онъ провелъ ее нѣсколько шаговъ за руку, подвинулъ впередъ, а самъ остался сзади. Она шла, сначала нетвердыми шагами, какъ будто все противъ воли, и плечи ея были опущены, станъ не выпрямленъ, будто пригнетался, но постепенно онъ выпрямился и поступь стала тверда, стала легка; онъ шелъ сзади. Она вошла въ его кабинетъ.—„Сядьте на этотъ диванъ, Мери“,—сказалъ онъ, затворяя за собою дверь. Она остановилась на его голосъ, но какъ шла черезъ комнату, посрединѣ, и обернулась. Лицо ея казалось спокойнымъ, но горѣло, и грудь дышала ровно, но глубокими дыханіями и корсетъ бился, такъ стучало въ него сердце: такъ она стала и смотрѣла на него, какъ онъ подходилъ къ ней;—глаза ея были широко раскрыты, блестѣли, но блескъ ихъ быстро померкалъ. Онъ подошелъ, взялъ ее за руку, подвести къ дивану, усадить. —„Сядемъ, Мери“, — глаза ея померкли и губы раскрывались — онъ повелъ ее; она сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась: она не могла ступать, и качалась, какъ опьянѣлая; ему все еще не казалось тутъ ничего особеннаго, онъ думалъ, это волненіе робости, робости передъ признаніемъ въ какомъ-нибудь неосторожномъ поступкѣ, — можетъ быть, даже и тайномъ ожиданіи: взрослая дѣвушка, и не кокетничала; тѣмъ легче могла увлечься. Онъ обнялъ ея талію одною рукою— не дать ей упасть. — „Не бойтесь, Мери. Я защищу васъ“, — сказалъ онъ. Она быстро ослабѣвала, опускалась на его руку, глаза ея закрылись, на лицѣ явилось выраженіе томнаго блаженства — теперь уже нельзя было долѣе ошибаться въ характерѣ ея волненія: но онъ не могъ покинуть ее, хоть уже и понималъ, что его прикосновеніе распаляетъ ее: она не держалась на ногахъ, она падала. Онъ долженъ былъ взять ее на руки. Она трепетала на его рукахъ, она вся обвилась вокругъ него и вся трепетала и стонала: „Что со мною?.. умираю!.. умираю, люблю...“ По залу могъ пройти кто-нибудь, услышалъ бы. Онъ понесъ ее въ слѣдующую комнату — въ свою спальную, положилъ ее на свою постель, — кромѣ, было некуда: ни дивана, ни большого кресла, — опустилъ ее на свою постель, она продолжала конвульсивно биться, стискивая его; онъ боялся оторваться отъ нея, чтобы пароксизмъ не перешелъ въ раздраженіе отчаянія. Онъ оставался, нагнувшись, не выпуская ее изъ рукъ, она цѣловала его, онъ долженъ былъ принимать ея поцѣлуи, самъ поцѣловать ее.—„неужели я обезчещу ее?“ подумалось ему, потому что онъ чувствовалъ, что его мысли начинаютъ путаться. Но она стала изнемогать, успокоиваться и шептала: „Ахъ, какое блаженство! Я думала, что я умру! Какое наслажденіе! Я не предчувствовала! Но и прежде я уже полюбила! Не думала о подаркахъ, о нарядахъ, только о любви! Ахъ, я еще не знала, какое это блаженство!“—Она цѣловала его уже только ласково, ея руки опускались, онъ могъ теперь уложить ее и осторожно высвободиться, и сѣлъ подлѣ постели. Какъ ему теперь говорить съ нею? Какъ разочаровывать ее? Но она

лежала, закрывъ глаза, въ совершенномъ утомленіи. Онъ былъ радъ, что ему есть время собраться съ мыслями. Но что, если она тутъ уснетъ?—и возвратится дядя, — это еще ничего: сѣсть въ кабинетѣ и запереть эту дверь, — Иванъ Антонычъ привыкъ не требовать объясненій и не подумаетъ искать племянницу: она тамъ, въ той половинѣ дома, по обыкновенію, ему не о чемъ думать. Но возвратятся m-me Lenoir и Наденька; у обѣихъ первый вопросъ: а гдѣ же наша Мери? — А Мери, кажется, уже задремала... Она дремала, но вдругъ вскочила; подошла къ зеркалу, оправила волоса.

— Я должна уйти. Ахъ, если бы вы знали, какъ я счастлива, что вы позволяете мнѣ любить васъ!—она покраснѣла, застыдилась.

— Я еще не любовникъ вашъ, моя милая, добрая Мери. — Онъ чувствовалъ, что можетъ влюбиться въ нее, если отложитъ объясненіе до другого времени. Когда онъ сидѣлъ подлѣ ея постели и думалъ о томъ, какъ легче для нея разочаровать ее, онъ больше думалъ не объ этомъ, а о томъ, какъ хороша она и о томъ, что ея любовь къ нему — не продажная, и у него мелькала мысль: „если заснула, пусть спитъ—и еслибъ madame Lenoir вернулась и еслибъ догадались, что Мери здѣсь,—тогда уже надобно было бы мнѣ быть ея любовникомъ". Онъ понялъ, что долженъ спѣшить, пока еще можетъ разочаровать — не ее только, а также и самого себя. — Милая моя Мери, мы съ вами любимъ другъ друга, но мы еще не любовникъ и любовница.

— Я знаю это, Викторъ Львовичъ, — сказала она и покраснѣла еще сильнѣе. Я отдаю себя вамъ первому, Викторъ Львовичъ, но я не барышня,— простите меня, Викторъ Львовичъ, за то, что я наслушалась всего и въ мысляхъ моихъ уже не было невинности: для васъ я хотѣла бы быть невинною... Простите меня, что я не барышня.—Она говорила это со слезами. Противъ ея пароксизма онъ успѣлъ сохранить хладнокровіе, — теперь вскочилъ обнять ее, но сдѣлалъ надъ собою усиліе и пошелъ къ двери кабинета:—Перейдемъ туда, Мери; тамъ, если и увидятъ васъ, не бѣда.

Она приложила руку ко лбу, закрыла лицо руками. — Викторъ Львовичъ, что вы сказали? — Тамъ, если увидятъ меня, не бѣда? Такъ надобно, чтобъ они и не знали, что я люблю васъ? Я не должна любить васъ? Боже мой, Боже мой!—Вотъ почему я еще не любовница ваша! А я думала, это потому, что я была слаба, что вы побоялись, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ не умерла, когда я и безъ того умирала! Боже мой, Боже мой!—едва слышно шептала она. Взвизгнула она, какъ будто разорвалась ея грудь: „Боже мой!" — и убѣжала.

Онъ пожалѣлъ, что разочарованіе вышло такъ рѣзко, что ему не удалось растолковать ей, почему ей слѣдуетъ оставаться скромною дѣвушкою: тогда его отказъ не показался бы ей обиденъ; вѣроятно, не былъ бы и очень огорчителенъ, потому что, конечно, это ребяческое увлеченіе, и было бы довольно легко образумить ее. Но все-таки онъ былъ радъ, что это кончилось такъ скоро, что миновала опасность забыть свою обязанность. Это была бы низость отплатить за вѣрную службу родныхъ тѣмъ, чтобы обезчестить дѣвушку, дѣвушку, которой онъ долженъ быть опекуномъ. При первомъ случаѣ онъ поговоритъ съ нею, растолкуетъ ей, что онъ не захотѣлъ быть ея любовникомъ только потому, что желаетъ ей добра.

За обѣдомъ онъ услышалъ отъ madame Lenoir, что Мери нездорова; медикъ былъ и говоритъ, что болѣзнь не важна, но что онъ предписалъ больной спокойствіе. Больная ушла лежать въ свою комнату. У нея была особенная комната подлѣ дядиной. Какъ идти туда?—подумалъ Викторъ Львовичъ. Нашелъ предлогъ самъ увидѣть медика, нашелъ случай вставить вопросъ о Мери—и самъ услышалъ, что болѣзнь не важна. И потомъ продолжалъ слышать это. Не для чего было нарушать осторожность. Пусть найдется удобный случай.

Случай нашелся дней черезъ пять, шесть. И раньше, всегда можно бы найти такой же, потому что Иванъ Антонычъ безусловно довѣрчивъ къ честности своего господина. Но раньше удерживала мысль, что еще рано: Мери, можетъ быть, еще слишкомъ разстроена. Но теперь, вѣроятно, она въ состояніи понимать. Онъ вошелъ къ Ивану Антонычу, сказалъ, что хочетъ взглянуть на больную, посидѣть съ нею. Иванъ Антонычъ проникся благодарностью за такое расположеніе, проводилъ Виктора Львовича къ больной. Мери сидѣла—дядя замѣтилъ, что она уже ходитъ, не только сидитъ; она сказала, что она лежала, но услышала голосъ Виктора Львовича и встала, но что, впрочемъ, это нисколько не утомитъ: она вовсе не такъ слаба. Дядя не преминулъ замѣтить, что теперь у нея румянца, кажется больше, нежели было. Викторъ Львовичъ сталъ спрашивать о здоровьѣ, о лекарствахъ, она отвѣчала, хорошо владѣя собою. Дядя присѣлъ по примѣру Виктора Львовича, посидѣлъ минутъ пять; увидѣлъ, что Викторъ Львовичъ разговорился и, должно быть, засидится тутъ, поэтому отправился исполнять порученіе, которое заблаговременно придумалъ Викторъ Львовичъ дать ему:—„Вы говорили, Викторъ Львовичъ, чтобы я ѣхалъ въ двѣнадцатомъ часу, такъ вы меня извините, я поѣду, а то будетъ поздно“,—и преспокойно ушелъ.

— Вы не сердитесь на меня, Мери?—сказалъ Викторъ Львовичъ.

— Нѣтъ, Викторъ Львовичъ; я теперь понимаю, что вы поступили благородно,—сказала она, не безъ смущенія, но твердо:—Мнѣ только стыдно за саму себя.

— Это были неблагоразумныя мысли, Мери, но вы, какъ были скромною дѣвушкою, такъ и оставались. Вы не кокетничали. Вамъ нечего стыдиться. Но теперь вы понимаете, что вы хотѣли своей погибели?

— Понимаю, Викторъ Львовичъ.

Она была теперь такъ умна, какъ онъ и не надѣялся бы. Онъ сталъ говорить ей, что доля, которая ждетъ ее, несравненно лучше, нежели судьба дѣвушекъ, которыя не остаются разсудительны: онѣ, за недолгое веселье, расплачиваются горемъ на всю жизнь. Она выйдетъ замужъ за человѣка, который будетъ искренно всю жизнь любить ее, и т. д., и т. д., въ такой жизни, какъ будетъ ея, и гораздо больше наслажденій: правда, не будетъ роскоши, но будетъ полное изобиліе, и она будетъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ.

— Я понимаю это, Викторъ Львовичъ. И мнѣ стыдно, что я могла забыть объ этомъ. Мнѣ стыдно смотрѣть на васъ. Господи, какъ я могла имѣть такія дурныя мысли!—Она плакала.—Ахъ, какою дурною дѣвушкою хотѣла я быть!

— Это не были такія мысли, чтобъ слѣдовало назвать васъ за нихъ дурною дѣвушкою. Только это было неразсудительно, какъ вы видите теперь сама.

— Нѣтъ, Викторъ Львовичъ, это было не по неразсудительности, и тѣмъ хуже...—и заливаясь слезами, она стала признаваться ему, что она была соблазнена богатствомъ, что она думала все только о роскоши. Онъ очень хорошо понималъ, что эти дѣйствительно дурныя мысли могли быть только началомъ, что послѣ, разгорѣлось искреннее, безкорыстное влеченіе и все дурное сгорѣло въ немъ, осталась чистая любовь,—но высказывать такія возраженія было бы неумѣстно; онъ сказалъ только, что теперь, когда она понимаетъ все такъ умно, лучше всего ей и не вспоминать объ этомъ.

— Это я забуду, Викторъ Львовичъ; но какими глазами я буду теперь смотрѣть на васъ? Я думаю, мнѣ нельзя оставаться у васъ: какъ я буду смотрѣть на васъ? Я и сказалась больною только поэтому. Я вовсе не была больна. Я такъ и сказала медику, что я здорова, что я только хочу не выходить изъ своей комнаты. Это потому, чтобы не видѣть васъ, чтобы не ходить туда, къ Надеждѣ Викторовнѣ, чтобы не видѣть васъ. Боже мой, какой стыдъ, какой это былъ припадокъ со мною! Что я такое въ вашихъ глазахъ, когда я была въ такомъ припадкѣ?

Онъ сказалъ, что онъ уже немолодой человѣкъ и что ей нечего стыдиться передъ нимъ, немолодымъ человѣкомъ, который обо всемъ, что видѣлъ, думаетъ только одно: кокетки не держатъ себя такъ и съ вѣтренницею не могло бы быть ничего подобнаго. Онъ всегда зналъ, что она очень скромная дѣвушка; теперь знаетъ, она такая скромная, какихъ чрезвычайно мало. Такъ онъ смотритъ на нее; пусть же она перестанетъ прятаться отъ его взгляда. Ей нечего стыдиться. Когда же она начнетъ опять играть съ Наденькою?

— Не знаю, Викторъ Львовичъ,—отвѣчала она. Все время, какъ они остались одни, она не подымала глазъ. Ему было понятно: эта застѣнчивость не отъ стыда только; столько же, или больше, оттого, что еще не совсѣмъ заглохла любовь, которую она должна заглушить въ себѣ. Тѣмъ тверже онъ помнилъ, что ему не слѣдуетъ ни говорить ласковѣе, ни засиживаться долѣе, нежели необходимо. Онъ ушелъ, сказавъ, что увѣренъ, это скоро пройдетъ и онъ будетъ видѣть ее попрежнему веселую подлѣ Наденьки.

Тѣмъ и кончился тогда для него этотъ маленькій романъ. Онъ зашелъ къ madame Lenoir, чтобъ она услышала объ этомъ посѣщеніи отъ него же самого, а не черезъ словоохотливость Ивана Антоныча; чтобы видѣла: ему не о чемъ молчать, это лишь его всегдашнее доброе расположеніе къ ея любимицѣ.—Я думаю, и безъ этой предосторожности madame Lenoir ничего не подумала бы. Она, вѣроятно, считаетъ Виктора Львовича человѣкомъ слабымъ, но должна была знать, что онъ человѣкъ совершенно честный и не позволитъ себѣ волочиться за дѣвушкою, которая живетъ подъ его защитою. Еще меньше могла она сомнѣваться въ скромности и благоразуміи Мери. Такъ и всѣ въ домѣ. Докторъ говорилъ „она больна“. Она и дѣйствительно блѣднѣла, худѣла. Ея болѣзнь не возбуждала никакихъ подозрѣній.

Если въ ней и оставалась хоть маленькая надежда, это посѣщеніе должно было окончательно разсѣять мечты.—Спустя нѣсколько времени Викторъ Львовичъ сталъ пріучать ее смотрѣть на него: когда madame Lenoir при немъ говорила: „пойду взглянуть на Мери“, онъ говорилъ: „пойду и я“, и шелъ съ madame Lenoir. Понемножку Мери привыкла видѣть его, и тогда бросила свое затворничество. Таковъ былъ разсказъ Виктора Львовича, сдѣлавшій на меня глубокое впечатлѣніе, хоть новаго въ немъ было для меня только то, что эта первая страсть Мери была страстью къ человѣку, котораго она сдѣлала теперь своимъ любовникомъ. Правда, въ этомъ и заключается вся важность этой исторіи; это сильное оправданіе для моей бѣдной Мери. Разумѣется, новы были и подробности этого приключенія, которыхъ не могла она разсказать, не давая мнѣ, въ какой обстановкѣ происходило все это, въ чьихъ комнатахъ и, слѣдовательно, кто былъ этотъ человѣкъ; эти подробности также имѣютъ значеніе: какая трогательная чистота сердца бѣдненькой дѣвушки!—мечтала и горѣла—и не рѣшилась сказать завлекающаго слова, бросить кокетливаго взгляда; и упала въ его объятія съ лепетомъ „умираю“ и потомъ: „я понимаю, Викторъ Львовичъ“,—понимаю, что не должна смѣть любить... однако, пора спать. Снова продолженіе до завтра. А думалъ, что допишу нынѣ. Допишу ли хоть завтра? Отчего пишу съ такою охотою, такъ подробно? — Кромѣ того, что развитіе характера Мери представляетъ большой психологическій интересъ, мнѣ пріятно, что мои мысли заняты моимъ жалкимъ, но все-таки хорошимъ, благороднымъ другомъ. А почему жъ я гораздо меньше писалъ о ней, когда въ тысячу разъ нѣжнѣе любилъ ее?—Тогда думалось о ней и безъ помощи пера; а теперь тянетъ къ перу, потому что безъ него труднѣе удерживать мысли на лицѣ, хоть все еще миломъ, но уже слишкомъ мало милымъ.

Изъ давняго разговора съ нею:—„Вы говорили, Марья Дмитріевна, что ваша первая любовь была отвергнута?“—„Что жъ изъ этого?“—„Изъ этого—ничего; но это само по себѣ странно“. — Она засмѣялась. — „Вы находите, что я должна была быть очень привлекательна въ то давнее время?—Была. Но слишкомъ молодыя дѣвушки не умѣютъ заставлять любить себя. Я была дѣвчонка и оробѣла. Большая ошибка. Я была совершенно неопытна. Я не понимала, что онъ колебался, отвергая меня; что одинъ мой взглядъ и онъ былъ бы у моихъ ногъ“. — „Я спрашиваю: какъ же онъ могъ отвергнуть васъ?“—„Онъ былъ честный человѣкъ. Кажется, я уже разсказывала вамъ, что стала думать о любовникѣ вовсе не по влеченію къ любви, а по желанію жить въ блескѣ, въ роскоши. Размечтавшись, я влюбилась. Влюбившись, позабыла думать о бронзѣ и экипажахъ. Но любовникъ былъ выбранъ по моимъ прежнимъ надобностямъ, по бездушнымъ ребяческимъ мыслямъ о кружевахъ и брилліантахъ. Онъ былъ очень богатый человѣкъ. И, я говорю вамъ, совершенно честный. Вотъ почему и отвергъ мою любовь“. — Она задумалась. — „Долго я не могла оправиться отъ этого удара. Но довольно скоро я поняла, что онъ не пренебрегъ мною, а пощадилъ меня по искреннему расположенію ко мнѣ, что онъ поступилъ со мною благородно, великодушно. Я должна была заглушить мою страсть, но нѣжность къ нему долго оставалась во мнѣ,—это было что-то вродѣ благоговѣнія; это была какая-то экзальти-

рованная признательность; это была потребность отплатить ему за его великодушіе. Моя нѣжность къ нему распространялась и на всѣхъ близкихъ къ нему. Ихъ мнѣ не запрещалось любить. Я полюбила ихъ съ безграничною преданностью".—Она говорила мнѣ все, до послѣдняго слова; у нея только недоставало силы произнести его. Я видѣлъ послѣ, что было съ нею, когда стало неизбѣжно произнесть его. Она не хотѣла скрывать отъ меня своего замысла; она столько разъ начинала говорить, чтобы сдѣлать это тяжелое признаніе,—и всегда, какъ въ этомъ разговорѣ, изнемогала подъ тяжестью стыда за себя, безжалостная губительница своей чести...

Изъ вчерашняго разговора съ нею: „Мнѣ поздно жалѣть себя, Владиміръ Алексѣичъ. Судьба была слишкомъ безжалостна ко мнѣ. Она не оставила во мнѣ ничего, къ чему я могла бы имѣть жалость. Зачѣмъ судьба обратила на униженіе мнѣ все, чѣмъ могла бы заслуживать уваженіе? Зачѣмъ она вложила въ меня столько скромности, что я не могла вѣтренничать? Будь я хоть немножко кокетка, я поняла бы, что Викторъ Львовичъ готовъ былъ тогда принять мою любовь. Одно слово, одинъ взглядъ,—когда онъ пришелъ утѣшать меня, и онъ забылъ бы вразумлять и утѣшать. Зачѣмъ я не понимала? И потомъ, когда, раздумывая, я поняла, зачѣмъ я была такъ робка, зачѣмъ во мнѣ было столько стыда?—Потому что долго, я думаю, до самой разлуки нашей,—онъ оставался въ моей власти. Одинъ взглядъ и онъ упалъ бы въ мои объятія, и я была бы счастлива навѣкъ и могла бы уважать себя: отдалась человѣку, котораго полюбила всею душою; и когда бредъ страсти прошелъ, осталась вѣрна ему, искренно расположена къ нему.—Или, если судьба хотѣла, чтобъ моя первая любовь была отвергнута, зачѣмъ она дала мнѣ столько силы и разсудительности, что я, наконецъ, подавила въ себѣ это чувство, и мое растерзанное сердце зажило и возродились въ немъ мечты о любви? И если судьба хотѣла, чтобы не сбылись онѣ, и возрождаясь, возрождаясь, все никогда не сбывались, зачѣмъ она дала смѣлость искать счастья въ наслажденіяхъ безъ любви?—Или, если она хотѣла такъ унизить меня, зачѣмъ она вложила въ меня такое живое чувство чести? Зачѣмъ оно безпрестанно пробуждалось и мучило и мучитъ меня за мой позоръ?—Дѣвушкѣ, которая была обманута нѣсколькими любовниками, и почти всѣми ими была оскорбляема,—дѣвушкѣ, которая въ отчаяніи бросалась забываться въ повѣсничествахъ и понимаетъ, какое это безчестье,—такой дѣвушкѣ нечего жалѣть себя".—Эти приключенія, на которыя такъ несправедливо и такъ упрямо ссылается она, записаны у меня.

Изъ разговора съ нею нынѣ утромъ. „Этотъ замыселъ — ужасный, по вашему мнѣнію—пріобрѣлъ свои ужасныя черты постепенно, одну за другою. Первая мысль была проста и такъ согласна съ тѣмъ, чего требуете вы теперь, что мнѣ отрадно отвѣчать на вашъ вопросъ. Вы знаете, я очень много веселилась; и еслибъ только это, разумѣется, я не вздумала бы отказаться отъ свободы. Но глупое сердце продолжало хотѣть привязанности, да еще какой! — сантиментальной, чуть не платонической! Что вы прикажете дѣлать?—Какъ разгоню свое огорченіе повѣсничествомъ, смотришь — опять полюблю. Искренно любить—это плохо для всякой женщины, тѣмъ больше для беззащитной, хоть и смѣлой,—для небезукоризненной, хоть по вашему мнѣнію

и бывшей тогда благородною, — по вашему только, ни по чьему больше. Я говорю объ искреннемъ мнѣніи. На словахъ, пожалуй, многіе согласны съ тѣмъ, что вы говорите. Но чувствуютъ не такъ. Дѣвушка, которая отдастся мужчинѣ безъ свадьбы, безчестная дѣвушка въ глазахъ самого этого человѣка. Такъ онъ и обращается съ нею. Она легкомысленна или безстыдна, по его мнѣнію. На ея слово нельзя положиться. Она обманщица или готова стать обманщицею. Чуть не воровка. Такъ онъ и обращается съ нею. Можетъ цѣловать ея руки и ноги,—но можетъ обманывать этой экзальтаціей развѣ самъ себя, будто бы не презираетъ ее. Она, какъ только пройдетъ первый пылъ, сейчасъ видитъ, если не совсѣмъ глупа и пуста: онъ не вѣритъ ей, не уважаетъ ее. Она слышитъ отъ него оскорбительныя слова пошлыхъ сомнѣній. Потомъ начинаются всяческія обиды. Повѣрьте, Владиміръ Алексѣичъ, вы проповѣдуете свободу любви для женщинъ только потому, что мало знаете, каковы мужчины, когда не связаны формальною обязанностью уважать женщину... Я была горда; я не могла выдерживать такихъ отношеній, разрывала ихъ, а сердце терзалось. И, наконецъ, стало надоѣдать это. „Брошу эту бурную жизнь. Лучше пусть уже безъ любви, лишь бы поспокойнѣе. Безъ любви, конечно, можно жить съ любовникомъ, не имѣя горя и не подвергаясь обидамъ: держать его въ рукахъ, это очень легко, когда не любишь его. Я стала думать объ этомъ. Внѣшняго блеска, для парада передъ другими, мнѣ уже не было надобно въ это время. Въ семнадцать лѣтъ я была дѣвчонка, не знала цѣны себѣ и вкусъ у меня еще не развился. Но теперь я уже давнымъ давно презирала всю лишнюю мишуру, не желала брилліантовъ, которые, право, ничѣмъ не лучше грошевыхъ стразъ и гораздо хуже ленточки, которая почти ничего не стоитъ,—цвѣточка, листочка, который и вовсе ничего не стоитъ. Если бы вы видѣли меня такою, какъ я наряжалась бывало для загороднаго гулянья, вы не подумали бы, какъ можетъ быть думаете теперь, что я только хвалюсь, будто бы не желала брилліантовъ. Вы увидѣли бы, нужны ли они хорошенькой женщинѣ! О, я умѣла наряжаться, Владиміръ Алексѣичъ!—Ахъ, теперь не то!—Сердце состарилось! Какъ-то не приходило въ голову принарядиться и для васъ, хоть я очень любила васъ; или, если приходило, то или недосугъ, или забудешь, или полѣнишься. А тогда, для кого я наряжалась?—Ни для кого, разумѣется. Когда, бывало, бываешь влюблена, конечно, скучно проводить по цѣлому часу передъ зеркаломъ. Но когда не о чемъ и не о комъ было думать, — о, я умѣла наряжаться! — ни для кого, потому что для всѣхъ, это значитъ ни для кого, для себя самой; да, саму это тѣшило.

И это было всего два года назадъ. Вы видите, и въ двадцать лѣтъ я была еще довольно пустою дѣвчонкою. Но уже знала цѣну себѣ и не желала мишурной роскоши. А разсудительна была я съ дѣтства. Если не любить, то можно держать любовника въ рукахъ: пусть, это правда;.....

(На этомъ рукопись прерывается).

Cambridge: Printed by John Clay, M.A. at the University Press.